

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТЕРРИТОРИИ И НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
БУ ВО ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – Югры
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт гуманитарного образования и спорта
Кафедра всеобщей истории и археологии
Югорская лаборатория археологии и этнологии
ТОВОЛЬСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ НАУЧНАЯ СТАНЦИЯ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ГОРОДА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

г. СУРГУТ, СурГУ
14 ноября 2014 года

г. Курган
2015

Редакционная коллегия:

д.и.н., профессор В.Б. Жиромская
(председатель редколлегии, Институт российской истории РАН),
к.и.н. И.Н. Стась
(отв. редактор, Сургутский государственный университет),
к.и.н., доцент М.А. Авимская
(Сургутский государственный университет),
к.и.н. А.С. Иванов
(Сургутский институт нефти и газа)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города /
Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). – Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. – 820 с.

ISBN 978-5-9907107-2-6

Сборник научных статей содержит материалы Всероссийской конференции с международным участием «Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города» (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.), отражающие современное состояние исторической урбанистики в России. Представлены исследования по теории и историографии отечественной урбан-истории. На основе междисциплинарного подхода анализируются проблемы города и урбанизации в истории России. В центре внимания авторов также вопросы развития городской среды и повседневности, эволюции образов городского пространства и городской идентичности.

Издание предназначено для историков, социологов, демографов, географов, экономистов, философов, архитекторов и всех тех, кто интересуется вопросами исторической урбанистики.

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
Майкла Кербоу «Their Refinement of the Decline»*

ISBN 978-5-9907107-2-6

© Коллектив авторов, 2014
© Сургутский государственный
университет ХМАО-Югры, 2015
© ООО «Курганский Дом печати», 2015

Российская историческая урбанистика находится в процессе институционализации. В переписке по вопросам проведения конференции «Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города» с челябинским историком С.А. Бакановым, чей текст открывает сборник научных статей, известным ученым было замечено, что конференция «весьма новаторская и, по сути, первая в России с такой постановкой вопроса». Подобная оценка С.А. Баканова подтверждает, что насколько велика необходимость проведения такого научного форума. Целью конференции, обозначенной в информационном письме, являлось формирование поля для научного дискурса и диалога между историками-урбанистами и другими учеными, изучающими город и урбанизационные процессы. Организаторы конференции делали упор на репрезентацию новой методологии и раскрытие теоретических и историографических проблем исторического знания на основе междисциплинарных исследований урбанистики. Надеемся, что конференция стала важным шагом на пути к институционализации отечественной урбан-истории.

Что удалось достигнуть? Во-первых, это географический охват конференции, благодаря которому можно уверенно делать выводы о состоянии исторической урбанистики во всероссийском масштабе. Всего было подано 157 заявок, из которых к публикации было рекомендовано 77. География участников конференции включала территорию России (147 заявок) и стран ближнего зарубежья (10 заявок) – Украина (3), Казахстан (2), Белоруссия (2), Молдова (1), Армения (1), Узбекистан (1). Статьи были присланы из 52 городов. Наиболее активными были исследователи-урбанисты из Москвы, Иркутска, Санкт-Петербурга, Тюмени, Екатеринбурга, Нижневартовска, Сургута, Омска, Владивостока, Ростова-на-Дону, Барнаула, Новосибирска, Самары, Улан-Удэ и Курска. Из этих городов пришло 4 и более заявки. Полученные материалы существенно дифференцируются по количеству учреждений и организаций, откуда родом участники конференции. Всего в конференции приняли участие представители 83 вузов, 16 научных учреждений и институтов Российской Академии Наук, 7 учебных, образовательных, муниципальных и других учреждений. Высок удельный вес заявок, присланных остепенёнными авторами-учеными (26% – докторов наук, 52% – кандидатов наук, 10% – аспирантов, 12% – магистрантов и студентов) и профессорско-преподавательским составом (84% – профессоров и доцентов). Статистика показывает, что тема-

тика конференции – историческая урбанистика – является сегодня очень популярным и актуальным направлением в социально-гуманитарных науках как в центре, так и в провинции.

Заявленный для обсуждения на конференции круг проблем был весьма широким и разнообразным (25 тем), в силу чего существовала опасность, что для специалистов он мог показаться слишком эклектичным и не нацеленным на решение поставленных задач. Однако широкая тематика давала возможность выявить основные вопросы и направления в исторической урбанистике России. В конечном итоге все предложенные в информационном письме научные проблемы и присланные статьи были объединены в шесть разделов, названия которых отражают интересы российских историков-урбанистов.

Первый раздел «Историческая урбанистика: проблемы теории и историографии» был наиболее важным, поскольку показывал развитие и сегодняшнее состояние урбан-истории в России. Как оказалась, материалы для этого раздела было сложнее всего собрать. Связано это с объективными инерционными традициями отечественной исторической науки, в которой теоретические вопросы редко выступают в центре исследований, а транзит новейших методологических достижений прерывается слабой научной коммуникацией. Однако, видится, что собранные материалы дают значительное представление об исторической урбанистике как новом направлении в российской историографии, показывают основные проблемы и перспективы.

Второй раздел «Города в Средние века и Раннее Новое время» должен был в первую очередь ответить на вопрос – в каких формах существовала урбанизация до эпохи индустриализации? В отечественной историографии присутствует дискуссионная точка зрения, что мировая и российская урбанизация началась только в эпоху промышленного переворота. Материалы раздела оспаривают это утверждение, раскрывая эволюцию городской общности и системы расселения в доиндустриальные времена.

Авторы третьего раздела «Урбанизационные процессы в Российской империи» на богатых статистических данных раскрывают бурное городское развитие в XVIII – начале XX вв. в хронологических рамках Европейской России и Сибири. Статьи конструируют урбанизацию империи через призму формирования экистической структуры и градостроительных факторов, социально-демографических характеристик и географии социальной стратификации.

В центре внимания четвертого раздела «Советская и постсоветская урбанизация» развитие городов в промышленных райо-

нах Советского Союза и современной России: Дальний Восток и юг России, Поволжье, Урал, Западная и Восточная Сибирь. Авторы сконцентрировались на различных феноменах урбанизации: от устоявшихся – территориального расселения, градостроительства и миграционно-демографических процессов, до новых – роли предпринимательства и депортации народов, жизни закрытых атомных и малых городов, пригородов. К сожалению, содержание раздела не дает ответа на возможно главный дискуссионный вопрос при изучении городов этого периода: была урбанизация Советского Союза «настоящей» в русле мирового цивилизационного развития или все же ее стоит оценивать как псевдоурбанизацию, квазиурбанизацию, слободизацию или принудительную урбанизацию? Эта проблема требует проведения отдельной научной конференции.

Количество статей пришедших в рамках тематики пятого раздела «Городская среда и повседневность» доказывает, что наиболее популярными в российской исторической урбанистике сегодня являются исследования в области социокультурной антропологии города. Историки в основном останавливаются на истории городского благоустройства, социальных и культурных учреждений, девиантного поведения и повседневности. Проблематика эволюции городской среды и практик повседневности в городах настолько территориально и хронологически обширна в России, что можно спрогнозировать выход в свет в ближайшем будущем обобщающих и теоретических работ в этой сфере.

Не меньше пришло заявок по проблематике шестого раздела «Образы городского пространства и идентичности горожан», что свидетельствует об высокой актуализации в исследовательской среде воображаемой географии и изучения территориально-пространственной идентичности как факторов урбанизации и становления городского сообщества. Однако в отличие от работ пятого раздела, большинство статей шестого раздела были лишены ретроспективного анализа и принципов историзма, что, естественно, оставляет их вне орбиты исторической урбанистики. Поэтому по данному разделу было опубликовано лишь $\frac{1}{3}$ присланных статей. Это также говорит о молодости темы городских образов и идентичностей в отечественной науке: не сложились еще методики репрезентации посредством исторического научного нарратива. Тем не менее авторы раздела затрагивают перспективные проблемы развития городских образов в истории и роли исторических (во многом традиционных и мифологических) корней в формировании современных городских брендов.

Следует отдельно отметить, что 8 ноября 2014 г. в рамках конференции «Историческая урбанистика: прошлое и настоящее горо-

да» и XI Всероссийской конференции «Тобольск научный – 2014» в г. Тобольске состоялся круглый стол «Историческая урбанистика в России и Сибири». В круглом столе приняли участие сибирские ученые-историки: А.И. Татарникова (г. Тобольск), Н.И. Загороднюк (г. Тобольск), Н.Н. Родигина (г. Новосибирск), И.Н. Стась (г. Сургут), М.Ф. Ершов (г. Ханты-Мансийск), А.Ю. Конев (г. Тюмень), М.Г. Меерович (г. Иркутск), А.С. Иванов (г. Сургут), Т.А. Кибардина (г. Тобольск) и др. Круглый стол великолепно вел д.и.н., профессор Ю.М. Гончаров (г. Барнаул). Обсудив узловые проблемы сибирской урбан-истории, круглый стол рекомендовал создание научного периодического журнала по исторической урбанистике.

Организаторы конференции сердечно благодарят коллег, без которых было бы невозможно проведение конференции и публикация сборника научных трудов: д.б.н., профессора, проректора по научной и инновационной работе СурГУ Ольгу Геннадьевну Литовченко, которая впервые высказалась за проведение конференции по исторической урбанистике и чья управленческая деятельность способствовала финансированию и проведению научного форума; к.и.н., доцента, заведующего кафедрой всеобщей истории и археологии СурГУ Марину Аскольдовну Авимскую, чья активная поддержка идеи конференции сыграла главную роль в ее воплощении; д.и.н., профессора Юрия Михайловича Гончарова (Алтайский гос. ун-т), к.и.н., доцента Анну Ивановну Татарникову (Тобольская комплексная научная станция УрО РАН), к.и.н., доцента Алексея Юрьевича Конева (Тюменский гос. нефтегаз. ун-т), взявших на себя труд проведения тематического круглого стола в г. Тобольске; д.и.н., профессора, председателя Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии Валентину Борисовну Жиромскую (Институт российской истории РАН) за содействие в организации конференции и кураторство данного проекта.

Проведенная в рамках конференции работа позволяет зафиксировать общее состояние современных исследований российской исторической урбанистики. Достигнутый уровень научных знаний дает представление о содержании новаторских концепций и интерпретаций урбанизации в истории России и постсоветского пространства. Совокупность рассмотренных вопросов показывает наличие исследовательских и источниковых лакун, спорных позиций, а также перспектив научной работы.

Отв. редактор И.Н. Стась.

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 93/94

Баканов Сергей Алексеевич
доктор исторических наук, доцент
Челябинский государственный университет
г. Челябинск
bakanov-s@mail.ru

«URBAN HISTORY» И ТРЕНДЫ КОНЪЮНКТУРЫ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ОТРАСЛЕВЫХ ЖУРНАЛОВ

В статье предлагаются количественные оценки трендов конъюнктуры в американской и британской историографии городской истории на основе изучения библиографической базы данных по оглавлениям журналов «Journal of urban history» и «Urban history yearbook» за сорокалетний период с 1974 по 2014 гг.

Ключевые слова: городская история, историческая урбанистика, библиографическая база данных, американская и британская историография, количественная историография.

Bakanov Sergey Alekseevich
doctor of historical sciences, associate professor
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk
bakanov-s@mail.ru

«URBAN HISTORY» AND TRENDS OF CONJUNCTURE: EXPERIENCE IN THE QUANTITATIVE STUDY OF THE AMERICAN AND BRITISH SCIENCES JOURNALS

The article offers quantitative estimates of trends in the conjuncture of the American and British historiography of Urban History, based on a study of bibliographic databases on the tables of contents of journals «Journal of urban history» and «Urban history yearbook» for the forty-year period from 1974 to 2014.

Keywords: urban history, historical urban studies, bibliographic database, the American and British historiography, quantitative historiography

Изучение городской истории в России только начинает свое становление, в то время как в западной (англоязычной) историографии оно имеет уже более чем сорокалетнюю традицию. Так, в Великобритании первая исследовательская группа по городской истории появилась в 1962 г., а с 1974 г. она начала издавать ежегодник «Urban history yearbook». В Канаде с 1972 г. издается научный журнал «Urban history review». В 1974 г. свое специализированное научное издание появилось и в США – «Journal of urban history». С 1988 г. действуют американская и европейская ассоциации городской истории. Наличие отраслевых журналов и независимых ассоциаций ученых позволяет говорить об институциональном оформлении нового направления исторической науки – городской истории.

Целью данного проекта является изучение с помощью метода баз данных магистральных трендов конъюнктуры в городской истории и выявление субнаправлений в этой новой научной области. Источниками данных стали оглавления трех вышеназванных отраслевых журналов (американского, английского и канадского) с 1972/74 г. по 2014 г., т.е. за 40 и более лет. На их основе была составлена база данных «Urban history», включившая в себя информацию о каждой научной статье, вышедшей на страницах соответствующего издания. Вне базы остались разделы оглавления журналов, посвященные рецензиям, обзорам литературы, конференциям, некрологам и т.п. К настоящему моменту закончены внесение данных, их перевод и аналитическая обработка только по двум изданиям – американскому и английскому. Тем не менее, это два наиболее влиятельных в мире специализированных журнала по исторической урбанистике, которые, к тому же, демонстрируют некоторые национальные особенности и традиции американской и английской городской историографии. Выявление этих особенностей выступает в качестве одной из самостоятельных задач исследования.

В таблицу программы ACCESS было внесено 1325 записей по американскому изданию «Journal of urban history» и 563 записи по английскому журналу «Urban history yearbook». В таблицу вносилась информация о научных статьях, включающая как библиографические переменные: автор, название на английском языке, название на русском языке (перевод был сделан автором данной статьи), название журнала, год издания, номер и выпуск журнала; так и аналитические переменные: сфера интересов, проблематика, географический регион, название конкретного города, исто-

рический период. Таким образом, всего 11 переменных, ставших столбцами базы данных. Если библиографическая информация в базе представлена на 100%, то по аналитическим переменным валидность данных оказалась существенно ниже. Это объясняется ограниченностью возможностей анализа только заголовков статей для классификации их содержания. Естественно, что, не открыв саму статью, очень сложно сделать вывод о ее принадлежности, например, к тому или иному субнаправлению городской истории. Однако, в тех случаях, где из названия это было очевидно (указана понятная проблема, присутствуют хронологические и географические рамки и т.п.) соответствующая запись вносилась в базу.

Американский журнал «Journal of urban history» в 1974–94 гг. имел периодичность 4 номера в год, затем – 6 номеров, в каждом из которых печаталось в среднем 6–8 научных статей, а остальной объем издания наполнялся рецензиями и обзорами. Круг авторов журнала оказался довольно широк – более тысячи авторов на 1325 статей. Причем, более трех раз за 40 лет опубликовались только 14 человек, среди которых такие крупные исследователи города и социальные историки как Карл Эбот, Арнольд Р.Хирш, Брюс М. Стэйв, Ховард Сподек, Эндрю Лис, Энн Китинг и др.

По географическим рамкам удалось локализовать, опираясь на заголовки, только чуть более половины статей (705), из них: 54% (381 статья) посвящены истории городов США (следует заметить, что из нелокализованных статей, по всей видимости, абсолютное большинство также опирается на американский материал); далее с большим отрывом следуют города Ближнего и Дальнего Востока (48), Великобритании (47), стран Латинской Америки (36), Франции (34), Германия (28), Канады (20), Австралии и Океании (12); с 1994 г. появляется относительно большая группа статей, посвященных европейскому городу в целом (20); суммарное же количество статей по истории европейских городов 136, т.е. менее 20% от общего числа локализованных статей; российский или советский город стал предметом рассмотрения в 17 публикациях. Среди работ по истории городов США присутствует довольно обширная группа, ориентированная на выявление особенностей городов американского Юга (11).

По хронологическим границам удалось локализовать только 390 статей, подавляющее большинство из которых были посвящены XX веку (176 статей). Далее по популярности идет XIX в. (75 текстов) и отдельно совместный период XIX–XX вв. (59); XVIII столетие затрагивается в 30 статьях; начало нового времени в 29; средние века в 26. Примечательно, что истории древнего мира за 40 лет было уделено внимание только в одной публикации. Среди

нелокализованных статей также, по всей видимости, преобладают тексты, посвященные современному городу XX–XXI вв.

Несомненный интерес вызывает и выборка городов, оказавшихся в центре внимания авторов. Даже беглый взгляд позволяет сделать вывод о том, что в американской историографии городской истории безраздельно господствуют большие города, настолько, что можно поставить знак равенства между американской городской историей и «Metropolitan history». Понятие малый город встречается в названиях статей лишь 4 раза. Всего же названия городов встречаются в 382 статьях, в том числе Нью-Йорк – 59 раз, Чикаго – 27, Париж – 16, Филадельфия – 15, Лондон – 14, Лос-Анджелес – 14, Новый Орлеан – 11, Милуоки – 10, Атланта – 7, Сан-Франциско – 7. Из российских городов 6 раз встречается Санкт-Петербург/Ленинград, 2 раза Москва и 1 раз Калининград. Из неамериканских городов интерес для авторов, как правило, представляют столицы (Берлин, Мадрид, Мехико, Пекин), крупные туристические центры (Барселона, Флоренция) и глобальные города (Сидней, Рио-де-Жанейро, Торонто).

Сфера интересов авторов статей преимущественно лежит в русле социальной истории. На ее долю приходится около 40% всех публикаций из 798, которые удалось локализовать по тематике. Еще 18% составляют публикации по политической истории, 13% – по истории градостроительства, 12% – по культурной истории и только 7% – по экономической истории.

Проблематику исследований удалось локализовать в 849 статьях, что позволило выявить ряд устойчивых кластеров, вокруг которых группируются основные проблемы городской истории в американской историографии. Социальная тематика и здесь оказалась наиболее популярной: в 63 статьях в центре внимания оказываются расовые вопросы; 53 статьи в разных аспектах затрагивают проблему жилья; 42 статьи анализируют особенности пригородного расселения и образа жизни; 36 статей раскрывают этническую ситуацию в городах и особенности городской жизни представителей отдельных национальностей; 31 статья отражает гендерную тематику; 27 статей касаются проблем городской экологии; в 23 статьях описывается состояние рабочего класса; по 20 статей посвящено городскому планированию и транспортной проблеме городов; по 16 статей представлены проблемы истории архитектуры, образования и религии в городе; по 12–13 статей приходится на проблематику, связанную с городскими реформами, городским обновлением, деятельностью городских сообществ, гетто и вопросов ЖКХ; столько же удалось обнаружить статей в жанре биографии города; по 6–10 статей затрагивают проблемы насилия, преступ-

ности, городских беспорядков и истории полиции. Довольно любопытным представляется тот факт, что в рассматриваемый период удалось обнаружить лишь очень небольшое количество публикаций, в названиях которых присутствовала бы история повседневности – 8 статей, или проблематика визуальной истории – 6 статей (все в одном номере). Данный факт может свидетельствовать о том, что отмечаемые в современной исследовательской литературе «великие повороты» в мировой историографии (культурологический и визуальный) относительно слабо затронули американскую городскую историю. Доминирование социальной проблематики, интерес к городу как к процессу, использование социологических и статистических данных, а также количественных методов анализа – все это является признаком так называемой «новой городской истории», которая с конца 1960-х гг. является наиболее влиятельным направлением в городской истории США.

Английское издание «Urban history yearbook» в 1974–1991 гг. существовало в формате ежегодника, затем было преобразовано в научный журнал «Urban history», имевший периодичность в 1992–1994 гг. два номера в год, а в 1995–2011 гг. – три номера в год, а с 2012 г. издание имеет четырехразовую периодичность и выходит под названием «Urban history. Journal Cambridge on-line». В каждом номере печаталось в среднем 6–7 научных статей, а остальной объем издания, так же как и в американском журнале, наполнялся рецензиями и обзорами. Круг авторов, опубликовавших в журнале за сорок лет его существования, составил 480 человек, из которых более трех раз выступили со статьями только: Барри М. Дойл, Ричард Роджер, Алан Мэйн, Билл Лакин, Каролин Миллер, Ник Хейс, Питер Ларкхэм, Р.Дж. Моррис и Роберт Титтлер. Таким образом, сообщество «городских историков» в Великобритании, как и в США, весьма обширно, а сам журнал не является «домашним» для какой-либо одной группы ученых.

По географическим рамкам удалось локализовать 423 статьи из 563. Из них почти половина – 202 статьи (47%) затрагивают историю городов Британии, в том числе городов Англии (там, где в названиях подчеркнуто фигурирует именно «Англия») – 44, Шотландии – 15, Уэльса – 8 (среди нелокализованных статей доля Британии, по всей видимости, также преобладает, так что итоговый процент будет еще выше). Городам стран, в разное время входивших в состав Британской империи, посвящено 62 статьи (14%), в том числе: США – 30 статей, Индии – 18, Канаде и Австралии – по 7, ЮАР – 4, Ирландии – 3. Европейский город находит свое отображение в 108 статьях (25%), в том числе: города Италии – в 20, Германии – 16, Испании и Франции – по 13, Нидерландов (в том числе и Бельгия)

– 14, города Центральной и Восточной Европы – 16, Скандинавии – 6, еще 10 публикаций охватывают европейские города в целом. Из городов остального мира заметен интерес к Китаю – 18 публикаций, Ближнему Востоку – 11, Латинской Америке – 6, Японии – 5. Российский город встречается на страницах журнала всего три раза и во всех случаях речь идет о Москве.

По хронологическим границам удалось локализовать 368 публикаций, из которых почти половина охватывают исторические периоды, не вмещающиеся в границы одного столетия. Весьма распространены широкие временные интервалы, такие как «средневековье» – 46 статей (12%), «ранняя современность» (начало нового времени, XVI – XVII вв.) – 60 статей (16%). XVIII в. нашел свое отражение в 62 публикациях (16%), XIX в. встречается в названиях 132 текстов (35%), события XX столетия затрагиваются, так или иначе, в 149 статьях (около 40%, если же учитывать, что среди нелокализованных статей большая часть, по всей видимости, также посвящена современному состоянию городов, то доля XX столетия может превысить половину). Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от американской городской историографии, в Британии наблюдается устойчивый интерес к более ранним эпохам – позднему средневековью и раннему новому времени, но, как и за океаном, интерес к античным городам минимален – всего 2 публикации.

Названия отдельных городов в английском журнале встречаются в 245 статьях. Несомненным лидером здесь выступает Лондон (40 публикаций). Идущему на втором месте Бристолу уделено внимание в 7 статьях. Из городов Великобритании более одной статьи посвящено Манчестеру и Лестеру – по 5 (примечательно, что в Лестере расположен старейший в мире центр городской истории), Норвичу, Ноттингему, Честеру, Бирмингему, Эдинбургу и Глазго – по 3, Портсмуту, Ливерпулю, Кембриджу и Белфасту – по 2. При этом бросается в глаза внимание, которое уделяет британская историография малым городам – около 30 публикаций. В почти половине из этих статей в названии фигурирует понятие «малый город». Таким образом, изучение развития малых городов для британской историографии не является периферийным, в отличие от американской традиции. Среди городов остального мира устойчивый интерес британские авторы демонстрируют к Берлину, Риму и Милану (по 5 статей), Лос-Анджелесу – по 4, Бомбею, Флоренции, Тель-Авиву, Стамбулу, Парижу, Москве – по 3, Нью-Йорку, Чикаго, Каиру, Ибадану, Мадриду, Барселоне, Венеции, Афинам, Будапешту, Кельну, Шанхаю и Цинциннати – по 2.

Сфера интересов британских авторов, так же как и у их американских коллег, лежит в русле социальной истории, на долю кото-

рой приходится 34% публикаций из 499, которые удалось локализовать по данному признаку. Политическая и культурная история занимают по 15% каждая, на долю экономической истории приходится 11%, истории градостроительства уделяется внимание только в 5% локализованных публикаций. При этом по сравнению с американским журналом, гораздо чаще британское издание публикует аналитические статьи историографического характера (и это без учета соответствующих рубрик журнала в которых обычно публикуются рецензии и обзоры) и в особые группы здесь можно выделить работы по городскому источниковедению (18 публикаций) и городской археологии (6 статей).

Проблематику исследований авторов британского журнала удалось локализовать в 429 статьях (76%). Как и в Америке, здесь преобладает социальная тематика: проблемы здравоохранения в городах разных эпох и стран раскрываются в 16 публикациях; столько же текстов посвящены жилищному вопросу; в 13 статьях уделено внимание коммунальному хозяйству городов, в том числе проблемам водоснабжения, освещения улиц и вывоза мусора; в 12 публикациях проанализировано развитие пригородов; по 11 статей затрагивают гендерную и классовую проблематику. При этом, в отличие от американской историографии, в Британии довольно мало статей наблюдается в таком сегменте как изучение расовых, этнических и религиозных проблем городов, деятельности городских сообществ и вопросов городской идентичности. Градостроительная тематика в виде сюжетов о городском планировании, пространственных формах и структурах городов, а также о городской архитектуре встретила в 25 публикациях; политические сюжеты в виде вопросов городского управления, деятельности городских элит и институтов гражданского общества в 20 статьях. Любопытным представляется интерес британских авторов к музыкальной и звуковой культуре городов. В двух специальных тематических номерах журнала этим вопросам было посвящено 15 статей. Специальные номера журнала обычно были сориентированы на исследование достаточно экзотично звучащих проблем, как например: нумерация домов и наименование улиц в истории; город и искусство; музыка и городская история; визуальная история; спортивные сооружения и современный урбанизм. Выходило и несколько географически детерминированных номеров о городах Уэльса, Шотландии, Индии и Китая.

Даже относительно поверхностные количественные оценки специальной научной периодики по изучаемому направлению позволяют выделить некоторые устойчивые общие тенденции, характерные как для американской, так и для британской историографии

городской истории: 1) обширность сообщества городских историков (демонстрируемая численностью уникальных авторов журналов) и высокая степень институционализации направления «Urban history» в обеих странах (специализированные журналы действуют там при профессиональных ассоциациях исследователей); 2) продолжительный крен в сторону социальной истории при асимметрии развития других направлений – политической, экономической, культурной истории; 3) ориентация на «внутреннюю» (национальную) городскую историю и, следовательно, на специфические «внутренние» проблемы (например, в США – это расовый вопрос, а в Британии – колониальные сюжеты); 4) неослабевающий интерес к глобальным городам и историко-туристическим центрам; 5) преобладающее внимание к современному городу и постепенное затухание интереса по мере погружения вглубь веков; 6) предпочтение крупным городам в ущерб городам малым; 7) относительная редкость публикаций методологического и общетеоретического характера (последнее наблюдение может объясняться наличием в англоязычной научной литературе отраслевых журналов по городской теории и городской социологии, которые могут выступать источниками идей для направления городской истории).

* * * * *

УДК 94(571)

Гончаров Юрий Михайлович
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет
г. Барнаул
yuriig@yandex.ru

БАРНАУЛЬСКАЯ ШКОЛА ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДОВЕДЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Статья посвящена историографическому обзору развития научной школы исторического городоведения Сибири в городе Барнауле в конце XX – начале XXI веков.

Ключевые слова: Сибирь, город, Барнаул, историография, научная школа.

Goncharov Yuri Mikhailovich
doctor of historical sciences, professor
Altai State University
Barnaul
yuriig@yandex.ru

BARNAUL RESEARCH SCHOOL OF HISTORICAL URBAN STUDIES AT THE END OF THE 20TH – BEGINNING OF THE 21TH CENTURIES

The article is devoted to historiographical review of the development of scientific school of historical urban studies of Siberia in the city of Barnaul in the end of the 20th – beginning of the 21th centuries.

Keywords: Siberia, city, Barnaul, historiography, research school.

Историческая наука в Барнауле имеет давние традиции. В до-революционный период история Алтая привлекала внимание большого числа естествоиспытателей, общественных деятелей, статистиков, путешественников [14]. Наследие, оставленное ими, еще не в полной мере освоено.

С конца XIX в. в Барнауле появляются краеведы, интересовавшиеся различными сторонами прошлого региона. Довольно широко, например, известны имена С.И. и Н.С. Гуляевых. Видным событием в культурной жизни города стало издание в 1890 г. историко-статистического сборника «Алтай», составленного по инициативе П.А. Голубева. Истории города, прежде всего городского самоуправления, была посвящена книга «Очерки Барнаула» (Томск, 1906), написанная политссыльным Г.Б. Баитовым, работавшим столоначальником городской управы.

Свидетельством активной краеведческой работы является издание «Алтайского сборника» – печатного органа краеведов Барнаула и Алтая. С 1894 г. он издавался Обществом любителей исследования Алтая, с 1902 г. – Алтайским подотделом Западно-Сибирского отдела РГО, в советское время – Алтайским отделом Географического общества (вплоть до 1930 г. вышло 12 выпусков).

В последующие годы Барнаул всегда отличался сильными краеведами, искренне преданными делу изучения прошлого Сибири [99]. Редким примером является, в частности, деятельность артели «Краевед» в 1925–1931 гг., члены которой занимались сбором и публикацией документов и воспоминаний по истории Алтая, выступали с лекциями и беседами [45, С. 26].

Традиции краеведения были сильны и в дальнейшем. Можно назвать имена А.Д. Сергеева, Н.Ф. Гришаева, Я.Е. Кривоносова и многих других, посвятивших свою жизнь изучению прошлого Барнаула и Алтая.

Краеведческая работа сильна в городе и в наши дни. В городе действует Алтайская краеведческая ассоциация при Российском фонде культуры (издательское направление работы в ней возглав-

ляет В.А. Скубневский), работает Лаборатория исторического краеведения в БГПУ. С 1991 г. возобновлено издание «Алтайского сборника». При Алтайском государственном краеведческом музее в 1999 г. возобновлено издание журнала «Краеведческие записки», выходившего в 1950-х гг., редактором которого является В.А. Скубневский. Выходят разнообразные календари знаменательных и памятных дат, библиографические издания, например, серия библиографических указателей «Краеведы Алтая» [9; 107; и др.]. Широку исследовательскую и издательскую работу ведет Государственный архив Алтайского края.

С открытием в 1973 г. Алтайского государственного университета, в составе которого был образован и исторический (первоначально историко-филологический) факультет, историческая наука на Алтае становится на прочную базу. Главным направлением работы историков АлтГУ становится изучение социально-экономической истории Алтая. Организационным центром этой работы явилась кафедра отечественной истории, образованная в 1976 г., а ее вдохновителем профессор Александр Павлович Бородавкин. Именно по его инициативе в Барнауле начинают развиваться городоведческие исследования. Так, под его руководством еще в 1971 г. В.А. Скубневским в ТГУ была защищена кандидатская диссертация по теме «Социально-экономическое развитие города Барнаула в период капитализма. 1861–1914 гг.».

В 1986 г. под редакцией А.П. Бородавкина и В.А. Скубневского выходит первый сборник статей, специально посвященный истории городов – «Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма)» (Барнаул, 1986). Сборник показал многоаспектный подход барнаульских историков к изучению городов. В его статьях были рассмотрены проблемы градообразования, социально-экономического развития, управления, городской архитектуры, классовой борьбы в городах.

К концу советского периода сибирская историческая урбанистика имела уже давние традиции [76; 47] и накопила значительный историографический багаж [81]. К этому времени сложились несколько направлений и в сибирском городоведении: собственно историческое, историко-демографическое, экономико-географическое, историко-архитектурное, что заложило базу для того, чтобы в дальнейшем выработать междисциплинарный подход к проблеме изучения города.

Историками активно изучались демографическое развитие, состав населения, управление, торговля, культура, архитектура, общественно-политическая жизнь, взаимоотношение города и деревни, история отдельных городских центров. В сибиреведческой литературе сложилось мнение, что среди русских про-

винциальных городов города Сибири занимают особое место. Связано это, как со спецификой региона, так и с рядом особенностей их формирования, исторического и социального развития.

В 90-е гг. прошлого века начинается новый этап отечественной историографии. Развитие исторического сибиреведения в этот период определялось общими для состояния исторической науки в нашей стране условиями, связанными с ростом общественного интереса к истории, пересмотром теоретико-методологических основ исторического исследования, изменением условий финансирования науки и организации научного сотрудничества [75, С. 4].

В числе прочего, изменения проявились и в расширении проблематики исследований. Именно в эти годы историческое городоведение становится одним из главных направлений, разрабатываемых барнаульскими историками.

В частности, значительно усилился интерес к истории предпринимательства. При этом, историческая наука Сибири, в отличие от других регионов, имевшая в своем активе значительные достижения советского периода по изучению истории буржуазии, быстро стала в общероссийском масштабе лидером по изучению истории предпринимательства. В 1990-е гг. проходит ряд конференций, издаются сборники статей, выходят монографические работы, учебные пособия по данной проблематике [85].

Крупнейшим центром изучения буржуазии, купечества, предпринимательства дореволюционной Сибири становится в эти годы Барнаул. Здесь под руководством профессора В.А. Скубневского сложилась научная школа, занимающаяся разработкой данной проблематики (В.Н. Разгон, А.В. Старцев, А.М. Мариупольский, М.А. Барсукова, Е.В. Гальских, Ю.М. Гончаров и др.) [93, С. 15-16]. Так в 1993 г. в Барнауле вышла книга «Предпринимательство на Алтае. XVIII в. – 1920-е годы» [72], в которой были опубликованы статьи и документы по истории предпринимательства в регионе. В следующем году здесь прошла региональная конференция «Предпринимательство в Сибири» [73]. В последующие годы вышло 3 выпуска (в 1995, 1997 и 2001) тематического сборника статей «Предприниматели и предпринимательство в Сибири». В 2005 г. новосибирское издательство «Сова» выпустило научно-популярное издание «Деловая элита старой Сибири: исторические очерки» (под редакцией А.В. Старцева).

Огромную роль в координации усилий сибиреведов по изучению истории купечества сыграла работа над «Краткой энциклопедией по истории купечества и коммерции Сибири» в 4-х томах и 10 книгах (Новосибирск, 1994–1999), объединившая большой авторский коллектив (38 чел.) под руководством Д.Я. Резуна. Ак-

тивное участие в ней приняли и барнаульские историки. Так, В.Н. Разгон подготовил 83 статьи, Ю.М. Гончаров – 281, А.В. Старцев – 143, В.А. Скубневский – 216. В 2012–2013 гг. вышло переиздание этой книги под названием «Энциклопедический словарь по истории коммерции и купечества Сибири» в 2-х т.».

Некоторые работы барнаульских историков по истории предпринимательства были переведены на иностранные языки и опубликованы в зарубежных журналах [111; 112; 113]. По данной проблематике был защищен ряд кандидатских (Е.В. Гальских, М.А. Барсукова, Ю.М. Гончаров, А.М. Мариупольский, А.И. Митин, Р.Д. Галиева, Н.Ю. Кошенова, Н.Л. Сорокина) и докторских (В.Н. Разгон, А.В. Старцев) диссертаций.

Среди изучаемых аспектов были: развитие отдельных отраслей торговли и промышленности Западной Сибири (текстильная торговля, мукомольная промышленность, винокурение и виноторговля, золотопромышленность, внешняя торговля, маслоделие и маслоторговля и др.), правовое положение и социальный статус предпринимателей, формирование купеческого сословия, национальные группы предпринимателей [12], купеческая семья, быт купечества, торговые служащие, участие предпринимателей в общественной жизни, благотворительность и менталитет [7; 11; 67; и др.].

Своеобразным итогом изучения проблемы стали обобщающие монографии В.Н. Разгона «Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в.» (Барнаул, 1999), Ю.М. Гончарова «Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в.» (М., 1999), В.А. Скубневского, А.В. Старцева и Ю.М. Гончарова «Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в.» (Барнаул, 2001), их же «Алтай купеческий» (Барнаул, 2007), А.В. Старцева «Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.)» (Барнаул, 2003), а также учебные пособия А.В. Старцева и Ю.М. Гончарова «История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.)» (Барнаул, 1999) и «Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.)» (Барнаул, 2010; второе издание – Барнаул, 2014) [95; 96].

Тем не менее, изучением только истории предпринимательства историки города не ограничивались. Научное направление, сложившееся под руководством В.А. Скубневского, занималось исследованием более широкого круга проблем, которые можно условно объединить под таким названием, как историческое городоведение.

Изучение истории сибирского города действительно является стержневым для барнаульских историков-сибиреведов. В последние годы именно историческая урбанистика в регионе развивается наиболее интенсивно [27].

Кроме расширения проблематики исследований, продолжают успешно развиваться и направления, сформировавшиеся в советское время. В частности, существует широкий круг литературы, специально посвященный населению городов региона во второй половине XIX – начала XX в. В этих работах исследованы динамика численности, национальный, сословный, классовый состав населения, структура занятости, демографические процессы в городах [21; 58; 61; 82; и др.]. Одним из ведущих в Сибири демографов-урбанистов являлся проф. А.Р. Ивонин (1951–2010). В ряде статей, докторской диссертации и монографии он подробно исследовал население дореформенного города [54]. Разрабатываются также демографические процессы в городской семье [16, С. 135–208], наряду с социальным развитием семьи в историческом прошлом [33; 79; 108; 109; и др.]. Традиционно сильным направлением остается и изучение экономики сибирского города [83; 84; 89; и др.].

Одним из традиционных направлений сибирского городоведения является изучение городского самоуправления. Это направление, сформировавшееся в предыдущий период, в наши дни продолжает активно развиваться, что подтверждается целым рядом диссертаций, монографий, учебных пособий [48; 62; 63; и др.]. Весьма важным является и публикация сборников документов по истории самоуправления [6; 69].

Одним из важных направлений сибирской исторической урбанистики продолжает оставаться изучение культуры городов Сибири. Кроме традиционной проблематики, например, истории образования [50; 52], в последние годы новыми темами, разрабатываемыми историками Барнаула, становятся вопросы облика, застройки и благоустройства городов [28; 15; 55; 56; 92; и др.]. Здесь можно отметить монографию А.Р. Ивонина «Города Западной Сибири в последней четверти XVIII – начале 60-х гг. XIX в. (динамика городского пространства)» (Барнаул, 2009). Новаторскими можно признать работы молодого барнаульского историка Д.С. Дегтярева, занимающегося пригородными зонами городов региона [46].

Наряду с купечеством, продолжают изучаться и другие сословия и социальные группы городского населения дореволюционной Сибири: чиновники [10; 17; 94], военные [18], казачество [53; 57], духовенство [32], интеллигенция [71], торговые служащие [88]. Активно начинает разрабатываться и история самого массового городского сословия – мещанства [19; 42; 68; и др.].

Повышенное внимание к сословным и социальным группам, история которых слабо разрабатывалась в советский период, явление, безусловно, положительное. В то же время, нельзя не отметить, что в постсоветские годы из числа актуальных тем почти

исчезла история рабочих в городах региона, несмотря на то, что рабочая история по-прежнему систематически разрабатывается, как в отдельных научных центрах Европейской России, так и зарубежными историками. Историками Барнаула активно изучается такая слабо исследованная в советский период тема как рабочая семья. По проекту РГНФ был подготовлен сборник статей «Рабочая семья в Сибири» (Барнаул, 2012), ученики проф. Ю.М. Гончарова – Н.В. Никишина и В.Н. Фаронов защитили кандидатские диссертации, на основе которых были изданы монографии [70; 103].

Одним из направлений, активно разрабатываемых представителями барнаульской школы является история европейских диаспор. Наиболее крупными работами последних лет являются монографии В.Н. Шайдурова «Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в.» (СПб., 2013) [105] и Ю.М. Гончарова «Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начала XX в.)» (Барнаул, 2013) [36].

Растет число публикаций источников по другим аспектам истории городов. Издаются и комплексные просопографические источники, содержащие массовые биографические описания различных групп горожан, различные справочные издания. Здесь, кроме упоминавшейся выше «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» под редакцией Д.Я. Резуна, можно назвать такие работы, как книгу В.А. Скубневского, А.В. Старцева, Ю.М. Гончарова «Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: Энциклопедия» (Барнаул, 1996), издание «Названия улиц города Барнаула: историко-лингвистическое описание» (Барнаул, 2003).

Публикации новых архивных материалов, издания документов и других источников расширяют информационное поле исследований городovedов, способствуют становлению и развитию новых исследовательских подходов: историко-антропологического, модернизационного, просопографического, гендерного и др.

Так, например, в рамках гендерного подхода появляются работы как по «женской» истории, посвященные общественной деятельности женщин, женскому образованию, социальному статусу женщины в сибирском обществе [22; 29; 37; 39; 49; и др.], так и по истории мужчин [20; 35].

Общей тенденцией последних лет является то, что происходит постепенное преодоление характерного для советской историографии представления об истории быта как второстепенной проблематике. Появляются и монографические работы, посвященные быту, повседневной жизни горожан этого периода [25; 26]. В рамках этой проблематики изучаются досуг и развлечения горожан [38 и др.],

праздничная культура [24; 64; 106; и др.], повседневная жизнь отдельных категорий населения [30; 51; 104; и др.], общественный быт [8 и др.], ценностные ориентации и социальные нормы [66]. В Барнауле вышел сборник статей, специально посвященный повседневности сибирского города [44], а также учебное пособие для студентов исторического факультета АлтГУ [34].

Тем не менее, несмотря на рост интереса историков к истории города, быт и культура горожан дореволюционной России остается малоизученным, особенно на материалах провинции. Как справедливо отмечает Д.А. Алисов, – «...особенно отстает отечественная историография с исследованием повседневной жизни и среды обитания человека» [2, С. 3].

В целом, как справедливо отмечал Д.Я. Резун, можно констатировать, что в исторической науке в последние годы значительно усилился интерес к городу как объекту исторического изучения [77, С. 23]. Барнаульская школа исторического городovedения внесла в это значительный вклад, что подтверждается целым рядом монографических работ, тематических сборников статей [43; 44; 74; 86], учебных пособий [31; 65; 87; 97; 98]. Некоторые работы, вышедшие в последние годы, посвящены истории отдельных городов региона [13; 23; 40; 41; 59; 80; и др.]. По городovedческой проблематике защищено несколько кандидатских (А.В. Литягина, К.В. Лен, М.Г. Рутц, О.А. Тяпкина, С.В. Чутчев, О.В. Меженина, Н.В. Бутакова, А.Н. Климова, Д.С. Дегтярев) и докторских (А.Р. Ивонин, Ю.М. Гончаров) диссертаций. Городovedческая проблематика занимает значительное место в серийных изданиях кафедры отечественной истории АлтГУ: «Актуальные вопросы истории Сибири» (10 выпусков, 1997–2013), «Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина» (4 выпуска, 2001–2007), «Современное историческое сибиреведение» (3 выпуска, 2005–2010), «Экономическая история Сибири XX века» (3 выпуска, 2006–2012). Был проведен ряд конференций, специально посвященных городской истории: «Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы» (2005), «Городское самоуправление в России: вчера, сегодня, завтра» (2007), «Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики» (2012).

В наши дни популярным жанром становятся региональные исторические энциклопедии и летописи истории городов. Не обошла эта тенденция и Барнаул. В 1994 г. вышла в свет книга «Барнаул: летопись города. 1701–1919». Дополненный вариант летописи был издан в 2007 г. [5]. Большой авторский коллектив под руководством В.А. Скубневского в течение нескольких лет готовил

издания энциклопедии «Барнаул», которая была опубликована в 2000 г. и была признана одной из лучших региональных энциклопедий России. В 2007 г., также под редакцией В.А. Скубневского вышла в свет энциклопедия «Рубцовск» [78].

Результатом активного развития в последние годы сибирской исторической урбанистики, стало и появление обобщающих работ на основе комплексного исследования городов региона [90]. В монографии «Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. I: Население. Экономика» (Барнаул, 2003) В.А. Скубневский и Ю.М. Гончаров подробно рассмотрели социально-правовое положение горожан, состав и численность населения городов региона, демографические процессы. Был получен ряд новых выводов об изменении экономического значения городов, проанализированы развитие городской промышленности и торговли, а также занятия горожан. Книга получила высокую оценку коллег, в том числе и зарубежных [110]. В 2007 г. вышло второе, дополненное издание книги, где авторы также рассмотрели застройку и благоустройство городов [91]. В 2014 г. подготовлено третье издание.

Среди положительных черт новейшей сибирской историографии можно назвать и то, что сибиреведы основные силы тратили не на ниспровержение (или защиту) парадигм советского периода, а на расширение и углубление проблематики, повышение профессионального уровня своих работ с учетом всех достижений советской историографии.

Несмотря на положительные тенденции последних лет, продолжают сохраняться некоторые особенности историографии предыдущего периода. В частности, основное внимание исследователей привлекают крупнейшие города региона. В то же время научная разработка истории малых городов региона значительно отстает. Это вполне естественно, так как крупнейшие городские центры оказывали значительное влияние на жизнь региона. Однако, нужно иметь в виду, что малые города являются специфическим типом населенных пунктов, играющим особую роль в экономической, культурной и общественной жизни. Систематическое исследование феномена малого города на сибирском материале только начинается [100; 101; 102; и др.].

Кроме сборников вновь выявленных документов и агрегированных источников, немаловажное значение имеет также переиздание ряда источников, изданных еще в дореволюционный период и ставших библиографической редкостью. В частности, все более широко публикуются и источники личного характера: мемуары, дневники, письма, записки путешественников [1; 3; 4; 60].

Среди положительных черт новейшей сибирской историографии можно назвать и то, что сибиреведы основные силы тратили не на ниспровержение (или защиту) парадигм советского периода, а на расширение и углубление проблематики, повышение профессионального уровня своих работ с учетом всех достижений советской историографии.

Таким образом, как показывает краткий обзор новейшей литературы по истории сибирского города второй половины XIX – начала XX в., барнаульскими историками наработана обширная историографическая база. Несомненно, что сибирская историческая урбанистика находится в наши дни на подъеме. В данной ситуации актуальной задачей становится составлении библиографии по дореволюционной истории сибирских городов, поскольку круг существующей литературы настолько обширен, что в нем становится сложно ориентироваться даже специалистам. Кроме того, необходима и крупная историографическая работа по данной проблематике. Положительную роль в координации работы городоведов могла бы сыграть подготовка энциклопедии сибирских городов XIX – начала XX вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Т. 1. Барнаул, 2005. – 446 с.; Т. 2. Барнаул, 2007. – 512 с.; Т. 3. Барнаул, 2009. – 495 с.
2. Алисов Д.А. Урбанизация и культура // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 3-15.
3. Аткинсон Л.Ш. Воспоминания о Татарских Степях: письма из Барнаула. 1848–1853 гг. / пер. с англ. Н. С. Волковой. Барнаул, 2013. 160 с.
4. Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX век. Ч. 1. Барнаул, 2005. – 328 с.; Ч. 2. Барнаул, 2007. 278 с.
5. Барнаул: летопись города – хронология, события, факты / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2007. 424 с.
6. Барнаульская городская Дума. 1877–1996: Сборник документов / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 1999. 306 с.
7. Белонучкина А.В., Дьяченко Ю.С., Мариупольский А.М., Скубневский В.А. История Иткульского спиртового завода. 1868–2003 годы. Красноярск, 2004.
8. Бутакова Н.В. Общественная жизнь горожан Западной Сибири по материалам журнала «Сибирские вопросы» (1905–1912 гг.) // Сибирский город XVIII – начала XX веков: Вып. V. Иркутск, 2005. С. 145–155.
9. Валерий Анатольевич Скубневский: биобиблиогр. указ. / Сост. Т.В. Мякишева. Барнаул, 2005.
10. Ведерников В.В. Горные инженеры Колывано-Воскресенских заводов (1747–1828 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 1998. № 3. С. 27–33.
11. Гальских Е.В. Текстильный рынок Западной Сибири во второй половине XIX в. Барнаул, 2002.
12. Гончаров Ю.М. Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Диаспоры. 2000. № 3. С. 155–172.
13. Гончаров Ю.М. Уездный город Мариинск во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 4. С. 28–33.

14. Гончаров Ю.М. Город Барнаул середины XIX — начала XX в. в описании современников // Краеведческие записки. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 155–161.
15. Гончаров Ю.М. Облик городов Западной Сибири середины XIX — начала XX в. в описаниях современников // Культурное наследие Сибири. Вып. 3. Барнаул, 2001.
16. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул, 2002. 384 с.
17. Гончаров Ю.М. Материальное положение чиновничества Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2002. № 4. С. 20–28.
18. Гончаров Ю.М. Военные в городах Западной Сибири второй половины XIX в. // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 77–87.
19. Гончаров Ю.М. Мещанское сословие Западной Сибири // Преподавание истории в школе. 2002. № 4. С. 46–53.
20. Гончаров Ю.М. «Хозяин жизни»: купечество как тип мужественности // О муже(N)-ственности. М., 2002. С. 397–413.
21. Гончаров Ю.М. Брачность, рождаемость и смертность в городах Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII — начала XX в. Барнаул, 2003. С. 3–27.
22. Гончаров Ю.М. Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX — начале XX в. // Социальная история: Ежегодник, 2003. М., 2003. С. 324–341.
23. Гончаров Ю.М. Уездный город Кузнецк во второй половине XIX — начале XX в. // Алтайский сборник. Вып. 21. Барнаул, 2003. С. 75–101.
24. Гончаров Ю.М. Городские праздники в Западной Сибири в середине XIX — начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 9–15.
25. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 2004. 358 с.
26. Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул, 2004. 132 с.
27. Гончаров Ю.М. Города Сибири второй половины XIX — начала XX в. в новейшей историографии // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 276–284.
28. Гончаров Ю.М. Благоустройство городов Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирский город XVIII — начала XX веков: Вып. V. Иркутск, 2005. С. 35–49.
29. Гончаров Ю.М. Женщины в Сибири XIX — начала XX в.: библиографический указатель. Барнаул, 2008. 70 с.
30. Гончаров Ю.М. Провинциальная женская гимназия: повседневность глазами учителя // Уральский исторический вестник. 2008. № 1. С. 68–76.
31. Гончаров Ю.М. Историческое краеведение города. Ч. I. Быт горожан Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Учебное пособие. Томск, 2009. — 252 с.
32. Гончаров Ю.М. Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1. С. 63–66.
33. Гончаров Ю.М. Историческое развитие семьи в России в XVIII — начале XX в. // REOSIONAG. Institute for Russian and Altaic Studies (Южная Корея). № 8. 2012, February. P. 99–120.
34. Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: учебное пособие. Барнаул, 2012. 214 с.
35. Гончаров Ю.М. Сексуальность как проявление чувства «хозяина жизни» у сибирских купцов XIX — начала XX в. // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX — начале XX в. Вып. 4. Томск, 2012. С. 263–268.
36. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX — начала XX в.). Барнаул, 2013. 174 с.

37. Гончаров Ю.М. Гендерные стереотипы по отношению к сфере сексуальности женщин и мужчин в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирь в империи — империя в Сибири. Имперские процессы на окраинах России в XVIII — начале XX вв. Иркутск, 2013. С. 245–251.
38. Гончаров Ю.М., Бутакова Н.В. Досуг и развлечения горожан Сибири в середине XIX — начале XX в. // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории. Нижневартовск, 2005. С. 205–228.
39. Гончаров Ю.М., Журавлева Н.Н. Развитие женского образования в городах Алтая во второй половине XIX — начале XX в. // Образование и социальное развитие региона. 2003. № 1–2. С. 188–197.
40. Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI — начала XX вв. Барнаул, 2010. 256 с.
41. Гончаров Ю.М., Литягина А.В. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул, 2009. 276 с.
42. Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул, 2004.
43. Города Сибири XVIII — начала XX в. / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2001. 168 с.
44. Города Сибири XVII — начала XX в. Вып. 2: История повседневности / Под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2004. 230 с.
45. Гришаев В.Ф. Артель «Краевед» // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 26.
46. Дегтярев Д.С. Пригородные зоны городов Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул, 2012. 176 с.
47. Дмитриенко Н.М. Дореволюционные авторы о городах Западной Сибири эпохи капитализма // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 98–108.
48. Еремина Л.А. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. Барнаул, 2005. 184 с.
49. Женщина в Сибири в XIX–XX вв.: место в региональном социуме и гендерные роли: сборник науч. статей / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2008. 188 с.
50. Журавлева Н.Н. Первая женская гимназия Барнаула // Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул, 2004. С. 109–118.
51. Журавлева Н.Н. Повседневная жизнь женской школы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Города Сибири XVII — начала XX в. Вып. 2: История повседневности. Барнаул, 2004. С. 176–194.
52. Журавлева Н.Н. Становление женского образования в городах Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирский город XVIII — начала XX веков: Вып. V. Иркутск, 2005. С. 110–123.
53. Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII — первой четверти XIX в. Барнаул, 1996. 226 с.
54. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000. 337 с.
55. Ивонин А.Р. Из истории благоустройства в городах Западной Сибири в конце XVIII — 60-х гг. XIX в. // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. Вып. 1. Барнаул, 2001. С. 35–39.
56. Ивонин А.Р. Формирование городского ядра в городах Западной Сибири во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. Барнаул, 2002. С. 13–29.
57. Ивонин А.Р., Колупаев Д.В. История Алтайского казачества. Алтайские казаки в XVIII — XIX веках. Барнаул, 2008. 168 с.
58. Историко-демографические проблемы Сибири: Сб. ст. / Под ред. В.А. Скубневского, А.Р. Ивонина. Барнаул, 1995. 149 с.
59. Камень-на-Оби: прошлое и настоящее / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2005. 552 с.

60. Клевакин Е.П. Очерки из бийской жизни // Культурное наследие Сибири. Барнаул, 1994. С. 114–127.
61. Компьютер и историческая демография: Сб. науч. ст. / Под ред. В.Н. Владимирова. Барнаул, 2000. 210 с.
62. Лен К.В. Подготовка и проведение городской реформы 1870 г. в Западной Сибири: Автореф. дис. ... к.и.н. Барнаул, 2000.
63. Литягина А.В. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. Бийск, 2001. 168 с.
64. Литягина А.В. Праздничная культура горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Города Сибири XVII — начала XX в. Вып. 2: История повседневности. Барнаул, 2004. С. 215–226.
65. Литягина А.В. Города Сибири второй половины XIX — начала XX веков: Учебное пособие. Бийск, 2004. 112 с.
66. Литягина А.В. Ценностные ориентации и социальные нормы в городах Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Барнаул, 2010. 331 с.
67. Марипольский А.М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863–1902). Барнаул, 2000. 158 с.
68. Меженина О.В. Мещанство Томской губернии в дореформенный период. Барнаул, 2007. 245 с.
69. Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919: Сборник документов / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2003. 694 с.
70. Никишина Н.В., Гончаров Ю.М. Семья горнозаводского населения Алтая второй половины XVIII — первой половины XIX в. Барнаул, 2012. 186 с.
71. Павлов Л.Г. Интеллигенция России во второй половине XIX — начале XX в. в освещении отечественной историографии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. II. Барнаул, 2003. С. 76–79.
72. Предпринимательство на Алтае. XVIII в. — 1920-е гг. / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 1993. 192 с.
73. Предпринимательство в Сибири: Материалы науч. конф. / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 1994. 160 с.
74. Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2005. 321 с.
75. Разгон В.Н. Современное историческое сибиреведение: тенденции последнего десятилетия // Актуальные вопросы истории Сибири: III научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 4–13.
76. Резун Д.Я. Очерки изучения сибирского города: XVIII век. Новосибирск, 1991. 208 с.
77. Резун Д.Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII–XX вв. // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 16–31.
78. Рубцовск: энциклопедия / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2007. 424 с.
79. Семья в ракурсе социального знания: Сб. науч. ст. / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2001. 272 с.
80. Серебряный венец России (очерки истории Змеиногорска). Барнаул, 1999. 520 с.
81. Скубневский В.А. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 84–97.
82. Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 98–119.
83. Скубневский В.А. Торговая инфраструктура сибирского города в начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII — начало XX вв.). Барнаул, 1995. С. 121–137.
84. Скубневский В.А. Промышленность городов Сибири в конце XIX — начале XX веков // Сибирский город XVIII — начала XX веков. Вып. 1. Иркутск, 1998. С. 119–130.

85. Скубневский В.А. Сибирская буржуазия второй половины XIX — начала XX в. в освещении историографии 1990-х гг. // Актуальные вопросы истории Сибири: II научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 17–23.
86. Скубневский В.А. Урбанизационные процессы в Сибири во второй половине XIX — начала XX в.: Избранные статьи / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2010. 296 с.
87. Скубневский В.А. Города России во второй половине XIX века: Учебное пособие. Барнаул, 2012. 116 с.
88. Скубневский В.А., Галиева Р.Д. Численность и состав торговых служащих Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Города Сибири XVIII — начала XX в. Барнаул, 2001. С. 133–146.
89. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий // Известия алтайского государственного университета. 1998. № 3. С. 58–61.
90. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Ч. I: Население. Экономика. Барнаул, 2003. 360 с.
91. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Население, экономика, застройка и благоустройство. Барнаул, 2007 (2-е изд., доп.). — 292 с.
92. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Застройка городов Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Города Сибири XVII — начала XX в. Вып. 2: История повседневности. Барнаул, 2004. С. 33–74.
93. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX — начала XX в. Барнаул, 2001. С. 15–16.
94. Соболева Т.Н., Осипова М.А. Алтайская бюрократия 60-х — начала 80-х гг. XIX в. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII — начала XX в. Барнаул, 2003. С. 109–137.
95. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.). Барнаул, 1999. 215 с.
96. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII — начало XX в.). Барнаул, 2010. 214 с.
97. Старцев А.В., Тяпкин М.О., Тяпкина О.А. История Барнаула: Учебное пособие. Барнаул, 2000. 330 с.
98. Старцев А.В., Исупов С.Ю., Фролова Е.Б. Бийскоеведение: История Бийска: Учебное пособие. Бийск, 2009. 266 с.
99. Тишкина Т.В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул, 2004. 312 с.
100. Тяпкина О.А. Некоторые вопросы изучения малых городов Западной Сибири второй половины XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2002. С. 44–48.
101. Тяпкина О.А. Малые города Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в. в отечественной историографии // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII — начала XX в. Барнаул, 2003. С. 44–67.
102. Тяпкина О.А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX века: социально-экономическое исследование. Новосибирск, 2008. 307 с.
103. Фаронов В.Н. Рабочая семья Сибири в конце XIX — начале XX в. (по материалам Томской губернии). Барнаул, 2012. 200 с.
104. Чутчев В.С. Мещанские общества в повседневной жизни мещан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Города Сибири XVII — начала XX в. Вып. 2: История повседневности. Барнаул, 2004. С. 113–120.
105. Шайдуров В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX — начала XX в. СПб., 2013. 260 с.
106. Шилин С.А. Общественные праздники в Барнауле (конец XIX — начало XX в.). Барнаул, 2008. 54 с.
107. Юрий Михайлович Гончаров: биобиблиогр. указ. / Сост. В.С. Олейник. Барнаул, 2008. 46 с.

108. Gonczarow Jurij M. Polska rodzina na Syberii w połowie XIX i na początku XX wieku // Zeslaniec. № 29. 2007. S. 33–48 (на пол. яз.)
109. Goncharov Yu.M. Family of the Townspeople in Western Siberia in the Second Half of the 19th – the beginning of the 20th Century // Perspektywiczne opracowania są nauk i technikami – 20011: Materiały VII Międzynarodowej konferencji. Vol. 37: Historia, politologia. Przemysł: Nauka i studia, 2011. P. 11–14.
110. Collins, David N. Book reviews: Skubnevskii V., Goncharov Iu. Goroda Zapadnoi Sibiri; Goncharov Iu. Gorodskaja sem'ia Sibiri // Sibirica. Vol. 5, No. 1, Spring 2006. P. 159–160.
111. Skubniewski W. Działalność gospodarcza Polaków na Syberii (druga połowa XIX – początek XX w.) // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław. 2000. № 4. S. 29–39 (на пол. яз.).
112. Skubniewski W. Źródła do badań działalności gospodarczej Polaków na Syberii (druga połowa XIX: początek XX w.) // Wrocławskie Studia Wschodnie. 9 (2005). Wrocław, 2005. S. 43–51. (на пол. яз.).
113. Skubnevskii V.A., Goncharov Iu.M. Siberian merchants in the latter half of the nineteenth century // Sibirica. Vol. 2. № 1. London, 2002. P. 21–42.

* * * * *

УДК 930

Стась Игорь Николаевич

*кандидат исторических наук, преподаватель
Югорская лаборатория археологии и этнологии
Сургутский государственный университет
г. Сургут
igor.stas@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА В СИБИРИ

В статье анализируется современное состояние исторической урбанистики в Сибири. Выделяются научные школы и центры городской истории и основная тематика их исследований. В центре внимания автора проблемы идентификации нового направления в исторической науке. Раскрывается необходимость институционализации исторической урбанистики.

Ключевые слова: историческая урбанистика, историография Сибири, научная школа, научный центр, урбанизация.

Stas Igor Nikolaevich

*candidate of historical sciences, lecturer
Ugra laboratory of archaeology and ethnology
Surgut State University
Surgut
igor.stas@mail.ru*

URBAN HISTORY IN SIBERIA

The article analyzes the current state of historical urban studies in Siberia. The article identifies research schools and centers for urb-

an history and the main theme of their research. The author focuses on the problem of identification new scientific field in historiography. Revealed the need for the institutionalization of urban history.

Keywords: urban history, historiography Siberia, school of thought, center of learning, urbanization.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-11-86001, тип проекта: «а(р)»).

Историографическая революция в России привела к появлению новых направлений в исторической науке. Синтез сциентистских (социальных) и постмодернистских (культурных) теорий и методик обусловил популярность изучения города и урбанизационных процессов, поскольку они, возможно, являются самыми идеальными объектами таких исследовательских экспериментов. В них соединились не только две, казалось бы, противоположенные научные парадигмы, но и, как удачно отметила Л.П. Репина, историческая урбанистика «стала излюбленным местом приложения сил сторонников междисциплинарного подхода, и, вероятно, самым удачным «детисцем» междисциплинарного взаимодействия истории, социологии и экономики» [60, С. 23].

На Западе становление исторической урбанистики или урбан-истории завершилось в 1970-х гг. в русле новой социальной истории, когда окончательно произошла институционализация актуального направления. В советской исторической науке интерес к городу также был достаточно сильным. Фундаментальные исследования вышли из-под пера академика М.Н. Тихомирова, П.Г. Рындзюнского и других [66; 77]. Попытка институционализации направления была предпринята стараниями МГУ, на историческом факультете которого в 1971 г. была создана лаборатория истории русских городов. В 1976–1990 гг. Московский университет выпускал сборники трудов, посвященные истории русского города (всего было 9 выпусков) [62; и др.]. В работе над ними участвовали не только историки, но и представители различных наук – от географов до социологов.

Сибирские служители Клио не отставали от московских товарищей. Центром городских исследований выступил новосибирский Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, при котором с 1974 г. с определенной периодичностью выходили сборники научных статей о дореволюционных городах Сибири [32; и др.]. В Новосибирске организовалась целая научная школа историков-городоведов, главными корифеями которой были Д.Я. Резун, Н.А. Миненко, С.Н. Баландин и др.

Однако можно ли было говорить о сформировавшемся направлении в советской исторической науке? Ясно, что в сибирской историографии в 1970–1980-х гг. сложилась проблематика городских исследований. Сборники выступали важной площадкой, где историки могли делиться своими открытиями. Но редкая периодичность изданий не способствовала оформлению направления. Сборников было недостаточно, необходимы были журналы и форумы, объединявшие всех историков, занимающихся проблемами городского развития.

Вместе с тем существенные изменения наметились к концу 1980-х гг., когда многие историки стали идентифицировать себя именно как историков-городоведов. В этом была большая заслуга Д.Я. Резуна, который смело назвал историографию городов Сибири новым термином «урбанистика» [59]. Известный ученый использовал понятия «урбанистика» и «сибирское городоведение». Впоследствии он любил писать о «сибирской урбанистике», выделяя в ней историческое и историко-архитектурное (наряду с эконом-географическим) направления. Окончательно термин «историческая урбанистика» вошел в словарь Д.Я. Резуна в 1990-х гг. [58]. Однако в понимании ученого историческая урбанистика представляла собой полноценное сформировавшееся научное направление, чье рождение произошло еще в начале XVIII в. Тяжело согласиться со взглядом известного историка о такой ранней дате рождения урбанистики, так как речь может идти не о сложившемся направлении, а лишь об историографической традиции. Но, надо иметь в виду, что и сам Д.Я. Резун видел в урбанистике в первую очередь историографию – совокупность трудов по проблеме истории сибирского города.

Идентификация историков-урбанистов происходила и путем проведения первых конференций, посвященных проблемам городской истории. Однако регулярно форумы на подобную тематику начали проходить лишь в постсоветское время. По мнению Д.Я. Резуна, первая такая региональная конференция прошла в Иркутске в 1991 г. Тем не менее урбанист как идентичность была на стадии формирования среди историков.

Становление исторической урбанистики как нового направления тормозилось узостью исследовательского пространства. Л.П. Репина отмечала, что западная урбан-история противопоставляла традиционным подходам контекстуальный подход как вариант системного, в рамках которого город предстал комплексным объектом или подсистемой в единстве своих многообразных функций и одновременно как элемент включающей его целостности, как пространственное воплощение связей и культурной специфики [60, С. 25–26]. Именно такой контекстуальный подход был чужд советским историкам, ко-

торые рассматривали город с типологических и автономно-локальных (краеведческих) позиций, изучали лишь конкретную проблему городского развития, игнорируя принципы комплексного изучения. В то же время западная урбан-история концентрировалась на стадийной специфике урбанизационных процессов и существенных различиях в их культурно-цивилизационном содержании [60, С. 26]. Иначе необходимо было изучать город в совокупности и динамике всех социальных, экономических и культурных процессов.

Российские историки приходили к комплексному и контекстуальному пониманию города и урбанизации постепенно. Одними из первых в стране, кто распознал концептуальную значимость городских исследований, были сибирские ученые. Однако сделали это уже не исследователи дореволюционного времени, а историки по проблемам XX века. В 1987 г. в том же Институте истории, филологии и философии СО АН СССР вышел в свет сборник научных трудов «Урбанизация советской Сибири» [78], который объединил ведущих специалистов по сибирской истории XX в. В этой книге был собран материал, репрезентирующий комплексный подход к городу и урбанизации XX в. и полно раскрывающий теоретико-методологический потенциал таких исследований.

В предисловии сборника отмечалось, что «историки в отличие от представителей других общественных наук еще не развернули широкой работы по исследованию закономерностей развития городов и городского населения», и что «особенно слабо разработана история урбанизации Сибири» [78, С. 4]. Ответственным редактором книги выступил будущий академик В.В. Алексеев, чья статья стала наводящей программой урбанистических исследований 1990–2000-х гг. [2]. Он метко подметил основные недостатки советской историографии по проблемам города, а именно необходимость более глубоких исторических экскурсов, в то время как историки «чаще пишут о городах в краеведческом плане», в силу чего «урбанисты не видят в них серьезных помощников в своем деле» [2, С. 10]. В.В. Алексеев критично писал: «исследователи по большей части ограничиваются краеведением, отказываясь от разработки сложных, комплексных проблем урбанизации» [2, С. 19]; «исторические исследования... являются преимущественно краеведческими и слабо ориентированы на вопросы урбанизации в современном понимании смысла этой проблемы» [2, С. 21]. По мнению ученого, главная задача историков состояла в преодолении отставания от урбанистических исследований в других науках, в первую очередь экономики и демографии. Помимо этого, В.В. Алексеев указывал на проблемы отсутствия исследований истории даже крупных городов, особенно советского и современного периода, и необходимости создания фун-

даментальных работ по истории сибирского города в плане обобщения исторического опыта урбанизации Сибири. Известный историк определял, аналогично Д.Я. Резуну, новое направление как «сибирская урбанистика» и «сибирское городоведение».

Таким образом, в конце 1980-х гг. был обозначен путь научного и историографического развития исторической урбанистики в Сибири. В Новосибирске вокруг Д.Я. Резуна и В.В. Алексеева начали складываться научные школы. В других городах также организовывались центры урбанистики. Каждая школа или центр характеризовались разработкой своих исключительных проблематик.

Ведущая научная школа по исследованию истории городов дореволюционной Сибири в 1990–2000-х гг. находилась в Новосибирске. Ее лидером на протяжении всего этого времени оставался Д.Я. Резун, который возглавлял в новосибирском институте сектор истории конца XVI – начала XIX вв. Вместе с тем в постсоветский период те достижения, которые покорились школе в 1980-х гг., не только не были переplюнуты, но и не были повторены. Возможно главной причиной кризиса был переезд многих известных историков, занимающихся имперским периодом, из Новосибирска в Свердловск в новый научный центр Институт истории и археологии Уральского отделения АН СССР. В 1990-е гг. традиция выпусков сборников научных статей о дореволюционных городах Сибири благополучно сходилась на нет – было выпущено лишь несколько сборников по городской культуре Сибири, да и крупные работы по проблемам городской истории перестали регулярно выходить. Не исключено, что, понимая и чувствуя этот кризис, Д.Я. Резун в 1997 г. выпустил фундаментальную статью «О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII – XX вв.» [58], подытоживая в ней основные итоги, которые уже вряд ли будут повторены в ближайшем будущем. Фактически смерть Д.Я. Резуна в 2012 г. привела новосибирскую школу по истории дореволюционного города к распаду. Это говорит о том, что школа строилась только на таланте и деятельности одного человека, который, к сожалению, так и не смог вырастить новое поколение новосибирских историков-урбанистов по дореволюционному периоду. Перед современными новосибирскими историками имперской России и Сибири, лидером которых выступает М.В. Шиловский, стоит задача возродить славные традиции урбанистических исследований и изданий 1970–1980-х гг.

Образовавшиеся ниши в области издания сборников, проведения конференций и обобщающих крупных работ по исторической урбанистике быстро заполнили историки Барнаула, Омска, Томска и Иркутска. Это обуславливалось и общей тенденцией развития

исторической науки в Сибири, когда во второй половине XX в. усилились региональные центры изучения истории рабочего класса и крестьянства, промышленности и аграрного сектора (фактически дуализм города и деревни). В этих условиях в Сибири не могли не сложиться научные школы городской истории, потому что вся история Сибири с конца XVI в. была связана со становлением и развитием городов, являвшихся опорными пунктами освоения русскими бескрайних просторов.

Представляется, что в постсоветское время в Сибири наибольших успехов в исследованиях по исторической урбанистике достигла Барнаульская школа, отличающаяся эффективным воспроизводством ученых. В отличие от других школ историков-урбанистов, которые в первую очередь выделяются посредством внешнего анализа, эта школа имеет выраженную идентификацию, проявляющуюся в самоназвании «Барнаульская школа исторического городоведения», получившем распространение благодаря активной деятельности ее сегодняшнего лидера Ю.М. Гончарова. Основной проблематикой барнаульских исследователей является развитие города Западной Сибири во всем его многообразии в XIX – начале XX вв. Основываясь на богатом статистическом материале, они первые предприняли попытку обобщения и написания полной городской истории Западной Сибири XIX – начала XX вв.

Барнаульская школа исторического городоведения формировалась на кафедре отечественной истории Алтайского государственного университета, вокруг ее заведующего в 1989–2009 гг. В.А. Скубневского. В 2008 г. Алтайская школа историков и ее родоначальник В.А. Скубневский получили официальное признание, когда решением президиума Российской Академии Естествознания ученому было присвоено почетное звание «Основатель научной школы». В начале 1970-х гг. В.А. Скубневский один из первых историков в Сибири взялся за городоведческие исследования, изучая развитие г. Барнаула во второй половине XIX – начале XX вв. Впоследствии исследуя проблемы рабочих обрабатывающей промышленности имперской Сибири, В. А. Скубневский неоднократно обращался к экономическим, демографическим и социальным факторам развития городов региона. В центре внимания историка были в первую очередь Барнаул и города Алтая. В 2010 г. вышел его сборник избранных статей, посвященных урбанизации Сибири [71], в предисловии которого известный сибирский историк В.П. Зиновьев прозвал В.А. Скубневского «исследователем истории сибирских городов», что опять же идентифицирует Барнаульскую школу как центр исторического городоведения. В 2000-х гг. В.П. Скубневский совместно со своим учеником Ю.М. Гончаровым

выпускает первые обобщающие труды, в которых комплексно раскрывается развитие города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. [69; 70]. В.П. Зиновьев верно заметил, что «благодаря прежде всего исследованиям В. А. Скубневского и его учеников, урбанистика Сибири капиталистического периода стала самостоятельным направлением историографии» [38, С. 9].

Другим крупным ученым Барнаульской школы является Ю.М. Гончаров, который сегодня выступает главным отечественным специалистом в области урбанизации Сибири. Ю.М. Гончаров становится научным руководителем и регулярным оппонентом всех кандидатских и докторских работ, защищенных по сибирской урбанистической тематике (в том числе и по советскому периоду), что несомненно подтверждает его значимость в научном сообществе. Особое признание получили его работы по проблемам семьи, быта и повседневности городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. [22; 24; 26; 27; 28]. Вместе с тем исследования Ю.М. Гончарова посвящены всем насущным проблемам городской истории, ракурсу исследования которых присущи системность и контекстуальность: облик и благоустройство городов, общественная жизнь, население, семья, жилище, кухня и одежда, досуг и развлечения, а также проблемы гендера и сексуальности.

Еще одним крупным историком-урбанистом из Барнаула являлся А.Р. Ивонин, который исследовал демографические факторы развития городов Западной Сибири в период империи [39]. Будущее замечательных традиций барнаульской школы исторического городоведения связаны с именами исследователей Д.С. Дегтярева (пригороды), Л.А. Ереминой (городское самоуправление), А.В. Литягиной (городская социальность), О.А. Тяпкиной (малые города), В.Н. Фаронова (рабочая семья) и др.

В начале 2000-х гг. барнаульцы подхватили эстафету публикации сборников научных трудов по истории дореволюционных городов Сибири [30; 31]. Эти сборники становились новой научной площадкой для кооперирования историков-урбанистов. В 2005 г. Барнаульская школа выпускает сборник, уже непосредственно посвященный урбанизации [55]. Однако, представляется, что содержание сборника не оправдало его название, поскольку статьи характеризовали не саму урбанизацию, а лишь отдельные аспекты городской жизни. Барнаульцы также продолжают традиции написания очерков по истории отдельных городов Сибири [23; 25]. Их работы не выглядят краеведческими, они отличаются глубиной и комплексностью анализа и источниковым материалом. Вероятно, единственным минусом Барнаульской школы сегодня является недостаточное внимание самой урбанизации как целостному истори-

ческому процессу, а в большей степени изучение отдельных сторон городского развития.

Институционализации исторической урбанистики не только на сибирском, но и на всероссийском уровне способствовала Омская школа историков-урбанистов. Под руководством омичей с середины 1990-х гг. стали регулярно проходить конференции и симпозиумы на тему «Проблемы культуры городов России». Первая такая конференция состоялась в 1995 г. в Таре, а последняя на данный момент в 2013 г. в Омске под названием «Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России». Всего было проведено десять конференций, в центре внимания которых находилась социокультурная палитра городского развития и урбанизации. Лидером Омской школы историков-урбанистов и главным организатором этих форумов является Д.А. Алисов, который сегодня после академической реформы возглавляет отдел изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва в г. Омске (до реформы – филиал Российского института культурологии). Крупные работы Д.А. Алисова затрагивают культурную и средовую проблематику в отношении городов Омска, Томска и Тобольска второй половины XIX – начала XX вв. [3; 4; 5].

Другим омским лидером урбанистических исследований является профессор Омского государственного университета В.Г. Рыженко. Опираясь на междисциплинарный подход, она раскрывает пространственные образы, символы и признаки культуры советской эпохи, знаковые места культурно-цивилизационного городского ландшафта в Западной Сибири [63; 64]. Под началом В.Г. Рыженко формируется коллектив учеников, осуществляющий новаторские исследования советского города – А.В. Жидченко [36], Е.В. Соколова [72] и др.

Таким образом, приоритетными исследованиями среди омских историков-урбанистов является анализ городской среды и культуры в истории и современности Сибири. Несмотря на то, что большинство сибирских историков признает существование в Омске крупного центра в области исторической урбанистики, сами омичи еще плохо фиксируют такую самоидентификацию, по крайней мере в омской историографии не встретишь обозначение «Омская школа исторического (или культурного) городоведения».

Новосибирские наследники В.В. Алексеева, после его переезда в Свердловск, где он возглавил Институт истории и археологии УрО АН СССР, не только сохранили традиции урбанистических

исследований, но и концептуально обновили свой подход. В то же время В.В. Алексеев на новом месте продолжил создание профессиональных коллективов историков – в Екатеринбурге он стал основателем научной школы по изучению истории модернизации Урала, в координатах которой во многом существует уральская историческая урбанистика.

Смогли ли новосибирские историки XX века в 1990–2000-х гг. выполнить те задачи, которые обозначил В.В. Алексеев в своей статье 1987 г.? Ответ на этот вопрос вряд ли будет однозначным. Последнее десятилетие XX в. отмечалось выходом в свет крупных исследований в области демографии [42] и социально-бытовой сферы [16; 46; 53] в городах Сибири, но вот сам город и урбанизация как целостные явления частично выпали из поля зрения Новосибирской школы историков XX века. Город рассматривался лишь как приложение к различным проблемам развития социальной и культурной инфраструктуры, быта, кадрового потенциала, продовольствия и торговли.

Исключения составляли работы известного историка-демографа В.А. Исупова. В 1990-х гг. он разработал оригинальную концепцию сталинской псевдоурбанизации (в последствии ученый стал употреблять термин «квазиурбанизация»), качествами которой были: ускоренный рост городского населения, интенсивные миграции сельчан в города, резкая диспропорция между численностью населения и степенью развития социальной инфраструктуры, формирование сети маргинализированных поселений, задержка в формировании городского образа жизни [43; 44].

Возвращение к урбанистическим исследованиям советского периода намечилось в начале 2000-х гг., когда вышел сборник научных трудов, посвященный проблематике городского развития Сибири в XX веке и подготовленный в рамках проекта РГНФ «Социальные аспекты урбанизации Сибири в XX веке» [74]. Тогда же лидеры новосибирской школы историков С.С. Букин и В.И. Исаев разработали новый концептуально-методологический подход к истории Сибири XX века, которая ими в рамках теории модернизации стала рассматриваться как период становления в сибирском регионе общества индустриально-урбанистического типа. Урбанизация же выступала важной составной частью развития человеческой цивилизации от традиционно-аграрного к индустриально-урбанистическому обществу. В 2005 г. из-под пера С.С. Букина и В.И. Исаева вышла фундаментальная статья «Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности» [15], в которой историки показали, что «урбанизацию Сибири, ... следует рассматривать как часть общемирового процесса становления индустриальной цивилизации» [15, С. 142].

Значительные исследовательские проекты в рамках этого подхода также осуществляются А.И. Тимошенко (программы развития территориально-производственных комплексов) [76] и А.А. Долголюком (развитие строительной индустрии) [34]. Растет новое поколение историков удачно применяющее индустриально-урбанистический и историко-демографический инструментарий: Я.А. Кузнецова (урбанизация Бурятии), Р.Е. Романов (рабочая молодежь), В.В. Введенский (повседневная жизнь западно-сибирского города), О.Б. Дашинамжилов (урбанизационно-демографическое развитие городов Западной Сибири) и др. Видится, что конструируемый исследовательский объект «индустриально-урбанистическое общество» стал критерием идентификации новосибирских историков советской эпохи, а принимая к сведению, что вторая часть этой дефиниции означает явление урбанизма, то условно можно говорить о Новосибирской школе историков-урбанистов. Первостепенными темами для школы являются жилищная проблема [13; 50], повседневная жизнь и социальная сфера [14; 73], формирование и адаптация населения [79] в городах и процессе урбанизации Сибири.

Окончательно апробация новосибирцами новой теории завершилась к концу первого десятилетия XXI в., когда в Институте истории СО РАН прошла конференция «Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты», которая закрепила и осветила основные результаты исследований в области модернизации, индустриализации и урбанизации Сибири [75]. Традиции форума были продолжены в 2013 г. на конференции «Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации» [57]. В 2011 г. учеными Новосибирска была выпущена коллективная монография «Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе» [12]. На сегодняшний день это единственная крупная программная и обобщающая работа по урбанизации Сибири XX в., ставшая первым шагом к пересмотру сибирской историографии.

Особенно интересны в этом контексте тезисы В.И. Исаева о радикальном обновлении методологических позиций при изучении индустриально-урбанистического общества, справедливо замечая, что цивилизационный подход так и не сменил господствующую прежде эпистемологию: многие сибирские историки по инерции продолжают работать в русле формационной парадигмы, основанной на вульгаризированной версии марксизма [40, С. 18]. Учитывая вышеприведенное утверждение, в наступающий историографический период от Новосибирской школы историков XX в. следует ждать выхода в свет оригинальных исследований проблем урбанизации

и индустриализации Сибири. Вместе с тем, несмотря на то, а может быть, наоборот, потому, что автор этой статьи сам пользовался выработанной новосибирцами терминологией, возникает вопрос – непонятно каким образом и насколько возможна смена парадигмы при доминировании в инструментарии «макроисторического» и «прогрессистского» термина «индустриально-урбанистическое общество», который по большому счету не отличается от критикуемых марксистско-модернизационных конструкций? Эта проблема требует дальнейшего теоретического и практического обоснования.

Итак, сформировавшиеся научные школы историков-урбанистов продуктивно действуют в Новосибирске, Барнауле и Омске. В других городах Сибири урбанистические исследования пока не обрели такой же уровень институционализации. Однако наличие в сибирских городах крупных центров исторической науки обуславливают организацию в них в ближайшем будущем школ историков-урбанистов. Многообещающие перспективы урбанистических исследований связаны с историческими школами Томска, Иркутска и Улан-Удэ.

Томские историки неоднократно брались за исследование городов. Однако тематика работ сильно разнилась по хронологическому и территориальному признакам, в силу чего здесь в рамках крупной Томской исторической школы не сложился единый научный коллектив урбанистов. Известным томским историком-урбанистом является Н.М. Дмитриенко, чьи работы посвящены развитию Томска в XIX – начале XX вв. [33]. Под руководством В.П. Зиновьева был написан труд по истории закрытого города Северска [41]. Крупнейшим специалистом в области урбанизации Сибири был томский профессор В.П. Андреев. Сфера интересов ученого затрагивала урбанизационные процессы в Сибири и на Кузбассе в XX в. [7]. В 2003 г. под его руководством в филиале Томского государственного университета в г. Прокопьевске был проведен научный семинар «Российская урбанизация: горожанин или житель города?» [61]. Плодотворное научное сотрудничество В.П. Андреева с директором филиала историком Д.В. Ворониным выросло в комплексное исследование индустриализации и урбанизации Кузбасса [6]. В.П. Андреев один из первых в отечественной историографии раскрыл ведомственную сущность российской урбанизации. В 2007 г. в честь 60-летия В.П. Андреева томскими историками была выпущена коллективная монография, которая затрагивала проблемы урбанизации имперской и советской Сибири [54]. Несмотря на выносимую в название обобщающую тематику, монография представляла собой все же сборник научных статей и поэтому процесс урбанизации Сибири она репрезентировала, к сожалению, лишь фрагментарно.

Томск стал важным центром по защите исторических диссертаций по проблемам урбанизации и градостроительства, в том числе и для автора данной статьи, но излюбленным местом защиты он является для кузбасских историков градостроительного развития региона. Здесь интересны исследования А.Г. Борина и Н.С. Головань [9; 20]. Вместе с тем в самих индустриальных городах Кузбасса – в первую очередь в Кемерово и Новокузнецке – не сложилось исследовательских коллективов историков-урбанистов. Из последних работ можно выделить лишь монографию Ю.М. Михайлова и А.Д. Султановой [49].

Другим центром урбанистических исследований выступает Иркутск, где работает признанный историк-урбанист В.П. Шахеров. Его круг исследований определен развитием экономики и городской среды населенных пунктов Байкальской Сибири XVI – первой половины XIX вв. [80; 81]. Однако особой заслугой В.П. Шахерова для становления сибирской исторической урбанистики является организация с 1998 г. девяти выпусков сборников научных статей «Сибирский город XVIII – начала XX вв.». Вероятно, с деятельностью этого ученого в ближайшем времени произойдет окончательное формирование в Иркутске школы исторической урбанистики дореволюционной Сибири.

В Иркутске работает другой известный урбанист – историк и архитектор – М.Г. Меерович, являющийся одним из крупнейших специалистов по сталинской градостроительной политике и системе расселения [47; 48]. Он успешно обосновывает существование в СССР модели «искусственно-принудительной ускоренной урбанизации». Иркутские авторы исследуют также советский сибирский город с историко-культурных позиций [37].

Перспективным научным центром в области урбан-истории сегодня становится Улан-Удэ. В Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН проводятся новаторские исследования по антропологии и геокультурным пространствам городов Бурятии постсоветского времени [29]. Применяя дискурс-анализ и ландшафтно-образный подход, А.С. Бреславский оригинально изучает социокультурное развитие Улан-Удэ [11]. Требуется пристального внимания его программная статья, обоснованно призывающая к активной включенности историков к производству исторического дискурса о городе [10]. Дореволюционную урбанизацию Забайкалья изучает Т.В. Паликова [51]. Советская модель урбанизации, на примере Байкальской Азии, представлена в работах М.Н. Балдано [8].

Необходимость комплексного развития Восточной Сибири и Дальнего Востока обуславливает в том числе формирование в этом регионе исторической урбанистики, обеспечивающей историко-куль-

турный фундамент региональной и городской политики. В этом контексте актуальны исследования историка С.А. Власова по проблемам урбанизации и жилищного строительства на Дальнем Востоке [17; 18]. Известным историком-урбанистом из Красноярск является С.А. Рафикова, чьи труды посвящены повседневности сибирских горожан в 1960-х гг. [56]. Советская урбанизация Восточной Сибири исследуется в трудах красноярского историка Н.В. Гониной [21].

Наличие в Тюмени крупного сообщества историков не привело, к сожалению, к появлению здесь исторической урбанистики. Однако в последнее время в Тюменском госуниверситете под руководством С.С. Пашина проводятся исследования и защищаются диссертации в локальном ракурсе повседневности и городской среды Тюмени [68]. Частично инструментарий городской истории используется тюменской научной школой истории нефтегазового комплекса Западной Сибири (историки Н.Ю. Гаврилова, В.П. Карпов, Г.Ю. Колева) [19; 45], в традициях которой изучает урбанизацию нефтяного края автор данной статьи.

Потенциал развития исторической урбанистики есть в научном сообществе Ханты-Мансийского автономного округа. Так, с 2004 г. в Ханты-Мансийске на базе Югорского госуниверситета выпускается сборник научных статей «Социокультурное пространство сибирского города: история и современность». Организаторами и идейными вдохновителями этого проекта являются А.Г. Киселев и М.Ф. Ершов. Научные интересы М.Ф. Ершова связаны с историей городов Зауралья и урбанистической историософией [35]. В Сургутском госуниверситете работает профессор А.И. Прищепа, чьи исследования посвящены истории градостроительства в нефтегазовых районах Западной Сибири [52]. Надеемся, что организация конференции «Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города», проведенная в Сургуте, откроет новые возможности для урбанистических исследований в регионе.

С периферии исторического сибиреведения тяжело показать всю картину исторической урбанистики Сибири. Высказанные тенденции и оценки сводятся к субъективной историографической панораме: некоторые сообщества ученых могут быть названы научными школами (Новосибирск, Барнаул и Омск), иные – научными центрами (Томск, Иркутск и Улан-Удэ) исторической урбанистики Сибири. Видится, что в других сибирских городах урбан-история существует лишь в трудах отдельных ученых, которым предстоит еще сформировать историографические традиции. Перед исторической урбанистикой Сибири (да и в целом России) стоит ряд исследовательских и институциональных проблем, решения которых должны определить дальнейшее развитие направления.

Во-первых, историки, занимающиеся изучением городов и урбанизации Сибири и России, все еще далеки от выраженной самоидентификации. По большому счету, исключение составляет лишь Барнаульская школа исторического городоведения. Тяжело обозначить любую научную школу, если она сама не решается заявить о себе. Поэтому необходимы «автобиографические» работы, раскрывающие историко-урбанистическое наследие разных научных центров. Сложность этой проблемы обуславливается также неопределенностью названия направления. Одни исследователи, в частности В.Г. Рыженко, отстаивают использование термина «городоведение», достаточно спорно аргументируя, что он более близок к ценностям информационной эпохи в культуре и им изначально задается отличие от проблематики урбанистики (видимо, в данном случае под «урбанистикой» понимается эконом-географическая и градостроительная дисциплина) [65, С. 14]. Несмотря на то, что В.Г. Рыженко является известным сторонником междисциплинарного анализа, такой подход к «городоведению» и отказ от инструментария урбанистики, как кажется, наоборот замыкает и консервирует исследовательское пространство в историко-культурных и краеведческих рамках. Другие исследователи призывают работать в русле исторической урбанистики, а не городской истории (из контекста ясно, что это понятие «городская история» употребляется вместо термина «историческое городоведение»): поскольку первая транслирует идею исследования города как социального феномена, в то время как предметом научного поиска второй выступает человеческое сообщество, а город лишь определяет географические рамки конкретно-исторического анализа [1, С. 80]. И все-таки как правильно называть новое направление – «историческая урбанистика» или «историческое городоведение»? Являются ли эти понятия синонимами и несут ли одну коннотацию? Кажется, что правильный ответ – отрицательный. Термин «историческое городоведение» локален по своему значению, центрирует только город как исследовательский объект и явно отсылает к краеведению, чей поверхностный исторический анализ часто доминирует в местной городской истории. Использование термина «историческая урбанистика» (urban history) в исследовательских и дискуссионных координатах перспективнее, поскольку понятие «урбанистика» (urban studies) применяется в различных науках при изучении феноменов города и урбанизации, что в полной мере раскрывает междисциплинарный характер исследовательского объекта.

Во-вторых, лишь некоторые исторические работы могут похвастаться комплексным и контекстуальным исследованием урбанизации российских и сибирских регионов на протяжении длительных

периодов. Историческая урбанистика еще слишком зажата в локальности и краеведческой ориентации исследований. Работы историков-урбанистов зачастую посвящались только конкретным проблемам сибирских городов и не раскрывали системный и всеобщий урбанизационный процесс. Одни исследователи акцентировали внимание на промышленности и экономических отношениях, другие – на демографии, сословиях и городских слоях населения, а третьи – на повседневности, городской среде, жилищной проблеме или застройке городов. Практически нет крупных работ где во главу угла исследования была поставлена сама урбанизация как историческое целостное явление. Спорным остается включение некоторыми историками-урбанистами в границы исторической урбанистики трудов, которые скорее принадлежат к другим направлениям исторической науки [67] – экономической истории (история предпринимательства), общественно-политической истории (история городского самоуправления), социальной истории (история купечества, рабочих) и тд. Поскольку город почти всегда является местом действия исторических событий и процессов, понятно, что историческая урбанистика всегда будет плотно связана с другими направлениями исторической науки, однако за их счет нельзя расширять исследовательские границы урбан-истории, в которую необходимо включать в первую очередь работы, посвященные самому городу и урбанизации. Таким образом, в исторической урбанистике существует нехватка работ комплексного характера, которые бы раскрывали целостную суть таких многоаспектных явлений, как город и урбанизация.

В-третьих, это практически отсутствие обобщающих трудов теоретического и историографического плана. Настала пора дать оценку проведенным урбанистическим исследованиям. Не исключено, что автор статьи упустил значимые коллективы историков-урбанистов, которые действуют в научном пространстве Сибири. Однако такое упущение не злой умысел, а лишь доказательство того факта, что взаимодействия ученых в рамках сибирской исторической урбанистики оставляет желать лучшего. Чтобы урбанистическое направление исторической науки получило признание академического и научного сообщества России необходимо усилить критический анализ исследований коллег и не стесняться их цитировать (что весьма актуально, учитывая современный тренд фиксации качества и значимости исследования посредством индекса цитирования). Все это невозможно сделать без институционализации направления, расширения коммуникации между историками-урбанистами и создания научно-дискуссионной площадки по проблемам истории городов и урбанизации. Механизм преодоления

этих проблем видится в организации периодического издания и проведении регулярных секций на конференциях и самих конференций на тему исторической урбанистики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев И.А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 79–84.
2. Алексеев В.В. Итоги и задачи изучения урбанизации советской Сибири // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 7–28.
3. Алисов Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1790 – 1914 гг.). Омск: ОмГУ, 2006. 337 с.
4. Алисов Д.А. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.): учебное пособие. Омск, 2002. 196 с.
5. Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. Омск, 2001. 200 с.
6. Андреев В.П., Воронин Д.В. Кузбасс в пространстве трансформаций XX века. Томск: Оптимум, 2009. 144 с.
7. Андреев В.П. Урбанизация Сибири в контексте индустриального развития в XX веке // Социология в Сибири: состояние и перспективы развития. Новосибирск, 2003. С. 226–237.
8. Балдано М.Н. Город в Байкальской Азии: индустриализация и урбанизация // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: Сб. науч. трудов. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2005. С. 167–179.
9. Борин А.Г. Формирование городского образа жизни в индустриальном городе (на материалах города Сталинска 1929 – 1941 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2010. 27 с.
10. Бреславский А.С. Городская история как предмет дискурс-анализа: ресурсы и программа исследования // Уральский исторический вестник. 2011. № 11. С. 102–105.
11. Бреславский А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991 – 2011 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2012. 156 с.
12. Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск: Изд-во «Наука», 2011. 336 с.
13. Букин С.С., Исаев В.И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920 – 60-е годы). Новосибирск: Параллель, 2009. 198 с.
14. Букин С.С., Исаев В.И. Новосибирцы. Очерки истории повседневной жизни. Конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2008. 270 с.
15. Букин С.С., Исаев В.И. Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: Сб. науч. трудов. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2005. С. 140–167.
16. Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 240 с.
17. Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946 – 1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 204 с.
18. Власов С.А. Становление и развитие городов на Дальнем Востоке России во второй половине XX в. / Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2 (25). С. 103–111.
19. Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960 – 1980-е годы) // Отечественная история. 2003. № 5. С. 111–118.

20. Головань Н.С. Государственная жилищная политика в городах Кемеровской области (1943 — конец 1950-х гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2006. 23 с.
21. Гонина Н.В. Урбанизационные процессы как модернизационный фактор в Восточной Сибири в середине 1950—1960-х гг. (на материалах Красноярского края и Иркутской области) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 1—2. С. 65—73.
22. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул, 2002. 384 с.
23. Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI — начала XX вв. Барнаул, 2010. 256 с.
24. Гончаров Ю.М. Историческое краеведение города. Ч. I. Быт горожан Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Учебное пособие. Томск, 2009. — 252 с.
25. Гончаров Ю.М., Литягина А.В. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул, 2009. 276 с.
26. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 2004. 358 с.
27. Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: учебное пособие. Барнаул, 2012. 214 с.
28. Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул, 2004. 132 с.
29. Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 220 с.
30. Города Сибири XVII — начала XX в. Вып. 2: История повседневности / Под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2004. 230 с.
31. Города Сибири XVIII — начала XX в. / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2001. 168 с.
32. Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1974. 299 с.
33. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 284 с.
34. Долголюк А.А. Сибирские строители в 1946—1970 гг. Новосибирск: Параллель, 2013. 476 с.
35. Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2013. 276 с.
36. Жидченко А.В., Рыженко В.Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950—60-е гг. Омск: Изд-во «Амфора», 2013. 444 с.
37. Занданова Л.В., Салахова Л.М. Формирование новых подходов к типологизации индустриальных сибирских городов второй половины XX в. в историко-культурных исследованиях // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 25—29.
38. Зиновьев В.П. В. А. Скубневский — исследователь истории сибирских городов // Скубневский В.А. Урбанизационные процессы в Сибири во второй половине XIX — начала XX в.: Избранные статьи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 6—10.
39. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000. 337 с.
40. Исаев В.И. Проблемы изучения истории становления индустриально-урбанистического общества в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 17—20.
41. История Северска / отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 257 с.
42. Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 291 с.
43. Исупов В.А. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: вторая половина 1920-х — 1930-е гг. // Региональные аспекты цивилизационного развития

- российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. 6—7 июня 2013 года. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 238—245.
44. Исупов В.А. Урбанизация и псевдоурбанизация? (Динамика численности городского населения Сибири в нач. XX века) // Городская культура Сибири: история и современность: сб. науч. тр. Омск, 1997. С. 32—39.
  45. Колева Г.Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960—1980-е годы // Вестник Тюменского государственного университета. — 2007. № 1. С. 237—244.
  46. Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960—1970 гг. — Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1994. 100 с.
  47. Меерович М.Г., Конышева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928—1932 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 270 с.
  48. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917 — 1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2008. 303 с.
  49. Михайлов Ю.И., Султанова А.Д. Государственная градостроительная политика в Кузбассе в 1940—1980-е гг. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2010. 120 с.
  50. Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX — начале XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2008. 216 с.
  51. Паликова Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX — начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2012. 312 с.
  52. Прищепа А.И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века // Отечественная история. 2007. № 2. С. 95—100.
  53. Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е — 90-е годы). Сб. науч. тр. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1992. 144 с.
  54. Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX — XX вв. / под. общ. ред. Ю.В. Куперта, К.В. Фадеева. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2007. 210 с.
  55. Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири / Под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2005. 321 с.
  56. Рафикова С.А. «Шкала идентификаторов горожан» как метод качественных урбанистических исследований // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2013. Том 13. № 1. С. 115—122.
  57. Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. 6-7 июня 2013 года. Новосибирск: Параллель, 2013. 378 с.
  58. Резун Д.Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII — XX вв. // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 16—32.
  59. Резун Д.Я. Современная урбанистика и сибирское городоведение XVII — первой половины XIX вв. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX вв. Новосибирск, 1987. С. 222—247.
  60. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 320 с.
  61. Российская урбанизация: материалы международного научного семинара. Прокопьевск, 2003. 95 с.
  62. Русский город (историко-методологический сборник). М.: Изд-во Московского университета, 1976. 296 с.
  63. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е — 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и исто-

- рико-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск: Наука, 2004. 292 с.
64. Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 340 с.
  65. Рыженко В.Г. Сибирское городоведение рубежа XX-XXI веков: поиски подходов к изучению культурного пространства города // История и культура городов России: от традиции к модернизации. Мат-лы Всерос. науч. конгресса, посвящ. 290-летию г. Омска (Омск, 12-14 октября 2006 г.). Омск: ООО Изд. дом «Наука», 2006. С. 14–17.
  66. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 559 с.
  67. Семендяева А.М. Развитие сибирской исторической урбанистики на примере историографии общественно-политической жизни сибиряков (вторая пол. XIX — нач. XX в.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 95–99.
  68. Скочин А.В., Пашин С.С. Роль жилищного строительства в формировании жизненного пространства тюменцев в середине 1950–1960 годов // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 162–171.
  69. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Население, экономика, застройка и благоустройство. Барнаул, 2007. 292 с.
  70. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Ч. I: Население. Экономика. Барнаул, 2003. 360 с.
  71. Скубневский В.А. Урбанизационные процессы в Сибири во второй половине XIX — начала XX в.: Избранные статьи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 296 с.
  72. Соколова Е.В. Формирование культурного пространства малых городов Среднего Прииртышья в 1920–1980-е гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2008. 26 с.
  73. Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX — начало XXI вв.). Новосибирск: Параллель, 2007. 184 с.
  74. Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2001. 251 с.
  75. Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Материалы межрегиональной научной конференции. 30 июня — 2 июля 2010 года. Новосибирск: Параллель, 2010. 307 с.
  76. Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. Планы и реальность. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009. 173 с.
  77. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1956. 477 с.
  78. Урбанизация советской Сибири / отв. ред. В. В. Алексеев. Новосибирск: Наука, 1987. 224 с.
  79. Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Вып. 1. Новосибирск: Параллель, 2006. 254 с.
  80. Шахеров В.П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII — первой половины XIX вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 256 с.
  81. Шахеров В.П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. 256 с.

* * * * *

УДК 930.2 (574) (045)

Алпыспаева Галья Айтпаевна*доктор исторических наук, доцент**Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина**г. Астана, Республика Казахстан**galpyspaeva@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТКА КАЗАХСТАНА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В статье рассматриваются основные вопросы исторической казахстанской урбанистики в хронологической перспективе. На основе теоретического анализа научной литературы представлена историография истории городов Казахстана в региональном аспекте. Обозначены основные проблемы в изучении истории городов Казахстана в контексте современных историко-городоведческих концепций. Показана смена методологической парадигмы в историографии истории древних и средневековых городов южных регионов Казахстана. Обоснована ограниченность методологических подходов в изучении новой и новейшей истории городов Казахстана.

Ключевые слова: историческая урбанистика, города Казахстана, методология городоведения, историография, культура города, городская среда.

Alpyspayeva Galya Aitpaevna*doctor of historical sciences, associate professor**S. Seifullin Kazakh Agrotechnical University**Astana city, Republic of Kazakhstan**galpyspaeva@mail.ru*

HISTORICAL URBANISTICS OF KAZAKHSTAN: HISTORIOGRAPHICAL SURVEY

In the article «Historical urbanistics of Kazakhstan: historiographical survey» main issues of historical Kazakhstan urbanistics according to its chronological perspective are considered. On the basis of the theoretical analysis of science literature historiographical stages of Kazakhstan towns and cities from the regional aspect is presented. Chief problems in the study of towns' histories in the context of modern historical regional or cities studies concepts are pointed out. Change of methodological paradigm in the historiography of ancient and middle age towns of the southern regions of Kazakhstan history

is shown. Restriction of methodological approaches in the study of modern and latest history of Kazakhstan is substantiated.

Keywords: historical urbanistics, towns of Kazakhstan, town study methodology, historiography, town culture, urban environment.

В динамике исторической урбанистики Казахстана условно можно обозначить несколько этапов. Для ее начального этапа, отмеченного двадцатыми-тридцатыми годами прошлого столетия, характерно появление книг, носивших в основном справочный характер [50]. Оно было вызвано необходимостью изучения фактического состояния экономики региона в условиях перехода к промышленной индустриализации. Научная разработка истории городов Казахстана началась в послевоенные годы, именно тогда обозначилось фундаментальное направление казахстанской исторической урбанистики – исследование истории древних и средневековых городов Южного региона Казахстана.

Основоположником этого направления по праву считают ученого-археолога А.Х. Маргулана [35]. В своих исследованиях автор показал, что изучение городских поселений Казахстана имеет специфические черты, обусловленные чередованием кочевого скотоводства с земледелием. Высокие темпы раннесредневековой урбанизации южного региона Казахстана отмечены были С.П. Толстовым. Ученый констатировал взаимосвязь кочевого скотоводства и оседлого земледелия, настаивая на том, что кочевое скотоводство стало одним из факторов формирования среднеазиатских городов. Он пришел к выводу о том, что было бы величайшей ошибкой видеть в городской цивилизации продукт развития только земледельческих оазисов [56].

Большую группу научных исследований составляют труды казахстанских археологов более позднего времени, занимавшихся изучением средневековой урбанизации. В этой связи необходимо отметить работы К.А. Акишева, Л.Б. Ерзаковича [2], К.М. Байпакова [10], Б.Е. Кумекова [28], Е. Смагулова [49]. В трудах исследователей обоснована роль казахстанских городов в системе международных связей по Великому шелковому пути, рассматривается проблема преемственности ранних поселений и позднесредневековых городов, развитие городов показано в контексте региональной истории. В целом, исследование города в казахстанской исторической урбанистике на материалах средневековья получило достаточно глубокую и фундаментальную разработку.

Научная разработка истории городов Казахстана нового времени в отечественной исторической науке начинается в 50–60-х гг. прошлого века. Несколько диссертационных исследований, в кото-

рых накоплен, изучен и осмыслен архивный материал, посвященные истории городов Верный – А.А. Горячева [16], Петропавловска – К.М. Туманишина [58], Риддера – Б.И. Чемирбаевой [61], Кустаная – В.Г. Малехонькова и З.Н. Толстых [34]. Для работ характерна единая методика и характер исследований: история становления и развития городов рассматривается в русле общей политики России в казахском крае. Авторы показали постепенное превращение городов из первоначальных военных пунктов колониальной политики царизма в центры экономической, административной и культурной жизни края.

География казахстанских городов, история которых получила научное освещение, существенно возрастает в 60–80-е гг. когда была начата научная разработка истории городов (в том числе в рамках диссертационных исследований) Уральска [13], Джамбула [22], Чимкента [54], Караганды [21], Акмолинска [17], Гурьева [52]. Авторы работ значительное место уделили причинам возникновения и развития городов, характеристике хозяйственной жизни и политико-административных мероприятий царизма, исследовали развитие торговли, состояние культуры. В работах присутствует анализ общественной деятельности политических ссыльных и развития революционного движения в городах. В эти же годы вышли в свет фундаментальные исследования Н.Г. Аполловой по истории Оренбурга и городов Прииртышья [5], работы Ж.К. Касымбаева по истории Семипалатинска и городов Восточного Казахстана [26], исследования Э.И. Герасимовой по истории Уральска [14]. Они существенно продвинули развитие казахстанской исторической урбанистики.

Для определения методологических подходов к изучению городов Казахстана немаловажное значение имела статья Н.Г. Аполловой «Особенности возникновения и развития городов Оренбургского края в XVIII веке». Автором была исследована история города, сыгравшего решающую роль в социально-экономическом развитии регионов Западного и Северного Казахстана. Анализируя особенности возникновения городов, автор абсолютно верно и справедливо отмечала, что «местоположение... линейных крепостей свидетельствовало о том, что при строительстве их учитывались такие природные условия, которые в дальнейшем могли способствовать хозяйственному развитию крепостей и близлежащего района» [5, С. 458]. Этот концепт подтверждают и материалы исследования основания других крепостей на территории Казахстана, ставших впоследствии городами.

Аполловой были отмечены особенности возникновения и развития городов Северо-Западного Казахстана: эволюция функций городов под влиянием политики официальных властей (предоставление

льгот торговому населению, поощрение заселения и формирования близ крепостей «слобод» и пр.), изменение социальной структуры городов. Они нашли свое подтверждение в более поздних исследованиях, посвященных городам Восточного и Центрального Казахстана. Предложенная автором методика изучения истории городов стала применяться для исследования большинства городов Казахстана, возникших в период нового времени. В целом же работы Н.Г. Аполловой не только продвинули развитие казахстанской исторической урбанистики, но и стали базой для ее дальнейшего развития.

Традиция регионального исторического исследования городов получила логическое продолжение в трудах казахстанского ученого Ж.К. Касымбаева. По мнению автора, порайонное изучение городов дает возможность «более полно выявить суть миграционных процессов, происходящих в них хозяйственных изменений» [25, С. 4]. В центре внимания исследователя были вопросы взаимодействия городских поселений с сопредельными сельскими районами и соседними странами. Автор подробно анализирует процессы зарождения и становления промышленности в городах, характеризует факторы, сдерживающие рост производства. Но приоритет в исследовании отдан торговле, как главному фактору формирования социально-экономического облика городов Восточного Казахстана. Значение названных исследований во многом определяется и тем, что авторы продемонстрировали возможности географического подхода к изучению городов.

Выделение казахстанскими учеными-урбанистами в качестве объектов исследования локальных территорий объясняется спецификой городообразовательных процессов в регионах Казахстана. Образование и динамика развития городов Северо-Западного, Восточного и Центрального Казахстана кроме общей специфики имеют много общего с городами Сибири. В этом контексте, в исследовании истории городов обозначенных регионов важное значение имеет обращение к опыту изучения истории сибирских городов. Оно обусловлено не только географической близостью и единством пространственно-территориальной составляющей городов, но и общностью исторического возникновения их в ходе хозяйственного освоения края. Особенно тесно переплелись исторические судьбы городов, игравших в первой половине XIX века исключительно важную роль как в экономике Сибири, так и в экономике Казахстана: Петропавловска, Ишима, Тобольска, Кургана, Семипалатинска, Омска. Казахские города, равно как и сибирские, играли не только военно-административную роль, но и были торговыми и экономическими центрами. Эта общая для городов функциональность обусловила одинаковый внешний облик городов.

Кроме того, изучение трудов российских исследователей, занимавшихся исследованием истории сибирских городов, весьма полезно именно потому, что сибирская урбанистика имеет богатый опыт и сложившиеся традиции в исследовании городов. Многие проблемы, поставленные исследователями истории городов Сибири, имеют непосредственное отношение к городам Казахстана [45]. К ним относятся вопросы, связанные с политикой абсолютизма по отношению к городам Сибири, социальным составом населения, органами городского самоуправления, взаимосвязью развития городской и сельской промышленности, формированием торгово-промышленного населения в городах, разработкой и постановкой вопросов источниковедческого и историографического характера. Актуальной для исследователей является тема типологической общности колонизации Сибири и Казахстана, и в частности, в вопросах градостроительства. Исследования сибирских ученых отличает теоретическая глубина и богатство источниковой базы.

Историю городов Казахстана в годы строительства социализма рассматривает А.С. Елагин [20]. Города в трактовке автора – главные двигатели прогресса, центры экономической, политической и духовной жизни народа. Такой подход характерен был в целом для советской исторической урбанистики, а потому казахские исследователи в своих оценках не были исключением. Плановое развитие промышленности – главный городообразовательный фактор, определяющий лицо советского города и его экономическую и культурную роль. Не случайно поэтому, в исследованиях автора представлена история городов, ставших центрами социалистической промышленности: Караганда, Риддер, Алматы и др. Исключительной и главной социальной функцией городов по отношению к деревне автор считал их роль в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Города становились центрами науки и культуры, а урбанизация, по мнению автора, способствовала материальному благосостоянию и «оказала благотворное влияние на быт, психологию, нравы и убеждения трудящихся, на их вкусы и привычки» [20, С. 112].

Определенную роль в становление научного направления в изучении городов Казахстана сыграл научно-исследовательский проект, разработанный и реализованный Институтом истории и археологии им. Ч. Валиханова Академии наук Республики Казахстан. Под руководством А.С. Елагина группа ученых и краеведов подготовила и издала труды по истории ряда городов Казахстана: Кустанаев [30], Караганды [24], Петропавловска [43], Семипалатинска [47]. Авторы рассматривают историю городов в контексте политической истории государства, выделяя страницы дореволюционного

прошлого городов в предысторию, тем самым, давая понять, что история города начинается с победы советской власти. Несмотря на классовый подход к оценке социально-экономических и политических процессов в городах, проект значительно расширил границы исторической урбанистики в Казахстане. В написании участвовали ученые-урбанисты Ж.К. Касымбаев, Э.И. Герасимова и др.

Вопросы исторического городоведения нашли освещение в работах Д.И. Дулатовой [19], Н.Е. Бекмахановой [12], Э.И. Герасимовой [15]. В них предприняты попытки обобщить и систематизировать проблемы казахстанской исторической урбанистики, анализируется развитие советской историографии городов по хронологическому принципу. Урбанизацию в Казахстане авторы связывали с общими процессами развития капитализма, с главным его проявлением – развитием промышленности и ростом промышленного капитала. Они выделяют две характерные для формирующейся казахстанской промышленности черты. Во-первых, размещение большей части промышленных предприятий в уездах, что свидетельствовало о том, что казахстанские города еще не стали крупными центрами промышленности. Во-вторых, в силу географического и политического положения Казахстана, как восточной колониальной окраины Российской империи, экономическая, политическая и военная деятельность самодержавия обусловила распространенность, главным образом, мелкой промышленности, при общей ее направленности на первичную обработку сельскохозяйственного сырья [15, С. 41]. Такое чрезмерное преувеличение промышленности как основного градоформирующего фактора не вполне оправдано. Сосредоточенность промышленности в уездах обусловлена была развитием добывающих отраслей, привязкой предприятий к местам добычи полезных ископаемых.

Более того, сложно согласиться с мнением авторов о том, что превращению городов Казахстана в крупные промышленные центры не способствовала и местная, прежде всего, транзитная торговля, значение которой в условиях неразвитости промышленности чрезвычайно поднималось, что, в свою очередь, «влияло на развитие промышленности, а также на внутреннюю торговлю города». По утверждению авторов, «мелкие торговые предприятия, возникавшие на торговых путях, заняли господствующее положение в экономической жизни городов, которые еще не стали центрами промышленного производства, не связанного непосредственно с земледелием. Они развивались большей частью как аграрно-торговые, административные и культурные центры края». Постепенное нарастание торгового капитала в экономике городов Казахстана привело к формированию промышленного капитала.

Авторы считают, что слабость развития промышленности обусловила и ее отраслевую структуру, и размеры предприятий. В городах концентрировались преимущественно пищевкусовые отрасли, кожеобрабатывающая промышленность, механические мастерские (в основном железнодорожные при депо), и преобладали мелкие и средние предприятия, позволявшие располагать производство и в обычных зданиях со сравнительно небольшой обслуживающей территорией. Это обстоятельство способствовало рассредоточению промышленности среди жилых районов. Такое положение «сказывалось на темпах роста казахстанских городов, сохранивших много черт, присущих раннекапиталистическому периоду. Такие города, как Верный, Уральск, Семипалатинск, Петропавловск, Усть-Каменогорск и другие занимали весьма скромное место в системе городов Российской империи». Подобная оценка роли городов Казахстана в системе городов Российской империи не совсем правомерна. Разумеется, что российские города с их многовековой историей стали вовлекаться в систему всероссийского рынка значительно раньше, чем города Казахстана. В данном случае более оправдано и научно объективно было бы сравнение роли городов Казахстана и Сибири в системе экономических связей данного региона.

В целом же, практически во всех работах названных авторов (за исключением А.С. Елагина) рассматриваются проблемы истории городов дореволюционного Казахстана. История городов советского периода не получила должного внимания со стороны исследователей. Вместе с тем, активный рост городов происходит в Казахстане со второй половины 20-х гг., особенно в период социалистической индустриализации промышленности и модернизации экономики.

Отдельные проблемы истории городов Казахстана получили освещение в работах авторов по истории Казахстана. Так Е. Бекмаханов, анализируя экономические последствия присоединения Казахстана к России, анализирует развитие экономики края и источники пополнения городского населения [11]. Развитие промышленности в городах автор рассматривает на материалах Акмолинской области. Общая характеристика хозяйственной жизни городов дана в исследовании Ц.Л. Фридмана [59]. Роль городов, как железнодорожных центров, в развитие экономических регионов республики показана в монографии М.Х. Асылбекова [7]. Характеристика революционного движения и классовой борьбы в городах Казахстана рассматривается в трудах Б.С. Сулейменова [51] и П.М. Пахмурного [42]. Проблему становления советских органов власти в городах Казахстана изучал К.Н. Нурпеисов [40]. Социально-демографические процессы в городах Казахстана исследуют М.Н. Асылбеков, А.Б. Галиев [6]. Проблемы формирования многонационального населения в городах Казахстана рассматривает Н. Бекмаханова [12].

Нельзя не отметить и данность в исторической урбанистике Казахстана научно-популярного и краеведческого направления, тем более, что история казахстанских городов в рамках данного направления получила глубокую разработку и имеет свои традиции. История практически всех городов республики была объектом внимания краеведов. Наиболее многочисленными являются тематические труды Н.А. Алексеенко об Усть-Каменогорске [3], А. Дубицкого об Акмолинске [18], К. Ахметова, М. Кенжебаева, М. Киреевой о Кызыл-Орде [8], а также статьи и брошюры, посвященные юбилеям городов [48]. Работы краеведческого характера, как правило, обладают красивым и звучным названием. В работах научно-популярного характера наибольший интерес представляет материал по вопросам культурного развития городов. Их отличает насыщенность фактологического материала, описание деталей из истории города на основе воспоминаний непосредственных участников и свидетелей исторических событий. В трудах краеведов содержатся данные о промышленности, торговле, перечень городских учреждений, описание внешнего облика, сведения об общественном и революционном движении, достижения в области культуры. Авторы работ, как правило, не ставят задачу решения сложных теоретических вопросов, ограничиваясь констатацией значительных фактов, описанием революционного прошлого, допуская, зачастую, преувеличение роли личностей в городских событиях. Краеведческие работы имеют общий недостаток, связанный с переоценкой значения местных условий в становлении и развитии городов. И хотя в целом источниковая база остается недостаточной, из таких работ можно почерпнуть немало фактологического материала.

С начала 90-х гг. прошедшего столетия в постсоветской исторической науке происходят глубокие изменения, характеризующиеся сменой методологической парадигмы. В центр исторического познания была выдвинута проблема человека, его взаимодействия с природой, духовные и нравственные архетипы в человеческом сознании. В фокус исторического исследования была поставлена социокультурная эволюция реальных человеческих общностей. Применение казахстанскими учеными методологии цивилизационного развития общества позволило на должном уровне изучить ряд исторических феноменов номадизма во всей их сложности и неоднозначности, показать многообразие истории и культуры казахского народа. В практике научного познания все чаще стало обращение ученых-историков к категории «цивилизация». Появились исследования, в которых показаны цивилизационные основы казахской государственности [46]. В научный оборот стали входить такие по-

нятия как «кочевая цивилизация», «степная цивилизация» [1], «казахская цивилизация», «тюркская цивилизация» [41].

В контексте новых подходов исследовались и вопросы урбанистических традиций в среде кочевников. Ведь базовыми характеристиками любой цивилизации наряду с государством и культурой является также город. Вопросы исторической урбанизации получили рассмотрение в рамках исследований проблем взаимодействия кочевых и оседлых цивилизаций. Актуализировалась дискуссионная проблема феномена города в кочевом обществе. Научные дискуссии в среде ученых вызвали вопросы специфики возникновения городов и особенности городской культуры у кочевников, уровень урбанизированности кочевнического общества. Свидетельством тому стали проводимые в Казахстане международные научные конференции по проблемам городской культуры в кочевых цивилизациях, в которых приняли участие ученые стран ближнего и дальнего зарубежья.

Казахстанский ученый-археолог К.М. Байпаков, исследовав процессы средневековой урбанизации в Семиречье, отмечал ее особенности и в Казахстане. По мнению автора, «город в Казахстане выступает не только как противоположность деревне, но и вместе с деревней является противоположностью степи. Город и деревня являются местом сосредоточения функций, характерных для оседлой и городской культуры по сравнению с кочевой степью» [9, С. 23]. Его соотечественник, ученый-историк Б.Е. Кумеков, исследуя спорную проблему урбанизированности кочевников, приводит много подтверждений о существовании городов у кимаков [29]. По данным Кумекова средневековые источники IX–XII вв. независимо друг от друга сообщают об освоении кимаками-кочевниками городской культуры.

Проблемы истоков градостроительной культуры у древних тюрков рассматривает Ш.С. Камалиддин [23]. Категорически отвергая взгляды авторов об отсутствии градостроительной культуры у кочевых народов, негативное влияние тюрков на развитие городской и земледельческой культуры, автор доказывает, что градостроительные традиции тюрков восходят еще к эпохе гуннов и более ранних племен. Автором поставлен вопрос о возможном участии древних тюрков в создании древнейших протогородских цивилизаций Средней Азии.

Проблемам специфики возникновения городов у кочевников Евразийского степного региона посвящены исследования американского профессора антропологии А.М. Хазанова [60] и французского ученого Ж. Леграна [33]. Первый автор придерживается точки зрения, что у кочевников, так же как и в оседлых обществах, возникновение и развитие городов связано с государством. В силу неав-

таркичности и специализированного характера кочевой экономики, она всегда должна была нуждаться в земледельческих и ремесленных продуктах, а главными центрами производства их были города. По мнению автора, кочевники нуждались в городах для своего жизнеобеспечения не меньше, чем земледельческие культуры. Автор характеризует разные модели (способа) решения этой проблемы. Легран настаивает на том, что происхождение городов в кочевых степях, движущие факторы этого явления необходимо искать в самой логике кочевой социальной системы. Строительство города является материализацией сети отношений, на которой стоит империя. Город нужен как вводный пункт, как портал, от которого авторитет хана распространялся в империю, как через социальные сети, так и по иерархическим линиям. Эта функция города касается и политических и экономических аспектов [33, С. 336]. Вопросы влияния религиозного фактора на развитие городской культуры на юге Казахстана рассматриваются Р.М. Мустафиной [36]. Автор связывает рост городов на юге Казахстана с распространением ислама.

В 90-х годах заметно активизировалось изучение истории городов Казахстана в рамках диссертационных исследований. В них получили рассмотрение вопросы значения городов в политической, духовной жизни общества, а также многоаспектное влияние города на жизнедеятельность традиционного казахского общества. Такой подход демонстрирует Г.М. Рахимова на примере г. Омска [44], Г.А. Алпыспаева на примере Акмолинска [4], А.Б. Таскужина на материалах истории г. Омска [55]. Город Омск представит в исследованиях авторов не только как экономический центр, но и выполняет функцию политического жандарма, политической борьбы, выступает как просветительский центр. А.Б. Кушпаева на материалах Оренбурга показала роль города в развитии торговых отношений в крае, в торговле с Россией и со странами Средней Азии, что еще раз подтверждает значение торгового капитала в процессах урбанизации в Казахстане [32]. Г. Кушаев предложил подходить к рассмотрению истории городов через призму топонимов, обосновывая необходимость изучения местоположения города, его планировку, при этом опираясь на источники и археологические материалы [31]. Советскому периоду истории городов посвящены исследования авторов: Б.К. Кузутбаевой по истории Актау (1959–2000 гг.) [27], Д. Топалова по истории городов Южного Казахстана в 20–30-е гг. [57], К.Ж. Нурбаева по истории Павлодара (1917–1946 гг.) [38], К.С. Нургалылова по истории Актюбинска (1946–1999 гг.) [39]. В исследованиях Г.Г. Такуовой [53] и Г.А. Мынтаевой [37] получили научную разработку проблемы социально-демографического развития городов Казахстана.

Таким образом, краткий историографический обзор проблемы позволяет сделать следующие выводы. В исследовательском поле исторической урбанистики получили научную разработку различные аспекты истории городов Южного Казахстана раннего и позднего средневековья. Исследования историков отличаются богатством фактологического материала, основываются на источниках и характеризуются стремлением к истине. Появившиеся в казахстанской науке в последние два десятилетия исследования средневековой урбанизации с опорой на современные методологические концепции отражают включенность казахстанских авторов в общий интеллектуальный процесс переосмысления и преодоления устаревших подходов к изучению урбанистических устремлений.

Историография истории городов Казахстана нового времени представлена работами ученых-урбанистов, в которых показаны общие закономерности горообразование процессов в крае, причины и обстоятельства возникновения городов, численный, социальный и национальный состав городского населения, их социально-экономический и демографический облик. Вместе с тем для большинства исследований характерно преувеличение роли и значения промышленности как главного составляющего динамики городов. Имеет место недооценка таких факторов горообразования как население, научно-образовательный и культурный комплекс. Внимание ученых концентрировано на изучении социально-экономических процессов в городах в ущерб исследованию городской культуры. Не стали объектом изучения такие сферы городской жизни как городское управление, архитектурная среда, благоустройство, городская повседневность, духовная жизнь горожан. Однако эти аспекты городской жизни во многом определяли и выступали показателями его развития. Их игнорирование обедняет научные представления о городе. Такой подход не может в полной мере и объективно показать всю многоаспектность горообразовательных процессов. Преобладание географического и социально-экономического подходов в исследованиях не позволили выделить целостную культуру города как объект исследования. Город и городское культурное пространство сохранили свою целостность в качестве объекта научного познания в краеведческих работах.

Еще не стал объектом научного познания историков урбанизации новейший период истории городов, в котором они приобрели колоссальное значение как место жизнедеятельности большинства населения. Если в историографии истории древних и средневековых городов Казахстана заметна смена методологической парадигмы, то изучение истории городов нового и новейшего времени осталось в рамках устаревших идеологических и методологических подходов.

Историография истории городов Казахстана, как теоретическая форма осмысления пройденного наукой пути, представлена в виде отдельных статей. Но в ограниченных рамках академической статьи сложно осветить все проблемы казахстанской исторической урбанистики, хронологические даты которой охватывают более сотни лет. В этом контексте разработка проблем исторической урбанистики Казахстана с опорой на современные методологические концепции, систематизация источников по историческому городоведению и включение их в научный оборот достаточно актуальны для казахстанской исторической науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А. Древняя Сары-Арка и степная цивилизация // Музеи Казахстана. 2007. № 5–6. С. 15–18.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.
- Алексеев Н.А. Усть-Каменогорск. Алма-Ата: Казахстан, 1970. 102 с.
- Алпыспаева Г.А. Проблемы социально-экономического развития Акмолы (1832–1914 гг.). Автореф. ... к.и.н. Алматы, 1997. 25 с.
- Аполлова Н.Г. Особенности возникновения и развития городов Оренбургского края в XVIII веке // Города феодальной России. Сб. статей памяти Н.В. Устюгова. М.: Наука, 1966. С. 456–462.
- Асылбеков М.Н., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алматы: Гылым, 1991. 192 с.
- Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917–1970 гг.). Алма-Ата: Наука, 1973. 327 с.
- Ахметов А., Кенжебаев М., Киреев М. Город на Сыр-Дарье. Алма-Ата, 1969.
- Байпаков К.М. Город и степь в древности: оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу. Известия национальной академии наук РК. Серия. общ. науки. 2008. № 1 (254). С. 3–25.
- Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 216 с.
- Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд. Академии наук СССР, 1957. 340 с.
- Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX вв. М.: Наука, 1980. 280 с.
- Герасимова Э.И. История города Уральска в дореволюционный период (1816–1917). Автореф. ... к.и.н. Алма-Ата, 1965. 26 с.
- Герасимова Э.И. Уральск: исторический очерк (1913–1917). Алма-Ата: [б.и.], 1969. 216 с.
- Герасимова Э.И., Бекмаханова Н.Е. Проблемы политической и социально-экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. (70–80-е годы) // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата: Наука, 1988. С. 25–49.
- Горячева А.А. Основание и развитие города Верного (1854–1900 годы). Автореф.... к.и.н. М., 1952. 25 с.
- Досанов Б.Д. История города Целинограда (Акмолинска) (1917–1970 гг.). Автореф. ... к.и.н. Алма-Ата, 1974. 32 с.
- Дубицкий А. Акмола – город славный. Акмолинск: б.и., 1959. 127 с.
- Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917). Алма-Ата: Наука, 1984. 272 с.

- Елагин А.С. Города Казахстана в период строительства социализма // Актуальные проблемы истории советского Казахстана (к 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана). Алма-Ата: Наука Каз.ССР, 1980. С. 78–112.
- Иваненко А.К. История города Караганды в годы довоенных пятилеток. Автореф. ... к.и.н. Алма-Ата, 1973. 24 с.
- Ишимурзин У.Ю. Дореволюционная история города Джамбула (1864–1917 гг.). Автореф. ... к.и.н. Алма-Ата, 1969. 25 с.
- Камолиддин Ш.С. О градостроительной культуре у древних тюрков // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 354–373.
- Караганда. Серия: история городов Казахстана. Отв. ред. Елагин А.С. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1989. 192 с.
- Касымбаев Ж.К. Города Восточного Казахстана в 1861–1917 гг.: социально-экономический аспект. Алматы: Гылым, 1990. 184 с.
- Касымбаев Ж.К. История города Семипалатинска (1718–1917 гг.). Алматы: Изд. «Олке», 1998. 276 с.
- Кузутбаева Б.К. Социально-экономическое развитие г. Актау (1959–2000). Автореф. ... к.и.н. Алматы, 2001. 29 с.
- Кумеков Б.Е. Государство кимаков по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 158 с.
- Кумеков Б.Е. Степная и городская культура кимеков // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 102–107.
- Кустанай: вчера, сегодня, завтра. Алма-Ата: Казахстан, 1979. 247 с.
- Кушаев Г. К. Из истории города Уральска // Музеи Казахстана. 2007. № 5–6. С. 40–42.
- Кушпаева А.Б. Развитие города Оренбурга как центра казахско-русских торговых взаимосвязей (последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX вв.). Автореф.... к.и.н. Алматы, 1994. 28 с.
- Легран Ж. Кочевые формы городов в степных кочевых империях // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 331–336.
- Малехоньков В.Г., Толстых З.Н. Возникновение города Кустаная. Кустанай: Кустанайский политиздат, 1959. 45 с.
- Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Акад. наук КазССР, 1950. 122 с.
- Мустафина Р.М. Ислам и городская культура на территории Казахстана // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 385–391.
- Мынтаева Г.А. Социально-демографическое развитие городского населения Казахстана (1970–1989 гг.). Автореф.... к.и.н. Алматы, 2001. 27 с.
- Нурбаев К.Ж. История Павлодара (1917–1946 гг.). Автореф. ... к.и.н. Алматы, 1998. 26 с.
- Нургалылов К.С. Актобе каласынын тарихы (1946–1999). Автореф. ... к.и.н. Алматы, 1994. 24 с.
- Нурпеисов К.Н. Становление советов в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1987. 238 с.
- Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников Евразийских степей. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. 310 с.
- Пахмурный П.М. Большевики Казахстана в революции 1905–1907 гг. Алма-Ата: Казахстан, 1976. 232 с.
- Петропавловск. Серия: история городов Казахстана. Отв. ред. Елагин А.С. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1985. 208 с.
- Рахимова Г.М. Город Омск в экономической, политической и духовной жизни казахского общества в к. XIX – нач. XX вв. Автореф. ... к.и.н. Алматы, 2000. 31 с.
- Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век. Новосибирск: Наука, Сиб. Отд., 1991. 209 с.
- Садыков Н. К. проблеме цивилизационных основ казахской государственности // Евразийское сообщество. 1997. № 3. С. 92–97.

47. Семипалатинск. Серия: история городов Казахстана. Отв. ред. Елагин А.С. Алма-Ата: Наука, 1984. 224 с.
48. Чесноков Н. Уральску 350 лет. Алма-Ата: Казгосиздат, 1963.
49. Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы: Гылым, 1998. 232 с.
50. Справочник по городу Петропавловску Акмолинской губернии на 1925 год; Дроздов Г.Н. Уральский округ и его районы. Выпуск II. Уральск: Гостипография им. Т. Луначарского, 1929.
51. Сулейменов Б.С. Революционное движение в Казахстане в 1905–1907 гг. Алма-Ата: Наука, 1977. 255 с.
52. Табылдиев Х.Б. История социалистического Гурьева (1917–1937). Автореф. ... к.и.н. Алма-Ата, 1971. 24 с.
53. Такуова Г.Г. Городское население Казахстана в послевоенный период (1946–1959 гг.). Социально-демографический аспект. Автореф. ... к.и.н. Алматы, 2002. 28 с.
54. Тыныбаев Ж. Новь древнего Чимкента. Алма-Ата: б.и., 1971. 129 с.
55. Таскужина А.Б. Развитие г. Омска как центра политических, хозяйственных и культурных отношений в Степном крае 1822–1891 гг. Автореф. ...к.и.н. Алматы, 1997. 24 с.
56. Толстов С.П. Древний Хорезм. М.: МГУ, 1948. 440 с.
57. Топалов Д. Социально-экономическое развитие городов Южного Казахстана в 1920–1930-е гг. (исторический аспект). Автореф. ... к.и.н. Алматы, 2004. 28 с.
58. Туманшин К.М. История развития Петропавловска и его уезда (1861–1917). Автореф. ... к.и.н. Алма-Ата, 1960. 26 с.
59. Фридман Ц.Л. Банки и кредиты в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1974. 176 с.
60. Хазанов А.М. Кочевники и города в Евразийском степном регионе и соседних странах // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 318–330.
61. Чемирбаева Б.И. История возникновения и развития Риддера (1786–1917 гг.). Автореф. ... к.и.н. Алма-Ата, 1969. 25 с.

* * * * *

УДК 911.37

Мазур Людмила Николаевна

*доктор исторических наук, доцент
заведующая кафедрой документационного
и информационного обеспечения управления
Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург
Lmaz@mail.ru*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ

В статье рассматриваются теоретические проблемы исторической урбанистики: методологические подходы к определению понятия урбанизация, а также проблемы датировки начала процесса урбанизации и ее этапов.

Ключевые слова: урбанистика, урбанизация, историческая урбанистика, периодизация.

Masur Lyudmila Nikolaevna

*doctor of historical sciences, associate professor
Ural Federal University named after B. N. Yeltsin
head of the chair of documentation and information management software
Ekaterinburg
Lmaz@mail.ru*

THEORETICAL PROBLEMS OF URBANIZATION STUDIES

In the article, theoretical problems of historical urbanistics including methodological approaches to the definition of urbanization concept, the problems of dating of the beginning of urbanization process, and its stages are considered.

Keywords: urbanistics, urbanization, historical urbanistic, periodization.

Важнейшей чертой современной цивилизации является особая роль городов и их значение в жизни общества, т.е. то, что обычно называют «урбанизацией». Среди наиболее актуальных теоретических проблем изучения урбанизации выделяются вопросы, связанные с уточнением понятийного аппарата, особенно ее центральных понятий (урбанизация, город и проч.), а также проблемы периодизации. От ответов на эти вопросы во многом зависят не только общие представления о процессе урбанизации и его характере, но прогнозируемый результат развития общества, поскольку этот прогноз становится основой для принятия управленческих решений.

Теоретические подходы

к определению понятия «урбанизация»

Термин «урбанизация» стал уже настолько привычным, что начинает восприниматься нами не только как научное понятие, но и как вполне обыденное слово. В результате такой миграции термина из научного языка в повседневный речевой оборот невольно начинают размываться и размножаться его смыслы, затрудняя применение в качестве инструмента исследования. Вновь возникает потребность проанализировать динамику семантики понятия и уточнить его наполнение, привязав к используемым в исторической науке познавательным схемам.

Понятие урбанизации начинает научно разрабатываться в 1950-е гг. Изначально оно приобретает междисциплинарный характер, становясь объектом изучения географической, социологической, демографической, экономической и, наконец, исторической науки, поскольку затрагивает разные аспекты жизни общества. В

каждой из них формируются свои подходы к определению понятия и свои схемы периодизации и критерии оценки переходных состояний.

Наибольший вклад в разработку понятийного аппарата и теории урбанизации внесла *географическая наука*, которая еще в конце 1950-х гг. предложила ряд теорий, объясняющих закономерности трансформации поселенческой сети в XX веке. Основным объектом анализа в этом случае выступала городская система расселения, а содержание урбанизации соотносилось с формированием принципиально новых форм расселения (агломераций, мегаполисов и проч.), с которыми связаны процессы интеграции городской и сельской поселенческой среды. Так, например, Э.Б. Алаев при характеристике урбанизации определяет ее как процесс роста численности городских поселений, концентрации в них и, особенно в крупных городах, населения, сопровождающийся распространением городского образа жизни на всю сеть поселений [1, С. 205]. Основные черты урбанизации – территориальная концентрация городского и сельского населения, рост крупных городов, образование агломераций рассматриваются исследователями как универсальная тенденция, связанная с формированием индустриального общества.

Теории урбанизации с учетом методологических подходов к оценке ее перспектив можно условно подразделить на линейные и циклические (стадиальные). Примерами линейных концепций, в рамках которых данный процесс рассматривался как необратимый и направленный на однозначное укрупнение расселенческих структур и преобразование сельской местности в города, являются теории, получившие развитие в советской географической науке. К их числу относится концепция, предложенная в конце 1950-х гг. В.Г. Давидовичем. Он выделил в качестве магистрального направления развития поселенческой среды – формирование групповых систем как закономерного результата концентрации производства. В качестве групповых систем рассматривались взаимосвязанные городские и сельские поселения разной величины и профиля, объединенные территориально-производственными связями, общей инфраструктурой [6]. В пользу групповых систем расселения высказались также А.В. Кочетков, Ф.М. Листенгурт, А.Г. Вишневский, Ю.Л. Пивоваров и др., они считали этот процесс неизбежным и необратимым [3; 9; 17].

В 1960-е гг. складывается другое теоретическое направление, получившее название концепция Единой системы расселения (ЕСР). Она была разработана в Центре по изучению проблем народонаселения МГУ и наиболее полно отражена в работах Б.С. Хоре-

ва. Он считал, что диалектика урбанизации связана не со сверхурбанизацией, а с созданием единой системы городского и сельского расселения, их слиянием [23, С. 238–239]. Эти же идеи получили развитие в 1970-е гг. в концепции опорного каркаса расселения (ОКР), где в качестве одного из разработчиков выступил Г.М. Лаппо [10]. Основная идея теории ОКР состояла в необходимости выделения и преимущественного развития в качестве опорных узлов городов, агломераций и связывающих их магистралей [11, С. 125]. Дальнейшая разработка данной концепции принадлежит П.М. Поляну, который предложил методику выделения городских агломераций, обосновал критерии города-ядра и способы определения границ спутниковой зоны [18, С. 177]. Все рассмотренные выше теоретические схемы исходили из того, что расселение подлежит совершенствованию, развитию с помощью планирования. Их базовые идеи были положены в основу Генеральной схемы расселения СССР, которая на долгое время стала инструментом преобразования поселенческой сети и теоретической основой изучения проблем расселения [2, С. 44].

Таким образом, в контексте отечественных теорий урбанизации урбанизационный переход соотносится с процессами формирования агломерационных структур, которые прослеживаются в России с 1930-х гг. и позволяют говорить о переходе к принципиально новой стадии расселения.

Наряду с линейными теориями урбанизации, которые можно рассматривать как вариант «рабочих» концепций, отражавший условия и уровень развития географической науки в указанный период, уже в 1960-е гг. получили распространение стадиальные теории урбанизации. Они способствовали ее пониманию как циклического процесса смены стадий концентрации-деконцентрации населения. Первые разработки в этом направлении были связаны с именем Дж. Джиббса, который выделил пять основных стадий урбанизации:

- для первой стадии характерно преимущественное развитие сельской местности, а города, вписанные в сельские ареалы, остаются в росте;
- вторая стадия отличается усилением темпов роста городов при замедлении развития сельской местности;
- на третьей стадии определяющим становится процесс оттока сельских жителей в города;
- четвертая стадия урбанизации соотносится с кульминацией стягивания населения в большие города и агломерации при одновременной потере жителей малыми городами;

– пятая стадия цикла характеризуется деконцентрацией населения, ростом людности малых поселений, в т. ч. вне агломераций [4, С. 111].

Эти идеи стали толчком для разработки других теорий урбанизации.

Следует подчеркнуть, что периодизация в стадияльных теориях строится с учетом динамики численности населения в сельской местности и городах, которая формируется под влиянием миграционных потоков. Их направленность и интенсивность становится важнейшим критерием урбанизации. В этом случае датировать начальный период урбанизации практически невозможно, т.к. он соотносится с ситуацией, когда миграция носила несистемный характер и не влияла на численность населения городов, а динамика народонаселения в целом складывалась под воздействием традиционного типа демографического воспроизводства. Кроме того, в данных концепциях не учитываются социальные, культурологические, экономические сдвиги, которые выступают отражением урбанизационных процессов и проявляются в системе расселения.

В контексте *демографического подхода* урбанизация – это рост населения городов, особенно больших (свыше 1 млн.), и повышение удельного веса городского населения в стране или регионе, или мире в целом (если в 1800 г. доля городского населения в мире составляла около 3%, то в 1994 г. – уже 45%). Соответственно, основные признаки урбанизации опираются в этом случае на демографические показатели, которые нашли, в частности, отражение в работе Ж.А. Зайончковской. Она на основе анализа динамики расселения и демографических процессов в качестве критерия перехода от традиционной стадии к урбанизированной называет появление дефицита демографических ресурсов в сельской местности в результате миграционного оттока и демографического перехода [8, С. 3]. В России этот момент наступает в 1930–1940-е гг. и наиболее ярко проявляется в послевоенный период, т. е. с учетом демографического фактора начало процессов урбанизации сдвигается к временной отметке – середина XX века.

С позиций *экономической науки*, урбанизация рассматривается как процесс сосредоточения населения и экономической жизни в городах при одновременном преобразовании сел в поселки городского типа [22]. Причем основой, организующей жизнь городского населения в условиях урбанизации, является производство товаров и услуг. В этом контексте процессы урбанизации жестко соотносятся с индустриализацией и ее поздней стадией, связанной с развитием третичного сектора экономики [21], а в социальном плане с формированием общества потребления, которое складывается так-

же во второй половине XX века. Особое внимание этому процессу уделялось представителями чикагской школы социологии [16].

Таким образом, с учетом критериев, предложенных в географической, экономической науках и демографии, урбанизация – это явление, относящееся к новейшему времени и связанное с формированием современного общества. Однако его хронологические рамки остаются неопределенными, т.к. основаны на оценке продолжающихся, растянутых во времени экономических и демографических процессов переходного характера. Общепринятым критерием урбанизированного общества в этом случае выступает соотношение городского и сельского населения, при котором численность горожан активно растет и начинает определять структуру населения региона или страны, достигая 60-80%. С учетом этого показателя создание урбанизированного общества в России приходится на вторую половину XX века. По РСФСР в целом доля городского населения по переписи 1926 г. составляла 18%, в 1939 г. – 33%, а к 1959 г. – 52% [7, С. 11], т.е. переваливает за 50% отметку только к 1960-м гг.

Урбанизация в *социально-философском значении* рассматривается, как правило, через призму перехода от традиционного общества к качественно новому типу – индустриальному и постиндустриальному. Причем стадия наиболее интенсивной урбанизации связана с процессом индустриализации, формированием современного общества и является важнейшей составляющей процесса модернизации. Урбанизация приводит к принципиальным изменениям в структуре занятости, образе жизни, характере социальных отношений. Важнейшим социальным последствием ее является формирование новой системы социокультурных отношений, отличных от общинных и ориентированных на самостоятельную личность – индивидуума, права и интересы которого становятся приоритетными. В результате происходит замена традиционных общественных, политических, образовательных, культурных институтов новыми, построенными на бессословном принципе и гражданских правах и свободах, и именно они начинают определять характер и содержание городской среды и городского образа жизни.

Такой подход позволяет осмыслить урбанизацию в социальном измерении и отойти от укоренившихся в научных практиках схем, ориентированных исключительно на экономико-географический анализ городов. В этом случае фокус внимания перемещается на «образ жизни» населения, который более точно позволяет судить о глубине перестроечных процессов. Точкой отсчета для анализа служит понятие традиционного образа жизни, которое практически не разработано в социологической науке, но имеет опыт изуче-

ния в философии, культурологии, этнологии в контексте понятия «традиционная культура». Оно нередко соотносится с представлениями о народной культуре и, в свою очередь, включает исторически сложившиеся подтипы – городская, слободская, крестьянская культура и соответствующие им образы жизни.

В социально-культурном плане урбанизацию необходимо рассматривать как процесс модернизации образа жизни, в том числе собственно городского, от его традиционного варианта к современному (с учетом всех промежуточных стадий эволюции) и создание некоторого общего стандарта, который реализуется и в городской, и в сельской среде, но не одновременно и с определенными вариациями. Таким образом, в ходе урбанизации меняется как город, так и деревня. Трансформацию сельского образа жизни можно охарактеризовать как вторичный процесс, поскольку ее тренд и характер определяется не только влиянием факторов макроуровня, но и контактной городской среды.

Для изучения урбанизации в социальном измерении возникает потребность разграничить феномен «образа жизни» в вертикальном (временном) и горизонтальном планах, т.е. уточнить содержание «традиционного» и «урбанизированного»; «городского» и «сельского» образа жизни. Они соотносятся с определенными направлениями и стадиями урбанизации, которая первоначально охватывает городскую среду, способствуя превращению городов в центры модернизационных (технических, культурных, политических и проч.) инноваций и появлению новых стандартов условий жизни, труда, отдыха и поведения. Именно они соответствуют современному пониманию «городского образа жизни». В дальнейшем город становится источником распространения данной модели и внедрения ее в границах контактного пространства, которое постоянно расширяется. Отличительной особенностью эволюции (урбанизации) сельского образа жизни является ее запаздывающий характер, низкие темпы перестройки и сохранение в течение длительного времени традиционных черт, в том числе более тесной связи с окружающей природной средой, определяющей жизненные циклы сельской повседневности.

Основные смыслы понятия «урбанизация», которые сегодня представлены в науке, можно свести к трем основным тезисам: 1) исторический процесс *повышения* роли городов в развитии общества; 2) *сосредоточение* населения, материальной и духовной культуры в городах; 3) *распространение* городской культуры и образа жизни [25]. Причем все три варианта отражают взаимодополняемые процессы трансформации экономической, социальной, демографической, культурной сферы жизни общества, связав их,

прежде всего, с городской средой и городами. В этом проявляется сложившееся в общественном сознании и подсознании противопоставление города и деревни, преодоление которого и составляет социальный смысл урбанизации.

Этот вывод становится еще более очевидным, если мы обратимся к этимологии самого слова «урбанизация» (от лат. urbanus – городской). В обиходном словаре его начинают использовать во второй половине XIX в., вкладывая поведенческие смыслы. В самом начале слово «урбанизировать» означало «делать вежливым», преобразовывать что-либо или кого-либо в нечто утонченное, что ассоциировалось именно с городской средой и культурой. Этот посыл к трансформации сохраняется в семантике слова и сегодня, поскольку урбанизация – рассматривается как процесс *изменений* [26].

Такое позднее распространение слова не случайно, оно появилось как результат рефлексии двух качественных противоположных состояний: город и село, городской образ жизни и сельский, и складывается именно в условиях кардинальных трансформаций. В традиционном обществе, где также существовали города и сельская местность, культурный разрыв между ними, проявившийся в противопоставлении образа жизни, не был таким очевидным и глубоким. Он становится ощутимым только на начальной стадии урбанизации, когда города уже начинают жить по новым законам, а деревня остается хранителем традиционных ценностей.

Раймонд Уильямс, исследуя эти вопросы в своей работе «Деревня и город», изданной в 1973 г., указывал, что современная модель городской жизни возникает под влиянием промышленного переворота и развития капиталистических отношений. Ее формирование связано с новыми информационными каналами и общественными институтами – это средства массовой информации и коммуникации, учреждения культуры и образования, общественные и политические организации, клубы и проч. В результате этих нововведений нарушается целостность бытия и мировосприятия человека. Для городской модели характерна культурная полифония, включающая как культуру интеллектуального меньшинства, народную городскую культуру, так и коммерческую культуру большинства, поставив человека перед выбором [24]. По всем своим характеристикам она противостоит деревенской культуре, сохранившей черты традиционности, воспринимаемой в городской среде как проявление отсталости, «деревенского идиотизма».

В этом смысле урбанизацию, как процесс, нельзя однозначно соотносить с историей городов, поскольку она выходит за рамки этого противостояния. Города появляются на определенной стадии развития общества как результат общественного разделения

труда и выполняют особые исторически обусловленные функции, связанные с управлением, обороной, торговлей, ремесленным производством и т.д., т.е. они выступают обязательным элементом территориальной организации общества. Древние и средневековые города – это особое явление и их следует воспринимать как элемент традиционного общества. Они принципиально отличаются от современного города по своим функциям, структуре, среде обитания, планировке, т.е. по всем системным характеристикам и эти изменения – есть результат урбанизационной перестройки общества, в котором города становятся основными центрами.

К вопросу о начальном этапе урбанизации

Историческая наука, как уже не раз бывало, выступает невольным синтезатором сложившихся в науке подходов к изучению урбанизации. Во многом это происходит благодаря тому, что история – наука «точная» и призвана датировать все основные исторические процессы, сориентировать их в пространстве и во времени. Причем историческое исследование в этом случае выступает в качестве экспериментальной площадки для теоретических разработок других наук и одновременно уточняет их с использованием конкретно-исторического материала.

Изучая в историческом плане процессы урбанизации, сталкиваешься, прежде всего, с проблемой ее периодизации, в основе которой лежит вопрос о начале, отправной точке урбанизационных изменений. При этом необходимо признать принципиальную невозможность зафиксировать во времени точную дату, но дать хотя бы относительные ориентиры необходимо. Иначе нет смысла говорить о каких-то сущностных характеристиках, стадиях этого процесса, его результатах и перспективах.

В настоящее время сложились два основных методологических подхода к периодизации урбанизации – это мир-системный и модернизационный.

Подход к урбанизации как всеобщему единому историческому процессу нашел наиболее полное воплощение в концепции «мир-система», возникновение которой в 1970-е гг. связано с именами А.Г. Франка, И. Валлерстайна, С. Амина, Дж. Арриги и Т. дос Сантоса. По И. Валлерстайну, мир-системный подход – это теория, описывающая генезис, механизм функционирования и эволюцию «исторических систем» или «мир-систем», т.е. длительно существующих, интегрированных явлений, внутреннее единство которых обеспечивается экономическими, политическими и культурными взаимодействиями [Цит. по: 5]. Структура и границы системы определяются общественным разделением труда и под-

разделяются на два типа: мини-системы (первобытные общества) и миры-системы, представленные в ранний период империями (с 8000 г. до н.э. до 1500 г. н.э.) и мир-экономиками. К последнему типу относят капитализм, который оказался единственной экономической мир-системой, сложившейся и устоявшей в перипетиях нового и новейшего времени (начиная с XVI в. и вплоть до настоящего времени). Социализму в этом отношении не так повезло, хотя его исторический опыт также отрицать полностью не стоит.

Свое место в мир-системной концепции занимает понятие урбанизации, которая рассматривается как основа государственности и соотносится с процессом формирования государств в IV – начале III тыс. до н.э., ранней формой которых был собственно городской вариант. В этом случае процессы урбанизации измеряются в глобальном масштабе и соотносятся с историей создания и развития городов как таковых. Хотя сам город как историческое явление очень многолик: от укрепленного поселения до города-государства и царской резиденции. Все это многообразие, доходящее до очевидной несопоставимости изучаемых явлений, свойственно традиционному обществу, особенно его древнему периоду. Город нового и новейшего времени – более однородное понятие, но оно также не совпадает по своим характеристикам, функциям и роли с ранними историческими вариантами. Это дает основание усомниться в возможности рассматривать урбанизацию как единый трансисторический процесс.

При изучении урбанизации в контексте мир-системного подхода наиболее удобным выходом из сложившейся ситуации является вынесение традиционного общества в отдельную стадию. Исторически процесс урбанизации делится на три основные стадии. Первая идентифицируется с периодом от того времени, когда люди начали жить в городах, вплоть до XVIII столетия, при этом размеры и количество городов были очень незначительными и не превышали 100 000 жителей. Вторая стадия характеризуется быстрым ростом размеров и числа городов как результат процессов индустриализации. Третья стадия – централизация людей и богатства, а также политических, экономических и культурных учреждений общества в городах. Выделяют также и четвертую стадию – дезурбанизацию (субурбанизацию), связанную с ростом предместий, миграцией в сельские районы и создание «новых городов».

В рамках модернизационной теории урбанизация рассматривается как глобальный процесс кардинальной перестройки общества на городских началах, который соотносится с определенной стадией исторического развития – переходом от аграрного общества к индустриальному и не совпадает с представлением об историческом развитии городов. В этом случае подчеркиваются карди-

нальные отличия городской системы традиционного общества от урбанизированного. Лишь в условиях индустриализации города приобретают новые функции и роли, становясь точками роста и основной предпосылкой для модернизации общества, определяют этот процесс. Точкой отсчета взаимосвязанных процессов индустриализации и урбанизации нередко называют Промышленную революцию конца XVIII в. [27].

В частности, Г.А. Дидерикс, характеризуя процессы модернизации стран Западной Европы в XV–XX вв., однозначно соотносит урбанизацию с индустриальной стадией и рассматривает ее как результат концентрации производства и населения в городах [14, С. 11]. При этом подчеркивается, что города были присущи аграрному обществу и представляли собой один из вариантов традиционной организации общества. Несмотря на выполнение значимых функций (военных, административных, ремесленных и проч.), они не имели того влияния, как в более поздний период, и были вписаны в сельскую округу.

К данной точке зрения очень близка позиция Б.Н. Миронова, посвятившего много времени изучению истории российских городов, динамике их развития в имперский период [12; 13]. В частности, в своих работах он акцентирует внимание на определенном этапе российской истории (XVII – начало XX вв.), когда город и деревня переживают большие перемены. До середины XVII в., по его мнению, российский город и деревня «представляли собой единое в социальном, экономическом и культурном отношении пространство» [13, С. 202]. Только с середины XVII в. правительство в законодательстве и на практике начинает устанавливать различия между городом и деревней, дифференцируя их в административном отношении. В дальнейшем различия усиливаются европеизацией быта и культуры российского города и связаны с петровскими преобразованиями. Процесс дифференциации достигает своего логического завершения к 1861 г., проявляясь в экономическом обособлении городской и сельской среды.

В рамках этого процесса размежевания выделяется очень важный для понимания специфики российской урбанизации период – 1775–1785 гг., когда произошло официальное разделение города и деревни с определением критериев статуса поселения и приданием новых функций городам – не только административных, но и культурных, информационных и проч.

Б.Н. Миронов формулирует интересную мысль о цикличности процессов взаимодействия города и деревни в условиях урбанизации: от слитности к дифференциации и затем – к интеграции. По его мнению, завершение стадии размежевания относится к

1860-м года, и уже в пореформенное время складывается тенденция к их интеграции, которая не успела реализоваться к 1917 г. [13, С. 203], как, впрочем, и к настоящему времени тоже.

Таким образом, с учетом характера связи между городом и селом Б.Н. Миронов фактически выделил следующие стадии развития российского общества:

- до XVII в. – отсутствие принципиальных различий между городом и деревней в правовом, социальном, культурном, экономическом отношении, что свойственно традиционному обществу;

- стадия дифференциации города и села (XVII – середина XIX вв.) как следствие сначала административных решений, а затем социальных, экономических, политических, культурных процессов модернизации. В этих условиях все факторы развития концентрируются в городах и создают предпосылки для трансформации и модернизации городской среды, способствуя углублению различий с деревней и формируя ситуацию противостояния;

- стадия интеграции (вторая половина XIX – XX вв.). Под влиянием города урбанизационная перестройка начинает захватывать сельскую местность и образ жизни, транслируя на нее городские стандарты и нормы жизни.

Таким образом, в рамках данной периодизации вторая и третья стадия (дифференциация и интеграция) соотносятся непосредственно с урбанизацией.

Характеристика процессов урбанизации в России, как составной части модернизации, и ее периодизация нашли отражение в работах А.С. Сеньявского [19; 20], который предложил следующую схему:

- первая стадия или прото-урбанизация – период, связанный с возникновением и развитием городской сети в традиционном обществе (до середины XIX века), когда были заложены основы современной сети городских поселений, и сформировались механизмы и традиции градообразования и городской жизни, отличные от сельской местности;

- вторая стадия – урбанизационный переход – «качественно выделяющаяся «высшая» стадия урбанизационного процесса, которая ведет к радикальному преобразованию всего общества на «городских началах»» [15, С. 72]. Начало этому этапу положили преобразования 1860–1870-х гг. и прежде всего отмена крепостного права. В рамках урбанизационного перехода выделяются несколько циклов, тесно связанных с волнами российской индустриализации.

Если говорить в целом о дефиниции термина «урбанизация», то А.С. Сеньявский отталкивается от понимания ее как процесса «городского освоения» территорий и соотносит его с формированием городской сети как таковой. Таким образом, в отечественной исто-

рической науке формируются свои подходы к изучению урбанизации как особого этапа в истории городов, хотя концептуализация этого направления (исторической урбанистики) еще не завершена и требует дальнейшей разработки.

Важнейшей методологической проблемой изучения урбанизации является сосредоточение внимания урбанистов исключительно на городах, отказ от признания комплексного характера урбанизации. Преодолеть этот перекося позволяет комплексное изучение не только городской, но и сельской местности, также переживающей качественную перестройку в условиях урбанизации и меняющей свои качественные характеристики. Может быть, на этом пути системного анализа эволюции всей поселенческой сети в целом, возможно решение изложенных выше проблем и достижение согласования основных подходов к изучению урбанизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М., 1977.
2. Браде И., Перчик Е. Н., Питерский А. С. Районная планировка и разработка схем расселения. Опыт и перспективы. М., 2000.
3. Вишневский А. Г. Экономические проблемы развития форм городского расселения // Проблемы современной урбанизации. М., 1972.
4. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М. 2001.
5. Гусов К.: Мир-системный подход Иммануила Валлерстайна о либерализме // Режим доступа: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=803>
6. Давидович В. Г. Расселение в промышленных узлах СССР. М., 1960.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1962.
8. Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
9. Кочетков А. В., Листенгурт Ф. М. Расселение в СССР. М., 1981.
10. Лаппо Г. М. Опорный каркас территориальной структуры народного хозяйства // Территориальная организация производительных сил СССР. М., 1978. С. 3–25.
11. Лаппо Г. М. Становление и развитие исследований проблем городских агломераций в СССР // Динамика расселения в СССР. Вопросы географии. Сб. 129. М., 1986.
12. Миронов Б. Н. Российский город в 1740–1860-е гг. Л., 1990.
13. Миронов Б. Н. Историческая социология России. С.-Пб., 2009.
14. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. М., 1998.
15. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. М., 2000.
16. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. Т. 2. № 3. 2002.
17. Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация. М., 1976.
18. Полян П. М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. Часть 1. М., 1988.
19. Сенаевский А. С. Российский путь к городскому обществу в контексте модернизационных процессов // Уральский исторический вестник, № 5–6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). Екатеринбург, 2000.
20. Сенаевский А. С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003.
21. Словарь // Режим доступа: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RRlqyuw:qutusoqo
22. Урбанизация. Словарь экономических терминов // URL: <http://krcor.ru/dict/y.html#УРБАНИЗАЦИЯ>

23. Хорев Б. С. Территориальная организация общества: Актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР. М., 1981.
24. Уильямс (Williams) Реймонд (Генри) (1921-1988) // Культурология
25. Урбанизация // Толковый словарь обществоведческих терминов. Режим доступа: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/u/urbanizaci8.html
26. Урбанизация // Большой толковый социологический словарь терминов онлайн. Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/u/urbanizatsija.html>
27. Урбанизация // Мегазнциклопедия Кирилла и Мефодия. Режим доступа: <http://www.megabook.ru/Article.asp?AID=680860>
28. XX век. Энциклопедия. // Режим доступа: <http://5-ka.ru/cult/511.html>

* * * * *

УДК 316.334.56

Вершинина Инна Альфредовна

кандидат социологических наук, доцент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

г. Москва

inna_ver@rambler.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГОРОДА И УРБАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКЕ

В статье вычленяются и концептуализируются основные проблемы, а также выявляются методологические подходы современной социологической урбанистики. Дается обзор становления и развития понятийно-категориального аппарата современной урбанистики. Делается вывод о соответствии трансформаций урбанистического дискурса стремительным социальным изменениям.

Ключевые слова: социологическая урбанистика, урбанизация, метрополис, постметрополис, Лос-Анджелесская школа.

Vershinina Inna Alfredovna

candidate of sociological sciences, associate professor

Lomonosov Moscow State University

Moscow

inna_ver@rambler.ru

THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE CITY AND URBANIZATION IN MODERN URBAN SOCIOLOGY

The article extracts and conceptualizes the key issues and clearly recognizes the methodological approaches of contemporary urban sociology. The article also provides an overview of the formation and development of concepts of modern urban studies. It is concluded

that the transformations of urban discourse are correlated with rapid social change.

Keywords: urban sociology, urbanization, metropolis, postmetropolis, Los Angeles school.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-03-00546.

Современная урбанистика демонстрирует необычайное многообразие теорий и направлений исследований. Урбанистские исследования никогда не были столь мощными, столь широкими по предметной сфере и по дисциплинам, вовлеченным в исследование городов, как на рубеже XX–XXI веков. Они не только предлагают широкий спектр новых идей и подходов, но и находятся в тесной связи с политическими и экономическими событиями современности. Как утверждает Э. Сойя (E. Soja), современность – это в равной мере лучшее и худшее время для изучения городов, в них множество нового и бросающего вызов, и в то же время в исследованиях как никогда мало согласия относительно того как их изучать и понимать, практически и теоретически [17, Р. 12]. Э. Сойя – представитель Лос-Анджелесской школы в социологической урбанистике, одной из наиболее влиятельных на сегодняшний день.

Лос-Анджелесская школа заявила о себе в самом начале последнего десятилетия XX века. Первым о ней упомянул М. Дэвис (M. Davis) в работе «Кварцевый город» («City of Quartz») в 1990 году [10]. Наиболее известными представителями данной школы, безусловно, являются М. Дэвис и Э. Сойя, однако, заслуга ее популяризации принадлежит более молодым исследователям, работающим также в Лос-Анджелесе – М. Диару (M. Dear) и С. Фласти (S. Flusty) [11].

Исследователи Лос-Анджелесской школы в начале 1990-х годов обратили внимание на тот факт, что урбанистские формы и процессы даже в США больше не соответствуют классическим моделям Чикагской школы [15, Р. 189]. Они не нашли города с концентрическими зонами, упорядоченными доминирующим центром. Лос-Анджелес предстал перед ними как полиядерный урбанистский регион, в котором центр слишком слаб для того, чтобы навязывать какой-либо порядок всем его различным частям.

Указав на несостоятельность классических схем при анализе современных урбанизационных процессов, исследования Лос-Анджелесской школы также продемонстрировали, что современная урбанистика не являет собой единство в методологическом плане. В ней присутствуют в равной мере постмарксистские, постструктуралистские, постмодернистские подходы, а также старые социологические схемы, укорененные в теориях постиндустриализма

и постфордизма [2, С. 82]. Одна из главных проблем современной социологической урбанистики – определение ее предметного поля. Об этом свидетельствует отсутствие общего понятийного аппарата для обозначения больших городов. Рассмотрим наиболее распространенные понятия современной урбанистики.

Два различных англоязычных термина «megacity» и «megalopolis» зачастую переводятся на русский язык одинаково – «мегаполис». Хотя в англоязычной литературе можно встретить различные варианты их понимания. Некоторые авторы трактуют эти термины как разные понятия, другие считают возможным их использование как синонимов. Чтобы разобраться в значении каждого из этих терминов, необходимо понять кем, когда и для чего они были предложены.

В 1970-е годы ООН стала использовать термин «megacity» для обозначения городских поселений с численностью населения 8 миллионов человек и более. В 1990-х годах ООН подняла минимальную численность населения «megacity» до 10 миллионов человек. В русскоязычных версиях докладов ООН термин «megacity» часто переводится как «мегаполис» (Это очевидно, например, при сравнении англоязычной и русскоязычной версий одного из них «State of World Population 2007. Unleashing the Potential of Urban Growth» и «Народонаселение мира в 2007 году. Использование потенциала урбанизации»).

Термин «megalopolis» был введен в научный оборот франко-американским исследователем Ж. Готтманном (J. Gottmann) для обозначения высокоурбанизированной зоны на восточном побережье США. Ж. Готтманн в работе «Мегалополис: урбанизированное северо-восточное побережье США», опубликованной в 1961 году, подробно описал район между Вашингтоном, Нью-Йорком и Бостоном, который и назвал мегалополисом [14]. С тех пор в американской литературе мегалополисом принято называть огромные урбанизированные регионы, объединяющие несколько городов. Именно в этом смысле термин «megalopolis» до сих пор понимает ряд зарубежных исследователей [9].

Интересно, что в ряде документов ООН термин «megalopolis» стал употребляться в смысле, близком к тому, который раньше выражался с помощью понятия «megacity». Например, в докладе «Состояние городов в Российской Федерации» частью исторического наследия нашей страны названы «такие мегалополисы, как Москва и Санкт-Петербург» [19, Р. 14]. Поэтому можно сделать вывод о том, что термин «мегаполис» не является однозначным ни для англоязычной, ни для русскоязычной научной литературы.

Метрополис (metropolis), согласно определению одного из словарей, представляет собой город, в котором находится резиденция

правительства или церковной власти, являющийся культурным или финансовым центром; то есть это главный (хотя не обязательно столичный) город страны, штата, региона [20, Р. 168]. В том же словаре указано, что довольно часто данный термин используется для обозначения любого большого города, однако четких критериев для выделения больших городов не предложено, хотя очевидно, что они необходимы, иначе понятие становится слишком неопределенным. Большой город в каждой стране может пониматься по-своему. Это очевидно даже при сравнении тех критериев, по которым в разных странах выделяются просто города. Например, в Дании достаточно, чтобы в непосредственной близости друг от друга проживали 250 человек, чтобы населенный пункт был обозначен как город; в Канаде необходимы 1000 человек, в Греции – 10000 чел. [16, Р. 7-8]. Представления о большом городе могут различаться еще сильнее, нежели мнения о том, что можно рассматривать как город.

Часто в научной литературе можно встретить понятия, включающие в себя не только метрополис, но и прилегающие к нему территории. В работе М. Готтдинера (M. Gottdiener) и Р. Хатчисона (R. Hutchison) приведена довольно полная классификация терминов, производных от метрополиса – урбанистический регион (metropolitan region), урбанистический район (metropolitan area) и другие [13, Р. 6-7]. Это свидетельствует о том, что потребности современной урбанистики настоятельно требуют анализа не только города, но и его окрестностей.

Постметрополис (postmetropolis) – термин, который предложил представитель Лос-Анжелесской школы Э. Сойя. Постметрополис, по его мнению, – это результат очередной урбанистической революции, в результате которой произошло переосмысление идеи пространства, так как границы между городом и пригородом стали размытыми, город оказался невозможно анализировать без учета того, что находится за его пределами. По словам Э. Сойи, «постфордистская реструктуризация экономики, интенсивный процесс глобализации, коммуникационная и информационная революции, детерриториализация и ретерриториализация культур и идентичности, переустройство городских форм и социальных структур совместно с множеством других сил способствуют переходу к постметрополису и значительно меняют наше городское видение, размывая его некогда четкие границы и смыслы, а также создавая новые способы мышления и действия в городской среде» [17, Р. 324]. Э. Сойя, используя термин «постметрополис» и противопоставляя его «позднемодевному метрополису», оговаривается, что позднемоденовый метрополис не исчез и не оказался чем-то замещенным. Новые процессы урбанизации накладываются на старые и в совокупности предстают во все более сложных сочетаниях.

Э. Сойя указывает на то, что изменения, фиксируемые термином «постметрополис» и описываемые современной теоретической урбанистикой, носят повсеместный характер [2, С. 80]. При этом Э. Сойя констатирует утрату социологией ведущих позиций в концептуализации новых процессов урбанизации и постметрополиса.

Агломерация (agglomeration) – термин, по своему значению близкий к постметрополису, но гораздо чаще встречающийся в научной литературе. Агломерация, как правило, характеризуется как урбанизированный район без четких границ, состоящий из нескольких населенных пунктов и их пригородов, объединившихся в процессе расширения отдельных городов [9]. ООН дает несколько иное определение агломерации, рассматривая ее как урбанизированный район, включающий в себя крупный город в центре и комплекс населенных пунктов вокруг него [21, Р. 11].

Для М. Готтдинера и Р. Хатчисона мегалополис и агломерация являются синонимами. По крайней мере, городские агломерации около озера Мичиган (Милуоки-Чикаго-Гари) и на побережье Флориды (Майами-Орlando) называются ими образованиями, сходными с мегалополисом, описанным Ж. Готтманном [13, Р. 6-7]. В словаре М. Витрика (M. Witherick), С. Росса (S. Ross) и Дж. Смолла (J. Small) мегалополис уже трактуется как совокупность больших городских агломераций, активно взаимодействующих друг с другом [20, Р. 5, 166-167]. Таким образом, агломерация понимается как один из элементов мегалополиса, который можно анализировать как самостоятельное образование. М. Кастельс ставит знак равенства между мегаполисом (mega-cities) и агломерацией [8, Р. 434]. Таким образом, мы видим, что термин «агломерация» является одним из самых многозначных в современной урбанистике.

Несмотря на это, ООН в своих докладах последних лет предпочитает говорить не о городе, а о городских агломерациях [6, С. 81]. Использование данного термина обусловлено, в первую очередь, сложностями в определении четких границ городов. И именно по этой причине представители социологической урбанистики все чаще настаивают на том, что в центре внимания исследователей в начале XXI века должен быть не город, а городская агломерация.

Отечественные исследователи А. Махрова, Т. Нефёдова, А. Трейвиш склонны понимать под агломерацией большой город и окружающие его более мелкие населенные пункты: «Агломерацию формирует и объединяет, прежде всего, возможность ежедневных маятниковых поездок, особенно трудовых, из чего становится ясно, почему радиус агломерации (при нынешних средствах сообщения) редко превышает 100 км, а ее площадь может составлять десятки, но не сотни тысяч кв. км» [4, С. 19]. Схожее понимание агломерации можно увидеть и в других отечественных публикациях. Е.Е.

Горяченко, Н.Л. Мосиенко и Н.В. Демчук описывают агломерацию как сложную социально-экономическую систему, формирующуюся естественным образом вокруг крупного города-ядра благодаря его транспортной доступности [3, С. 94-95]. Таким образом, определения агломерации, предложенные отечественными авторами схожи с тем, которое приводит ООН.

А. Махрова, Т. Нефёдова, А. Трейвиш также используют нетипичное для российской урбанистики понятие «мегалополис», называя этим термином скопления агломераций. Данная точка зрения также разделяется и частью мирового научного сообщества, в частности, мы уже видели подобную трактовку этого термина в словаре М. Витрика, С. Росса и Дж. Смолла.

Очевидно, что термины «город» и «мегалополис» уже не подходит для описания Лондона или Нью-Йорка. Процесс субурбанизации превратил их в города-регионы. Сегодня часто даже при подсчете численности населения говорят о «Большом» Нью-Йорке, в котором проживает более 18 миллионов человек и «Большом» Лондоне, который насчитывает около 14 миллионов человек [12, Р. 4]. Москву также принято рассматривать как городскую агломерацию. Д.П. Битюкова провела сравнительный анализ нескольких европейских столичных агломераций и обратила внимание на сходство, имеющееся между Большой Москвой, Большим Лондоном, Большим Парижем, Большим Мадридом и Большим Берлином [2]. Хотя она отмечает и особенности Московской агломерации.

Москва является одновременно политическим, экономическим и культурным центром, что сближает ее с Лондоном и Парижем. Сопоставимы эти три городских агломерации и по численности населения. Берлин и Мадрид не только не являются экономическими центрами своих стран, но и значительно уступают по числу проживающих в них людей. Москва названа самой сложной из вышеперечисленных агломераций, в частности, из-за плотного расположения экономически, политически, исторически и культурно значимых объектов внутри Садового кольца.

Таким образом, вопрос пространственного развития города Москвы требует своего решения не в категориях границ, городской черты и т.д., а в соответствии с современными моделями существования крупных городов как сложно организованных образований [7, С. 2]. Это обусловлено тем, что все города в окружении столицы включены в ее системы экономических и культурных обменов людьми и ресурсами.

Можно сделать вывод о том, что современная урбанистика не является единой в методологическом плане, однако, при всей сложности теорий развития мирового урбанистического процесса и различиях, в них наблюдаемых, можно заметить, что все они

указывают на современность как на новый и специфический этап в развитии городской цивилизации, определяемой процессами общего переструктурирования экономической и социальной жизни на фоне процессов глобализации. Многообразие и неоднозначность понятийности урбанистики в конце XX – начале XXI веков свидетельствует о сложности предметного поля исследований и нерешенности многих методологических проблем. Эта ситуация, несомненно, является отражением тех стремительных изменений в современном обществе, которые приводят к серьезной трансформации урбанистической среды. Вместе с тем, можно констатировать оформление контуров нового урбанистического дискурса, который отражает ключевые черты социальной реальности современного города. Это позволяет надеяться на формирование единого пространства смыслов и концептов и универсального понятийно-категориального аппарата урбанистики в ближайшие годы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Битюкова Д.П. Крупнейшие европейские столицы: вопрос сопоставимости // Демоскоп Weekly, № 557-558. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0557/tema01.php> (дата обращения 10.09.2014).
2. Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4.
3. Горяченко Е.Е., Мосиенко Н.Л., Демчук Н.В. Городские агломерации Сибири: предпосылки формирования и барьеры развития // Регион: экономика и социология. 2011. № 3.
4. Махрова А., Нефёдова Т., Трейвиш А. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro et Contra. 2012. № 6 (57).
5. Народонаселение мира в 2007 году. Использование потенциала урбанизация // Режим доступа: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2007.pdf> (дата обращения 10.09.2014).
6. Народонаселение мира в 2011 году. Люди и возможности в мире с населением 7 миллиардов // Сайт Организации Объединенных Наций. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2011.pdf> (дата обращения 01.10.2014).
7. Шубенков М.В., Шубенкова М.Ю. Градостроительная система Московского региона: идеи развития // АМИТ. 2012. №4 (21). Режим доступа: <http://www.marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/index.php> (дата обращения 10.10.2014).
8. Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age, Society and Culture. Vol. 1. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010.
9. Clark N. A. The Penguin Dictionary of Geography. London: Penguin Books, 1998.
10. Davis M. City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. New York: Verso, 2006.
11. From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory ed. by M.J. Dear. SAGE Publications, 2002.
12. Gottdiener M., Budd L. Key Concepts in Urban Studies. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2005.
13. Gottdiener M., Hutchison R. The New Urban Sociology. Westview Press, 2010.
14. Gottmann J. Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: Literary Licensing, LLC, 2012.

15. Nicholls W.J. The Los Angeles School: Difference, Politics, City // International Journal of Urban and Regional Research. Volume 35, № 1, January 2011.
16. Palen J.J. The Urban World. London: Paradigm Publishers, 2008.
17. Soja E. Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell Publishers, 2000.
18. State of World Population 2007. Unleashing the Potential of Urban Growth // Режим доступа: http://www.unfpa.org/webdav/site/global/shared/documents/publications/2007/695_filename_sowp2007_eng.pdf (дата обращения 10.09.2014).
19. The State of the Cities in the Russian Federation. Moscow, 2000 // Режим доступа: <http://www.un.org/ga/istanbul+5/Russia2.doc> (дата обращения 10.09.2014).
20. Witherick M., Ross S., Small J. A Modern Dictionary of Geography. New York: Arnold and Oxford University Press, 2001.
21. World Urbanization Prospects: The 2007 Revision. Highlights. New York: United Nations, 2008 // Режим доступа: http://www.un.org/esa/population/publications/wup2007/2007WUP_Highlights_web.pdf (дата обращения 10.09.2014).

* * * * *

УДК 342

Таболин Владимир Викторович

доктор юридических наук, профессор

заведующий кафедрой конституционного и международного права

Государственный университет управления

г. Москва

tabolin@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ ГОРОДА

Статья посвящена вопросам правового обеспечения жизнедеятельности города и формирования современного городского права, рассмотрены некоторые теоретические и историко-правовые аспекты функционирования города.

Ключевые слова: город, городское самоуправление, муниципальное право, исторический город, городское право.

Tabolin Vladimir Viktorovich

doctor of legal sciences, professor

head of chair of constitutional and international law

State University of Management

Moscow

tabolin@mail.ru

ON SOME QUESTIONS OF LEGAL THEORY CITY

Article is devoted to questions of legal support of activity of the city and formation of the modern city law, some theoretical and historical and legal aspects of functioning of the city are considered.

Keywords: city, city self-government, municipal law, historical city, city law.

В муниципальном праве вопрос о правосубъектности города остается дискуссионным уже на протяжении длительного времени. Объясняется это в первую очередь сложностью и изменчивостью самой правовой сущности города, а во-вторую, еще не сложившейся системой институтов муниципального права. В частности, городское право как институт муниципального права представляет собой совокупность правовых норм, составляющих часть предмета муниципального права и регулирующих общественные отношения, устанавливающие правовой статус города, его территории и жителей, систему городского самоуправления, обеспечение устойчивого социально-экономического развития города, функционирование городского хозяйства и создание благоприятных условий жизни.

Для города правосубъектность как государственно-территориального образования и его возможность вступать в те или иные правоотношения определяются международно-правовыми актами, Конституцией РФ, конституциями республик, уставами краев, областей и иных субъектов Федерации и др. Город как и все другие субъекты обладает общей правосубъектностью, но кроме того отраслевой (субъект конституционного, муниципального, финансового, международного и других отраслей права) и специальной (город – исторический памятник, закрытое территориальное образование, научный центр, военный и оборонно-промышленный центр). Правосубъектность города зависит от объема полномочий, установленного законом и уставом.

В уставе город изначально выступает как субъект права, т.к. это устав города, обладающего двумя видами правового статуса – муниципального образования или города федерального значения. Правосубъектность городских органов власти и управления является производной от правосубъектности города, потому что правами и обязанностями они наделяются уставом города или правовыми актами, изданными в соответствии с уставом города.

Важнейшим элементом правосубъектности города, как публичного государственно-территориального образования, является правосубъектность его жителей, которые обеспечивают «наполнение» города как субъекта права правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью.

Необходимо согласиться с позицией В.Д. Волкова, который считает, что «город, осуществляя свои функции, обязан создавать все условия для обеспечения политических прав граждан. Во всех этих случаях город выступает в юридическом качестве субъекта государственного права». Он выделяет три вида правоотношений, в которых город может участвовать как субъект:

- в правоотношениях, возникающих в связи с образованием или преобразованием существующих городов;
- правоотношения, связанные с хозяйственной деятельностью на его территории;
- правоотношения, связанные с деятельностью города по улучшению условий жизнедеятельности населения города [4].

Город – особый субъект правоотношений. Это неправильно, когда городской орган власти или мэр выступают от имени города во внешних отношениях, так как они представляют орган или власть только в рамках очерченных уставом полномочий. В уставе обычно записано, что мэр может представлять город в отношениях с разными другими органами. Но город – это, прежде всего, жители (горожане), а они самостоятельный субъект правоотношений, и не просто субъект, а источник власти (ст.3 Конституции РФ). На выборах они делегируют какую-то часть властным органам, но при этом остаются главным субъектом городского права, т.к. они сохраняют саму сущность существования города, его правоспособность и дееспособность.

Можно говорить о двойной правосубъектности жителей города. В первом случае власть, выступая от имени города должна понимать, что выступает не от имени зданий, улиц, дворов, автодорог и прочего, а от имени общности жителей (*горожан*), обладающих всей полнотой власти в городе. В другом случае, прекращение правосубъектности всех жителей (уход из города приводит к этому в силу территориальной ограниченности правосубъектности) приводит к прекращению правосубъектности всех остальных субъектов городского права, в виду утраты смысла и объектов их деятельности. Но наличие в городе хотя бы одного юридически официального жителя, обеспечивает легитимность существования всей системы субъектов и объектов правоотношений в городе.

Таким образом, город есть совокупность его жителей, являющихся одновременно индивидуальными субъектами и единым коллективным субъектом городских правоотношений (городской общиной), обеспечивающая само существование города, его правовой статус, систему обеспечения жизнедеятельности через формирование органов власти и управления городом, уплату налогов, финансово-экономическую, социальную, предпринимательскую и хозяйственно-бытовую деятельность горожан.

Этимология слова *горожанин* напрямую связана со словом *гражданин*, так как в городе-государстве его жители были его гражданами, и оно означает *городской гражданин* [13].

Признание города субъектом права наделяет его определенными правами и обязанностями, необходимыми ему для осуществления целей, задач, функций. Город как субъект права может участво-

вать в различных правоотношениях: конституционно-правовых, административно-правовых, гражданско-правовых, муниципально-правовых, финансовых, налоговых и т.д. [7].

Государство не юридическое лицо и город может не быть юридическим лицом, хотя признание его юридическим лицом имеет глубокие исторические корни. Так И.И. Дитятин писал: «Русский город... представляет собою юридическое лицо до конца XIII столетия, а Новгород и Псков даже до XVI. С характером юридического лица видим мы его и накануне XIX века; с этим характером вступает он и в XIX век» [5]. Справедливо будет заметить, что механическое перенесение понятия «юридическое лицо» на любые административно-территориальные и муниципально-правовые образования нельзя признать оправданным.

Весьма убедительный анализ проводит Н.В. Постовой, рассматривая признаки юридического лица в отношении к муниципальному образованию, и приходит к выводу, что «...не все признаки хозяйствующего субъекта совпадают с признаками территориальной организации, какой является муниципальное образование». Муниципальное образование, по его мнению, является субъектом и публичного, и частного права, так как метод правового регулирования муниципального права сочетает элементы диспозитивности и императивности. Он дает следующее определение юридического лица относительно муниципального образования: «юридическим лицом признается муниципальное образование (социально-территориальная, поселенческая общность), которое имеет муниципальную собственность, местный бюджет, органы местного самоуправления, может приобретать и осуществлять через органы местного самоуправления имущественные права; нести по своим обязательствам ответственность своим имуществом; нести обязанности; выступать истцом и ответчиком в суде [9].

П.А. Астафичев, поддерживая эту позицию, пишет: «с точки зрения теории муниципального права, под муниципальным образованием логичнее всего понимать юридическое лицо публичного права, обладающее правосубъектностью и, следовательно, определенным юридическим статусом» [2].

Академик О.Е. Кутафин считал, что города федерального значения и города, являющиеся муниципальными образованиями, являются не только субъектами конституционно-правовых отношений, но и «субъектами гражданского права» [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правосубъектность города непосредственно связана с его публично-правовым и частноправовым статусом и город может рассматриваться как территориальная организация, обладающая признаками юридиче-

ского лица публичного права. Однако требуется закрепление этих признаков в действующем законодательстве.

В общем виде, *правовой статус города* можно определить как систему нормативно-правовых установлений, которые наделяют сельский населенный пункт определёнными правами и обязанностями, для реализации органами власти и управления функций города, с целью предоставления населению городских услуг.

Статус современного города во многом определяется исторически сложившимися принципами появления и развития города. Например, в уставе города Ярославля (статья 2) записано: «Город Ярославль основан Ярославом Мудрым в 1010 году, имеет статус исторического города, является муниципальным образованием Ярославской области и ее административным центром. Законом Ярославской области город Ярославль наделен статусом городского округа» [11].

Город является составной частью государства в целом, и в его границах соприкасаются полномочия и интересы различных государственных структур, органов власти города и муниципальных объектов. Проявляются указанные взаимодействия в следующих аспектах:

во-первых, функционируют органы и иные структуры государственной власти;

во-вторых, город выступает как сосредоточение предприятий, учреждений и общественных объединений;

в-третьих, город в то же время выступает как субъект муниципального управления со своими правами и обязанностями.

Деятельность вышеуказанных структур осуществляется в черте одного населенного пункта, и данные структуры обеспечиваются единой инфраструктурой – градообразующими и градообслуживающими отраслями города.

При имеющемся разнообразии и различиях, всем городам присущи некоторые общие черты и особенности. К общим элементам правового статуса городов РФ можно отнести:

1. Правовое положение и функционирование городов определяется Конституцией РФ и федеральным законодательством, устанавливающими систему органов власти и управления городом, общие цели, задачи, функции и ответственность деятельности этих органов, обеспечение и защиту законных прав, и выполнение обязанностей жителями города. Статус города может быть изменен только по взаимному согласию Российской Федерации, субъекта Федерации и соответствующего города, в соответствии с законом.

2. Города обладают определенной учредительной властью. Они вправе принимать свои законы (города федерального значения), уставы, и иные нормативные правовые акты.

3. Устав закрепляет конституционно-правовой статус города; организацию государственной и муниципальной власти; порядок нормотворческой деятельности; административно-территориальное деление и организацию местного самоуправления.

4. Города располагают своей территорией, границы которой не могут быть изменены без их согласия.

5. Города являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей, соглашений с другими городами и юридическими лицами.

Все признаки тесно взаимосвязаны и отсутствие одного из них не позволяет назвать то или иное поселение или территорию муниципальным образованием [9]. Некоторые авторы обоснованно добавляют к этому перечню такой признак как *устав муниципального образования* [12].

В Российской Федерации существует шесть наиболее распространенных видов городских образований с различным юридическим статусом:

- 1) столица;
- 2) города федерального значения (включая столицу);
- 3) административные центры и столицы субъектов РФ;
- 4) города значения субъекта РФ;
- 5) города – районные центры;
- 6) города районного значения.

Научный интерес представляет исследование особенностей правового положения крупных российских городов. В Российской Федерации существует три наиболее распространенных вида городских образований с различным юридическим статусом. Среди них следует различать:

- 1) города федерального значения;
- 2) крупные республиканские и областные (краевые) центры;
- 3) города значения субъектов РФ.

В крупных городах (мегаполисах), как правило, в их территорию включены поселки и села, что обусловлено спецификой крупного города, в силу объективных причин обслуживающего нужды не только городского населения, но и прилегающих к нему территорий.

Анализ действующего законодательства и монографических источников позволяет выделить три вида правового статуса города:

- *общий* – определяющий город, как городское образование, призванное решать ряд общих задач по обеспечению жизнедеятельности городского населения (жилье, транспорт, образование и т.п.);
- *специальный* – для городов, обладающих определенными особенностями территориального, народно-хозяйственного или оборонного характера (приграничные города, курортные, имеющие крупные военные объекты и т.д.);

– *индивидуальный* – выделяющий конкретные особенности того или иного города (город – научный центр, памятник истории и культуры).

К особым видам правового статуса необходимо отнести: статус столицы государства, статус города федерального значения, статус административного центра (столицы) субъекта Федерации.

Важной категорией понимания особенностей российского города является понятие «исторический город», которое широко применяется в современном памятниковедении, реставрации и градостроительстве. Но как справедливо замечает В.Р. Крогиус, «...трактовка по-прежнему вызывает большие разногласия, а часто и непонимание, что затрудняет и исследования и практические действия» [6].

Л.В. Андреев определял исторический город как «...поселение городского типа, прошедшее значительный во времени путь развития, имеющее ценные в историческом, художественном и градостроительном отношении памятники, ансамбли и компоненты городской застройки, природные ландшафты, интересные образцы древней планировки, а также культурный слой, представляющий археологическую ценность» [1]. Профессор Ю.В. Ранинский считал, что «...исторический город – комплексный памятник истории и культуры, сложное концентрированное единство не только архитектурных произведений различных эпох и периодов, но и исторически сложившихся взаимосвязей и взаимоотношений между ними, определяющих и формирующих это единство» [10].

Принятый в 2002 году Федеральный закон №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в ч.1 статьи 59 определил это понятие как «историческое поселение»: «Историческим поселением ... является городское или сельское поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию» [14].

Обобщив различные взгляды и обосновав свою позицию, В.Р. Крогиус предложил комплексную дефиницию понятия «исторический город» – возникшее (или основанное) в достаточно отдаленный период времени и продолжающее функционировать городское поселение, игравшее значительную роль и являющееся характерным продуктом истории данной страны, местом высокой концен-

трации материальных и духовных свидетельств прошлого – самых различных по виду и характеру, но взаимосвязанных друг с другом недвижимых элементов культурного наследия, характерных черт исторически сложившейся городской среды, традиционного образа жизни населения, которые в совокупности (и в связи с природно-ландшафтными характеристиками города и его ближайшего окружения) представляют единый территориальный комплекс культурного и природного наследия, признанный на основе объективных исследований, имеющим значительную научную, эстетическую и мемориальную ценность, что определяет необходимость предъявления повышенных требований к градорегулированию и режиму жизнедеятельности этого города, вплоть до установления его особого правового статуса» [6].

Тем самым автор подчеркивает важность комплексного и продуманного правового регулирования различных вопросов жизнедеятельности города с точки зрения сохранения его исторического наследия. Для этого различные аспекты жизнедеятельности могут быть представлены в виде исторических характеристик:

Историко-архитектурные характеристики. Это, прежде всего, архитектурный облик города, который при этом необязательно должен быть «древний», но обязательно уникальный, так как городская застройка, состоящая из «типовых» построек, никакой исторической ценности не представляет. При этом облик может быть всего города, его части или нескольких домов. С юридической точки зрения это требует обязательного четкого правового определения и охраны всех объектов, формирующих этот облик.

Историко-географические характеристики. К таким можно отнести: уникальность природного ландшафта, климатические и бальнеологические особенности территории (например, минеральные источники воды, микроклимат гор и т.п.), проживание уникального этноса (малочисленного и нигде больше не встречающего) и др.

Историко-культурные характеристики. Важнейшее место занимает, конечно, *возраст города*, как фактор гордости горожан и источник организации специальных городских праздников, формирующих у жителей патриотические чувства «малой родины». К историко-культурным характеристикам также можно отнести: археологические и музейные ценности, исторические документы и книги, памятники известным людям или событиям, культурные традиции и обычаи, фольклорные фестивали и конкурсы, популярные театральные и концертные залы и др. Все эти характеристики предполагают весьма большую и активную деятельность не только по охране культурного наследия, но и пропаганду города, как историко-культурного достояния страны или региона.

Историко-политические характеристики. Это значимые (в том числе международные) для города, региона или страны политические события и мероприятия, серьезно повлиявшие на процесс развития города (как позитивно, так и негативно). К таковым можно отнести: революцию, народное восстание, саммиты – встречи руководителей разных стран, заключение (подписание) договоров, ставших историческими событиями, крупные международные и национальные конференции и конгрессы, размещение национальных или международных политических организаций, штаб-квартир и центров на территории города и т.п.

Историко-экономические характеристики. К ним можно отнести: научно-экономические школы и достижения, крупные открытия в экономике, сделанные учеными, родившимися или живущими в городе, наличие в городе ведущих предприятий различных отраслей национальной экономики, центральных офисов (производств) известных фирм и компаний, имеющих многолетнюю историю своего развития и др.

Историко-социальные характеристики: исторические личности (писатели, художники, ученые, артисты, общественные и государственные деятели), жившие или живущие в городе, духовная общность горожан (землячество), гордящихся историей родного города, социальная активность жителей по сохранению исторических памятников города.

Историко-правовые характеристики: нормативные акты, повлиявшие на ход истории города, обычаи и традиции горожан, официальные мероприятия, связанные с организацией жизни в городе, традиции в системе власти и управления городом и т.п.

Данный перечень, конечно, является ни только не окончательным, но и не может быть постоянным, так как каждый день город пишет свою новую историю и чем ярче и интересней его жизнь, тем шире круг исторических факторов, влияющих на него.

Исторические характеристики современных российских городов остаются важными факторами его существования и развития. Учет и использование их в нормотворческой деятельности органов городской власти обеспечивают сохранение «исторической памяти» жителей, бережное и уважительное отношение к своему городу, его привлекательность и самобытность.

Понятие правового статуса города также определяется его территориально-правовой основой. Профессор П.А. Астафичев справедливо обращает внимание на недопустимость отождествления понятий *муниципальное образование* и его *территория*. Хотя законодатель не избегает этой неточности, выделяя такой вид муниципального образования как «внутригородская территория города федерального значения» [2].

По моему мнению, можно сформулировать понятие территориально-правовой основы города как совокупности общественных отношений, урегулированных правовыми нормами федерального и субъектов Федерации законодательства, правовых актов городских органов власти связанными с установлением территориальных пределов города и использованием городских земель в различных сферах жизнедеятельности горожан, обеспечивающих функционирование всего комплекса правовых, политических, социальных, экономических, хозяйственных и других элементов городской жизни.

Современный город решает значительный круг задач, при этом важным является реализация принципа соответствия территориально-правовой основы города потребностям и возможностям (необходимости) решения определенных государственных, местных (региональных) и личных (социальных) вопросов обеспечения жизнедеятельности города и горожан. Это значит, что территория должна располагать определенными ресурсами (природными, земельными, людскими и др.), которые позволили бы при обеспечении определенных условий выполнить государственные, региональные или местные задачи.

Другим важным фактором является географическое положение и архитектурно-планировочное решение городской застройки. Они должны соответствовать *принципу доступности территории*, т.е. размер города (или его административно-территориальной единицы) должен быть таким, чтобы отсутствовали участки городской территории, которые «выпадали» бы из поля зрения (управления) городской власти в силу труднодоступности, удаленности или географической оторванности (за рекой, горой и т.п.).

Кроме того, важно соответствие территориально-правовой основы города *принципу экономической эффективности (финансово-бюджетной достаточности) территории*. Это означает, что на территории города должно проживать и работать (может разместиться) такое количество налогоплательщиков (как физических, так и юридических лиц), что собираемый доход обеспечивал бы хотя бы минимальную достаточность и сбалансированность городского бюджета. Это в худшем случае, а в лучшем город должен обеспечивать свое поступательное социально-экономическое развитие.

Следующие три принципа, так или иначе, связаны с единством территории. Ключевым принципом является *принцип организационно-правовой обособленности*, определяющего статус города как самостоятельного субъекта правовых, экономических и социальных отношений. Выше была подробно изложена позиция автора по этому вопросу, но здесь необходимо добавить, что такой статус

не может быть реализован без учета *принципа территориальной целостности и стабильности*, который требует обеспечения единства управления и развития всей территории города, стабильность, легитимность и преемственность городской власти.

Очень важно при этом, чтобы в городе был реализован *принцип определенной духовной общности горожан*, желающих жить именно в этом месте, ощущающих свое единство с «малой родиной». Действие этого принципа дает городским властям редкую возможность получить максимальную моральную и политическую поддержку населения, но в свою очередь он требует очень внимательного отношения к национально-территориальным и культурно-этническим особенностям территории, ее историческому прошлому, грамотному патриотическому по отношению к своему городу воспитанию горожан.

В современном мире на формирование территориально-правовой основы города серьезное влияние оказывают правовые проблемы урбанизации. В.В. Вагин считает, что условно можно выделить урбанизацию в узком смысле слова, как рост городского населения и рост городов, и в широком смысле слова, как исторический процесс повышения роли городов и городского образа жизни в развитии общества. Современная урбанизация – это процесс появления уже не только крупных городов, но и объединений городов – агломераций. Он приводит свое понятие города, связанное с процессом сращения урбанизации и глобализации – *глобальные города* – крупнейшие мировые центры, места концентрации важнейших экономических, финансовых, политических функций, занимающие стратегические места в мировой экономике [3].

В ситуации глобальной урбанизации, когда мировые города становятся транснациональными финансово-экономическими центрами, перспектива развития городского права приобретает международно-правовые черты. В связи с этим начинается процесс субинституционализации городского права. Можно выделить такие формирующиеся субинституты городского права как: субинститут правового регулирования функционирования городских агломераций, субинститут правовых аспектов формирования мировых (глобальных) городов, субинститут международного и российского законодательства урбанизированных регионов и др.

Подводя итог, можно предположить, что, учитывая большое значение и роль городов в современных условиях глобализирующейся урбанизации, городское право со временем может в рамках конституционного и муниципального права сформироваться как самостоятельная отрасль законодательства Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л.В. Основы исследования и реконструкции исторического города: учебное пособие. М.: МАрхИ, 1983.
2. Астафичев П.А. Муниципальное право России: учебное пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2010.
3. Вагин В.В. Социология города // Режим доступа: gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/07.php
4. Волков В.Д. Город как субъект советского государственного права // Проблемы конституционного права. Вып.4. Саратов: Изд. Саратовского университета, 1986.
5. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. В 2-х томах. Т.1. СПб., 1875.
6. Крогиус В.Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
7. Крохина Ю.А. Город как субъект финансового права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: 1997.
8. Кутафин О.Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
9. Постовой Н.В. Местное самоуправление. Проблемы и перспективы: учебное пособие. М.: Юристъ, 2002.
10. Ранинский Ю.В. Историко-архитектурное наследие и проблемы теории // Градостроительная охрана памятников истории и культуры. М.: 1983.
11. Решение муниципалитета г. Ярославля от 16.10.1995 №42 (ред. от 21.07.2009) // Режим доступа: base.garant.ru
12. Система муниципального управления: учебник для вузов / под ред. В.Б. Зотова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.
13. Фан И.Б. Гражданин в контексте города: исторический смысл понятия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отд. РАН. Екатеринбург: 2003, №4. С.112-137.
14. Федеральный закон от 25.06.2002 г. №73-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства, 2002, № 26, ст. 2619.

* * * * *

УДК 911.37

Белов Алексей Викторович

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Институт российской истории Российской академии наук
г. Москва
belovavhist@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНА. ПОПЫТКА ОБОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕТЕВОГО ПОДХОДА

В статье предпринята попытка рассмотреть изучение города в рамках региона. Особое внимание уделяется дореформенному русскому городу, так как при изучении его характера не всегда удобен единственный узкий экономический подход.

Ключевые слова: русский город, дореформенный город, урбанизация, городская сеть, атрибутивные признаки, городские функции, Новое время.

Belov Alexey Viktorovich

*candidate of historical sciences, associate professor, senior research fellow
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow
belovavhist@mail.ru*

STUDYING OF THE CITY IN THE CONTEXT OF THE REGION. ATTEMPT OF JUSTIFICATION OF FUNCTIONAL AND NETWORK APPROACH

In article the opytka is undertaken to consider studying of the city within the region. The special attention is paid to the prereform Russian city as when studying its character the only narrow economic approach isn't always convenient.

Keywords: russian city, prereform city, urbanization, city network, attributive signs, city functions, Modern times.

Изучение города дореформенного периода большая и относительно хорошо разработанная тема. Но сегодня, как нам кажется, городоведческое направление исторических исследований зашло в тупик. В первую очередь это относится к периоду Позднего Феодализма и дореформенного отрезка Нового времени. Причин несколько. В первую очередь – крайне сложная и изменчивая природа самого города на данном этапе, а также двойственность характера исторического периода. Свое влияние оказала традиция рассмотрения города в первую очередь как материала для изучения иных, как правило, широкомасштабных процессов. К третьей причине можно отнести доминирование в изучении истории XIX века пореформенного и предреволюционного времени. Это делает оценки, созданные исходя из реалий этого этапа, основными, что не всегда справедливо для более ранних периодов.

В результате активного и продуктивно изучения русского города дореформенного времени создан ряд не только крупных, но и фундаментальных работ, качество которых только подтверждено временем. Но все же в последние десятилетия не было предпринято попытки рассмотрения города как такового. Особенно это заметно на материале конца XVIII – первой половины XIX века, времени, выступающего в истории русского города какими-то «темными веками».

Один из возможных путей изучения города – оказаться от глобальности рассматриваемых процессов, сведя пространство исследования в относительно узких, но исторически оправданных, хронологических и, что еще важнее, территориальных рамках. В этом отношении большое удобство представляет исследование города в контексте отдельного региона.

Региональный подход в изучении города – это не только есть способ сузить угол зрения на процесс, сколько возможность увидеть его более точно, или под иным углом зрения, по-новому. Иначе говоря, он дает шанс разглядеть те самые «овраги», по которым, как известно, приходится «ходить».

В истории нашей страны региональность исследования больше чем формальный прием. Скорее это необходимость, продиктованная потребностью учесть историческую и пространственную природу страны. Уже давно было замечено, что Россия – страна регионов. Территорий нередко весьма различных по облику, условиям, исторической судьбе, по-своему, так сказать, историко-генетическому типу. При этом для самих регионов (особенно давно оформившихся) характерно внутреннее единство, сложившееся в рамках общей исторической судьбы, под влиянием внешних условий и иных факторов. Отказ от понимания этой реальности – есть одновременно результат незнания своей Родины, и, возможно, одна из главных причин провала многочисленных преобразований. Широко известна ситуация, когда благие намерения, построенные на прямом переносе иностранного опыта в чуждую ему почву (без знания страны-края и непонимания ее собственных внутренних механизмов) ведут к итогам прямо противоположным. Нередко просто катастрофическим. Можно вспомнить ставшее знаменитым выражение А.А. Зиновьева, которое он произнес уже в 1990 г.: «Метили в коммунизм, а попали в Россию».

Занимающиеся проблемами регионализма географы, социологи, представители власти отмечали, что от недооценки принципа региональности – прямой путь к развитию идей сепаратизма. И напротив цивилизованный регионализм способствует обеспечению внутренней стабильности. Игнорирование этого аспекта неизбежно грозит стране расколом в случае ослабления центра. Для России это особенно актуально, как в связи с ее федеральным устройством, так и со спецификой постсоветского внешне- и внутривосточного положения.

Благодаря региональному подходу становится возможным осуществить более полную и комплексную оценку города как конкретного явления в многообразии его форм и проявлений. В том числе таких трудноуловимых категорий как характер поселения,

его тип, специфика (времени, места, культуры), наличие внутренних присущих особенностей, форм и тенденций развития, характеристики такого фундаментального понятия как городской образ жизни, который выступает важным критерием качества развития. В какой-то степени региональный подход позволяет яснее увидеть своеобразный «генетический код» города той или иной эпохи, страны и культуры.

Важность регионального подхода к изучению города велика также в связи с тесной связью представлений о его характере от принятой в этом регионе концепции города и, вероятно, объективных условий ее возникновения. Об этом еще полвека назад написали классики французской географической школы Ж. Боже-Гарнье и Ж. Шабо.

Региональный подход и изучение города: историографическая традиция

При поиске путей исследования неизбежно возникает вопрос: Как вести изучение городов в рамках региона? Как при этом избежать крайностей? С одной стороны – описательности, свойственной многим работам краеведения. С другой – механического переноса на региональный материал устоявшихся тем классической науки, традиционно использующей местную историю, как правило, в качестве сырья или частного материала для общей картины.

Необходимо признать, что рассмотрение города в пространстве региона требует обоснования определенной логики исследования, т.к. в целом выходит за пределы наработанных приемов, используемых в отечественной исторической науке.

Число работ, посвященных городам отдельно взятого региона (если не брать в расчет страну как регион), не так велико. Как правило, они носят обзорный характер, в том числе и исследования весьма авторитетные и высококачественные. Например, трехтомник «Города Подмосковья», в основе которого лежит классическая схема изложения истории страны.

В результате город (одно из самых глобальных явлений прошлого и настоящего) оказывается лишенным права выступать как самостоятельный предмет: не объект, а именно предмет исторического исследования. Оставаясь, преимущественно, объектом, он чаще всего используется в качестве материала для выявления широкомасштабных общегосударственных процессов. Очень точно это противоречие сформулировала Н.В. Середа, посвятившая свою научную деятельность изучению городов последней четверти XVIII столетия. Оценивая историографию вопроса, она пришла к выводу, что «изучение городов позднего средневековья и нового време-

ни подменялось анализом капиталистических отношений. История городов стала средством доказательства действительности в России закона о смене формаций. Города рассматривались, прежде всего, как центры ремесленной и торговой деятельности, как колыбели капиталистических отношений».

Особую группу работ, посвященных комплексному изучению городов региона, составляют исследования с меньшим хронологическим отрезком. К их числу, в частности, относится монография Е.В. Симоновой посвященной городам Тульской губернии XIX века, в которой автору удалось не только дать оценку процессу развития городов и городской истории в рамках отдельной губернии. Ею была предложена схема изучения города, как регионального объекта, т.е. сделан важный шаг от выяснения обстоятельств и их описания, к комплексному анализу истории города в контексте региона. К числу работ данного типа можно также отнести монографию А.Н. Зорина, которую отличает несколько большая хронологическая широта и ярко выраженный этнографический аспект. Можно назвать ряд других исследований. Так, в последнее время стали появляться работы, анализирующие определенные типы городов. В частности, очерк А.П. Шевырева, в котором разбираются как явление столичные города России, статья В.Н. Козлякова и А.А. Севастьяновой, посвященная типу провинциального города, работа Е.М. Астапенко – город-станица и центр казачьего войска, исследования А.В. Белова, Д.В. Тараканова и др., описывающие «дачные городки» начала XX века. Особое развитие получило направление сибирского городоведения. В том числе рассмотрение функций городов, их специализации и целый ряд иных аспектов.

Вопросы истории русского города периода нового времени разбираются не только в региональных, но и в целом ряде академических работ, многие из которых до сих пор являются классическими. Их авторами предложен и опробован набор проблем, которые на сегодняшний день формируют общую схему изучения города. Но задача данных исследований (как правило) не предусматривала регионального аспекта и носила общенациональный, обобщающий характер. В основном изучение шло в рамках системы, утвердившейся для характеристики исторического процесса как такового, или конкретизировала его, выделяя доминирующие тенденции и формы (политические, экономические, социальные, культурные и т.д.), рассчитанные на всю страну и во всей полноте ее исторического пути, а не на регион с учетом его индивидуального своеобразия.

Значение этой группы работ для регионального изучения города – фундаментальность их выводов, которые являются своеобразным репером, системой координат, опорной характеристикой эпохи и ее процессов.

Определение метода и основные принципы функционально-сетевого подхода

При формировании регионального подхода применительно к городу возможно продуктивно использовать опыт науки, весьма близкой к истории – географии. Тем более что пространство само по себе является основным объектом ее исследования.

Согласно трактовке географической науки, город есть результат и условие пространственного (географического) разделения труда. Итогом этого процесса становится: развитие тех или иных функций, специализация городов, формирование поселений (городов) определенного типа, складывание и развитие «городской сети». В том числе и присущей конкретному региону.

Под понятием городская сеть (сеть городов или сеть городских поселений) традиционно понимается совокупность городов, расположенных на территории региона. Города в рамках городской сети выступают как места концентрации и развития основных процессов на территории края (административных, хозяйственных, культурных, сакральных и т.д.), как его опорный скелет. Между частями городской сети происходит распределение основных функций, что и определяет место и роль города в городской сети региона. Конечным регионом выступает вся страна.

Городская сеть является составной частью страны или отдельной административной структуры. Например, губернии. Но также она присутствует в границах неадминистративных, а исторических регионов – возникших естественных путем, или даже утраченных, но продолжающих оказывать свое воздействие.

Города как части городской сети выстраиваются в определенной иерархии: административной, экономической, культурной и т.д. Внимание на этот аспект (как «типичный для позднефеодального города») обратил еще в конце 1980-х гг. Б.Н. Миронов. Его оценку разделял и другой видный исследователь позднефеодального города Я.Е. Водарский.

При изучении городской сети необходимо рассмотреть в первую очередь три центральных вопроса, определяющих (с нашей точки зрения) ее формирование и функционирование: функции, формы, факторы. Их комплексный анализ позволяет увидеть характер и процесс развития города в большей полноте и комплексности. Рассмотрим отдельно три составных части предлагаемого подхода.

Изучение функций предусматривает рассмотрение следующих вопросов: распределения функций в рамках сети городов (региона); функций конкретных городов; формирование определенных функциональных типов городов, их набор и иерархия.

Функциям соответствуют формы городской жизни, ее атрибутивные признаки, которые являются результатом реализации исполняемых городом функций, их выражением.

Факторами (внешними факторами) выступает окружающая город среда и исторический путь, сформировавший город, его особенности и место в крае и стране. Они оказывают свое влияние на город помимо его внутренней природы, определяют или корректируют место города в пространственном разделении труда и, в конечном итоге, в сети городов. Под их непосредственным влиянием определяют функции города и (как следствие) формируется сеть городов.

Характеристика функций города. Теме функций городов посвящен целый ряд работ, как на Западе, так и у нас. Правда их львиная доля приходится на представителей географической и экономической наук. Западная экономическая география и экономика внимательно разбирали данные вопросы. Свое внимание на эти темы обращал ряд известных специалистов: Ж. Боже-Гарнье и Ж. Шабо, П. Мерлен, Э. Отремби, Г. Беш, Г. Александерсон и др. Каждый из них предлагал свое определение понятия функции города и предлагал систему их распределения. Так, например, Ж. Боже-Гарнье и Ж. Шабо писали: «Функция – это в некотором роде профессия города. Смысл его существования, та форма, в которой он предстает перед внешним миром, подобно тому, как перед каждым из нас престаает со своей профессией наш сосед – банкир и ли врач». Далее ученые предлагают следующий набор центральных функций: военная (опорные базы); торговая (простейшая – местный рынок и фактории; крупная континентальная торговля; торговые центры; морские порты; аэропорты; мировые рынки); промышленная (добывающие и обрабатывающие отрасли, приспособление города к его промышленным функциям; и др.); культурная функция (религиозные центры; университетские города, литературные и художественные центры, города-музеи, города фестивалей и конгрессов); «функции гостеприимства» (разнотипные курорты, здравницы, «города для лиц удалившихся от дел»); административная и политическая функции (столицы, иные центры, «сверхстолицы»). При этом для города характерно стремление к развитию и созданию новых форм, а для функций города – изменение (мутация) и наращивание.

В основу работы Г. Александерсона было положено рассмотрение отраслей хозяйства. Участие города в их реализации трактовалось как выполнение им одной, но центральной функции – производственной (и торговой). Анализ этого вопроса (с точки зрения анализа функций) высоко оценил Н. Баранский в предисловии к русскому переводу книги Г. Александерсона. Отрасли (функции) разделены автором по двум критериям: как спорадические и по-

всеместные, градообразующие и градообслуживающие. В качестве метода определения веса той или иной функции можно использовать: «какой процент от числа лиц, занятых в какой-либо отрасли, составляет минимум, необходимый для того, чтобы обеспечить население города теми товарами и услугами, которые производятся в нормальном городе».

Рассматривая отрасли хозяйства, Г. Александерсон по сути выделяет следующие составные части хозяйственной (производственной и торговой) функций: сельскохозяйственное производство (аграрное, лесное и рыбный промысел); промышленность («повсеместно встречающиеся отрасли» – строительство, пищевая, полиграфическая и «спорадические» – горнодобывающие, металлургия и др.); обслуживающие отрасли (транспорт, связь, коммунальное хозяйство); торговля (оптовая, розничная, ресторанно-закусочная и пр. розничная); «прочие обслуживающие отрасли». К последним, им отнесен самый широкий набор непроектных видов деятельности: медицина, образование, банковская сфера, ремонт, государственная служба и др.

Анализ отраслей производства потребовал разбора «проблемы функциональной классификации городов». При этом автор исходил из наличия некоторых общепризнанных типов городов. В результате была предложена система из 8-и групп: промышленные города (две группы по степени преобладания промышленности), центры розничной торговли, неспециализированные города, центры оптовой торговли, транспортные центры, центры добывающей промышленности, университетские города, курорты. Налицо тесное пересечение типов с системой предложенной французскими географами.

Другой исследователь директор Парижского института урбанизации и один из крупнейших специалистов в этой области. П. Мерлен уделял внимание проблеме «сети городов», полагая ее одной из основных.

Особая глава в работе П. Мерлена посвящена теме «Анализ видов деятельности и функций городов». В ней в качестве центральных выделяются следующие вопросы: выявление ряда ведущих функций; разработка классификации городов в зависимости от присущих им видов деятельности; объяснения картины распределения функций между городами одной сети. Результатом пространственного распределения функций становится формирование городской сети – центрального понятия пространственного распределения функций между городами. Ее автор трактует как – «иерархия видов деятельности, дополняемая иерархией городов, районов, населенных пунктов и центров городских агломераций, зависит от наличия или важности отраслей...».

По-своему вопрос о необходимости и путях изучения городской сети разбирает и другие исследователи. В частности, Г. Беш («теория центральных мест»).

Отечественное направление исследований в основном шло по тем же путям, что и на Западе, используя и его опыт. Принципиальная разница сводилась к деталям (в частности, распределения отраслей по группам). В традиции отечественной науки наибольшее внимание уделять производственной (экономической) и социальной сферам, которые рассматриваются в своем единстве. Это в равной степени относится как к географической, так и к исторической наукам.

Большой вклад в разработку и осмысление проблемы городов внес Г.М. Лаппо. В его обобщающей работе анализируются вопросы анализа как урбанизации (в целом), так и городской сети (в частности). На отечественном материале и в рамках собственной научной традиции разбираются темы городской сети и функций города (градообслуживающих и градообразующих), важнейших внешних пространственных факторов, влияющих на город, особенности его типологии. При этом на первое место выдвигаются градообразующие функции. Автор пишет о важности создания комплексной (социально-географической) типологии городов и ее неразработанности. При высоком уровне развития экономической географии и теории изучения города в нашей стране – его типология основывается на количественных величинах, и признается недостаточность и необходимость для развития иных качественных подходов (социально-географическая, «генетическая»).

Отечественная историческая наука специально не обращалась к рассмотрению городской сети. Во всяком случае, применительно к эпохе нового времени. Отдельные публикации Г.П. Махновой, Л.А. Рутковской и некоторых других исследователей носили обзорный или систематизирующий характер. Но и при этом уделялось внимание темам крайне близким. По сути родственным. Например, типам городов и особенности их развития (в т.ч. и регионального). Последнее тесно связано с необходимостью осмысления исторического пути города, его особенностей, путей исследования, что нашло свое отражение в теоретических трудах. В частности, Б.Н. Миронова, который (согласно работе рассматривавшего его подходы историка-урбаниста М.В. Шиловского) «опираясь на разработки» Ж. Боже-Гарнье, Ж. Шабо, П. Мерлена выделил 11 функций (промышленная, аграрная, сельскохозяйственная, торговая, транспортная, религиозная, научная, образовательная, литературно-художественная, административно-политическая, военная, рекреационная). Рассматривая обе школы М.В. Шиловский унифицировал оба подхода и выделил семь функций города: про-

мышленная, сельскохозяйственная, транспортная, торговая, административно-военная, культурная и сфера услуг (третичная).

Особое место в разработке темы функций занимает отечественный историко-культурологический подход. Его основатели краеведы-культурологи (Н.П. Анциферов, И.М. Гревс) не согласились с оценкой большого города как «паразита», подчеркнув его особую и важную роль в качестве хранителей и ретранслятора культуры.

Следуя за работами урбанистов географов и историков, а также опираясь на материалы собственного периода и исследования можно предложить свою систему городских функций. Ее формирование делалось с учетом рассматриваемого нами этапа (присущих ему особенностей и приоритетов).

Функции города можно раздробить на две группы: основные и чрезвычайные. Основные функции города: 1) Поселенческая (пространственно-поселенческая) функция – характеризует город не только как место массового жительства, но и как место концентрации всех процессов. В рамках ее рассматриваются: концентрация жителей и их деятельности, специализация (один из главных качественных признаков города); распределение социальных и производственных ролей внутри городской сети; население, его состав, демография; формы деятельности, определяющие характер и лицо города; 2) Административная (политико-административная) функция – иллюстрирует место города в системе территориального управления. В рамках ее находятся вопросы о: характере административного статуса поселения (столичный, губернский, уездный, безуездный, посад, слобода и др.) и их иерархия; система и органы управления (государственные органы управления городом; органы городского самоуправления; «градское общество»); столичная функция; 3) Хозяйственная (экономическая, хозяйственно-экономическая) функция – характеризует город как результат территориального (географического) распределения труда (функций). В рамках ее рассматриваются следующие темы: производство, торговля, город как рынок и его обслуживание, торговые связи, специализация; местный рынок и региональный рынок; место города в сети территориального разделения труда и связанные с этим процессом устойчивые типы городов (купеческий город, промышленный, торгово-промышленный, аграрный, город-порт (речной или морской), духовный (сакральный), город-крепость, город-опора транспортной сети и др.); 4) Транспортная функция. Город всегда или узел дорог, или промежуточный пункт на них, который и сам является результатом функционирования дорожной сети. В рамках этой темы рассматриваются: пути дорог, их тип и интенсивность; место и роль города и дороги в транспортной системе региона и страны; 5)

Культурная функция (в том числе и религиозная, образовательно-просветительская, медицинская, рекреационная). Применительно к крупным городам и культурным центрам добавляется также их роль как хранителей и ретрансляторов культуры, а также обратный процесс (проникновение элементов сельского уклада в крупный русский город); 6) Атрибутивная функция: целенаправленное создание в поселении сооружений, которые воспринимаются современниками (властью) как обязательный атрибут города. Не редко это искусственное (внешнее) утверждение за поселением городского статуса.

Чрезвычайные функции города: 1) Военная. Ее исполнение порождает такие типы городов как города-крепости, гарнизонные города, города как места постоянной расквартировки войск и т.п.; 2) Исключительные функции. Они присущи городам-столицам, центрам крупных фактических регионов (например, генерал-губернаторства), крупнейшим духовным центрам.

Атрибутивные признаки города или формы городской жизни занимают свое особое и причем весьма заметное место в жизни города. Исследователи неоднократно указывали, что для каждого времени характерно свое понимание города. В частности, Б.Н. Миронов писал о необходимости «понять, что представляло собой городское поселение в ту или иную эпоху, почему современники считали его городом». В связи с этим при выделении внешних форм городского статуса нужно опираться на мнение современников и источник.

Существует целый ряд источников, позволяющих проанализировать данную тему. В частности: «Вопросы предложенные для получения известия о русских городах. 1768», подготовленный М.В. Ломоносовым перечень вопросов о состоянии городов России для составления нового атласа; Военно-статистические обозрения середины XIX века и др. Исходя из их текстов для первой половины и середины XIX века могут быть выделены следующие атрибутивные признаки города. В основе которых лежит (необходимое с точки зрения современников) наличие (или отсутствие) в поселении: знаковых административных, культовых и хозяйственных сооружений (присутственных мест; дома губернатора (городничего); соборного городского храма; обязательно богатых церквей; гостиного двора); благоустройство города (сеть улиц, их регулярность, наличие площадей, обязательно присутствие мощения); промышленность «и вообще хозяйственная активность» (крупных, особенно доходных фабрик и заводов; наличие среди жителей богатых купеческих фамилий; обеспеченное состояние местного мещанства); заведение образования, здравоохранения и социальной защиты (их функционирование и пребывание в хорошем состоянии); наличие культурной общественной жизни и инфраструктуры для свобод-

ного времяпрепровождения; организация пространства, степень и формы ее урбанизированности; город и окрестности – взаимовлияние и взаимопроникновение, урбанизация за пределами городских границ (характерно в большей степени для конца нового времени); пригороды и предместья, «подгородные» села и слободы – неофициальные части города (характерно для крупных и активно развивающихся поселений)

В качестве наглядного примера настоящего города (каким его видели современники во второй четверти XIX века) может служить описание Шуи (Владимирская губерния): «Теперь Шуя принадлежит к одному из лучших городов в губернии, имеет множество каменных домов, широкие, прямые и вымощенные улицы, и богатые соборы; купечество города производит годовой оборот на сумму до 3 миллионов рублей серебром».

Другой центральный вопрос исследования города в рамках региона – определение оказывающий влияние на его судьбу факторов. Факторы (внешние факторы) – устойчивые условия, определяющие выбор роли в пространственном распределении функций, пути и особенности дальнейшего развития городов. Оказывают, сильное влияние на внутреннюю природу самого города, его характер, а также на его место в пространственном распределении труда и в сети городов. Еще М.В. Ломоносов проявлял большое внимание к данной теме. Позже о проблеме влияния пространства весьма остро выскажется П.Я. Чаадаев («образующее у нас начало – элемент географический, вот чего не хотят понять»).

Историки неоднократно обращались к теме влияния пространства на историю России, но основные работы приходятся в основном на досоветский период. После 1917 года при доминанте социально-экономического и классового подхода, анализ иных фундаментальных факторов оказался «вне закона». Обращение к ним могло стать вполне реальным основанием для обвинения в географическом детерминизме. Поэтому исследователи, выходявшие на его значение, и не считавшие возможным купировать данные, старались его использовать, но скрыть. Например, в составе введения.

В последние десятилетия XX века отечественная историческая наука преодолела традицию тихого игнорирования внешних факторов. Однако из числа по-настоящему крупных работ в этой области можно назвать только две А.В. Дулова и Л.В. Милова. Последний, в частности, утверждал, что на его взгляд «отсутствие должного понимания роли природно-географического фактора» было «самым важным... просчетом... в истории народов России».

Можно (как нам представляется) выделяемых следующий набор внешних факторов, оказывающих наибольшее влияние как на

определение исторической судьбы города, так и на формирование сети городов.

Фундаментальные (объективные): Географическая среда (географическое положение (ландшафт) и природно-климатические условия) (природно-географический, природно-климатический). Сюда относят: ландшафт, погодные условия, почвы, водные ресурсы и судоходные реки, естественные богатства региона (леса, ископаемые, и т.п.); Пространство, а также присущее этому времени степень ее преодолемости; Исторический путь. В эту группу входят: выполняемые прежде роли, закрепившиеся за поселением (торговый посредник, административный центр и т.д.), крупные исторические события, приведшие к упадку поселения, потерей им прежнего места в распределении функций, или напротив – расцвету и приобретению; Дорожно-транспортный: дороги, важные транспортные узлы; речная сеть и ее функционировании.

Факторы второго порядка: Границы (степень удаленности и тип оказываемого влияния); Удаленность от столиц и административных центров.

Некоторые центральные вопросы, требующие особого рассмотрения

В первую очередь к ним необходимо отнести проблему выбора региона и определения терминов.

Наибольшие трудности вызывает проблема выбора региона. Ее важность обусловлена необходимостью рассматривать городскую сеть (как нам представляется) в рамках реально существующего региона, а не искусственно созданного в процессе очередной реформы. Со временем скроенный их разных кусков административный регион обрастает внутренними связями, оформляет себя в единое целое, но до момента пока он «устойится» необходимо время.

Проблема выделения условно говоря «реальных» (исторических, историко-культурных) регионов весьма мало не только изучена, но даже осмыслена. Среди немногочисленных современных работ необходимо назвать статью Э.Г. Истоминой, посвященную как Русскому северу, так и вообще проблеме региональной идентификации.

Определенную сложность вносят используемые на практике исследования различные региональные деления. Практически все они ориентированы на решение единственной, относительно узкой задачи и имеют четко определенный критерий: «природно-географические полосы» у К. Арсеньева, земельная собственность – П.П. Семенова-Тян-Шанского, промышленное развитие – Д.И. Менделеева и др. Причина этого – экономико-географический характер данных исследований.

Зададимся вопросом – представляем ли мы четко, что означает такой знакомый историкам термин, как Центрально-Промышленный район? Исследователь Д.О. Чураков весьма аргументировано продемонстрировал его противоречивость. В качестве другого примера (как кажется более «простого» и «знакового») можно привести такие понятия как центральная Россия или средняя Россия.

Вторая (после обоснования региона) важная проблема – заключается в необходимости уточнения терминологии. Общеизвестно, что язык гуманитарных наук не столь четок и однозначен как у так называемых «точных». Не смотря то, что, используемые в нашем случае понятия хорошо знакомы исследователям, для них до сих пор не выработано широко применяемых определений. Таким образом, эти понятие используется в обиходном значении. Например, городская сеть. Кроме того, данный термин в практике разных исследователей дается в двух вариантах написания: городская сеть и сеть городов.

С нашей точки зрения оба вышеприведенных термина не вполне удобны для анализа сети городов России (особенно в период Нового времени), т.к. упускают из внимания поселения с «негородским» или «полугородским» статусом и характером, типичные для России XVIII – XIX веков. Для преодоления этого противоречия представляется более точным использовать понятие «города и городские поселения».

Без точных обозначений понятий невозможно ни их полноценное использование, ни уяснение сути явления, которыми они выражаются. Исследование города в контексте региона подразумевает трактовку таких терминов как: регион (формальный, официальный, фактический); городская сеть; функции города; географическая среда; формы (внешние формы, атрибутивные признаки) городской жизни; факторы внешнего влияния (факторы, внешние факторы) развития города; типы города (функциональные и не функциональные).

Предлагаемый подход и составляющие его аспекты были выделены на основании работы с рядом историографических и источниковых материалов. Как нам представляется, изложенная схема может оказать помощь в оценке города в первую очередь для периода, когда промышленная эффективность не играла в его судьбе определяющей роли. Вследствие этого, вопрос о степени развитости города «повисает в воздухе», и речь надо вести, не об отсталости, а своеобразии городского строя России на данном этапе ее истории.

* * * * *

УДК 930.2(082)»311»(1-35)

Ильин Алексей Юрьевич

*кандидат исторических наук, профессор
директор Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Тамбов
auiylin@yandex.ru*

Канищев Валерий Владимирович

*доктор исторических наук, профессор
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
г. Тамбов
tmbwolf@rambler.ru*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ

В статье показаны возможности применения междисциплинарных подходов к изучению истории городского хозяйства. Приведены примеры использования подходов исторической географии, экологической истории, истории климата, ГИС-технологий, исторической информатики, философии, социологии, истории права, истории архитектуры, историко-антропологического подхода, устной истории в исследовании истории городского хозяйства Пензы, Рязани, Тамбова XVII–XX вв.

Ключевые слова: история городского хозяйства, междисциплинарные подходы, Пенза, Рязань, Тамбов.

Ilyin Alexey Yuryevich

*candidate of historical sciences, professor
director of the Tambov branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration under the President of the Russian Federation
Tambov
auiylin@yandex.ru*

Kanischev Valery Vladimirovich

*doctor of historical sciences, professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Tambov
tmbwolf@rambler.ru*

INTERDISCIPLINARY APPROACHES TO THE STUDY OF THE CITY ECONOMY'S HISTORY OF RUSSIA'S REGIONAL CENTERS

The article shows the possibility of using multi-disciplinary approaches to the study of the history of urban development. Examples of using the approaches of historical geography, environmental history, the history of climate, GIS technology, historical science, philosophy, sociology, history, law, history, architecture, historical and anthropological approach, oral history in the study of the history of the city economy Penza, Ryazan, Tambov XVII-XX centuries.

Keywords: history of urban economy, interdisciplinary approaches, Penza, Ryazan, Tambov.

Организаторы конференции предложили очень плодотворную идею, которая соответствует одному из основных трендов развития современной науки вообще и исторической науки в частности.

Большинство историков понимает междисциплинарные или полидисциплинарные подходы как взаимодействие методов и наработок других гуманитарных и общественных наук. Мы полагаем, что такое понимание междисциплинарности является узким, и считаем необходимым в первую очередь обратиться к изучению естественных условий, в которых развивались города.

Первостепенное значение, по нашему мнению, имеет определение местоположения каждого конкретного города. Такой подход неизбежен при исследовании городского хозяйства, многие компоненты напрямую зависят от природной среды.

Сотни российских городов, в том числе и объекты нашего специального внимания Пенза, Рязань и Тамбов, возникли как крепости на небольших холмах, а затем «расползлись» по низменным окрестностям. Вследствие этого долгое время возникали серьезные подтопления жилых участков и улиц городов, что доставляло немало хлопот жителям и местным властям.

Тамбовские географы Н.И. Дудник и М.М. Кузьмина отмечали, что фильтрация вод и растворов припойменной части террасы р. Цна, где первоначально создавался Тамбов, идет в тяжелых суглинках со скоростью 1,4-1,8 мм/мин. В понижениях западной части города скорость фильтрации вдвое меньше из-за обилия илистых частиц и близкого залегания грунтовых вод. Не случайно во все периоды существования город весной и осенью буквально утопал в грязи. Поверхностный сток направлен с окружающих пла-

коров и склонов в сторону города, а с почти плоской поверхности городских улиц и площадей сток замедляется. Это обуславливало сильную заболоченность территории, накопление грязи и нечистот на территории города [10, С. 137-145].

В Тамбове, по данным 1830-х гг., площадь болот, расположенных в черте города превышала 50 га [6, Таблица «Пространства Тамбовской губернии по уездам»]. Печальные последствия для горожан близости этих природных объектов вспоминались вплоть до начала XX в. Одно из местных изданий первых лет 20-го столетия писало: «Климатические условия города, вследствие его расположения в котловине, окруженной со стороны реки Цны болотистой местностью, нельзя признать удовлетворительными. Пресловутые тамбовские лихорадки стяжали себе известность в науке...». Только после проведения в городе водопровода во второй половине XIX в. заболеваемость малярией в Тамбове значительно ослабла [1]. В Тамбове до сих пор имеется немало участков старинных улиц города, где нередко происходит подтопление погребов, а порой и жилых домов. В Рязани, заболоченные территории в центре города, вокруг Кремля, были окончательно засыпаны только в конце 1960–1970-х гг. [14, С. 408]. Судя по пензенским фотографиям середины XX в., состояние улиц частично соответствовало словам из известной песенки: «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам, а вода по асфальту рекой» [18, С. 192].

Понятно, что такие природные условия изначально создавали особые проблемы для городских и губернских, а затем областных властей. Долгое время хлопоты органов власти были ограничены заботами о дорогах. Весьма характерен приказ губернатора С.В. Неклюдова тамбовскому коменданту В.Д. Булдакову, изданный в 1796 г.: «Довольно известно, что осенью и весной по всем улицам города Тамбова, а наиболее по Большой Астраханской (самой центральной улице – *авторы*) грязь бывает столь чрезмерна, что и проезда нет, и приказослужителям в присутствия ходу не бывает... того ради по Астраханской улице прокопать канавы для стока воды и покрыть оные фашинным, а колья и хворост собирать с жителей» [24, С. 44]. Составленное в начале 1860-х гг. справочно-статистическое издание о состоянии городов Российской империи применительно к Тамбову отмечало: «Недостаток и дороговизна камня препятствуют устройству мостовых, которые начаты еще с 1825 г., а есть и по ныне улицы немощенные; а на тех, которые имеют мостовую, в большей части она покрывает только одну половину улицы, так что грунт другой стороны, смотря по состоянию погоды, превращается в грязь или изобилует пылью» [25, С. 6].

Для хозяев частных домовладений спасение утопающих в прямом смысле было делом рук самих утопающих. Власти широко столкну-

лись с такой проблемой в период массового жилищного строительства начала второй половины XX в. Те же пензенские фотографии 1940–1960-х гг. показывают, в какой «сырой» природной среде строились новые дома [18, С. 44]. В Тамбове развитие города в середине XX в. пошло в направлении «бугра». Так в народе называли северную возвышенную по сравнению со старым городом территорию, которая в природном отношении представляет собой возвышенный суходол.

Для изучения проблем городского хозяйства продуктивным представляется использование историко-климатического подхода, в частности, учет такого явления, как «малый ледниковый период».

2 сентября 1787 г. тамбовский вице-губернатор и глава Казенной палаты М.И. Ушаков сообщал Г.Р. Державину: «нанятые подрядчиком Заевым на стилку в сараях кирпича кончили сего августа по 15-е число... по нынешнему холодному утрами и вечерами воздуху и производить той работы неспособно» [15, С. 84-85]. Очевидно, что речь шла о прекращении строительных работ в начале августа по современному стилю.

Видимо, холодный, по тамбовским меркам, период продолжался и в начале XIX в. В частности, интересны письма московской дамы М.А. Волковой, оказавшейся осенью 1812 г. в «эвакуации» в Тамбове, своей приятельнице В.А. Ланской: «Тамбов, 28 октября. Ни от чего я так не страдаю, как от холода. Как нарочно, я попала в Тамбов в такие холода, которым сами старожилы дивятся. Все дома насквозь проморожены. Наш как погреб. Мы все спим в одной комнате и льнем к печкам. Вот каково наше житье, дружок»; «Тамбов, 27 ноября. Мы снова подверглись всем ужасам степной вьюги: это страшная мука, особенно когда живешь в картонном домике. Невольно вспомнишь о нашем теплом, уютном московском доме, который был известен своим удобством в самых дальних частях города» [21]. 29 января 1813 г. из Тамбова сообщали, что «стужа продолжается у нас столь сильная, что ртуть в термометре почти каждый день опускается до 28 градусов (Реомюра) (-350С)» [5, С. 383]. Температуры 1820–1830-х гг. также были ниже современных [22, С. 29; 26].

Понятно, что температурный режим в рассматриваемый период истории всецело носил естественный характер. Но были в природной среде Тамбова и «рукотворные явления», порожденные во многом потребностями городского хозяйства. В частности, мы имеем в виду вырубку лесов вокруг города на строительство и отопление зданий. В Географическом словаре Тамбовской губернии отмечалось, что к концу XVIII в. «ценский лес большей частью истреблен», что город «окружается с одной стороны за Цною мелким вырубленным бором, с прочих же сторон отлогою возвышенной степью» [7, С. 58, 64].

Уже в начальный период своего тамбовского наместничества Г.Р. Державин заметил, что бесконтрольная рубка деревьев в окрестностях Тамбова, а также «смоляные промыслы, приключавшие беспрерывные пожары... так его опустошили, что едва только следы по оставшим пням, матерым гнилым колодам и молодому поростку видны, отчего теперь настает не токмо в строевом лесе, но и в дровах такой недостаток, что с нуждою, и то весьма издали, употребляют гнилые коренья, колоды и мелкие сучья» [15, С. 51].

Видимо, это явление стало заметным уже в середине XVIII в. Знаменитый мемуарист А.Т. Болотов, побывавший в Тамбове в 1764 г., назвал его «степным городом» [4, С. 560].

Такое положение делало город открытым сильным ветрам. «Тамбовские известия» в начале марта 1788 г. сообщали, что 23 февраля в Тамбове имела место буря, которая длилась сутки, сопровождалась вихрем и сильным морозом. В результате ее были сорваны крыши со многих домов, поломаны трубы, вырваны окна. Особенно пострадал «Банковский дом» (каменное здание уездного казначейства) на самом берегу Цны [20]. По причине такого расположения оно, вероятно, первым принимало на себя удар стихии, которая обычно приходила в город именно с лесной юго-восточной стороны. Как писала газета, железные листы с крыши дома отнесло далеко, разорвало пополам, свернуло в трубки [23, 3 марта].

Первого июня того же года над Тамбовом пронеслась новая буря с вихрем и сильным громом, которая, по сообщению «Тамбовских известий» оказалась сильнее, чем в феврале. В время бури город накрыла густая пыль, имелась слабая видимость. В очередной раз наиболее пострадал «Банковский дом», с которого была сорвана почти вся крыша [23, 9 июня].

Еще одна сильная буря посетила Тамбова 4 июля 1778 г. В этот раз особенно пострадали кирпичные «сарай» (мелкие заводи) бригадира Нилова, судя по всему, также находившиеся в восточной части города, недалеко от Соборной площади, вокруг которой в конце XVIII в. постоянно шли работы по возведению казенных зданий. С этих построек, если судить по материалам тамбовской газеты, сорваны были не только крыши, но и стропила [23, 7 июля].

Наконец, 7 декабря 1778 г., как писали «Тамбовские известия», буря с вихрем и сильным морозом длилась сутки. Вновь были сорваны крыши со многих домов, поломаны трубы, вырваны окна. И опять-таки среди пострадавших строений в первую очередь назван теперь уже бывший «Банковский дом» (возможно, власти не успевали его восстанавливать, и перевели в другое место), а также два частных каменных дома. С этих строений бурей снесло железные листы [23, 15 декабря].

Конечно же, четыре сильных бури за один год были свидетельством сильной открытости Тамбова ветрам, особенно со стороны существенно вырубленного Пригородного леса.

Долгое время серьезную опасность для городской окружающей среды создавали ассенизаторские и канализационные проблемы. Низкий уровень организации городскими властями утилизации отходов жизнедеятельности горожан постоянно приводил, а порой приводит и сейчас к существенному загрязнению водной, воздушной, почвенной среды. Экологические последствия недостаточно регулируемого развития городского хозяйства продолжали и продолжают проявляться в самых разных формах. Так, в Тамбове это весьма очевидно выразилось в существенном обмелении протекающей через город некогда немалой реки Студенец. Причиной этой экологической «микрокатастрофы» стало отведение городом большого участка у истоков реки под гаражный кооператив и последующее захламливание территории. Исследования экологических процессов в городах как результатов воздействия на природу объектов городского хозяйства пока еще сравнительно редки. Но на необходимость изучения этой исторической проблемы уже обратили внимание некоторые тамбовские и пензенские историки [13; 19].

Дополнительные возможности для изучения истории городского хозяйства дают геоинформационные технологии. Во-первых, они позволяют наглядно представить пространственное развитие городских территорий и насыщение их инфраструктурными объектами. Во-вторых, ГИС дают возможность подключить к электронным картам любую дополнительную текстовую, статистическую, визуальную информацию. Тамбовские историки в последние годы провели немало экспериментов по применению ГИС-технологий к изучению истории областного города. В частности, в работах Е.В. Барановой специально изучаются пространственные вопросы истории формирования городских улиц, транспорта, других объектов инфраструктуры Тамбова XIX–XX вв. [2; 3].

Для любой отрасли исторического знания, хоть сколько-нибудь связанной с количественными данными, все большее значение приобретают информационные технологии, связанные с формированием и математической обработкой электронных баз данных. В течение последних 20 лет тамбовские историки приобрели большой опыт в этой междисциплинарной области, активно участвуя в конференциях и публикациях российской Ассоциации «История и компьютер». В ходе изучения проблем истории городского хозяйства Тамбова мы создали более десятка баз данных о развитии различных элементов хозяйственной инфраструктуры города. Аналогичные базы данных создаются на материалах Пензы и Рязани.

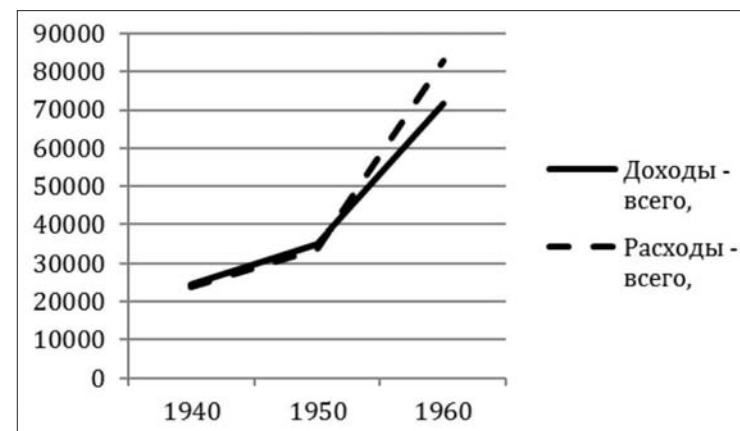

Рис. 1. Изменения доходов и расходов Тамбова в 1940–1960-е гг.

Конечно, наиболее удобной формой представления количественных данных в большинстве случаев является таблица. Но во многих случаях наиболее наглядными и четкими представляются графические изображения исторических процессов. Тем более, современные информационные технологии не требуют от историков навыков черчения графиков и других «кривых», это выполняется автоматически (см. рис. 1).

Как очень наглядно видно, в 1950-е годы город Тамбов стал «жить не по средствам», вероятно, получая дополнительное финансирование из областного или федерального бюджета. Таким образом, построение данного графика позволило не только проиллюстрировать конкретный процесс, но и поставить вопросы по его объяснению.

Конечно, междисциплинарные подходы во многом подразумевают взаимодействие истории с другими гуманитарными и социальными науками.

Так, философия «дарит» историкам весьма продуктивную идею «искусственной среды», «второй природы». В частности, еще в 1970-е гг. такую идею развивал ленинградский философ М.Н. Межевич, который, говоря о городе как искусственно созданной среде, утверждал, что городское хозяйство можно рассматривать как часть этой среды в контексте ее противоположности природной среде [14].

Обращаем особое внимание на взаимодействие «гражданской» истории с историей государства и права. Историки государства и права в первую очередь изучают механизмы формирования тех или иных государственных структур и принятия законов. «Граждан-

ские» историки, по нашему мнению, должны изучать фактическое выполнение обществом законодательных и нормативных актов.

Одним из ярких примеров невозможности для городских муниципалитетов реализовать свои законные полномочия в области городского хозяйства является практика претворения в жизнь Городового положения 1870 г. Как известно, это положение предоставило широкие возможности для Городских дум и управ в решении многих вопросов хозяйственной жизни городов. Но государство тут же «навесило» на городские самоуправления такие обременительные дополнительные обязанности, что средств на собственно городские дела у муниципалитетов явно не хватало. Анализ городских бюджетов второй половины XIX – начала XX вв. показывает, что «львиная» их доля уходила на содержание войск, обязанности, которая после отмены постоянной повинности отдельных горожан перешла на городское общество в целом. Так, бюджет города Тамбова в 1890 г. по статье «Отправление воинской повинности и других воинских потребностей» выделил более 50 тыс. руб. (четверть городских расходов), а на благоустройство города потратил ок. 5 тыс. руб. (немногим более 2-х%). Хотя через 10 лет ситуация несколько изменилась – расходы на благоустройство выросли почти в 9 раз, – средства на содержание войск все равно оставались основной расходной частью городской казны [16; 17].

Блестящим образцом применения к городской истории историко-архитектурного подхода является монография В.Л. Глазычева. Представленная в книге история градостроительства, в т.ч. многих «передовых» примеров организации городского хозяйства, показывает гражданским историкам направления конкретно-исторических исследований, дает материал для сравнительно-исторических наблюдений, определения места российского градостроительства в мировом урбанизационном процессе [8].

В нескольких статьях мы апробировали социологический метод контент-анализа. В частности, применение этого метода к изучению документов КПСС и Советского государства по вопросам городского хозяйства показало, что задачи развития городского жилищно-коммунального комплекса ставились в партийно-государственных документах по хозяйственным вопросам на протяжении всего советского периода. Но как раз эти постоянные упоминания свидетельствуют о нерешенности советским государством вопросов коммунального хозяйства городов. Сравнительно редкие, но опять-таки периодические, упоминания решений партии и правительства о кооперативном и индивидуальном строительстве жилья говорят о неспособности государства самому решить этот вопрос, а также косвенно подтверждают невозможность нормаль-

ного негосударственного жилищно-коммунального строительства в условиях плановой экономики [11].

Мы, историки, конечно, не должны забывать о людях как обитателях городов, использовать историко-антропологические подходы. Иначе получится «неживая» история городских луж и болот, квадратных метров жилья или погонных метров водопроводных и канализационных труб.

В частности, историко-антропологический подход мы попытались реализовать, собрав и опубликовав устные рассказы руководителей Тамбова о претворении в жизнь специального постановления Совета Министров РСФСР о развитии городского хозяйства этого областного центра [9].

Помимо прочего мы ведем исследования воспоминаний жителей конкретных городов, художественных образов городских обывателей, представленных в литературных произведениях, общественного мнения горожан, отразившегося в периодической печати, которые зафиксировали субъективное восприятие состояния городского хозяйства его, так сказать, пользователями в разные периоды прошлого.

Конечно, набор междисциплинарных подходов может быть еще более разнообразным. Мы видели свою задачу в том, чтобы показать хотя бы часть возможностей, которые дает применение методов естественных, точных, различных гуманитарных и социальных наук, современных информационных технологий для комплексного изучения истории городского хозяйства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь Тамбовской губернии на 1915 год. Тамбов, 1915.
2. Баранова Е.В. Опыт использования ГИС технологий для реконструкции социокультурной инфраструктуры города Тамбова // Новый взгляд. Лаборатория социальной истории ТГУ им. Г.Р. Державина. Международный сборник работ молодых историков. Тамбов, 2007. С. 41–46.
3. Баранова Е.В. Транспорт как часть социально-культурной инфраструктуры города (на материалах Тамбова второй половины XIX – начала XX в.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. Тамбов, 2009. № 10. С. 161–168.
4. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им для своих потомков (1738–1793). СПб., 1871. Т. II.
5. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
6. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Ч. 1. Тамбовская губерния. СПб, 1851.
7. Географический словарь Тамбовской губернии в конце XVIII и в начале XIX столетий. Тамбов, 1902.
8. Глазычев В. Л. Город без границ. М., 2011.
9. Городское хозяйство Тамбова в 70-е – 80-е годы 20 века: рассказывают руководители. Авт.- составитель А.Ю. Ильин. Тамбов, 2013.

10. Дудник Н.И., Кузьмина М.М. Экологическая оценка истории застройки и реконструкции г. Тамбова в XIX веке — начале XX века // Региональные тенденции взаимодействия человека и природы в процессе перехода от аграрного к индустриальному обществу. Тверь, 2003.
11. Ильин А.Ю. Контент-анализ документов КПСС и Советского государства по вопросам городского хозяйства // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. Краснодар, 2014. № 5. С. 119—125.
12. История рязанской власти: руководители Рязанского края, 1778—2008 / ред.-сост. П.В. Акульшин. Рязань, 2008.
13. Канищев В.В. Экономика, демография, экология в условиях модернизации аграрного общества. Интегральная история Тамбовской губернии в XIX — начале XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 513—530.
14. Межевич М.Н. Социальное развитие и город. Философские и социологические аспекты. Л., 1979.
15. Мещеряков Ю.В. Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786—1788). Тамбов, 2006.
16. Обзор Тамбовской губернии за 1890 год. Тамбов, 1891.
17. Обзор Тамбовской губернии за 1900 год. Тамбов, 1901.
18. Пенза. Листая старинный альбом ...Фотографии 1940—1960-х гг. Автор-составитель И. Шишкин. Пенза, 2012.
19. Петрина С.В. Экологические проблемы старой Пензы // Городское пространство в исторической ретроспективе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящ. 350-летию основания г. Пензы. Пенза, 2013. С.146—147.
20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1356. Оп. 1. Д. 290/5837.
21. Русский архив. 1872. № 12.
22. Сборник материалов для описания Тамбовской губернии. Сост. Л. Воейков. СПб, 1872.
23. Тамбовские известия. 1788.
24. Чернов А.С. Нобели: взгляд из старого Тамбова. Тамбов, 1998.
25. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг. Ч. 2. СПб., 1863.
26. Ежемесячные климатические данные для городов России // Режим доступа: <http://meteoinfo.ru/climate/klimatgorod/1734-1246618396>

* * * * *

УДК 94(47+57)(082.1)

Меерович Марк Григорьевич

*член-корреспондент Российской академии архитектуры
и строительных наук*

*доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор
Иркутский государственный технический университет*

г. Иркутск

memark@inbox.ru

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА УРБАНИЗАЦИИ В СССР

Статья направлена на преодоление устойчивых стереотипов оценки природы и результатов советской урбанизации. Обосновывает необходимость выработки исследовательских подходов, основанных не на сопоставлении с закономерностями урбанизации в

капиталистических странах, а на выявлении специфики урбанистических процессов в СССР.

Ключевые слова: урбанизация, индустриализация, соцгород, концепция социалистического расселения, типология жилища.

Meerovich Mark Grigor'evich

*corresponding member of the Russian Academy of Architecture
and Construction Sciences*

*doctor of historical sciences, candidate of architecture, professor
Irkutsk State Technical University*

Irkutsk

memark@inbox.ru

THE QUESTION OF THE STUDY METHODOLOGY INITIAL PERIOD OF URBANIZATION IN THE USSR

The article oriented to change of the stereotypes assessment of the nature and results of Soviet urbanization. Justifies the need for the establishment of research-based approaches to identifying the specifics of urban processes in the USSR, and not on a comparison with the laws of urbanization in the capitalist countries.

Keywords: urbanization, industrialization, sozgorod, concept of socialist resettlement housing typology.

Советская историография неизменно трактовала процесс стремительной урбанизации в СССР, осуществленный в результате реализации программы индустриализации, как безусловный позитивный фактор развития советского общества [5]. Лишь с конца 1960-х гг. в отечественной социологии волнообразно стало нарастать критическое осмысление технократической трактовки урбанизации, подчинение расселения схемам размещения промышленно-производственных комплексов [2, С. 44].

В послеперестроечный период исследователи советской модели урбанизации в большей степени стали трактовать ее как «провальную» [9, С. 102], потому что, как они писали, советской власти так и не удалось обеспечить реализацию важнейшей составляющей «урбанистического развития» — «человека с его разнообразными потребностями и возможностями». Они констатировали, что урбанизация в СССР не сумела «преодолеть резкое отставание СССР-России от общепринятых в развитых странах норм и стандартов образа и качества жизни горожан, их культуры, доходов, состояния городской среды и т.д.» [9, С. 102].

Однако, советское руководство и не собиралось развивать «разнообразнейшие потребности и возможности» человека, не планиро-

вало достигать западных стандартов качества жизни горожан, не стремилось к обеспечению интенсификации общения, к разнообразию форм практической жизнедеятельности. Никто в сталинском руководстве и не думал развивать «гражданское общество»; никто в хрущевском правительстве не ставил задачи наделить каждую семью машиной, холодильником и собственным домом; никто в брежневском Политбюро не стремился привнести в каждую квартиру персональный компьютер.

Безусловно, советская урбанизация являлась лишь «... побочным продуктом индустриализации, а человек – всего лишь «винтиком» огромной государственной машины» [4, С. 210]. Но ведь именно так и рассматривала ее марксистская доктрина. Именно так и относилась к ней советская власть; так и создавала ее – целенаправленно подчиняя задачам развития военно-промышленного комплекса.

Начиная с середины 1920-х гг. сталинское руководство избрало стратегию промышленного развития, основой которой стала добыча и продажа за границу сырьевых ресурсов. Чтобы на вырученные деньги закупать чертежи, станки и промышленные технологии для выпуска вооружений. К собственному населению оно относилось точно так же. То есть, как к природному ресурсу, который предназначен лишь для того, чтобы обеспечивать достижение государственных целей, в первую очередь – превращения страны в наимогущественнейший военный механизм, а государственного аппарата – в средство принуждения населения к труду. Развитие военно-промышленного комплекса и являлось главной целью, ведущим смыслом и основным содержанием советской индустриализации, которая всецело предопределяла, сопутствовавший ей процесс урбанизации.

Любой человек, выросший в СССР или много читавший об устройстве советской власти, прекрасно понимает, что «само собой» в Советском Союзе ничего не происходило. Кроме, пожалуй, жилищного самостроя в деревнях и самовольного возведения «нахаловок» на окраинах городов. Любая мало-мальски значимая стройка, а уж тем более строительство многоэтажного здания или нового завода, не говоря уж о целых поселках или городах, было делом исключительно государственным, абсолютно подконтрольным и полностью управляемым. Тем более в условиях тотального государственного распределения финансовых и материальных ресурсов, строительных материалов, рабочей силы, средств транспорта и квот на разработку природных ископаемых.

Однако, несмотря на полностью искусственный, «плановый» характер советской урбанизации, и она, и процессы, стимулировавшие ее развитие, описывались в советской историографии (и до сих пор представляются точно также) так, будто бы они происходи-

ли сами по себе. Естественным образом. В итоге делаются выводы о возникшем «консервативном» характере «советского варианта модернизации» [4, С. 187]; о том, что советская экономика сама собой «переходила» от своего «аграрного состояния к индустриальному» [9, С. 102], что «периоды реформирования» сами по себе «сменялись годами застоя», а «консолидация общества – его расколом» и т.д. [1; 4; 15]. Выстраивается картина, согласно которой советская урбанизация существовала в условиях «саморазвития», которое неким непонятным образом оказалось «сопровождаемым» милитаризацией. Увы, все это ложные разъяснения, поскольку в СССР «само по себе» не происходило совершенно ничего по-настоящему масштабного, требовавшего вложения государственных ресурсов, мало-мальски связанного с внутренней геополитикой. Труды, появившиеся в последние десятилетия [3; 11; 12; 14] позволяют сделать однозначный вывод о том, что советская урбанизация не «сопровождалась» милитаризацией, наоборот, это милитаризация «сопровождалась» урбанизацией. Потому что партийное руководство страной уготовало системе расселения в СССР особую роль – служить средством обеспечения милитаризованного «народного» хозяйства рабочей силой, формируемой из крестьянства, выталкиваемого коллективизацией на новостройки пятилетки.

Это была насильственная урбанизация, основанная на искусственном росте псевдогородского населения за счет принудительного перемещения в старые города и соцгорода-новостройки раскрестьяненного деревенского населения, а также в принудительном перемещении крупных контингентов трудовых ресурсов из существующих городов на индустриально осваиваемые территории.

Именно на коллективизации и основывалась урбанизация в СССР. Как концептуально, так и практически. На том, что однородная масса крестьян, станет притекать из деревни в города, превращаясь в не менее однородную массу государственных рабочих и служащих, лишённую внутреннего разнообразия, а главные характерные черты среднего слоя населения буржуазного общества. Именно эта концепция, названная «концепцией социалистического расселения», была последовательно и неуклонно реализована.

В советской системе расселения концентрация населения в фокусах системы административно-территориального управления обеспечивалась за счет того, что население привязывается к производству широким спектром средств: пропиской, трудовыми книжками, дефицитом жилья, запретом на самовольный уход с работы, запретом на самовольный переезд в другой город, распределением и закреплением молодых специалистов, плановым направлением трудовых ресурсов на ударные стройки, ограничением зоны про-

живания после отбытия срока заключения и проч. Власть всеми силами стремилась исключить естественные миграции и, напротив, активно инициировала искусственные плановые целевые перемещения трудовых ресурсов. А города осмысленно и целенаправленно превращала в эффективное средство «опролетаривания», т.е. переработки крестьянского населения в рабочих с последующим добровольно-принудительным прикреплением рабочей силы к местам трудоустройства. В результате осуществления плана «ускоренной урбанизации», неразрывно связанного с планом ускоренной индустриализацией – принятым под давлением И. Сталина в 1929 г., городское население за первую пятилетку увеличилось даже не на 10 млн. чел., как это предполагалось, а на 13,9 миллионов человек.

В результате, население соцгородов-новостроек складывалось из: а) крестьян, оторванных от привычного образа жизни; б) лишенцев, выселенных с прежнего места обитания; в) «социально-чуждых» элементов, выдвинутых из существующих городов; г) отбывших наказание репрессированных, оставшихся на постоянное жительство рядом с бывшими зонами, а также бывших спецпереселенцев и трудопоселенцев, которым после освобождения некуда было податься; д) кочевых народов, принужденных к оседлому образу жизни; е) наемных работников, подписавших контракты на работу; ж) командированных специалистов и направляемых на стройки партийных, советских и технических руководителей различных рангов и т.п.

Советское градостроительство материализовало в конкретной структуре обитаемого пространства постулаты трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения страны. И всем, кто имел отношение к системе принятия градостроительных решений было очевидно, что коренное отличие городов нового типа – «социалистических», от городов прежней формации – «капиталистических», в том и заключается, что они были «продуктом» социально-политической системы: а) единого народнохозяйственного планирования, б) централизованного финансирования и материально-технического снабжения; в) новых принципов размещения промышленности, возведения и концентрации подле нее селитьбы для трудовых ресурсов; г) искусственных форм организации внутригородской жизни и деятельности; д) централизованного создания инфраструктуры и «распределительного» характера системы обслуживания; е) специфической жилищной политики, направленной на восстановление в городской среде за счет коммунального жилища общинно-коллективистских форм быта, привычных для подавляющей массы еще вчерашнего крестьянского маргинального населения и т.д.

При этом, если принудительные миграции, основательно изучались историками и исследователями-крестьяноведами в контексте

раскулачивания и массовых депортаций крестьянского населения. То они никогда не рассматривались в связи с концепцией соцрасселения – как инструмент формирования трудовых ресурсов поселений-новостроек: соцпоселков и соцгородов, а также контингентов рабочей силы в местах ресурсодобычи. Коллективизация, фактически, никогда не изучалась в контексте индустриализации – как процесс целенаправленного превращения крестьянства, отрываемого от земли, от привычных форм хозяйствования и образа жизни, в универсальную рабочую силу, с плановым ее перемещением в места отправления принудительного труда в промышленности, строительстве, лесозаготовках, добыче природных ископаемых и проч. А именно такой профиль трудового использования определяла власть для раскулаченных крестьян и спецпереселенцев – к концу 1930-х гг., в комендатурах ГУЛАГ половина спецпереселенцев работала в сферах промышленности и строительства, четверть на лесозаготовках, а оставшаяся четверть – в сельском хозяйстве.

Система расселения в СССР изначально формировалась как неразрывно связанная со структурой промышленного производства и административно-территориального деления, «заточенного» под централизованную иерархически выстроенную систему партийно-государственного управления. В итоге, в Советском Союзе вовсе не урбанизация (как на Западе) инициировала появление объектов энергетики, транспорта, приводила к расширению производства. А наоборот, возведение объектов энергетики вызывало концентрацию вокруг себя энергоемких промышленных производств, которые, в свою очередь, требовали увеличения численности трудоспособного населения. Урбанизация была также и побочным «продуктом» развертывания систем транспорта, нуждавшихся в управленческих и технических центрах; следствием расширения инфраструктуры ресурсодобычи, вызывавшей появление центров первичного обогащения и отгрузки. В ее основе лежало создание структуры «территориально-административного управления», основывавшееся на искусственном формировании «центров концентрации пролетариата», либо т.н. «расселенческих упоров» в пустынных и слабо заполненных населением территориях (кстати, эта политика продолжалась потом долгие годы). Под эту цель осмысленно и целенаправленно изламывалась дореволюционная структура хозяйственного районирования.

Исследователи советской урбанизации указывают на то, что темпы территориальной концентрации населения опережали «процессы адаптации вчерашних сельских жителей к городскому образу жизни, усвоение ими городской культуры, новой системы ценностей» [9, С. 102], видя в этом «непоследовательность» воплощения урбанистической модели, ее негативные моменты. Однако,

в соцгородах-новостройках никакой «городской культуры» и не было. А была лишь грязь по колено и деревянные тротуары, которые в период весенних и осенних дождей кидались прямо сверху на раскисшую глину, чтобы пешеходы могли хоть как-то пробираться и не тонуть в тестообразном месиве; не было ванн и индивидуальных кухонь; воду население получало от водовозов или, в лучшем случае, из квартальных водоразборных колонок; в жилище не было туалетов – они располагались на улице, в отдельно построенных деревянных сооружениях на 8–12 очков с одной лишь перегородкой между мужским и женским отсеками. Какую особую «городскую культуру» и «новую систему ценностей» должны были в этих условиях «усваивать» вчерашние сельские жители, да так и не усвоили, что потом плохо сказалось на «состоянии урбанизации»? Никто в руководстве страной и не планировал «адаптировать» крестьян-мигрантов к городскому образу жизни. Да такого – «городского» образа жизни, и не существовало в соцгородах-новостройках, на 90% были застроенных бараками (рассчитанными на 80–120 чел. каждый), которые на 90% заселены коммунально.

Бараки совершенно не случайно стали основным типом массового жилищного строительства в соцгородах-новостройках первых пятилеток. Прежде всего, это происходило потому что государственная политика предполагала разворачивание такой типологии жилища, в рамках которой основная масса трудового населения (90–95%) должна была обитать в «хороших, дешевых, удобных казармах», незначительная часть технических и прочих специалистов (13–15%) – в коммунальных квартирах 1-2 этажных деревянных домов или 3–4 этажных кирпичных; а партийно-советское руководство (2–5%) – в более комфортном жилище (причем, высшее руководство – в отдельных квартирах или даже в коттеджах-особняках) [10, Л. 122–122об]. А также потому, что барачно-коммунальный, свехуплотненный быт всемерно способствовал догляду и доносительству, поскольку обеспечивал в отношении основной массы населения «прозрачность» образа жизни и, как следствие, постоянный контроль над повседневным поведением и строем мыслей. Но самое главное, планировочное членение селитьбы на барачные поселки, скомпонованные в «кварталы», обеспечивало территориальное упорядочивание населения, руководимого и контролируемого территориальными партийными органами и заводскими партийными комитетами; облегчало не только руководство трудовыми процессами через совместное обитание в одном бригадном бараке, но и контроль над бытовыми; позволяло вести точный учет количества и «качества» обитателей населенных пунктов; упрощало привлечение к отбытию трудовой обязанности и учет для призыва на военную службу [7].

Ученые, изучавшие процессы урбанизации в СССР писали о том, что «подлинная» урбанизация всегда связана с «вложениями в человека» [9, С. 109]. А советская, мол, являлась «неподлинной», недоразвитой, недоформировавшейся, потому что в ней «вложения в человека» были недостаточными. Как серьезный недостаток урбанистического процесса, они фиксировали разрыв между количественными показателями переселения масс деревенского населения в города и утверждением городского образа жизни как феномена культуры [8]. А также тот факт, что быстрый рост городов и концентрация населения в индустриальных центрах, происходили на фоне сохранения традиционных особенностей российского общества – архаично-экстенсивного характера городской деятельности, сельского общинного сознания «новых горожан», их аграрного менталитета, низкого уровня жизни [9, С. 102]. Эти оценки верные. Но именно так все и задумывалось! Ничего иного властью и не планировалось! Все было реализовано в точном соответствии с советской концепцией урбанизации:

1. Формирование расчетных контингентов трудоспособного населения, размещаемых в селитьбе подле производственных комбинатов;
  2. Сохранение традиционных форм общинного сознания, способствующего существованию трудо-бытовых коллективов;
  3. Создание иерархизованного (стратифицированного) уровня жизни – низкого (на уровне прожиточного минимума) для подавляющей массы населения;
  4. Поддержание экстенсивного характера городской жизнедеятельности, так как главной задачей являлось восстановление сил для следующего трудового дня, а не разнообразие форм досуга, развлечений и стилей (образов) жизни;
  5. Поддержание аграрного менталитета и связанных с ним форм дополнительного самообеспечения населения продуктами питания под контролем администрации предприятий и учреждений.
- Воплощение этой концепции обеспечивалось сознательно формируемой системой организации процессов городского быта, предполагавшей нищенский уровень жизни рабочих и, в ряду других – своеобразную «городскую политику», сутью которой была минимизация государственных расходов, приходящихся на человека, путем жесткой экономии на жилищно-коммунальном строительстве, социально-культурной сфере, городском транспорте и т.д. и т.п. [8].

Отечественные социологи, критиковавшие советскую урбанизацию, писали о том, что в СССР и расселение людей, и их быт, и культура трактовались в рамках официальной градостроительной политики как функция производственных процессов [16]. Однако, в

этом заключалась вовсе не слабость советской расселенческой доктрины, а ее сила – ее уникальная специфика. Пусть и негуманная, в некоторых проявлениях даже античеловечная, зато крайне эффективная для формирования малозатратных, планомерно организуемых в масштабе всей страны цепочек производственных процессов. В СССР именно «материально-производственное», а не «антропокультурное» содержание закладывалось в основу урбанизации. В результате, советские города были далеки от идеала урбанистического поселения, сочетающего в себе разнообразие форм жизнедеятельности, культуры, досуга, направленных на удовлетворение все более расширяющихся потребностей горожанина. Они являли собой огромные, как правило, неблагоустроенные посёлки при предприятиях-гигантах, расположенные вокруг завода малоэтажную рабочую слободу с центральными площадями (предзаводской и общегородской) и расходящимися от них одной-двумя центральными улицами, «обрамленными» зданиями, архитектурно оформленными в стиле «сталинский ампи́р». Так чего же на фоне этой картины сетовать сегодня на то, что в советской модели мало оказалось того, чего там вообще не должно было быть. И зачем, как это делают некоторые ученые [9], призывать к необходимости применения «антропокультурного подхода» в качестве основного методологического средства для оценки реальных итогов российской урбанизации, если именно он генетически не подходит для этой задачи?

Изучение урбанизации в СССР нуждается в коренном пересмотре своей методологии. Требуется выработки особой «исследовательской оптики», основанной не на сопоставлении с закономерностями урбанизации в капиталистических странах, а на выявлении специфики урбанистических процессов в СССР. Неразрывно связанных с марксистско-ленинской идеологией; реализацией программы формирования военно-промышленного комплекса; искусственным комплектованием «промышленных» трудовых ресурсов (в том числе и за счет коллективизации) и их насильственным перемещением на стройки пятилетки; развертыванием глобальной системы принудительного труда; формированием среды обитания предусматривавшей обеспечение лишь минимального уровня жизненных условий; созданием в целом дезурбанизированной системы расселения с искусственно формируемыми центрами узловой концентрации населения в фокусах административного управления территориями.

При изучении характера советской урбанизации следует окончательно и бесповоротно принять за исходный методологический постулат тот факт, что все без исключения процессы градоформирования в Советском Союзе, с конца 1920-х – начала 1930-х годов оказалось накрепко «пристегнутым» (образное выражение геогра-

фа Ю. Пивоварова) к форсированной индустриализации в роли «тары» для размещения «персонала» [1]. Урбанизация сознательно превращалась властью в «вынужденного попутчика» промышленно-транспортного строительства и ресурсодобычи и оставалась таковой, фактически, все годы существования СССР. Советская урбанизация существовала исключительно благодаря особому «государственному движущему механизму» [9] в рамках которого директивно-плановая экономика сознательно и целенаправленно превратила процесс градоформирования, накрепко привязанный к индустриализации, в форсированно-ускоренный.

Нужно однозначно констатировать, что ни о какой общности урбанизации (градостроительной политики) в СССР и в остальных странах мира и речи идти не может. Никакой общности идей и методов в СССР и в странах капитализма, не существовало. Прежде всего, потому что урбанизация в СССР осуществлялась «искусственно-принудительно», сознательно и целенаправленно формировалась как «антикапиталистическая».

Главной отличительной чертой советской урбанизации является возникновение уникального феномена тотального огосударствления всех сторон жизни и деятельности в огромной стране, с гигантским миллионным населением, занимавшей почти шестую часть суши. Феномена, который целиком и полностью отразился на «содержании» отечественного градостроительства. Именно в рамках тотального огосударствления жизнедеятельности и был сформирован в СССР специфический механизм глобального регулирования градоформирующей активности. Ему и должно быть посвящено изучение истории советского градостроительства, выявление специфики урбанизационного процесса в СССР.

В рамках этого исследования следует детально описать концепцию социалистического расселения и соцгорода. Разъяснить, чем являлось новое «расселение населения» по территории страны, в отличие от старого? Какие «претензии» предъявлялось к старому пространственному каркасу расселения и какие новые требования выдвигались по отношению к формируемому? Раскрыть, в чем состояла доктрина поселений нового («социалистического») типа, в отличие от старых (капиталистических)? Наглядно показать, какие изменения в теории и реальных процессах градоформирования вызывала финансово-экономическая и организационно-управленческая привязка селитбы к производству, а не к торговле, образованию, банковским офисам, культурно-досуговому и рекреационным территориям, как в городах капитализма?

Следует раскрыть отличие целенаправленно формировавшейся в СССР «селитбы при производстве» от селитбы, возводимой му-

Таблица 1 – Отличия градостроительства в СССР и во всем остальном мире

Содержание, субъекты и формы организации градостроительной деятельности	В СССР	Во всем остальном мире
«субъекты» градостроительной деятельности	— государство в лице «уполномоченных» им: а) ВСНХ (промышленных ведомств), б) НКВД; в) ГУЛАГ (с 1931 г.). [любые иные «субъекты» градостроительной деятельности, после законодательного «обуздания» в 1924 г. независимой жилищной кооперации, отсутствовали]	— государство в лице министерств; — муниципалитеты; — частные промышленные корпорации (фабриканты и заводы); — сельские общины; — профсоюзы; — общественнополезные (бесприбыльные) фирмы; — крупные землевладельцы; — жилищная кооперация; — церкви; и проч.
инвестирование (финансирование)	государственное квотируемое распределение ресурсов в соответствии с программами промышленного развития	частное, муниципальное, частно-муниципальное финансирование в соответствии с программами коммерчески эффективного жилищного строительства; строительство промышленными предприятиями жилья для рабочих; финансы профсоюзов, общественных организаций, церкви и т.п.
управление жилищным строительством	ведомственно-государственное руководство всеми без исключения процессами возведения селитбы (выделение материальных и финансовых ресурсов, согласно ведомственным программам промышленно-селитебного строительства), направленное в условиях отсутствия рынка недвижимости на снижение стоимости жилья и инженерной инфраструктуры, со снижением их качества до предельно возможного минимума	частное руководство жилищным строительством, направленное в условиях рынка недвижимости на снижение стоимости жилья и инженерной инфраструктуры, с повышением их качества

управление возведенными жилыми образованиями и их последующим развитием	ведомственно-государственное руководство всеми без исключения процессами эксплуатации селитбы, примат «промышленного» в принятии любых решений, касающихся селитбы; привязка инфраструктуры любого поселения-новостройки к градообразующему производственному предприятию	самоуправление экономически и административно автономными жилыми образованиями (в границах городской черты), примат формирования комфортной среды обитания; муниципальное налогообложение с полной подотчетностью перед населением по использованию денег на нужды города и горожан
форма владения жилищем и инфраструктурой	государственно-ведомственная собственность, аренда в условиях тотального дефицита жилища и отсутствия рынка недвижимости	частная собственность, аренда в условиях избытка жилища на рынке недвижимости; социальное жилище
система коммунального и бытового обслуживания	государственная нормативно-лимитированная система удовлетворения минимального состава потребностей населения, система культурно-бытового обслуживания по фиксированному спектру услуг и составу зданий и сооружений специального (культурно-бытового) назначения	частная инициатива в разворачивании множественных форм бытового обслуживания и частная собственность объектов услуг, досуга и сервиса (питание, коммунальные услуги, бытовая сервис, городской транспорт и т.п.) [кстати, термин «коммунальное» обслуживание — исключительно советский к анализу западной практики эксплуатации городских систем — неприменим]
цели градостроительной деятельности	обеспечения трудовыми ресурсами производственных (промышленных, транспортных, энергетических, ресурсодобывающих и проч.) предприятий; привязка посредством жилища населения к месту приложения труда	в условиях конкуренции работодателей за трудовые ресурсы повышение комфорта среды обитания с одновременным снижением расходов по приобретению (аренде) жилища
расселение населения	целенаправленные, принудительные, искусственно регулируемые миграции трудовых ресурсов	самостоятельные, естественные перемещения рабочей силы в поисках оптимальных условий труда и обитания
типология проектируемого и возводимого жилища	многоквартирное, многокомнатное покомнатно-посемейного коммунального заселения	широкая палитра частного индивидуального (собственного, арендного, социального) жилища

ниципальными властями на Западе. Чем селитьба соцгородов отличалась в своей структуре, правилах формирования, нормируемых параметрах от субурбий американских городов-спутников (наиболее сходных с соцгородами-новостройками)? Яркой особенностью начального периода урбанизации в СССР является принудительная трансформация типологии жилого фонда, которую следует выявить и детально описать.

В исследовании истории советской урбанизации необходимо в качестве базовой онтологии различать «градостроительство снизу» и «градостроительство сверху». «Градостроительство снизу» – практика принятия планировочных решений в капиталистических странах, исходя из интересов местного (муниципального) самоуправления (местных городских территориальных общин). «Градостроительство сверху» – тотальное регулирование процессов градоформирования в Советском Союзе в рамках осуществления промышленной политики, в ходе реализации стратегии развертывания советского военно-промышленного комплекса, именовавшегося «индустриализацией»; в условиях планового принудительного распределения всех ресурсов осуществления строительства (в том числе и трудовых).

При изучении урбанизации в СССР должны параллельно рассматриваться два слоя материала, отражающие специфику советского градостроительства: 1) история «официальной» доктрины (т.е. того представления об объекте градостроительной политики и проектирования, которое в виде предписывающих требований закреплено в нормах); 2) история проектного дела, потому что принятие расселенческих, градостроительных решений в условиях советской государственности сильно отличалось от системы принятия стратегических решений в условиях западной демократии. Как следствие, разработка генеральных планов (а также цели, задачи, регулятивы планировочной документации) представляла собой «творчество» в рамках строжайших предписаний, под контролем государственных органов или «уполномоченных» ими институций – в государственно-ведомственных инстанциях утверждались лишь то, что соответствовало общеполитическим установкам и идеологическим постулатам марксистско-ленинской доктрины.

При описании истории советской урбанизации необходимо специально выделять и детально характеризовать отношение «плановости» и «стихийности». Без описания феномена «стихийности» в советской урбанизации, невозможно разъяснить состояние среды российских городов ни в предвоенный период, ни сегодня. Идеологически, советское градостроительство неизменно противопоставлялось капиталистическому в рамках оппозиции: «государствен-

ное, плановое» (значит, продуманное и позитивное) – «стихийное, капиталистическое» (а значит, случайное, необдуманное, некачественное). Историческая правда требует при описании феноменов советского градостроительства (для понимания сути реально происходивших событий) отказаться от подобного лживого постулирования. Генеральные планы новых поселений (крупных рабочих поселков-новостроек подле возводимых промышленных предприятий, повсеместно перераставших в города) начали разрабатываться лишь во второй половине 1920-х гг. (1927–1929 гг.). А особенно интенсивно – в начале 1930-х гг., т.к. принятие сталинского плана ускоренной индустриализации резко увеличило мощности градообразующих предприятий и, как следствие, численность потребных трудовых ресурсов – населения соцгородов. До этого, в основном, новые поселения возникали в результате прирезания земли к существовавшим городам для строительства жилища для рабочих в виде групп жилых домов или кварталов (изредка – обособленных ведомственных поселений).

Первые генпланы соцгородов были разработаны к концу 1931 г. Однако стихийное строительство «временного» жилища сделало невозможным их практическое воплощение, несмотря на попытки включить это стихийно возведенное жилище в структуру генпланов. В соответствии с планировочной документацией в соцгородах было построено лишь по одному капитальному кварталу каменных зданий. В 1934–1935 гг. пошла вторая волна переработки, а фактически, разработки заново генпланов, когда массивы барачной застройки и нахаловок были оставлены в стороне, а внимание разработчиков генпланов сосредоточилось на свободных территориях.

Главное отличие (основная специфика) советского градостроительства периода 1920–1930-х гг. от всей мировой практики, заключается в формировании общегосударственной (хотя и очень неоднородной) системы проектного дела. В отечественном градоведении (архитектуроведении) отсутствует разъяснение профессиональных феноменов, раскрытых через призму государственной организации профессии:

- а) замена «творчества» – «производством» проектной документации;
- б) влияние устройства системы организаций проектно-планировочного дела на содержание проектных решений;
- в) официальное введение и в обязательном порядке использование формул расчетов и методик градостроительного проектирования;
- г) роль нормативов в регламентации проектно-планировочных решений;

д) специфика работ по районной планировке (не планировочное оформление, как на западе, совместных решений, принятых добровольное объединившимися для этого субъектами хозяйственной деятельности, а планировочное закрепление баланса территории внутри государственное установленных «промышленно-селитебных хозяйственно-экономических» районов);

е) история формирования органов управления творчеством (в частности, Союза советских архитекторов) и т.п.

Серьезное отличие советского градостроительства от зарубежного заключается в характере нормирования. Следует исследовать и раскрыть советские нормы градостроительного проектирования, детально расписав, что и как нормировалось:

а) типология населенных мест (соцгород, рабочий поселок, рабочий пригород, рабочий квартал, курортный поселок, дачный поселок);

б) структура населенного места (жилой комплекс – квартал – район);

в) характер планировки (свободная, строчная, периметральная застройка);

г) баланс территории;

д) типология застройки (причины и последствия законодательного запрещения в 1929 г. индивидуальной застройки);

е) плотность заселения (чел/га);

ж) зависимость планировочных решений от характера строительства (т.н. «застроечный квартал»);

з) ориентация зданий (широтная, меридиональная);

и) характер взаимоотношения градообразующего промышленного предприятия и селитьбы при нем (отступ от промышленной зоны, величина переходной доступности, полоса отчуждения железных и автомобильных дорог);

к) военно-мобилизационные мероприятия и требования обороны;

л) экономические требования (например, живописность планировки была принесена в жертву регулярной не по прихоти архитекторов, а в следствие исполнения предписаний Госплана о снижении стоимости строительства, в частности, за счет сокращения протяженности городских/поселковых инженерных сетей) и т.д.

История советской урбанизации нуждается сегодня в кардинальном переосмыслении. Единственное, что может быть оставлено из прошлого материала – это методологический принцип хронологического структурирования урбанизационного процесса. Поскольку расселение, районная планировка, градостроительство – в целом градостроительная политика в СССР – всецело определялись государством (властью), постольку, переписывая историю

советской урбанизации заново, все же представляется целесообразным структурировать урбанистические процессы не по датам появления тех или иных проектов, идей или построек, а по выходу постановлений партии и правительства, изменявших направленность и «содержание» расселенческой доктрины. То есть, именно так как это и делалось до сих пор.

Только через призму подобного рассмотрения можно выявить существо различия процессов урбанизации в СССР и остальном (капиталистическом) мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995.
2. Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969, № 2.
3. Баженов А. Ю. Организационно-экономические основы создания и развития бронетанкового производства в Сталинграде. Автореф. дисс. канд. экон. наук. 2010. // Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/organizatsionno-ekonomicheskie-osnovy-sozdaniya-i-razvitiya-bronetankovogo-proizvodstva-v-st>.
4. Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
5. Коган Л.Б., Покшишевский В.А. Урбанизация / Большая советская энциклопедия: в 30 т. М.: «Советская энциклопедия», 1969–1978.
6. Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х гг.). СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2002. 472 с.
7. Меерович М.Г. Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920–1930-х гг. // Архитектон: известия вузов. 2010. № 31. Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2010_3/012.
8. Пивоваров Ю.Л. Основы георбанистики: Урбанизация и городские системы. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 232 с.
9. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6, С. 101–113.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, Оп. 113., Д. 851. 232 л.
11. Савицкий И.М. Строительство предприятий оборонной промышленности в Новосибирской области в предвоенные годы (1929–1941) // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.; Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 142–155.
12. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001. 296 с.
13. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.
14. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 336 с.
15. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
16. Яницкий О. Социология города // Режим доступа: http://nashaucheba.ru/v23309/яницкий_о_социология_города. (дата посещения 01.06.2014).

* * * * *

УДК 316.334.56

Альбрехт Ольга Александровна*специалист по учебно-методической работе**Институт дополнительного профессионального образования**Магнитогорский государственный технический**университет им. Г.И. Носова**г. Магнитогорск**olga_albre@mail.ru*

МОНОГОРОД: ПРИЗНАКИ, ПОДХОДЫ И КЛАССИФИКАЦИИ

В статье представлен моногород как типичный город России. Рассмотрены признаки, подходы, классификации, специфика и проблемы моногорода. Исторический экскурс социалистического города (на примере г. Магнитогорска).

Ключевые слова: моногород, градообразующее предприятие, социалистический город

THE MONOTOWN: THE SIGNS, APPROACHES AND CLASSIFICATION

Albrekht Olga Alexandrovna*specialist in teaching methods**Institute of supplementary professional education**Nosov Magnitogorsk State Technical University**Magnitogorsk**olga_albre@mail.ru*

The paper presents a monotown as a typical Russian city. Considered signs, approaches, classification, specific and problems monotown. Historical excursus of the socialist city (on the example of Magnitogorsk)

Keywords: monotown, city-forming enterprise, socialist city

Каждый город – это уникальный пространственный и социально-экономический феномен, не только обеспечивающий жизнедеятельность своих жителей, но и выполняющий комплекс многообразных функций в территориальной системе хозяйствования и расселения. С момента своего появления города выполняют функции пространственных центров экономического роста, социальных трансформаций, являются зримым воплощением возможностей че-

ловека по созданию искусственной среды обитания, выделяющий и отделяющей его от природы [14, С. 13].

По категориям города подразделяются на поли- и монофункциональные (поли- и моногорода). Научный интерес мы проявляем к последним, т.к. считаем, что данный тип территориальной организации менее изучен в социальном аспекте и это типичные города нашего государства. Они преимущественно небольшие, города добывающего, научного, промышленного (чаще всего связанные с добычей полезных ископаемых) профиля, города – транспортные узлы, а также города – районные центры [1, С. 13].

Только в последние десятилетие в социологии города особо актуализируются исследования моногородов (В.В. Вагин, И.Д. Тургель, О.И. Лагно, И.А. Кох, Г.М. Лаппо, В.Я. Любонный, В.Г. Попов, О.С. Пчелинцев и др). Это обусловлено рядом факторов: превалированием моногородов в общем числе поселений, дефицитом научной информации о перифериях, сложностью территориального устройства, особым развитием социальных процессов, тяжелой экологической обстановкой и др.

Возникновение в структуре российской экономики моногородов является определенной закономерностью, которая как таковая не может быть однозначно оценена положительно или отрицательно. Это специфичный для России способ адаптации размещения производительных сил к особым климатическим и географическим условиям страны.

И.Д. Тургель считает, что типичным является моноспециализированный город, расположенный в зоне активного хозяйственного освоения (Центр, Урал, Западная Сибирь), градообразующее предприятие которого связано с промышленным освоением природных ресурсов и т.д. Бесспорным лидером является Уральский экономический район, где 58,7% от общей численности городов являются моноспециализированными (из 150 городов монопрофильных – 88). Также на Урале наблюдается и максимальная численность населения, проживающих в моногородах (4,5 млн. чел) [15, С. 23-24].

Систематическое изучение и разработка путей активизации моногородов России впервые были осуществлены в конце 90-х годов Научно-методическим центром «Города России» по заданию Минтруда России в связи с постановлением Правительства РФ «О реализации комплексной программы мер по созданию и сохранению рабочих мест на 1996–2000 годы». В стране на конец 90-х годов было около 500 моногородов (из 1092 городов на 01.01.1997 г.) [8, С. 6]. В соответствии с исследованиями, проведенными позже «Экспертным институтом» в рамках проекта «Монопрофильные города и градообразующие предприятия», к монопрофильным по-

селениям было отнесено 467 городов и 332 пгт, в которых проживало 24,5 млн человек [10].

В 2008 г. Институтом региональной политики была выполнена работа «Моногорода России: как пережить кризис?». Касаясь массива монопоселений, авторы работы приводят следующие данные: в 2008 г. порядка 460 моногородов или 40% городов России можно отнести к монофункциональным, в которых проживает порядка 25% всего городского населения страны [9, С. 18].

Понятие «моногород» появилось не так давно, хотя как явление назвать его новым очень сложно. С социальной точки зрения моногород остается малоизученным. В отечественной практике к этому понятию близок термин «город-завод», что предполагает существование теснейшей связи между функционированием городского поселения и предприятием, достаточно крупным, чтобы влиять на все основные аспекты жизни города – градообразующего предприятия [10]. В нормативной правовой базе закреплено только понятие градообразующего предприятия. Так, в соответствии со статьей 169 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» к градообразующим организациям относятся юридические лица, численность работников которых составляет не менее 25% численности работающего населения данного населенного пункта [18].

В современной литературе также можно встретить тождественные понятия моногороду – монопрофильный, монопромышленный, моноспециализированный, моноиндустриальный, моноотраслевой, специализированный центр, монофункциональный, монопоселение, город с монопроизводственной структурой и пр. Данные понятия имеют одинаковый смысл и функционально не отличаются друг от друга. В настоящее время четкого определения термина «моногород» не существует.

Большой интерес в научной литературе проявлен к феномену городской моноспециализации (Л.Н. Мазур, И.Д. Тургель, В.А. Ушаков, в диссертационной работе Крючиной Л.И. и др.). Феномен городской моноспециализации, по мнению И.Д. Тургель, заключается в наличии жесткой зависимости возможностей, темпов и направлений развития всех элементов, входящих в городскую систему. При этом уровень моноспециализации городского поселения может быть различным. Первый вариант – это «монофункциональный» город, т.е. город, где ограниченное число предприятий. Моноспециализация может возникать и при наличии нескольких предприятий, которые формально относятся к разным отраслям, но взаимосвязаны в рамках единой производственной цепочки или же обслуживают один и тот же рынок. Второй вариант – это «моноотраслевой» город, т.е. город, где существует несколько пред-

приятий ведущей, градообразующей отрасли. И, наконец, третий вариант – это «моноцентрический» город, где градообразующая отрасль представлена единственным предприятием [16].

Продолжая тему о дефиниции «моногорода» отметим позицию В.А. Ушакова, считающего, что главной методологической проблемой является не отсутствие подходов к определению термина «городское монопоселение», а их множественность. Эти трактовки концентрируют внимание на отдельных частных случаях, элементах, видах городских монопоселений, но не позволяют комплексно охарактеризовать явление. Таким термином, с точки зрения В.А. Ушакова, является термин «монофункциональный» город, который, в отличие от рассмотренных выше трактовок, наиболее полно отражает не только специфику подобных поселений, связанную с ограниченностью их внешних функций, детерминирующей формирование совокупности городов с особым типом экономической структуры, но и сущность феномена «монофункциональности», который проявляется не только на уровне городов, но и других пространственно-организованных экономических систем [17, С. 32].

Иная позиция у В.В. Вагина, основанная на преобладании в России именно провинциальных городов. В экономическом смысле провинциальные города – это места концентрации предприятий «до-индустриальной» и «индустриальной» волн промышленной революции. Подавляющее большинство из них создавались, как звенья единой общесоюзной или республиканской сети, филиалы или дочерние предприятия крупнейших промышленных объединений страны [2, С. 53].

По мнению специалистов Экспертного института (г. Москва), город можно называть монопрофильным, если присутствуют следующие признаки:

- наличие в городе одного или нескольких однотипных предприятий, относящихся к одной отрасли, или обслуживающих один узкий сегмент отраслевого рынка, притом, что остальные предприятия города обслуживают только внутренние нужды города или проживающих в нем людей;
- наличие в городе цепочки технологически связанных предприятий, работающих на один конечный рынок, кроме предприятий, обслуживающих внутренние нужды города;
- значительная зависимость доходной части бюджета города от деятельности одного (или нескольких) крупных предприятий;
- низкая диверсификация сфер занятости населения города (однородный профессиональный состав);
- значительная удаленность города от других, более крупных населенных пунктов (что снижает возможности мобильности жителей),

при наличии в городе первых двух признаков или отсутствие развитой инфраструктуры, обеспечивающей связь города с внешним миром (дороги автомобильные и железные, телефонная сеть и т.д.) [10].

Также важным методологическим аспектом в изучении проблем моногородов является типологическое их разделение. Чаще в научной литературе встречается дифференциация на старопромышленные и новые промышленные города. Под старопромышленным городом понимается – «территория, на которой исторически сложилась концентрация индустриальных отраслей, что определило экономическую, социальную и пространственную структуру города, не соответствующую новым условиям и требованиям» [12, С. 20].

В новых промышленных городах возводятся новые предприятия, развиваются существующие с одновременным формированием промышленных территорий. Промышленность являлась основой для возникновения таких городов. Специфика таких городов заключается в благоприятных условиях для труда и производственных процессов, высоких санитарно-гигиенических условиях, удобных транспортных связей, необходимых уровней обслуживания трудящихся, современных архитектурно-планировочных решений при наиболее рациональном использовании территории.

Популярной является и классификация по структурным особенностям:

- монопрофильные города-спутники крупных городов;
- монопрофильные города с несколькими градообразующими предприятиями;
- монопрофильные города с одним градообразующим предприятием [9, С. 9].

Следующая типология представлена И.Д. Тургель. Так, в зависимости от состояния запасов полезных ископаемых, степени их промышленного освоения и конкурентоспособности сырья, добываемого градообразующим предприятием, уральские моноотраслевые горняцкие города можно разделить на 4 группы. Первая группа – это города, где добыча полезных ископаемых находится в состоянии временного спада, обусловленного экономическим кризисом. По мере стабилизации внутренней и внешней рыночной конъюнктуры спад прекращается, а при оживлении добыча будет возрастать. Вторая группа – города, в которых добываемое сырье характеризуется относительно низкой конкурентоспособностью, однако месторождения пока далеки от истощения. Третья группа – города, в которых градообразующее предприятие в значительной степени исчерпало запасы минерального сырья, на которое существует стабильный спрос, однако имеются перспективы для доразведки эксплуатируемых месторождений и развития сырьевой базы

при наличии необходимых инвестиционных ресурсов. Четвертая группа – города, где ввиду полной отработки в ближайшие годы запасов полезных ископаемых должна быть осуществлена единовременная структурная перестройка производства [13].

Продолжая тему классификации моногородов, считаем целесообразным показать авторское видение типологии. Таким образом, моногорода можно классифицировать на:

- перспективные;
- бесперспективные;
- моногорода как лифты;
- моногорода как исторически-культурные центры;
- тупиковые;
- научные (закрытые).

К перспективным моногородам чаще относятся по численности населения большие (100 000 до 500 000) и крупные (свыше 500 000). Они расположены вблизи областного, регионального либо федерального центра. По демографическому составу населения преобладают люди молодого репродуктивного возраста, распределение по полу – равномерное. Это связано с наличием учебных заведений по разной направленности, а также рабочих мест как в производственной сфере, привлекающей в основном мужские трудовые силы, так и бюджетной, направленной на женский труд. Управление в таких городах ориентировано на высокий уровень социальной политики. Не выражена монополизация градообразующей сферы, функционируют 2–3 крупных промышленных предприятий с богатой природно-ресурсной базой, используя современные технологии в работе. Высок уровень социально-бытовой инфраструктуры с хорошо развитой дорожной и транспортной системой.

Бесперспективные моногорода отличаются невысоким уровнем экономического развития, малой добычей и переработкой природных ископаемых, низким уровнем социально-бытовой инфраструктуры, в том числе с разрушенной дорожной и транспортной системой. По численности населения характерны малые (меньше 20 000 жителей) или средние (от 20 000 до 100 000) города. По демографическому составу доминируют люди пожилого возраста, что обусловлено неперспективным местом проживания.

Моногорода как лифты направлены на повышение социального, экономического и политического статуса конкретного человека, семей. В таких городах низок уровень социально-бытовой инфраструктуры, в частности дефицит учебных профильных заведений, но высок уровень производства, чаще это одно большое градообразующее предприятие. В связи с этим, наблюдается нехватка, либо несоответствие в кадровом обеспечении предприятия,

и приехавший специалист с профильным техническим образованием с опытом работы на более престижном производстве становится более востребованным, чем в родном городе. Социальная политика в таких городах направлена на привлечение из более престижных городов трудовых ресурсов, путем жилищного обеспечения, карьерного роста, повышения заработной платы, чем на развитие собственной учебно-производственной базы.

Таким образом, переезд людей с высоким уровнем профессиональной подготовки из конкурентного города в город провинциальнее является «лифтом восходящей мобильности», а иногда и средством выживания при тотальной безработице на их родине. Это характерно также и для мигрантов из деревень, поселков и стран ближнего зарубежья.

Например, в городе Магнитогорске в большом количестве имеются профильные высшие и средние профессиональные образовательные учреждения, готовящие специалистов для работы на градообразующем предприятии, но молодым выпускникам чаще приходится сначала устраиваться на обслуживающие должности, и не всегда удается перейти на инженерские и управляющие места. Поэтому есть тенденция переезда с перспективой для семей в такие металлургические города как Череповец, Нижний Тагил, Златоуст, Миасс и др.

Двойную значимость имеют **моногорода как исторически-культурные центры** – промышленную и культурную. В основном, градообразующие предприятия начали функционировать в уже устоявшемся развитом территориальном пространстве, либо это старопромышленные города, и развитие культуры и промышленности шли параллельно. Такие города характеризуются высокими культурными традициями, архитектурными и народными ценностями, иногда имеют статус культурного наследия, но при этом дополнительно развивается промышленность при наличии хорошей сырьевой базы. Социально-бытовая инфраструктура рассчитана на небольшое количество людей, здания малогабаритны, дорожная система не ориентирована на обилие транспортных потоков.

Понятие «**тупиковый город**» изначально связан с транспортными проблемами, когда он находится вдали от главных управляющих городов, на краю территориального подчинения, возможно обособленный по природным условиям (в горах, тайге, между рек и др.). В силу слабой ограниченной дорожно-транспортной системы, ограниченность накладывается и на все другие городские системы: образовательную, социальную, экономическую и др. Хотя это не всегда соответствует реальности, может только быть уязвимой транспортная система и город успешно развиваться, но ана-

логично люди признают «тупиковость» всех сфер города. Особенности тупиковых городов заключаются в том, что развитие (путь) определено своей узостью: почти все транспортные направления будут проходить через областной центр, образование узкопрофильное, нацеленное на трудоустройство на родное градообразующее предприятие, выбор брачного партнера и формирование семьи осуществляется в определенных территориальных, экономических и социально-нравственных рамках.

В классификациях моногородов, редко выделяют **научные города или ЗАТО** (закрытое административно-территориальное образование), но законодательно закреплён такой статус за ними, в которых в качестве градообразующей базы выступают мощные научные и научно-производственные объекты [19]. Появление наукоградов как специфического сектора научно-технической сферы было обусловлено историческими особенностями развития науки в начале XX века. Урал занимает второе место (после Центральной России) по концентрации наукоградов. Здесь основная их часть расположена в Свердловской и Челябинской областях [3, С. 97-98]. Считаем необходимым закрепить в социологическом знании о моногородах наукограды (ЗАТО) в самостоятельный класс.

Города «промышленной инновации» – является самой малочисленной. Это города, чей промышленный потенциал основан на развитии актуального технологического уклада. Их формирование происходило в последние 20 лет советской власти, практически все центры имеют формат ЗАТО или наукоградов, находясь под полным или частичным контролем государства. Именно в этих центрах сосредоточен собственный промышленно-технологический потенциал России, наиболее актуальные и востребованные производственные инновации. Центры «промышленных инноваций» находятся в разном экономическом положении, прежде всего, из-за того, что их продукция имеет особенности, затрудняющие ее экспорт, а внутренний рынок потребления высокотехнологичной продукции слабо развит. Из-за этого ряд потенциально перспективных промышленных центров деградирует и теряет молодое население.

Территориально каркас городов «промышленных инноваций» тяготеет к основным научным центрам страны или к сети ЗАТО – географически сформированной в логике военно-стратегической безопасности. Сеть этих центров не имеет прочных связей между собой и без активной государственной политики имеет большой риск потери существующего инновационного потенциала.

Социальное развитие моногородов находится в большой зависимости от экономического положения дел на градообразующем предприятии. Все исследователи моногородов солидарны в этом.

По мнению В.Я. Любовного, моногорода и поселки России – наиболее уязвимая категория населенных мест, систематически находящаяся в зоне риска в силу односторонне развитой и преимущественно отсталой экономической базы. Такие города и поселки обладают слабой устойчивостью в обычных условиях и первыми теряют «равновесие» при наступлении кризисной ситуации в социально-экономическом развитии страны [8, С. 4].

Тургель И.Д. считает, что моноспециализация обуславливает высокую уязвимость горняцких городов к неблагоприятным изменениям внешней среды. Острота возникающих при этом социально-экономических проблем: рост безработицы, преступность, потеря накопленного «человеческого» и «социального» капитала, омертвление материальных и финансовых активов [13].

Того же мнения придерживается и И.А. Кох – наличие в городе крупного градообразующего предприятия, на котором занято иногда до половины всего трудоспособного населения, имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, как правило, в большинстве случаев заработная плата или доходы работающих на таком предприятии по данным статистики всегда выше, чем у работающих на других предприятиях. Кроме того, предприятия обычно содержат значительную долю социальной инфраструктуры моногородов (образование, здравоохранение, учреждения культуры, бытовые предприятия и др.) посредством прямого участия, через налоги в бюджет муниципального образования или социальные программы (социальный пакет). С другой стороны, если предприятие переживает экономические трудности, то сразу возникает кризисная ситуация, резко возрастает безработица, снижается уровень жизни населения, сокращается финансирование бюджетных учреждений и сферы социальных услуг. Недостаточный учет демографических и природно-климатических условий при размещении предприятий обуславливают высокую вероятность дестабилизации их социального развития [6].

Как уже было сказано выше, моногород представляет собой сложную структуру, в которой город и предприятие неразрывны. Причем последнее несет на себе не только экономическую, но и социальную нагрузку, в преобладающей мере обеспечивая условия жизнедеятельности в населенном пункте. При такой ситуации расходы на содержание социальной инфраструктуры включаются в себестоимость продукции, делая продукцию во многих случаях неконкурентоспособной. Большинство предприятий моногородов производят отрицательную сравнительную стоимость и нуждаются в скорейшей реструктуризации, поскольку их экономические проблемы повлекут за собой проблемы в городе и социальное на-

пряжение. В настоящее время, по данным Экспертного института, большинство моногородов переживает большие трудности – финансово неблагополучные предприятия составили 83,2% от общего числа градообразующих [10].

В соответствии с указанными выше методологическими характеристиками моногородов (признаками, классификациями, функциями и др.), город Магнитогорск Челябинской области можно отнести к типичному большому моногороду, соответственно, он официально входит в перечень моногородов, включенный в соответствии с критериями Минрегионразвития России [11]. Градообразующим предприятием является ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат».

Исследуя город Магнитогорск, американский ученый Стивен Коткин в конце 80-х гг. был удивлен его жизнеустройству, как эталонному социалистическому городу. Он называл Магнитогорск стальным городом (steeltown), где все сделано из стали [20]. Такова особенность российских моногородов – на чем специализируется промышленность, того в избытке проявляется в архитектуре, инфраструктуре, науке, культуре и др. Так например, в северных лесоперерабатываемых городах (Архангельской, Вологодской и др. областей) преобладают деревянные здания, в поселениях с мраморным производством (Карталинский район Челябинской области) дороги строят из дорогого мрамора, а в городах машиностроительного профиля (г. Тольятти) – большинство семей имеют автомобиль местного производства. Соответственно, в городе Магнитогорске в изобилии проявляется «стальная тематика»: заборы, изгороди, сооружения, дорожные полотна, мосты, и даже встречаются бани из железа, а также характер сильных людей называют «стальным», здоровых – «закаленными как сталь» и т.п.

Стивен Коткин проводит параллель уральского моногорода с американским городом Гэри штата Индиана, который взял за основу образ Сталинского города и был задуман как Советский Гэри. Автор отмечает, что в обоих моногородах мало уделялось внимания социальным проблемам жителей, а все было ориентировано лишь на промышленное производство [20, Р. 243]. На данный момент Гэри считается «городом-призраком», так как из-за прекращения сталеплавильного производства остановилось экономическое и социальное функционирование города. Таким образом, недлиная жизнь Гэри может учитываться политиками, управленцами, узкими специалистами в металлургии и др. как негативный опыт градоустройства, свидетельствующий о тесной взаимосвязи предприятия и города, и абсолютной доказательности, что в таких городах производство является градообразующим.

На современном этапе город Магнитогорск как крупнейший центр черной металлургии тоже испытывает сложности. Так, результатом мирового экономического кризиса 2008 года, начавшегося в финансовой сфере, стало снижение инвестиционной активности, временная приостановка или отказ от реализации многих инвестиционных проектов. Следующим неизбежным шагом развития кризиса стало снижение спроса в производственных отраслях. Крупнейшие производители стали и проката, в том числе и ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» работают только вполсилы от имеющихся мощностей, в добыче железной руды намечается еще более значительный спад [9, С. 34-35]. Экономические проблемы градообразующего предприятия всегда сказываются на социально-культурной сфере, а также индивидуальной жизни каждой семьи моногорода.

Кроме экономических проблем моногородов, важной является и экологическая. Моногорода можно объединить и сопоставить с регионами «экологического кризиса», описанные В.И. Жуковым. К ним относятся территории чрезвычайной экологической ситуации, где в результате хозяйственной или иной деятельности происходят устойчивые отрицательные изменения в окружающей природной среде, угрожающие здоровью населения [5, С. 77].

Он утверждает, что «лидерами» по выбросам в атмосферу вредных веществ являются Челябинская область, а также Свердловская, Тюменская, Кемеровская и Красноярский край. На эти пять территорий приходится более трети всех вредных веществ, выбрасываемых в атмосферу [4, С. 92]. Индустриальное развитие привело к тому, что содержание в атмосфере городов России вредных веществ многократно превышает допустимые нормы. В частности, Магнитогорск входит в число городов, где высокое загрязнение атмосферы (превышение предельно допустимых концентраций – ПДК – в 10 раз и более) [4, С. 91].

Химические загрязнения в условиях промышленного города с развитой отраслью черной металлургии имеют глобальный стабильный, постоянно действующий характер. В.С. Кошкина считает, что для промышленных городов, выделяя особо г. Магнитогорск, экотоксикология является одной из актуальных проблем. И определяет токсическую ситуацию в регионе (модель г. Магнитогорска) как устойчивую совокупность органических веществ и солей тяжелых металлов. Постоянная техногенная нагрузка на городскую популяцию и работающих на металлургических заводах показывает:

- высокий уровень онкологической заболеваемости;
- нарушение репродуктивной функции женщин и подростков;
- экологическую обусловленность аллергопатологии (более 50%) у детей;

– высокий риск развития у детей заболеваний органов дыхания, нервной и эндокринной системы [7, С. 177].

Высокий уровень загрязнения окружающей среды способствует ухудшению социального настроения, росту конфликтности и претензий у горожан, снижению рождаемости, возникновению диспропорции в использовании трудовых ресурсов. Несомненно, все это сказывается на семье, а в особенности на детях.

Таким образом, на наш взгляд, на основе проведенного анализа можно сделать следующий вывод: в современной отечественной социологии города интенсивно разрабатываются методологические подходы, которые нацелены на постижение актуальных и злободневных проблем социального развития российского моногорода. Такие города можно считать типичными не только в Уральском федеральном округе, но и по всей России. Социальная инфраструктура, социально-экономические проблемы, ценностные ориентации, формирование семей и т.д. в моногородах имеют специфические особенности. Все компоненты моногорода связаны и взаимодействуют с главным его элементом – градообразующим предприятием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабосов Е.М. Общая социология. Учеб. пособие для студентов вузов. Минск: Тетра-Системс, 2002. 640 с.
2. Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. №4. С. 53–88.
3. Гривина И.В. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России. Вып. 54. Библиотека местного самоуправления. М.: «МОНФ», 2004. С. 94–108.
4. Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. Изд. 2-е. В 3 т. Т. 1. Россия на рубеже тысячелетий: социология экономики и политики (1985-2005). М.: Издательство РГСУ, 2007. 556 с.
5. Жуков В.И. Россия: состояние, перспективы, противоречия развития. М.: Союз, 2006. 335 с.
6. Кох И.А. Тенденции социального развития монопрофильных городов с градообразующим предприятием // Научный вестник Уральской академии государственной службы. Екатеринбург, 2009. Выпуск 09. Режим доступа: <http://vestnik.uapa.ru/issue/2009/04/10/> (дата обращения 20.05.2013).
7. Кошкина В.С. Социально-экономические аспекты охраны здоровья населения городов с градообразующими предприятиями черной металлургии // Проблемы моноспециализированных городов. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы социально-экономического развития городов с градообразующими предприятиями черной металлургии». 13-14 марта 2003г., г. Магнитогорск. Екатеринбург, 2003. С. 166–178.
8. Любовный В.Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. М., ЗАО «Дорттранспечат», 2009. 110 с.
9. Моногорода России: как пережить кризис? Анализ социально-экономических проблем моногородов в контексте мирового финансово-экономического кризиса, влияющего на состояние градообразующих корпораций. М.: Институт проблем региональной политики, 2008. 80 с. Режим доступа: http://www.regionalistica.ru/projects/detail.php?ELEMENT_ID=385. (дата обращения 27.05.2013).

10. Монопрофильные города и градообразующие предприятия. Союз инвесторов. Регион и город. М., 2000. Режим доступа: http://www.unioninvest.ru/city_mong.html (дата обращения 10 июня 2014).
11. Перспективы развития предприятий в моногородах. Официальный сайт Законодательного собрания Челябинской области. Режим доступа: <http://www.zs74.ru/nodes/13367.html> (дата обращения: 23.08.2014).
12. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 248 с.
13. Тургель И.Д. Моноотраслевые горняцкие города Среднего Урала: проблемы и перспективы социально-экономического развития // Чиновник, Уральская академия государственной службы, Екатеринбург. 2000. №400 (10). Режим доступа: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=27> (дата обращения 17 июня 2014).
14. Тургель И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург, 2010. 519 с.
15. Тургель И.Д. Управление социально-экономическим развитием моноспециализированных городов (отечественный и зарубежный опыт) // Проблемы моноспециализированных городов. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы социально-экономического развития городов с Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы социально-экономического развития городов с градообразующими предприятиями черной металлургии». 13–14 марта 2003г., г. Магнитогорск. Екатеринбург, 2003. С. 23–41.
16. Тургель И.Д. Феномен городской моноспециализации: содержание, генезис, тенденции развития // Чиновник, Уральская академия государственной службы, Екатеринбург. 2003. №103 (23). Режим доступа: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=351> (дата обращения 29.06.2014).
17. Ушаков В.А. Специфика проявления феномена городской монофункциональности // Социум и власть, 2008. №1(17). С. 30–35.
18. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ. Статья 169.
19. Федеральный закон «О статусе наукограда Российской Федерации» (от 07.04.1999 № 70-ФЗ).
20. Stephen Kotkin, Steeltown, USSR: Soviet Society in the Gorbachev Era. University of California Press, 1991. 269 p.

ГОРОДА В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

УДК 913 (470 – 89) [11] + 929 ал-Идриси

Браташова Светлана Александровна
кандидат географических наук
ГБОУ СОДОД ОЦДОД «Поиск»
г. Саратов
skamelina@gmail.com

УРБОСЕТЬ РУСИ ПО ТРАКТАТУ АЛ-ИДРИСИ 1164 ГОДА

Рассмотрено местонахождение городов Руси по топографическим данным ал-Идриси.

Ключевые слова: ал-Идриси, Русь, Салав, Арта (Арса), Куйаба (Кукийана), Биляр, XII век.

Bratashova Svetlana Alexandrovna
candidate of geographical sciences
«Search»
Saratov
skamelina@gmail.com

URBANIZATION NET OF RUS DEFINED BY AL-IDRISI TRACT OF YEAR 1164

Location of Rus cities was identified by al-Idrisi topographical data.

Keywords: al-Idrisi, Rus, Slav, Artha, Kuyaba, Bilyar, XII century.

«Что касается земли ар-Русиййа, то это большая страна, но города невелики, а возделанные земли чередуются с необработанными. Расстояния между городами большие, а области изолированы. Там постоянные войны и междоусобицы между их разновидностями и соседними народами» [8, С. 114]. Эти слова арабского географа ал-Идриси (1100–1165 гг.) из его трактата «Нузхат ал-муштак», называемого также по имени правителя-мецената «Книгой Рожера», словно сказаны о временах новейших. Невольные ассоциации, фун-

даментальность обширного географического труда XII века, высокое качество перевода И.Г. Коноваловой вызвали желание поближе ознакомиться с местонахождением упомянутых им русских городов.

Идриси был далеко не первым арабским географом, обратившим свое внимание на растущую мощь Руси. Еще к X веку относятся описания, созданные Абу Исахом аль-Истахри, Ибн-Хаукалем, Абу Саидом аль-Балхи. Но даже наиболее подробное из них, связываемое А.Я. Гаркави с последним именем, дает смутное представление о Восточной Европе: *«Земля Славян занимает пространство двух месяцев пути в длину и ширину. Внешний Булгар есть небольшой город, не имеющий многих селений. Известен он потому, что является складочным местом (или гаванью) этих государств. Рус есть народ, соседний с булгарами, между сими последними и Славянами. <...> Что касается Хазара, то это имя племени людей, столица ее есть город Итиль, который назван по имени реки, которая течет чрез него в Хазарское море. Город этот не имеет ни многих селений, ни пространного владения. Страна эта находится между Хазарским морем, Сериром, Русом и Гузами. Русы состоят из трех племен, из коих одно ближе к Булгару, а царь его живет в городе под названием Куйаба, который больше Булгара. Другое племя, живущее дальше первого, называется Славия. Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте»* [1, С. 276-277].

Поэтому одним из важнейших достоинств ««Нузхат ал-муштак» можно считать введение Идриси в 1154 г. значимых топографических дополнений к собранным его предшественниками сведениям. Созданная им подробная карта разделена на семь широтных зон – «климатов» и десять меридиональных членений (рис. 1), отличается от карт Птолемея II века, ал-Хорезми IX века и более

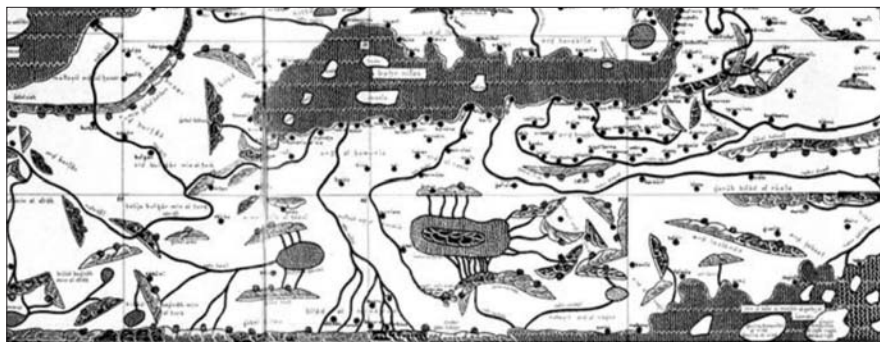

Рис. 1. Фрагмент карты Рожера, отображающий земли ар-Русийа и прилегающие регионы, где юг вверх, черными точками даны города, линиями – реки, области с тонкими серыми волнами – моря, продолговатые фрагменты с одной волной – горы и поднятия. 1154 год

поздних арабских карт. На ней наглядно показаны моря, озера, реки, города. Расстояния между последними содержатся в сопровождающем карту тексте «Книги». Они заметно облегчают понимание дискуссионных вопросов средневековой географии Востока.

По карте видно, что основными транспортными артериями в то время были моря и реки. Они – базис, с которым сопряжена его урбосеть. Важнейшими реками Русской земли Идриси указывает Волгу – Исил, Дон – нахр Русийя (река Русская), Днепр – Данабрис и Днестр – Данаст, но точность собранных сведений об этих водных системах заметно убывает с востока на запад. Если Волга изображена достаточно разветвленной системой, то у трех остальных не показаны даже их крупнейшие притоки. Впрочем, это не удивительно. Систематизация мест обнаружения куфических монет, а также драгоценной импортной утвари, особенно серебряной посуды, фиксирующей дальние международные связи, указывает на отчетливый «крен к востоку» торговых интересов, вышедших к берегам Каспия во второй половине I тыс. н.э. арабов. Клады, чуткое эхо мест торговли и войн, служат неплохим ориентиром в понимании объектов, зафиксированных ранними картами. Если в начале I тыс. н.э. оседание драгоценной утвари наблюдалось, в основном, на берегах Черного моря (в Краснодарском крае и Крыму), в низовьях Дона и Волги (в Ростовской и Волгоградской областях), то к V–VII векам большинство кладов концентрируется уже в лесах «Великой Пермии» (в Пермской и Кировской областях) [10, С. 75]. Вместе с сасанидской и среднеазиатской драгоценной утварью в этих восточныхкладах содержатся также предметы византийской торевтики.

Поэтому рассмотрение средневековых земель ар-Русийа имеет смысл начать не с привычной всем Киевской Руси, а, видимо, с намного лучше известного арабам Волжского бассейна, где к тому же к XII веку произошли значительные изменения.

Описание реки Волги – Исил дано в «Нузхат ал-муштак» четырехжды. Наиболее полное – в 7-й секции V климата: *«Восточный рукав реки Исил в области басджиртов, затем течет между баджнаками и булгарами, являясь границей между ними; он течет на запад, пока не пройдет позади булгар; затем снова отклоняется на восток, пока не минует русов, затем булгар, затем буртасов, затем хазар с тем, чтобы влиться в море ал-Хазар. Говорят, будто Исил разветвляется более чем на семьдесят рек, но главное русло реки впадает в море ал-Хазар. Говорят, что если воды этих рек объединить, то они образуют более полноводную реку, чем Джайхун или река Балх. От этой реки отделяется рукав на запад до впадения в море Нитас»* [8, С. 111]. В описании явно доминирует восточный исток Волги – Кама, называемая в то время

Исил, Итиль, Атиль (в переводе – большая река, и это верно, если учитывать объемы стока, так как Кама заметно полноводнее Верхней Волги). Верхняя Волга упомянута как бы косвенно, не указывает Идриси на ней ни городов, ни народов. Заимствованное им описание составлено, вероятно, ранее XII века, так как баджанак – печенеги ушли в Правобережье и далее в южнорусские степи ориентировочно в IX веке.

А потому было логично сравнить топографическую информацию по городам на Волге Идриси и его предшественников (табл. 1), уточнить использованные масштабы. В связи с широким использованием на Востоке сравнивались две величины: более ранний фарсах Гермеса, он же «короткий» фарсах, равный 4444,956 м, и арабский (персидский) фарсах, равный 5926,608 м. День пути на Востоке – 10 фарсахов, т.е. либо 44,44956 км, либо 59,26608 км. Месяц пути, соответственно, возникает при умножении этих цифр на 30 дней (месяц мусульманского календаря). Рассмотрим оба варианта с учетом разночтений Идриси и Джейхани.

Таблица 1 – Сравнение текстов Идриси и Джейхани

Джейхани		Идриси		Примечания
1ф = 4,445 км	1ф = 5,927 км	1ф = 4,445 км	1ф = 5,927 км	
От Атиля до начала земли Буртасов 15 дней пути		От Атиля до Буртасов 20 дней пути		г. Атиль предположительно на городище Самосделка.
666,74 км	889 км	889 км	1185,22 км	889 км – Кустаревские пески.
От Атиля до Булгара дорогою через степи один месяц пути, водою – два месяца пути.		От Атиля до Булгара по степи около одного месяца пути, по воде 2 месяца пути, по течению около 20 дней пути		От Атиля (г-ще Самосделка) до Булгара (Биллярское г-ще) около 1830 км, но Булгар Джейхани был на совр. Булгарском г-ще.
1333,5 км	1778 км	1333,5 км + ?	1778 км	

Совпадение расстояний от г. Атиль до начала земли буртасов доказало правильность выбора единиц измерения, а также сохранение сведений об этом участке древней дороги весьма длительное время. Кстати, в «Каспийском своде» о ней сказано: «От области буртасов до хазар все степь, дорога – благоустроенная, с источниками, деревьями, текущими водами» [6, С. 27]. А так как километр явно устойчив, то возможны города, да и «Каспийский свод» подтверждает «многие торговые места» буртасов [6, С. 31]. Для сравнения: «дорога к печенегам очень тяжелая, добраться к ним можно только на спине вьючного животного, дорога к ним идет через древесные заросли, и путь определяют лишь по звездным приметам» [6, С. 31].

Расчеты показали, что «начало земли буртасов» на 889 километре «трассы» Исил – Булгар было немного южнее пгт. Ровное Саратовской области, чуть севернее гор Шайат Идриси, под которыми, видимо, понимался массив Столбичей – второго по известности поднятия Волги [3, С. 42-44]. Поблизости, видимо, стоял город Буртас, показанный Идриси к северу от гор Шайат на левом берегу Волги. Количество артефактов в этом районе велико, к тому же к югу от Ровного на надпойменной террасе сохранился крупный курганный могильник (свыше 100 земляных насыпей) [15, С. 3-4]. Становление здесь города оправданно: естественная граница одной из наиболее крупных рек Левобережья – Еруслана, тугим луком изогнувшегося к северо-востоку, предохраняла от нападений с юга; высоты поднятий способствовали контролю над территорией. Более того, на наиболее высоких точках поднятия встали гигантские каменные курганы Крестовый, Белый, Каменный Мары. Их дуга от Волги и далее к северо-западу перекрывала верхний путь по высокому, изрезанному глубокими оврагами Правобережью.

Проведение южной границы земли буртасов по поднятиям на границе Саратовской и Волгоградской областей несколько отклоняется от мнения, традиционно размещающего их в мордовских лесах. Поэтому, в оправдание Идриси, можно заметить, что именно он зафиксировал уход буртас после прохода князя Святослава по Волге. Видимо, тогда же они покинули и правобережный город Saüän у своих северных границ, проходивших, как показали расчеты, по Жигулевскому поднятию [3, С. 45-46]. Оставлен был и Булгар. Столица Волжской Булгарии, как подтверждают раскопки, проводимые на Великом Городе русских летописей, сместилась на берег реки Малый Черемшан, на Биллярское городище. Здесь булгары создали деревянную цитадель с толщиной стен до десяти метров, гигантские внутренний и внешний город с посадом и, видимо, одну из крупнейших в Восточной Европе мечетей.

По Идриси, именно поход Святослава X века разделил арабскую историю Поволжья надвое – до и после похода. Упоминая о двух видах русов: вид русов Киевских – *это те, которые живут по соседству со страной Ункарийа и Макадунийя*» [8, С. 121] и вид русов Тюркских, состоящих из трех групп, он ясно указывает, что именно Киевские русы «в то время, когда мы составляем эту книгу, уже победили буртасов, булгар и ал-хазар. И не осталось там, кроме них, никакого другого народа, а лишь только названия в земле» [8, С. 121].

В своем описании Поволжья Идриси, видимо, несколько перебрал с черной краской. Сегодня археология свидетельствует, что волжские булгары под русским напором лишь несколько отступи-

ли от Волги, сместив Булгар на Билярское городище. Вероятно, подобным образом поступили и буртасы, северная ветвь которых ушла на запад, в Посурье, принеся с собой широко используемую сегодня в их локализации буртасскую топонимику. И хотя Хазарский каганат после походов Святослава действительно прекратил свое существование, но сам город Исил, как показывают раскопки на Самосделке, существовал на прежнем месте.

По Идриси получается, что в его время уже почти вся Волга полноправно носила название *«реки ар-Рус, известной под названием Исил»* [8, С. 109]. Тем не менее, следуя ранней традиции, достоверно русский город на Волге он указал один. Да и тот с древности принадлежал ветви восточных русов, которых Идриси именует русами-тюрьками, размещая три их главных города у рукава Сакир, соединявшего, по его словам, Волгу и Черное море [8, С. 119].

Загадку реки Сакир и ее городов удалось разгадать, лишь разобрав информацию по указываемым Идриси городам вдоль Черноморского побережья Кавказа и далее от устья Дона до знаменитой волжской Переволоки [4, С. 128-138]. Ведь следующая к западу крупная река шестого климата – Дон. Идриси изменил её название: Танаис стал нахр Русийю – Русской рекой, а также место устья, где вместо Азовского моря указано море Черное. Вероятно, проблемы создало озеро Тирма, оно же бывшая Меотида, а ныне Азовское море, изображенное согласно традиции римских дорожных карт в виде обособленного бассейна.

В.В. Бартольд отмечал, что арабские географы имели смутное представление о реках Северного Черноморья и нередко принимали одну реку за другую [2, С. 109]. Тем не менее точная топографическая информация Идриси, которой нет у его предшественников, позволяет идентифицировать не только реки, но и города: *«От города Нарус в восточном направлении до города Силав (L; Сла – А) сто тридцать пять миль, а от города Нарус до города Фира на запад пятьдесят миль. Между городом С(а)лав (L; Сла – А) и городом К(у)к(и)йана (L; Кик.йана – А) из земли Булгар восемнадцать переходов. От Фира до города Наби на запад тридцать пять миль. Кук(и)йана – город тюрок, называемых Руса»* [9, С. 147], где L и A – обозначения вариантов найденных рукописей. В рукописи R расстояние между Салавом и Кукийаной приведено не 18, а 8 переходов, но так как потерять цифру легче, чем добавить, то, вероятно, значения в рукописях L и A ближе к первоисточнику.

Логично начать с ключевого пункта – г. Нарус, в котором пересекались пути карты Рожера с юга, запада и востока. Южный путь самый короткий, состоит всего из двух пунктов, названных Идриси городами Белая Кумания и Нуши. Белой Куманией араб Идриси на-

зывал древнюю гавань античного города Баты, позднее Горгиппии, ныне современного Новороссийска. Нуши по его описанию стоял, видимо, у переправы через Кубань, а Нарус, исходя из указанных им направлений и расстояний, близ устья р. Дон [4, с.134, 138]. В античную эпоху река и город именовались одинаково – Танаис. В эпоху раннего Средневековья Танаис становится Русской рекой – нахр Русийю, но названия города и реки вновь практически совпали, так как *нахр* Русийю при южной скороговорке – это Нарус.

Здесь, близ устья Дона, Азовское море уже не препятствовало пути на запад, который уходил на Киевскую Русь через города Фира и Наби (Най) к Днепру. От того же Наруса Идриси указывал и путь на восток, вдоль берега Дона, где в 135 милях находился, по его словам, тоже русский город – Салав. Именно здесь, по его мнению, была Русь Тюркская. Идриси четко указывает, что этих *«русов три группы. Одна их группа называется равас, и правитель ее живет в городе Кукийана. Другая их группа называется ас-Салавийя, и правитель ее живет в городе Салав. Этот город на вершине горы. Третья группа называется ал-Арсания, и правитель ее пребывает в городе Арса. Город Арса – красивый укрепленный город на горе, и местонахождение его – между Салав и Кукийана. От Кукийаны до Арсы четыре перехода, а от Арсы до Салав четыре дня [пути]. Купцы-мусульмане из Арменийи доходят до Кукийаны»* [8, С. 119-120].

То есть ближайшей к Танаису – Нарусу, всего в 135 милях от него, была группа русов ас-Салавийя с правителем в городе Салав. Действительно, в 135 милях (267 км) вверх по течению Дона, который здесь течет с востока на запад, находится даже два средневековых памятника – знаменитые Правобережное и Левобережное Цимлянские городища. Правобережное городище лежит на высоком берегу Дона высотой в семьдесят метров меж двумя глубокими балками. Остатки белых известняковых стен в основании достигают четырех метров. Укрепление дополнено глубоким рвом. Левобережное Цимлянское городище (Саркел) находится километрах в четырех от современного русла. Эта крепость обнесена кирпичными стенами, почти такой же толщины. По углам крепости были созданы массивные четырехугольные башни. Это поселение, судя по найденным на нем византийским монетам, существовало с IX по XII вв., а крепость на правом берегу была создана еще ранее. Как указывал проводивший раскопки на Правобережном М. И. Артамонов, оно больше всего напоминает известные городища салтово-маяцкого типа и возникло, по-видимому, ранее Левобережного городища Саркела.

Нахождение здесь русов ас-Салавийя и города Салав сохранили местные гидронимы. «Книга Большому Чертежу» 1637 г.

указывает в этом регионе сразу три реки с созвучным городу наименованием: «с Нагаиской стороны, пала в Дон река Черной Сал, а вытекла с верху горы Улки, протоку 220 верст. А ниже Черного Салу пала в Дон река Сасыксал, протоку 300 верст от горы от Улки, а от Черного Салу 90 верст. А ниже Сасыксал реки, 40 верст, пала в Дон река Юрюксал из горы из Улки, протоку 340 верст. А ниже реки Юрюксала, 30 верст, пала в Дон против Роздоров Донецких, река Манача» [7, С. 86]. Река Сал и поныне течет здесь почти параллельно Дону, начинаясь на возвышенности Иргени – древней горы Улки.

О городе Салав писал не только Идриси. Аналогичный текст мы видим и у его предшественников. Арабский географ и путешественник X века Ибн Хаукаль в своей «Книге путей и стран» писал: «*группа самая высшая из них, называют ее ас-Славийя, и царь их в городе Салау*». Он же упоминал и другой город Идриси, пусть и немного изменяя название г. Кукийана: «*группа, ближайшая к Булгару, и царь их в городе, называемом Куйаба и он больше Булгара. <...> И достигают люди с торговыми целями Куйабы и района его*». К сожалению, Ибн Хаукаль не указал расстояний. Тем не менее, И. Г. Коновалова считает возможным из сходства текстов отождествить Кукийану Идриси и Куйабу Ибн Хаукаля [8, С. 232-233].

Воспользуемся расстояниями Идриси между двумя уже известными нам городами Булгар и Салав: «*от [города] Булгар до [города] Кукийана около двадцати переходов*» [8, С. 121]. Если сравнить уже найденное нами расстояние двадцати дней пути Идриси, равное 889 км (см. табл. 1) и современное расстояние от Биллярского городища Татарстана на р. Малый Черемшан и далее вниз по Волге до городища Укек на южной окраине Саратова, которое составляет около 900 км, то получается, что информация Идриси весьма близка к реальности.

К тому же название группы русов-тюрок у Кукийаны – равас отправляет нас прямоком на волжские берега. Так как название Волги в эрзя-мордовском языке «*звучит как Rav(o), в мокша-мордовском – как Rava, в определенной форме – Ravs*» [16, С. 75-76]. Г. Шрамм полагает, что это древнее заимствование из североиранского, проще говоря, из языка скифов и сарматов, доминировавших в нижневолжских степях, в язык древних финно-угров, живших в области Средней Волги, в лесостепи и в зоне смешанных лесов [16, С. 76, 79-82]. К его мнению присоединяется А. В. Подосинов, который считает, что «*и в IV в. н. э. поволжские финно-угры сохраняли перенятое у южных иранцев название Ра или Рава*» [13, С. 83].

Самоназвание: Рав (волжский) + аз (я) = Равас (я волжанин) на Укеке – Кукийане абсолютно справедливо. Но все-таки попро-

буем проверить и южный участок пути в 18 дней от города Салав до Кукийаны – Укека. Восемнадцать дней пути при фарсах, равном 4,445 км, составляют 800 км. По автотрассе сегодня от Саратова до Волгодонска 694 км, но так как с автотрассами в Средневековье было проблематично, придется использовать древнейший путь с Укекского городища на Дон, указываемый реками да сарматскими «золотыми» курганами [3, С. 20-22, 30-33]. От Цимлянских городищ (близ устья р. Кумшак, что в 327 км от устья Дона) вверх по Дону до устья р. Иловли (в 604 км от устья Дона) путь равен 277 км. Протяженность самой р. Иловли составляет 358 км. Далее, двигаясь прямо на гигантский Карамышский курган, переходим через небольшой водораздел в долину р. Карамыш и спускаемся вдоль нее до места слияния с р. Латрыком и его поля «золотых» курганов. Отсюда вверх по древней Кармыше Книги Большого Чертежа – Латрыку до водораздела с р. Увешей и уже вдоль нее до древнего Укека, где в общей сложности получается (ПО Google Earth) около 136 км. То есть в сумме $277 + 358 + 136 = 771$ км. Бесспорно, гладко только на бумаге, поэтому можно считать полученный километраж весьма неплохо совпавшим с указанными Идриси восемнадцатью дневными переходами, составлявшими 800 км.

Местонахождение г. Салав – столицы русов ас-Славийя в Донском бассейне и г. Кукийана – столицы русов равас в бассейне Волги объясняет загадку лежавшего между ними города Арса. Разные водные бассейны позволяют понять, как пробирались мимо Арсы, где по словам Ибн Хаукаля «*убивают всех чужестранцев, и никто не отваживается войти в их землю*» [8, С. 120], доходившие до Кукийаны армянские купцы, ведь негостеприимная Арса находилась между городами Салав и Кукийана.

Именно эта подсказка разных водных систем позволяет обсуждать расстояния до самой Арсы, так как, по-видимому, она принадлежала Донской системе, оставляя возможность проходить армянским купцам до древнейшей переправы Укека по Левобережью Волги. Но остается расхождение математическое: 18 переходов от Салав до Кукийаны, не совпадающее с суммой «*от Кукийаны до Арсы четыре перехода, а от Арсы до Салав четыре дня [пути]*» [8, С. 119-120], так как $4 + 4$ будет 8, а не 18. Вероятно, это расхождение было замечено еще в древности. Поэтому в рукописи Идриси «Р» указанный между Салавом и Кукийаной интервал был переправлен с 18 на 8 переходов.

Но география не арифметика, имеет смысл обратить внимание на расхождение единиц измерений в пределах одного предложения. 18 дней пути от Салава до Укека указаны против течения рек Дон и Иловля, а Карамыш, Латрык и Увеша слишком мелки для

водного похода, то есть имелись в виду 18 дней пешком. От Кукий-аны до Арсы при движении в обратном направлении опять-таки 4 перехода пешие, а вот далее 4 дня от Арсы до Салава, видимо, надо дополнить [плавания], так как в своем нижнем течении р. Иловля была вполне судоходна, не говоря уже про Дон. Этот водный путь был быстр и столь известен, что турецкий султан Селим II запроектировал тут канал. Позднее Петр I начал создавать здесь свой судоходный канал, соединяя Иловлю и Камышенку, впадающую в Волгу у современного г. Камышина.

В местах перевалки с одного вида транспорта на другой города возникают всенепременно, что и объясняет становление Арсы в 178 км от Укека (сегодня расстояние от Саратова до Камышина считается равным 184 км). Есть и приметные поднятия – знаменитые Камышинские Уши, у южного подножия которых протекает поныне славная река Камышинка. Так топография Идриси подсказала решение тайны реки Сакир, древнего водного перехода с Волги на Дон: по р. Камышинке на Иловлю, далее вниз по Дону через Салав к Нарусу [3, С. 51-61].

От г. Нарус в устье Дона Идриси указал путь и к Днепровскому бассейну: *«а от города Нарус до города Фира на запад 50 миль, а от Фира до города Наби на запад 25 миль»* [8, С. 119]. Далее при продвижении на запад мы оказываемся в пятой секции VI климата, где Идриси указывает продолжение этой дороги: *«От города Кав до города Най (Наби) из страны ал-Куманиййа 6 переходов»* [8, С. 117]. И мы вслед за его информаторами оказываемся на берегах важнейшей реки Киевской Руси – на Днепре.

Река Данабрис – Днепр на рис. 1 достаточно плотно заселена. То же следует из текста: *«Что касается города Барамуниса, то он расположен на реке Данабрис; это красивый город. От него до города Синубули шесть дней; это большой процветающий город на реке Данабрис с западной стороны. Точно так же от города Бармуниса до города Кав на реке Данабрис вниз по реке шесть дней. От него до города Баразула к северу от реки пятьдесят миль. От него до Авсиййа по суше два дня; это маленький цветущий город. От города Авсиййа до города Барасаниса два дня; это многонаселенный красивый город в стороне от реки. От него до города Луджага два дня на север. От города Луджага до города Арман три небольших перехода на запад. Точно так же от города Арман на восток до города Барасаниса четыре перехода. От Барасаниса до города Мулиса в устье реки Данабрис, пять переходов. А Улиски – это город на восточной стороне устья реки Данабрис. От города Улиски до города Канив три перехода. От вышеупомянутого города Баразула вниз по реке до города Баразлав один день. От*

города Баразлав вниз по реке до вышеупомянутого Канив полтора дня. От города Кав до города Най из страны ал-Куманиййа шесть переходов» [8, С. 117].

Этот текст явно указывает на два пути: первый путь ведет на юг вниз по течению Днепра, это путь водный, и второй путь – на север, где пройти водой вверх по течению из-за мощных днепровских порогов было невозможно, поэтому трасса шла по суше, и это специально оговорено Идриси. Сегодня бесспорна локализация лишь четырех из дюжины упомянутых в Поднепровье русских градов. В Правобережье это города Кав – современный Киев и Мулиса – северней современного Херсона; в Левобережье это Баразула – ныне Переяслав-Хмельницкий и Улиски – русское Олешье, сейчас украинский Цюрупинск.

Имея эти четыре точки отсчета, подсказки зон концентраций монетного материала покладам куфических и византийских монет [10, С. 132; 11, С. 138] и используя уже испытанный километраж Идриси, можно попробовать восстановить остальные пункты обоих маршрутов.

При маршруте вниз по Днепру самым северным пунктом (в 12 днях плавания от Киева) оказывается г. Синубули. Переводчик Идриси И.Г. Коновалова сопоставляет его со Смоленском. В районе Смоленска действительно найдено значительное число куфических монет, к тому же лишь от него начинался сплав вниз по течению лодок-однодревок, знаменитых русских дубов, а потому он мог быть упомянут Идриси, как наиболее близкий к истоку пункт маршрута. Тогда в шести днях пути вниз по течению, на полпути меж Смоленском и Киевом, должен быть город Барамуниса. Монетный материал указывает на Могилев [10, С. 132]. Ниже него по течению А. Майерберг в 1661 г. упоминает г. Бракалобов [9, С. 194]. Но к половине пути меж Киевом и Смоленском все же ближе Рогачев и Лучинское городище, где Днепр выходит на Полесскую низменность. Поэтому вопрос о локализации Барамунисы еще не закрыт.

Через шесть дней после нее путешественники могли увидеть Киев, по-арабски Кав. Этот пункт не вызывает сомнений, как и указанный в 50 милях (98,8 км) южнее г. Баразула, он же современный Переяслав-Хмельницкий. Последний с X века был столицей Переяславского княжества, находился к северу от крупной излучины Днепра на берегу р. Трубеж. Ниже вновь начинаются загадки: *От вышеупомянутого города Баразула вниз по реке до города Баразлав один день. От города Баразлав вниз по реке до вышеупомянутого Канив полтора дня.* То, что Канив Идриси это не современный город Канев, ясно сразу: никак не проходят расстояния, ведь от Переяславля до Канева по рекам Трубежу и Дне-

пру 40 км, а от Канева до Улиски (Олешья), где у Идриси указано всего три перехода, то есть 148 км, в действительности же 687 км. Видимо, чтобы понять указанные им пути, стоит вновь обратить внимание на теорию размерностей и выделить маршрут с одинаковыми единицами измерений.

Начнем с переходов. Для степей Кумании Идриси дает их размер 25 миль [8, С. 119], то есть 49,4 км [4, С. 134]. Полностью километраж маршрута: Луджага – 3 (148) – Арман – 4 (197,5) – Барасаниса – 5 (247) – Мулиса близ устья Днепра на западном берегу, а Улиски напротив на восточном – 3 (148) – Канив – 6 (296,3) – Наби (Най) – 1 (49,4) – Фира – 2 (98,8) – Нарус. Исходя из последовательности перечисления г. Канив или Конев (арабская огласовка часто проблема) лежал на левом берегу по направлению движения к устью Дона, по километражу – в устье р. Конские Воды (совр. р. Конская, а ведь гидронимы сохраняются очень долго). Путь по современным дорогам от Цюрипинска (Улиски) до Ростова (Нарус) равен 594 км, тогда как у Идриси от Улиски до Наруса: $148 + 296,3 + 49,4 + 98,8 = 592,7$ км. И так как в Левобережье Днепра пути совпали с действительностью, перейдем на Правобережье в г. Мулиски, что стоял в одной миле от Олешья (Улиски), близ устья р. Ингулец.

При взгляде на карту в поисках указанных далее городов первое, что бросается в глаза, это гигантское колено, которое выписывает в низовьях Днепр, отклоняясь к востоку. Его мощные пороги должны были заставить караваны сокращать путь, продвигаясь на север вдоль рек поскромнее, таких как Ингулец и Ингул. Игнорирование их неоправданно, ведь расстояние от устья Днепра до Киева по прямой около 450 км, а вверх по порогам Днепра все 950.

Поэтому, отложив на север от устья Ингульца 247 км, мы, вероятно, сможем увидеть Барасанису Идриси. Ведь протяженность пути меж двумя не вызывающими сомнений пунктами: устье Ингульца – Переяслав по Идриси составила в сумме 425 км (Мулиса – 247 – Барасаниса – 89 – Авсийа – 89 – Баразула), а сегодня по трассе от Херсона до Переяслава 480 км. То есть древний путь меж Мулисой и Баразулой явно шел по оптимальной прямой. Ныне же километраж подрос из-за захода трассы в Николаев, Смелу и из-за кольца вокруг Кировограда.

Итак, продвигаясь от Мулисы, через 247 км мы оказываемся у верховий сразу трех рек, едва не соприкасающихся друг с другом. Отсюда Ингул и Ингулец текут на юг, а знаменитый своими городищами Тясмин на север, причем один из его истоков называется р. Верешанкой, созвучной Барасанису (воды Барасани). Позднее здесь, у знаменитого Черного Леса, раздваивался Черный шлях, а в с.Бирках, что поныне стоит в месте слияния Верешанки, Тясми-

на и Болтыша, «осталось предание, что на песчаных кучугорах, ще и теперь остаются признаки жилищ, существовал когда-то город, в коем находилось 7 церквей, но в первое нашествие татар город и церкви сожжены» [14, С. 695]. Тогда стоявший в 4 переходах (197,5 км) к северо-западу от Барасанисы Арман это древний Юрьев (ныне г. Белая Церковь), а к востоку от него вниз по течению р. Рось в трех переходах (148 км) г. Корсунь. Он в двух днях (89 км) идущего к Барасанисе пути, что шел, в основном, вдоль р. Тясмин. Юрьев и Корсунь были указаны, видимо, из-за мощных Змиевых валов, охранявших подходы к Киеву.

Наметив контуры Руси Тюркской и Приднепровской (рис. 2), двинемся далее, к самой западной крупной русской реке, упомянутой Идриси, Днестру – Данасту, так как за Днестром он указывает гору, разделяющую «*страну Булунийа и страну ар-Русийа*» [8, С. 114], вытянутую с севера на юг. Он связывает Днестр и Днепр через их устья: «*От реки Данаст до Кузла 50 миль, затем до Мулиса 50 миль; Мулиса находится в устье реки Данабрис*» [8, С. 115].

В бассейне Днестра Идриси упоминает следующие города: у истока реки город Мартури. От него до г. Сармали четыре дня в южном направлении. Сармали стоит к северу от реки Данаст. Эта река течет на восток, пока не достигнет города Зака; между ними

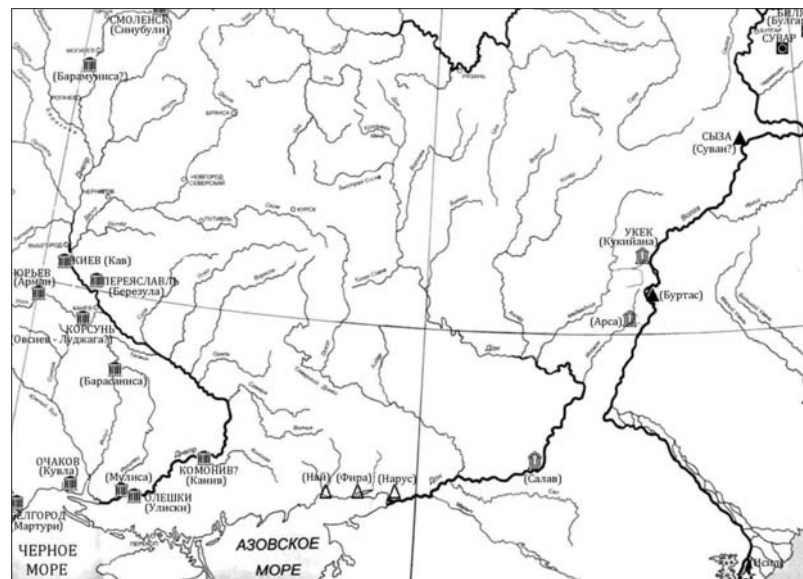

Рис. 2. Урбосеть Идриси 1154 г. от Киева до Булгара. Обозначения городов: – Киевской Руси, – Тюркской Руси, – куманские, – бургасские, – болгарские города

двенадцать переходов или 240 миль. От города Зака, который расположен на упомянутой реке, до города Бармуни девять переходов или 180 миль. От Бармуни до Галисийя двести миль [8, С. 113, 114]. Идриси явно отходит от переходов Кумании в 25 миль, сокращая их до 20. Видимо, это связано с переходом на иные единицы измерений. На использование инородной информации указывает также отсутствие куфических монет. Возможно, начинала сказываться близость Рима. Может статься, что и мили были взяты римские, равные 1481,65 м. Тогда суммарное расстояние от указанного Идриси истока у Мартури до Галисийя, упомянутого последним, составляет: $4 \times 44,45 + 240 \times 1,48 + 180 \times 1,48 + 200 \times 1,48 = 178 + 356 + 267 + 296 = 1098$ км, то есть около 1100 км. Ныне протяженность Днестра от устья до Галича 1117 км.

Несоответствие изображения реки на карте текстовому ее описанию очевидно. Нет и общепринятой локализации городов. Особенно выделяется Галич (Галисийя). В реальности он стоит в 235 км от истока Днестра, а у Идриси он нижний по течению (см. рис. 1). Галич вызвал предположение, а не спутал ли географ, изобразив реку в виде латинской буквы «S», верх с низом? У Птолемея север всегда вверху, на византийских картах он внизу. Если горы и море изображать волнистой линией, то спутать в чужой рукописи исток и устье реки не трудно. Поэтому попробуем гипотетически развернуть «S» Днестра на 180° и рассчитать его километраж.

Тогда путь вниз по течению от Галисийя до Бармуни составит: $1481,65 \times 200 = 296,3$ км. Поразительно, но действительно на расстоянии 300 км ниже по течению находится древняя Хотинская крепость, а основание самого города относится к X веку.

От Бармуни до Зака (Зала) 180 римских миль, то есть около 267 км. На этом расстоянии на крутом берегу Днестра поныне высится мощная каменная крепость, поставленная в XV веке на месте генуэзского форта Ольхиония в раннем русском городе Сороки.

Далее 240 римских миль (355,6 км) до города Сармали. Исходя из километража, Сармали – это основанный в III в. до н.э. г. Бендеры, он же древняя русская Тягина или Тигина (от слова тягать, так как здесь был известный брод через Днестр). Видимо, поэтому Идриси указывает, что «*Сармали называется на языке румийцев Туййа*» [8, С. 126]. Находящийся у окраин Днестровской поймы, этот город вряд ли мог быть пропущен в описании реки.

За ним Днестр растекался на два главных рукава, петляя в пойме, потому указаны дни пути, а не мили. От Сармали до Мартури у Идриси на юг 4 дня, а от Бендер до Белгорода-Днестровского (он же Тира с VI в. до н.э., потом Альба Юлия, затем Маурокастрон и т.д.) рекой ныне почти 238 км. Петлять по мелководьям поймы, с опас-

ностью налететь на корчи, долго. Потому путь мог идти по суше: 4 дня по 20 римских миль – это 118,5 км, ныне по трассе 112 км.

Итак, Галич как точка отсчета в верховьях Днестра дал полное совпадение урбосети Идриси с древними крепостями Приднестровья и километражем всей реки ниже по течению. Возможно, разворот реки вызвало сходство названий русского и польского городов Сармали. Впрочем, это не единственная ошибка Идриси. Другим проблемным участком для него стала Тмутараканская Русь, где Тмутаракань и Русийя также поменялись местами на карте, хотя расстояния меж ними, взятые из первой черноморской лоции, пересчитаны Идриси верно [4, С. 130, 134, 135]. Видимо, и этих берегов его информаторам не удалось достигнуть.

Но эти объяснимые недочеты ничуть не умаляют актуальности для современной науки трактата великого арабского географа. Поэтому, подводя итоги наших вычислений, хотелось еще раз обратить внимание на поразительную точность его топографии. Подтверждаемая археологическими материалами, она позволяет уйти от риторики топонимических созвучий, решить некоторые столетиями дискутируемые вопросы по местонахождению ранних русских городов (например, тех же Салава, Арсы, Кукийаны), уточнить связи известных этносов с безымянными, по сути, археологическими культурами (в частности, салтово-маяцкой). «Книга Рожера» уникальна по информативности, и до завершения ее изучения, видимо, очень далеко.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аль-Балхи А. Из книги видов Земли // А.Я. Гаркави Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X века по Р.ХХ). СПб., тип. ИАН, 1870. 308 с.
2. Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1973. Т. VIII. 725 с.
3. Браташова С.А. Волга инкогнита по картам II – XVIII веков. Изд. второе. Саратов: Научная книга, 2014. 220 с.
4. Браташова С.А. По забытым крепостям Кавказа (первая лоция и последующие карты берегов Кавказа). Саратов: Научная книга, 2014. 224 с.
5. Горбунова Н.Н. Водные маршруты Украины. М.: Физкультура и спорт, 1969. 168 с.
6. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Восточная литература, 1962. 280 с.
7. Книга Большому Чертежу / под ред. К.Н. Сербиной. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.
8. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М.: Вост. лит-ра, 2006. 328 с.
9. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Вост. лит-ра, 1999. 254 с.
10. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М.: Наука, 1967. 135 с.
11. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ, Е4 – 4. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 64 с.
12. Майерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. М.: ИОИДР, 1874. 216 с.

13. Подосинов А.В. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой географии // Русская река: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 13–101.
14. Похилевич Л.И. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев: тип. Киевопечерской Лавры, 1864 г. 763 с.
15. Сеницын И.В. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов: Изд-во СГУ, 1966. С. 3–62.
16. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья: историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М.: Eastern Communications, 1997. 162 с.

* * * * *

УДК 94(57)

Ярков Александр Павлович

*доктор исторических наук, профессор
директор Института гуманитарных наук
Тюменский государственный университет
г. Тюмень
ayarkov@rambler.ru*

Бортникова Юлия Александровна

*ассистент
филиал Тюменского государственного университета в г. Заводоуковск
г. Заводоуковск
soroka-jul@rambler.ru*

ГОРОД-ГОРОДОК-ЮРТ: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОСЕДЛЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Эта статья посвящена зарождению и развитию исламской градостроительной культуры Западной Сибири в период Средневековья. Авторы анализируют природу и генезис местных поселений, их отличия от западно-европейских, восточно-славянских и поволжско-тюркских. Авторы рассуждают о «Золотордынской культуре», считая, что ее нельзя признать вершиной достижений тюркско-исламского мира, и подчеркивают, что культура любой социальной, конфессиональной или этнической группы уникальна и самоценна и, соответственно, не может иметь «вершин» и «тупики» в развитии, а возможно лишь расслоение любой культуры на субкультуры. Авторы считают, что этот процесс неизбежен, а его интенсивность зависит от локальных особенностей, связанных с природно-климатическими, военно-политическими, социально-экономическими, ментально-психологическими и личностными факторами.

Ключевые слова: цивилизация, архитектура, городок, город, юрт, Западная Сибирь, Средневековье.

Yarkov Alexander Pavlovich

*doctor of historical sciences, professor
director of the Institute for the humanities sciences
Tyumen State University
Tyumen
ayarkov@rambler.ru*

Bortnikova Julia Alexandrovna

*assistant
branch of Tyumen State University in Zavodoukovsk
Zavodoukovsk
soroka-jul@rambler.ru*

THE CITY-TOWN-YURT: TO THE QUESTION ABOUT THE ORIGIN OF SETTLEMENTS IN THE MEDIEVAL WEST SIBERIA

This article is devoted to the birth and development of the Islamic planning culture of Western Siberia in the middle Ages. The authors analyze the nature and Genesis of local settlements, their differences from the Western European, Eastern-Slavic and Volga-Turkic. The authors talk about «Golden Horde culture», believing that it cannot be recognized at the pinnacle of the Turkic-Islamic world, and emphasize that the culture of any social, religious or ethnic group is unique and has a price and, accordingly, may not have the «peaks» and «dead ends» in development, and it is only possible to bundle any culture in the subculture. The authors believe that this process is inevitable, and its intensity depends on local peculiarities associated with climatic, military-political, socio-economic, mental, psychological, and personal factors.

Keywords: civilization, architecture, town, city, yurts, Western Siberia, middle Ages.

По А.Дж. Тойнби, цивилизация – это культура, достигшая пределов самоидентификации. Рассматривая процессы на территории Западной Сибири в цивилизационном измерении, можно согласиться с мнением, что на этой территории соприкасались и взаимопроникали две различные цивилизации, обладавшие глубокими историческими корнями: одна – «биогенная», выработавшая основные жизненные, этические, эстетические и другие установки в длительном приспособлении к сложным природно-климатическим условиям; другая – «техногенная», сравнительно молодая, быстро развивавшаяся, создавшая новые орудия труда, инструменты передвижения, способы общения и проникновения в сущность

явлений [22, С. 153]. Признавая историческую незавершенность процессов, происходивших в крае, заметим, что их не следует рассматривать в рамках концепции «тюрко-исламской/золотоордынской» цивилизации [24, С. 154-173], конструируемая рядом ученых с «поволжско-центристских» позиций.

Для Сибири в сравнении с Поволжьем и Крымом характерны следующие факторы:

- мифологическая система, которая вплоть до конца XVIII в. поддерживала четкое представление о том, что это – «край света», где в абсолютной изоляции жили полулюди-полуживотные, которые не обладали социальной организацией, культурой и чувством истории, а также не склонны ни к европейскому, ни к китайскому, ни к мусульманскому типам цивилизации;

- географическая отдаленность и суровый климат, огромные масштабы и малая заселенность региона, разнообразие исторических судеб, ментальностей и форм хозяйственного уклада населения, а также отсутствие постоянных этнокультурных связей и безопасных торговых путей, что в совокупности не благоприятствовало включению региона в общие процессы миграции, политической консолидации и феодализации, проистекавшие в Золотой Орде;

- династийная система, заимствованная у монголов, которая функционировала не постоянно, а эпизодически, что способствовало укреплению политических, военных, культурных и религиозных связей с другими улусами, где правили Чингизиды, хотя подчас номинально;

- не имелось «трех цивилизационных кругов», издавна включавших азиатскую Сибирь в свою орбиту, наравне с Поволжьем, ибо европейское понимание «цивилизации» не учитывает местной специфики организации и функционирования социума со слабой, но самодостаточной экономикой, властью, которая часто органично объединяла кочевых и оседлых жителей вокруг городков, являвшихся кочевыми ставками правителей – самозванных, назначаемых или избираемых по принципу народного представительства (прообраза демократии, но не его аналога);

- асинхронность с этническими, социальными, политическими и культурными процессами в других, порой весьма отдаленных регионах, где проживало тюркоязычное и мусульманское население, притом, что контакты имели место и до Золотой Орды;

- не «абсолютная» принадлежность к «общетюркской цивилизации», обусловленная тем, что тюркский субстрат в регионе антропологически, этнически, лингвистически и социально «размывался» уграми, монголами, самодийцами и др.;

- ограниченная или полноценная государственность, которая не имела «полноценно-золотоордынских» механизмов управления,

а также военного, дипломатического и финансового обеспечения, но при этом подразумевала наличие полиэтноконфессионального состава населения, поскольку идеолого-правовое обеспечение не допускало подавления инакомыслия и притеснения «язычников».

Отсюда и отсутствие «высокой» городской культуры: сибирские городки на периферии «арабо-исламской цивилизации» не имели и не могли выполнить такую задачу, поскольку поздно и не всегда добровольно обратились к исламу и достижениям «Арабского Ренессанса».

В период Средневековья уже можно говорить о потребности общества в объединении вокруг идеи государственности или религиозно-этнической идентичности. Слабо выраженное «государственное мышление» нельзя расценивать как слабость или путь к объединению, настоящей причиной которого является только внешняя угроза. Государство как реальная и обоснованная система возникала именно там, где у множества людей совпали представления о жизненно важном территориальном пространстве, ресурсах и связанных с ними интересах.

Не отрицая значения Золотой Орды в истории России (соответственно, признавая возможность применения выработанных определений к другим регионам России, которые отвечают данным критериям), и ее определенной (но не абсолютной) внутренней целостности, осознаем необходимость конкретизировать подходы к дефиниции и к проблеме. «Золотордынскую культуру» нельзя признать вершиной достижений тюркско-исламского мира, равно как не может быть правомерным сравнение с «более развитыми и культурными народами». Культура любой социальной, конфессиональной или этнической группы уникальна и самоценна и, соответственно, не может иметь «вершин» и «тупиков» в развитии. Исторически объяснимо лишь расслоение любой культуры на субкультуры. Этот процесс неизбежен, а его интенсивность зависит от локальных особенностей, связанных с природно-климатическими, военно-политическими, социально-экономическими, ментально-психологическими и личностными факторами.

Заметим, что некоторые городки Золотой Орды не имели оборонительных укреплений вплоть до середины XIV в. [12, С. 167-186].

Феномен градостроительной культуры тюрко- и угроязычного населения начали изучать относительно недавно [1, С. 75-77], однако нельзя утверждать, что до прихода славян в Сибирь местные жители не знали постоянных поселений [20, С. 96]. Существует множество подходов к вопросу о периодизации общества, а согласно городовым летописям, освоение Сибири началось даже не с похода Ермака, а с основания первых русских городов, но еще Платон в

V–VI вв. до н. э. обозначил линейную схему его развития: пастухи → крестьяне → горожане. Исторический материализм в качестве основания для периодизации определял уровень развития производительных сил, хотя подобное деление, по мнению Л. Е. Гринина, учитывало в большей степени производственные отношения и формы собственности на средства производства [7, С. 7]. Зарубежная теория урбанизма, как и марксистско-ленинская концепция, полагала отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства базисом в возникновении городов, отличавшихся стабильностью, высокой численностью и плотностью населения, жившего по иным нормам, и признающим права личности и собственности.

Эти объективные для Западной Европы причины нельзя механически переносить на средневековую Западную Сибирь. Здесь отсутствовало жесткое деление на горожан и селян. «Туралы/туралинцы» [10, С. 9-10] занимались сельским хозяйством (в т. ч. отгонным скотоводством), торговля и ремесло слабы, и купечество как элита, способная к самоорганизации и инновациям, малочисленно. Потребности в изделиях удовлетворялись домашними промыслами, а проблемы нехватки земельных площадей вообще не существовало. В результате системы хозяйствования обеспечивали базовые потребности всех, способствуя формированию социума, решавшего задачи на том или ином этапе развития. Возможно, что, создав оседлое поселение (городок), социум не брал на себя ответственность за функционирование в будущем: линейная система развития давала сбои.

Сомневаемся, что появление городков и становление государственности т. н. раннефеодального типа обязательно должны вызвать соответствующие перемены в идеологической надстройке общества. Природа и генезис местных поселений весьма отличается от западно-европейских, восточно-славянских и поволжско-тюркских, в основе которых – задачи подчинения пространства, политические и охранительные, а также торгово-ремесленные функции. Замысел создания подобных центров возникал в определенной социальной и демографической ситуации, когда организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без каких-либо координирующих центров становилась невозможной [23, С. 49]. Эти обстоятельства отражены в мифологических представлениях сибиряков о *первородной почве* и точно соотносятся с синергетической моделью понимания исторических процессов.

Опровергаем суждение, что «урбанизация Сибири ... начинается с нуля», которое исходит из положения, что до прихода русских Сибирь не знала таких форм поселений как города [8, С. 29; 21, 44]. В подтверждение иного приведем свидетельство Тамими ибн Бахра

ал-Муттаваи, который еще в конце VIII в. или начале IX в. видел «следы древнего города» на Юго-Западном Алтае и передал сведения о «городе царя кимаков» в верховьях Иртыша: «...город большой, укрепленный, а вокруг него хорошо возделываема земля и деревни. Город имеет двенадцать железных ворот огромных размеров. В городе много жителей, теснота, много базаров и товаров...» [11, С. 30].

Поселение «Сибирь» упоминается уже в «Сокровенном сказании монголов» 1240 г. [13, С. 342, 244-348, 349], однако без определенной локализации и возможно обозначало в целом территорию. Можно предположить, что средневековые авторы могли применять это название к разным территориям, что связано с реалиями миграционных процессов. Однако «Сибирь и Ибиль», несомненно, располагалась в междуречье Иртыша и Тобола [14, С. 30-32], и оседлые жители в пространственном, как и в культурном смысле, открыты влияниям и заимствованиям.

Процессы урбанизации, начавшись в середине XIV в. в улусах бывшей Монгольской империи, оказались прерванными в ходе восстания против монголов в Китае, эпидемии чумы и Великой Замятни в Золотой Орде. Именно в тех исторических коллизиях стоит искать причины прекращения функционирования Великого шелкового пути. Это привело к угасанию бытовавшей вокруг него оседлой культуры, став и препятствием в распространении мировых религий. Соответственно, ислам не мог стать ни стимулирующим фактором урбанизации, ни гарантией продолжения городской жизни.

В сочинении XIV в. «О человеках незнатных на Восточной Стране и языках разных», названном Д.Н. Анучиным «кратким путеводителем» [3, С. 243-235], упомянут Великий торговый город. Л.Р. Кызласов предположил его существование на Саяно-Алтайском нагорье [11, С. 41]. А вот мнение Н.-К. Витзена, основанное на обобщении различных сведений: «...в Сибири в некоторых местах можно увидеть пришедшие в упадок старые стены и развалины бывших там, по-видимому, городов ...в более древнее время страну эту населяли народы более высокого развития, нежели ныне, потому что теперь подобных построек там вовсе не знают». По тем же сведениям, полученным Витзеном от русских сибиряков, «народы, когда-то соорудившие эти города и постройки, совсем выселились оттуда по направлению к юго-востоку» [5, С. 109]. О том же сказал С. У. Ремезов в «Чертежной книге Сибири».

Рассматривая этимологию тора/тура, обратим внимание, что *тура* не только поселение, но и *срубленный/рубленный* дом, тогда как для каменного дома существовало иное понятие – *тас тур*. По мнению Х.Ч. Алишиной, это устаревшее слово означало «языческое мольбище», место жертвоприношений и поклонения «идо-

лам» [2, С. 85], т. е. обладало сакральным значением. Возможно, подобные места привлекательны для мифотворчества, становясь центрами концентрации сезонных поселений кочевников. Разумеется, особое значение имели поселения рудокопов и ремесленников на Алтае, однако они немногочисленны и локализованы возле рудников, определяя их особенности и мифотворческий потенциал [27, С. 227]. Необходимо упомянуть о феномене ю. Карагайских и а. Сала на Среднем Иртыше, описанном в средневековых рукописях, позднее неоднократно переписанные и дополненные. Те поселения если и не стали оплотом суфизма, то однозначно являлись «центром мусульманского района», «резиденцией» сибирско-татарских и/или сибирско-бухарских ходжей и шейхов, что на протяжении долгого времени связаны с конгрегацией Накшбандийа.

Переход к оседлости – дело длительного времени. Шатрово-войлочные городки, появившиеся в качестве племенных центров, находились в центре притяжения мигрирующего населения – по ландшафтному и географическим (рельеф, пересечение водных и сухопутных трасс) или сакрально-культовым особенностям. Они выполняли структурообразующие и структуроорганизующие функции: управленческую, охранительную, реже – экономическую, обеспечивая выделение непроизводственных специализаций, и чаще – психологическую и идеологическую, скрепляя различные формы отношений между дальнеродственными племенами. Основываясь на «Истории Сибири» Г.-Ф. Миллера, можно утверждать, что «отношениями противопоставления» в XVIII в. связаны номинативные единицы *город* как обозначение *русского поселения* и *городок* – аборигенов и коренного населения, и не только «тюрко-монгольских народов» [19, С. 127].

В кочевом мире сезонный или периодический перенос ставки правителя под одним и тем же названием (Орда, Сибирь) на десятки, сотни, а то и тысячи километров не связан с представлениями о конкретной территории. Большее значение имел образ правителя, который «по справедливости» регулировал отношения между подданными, гарантировал мир с соседями и т. д. Этим объясняется наличие имени правителя, чья деятельность оседала именем Аллаха, в легендах и сказаниях, даньга и много реже пулах, при крайне «зыбких» указаниях на адрес ставки. В равной степени это применимо к истории Тары/Туры, где Абу-л-Хайр «за благожелательность» при завоевании удостоил назначением на должность даруга вилайета нескольких сподвижников [15, С. 96].

Легендирование оседлых поселений – свидетельство имущественного и социального расслоения, а также признания иного уровня общественного развития, ибо из объекта, несущего сугубо

защитные функции, городки превращались в политико-административные, хозяйственно-торговые и культурно-религиозные центры. Эти функции свойственны крупным поселениям периода Средних веков, однако сочетание всех признаков не обязательно. Внешние признаки городка включали: наличие рва, каменных или земляных стен/валов (или частокола из бревен); выделенных пространственно двора феодала и мест расселения ремесленников; торгового и культового центров; административно-управленческих и культовых сооружений, хотя и не сводились исключительно к этим характеристикам. В любом случае размеры невелики – от 500 до 7 000 м², но эти показатели были не определяющими для их политической роли. В городках, по-видимому, базировались ставки местных вождей, с приближенными чиновниками, слугами и войском, на которых держалась власть. Параметры, определявшие статус городков в Сибири, не совпадали с характеристиками европейских, арабских, среднеазиатских и поволжских городов. При этом уровень урбанизации во многом определялся централизацией власти. Характер деятельности местных «горожан» не совпадает и с формулировкой «стартовых условий» в кочевом мире, предложенной С.А. Плетневой: «...только на высшей стадии их экономического и социального развития – на третьей стадии (полуседлости)» [18, С. 205].

Насельники, преимущественно занимавшиеся собирательством (показательно, что у сибирских татар до сих пор существует убеждение относительно собранных на общих угодьях и оставленных дикоросах: «что не твое, кем другим собрано, то сроду его никто не возьмет». Кто в лесу избушку срубил – «тому она и принадлежит, но зайти в нее каждый может»), охотой и рыболовством, и лишь в период XV–XVI вв. активно осваивали навыки земледелия, в результате чего происходил синтез присваивающего и производящего хозяйства. При этом, несомненно, что для элиты «оседлость» – сезонное состояние, а преимущественным оставался именно кочевой образ жизни [26, С. 29-33]. При этом следует учесть, что предпосылки урбанизации отчасти можно усмотреть в типах городков и городищ угорских групп, позднее вошедших в состав сибирских татар.

Некоторые укрепленные поселения домонгольского времени (к примеру, бакальской и юдинской археологической культуры), несомненно, использовались в качестве административных, оборонительных и ремесленных центров [4, С. 20-28; 14, С. 25-32] и в более позднее время.

У барабинцев, по свидетельству И.Г. Георги, издавна существовали «молебные храмины» [6, С. 114], а также «зимние деревни и летние юрты», хотя они и предполагали иную, нежели у оседлых жителей, систему организации жизненного пространства. Сопо-

ставляя поселения угров и татар, С.К. Патканов заметил: «Если обширные городки татар, хорошо укрепленные и снабженные удобными подъемами, и могли служить убежищем для довольно значительного числа людей, то небольшие и слабо защищенные укрепления остяков могли вместить небольшое число жилищ» [17, С. 101]. Тюркский же традиционный номен юрты распространен по Прииртышью вплоть до Обской губы [25, С. 64].

Следует отметить значимость городков (*юрт, тура/тора/тара, кала*) как сложных социальных организмов, которые отвечали потребностям общества в самоорганизации и имели различную типологию и локальные модификации, согласно естественно-географическим особенностям.

Кроме Искера и Чимги-Туры в летописях указано более 15 городков. Они располагались при устьях рек, впадающих в Иртыш и Тобол: Кызыл-Тура – при впадении Ишима в Иртыш, Княжев городок на Иртыше, Тон-Тура на р. Оми, «заставный Кучумов городок» выше устья Тавды, городок Бегиша на Иртыше, Агитский городок – на Вагае. Кроме того, летописи называют Явлу-Тура, Тархан-кала, Бицик-Тура, Карачин городок, происхождение которых «теряется в веках», а Г.-Ф. Миллер полагал, что они служили убежищами для жен и детей знати [16, С. 196-197]. Важно принимать во внимание, что между размерами сибирских поселений и развитием самосознания «горожан» нет прямой связи. Более того, Г.-Ф. Миллер замечал: деление сибиряков на кочевых и оседлых условно [28, С. 128]. В связи с этим, отметим невозможность использования определения «городской» для характеристики быта сибиряков периода Средневековья и даже после присоединения к России: *«В доиндустриальных обществах быт и производство нераздельно связаны друг с другом, для описания жизнедеятельности людей в таких обществах правомерно использовать более широкую категорию – «уклад жизни». Одним из основных отличий городского быта от жизни людей в традиционно-аграрном обществе является четкое разделение в пространстве и времени производственной и внепроизводственной сфер»* [9, С. 282].

В силу специфического уклада хозяйства в период Средневековья подобного разделения нет и не могло быть. Кроме того, перенесение европейских понятий *город* и *городской быт* на сибирское «поле» выводит за рамки исследования население Ялutorовска, Тары, Кузнецка даже в XIX в.

Среди тюрков бытовало расширенное понятие *Иске юрт* (сиб. татар.), означая *старый народ/улус*, а также *часть деревни* и *первородная почва*. Лексема *юрт*, соответственно, может трактоваться и

как постоянное, и как мобильное поселение, что отражает нестабильность системы расселения и сакрализации *родного* пространства. Во многом это объясняется тем, что земля не имела для кочевника-скотовода и промысловика того сакрального значения, каким обладала для земледельца. Лишь по мере оседания, которое происходило достаточно поздно по сравнению с Поволжьем и Бухарой, земля и поселения на ней обретали иное прагматическое и мифологическое содержание, иногда заимствованное и труднообъяснимое.

Условия возникновения поселений на Руси, в Западной Сибири или Центральной Азии имели различную историю: для одних характерно наличие более развитого ядра (центра) и тесно связанной с ним периферии, которая выполняла защитную функцию; другим присуща иерархическая система оседлых поселений как главных центров сбора податей, а третьим – инновационная для своего времени структура, но, без сомнения, все эти типологически различные формы имеют отношение к мировой культуре как равноценные.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажигали С.Е., Ахметова Ш.К., Толпекко И.В. Поселенческие комплексы казахов Западной Сибири как объект археолого-этнограф. исследований // Интеграция археолог. и этнограф. исследований. Владивосток; Омск, 2000.
2. Алишина Х.Ч. Тюмень – столица деревень // Филологический дискурс. Вып. 2. Тюмень, 2001.
3. Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности. Тр. Москов. археолог. об-ва. Т. 14. М., 1890.
4. Белич И.В. Цымги-Тура. К вопросу о происхождении и значении раннего имени г. Тюмень // Тюрколог. сб. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.
5. Витзен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665: дневник. СПб., 1996.
6. Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: [в 4 ч.]. Ч. 2. СПб., 1776.
7. Гринин Л.Е. Периодизация исторического процесса: автореф. дис. ... к. филос. н. М., 1996.
8. Жерносенко И.А. Тюркское средневековье // Лекции по истории культуры Алтая. Барнаул, 2004.
9. ИЭС: [в 3 т.]. Т. 1. Новосибирск, 2009.
10. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобол. губ. музея. Вып. 5. 1895–1896.
11. Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии: ист. и археолог. исследования. М., 2006.
12. Кульпин Э.С. Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Уде, 2004.
13. Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. Т. XIII. М.; Л., 1950.
14. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008.

15. Материалы по истории казахских ханств XV — XVIII вв.: (извлечения из персидских и тюркских соч.) / сост.: Ибрагимов С.К., Мингулов Н.Н., Пищулина К.А., Юдин В.П. Алма-Ата, 1969.
16. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937.
17. Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1891.
18. Плетнева С.А. Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
19. Рахимбакиев С.З. Наименование территориально-административных единиц и различных поселений человека в «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера // Сулеймановские чтения: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тобольск, 2009.
20. Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982.
21. Резун Д.Я. Урбанизация и история Сибири конца XVI — XVIII вв. // Изв. СО АН СССР. Серия: история, филология, философия. Вып. 3. Новосибирск, 1983.
22. Рянская Э.М., Рянский Ф.Н. Этнокультурное взаимодействие в Среднеобском регионе // «Aus Sibirie»: науч.-информ. сб. Тюмень, 2008.
23. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археолог. материалам). Новосибирск, 2008.
24. Стенографический отчет круглого стола, посвященного проблеме цивилизационного подхода к изучению Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. Вып. 1. Казань, 2008.
25. Тимиров Р.Р. Тюркская топонимия Ингальской долины: дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2009.
26. Тычинских З.А. О хозяйственном укладе тюркского населения Сибирского ханства // История, экономика и культуры средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Междунар. конф. Курган, 2011.
27. Усков И.Ю. О времени поставления Верхнетомского острога // Исторический ежегодник. 2008: сб. науч. тр. Новосибирск, 2008.
28. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999.

* * * * *

УДК 94(4)

Праздников Андрей Геннадьевич
кандидат исторических наук, доцент
заведующий кафедрой истории и философии
Вятская государственная сельскохозяйственная академия
г. Киров
andrei-selek@mail.ru

АНГЛИЙСКИЕ ГОРОДА И ВОЙНЫ РОЗ

Статья посвящена участию английских городов в Войнах Роз. В центре внимания находится роль горожан в военных действиях. Другой важный аспект — это личные и финансовые связи горожан с монархией и лордами.

Ключевые слова: войны Роз, английские города.

Prazdnikov Andrey Gennadjevich
candidate of historical sciences, associate professor
head of the chair of history and philosophy
Vyatka State Agricultural Academy
Kirov
andrei-selek@mail.ru

ENGLISH TOWNS AND THE WARS OF THE ROSES

The article devoted to the participation of English towns in the Wars of the Roses. There is a role of the townspeople in military actions in the center of attention. Other prominent aspect are personal and financial connections of the townspeople with a monarchy and lords.

Keywords: the Wars of the Roses, English Towns.

Социально-политический конфликт второй половины XV века, известный под названием Войн Роз, стал рубежом в истории Англии, разделяющим две эпохи — Средневековье и раннее Новое время. Ход этих событий затронул все сферы английского общества, и город не стал в этом плане исключением. Хотя темы экономического и социального развития городов в рассматриваемый период постоянно находятся в центре внимания историков, попытки целостного освещения феномена урбанизма в условиях этих войн фактически отсутствуют. Первая и единственная из них была предпринята в 1921 г. американским историком Джеймсом Уинстоном, написавшим диссертацию «Английские города в Войнах Роз» [25]. Автором данной статьи уже предпринимались попытки изучения отдельных сторон истории городов Англии во второй половине XV столетия и их взаимодействия с различными группами общества. Эта работа призвана обобщить тот разрозненный опыт, а также дополнить уже известную информацию новыми сведениями, подчерпнутыми из источников, не использованных ранее.

Прежде всего, необходимо представить английскую городскую систему во второй половине XV в. В Англии было более 700 городов, из которых до 50 можно считать городами крупного и среднего размера, от 2 тыс. чел. и более. Крупнейшим городом был Лондон, чье население могло достигать 50–75 тыс. чел. Также к наиболее значительным центрам относились Йорк, Ковентри, Бристоль, Кентерберри, Линкольн, Норич, Ньюкасл и другие. Структура урбанизма не была равномерной. Преобладали Юг, Центр и Восток, где на 1 тыс. кв. км приходилось от 5,4 до 7,4 городов. Север и Запад были менее урбанизированными: тут аналогичный показатель колебался от 2,9 до 4,7. Общая же численность городского населения

насчитывала приблизительно 800 тыс. чел., что составляло около 20% населения страны [28].

В средневековой Англии, как и в других странах, жизнь горожан была часто связана с войной. В случае угрозы горожане сами должны были обеспечивать свою безопасность, поэтому каждый горожанин должен был иметь оружие и доспех, и, таким образом, являлся потенциальным воином. Города обладали системой защитных укреплений, которая включала стены, рвы, огнестрельное оружие и другое. Кроме того, по королевскому приказу города могли быть обязаны выставить отряд определенной численности и/или собрать средства на его организацию [11, С. 127-132]. Это объясняет, почему как корона, так и лорды активно привлекали на свою сторону городские контингенты. Было установлено, что в сражениях Войн Роз принимали участие военные формирования не менее чем из 26 городов. Обычно они насчитывали от 20 до 40 чел. (что соответствовало отряду рыцаря или барона [12, С. 104, 108, 110]), но есть информация, что могли достигать даже 1 тыс. чел. [7, С. 291].

Прямое столкновение армий Ланкастеров и Йорков произошло в середине 50-х гг. XV в. Однако уже в первой половине этого десятилетия, которое стало своеобразной прелюдией к последующим событиям, горожане оказывались вовлеченными в вооруженные столкновения приверженцев враждующих сторон. В феврале 1452 г. во время выступления герцога Ричарда Йорка Ладлоу стал местом сосредоточения его сил. Отсюда йоркисты выступили к Шрусбери. Жителям последнего 3 февраля было направлено письмо с призывом о присоединении, в котором герцог убеждал горожан в том, что те, кто присоединиться к нему «не сделают никакого нарушения, ни грабежа, ни притеснения людей, ни повреждения правосудия» [4, XLII]. Послание возымело действие: ворота города были открыты, герцогу было предоставлено некоторое подкрепление людьми и деньгами [27, С. 129]. 24 августа 1453 г. между магнатскими домами Невиллей и Перси произошло сражение при Хевиот-Мур (в одной или двух милях к северо-западу от Йорка). Силы Перси в нем включали более 100 йоркских горожан [9, С. 208]. Когда осенью 1455 г. между Томасом Куртене графом Девона и лордом Уильямом Бонвилем разгорелся конфликт, вылившийся в сражение при Клист-Хит, горожане Экзетера поддержали лорда Бонвиля [25, С. 40].

Свои сторонники среди горожан были и у Ланкастеров. Так, например, поддержку Генриху VI выражал Кингстон-на-Гулле. В 1454 г. он предоставил королю 100 ф., а в 1457 г. обеспечил его 50 лучниками против ожидаемого вторжения йоркистов [23]. Оплотом Ланкастеров в это время был Ковентри. Это объясняет заботу правительства об укреплении боеспособности города. В 1449 г. в

Ковентри был оглашен королевский приказ о необходимости всем жителям иметь оружие, состоящее из кожаного доспеха или кольчуги, шлема-салада и лука со стрелами. У мэра города в наличии должно было быть четыре таких комплекта, у бейлифа – три, у рикордера – два. Далее были поименно перечислены члены 24 гильдий, обязанные в общей сложности иметь 684 комплекта вооружений [5, С. 244-252]. Правда, реальные возможности горожан были не столь масштабны. В 1455 г. Генрих VI потребовал от горожан прислать к нему для участия в предстоящей битве отряд солдат. По решению мэра и совета было набрано 100 легковооруженных лучников под командованием Уильяма Тибеаудиса. Для них было изготовлено знамя и зелено-красные костюмы. Однако отряд так и не был отправлен из города, так как королевское письмо было доставлено в Ковентри лишь 22 мая – в самый день битвы при Сент-Олбанс [5, С. 282-283]. Как показали дальнейшие события, город являлся важным стратегическим центром, и горожане заботились об усилении его обороноспособности. 27 марта 1451 г. городскими властями были приняты решения очистить ров, установить во всех воротах опускаемые решетки, повесить в различных местах железные цепи и создать черный ход, ведущий за стены [5, С. 256-259]. 20 июня того же года было решено заказать в Бристолe четыре пушки: два больших серпантина и два маленьких орудия (для этой цели было выделено 6 ф. 5 ш. 7 п.) [5, С. 260]. В Бристолe, откуда были заказаны пушки, в 1450 г. городской совет также вынес решение о ремонте стен [10, С. I, 129].

Обычно горожане руководствовались в своих политических симпатиях практическими соображениями. Так, например, города южной прибрежной конфедерации Пяти Портов последовательно поддерживали Ричарда Невилла, графа Уорика, за его покровительство и защиту от нападений французского флота. Недовольство безразличием правительства Ланкастеров в деле защиты побережья, наоборот, усилилось после того, как франко-нормандский флот в 1457 г. разорил Сэндвич. Симпатии столицы тоже были на стороне популярного графа. В лондонской хронике Роберта Бэйла о нападении на Сэндвич сказано, что враги совершили его «без упрека и вреда для них», имея в виду действия правительства. Не случайно сразу после этого записано, что Лондон нанял 500 чел., которые под командованием сэра Роберта Чемберлена отправились на помощь графу Уорик в Кале [19, С. 144-145]. Своими действиями на море, по словам Бэйла, граф Уорик «заслужил репутацию самого знаменитого рыцаря среди живущих» [19, С. 147]. Недовольство городов политикой правительства осознавалось и лидерами оппозиции. В своем письме 3 февраля 1452 г. к жителям Шрусбери герцог Ричард

Йорк убеждал их в своей лояльности к Генриху VI, но обвинял его фаворита – Эдмунда Бофора, герцога Сомерсета, «который поощрял врагов короля завоевать Гасконь и Гиень, и теперь они ежедневно планируют осадить Кале и другие места той территории» [15, С. 97]. Опасность потерять Кале, через который осуществлялась значительная часть торговых связей с континентом, для горожан была очень существенной, и герцог это прекрасно осознавал.

Некоторые города оказывались вовлечены в борьбу династий в связи с тем, что на их территории (или вблизи этой территории) происходили сражения (Сент-Олбанс в 1455 и 1461 гг., Ладлоу в 1459 г., Нортгемптон в 1460 г., Барнет и Тьюксбери в 1471 г.) или важные политические события (Ковентри в 1459 г., Лондон на протяжении всего периода, но особенно в 1460, 1461, 1470–1471, 1483 гг.).

В январе 1461 г. армия королевы Маргариты (Генрих VI тогда находился в плену у йоркистов), усиленная шотландцами, начинает путь на юг. Во время марша на юг ланкастерские солдаты разграбили Грэнтам, Стамфорд, Питерборо, Хантингдон, Мелбурн и Ройстон [2, С. 155]. Город Стамфорд был разорен отрядом под командованием Эндрю Троллопа, причем разрушены были даже некоторые церкви. Видимо, этот город имел сильные йоркистские симпатии, так как герцог Йорк был его сеньором [25, С. 64]. Этот грабительский поход, больше похожий на действия оккупационных войск в земле врага, дорого обошелся Маргарите Анжуйской, так как многие города, ранее склонявшиеся на сторону Ланкастеров, теперь решительно стали поддерживать Йорков. Когда ланкастерско-шотландская армия подступила к Лондону, горожане отказались ее впустить не столько в силу большой преданности делу Йорков, но скорее из-за слухов относительно армии Маргариты Анжуйской, согласно которым королева обещала северянам отдать на разграбление всю страну к югу от Трента, в том числе сам Лондон, а также Солсбери, Бристоль и Ковентри [6, С. 108-109].

Решающее сражение между Ланкастерами и Йорками произошло при Тоутоне 29 марта 1461 г. На стороне Эдуарда IV было немало городских отрядов, представленных Бристолем, Кентербери, Ковентри, Глостером, Лестером, Ноттингемом, Вустером, Ноттингемом. Из названных городов может вызвать удивление появление на стороне йоркистов контингента из Ковентри, который ранее был одним из наиболее надежных оплотов Ланкастеров. Действительно, горожане выставили в битву 100 воинов, для которых было собрано 80 ф. ст. [4, С. 315] (возможно, они впоследствии сражались с Эдуардом IV на севере [25, С. 23]). И даже уже 18 февраля 1461 г. горожане отправили йоркистам 100 ф., не смотря на требование принца Уэльсского оказать помощь его эмиссарам [4, С. 313]. Возможными

причинами смены лояльности могли стать все те же действия войск Маргариты во время их шествия на юг [13, С. 400] (в упомянутых выше слухах город фигурировал в качестве одной из предполагаемых жертв грабежа, намеченных королевой для утоления ненависти к южанам ее северных соратников), а также произошедшая незадолго до этого смерть видного члена партии Ланкастеров герцога Бэкингема, пользовавшегося в городе большим авторитетом.

Переход власти к новой династии, таким образом, выглядит как результат поддержки Эдуарда Йорка разными частями общества, в том числе большинством ведущих городов Англии.

Помимо военных контингентов города также обеспечивали кораблями королевский флот. Эта практика была обычной для Англии, где государство практически не располагало собственным флотом: в случае торговой или военной надобности его должны были формировать города и частные лица. Так, Саутгемптон должен был постоянно содержать на свои средства для короля судно «*le Grace de Dieu*» («Милость Бога»). В 1460-1461 гг. на его содержание мэром было выплачено 31 ф. 10 ш., в 1461-1462 гг. – 68 ф. 5 ш. 10 п. [7, С. 85-86]. Впоследствии, в 1470 г. горожане отказались делать эти выплаты. Их должны были осуществлять шерифы из своих доходов, за что они получали компенсации [14, С. 100-101]. 17 ноября 1472 г. Эдуард IV потребовал от мэра Саутгемптона осуществить причитающиеся выплаты казначею судна Джону Пейнтеру, однако, как следует из другого гневного послания от 4 января 1473 г., они так и не были возобновлены [14, С. 98-99].

Вскоре после битвы при Уэйкфилде мэр и совет Бристоля послали по приказу Эдуарда IV корабли (стоимостью 500 марок) против Джаспера Тюдора графа Пемброка [25, С. 20]. В 1462 г. горожане Солсбери предоставили во флот адмирала Англии графа Кента судно «Троица», находившееся в порту Лимингтон [22]. Жители Норича также в том году предоставили королю за свой счет два судна. Одно из них принадлежало городу, другое, под названием «Катерина», было нанято в Линне (из 80 солдат на нем половину содержал король, еще 40 чел. – горожане) [17, С. 95-96]. Ярмут предоставил судно «*le Barge*», оснащенное, снабженное мастерами, командой и продуктами питания [3, С. 206].

Завершающий этап Войн Роз начинается в 1483 г. после скоропостижной смерти Эдуарда IV. Ему должен был наследовать сын Эдуард V, на 22 июня была назначена коронация. Ситуация меняется, когда 9 июня на заседании королевского Совета в Вестминстере епископ Бата Джон Стиллингтон заявил, что брак Эдуарда IV и Елизаветы Вудвилл был незаконным, так как король к этому времени был тайно женат (или помолвлен) на Элеоноре Батлер, а

значит дети, рожденные в таком браке, – незаконнорожденные и не могут иметь прав на корону. В этой ситуации наследником Эдуарда IV должен быть его брат Ричард Глостер.

Уже 10 июня герцог Глостер, являвшийся главой Северного Совета, из Лондона отправляет мэру и олдерменам Йорка письмо следующего содержания. «Надёжные и возлюбленные, мы сердечно приветствуем вас, и, поскольку вы беспокоитесь о нашем благополучии и своем собственном благе и безопасности, мы сердечно просим вас прибыть к нам в Лондон со всем усердием, на которое вы будете способны после того, как прочитаете это письмо, и с таким количеством людей, которое вы сможете вооружить, чтобы помочь нам против королевы, ее кровных родственников и сторонников, которые намеревались, и в любой день собираются, убить нас и нашего кузена, герцога Бэкингема, и уничтожить старую королевскую кровь этого королевства. И, как теперь известно, коварными и омерзительными способами они готовят это, и также в итоге уничтожат и лишат наследства вас и всех других людей из северных стран и других графств, которые принадлежат нам, собственности и чести. Как наш испытанный слуга, сей предьявитель [сэр Ричард Рэтклиф] расскажет вам больше, чтобы вы поверили этим словам, и во имя того, что мы сделали для вас, поспешите к нам, чтобы не допустить нашего падения» [7, С. 148-150]. 15 июня 1483 г. это письмо было получено, после чего в течение двух дней горожане решили отправить 200 вооруженных всадников из Йорка и 100 чел. из Эйнсти под командованием капитанов Томаса Врэнгвиша, Уильяма Уэллса, Роберта Хэнкока, Джона Хэга, Ричарда Мэйстона и Уильяма Уайта в Понтефракт, где граф Нортумберленд собирал армию для Ричарда. Жалование солдат составило 12 п. в день [7, С. 150-151]. Туда же было отправлено 18 чел. из Гуллы для содержания которых в течение 20 дней была выделена сумма 63 ш. 4 п. [1]. Хронист Роберт Фабиан с определенной долей сарказма, свойственной для столичного жителя, к тому же писавшего во время правления Тюдора, так описывает прибытие этих сил в Лондон: «Тогда из страха перед родичами королевы и другими людьми, которых он [Ричард III] подозревал, он послал за людьми Севера, которые вскоре прибыли в Лондон незадолго перед его коронацией и были собраны в Мур Филдс в количестве около 4000 человек, в их лучших жакетах и ржавых саладах, немногие в белых доспехах, не начищенных для продажи. И вскоре после его коронации они вернулись домой с достаточной наградой за свои муки» [8, С. 669]. Упомянутая коронация Ричарда III состоялась 6 июля в Вестминстере. Таким образом, северные города оказали значительную помощь новому монарху при его восшествии на престол.

Чтобы упрочить свое положение в стране Ричард III после своей коронации отправляется в первое путешествие, совершенное им уже в новом качестве, останавливаясь в основных городах, таких как Оксфорд, Глостер, Тьюксбери, Вустер, Уорик, Ковентри, Лестер, Ноттингем, Донкастер, Понтефракт. 31 августа он прибывает в Йорк, где остается более месяца. Именно тут 8 сентября сын Ричарда, Эдуард, был провозглашен принцем Уэльским. Ричард III все еще находился на севере Англии, когда узнал о том, что 12 октября в Брекноке на уэльсской границе поднял восстание один из его ближайших соратников, герцог Бэкингем. Помимо Брекнока, мятежи вспыхнули еще в целом ряде графств и городов Южной Англии. Ричард III устремился туда, и контингенты верных северных городов сопровождали его. Капитаном йоркского отряда вновь стал Томас Врэнгвиш, его помощниками Ричард Мэйстон и Уильям Уайт, среди солдат упомянуты портной Джон Баркер, кузнец Томас Нелсон, изготовитель кордовских кож Джон Кей [7, С. 178, 183]. В Гулле собрали 23 ф. для найма 24 солдат [23]. 2 ноября герцог Бэкингем был казнен на рыночной площади Солсбери в присутствии короля, а 9 ноября Ричард III вернулся в Лондон.

Обстоятельства, при которых Ричард III пришел к власти явились основанием того, что против его режима сложилась достаточно значительная оппозиция. Лондонский джентльмен Саймон Столворт так характеризует настроение, царившее в Лондоне в июне 1483 г., в своем письме сэру Уильяму Стонору: «Я просто счастлив, что вас здесь нет, потому что здесь творятся ужасные вещи, и каждый человек подозревает другого...» [20, С. 161]. Усугубляли ситуацию и слухи о трагической смерти в Тауэре двух принцев, племянников Ричарда – несостоявшегося короля Эдуарда V и его младшего брата герцога Йоркского (вопрос о «принцах Тауэра» до сих пор является одной из самых загадочных тайн английской истории, поэтому данные слухи могли не иметь под собой объективных оснований, но они имели вполне реальные последствия). Центром враждебной по отношению к Ричарду III эмиграции стала Бретань, а затем Франция, а ее лидером – Генрих Тюдор, племянник Генриха VI. 7 августа 1485 г. Генрих с армией, в которую помимо английских эмигрантов также входили французы и шотландцы, высадился в уэльсской гавани Милфорд Бэй. Так как династия Тюдоров происходила из Уэльса, к нему присоединилось много жителей этой страны. Из англичан на его стороне оказались те, кто был близок к лорду Стэнли, мужу матери Генриха Маргариты Бофор и, как показали дальнейшие события, тайному союзнику нового претендента на английский престол. Так, на стороне Тюдора оказались симпатии горожан Честера, мэр которого в

1484-1486 гг. сэр Джон Сэвэдж имел близкие связи с лордом Стэнли, а его сын, тоже сэр Джон, командовал левым крылом Генриха Тюдора при Босворте. Сержант квартала Бриджгейт Уильям Тротбек тоже сражался на стороне Генриха в этой битве. В благодарность Генрих, став королем, сократил фирму города до 20 ф. [21].

Решающая битва произошла 22 августа 1485 г. при Босворте. О наличии в армии Ричарда III городских контингентов можно только догадываться. К месту сражения он двинулся из Ноттингема через Лестер. Не исключено, что эти крупные города предоставили ему некоторые отряды. В отчете чемберлена Ноттингема за 12 августа 1485 г. сохранилось упоминание о выделении средств для ремонта ворот, поврежденных солдатами армии Ричарда III [16, С. 230-231]. 19 августа из Йорка вышли 80 чел. под командованием джентльмена Джона Хастинга на помощь Ричарду, но они опоздали к битве (было предусмотрено, что отряд будет находиться в пути 10 дней, в течение которых каждый солдат получит по 10 ш., т.е. по 12 п. в день) [7, С. 61-65].

Генрих Тюдор одержал победу при Босворте благодаря поддержке лорда Стэнли, Ричард III был убит. Города, еще недавно поддерживавшие династию Йорков, спешили изъяснить покорность новому монарху. Именно с этой целью уже 25 августа депутация из Йорка отправилась к Генриху VII. 4 сентября он подтвердил все права и привилегии города [7, С. 61-65]. 26-29 августа к нему с той же целью была направлена депутация из Ноттингема [16, С. 245].

Последний эпизод Войн Роз связан с восстанием Ламбета Симнела. Этот самозванец объявил себя племянником Эдуарда IV и Ричарда III и выступил под именем Эдуарда VI. Он прибыл из Ирландии в Ланкашир и направился к Йорку [26, С. 25]. Однако ворота города оказались закрыты для самозванца [18, С. 50]. В сражении при Стоуке 16 июня 1487 г. инсургент был разгромлен. Известно, что в армии Генриха VII должны были находиться солдаты из Гуллы [23].

Таким образом, в итоге Войн Роз пресеклись обе враждующие династии – Ланкастеров и Йорков – и к власти пришли Тюдоры. Но это была не просто феодальная междоусобица, Войны Роз явились примером гражданского противостояния, результатом которого стало изменение характера общественной структуры английского общества. К основным их последствиям обычно относят ликвидацию многих феодальных порядков, разорение старых аристократических родов и усиление позиций так называемого «нового дворянства», ослабление роли парламента и начало формирования абсолютизма, зарождение капиталистического уклада, в частности связанного с началом массовых огораживаний. Процессы, вызванные войнами, затронули все слои общества, и, таким

образом, сделали их своими вольными или невольными участниками. Сказанное в полной мере касается городского класса.

Мы видели, что горожане принимали самое непосредственное участие в военных действиях на протяжении более трех десятков лет. Бытует мнение, что это участие было незначительным и второстепенным по сравнению с влиянием на исход борьбы дворянского сословия. Даже если это так, участие городов в Войнах Роз нельзя считать незначительным или пассивным, а сами войны оказали на развитие городов немаловажное влияние.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bench Book, Hull City Record Office BB 3A fl33v // The Richard III Foundation, Inc. URL: <http://www.richard111.com/>
2. Brief Notes // Three Fifteenth-Century Chronicles / Ed. by J. Gairdner. London, 1880.
3. Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Edward IV (1461–1467). London, 1897.
4. The Chronicles of the White Rose of York. London, 1845.
5. Coventry Leet Book or Mayor's Register, 1420-1555. Part 1 / Ed. by M.D. Harris. London, 1907.
6. An English Chronicle of the reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI written before the year 1471 / Ed. by J.S. Davies. London, 1856.
7. Extracts from the Municipal Records of the City of York, During the Reigns of Edward IV, Edward V, and Richard III / Ed. by R. Davies. London, 1843.
8. Fabyan R. The New Chronicles of England and France. London, 1811.
9. Goodman A. The Wars of the Roses: Military activity and English society (1452-1497). London, 1981.
10. The Great Red Book of Bristol. V.1 / Ed. by E.W.W. Weal. Bristol, 1931.
11. Green A.S. Town Life in the Fifteenth Century. V. I. London, New York, 1907.
12. The Household of the Edward IV: the Black Book and the Ordinance of the 1478 / Ed. by A. R. Myers. Manchester, 1971.
13. Jacob E.F. The Fifteenth Century, 1399–1485. Oxford, 1961.
14. The Manuscripts of the Corporation of Southampton and King's Linn. London, 1887.
15. The Paston Letters, 1422-1509. Vol. 1 / Ed. by J. Gairdner. London, 1904.
16. Records of the Borough of Nottingham. V. 3 (1485–1547) / Ed. by W.H. Stevenson. London; Nottingham, 1885.
17. The Records of the City of Norwich. Vol.2 / Ed. by W. Hudson and J.C. Tingey. Norwich, 1910.
18. The Reign of Henry VII from Contemporary Sources. Vol. 1 / Ed. by F. Pollard. London, 1913.
19. Robert Bale's Chronicle // Six Town Chronicles of England / Ed. by R. Flenley. Oxford, 1911.
20. Stonor Letters & Papers 1290-1483. Vol. 2 / Ed. by C.L. Kingsford. London, 1919.
21. Victoria County History. A History of the County of Chester. Vol. V (i). The City of Chester: General History and Topography. London, 2003. URL: <http://www.british-history.ac.uk/report.asp?compid=19188>
22. Victoria County History. A History of the County of Hampshire. Vol. 4. The borough of Lymington / Ed. by W. Page. London, 1911. URL: <http://www.british-history.ac.uk/report.asp?compid=56902>
23. Victoria County History. A History of the County of York East Riding. Vol. 1. The City of Kingston upon Hull / Ed. by K.J. Allison. London, 1969.

24. Victoria County History. A History of the County of Yorkshire: the City of York / Ed. by P.M. Tillott. L., 1961 URL: <http://www.british-history.ac.uk/source.asp?pubid=183>
25. Winston J.E. English Towns in the Wars of the Roses. Princeton, 1921.
26. Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. М., 1990.
27. Кузнецов Е.В. Борьба магнатских партий в Англии в 50-е гг. XV в.: Политическая программа Йоркской партии // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Вып. 46. Горький, 1959.
28. Праздников А.Г. Английский город XIV–XV веков: социальная структура и менталитет. Киров, 2007.

* * * * *

УДК 930.1

Сукина Людмила Борисовна*доктор исторических наук, профессор**Сергиево-Посадский филиал**Московский государственный гуманитарный университет**им. М.А. Шолохова**г. Сергиев Посад**lbsukina@gmail.com*

ХРОНОТОП «ГОРОДА» В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ X–XVII ВВ.

В статье проблема «городской» истории и культуры допетровской Руси рассматривается через призму хронотопа «город» (хронотоп – концепт времени и пространства, включающий в себя материальную и духовную реальность). Выявляется специфика исторического изменения русского города и формирования городского образа жизни от древней Руси до России раннего нового времени.

Ключевые слова: хронотоп, русский город, историческая урбанистика, культурный смысл

Sukina Lyudmila Borisovna*doctor of historical sciences, professor**Sergiev Posad branch of Moscow State University**for Humanities named after M. A. Sholokhov**Sergiev Posad**lbsukina@gmail.com*

«CITY» CHRONOTOPOS IN RUSSIAN HISTORY AND CULTURE OF THE 10-17TH CENTURIES

In the article the problem «urban» history and culture of preceding Peter the Great Russia is examined through the prism of the chr-

onotop «city» (chronotop – concept of time and space, which includes material and spiritual reality). The specific character of an historical change of the Russian city and formation of the urban way of life from ancient Russia to Russia of the early new time is revealed.

Keywords: Chronotopos, Russian city, history of urbanization, cultural meaning.

Город, как историко-культурный феномен – один из важнейших объектов изучения в исторической урбанистике. Город – это не только крупный населенный пункт, административный, торговый, производственный и культурный центр определенной территории, на которой живут люди, но и историко-культурное понятие, наделенное определенным качественным смыслом, выступающее в нашем сознании в роли социального маркера исторической памяти. Например, еще с начальной школы, мы усваиваем «прописную истину», что Древняя Русь называлась в скандинавских хрониках «Гардарикой» – страной городов. Но что такое древнерусский или русский средневековый город? В чем состояла специфика «городского» образа жизни и мировосприятия в этот период?

Один из способов приблизиться к ответу на данный вопрос – рассмотреть проблему «городской» истории и культуры допетровской Руси через призму хронотопа «город», выявив его черты, имманентные указанному хронологическому периоду. Смыслом используемого современной гуманитаристикой концепта «хронотоп» (дословно время-пространство) является единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного культурного смысла. Впервые термин «хронотоп» был использован известным русским психологом А.А. Ухтомским. Широкое распространение получил в литературоведении и эстетике благодаря трудам М.М. Бахтина, в исторической медиэвистике в работах А.Я. Гуревича. В историческом и культурологическом дискурсе хронотоп включает в себя одновременно материальную и духовную реальность, в центре которой находится человек [11; 13].

Привычная для нас социальная и культурная оппозиция «город-село» подразумевает противопоставление двух образов жизни, двух типов ментальности, отличающихся друг от друга специфическими чертами, в том числе восприятием времени (лимитированного, динамичного в городе и неспешно текущего, сезонно обусловленного в селе) и пространства (ограниченного в городах и бескрайнего в сельской местности). Современному человеку кажется, что так было всегда, по крайней мере, с тех самых пор, когда появились города. При этом зачастую мы просто воспроизводим мыслительную установку, сложившуюся в рамках нововременной

парадигмы исторического и социологического знания. Однако ретроспективный взгляд в прошлое русской культуры заставляет задуматься, были ли различия городского и сельского типов картины мира выражены с такой же степенью очевидности и до начала Нового времени нашей истории.

С проблемой описания образа жизни, системы взглядов, привычек, обычаев и культурных традиций населения средневекового русского города исследователи сталкивались давно, но стремились не столько разобраться в ней, сколько обойти. В этом отношении примечательна известная монография М.Г. Рабиновича «Очерки этнографии русского феодального города», в которой общественный и домашний быт горожан XI–XIX вв. реконструируется, как правило, на основе источников XVII–XVIII и XIX столетий [17]. Предельно широкую хронологию своего труда автор объяснял желанием «проследить явления городской жизни в их развитии, показать, как сложился тот городской быт, который исследователи застали в середине XIX в.» [17, С. 14]. Явный перекося в пользу данных, извлеченных из поздних источников, М.Г. Рабинович оправдывал отсутствием более ранних текстов, которые он пытался заменить, где это было возможно, археологическими материалами. Но, в результате, в большинстве случаев, это привело к невольной экстраполяции этнографической ситуации XVII–XVIII вв. на древнерусский период.

Похожая проблема знакома и медиэвистам, пытающимся исследовать городскую жизнь европейского средневековья. Но, обладая большим теоретическим опытом, они более аккуратны в терминологическом отношении и предпочитают говорить о «народной» культуре того времени вообще, не разделяя ее резко на городскую и сельскую. Они находят другие оппозиции: народное – аристократическое, светское – церковное.

Археологический материал, к которому апеллировал М.Г. Рабинович в описании жизни и быта горожан XI–XV вв., тоже не дает возможности однозначно определить, в чем состояла специфика городского образа жизни этого времени. Сами археологи уже несколько десятилетий обсуждают вопрос, какое поселение следует считать городом, какие типы городов существовали в средневековой Руси.

Составители «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» среди значений слов «городъ», «градъ», «гродъ» и уменьшительных производных от них указывают «крепостная стена, крепость, оборонительное сооружение», «укрепленный населенный пункт, город» [18, С. 357–359, 360, 378–379, 392]. Прделанная ими исследовательская работа подтверждает справедливость суждения Н. Ходаковского, высказанного еще в первой половине XIX в., что в культуре Древней Руси «город или град есть просто ограда, венец,

круг, черта, объятия». Однако можно согласиться и с претензиями тех исследователей, которых в таком понимании древнерусского города не устраивает отсутствие социально-экономических, политических, культурных характеристик. Эти характеристики были учтены в концепциях возникновения древнерусских городов, сформулированных во второй половине XX века.

Такова «экономическая» теория происхождения города М.Н. Тихомирова. Согласно ей, город – это постоянный населенный пункт, возникший в земледельческом районе, население которого способно прокормить его жителей, и где сконцентрировано ремесло и торговля. Древнерусский город у М.Н. Тихомирова объединен в торгово-экономическую систему с окружающей его сельской территорией (например, древние Ростов, Суздаль). Товарооборот производимых в данной местности ремесленных изделий и сельскохозяйственных продуктов происходит в основном внутри самой этой системы. Транзитную торговлю М.Н. Тихомиров не считал существенным фактором генезиса древнерусского города [22].

«Замковая теория» М.Ю. Брайчевского строится на суждении, что большинство древнерусских городов выросло из раннефеодальных крепостей, утверждавших на данной территории власть того или иного князя. Таковыми, например, были все города, построенные в Суздальщине князем Юрием Долгоруким (средневековые Юрьев Польский, Дмитров, Переславль-Залесский и др.) [1].

«Синтетическая» концепция принадлежит Н.Н. Воронину. Она подразумевает множественность путей возникновения и развития древнерусских городов (на основе торгово-ремесленных поселков на сельских территориях; в результате слияния нескольких сельских поселений; вокруг княжеских крепостей). Соответственно, эта теория предполагает и многообразие типов древнерусских городов [2].

Следует отметить, что ни одна из этих концепций, каждая из которых до сих пор имеет как своих приверженцев, так и своих противников, не дает ответа на вопрос, в чем же состояла специфика образа жизни населения древнерусского города по сравнению с жителями сельских поселений [9]. Предположительно, большинство древнерусских горожан должны были заниматься ремеслом и (или) торговлей и обмениваться произведенными или привезенными из других, ближних и дальних городов продуктами с окрестным крестьянством. Занималось ли этим население княжеских городов-крепостей или в его функции входили какие-то другие виды деятельности (например, обеспечивать быт княжеских дружинников и воинов), донныне остается неясным. Как выстраивались взаимоотношения между князем или его наместником, горожанами и окружающим сельским населением тоже пока не вполне понятно.

Материалы археологических раскопок показывают, что в древности горожане занимались земледелием и скотоводством, а сельское население производило для своих нужд «ремесленные» изделия: керамические сосуды, орудия труда, грубые ткани, простейшая одежда. Археологи и историки культуры отмечают в городском и сельском типах средневековой «производственной» деятельности только одно отличие – изготовление ювелирных изделий, требовавшее специальных профессиональных навыков, возможных только при узкой специализации мастера, было сосредоточено в городах.

Любопытной представляется концепция древнерусского «города-государства» И.Я. Фроянова. По И.Я. Фроянову, в результате длительного процесса разложения родоплеменных отношений в Древней Руси на рубеже X–XI вв. складываются «городские волости», в состав которых входят главный город, его пригороды – населенные пункты городского типа и сельская округа. Эти волости управляются посредством «вечевой демократии». Во второй половине XII в. в Северо-Восточной Руси вечевые принципы вынуждены были уступить свое место княжескому правлению «монархического» типа. Дальнейшее развитие древнерусских городов-государств было остановлено татаро-монгольским нашествием [23, С. 216–243].

Этой концепции не противоречит и мнение крупного специалиста по этнографии средневекового города В.П. Даркевича, что на Востоке Европы, как и на ее Западе город представлял собой сложную модель, своего рода микрокосм бытовой жизни населения целой округи. Вокруг основного ядра, окруженного крепостными стенами, кругами располагались хозяйственные зоны. Первый круг – сады, огороды и молочные хозяйства, вплотную подходящие к защищенной крепостью территории и даже проникающие внутрь нее, занимая все свободные кусочки между домами горожан. Второй и третий круги – поля, засеянные зерновыми культурами и пастбища для скота [8].

Все историки сходятся во мнении, что главным отличием города от сельского поселения является наличие крепостных сооружений. Города также отличались от так называемых «пригородов», также имевших крепостные стены. Все административное управление округой было сосредоточено в городе, а «пригород» служил, в основном, еще одним укрепленным пунктом данной территории, но не имел самостоятельных административных функций.

Уточним, что развитие русского средневекового города после монгольского нашествия середины XIII в. было не только остановлено, но и как бы законсервировано на следующие два-три столетия. Любопытно, что это состояние уже давно интуитивно улавливается историками русской культуры и древнерусского искусства. Указанная

ситуация фиксируется в исследовательской терминологии. Принято говорить и писать не о культуре того или иного города, а о культуре «земли» (Новгородская земля, Суздальская земля, Рязанская земля и т.п.), в понятие которой входит не только главный город данной территории, но и другие крупные населенные пункты, монастыри. Именно в последних, а не в городах, зачастую были сконцентрированы характерные для данной «земли» памятники письменности, архитектуры, искусства, позволяющие судить о ее культурном, политическом, социальном своеобразии и связях с другими «землями».

Монастыри, князья и землевладельческая знать определяют и, выражаясь современным языком, «культурную политику» той «земли», на которой они находятся или которой владеют. Они выступают донаторами строительства храмов, создания рукописных книг, икон, произведений декоративно-прикладного искусства, в том числе и в городах.

Конечно, в качестве ярчайшего примера наличия специфики городского образа жизни в Древней Руси могут привести существования в городах «веча». Но, как справедливо отмечает И.Н. Данилевский: «Вече – один из самых известных и в то же время самых загадочных институтов Древней Руси. Все знают, что это орган русского «народоправства». Но что касается реального наполнения данного термина в древнерусских источниках, то исследователи расходятся по целому ряду принципиальных вопросов» [6, С. 86]. И.Н. Данилевский подчеркивает, что до сих пор остается неясным, когда возникло вече как политический институт, каков был социальный состав его участников, какие стороны жизни города и княжества входили в его компетенцию, как широко были распространены вечевые порядки на территории древнерусских земель. Скорее всего, историческая наука до сих пор сильно преувеличивала государственную и социальную роль вечевых собраний в городах Древней Руси. Судьба вече в разных регионах была различна: на Северо-Западе (в Пскове и Новгороде) в XII–XIV вв. оно пережило расцвет, а на Северо-Востоке (Великое княжество Владимирское), начиная с XII в. вечевая активность горожан постепенно сходила на нет.

Город-государство или «земля» в Древней Руси и в эпоху русского Средневековья существовали в пространстве единого для всех христиан «библейского» времени, которое двигалось по кругу от Сотворения мира к Концу света. Одновременно, «библейское» время циклично, что связано с повторяемостью в течение календарного года церковных праздников, во время которых всякий раз вновь и вновь люди вспоминали о событиях, совершавшихся в далеком прошлом, и описанных в Ветхом и Новом Заветах, но для христианина вечно актуальных и современных. Год представлялся

человеку Средневековья не сменой дней, недель и месяцев, а «Летом Господним», в котором временные промежутки измерялись праздниками и постами. К ним был привязан даже сельскохозяйственный календарь.

Вот как описал «библейское» время А.Я. Гуревич: «Библейское время – не преходящее; оно представляет абсолютную ценность. С актом искупления, совершенного Христом, время обрело особую двойственность: «сроки» близки или уже «исполнились», время достигло «полноты», наступили «последние времена» или «конец веков», – царство божие уже существует, но вместе с тем время еще не завершилось, и царство божие остается для людей окончательным исходом, целью, к достижению которой они должны стремиться» [4, С. 119]. И горожане, и сельские жители русского Средневековья пребывали в ожидании Конца света, сроки которого все время «назначались» и «переносились» христианскими богословами.

Время внутри суток зависело от времени года, от того – ранними или поздними были рассветы и закаты. Так выражение «три часа дня» для человека Средневековья означало совсем не то, что оно значит для нас, ибо день начинался с первыми лучами солнца, а заканчивался с наступлением темноты. Но, главное, что и это время было одинаковым для населения городов и сел, так как все они поднимались в один и тот же час, чтобы выгнать скотину на пастбище или идти на покос.

Первые признаки начала нового этапа в истории русских городов появились в XIV веке. После длительного застоя, вызванного монгольским нашествием, восстанавливается строительство каменных храмов и крепостей, ремесло и торговля. Но этот процесс средневековой «урбанизации» шел крайне медленно. Зато в XIV–XVI вв. было основано много монастырей. Средневековые монашеские обитатели со всех сторон обступили крупнейшие из существовавших в те времена городов. Вокруг монастырей, в свою очередь, теснились так называемые «подмонастырские» слободы, в которых жили земледельцы и ремесленники, находившиеся в крепостной зависимости от монастырей или на службе у них. В XIV–XVI вв. не города, а монастыри являются главными экономическими конкурентами крупных землевладельцев в борьбе за собственность и контроль над «внутриземельной» и «внешней» торговлей. Эта конкурентная ситуация становится предметом внимания государства в середине XVI в., что зафиксировано, в частности, в известной 75 главе Стоглава, ограничивающей возможности монастырей принимать вклады сельскохозяйственными землями [19, С. 310].

Все города, включая Москву в это время, хоть и увеличивались постепенно в размерах, но по существу оставались все теми

же крепостями, окруженными посадами, образ жизни населения которых все так же мало отличался от повседневности сельских жителей. Во второй половине XV – начале XVI в. при государях Иване III и Василии III начинается строительство нового московского Кремля и застройка его территории храмами и каменными палатами, в создании которых принимают участие зодчие, приглашенные из Италии. Новая московская крепость имела большие размеры и сложную внутреннюю планировку. Примечателен отзыв о ней оставленный послом австрийского императора Сигизмундом Герберштейном, побывавшим в Москве в первой половине XVI в.: «Крепость же так велика, что кроме обширных палат князя, великолепно выстроенных из камня, митрополит, также братья князя, вельможи и весьма многие другие имеют в ней большие деревянные палаты. Кроме того в крепости находится много церквей, и эта обширность дает ей *вид настоящего города* (выделено мной – Л.Б. Сукина)» [3, С. 156].

«Настоящим городом» Москва стала после того, как из столицы Великого княжества Московского превратилась в столицу Русского государства. В XVI в. при первых русских царях Иване Грозном, Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове, не только резиденция государей, но и посад получили свои защитные укрепления, как это было принято в европейских городах. В 1530-е гг. к стенам Кремля примкнула кирпичная стена Китай-города, включившая в «городскую черту» Великий посад. В 1580-е – 1590-е гг. новые посады, выросшие вокруг Кремля и Китай-города, окружила белокаменная стена «Белого города», возведенная зодчим Федором Конем. У Белого города было 27 башен, в 10 из которых имелись ворота. В конце XVI в. вся городская территория была обнесена еще одним кольцом стен – деревянных на земляном валу – Скородомом. У Скородома было 50 башен, а протяженность его стен достигала 15 км. Большая часть населения «новой» Москвы состояла из служилых людей, купцов и ремесленников. Москвичи не перестали заниматься огородничеством и держать скот для личного пользования, но выращиванием зерновых культур уже не занимались [14]. Начал складываться специфический образ жизни городского населения, благополучие и сама жизнь которого зависела от того, смогут ли его накормить жители села.

Взятие при Иване Грозном Казани и Астрахани и начало освоения Сибири способствовали росту и развитию городов, стоявших на торговых путях, связывавших центр страны с ее Югом и Севером, Заволжьем и Уралом. Постепенно складывается система торговли, которую в историографии традиционно называют «всероссийским рынком». Крупные города Поволжья, как и Москва,

переходят к специфически «городскому» образу жизни, при котором «государева служба», торговля и ремесло оттесняют на задний план обработку земли, превращая сельское хозяйство для горожан из основного в подсобное.

Роль городов и горожан, как самостоятельной и весьма влиятельной экономической и социальной силы в русском обществе, становится очевидной в первые десятилетия XVII в., после драматических событий Смутного времени. В условиях Смуты в восставлении государственной структуры оказались заинтересованы, в первую очередь, жители больших поволжских городов, хозяйственная деятельность и образ жизни которых уже стали существенно отличаться от жизни людей села. Вероятно, на рубеже XVI–XVII вв. и наступил тот перелом, который Ж. Ле Гофф и А.Я. Гуревич характеризуют как начало перехода от «библейского времени» ко «времени купцов» [4; 5].

Своеобразным символом нового понимания времени стала установка в 1625 г. башенных часов на только что надстроенной Спасской башне Московского Кремля, благодаря которым москвичи стали привыкать мерить время, ориентируясь на механический прибор, а не на солнечный восход и закат. В XVII в. механические часы, привезенные из-за рубежа, еще были большой редкостью, но уже постепенно входили в быт наиболее зажиточной части населения: знати и богатых.

Специфика жизни городского населения Русского государства стала очевидна во время волнений 1648 г., когда горожане выдвигали претензии к власти, отличные от обычных требований стихийных восстаний черни в Средневековье. Теперь городской житель был заинтересован в справедливой, с его точки зрения, регламентации городского быта, протекционистских мерах со стороны государства в пользу тех, кто торгует и производит ремесленные изделия не для себя, а для продажи на рынке.

Наличие в городах принципиально новой социальной среды зафиксировано в важнейшем законодательном документе середины XVII в. «Уложении царя Алексея Михайловича». В него включена обширная глава «О посадских людях», статьи которой определяют права и обязанности свободного городского населения: купцов и ремесленников, живших за пределами городских кремлей «на посадах» и потому называвшихся посадскими. В этой главе определено и особое положение купцов гостиной и суконной сотен – своего рода «городской аристократии», которые должны были продать свои дворы посадским людям тех городов, в которых жили раньше, а сами переехать в Москву, чтобы более эффективно служить государственным интересам, в том числе и на торговом поприще [20].

Иное измерение исторического, культурного времени городской жизни хорошо выявляется и при анализе традиционной для русского Средневековья практики храмового строительства в крупнейших русских городах. В храмоздательном благочестии того периода русской культуры, который начался после преодоления Смуты, появляется новая тенденция – и здесь все более заметной становится роль представителей купечества и торгово-ремесленного населения городов.

К счастью, от XVII века сохранилось не только значительное количество купеческих и посадских храмов в старинных русских городах, но и достаточный корпус письменных источников, освещающих различные аспекты их строительства. Все это позволяет выстроить довольно точную хронологическую последовательность возведения каменных купеческих и посадских храмов на городских улицах. Наблюдения над этой последовательностью приводит нас к выводу о том, что процесс строительства купеческих и посадских храмов в XVII в. следует разделить на два хронологических отрезка: до 1649 г. (года принятия Соборного Уложения царя Алексея Михайловича) и после него.

О купеческом и посадском храмовом строительстве в русских городах XVII в. написано достаточно много и исследования в этом направлении интенсивно продолжаются. Но, во-первых, на наш взгляд, во всех работах, посвященных данной проблеме, оказывается упущенным один очень важный социальный аспект.

Исследовательница генеалогии и культуры купечества XVII в. Л.А. Тимошина в своих работах неоднократно подчеркивает, что посадское (или в другой терминологии торгово-промышленное) население русского города этого времени неправомерно рассматривать как социально единую недифференцированную группу с общими присущими ей социальными и культурными свойствами. По крайней мере, в эту группу не входило высшее купечество России: гости, члены гостиной и суконной сотен, о которых мы уже упоминали выше. Эти лица принадлежали не к посадку конкретного города, а к категории государевых служилых людей с особым определенным кругом обязанностей и полномочий [21, С. 189-190]. Эта дифференциация отражена и в Соборном Уложении 1649 г.

Гости, представители гостиной и суконной сотен обладали несравнимыми со всеми прочими социальными группами городского населения материальными возможностями. Так вот, в 20-е – 40-е гг. XVII в. немногочисленные большие каменные храмы (за пределами городских кремлей), которые исследователи архитектуры по уже сложившейся традиции называют «посадскими», были построены, строго говоря, вовсе не представителями посадского

населения, а гостями или купцами гостиной сотни. В том числе, знаменитая московская церковь Троицы в Никитниках (ктитор Григорий Никитников, 1628–1653 гг.) и хрестоматийные примеры «посадского» строительства – ярославские церкви: Николы Надеина (ктитор Надея Светешников, 1620–1622 гг.), Рождества Христова (ктиторы Анкудин и Гурий Назарьевы, 1644 г.), Ильи Пророка (ктиторы Иоанникий и Вонифатий Скрипины, 1647–1650 гг.); а также костромская церковь Воскресения на Дебре (ктитор Кирилл Исаков, 1645–1651 гг.). Аналогичные примеры можно привести и в отношении других крупных торговых городов: Архангельска, Великого Устюга и т.п. То есть, строившиеся на городских посадах в первой половине XVII в. церкви не были ни «посадскими», ни даже приходскими в каноническом смысле этого понятия. Это типичные и для более раннего времени так называемые ктиторские храмы, забота о которых и контроль над которыми, включая подбор церковного причта во главе со священником было делом их строителя и благотворителя – ктитора. Разнообразные источники свидетельствуют о том, что перечисленные выше храмы в течение десятилетий находились под покровительством храмоздателей и их наследников [12; 14; 15; 24, С. 115–116].

Серьезные изменения в городском храмоздательстве происходят после утверждения Земским собором в сентябре 1649 г. уже неоднократно упоминавшегося Соборного Уложения. Уложение, отменив привилегии «белых» слобод и уравнив все посадское население, более равномерно распределяя на него «государево тягло», создало условия для укрепления материального положения посадских людей. В то же время, закрепляя ремесленников и торговцев за конкретным посадом, оно насильственно стабилизировало городское общество, в том числе и церковные приходские общины. Вся социальная жизнь посадского человека и его семьи, включая религиозное окормление, сосредотачивались в той городской слободе, к которой он был приписан. Разбогатевшее посадское население демонстрировало свое благочестие на приходских храмах. Именно в это время многие деревянные церкви перестраиваются в камне. И именно их можно уже с полным правом назвать «посадскими» и рассуждать о специфике посадской храмоздательной традиции. Со всей очевидностью эта тенденция проявляется во второй половине XVII в. в традиционной религиозной жизни Москвы, больших торговых городов (Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода) и других менее крупных городских поселений, стоявших на основных водных и сухопутных путях того времени [7; 12; 14; 15; 24]. Городской «мир» теперь представлен не сельскими землевладельцами – вотчинниками и помещиками, а действительно городскими

жителями – купцами и ремесленниками. В социальной и культурной сфере наступило «городское время».

Таким образом, изучение истории русских городов X–XVII вв. связано с проблемой выявления хронотопа «города» в совокупности его специфических пространственно-временных характеристик. Древнерусский город домонгольского времени – это нечто иное, чем «город» в нашем, современном смысле слова. По своим пространственно-временным свойствам он мало отличается от села. Его основной особенностью является лишь наличие укрепленного центра – кремля или детинца. И горожане, и сельские жители существуют внутри «библейского» времени, движущегося по кругу и имеющего циклический характер. Новый этап в развитии городов начался в XIV веке. В этом столетии крупные русские города, и в первую очередь Москва приобрели сложную структуру с несколькими кольцами укреплений, охватывающими не только административный центр, но и посад, и слободы. Формирование русского города завершилось в XVII в., когда специфика городского образа жизни становится очевидной, особые права и обязанности городского населения закрепляются законодательно, горожане начинают активно участвовать не только в экономической жизни городов, но и в формировании их архитектурного облика, культурной составляющей быта городского социума. В городах XVII в. время становится линейным и методы его отсчета приобретают вид близкий к современному.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брайчевский М.Ю. К происхождению древнерусских городов // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. XLI. С. 32–33.
2. Воронин Н.Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. XLI. С. 11–12.
3. Герберштейн С. Записки о московитских делах // Великая Московия. Введение, пер. и прим. А.И. Малеина. М., 2008. С. 5–306.
4. Гуревич А.Я. Средневековый «хронотоп» // Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 43–166.
5. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой культуры. М., 1981.
6. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001.
7. Данилова Л.В. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII – начале XVIII в. (по материалам г. Ярославля) // История СССР. 1957. № 3. С. 87–115.
8. Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов Древней Руси: X–XIII вв. // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 43–60.
9. Дубов И.В. Города, величеством сияющие. Л., 1985.
10. «Золотой век» Ярославля. Опыт культурографии русского города XVII – первой трети XVIII века / Сост. В.В. Горшкова, О.И. Добрякова, Д.Ф. Полознев, Т.А. Рутман. Ярославль, 2003.

11. Ирза Н.Д. Хронотоп // Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 518–520.
12. Исторические акты ярославского Спасского монастыря / Изд. И.А. Вахрамеевым. М., 1890. Т. 1: Княжьи и царские грамоты. С. 199, 206–208.
13. Кондаков И.В. Хронотоп русской культуры // Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 51–72.
14. Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989.
15. Перечневая опись города Ярославля 1630 г. // Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1861. № 35. С. 271.
16. Погодин М.Н. Русский исторический сборник. М., 1838. Кн. 3.
17. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.
18. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / Гл. ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесов. М., 1989. Т. II.
19. Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2.
20. Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. Гл. X. Ст. 94; Гл. XIX. Ст. 1–40.
21. Тимошина Л.А. Распространение книг Московского Печатного двора в середине XVII в. среди высшего купечества России // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 189–205.
22. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
23. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
24. Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года / Под ред. А.М. Пономарева. Ярославль, 1990.

* * * * *

УДК 94(470.323)

Раздорский Алексей Игоревич
кандидат исторических наук
заведующий группой исторической библиографии
Российская национальная библиотека
г. Санкт-Петербург
razdor68@mail.ru

О ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО КУРСКА (К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАЗРЫВАХ В ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ГОРОДОВ)

В статье на примере Курска поставлен вопрос об определении возраста некоторых русских городов в зависимости от наличия хронологических разрывов в их истории. Проанализированы все известные в настоящее время упоминания Курска в письменных источниках начиная с конца XIII века до конца XVI века, а также существующие данные археологии и исторической топографии, относящиеся к этому городу. На их основе обоснован вывод о возрасте современного Курска.

Ключевые слова: города, историческая урбанистика, историческая хронология, Курск, Южная Россия, Средние века, Раннее Новое время.

Razdorsky Alexey Igorevich
candidate of historical sciences
managing group of the historical bibliography
National library of Russia
Saint Petersburg
razdor68@mail.ru

ABOUT TIME OF EXISTENCE OF CONTEMPORARY KURSK (TO A QUESTION OF CHRONOLOGICAL GAPS IN THE HISTORY OF SOME RUSSIAN CITIES)

In article on the example of Kursk the question of definition of age of some Russian cities depending on existence of chronological gaps in their history is raised. All are analysed mentions of Kursk known now in written sources since the end of the 13th eyelid until the end of the 16th century, and also the existing data of archeology and historical topography relating to this city. On their basis a valid conclusion about age of contemporary Kursk.

Keywords: cities, historical urbanistics, historical chronology, Kursk, Southern Russia, Middle Ages, Early Modern times.

Одной из важных задач, стоящих перед современной исторической урбанистикой, является выработка научно обоснованных подходов к определению начальных точек отсчета истории городов. Особенно это актуально в сегодняшней России, в которой практика празднования юбилеев больших и малых населенных пунктов получает все большее распространение. К сожалению, некритическое восприятие, а в ряде случаев тенденциозная трактовка известий письменных источников, пренебрежение элементарными правилами анализа текстов исторических документов, а также тиражирование давно опровергнутых наукой разного рода историографических ошибок и мифологем, разноречивой в интерпретации имеющихся археологических материалов приводят порой к выведению весьма спорных («1000-летие» Владимира на Клязьме в 1990 г.), а иногда и откровенно сфальсифицированных («1000-летие» Белгорода на Северском Донце в 1995 г.) [29, С. 192–199] городских юбилеев. Инициативу в «обосновании» подобных «юбилеев» проявляют главным образом краеведы, не имеющие должной профессиональной подготовки. В этом вопросе ими, как правило, движет не стремление к установлению исторической истины, а прежде всего желание удревить возраст своего города и вывести солидную и красивую круглую дату со времени его основания. Подобные усилия обычно находят поддержку со стороны местных властей, а в

ряде случаев и федеральных структур. Научное же сообщество зачастую остается безучастным к такого рода инициативам. В результате все большее распространение получают сомнительные, а нередко недостоверные и ни на чем не основанные представления о времени возникновения тех или иных городов.

Существенной проблемой является то, что при определении возраста ряда городов в расчет не принимается наличие разрывов в хронологии их существования. В этом случае за начальную точку отсчета истории нынешнего города берется либо время возникновения, либо дата первого упоминания в письменности его предшественника, который вследствие тех или иных исторических катаклизмов прекратил свое существование, а спустя какое-то время «возродился» под тем же или уже иным названием на том же самом месте или по близости. Насколько правомерно в таких случаях объединять воедино историю нынешнего города и его предшественника?

В каждом таком случае поставленный вопрос нужно решать в индивидуальном порядке. В данной публикации мы предлагаем рассмотреть подобную ситуацию на примере Курска, который издавна считается «одним из древнейших русских городов».

Синтез имеющихся на сегодняшний день данных археологии и нумизматики указывает на возникновение древнерусского Курска в период с середины 980-х до середины 990-х гг. Первое же упоминание этого города в письменности (точно не датированное) связано с переездом в Курск семьи Феодосия Печерского и относится к 1030-м гг. Наиболее вероятной датой этого события является 1036 г. [подробнее см.: 9].

Судьба Курска во время нашествия Батыя доподлинно не известна. Летописи об этом молчат. Можно, тем не менее, предположить, что он не избежал судьбы большинства древнерусских городов и подвергся разгрому со стороны завоевателей. Скорее всего, это произошло в 1239 г. в ходе похода Менгу-хана на Чернигов. Однако окончательно уничтожен город тогда, судя по всему, не был. Результаты археологических раскопок свидетельствуют о том, что он продолжал существовать и во второй половине XIII в. [8, С. 82-91]. Курск упоминается под 1275 г. в Симеоновской и Троицкой летописях, сообщающих о разорении Курской земли татарами, возвращавшимися из похода на Литву («...а около Курьска... всюды и вси двory, кто чего отбѣжалъ, то все пограбиша погани...») [25, С. 332-333; 28, С. 74], а также в Воскресенской и Никоновской летописях, содержащих пространный рассказ о выступлении рыльского и воргольского князя Олега и липецкого князя Святослава против ордынского баскака Ахмата весной 1289 – осенью 1290 гг. [26, С. 176-178; 27, С. 162-165]. Примечательно,

что к этому времени Курск уже утратил значение столицы княжества, а его княжеская династия пресеклась, причем, по-видимому, насильственным образом (в Любечском синодике упомянут курский князь (княжич?) Василий Дмитриевич, убитый татарами [14, С. 27, 99-101, 112]). С конца XIII в. город исчезает со страниц русских летописей. Его дальнейшая судьба в исторической и краеведческой литературе представлена по-разному.

В XVIII–XIX вв. безраздельно господствовало мнение о том, что Курск в XIII в. был razорен татарами, покинут жителями и пришел в полное запустение, продолжавшееся вплоть до 1596 г., когда на старом Курском городище по указу царя Федора Ивановича под руководством воеводы Ивана Полева и головы Нелюба Огарева была возведена новая крепость [см., например: 5; 16, С. 29; 20, С. 12-13; 32]. Подобные суждения базировались прежде всего на информации, содержащейся в «Повести о граде Курске». В этом историко-литературном произведении, составленном неизвестным автором предположительно в 1660-е гг., приведены исторические сведения о Курске и о его главной святыне – Курской иконе Знамения Божьей Матери. В «Повести» сказано, что после монгольского нашествия «сему граду Курску, пленению до основания razорену сущу бывшу, и оттоле многия годы пребывая пустея, и от многих лет запустения положения того града Курска и уезд велиим древесем поростоша и многим зверям обиталища быша» [13, С. 291].

Позднее, по мере введения в научный оборот новых документальных материалов, появились альтернативные точки зрения. Так, А.А. Танков еще в 1900 г. утверждал, что поселение на территории Курска могло существовать задолго до 1596 г. Свою точку зрения он аргументировал тем, что в городе уже в начале XVII в. имелось немало церквей, а значит, присутствовало и многочисленное население, которое не могло быстро возрасти за короткое время, прошедшее после основания крепости [35]. Полное разрушение Курска отрицал Г.И. Булгаков [4, С. 41]. Ю.А. Липкинг писал о том, что Курск в постмонгольский период «несомненно существовал», хотя ничем не аргументировал такой вывод [18, С. 20-21]. Против подобных утверждений решительно выступил В.П. Загоровский, который назвал их бездоказательными и не имеющими под собой научной основы. По его мнению, Курск был возрожден как город Московского государства только в 1596 г. [10, С. 17-18]. Аналогичную точку зрения высказал и Я.Г. Солодкин [33, С. 186-190]. Особую позицию по рассматриваемому вопросу занял Г.Н. Анпилов. Признавая, что в XIV–XV вв. Курск пребывал в запустении, превратившись в «городище с непостоянным населением», он допускал, тем не менее, возможность существования на его территории населенного пункта

на протяжении XVI в. – еще до того, как была построена Курская крепость [3, С. 43–53]. В настоящее время мнение о существовании на территории Курска укрепленного поселения в период, предшествовавший возведению здесь крепости в 1596 г., отстаивает с опорой на данные исторической топографии города (в значительной степени гипотетические) и показания некоторых письменных источников А.В. Зорин [22, С. 427]. Представление о непрерывном существовании Курска со времени его основания в древнерусскую эпоху вплоть до наших дней сегодня полностью доминирует в курской регионоведческой литературе, а также общероссийских справочных изданиях. В 2012 г. было торжественно отпраздновано 980-летие «образования» (как сказано в официальных документах курских областных властей) города Курска.

Насколько оправданна такая точка зрения? Действительно ли нынешний Курск существует непрерывно еще с конца X в.? Что известно об этом городе в XIV–XVI вв. (до 1596 г.) из письменных источников и по данным археологии?

Прежде чем перейти к рассмотрению поставленных вопросов необходимо кратко напомнить о государственной принадлежности восточной части Курского Посемья в указанный период. В начале 1360-х гг. эти земли, входившие после нашествия Батыя в сферу ордынского влияния, были захвачены Великим княжеством Литовским. После русско-литовской войны 1500–1503 они были присоединены к Московскому государству и окончательно закреплены за ним по условиям «Вечного мира» 1508 г. По сути же, эта территория, лежавшая на стыке московских, литовских и татарских владений, являлась в XIV–XVI вв. своего рода буферной зоной, «ничейной землей», которую реально не контролировало ни одно из претендовавших на него государств.

В XIV–XVI вв. Курск несколько раз упоминается в различных русских, литовских и татарских письменных источниках, в частности:

- в «Списке русских городов дальних и ближних» (составлен не позднее 1381 г.) [21, С. 475];
- в перечне городов, принадлежавших великому князю литовскому Свидригайло (1402 или 1432 гг.) [17, С. 247];
- в договорной грамоте великого князя литовского Сигизмунда с ханом Саип-Гиреем (1540 г.) [1, № 200, С. 363].

Кроме того, в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея великому князю Литовскому Сигизмунду (1506/07 г.) фигурирует «Курская тьма» [1, № 6, С. 4].

Важно подчеркнуть, что в перечисленных документах Курск упоминается лишь в списках городов, сеть которых фиксировала

определенную территорию, а не в связи с какими-либо реально происходившими событиями. Эти упоминания носят в известной степени условный характер и, на наш взгляд, не могут рассматриваться в качестве бесспорных доказательств его существования в указанный период. Неизвестно, в каком качестве употреблено в них само понятие «Курск» — имеется ли в виду живое поселение, разрушенное городище, служащее лишь топографическим ориентиром, или вообще обобщенное название территории, некогда возглавлявшейся Курском. Следует заметить в этой связи, что, например, в «Списке русских городов дальних и ближних», наряду с существовавшими на тот момент городами, отмечены и запустевшие (в частности, Старая Рязань).

В Разрядной книге 1475–1598 гг. имеется запись о том, что летом 1557 г. «в Курску» стоял отряд воевод М.П. Репнина и П.И. Татеева [31, С. 162]. В перечне стрелецких голов и сотников, служивших при Иване Грозном, упоминается Постник Суворов, который «был в Курске у пятисот человек». Период и продолжительность его нахождения в Курске не указаны, но высказано предположение, что он служил здесь между 1557 и 1571 гг., т. е. после Репнина с Татеевым и до своего назначения дьяком в Новгород в 1571 г. [34, С. 190–191]. Приведенные сообщения не позволяют четким образом определить, идет ли в них речь о постоянном поселении на месте домонгольского Курска (хотя бы сельского типа), покинутом городище или о выдвинутом в степи сторожевом poste, лишенном оседлых жителей. На наш взгляд, в них упомянуто именно городище, на котором, возможно, была устроена временная застава. Я.Г. Солодкин обратил в этой связи внимание на то, что в начале 1572 г. наказом боярина М.И. Воротынского приказывалось «станции и головы на Оскол и на Семь и в дальние проезды по прежней росписи и в иные места посылать», но о Курске при этом не говорится ни слова [33, С. 187].

В качестве доказательства существования на месте Курска укрепленного поселения ранее 1596 г. в исторической и краеведческой литературе неоднократно приводилась ссылка на известный еще В.Н. Татищеву приговор от 12 марта 1582 г. о лжесвидетельстве и ложных исках. В этом документе сказано: «которой в жалобнице или в суде лжет и составит ябеду, ино того казнити торговою казнию да написати в казаки в Украинные городы, в Севск и в Курск» [11, С. 60]. Однако, как убедительно показал Я. Г. Солодкин, упоминания Севска и Курска в указанном источнике являются, судя по всему, припиской, поясняющей, в какие именно «Украинные городы» отправлялись уличенные в лжесвидетельстве после торговой казни, и внесенной в основной текст гораздо позднее 1582 г. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что Севск

в 1582 г. еще не существовал – этот город был основан только в царствование Бориса Годунова [33, С. 187-188].

По мнению Г.Н. Анпилогова, косвенные сведения о существовании Курска не только во второй половине XVI в., но и в более раннее время содержатся в челобитной курянина, крымского полоняника Василия Розинина сына Степанова, поданной царю Михаилу Федоровичу в 1622 г. В челобитной Розинин утверждает, что сам он до 1607 г. жил в Курске с отцом и что его отец, дед и прадед служили в курских стрельцах. Временного отрезка с 1596 по 1607 г. для службы целых четырех поколений стрельцов Розининых явно недостаточно, а значит, считал Г.Н. Анпилогов, имеются основания полагать, что старшее поколение этих стрельцов служило в Курске задолго до восстановления Курской крепости [3, С. 51]. Правдоподобность подобного рода сообщений вызывает большие сомнения. Челобитчики вольным или невольным образом допускали порой весьма значительные отступления от реально имевших место событий. Комментируя челобитную Розинина, Я.Г. Солодкин отметил, что в подобных документах нередко встречаются анахронизмы, поэтому уверенно доверять им нельзя [33, С. 188].

А.В. Зорин полагает, что к 1596 г. на Курском городище уже имелись фортификации, а Полев и Огарев лишь расширили крепость, возведя новую линию укреплений. При этом исследователь ссылается на «Повесть о граде Курске», в которой рассказывается о разорении и сожжении польско-черкасским войском в 1612 г. большого острога («великий и твердейший град»), после чего защитники крепости и горожане укрылись в ветхом «малом граде» («малый и нетвердый град»). «Если бы все (выделено автором. — А. Р.) укрепления Курска были выстроены Полевым и Огаревым, то вряд ли только часть из них могла обветшать к 1612 г. — пишет А.В. Зорин. — Вероятно, укрепления «малого града» уже существовали до 1597 г. (так в тексте — А. Р.) и, вполне естественно, пришли в ветхость к 1612 г.» [12, С. 83]. Историк указывает, что в хорошо известном описании Курской крепости 1652 г. воеводы Д.И. Плещеева [19, С. 26-30] упоминается «старая городовая осыпь», на которой располагался «рубленный город» с проезжими воротами, сгоревший в 1628 г. Эти укрепления имели стены, рубленные «по городовому», а не обычный частокол («стоячий острог»), которым был обнесен Курск в XVII в. По мнению А.В. Зорина, в 1596 г. был сооружен «большой острог», внутри которого оказалась уже существовавшая до этого цитадель, а также курский посад. После уничтожения в 1612 г. эти укрепления больше не восстанавливались [12, С. 84, 90].

Высказанная гипотеза не может быть принята по следующим соображениям. Во-первых, в записи Разрядной книги 1475 – 1598

г., повествующей о строительстве Курской крепости в 1596 г., ничего не сказано о существовании на территории Курского городища каких-либо укреплений. Не упоминается о них и в сообщении того же источника об экспедиции во главе с И. Лодыженским, Т. Якушкиным и Н. Спиридоновым, отправленной в июне 1596 г. на Поле с целью поиска мест для устройства новых городов. Именно по отчету этой экспедиции Боярской думой было принято решение об основании Белгорода, Оскола и Курска [10, С. 219]. Представляется совершенно невероятным, чтобы московские разведчики оставили без внимания столь важное обстоятельство. Во-вторых, Разрядная книга 1475 – 1598 гг. прямо говорит о «поставлении» (т. е. строительстве) Курской крепости, а не о «делании» и «поновлении» (расширении и ремонте) ранее существовавших здесь фортификаций. В-третьих, в разрядных записях до 1596 г. ничего не говорится о назначении воевод и голов в «Курскую крепость», что невозможно допустить, если бы такая крепость в тот период действительно существовала. Что же касается указания «Повести о граде Курске» на «ветхость» малого острога, то его, на наш взгляд, не следует воспринимать чересчур буквально. Оно не может однозначно свидетельствовать о сооружении имевшихся в 1612 г. укреплений ранее 1596 г. Нельзя забывать, что первоначальные фортификации многих южнорусских городов, возводимые в чистом поле и «на скорую руку» (а сооружение Курского острога, начатое летом 1596 г., осенью того же года было уже завершено), по определению не являлись долговечными. За 16 лет, прошедших с момента строительства, они могли изрядно обветшать (хотя при этом не настолько, чтобы не выдержать осады многочисленного вражеского войска). Укажем в этой связи на ситуацию, приключившуюся с укреплениями Оскольского острога, поставленными в 1630 г. В 1662 г., т. е. спустя всего 32 года, в нем завалилось 24 сажени передней стены до угловой башни, а еще через два года рухнула подгнившая стена с восточной стороны [6].

К сказанному необходимо добавить, что в грамоте Ивана III крымскому хану Менгли-Гирею (1487 г.) упоминается «Курское городище» «на Семи, ниже Гусина брода, на устье Ревута реки», расположенное западнее Курска на Куре и Тускари [24, С. 58]. Как к домоногольскому, так и современному Курску это городище не имеет никакого отношения. Согласно исследованиям А.А. Чубура, оно находилось у с. Дроняево (Курчатовский район Курской области). Подкрепляется это как археологическим материалом, так и данными топонимики. Было установлено, что старожилы и по сей день называют место в 1,2 км выше городища по течению Сейма Гусиным бродом, а современное устье Реута расположено пример-

но в 1,5 км ниже. Возможно, «Курское городище» являлось пограничным пунктом «Курской тьмы» на ее границах с Рыльским княжеством (сама граница, вероятно, проходила на данном участке по течению Реута [15, С. 145]. В конце XV в. это поселение было уже покинуто жителями, т. к. представляло собой именно «городище». Возможно, оно было основано в конце XIII – начале XIV вв. выходцами из Курска, переселившимися после окончательного разорения города монголами к западу от него, поближе к рыльско-путивльскому району, где в течение XIV–XVI вв. сохранялось присутствие постоянного русского населения. Название «Курское» это поселение могло получить по старому месту жительства своих основателей (подобные топонимические примеры хорошо известны и в древнерусский период, и в более позднюю историческую эпоху). Жизнь в этом поселении была далеко небезопасной и это, по-видимому, предопределило то, что его обитатели спустя какое-то время ушли из него, скорее всего, в Рыльск и Путивль, после чего оно запустело и обратилось в городище.

Никак не связано с южным Курском и упоминание одноименного города в «Изустной памяти Аграфены, жены князя Ивана Семеновича Ростовского, дочери Семена Алексеевича Лыкова», датированной 1568 г., которую опубликовал А.А. Зимин в «Актах феодального землевладения и хозяйства» [2, № 332, С. 350]. В указанном документе речь идет о северном Курске, находившемся в Новгородской земле [30, С. 107-115].

Таким образом, все известные на сегодняшний день упоминания о Курске в письменных источниках XIV–XVI вв. не позволяют считать доказанным существование в указанный период на его территории постоянного укрепленного поселения городского типа.

Важно подчеркнуть, что о Курске нет ни слова в духовных грамотах Ивана III и Ивана IV [7, № 89, С. 353-364; № 104, С. 426-444] (в духовной грамоте первого русского царя упомянуты, в частности, Рыльск, Путивль и Мценск), а также в списке городов, возвращенных Литвой Русскому государству по условиям перемирия 1503 г. [23, № 75, С. 363-412].

В пользу версии о запустении древнерусского Курска в рассматриваемый период свидетельствуют в первую очередь данные археологии. Несмотря на то, что систематические археологические исследования на территории исторического центра современного Курска ведутся с 1988 г., никаких материальных подтверждений о нахождении на его территории постоянного или временного поселения в XIV–XVI вв. до сих пор не получено. Имеющиеся артефакты относятся либо к периоду не позднее конца XIII в., либо к уже XVII и последующим векам.

Факт существования русской крепости на территории современного Курска ранее 1596 г. полностью противоречит всему имеющемуся в многочисленных и разнообразных источниках комплексу информации о хронологии и темпах освоения Московским государством южнорусских земель. Известно, что продвижение в Поле было поэтапным и следовало определенной системе. Русские города продвигались на юг «волнами» и «цепями», они, как правило, не отрывались в этом движении от своих соседей. Трудно представить находящуюся в Поле крепость, отстоящую от ближайших русских городов и логистических тылов на сотни верст (едва ли не единственным исключением является Псёльский город при впадении Псла в Днепр в районе нынешнего Кременчуга, просуществовавший всего четыре года с 1558 по 1562 г. [10, С. 98]). Между тем ближайший северный сосед Курска – Орел – был основан лишь в 1566 г.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что нынешний Курск ведет свою историю с постройки крепости в 1596 г. С одноименным же городом, существовавшим в древнерусский период, его связывает только топографическая и топонимическая общность. Однако хронологический разрыв в существовании этих двух населенных пунктов, составляющий примерно три века, слишком значителен, чтобы их история могла восприниматься как единое целое. Это отличает Курск, например, от Орла, сожженного в 1611 г., оставленного жителями, но вновь восстановленного на прежнем месте в 1635 г. [10, С. 103-104]. В данном случае хронологический разрыв был по историческим меркам сравнительно небольшим, к тому же Орловский уезд в качестве административно-территориальной единицы не был упразднен. По своему историческому происхождению современный Курск – новый московский город, возникший на исходе XVI столетия. Не случайно в разрядных записях XVII столетия он неизменно писался в числе «новых польских городов», наряду с Белгородом, Воронежем, Осколом, а не среди не прекращавших своего существования древних северских городов Рыльска и Путивля.

Что же касается гипотетического временного или постоянного поселения (или поселений) сельского типа, которое могло находиться на территории нынешнего города в XIV–XVI вв. (причем необязательно на городище, но и в других местах, особенно в расположенных ближе к воде, например, в Закурной части), то для подтверждения его существования необходимо обнаружение артефактов, относящихся к указанному периоду. Без них данный вопрос будет оставаться по-прежнему открытым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1848.
2. Акты феодального землевладения и хозяйства / Подгот. к печати А.А. Зимин. Ч. 2. М., 1956.
3. Анпилов Г.Н. О городе Курске X–XVI вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1979. № 5.
4. Булгаков Г.И. Курск в прошлом (10–18 в.) // Известия Курского губернского о ва краеведения. 1927. № 1/2.
5. Головащенко А. М. Исторический очерк Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1854. Ч. неофиц. № 25–27.
6. Город Старый Оскол в XVII столетии. // Режим доступа: http://stoskoll.narod.ru/istoria_oskola.html (дата обращения 23.10.2014).
7. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.. М.; Л., 1950.
8. Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80 летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.
9. Енуков В.В., Раздорский А.И. О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска // Российская история. 2015. № 2 (в печати).
10. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
11. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. [Ч. 1]: Тексты / Подгот. текстов Р.Б. Мюллер; Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986.
12. Зорин А.В. Оборонительные укрепления средневекового Курска // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию начала археол. исслед. Гочевского археол. комплекса. Курск. 2009.
13. Зорин А.В., Раздорский А.И. Порубежье: Курский край в XVII в. Курск, 2001. (Курский край; Т. 6).
14. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
15. Ислам в центрально-европейской части России: Энциклопедический словарь. М.; Н. Новгород, 2009.
16. Историческое обозрение местности, занимаемой ныне Курскою губерниею // Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860.
17. Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский или дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской. СПб., 1835. С. 8 3-й паг.; Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892.
18. Курск: Очерки истории города. 3-е изд. Воронеж, 1975.
19. Курский острог (крепость) XVII века / Сообщ. Л. Позняков // Курский сборник. Вып. 7. Курск, 1912.
20. Ларионов С.И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известных вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. М., 1786.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
22. Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. / А.В. Зорин и др. Курск, 2008.
23. Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными. Т. 1: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (с 1487 по 1533 г.). СПб., 1882. (Сб. РИО; Т. 35).

24. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т. 1. СПб., 1884. (Сб. РИО; Т. 41).
25. Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950.
26. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 7. СПб., 1856.
27. ПСРЛ. Т. 10. М., 1965.
28. ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913.
29. Раздорский А.И. По поводу «1000-летия» Белгорода // Отечественная история. 1997. № 5.
30. Раздорский А.И., Селин А.А. «Курск» в изустной памяти жены князя Ивана Семеновича Ростовского Аграфены (1568 г.) // Очерки феодальной России. М., 2004. Вып. 8.
31. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
32. Робуш С. Исторические сведения о Курске и его губернии. Ст. 1: История отношений князей курских к великим князьям киевским // Курские губернские ведомости. 1849. Ч. неофиц. № 11–12.
33. Солодкин Я.Г. Существовал ли Курск накануне 1596 года? (к интерпретации одного «приговора» Ивана Грозного) // Курский край в истории Отечества: Материалы областной научно-практической конференции, посвященной празднованию 1150-летия зарождения российской государственности, 980-летию образования города Курска, 400-летию разгрома польских интервентов, 200-летию Отечественной войны 1812 года. Курск, 2012.
34. Солодкин Я.Г., Скляр В.И. Курская крепость // Курск: Краеведческий словарь справочник. Курск, 1997.
35. Танков А. О времени возобновления Курска // КГВ. 1900. № 8, 10, 11.

* * * * *

УДК 93/99

Солодкин Яков Григорьевич

*доктор исторических наук, профессор
Нижевартовский государственный университет
г. Нижневартовск
hist2@yandex.ru*

К СПОРАМ О НАЧАЛЕ ВЕРХТАГИЛЬСКОГО И ЛОЗЬВИНСКОГО ГОРОДКОВ (У ИСТОКОВ РУССКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ)

Верхтагильский городок, возможно, заложили не стрельцы князя С. Д. Болховского в 1584 г., а ратники воевод В. Б. Сукина и И. Н. Мясного два года спустя. Лозьвинский городок, ставший базой для ранней русской колонизации Сибири, был основан, вероятно, в 1589 г., главным образом переведенными из Верхтагильского городка служилыми людьми под началом головы И.И. Ордина-Нащокина, которого сменил, уже в должности воеводы, опальный И. Г. Нагой.

Ключевые слова: Верхтагильский городок, Лозьвинский городок, князь С. Д. Болховский, И. И. Ордин-Нащокин, И. Г. Нагой, боярский список 1588–1589 гг., разрядные книги, ранняя русская колонизация Сибири.

Solodkin Yakov Grigoryevich
doctor of historical sciences, professor
Nizhnevartovsk State University
Nizhnevartovsk
hist2@yandex.ru

WHEN WERE THE RUSSIAN TOWNS ON THE VERKHNIY TAGIL AND THE LOZVA FOUNDED? (GLIMPSES INTO THE EARLY HISTORY OF THE RUSSIAN TOWN BUILDING IN SIBERIA)

The town of Verkhniy Tagil may well have been founded by the troops of voivodes V. B. Sukin and I. N. Myasnoy in 1586, despite the commonly shared view of it having been erected two years earlier by Prince S. D. Bolkhovsky's streletsy. The Lozva town, from which the early Russian colonization of Siberia basically spread, was most probably set up in 1589, with the major contribution made by the servicemen sent from the town of Verkhniy Tagil and headed by junior voivode I. I. Ordin-Naschokin, who was subsequently taken over as voivode by the formerly disgraced I. G. Nagoy.

Keywords: the town of Verkhniy Tagil, the Lozva town, Prince S. D. Bolkhovsky, I. I. Ordin-Naschokin, I. G. Nagoy, the boyar register of 1588 – 1589, service appointment records, the early Russian colonization of Siberia.

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

Первыми русскими укрепленными поселениями на подступах к Сибири, как тогда считалось, в самой этой «Закаменской стране», явились Верхтагильский и Лозвинский городки.

По заключению А.Т. Шашкова, в 1584 г., когда в ночном бою на берегу Иртыша, близ устья Вагая, погиб Ермак, готовившиеся «плыть на судах дальше на помощь» его «дружине» служилые люди под предводительством воеводы князя С.Д. Болховского и голов И.С. Киреева и И.В. Глухова, признав это место удобным для стоянки, «срубили» городок на левом берегу Тагила [21, С. 117; 44, С. 18; 45, С. 175, и др.]. Но даже в единственной летописи, сообщающей о «поставлении» Верхтагильского городка, – Книге записной (далее – КЗ) – умалчивается про его закладку стрельцами, которыми предводительствовал Болховский. В Погодинском летописце (далее

– ПЛ), сохранившем уникальные данные о составе рати, направленной из Москвы за Урал, и скором возвращении в русскую столицу Киреева с пленными вольными казаками царевичем Маметкулом [24, С. 133, 135, 137, 138, ср.: С. 60, 73, 78, 189, 368], тоже нет и намека на сооружение городка в верховьях Тагила отрядом Болховского. Его стрельцы, ранее служившие в Казани, Свияжске, Перми и Вятке, думается, вряд ли могли заниматься «поставлением» крепости напротив горы Медведь-Камень, ибо и так задержались с выступлением в «Сибирскую землю» (начало экспедиции перенесли с зимы 1583/84 г. на более поздний срок, т. к. выяснилось, что в ту пору на конях туда «пройти не мочно»). К тому же уцелевшие ермаковцы во главе с И. В. Глуховым вернулись на «Русь» «через Камень Собыю рекою ... в Пустоозеро» [24, С. 133 – 135, ср.: 73, 74, 78, 185, и др.], а не по Туре и Тагилу.

В царской грамоте от 7 января 1584 г., адресованной С.А., М.Я. и Н.Г. Строгановым, им предписывается к весне «изготовить» Болховскому для похода в Сибирь 15 «стругов добрых со всем судовым запасом», «чтоб за теми струги в ваших острогах («нашей рати». – Я. С.) ни часу не мешкати». Г.Ф. Миллер, следуя Ремезовской летописи (далее – РЛ), писал о «быстром продвижении» посланного Иваном IV отряда за Урал, которое датировал 1583 г. А.Г. Сутормину и Н.А. Миненко подобно С.В. Бахрушину думается, что Болховский почти или не менее полугодом, с весны до начала ноября 1584 г., добирался с Чусовой до Кашлыка. В представлении же Н.А. Лапина этот поход занял у молодого воеводы и его стрельцов пять месяцев [11, С. 44; 12, С. 248, 337, 484; 13, С. 69; 39, С. 87, 88, 90, 91]. Судя по ПЛ, однако, служилые люди под началом Болховского присоединились к ермаковцам не 1 или 2 ноября (о чем, не сомневаясь в датировке С.У. Ремезова, писала и Е.К. Ромодановская), а вскоре после гибели «ратоборного» атамана 6 августа [24, С. 135, ср.: 133; 28, С. 188, 210-211, 213], едва ли позднее начала сентября 1584 г. (А.П. Ярков, кстати, напрасно увеличивает численность войска захудалого князя на «500 служилых», доверяя сообщению РЛ, и безосновательно утверждает, что «отряд Болховского продвигался долго, поскольку останавливался для сбора ясака» [48, С. 28]).

Возможно, основателем Верхтагильского городка являлся Г.Ф. Елизаров, который в «разрядах» числится в этом остроге в 1586/87 г. Тогда выборный дворянин по Мурому, затем управлявший Тайгой и Кетском (в должностях городничего и воеводы соответственно), не исключено, прибыл на Тагил в отряде письменного головы Д.Д. Чулкова, заложившем Тобольск – следующую после Тюмени русскую крепость в Сибири.

Вызывает сомнение и мысль А.Т. Шашкова, что в верховьях Тагила стрельцы, возможно, бросили по приказу молодого и неопытного воеводы значительную часть запасов, скорее всего «расчитывая вернуться за ними позднее», но «сделать это не удалось», следствием чего явился страшный голод в Искере зимой 1584 – 1585 гг., когда умерли и князь Болховский, и большинство его ратников [29, С. 27; 43, С. 76, и др.]. Он, надо думать, если так и поступил, что представляется маловероятным, то по государеву наказу, и неясно, каким образом служилые люди собирались забрать оставленные в «срубленном» накануне городке продовольствие и вооружение, охрану которых князь Семен якобы поручил нескольким десяткам стрельцов во главе с Р. Языковым – нижегородским сыном боярским, еще в 1567 – 1568 гг. являвшимся стрелецким сотником в Казани. Скорее воевода, под началом которого состояло всего триста служилых, дорожил ими и едва ли в ожидании боев с «кучумлянами» выделил Языкову (который, очевидно, был не воеводой, а головой) несколько десятков ратников.

Судя по КЗ – старшей из дошедших до нас редакций Сибирского летописного свода (далее – СЛС) – Лозьвинский городок простоял три года [24, С. 141]. Возможно, это указание летописца, довольно невнятно поведавшего о «зачатии и поставлении» Верхотурья, относится к Верхтагильскому острогу (со временем прослывшему Ермаковым городищем). Не исключено, что его «срубили» на пути в Сибирь ратники воевод В.Б. Сукина и И.Н. Мясного, летом 1586 г. заложившие Тюмень на развалинах Чимги-Туры. (В то время годовальщики несли службу и в Обском или Мансуровском городке, появившемся поздней осенью 1585 г.).

Верхтагильский острог через несколько лет после основания был заброшен и сожжен, а составлявшие его гарнизон (которым вначале ведал голова Р. Языков) казаки и стрельцы переведены в городок, «поставленный» на мысу при впадении реки Ивдель в Лозьву. Этот городок, как отметил А.Т. Шашков, призван был осуществлять контроль за Вишерско-Лозьвинским путем из «Руси» в «Сибирскую землю», заменившим дорогу через Тагильский волок [46, С. 251].

В ранней истории Лозьвинского городка еще многое неясно, прежде всего по причине малочисленности и фрагментарности сохранившихся источников. Так, исследователи далеки от единодушия, устанавливая хронологию его возникновения и определяя, кто основал крепость, в конце XVI в. (до сооружения Верхотурья) являвшуюся главной перевалочной базой на пути за «Камень». В одной из посмертно опубликованных монографий А.А. Зимина, к примеру, мы находим две даты строительства Лозьвинского городка: 1589/90 и (как и у С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомирова, позднее

Р.Г. Скрынникова, З.Я. Бояршиновой и Н.И. Никитина) 1590 г. [1, С. 94, 146, ср. С. 103; 6, С. 151, 201; 7, С. 32; 8, С. 109; 15, С. 18; 37, С. 215; 40, С. 466]. Вместе с тем выдающийся ученый писал о пребывании воеводы И. Г. Нагого в Лозье в 1588/89 г., о чем сказано в разрядной книге самого начала царствования Бориса Годунова [6, С. 111; 25, С. 487]. Р.Г. Буканова, кстати, следуя тому же источнику, упоминает о службе И.Г. Нагого в 1589 г. «на Елове» (очевидно, речь должна идти о «Злове», как подчас название этой крепости писалось в «разрядах»); лозьвинским воеводой он якобы был три года спустя, и до 1598 г. являлся вторым воеводой в Сибири [3, С. 125; ср.: 9, С. 25]. (В Лозье И.Г. Нагой – двоюродный брат последней жены Ивана Грозного Марии Федоровны – однако, служил не вторым воеводой, а единственным, попав, как и многие его родственники, в опалу с воцарением «освятованного» Федора).

А.Т. Шашков связывал возникновение Лозьвинского городка с тем обстоятельством, что «около 1588 г. служилым людям из Тобольска удалось привести к покорности Пелым и Большую Конду» (их князья Аблегири и Агай, ранее являвшиеся вассалами Кучума, «обязались с 1589 г. платить ясак русским»), и «путь из Чердыни через Вишеру на Лозьву и Тавду стал теперь свободным». (Точнее, как узнаем по одной из последних грамот «святоцаря» Федора «на Пелым», ясак с жителей Большой Конды взимался, начиная с 1588/89 г., на три года раньше, чем с Малой, если только те и другие не внесли его полностью за предыдущее время. Пелымцы тоже могли стать подданными Федора Ивановича не синхронно с населением Большой Конды). В представлении А.Т. Шашкова на Лозьву перевели гарнизон Верхтагильского городка, просуществовавшего примерно пять лет. Б.Б. Овчинникова приурочила появление русского городка в устье реки Ивдель к 1587/88 г. [12, С. 365, 366; 18, С. 83; 44, С. 18; 45, С. 175-176, и др.]. Г.Ф. Миллер, ссылаясь на обнаруженный им в «пелымской архиве» документ с упоминанием о воеводстве И.Г. Нагого в Лозье в 1589/90 г., «уповательно» заключил, что им этот город заложен около 1590 г., о чем писал и И.В. Щеглов [12, С. 271-272; 19, С. 175; Л. 2 об.; 47, С. 47, 50]. По мнению В.И. Сергеева, Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского, поначалу и А.Т. Шашкова, «Лозьвинский город и острог» выстроены в 1589 г. На взгляд В.А. Оборина, это произошло годом раньше. И.Л. Жеребцов цитировал сообщение поздней Вычегодско-Вымской (Мисайло-Евтихиевской) летописи о посылке коми «судоделавцев» «на Лозьву городок» в 1588 г., но отнес его появление к 1590-м гг. С точки зрения Н.Н. Симачковой, решение об основании городка при впадении Ивдели в Лозьву, сыгравшего значительную роль в ранней русской колонизации Зауралья, было

принято в 1589 г. [5, С. 78; 17, С. 133; 26, С. 20; 30, С. 12; 31, С. 114; 32, С. 176; 34, С. 5; см. также: 33, С. 353]. Утверждение Н.К. Фролова, будто эта крепость на Тавдинском пути заложена в 1598 г. [41, С. 113], – очевидное заблуждение, тогда она была скрыта, по замечанию одного сибирского летописца, сожжена [1, С. 95]. (Указание, что Лозьвинский городок существовал до 1597 г. [17, С. 133], неточно).

А.Т. Шашков, наиболее обстоятельно рассмотревший судьбу крепости на Лозье, находил, что воеводу В.А. Квашнина, переведенного в Новгород, «на Тагиле» заменил другой выборный ржевский дворянин И.И. Ордин-Нащокин, под началом которого «тагильские» стрельцы и возвели укрепления нового города, ставшего центром обширного уезда, а «через год» вместо этих стрельцов в лозьвинском гарнизоне стали служить устюжане, прибывшие в Сибирь с отправившимся из Вологды князем И.М. Вадбальским; вскоре воеводой «на Лозье» стал И.Г. Нагой [21, С. 122-123; 29, С. 31; 44, С. 18-19; 45, С. 176-177]. Эти сведения почерпнуты видным сибиреведом из боярского списка 1588 – 1589 гг. и почти синхронного ему списка дворян, намеченных к участию в Шведском походе царя Федора [2, С. 137, 150, 286]. Вопреки выводу А.Т. Шашкова, этот боярский список склоняет к заключению, что В.А. Квашнин и И.И. Ордин-Нащокин «командовали» гарнизоном на Лозье не совместно, а друг за другом. Исследователь, думается, напрасно отнес В.А. Квашнина и И.И. Ордина-Нащокина к воеводам, скорее они являлись, как и И.М. Вадбальский, стрелецкими головами. Первого из них не перевели служить в Новгород, а направили туда для участия в «немецком» походе (который начался 14 декабря 1589 г.), подобно сотням других московских и выборных дворян. (Примечательно, что А.М. Акинфому предписывалось «из Чюсовой не быть» [2, С. 286; ср.: С. 136-137, 150]). По определению С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского, интересующий нас боярский список был составлен осенью 1588 г. и оставался действующим документом в Разрядном приказе свыше года, а т. н. походный список, в основном сложившийся к осени 1589 г., использовался до конца февраля следующего года, причем боярский список, особенно содержащиеся в нем пометы, послужили источником перечня дворян, которые могли стать участниками войны со Швецией [14, С. 28-30, 63-65; 38, С. 149, 150]. Следовательно, считать, что устюжские стрельцы, прибывшие «на Лозьву» с пошехонским выборным И.М. Вадбальским (ранее он занимал какую-то административную должность в Вологде [22, С. 240]), сменили «тагильских» через год, едва ли стоит. (Примечательно, что в 1594 г. в Лозье хранился хлеб «устюжского запаса» [12, С. 352]). Кстати, в «походном» списке Г.Ф. Елизаров значится с

пометой «в Мещеру збир[ать]», следовательно, он вернулся с Тагила в Муром не позднее осени 1589 г.

Примечательно, что в том же документе читаем об отправке выборного по Юрьеву-Польскому Ю.Я. Строилова «вологжан (детей боярских. – Я. С.) збир[ать]» для участия в кампании против шведов, а дворянина московского Ю. И. Вельяминова – из столицы с деньгами в Смоленск «и идти с ст[р]ел[ь]цами в Новгоро[д]» [2, С. 276, 287; ср.: С. 151]. Многочисленные пометы, имеющиеся в этом документе, фиксируют «збор» детей боярских, татар, «посохи», кормов для зимнего Шведского похода Федора Ивановича, – похода, участвовать в котором должны были дворяне, упомянутые в боярском списке с ремарками «в Новгород», «в Новгороде», «з государем» [2, С. 274, 276-302, 304-306], почему можно думать, что князя И. М. Вадбальского отправили в Сибирь, точнее, в Лозьву, не позднее начала осени 1589 г. К тому времени, очевидно, И.И. Ордин-Нащокин с «тагильскими стрельцами» уже приступил к строительству нового города у выхода из Уральских гор. Возможно, он возводился не только этими стрельцами, как полагал А.Т. Шашков. Известно, что среди «ставивших» Лозьву был литвин Г.С. Костелецкий [27, С. 50]. Не исключено, что он попал в Сибирь в отряде И.М. Вадбальского, «остюженцы» которого, как и служившие «на Тагиле», скорее всего являлись годовальщиками. (Из них, напомним, состоял гарнизон Обского городка, «срубленного» ратниками воеводы И.А. Мансурова в последние недели осени 1585 г.). И.М. Вадбальский вскоре, не позднее конца 1592 – начала 1593 гг., вернулся «на Вологду» и стал воеводствовать в этом городе [12, С. 343]. Кстати, в 1595/96 г. в Тару «с проездом на три годы» послали мещевских детей боярских И. Беклемишева (ранее он входил в число выборных дворян), М. Глебова и Ф. Лопухина, под началом каждого из которых состояло сорок литвинов, черкас и казаков [16, С. 30].

Согласно КЗ, старые «воеводственные места» – Верхтагильский и Лозьвинский городки – были сожжены одновременно при закладке Верхотурья. Скорее первый из них прекратил существование в канун основания Лозьвинского городка.

Известный сургутский атаман Т. Федоров в челобитной за 1626 г. утверждал, что несет «в Сургуте тридцать пять лет всякие службы летние и зимнии, нартовые и струговые». Поскольку этот город основан в 1594 г., было высказано мнение, что Т. Федорова (участвовавшего, если верить той же челобитной, в «поставлении» Пелыма и Сургута) тремя годами прежде зачислили в лозьвинские казаки [10, С. 83, Примеч. 1]. Но об их переводе в гарнизоны Пелыма и Сургута сведений не сохранилось. Скорее, что не было редкос-

тью в челобитных такого рода (ср., напр.: 12, С. 437), Т. Федоров, определяя время своей службы в Сибири, допустил преувеличение.

Г.Ф. Миллер, повторим, считал основателем Лозьвинского городка воеводу И.Г. Нагого. Таково было мнение и Д.Я. Резуна с Р.С. Васильевским, вначале также А.Т. Шашкова. Недавно Н.С. Харина, разделяя эту версию, назвала Нагого Иваном Григорьевым [20, С. 94; 26, С. 20; 41, С. 17]. «Походный» список конца 1580 гг., позволяет, однако, вслед за А.Т. Шашковым признать основателем крепости, без малого десятилетие являвшейся главным перевалочным пунктом на пути из Европейской России в Сибирь, накануне служившего «на Тагиле» голову И.И. Ордина-Нащокина, которого сменил И.Г. Нагой, но скорее не в 1588/89 г., как сообщается в «разрядах», а (о чем, напомним, шла речь в найденном Г.Ф. Миллером в пелымском архиве документе, посвященном розыску бежавших из Лозьвы казаков) в следующем, 1589/90.

Согласно наказам о строительстве Пелыма и Тары, опубликованным «отцом сибирской истории», И.Г. Нагой оставался воеводой в Лозьвинском городке и весной 1593 г., и год спустя [12, С. 275, 284, 339, 340, 342, 343, 352], а не до 1593/94 г. (так полагал А.А. Зимин, ошибочно писавший о переводе И.Г. Нагого из этого городка в Казань [6, С. 111, 269. Примеч. 30]).

А.П. Павлов, надо думать, имея в виду и Ивана Григорьева сына, полагал, что отбывавших «дальние службы» Нагих мы застаем не всегда «на опальном положении», но и «нередко в качестве деятельных представителей царской администрации на восточных рубежах государства» [22, С. 44. Примеч. 17]. Но такое положение, вопреки взгляду исследователя, отнюдь не означает, что воеводы и головы, назначенные (хотя бы формально) «святоцарем» Федором, должны были проявлять пассивность, о чем свидетельствует, в частности, пример князя П.И. Барятинского, управлявшего в первой половине 1590-х гг. Тобольском и Тюменью.

Пребывание опального родственника вдовой царицы в Лозьве, кстати, противоречит мнению, будто Нагих вернули на службу, которую они несли при Иване Грозном, только с вступлением на престол Бориса Годунова [35, С. 242; ср.: 36, С. 18, 41, 61]. В наказах от 10 февраля 1595 г. назначенным в Сургут воеводе О.Т. Плещееву и письменному голове И.И. Колемину, новым тарским администраторам князю Ф.Б. Елецкому и В.М. Хлопову лозьвинским воеводой представлен уже недавний казначей И.В. Траханиотов. Поэтому маловероятно, что он лишился данного чина и был послан «на Лозьву» в 1595 г., как утверждает А.П. Павлов [23, С. 206, 218. Примеч. 109]. Скорее к тому времени И.В. Траханиотов попал в немилость [22, С. 53] и спешно отправился на сибирскую «украину», сменив в

недавно основанном городке И.Г. Нагого, переведенного, как находил А.Т. Шашков, в Тюмень (где служил в 1595/96 г.) [25, С. 505; 45, С. 178, и др.]. (Летописное известие о переводе воевод – и И. Нагого, и И. Траханиотова – «со всею присудой и с людьми с Лозвы реки на верх Туры» – не отличается точностью. В Академической редакции СЛС известие КЗ о возникновении Туринского острога понято так, что его основатель И. Лихарев перевел туда город «и воевод и людей с Ло[з]вы» [24, С. 140, 141, 369]). Согласно духовной И.Г. Нагого от 26 августа 1598 г., этот дворянин последовательно воеводствовал в Лозьве, Березове и Тюмени [4, С. 62, 65. Примеч. 5]. Пребывание И.Г. Нагого «на Березове», не отмеченное в справочниках К.Б. Газенвинкеля и Е.В. Вершинина, можно приурочить к первым месяцам 1595 г. Грамота, «писанная» в Москве 26 июня 1595 г., с упоминанием о возвращении в Тюмень 27 мая того же года (о чем сообщили в столицу прежние тюменские администраторы князь П.И. Барятинский и Б.В. Воейков) десятника И. Луховца и подчиненных ему казаков из Тары, адресована уже в Тюмень воеводе князю Г.И. Долгорукому «с товарищи» [12, С. 361]. Поэтому можно заключить, что И.Г. Нагой, оставив Лозьву, стал вторым тюменским воеводой не в начале 1595 г., как представлялось А.Т. Шашкову [45, С. 178, и др.], а несколько позднее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1.
2. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее – БСР). М., 1979. Ч. 1.
3. Буканова Р.Г. Правда и вымысел об Иване Григорьевиче Нагом // VIII Всерос. научно-практ. конф. Тобольск научный. 2011. Тобольск, 2011.
4. Голубцов И.А. «Измена» Нагих // Уч. зап. Ин-та истории Рос. ассоциации научно-исследовательских институтов обществ. наук. 1929. Т. 4.
5. Жеребцов И.Л. Коми – жители первых западносибирских городов в конце XVI – первой четверти XVII вв. // Культурное наследие Азиатской России: Мат-лы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (25–27 ноября 1997 г., г. Тобольск). Тобольск, 1997.
6. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986.
7. История Сибири. Л., 1968. Т. 2.
8. История Сибири (Уч. пос.). Томск, 1987.
9. История Уфы: Краткий очерк. Уфа, 1981.
10. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия. Екатеринбург, 1999.
11. Лапин Н. Военное искусство в сибирских походах Ермака // Военно-исторический журнал. 1966. № 1.
12. Миллер Г.Ф. История Сибири. 3-е изд. М., 2005. Т. 1.
13. Миненко Н. Хожение за «Камень». Начало Азиатской России: новая версия // Родина. 2000. № 5.
14. Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Вступительная статья // БСР. М., 1979. Ч. 1.

15. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987.
16. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М., 1901. Ч. 4.
17. Оборин В.А. Некоторые особенности формирования и развития городов на окраинах Русского государства в XV – XVII вв. (на примере Урала) // Вопросы формирования населения Сибири в XVII – XIX вв. Томск, 1978.
18. Овчинникова Б.Б. О формировании русских острогов и городов на Урале в XVI в. // Сургут, Сибирь, Россия: Международ. научно-практ. конф., посвященная 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ.: 23-25 марта 1994. Екатеринбург, 1995.
19. Описание Сибирского Царства: Соч. Г. Ф. Миллером. М., 1998. Кн. 1.
20. Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.
21. Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.
22. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба в России при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.
23. Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. М., 1988. Т. 116.
24. Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36.
25. Разрядная книга 1475 – 1598 гг. М., 1966.
26. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
27. Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «литве» в Сибири 17 в. // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000.
28. Ромодановская Е.К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002 (Избр. труды).
29. Русское старожильское население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. М., 2007.
30. Сергеев В.И. Основание городов Западной Сибири (до середины XVII века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962.
31. Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21).
32. Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967.
33. Сибирь: Атлас Азиатской России. Новосибирск; М., 2007.
34. Симачкова Н.Н. Военные функции воевод западносибирских городов (кон. XVI – нач. XVII вв.) // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки (далее – ЗС). Тюмень, 2001. Вып. 4.
35. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в.: «Смута». М., 1988.
36. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981.
37. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.
38. Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979.
39. Сутормин А.Г. Ермак Тимофеевич (Аленин Василий Тимофеевич). Иркутск, 1981.
40. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
41. Фролов Н.К. У истоков русского духовного наследия в Западной Сибири // Аспекты развития духовной культуры в Западной Сибири. Тюмень, 1994.
42. Харина Н.С. Присоединение сибирских территорий и строительство первых церквей в Западной Сибири // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сургут, 2008.
43. Шашков А. Гибель Кучумова «царства». Еще раз о походе Ермака: новая версия // Родина. 2002. Тропой стран полуночных.
44. Шашков А. Первые зауральские города и остроги // Югра. 1997. № 8.
45. Шашков А.Т. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник: История: Религия: Культура. Екатеринбург, 1997.
46. Шашков А.Т. К истории основания Березова и Пельма // Культурное наследие российской провинции: история и современность: к 400-летию г. Верхотурья: Тез. докл. и сообщ. Всерос. научно-практ. конф. 26-28 мая 1998 г.: Екатеринбург – Верхотурье. Екатеринбург, 1998.

47. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 – 1882 гг. Сургут, 1993.
48. Ярков А.П. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // ЗС. Нижневартовск; Омск, 2011. Вып. 10.

* * * * *

УДК: 94(47).047

Коновалов Кирилл Андреевич

аспирант

Московский педагогический государственный университет

г. Москва

bookworm@bk.ru

РОЛЬ МАЯТНИКОВЫХ МИГРАЦИЙ В РАЗВИТИИ МОСКОВСКОГО КИТАЙ-ГОРОДА В XVII в.

В статье рассматриваются ежедневные перемещения занятого населения между районами Москвы в XVII в. Основное внимание уделяется Китай-городу – одному из центральных районов Москвы. Автор приходит к выводу, что значение маятниковых миграций для функционирования Китай-города, а также Кремля, возрастало по мере развития социальной структуры Москвы.

Ключевые слова: миграция, район, функция города, социальная группа, занятость.

Kononov Kirill Andreevich

post-graduate student

Moscow State Pedagogical University

Moscow

bookworm@bk.ru

BALANCE MIGRATIONS SIGNIFICANCE FOR MOSCOW KITAI-GOROD DEVELOPMENT IN XVIIth CENTURY

The author considers everyday migrations of employed people between Moscow districts in XVIIth century, pays special attention to Kitai-gorod, one of central Moscow districts, and comes to the conclusion about increase of balance migrations significance for function of Kitai-gorod, as well as Kremlin, in accordance to evolution of Moscow social structure.

Keywords: migration, district, function of city, social strata, employment.

Состав населения Москвы в XVII в. неоднократно рассматривался исследователями. Часть из них рассматривает Москву как

единое целое, не выделяя районов и не исследуя внутригородских миграций населения [1; 6, С. 450]. В других работах исследуется состав населения отдельно взятых районов и его изменения на протяжении изучаемого периода. В этих исследованиях освещены долгосрочные миграции – переселения различных социальных групп из одних районов в другие [9, С. 367; 10; 18]. Таким образом, внимание исследователей привлекают в основном места проживания москвичей, но не места их занятости. Маятниковые миграции – ежедневные перемещения лиц, проживающих в одном районе, а занятых в другом – до сих пор не являлись предметом специального рассмотрения. В историографии встречаются лишь отрывочные сведения об этом виде социальных процессов [18, С. 46]. Между тем, очевидно, что без их подробного исследования понимание механизмов функционирования Москвы в XVII в. будет неполным.

Наиболее интересным для исследования маятниковых миграций районом Москвы представляется Китай-город. Этот район являлся первоначальным центром московского посада, выполнявшим экономические, административные и культурные функции. По мере расширения посада и формирования новых районов Китай-город занял промежуточное положение между Кремлем, Белым городом и Замоскворечьем. Поэтому можно предположить, что население этих районов играло значительную роль в выполнении Китай-городом своих функций. Целью настоящей работы является воссоздание картины маятниковых миграций, связывавших Китай-город с другими районами Москвы, и определение их значения для функционирования Китай-города. Источниковую базу исследования составляют переписные, строельные и доимочные книги, чертежи улиц, записки иностранных путешественников, материалы приказного делопроизводства, челобитные частных лиц. Некоторые источники впервые вводятся в научный оборот.

Маятниковые миграции имели место в различных сферах занятости населения. Начать их рассмотрение уместно со сферы торговли, так как большая часть торговых площадей Москвы была сосредоточена в Китай-городе. Торговая функция Китай-города исполнялась в основном представителями трех социальных групп [6, С. 436]. Оптовую торговлю контролировало купечество, делившееся на гостей и членов Гостиной и Суконной сотен. Из 137 дворов, упомянутых в «Строельной книге Кремля и Китай-города» 1626 г., 12 принадлежало гостям и 16 – купцам Гостиной сотни [12, Д. 17, Л. 19-55]. В действительности их могло быть и больше, так как в «Строельной книге» перечислены только дворы, перестроенные после большого пожара 3 мая 1626 г. Всего же по данным на 1632 г. в Московском

государстве насчитывалось 175 членов Гостиной сотни [19, С. 16] и 26 гостей, из которых не менее 18 проживало в Москве [2, С. 114]. Таким образом, в первой трети XVII в. большинство гостей и около 10% купцов Гостиной сотни проживали в Китай-городе. Однако в дальнейшем численность купцов в населении Китай-города заметно снизилась. Из 331 двора, перечисленного в переписи Китай-города 1695 г., 8 принадлежало гостям и 4 – членам Гостиной сотни [13, Д. 966, Л. 3-37]. Всего же в конце XVII в. насчитывалось 34 гостя и 280 членов Гостиной сотни [19, С. 16]. Таким образом, в Китай-городе в этот период проживало около 25% гостей и незначительная часть купцов Гостиной сотни. Большинство купцов в течение XVII в. переселились в Земляной город, часть – в Замоскворечье и Белый город [5, С. 22; 18, С. 46]. Из вышесказанного следует, что в первой половине XVII в. оптовая торговля в Китай-городе в значительной степени осуществлялась населением самого этого района. Но уже тогда имели место маятниковые миграции из Замоскворечья, Белого и Земляного города. К концу столетия миграционные связи в сфере крупной торговли приобрели определяющее значение.

Сферу розничной торговли контролировали посадские люди и в меньшей степени служилые люди «по прибору» – стрельцы, пушкарки и т. д. Последним ремесло и торговля давали существенную прибавку к небольшому и нерегулярному жалованию. Из числа дворов, упомянутых под 1626 г., 16 принадлежало посадским людям [12, Д. 17, Л. 19-55]. (Приведенные здесь цифры отличаются от тех, что были опубликованы мной ранее [8, С. 89-91]. В ходе продолжающихся архивных изысканий было установлено, что ряд дворовладельцев, социальный статус которых в «Строельной книге» 1626 г. не указан, принадлежал не к посаду, а к купечеству. Это, впрочем, не отменяет основных положений указанной работы). Собственные дворы в Китай-городе имели только «лучшие люди» посада, занимавшиеся торговлей. Из числа лиц, проживавших «из найму» на чужих дворах, 48 принадлежали к московскому посаду. Только 6 из них обозначены в переписи как «торговые люди», остальные занимались различными ремеслами [12, Д. 17, Л. 67-76]. Перепись 1695 г. насчитывает в Китай-городе 21 двор посадских людей. Из 280 человек, проживавших в этом районе «из найму», 110 относились к посаду, но «торговыми людьми» названы только двое из них [13, Д. 966, Л. 3-37].

Можно с достаточной уверенностью предполагать, что в Китай-городе проживала лишь незначительная часть посадских людей. Известно, например, что в 1701 г. в черных и дворцовых слободах Москвы насчитывалось 6244 двора [5, С. 21], не считая лиц, снимавших жилье (тяглецы приписывались к слободам независи-

мо от места фактического проживания). Разумеется, далеко не все посадские люди владели торговыми помещениями. Тем не менее, очевидно, что жители Китай-города не могли контролировать то количество торговых мест, которое принадлежало московскому посаду. В 1626 г. московским посадским людям принадлежало 903 торговых места различных видов на территории Китай-города, а в 1701 г. (по, вероятно, неполным данным) – 543 торговых места [12, Д. 18, Л. 1-195; 4, Стб. 1163–1188]. Из этого следует, что подавляющее большинство посадских людей, торговавших в рядах Китай-города, проживало в других районах Москвы. Что же касается стрельцов и других служилых людей «по прибору», то они в Китай-городе не проживали вообще [12, Д. 17, Л. 19-55, 67-76; 13, Д. 966, Л. 3-37]. Основным районом их проживания было Замоскворечье, принимавшее на себя первый удар при набегах крымских татар. Таким образом, в сфере розничной торговли на всем протяжении XVII в. значение маятниковых миграций было определяющим, а роль населения Китай-города – незначительной.

Экономические функции Китай-города не исчерпывались сферой торговли. В этом районе располагались два крупных производства – Печатный и Денежный дворы. На Денежном дворе работали около 200 человек различных специальностей. Большинство из них проживало в Белом городе, в специально организованной Денежной слободе [6, С. 404-405]. Отдельные дворы «денежных мастеров, и кузнецов, и бойцов, и волочильщиков» были разбросаны чуть ли не по всей Москве, но ни одного двора в Китай-городе среди них не было [15, Д. 272, Л. 451-462]. Известен только один случай, когда рабочий человек Денежного двора снимал жилье на чужом дворе [12, Д. 17, Л. 71-72]. Несколько иным было положение рабочих людей Печатного двора. Большинство из них также проживали в особой Печатной слободе в Белом городе, за Сретенскими воротами [6, С. 469], но мастера высокой квалификации – наборщики и тередорщики – могли иметь дворы в Китай-городе. Под 1626 г. в этом районе упомянуты два двора наборщиков [12, Д. 17, Л. 20, 63-64]. Вероятно, мастера Печатного двора имели дворы в Китай-городе и позднее, о чем свидетельствует челобитная рабочих людей, живших в других частях Москвы, об уравнении в правах с жителями Китай-города [16, Д. 677, Л. 369]. Однако к 1695 г. дворов рабочих людей в Китай-городе не осталось [13, Д. 966, Л. 3-37]. Мастера Печатного двора могли также проживать на чужих дворах «из найму». Однако, судя по данным переписей съемщиков жилья 1626 г., 1670-х гг. и 1695 г., их число никогда не превышало 8 человек [12, Д. 17, Л. 67-76; 16, Д. 677, Л. 15-33; 14, Д. 57, Л. 1-23об.; 14, Д. 72, Л. 1-16; 13, Д. 966, Л. 3-37]. Из

вышесказанного следует, что производственная функция Китай-города практически полностью, за редкими исключениями, обеспечивалась за счет маятниковых миграций из Белого города.

Маятниковые миграции имели место также в административной сфере занятости. В первой трети XVII в. на территории Китай-города располагались органы местного управления – Земский приказ, отвечавший за управление Москвой, тиунская изба, ведавшая сбором налогов с московского духовенства в пользу патриарха, Мытный двор (таможня) и «тюремный двор» [12, Д. 17, Л. 19, 30, 31; 18, С. 55, 56, 59]. Позднее этот перечень пополнился приказами общегосударственного значения. В 1644 г. в Китай-город был перенесен из Кремля приказ Книгопечатного дела (администрация Печатного двора) [9, С. 416]. Не позднее 1660-х гг. на Красной площади появился приказ Приема стрелецкого хлеба, ведавший снабжением армии [11, Д. 484, Ч. 1, № 14, Л. 1-2; 18, С. 55-56]. В 1670 г. в Китай-город были перенесены сразу четыре приказа – Сибирский, Ямской (почтовая служба), Челобитный, рассматривавший жалобы на действия должностных лиц, а также приказ Большого прихода, ведавший сбором общегосударственных налогов [15, Д. 421, Л. 631].

Согласно данным известных на сегодняшний день источников, в течение XVII в. в Китай-городе проживали (как на собственных дворах, так и в съемных помещениях) по двое служащих Сибирского приказа (1670 г., 1695 г.) и приказа Большого прихода (в 1657 г., когда этот приказ еще не был расположен в Китай-городе, и в 1672 г.), а также по одному служащему Земского приказа (1626 г.) и таможни (1695 г.). [12, Д. 17, Л. 71; 11, Д. 484, Ч. 2, № 4, Л. 3; 16, Д. 677, Л. 23; 14, Д. 72, Л. 15об.; 13, Д. 966, Л. 13, 19; 4, Стб. 22]. Помимо подъячих, выполнявших основную работу в государственных учреждениях, в это число входили также сторожа и другие подсобные работники. Известно также, что в Китай-городе в 1650 – 1660-х гг. проживали два дьяка приказа Книгопечатного дела и один – Ямского приказа [4, Стб. 14; 16, Д. 384, Л. 329-332; 15, Д. 437, Л. 23]. Этого было явно недостаточно, чтобы обеспечить работу перечисленных учреждений. Известно, например, что в штате Земского приказа в первой трети XVII в. могло числиться от 6 до 10 подъячих. В приказе Большого прихода во второй половине столетия служило 20-40 подъячих. Даже в таком небольшом учреждении, как таможня, во второй половине XVII в. было не менее 6 подъячих [3, С. 24, 43, 44, 60]. Под 1626 г. в Китай-городе упоминаются также 4 двора служащих тюрьмы (подъячего и трех сторожей), но в том же году они были выселены из этого района (куда именно, источник не указывает) [12, Д. 17, Л. 29-30]. Из вышеизложенного следует, что административные функции Китай-города обеспечива-

лись в основном за счет маятниковых миграций и лишь в незначительной степени – населением самого этого района.

В то же время, в Китай-городе в течение XVII в. проживали на собственных дворах или снимали жилье дьяки, подьячие и мелкие служащие 17 приказов, располагавшихся в Кремле и Белом городе [12, Д. 17, Л. 19-55, 67-76; 13, Д. 966, Л. 3-37; 11, Д. 484, Ч. 1, № 14, Л. 2; 11, Д. 484, № 21, Л. 1; 11, Д. 484, Ч. 2, № 4, Л. 3; 16, Д. 677, Л. 15-33; 14, Д. 57, Л. 1-23об.; 14, Д. 72, Л. 1-16; 13, Д. 966, Л. 3-37; 4, Стб. 6-33.]. Всего же в Московском государстве насчитывалось около 25 постоянно действующих приказов, не считая временных [3, С. 44]. Однако необходимо отметить, что число подьячих и мелких служащих одного приказа, одновременно проживавших в Китай-городе, не превышало трех человек, а дьяков – одного-двух человек. Не составляли исключения даже приказы высшей компетенции – Поместный, Разрядный, Большой Казны и Большого Дворца, хотя в этих четырех приказах была сосредоточена почти половина всех московских подьячих [3, С. 44]. Средняя же численность аппарата приказа в этот период составляла 30-50 человек. Из этого следует, что Китай-город частично обеспечивал административные функции Кремля и Белого города, но маятниковые миграции, направленные из Китай-города в эти районы, были слабо развиты.

Маятниковые миграции, направленные из Китай-города в Кремль, охватывали не только приказных служащих, но и высшие категории служилых людей. Под 1626 г. в Китай-городе упомянуты 5 дворов бояр и 8 – думных дьяков [12, Д. 17, Л. 19-55]. В 1695 г. в этом районе насчитывалось уже 15 дворов бояр, 6 – окольных, 2 – думных дворян и 13 – думных дьяков [13, Д. 966, Л. 3-37]. Польский дипломат Адам Олеарий в 1634 – 1635 гг. насчитывал в Боярской Думе 29 бояр, 24 окольных, 6 думных дворян и 3 думных дьяка [17, С. 324]. Сравнив эти цифры с данными переписей (разумеется, с поправкой на хронологический разрыв), можно утверждать, что в Китай-городе в первой трети XVII в. проживала незначительная часть лиц, имевших право заседать в Боярской Думе. В дальнейшем, однако, служилые люди «думных чинов» стали активно переселяться из плотно застроенного Кремля в Китай-город, что способствовало развитию маятниковых миграций между этими районами Москвы.

Обособленной частью государственного аппарата являлось дворцовое хозяйство. Слуги, работавшие в царском дворце, в первой трети XVII в. в Китай-городе практически не жили (под 1626 г. упомянут только один двор истопника) [12, Д. 17, Л. 28]. Очевидно, это объясняется упадком дворцового хозяйства в Смутное время. В дальнейшем число дворцовых слуг, проживавших в иссле-

дуемом районе, возросло. В 1695 г. в Китай-городе насчитывалось 10 дворов слуг различных специальностей. В этом же году 9 дворцовых слуг проживали на чужих дворах «из найму» [13, Д. 966, Л. 3-37]. К сожалению, подсчитать общую численность обслуживающего персонала царского двора по известным на сегодняшний день источникам вряд ли возможно. Можно предположить, что большинство дворцовых слуг, как и приказных служащих, проживали в Белом и Земляном городе. По мере развития дворцового хозяйства численность слуг в составе населения Китай-города увеличивалась, но значение этого района в обслуживании дворцового хозяйства, вероятно, оставалось небольшим.

Необходимо рассмотреть также миграции в культурно-просветительской и религиозной сферах занятости. Такое объединение вполне оправдано, так как основным носителем культуры в России XVII в. было духовенство. В отличие от большинства социальных групп, за приходским духовенством было законодательно закреплено право на проживание вблизи от места службы. Каждой приходской церкви отводился земельный участок, ставить дворы на котором могли только действующие служители этой церкви. Исключения имели место только в Смутное время начала XVII в., когда церковная жизнь пришла в упадок, и часть дворовых мест была продана третьим лицам. В 1626 г. все незаконные сделки с церковной землей были аннулированы [12, Д. 17, Л. 63-66]. В дальнейшем все приходские церкви Китай-города, а их в XVII в. насчитывалось около 30 [7, С. 273-289], обслуживались лицами, проживавшими в этом районе. Во второй половине XVII в. численность приходского духовенства заметно возросла из-за строительства новых и реконструкции старых церквей. Церковных земель стало не хватать для обустройства дворовых мест. Но и тогда священнослужители Китай-города предпочитали арендовать жилые помещения у других членов причта своих церквей, а не переселяться в другие районы Москвы [13, Д. 966, Л. 3-37].

Черное духовенство, разумеется, проживало на территории монастырей. В Китай-городе в XVII в. насчитывалось 4 мужских монастыря – Николо-Греческий, Богоявленский, Заиконоспасский и основанный в 1631 г. Знаменский [7, С. 240-260]. На территории Заиконоспасского монастыря начиная с 1630-х гг. функционировали учебные заведения различной организационной структуры, эволюция которых привела уже в XVIII в. к образованию Славяно-греко-латинской Академии. Преподавательский состав в этих училищах состоял из монахов Заиконоспасского и Знаменского монастырей, а также приглашенных специалистов, проживавших на территории монастыря [7, С. 251-253]. Таким образом, просве-

нительские функции Китай-города полностью обеспечивались жителями этого района.

Правила, регламентирующие расселение духовенства, не распространялись на служителей церквей, не имевших приходов. В Китай-городе такими являлись Покровский и Казанский соборы, а также 15 небольших церквей «на рву», располагавшихся вдоль кремлевской стены [11, Д. 296, Л. 15-16]. Под 1626 г. в Китай-городе упомянуты 3 двора служителей Покровского собора [12, Д. 17, Л. 26-28]. В 1695 г. в этом районе насчитывалось 7 дворов причта этого же собора, и еще 5 человек проживали на чужих дворах «из найму» [13, Д. 966, Л. 3-37]. Очевидно, это были не все служители Покровского собора, включавшего, помимо основного храма, 8 приделов. Служители Казанского собора, судя по данным известных на сегодняшний день источников, в Китай-городе не проживали. Что же касается церквей «на рву», то в XVII в. в Китай-городе располагался только один двор священника церкви Василия Кесарийского [11, Д. 484, Ч. 2, № 4, Л. 3]. Другой священник – церкви Марка Евангелиста – в этот же период проживал «из найму» на чужом дворе [14, Д. 72, Л. 9об.]. Можно предположить, что причт Казанского собора и церквей «на рву», а также некоторые служители Покровского собора, проживали в Белом городе, за Воскресенскими воротами Китай-города, а также в Замоскворечье, за Москворецкими воротами. Таким образом, маятниковые миграции имели место и в религиозной сфере занятости, но их роль в реализации соответствующих функций Китай-города не была значительной.

На территории Кремля, в отличие от остальной части Москвы, не было приходских церквей. В этом районе располагались только соборы и домовые храмы царской семьи. Поэтому представители духовенства, служившие в Кремле, могли проживать в любом районе города. Это же относилось к певчим дьяконам, входившим в штат царского и патриаршего дворов. Под 1626 г. в Китай-городе упомянуты 9 дворов служителей различных кремлевских церквей и 1 двор государева певчего дьякона. Еще один царский певчий в этом же году снимал жилье на чужом дворе [12, Д. 17, Л. 19-55, 77]. Можно предположить, что в первой трети XVII в. в Китай-городе проживала сравнительно небольшая часть кремлевского духовенства. Однако по мере развития дворцового хозяйства в этой социальной группе стали проявляться те же тенденции, что и в среде служилых людей «думных чинов». Служители кремлевских соборов и певчие начали переселяться из плотно застроенного Кремля в Китай-город. При патриархе Иоакиме (1674–1690 гг.) в Китай-городе была даже основана особая Певческая слобода [10, С. 31]. В 1695 г. в исследуемом районе насчитывалось 44 двора служителей

церквей Кремля, 21 двор царских певчих и 34 двора патриарших певчих. На чужих дворах в этом же году проживали «из найму» 8 представителей кремлевского духовенства, а также 5 певчих (в переписи не указано, относились они к царскому или патриаршему двору) [13, Д. 966, Л. 3-37]. Таким образом, в первой трети XVII в. миграционные связи между Китай-городом и Кремлем в культурно-религиозной сфере не были особенно развиты. Однако в течение исследуемого периода значение маятниковых миграций в реализации религиозных функций Кремля непрерывно возрастало и к концу XVII в. стало определяющим.

Переходя к подведению итогов, необходимо подчеркнуть, что ни одно исследование не способно охватить и учесть все многообразие конкретных ситуаций, возникающих в непрерывно эволюционирующей жизни города. Возможно только выделить общие тенденции ее развития. Экономические и административные функции Китай-города в основном обеспечивались за счет маятниковых миграций из Белого города, Земляного города и Замоскворечья, и лишь в незначительной степени – за счет населения самого этого района. В отличие от них, культурные функции Китай-города практически полностью обеспечивались его населением. Исключением являлись соборы и церкви, стоявшие на Красной площади, причт которых частично проживал в Белом городе и Замоскворечье. В то же время Китай-город за счет маятниковых миграций обеспечивал культурные и отчасти административные функции Кремля. Маятниковые миграции, направленные из Китай-города в Белый город, были намного менее интенсивны. Они имели место в основном в административной сфере занятости.

На протяжении исследуемого периода значение маятниковых миграций в реализации функций Китай-города, как и Москвы в целом, непрерывно возрастало. Миграционные процессы охватывали новые сферы занятости, увеличивался их масштаб. Маятниковые миграции были тесно взаимосвязаны с долгосрочными, так как по мере переселения тех или иных социальных групп из Кремля в Китай-город, а также из Китай-города в другие районы, все больше жителей Москвы оказывалось вовлечено в маятниковые миграции. Перераспределение функций между районами Москвы происходило гораздо медленнее, чем изменения социальной структуры, что также способствовало повышению значения миграционных процессов в жизни города. Именно маятниковые миграции связывали районы огромного для XVII в. города в единый социальный организм, причем Китай-город являлся своеобразным связующим звеном между центром города – Кремлем – и остальной частью Москвы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богословский М.М. Состав московского населения в XVI–XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 3. М.: 1909. С. 44–56.
2. Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М.: Наука, 1982. 523 с.
3. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 225 с.
4. Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. 1116 стб.
5. Заозерская Е. Московский посад при Петре I // Вопросы истории. 1947. № 9. С. 19–36.
6. История Москвы в 6 т. Т. 1. М.: Наука, 1952. 778 с.
7. Кондратьев И.К. Седа старина Москвы. Исторический обзор. М.: 1893. 865 с.
8. Коновалов К.А. Торгово-ремесленное население в Китай-городе XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1(15). Ч. 2. С. 89–94.
9. Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М.: Искусство, 1982. 503 с.
10. Романюк С.К. Из истории московских переулков. М.: Эксмо, 1998. 647 с.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 27. Оп. 1.
12. РГАДА. Ф. 210. Московский стол.
13. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21.
14. РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. В. 4.
15. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола.
16. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола.
17. Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. 543 с.
18. Сытин П. В. История московских улиц. М.: Эксмо, 2008. 510 с.
19. Тверская Д.И. Москва второй пол. XVII в. – центр складывающегося всероссийского рынка. М.: Наука, 1959. 124 с.

* * * * *

УДК [28-362:392](=512.145)

Белич Игорь Владимирович
научный сотрудник

Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
г. Тюмень
belitch.igor@yandex.ru

МЫС «АЛТЫН ЯРГИНАК», «БИЦИК-ТУРА НА ПАНЬИНЕ БУГРЕ» И ГОРА «АЛАФЕЙСКАЯ»: К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИКЕ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА

В работе рассматриваются исторические топонимы г. Тобольска: Алтын Яргинак, Бицик-Тура, Алафейская гора. Изучение относящихся к ним сведений из сибирских летописей и трудов историков XVIII–XIX вв., выявило источник их происхождения. Анализ рукописей тобольских татар и лингвистических данных

определил семантику и этимологию этих топонимов, восходящую к языку татар Сибири и имеющую отапеллятивный генезис.

Ключевые слова: историческая топонимика, Тобольск, История Сибирская, Ремезов, летопись Черепанова, рукописи сибирских татар.

Belich Igor Vladimirovich
research scientist

*Institute of Northern Development, Siberian Division,
Russian Academy of Sciences
Tyumen
belitch.igor@yandex.ru*

A CAPE «ALTYN YRGYNAK», «BITSIK-TURA ON PANINE HILL» AND MOUNTAIN «ALAFEYSKAYA»: BY HISTORICAL TOPONYMY OF THE CITY OF TOBOLSK

The paper looks at the historical place names of Tobolsk: Altyn Yarginak, Bitsik Tura, Alafeyskaya mountain. The study of their related information from Siberian chronicles and works of historians XVIII–XIX centuries, revealed the source of their origin. Analysis of manuscripts Tobolsk Tatars and linguistic data defined semantics and etymology of the place-names, dating back to the language of the Tatars of Siberia and having otapellyativny genesis.

Keywords: historical place names, Tobolsk, Siberian History, Remezov, Cherepanovskiy chronicle, manuscripts Siberian Tatars.

По мнению специалистов, из всех сибирских летописей только «История Сибирская» С. Ремезова со вставными листами из Кунгурского летописца, насыщенная такими деталями, которыми никакая иная летопись не обладает [5, С.42; 19, С.55]. Она-то и сохранила интересующие нас сведения об исторической топонимике Тобольска. В статьях-апокрифах о «знамениях», предвещавших якобы становление «града Тоболеска», что «видеша царь и князи, агуны, муллы, абызы и протчие бусурманы», наряду с видениями имеются и реалии. Не секрет, что в ней значителен фольклорный материал сибирских татар. Б.А. Чмыхало считает, что «Ремезов использует татарские топонимические легенды (о Сузгуне, Алтын Яргинаке), связанные с толкованиями снов легенды-видения» [34]. Эти сюжеты идут в тексте чередой: ст. 19–21, что наводит на мысль об их последовательной связи в рассказе летописца, а также об одном источнике происхождения. Рисунки – «это «лицевая раскадровка» летописи подчеркивает наиболее важные сюжетные «точки» повествования» [35]. Начнем их анализ с сюжета об «Алтын Яргинаке».

В ст.19 читаем: «При Маметеве сыне царе Сенбахте и видешася в летнее время воды и земля и травы окроровлены и черны, на градском же месте по горе и долу искры златы и серебряны блестяся, место то идеж ныне град мыс той зовом Алтын Яргинак» [21, С. 319]. В татарском литературном языке «мыс» – *борын* [18]. В диалекте сибирских татар это понятие передается словом *синыр* [24, С. 288]. У тобольских татар оно пишется через дифтонг -нг – *сиңер*, а по В.В. Радлову – означает и «холм, предгорье» [30, С. 190]. Тогда топоним должен был иметь написание, отвечающее его смыслу: «Алтын сыңыр» – «Золотой мыс/холм».

Откуда здесь оним «Яргинак», и что он означает? В Интернете прочел статью, где сказано: «Алтын аргинак значит Золотая искра» [23]. Очевидно, это толкование сложилось из нескольких источников. Во-первых, из ст. 19 «Истории Сибирской» Ремезова, фрагмент которой приведен выше [см.: 10, С. 40]. Во-вторых, из описаний Г.Ф. Миллера тех видений «воздушных явлений», предвещавших «падение Татарского владения в Сибири», взятого из «Тобольского летописца» (Ремезовской летописи). «Высокий мыс, где ныне город Тоболеск, выкидывал из себя золотые и серебряные искры, при чем упомянуто, что оной мыс тогда Алтын Аргинак назван» [12, С. 48-49]. Третий источник – статья Н.А. Абрамова «Гора Алафейская»: «Один из главных мысов этой горы, но котором было первое основание Тобольска, у татар называется Алтун-аргинак – выкидывающий золотые искры» [2, С. 148]. Просится добавить, аки *аргымак* – «среднеазиатская лошадь арабской крови» [16, С. 301].

Причем он тут дает ссылку: «Сибирская летопись рукопись, хранящаяся в библиотеке Тоб. семинарии, под 1521 г. отд. 3» (Абрамовым или в типографии Тобольских губернских ведомостей тут явно была допущена опечатка: откуда в Тобольской семинарии могла взяться рукопись сибирской летописи «под 1521 г.»? Как известно, сибирское летописание возникает здесь при архиепископе Киприане только через столетие [26, С. 129-133; С. 31, 116-153]. Полагаю, тут указан не год, а № 1521, под которым хранился манускрипт в «отд. 3» библиотеки). Под этой рукописью явно следует подразумевать летописный свод сибирской истории, известный в литературе как «Черепановская летопись», составленная И. Черепановым в 1760–1782 г. Повествование в ней ведется с 1579 по 1759 гг. Ученый ямщик использовал для своей «Летописи Сибирской» разные источники: «Описание Сибирского царства» Миллера, Есиповскую летопись, но особенно «Историю Сибирскую» Ремезова, отдавая ей предпочтение. Кроме того, он часто не только ссылается на т.н. «Второе Ремезово описание», но и приводит пространые выписки и цитаты из этого этнографо-географического труда

С.У. Ремезова – «Описания о сибирских народах и граней их земель», сохранившегося фрагментарно лишь в летописи Черепанова [11, С. 11; 7, С. 499-504].

Приведенные Л.Н. Майковым «Выписки из Сибирской летописи Ильи Черепанова по рукописи тобольской духовной семинарии» и «Рукописный сборник библиотеки тобольской семинарии, несправедливо названный Сибирской летописью», разобранный П.А. Словцовым, которым он «пользовался не без осторожности», не называя имени автора [11, С. 11; 25, С. IX-X], не оставляет сомнений в том, что Абрамов ссылается в статье на Черепановскую

Рис. 1. Ст. 19. С.У.Ремезов, конец XVII в.

Рис. 2. Ст.20. Ремезов, конец XVII в.

Рис. 3. Ст.21. Ремезов, конец XVII в.

летопись, а по существу – на выписки в ней из указанных произведений Ремезова.

Ясно, что наш неизвестный автор публикации в Интернете позаимствовал «перевод» топонима «Алтын аргинак» как «Золотая искра» из статьи Абрамова без сноски на источник. Но «искра» по-татарски – *очкын* (сиб.-тат. *оцкун*) или *чаткы* – «проблеск» в переносном смысле. В словаре В.В. Радлова это слово дано как «учкун – искра» [17, С. 730]. Современные авторы обходят критику источника, эти реалии сибирско-татарской лексики их не занимают: раз Абрамов написал «Алтун-аргинак – выкидывающий золотые искры», так оно и есть.

Некоторые, опираясь на «новую хронологию», пошли еще дальше. Взглянув «новыми глазами» на тексты ст. 19-21 с рисунки к ним, узрели в них явную связь «с вулканическими извержениями». Трактровка их такова: «На рис. (ст.19 – И.Б. Здесь рис. 1) мы видим жерло дремлющего вулкана, из которого сыпятся искры и подымается дым. На рис. (ст. 20, рис. 2) показано извержение. Огромный столб огня, дыма и искр поднимается к небу. Ясное дело, перепуганные люди «видели» в этом столбе разнообразные знамения и «лица». На следующем рис. (ст. 21, рис. 3) изображено паническое бегство перепуганных людей от вулкана. Вслед им сыпятся вулканические искры, вероятно, летят раскаленные камни и пепел из жерла. Некоторые беглецы погибли – изображены падающие и лежащие на земле люди... Трудно сомневаться, что в этих фрагментах Летописи ГОВОРИТСЯ О ВУЛКАНЕ или о нескольких ВУЛКАНАХ» [13]. Оставляю без комментария это абсурдное толкование (попутно замечу, что недавно географами ТюмГУ были обнаружены следы палеовулкана. Его кратер в виде 8-ки диаметром от 0,6 до 0,8 км при углублении до 1 м находятся близ городища Искер. Автор этих строк посетил его в мае 2013 г. Но это – палеовулкан, возраст которых достигает 800 тыс. лет и более).

Но мы не оставим оним *аргинак/яргинак/йаргинак* без дешифровки сокрытого в нем смысла явления, которое он обозначает, или семантики имени. Вероятная гипотетическая версия: за ним стоит попытка выразить словом некое загадочное атмосферное явление, очевидцами которого были татары Тобольска – сказители Ремезова, случившееся еще не так давно, но приобретшее уже легендарный характер. Возможно, Ремезов мог придать ему, как и явлениям, описанным в ст. 20-21, провиденциальное объяснение в духе мировоззрения той эпохи. Вскоре и оно было забыто. «Вышепомянутыя имена Бицик-тура и Алтын Аргинак у Тобольских Татар ныне (во время пребывания Миллера в Тобольске в 1734 и 1741 гг. – И.Б.) совсем из памяти вышли...» [12, С. 49].

Можно даже обосновать эту гипотезу тем, что подобные явления не раз наблюдались над городом и позже. Эти данные изложены в летописи Черепанова за период с 1637 по 1752 гг. Л.А. Гольденберг находит в них выписки из «Описания о сибирских народах...». В этом труде Ремезова повествование «насыщено легендами различного рода видениях и чудесах, «предвещающих падение татарского владения в Сибири»: о воздушных явлениях..., «огненных столпах» и др.» [8, С. 227]. Так, «Месяца ноября 4 дня (1683 г.) воздушное явление в Тобольку ж: на западе на воздухе внезапно, аки печь великая затопилась: и светлость и теплота, яко от солнца, зрящим людям лицо грели. И также виделось с четвертого часа до шестого ночи. И вдруг разделилось на двое: и прежде полуденная половина меньше стала ставать да и исчезла, потом и северная невидимая быть стала» [27, С. 89].

Найдется и некоторая аналогия этого «воздушного явления» с описанием такового в ст.19 Ремезовской летописи, как и в ст.20. В ней сказано: «При Саускане царе, на градском месте..., видешася всем бусурманом огненный столб от земли и до небеси, и в том огни многи видения различны» (рис.2) [21, С. 319; 10, С. 40-41]. И тут различима определенная аналогия с «воздушными явлениями», что выписал Черепанов из «Описания о сибирских народах...». Например, с этим: «Месяца генваря 8 дня (1677 г.), в Тобольску, на последнем часу дни, солнце стояло на самом западе в светлом столбе, тако ж и луна взошла на востоке, была уже в полноте и против солнца в таковом же столбе. И вельми свет их был блистателен и светел» [27, С. 88].

В.Ю. Софронов приводит правомерное объяснение природным явлениям такого рода в понимании Черепанова и его современников: «Несомненно, одно «Черепановская летопись» – важнейшее свидетельство очевидцев, донесшее до нас не только фактический материал, но и мироощущение наших предков, почитающих природу живым существом и себя как ее неразрывное и единое целое» такого рода [27, С. 87]. Разница в том, что Черепанов, используя «Второе Ремезово описание», подает выписки как факты событийной истории, сомневаться в которых не приходится. А в этом труде Ремезова и в «Истории Сибирской» эти явления, почерпнутые из татарского фольклора, поданы как топонимические легенды, представленные в контексте «бусурманской истории» в провиденциальном ее осмыслении.

Вместе с тем в основе субстратного топонима «Алтын Яргинак», на мой взгляд, лежит интерпретация татарами и бухарцами Тобольска, расселенным в XVII в. в подгорной части города, явления, имеющего вполне рациональное объяснение. По сведениям

ям, полученным от сведущих старожилов, в диалекте тобольских татар бытует слово *йаркынак*, означающее отражение солнечного света на открытых глинистых участках верхушек холмов. «Верхняя нагорная часть, где кремль, ведь глинистая местами, и в ясную погоду отражает солнечный свет, как бы похожий издали на золотой цвет, оттенок ли – это, говорим, *йаркынак*» (Алиев Абдулмачит-хазрат, 1953 г.р., г. Тобольск. Полевые записи автора, июль 2013 г.).

Итак, анализ тополексеми *Яргинак/Йаргинак* показал, что она имеет отапеллятинное происхождение от сибирско-татарского слова *йаркынак* в вышеуказанном значении. Стало быть, автохтонный ойконим «Алтын Яргинак» есть не совсем правильное отображение его исходного написания «Алтын Йаркынак», но с близкой семантикой. Иными словами, в названии мыса «Алтын Яргинак» в «Истории Сибирской» и выписках летописи Черепанова из «Описания о сибирских народах» Ремезова перед нами – своеобразная топонимная калька, где алтын – «золотой», *йаркынак* – «отражающий золотой цвет (солнца)». Допускаю, что здесь нашли отражение и некоторые природные феномены, имевшие место над Тобольском в конце XVII в., и послужившие их очевидцам знаками-предвестниками каких-либо грядущих событий, скверных по обыкновению.

Выясним источник происхождения топонимической легенды в ст. 19 и близких к ней сюжетов из ст. 20-21 в «Истории Сибирской», «связанных с толкованиями снов легенды-видения». Как уже отмечено, на мой взгляд, это был один источник, т.е. у Ремезова, видимо, был один рассказчик или сказитель. Гольденберг, анализируя фрагменты из «Описания о сибирских народах» по выпискам летописи Черепанова, пишет: «Старинные татарские истории, сказания, предания и легенды Ремезов, несомненно, слышал от самих татар, иногда он сообщает их имена. Так, окончив запись повести о потомках хана Мара, Ремезов отметил, что все записанное им «засвидетельствовал» татарский мурза Девлет-бай, который жил на Панином бугре напротив Тобольска в городке, называемом Бицик-тура» [8, С. 229].

О том, что носителем информации, изложенной в ст. 19-20 «Истории Сибирской», был этот мурза, свидетельствует сюжет ст. 21: «Поблизу ж городского места (острога – *И.Б.*), за речкою Курдюмкою, на мысу, город и окопи зовом Бацик-Тура, живящее мурза Девлетим Бай; людие ж видеша в [с]толпе ужасное видение различное и битвы и взук (звук – *И.Б.*); побегоша во град Кашлык вне ума, овии ж решишась ума и умроша; ныне слово Паней Бугор» (рис. 3) [21, С. 319; 10, С. 42]. Статья надежно указывает на

сказителя Ремезова – мурзу Девлетим/Давлет-бая. Это подтверждает и Миллер. Повествуя о тех самых «воздушных явлениях», он пишет: «и все вышеписанное засвидетельствовал Татарский Мурза именем Девлетбай, который жил на Панином бугре против Тобольска в городке, называемом Бицик-тура» [12, С. 49]. Ремезовская летопись упоминает его в ст. 25 как тестя Кучума: «Розсадив царь Кучум жен своих бо́льших во близких местах, взят дочь у Девлетима мурзы и пребывать ей устроив близ градского места, на Паньине Бугре...» [21, С. 320; 10, С. 46].

Был ли мурза Давлет реальной личностью или это вымышленный персонаж? Ответ на этот вопрос находится в поздней редакции легенды об исламизации Сибири – списке Са'д Ваккаса, хранящемся в Тобольском музее (КП 12890, № 30796) и известному в его переводе Н.Ф. Катанова [9]. Но я процитирую отрывок из перевода этого манускрипта, сделанного недавно А.К. Бустановым: «А еще из Досточтимой Бухары господин ишан ходжа Давлет-шах ибн шах 'Абд ал-Ваххаб ал-Испичафи пересек эту Аб-и Джарус (р. Иртыш – *И.Б.*) и сделал явными (открыл – *И.Б.*) по течению Аб-и Джарус 18 *астана* (могил святых – *И.Б.*). А многие верующие, показавшись ему, стали искренними *мюридами* (учениками – *И.Б.*)» [6, С. 63].

Именно Бустанов, «благодаря уникальным материалам муфтия Риза ад-Дина б. Фахр ад-Дина», нашел ответ на вопрос: кем был ходжа Давлет-шах? Сибирский купец Нигматулла Кармышаков прислал в конце XIX в. Р. Фахреддину документ, написанный рукой ишана ходжи Давлет-шаха: «Брату Пути (*тарикат*), достойному, совершенному, знатному другу, господину ахунду, мулле Ходжам Шукуру дали разрешение (*рохсат*) и дозволение (*иджаза*). Написал бедняк (применяемое в арабской литературе выражение факыр (бедный, несчастный) соответствует русскому «Ваш покорный слуга» [33, С. 233] – *И.Б.*) Давлет-шах ибн шах 'Абд ал-Ваххаб ал-Хусайни в 14-й день месяца раби' алахир 1106 г. (соответствует 2 ноября 1694 г. – *И.Б.*)» [6, С. 66].

Речь тут идет о санкции «на распространение суфийской мудрости», которую Ходжам Шукур получил «из рук реального шейха Давлет-шаха, жившего в конце XVII в., может быть, в той же Бухаре» [6, С. 66]. Как видно по приведенному из списка Са'д Ваккаса отрывку, вероятно, он остался жить в пределах Тобольска, где у него было много учеников. Один из них – Ходжам Шукур б. 'Аввас-Баки, исламский теолог рубежа XVII–XVIII вв., живший под Тобольском, ахун Тобольска, духовный «глава народа таб» – тобольских татар и поэт-мистик, возможно, писавший под псевдонимом Амдами [33, С. 34-35, 233; 36]. Это письмо, судя по публи-

кации Бустанова, без обратного адреса. Поэтому можно выдвинуть такую гипотезу, а также предположить, что шейх Давлет-шах и мурза Давлет – одно и то же лицо. Если эта догадка верна, то его местожительство нам известно – это город/городок «Бицик-Тура на Паньине Бугре».

Следы – «рвы и валы» этого городища, где жилал некий «мурза» и расположенного «в мушкетном выстреле» от «верхнего города», в 1666 г. видел один из иноземных офицеров [3, С. 165]. Но при Миллере «на Паньине бугре никаких следов бывшего городка более не видно» [12, С. 49]. Нет их и на чертеже Ремезова «Река Тобол писана с устья от Тобольска...», где «Панин бугор» обозначен в «Хорографической чертежной книге» (1697–1711 гг.) [34, С. 11].

Этимологию этого топонима выяснил С.Г. Филь: «Текстологический анализ «Краткой Сибирской ...летописи», ...а также написание С.У. Ремезовым названия как «Паньин бугор», позволяют заключить, что Панин бугор и есть перевод татарского оронима «Бицик Тура» на русский язык XVII века со значением «женина гора». Это подтверждается этимологическими словарями, где «панья (паня)» – барыня, жена... в русском языке, а «бугор» – возвышенность, холм» [32, С. 273]. Эту верную в целом версию надо чуть поправить в соответствии с языком татар Сибири: «Бицик-Тура», где *бицэ/нице* – «жена, женщина» и *тура/тора* – «город» [30, С. 44, 174, 213]. Словом, это ойконим в значении «женин город», а не ороним «женина гора».

Название «Алафейская гора/горы» впервые встречается в «Служебной чертежной книге» (1702–1730 гг.) Ремезова в его статье «Уподобление Сибирские страны» (1698 г.). Здесь он выводит название «Сибирь» от «Сибира царя первоначального во стране с Великого холма Алафейских гор» [20]. Черепанов сделал выписку: «Как голова Чулков за реку Иртыш прямо из устья Тобольнова в своих судах переправился к восточному берегу Алафейских гор, поглянулось весьма место оно, вышиною бо // есть сажен на сто. И велел своему войску великим поспешением ис тех судов, на которых он приплыл ис Тюмени, строить город для безопасного житья от живущих тут народов, и проименовал, по реке Тоболу, Тоболск. По совершении же городового строения построили в нем две церкви: во имя Живоначальныя Троицы и Вознесения Господня... Сей же город Тоболск стал быть старшим в Сибире, вместо преждецарствующаго города Сибири...» [14].

Вероятным источником ему послужил один из списков Есиповской летописи (1636) и/или Сибирского летописного свода (1680 – 1730-е гг.), являвшегося «официальной летописью Тобольска», в частности, гл. 29 последнего [22, С. 19, 312]. И, кроме того, на-

званная статья Ремезова, несомненно. Но в этих источниках и в трудах историков XVIII – середины XIX в., значение топонима не объясняется. Первым это сделал Абрамов. Он писал: «Название это, по сказанию татар, произошло от арабско-татарского слова Алафга, значащего корону. Алафейская, или по-татарски Алафгалы коронный, в переносном значении – ханский, хану принадлежащий» [2, С. 148]. За словом Алафга идет отсылка: «Словарь татарского языка свящ. Трояновского, стр. 66».

В словаре есть похожее слово в арабской графике. Абрамов татарский язык и письмо знал неплохо: «с помощью сего языка мог удовлетворительно для читающей публики объяснить в одной статье (Журнал Министерства народного просвещения. 1842, т. II, отд. II, С. 87 – И.Б.) названия сибирских рек (например, Иртыш, Тобол, Тура и др.), гор (мыс Чукман, Сузгун) и других сибирских местностей (Абалак и др.)...» [15, С. 6]. Но все эти его гипотезы оказались произвольными и необоснованными [4]. Гора Алафейская в их числе. Тем не менее, ее название «Алафейская», как «коронная ханская земля», со временем стало и по сей день остается популярным (см. в Интернете). В литературе порой встречаются и иные домыслы: «...весь массив холмов сохранил название *Алафеевских гор*, что в переводе с тюркского языка означает *Святые (божественные) горы*» [28].

Заглянем в словарь Трояновского. А.К. Бустанов, по моей просьбе, транскрибировал слово «корона» и словосочетания с ним на кириллице: «*كفنلا* [ал-фака] – корона; *كل كفنلا* [ал-факалы] – имеющий корону, венец; *كل كفنلا* [ал-факалык] – на корону» [29, С. 66]. И дал к нему комментарий: «Я не уверен, что первый слог это арабский артикль *ал-*, если нет, то пишется и читается слитно «алфакэ», через *а-* умлаут на конце. Возможна коренная морфема *алаф* – тысяча по-арабски, а в перс. – ‘трава’» (из письма А.К. Бустанова к автору от 19 мая 2013 г.). Как видим, в обоих случаях этот термин не связан с «арабско-татарским словом Алафга, значащего корону». *Алаф* (перс.) «трава» точно выражает ландшафт Алафейской горы – склоны Троицкого мыса имеют травянистый покров. Может, значение данного оронима и объясняется как горы/гора «травянистые»?

Между тем мое внимание привлек отрывок ранней редакции легенды об исламизации Сибири в списке «Шаджарат ал-авлия» мин билад Мавара’аннахр» («Родословие святых из страны Мавераннахр»), обнаруженный и опубликованный А.К. Бустановым. В нем сказано: «В упомянутом Тоболе, в Афкаларах Джафар-ишан нашел двадцать две [могилы] святых, сделал и отдал муджавирам (смотрителям могил святых – И.Б.) тетрадь со всеми именами» [6,

С. 42]. Под «Тоболом», судя по контексту рукописи, подразумевается район будущего города Тобольска. «Афкалары», полагая, название татарского селения (аула, юрт), некогда существовавшего где-то здесь – на горе.

Возникает вопрос: не этот ли ойконим лег в основу оронима Алафейская гора? Ответ на него, полученный от Бустанова, следующий: «Да, скорее всего так и есть, т.к. в арабской графике *афкалар* очень похоже на *афкалы*. Я сам мог неправильно прочитать, надо заново посмотреть в рукописи. Даже если написано *афкалар*, то все равно переписчик мог не знать ойконим и написать так вместо *афкалы*» (из письма А.К. Бустанова к автору от 14 июня 2013 г.). Но, что означает это слово и не связано ли оно с тем самым *ал-факалы* или *алфакэ*, по-прежнему под вопросом.

В заключении отмечу, что высказанные в этой работе соображения отчасти остаются еще на стадии рабочей гипотезы. Конечно, вопросами топонимики, тем более исторической, должны заниматься лингвисты-тюркологи. Но они пока не снисходили до уровня анализа локальных топонимов Тобольска, отложившихся на скрижалях истории. Приходится брать это дело в свои руки, а вместе с ним нести и весь груз ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н. Догадки о значении имен некоторых рек и мест Тобольской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. XXX, отд. 2. С.81–96.
2. Абрамов Н. Гора Алафейская // Тобольские губернские ведомости. 1862. №21. С.148–150.
3. Алексеев М.П. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке // Исторический архив. М.; Л., 1936. Т. 1. С.97–194.
4. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII – XVII вв. // Режим доступа: vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger_2/text.phtml
5. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. // Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. I. С.15–165.
6. Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник 2009 – 2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 33–78.
7. Гольденберг Л.А. С.У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XXVII – начала XVIII вв.: Дис. ... док. ист. наук. М., 1967 // Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Тобольск, 2011. С. 287–629.
8. Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской [О С.У. Ремезове]. Магадан, 1990. 391 с.
9. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского Губернского музея). Казань, 1904. 28 с.
10. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Иркутск, 2003. 184 с.
11. Майков Л.Н. О Сибирском летописном сборнике Черепанова. СПб., 1877. 27 с.
12. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского Царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российскою Державе по сии времена. Книга первая. СПб., 1750.

13. Носовский Н.Х., Фоменко А.Т. Похороны Германика и похороны Ермака // Раскол империи: от Грозного-Нерона до Михаила Романова-Домициана. Исследования по новой хронологии. Изд-во АСТ Астрель, 2009. Режим доступа: books.google.ru/books?isbn=5457276368
14. Отрывки из Есиповской летописи и «Летописи Сибирской» Черепанова об основании города Тобольска // Режим доступа: rusarchives.ru...letopis-osnovanie-tobolska.shtml
15. Петухов Фил. Николай Алексеевич Абрамов // Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1996. С.4-46.
16. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.1. Ч. 1. СПб., 1893.
17. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.1. Ч. 2. СПб., 1893.
18. Русско-татарский словарь: Республика Татарстан. Авторы-составители: Ф.А. Ганиев, Ф.Ф. Гаффарова // Режим доступа: 1997–2011.tatarstan.ru/?node_id=3090
19. Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. М., 1970. № 12. С. 45–60.
20. Сибирь XVII века глазами современника. С.У. Ремезов и его «История Сибирская». Комментарии к тексту (Е.И. Дергачевой-Скоп). Ком. к статье 1 // Режим доступа: «История Сибирская» / <http://www.mmedia.nsu.ru/vbook/>
21. Сибирские летописи. СПб., 1907. 490 с.
22. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 36. М., 1987. 382 с.
23. Сибирский Сувенир. Третья столица России – город Тобольск // Режим доступа: yznai-sibir.ru/main.php?id=11
24. Словарь Российско-Татарский, собранный в Тобольском народном училище, учителем татарского языка свящ. И. Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный. СПб., 1804. 682 с.
25. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1833. Кн. 1. 589 с.
26. Солодкин Я.Г. Был ли тобольский архиепископ Киприан летописцем? // Первые Ремезовские чтения. Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX вв. Тобольск, 2005. С.129–133.
27. Софронов В.Ю. Воздушные страхи Тобольска в старину. «Губернские ведомости» 1892 г. №7 (из сибирской старины) // Тобольский хронограф: Сб. Вып. II. М., 1994. С. 86–96.
28. Софронов В.Ю. Откуда земля сибирская пошла. Тобольск, 2011. Гл.5, §2 // Режим доступа: siberia.ucoz.com/Chapt10.htm
29. Трояновский А.А. Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских. Т. 1. Казань, 1833.
30. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. 256 с.
31. Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С.116–161.
32. Филь С.Г. Панин бугор в Тобольске (новый взгляд на этимологию оронима) // Словцовские чтения – 99. Тюмень, 1999. С. 271–273.
33. Фэхреддин Ризаэддин. Асар. Т. 1. Казань, 2006. 360 б.
34. Хорографическая чертежная книга Сибири. Факсимильное издание. Тобольск; Верона, 2011. 174 л.
35. Чмыхало Б.А. Научные проблемы, дискуссии художественное пространство в сибирском летописании // Режим доступа: do.gendocs.ru/docs/index-89106.html
36. Яхин Ф.З. Тобольский татарский поэт Амдами и его произведение «Насихат-намэ» («Книга наставлений») // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск Омск, 2002. С. 601–602.

* * * * *

УДК 94(47)

Манькова Ирина Леонидовна

*кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Института истории и археологии Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург
ilman.08@mail.ru*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ЛАНДШАФТА ТОБОЛЬСКА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВВ.: ПРИХОДСКИЕ ЦЕРКВИ

В статье показаны возможности применения концепта «православный ландшафт» на примере Тобольска XVII – первой половины XVIII вв. Предметом исследования стали размещение приходских церквей в городском пространстве, посвящения их престолов. На основе различных источников автор установил местонахождение городских церквей в первой четверти XVII в. и пришел к выводу, что они были размещены таким образом, чтобы обеспечивать сакральную защиту дорог в верхнюю часть города, гостиного двора и исторически сложившего центра. По мере расширения городской территории церкви стали появляться среди жилой застройки в разных частях города. Они строились по инициативе горожан, которые хотели иметь свой храм недалеко от дома. Существенные изменения в размещении церквей произошли в связи со строительством архиерейского двора в 1640-е гг. и каменного кремля в первой половине XVIII в. Автор выдвинул гипотезу, что строя церкви в конце XVI – первой четверти XVII вв., русские первопоселенцы создавали «кризисную сеть», которая помогала адаптироваться на новом месте, обеспечивала сакральную защиту занятого пространства. По мере обживания территории православным населением, когда исчезла внешняя опасность, эта первоначальная «кризисная сеть» стала замещаться другой «кризисной сетью», основанной на местных святынях – святых местах, чудотворных иконах, местах поклонений местночтимым святым и т.д. В результате этой трансформации приходская церковь стала иметь значение в первую очередь как место отправления духовных треб, место совершения религиозных практик.

Ключевые слова: история освоения Сибири, история православия, история Тобольска, православный ландшафт, приходские церкви.

Mankova Irina Leonidovna

*candidate of historical sciences, associate professor, leading researcher
Institute of History and Archaeology, Ural branch, Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg
ilman.08@mail.ru*

THE RECONSTRUCTION OF TOBOLSK'S ORTHODOX LANDSCAPE OF 17TH – THE FIRST HALF OF 18TH CENTURIES: THE PARISH CHURCHES

The article shows the possibility of the applying the concept «orthodox landscape» as an example of Tobolsk in 17th – the first half of the 18th century. The research focused the location in the urban space and names parish churches. Based on various sources, the author located the Tobolsk's churches in the first quarter of the 17th century and concluded, that they were placed in such a way as to ensure the sacred protection of the road to the upper part of the city, the trading place and the historically developed center. With the expansion of the urban area the churches began to appear among the residential buildings in different parts of the city. They were built on the initiative of the citizens who wanted to have a temple not far from home. The significant changes in the locations of the churches have occurred in connection with the construction of the bishop's court in 1640 and the stone kremlin in the first half of the 18th century. The author advanced the hypothesis that building the churches at the end of 16th – the first quarter of the 17th c., the russian settlers created a «crisis network». A «crisis network» has helped to adapt to the new location, provided the sacred protection of the occupied space. In the course of the development of the territory by the Orthodox population the external danger disappeared, the original «crisis network» was replaced by another «crisis network» based on local shrines (holy places, miracle-working icons, places of worship locally venerated saints, etc.) As a result of this transformation the parish church began to have meaning in the first of all as a place of the satisfies of the spiritual needs, a place of the religious practices.

Keywords: history of the development of Siberia, history of Orthodox Christianity, history of Tobolsk, Orthodox landscape, parish churches.

Тобольск был основан отрядом служилых людей в 1587 г. при впадении Тобола в Иртыш. Геополитическое положение предопределило его дальнейшее назначение как административного и экономического центра всей Сибири. С созданием Сибирской и То-

больской епархии в 1620 г. Тобольск стал церковно-административным центром обширного региона, что обусловило его особую роль в православном ландшафте Сибири. Местное летописание, возникшее при Тобольском архиерейском доме, способствовало формированию образа Тобольска как форпоста христианства. Его основание знаменовало «победу и одоление на окаянных бусурмен» [8, С. 66, 139]. В «Краткой сибирской летописи» С. Ремезова нач. XVIII в. Тобольск ярко представлен как оплот православия в Сибири [Подробнее об этом см. 5, С. 213].

Собственный религиозный ландшафт Тобольска формировался с усиленным доминированием православия и, по сути, был православным на протяжении первого столетия истории города. Под «православным ландшафтом» понимается система культовых объектов, размещенных на определенной территории и образующих целостность. Они маркировали территорию как находившуюся под защитой высших христианских сил, становились основой для развития отношений внутри местного конфессионального сообщества, внутри- и межрегиональных коммуникаций.

Данная статья посвящена важнейшим институциональным объектам православного ландшафта – приходским церквям. Для реконструкции процесса формирования и изменения православного ландшафта Тобольска на протяжении XVII – первой половины XVIII вв. нами выбраны в качестве базовых 3 источника, каждый из которых фиксировал православный ландшафт города в целом на определенном этапе.

Первый источник – дозорная книга 1624 г. Она была опубликована в 1885 г., но по дефектному списку с существенными утратами текста [16, С. 1-10]. В фонде Сибирского приказа (РГАДА) сохранилась ее полная копия XVII в. [9, Л. 1-70 об.]. Данная дозорная книга уникальна тем, что в ней приходские и монастырские церкви не просто перечисляются, а приводится описание их имущества. Второй источник – план Тобольска начала XVIII в., составленный С.У. Ремезовым [14]. На нем указаны все значимые в городе объекты, в том числе церкви и монастыри. Этот план важен тем, что дает представление о размещении тобольских церквей. К сожалению, в его легенде отмечены только их названия по главным престолом без указания посвящений придельных храмов. Третий источник – описание Тобольска, сделанное Г. Миллером в 1741 г. [15, С. 179-184]. Он указал расположение церквей, храмоименования всех престолов и из какого материала они сделаны (каменная или деревянная).

Две крайние временные точки фиксации православного ландшафта Тобольска (1624 г. и 1741 г.) разделяет более столетия. За столь продолжительный период произошло немало событий, город

пережил несколько тотальных и локальных пожаров, расширялась городская территория, менялась планировка старых районов. Все это сказалось и на православном ландшафте Тобольска. Для того, чтобы выяснить причины и обстоятельства этих изменений, необходимо обратиться к другим источникам. Особое место среди них занимают сибирские летописи, которые содержат значительное количество упоминаний о церквях и монастырях Тобольска, в том числе о гибели храмов во время пожаров и их возобновлении [8]. В фонде Сибирского приказа (РГАДА) также есть документы, позволяющие получить новое знание об истории тобольских церквей.

Естественным образом Тобольск разделен на две части: на горе – верхний посад и под горой – нижний посад. Его формирование как поселения начиналось с нагорной части. Первоначально город был заложен на мысе, который позже стал называться Троицким. В 1600 г. центральная часть города была перенесена на соседний мыс ближе к берегу Иртыша.

В дозорной книге 1624 г. последовательность описания церквей связана с их местоположением в сложившейся городской структуре, обусловленной природным ландшафтом. Начальной точкой описания был «город» – административное ядро населенного пункта, там располагалась церковь Вознесения с приделом во имя Стефана Великопермского. Затем описание было сгруппировано по своеобразным «кустам» на верхнем посаде внутри острога. Очевидно, это свидетельствует о близости расположения этих церквей. Первыми были отмечены соборная церковь Софии премудрости Божией и церковь во имя Спаса с приделом во имя Иоанна Предтечи, располагавшиеся ближе к Премскому взвозу. Далее упоминались «вверху церкви» на посаде – церковь во имя «Богородицы явление иконы Казанские» с приделом во имя Михаила Малеина, Троицкая с приделом во имя Николая Мирликийского, Воскресенская с приделом во имя Ильи пророка, напротив которой была устроена «под колоколы» церковь во имя Флора и Лавра. Далее «на посаде же» располагались Никольская с приделами во имя праздника Входа во Иерусалим Иисуса Христа, Георгия и Параскевы Пятницы. Рядом с последней находилась церковь во имя Рождества Богородицы с приделом во имя Димитрия Солунского (рис.1). У Рождественской и Никольской церквей была общая колокольня «на одном столбе» с пятью колоколами [9, Л. 27-34]. Около этих церквей находилось 13 келий, в которых проживала 21 старица [9, Л. 34]. Писец не назвал эти строения монастырем, как это сделано в отношении Успенского и Знаменского монастырей. При описании последних помимо монастырских храмов и келий отмечены хозяйственные постройки. Эти монастыри имели обособленную территорию, обнесенную оградой,

чего не было около Никольской и Рождественской церквей. Скорее всего, эти храмы выполняли роль приходских церквей, при которых возникла женская монашеская община. Позже, в мае – июне 1625 г., воеводы Д.Т. Трубецкой и М.А. Вельяминов перевели монахинь в Успенский монастырь, освободившийся в результате перехода мужской общины в новую Знаменскую обитель [10, Л. 165]. Таким образом, за довольно короткий период времени – 37 лет (с 1587 по 1624 гг.) в нагорной части Тобольска были возведены архиерейский собор, 8 приходских и 2 монастырских церкви.

Проекция на план Тобольска, сделанный С. Ремезовым в нач. XVIII в., данных дозорной книги 1624 г. дает возможность сделать следующие наблюдения (рис. 1). Основная часть приходских церквей была сосредоточена в центральной части города на «старом городище» около Торгового (Премского) взвоза, гостиного двора и торговых рядов. Еще одна группа церквей (Богородицерождественская и Никольская) возникла около второго взвоза, соединявшего верхнюю и нижнюю части города, позднее называвшегося Никольским.

Поскольку на плане С. Ремезова церкви зафиксированы без указания придельных храмов, то мы можем лишь констатировать существовала ли та или иная церковь, упомянутая в дозорной книге 1624 г., исходя из названия ее главного престола. В верхней части города картограф указал Софийский собор, Вознесенскую, Спасскую, Троицкую, Воскресенскую и Никольскую церкви (рис. 1). К началу XVIII в. на верхнем посаде не стало церкви во имя Казанской иконы Богородицы (была построена в Знаменском монастыре в 1661 г.), Рождества Богородицы (возведена была в Успенском женском монастыре), Флора и Лавра. Появилась церковь во имя Петра и Павла. В Сибирском летописном своде она впервые упоминается в связи с пожаром 1688 г. Церковь была отстроена вновь по обету тобольского воеводы и боярина А.П. Головина. У новой Петропавловской церкви был сделан придел во имя Нила Столобенского и Новгородского чудотворца. Все внутреннее убранство церкви – иконы, «одеяние престолов» и жертвенников, покрова, пелены, священническое облачение и церковная утварь, были приобретены на средства воеводы. 27 июня 1689 г. митрополит Павел освятил новую церковь [8, С. 227]. Она была построена в северо-восточной части посада, которая появилась уже после составления дозорной книги 1624 г. Изменили свое местоположение Троицкая и Спасская церкви. Остановимся на их истории подробнее, поскольку с них начиналось храмовое строительство в городе.

Согласно «Книге записной», первой в Тобольске была поставлена «церковь живоначальная Троицы да в переделе Николая Чудотворца». Летописец дал привязку ее местоположения к современно-

му ему ландшафту – «где ныне Софийский двор и святительской сад, позаде каменной палаты» [8, С. 139]. Приехав в Тобольск в 1621 г., первый сибирский архиепископ Киприан временно поселился во дворе подъячего Якимы Денисова «на старом городище ... у церкви Живоначальные Троицы». Именно там, у Троицкой церкви, он велел построить свой двор [17, С. 155-156]. Выбор архиепископом именно этого места был обусловлен близостью Троицкой церкви, которая «в Тоболску с сибирского взятъя первоначалья ставлена блаженные памети при государе царе и великом князе Феодоре Ивановиче всеа Руси» [17, С. 156].

Посвящение первой церкви Тобольска во имя Троицы было выбрано московскими властями [17, С. 154]. По царским указам Троицкие церкви были построены при основании подавляющего большинства городов Западной Сибири: Березова (1587/88), Лозвинского городка (1589), Сургута (1594), Верхотурья (1598), Мангазеи (1601), Томска (1604). Есть мнение, что выбор храмоименования связан с освящением церквей в праздник Троицы, который зависит от Пасхи и может приходиться на период между 10 мая и 13 июня по старому стилю – время, удобное для строительных работ. На наш взгляд, вряд ли столь массовое посвящение храмов во имя Троицы в первых сибирских городах объясняется лишь связью с православным календарем. Это был глубоко осознанный и идейно обоснованный выбор центральной власти. Троицкие церкви выполняли роль своеобразных маркеров территории, подчиненной Московскому государству. С одной стороны, Троица нераздельная символизировала государственное единство и включение Сибири в это единство. С другой стороны, придя на земли, населенные иноверными финно-уграми и тюрками, московская власть стремилась через почитание главного православного символа – Святой Троицы единосущной укоренить новую веру, новый образ жизни.

По указу царя Федора Иоанновича для Троицкой церкви были присланы иконы Троицы и Богородицы Одигитрии. В одной из отписок 1621 г. тобольские воеводы называли эти образы чудотворными [17, С. 156]. Возможно, кем-то из первых строителей города в Троицкую церковь были вложены иконы-«пятницы» Троицы и Николая Чудотворца, которые позже оказались в Софийском соборе [17, С. 42]. Трудно определить была ли тобольская Троицкая церковь изначально построена с приделом во имя Николая Чудотворца или его пристроили позже. Самое раннее упоминание Никольского придельного храма в сохранившихся документах относится к 1622 г. 1 февраля того года в церкви случился пожар. Троицкие прихожане обратились к царю с челобитной, в которой просили дать распоряжение приехавшим с сибирским владыкой

Перечень церквей

По данным дозорной книги 1624 г.	По данным плана С. Ремезова нач. XVIII в.
А. Вознесения с приделом Стефана Великопермского	1. Соборная
Б. Софии премудрости Божией	2. Вознесенская
В. Спаса с приделом Ивана Предтечи	4. Успенского девичьего монастыря
Г. Богородицы явление иконы Казанские с приделом Михаила Маленна	5. Воскресенская
Д. Троицы с приделом Николая Мирликийского	6. Троицкая
Е. Воскресения с приделом Ильи пророка	7. Спасская
Ж. Флора и Лавра	8. Никольская
З. Николая Мирликийского с приделами Вход Господень во Иерусалим, Георгия Победоносца, Параклевы Пятницы	11. Петра и Павла
И. Рождества Богородицы с приделом Дмитрия Солунского	

Рис. 1. Расположение приходских церквей в нагорной части Тобольска по данным 1624 г. и начала XVIII в.

иконописцам сделать местные образы Троицы и Николая Чудотворца, деисусы и царские двери [17, С. 201]. По царскому указу от 23 декабря 1622 г. для Троицкой церкви были отправлены иконы Троицы «на золоте» и Николая Чудотворца с деяниями «на празелени», «двои двери царские со святители», «Деисус на девяти иконах», церковная утварь, напрестольное Евангелие. Остальные

книги было предписано архиепископу Киприану «дать от себя» [17, С. 201]. Согласно дозорной книге, в 1624 г. все это имущество находилось в Троицкой церкви. За короткий срок у иконы Николая Чудотворца появилось большое количество прикладов, что свидетельствует о популярности этого святого в Тобольске. Скорее всего, выбор посвящения придельного престола Троицкого храма в его честь был сделан прихожанами. К 1624 г. в Тобольске было три престола, посвященных Николаю Чудотворцу.

Ранние колокольни тобольских церквей были звонницами, установленными на столбах. Так, в 1624 г. колокольня Троицкой церкви была на 5 столбах, на ней размещалось три больших и три «зазванных» колокола. Как следует из отписки сибирского архиепископа Макария 1625 г., из-за отсутствия собственной колокольни у Софийского собора его колокола размещались на колокольне Троицкой церкви. Как писал архиепископ Макарий, «та, государь, колоколница ветха, стоит на столбех. И столбы, государь, подгнили, и лестницы подвоялись» [17, С. 224]. Таким образом, в 1625 г. Троицкая церковь еще находилась рядом с Софийским собором.

На плане С. Ремезова начала XVIII в. она отмечена на другом месте – около северной стены «города» на посаде [14] (рис.1). Описания пожаров из Сибирского летописного свода свидетельствуют о том, что к 1677 г. Троицкая церковь уже находилась на этом месте. Например, сообщается, что 7 августа 1680 г. огонь уничтожил все постройки, находившиеся внутри «города» и «пояде ... подле града церковь живоначальные Троицы» [8, С. 216]. Возможно, Троицкая церковь была перенесена на новое место после пожара 1643 г. и в связи со строительством нового архиерейского двора архиепископом Герасимом. Каменная Троицкая церковь была заложена «подле малой город» в октябре 1689 г. по благословению митрополита Павла [8, С. 229]. Ее освящение состоялось 4 сентября 1690 г., а «строена на софийские казенные и архиерейские келейные деньги по ево (т.е. Павла – И.М.) обещанию» [3, С. 274]. Поскольку даты закладки и освящения храма не совпадают с днем празднования Троицы, то можно предположить, что в него перенесли престол из прежней деревянной Троицкой церкви.

Согласно «Краткой сибирской истории» С. Ремезова при основании Тобольска была воздвигнута еще одна церковь – «Всемилоствитяго Спаса на Звезде» [13]. Очевидно, что при составлении летописи С. Ремезов пользовался устными преданиями о начальной истории города, которые бытовали в Тобольске в то время. В Ремезовской летописи есть несколько сюжетов о чудесных явлениях, связанных со Спасом Вседержителем. Так, на знамени дружины Ермака был образ Спасителя, защитивший казаков от вражеских

стрел [13]. В статье «Знамение воссиявшей прославившейся Сибири» перечень чудесных явлений, наполнивших Сибирскую землю и Тобольск «божественныя святыя славы», начинается с явления «в лето 96 (1587/88) году самого Вседержителява образа в славу имени Своего» [13]. Не исключено, что именно с этим явлением связано строительство Спасской церкви. Известно, что она существовала в Тобольске уже в конце XVI в. По свидетельству «Книги записной», в 1593 г. из Углича «в Тоболск к церкви ко всемилоостивому Спасу, что на торгу» был сослан колокол, возвестивший о смерти царевича Дмитрия [8, С. 139].

В этой статье Ремезовской летописи также упоминается о явлении Иоанна Предтечи на Шанталыке [13]. Этому святому был посвящен придел Спасской церкви. В 1624 г. она размещалась в остроге недалеко от Софийской церкви. Как таковой колокольни у Спасской церкви не было, ее заменяла перекладина на двух столбах, на которой весели два небольших колокола [9, Л. 8об., 39 об.]. Пожар, случившийся 14 августа 1643 г., уничтожил «первой город и на горе посад весь безо всякого остатку» [8, С. 267]. Как сообщили в Москву воевода М.С. Гагарин и архиепископ Герасим, в 1646 г. новая Софийская церковь была заложена на том месте, где до пожара стояла Спасская церковь, «поскольку на прежнем церковном месте той соборной церкви поставить было нельзя за теснотою и потому, что с прежняго места не было выходу к площади» [1, С. 303]. Следовательно, после пожара 1643 г. на прежнем месте Спасская церковь не была возобновлена. На плане Тобольска С. Ремезова Спасская церковь размещена среди жилых построек на верхнем посаде (рис. 1). В записках Г. Миллера 1741 г. в верхнем городе отмечена каменная церковь Спаса Нерукотворного образа с двумя приделами: Богородицы Всем Скорбящим Радости и Иоанна Предтечи [15, С. 182]. Таким образом, у новой Спасской церкви сохранялась традиция посвящения одного из приделов Иоанну Предтече.

В первой половине XVIII в. нагорная часть Тобольска подверглась существенным изменениям. Был построен каменный кремль, который объединил исторически сложившиеся административный и торговый центры, а также архиерейский двор. В эту новую застройку «не вписались» Воскресенская и Вознесенская церкви, они исчезли из православного ландшафта города. В 1741 г. помимо кафедрального Успенского собора Г. Миллер отметил в верхней части города 4 церкви. В его описании прослеживается тот же принцип составления, что и в дозорной книге 1624 г. – сначала описан административный и торговый центры, архиерейский двор, а затем территория за пределами крепости. В центре крепости стоял каменный Троицкий собор [15, С. 179]. За ее пределами около Ни-

кольского взвоза находилась каменная Введенская церковь с боковыми алтарями во имя Николая Чудотворца и великомученика Димитрия, построенная на месте Никольской церкви. Очевидно, в новую церковь были перенесены престолы существовавших ранее на этом месте церквей. Помимо уже упомянутой Спасской церкви указана деревянная церковь во имя апостолов Петра и Павла с боковым алтарем во имя Нила Столобенского. Как отметил Г. Миллер, последняя была старой, и около нее строился новый деревянный храм [15, С. 182].

Таким образом, с 1624 г. по 1741 г. в верхней части города количество приходских церквей сократилось в два раза (вместо 8 стало 4), но 3 из них были каменными и, скорее всего, более вместительными, чем деревянные церкви XVII в. Их размещение в городском пространстве уже сложилось к началу XVIII в. вместе с регулярной застройкой верхней части Тобольска. Петропавловская церковь являлась приходской для северной, Спасская – для северо-западной и Введенская (Никольская) – для северо-восточной части посада. Очевидно, Троицкий собор взял на себя функцию, которую ранее выполнял Вознесенский собор, находившийся в «городе» (рис. 1). Он стал главной «официальной» церковью, прихожанами которой были воеводы (затем губернаторы), члены их семей и другие представители административно-управленческого аппарата.

К 1624 г. подгорная часть Тобольска была заселена в меньшей степени по сравнению с верхним посадом. Из приходских церквей на нижнем посаде была лишь одна – Богоявленская с приделом во имя Прокопия Устюжского. В дозорной книге зафиксировано ее местонахождение – «под горою же за речкою Курдюмкою промеж заливов на мыси» [9, Л. 69об.]. Рядом стояла келья, в которой жил черный поп Ефимий. Выбор посвящения придельного храма Прокопию Праведному, очевидно, был сделан выходцами из Устюжских земель, там этот святой был весьма популярен. На плане С. Ремезова Богоявленская церковь также показана в подгородной части, но в другом месте – перед речкой Курдюмкой ближе к склону горы, с восточной стороны к ней примыкает площадь. Получается, что Богоявленская церковь была перенесена со своего первоначального места.

Около 1644/45 г. прихожане этой церкви писали в челобитной, что Богоявленская церковь была поставлена «тому уж есть лет з двадцать, а в тое пору было под горою жилецких дворов немного» [11, Л. 13]. Однако в следующие 10–15 лет численность населения на нижнем посаде стала стремительно расти, и Богоявленская церковь оказалась маловместительной для своего прихода. Около 1640 г. новопоселенцы по своему обещанию поставили рядом с ней

церковь во имя Богородицы Владимирской. Посвящение престола новой церкви также может свидетельствовать о географии выхода новых жителей Тобольска. Как показывает перечень авторов челобитной 1644/45 г., по своему социальному составу приходская община была весьма разнородна. В нее входили служилые люди по отчеству и по прибору, посадские люди. В тот год обязанности церковного старосты выполнял посадский человек Исачко Кирьянов. Обращение прихожан к царю было вызвано их опасением за безопасность своих приходских храмов. Близость к церквям жилых дворов, бань и кузниц неминуемо приводила к пожарам, потому что «в кузницах без престани огонь, а у церквей под стенами и в жилецких дворах, которые близко тут живут, хлебы и колачи на торг пекут иногда и ночью, и по утру рано и по вечером». Челобитчики просили царя дать указание отодвинуть от церквей кузницы и дворы на безопасное расстояние. Эти опасения были не безосновательны. Владимирская церковь уничтожалась огнем во время городских пожаров 1662, 1680 и 1686 гг. [8, С. 206, 222]. Очевидно, тогда же огонь не пощадил и Богоявленскую церковь (в «Записках к сибирской истории служащих» отмечено, что во время пожара 3 августа 1680 г. сгорела Богоявленская церковь [3, С. 237]). Хотя эти сведения не всегда попадали на страницы сибирских летописей. В Сибирском летописном своде упоминается о закладке Богоявленской церкви под горою «на том месте, где была колоколья» в октябре 1680 г., в том же году она была освящена [8, С. 216]. По летописным данным в июле 1686 г. под горою была заложена деревянная церковь во имя Владимирские Богородицы «на прежнем месте и совершена» [8, С. 222].

Богоявленская и Владимирская церкви всегда существовали в определенном единстве и в конечном итоге эти престолы объединились в одном строении. Это произошло в начале 1690-х гг. [2, С. 6-7]. Сохранилась челобитная священника Афанасия Михайлова и пономаря Ивана Данилова, служивших в тобольской Богоявленской церкви. Они писали, что в прошлом 199 (1690/91) г. по благословению владыки началось строительство Владимирской церкви, но в сибирских городах не было связного железа, и поп Афанасий с пономарем «приволоклися к Москве и купили связного железа триста пятьдесят пуд и что было денег» [12, Л. 185]. Церковнослужители просили дать подводы для доставки железа в Тобольск. В январе 1702 г. по указу царя Петра им было выделено 18 подвод. В 1741 г. Г. Миллер отметил на нижнем посаде церковь Богоявления с боковым алтарем Богородицы образа Владимирской, «которая стоит на базаре». Он писал, что «хотя ее построили из камня уже много лет назад, но в последние годы

начали расширять, и строительство еще окончательно не завершено» [15, С. 183].

Все остальные церкви нижнего посада были построены по мере расширения городской застройки и, скорее всего, по инициативе населения новых районов. К началу XVIII в. на нижнем посаде в его юго-западной части недалеко от Знаменского монастыря появились Благовещенская и Сретенская церкви, в восточной части – Михаило-Архангельский храм. Известно, что последний строил отставной пеший казак Иван Родионов около 1688/89 г. (дата определена по записи в Сибирском летописном своде о том, что в 1688/89 г. был построен мост через речку Курдюмку «к новожиждущей церкви Архангела Михаила» [8, С. 229]) В бытность Г. Миллера в Тобольске Благовещенская церковь с боковым алтарем во имя Екатерины была деревянной, но рядом строилась каменная [15, С. 183]. Деревянная Сретенская церковь имела боковой придел во имя Параскевы Пятницы. К 1741 г. на нижнем посаде появились три новые деревянные церкви: Рождества Христова с приделом во имя образа Богородицы Всем скорбящим радости, во имя Андрея Первозванного и во имя Воздвижения Креста Господня с приделом во имя Покрова Богородицы [15, С. 183-184].

Таким образом, к началу XVIII в. наибольшая концентрация церквей наблюдалась в верхней части Тобольска в силу того, что она начала раньше заселяться. В первой половине XVIII в. стремительно росло количество приходских церквей в подгорной части города и к 1741 г. их стало больше, чем в нагорной. В целом расположение приходских церквей свидетельствовало о том, что церкви возникали в новых городских районах по мере расширения территории города. Скорее всего, они строились по инициативе самих горожан, которые хотели иметь свой храм недалеко от дома. В 1720–40-е гг. была усилена регламентация строительства приходских церквей [4, С. 118-140].

Анализ храмоименований приходских церквей, отмеченных в дозорной книге 1624 г., показывает, что из 9 главных престолов храмов были посвящены: 5 – Господским праздникам (Спаса, Воскресению, Вознесению, Троице, Богоявлению), 1 – Богородичным праздникам (Рождество Богородицы), 1 – во имя икон (Казанской иконе Божией матери), 2 – святым (св. Николаю, Мирликийскому Чудотворцу, св. Фролу и Лавру). Придельные храмы в основном посвящались святым (9 из 10). Здесь есть и святые «регионального» происхождения – Стефан Пермский и Прокопий Устюжский, общероссийские святые, имевшие большую популярность среди крестьянства и служилых людей – Николай Чудотворец, пророк

Илья, Георгий Победоносец, Флор и Лавр. Также есть посвящения, явно связанные со святыми-покровителями царствующих персон – Михаил Малеин (царь Михаил Федорович), Димитрий Солунский (царевич Дмитрий). Хотя, возможно, посвящение храма Димитрию Солунскому связано с событиями завоевания Сибири. Как сообщает Есиповская летопись, 26 октября 1581 г. «на память святого великомученика Дмитрея Селунского» Ермак с дружиной взяли столицу Сибирского ханства [8, С. 56]. В народе Димитрий Солунский почитался как покровитель Сибири [6, С. 366]. Лишь 1 придельный престол посвящен Господскому празднику – Входу во Иерусалим Иисуса Христа, и также 1 престол – св. Иоанну Предтече. Всего в дозорной книге 1624 г. зафиксировано 19 престолов, из них 9 – главных и 10 придельных (табл. 1).

В описании Тобольска, составленном Г. Миллером в 1741 г., отмечено 22 престола, из них – 11 главных и 11 придельных, то есть более чем за столетие количество престолов увеличилось на 4, но соотношение главных и придельных (поровну) сохранилось (табл. 1). Посвящения престолов 1624 г. и 1741 г. совпали на 1/3 (27%). В XVIII в. сохранились посвящения главных престолов господским праздникам: Богоявлению, Спасу Нерукотворному и Троице, а также придельных храмов – святым Николаю чудотворцу, Димитрию Солунскому и преподобному Иоанну Предтече. Возросла популярность посвящений престолов в имя Богородичных праздников. Возможно, существует определенная связь этой тенденции с тем, что появлявшиеся на протяжении XVII в. в Тобольске и окрестностях явленные и чудотворные иконы были в основном богородичными образами. Исчезли храмоименования в честь «региональных» святых, больше стало общероссийских, связанных с военной службой (архистратиг Михаил, Андрей Первозванный). Неизменно в топографии города отражались названия церквей. Так, в дозорной книге 1624 г. упомянуты Троицкая, Воскресенская и Никольская улицы. На плане С. Ремезова начала XVIII в. отмечены на верхнем посаде помимо названных выше еще одна Никольская, Спасская и Петропавловская, в нижней части города – Благовещенская и Михайлоархангельская.

Таким образом, за первые 150 лет истории Тобольска его православный ландшафт эволюционировал. В конце XVI–XVII в. приходские церкви были размещены таким образом, чтобы оберегать въезды в верхний посад (где находилось историческое ядро Тобольска) и внутригородское пространство, в том числе и торговые места. Строя церкви, русские первопоселенцы создавали «кризисную сеть» (понятие «кризисная сеть» введено в научный оборот Т.Б. Щепанской [18]), которая помогала адаптироваться на новом

Таблица 1 – Посвящения престолов приходских церквей Тобольска в XVII – первой половине XVIII вв.

Верхний посад			
Посвящения престолов	1624 г.	Начало XVIII в.	1741 г.
Вознесению	г	+	
Воскресению	г	+	
Входу во Иерусалим Христа Бога	п		
Спасу Нерукотворному	г	+	г (к)
Троице	г	+	г (к)
Богородице Всем Скорбящим радости			п (к)
Введению Богородицы			г (к)
Рождеству Богородицы	г		
Иконе Богородицы Казанской	г		
Георгию Победоносцу	п		
Димитрию Солунскому	п		п (к)
Илье пророку	п		
Иоанну Предтече	п		п (к)
Михаилу Малеину	п		
Нилу Столбенскому			п (д)
Николаю Мирликийскому	г, п	+	п (к)
Параскеве Пятнице	п		
Петру и Павлу		+	г (д)
Стефану Великопермскому	п		
Флору и Лавру	г		
Нижний посад			
Посвящения престолов	1624 г.	Начало XVIII в.	1741 г.
Благовещению		+	г (д)
Богоявлению	г	+	г (к)
Воздвижению Креста Господня			г (д)
Рождеству			г (д)
Сретению		+	г (д)
Богородицы Всем скорбящим			п (д)
Покрову Богородицы			п (д)
Иконе Богородице Владимирской			п (к)
Андрею Первозванному			г (д)
Екатерине			п (д)
Иоанну Богослову			п (д)
Михаилу Архистратигу		+	г (д)
Парасковии Пятнице			п (д)
Прокопию Устюжскому	п		

Обозначения: г – главный престол, п – придельный храм, (д) – деревянная, (к) – каменная.

Источники: 1624 г. – дозорная книга 1624 г. [9]; начало XVIII в. – план С. Ремезова [14]; 1741 г. – описание Тобольска Г. Миллера 1741 г. [15, С. 183–184].

месте, обеспечивала сакральную защиту занятого пространства. По мере обживания территории православным населением, когда исчезла внешняя опасность, эта первоначальная «кризисная сеть» стала замещаться другой «кризисной сетью», основанной на местных святынях – святых местах, чудотворных иконах, местах поклонений местночтимым святым и т.д. На этом этапе освоения территории для православного населения на первый план вышла функция приходской церкви как места отправления духовных треб, места совершения религиозных практик. На наш взгляд, на плане С. Ремезова нач. XVIII в. зафиксирована ситуация, когда уже произошла эта трансформация.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буцинский П.Н. Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим (1625–1650 гг.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Т. 2. Тюмень, 1999. 328 с.
2. Грамматин А. Богоявленская церковь города Тобольска // ТБВ. 1891. № 13-14. С. 287, 288, 3-14, 301.
3. Записки к сибирской истории служащие // Древняя российская вивлиофика. Ч. 3. М., 1788. 476 с.
4. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. 291 с.
5. Кивельсон В. Картографии царства: земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. 316 с.
6. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. 440 с.
7. Манькова И.Л. Дозорная книга 1624 г. как источник для реконструкции православного ландшафта Тобольска // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 212-226.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. 382 с.
9. РГАДА Ф. 214(Сибирский приказ). Оп. 3. Д. 3.
10. РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 3. Д. 13.
11. РГАДА Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 3. Д. 139.
12. РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 3. Д. 1058.
13. Ремезов С.У. Краткая сибирская история. Режим доступа <http://vbook.nsu.ru/?int=VIEW&el=662&templ=INTERFACE> (дата обращения 19.10.2014).
14. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. Нач. XVIII в. Факсимильное воспроизведение, 2004.
15. Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / Пер. и подгот. текста, предисл., коммент. А.Х. Элрета. Екатеринбург: НПП «Волот», 2006. 416 с.
16. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. 144 с.
17. Тобольский архиерейский дом в XVII веке / сост. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. 294 с.
18. Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб., 1995. С.110–176.

***

УДК 94(470)»16/18»/572.9+03.61.21

Мауль Виктор Яковлевич

*доктор исторических наук, профессор
филиал Тюменского государственного нефтегазового университета в г.
Нижневартовске
г. Нижневартовск
VYMaule@mail.ru*

ЯИЦКИЙ ГОРОДОК В XVII–XVIII ВЕКАХ: КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ЛОКАЛЬНЫХ СЮЖЕТОВ

В статье рассматриваются некоторые локальные сюжеты из истории Яицкого городка в XVII–XVIII веках в контексте культурной семантики функционирования города. Прежде всего, на примере разинского и пугачевского бунтов показано как различные события, происходившие в жизни городка, мифологизировались и интерпретировались в исторической памяти казаков, порой приобретая мистическую окраску.

Ключевые слова: Яицкий городок, локальные сюжеты, казаки, разинский бунт, пугачевский бунт, культурная семантика, мистика.

Maul Viktor Yakovlevich

*doctor of historical sciences, professor
branch of Tyumen State Oil and Gas University in Nizhnevartovsk
Nizhnevartovsk
VYMaule@mail.ru*

THE YAITSKY TOWN IN THE XVII–XVIII CENTURIES: CULTURAL SEMANTICS OF LOCAL PLOTS

In article some local plots from history of the Yaitsky town in the XVII-XVIII centuries in the context of cultural semantics of functioning of the city are considered. First of all, on the example of Razin's and Pugachev's revolts it is shown as various events occurring in town life were mythologized and interpreted in historical memory of Cossacks, sometimes getting mystical coloring.

Keywords: Yaitsky town, local plots, Cossacks, Razin's rebellion, Pugachev's rebellion, cultural semantics, mysticism.

Прошлое нашей страны хранит немало примеров, когда в силу определенных, чаще всего конъюнктурных причин производились

перемены в именовании тех или иных населенных пунктов. Как справедливо отмечают исследователи, иной раз этот неумолимый волюнтаристский процесс приобретал характер «топонимической чехарды». Причем, далеко не всегда подобные метаморфозы в топонимике имели под собой взвешенные основания. Особенно активно они происходили в советское время. По подсчетам ученых, за эти годы «в России (в пределах РФ) изменили названия 129 городов». Но не только тогда, ибо и в дореволюционный период «из сохранившихся до нашего времени городской статус поселений меняли названия 42» [6]. Примечательно, что некоторым городам «повезло» оказаться объектами топонимических экспериментов по несколько раз.

Стоит согласиться с высказанным в научной литературе мнением, что «неоправданное изменение географических названий – это не меньший вандализм, чем уничтожение памятников, церквей, дворцов и других объектов материальной культуры», ибо оно сродни безжалостному истреблению исторической памяти народа [11, С. 6].

Среди множества «собратьев по несчастью» не избежал столь печальной участи бывший российский, а сегодня расположенный на территории Казахстана небольшой город Уральск (около 240 тыс. жителей на начало 2014 г.), возникший еще в 1613 году. Свое нынешнее название он получил спустя более полутора столетий после основания по указу императрицы Екатерины II от 15 января 1775 г. Изначально же он именовался Яицким городком (Яик, Яицк) и являлся административным центром соответствующего казачьего войска. Накануне пугачевского бунта в нем насчитывалось 2526 дворов, в которых проживало с семьями 2998 служащих и отставных казаков.

Известный немецкий и российский ученый П.-С. Паллас отмечал, «что раньше Яицкий городок стоял на Верхнем Кирсановом Яру, верстах в 80 от г. Уральска, где он лично видел окопы и остатки землянок (1769 г.). Было-ли это первое казачье поселение, или уже не первое, несомненно одно, что на этом месте действительно был прежний городок яицких казаков, и что из этого городка уже в начале XVII столетия казаки переселились на то место, где теперь находится г. Уральск» [16, С. 1-2].

Считается, что до 1730-х годов Яицкий городок был «весьма слабо укреплен и само войско еще не располагало достаточными средствами для обороны». Но уже с 1750-х гг. положение существенно изменилось, «фортификационные работы ... стали производиться под наблюдением военных инженеров, присылаемых правительством. В 1744 г. Яицкий городок был обнесен с одной стороны, от реки Чаган к старому течению Яика, двойным плетнем, между которым насыпана земля. Снаружи на всем своем протяжении плетень обмазали глиной и опоясали рвом» [14, С. 42-43].

Однако есть сведения, что лет за сто до того это уже «была сильная крепость, имевшая каменные стены, пушки и сильный гарнизон» [7, С. 412]. Более того, на тот момент «Яицкий городок – лучшая царская крепость в здешних местах. Мощные пушки стояли вдоль стен городка, стрельцов в городке стояло как в хорошем воеводском уездном городе» [15, С. 85].

Обращаясь к минувшим страницам этого населенного пункта, легко заметить, что в судьбе Яицкого городка прихотливо переплелось множество силовых линий российской культуры, и даже само возникновение овеяно мифологическими сюжетами. Неудивительно, что его уникальное историческое прошлое «представляет особый интерес» [20, С. 116].

Согласно преданию, благословивший казаков на строительство городка преподобный Алексей Митрополит, предрек, что «городу вашему придется испытать разные коловратности: будут у вас там труси, мятежи, кровопролитные брани и всякия сумятицы и неурядицы. Станут вас там нудить насчет креста и бороды, станут заводить у вас солдатския очереди, богопротивные легионы и разные неполезные для вас штаты, а в единое время появится между вами такой набеглый царь... Вот из-за него-то вы много пострадаете, много крови прольете, много примете горечи» [3, С. 53-54].

Предсказал, будто проклял. Так и повелось с тех пор в судьбе Яицкого городка и его жителей с завидным постоянством попадать «из огня, да в полымя», несмотря на показную браваду казаков – «нам не привыкать-стать: на том и живем» [3, С. 54]. Словно какой-то незримый рок тяготел над городом, обрекая его на многочисленные беды и страдания.

Так уж случилось, что существенная часть его героической летописи оказалась накрепко связанной с протестными движениями XVII-XVIII вв.: Разинщина, восстание 1772 года, последовавшая вскоре после него Пугачевщина и мн. др. – это все приметные вехи городской биографии. Вполне заслуженно «старинный Яицкий городок» стали называть «колыбель многих народных восстаний» [20, С. 116]. Его насельникам не оставалось ничего иного как стойчески переносить частые невзгоды, да с житейской мудростью приписывать их вмешательству некоей таинственной мистической силы.

Заметим, что пророчества святого старца стали сбываться буквально через несколько десятилетий, уже в годы разинского бунта, предводитель которого имел в массовом сознании стойкую репутацию колдуна. Ни о какой случайности здесь не могло быть и речи: «В поверьях о разбойничьих атаманах последние предстают как колдуны или же «заложные» покойники, т.е. как лица, так или иначе связанные с нечистой силой, или даже непосредственно как представители нечистой силы» [19, С. 476].

Народное предание, например, говорит, будто «чародей Стенька останавливал плывущие суда своим ведовством. Была у него кошма, на которой можно было и по воде плыть, и по воздуху летать. Как завидит он с высокого бугра судно, сядет на кошму и полетит, и как долетит до того, что станет над самым судном, тотчас крикнет: сарынь на кичку! От его слова суда останавливались; от его погляда люди каменели» [4, С. 355].

Складыванию подобных суеверий способствовали многие конкретные эпизоды жизни атамана С. Разина и разинцев, подвергнутые соответствующей интерпретации экзальтированным восприятием простонародья. И даже сторонники правящих кругов невольно попадали под влияние его сверхъестественного очарования. Вот характерное признание официального документа: «А как они, воры, мимо Царицына Волгою плыли, и с Царицына де стреляли по ним из пушек, и пушка де ни одна не выстрелила, запалом весь порох выходил» [5, С. 136-137].

Понятно, что для тех далеких времен вера в волшебство и колдовство не представляла собой ничего необычного, и то и другое рассматривалось как вполне реальная сила, тем более в среде войсковых казаков, повседневная жизнь которых нередко зависела от того, что называется боевым счастьем. Так, среди них «распространена была вера в то, что с помощью волшебных чар можно уберечься от пули, пушечного ядра и холодного оружия. На Дону и Волге, к примеру, ходило поверье, будто бы такие чары охраняли С. Разина» [7, С. 438].

В контексте традиционной ментальности, также не без воздействия неведомой магической стихии население и гарнизон Яицкого городка были признаны жертвами вероломного обмана со стороны «батюшки Степана Тимофеевича», который, приблизившись к крепости, «не решился, как кажется, идти на приступ», а вместо этого «придумал хитрость» [10, С. 31].

Скупые строки воеводской отписки сообщают: «А приходили де те воровские казаки, атаман Стенька Разин, а с ним человек с 40 воровских казаков, к городовым воротам и просились в Яицкий городок к церкви помолитца. И голова де Иван Яцын тех воровских казаков, атамана Стеньку Разина, а с ним казаков человек с 40, в город пустил. И те де воровские казаки в Яицком городке... ворота городцкие отперли и воровским казакам всем велели идти в город» [5, С. 138].

Заметим, что стрелецкий начальник прекрасно знал о лагере разинских казаков, расположенном неподалеку от городка, своевременно был предупрежден властями и относительно исходившей от них угрозы. И, тем не менее, как будто бы внезапно на него нашло умственное затмение, и он «наивно» поддался на уговоры

С. Разина. Ну, а дальше в городе начались кровавые расправы: «Воеводу и начальных людей убили, а стрельцам, находившимся в городе, Разин объявил, что они могут свободно отправиться в Астрахань. Пользуясь позволением, они снарядили паузок и поехали в море. Но раскаявшись в добром поступке, он в след за ними отправил в погоню казаков, которые настигли их у Раковой Косы, многих порубили и побросали в воду, остальных взяли насильно с собою. Из находившихся служилых людей в Яике, тех, которые не изъявили особенного желания служить ему, Разин велел перевязать и привести к вырытой нарочно яме, над которою всем им срубили головы» [10, С. 31].

В свете сказанного выше, не стоит удивляться, что события 1667-1668 гг., связанные с трагической судьбой Яицкого городка, стали одним из значимых катализаторов мифологизации и мистификации образа С. Разина в народно-поэтическом творчестве.

Не обошлось без воображаемых местными жителями колдовских чар и в случае с так называемым Шилихиным пожаром, случившимся «до Пугача лет за двадцать пять, иль-бо и больше еще». И хотя в истории Яика и «прежде, и после Шилихина бывали пожары, весь город, почитай, превращали в уголья... однако их просто называют: «первый большой пожар», «второй большой пожар», а не называют, ведь, по имени, от кого начались». Но забыть тот из них, который был вызван смертью «злеющей-презлеющей колдуньи», казаки, конечно, не могли, в преданиях сохранив о нем воспоминания, передававшиеся из поколения к поколению: «Родитель мне сказывал об этом, а он слышал от своего родителя». Да и можно ли было запросто вычеркнуть из памяти суеверный ужас, охвативший яицких казаков при виде того, как «из трубы вылетает огненный змей в виде беса треклятого, что на Страшном Суде пишется: с когтями, с рогами, с хвостом – как быть бесу; в когтях держит самое Шилиху и летит с нею через город. А колдунья Шилиха вертится словно березка на огне, да ручищами своими цепляется за крыши домов; за который дом уцепится, тот и загорится; за который уцепится, тот, сударь мой, и загорится, и загорится. Таким манером черт пронесся с Шилихой через весь город, и весь город загорелся» [3, С. 56-62].

Действительно, и без того было что вспомнить бывалым уральским старожилам про славные стародавние времена. Однако больше всего памятных примет в истории Яицкого городка оставил якобы предсказанный святым Алексеем Митрополитом «набеглый царь» Е. Пугачев, принявший на себя имя покойного государя Петра III. Он справедливо считается одним из самых известных среди всех самозванцев, в изобилии появлявшихся на просторах российской истории на протяжении как минимум двух – двух с

половиной столетий. По сведениям историка О.Г. Усенко, в XVIII веке таковых насчитывалось 118 человек [17, С. 19].

Распространенность этого загадочного явления актуализировала в религиозном сознании современников картину извечного противостояния двух вселенских абсолютов – Добра и Зла. Если истинный царь – помазанник божий, то самозванец – это лже-царь, т.е. ставленник дьявола, колдун и чернокнижник. Он является к людям, чтобы сеять среди них неисчислимые раздоры, горести и беды, даже если при этом пытается рядиться в благопристойные одежды. Необходимо подчеркнуть, «что самозванцы воспринимались как колдуны - постольку, поскольку они воспринимались как самозванные, ряженные цари», для которых в том числе было характерно «анти-поведение» [19, С. 183].

Все точь-в-точь именно так было и в период пугачевского бунта, в ходе которого предводитель восставших, в частности, предпринял попытку переименовать Яицкий городок, задействовав для достижения поставленной цели механизмы традиционных культурных идентификаций. По словам видного пугачевца И. Почталина, самозванный император все время «проговаривал: когда он всю Россию завоюет, то зделает Яик Петербургом, яицких казаков производить будет в первое достоинство за то, что они – причину возведения его паки на царство» [13, С. 111-112].

В мифологическом масштабе культурной старины подобные намерения допустимо рассматривать как парадоксальные, но никоим образом не как примитивные. Считалось, что, «попадая на новое место, объект может утрачивать связь со своим предшествующим состоянием и становиться другим объектом (в некоторых случаях этому может соответствовать и перемена имени)» [19, С. 435, 439].

Традиционная картина мира бунтовщиков в экстремальных условиях ожесточенного противостояния реализовывалась через формирование (по сути дела, узурпирование) сакрального пространства, противопоставленного погрязшему в разврате миру официально-лицемерного благолепия. Если для нас «имя собственное (к примеру, Иван, Москва, Христос) только обозначает объект, является его «этикеткой» или «визитной карточкой», то в глазах людей «мыслящих по законам «мифологического сознания» любой словесный знак, любой эпитет может стать именем собственным» [18, С. 70].

Происходила контаминация священной топонимики пугачевцев с ментальными проекциями сакральной географии, в соответствии с которой любое перемещение в пространстве воспринималось как движение по нравственной шкале восхождения к вершинам святости или наоборот. Бердская слобода была наименована Москвой, и в возрождаемой пугачевцами «святой Руси» символически заняла ее место. Показательно, что речь шла именно о Москве, ко-

торая воспринималась как духовный символ праведного царства. Не случайно, что Петербургом, т.е. по смыслу административной столицей, был назван Яицкий городок, исконно являвшийся организационным центром казачьего войска. Осуществляя названные знаковые перестановки, Пугачев/Петр III мог не сомневаться, что в массовом сознании новая «этикетка» прочно сливалась с ее сущностным смыслом. В том числе при помощи таких семиотических манипуляций в Поволжье, на Урале и в других районах, охваченных бунтом, пугачевцы создавали свой собственный сакральный локус, освященный высоким авторитетом местного духовенства, и одним из его несущих столпов был Яицкий городок.

Известно, что неизгладимый след в памяти уральцев также оставило венчание «третьего императора» с казачкой Устиньей Кузнецовой, состоявшееся в Петропавловской церкви Яицкого городка в 1774 г. за две недели до масленицы. По свидетельству осведомленного современника, около «1 Февраля производилась в городке, занимаемом бунтовщиками, пушечная пальба и колокольный звон, во весь день продолжавшийся. Причиной такого торжества была свадьба: Пугачеву понравилась дочь отставного Казака Кузнецова, Устинья, девка самая обыкновенная, достойная грубого вкуса его, и он на ней женился» [8, С. 164].

Однако следует помнить, что мы имеем здесь дело с ненастоящей свадьбой, поскольку в любой из своих ипостасей предводитель бунтовщиков отныне оказывался двоеженцем. Как донской казак он уже имел женой Софью Недюжеву, а в личине императора был связан брачными узами с Екатериной II. Данное обстоятельство придавало смеховой антураж новой свадьбе, что тут же присваивало ей характер анти-поведения, когда все участники действия становились ряженными, т.е. самозванцами, не только по внешнему подобию, но и по смыслу. Свадебный пир нареченной «венценосной» четы осуществлял культурно-семантическую инверсию, архетипически адресуясь к черным колдовским началам.

Незаконный второй брак при живой жене, несомненно, должен был восприниматься окружающими как неприкрытый блуд, открыто анонсируемое прелюбодеяние, то есть один из смертных грехов. Свадебные торжества, таким образом, насыщались мощными кощунственными коннотациями. В глазах наблюдавших происходящее со стороны, теперь это была уже и не свадьба вовсе, а настоящий шабаш, метафорически интерпретируемый как сборище лиц предавшихся дьяволу, вакханалия их неумеренных пиршеств, бесовских плясок и бесстыдных оргий. Жителям Яицкого городка в пору было задумываться над вопросом, какими именно грехами они навлекли на себя столь суровый гнев божий, и естественный ответ на него казался пугающе очевидным.

С этого времени и поэтому Е. Пугачев даже своими бывшими сторонниками все чаще признавался за самозванца со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не случайно, уже современники, а затем и фольклор приписывали ему сверхъестественные способности, которые доказывались, например, «мистическим» прошлым, частыми удачными побегами из царских тюрем, тем, что его не брали пули и ядра и т.д. «В этих и во многих подобных преданиях объединены классические мотивы, связанные с легендой о царе-избавителе ..., мессианская функция вершения страшного суда и определение героя как Антихриста», - справедливо полагала М.Б. Плеханова [9, С. 192].

Естественным итогом святотатственного, в глазах простонародья, поведения стало разочарование в своем «высочайшем» предводителе: «навела на некоторых сия его женидьба сумнение такое, что государи на простых никогда не женятся, а всегда берут за себя из иных государств царскую или королевскую дочь». В результате «в народе зделалось сумнение, что Пугачев не государь, ... а потому многия начали из толпы его расходиться, и усердие в толпе к его особе истребляться» [12, С. 101; 13, С. 109-110].

Во многом в силу названных обстоятельств Е. Пугачеву, на глазах терявшему свой сакральный ореол, так и не удалось сломить сопротивление засевшего в Яицком кремле, изнуренного продолжительным голодом гарнизона во главе с полковником И.Д. Симоновым. Чуть позже, будучи схваченным в плен своими ближними сообщниками, именно здесь в Яицком городке он был подвергнут первому допросу капитан-поручиком С.И. Мавриным. Дальнейшая судьба «императора казаков» хорошо известна: из Яицка транзитом через Симбирск его доставили в Москву, где заточили в тюремной камере бывшего Монетного двора и после продолжительных допросов 10 января 1775 г. казнили четвертованием.

Ну, а затем, в духе времени, началась борьба топонимиконов и ономастиконов. В искоренение народной памяти о великом бунте и его выдающемся вожде его имя было предано анафеме и забвению. Примечательно, что даже заключенным в Кексгольмскую крепость членам семьи Е. Пугачева запрещено было называть себя этой фамилией.

Умолчание актуализировало культурно-символическую оппозицию норма/антинорма, когда грозному Имени противопоставлялась полная Безымянность, имевшая социокультурную обусловленность. На языке традиционализма это был сильный ход. «Нарушитель социальных норм подвергался изгнанию, проклятию, а его имя часто – забвению» [2, С. 21].

Однако простых умолчаний сочли недостаточными. Правительство пыталось перекодировать информацию с одного семантиче-

ского ряда на другой, что является «одной из основных структурных закономерностей символического языка культуры» [1, С. 36]. С этой целью последовала серия соответствующих изменений. Зимовейская станица – родина Е. Пугачева, была перенесена на новое место и получила название Потемкинской. Гордость казаков Яик-батюшка, Яик-кормилец был поименован Уралом, Яицкое казачество – Уральским, а Яицкий городок превратился в Уральск. Переименование, призванное навсегда стереть из памяти поколений неприятные воспоминания о прошлом, становилось началом новой интересной страницы истории этого славного городка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березович Е.Л. «Обычный» топоним как объект этнолингвистического исследования // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы международной научной конференции. М.: Изд-во ИслРАН, 2001. Ч. 1. С. 35–38.
2. Бондарь Н. И. Имя и Безымянность в контексте оппозиции норма-антинорма // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы международной научной конференции. М.: Изд-во ИслРАН, 2001. Ч. 1. С. 19–22.
3. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков: Полн. собр. соч. – СПб.: Типогр. «Общественная Польза», 1910. Т. 3. 439 с.
4. Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина // Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. С. 330–440.
5. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 323 с.
6. Лаппо Г.М. Имена городов: Топонимические размышления геоурбаниста // География. 2004. № 24.
7. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1998. 512 с.
8. Оборона крепости Яика от партии мятежников (Описанная самовидцем) // Отечественные записки. 1824. № 52. С. 151–174.
9. Плеханова М.Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 184–200.
10. Попов А.Н. История возмущения Стеньки Разина. М.: Типография Александра Семёна, 1857. 133 с.
11. Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь. М.: Русские словари, 1993. 250 с.
12. Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т. Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 97–103.
13. Пугачевщина. Т. 2: Из следственных материалов и официальной переписки. М.; Л.: Госиздат, 1929. 495 с.
14. Рознер И.Г. Яик перед бурей (Восстание 1772 года на Яике – предвестник Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева). М.: Мысль, 1966. 207 с.
15. Сахаров А.Н. Степан Разин. М.: Молодая гвардия, 1987. 303 с.
16. Уральское казачье войско. Статистическое описание / Сост. Н. Бородин. Уральск: Типогр. Урал. казачьего войска, 1891. Т. 1. 947 с.
17. Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России XVII-XVIII веков как фронт // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты. Тверь: Изд-во Тверск. ун-та, 2007. Т. 1. С. 19–28.
18. Усенко О.Г. Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 2. С. 69–72.
19. Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки рус. культуры, 1996. 608 с.
20. Чеботарев В.А. Яицкий городок в XVIII в. // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 116–121.

УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ИМЕРИИ

УДК 94(57)

Шахеров Вадим Петрович

*доктор исторических наук, доцент
Иркутский государственный университет
г. Иркутск
wodalish@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОРЕФОРМЕННЫХ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СИБИРИ

Статья посвящена становлению городских поселений Сибири в XVII – первой половине XIX в. Отмечаются основные особенности урбанизационных процессов в Сибири в контексте формирования городской среды. Выделены основные этапы сибирского градостроительства. Особое внимание уделено характеристике разнообразной структуры городских поселений от высочайше учрежденных городов до острогов, торговых слобод и заводских поселков.

Ключевые слова: Сибирь, город, острог, урбанизация, горнозаводские поселки, городское население.

Shakherov Vadim Petrovich

*doctor of historical sciences, associate professor
Irkutsk State University
Irkutsk
wodalish@yandex.ru*

PECULIARITIES OF FORMATION OF THE PRE-REFORM URBAN SETTLEMENTS OF SIBERIA

The article is devoted to the development of urban settlements of Siberia in XVII – first half of the XIX century. Marked the main features of the urbanization processes in Siberia in the context of the urban environment. The main stages of the Siberian urban planning. Special attention is paid to the characteristics of the various patterns of urban settlements from highly established cities to forts, trading settlements and factory towns.

Keywords: Siberia, city, Fort, urbanization, mining towns, urban population.

В истории человечества особая роль отводится процессам урбанизации, которые, в свою очередь, поднимают массу проблем экономического, социально-политического, географического, экологического и градостроительного порядка. Их успешное решение предполагает не только изучение современной ситуации, но и обращение к историческому прошлому городов. Именно с городами связаны наиболее важные достижения мировой цивилизации. Они выступают важнейшими центрами концентрации материальных, людских, интеллектуальных ресурсов общества. Особый научный интерес представляет рассмотрение региональных особенностей формирования городской среды, поскольку процессы урбанизации на различных территориях России в силу причин географического, исторического, социально-экономического характера протекали неоднозначно.

Становление городского поселения представляло собой сложный социально-экономический и культурно-поведенческий процесс. Превращение любого поселения в город тесно связано с формированием в нем городской среды, включающей в себя не только экономическую составляющую, градостроительный образ и природный ландшафт, но демографические и ментальные характеристики городского общества. Понятие «городская среда» многомерно и включает в себя несколько уровней, как визуальных, так и умозрительных. На умозрительном уровне городская среда проявляется в том, что называют душой, характером, «конкретной индивидуальностью» города. На жизненную среду города, которая складывалась исторически, влияли особенности природного ландшафта, уровень экономического развития, общественные связи, образ жизни населения. Совместными усилиями всего городского социума формировался «как пейзаж города, так и самый уклад жизни, присущий ему». Таким образом, городская среда приобретает самостоятельный и саморегулирующий характер, организует креативное пространство городского сообщества, служит одним из источников его дальнейшего развития. Следует отметить, что эта характеристика дополняет сложившееся в литературе понимание города как многофункционального организма. Функциональность городов позволяет определить их внешние характеристики, роль и место в урбанизационном пространстве страны, степень воздействия на сельскую округу. [5, С. 18-19]. Однако эта характеристика ничего не говорит об уровне и степени развития самого города и городского общества, о внутренних процессах формирования городского образа жизни. Понятие «городская среда» в этом плане является более многомерной и содержательной характеристикой.

Основная часть городских поселений Сибири появилась в процессе открытия и присоединения зауральских территорий в конце XVI–XVII в. Многие из них возникали вначале как ясные зимо-

вья или остроги, выполнявшие чисто военно-административные задачи. Превращение таких поселений в города свидетельствовало об умело выбранном месте и благоприятных экономических и транспортных условиях их развития. Первые сибирские города и остроги представляли собой сложное техническое сооружение, выполненное в лучших традициях русского градостроительного искусства.

Сибирское градостроительство прошло несколько этапов в своем развитии, и в рамках каждого из них в соответствие с новыми задачами освоения края менялись типы и виды сибирских городов, методы и приемы колонизации. Первый этап начинается со строительства Тюмени в 1586 г. и заканчивается основанием Томска, ставшим основной базой для дальнейшего продвижения России на восток. В условиях продолжавшегося противостояния со степными южносибирскими народами российские власти старались строить достаточно мощные крепостные сооружения, способные отстоять российские претензии на новые земли. Появление в этот период хорошо укрепленных городов и острогов Тобольска (1587), Березова и Пельма (1593), Тары и Сургута (1594), Нарыма (1595), Кетска (1596), Верхотурья (1598), Мангазеи и Туринска (1600–1601) и, наконец, Томска (1604) закрепляло новые сибирские земли за Россией и усиливало контроль за основными торговыми путями, как северными морскими, так сухопутными от Верхотурья в Сибирь.

Новый этап градостроительства начинается с выходом русских землепроходцев в бассейн Енисея и Лены. В это время появляются Кузнецкий и Маковский остроги (1618), определявшие путь на Енисей через Маковский волок, Енисейский (1619), Красноярский, Рыбинский (1628) на Енисее, а также сеть ангаро-ленских острожков: Киренский, Илимский, Братский и Усть-Кутский (1631), а также Якутский острог (1632), ставший основной базой колонизации всего северо-востока Сибири. На плечи Кузнецка и Красноярска легла задача дальнейшего продвижения в южную Сибирь, из Енисейска и Якутска осуществлялось проникновение в Забайкалье и Приамурье.

С 1640-х гг. начинается продвижение в Приангарье и Забайкалье и далее в Приамурье. В этот период появляются Балаганский и Албазинский (1654), Иргенский (1657), Нерчинский и Телембитский (1658), Иркутский (1661), Селенгинский (1665) и Верхнеудинский (1666) остроги. Всего за вторую половину XVII в. в Сибири было основано более 80 городов, острогов и слобод. Однако только 19 из них были центрами самостоятельных уездов.

В делопроизводстве XVII в. термины «город», «острог» и «слобода» имели разное значение. [8, С. 172-176] Официальное название «город» получали те населенные пункты, которые были административными центрами больших регионов как, например, Тобольск, Томск, Енисейск, Якутск или же центрами значитель-

ных уездов, имеющих важное оборонное или торгово-хозяйственное значение: Березов, Верхотурье, Тара, Мангазея и т.д. Их городской статус утверждался царскими указами, во главе их находились воеводы, назначаемые из Москвы. Города имели также свой герб и печать. Большинство острогов также имело подведомственную территорию, состоящую из сельских населенных пунктов, но не были самостоятельными в административном плане.

На первых порах все сибирские города и остроги имели военно-политическое значение, ибо они строились для закрепления вновь присоединенных территорий и для организации экспедиций по «приисканию» новых земель и ясажных народов. Но у одних городов эта эпоха окончилась уже в самом конце XVI века (Тобольск, Тюмень, Верхотурье), у других – в первые десятилетия XVII века (Тара, Березов, Сургут), а у некоторых продолжалась почти весь век (Красноярск, Кузнецк, Нерчинск, Верхнеудинск и другие). Практически с первых лет существования сибирские города и остроги становятся центрами торгово-промышленной деятельности, что было вполне естественно для освоения такой фронтальной территории, каковой была Сибирь.

Различной была судьба городских поселений Сибири. Одни рано оформились как значительные административные и торговые центры локальных территорий (Тюмень, Мангазея, Енисейск, Красноярск, Якутск, Верхнеудинск, Нерчинск), другие выдвинулись в ряд крупнейших городов Сибири (Тобольск, Томск, Иркутск) или получили даже общероссийское значение (Троицкосавск с Кяхтой). Большинство же городов Сибири оставались небольшими пунктами уездного управления и транзитной торговли. Некоторые из них лишь короткое время числились городами (Балаганск, Верхоленинск, Сретенск, Доронинск), другие знали в своей жизни лучшие времена, но постепенно превратились в сельские поселения (Илимск, Селенгинск и др.).

Очередной этап активного крепостного строительства в Сибири был связан с уточнением и укреплением южной пограничной линии в первой половине XVIII в. Инициатором постройки новых и реконструкции старых крепостей на Юго-Востоке Сибири стал посол в Китай граф С.Л. Владиславич-Рагузинский. Осмотрев городские укрепления пограничных городов, он нашел их неудовлетворительными и принял меры для усиления обороноспособности. [1, С. 124]. По указанию посла были разработаны планы укрепления старых городов Иркутска и Верхнеудинска. Они были обнесены с суши деревянными палисадами и рвами. Также были построены новые крепости Петропавловская на Чикойской стрелке и Троицкая на реке Кяхта. Столь знаменитая в последствии Кяхта возникла на базе двух отдельных поселений. Сначала была заложена

в июне 1727 г. крепость Ново-Троицкая. Затем в четырех верстах от нее была основана торговая слобода Кяхта. Хотя в официальных документах XVIII в. Кяхта называлась форпостом Троицкой крепости и действительно имела укрепления, ей суждено было длительное время играть важнейшую торговую роль как единственного пограничного пункта всей обширной меновой торговли между Россией и Китаем. В этом качестве Кяхта заметно отличалась по своему статусу и даже внешнему виду от других городов региона, являясь общероссийским центром международной торговли. В 1805 г. Троицкосавск получает статус города и здесь формируется основная городская инфраструктура. После того как с 1809 г. в Кяхтинской слободе было запрещено проживать всем жителям, за исключением купечества, непосредственно участвующим в торговых операциях, она превращается в элитный пригород города, застроенный добротными купеческими особняками.

География распространения крепостных сооружений в эти годы переместилась к южным границам Сибири, где повсеместно внедряются типовые проекты крепостей для целых линий и участков границы. От Тобола, например, была образована пограничная линия укреплений, протянувшаяся к северо-востоку на тысячу верст до самого Иртыша. Чуть позднее, в 1740-х годах, была создана Ишимская линия, в 1752 году началось строительство новой укрепленной системы – Новоишимской, а на Алтае – Колыванской линии. В то же время, в виду отсутствия непосредственной военной опасности необходимость в острожных и крепостных сооружениях в старых сибирских городах отпала, и они постепенно приходят в полную негодность и разрушаются. В некоторых городах острожные сооружения в разное время XVIII в. были уничтожены пожарами (Баргузин, Селенгинск), либо разрушены наводнениями (Петропавловская крепость, Нерчинск).

Для сибирских городов, так же как и для большинства русских, свойственно было прибрежное расположение, так как речные артерии в это время выступали главными магистралями, по которым, собственно, и шло освоение новых территорий. Даже названия многих городов и острогов были связаны с реками, на берегах которых они были основаны (Тобольск, Томск, Енисейск, Илимск, Иркутск и др.). Во всех этих городах набережные становились главными фасадными частями. Реки играли ведущую роль в организации городской застройки, которая, так или иначе, ориентирована была на береговую часть, создавая выразительную панораму сибирского города. В то же время прибрежное расположение большинства острогов и городов Сибири приносило дополнительные трудности жителям. Частые разливы рек сопровождались разрушением берега, подтоплением и сносом жилых построек. Из-за неудачного

расположения некоторые остроги и города Сибири были позднее перенесены на другое место. Еще в XVII в. были перенесены Верхотенский острог и Якутск, в следующем столетии – Балаганский острог. На длительное время затянулось перемещение на более удобные места Селенгинска и Нерчинска.

Официальная статистика относилась к городам только административные центры губерний и уездов или являвшиеся таковыми в прошлом. Многие из них ни по числу жителей, характеру их занятий, ни по экономическим параметрам не соответствовали понятию «город». По стандартам конца XVIII – первой половины XIX в. города с населением свыше 25 тыс. относились к большим городам, от 5 до 25 тыс. к средним, менее 5 – к малым [5, С. 22]. В Сибири все было иначе. Только такие города как Тобольск, Иркутск, Енисейск, отчасти Томск можно было отнести к большим, остальные города не подходили под параметры даже среднего.

В то же время в Сибири было значительное количество населенных пунктов с достаточным количеством жителей, развитой торговлей и промышленностью, которые причислялись к сельским или иным поселениям. В течение рассматриваемого периода существовали остроги с посадским населением, пригороды, подгородные слободы, горнозаводские промышленные поселения. Они отличались более сложной, чем сельские поселения, социальной структурой своих жителей и вместе с крупными городскими поселениями играли важную роль в формировании и реализации товарно-денежных отношений. Все эти поселения были не только тесно связаны с окружающей их сельской округой, но и являлись важным звеном в межлокальных хозяйственных связях крупных городов и территорий в целом. Более того, там, где город только формировался или был слабым, эти малые города и поселения брали на себя выполнение хозяйственных функций, формируя экономическую иерархию поселений в рамках существующего регионального рынка. Кроме того, сибирские города находились в значительном территориальном отрыве друг от друга, что затрудняло не только экономическое, но даже личностное общение горожан. Поэтому остроги и поселки, даже самые малые, наполняли сельскую округу «городским сознанием» и отчасти возмещали недостаток городов в регионе.

К концу XVIII в. наблюдается рост поселений, получивших статус города. На территории двух сибирских наместничеств Тобольского и Иркутского в 1780-х гг. насчитывалось уже 37 городов [6]. По сравнению с XVII в. их численность возросла почти в 2 раза. При этом, наблюдается не просто рост городов, но складывается собственно сама система городов, во главе которой находились центры наместничеств – Тобольск и Иркутск. Ниже их располагались провинциальные (областные) и уездные города. К середине XIX века

рост городов продолжился, но этот процесс имел свои особенности. Ряд старинных городов по разным причинам потерял черты и функции города и был переведен в разряд сельских поселений. Такая же участь постигла и некоторые остроги и даже города, на короткое время по прихоти властей выросших из сельских поселений. В тоже время для решения новых задач по управлению сибирской территории ряд острогов и сел, имевших к тому же определенный экономический потенциал, такие как Минусинск, Канск, Ачинск, Туруханск в 1822 г. при образовании Енисейской губернии или Чита, ставшая областным центром в 1851, получили статус городского поселения. В результате чего число городов с 37 в 1782 г. увеличилось до 44 в 1825 г. и 46 в 1847 г. [11, С. 26] Однако размещались эти города на карте Сибири весьма неравномерно. В самой большой по территории Енисейской губернии было 6 городов; в обширной Иркутской губернии 12 городов и еще 7 пограничных крепостей. Самой городской губернией (по соотношению территории и числу городов) была Томская – 12 городов, затем шла Томская – 9.

Наряду с поселениями, получившими официальный статус города, на территории Сибири насчитывалось немало острогов, которые по своим функциям и составу населения более соответствовали городским, нежели сельским поселениям. По существу, они представляли собой переходное состояние между собственно сельским и городским населенным пунктом и играли заметную роль в формировании урбанистической среды региона. В них проживало не только крестьянское население, но и посадские, разночинцы, мещане, занимавшиеся как хлебопашеством, так и различными ремеслами, промыслами и извозом. В 1775 г. посадское население острогов Иркутской губернии насчитывало более 2 тыс. человек, что составляло 32,6% всего торгово-промышленного населения края [7, С. 23-32]. Ильинский острог в Забайкалье по численности населения уступал только Иркутску. Всего же на территории губернии числилось 22 сельских населенных пункта с посадским населением, в том числе 14 острогов. Некоторые из них (Киренск, Верхоленинск, Балаганск, Баргузин, Чита, Сретенск, Доронинск) были преобразованы в города пусть даже и на короткое время, но основная их масса постепенно все более превращалась в сельские поселения.

Наиболее заметную роль играли остроги, находившиеся на пересечении водных путей и вдоль дорожных магистралей. Так, от Братского острога расходились пути в Забайкалье и на Енисей, через Ленский волок – в Якутию. На Лене в качестве транспортных и хозяйственных центров выделялись Усть-Кутский и Чечуйский остроги. В Забайкалье – Кабанский, Ильинский и Итандинский остроги. В них проживало не только крестьянское население, но и посадские, разночинцы, занимавшиеся как хлебопашеством, так и

различными ремеслами, промыслами и извозом. В 1792 г. в этих острогах числилось 356 купцов, мещан и цеховых, что составляло почти 30% всего торгово-промышленного населения Верхнеудинского уезда [4, Л. 10б.]. Однако строительство Кяхты, развитие Нерчинских горных заводов и связанных с ними поселений, изменение путей сообщения привели к тому, что эти «городские» функции забайкальских острогов не смогли развиваться, и они в демографическом и хозяйственном отношении сформировались как сугубо сельские населенные пункты, сохранив, однако, за собой функции административно-хозяйственных центров деревенской округи. Следует отметить также, что развитие рыночных отношений оказывало заметное влияние и на инфраструктуру сельских поселений Сибири. Речь идет, конечно, о крупных селах, ставших узловыми транспортными или торговыми центрами. Например, ряд больших и богатых сел, расположенных вдоль Московского тракта, «особенно поражал своим городским характером» [9, С. 78].

Анализ городских поселений Сибири будет не полон, если обойти молчанием поселки, возникшие вокруг казенных заводов и предприятий кабинетского ведомства. Как полагают некоторые исследователи, «горнозаводские поселки отчасти сами выполняли роль городов» [10, С. 33]. Конечно, поселения при горнодобывающих заводах не могли быть идентичны городу, так как не имели соответствующего юридического статуса. Кроме того, значительная часть их населения состояла из людей подневольного состояния – ссыльных мастеровых и каторжан. В то же время в таких поселениях концентрировалось большое количество людей, занятых в обслуживании производства и фактически оторванных от сельскохозяйственных операций. Если к ним добавить представителей администрации, охрану и инженерно-технический персонал, то социальный состав поселения окажется несравненно более сложным и многофункциональным, нежели в любом самом многочисленном селе. Нередко заводские поселки отличались более организованной застройкой, планировкой усадебного пространства и благоустройством. Так же как и города, поселки при горных заводах притягивали к себе окрестное крестьянство, предоставляя возможности для заработка и для сбыта сельскохозяйственной продукции. В середине XIX в. Ю.А. Гагемейстер отмечал, что базары большого Нерчинского и Шилкинского заводов превосходили ассортиментом и оборотом уездный город Нерчинск. Всего же в этих заводских поселках насчитывалось около 4,5 тыс. жителей [2, С. 186].

Следует отметить, что городообразовательные процессы в таких специфических территориях, как горные округа, находившиеся в ведении кабинетского управления, во многом зависели от позиции и задач Горного ведомства, что серьезно ограничивало развитие

общественного самоуправления. Не только хозяйственная, но и вообще вся административно-общественная жизнь подобных поселений была жестко регламентирована. В результате из заводских поселений в города были преобразованы лишь единицы. Официально понятие «горного города» и его особый статус было введено в России Горным положением 1806 г. Таковым городом считался Екатеринбург и еще ряд заводских поселений на Урале. В Сибири после ряда административных преобразований конца XVIII – начала XIX вв. городской статус получили Бийск (1782, 1804), Колывань (1822), Барнаул (1822). Их пример был скорее исключением из правил. Так, жители большого Нерчинского завода неоднократно обращались с ходатайством о преобразовании заводского поселения в город, но власти посчитали, что отвод земельных участков под усадьбы и выгонные земли будущего города нанесет ущерб интересам Кабинета и отказали [3, Л. 10].

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода на территории Сибири шли урбанизационные процессы, приведшие к созданию разнообразной структуры городских поселений от высочайше учрежденных городов до острогов, торговых слобод и заводских поселков. Определяющими для их развития факторами стали специализация на промысловых и обменных операциях, а также формирование торгово-промышленного населения.

Изучение изменений в формировании городских поселений Сибири позволяет выделить два хронологических этапа. Первый связан с появлением городских поселений и становлением системы городского хозяйства и населения с конца XVI в. до 1780-х гг. Наиболее важные изменения в структуре и характере сибирских городов произошли в конце XVIII – первой половине XIX в. К середине XIX в. городские общества наиболее экономически развитых городов Сибири (Иркутск, Омск, Тобольск, Томск, Барнаул, Красноярск, Кяхта) свидетельствовали о начале формировании городского пространства нового типа. В то же время в Сибири было достаточно много уездных городов и малых городов, особенно в северных и восточных районах, которые насчитывали менее тысячи человек и отличались низкими темпами развития. Практически все сибирские города в той или иной степени сохраняли сельский вид, характерный для «аграрных городов» провинциальной России. Но важно отметить, что внешний вид даже самых малых городских поселений региона отличался от облика крестьянских селений, прежде всего некоторой упорядоченностью уличных и дворовых пространств, отражающих организационную систему плановой городской застройки, а также обязательным наличием ярмарок и торжков, розничной торговли и производственно-потребительских интересов городского населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине ХУП – ХУШ вв. Владивосток, 1999. 336 с.
2. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб.: [б.и.], 1854. Т. 2. 697 с.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 229.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 20. Оп. 1. Д. 2122.
5. Миронов Б.Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 274 с.
6. Описание Тобольского наместничества / Сост. д.и.н. А. Д. Колесников. Новосибирск: Наука, 1982. 321 с.; Описание Иркутского наместничества 1792 года / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1988. 254 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗРИ-1). Т. XX, № 14242. СПб.: Тип. II отд. Собственной е.и.в. канцелярии, 1830.
8. Резун Д.Я. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII века. // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 172–176.
9. Ровинский П.А. Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. 1875. № 1.
10. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. 557 с.
11. Шахеров В.П. Города Сибири в дореформенный период: учебное пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 185 с.

* * * * *

УДК. 94 (47) «18/19»

Стрекалова Наталья Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
г. Тамбов*

strekalovanv@mail.ru

Стрекалов Дмитрий Валерьевич

кандидат исторических наук

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
г. Тамбов*

strekalovanv@mail.ru

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.: ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются источниковедческие проблемы исследования провинциального города Российской империи в конце XVIII – в первой половине XIX вв. Охарактеризован комплекс источников для изучения социально-демографических процессов населения российского провинциального города в конце XVIII – первой половине XIX вв. Проанализированы пути повышения эффективности и репрезентативности исторических источников, возможности применения компьютерных технологий.

Ключевые слова: городское население, исторические источники, социальная структура, демография, компьютерные технологии.

Strekalova Natalya.Valer'evna
candidate of historical sciences, associate professor
Tamбов State University named after G. R. Derzhavin
Tambov
strekalovanv@mail.ru

Strekalov Dmitriy Valer'evich
candidate of historical sciences
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Tambov
strekalovanv@mail.ru

SOURCES FOR THE STUDY OF SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE RUSSIAN PROVINCIAL TOWN AT THE END OF XVIII – FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY: CHALLENGES, OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

The article deals with problems of research primary source provincial cities of the Russian Empire in the late XVIII – in the first half of the nineteenth century. Characterized by a set of sources for the study of socio-demographic processes of the population of the Russian provincial town at the end of XVIII - first half of the nineteenth century. The ways of improving the effectiveness and representativeness of the historical sources, the possibility of using computer technology.

Keywords: urban population, historical sources, the social structure, demography, computer technology.

Урбанистическое направление остается одним из актуальных в отечественной историографии. Однако проблемы городского населения изучены неравномерно, в том числе значительные лакуны остаются в исследовании социально-демографических проблем провинциального города конца XVIII – первой половины XIX вв., обусловленные, в том числе, источниковедческими проблемами.

Одной из ключевых составляющей характеристики города конца XVIII – первой половины XIX вв., от которой зависело его административное, экономическое и культурное значение, была численность населенного пункта. Показатель численности населения

был положен в основу ряда типологий городов. Так, исследователь XIX в. К.Ф. Герман писал о пяти группах городов (кроме столиц) в зависимости от численности населения: 1) от 70 до 30 тыс. человек (таковых было всего 5); 2) от 30 до 10 тыс. (таковых было 30); 3) от 10 до 5 тысяч (таковых было 90); 4) от 5 до 2 тысяч (таковых было 126); 5) от 2 до 45 человек [13].

Б.Н. Миронов выделяет три группы российских городов первой половины XIX вв.: во-первых, малые города с численностью населения до 5 тыс. жителей; во-вторых, средние – от 5 до 25 тыс. жителей; в-третьих, большие – свыше 25 тыс. жителей [21].

Согласно классификации К.Ф. Германа, ко второму разряду городов (с учетом столиц – к 3-му) относились такие губернские центры первой половины XIX в. как: Тамбов, Тверь, Орел, Воронеж и др. По классификации Б.Н. Миронова выше перечисленные города должны быть включены в составе средних.

Изучение динамики численности городского населения в первой половине XIX в. вызывает серьезные затруднения, прежде всего, из-за недостатка и разнородности источников. Система и точность учета населения не раз подвергалась критике исследователями российского дореформенного города [16].

Одним из препятствий при изучении административных источников (статистических отчетов городских учреждений и основанных на их сведениях географических и географо-статистических словарей Российской империи, различных описаний городов и др.) заключается в том, что не было единого критерия для учета числа жителей.

По мнению исследователей, администрация определяла численность городских жителей в отдельные годы по-разному: учитывала то наличное население города, то постоянное и приписное, то включало в общую численность города временное население, то исключала его из расчетов [21, С. 80-81, 100].

Кроме того, сам учет населения производился в отдельные годы в разное время года, что существенным образом сказывалось на численности населения города. Особые сложности вызывал учет числа лиц военных сословий, проживавших в городе, а частью – в слободах.

На данные недостатки российского учета населения указывали составители статистических обзоров и отчетов XIX в. По их мнению, в основе противоречий статистических сведений первой половины XIX в. лежала «несвязанность всех статистических операций, недостаточность разграничения предметов ведомства, частые переходы от одного ведомства в другое... Говоря специально о цифре населения и ее качественном анализе, все эти разрозненные

исчисления оказываются решительно негодными для каких бы то ни было соображений и выводов» [32].

Кроме того, в ряде случаев, предписания центральной власти о сборе и предоставлении статистических сведений на местах либо исполнялось некачественно, либо не исполнялось совсем. Например, в 1796-1797 гг. проводился сбор данных по численности и составу населения городов России. Губернаторы должны были представить данные о числе, половой принадлежности, сословии, занятию по каждому городу губернии. Однако, Тамбовский губернатор Николай Лаптев, сославшись на то, что он лишь недавно был назначен (15 мая 1796 г.), а данный вопрос, по его мнению, требовал тщательной и длительной работы и проверки, данных не представил [28]. С 1804 г. ежегодно тамбовскими губернаторами готовились отчеты по губернии в целом. В данных отчетах содержались (не всегда в полном объеме) и данные и по численности населения городов губернии.

В.М. Кабузан полагал, что для XVIII – первой половины XIX вв. единственным, сравнительно полным источником, по истории народонаселения России, если устранить недостатки являлись ревизии [16, С. 30]. Однако ревизия учитывала только податное население. По мнению Б.Н. Миронова, достаточно надежные и точные сведения предоставляла исповедная статистика, так как она фиксировала все социальные группы населения и всегда придерживалась одного и того же порядка учета [19].

Так, при исследовании численности и социального состава Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX вв. был проведен сравнительный анализ сведения ревизий, данных исповедальной статистики, информации опубликованных статистических данных о численности населения города. В результате анализ разных видов источников, позволил отметить расхождения в количестве жителей Тамбова за отдельные годы от 100 человек до почти 4 тысяч человек по разным источникам. Например, согласно губернаторскому отчету за 1825 г. численность населения города составляла 15736 чел. [27], а по опубликованным статистическим данным за тот же год – 18354 чел. [33]. Отмечены серьезные расхождения в данных о числе жителей Тамбова за 1813 г. между губернаторским отчетом и данными церковной исповедальной статистики [26; 31]. Анализ конкретно-исторической ситуации, позволяет предположить большую достоверность данных о числе жителей по сведениям тамбовского епископа «о числе исповедовавшихся и причастившихся».

Сложности возникают и при анализе социальной структуры населения провинциального российского города в конце XVIII – первой половине XIX вв. Составители статистических сборников XIX в. отмечали, что «состав городских сословий в точности определить

довольно трудно», аргументируя это теми же причинами, что и при определении общей численности населения города [32, С. 301].

В источниках конца XVIII – первой половины XIX вв. по-разному были сгруппированы те или иные социально-сословные группы городского населения Российской империи: в одних источниках информация была детализирована по каждой группе городского населения, в других – объединена (например, часто объединялись данные о купцах, мещанах и цеховых), в-третьих, – о части социальных групп информация отсутствовала совсем и др.

Более информативными и качественными, с четким делением на разряды и сословия, источники по составу населения города становятся во второй половине XIX в. [24].

Не менее сложной проблемой является выяснение отраслевого состава занятости городского населения России в конце XVIII – первой половине XIX вв. [37]. Учет точного числа горожан, занимавшихся тем или иным видом деятельности, в конце XVIII – первой половине XIX вв., по мнению исследователей, существенно затрудняют несколько обстоятельств: во-первых, «из-за непреодолимых трудностей при определении функциональных занятий населения», во-вторых, из-за того, что горожанин первой половины XIX в. в отличие от современного горожанина был и пахарь, и ремесленник, и купец, и «на дуде игрец». Некоторые ориентировочные выводы о профессиональной структуре населения городов России первой половины XIX в., по мнению исследователей, позволяют делать исповедные ведомости [21, С. 205].

В условиях крайне ограниченной информации и специальных источников по профессиональному учету населения города, интерес представляют «Списков городских обывателей...». В частности, по Тамбову данный источник сохранился за 1831-33, 1850 и 1855 гг. Особую ценность представляет содержащаяся в них персонифицированная первичная информация о домовладельцах губернского центра. Владельцы недвижимости являлись своего рода ядром городских обывателей, ибо наличие недвижимости и администрации, и официальными властями, и самими горожанами рассматривалось как один из важных параметров принадлежности к городским обывателям. Информация о занятии записывалась со слов опрашиваемого домовладельца. В связи с этим особый интерес представляет самоназвание профессий и представление горожанина о роде своего занятия [36].

Источниками, позволяющими проследить основные демографические процессы населения провинциального губернского центра (брачность, рождаемость, смертность), являются, в первую очередь, метрические книги, которые содержат записи о родившихся, со-

четавшихся браком и умерших из числа постоянного приходского населения города. Метрические книги используются большинством исследователей как один из главных источников по демографическим проблемам того или иного населенного пункта. Так, для характеристики демографических показателей естественного движения населения Тамбова были привлечены данные метрических книг г. Тамбова конца XVIII – первой половины XIX вв. (ГАТО. Ф. 1049. Коллекция метрических книг). Они составлялись в духовных консисториях для отдельных городов, уездов и губернии, входивших в данную епархию, по формуляру, не претерпевшему существенных содержательных изменений с начала XVIII в. до 1917 г. Сводные метрические ведомости по России в целом, составлявшиеся до 1867 г. в Синоде, а затем вплоть до 1917 г. в Центральном статистическом комитете, куда они поступали из губернских статистических комитетов, и готовились для публикации в ежегоднике «Движение населения», издаваемом Министерством Внутренних дел с 1867 г.

Данные метрических книг за 1796-1866 гг. оцениваются как малодостоверные. Причина такой оценки - неполнота и неточность метрических книг этого периода, вызванные недоучетом мертворожденных, незаконнорожденных детей, старообрядцев и сектантов, а также всех родившихся, умерших и вступивших в брак вне своего прихода. Однако, при сопоставлении с данными исповедных ведомостей и других источников, по мнению исследователей, данный источник может быть использован при анализе демографических процессов в России [20].

Полнота и точность информации метрических книг определялись рядом объективных и субъективных факторов. Так, запись многих данных делалась со слов регистрируемых, на что влияла и житейская незаинтересованность обывателей в точности метрических записей, а также грамотность и добросовестность священников. Например, в одних метрических книгах по Тамбову конца XVIII – первой половины XIX вв. есть сводные данные за год, в других нет.

Можно отметить, в целом неплохую сохранность метрических книг Тамбов конца XVIII – первой половины XIX вв. В то же время, состояние трех метрических книг губернского центра за 1812 г. считается неудовлетворительным. В целом данные за 1812 г. подвергаются критике со стороны исследователей с точки зрения их полноты и достоверности.

Анализ метрических книг Тамбова позволил, сделать вывод о том, что содержательная часть метрических книг оставалась практически неизменной. Отмечались лишь некоторые внешние изменения формуляра данного источника с конца XVIII к середине XIX

вв. в сторону его большей детализации. Однако встречались и некоторые нарушения. Например, в раздел «О родившихся» вносились сведения об обратившихся в православие из других христианских и нехристианских исповеданий, для которых существовал особый отдел в метрических книгах. Так, по данным метрической книги Спасо-Преображенского собора Тамбова за 1857 г. встречается запись в разделе «О родившихся» о «рождении» 26-летнего «военнопленного французской армии, принявшего российское подданство, Жана Пьера католической веры, присоединенного в православие к греко-российской вере и нареченного Иоанн». Крещение прошло 16 апреля 1857 г. В качестве восприемников выступили тамбовский мещанин Павел Андреевич Федоров и однодворка Мария Федоровна Перелыгина. Обряд совершил священник Василий, дьякон Иван Яковлевич Александров и пономарь Петр Семенов [4]. И это был не единичный факт.

Не всегда соблюдалась четкая форма записи брака, использовались разные обозначения жениха и невесты: отрок, девица, первым браком, первобрачные, второбрачен, вдовец, вдова (иногда с указанием звания предыдущего мужа, например, «вдова коллежского регистратора»). Долгое время не фиксировался возраст молодоженов, место жительства обычно называлось одно и для жениха и невесты, даже, если они были из разных мест (чаще – место жительства жениха). Сводные данные метрических книг, в том числе и по разделу о заключении браков не раз подвергались критике исследователей. Так, В.Л. Носевич, на основе анализа метрические книги Белоруссии, пришел к выводу, что регистрации браков была не полной. По его подсчетам, из около 1100 проанализированных семей в период с 1773 г. по 1851 г. включительно, лишь для 863 удалось обнаружить записи о венчании, что, по его мнению, означает, что порядка 230–250 браков (21–23%) либо вообще не были зарегистрированы, либо заключались в другом приходе – по месту жительства невесты [23].

В то же время Б.Н. Миронов полагает, что в Российской империи по брачности велся более точный учет в отличие от смертности и рождаемости, так как «брачной церемонии предшествовало специальное изучение степени родства и свойства вступающих в брак, а факт венчания, произведенного священником, утверждался духовными властями в консистории» [22]. Интересно что, по данным метрических книг Тамбова, такая графа, как подписи свидетелей брака («подпись свидетелей по желанию»), фактически всегда оставалась незаполненной, что можно объяснить как не высоким уровнем грамотности, так и не обязательностью заполнения данной графы.

Как показал анализ раздела «Об умерших» метрических книг Тамбова, священники практически его не нарушали. Только, в случае неожиданной смерти данные о причащении и исповедовании не указывались. Например, в метрической книге кафедрального собора Тамбова за 1830 г. содержится следующая запись: «месяца января 18 числа отставной солдат Иван Игнатьев умре. Свидетели однодворец Сергей Малышкин, солдат Андрей Ерофеев. 50 лет от удара. Похоронен на Петропавловском кладбище» [3]. При анализе метрических книг встречались и иные сложности: иногда неясными цифрами отмечался возраст умерших, годы умершего мужчины нередко выставлялись в женской графе и наоборот, возраст смерти округлялся и указывался приблизительно и др. В метрических книгах учитывали только умерших окрещенных младенцев. Отпевали на второй-третий день после смерти. Часто в произвольной форме, в зависимости от года, церкви, священника указывалась причина смерти, одни и те же болезни обозначались по-разному. В этой связи особый интерес представляют данные зафиксированные в метрической книге Александро-Невской больничной церкви Тамбова, где причины смерти горожан были подробно и точно указаны [2].

В конце метрической книги каждого прихода прилагалась итоговая ведомость, составленная по определенной форме. Однако, как показал дополнительный анализ метрических книг Тамбова конца XVIII – первой половины XIX вв. эти ведомости содержали сведения, часто не соответствовавшие данным самой метрической книги. При проверке итоговых цифр отмечались расхождения между сводными и первичными данными метрических книг.

Одним из массовых персонифицированных источников для анализа социально-демографического развития города являются ревизские сказки. Одним из крупных отечественных исследователей данного источника являлся В.М. Кабузан [15]. Однако большинство авторов используют итоговые документы ревизий. Лишь в отдельных работах предпринимались попытки исследования первичных материалов ревизских сказок. Применение новых методов обработки и анализа данных ревизий в исторических исследованиях представлены в работах И.А. Троицкой, Н.А. Горской, В.Л. Носевича и др. [14; 23; 39].

Ревизия длилась один-два года, а затем до следующей переписи шла так называемая «длительная ревизия», в ходе которой уточнялись и дополнялись первоначально полученные сведения. Несмотря на попытки правительства применять жесткие меры к нарушителям, в отведенные сроки, как правило, не укладывались. Так, по ревизии 1857 г. по Тамбову дополнительные ревизские сказки датируются как 1858 г., так и 1860 г. (ок. 100 ревизских

сказок с датировкой 1860 г.) [6]. Исследователями не раз поднимался вопрос датировки ревизий. В.М. Кабузан предложил датировать ревизии по основному году [16, С. 120]. Таким образом, все уточнения, независимо от того, когда они делались, относились к основному году проведения ревизии.

В ревизских сказках содержалась персонифицированная информация о жителях города: ФИО главы семьи, его сословной принадлежности, возрасте на момент данной ревизии и по предшествующей ревизии (например, в ревизии 1833 (34) г. – данные о ревизии 1816 г.), данные о членах семьи (отношение к главе семьи, возраст). В графе, в которой отмечались изменения между ревизиями, указывались годы рождений новых душ, годы смерти записанных в предыдущей ревизии, годы призыва в рекруты и т.д. В ревизских сказках по г. Тамбову информация фиксировалась по определенной части города (например, Стрелецкая слобода). Не всегда, но отмечался факт грамотности тамбовского обывателя.

Первичные материалы ревизий позволяют проанализировать размер и структуру семьи, семейное положение, семейный статус членов семьи по отношению к главе большой и малой семьи, сословное положение семьи, возрастную структуру населения города, повозрастные показатели смертности мужского населения, и отчасти женского, в период между ревизиями, причины и направления миграции отдельных людей и семей, возраст мигрантов, типы семей, число поколений в семье и др.

Информация ревизских сказок позволяет дополнить, уточнить и сравнить данные, установленные о том или ином горожанине по другим источникам, например, круг брачных связей, возраст супругов, семейный статус и др.

Однако при анализе ревизских сказок необходимо учитывать, что в них фиксировались домохозяйства, а не реальные семьи. Кроме того, не всегда указывались данные о родившихся и умерших в период между ревизиями. Материалы городских ревизий содержали сведения только о податном населении.

Ценным источником по первой половине XIX в., содержащим информацию о сословном, профессиональном, имущественном, половозрастном составе домохозяев Тамбова и членов их семей, являются «Списки городских обывателей губернского города Тамбова» или так называемые «обывательские книги», речь о которых уже шла выше. Каждый городской житель вносился в городскую «обывательскую» книгу с указанием его семейного положения и имущественного состояния. Эту книгу составляло особое городское депутатское собрание, включая городского голову и депутатов от каждой полицейской части города. Первоначально в особую часть

книги вносились и личные дворяне. Однако, например, в данных по Тамбову (за 1831, 1832, 1833 гг. и 1855 г.) информация о домовладении дворян шла в уже общем списке [7; 9]. Составление и хранение городской обывательской книги, необходимой для раскладки налогов и повинностей, находилось в ведении шестигласной думы.

В «Списках...» представлены данные о представителях всех основных сословно-социальных группах населения города, что позволяло учесть специфику каждой из них, в частности, при анализе семей разных сословных групп, владении имуществом, занятиях и др.

Наличие в источнике графы, в которой указывалось в городе ли на момент составления «Списков...» находился домовладелец или нет, а также информация графы «звание», содержащей иногда данные о предыдущем местожительстве (например, крестьянин Моршанского уезда, воронежский мещанин или «старожил» Тамбова) позволяет разобраться с вопросом оседлости горожан и их миграционном движении.

Информация источника далеко не по всем графам является полной. Так, составители списков требовали от домовладельцев информацию о местоположении имущества, кем и когда был построен дом, фамилии, имени, отчестве, сословии прежних владельцев, когда, кем и каким образом имущество было приобретено. Однако эти графы часто оставались не заполненными. Это обстоятельство вызывает необходимость дополнения представленной в «Списках обывателей» информации другими источниками.

В качестве источника по изучению дворянства провинциального города конца XVIII – начала XIX вв. могут быть использованы данные погубернских «Алфавитных списков дворян» [10]. Информацию о чиновниках, в том числе и чиновниках-дворянах, содержат формулярные списки.

Для изучения штата служащих учреждений провинциального города ценным источником являются «Месяцесловы с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи...». Данные «Месяцесловов...» издавались практически ежегодно и содержали данные по штатному расписанию всех служащих государственных учреждений как по губернии в целом, так и по каждому городу отдельно. Они состояли из двух частей. В первой части содержалась общая информация по империи (штаты придворные и министерские), а во второй – информация по конкретным служащим учреждений губерний и городов, с указанием фамилии, имени, отчества, учреждения, чина, должности [17; 18].

Во второй половине XIX – начале XX вв. данная информация фиксировалась в «Адрес-календарях» и «Памятных книжкам» по

городам и губерниям Российской империи. Наличие персонифицированной информации в «Месяцесловах» позволяет провести сравнение информации за ряд лет и проанализировать проблемы «текучести» кадров различных учреждений города, а также мобильность конкретных служащих.

Большинство работ, посвящённых проблемам городского населения, основываются, главным образом, на административно-полицейских данных, сводных показателях ревизий, сводных сведениях церковного учета населения и т. д. Однако агрегированные данные не раз подвергались критике со стороны исследователей в связи с проблемами достоверности информации. Особую ценность представляют именно первичные документы, содержащие персонифицированную информацию по жителям города.

Оптимизировать работу с массовыми первичными источниками по городскому населению в конце XVIII – первой половине XIX вв., такими как метрические книги, ревизские сказки, списки городских обывателей, «Месяцесловы ...» позволяет использование компьютерных технологий. Так, для комплексного исследования социально-демографических процессов и семейной структуры жителей Тамбова были использованы взятые за ряд синхронных лет указанные выше массовые персонифицированные источники по городскому населению конца XVIII – первой половины XIX вв. На их основе были созданы источник-ориентированные базы данных (MS ACCESS) [34]. При создании баз данных важную роль играла структура, заложенная в источнике. Источники, положенные в основу созданных БД – массовые источники, имеющие стандартную, единообразную форму записи информации. Формуляр источников был использован для создания структур БД. Наличие в источниках персонифицированной информации (фамилия, имя, отчество) позволяет произвести (используя экспертную оценку) сопоставление сведений за ряд синхронных лет, содержащихся в каждом из этих источников, так и с другими источниками, для изучения социально-демографических процессов в Тамбове в первой половине XIX в.

Например, был проведен сравнительный анализ семей тамбовских обывателей на основе двух массовых источников по городскому населению – ревизий и «Списков городских обывателей Тамбова», взятых за синхронные годы. Информация источников позволила сравнить и проанализировать типологию, структуру, людность семей жителей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Наличие персонифицированной информации, использование компьютерных технологий (объединение информации баз данных), позволяет уточнить сведения и по другим параметрам. Например, при анализе ревизских данных предельные показатели возраста

составляли для мужчин в 1795 г. и 1834 г. – 77 лет, в 1857 г. – 89 лет, а для женщин в 1795 г. – 83 года, в 1834 – 78 лет, в 1857 г. – 89 лет. По данным «Списков городских обывателей ...» за 1833 гг. максимальный возраст для мужчин составлял 80 лет, для женщин – 90 лет, а в 1855 г. – 95 лет и 88 лет соответственно. При этом следует отметить, что и по данным ревизии 1857 г. и по данным «Списков ...» 1855 г. максимальный возраст значился у одного и того же человека – мещанина Гаврилы Григорьевича Протасова (вдовца). Однако в ревизских сказках его возраст был 89 лет, а по данным «Списков городских обывателей ...» – 95 лет, притом, что последние были составлены двумя годами ранее ревизских сказок [5; 9]. Это дает основания для дополнительной аргументации проблемы точности возрастных характеристик городских обывателей первой половины XIX в.

Комплексный подход и применение инструментария компьютерного источниковедения позволяют не только повысить эффективность исследования, но и углубить источниковедческое изучение документов.

Для анализа динамики социально-демографических показателей могут быть использованы статистические данные, собранные представителями МВД, местной администрацией и др. Причем некоторые из них содержат не только фактический материал, но и оценочные суждения о развитии городской жизни.

Одним из качественных информативных статистических источников, по мнению исследователей, являются «Материалы для географии и статистики России...», собранные офицерами Генерального штаба и составленные на основе сведений губернских статистических комитетов, отчетов губернаторов, статей «Губернских ведомостей» и др.

Определенную ценность для источниковедческого анализа представляют разного рода «Словари» и «Описания», содержащие различные сведения о состоянии российских городов в первой половине XIX в. [1; 12; 38; 40-41].

Важным источником по социально-демографической истории города является делопроизводственная документация государственных учреждений, МВД и органов городского самоуправления. Например, дела о продаже имущества, прошения к губернатору, дела по причислению в мещанство, купечество, почетное гражданство, списки на выдачу торговых и промысловых свидетельств и др. Данные документы позволяют уточнить и конкретизировать информацию по разным вопросам. Например, тамбовское дело «По предмету переселения однодворцев и ямщиков на их земли» начатое 27 марта 1825 г. и завершенное 3 мая 1845 г., содержит

информацию не только по процедуре переселения и применяемых властями мерах, но и численности однодворцев и ямщиков Тамбова, описание их занятий и др. [8; 11].

Данные о численности и социальной структуре, правда только православного населения города, содержатся в делопроизводственной документации духовных учреждений: ведомости о числе родившихся, бракомсочетавшихся и умерших, выписки из исповедальных росписей [29; 30]. Поскольку со стороны руководства церкви осуществлялся достаточно строгий контроль, информацию данных источников по вопросу численности православного населения можно считать достаточно достоверной.

Интерес представляют воспоминания и записки современников о русском городе первой половине XIX в. Например, в описании золотой свадьбы потомственного тамбовского дворянина, строителя Александровского института благородных девиц Ивана Герасимовича Герасимова дается характеристика всей его семьи. Наряду с информацией о быте и укладе приведены сведения о круге брачных связей, роде занятий каждого и др. [25].

В качестве источника для изучения населения провинциального российского города первой половине XIX в. могут быть использованы произведения художественной литературы, которые передают дух и колорит эпохи. Пресловутые с точки зрения изучения литературы схематизированные «типичные представители» оказываются весьма ценными для научного анализа общества, т.к. талантливые писатели-реалисты – современники описываемых событий, умели в художественных образах обобщать типологические черты отдельных слоев и групп общества [35].

Таким образом, представленный комплекс источников при корректировке и сравнительном анализе информации, применении компьютерных технологий, предоставляет значительные возможности для всестороннего изучения социально-демографических процессов городского населения провинциальной России на локальном уровне.

Данные позволяют рассмотреть не только статику, но и динамику населения провинциального города в конце XVIII – первой половине XIX вв.: изменения состава населения, модификацию городской семьи и др. Совмещенные за ряд лет персонифицированные данные позволяют выявить проблемы социальной мобильности.

Массовые персонифицированные источники (метрические книги, ревизские сказки, списки городских обывателей и др.), позволяют исследовать исторические процессы на уровне отдельных личностей, семей, социально-профессиональных групп (микроуровне), что позволяет показать «живую историю», представить объемное отражение социальной реальности.

Использование компьютерных технологий позволяет не только рассмотреть разные аспекты социально-демографического развития провинциального российского города в конце XVIII – первой половине XIX вв., но и дает возможность преодолеть многие недостатки архивных источников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воейков Л.А. Сборник материалов для описания Тамбовской губернии. — СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1872. 192 с.
2. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. 1049. Оп. 5. Д. 4711.
3. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. 1049. Оп. 5. Д. 4716.
4. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. 1049. Оп. 5. Д. 5695.
5. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. 12. Оп. 1. Д. 1897.
6. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. 12. Оп. 1. Дд. 2070-2078, 2127.
7. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. 16. Оп. 13. Д. 14.
8. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. 16. Оп. 7. Д. 12.
9. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. 16. Оп. Оп. 91. Д. 29.
10. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. 161. Оп. 1. Д. 22.
11. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. 4. Оп. 1. Дд. 12, 17, 19, 66-67, 1058.
12. Географический словарь Тамбовской губернии в конце XVIII и в начале XIX столетий / сост. по Географическим словарям Российского государства изд. Л. Максимовским и А. Щекатовым. Тамбов: Типография Тамбовского губернского правления, 1902. 82 с.
13. Герман К.Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. — Ч.1. О народонаселении. СПб.: Императорская Академия наук, 1819.
14. Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма: (итоги и проблемы изучения). М.: Наука, 1994. 213 с.
15. Кабузан В.М. Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII — первой половины XIX в. (1718-1858 гг.) // История СССР. 1959. №5. С. 128-140.
16. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 89.
17. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1796. В 2-х ч. СПб., 1796. Ч. 1. 166 с.; Ч. 2. 474 с.
18. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1830, В 2-х ч. СПб., 1830. Ч.1. 728 с.
19. Миронов Б.Н. Исповедные ведомости: источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII — первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Т. 20. С. 102—118.
20. Миронов Б.Н. О достоверности метрических ведомостей — важнейшего источника по исторической демографии России XVIII — начала XX вв. // Россия в XIX-XX вв. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1998. С. 41—47.
21. Миронов, Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 271 с.
22. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т.. Изд. 2-е. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т.1. СПб, 1999. С. 22-23.
23. Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Мн.: Тэхнолoгiя, 2004. С. 124
24. Памятная книжка Тамбовской губернии на 1864 год. Тамбов, [б.и.]. 1864. 183 с.
25. Патриархальная или Золотая свадьба. Тамбов, [б.и.]. 1864. 59 с.
26. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Ед. хр. 141. Л. 71 об.

27. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Ед. хр. 142. Л. 200 об.
28. РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 180-181.
29. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Ед. хр. 359.
30. РГИА. Ф. 796. Оп. 91. Ед. хр. 1018.
31. РГИА. Ф. 796. Оп. 95. Ед. хр. 572. Л. 3.
32. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министерства Внутренних Дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. Вып. 1. СПб., 1858. 300 с. Вып. 2. СПб., 1863. 330 с.
33. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи на 1825 г. / Сост. из офиц. сведений. М.П. Штером. СПб., 182[-]. 93 с.
34. Стрекалов Д.В. Электронные базы данных по изучению социально-демографического состава населения Тамбова в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». №35. Мат-лы XI междунар. конференции АИК Декабрь. 2008 г. Москва; Барнаул: Азбука. 2008. С. 150—153.
35. Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. Проблемы исследования повседневности населения провинциального губернского российского города в XIX — начале XX вв.: актуальность, источники, методы // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 2011. №14. С. 135
36. Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. Списки городских обывателей» как источник по профессиональному составу населения Тамбова первой половины XIX в. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер» №36. Мат-лы XII конференции АИК. Октябрь 2010. М., 2010. С. 207—208.
37. Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. Структура профессиональных занятий жителей провинциального города в первой половине XIX в.: (проблемы, источники, методы исследования (на материалах Тамбова) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер» №41. Мат-лы международной конференции «История профессий в ретроспективе: от анализа источников к технологии обработки баз данных». Барнаул, 2013. С. 112—123.
38. Стрекалова Н.В. К истории вопроса развития образования в Тамбове в XVIII — начале XX в. // Молодежь и социум. 2013. №3 (15). С. 11—14.
39. Троицкая И.А. Ревизии населения России как источник демографической информации (методологические проблемы): дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 122 с.
40. Хитров Г.В. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. 340 с.
41. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. в 2 ч. СПб., 1863. Ч. II. С. 3-33, С. 156—163.

*****

УДК 94(571)

Скубневский Валерий Анатольевич

*доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет
г. Барнаул
koi@hist.asu.ru*

Гончаров Юрий Михайлович

*доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет
г. Барнаул
yuriig@yandex.ru*

ГОРОДА И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Статья посвящена экономическому развитию городов Сибири во второй половине XIX в. В работе рассматриваются изменения экономического развития городов региона, произведен анализ динамики городской промышленности и торговли.

Ключевые слова: Сибирь, город, экономика, XIX век, промышленность, торговля, предпринимательство, купечество.

Skibniewski Valeriy Anatolievich
doctor of historical sciences, professor
Altai State University
Barnaul
koi@hist.asu.ru

Goncharov Yuri Mikhailovich
doctor of historical sciences, professor
Altai State University
Barnaul
yuriig@yandex.ru

THE CITY AND THEIR IMPACT ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

The Article is devoted to the economic development of cities in Siberia in the second half of the nineteenth century this paper examines changes in the economic development of cities re-implemented, the analysis of the dynamics of the city's industry and trade.

Keywords: Siberia, city, economy, 19th century, industry, trade, business, merchants.

Развитие городов Сибири в XIX в. было связано с формированием капиталистического уклада в экономике страны, с совершенствованием рыночных связей и отношений.

Еще с первой четверти XVIII в. статус города присваивался населенному пункту правительственными распоряжениями, которые увязывались с периодической реорганизацией административно-территориального деления Сибири. С этого же времени неотъемлемым признаком города стало наличие органов городского самоуправления (магистратов, ратуш, позднее городских дум). В ходе

административно-территориальных реорганизаций состав и число городов в регионе постоянно менялись.

Малочисленность и относительная малолюдность городов Сибири обусловили их неспособность самостоятельно организовать экономическое пространство региона, часть функций брали на себя слободы, но роль городов в этом процессе все же не следует недооценивать. Каждый из них был экономическим центром округа, вокруг которого складывались сектора снабжения горожан овощами, молоком, мясом, хлебом и изделиями крестьянской промышленности. В большей мере это проявлялось в губернских городах, крупных промышленных центрах (Тюмень, Барнаул), в меньшей – в окружных городах. Вместе с тем, необходимо различать роль городов как организаторов местного рынка и проводившиеся в городах обменные операции, имевшие транзитный или посреднический характер. В первую очередь это относится к таким городам как Ишим, с его грандиозной зимней Никольской ярмаркой [6] и Томск, известный как перевалочный пункт в русско-китайской торговле.

С первых десятилетий XIX в. постепенно начинают набирать силу «молодые» города Юго-Западной Сибири – Омск, Ялуторовск, Курган, Ишим. В центральной Сибири вместо Енисейска вперед выдвигается Красноярск, в Восточной Сибири быстро развивается Иркутск.

Экономическое развитие городов Сибири характеризовалось постепенной утратой аграрной функции (т.е. производства продуктов для реализации вне города) при сохранении аграрного сектора как подсобного хозяйства. Аграрная функция вытеснялась не столько развитием торгово-промышленного сектора, сколько растущей конкуренцией сельских жителей.

Городская промышленность, находившаяся в «первобытной простоте» была представлена в основном ремесленными мастерскими (именуемыми «заводами и фабриками») и стадияльно не выходила за рамки простой капиталистической кооперации, лишь в отдельных случаях (кожевенное производство) обнаруживая слабовыраженную тенденцию перерастания в рассеянную мануфактуру. Спорадически возникновение мануфактуры в собственном смысле этого слова быстро приходило в упадок и через 1–2 десятилетия исчезали из реестра промышленных заведений. Их развитию мешало отсутствие в Сибири значительных капиталов, правильного частного кредита, узость рынка сбыта, нехватка квалифицированной рабочей силы. В лучшем положении находились казенно-крепостнические мануфактуры, но они не столько способствовали, сколько сдерживали развитие регионального рынка, омертвляя значительную часть капиталов, удерживая дешевую рабочую силу, вводя административные

запреты против конкурентов. Для развития городской промышленности Западной Сибири было характерно, во-первых, преобладание экстенсивных факторов над интенсивными, во-вторых, преимущественная ориентация на обработку животного сырья (кожевенное, салотопенное, мыловаренное производство), а в 60-е гг. XIX в. также и на производство алкогольной продукции частными лицами.

По официальным данным статистического отдела МВД, к середине XIX в. во всех сибирских городах было учтено 269 промышленных заведений, они произвели продукции на 648,2 тыс. руб. при 2027 рабочих. Наиболее значительные показатели у Тюмени (32 предприятия, стоимость продукции 184,7 тыс. руб., 430 рабочих) и Томска (48 предприятий, 83,4 тыс. руб., 284 рабочих) [30, С. 8-11, 30-31]. Но в эти показатели не вошел кабинетский Барнаульский сереброплавильный завод – крупнейшее из городских предприятий всей Сибири, на нем в 1830 г. было занято 1627 чел. (мастеровых и служащих), а в 1849 г. – 1230 чел. [2, С. 180].

Развитие ремесленного производства в городах Западной Сибири обладало известной динамичной тенденцией, но существенных качественных изменений в его структуре не происходило. Оно было ориентировано на удовлетворение повседневных нужд горожан и в ряде случаев почти исчерпывалось портными, сапожниками, кузнецами. Лишь в более крупных центрах появлялись новые специальности: модистки, колбасники, кондитеры и т.д. Вместе с тем, процесс развития ремесла сопровождался и утратами его отдельных видов (например, изготовление ружей в Тобольске).

Значительное большее развитие получила городская торговля. Потребности горожан удовлетворялись на городских базарах, рынках и ярмарках. Стационарная торговля пробивала дорогу с большим трудом. Современные (для середины XIX в.) магазины существовали в ограниченном количестве только в крупных городах. Лавочная торговля хотя и имела тенденцию к развитию, но не могла вытеснить периодическую. Торговая функция городов проявлялась, главным образом, в виде транзитной (Томск, Тюмень, Петропавловск) и посреднической (Ишимская и Курганская ярмарки). Никольская ярмарка в Ишиме была по специализации жировой, привоз товаров в 30-х – середине 50-х гг. XIX в. составлял от 0,5 до 0,8 млн руб., в 1855 г. превысил 1,5 млн руб., а на рубеже 50–60-х гг. – 3 млн руб. Продажа товаров за эти же годы выросла с 300 тыс. руб. до 2–3 млн руб. Другая крупнейшая городская ярмарка – Тюменская была учреждена в 1845 г., тогда же были зафиксированы максимальные ее обороты, привоз товаров на 3,8 млн руб., продажа на 1 млн руб., но в дальнейшем ее обороты стали снижаться из-за конкуренции Ирбитской ярмарки. В конце

50-х гг. XIX в. привоз товаров составлял лишь 0,5 млн руб., а продажи – 0,2 млн руб. [31, С. 203, 208].

Собственно, городская торговля большими оборотами не отличалась и была направлена на удовлетворение элементарных потребностей населения в питании, обуви, одежде, отоплении зданий, их ремонте и освещении.

Торговый сектор городской экономики ограничивался доходами чиновников, военнослужащих и духовенства, той частью прибыли предпринимателей, которую они могли позволить потратить на рынке, а также заработанной платой наемных работников. Так как доходы были по большей части незначительными, прибыль невелика, а совокупная заработная плата из-за малочисленности наемных работников оставляла желать много лучшего, то собственно городские обороты развивались в замедленном темпе.

К середине XIX в. торговая инфраструктура городов состояла из разного рода магазинов и лавок, трактиров, харчевен, питейных домов, рюмочных. Если в 1833 г. во всех городах Западной Сибири насчитывалось 1919 лавок (более всего в Иркутске – 379 и Тобольске – 282), то в 1856 г. – 3479 (более всего в Иркутске – 735 и Тюмени – 288) [22, С. 151-152].

В зависимости от уровня доходов и потребления население городов можно разделить на 4 разряда. Потребление семьи 4 разряда (доход до 100 руб. в год) ограничивалось самыми необходимыми расходами, 3 разряд (250-300 руб. дохода) уже мог позволить расходы на экипаж и прислугу, 2-й (свыше 1000 руб.) и особенно 1-й (около 2,5 тыс. руб. в среднем) могли жить в свое удовольствие. Поскольку в среднем на одно хозяйство тратилось 250–300 руб., постольку можно заключить, что западносибирский город был городом середняков. Это не исключало наличия значительного количества неимущих, живущих за чертой бедности, но все-таки большинству жителей (около 2/3) удавалось свести концы с концами, для 1/3 населения эта проблема решалась с большим трудом, около 6–7% жили весьма прилично, 1–2% считались богачами [10, С. 55].

Городская экономика в дореформенный период развивалась в сложных условиях ввиду постоянной и усиливавшейся конкуренции деревни, но горожане все же расширяли сферу своей деятельности, создавая базу для превращения городов в буржуазные, капиталистические.

Один из показателей этой динамики – рост численности купечества. Если в 1820 г. численность купечества (душ муж. пола) составляла 950 чел., то в 1854 г. – 3922 чел. Наиболее многочисленным в 1854 г. купечество было в Семипалатинске – 427 чел, Нерчинске – 357, Петропавловске – 342, Тюмени – 303, Иркутске – 242 [22, с. 40, 42–45].

Если Тюмень и Томск в Западной Сибири, Иркутск в Восточной Сибири традиционно были «купеческими» городами, то рост купечества Семипалатинска и Петропавловска отражал подъем торговли по Сибирской линии с Казахстаном и Средней Азией. Привоз и отпуск товаров через сибирские таможенные в пределах Западной Сибири колебался от 3,3 млн руб. в 1849 и 1851 гг. до 9,5 млн руб. в 1836 г. [31, С. 229].

Другим центром внешней торговли была Кяхта в Забайкалье, через которую шла торговля с Китаем. В 1860 г. 45 сибирских купцов, с оборотом более 50 тыс. руб. каждого из них, имели товарооборот в 8289,7 тыс. руб., из указанной суммы 22,9% приходилось на иркутских купцов, 22,7% – селенгинских, 17,1% тюменских купцов [22, С. 192].

К середине XIX в. значительная часть городов, сохраняя за собой городской статус, в силу неразвитости торгово-промышленной сферы и малой численности населения превратилась, по сути, в крупные села. В их числе оказались некоторые старейшие сибирские города – Туринск, Березов, Сургут, Нарым, Кузнецк. Понижение административного статуса и изменение направления грузопотоков затормозили развитие Тобольска, Енисейска, Верхотурья, Тары, Илимска, Нерчинска. Города, оказавшиеся на важнейших торговых путях и в промышленных районах, еще и повышавшие свой административный статус, – Омск, Тюмень, Барнаул, Томск, Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, Троицкосавск с Кяхтой, наоборот, быстро развивались.

В 1851 г. местечко Чита было преобразовано в город и причислено к малолюдным городам, в 1852 г. все лица «свободного состояния» получили право приписываться к местному городскому обществу. При этом купцам, мещанам и цеховым давалась на 10 лет льгота от платежей гильдейских пошлин и государственных повинностей, поставки рекрут и воинского постоя [8, С. 231, 234].

К началу 1860-х гг. численность населения в 50 городах Сибири и Дальнего Востока составляла около 210 тыс. чел. Самыми крупными городами были Иркутск (28 тыс. чел.), Омск (18,4 тыс.), Тобольск (15,9 тыс.), Томск (14 тыс.), Барнаул (11,7 тыс.), Тюмень (10,3 тыс.). От 5 до 10 тыс. жителей насчитывали Красноярск, Енисейск, Троицкосавск (Кяхта), Якутск, Семипалатинск, Петропавловск. В остальных городах население не превышало 5 тыс. чел. в каждом. Менее всего жителей было в городах крайнего Северо-Востока – Среднеколымске (460 чел.), Вилюйске (340), Олекминске (300), Верхоянске (170), Охотске (240). Доля горожан в составе сибирского населения составляла 7%.

В целом вторая половина XIX в. характеризуется относительно вялым процессом урбанизации в Сибири. Многие старые города,

особенно северные, приостановили свой рост, а доля городского населения практически не росла. В ряде колонизируемых губерний, прежде всего Томской, сельское население росло быстрее городского. Все это объяснялось рядом обстоятельств. В экономическом отношении Сибирь второй половины XIX в. заметно отставала от Европейской России, где интенсивно шло строительство железных дорог, росла промышленность, в том числе тяжелая. Так, в Европейской России городское население увеличилось за период с 1863 по 1897 г. с 6,1 до 12,0 млн. чел., процент городского населения составлял соответственно 9,9 и 12,9 [23, С. 95]. В Сибири за эти же годы городское население выросло с 216,7 до 393 тыс. чел., в процентах доля городского населения составила соответственно – 7,0 и 7,3% (Здесь подсчеты без г. Омска и Акмолинской области) [19, С. 55]. В Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, Забайкальской, Якутской областях и Омском уезде Акмолинской области всего насчитывалось 43 города.

В пореформенный период, как известно, города России, прежде всего крупные, превращались в центры фабрично-заводской промышленности. Этот процесс наиболее отчетливо наблюдался в промышленно развитых регионах страны.

Сибирские города пореформенного периода чаще всего рассматриваются в литературе как административные и торговые центры, при этом неоднократно отмечалось, что в промышленные города они еще не превратились. В то же время в ряде исследований 80–90-х гг. XX в. отмечена тенденция роста городской промышленности, возрастания значимости самой промышленности в городской экономике. Так, по подсчетам Б.К. Андрущенко, в 1861 г. вне городов Сибири размещалась примерно половина предприятий, сосредоточивавших 82,5% рабочих. Но к 1895 г. в городах и на городских землях находилось 57,8% предприятий, производивших 47% всей продукции, на них было занято 4410 рабочих, или 44,3% [1, С. 47]. В целом же до проведения Сибирской ж.д. в регионе преобладали дофабричные формы промышленности [21, С. 82].

Мануфактурное производство в большей мере тяготело к сельской местности, а не к городам, ближе к сырью, водоемам (для строительства водяных двигателей), дешевым рабочим рукам. Это определяло относительно слабое развитие промышленности в городах пореформенной Сибири.

Именно промышленность являлась важнейшим градообразующим фактором. До проведения Сибирской ж.д. в большинстве городов региона преобладали промышленные заведения кустарного и мануфактурного типа, т.е. без паровых и других механических двигателей. Наибольшее развитие получили винокуренное, муко-

мольное, кожевенное производства, очень слабо были развиты металлообрабатывающее и текстильное, которые быстро развивались в Европейской России. Даже многие губернские центры Сибири еще не стали значительными промышленными городами (Омск, Тобольск, Якутск). Так, по данным справочника П.А. Орлова, который учитывал промышленные заведения с сумой производства не менее 2 тыс. руб., в 1894 г. в Омске было лишь 16 промышленных заведений, стоимость продукции – 91 тыс. руб., 97 рабочих, в Тобольске – 12, стоимость продукции – 204 тыс. руб., 86 рабочих и т.п. [17].

Относительно развитыми в промышленном отношении в Западной Сибири были Томск, Тюмень и Барнаул, в Восточной Сибири – Иркутск. Как промышленный город особенно выделялась Тюмень, здесь уже в пореформенный период фабрика играла значительную роль в структуре промышленности, в отличие от других городов региона. Объяснялось это во многом географическим положением Тюмени, ее близостью к Уралу, а в 1885 г. было завершено строительство железной дороги Пермь–Екатеринбург–Тюмень и это способствовало доставке в Тюмень металла, оборудования для заводов.

Особенно значительное развитие получили в Тюмени судостроительное и кожевенное производства. Здесь строили пароходы для всего Обь-Иртышского бассейна. Наиболее значительными заводами этого профиля были: англичанина Гуллета (открыт в 1863 г.), и товарищества «Курбатов и Игнатов» (открыт в 1864 г.). На каждом из этих предприятий было занято по 300 рабочих. В городе и его пригородах были открыты и другие заводы этого же профиля – тобольских купцов Плотниковых, англичанина Вардропера и др. В Тюмени строились пароходы и баржи для всего Обь-Иртышского водного бассейна, но производили тюменские заводы и другую продукцию, например, паровые котлы и двигатели [26, С. 105].

Тюмень также была крупным центром кожевенного производства. Отсюда кожевенный товар шел на ярмарки Сибири, Урала и Европейской России, закупался интендантством. На тюменских кожевенных заводах, в частности, изготавливались сапоги, рукавицы и перчатки для рабочих золотых приисков. В кожевенном производстве широко применялся труд женщин и детей, раздача работы на дом кустарям, что было свойственно для мануфактурного производства.

Число ремесленников в 1870-е гг. значительно превышало количество промышленных рабочих. Это относится и к Тюмени – самому развитому в то время в промышленном отношении городу региона. Ремесло было более развито и в отраслевом отношении, т.е. могло предложить населению значительно большее количество услуг.

Крупные и средние города имели более развитую промышленность, что нашло отражение в наборе групп производства и сумме

производства. В большинстве городов Западной Сибири были наиболее развиты такие группы производства, как кожевенное, свечное, винокуренное, водочное, кирпичное. В Томске в конце 1870-х гг. по стоимости продукции выделялись производства: свечное (1 заведение, 47 тыс. руб.), салотопенное (5 заведений, 42 тыс. руб.), кирпичное (42 заведения, 42 тыс. руб.); в Омске – винокуренное и водочное (3 заведения, 107 тыс. руб.); в Тобольске – винокуренное (1 завод, 102 тыс. руб.); в Тюмени – кожевенное (71 предприятие, 1120 тыс. руб.) и чугунолитейное (2 заведения, 283 тыс. руб.); в Барнауле – содовое (содовый завод Пранга, 37 тыс. руб.); Кургане – салотопенное (7 заведений, 192 тыс. руб.) и мукомольное (мельница Смолиных, 126 тыс. руб.). Средний показатель для крупного города: 88 предприятий, сумма производства – 257 тыс. руб., среднего – 34 предприятия, сумма производства – 268,4 тыс. руб., малого – 10,5 заведений, сумма производства – 19,8 тыс. руб. [32].

Наиболее развитым в промышленном отношении городом Сибири была Тюмень, но ее нельзя назвать типичным для региона городом в промышленном отношении. Она явно превосходила все прочие города региона по уровню промышленного развития. В конце 70-х гг. XIX в. здесь было учтено 118 заведений, их сумма производства – 1,4 млн. руб., рабочих – 1113, ремесленников – 4 тыс. чел. Это был единственный город региона, в котором стоимость изготовленной продукции превышала 1 млн. руб., а численность рабочих – 1 тыс. чел.

Другим промышленным городом пореформенной Сибири был Барнаул. Хотя обрабатывающая промышленность здесь была развита слабо, однако в Барнауле размещался кабинетский сереброплавильный завод – одно из крупнейших промышленных предприятий Сибири. Это предприятие для Барнаула было градообразующим. Сам город вырос из завода. На протяжении XVIII–XIX вв. завод занимал монопольное положение в промышленности города, так как Кабинет Е.И.В. не допускал до 1861 г. открытия здесь каких-либо значительных частных предприятий обрабатывающей промышленности. После отмены крепостного права эти запреты частично были отменены, но вплоть до закрытия в 1893 г. сереброплавильного завода в Барнауле запрещалось строительство предприятий «с огненным действием», т.е. с паровыми двигателями и котлами, а на реке Барнаулке даже запрещалось строительство водяных мельниц и прочих заведений с водяными двигателями. Это сдерживало развитие частной промышленности в городе. Одновременно на протяжении пореформенного периода сереброплавильный завод оставался самым значительным предприятием в городе и вообще в городской промышленности Западной Сибири. Правда, по мере

нарастания кризиса кабинетской горной промышленности объемы его производства постоянно снижались, росла себестоимость продукции и, в конце концов, было решено его закрыть. Среднегодовые показатели выплавки «бликового серебра» (т.е. с примесью золота), составили: в 1861–1865 гг. – 263 пуд., в 1866–1870 гг. – 251 пуд., в 1871–1875 гг. – 141 пуд., в 1876–1880 гг. – 127 пуд., в 1881–1885 гг. – 101 пуд., в 1889–1890 гг. – 141 пуд. [25, С. 51]. Кроме того, на заводе выплавляли и свинец. В 1887 г., например, завод выплавил серебра 133 пуд., свинца – 1561 пуд., куперштейна – 11814 пуд., сумма производства составила 192,7 тыс. руб., на предприятии было занято рабочих – 318 мужчин, 20 подростков, а кроме того 384 чел. на стороне – углежогов и дроворубов.

В Барнауле размещалось еще одно уникальное предприятие – золотосплавочная лаборатория (химическая лаборатория Алтайских заводов). Она имела небольшой штат сотрудников и рабочих, но по стоимости продукции превышала показатели любых городских предприятий Сибири. Сюда свозили для очистки и переплавки золото не только с кабинетских и частных приисков Алтая, но и из других регионов Сибири. До открытия в 1870 г. аналогичной лаборатории в Иркутске Барнаульская лаборатория была единственной в Сибири. В 1864 г. здесь было переплавлено 920 пуд. золота [18, С. 58]. В 1880-е гг. переплавлялось свыше 400 пуд., а в 1889 г. – 645 пуд. Стоимость полученного чистого золота оценивалась суммой свыше 5 млн. руб. (1886 г. – 8 млн. руб.) [12, С. 135; 13, С. 136; 14, С. 134; 15, С. 154; 16, С. 144]. В 1885 г., например, лаборатория проплавляла 408 пуд. золота, или одну треть золота России (6,5 из 18,1 тонн) [13, С. 136; 21, С. 86].

Наиболее крупным предприятием в обрабатывающей промышленности Барнаула стал содовый завод братьев Пранг, открытый в 1864 г. Это был первый содовый завод не только в Сибири, но и в России. В 1887 г. его владельцу М. Прангу удалось добиться от Кабинета разрешения на установку парового двигателя. Завод стал первым в городе предприятием фабричного типа (число рабочих в 80-х гг. – от 50 до 70 чел.) [28, С. 103].

Довольно динамично в пореформенный период развивалась промышленность Томска. Сумма производства в 1870-е гг. превышала 1 млн. руб., численность рабочих в 1880 г. превысила 1 тыс. чел. С 80-х гг. идет становление фабричного производства. В 1880 г. на долю фабрик приходилось 25,3% произведенной продукции. В 1864 г. в Томске доминировали предприятия по обработке животного сырья (12, сумма производства – 134,8 тыс. руб., 53 рабочих), в 1880 г. – эта же группа (53 заведения, сумма производства 902,8 тыс. руб., 428 рабочих) и пищевкусовое производство (24, сумма

производства – 478 тыс. руб., 195 рабочих), в 1900 г. – пищевкусовое (51 заведение, 1209 тыс. руб., 461 рабочий) и кирпичное (70, 808,9 тыс. руб., 638 рабочих) [9, С. 150-151, 160-161].

Промышленность Томска была более разнообразна по отраслевой структуре, чем в средних и тем более малых городах. Здесь были предприятия, связанные со строительством (кирпичные, деревообрабатывающие), обслуживающие нужды золотопромышленности и извоза (например, кожевенные), разнообразной была пищевкусовая промышленность, развивалось полиграфическое производство.

Промышленность городов Восточной Сибири была менее развита. Наиболее крупным промышленным центром здесь был Иркутск. В 1870 г. в Иркутске действовало 92 промышленных предприятия, которые производили продукции на сумму около 400 тыс. руб. Среди них было 35 табачных, 16 кирпичных, 10 свечных, 8 мыловаренных, 7 кожевенных и 4 масложировых. Большинство предприятий было небольшими. Типичным было производство, где работало 4–5 чел. В 1882 г. в городе насчитывалось 65 фабрик и заводов, на которых трудилось 525 чел., а сумма производства достигала 726 тыс. руб. Кроме того, действовало 90 небольших заведений и мастерских с числом работников в 339 чел. В год они производили продукции на 267 тыс. руб. Еще чуть более 70 тыс. руб. вырабатывали цеховые ремесленники, которых с учениками и работниками насчитывалось 292 чел. Наиболее крупными предприятиями были табачно-сигаретная фабрика Мыльниковой и Зазубрина 9200 тыс. руб.), спичечная Киселева (30 тыс. руб.), мыловаренный завод Пономарева (15 тыс. руб.). В городе также действовали небольшой медеплавильный завод в ремесленной слободе и железоделательный завод купца Н.П. Лаврентьева, несколько водочных и пивоваренных заводов [11, С. 190-191].

В ряде других городов Сибири наиболее крупными промышленными предприятиями (по стоимости продукции и числу занятых рабочих) были винокуренные и водочные (в Тобольске, Омске, Таре). В ряде малых городов промышленность была представлена кустарными заведениями (Ялуторовск, Кузнецк), либо ее не было вовсе (Березов, Нарым, Сургут). В последней группе слабо было развито и ремесло.

В целом промышленность городов региона в пореформенный период была слабо развита, значительно отставая от уровня развития промышленности в городах Европейской России. По уровню промышленного развития города Сибири, особенно Восточной, заметно отставали от развитых в промышленном отношении регионов страны – Центрального, Северо-Западного, Южного и др. Но это отставание не было столь заметным (или не наблюдалось вовсе) при сопоставлении с прочими аграрными районами России.

До проведения Сибирской ж.д. в регионе преобладали дофабричные формы промышленности. Ремесленное и вообще мелкое производство не только во второй половине XIX, но и в начале XX в. сохраняло большое значение в экономической жизни городов и занятиях жителей. В большинстве городов Сибири были наиболее развиты такие группы производства, как кожевенное, свечное, винокуренное, водочное, кирпичное. Наиболее крупными промышленными центрами региона во второй половине XIX в. являлись Тюмень, Томск, Барнаул и Иркутск. Слабое развитие промышленности в большинстве городов не обеспечивало заработка многих горожан, и об этом свидетельствует их отход из городов в сельскую местность и на золотые промыслы. В то же время отмечена тенденция роста городской промышленности, возрастания значимости самой промышленности в городской экономике.

Значительную роль в жизни городов играла торговая функция. С одной стороны, торговля обслуживала нужды горожан каждого конкретного города через лавки, магазины, рынки, питейные заведения и т.д. Чем больше по числу жителей был город, тем большее число торговых заведений обслуживало потребности горожан и, как правило, выше были обороты торговли. Значительную роль в торговле сибирских городов играли купцы-евреи [4; 7]. Города играли роль и как организующие центры рынка, т.е. в них поступали с.-х. продукты из окрестных волостей и округов, изделия промыслов, через них двигались потоки грузов. Многие городские ярмарки были включены в ярмарочные цепочки. При этом размеры городских ярмарок не всегда соответствовали величине города. В малых городах могли размещаться крупные ярмарки (Ишим) и в крупных – незначительные (Томск). В ряде городов (Ишиме, Кургане, Тюмени, Омске и др.) функционировали ярмарки с миллионными оборотами.

Таким образом, объемы и уровень торговли зависели не только от численности населения, но и от географического положения конкретного города, особенно путей сообщения.

Во многих городах большее значение имела оптовая торговля, чем розничная, так как городские фирмы обслуживали обширные сельские территории. Крупнейшими торговыми центрами региона были города вдоль Московско-Сибирского тракта – Тюмень, Томск, Красноярск, Иркутск. В них были сосредоточены ведущие оптовые фирмы, развитие получила и розничная торговля. Так, в 1898 г. в Томске насчитывалось 1063 торговых заведения с оборотами в 27 млн. руб., в Тюмени – 530 с оборотами в 17 млн. руб. [24, С. 355-357]. Обороты и характер торговли в окружных (уездных) центрах во многом зависели от численности населения в уезде и характера его занятий. В Барнауле, Кургане, Ишиме, Минусинске большую

значимость имели операции по скупке зерна и прочих сельскохозяйственных продуктов, в Тобольске, Енисейске – по скупке рыбы и пушнины, Иркутск, Кяхта и Бийск были центрами внешней торговли с Китаем. Купечество Томска, Мариинска, Енисейска, Иркутска и ряда прочих городов вело торговлю на золотых промыслах.

Важнейшими центрами внешней торговли с Монголией и Китаем оставались в Восточной Сибири Кяхта, а в Западной – Бийск. Сумма оборотов русско-монгольской торговли с 1865 по 1886 г. по сибирской границе составила 22 552 тыс. руб., в том числе через Бийск 8051,7 тыс. руб., через Кяхту – 4984,5 тыс. руб. Но через Кяхту шел транзитом китайский чай и объемы этого ввоза росли, несмотря на появление в 60-х гг. альтернативного пути морским путем через Суэцкий канал. Ввоз чая через Кяхту составлял в денежном выражении в 1866 г на 5 млн руб., в 1876 г. на 13,6 млн руб., в 1886 г. на 31,5 млн руб. [27, С. 138, 145-146].

Количество торговых документов в целом отражало значимость торговли в городской экономике и одновременно торговую функцию городов. Именно в крупных торговых центрах (Иркутске, Томске, Тюмени) выбиралось больше гильдейских свидетельств. Значительное число свидетельств выбиралось в ряде средних и даже малых городов, но одновременно многие купцы и мещане именно средних и мелких городов вели дела в сельской местности, а иногда в отдаленных местностях, на золотых приисках или даже в Кяхте. Сказанное в первую очередь относится к Таре. Вне пределов города вели торговлю купцы Мариинска, Каинска, Колывани, Ялutorовска, Нарыма и ряда прочих городов пределов (в сельской местности собственных округов, на золотых приисках Восточной Сибири и даже на границе – в Кяхте и Монголии).

В 1885 г. было установлено дополнительное обложение частных, содержимым по гильдейским документам предприятий, раскладочным сбором. Ему подлежали все торговые и промышленные предприятия, уплачивающие гильдейские пошлины, за исключением обложенных акцизом. В Сибири в границах Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской губерний таких плательщиков оказалось 2737, число предприятий, привлеченных к платежу – 4521, а сумма оборотов – 65 млн руб. Максимальный показатель был в Иркутской губ. – 22,7 млн руб. [29, С. IX].

Промышленность, транспорт и торговля не обеспечивали занятости всех трудоспособных горожан, особенно сказанное относится к малым городам. Многие из жителей вели натуральное и полунатуральное хозяйство. Они разводили скот, имели огороды, занимались рыбной ловлей, собирательством (грибов, ягод) и периодически находили временные работы, в том числе на золотых

приисках. Значительный отход из городов свидетельствовал о недостаточно развитом рынке труда в самих городах. Например, в 1875 г. среди городов Западной Сибири наибольшее число отходников было в Тобольске – 1019 чел. (5,8% всего населения города), Томске – 820 (2,4%), Мариинске – 761 (11,7%), Таре – 729 (10,9%) [32, С. 11, 66, 174, 199].

Темпы и уровень развития промышленности, торговли, транспорта во многом зависели от состояния кредитной системы. Как известно, в России в результате финансовых реформ 60-х гг. XIX в. фактически складывалась новая банковская система (Госбанк, частные коммерческие банки). Ведущими банковскими центрами страны стали Петербург и Москва, в меньшей мере другие крупные города – Одесса, Рига и прочие. Банковская система Сибири развивалась недостаточно интенсивно, и местные предприниматели испытывали затруднения в кредите. По наблюдениям В.П. Бойко, значимость ростовщичества в деловой жизни Томска в пореформенный период была даже больше, чем в дореформенное время. Кроме того, томское купечество широко практиковало взаимное кредитование товарами и деньгами под незначительный процент и на большие сроки [3, С. 70-71].

Характерным уездным городом в это время являлся Мариинск, который в экономическом отношении можно отнести к городам смешанного типа, в котором наряду с торговлей значительную роль играли сельское хозяйство, отхожие промыслы и ремесло [5].

Во второй половине XIX в. банки центральных городов России особого интереса к Сибири не проявляли. Во многих сибирских городах были созданы городские общественные банки (наиболее крупный в Иркутске), но они слабо удовлетворяли потребности в кредитовании и имели, как правило, незначительные капиталы. В 1865 г. были созданы отделения Государственного банка в Иркутске, Томске, Красноярске, Енисейске. В первую очередь Госбанк в Сибири кредитовал золотопромышленность. Однако воздействие деятельности Госбанка на экономическое развитие региона было двояким. С одной стороны, предприниматели, в основном крупные, получали возможность получать кредиты, но основная масса средних и мелких предпринимателей ее фактически была лишена. К тому же, как уже отмечалось в исследованиях, Госбанк, аккумулируя капиталы в Сибири, перебрасывал их в Центральную Россию, этим замедляя развитие Сибирского региона [20, С. 259-260].

В целом 20–80-е гг. XIX в. следует рассматривать как важный этап в истории городов Сибири – начальный этап становления индустриального города, это проявлялось в развитии экономики, сдвигах в социальной структуре населения, формировании

буржуазной системы самоуправления, развитии инфраструктуры культуры. Новый виток урбанизации в Сибири, усиления экономической роли городов начинается после строительства Сибирской железнодорожной магистрали.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрущенко Б.К. Обработывающая промышленность Сибири второй половины XIX в. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 32–57.
2. Барнаул: энциклопедия. Барнаул, 2000.
3. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996.
4. Гончаров Ю.М. Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Диаспоры. 2000. № 3. С. 155-172.
5. Гончаров Ю.М. Уездный город Мариинск во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 4. С. 28-32.
6. Гончаров Ю.М. Город Ишим Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Четвертые научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул, 2007. С. 111-131.
7. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2013.
8. Городские поселения в Российской империи. СПб., 1861.
9. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000.
10. Ивонин А.Р. Западносибирский город в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. в системе региональных социально-экономических отношений: Автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 2000.
11. Иркутск в панораме веков: Очерки истории города. Иркутск, 2002.
12. Кулибин С. Горнозаводская производительность России в 1884 году. СПб., 1885.
13. Кулибин С. Горнозаводская производительность России в 1885 году. СПб., 1887.
14. Кулибин С. Горнозаводская производительность России в 1887 году. СПб., 1890.
15. Кулибин С. Горнозаводская производительность России в 1888 году. СПб., 1891.
16. Кулибин С. Горнозаводская производительность России в 1889 году. СПб., 1892.
17. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа Сибири и Средне-Азиатских владений. СПб., 1895.
18. Отчет Барнаульской золотосплавной лаборатории за 1864 г. // Горный журнал. 1866. Кн. IV.
19. Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863-1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50-69.
20. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975.
21. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
22. Разгон В.Н. Сибирское купечество в ХУШ – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999.
23. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956.
24. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 16. СПб., 1907.
25. Скубневский В.А. Кризис сереброплавильного производства на Алтае после отмены крепостного права // Из истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1971. С. 54–58/
26. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население, экономика, застройка и благоустройство. Барнаул, 2007. (2-е изд., доп.).
27. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2003.

28. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.). Барнаул, 2010.
29. Статистические результаты раскладочного сбора за 1885 год по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сему сбору. СПб., 1888.
30. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделе Министерства внутренних дел. СПб., 1852.
31. Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. Омск, 1997.
32. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882.

* * * * *

УДК 94(57)

Гаврилова Наталья Игоревна*кандидат исторических наук, доцент**Иркутский государственный технический университет**г. Иркутск**nig2312@yandex.ru*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье рассматриваются основные тенденции урбанизационных процессов на территории Иркутской губернии во второй половине XIX в. Проводится анализ динамики численности и социального состава населения городов, функций городов, изменений внутригородского пространства.

Ключевые слова: урбанизация, города Иркутской губернии, социальный состав городского населения, динамика численности городского населения, функции города, городская застройка, городское пространство.

Gavrilova Natalya Igorevna*candidate of historical sciences, associate professor**Irkutsk State Technical University**Irkutsk**nig2312@yandex.ru*

THE BASIC TENDENCIES OF URBANIZATION PROCESSES IN EASTERN SIBERIA DURING THE 2ND HALF OF THE XIX-TH CENTURY (ON AN EXAMPLE IRKUTSK PROVINCE URBAN SETTLEMENTS)

The article analyses the basic tendencies of urbanization processes in Eastern Siberia during the 2nd half of the XIX-th century on an example Irkutsk Province urban settlements. The review of the urban population dynamics and social composition of the urban population is made. The author studies the functions of the city, urban development, urban space in the conditions of transformation.

Keywords: urbanization, Irkutsk province towns, social composition of the urban population, urban population dynamics, functions of the city, urban development, urban space

К середине XIX в. на территории Иркутской губернии была сформирована структура городских поселений, образовавшая своеобразный каркас социально-экономических, административно-управленческих и социокультурных связей территории, заложены механизмы градообразования, традиции городской жизни. Безусловный приоритет принадлежал Иркутску, крупнейшему сибирскому городскому центру, ставшему фокусом перехода от традиционных форм жизни к городским на региональном уровне.

Развитие капиталистических отношений во 2 половине XIX в. привело к усилению урбанистических процессов в крае, выступающих важной составляющей модернизационного перехода территории. К концу столетия города губернии с разной долей интенсивности концентрируют экономическую активность населения региона, административные и политические институты, коммуникационные сети. Существенно меняется внутригородское пространство, формируется городской образ жизни и связанные с ним культурные установки, закладываются основы коммунального хозяйства. Усиливается влияние города на ближайшую округу.

Вместе с тем, «инициирование процессов градообразования и функциональная эволюция городов» губернии, как и России, в целом, сохраняла существенную зависимость от центральной власти. Город оставался инструментом давления и управления территориями [6, С. 73].

Во второй половине XIX в. на территории Иркутской губернии статус города имели шесть поселений: административный центр генерал-губернаторства и губернии Иркутск, центры округов (уездов) Балаганск, Верхотенск, Киренск, Нижнеудинск и заштатный Илимск. Соотношение жителей в них на протяжении рассматриваемого периода оставалось крайне неравномерным: 70-85,8% городского населения губернии сосредотачивал Иркутск. Перешагнув отметку в 25 тыс. человек в 1862 г., к 1897 г. он насчитывал 51.473 человек, являясь вместе с Томском (1897 г. – 52.210 чел.) [7, С. 295] крупнейшим городом Сибири рубежа XIX-XX вв. Из малых

городов наиболее многочисленными являлись Нижнеудинск (к 1897 г. – 5.752 чел.) и Киренск (к 1897 г. – 2.280 чел.). Менее 1,5 тыс. чел. проживало в Балаганске и Верхоленске, в пределах 524-789 человек колебалась численность жителей заштатного Илимска.

К концу XIX в. обозначилось несоответствие официального статуса и фактического положения ряда населенных пунктов края. К этому времени на территории губернии существовали достаточно крупные промышленные села, по людности сопоставимые с малыми городами губернии или даже превосходящие их по численности населения (Тельминское, Усолье, Тулун и др.).

Рассматриваемый период, в целом, зафиксировал значительный рост городского населения губернии, а также почти двукратное увеличение его удельного веса в общем составе населения региона. За полвека (1851-1900 гг.) численность горожан возросла в 2,7 раза, их доля в общем составе населения губернии увеличилась в 1,5-1,7 раза. В 1897 г. в городах Иркутской губернии проживало 62.795 человек при общей численности населения региона 514.267 человек. Следует отметить, что уровень урбанизированности региона незначительно отличался от общероссийского и превышал показатели по Сибири. В 1863 г. процент городского населения по стране составлял 9,98%, в 1897 г. – 13,2%, в эти же годы по Сибири, в целом, – 7,0% и 7,3% [7, С. 60], по Иркутской же губернии – 9,4% и 12,2%, соответственно.

Динамика численности населения отдельных городов губернии существенно разнилась. Быстро растущим городом был Иркутск: за 1858-1897 гг. население губернского центра возросло в 2,7 раза. В 2 раза увеличилось количество жителей Нижнеудинска, Балаганска и Киренска, осталось почти неизменным – в Верхоленске и Илимске. Для Верхоленска вторая половина XIX в. стала временем восстановления численности населения после резкого его оттока в связи с получением статуса города (1857 г.), что противоречило интересам большинства жителей прежней слободы.

Основным источником роста городского населения губернии на протяжении всего периода был механический прирост, значительно увеличившийся с началом строительства Транссибирской железной дороги и активизировавшимся переселенческим движением. Его особенностью стало доминирование в составе прибывших жителей Иркутской губернии по сравнению с уроженцами других губерний, а среди последних – большой удельный вес выходцев из Сибири, нежели из Европейской России. Так, согласно данным переписи 1897 г. уроженцами других губерний были 34,3% городского населения региона. Подавляющая часть прибывших стремилась в Иркутск, чья развитая торгово-промышленная инфраструк-

тура привлекала возможностью дополнительного заработка.

Модернизационные процессы в экономике региона, связанные с активизацией индустриального развития, динамикой капиталистических отношений, обусловили качественные изменения социальной структуры городов губернии в рассматриваемый период.

Трансформация сословной структуры городов становится особо ощутимой с середины 1870-х гг. Основным ее вектором являлось ускорение темпов роста податного населения городов, занятого в торгово-промышленной сфере, при снижении удельного веса неподатных слоев, прежде всего, военных. К 1897 г. доля последних в городах губернии уменьшилась в 9 раз и не превышала 3% населения (с 6,7 тыс. до 1,8 тыс. чел. за 1860-1897 гг.). До 1,5% снижается и удельный вес духовенства.

С другой стороны, бюрократизация управления и повышение роли государственных учреждений в жизни города вызвали рост численности дворянства городов губернии с 2,4 тыс. в 1860 г. до 5,9 тыс. человек в 1897 г., хотя его удельный вес испытывал значительные колебания, в отдельные годы сокращаясь до 5,7%. Изменения не затронули пропорциональные соотношения численности потомственного и личного дворянства, сохранив превосходство последнего, представленного, главным образом, чиновничеством. Особенно высокая его концентрация характеризовала Иркутск как административный центр губернии и генерал-губернаторства. По данным В.В. Воробьева, во 2 половине XIX в. город сосредотачивал 53% дворян и чиновников Восточной Сибири [1, С. 12]. В общем же составе иркутян численность дворянства увеличилась с 2,2 до 5,4 тыс. человек (1860-1897 гг.), что составляло 11-10,4% населения Иркутска. Это существенно превышало показатели по городам Европейской России и Западной Сибири, в целом (6,6% и 7,1% на 1897 г., соответственно), однако было сопоставимо с данными по ряду отдельных городов соседнего региона (Томск – 8,4%, Омск – 13,7%, Тобольск – 12%) [7, С. 90, 92, 301].

Одной из главных черт формирования социального состава городов губернии в период капиталистической модернизации стало резкое увеличение в них крестьянства (с конца 1880-х гг.). В 1860 г. в городах губернии проживало 2.470 (8,9%) крестьян. К концу XIX в. их число возросло до 21.119 человек, составив треть городского населения региона (33,6%). На всем протяжении периода достаточно заметный процент составляли ссыльные, наплыв которых был отмечен в 1870-80-х гг. Только в 1865 г. на 100 иркутян приходилось в среднем 13,6-10,2 человек ссыльных [3, С. 70].

Динамика же сословий собственно городского гражданства в Иркутске и малых городах губернии в течение периода оказалась

разновекторной, что было вызвано главным образом непропорционально быстрым ростом численности мещанства в губернском центре по сравнению с другими городами региона. К 1897 г. Иркутск концентрировал до 82% общей численности мещанства городов губернии (в 1860 г. – 62%).

В Иркутске за 1860-1897 гг. численность мещанства увеличилась на 14,6 тыс. человек (до 21,5 тыс. чел.), а его удельный вес вырос на 7,1%, что напрямую было связано с возрастанием значения Иркутска как торгово-промышленного центра. В малых же городах при росте численности мещан в диапазоне 244-91 человека их доля в общем составе населения города, напротив, заметно снизилась.

Изменения численности купечества и почетного гражданства имели тот же вектор. Подавляющая часть купечества региона, как и в предшествующий период, сосредотачивалась в Иркутске (к концу XIX в. 93,6%). Согласно переписи 1897 г. в Иркутске проживало 1.693 лиц купеческого звания (3,2% иркутян). Для сравнения, доля купечества и почетного гражданства в городах Европейской России (1897 г.) составляла 3%, в Западной Сибири – 2,3%, в частности, в Томске – 3,7% [7, С. 90, 92, 301].

Значительная прослойка верхушки чиновничества и торгово-промышленных слоев, с одной стороны, и увеличивающийся наплыв в Иркутск крестьян и мещан, с другой, усиливали социальную поляризацию общества.

В целом, наибольшая динамика численности и сословной структуры городского населения губернии характеризовала Иркутск, среди малых городов – Киренск и Нижнеудинск. При наличии общей тенденции резкого сокращения абсолютной и относительной численности военных и увеличения доли крестьянства трансформация сословной структуры отдельных городов региона имела определенную специфику, обусловленную особенностями исторических и географических условий города, его административного положения и экономического развития. Иркутск характеризовали повышенный процент дворянства, главным образом, чиновничества, концентрация купеческого сословия региона при устойчивом наличии его верхушки, стабильность удельного веса мещанства. На всем протяжении периода достаточно заметный процент составляли ссыльные.

Среди малых городов наиболее сложной социальной структурой к концу XIX в. отличались Нижнеудинск и Киренск, что сближало их по характеру проходивших процессов с губернским центром. Нижнеудинск характеризовался значительной долей мещанства (49%) при заниженном удельном весе купечества (0,4%) и высоком проценте «других» групп (10%). Киренск, напротив, отличал небольшой удельный вес мещанства (25%) и в то же время немалая доля

купечества (2%), высокий процент «других» (17,7%). Балаганск характеризовался повышенной долей мещанства (58%) и незначительным удельным весом крестьянства (21,3%). При стагнации роста численности особенностью Верхоленска оставалось доминирование крестьянского населения (76-80%), однородность населения характеризовала и Илимск, на 87-99% состоявшего из мещан.

Показателем возрастающей динамики городского населения служило и усиливающееся разнообразие национального состава городов. Наибольшая пестрота отличала Иркутск. Однородность национального состава, высокий удельный вес коренных жителей на протяжении всего периода были присущи Верхоленску и Илимску.

В тесной взаимосвязи с показателями размеров и социальной структурой городов находились параметры занятости их населения и данные экономического развития города, его функциональные характеристики.

Иркутск отличала определившаяся еще на рубеже XIX в. ярко выраженная торгово-распределительная специализация, оставаясь неизменной вплоть до начала XX в. Особенно заметно растет сеть магазинной торговли в 1870–1880-х гг. Несмотря на иркутский пожар, в городе наблюдается стабильный рост и специализация торговой инфраструктуры, число мест крупной магазинной торговли увеличивается со 185 в 1877 г. до 200 в 1881 г. Всего же годовой оборот торговых заведений оптовой, розничной и мелочной торговли Иркутска в 1882 г. составлял 14 млн. руб., для Томска аналогичные показатели на 1889 г. составляли 12,9 млн.руб. [7, С. 203].

Рост торговых оборотов требовал создания в крае более совершенной системы кредитных отношений. К концу XIX в. в Иркутске действовали городской банк Е. Медведниковой (с 1837 г.), отделения Государственного банка (с 1865 г.), Сибирского торгового банка (с 1873 г.), с 1890-х гг. – филиалы Русско-Китайского и Русско-Азиатского банков. В 1860-х гг. иркутскими купцами была сделана попытка учредить торговую биржу. Несмотря на утверждение устава (1864 г.), биржа к своим действиям не приступила. В течение рассматриваемого периода Иркутск по-прежнему сохранял роль одного из центров транзитной торговли с Китаем. С 1861 г. в городе располагалась перенесенная из Кяхты таможня.

Заметных успехов в последней трети XIX в. достигает в Иркутске сфера услуг, являясь определенным показателем урбанизированности городской среды. К концу XIX в. Иркутск располагал несколькими десятками неплохих гостиниц, меблированных комнат и постоялых дворов.

На фоне значительных и постоянно растущих торговых оборотов Иркутска заметно скромнее выглядели его ремесло и про-

мышленность. По количеству и оборотам торговые заведения Иркутска более чем в 5 раз превосходили общий объем производства ремесленно-промышленных предприятий города. В 1882 г. сумма производства всех заводов и фабрик Иркутска вместе с продукцией небольших мастерских и отдельных ремесленников едва достигала 1 млн. руб. Вплоть до начала XX в. преобладали мелкая промышленность и ремесло, лишь изредка достигая мануфактурной стадии. На всех промышленных предприятиях города применялся ручной труд. Машинное оборудование впервые в городе было использовано в 1865 г. на кирпичном заводе П. Катышевцева.

К концу XIX в. обнаруживается все большее несоответствие сословного состава Иркутска структуре занятости его жителей. Развитие буржуазных отношений размывало границы сословий, формируя структуру классов и отдельных социальных, в т.ч. профессиональных, групп. Наиболее активно процесс шел в среде крестьянского населения губернского центра. В 1897 г. удельный вес крестьянского сословия в Иркутске достигал 32,7%, доля же сельскохозяйственного населения города не превышала 3% [4, С. 106-107].

Аккумулируя помимо экономической, административно-управленческую, культурную и духовную жизнь губернии, Иркутск характеризовался высоким процентом непроизводственного населения (в 1897 г. – более 32%). Значительная доля чиновничества и военных дополнялась заметной прослойкой рантье и пенсионеров, представителей свободных профессий (занятых в учебной и воспитательной деятельности, науке, юриспруденции, медицине, литературе, искусстве) (более 12% и 4%). Подавляющая же часть иркутян (более 65% на 1897 г.) была занята в торгово-промышленной сфере, в том числе около 13% – непосредственно в торговле и 28% – в промышленности. В целом, пореформенные десятилетия стали для Иркутска периодом концентрации и интенсификации несельскохозяйственных функций.

Экономика малых городов губернии, а вместе с тем их функциональная направленность существенно отличались от Иркутска. Все малые города Прибайкалья характеризовались ничтожным развитием промышленности, существовавшей в основном в форме ремесла. Однако и число ремесленников на всем протяжении периода оставалось крайне незначительным, а их продукция, выполняемая, преимущественно, на заказ, не удовлетворяла спроса самих горожан даже на предмет первой необходимости. Так, в 1875 г. в Балаганске при населении около 900 человек насчитывалось всего 3 ремесленника – портной, сапожник и кузнец, в Верхотенске – 9 ремесленников [3, С. 104, 112].

Несколько большее значение в экономической жизни малых городов принадлежало торговле. По торговым оборотам доминиру-

ющую роль вплоть до конца XIX в. играла ярмарка, хотя на развитие непосредственно самой городской торговли она не оказывала существенного влияния. Будучи включены в общие ярмарочные цепочки региона, городские ярмарки не всегда соответствовали величине города. В малых городах могли размещаться крупные ярмарки, а в крупных – незначительные.

Наиболее крупной из проходивших в уездных городах была киренская ярмарка (10 мая – 10 июня; в 1875 г. привоз – 1,5 млн. руб., продажа – 0,4 млн.руб.). 15-22 мая ярмарка проходила в Верхотенске, «во время проплыва судов с Качугской пристани с товарами, для торгу вниз по р. Лене» (в 1882 г. продано на 5 тыс. руб.) [10, С. 314]. Именно с. Качуг выступало торговым центром округа, отодвигая Верхотенск на второй план.

Наибольшее развитие торговля получила в Киренске и Нижнеудинске. Характеризуя торговлю Киренска как «весьма ограниченную», губернские отчеты тем не менее подчеркивали ее «самостоятельный» характер. Емкий рынок сбыта формировали находящиеся рядом золотые прииски Витимской и Олекминской систем, куда киренские купцы поставляли сено, овощи, картофельную муку. Киренск служил главным транзитным пунктом для приисковых рабочих, что также сказывалось на оборотах торговли города. С развитием пароходства на Лене Киренск стал базой отстоя и ремонта судов.

Значительная доля киренского купечества была занята в торговле крепкими напитками. Заметную часть в торговле Киренска занимало комиссионерство торговых домов Иркутска. Несколько купеческих фирм вели скупку пушнины у тунгусов. К концу XIX в. Киренск, уступая в суммарном количестве мест стационарной торговли, имел наивысший среди малых городов губернии показатель общего оборота торговых заведений.

Сравнимой с Киренском интенсивностью развития торговли характеризовался Нижнеудинск. Как трактовый город он отличался более быстрым ростом плотности торговых заведений, число которых заметно растет в 1890-х гг. К концу XIX в. Нижнеудинск был единственным малым городом губернии, имеющим 9 магазинов и 30 лавок. По субботам и воскресным дням в городе бывали базары.

Развитие торговли в Балаганске сдерживалось его расположением в стороне от значительных трактов. Город находился в 100 верстах от Московского тракта и являлся центром крупнейшего земледельческого округа Иркутской губернии. В середине 1870-х гг. стационарная торговля города сосредотачивалась в 8 лавках, общий оборот которых не превышал 50 тыс. руб. Как «мизерную» характеризовали торговлю в Илимске, где «иногда с проездом бы-

вали енисейские и нижнеудинские купцы», продавая товар ценностью 10 тыс. руб. на сумму 200-300 руб. [3, С. 47].

Розничная торговля малых городов носила, главным образом, мелочный характер. Несмотря на незначительные ее параметры, в конце XIX в. наблюдался рост торговой инфраструктуры городов, увеличивались ее обороты.

Неразвитость торгово-промышленной сферы экономики обуславливала сохранение важной роли аграрной и промысловой деятельности в структуре занятий жителей большинства малых городов, повышало уровень отходничества. Ярko выраженная аграрная направленность характеризовала Верхолensk и Балаганск. Подавляющая часть жителей первого, крестьяне прежней Верхоленской слободы, сохранив за собой хлебопашенные и сенокосные земли, занимались земледелием и скотоводством. К концу XIX в. сферы занятий практически не изменились: согласно переписи 1897 г. 58,1% жителей Верхоленска занимались земледелием и скотоводством. Незначительно разнилась и доля занятых сельскохозяйственным трудом в Балаганске (51% на 1897 г.). Практически единственную статью «отпускной торговли» города составляла продажа разводимого горожанами в большом количестве листового табака.

К смешанному типу городов относился Нижнеудинск, в структуре занятости населения которого к концу XIX в. примерно равными долями было представлено торгово-промышленное, сельскохозяйственное и непроизводственное население при доминировании аграрного (37,6%). Большинство его коренных жителей, мещан и казаков, занимались преимущественно хлебопашеством. В то же время расположение Нижнеудинска на линии Московского тракта обусловило значительный процент занятых гужевым и кузнечным промыслами.

Фактическая стагнация экономической и административной жизни Илимска обусловила, с одной стороны, заниженную долю непроизводственного населения города (3,5%), а с другой, – высокую степень отходничества жителей на прииски. До 27% было занято извозным промыслом. Доля сельскохозяйственного населения составляла 23,1%.

«Промышленным, а не посадским» называли жители Киренск [5, Л. 50об]. Структура занятости населения Киренска к концу XIX в. была в значительной степени приближена к иркутской. Доля сельскохозяйственного населения составляла 6,1%, непроизводственного населения – примерно 27%, торгово-промышленного – около 62,3%.

Численность населения, структура его занятости, специфика и уровень экономики городов Иркутской губернии в значительной степени обуславливали наполняемость их бюджетов, определяя ак-

тивность хозяйственной деятельности города. Рассматриваемый период внес в бюджетную политику городов существенные изменения. Городовое положение 1870 г. (в городах Иркутской губернии введено в 1872-1879 гг., Городовое положение 1892 г. – в 1894-1895 гг.) закрепило за местным самоуправлением права юридического лица, расширило экономическую самостоятельность города. Бюджет формировался из средств, получаемы от налогов и сборов с городской недвижимости, торговых и промышленных заведений в размере 1% их доходов, пошлинных сборов с проводимых в городе аукционов, а также от эксплуатации принадлежавших городу торговых рядов, бань, боен и частично из отчислений от казны. На эти средства, помимо расходов на собственно городские нужды, содержались полиция, городские тюрьмы, воинские казармы, пожарная охрана.

Среди губернских и областных городов Восточной Сибири наиболее крупным бюджетом владел Иркутск. В 1890 г. он составил 317,6 тыс. руб., в то время как Красноярска – 58,8 тыс. руб., Читы – 40,4 тыс. руб. [8, С. 18]. Быстро росла и доходная часть бюджета, основным источником поступлений в которую являлся оценочный сбор с недвижимых имуществ, сборы с торговли и промыслов. Особенностью городского бюджета Иркутска была значительная доля в нем благотворительных капиталов. Только по Мировой сделке между наследниками И.Н. Трапезникова и городом (1882 г.) иркутскому городскому обществу перешло более 2 млн. руб., что позволило финансировать практически всю систему образования города вплоть до 1917 г. Важнейшими же расходными статьями были содержание городского управления и полиции.

Неразвитость экономики обуславливала крайне незначительные финансовые средства малых городов губернии. Более крупными являлись бюджеты Киренска и Нижнеудинска. В отличие от Иркутска в структуре доходных поступлений малых городов сборы с городской недвижимости были невелики, основная доля приходилась на сборы со свидетельств на право торговли и промыслов. Так, в Киренске в начале 1880-х гг. они составляли 50% всех доходов города, сборы с недвижимости – 27%. В Балаганске сборы «с промышленников» доходили до 2/3 всех поступлений в городской бюджет [10, С. 313, 322].

Важнейшей, а нередко и единственной расходной статьёй было содержание городского управления. В Балаганске эта статья в начале 1880-х гг. составляла до половины всех расходов. Главными статьями расходов Киренска являлось содержание городского управления (23,5%), пожарной части (22,7%), городской полиции (6%), учебных заведений (12,3%), медицинской части (6,7%), тюрьмы (12,6%) [2, С. 9].

Несмотря на рост бюджетов городов губернии, остро ощущалась их недостаточность, что являлось общей чертой городов российской провинции. Финансовые затруднения позволяли решать преимущественно лишь текущие вопросы городского хозяйства и управления в ущерб перспективному развитию городов.

В тесной взаимосвязи с социально-экономическими параметрами и финансовыми возможностями городов губернии находились особенности и темпы их застройки и планировки. Особенно быстрый рост застройки был отмечен в Иркутске. Несмотря на значительные разрушения, нанесенные пожаром 1879 г., восстановление города шло быстро. Мощное капитальное строительство в послепожарном Иркутске в значительной степени было связано с расцветом Ленской золотопромышленности. Уже в 1884 г. в Иркутске числилось 11.228 зданий, в том числе 341 каменное. Значительно росла общая стоимость недвижимости в городе (с 3 млн. руб. в середине XIX в. до 10,8 млн. руб. в конце столетия). В 1887 г. был составлен новый генеральный план.

Характерной особенностью застройки являлся значительный рост нежилого каменного строительства в центральной части города. Важным элементом организации территориальной среды губернского центра становятся сады и парки, формируя публичное городское пространство Иркутска, активнее используются малые архитектурные формы. Более четкие контуры получает районирование города.

Рост города и масштабы капитального строительства заставляли городские власти обращать внимание на его благоустройство, транспорт и инженерное оборудование. Вторая половина XIX в. стала периодом формирования основ коммунального хозяйства Иркутска. В течение пореформенных десятилетий Иркутск формирует и разветвленную культурную инфраструктуру.

В отличие от Иркутска малые города губернии отличал «сельский» вид. От 100 до 200 с небольшим деревянных домов, расположенных на 1-4 не мощеных, неосвещенных улицах составляли объем пространства уездных и заштатных городов. Определенный колорит их архитектурной среде придавали церкви, часть которых была построена в камне, выделяясь среди деревянной застройки. Благоустройство же фактически сводилось к отсыпке улиц битым камнем и устройству тротуаров. Бюджеты городов не позволяли выделять сколько-нибудь значительные суммы на развитие коммунального хозяйства. Вместе с тем, внешний вид даже самых «сельских» городов губернии (Балаганска, Верхолеска) отличался от облика крестьянских поселений, прежде всего, некоторой упорядоченностью уличных и дворовых пространств, отражающих организационную систему плановой городской застройки [9, С. 27].

В конце XIX в. в Балаганске, а чуть позже в Нижнеудинске даже прорабатывалась идея организации городского сада.

Существенно уступала Иркутску и насыщенность культурной инфраструктуры малых городов, фактически замыкаясь на 1-3 учебных заведениях. Относительно большее разнообразие культурной среды отличало к концу XIX в. Киренск и Нижнеудинск.

В целом, города Иркутской губернии во 2 половине XIX в. оставались поселенческим каркасом территории. Преобладание в городской сети малых форм в значительной степени обуславливалось незавершенностью колонизационных процессов в регионе. Вместе с тем, развитие капиталистических отношений вело к усилению урбанизационных процессов края, служивших толчком к началу урбанизационного перехода в начале XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев В.В. Формирование городской сети юга Восточной Сибири. Иркутск, 1958.
2. Кокоулин К. Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии. Иркутск, 1895.
3. Кржижановский В.И. Описание городов Иркутской губернии за 1875 год // Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 год. Иркутск, 1881.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. Т. LXXV: Иркутская губерния.
5. РГИА. Ф.1287. Оп.37. Д.2154.
6. Сенявский А.С. Особенности российской урбанизации // Опыт российских модернизаций XVIII — XX века. М.: Наука, 2000. С. 72-88.
7. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Часть I: Население. Экономика. Барнаул: изд-во Алтай. ун-та, 2003.
8. Трускавецкая В.А. Городское хозяйство губернских и областных центров Восточной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: Автореферат дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 2005.
9. Шахеров В.П. Благоустройство городов Восточной Сибири в конце XVIII — XIX вв. // Сибирский город в XVIII — начале XX вв. Вып. 6. Иркутск: Оттиск, 2006. С. 18-39.
10. Экономическое описание городских поселений Сибири / Изд-е Хоз. департамента МВД. С.-Петербург, 1882.

* * * * *

УДК 314

Араловец Наталья Аркадьевна

*доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт российской истории Российской академии наук
г. Москва
Aralovetz@yandex.ru*

ГОРОДСКАЯ СЕМЬЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX В.: ТИП И ВЕЛИЧИНА

В статье рассматриваются особенности сложных и простых семей в городах России на рубеже XIX–XX в. Изучается процесс дробления сложных семей и широкое распространение в российских городах простых семей и семей переходного типа. Автор показывает влияние высокого уровня рождаемости и смертности горожан, на изменение типа и величины семьи. Раскрывает роль трансформации семейных ценностей городского населения на сокращения повторных браков у женщин, росту числа вдов и неполных семей.

Ключевые слова: города России, семья, семейные ценности, рождаемость, смертность, разводимость, повторные браки.

Aralovets Natalia Arkadjevna

doctor of historical sciences, leading researcher

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Moscow

Aralovetz@yandex.ru

CITY FAMILY OF THE EUROPEAN RUSSIA ON BOUNDARY XIX-XX CENTURY: TYPE AND SIZE

In article features of difficult and simple families in cities of Russia on boundary XIX-XX of century are considered. Process of crushing of difficult families and a wide circulation in the Russian cities of simple families and families of transitive type is studied. The author shows influence high a level of birth rate and death rate of the townspeople, on change of type and sizes of family. Opens a role of transformation of family values of urban population on reductions of repeated marriages at women, to growth of number of widows and incomplete families.

Keywords: cities of Russia, family, family values, birth rate, death rate, divorce rate, repeated marriages.

В городах России на рубеже XIX–XX в. существовали частные домохозяйства (связанные родством (семейные), одиноких лиц, не родственные) и домохозяйства учреждений.

Из данных переписи населения 1897 г. видно, что в России городские домохозяйства составляли 13,1%, уездные – 86,9%. Доминировали в городах России, как и в России в целом родственные домохозяйства – 88,1% (в России их показатель выше – 95,2%); домохозяйств одиноких лиц – заметно меньше родственных – 8,9% (в России – 4,1%), где численно преобладали женщины.

Величина домохозяйств в России в среднем состояла из 5–6 человек: Россия – 5,7, Европейская Россия – 5,8, города России

– 5,8, города Европейской России – 6,0, уезды – 5,7, уезды Европейской России – 5,7. Семейные домохозяйства в России состояли из 5,8, в городах – из 5,6 человек [13, С. V, VII].

Семейные домохозяйства (семьи) были как простые, так и большие патриархальные. Однако больших патриархальных семей в российских городах было численно немного. Экономическую основу таких семей составляли занятия, требовавшие сосредоточения в одних руках, в большинстве случаев у главы семьи, собственности, финансовых и организационных рычагов управления. Кроме того, отделение труда от семьи, включение членов семьи в крупное общественное производство стало в рассматриваемый период существенным фактором перехода от больших патриархальных семей к простым. Миграция населения способствовала ослаблению семейных уз и усилению дробления семей. Организация в российском обществе социального обеспечения, развитие и совершенствование его форм также снижало потребность населения в больших семьях.

Большие патриархальные семьи в основном состояли из родителей, семей 2–3 взрослых сыновей и родственников. Данный тип семьи встречался в среде купечества, ремесленников, имевших свое дело, а также извозчиков, крупных подрядчиков, рабочих, староверов и др. Большие патриархальные семьи фиксировались, например, у рабочих Подмосковного угольного бассейна. Эти семьи были тесно связаны с сельским хозяйством, что сближало их быт, ценностные установки с крестьянством. Сложные семьи традиционно наблюдались у башкир, чувашей, грузин, осетин и т. д. Большие семьи, сложившиеся на основе полигамии, были у народов Северного Кавказа. Вместе с тем большие патриархальные семьи были более характерны для сел, чем для городов [7, С.42-43; 18, С. 53-54, 202-203, 25, 386-387, 462].

Широкое распространение в российских городах на рубеже XIX–XX в. получили простые семьи. Одним из факторов такого распространения было наличие в городах мигрантов, состоявших в большинстве случаев из молодых мужчин и женщин. Они вступали в брак и создавали в основном простые семьи. Этому явлению также способствовала, как отмечалось, их продолжительная оторванность от родителей и родственников. Условия существования простых семей в городах изменяли сложившуюся ранее традицию формирования семьи из родственников по мужской линии, когда сыновья и их жены оставались в родительской семье, а дочери уходили в дом мужа. Семья мужа состояла из родителей, детей, не состоявших в браке, женатых взрослых сыновей с детьми (или женатого сына с детьми). Овдовевшие сыновья и их дети, оставались жить с родителями. Вдовы с детьми могли вернуться к своим

родителям или продолжить жить в семье мужа. Такой механизм содействовал созданию и сохранению в России сложных семей.

Жители, особенно небольших городов, обычно руководствовались старыми традициями близкими к семейным устоям села. Из-за отхода молодых людей в крупные промышленные центры сохранялось правило: один из сыновей (обычно младший) оставался при родителях. Выработанный механизм сдерживал дробление семей, и замедлял их нуклеаризацию.

Простые семьи были распространены у многих народов, проживавших в России, особенно в городах. Такой тип семьи в XIX в. преобладал, к примеру, у большинства народов Северного Кавказа. Однако семей, состоявших из родителей и детей, было численно немного. Чаще встречались расширенные простые семьи, куда входили вдовы, разведенные женщины [7, С. 48; 11, С. 43].

Таким образом, в рассматриваемый период в городах России существовали как сложные семьи, так и простые. Росло число семей переходного типа (от семей сложных к простым семьям). Наблюдалось увеличение числа простых семей и уменьшение больших патриархальных «неразделенных» семей, что свидетельствовало о развитии процесса нуклеаризации семей. Все это изменяло величину семьи.

Сложные семьи с несколькими семейными парами, а также родственниками иногда достигали больших размеров – 20–30 человек. Такие семьи наблюдались в Подмосковном угольном бассейне. У чувашей некоторые сложные семьи достигали 30 и более человек.

Число членов в простых семьях было значительно меньше, чем в сложных. Величина простой семьи тесно связана с региональными и национальными особенностями. Семьи в столичных европейских городах России, например, в Петербурге, не были многочисленными. Купеческие семьи состояли в среднем из 5–7 человек. В селах семьи – более многочисленны, чем в городах. Простые семьи у чувашей насчитывали до 5 человек. В Казанской губернии татарская семья также состояла из 5 человек. Величина марийской семьи – численно больше – 3–12 человек. У грузин Кутаисской губернии средний размер семьи – 6 человек, а Тифлисской губернии – 4 человека. У осетин в Тифлисской губернии семья в среднем насчитывала 7–8 человек, в Кутаисской губернии – 10 человек, а у абхазов – 4–5 человек [18, С. 54, 211, 237, 258, 388; 7, С. 45, 47; 4, С. 121, 137]. Таким образом, тип и величина семьи были связаны с уровнем социально-экономического развития российского общества, его региональной и национальной спецификой.

Разводы в условиях их максимального ограничения в России не влияли на демографические параметры семьи. По законодатель-

ству Российской империи расторжение брака было разрешено, но максимально затруднено. Низкий процент разводов в городах России определялся религиозной идеологией и законодательной практикой. Важно отметить сохранение в начале XX в. отрицательного отношения большинства населения России к разводам, особенно женщин, несмотря на трансформацию семейных ценностей.

Униженное положение большинства женщин после расторжения брака создавало им немалые трудности для повторного замужества. Неслучайно, что в составе разведенных брачных пар численно преобладали женщины. Существенное воздействие на тип и величину семьи оказывала смертность населения.

Смертность городского населения России в конце XIX в. была высокой. Ее показатели, исчисленные С.А. Новосельским для 1896–1897 гг., составляли (в‰): для городов с населением свыше 100000 жителей – 36,6, менее 100000 жителей – 33,2.

Высокий уровень смертности влиял на продолжительность жизни российского населения. В Европейской России средняя продолжительность жизни в конце XIX – начале XX в. составляла – 32 года (для мужчин – 31 год, для женщин – 33 года) и была ниже средней продолжительности жизни населения в западных странах. В городах Европейской России продолжительность жизни населения была ниже, чем в целом Европейской России. В 36 крупных городах Европейской России средняя продолжительность жизни мужчин в 1896–1897 гг. составляла 28 лет, женщин – 32 года [19, С. 4, 31; 16, С. 425].

Однако в начале XX в. уровень смертности городского населения Европейской России понижался, но оставался высоким (в‰): 1902 г. – 25,7, 1905 – 27,2, 1910 – 26,3, 1911 – 24,1, 1913 гг. – 23,6 [14, 1904–1916]. Высокий уровень смертности городского населения, низкая продолжительность жизни изменяли тип и величину семьи. В результате смерти одного из супругов семья становилась неполной. Смерть кого-либо из членов семьи, включая детей, изменяла ее величину.

Мужская смертность в российских городах на рубеже XIX и XX в. была выше женской за исключением детских возрастов 0–5 лет. С возраста 15–20 лет и особенно после 25 лет смертность росла как мужская, так и женская. Смертность мужчин становилась намного выше, чем женщин в возрастах 45–50 лет и старше [19, С. 31].

Высокий уровень смертности мужчин в трудоспособных возрастах определялся притоком в города в основном из сел мужского населения молодых и средних возрастов. Это явление изменяло привычный уклад их жизни. Причем городская жизнь с высокой плотностью населения, скученностью, антисанитарией, тяжелой

работой, особенно на производстве отрицательно воздействовали на организм человека.

Смертность мужчин, как отмечалось, влияла на изменения типа и величины семьи. Однако вдовы молодых и средних возрастов при повторном браке восстанавливали полный тип семьи. Ее величина часто увеличивалась из-за вхождения детей со стороны мужа. Повторное замужество женщины могло поменять тип ее прежней семьи, например, если она с детьми попадала из простой семьи в большую патриархальную семью.

Сокращение в российских городах числа повторных браков в начале XX в. способствовало росту числа вдовых групп населения, особенно вдов, а также увеличению численности неполных семей и сокращению их величины.

Таким образом, уровень смертности городского населения России оставался высоким, несмотря на его снижение в начале XX в. Это явление играло важнейшую роль в изменении брачного состояния горожан, а также демографических показателей семьи, прежде всего, типа и величины. Существенную роль в изменении величины семьи играло репродуктивное поведение населения.

В конце XIX в. российские семьи в основном имели 5–7 детей всех возрастов. Число детей в семье было обусловлено взаимодействием различных социально-экономических и демографических, национальных и психологических факторов. Существовала зависимость между числом детей в семье и характером экономического развития региона, а также социальным положением семьи. Малочисленными были семьи промышленных рабочих, проживавших в столичных городах. У большинства рабочих семей Москвы в конце XIX в. было 1–2 детей. В Петербурге около половины рабочих семей в 1908 г. имели 1–2 детей, и только пятая часть – 3-х и более детей. В то же время семьи рабочих региональных промышленных центров были многодетны. В Нижнем Тагиле, например, в 1895 г. более половины семей рабочих-горняков (60%) имели 3–5 детей, 15,9% – 6 детей и более, 25,9% семей – 1–2 детей.

Национальная принадлежность семьи оказывала заметное влияние на число детей. Данные проведенных исследований показали: в татарской семье в среднем было 4 ребенка, в азербайджанской – 8–10 детей. Многодетные семьи были широко распространены в Средней Азии [2, С. 48; 10, С. 473–474; 18, С. 54, 237, 429, 476; 7, С. 49].

Число детей в семье тесным образом было связано с уровнем рождаемости. В России в этот период рождаемость имела высокий уровень. Общий коэффициент рождаемости (число рождений за год на 1000 человек) за 1861–1913 гг. по 50 губерниям Европейской России в среднем составлял 49%. Из данных статистики видно,

что только в 5 губерниях уровень рождаемости населения России был ниже 40%. Это явление соответствовало молодому возрастному-половому составу российского населения и в целом благоприятному для рождаемости возрасту вступления в брак. Всеобщий характер брачности населения, слитность брачного, сексуального и репродуктивного поведения также способствовали высоким показателям рождаемости [1, С. 21].

Значительное влияние на уровень рождаемости населения России оказывали исторически выработанные и освещенные религией традиции и обычаи. Материалы ЦСК за 1899–1910 гг. зафиксировали высокий коэффициент рождаемости у женщин, исповедовавших православие и ислам. Однако в начале XX по сравнению с концом XIX вв. у православных женщин уровень рождаемости понизился, но оставался наиболее высоким. У мусульманок в 1900-е гг., особенно в 1910, по сопоставлению с 1899 г. показатели рождаемости повысились. Тем не менее общий коэффициент рождаемости у мусульманок был ниже, чем у православных женщин. В Европейской России (50 губерний) – на 1000 населения приходилось рождений у православных женщин в 1899 – 52,3, в 1910 гг. – 47,4; у католичек – соответственно 39,0 и 30,5; у протестанток – 31,1 и 22,3; у мусульманок – 37,8 и 47,1; иудеек – 32,0 и 21,7 [5, 1904–1916].

Важно отметить, что в рассматриваемый период у супругов отсутствовала свобода выбора в вопросах о числе детей в семье, о времени их появления на свет, что также способствовало сохранению в России высокого уровня рождаемости населения.

Тенденция снижения показателей рождаемости населения при сохранении в целом их высокого уровня на рубеже XIX и XX в. была характерна для Европейской России. Из данных статистики видно снижение общего коэффициента рождаемости с 50,5% в 1881–1885 гг. до 45,5% в 1913 г. Это явление было особенно заметно в городах Европейской России (в%): общий коэффициент рождаемости в городах Европейской России в 1896–1897 гг. составлял 37,9, в 1902 – 37,0, в 1911 – 34,0, в 1913 гг. – 31,7. Снижение уровня рождаемости населения было зафиксировано в столичных российских городах – С-Петербурге и Москве (в%): С-Петербург в 1896–1901 гг. – 29,3, в 1913 г. – 26,4; Москва в 1896 – 33,1, в 1913 гг. – 32,2. Данные статистики свидетельствовали также о сокращении уровня рождаемости в городах Сибири (в%): 1902–1905 гг. – 48,6, в 1906–1910 – 46,6, в 1911–1914 – 38,7 [14, 1904–1916; 16, С. 168, 195–196; 15, С. 331–332].

Высокая рождаемость в российских городах, особенно в Москве, объяснялась, в том числе внебрачными рожденьями. В Москве со второй половины XIX в. и по 1913 г. внебрачная рождаемость со-

ставляла 30-40% от всех родившихся. В городах Европейской России в 1909–1913 гг. – на 1000 незамужних женщин в возрасте 15-49 лет приходилось внебрачных рождений – 31,4, в селах – 13,1 [12, С. 105-106; 15, С. 331-332]. Родившиеся внебрачные дети часто отдавались в Воспитательные дома. Наиболее популярным среди них был Воспитательный дом в Москве. Однако в начале XX в. уровень внебрачной рождаемости в российских городах снижался. В Петербурге (с пригородами), например, процент внебрачных рождений понизился с 16,7% в 1909 до 14,4% в 1914 гг.

Сокращалась доля внебрачной рождаемости у православного населения Европейской России (в% от всех родившихся): 1897 – 2,7, 1910 гг. – 2,3. У представителей других вероисповеданий внебрачная рождаемость оставалась в целом стабильной. Однако наиболее высокий удельный вес внебрачной рождаемости был у католиков (соответственно – 3,6% и 3,5%) и протестантов (3,9% и 3,8%), а наименее – у мусульман (0,2% и 0,1%) и иудеев (0,5% и 0,4%) [5, 1900–1916].

Снижение в начале XX в. внебрачной рождаемости понижало уровень рождаемости населения в городах. Это явление совпадало с сокращением уровня брачности городского населения. В городах Европейской России было зафиксировано снижение уровня брачности во второй половине 1900-х гг. (в%): 1906 – 9,3, 1910 гг. – 7,6. Аналогичное явление наблюдалось в России – на 1000 населения приходилось браков в 1870-х гг. – 10, в 1913 г. – 8,5 [5, 1902–1916; 6, С. XIV].

В начале XX в. происходило разъединение традиционного репродуктивного от брачного и сексуального поведения населения. Одним из последствий такого разъединения стало регулирование рождаемости, затрагивавшее практически все социально-сословные группы горожанок. Самой распространенной формой регулирования рождаемости было искусственное прерывание беременности (аборты). В России, как и в других странах, аборт был запрещен, однако их число росло. В 1900-е гг. на долю незаконных абортов приходилось 75% всех учтенных абортов. Состоятельные женщины за высокую плату имели возможность прерывать беременность в больнице. Бедные или менее состоятельные женщины обращались к знахаркам. Обследование женщин Харькова и примыкавших к нему территорий, проведенное в 1893 г., выявило, что абортами и преждевременными родами заканчивались более 1/5 всех беременностей (22,1%). В начале XX в. производимые аборты в Петербурге составляли 20% к числу рождений. Важно отметить, что церкви, имевшихся в России вероисповеданий активно выступали против регулирования рождаемости. Однако протестантская церковь в от-

личие от других христианских церквей допускала контроль над рождаемостью путем применения абортов и контрацепции. Регулирование рождаемости в зарубежных странах было распространено [17, С. 12; 9, С. 382; 20, С. 286]. Таким образом, в России, как и в западноевропейских странах, наблюдались важные изменения в репродуктивных установках населения. Все это влияло на сокращение числа многодетных семей, особенно в городах.

Однако новые явления в репродуктивном поведении населения развивались в условиях неравноправного положения женщин в обществе и семье. Женщина по существу могла себя проявлять только в замужестве и материнстве. Деятельность женщин в большинстве случаев была замкнута рамками семейных забот – домашним хозяйством, деторождением, воспитанием детей, что способствовало сохранению традиционного репродуктивного поведения с характерным для него высоким уровнем рождаемости.

Уровень рождаемости в России был тесно связан с региональной спецификой. Из данных статистики по 50 губерниям Европейской России видно, что в 1910 г. на каждый заключенный брак в среднем приходилось 5,3 рождений, на Урале – 6 рождений.

Высокая рождаемость городского населения давала значительный прирост детей. В Москве прирост детей с 1871 по 1912 гг. составил 235%. В Петербурге удельный вес детей в возрасте до 15 лет в 1869 был 19,5%, в 1910 гг. – 24,9%.

В изучаемый период многодетность стимулировалась использованием детского труда на заводах, в домашнем хозяйстве, в сельскохозяйственных работах. Важную роль играла помощь родителям в старости и болезни обычно младшего сына и его семьи [3, С. 76; 8, С. 15-17]. Однако в начале XX в. уровень рождаемости населения России особенно в городах снижался, что уменьшало число детей в семье и ее величину.

Сокращение числа детей в городских семьях было также связано с наметившимися в начале XX в. тенденциями снижения уровня младенческой и особенно детской смертности, вместе с тем ее показатели оставались высокими. В Европейской России – на 100 родившихся младенцев умерло в возрасте до 1 года в 1893–1897 гг. – 26,6, в 1898–1902 гг. – 26,0; в возрасте старше 1 года – соответственно 21,4 и 19,8 [12, С. 125].

Понижение уровня младенческой смертности отмечалось в Москве – на 1000 новорожденных умерло в возрасте до 1 года в 1903 – 316, в 1912 гг. – 288. Аналогичное явление отмечалось в Санкт-Петербурге – соответственно 253 и 248. Однако смертность младенцев в российских столицах была выше, чем в европейских. На 1000 новорожденных умерло в возрасте до 1 года в Берлине: 1903 – 76,7, 1912 гг. – 142; в Париже – 104 и 103.

Высокий уровень смертности младенцев в Москве и Петербурге отчасти был связан со смертностью грудных детей в Воспитательных домах. Смертность младенцев в Воспитательном доме, например, Петербурга составляла (в%): 1907 – 12,9, 1910 гг. – 15,8. [14, 1903–1913; 3, С. 82]. Из приведенных данных видно, что в начале XX в. уровень младенческой и детской смертности в городах России оставался высоким, однако он понижался. Сокращение уровня рождаемости, а также младенческой и детской смертности в российских городах уменьшало число детей в семье.

Таким образом, в городах России на рубеже XIX–XX в. существовали как сложные, так и простые семьи. Рост числа городов и населения в них, быстрое развитие промышленного производства, концентрация производства и капитала, усиление миграций в крупные индустриальные центры в начале XX в. способствовали дроблению сложных семей и широкому распространению в российских городах простых семей, а также семей переходного типа. Значительное воздействие на изменение типа и величины семьи оказывал высокий уровень рождаемости и смертности горожан, включая младенческую и детскую. Разводы городских жителей из-за их малочисленности не оказывали существенного влияния на демографические показатели семьи. Трансформация семейных ценностей городского населения способствовала сокращению повторных браков у женщин, росту числа вдов и неполных семей. Все это оказывало влияние на нуклеаризацию семьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А.И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986. С. 10–25.
2. Антонов А.И. Эволюция рождаемости и репродуктивного поведения в СССР // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984. С. 48–66.
3. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М.: ИРИ РАН, 2003. 233 с.
4. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX–начала XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М.: ИЭИ РАН, Координационно-методический центр, 1999. 240 с.
5. Движение населения в Европейской России за 1896–1910 годы. СПб.; Пг.: ЦСК, 1899–1916.
6. Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М.: ЦСУ, 1928. 131 с.
7. Крупянская В.В., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX в. – начала XX в.). М.: Наука, 1977. 288 с.
8. Мокеров И.П., Кузьмин А.И. Экономико-демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1990. 102 с.
9. Народонаселение: энциклопед. словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. 640 с.
10. Народы Европейской части СССР. М.: Наука, 1964. Т. 1. 984 с.
11. Население Урала, XX в.: история демографического развития. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. 212 с.

12. Новосельский С.А. Демография и статистика: избранные произведения. М.: Статистика, 1978. 289 с.
13. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб.: Центральная типолит. М.Я. Минкова и Паровая типолит. Н.Л. Ныркина, 1905. Т. 1. 268 с. С. V, VII.
14. Отчет Управления главного врачебного инспектора о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1914 год. СПб., Пг.: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1904–1916.
15. Проблемы демографической статистики: сб. М.: Наука, 1966. 354 с.
16. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913): стат. очерки. М.: Госиздат, 1956. 352 с.
17. Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина, 1969. 191 с.
18. Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990. 520 с.
19. Смертность и продолжительность жизни населения СССР, 1926–1927: табл. смертности. М.; Л.: Планхозгиз, 1930. 139 с.
20. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: буржуазный век. М.: ТЕРРА; Республика, 1996. 448 с.

* * * * *

УДК 94(470.44) [18/19]

Чолахян Вацаган Альбертович

*доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой Российской цивилизации и методики преподавания
истории
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
г. Саратов
vcholakhyan@yandex.ru*

УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье рассматриваются социально-экономические аспекты урбанизационных процессов в Саратовском Поволжье в конце XIX – начале XX вв. Автор анализирует специфику индустриального развития региона, особенности социальной структуры городского населения, изменения в составе, поло-возрастной структуре и заработной плате рабочих.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, урбанизация, маргинализация, социальная структура.

Cholakhian Vachagan Albertovich

*doctor of historical sciences, professor
head of the chair of the Russian civilization and methods of teaching history
Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky
Saratov
vcholakhyan@yandex.ru*

URBANIZATION PROCESSES IN THE SARATOV VOLGA REGION IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY, THE SOCIO-ECONOMIC DIMENSION

This article describes the socio-economic aspects of urbanization processes in the Saratov Volga region in the late XIX – early XX centuries. The author analyzes the specifics of the industrial development of the region, especially the social structure of the urban population, changes in the composition, gender and age structure and salary workers.

Keywords: modernization, industrialization, urbanization, marginalization, social structure.

Раннеиндустриальная модернизация России в конце XIX – начале XX вв. способствовала постепенному переходу от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Общественное настроение в стране постепенно склонялось в пользу быстрого промышленного развития при сохранении многих традиционных ценностей. Железнодорожное строительство, активизировавшееся в 1890-е гг., ликвидировало обособленность регионов и стимулировало оживление экономической жизни.

Российский вариант движения от аграрного к индустриальному обществу нашёл яркое отражение и в истории Саратовского Поволжья. В начале XX в. типично аграрный характер региона претерпел значительные изменения: наряду с отраслями, связанными с переработкой сельскохозяйственного сырья (мукомольная, маслобойная, рыбная, пищевкусовая, сарпиночная и т.п.), появились новые виды производства (металлургическая, металлообработка, цементная промышленность), работавшие в основном на привозном топливе и сырье. Если в конце XIX в. более 85% предприятий региона были заняты обработкой продукции сельского хозяйства и животноводства, то в 1914 г. общий объём промышленного производства в Саратовской губернии за 1891 – 1914 гг. возрос почти в 4 раза, а фабрично-заводских отраслей – почти в 2,5 раза, составив 24,4%, а вместе со смешанными производствами – 31,3%. Столь значительный рост промышленности отразился на количестве и распределении рабочих между отраслями: в 1891 г. их численность составляла 19069 чел., а в 1914 г. – 51283, причём 81% рабочих трудился на фабрично-заводских и смешанных предприятиях [1, Л. 1-2].

Вместе с тем, на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдался непрерывный рост «протоиндустриальной промышлен-

ности» – мелких кустарных, промысловых и ремесленных заведений, охватывавших больше людей, чем вся фабрично-заводская промышленность: численность кустарей (53736 чел.) превышала количество рабочих (51283 чел.) [2, С. 296]. Мелкотоварное производство занимало собственную нишу в многоукладной экономике региона и обеспечивало местный рынок доступными товарами для населения.

Основными промышленными центрами Саратовской губернии являлись Саратов, Царицын и Вольск. Из всех городов Поволжья выделялся Царицын, входивший в двадцатку наиболее развитых в промышленном отношении городов России. Саратов возглавлял список городов второго разряда, а Балашов и Вольск входили в третий разряд городов с числом рабочих более тысячи человек.

Экономические процессы, прежде всего, индустриализация, способствовали качественным изменениям в урбанизационном процессе, так называемому «урбанизационному переходу» к «городскому обществу» [3, С. 74]. За период с 1830 г. по 1897 г. численность населения Саратова увеличилось более чем на 87 тыс. чел., составив 137147 чел. [4, С. 1]. Всего в городах Саратовской губернии по данным переписи 1897 г. проживало 312 604 чел., а в целом по России – 16 289 181 чел. городского населения [5, С. 14, 29]. В стране насчитывалось 19 городов с населением свыше 100 тыс. чел., в числе которых был и Саратов, ставший самым крупным городом Поволжья (137 147 чел.) В Казани, для сравнения, проживало – 131 508 чел., а в Самаре – 91 672 чел. [6, С. 146]. К 1914 г. численность населения Саратова достигла 228 518 чел. [7, С. 6]

Таблица 1 – Динамика роста численности городского населения Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. [8, С. 22, Л. 4, 6]

Города	1859 г.	1897 г.	1914 г.
Аткарск	6324	7300	19088
Балашов	5945	10309	23502
Вольск	23519	27058	42093
Камышин	9788	16264	30282
Кузнецк	12828	20473	33777
Петровск	9255	13304	23812
Саратов	71234	137147	228518
Сердобск	5231	7381	15831
Хвалынский	12457	15157	22060
Царицын	6898	55186	117675
Посад Дубовка	12824	16638	17651
Итого	169405	271031	574289

Из таблицы видно утроение численности населения городов региона в отмеченный период. Самым крупным уездным городом губернии в начале XX в. стал Царицын, население которого увеличилось в 17 раз. Главными причинами роста численности населения Вольска, Камышина и Кузнецка являлись подведение железных дорог, успехи раннеиндустриального развития, в частности, цементной промышленности и кустарных промыслов. К 1914 г. городское население достигло 574289 чел., что составляло 15,8% от общего числа жителей Саратовской губернии [9, Л. 4; 1, С. 7]. Удельный вес горожан во всем населении за 1897 – 1914 гг. увеличился на 3%, с 12,8 до 15,8% [10, Л. 4; 1, С. 7].

Весьма интересным представляется социальная структура городского населения Саратовского Поволжья. Особенности модернизационных процессов в регионе определили и своеобразие его социальной структуры, заключавшиеся в незавершенности классовой дифференциации и разобщенности различных социальных групп. Своеобразие России проявлялось в запаздывании формирования классовой структуры, соответствующей индустриальному обществу. Сохранялось сословное деление – дворяне, мещане, казаки, купцы, крестьяне, инородцы и др.

Таблица 2 – Сословная структура населения городов Саратовского Поволжья в конце XIX в. [11, С. 7]

Города	Дворяне	Духовенство	Купцы	Мещане	Крестьяне	Иностр.	Остальные
Саратов	8071	1768	2051	52885	67944	553	3875
Царицын	1126	177	688	25115	25858	113	2109
Вольск	931	279	263	17127	7964	35	459
Кузнецк	278	64	187	15024	4431	2	487
Камышин	517	158	185	6457	8504	12	431
Петровск	233	186	123	6228	6341	7	186
Балашов	392	188	271	4844	4367	28	219
Хвалынский	274	66	118	9403	5097	3	166
Аткарск	320	53	97	3688	3052	4	106
Сердобск	220	39	119	4910	1920	2	171
Итого	12362	2978	4102	145661	135478	759	8209

Данные первой Всеобщей переписи населения 1897 г., отражая сословную дифференциацию населения, свидетельствуют о преобладании в городах региона крестьянского (43,7%) и мещанского (47,0%) населения, а привилегированные сословия составляли 6,3%. Обращает внимание весьма низкий, по сравнению с данными середины XIX в., процент купечества (1,3%) [12, С. 7].

Специфика социальных преобразований региона заключалась в особенной предпринимательской активности старообрядческого купечества и немцев-колонистов, в значительном росте числа промышленных рабочих, главным образом, за счёт крестьян-отходников, в сохранении традиционно патерналистских взаимоотношений между хозяевами и работниками.

Процесс формирования промышленной буржуазии и наемных рабочих во многом определялся специфическими особенностями экономики региона. Основные виды производства – переработка сельскохозяйственного сырья, лесобработка и частично цементная промышленность – носили сезонный характер с массовым использованием неквалифицированного труда. Этим можно объяснить весьма разностороннюю деятельность местных предпринимателей. Промышленная буржуазия, в большинстве своем формировавшаяся из рядов купечества и немцев-колонистов, как правило, продолжала вести обширную торговлю – имела лавки, конторы, отделения в волжских городах, владела пароходами, баржами, дебаркадерами, пристанями и т.п. Так, мукомолы Богословский, Борель, Шмидт и другие развивали широкую торгово-посредническую деятельность в регионе. Кроме того, воспользовавшись обезземеливанием местного дворянства, они становились крупными земельными собственниками. Из балансов их предприятий видно, например, что мукомол Скворцов владел имением в 998 дес. суконщик Дебердеев – землями и лугами на 155 тыс. руб., мукомол Борель – на 700-800 тыс. руб., а предприниматель Зейферт – 19000 дес. [13, С. 128-129]

В производственной сфере также наблюдалась разнопрофильность местных предпринимателей. Так, Скворцов владел мельницей и кожевенным предприятием, Зейферт – мельницей и цементным заводом, Шумилин – масложитной, бондарной фабриками и двумя кирпичными заводами, Меркульев – мельницей, кожзаводом, плавучим лесозаводом, чулочной фабрикой и т.д. [14, С. 152]

Промышленная буржуазия Саратовского Поволжья активно использовала дешевый труд неквалифицированных рабочих, что в значительной мере замедляло технический прогресс. Сезонный характер многих производств позволял предпринимателям каждый год обновлять состав работников при сохранении низкой заработной платы, что тормозило процесс формирования постоянных рабочих кадров. Если в центральном промышленном районе в начале XX в. до 87% рабочих были кадровыми, то в Саратовском Поволжье они не превышали 20% [15, С. 152].

Наиболее достоверные сведения о росте численности рабочих в Саратовской губернии содержатся в ежегодных статистических обзорах. Они находились в поле зрения полиции, жандармерии и фабрич-

ной инспекции и потому предпринимателям было трудно скрывать действительное число рабочих на своих предприятиях. Статистические данные свидетельствуют об увеличении численности рабочих на фабрично-заводских предприятиях Саратовской губернии с 35 419 в 1899 г. до 51 283 чел. [16, С. 7-8]. Наибольшие темпы роста численности рабочих демонстрировали Саратов и Царицын.

Таблица 3 — Рост числа фабрично-заводских рабочих в Саратове и Царицыне за 1904-1913 гг. [17, С. 7-8, л. 1-2]

Годы	Города	
	Саратов	Царицын
1904	6906	2061
1913	9252	19184

Приведенные данные свидетельствуют о превращении Царицына в крупный промышленный центр Саратовского Поволжья, где ведущую роль играли металлургия и металлообработка. Именно в этих отраслях происходили активные процессы формирования кадровых рабочих, росла их квалификация и самосознание. Часть рабочих вербовалась из ремесленников, или готовилась на местных предприятиях в качестве учеников, а другая прибывала из разных промышленных центров (Петербург, Москва, Харьков, Урал и др.) добровольно или в качестве высланных из этих городов. В то же время на предприятиях по переработке сельскохозяйственного сырья преобладали сезонные рабочие, большая часть которых не имела определенной квалификации. Причем, если в конце XIX в. это были в основном отходники, приехавшие в губернские города из сельской местности целыми артелями, то в последние годы росло число крестьян, полностью порвавших с землей и переселившихся в города с семьями. По данным санитарного врача Н. Ковалевского в 1911 г. в Саратове труд крестьян отходников использовался только на заводе Калашникова [18, С. 40].

Городское население в среднем ежегодно увеличивалось на 3%, а доля естественного прироста при этом не превышала 0,6% [19, С. 42]. Основное увеличение населения происходило за счет прилива пришлого населения, главным образом, из крестьян Саратовской (40%) и соседних малоземельных губерний (26%) [20, С. 64]. Наводняя города и постепенно оседая в них, крестьяне, по мнению А. Ершова, «представляли элемент, подвижно колеблющийся и лишенный прочной оседлости» [21, С. 42-43]. В этом заключалась, на наш взгляд, основная причина текучести кадров. «Деревенская натура не всегда выносит фабричную жизнь, доведенную до точности ме-

ханизма и пунктуальности... Деревенский человек не требователен, перебиться может кое-как... Пройдет время – глядишь он и вовсе от работы отбил, а там и окончательно отдалился» [22, С. 72].

Отсюда трудности адаптации вчерашних крестьян к условиям городской жизни, порождавшие своеобразные переходное состояние: массы людей являлись одновременно и сельскими, и городскими жителями, рабочими и крестьянами. По официальным данным в начале XX в. 89,1% жителей Саратова относились к крестьянскому сословию, а 77,3% из них называли своим основным занятием сельское хозяйство [23, С. 38].

Избыток рабочей силы являлся одной из главных причин сохранения в регионе относительно низкой заработной платы. Если в среднем по России в 1908 г. доля зарплаты в общей стоимости промышленной продукции составляла 13,58%, то в Саратовской губернии этот показатель был почти вдвое меньше – 7,36% [24, С. 239]. Причем различие это объяснялось не столько отраслевой спецификой промышленности региона, сколько низкой долей затрат на рабочую силу.

Таблица 4 — Динамика среднегодовой заработной платы в промышленности Саратовской губернии в 1900–1912 гг. [25, С. 61, 38]

Отрасли	Средняя годовая зарплата (1900 г.; в руб.)	Средняя годовая зарплата (1912 г.; в руб.)
Текстильная	121	150
Бумажная и полиграфическая	196	205
Металлургия и металлообработка	324	444
Переработка минерального сырья	173	281
Пищевкусовая	174	190
Химическая	156	161
Итого	217	238

Из таблицы 4 видно, что средняя зарплата рабочих промышленности за указанный период выросла почти на 10%. Наиболее высокая зарплата выплачивалась на чугунолитейных и металлических производствах, а самая низкая – в текстильной и химической отраслях.

Значительные изменения происходили не только в заработной плате, но и половозрастном составе фабрично-заводских рабочих региона. Это касается, прежде всего, использования в промышленности женского и подросткового труда, что объяснялось его дешевизной. К тому же увеличение числа потомственных кадровых рабочих, постоянно живущих в городах вместе с семьями, приводило к необходимости работы на производстве их жен и детей. Из отчетов

фабричных инспекторов за 1913 г. следует, что «при одинаковой (с мужчинами, – В.Ч.) продуктивности женщины более аккуратны в работе и делают мало прогулов» и потому их труд применяли везде, где не требовалась физическая сила [26, С. 53-54].

Таблица 5 – Применение женского труда в промышленности Саратовской губернии в начале XX в. [27, С. 99-103]

Отрасли промышленности	% женщин
Силикатная	35
Горничная	35
Текстильная	28
Пенькопрядильная	28
Стекольная	10

Немало женщин работало на предприятиях пищевкусовой промышленности, а также фабрике механического пошива обуви [28, Л. 160б]. Процент детей был более высок на конфетной фабрике (48%), на стекольных заводах (40%) и в типографиях (19%) [29, С. 102]. Соотношение между заработной платой взрослых мужчин, подростков и детей в чугунолитейных и металлических производствах составляло в процентах 100х27х10, а в полиграфической промышленности – соответственно 100х26х13 [30, С. 102].

Изменения в половозрастном составе рабочих обрабатывающей промышленности Саратовской губернии в начале XX в. были связаны с особенностями её организации: сезонностью большинства производств и массовым использованием неквалифицированного труда.

Таблица 6 – Изменения в половозрастном составе рабочих на предприятиях Саратовской губернии в начале XX в. (по данным фабричной инспекции в %) [31, С. 29, 36]

Годы	Число предприятий	Число рабочих на предприятиях									
		Мужчин				Женщин				Итого	
		Малолетних	Подростков	Взрослых	Всего	Малолетних	Подростков	Взрослых	Всего	В%	всего
1900	359	1,7	9,4	88,8	77,8	3,4	13,7	82,3	22,2	100	29879
1906	257	1,9	6,4	91,7	86,4	4,6	19,7	75,6	13,6	100	19714
1912	298	2,0	8,0	89,9	84,3	8,2	21,4	70,3	15,7	100	23885

Из таблицы видно, что в 1900 г. 77,8% всех рабочих обрабатывающей промышленности составляли мужчины, а в 1912 г. число женщин сократилось до 15,7%, что в 2 раза уступало общероссий-

ским показателям (31%) [32, С. 99]. Зато существенно увеличилось применение труда малолетних и подростков женского пола (с 17,1% до 29,6%). Экономический кризис 1900-1903 гг. и последовавшая депрессия отрицательно сказались как на темпах роста местной промышленности, так и численности рабочих. В 1912 г. на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, их число существенно уменьшилось по сравнению с 1900 г.: в металлургии и металлообработке сокращение составило 7,5%, в отраслях по обработке минеральных веществ – 1,6%. Лишь в деревообрабатывающей промышленности наблюдался прирост числа рабочих на 5,4%, в основном, за счет Царицынского узла [33, С. 242-243].

Таким образом, процесс урбанизации – превращение сельского жителя в городского – в конце XIX – начале XX вв. в Саратовском Поволжье носил замедленный характер: городское население в среднем ежегодно увеличивалось на 3%, а доля естественного прироста не превышала 0,6%. Почти 90% жителей Саратова в начале XX в. относились к крестьянскому сословию, а 77,3% из них называли своим основным занятием сельское хозяйство. Внутреннее разнообразие городскому обществу придавало наличие устойчивой мещанской среды, обеспечивавшей его относительную стабильность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный Архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 15. Д. 977. Л. 1-2; Статистический обзор Саратовской губернии за 1894-1904 гг. Саратов, 1905. С. 7-8; Саар Г. Саратовская промышленность в 90-х – и в нач. 900-х гг. Саратов, 1928. С. 28-29.
2. Чолахян В.А. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. – июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов, 2007. С.296.
3. Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века. М., 2000. С. 74.
4. Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века. М., 2000. С. 74.
5. Население империи по переписи 28го января 1897 г. по уездам. Вып. 1. СПб., 1898. С. 14, 29.
6. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб. 1901. С. 146.
7. Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов 1915. Ведомость № 8.
8. Таблица составлена по: Списки населенных мест Российской империи. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1862. С. XXXII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV, 1; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов. 1915. Ведомость № 6.
9. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов. 1915. С. 7.
10. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов. 1915. С. 7.
11. Таблица составлена по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. VII.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. VII

13. Клячко А.Х. Кризис перепроизводства в 1900-1903 годы в Саратовской губернии // Труды Саратовского экономического института. Т. 3. Саратов, 1951. С. 128-129.
14. Там же.
15. Маркушкина С.В. Промышленность Саратовской губернии в условиях капиталистической модернизации середины XIX — начала XX вв. Дис... канд. ист. наук. С. 152.
16. Таблица составлена по: Статистический обзор Саратовской губернии за 1899-1904 гг. Саратов, 1905. С. 7-8; Статистический обзор Саратовской губернии за 1913 год. Саратов, 1914. С. 7; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 977. Л. 1-2.
17. Таблица составлена по: Статистический обзор Саратовской губернии за 1899-1904 гг. Саратов, 1905. С. 7-8; Статистический обзор Саратовской губернии за 1913 год. Саратов, 1914. С. 7; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 977. Л. 1-2.
18. Ковалевский Н. Фабрики и заводы Саратова в санитарном отношении. Саратов, 1911. С. 40.
19. Ершов А. Очерк чернорабочего движения в Саратовском крае. Саратов, 1909. С. 42.
20. Матвеев И.М. Саратов в санитарном отношении в 1906 году. Саратов, 1908. С. 64.
21. Там же. С. 42-43.
22. Кушевар П.А. Что такое Россия? Путевые заметки. 2-е изд. М., 1900. С. 72.
23. Ершов А. Указ. соч. С. 38.
24. Клячко А.Х. Указ соч. С. 239.
25. Таблица составлена по: Клячко А.Х. Материалы о положении промышленных рабочих Саратовской губернии // Труды Саратовского экономического института. Т. 2. Саратов, 1949. С. 61; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 г. СПб. 1913. С. 30-81.
26. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г. Пг. 1914. С. XLIII-XLVI.
27. Таблица составлена по: Зайковский Л. Несколько слов о положении рабочих на фабриках и заводах Саратовской губернии // Саратовская Земская неделя. 1905. № 8. С. 99-103.
28. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 610. Л. 16об.
29. Зайковский Л. Указ. соч. С. 102.
30. Там же.
31. Таблица составлена по: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1902 г. СПб., 1904. С. 29; То же за 1906 г. СПб., 1908. С. 36; То же за 1912 г. СПб., 1913. С. 22-23; Маркушкина С.В. Указ. соч. С. 156.
32. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900 — 1914 гг. Л., 1976. С. 99.
33. Клячко А.Х. Влияние капиталистических монополий на экономику Саратовской губернии. С. 242-243.

* * * * *

УДК: 314.93

Былов Глеб Вадимович

*Всероссийский научно-исследовательский геологический
нефтяной институт
г. Москва
gleb.bylov@yandex.ru*

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕГРЕГАЦИЯ СОСЛОВИЙ МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ XIX — XX ВЕКОВ

В работе исследуется пространственное размещение сословных групп Москвы на рубеже XIX и XX веков, на основе статистического и географического анализа данных переписей населения. Показываются и объясняются различия между центром и окраиной города.

Ключевые слова: Москва, сословия, сегрегация, статистика, пространство, центр, окраина, ГИС.

Bylov Gleb Vadimovich

Independent researcher

*All-Russian Research Geological Oil Institute
Moscow*

gleb.bylov@yandex.ru

SPATIAL SEGREGATION OF ESTATE GROUPS IN MOSCOW IN LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

This work examines the spatial distribution of estate groups in Moscow in late XIX — early XX centuries, and is based on statistical and geographical analysis of population census data. City centre — periphery discrepancies are presented and explained.

Keywords: Moscow, estate groups, segregation, statistics, spatial, core, periphery, GIS.

Москва исторически является крупнейшим городом России, её политическим, экономическим, культурным и транспортным центром. Столица издавна притягивала людей из других мест страны, и постоянно увеличивалась в размерах от исторического центра вширь. Данная работа раскрывает особенности внутренней неоднородности социального ландшафта столицы перед великими потрясениями начала XX века.

Конец XIX века был эпохой бурного развития Российской империи. Существующие города притягивали к себе на заработки избыточную массу сельского населения, не имевшего возможности прокормиться одним только крестьянским трудом. Москва являлась крупным торгово-промышленным центром и «всасывала в себя рабочее население ... с огромной площади Европейской России», однако также город привлекал и другие слои населения, в том числе богатых. За 30 лет с 1871 по 1902 год население Москвы удвоилось с 600 тыс. до 1,2 млн. человек.

В города ехали преимущественно мужчины, оставляя семьи в деревне и возвращаясь домой только на уборку урожая и праздники. Урбанистическая среда состояла из огромного числа изначально некоренных городских жителей: недавних, а то и вообще временных, так как крестьянин нередко возвращался жить обратно в деревню. Прибывающее население попадало в городскую среду с существовавшей тогда общественной и имущественной иерархией, различными стилями жизни.

Однородные группы населения стремятся к проживанию среди себе подобных, а существующие городские условия являются ограничивающей матрицей, в которую также приходится встраиваться. Так, сословия проживают не только там, где это им приятнее и удобнее, но одновременно в рамках своей покупательной способности и статусной иерархии. Например, потомственные дворяне жили в престижных постройках центра города, а ремесленные и фабричные рабочие зачастую ночевали прямо при своих фабриках на окраине, по образному выражению исследователя, «довольствуясь местом для сна под каким-нибудь верстаком или в углу той же мастерской» [13, С. 55]; в 1882 году таких было 82% от числа обследованных рабочих. [14, С. 10].

Пространственная сегрегация социальных групп присуща всем обществам, и российский социум не являлся исключением. Данная тема уже давно привлекает интерес отечественных учёных, однако до сих пор отсутствуют серьёзные исследования проблемы на основе статистического анализа.

Методологией данного исследования является массивная количественная обработка статистических данных о населении в территориальном разрезе, расчёт показателей неравномерности расселения, концентрации, а также корреляции показателей между собой. Также используется агрегирование статистики до вышестоящих общепринятых или произвольно выделяемых зон. При обработке информации активно использовались современные геоинформационные системы.

Первичным материалом данного исследования является статистика о населении города Москвы в территориальном разрезе из официальных источников – переписей населения. Таких переписей в Москве было 4 – 1871, 1882, 1902 и 1912 годов (последняя так и не была полноценно обработана и нам доступны лишь общие предварительные результаты). В 1897 состоялась первая и последняя всеобщая перепись населения Российской империи. Как следует из названия, она единообразно охватила всю территорию страны, что является несомненным достоинством при проведении сравнительных исследований разных городов. Результаты переписей 1882 и 1902 годов также были проанализированы и проиллюстрированы в статистических атласах, изданных в 1887, 1890 и 1911 годах.

Для целей этого исследования используется граница города в черте 1902 года, на дату последней полноценно проведённой описи жителей. Пригороды Москвы в анализе не участвуют по причине малонаселённости, но одновременно быстрого роста их территории и населения.

С 1871 по 1902 год, когда проводились переписи населения в Москве, у нас имеется статистика по распределению сословных групп по 17 полицейским частям города, а в 1882 и 1902 годах – и по участкам внутри них (39 и 41 соответственно). Участки полицейских частей являлись наиболее дробными устойчивыми пространственными единицами, по которым публиковалась статистика населения (в 1871 году были также кварталы).

В обзорах результатов переписей населения тех лет также обычно рассматривались крупные пояса внутри города Москвы, органично выделяемые в старом городе с радиально-кольцевой структурой при движении из центра на окраину и содержащие следующие полицейские части (см. рис. 1):

– Городская часть. Самый центр города, его историческое ядро, включал Кремль и Китай-Город, являлся одновременно поясом и полицейской частью. Наименее заселённый пояс в сравнении с другими (менее 2% населения), но одновременно сильно отличный от них по социальному составу, как мы увидим ниже.

– 1-й пояс. От городской части до бульваров: Тверская и Мясницкая части.

– 2-й пояс. От бульваров до Садовых улиц: Пречистенская, Арбатская, Сретенская и Яузская части.

– 3-й пояс. Внешнее кольцо от Садовых улиц до муниципальной границы. Запад: Хамовническая и Пречистенская части. Север: Сущёвская и Мещанская части. Восток: Лефортовская, Басманная и Рогожская части.

– Замоскворечье. Пятницкая, Якиманская и Серпуховская части.

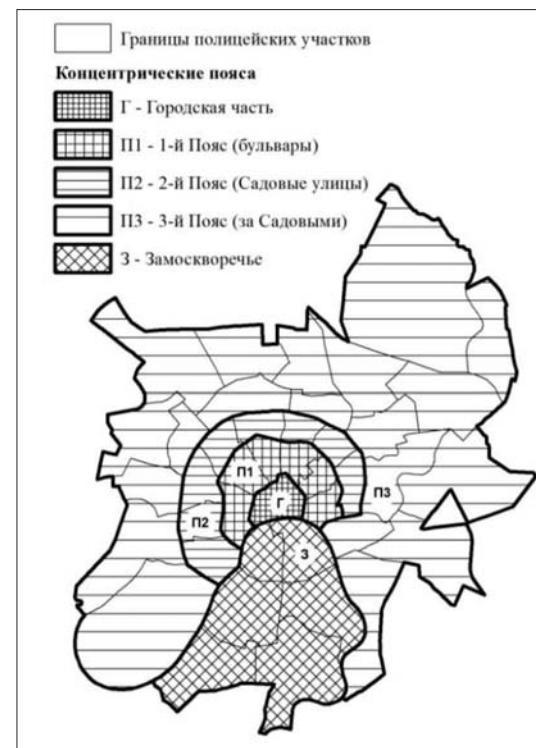

Рис. 1. Полицейские участки и концентрические пояса Москвы.

Все вышеперечисленные территориальные единицы – полицейские части и более дробные участки внутри них, а также 5 крупных зон – являются географической основой настоящего исследования.

Обратимся теперь к сути вопроса сословного деления общества. Сословие – это группа людей с определённым правовым положением, которое обычно передаётся по наследству. К концу XIX века из европейских стран только Россия вела статистику сословий; в Европе эти социальные группы практически исчезли со времён Средневековья, за исключением дворянства. В России же, из сохранившихся сословий только дворянство и крестьянство являлись устойчивыми, когда другие социальные группы со временем сильно перемешались между собой. Одним из важнейших признаков сословий является наследуемость, то есть передача прав от родителей к детям. Однако на деле, у большинства сословий привилегии и права не наследовались, а также не имели корпоративной организации. В итоге сословная статистика на практике характеризовала культурное и экономическое положение населения [3].

При всех её недостатках (условность и волатильность границ выделяемых групп), сословная статистика является наилучшим материалом для исследования социального ландшафта российского города дореволюционной эпохи. В отличие от этнических, религиозных и лингвистических групп, именно сословия характеризуют социальную стратификацию общества. Перепись 1871 года предоставляет данные по максимально дробному списку сословий – 18, однако с тех пор список лишь ужимался – до 16 в 1882 году, 6 в 1897 году и 10 в 1902 году. В 1871 году наиболее подробно выделялись нижние военные чины (5), в 1882 году их номенклатура сократилась до 3, а позже вообще пропала. Точно так же к 1897 году исчезло сословие разночинцев и незаконнорожденных (только 1882 год), но появилась категория прочих непривилегированных сословий в 1902 году. До 1902 года дети независимо от возраста приписывались к сословию своих отцов, а в 1902 году лишь до совершеннолетия (21 год). [3, С. 16].

Теперь рассмотрим список сословий, посчитанных при переписи 1902 года. Это потомственные и личные дворяне, духовное сословие, потомственные и личные почётные граждане, купцы, мещане, цеховые, крестьяне и группа лиц прочих непривилегированных сословий.

Две диаметрально противоположные сословные группы – потомственные дворяне и крестьяне – иллюстрируют статусные различия, а также разницу между умственным и грубым физическим трудом. Между ними находится прослойка городских сословий – купцов, мещан, цеховых, которые заняты именно несельским трудом: тор-

говлей, то есть обменом, службой в конторах, предоставлением разнообразных услуг, промышленным производством. Статусность сословия отнюдь не означала его укоренённости в городе. В 1902 году наибольший процент пришлых наблюдался среди крестьян (84%), а также он был высок и среди дворян (почти 2/3 или 64%), духовных (более половины или 56%). В те годы государственным служащим было естественно перемещаться по территории страны, на место нового должностного назначения. Наиболее осёдлым сословием были цеховые (69% родились в Москве), купцы (60%) и потомственные почётные граждане (55%) [3, С. 21].

Предположим в качестве рабочей гипотезы, что наиболее социально удалённые сословные группы будут стремиться к пространственному обособлению друг от друга и компактному проживанию в среде себе подобных. Теперь рассмотрим реальное размещение сословных групп на территории города, используя наглядные карты с единообразным разделением всех территорий на квантили, то есть равные по размеру группы, отсортированных от высоких к низким значениям показателя.

Как следует из названия, потомственное дворянство передавалось по наследству. К группе потомственных дворян были отнесены военные и морские чины начиная с 6 класса и выше (полковник), и гражданские с 4 класса (действительный статский советник) и выше. В 1902 году лишь каждый двадцатый житель Москвы был потомственным дворянином, однако их доля превышала 1/10 в населении фешенебельной западной части 1 и 2 поясов Москвы, с наибольшей концентрацией в Пречистенской (12%) и Арбатской частях (10-15%), а также в 1-ом Тверском (13%) и 3-ем Лефортовском (10%) участке, известном своими историческими традициями.

Личное дворянство не передавалось по наследству, к нему были отнесены военные и морские чины ниже 6 класса, и гражданские от 5 до 9 класса (от статских советников до титулярных советников). Личные дворяне составляли менее 1% населения города и расселялись во многом аналогично потомственным дворянам (более 1-2% в Пречистенской и Арбатской частях), но их также было много в Яузской (1-2%) и Басманной части (1,6%).

Духовное сословие также было малочисленным (менее 1% населения) и делилось на черное (монахи) и белое (приходские священники) православной и других религий. Духовенство компактно проживало в Городской части (2,1% благодаря Кремлю и Китай-городу) и внутри Садовых улиц, с небольшой концентрацией на юго-западе (1,8% в 1-м Серпуховском участке).

Потомственные почётные граждане (около 2% населения) селились внутри кольца Садовых улиц или неподалёку от него (4,1% в

Яузской части), особенно много их было в западной части центра города (4,8% в Пречистенской части, 4,0% в Арбатской). К потомственным почетным гражданам относились гражданские чины с 10 по 13 класс, дети личных дворян и священнослужителей по достижении совершеннолетия, доктора и магистры разных наук.

Категория личных почётных граждан (1,7% населения Москвы) была на удивление пёстрой и включала в себя некоторых работников народного просвещения (домашних учителей), культуры и искусства (артистов Императорских театров и придворных оркестров, свободных художников), чиновников XIV класса, фармацевтов, совершеннолетних детей церковных причетников, просто образованных лиц (окончивших курсы высших учебных заведений и гимназий); реальный список ещё шире приведённого. В 1882 году некоторые из категорий личных почётных граждан были отнесены к разночинцам, впоследствии упразднённого сословию. Данное сословие в целом селилось внутри кольца Садовых улиц или неподалёку от него (3,4% в Яузской части, 3,0% в Арбатской, 2,4% в Тверской, 2,3% в Басманной).

На рисунке 2 показано расселение элитных сословий в Москве 1902 году, как совокупность дворян, почётных граждан и духовных. Не включая сюда купцов, можно сказать, что данные сословия были заняты в непроеизводительной сфере услуг и государственного управления.

Купцы (1,7% населения) тяготели к территории внутри Садовых улиц, особенно восточную часть центра города (3,6% в Яузской части, 3,1% в Мясницкой, 2,9% в Тверской, 2,8% в Городской) – районах, где процветала торговля. Гильдийное (крупное) купечество было полупривилегированным сословием.

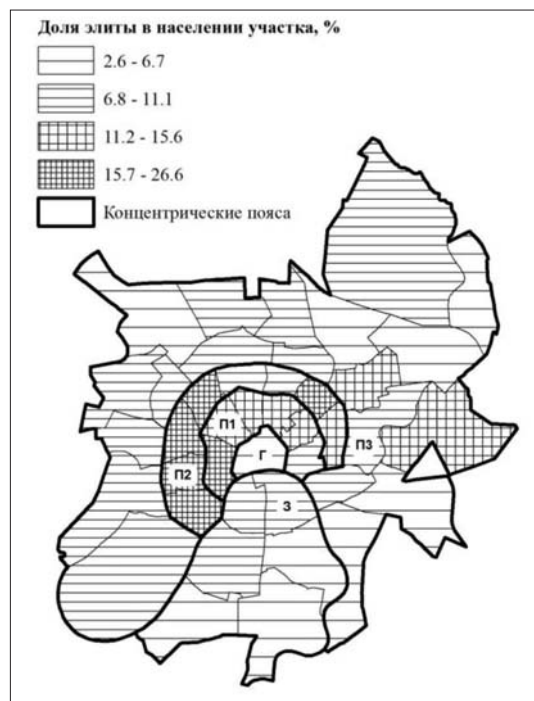

Рис. 2. Доля элитных сословий в населении участков, 1902 г.

Цеховых было 1,5% населения, жили они в западной и северо-западной части города, достигая 2,6% в населении Суздальской части и 1,9% в Пресненской. Это рабочие, в основном мелких предприятий, которые также именовали себя мастерами и ремесленниками, но обязательным условием отнесения к цеховым было рождение в городе.

Мещане после крестьян были самым многочисленным сословием, составляя 18,2% населения города. Мещанами, в общем, называли городских обывателей; в них также включались совершеннолетние дети личных почётных граждан, незаконнорожденные, совершеннолетние сироты, иноверцы, принявшие христианство и некоторые другие категории лиц. Доминировало это сословие за пределами Садовых улиц, и в редких случаях внутри него, достигая концентрации в 20,8% в Сретенской части, 20,7% в Пресненской, 20,3% в одноименной Мещанской части.

Доля крестьянства в городском населении Москвы драматически выросла с 2/5 до 2/3 за 30 лет, с 43% в 1871 году до уже 49% в 1882 году, 63% в 1897 году и достигла пикового значения 66% в 1902 году. Помимо стремительного притока сельского населения из окружающих губерний, другим фактором роста процентной доли крестьян было исчезновение из более поздней статистики сословий нижних строевых чинов, большая часть которых и состояла из крестьянства. Так, в 1871 доля солдат в населении Москвы составляла 9%, и это та цифра, на которую потенциально могла увеличиться доля «неучтенных» крестьян. К тому же солдатских жён напрямую относили к крестьянству. В целом крестьяне на карте визуальны «выдавлены» из 1 и 2 поясов Москвы; а особенно много их было в промышленной юго-восточной части города (рис. 3). Доля крестьян в населении превышала 70% во 2-ой Лефортовской части, а также практически достигала или превышала 60% в 1-ой Хамовнической, 1-ой Лефортовской и Серпуховской частях, см. рис. 3.

Иностранцы (не российские подданные) составляли 1,3% населения города и тяготели к северной его части внутри нынешнего Садового кольца. В Мясницкой части их доля доходила до 3,8%, в Яузской – 3,3%, в Тверской 3,2%, в Сретенской 2,1%.

Таковой была картина расселения основных сословий в Москве в 1902 году (прочие непривилегированные сословия были крайне малочисленными для целей анализа). Рабочие, в интересах которых произошла революция 1917 г., не выделялись в виде сословной группы в переписях населения, но представляется крайне важным рассмотреть их размещение внутри города. В анализе итогов переписи 1902 г. отмечалось, что «наиболее свободными от рабочего населения являются Пречистенская и Арбатская части, 1 уч. Тверской, 3 уч. Мясницкой и 1 уч. Яузской частей, где отношение

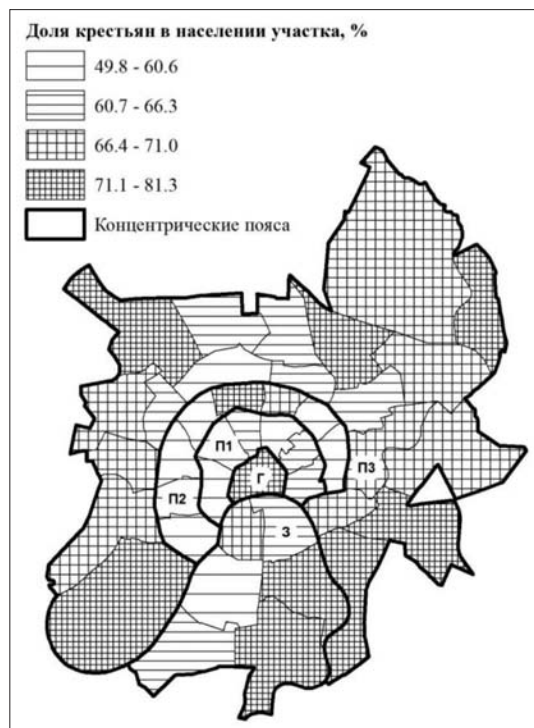

Рис. 3. Доля крестьян в населении участков, 1902 г.

на» [10, С. III]; эта фешенебельная часть города особенно привлекала потомственных и личных дворян, потомственных почётных граждан. Духовные, купцы и личные почётные граждане также предпочитали центр города в пределах Садового кольца. Мещане и цеховые селились неподалёку от кольца Садовых улиц, но чаще за его пределами, с особым тяготением к северо-западу и частично югу. И наконец, крестьяне жили на периферии города, особенно концентрируясь на юго-востоке, в промышленном «Ист-Энде» Москвы, продолжая лондонскую аналогию.

Рассмотрим теперь динамику расселения сословных групп в упрощённой пространственной системе центр-периферия. Под центром мы будем понимать Москву внутри Садовых улиц (Городская часть и оба окружающих её пояса), под периферией – территорию за Садовыми улицами и Якиманку. Индекс локализации наглядно показывает относительное доминирование социальной группы на территории в сравнении со среднегородским значением; величина 1,50 означает, что на данном участке доля сословия в полтора раза превышает показатель по всему урбанизированному ареалу.

их ко всему самодеятельному населению не превышает 22-30%». И наоборот, «наибольший процент рабочих среди самодеятельного населения дают окраины города и пригороды» [13, С. 55]. Таким образом, рабочие имели картину проживания в городе практически зеркальную тенденции расселения привилегированных сословий.

Исходя из вышеприведённых фактов, можно построить следующую типологию расселения сословных групп. Исследователь переписи 1871 года прямо отмечал, что «Пречистенская и Арбатская части – это Вест-Энд Лондо-

Интересная тенденция заключается в росте относительной концентрации дворянства (потомственного и личного), духовенства (чёрного и белого) и почётных граждан (потомственных и личных) в центре города. Так, индекс локализации дворян неуклонно рос с 1,34 в 1871 году до 1,66 в 1902 году, те же самые цифры по духовенству выглядят так: с 1,26 до 1,39, и по почётным гражданам показатель вырос с 1,38 до 1,51. Ещё более разительным был рост концентрации купцов, с 1,04 во время первой переписи населения до 1,56 в конце рассматриваемого периода. За те же тридцать лет относительное доминирование цеховых в центре города (1,17) сменилось на доминирование на периферии. Мещане в 1871 году имели чуть большую концентрацию в центре города, однако во время следующей переписи процент сравнялся, а начиная с 1897 года их доля на периферии Москвы стала чуть выше, чем в центре.

Таким образом, за тридцать лет в центре Москвы выросла удельная концентрация сословий, занятых нематериальным производством (управлением, государственной службой, отправлением религиозного культа, торговлей), осталось стабильной или даже немного упала доля городских обывателей и потомственных ремесленников. Это всё происходило на фоне огромного притока крестьянского населения, в основном за территорию за Садовым кольцом и в Замоскворечье. Исследователь переписи населения 1902 года отмечает, что «историческим ядром коренного населения Москвы являются почётные граждане с купцами и мещане с цеховыми, но громадный прилив в столицу крестьян все больше и больше превращает Москву в крестьянский город» [3, С. 22].

Теперь сопоставим взаимное расположение сословных групп на территории города используя статистические методы. Коэффициент корреляции применительно к территориальной статистике позволяет сопоставить пространственное размещение интересующих социальных групп. Значение его варьирует от 1 до -1 и показывает степень взаимосвязи двух рядов показателей, от полностью тождественной пространственной картины размещения до противоположной, нулевое значение характеризует полное отсутствие связи между явлениями.

В 1902 году доля потомственных дворян по полицейским участкам значимо коррелировала с долей потомственных почётных граждан на уровне 0,789 и с долей личных почётных граждан на уровне 0,619 (в 1882 году – 0,492 и 0,493). Оно и понятно – почётные граждане подобно дворянам селились в самом центре города. Вместе с тем, расселение крестьянства в городе было практически противоположным дворянству, корреляция -0,791 (-0,740 в 1882 году). Неудивительно, что распространение крестьянства в городе

имело только значимые отрицательные коэффициенты корреляции – помимо потомственных дворян, с личными дворянами (-0,701; -0,755 в 1882 году), также с потомственными и личными почётными гражданами (-0,844 и -0,873; -0,524 и -0,611 в 1882 году), духовными (-0,454; -0,590 с белым духовенством в 1882 году) и купцами (-0,501). Расселение мещан положительно коррелировало с цеховыми (0,511). Таким образом, налицо тенденция постепенного пространственного «сплочения» привилегированных сословий вместе, и их одновременное «отдаление» от крестьянства за 20 рассмотренных лет между переписями населения.

Индекс концентрации (Дельта) характеризует пространственную неравномерность расселения социальной группы по участкам города, варьируя от 0 до 1. В нашем случае крестьянство демонстрировало самое низкое значение индекса (0,260), а иностранцы – самое высокое (0,459), за ними следовали потомственные дворяне (0,437), купцы (0,425) и потомственные почётные граждане (0,423). Выводы очевидны: в то время как крестьянство было повсеместно, привилегированные сословия концентрировались в полицейских частях центральной Москвы.

В данной работе мы проанализировали пространственное размещение сословных групп Москвы за период с конца XIX по начало XX века, то есть в эпоху промышленного и экономического роста страны, которая была хорошо задокументирована официальной статистикой. Вскоре последовавшая Первая мировая война принесла бедствия народу и хозяйству, а революция 1917 года и Гражданская война и вовсе отменили сословия и перевернули пирамиду социальной стратификации вверх ногами. Тем интереснее сейчас анализировать сложившийся социальный ландшафт города накануне великих потрясений.

Несмотря на некую размытость определения сословий и её волатильность со временем, можно констатировать наличие общих и явных тенденций расселения сословных групп в дореволюционной Москве.

Центр Москвы в современном понимании, территория внутри Садового кольца, был излюбленным местом проживания дворянства, почётных граждан, духовенства и купечества, а также иностранцев. За Садовым кольцом численно доминировали крестьяне; мещане селились относительно равномерно по территории города. Статистический анализ подтверждает, что элитные сословия и крестьянство имели диаметрально противоположные тенденции расселения внутри города. Более того, со временем происходило цементирование центрального расселения привилегированных (и некоторых городских) сословий на фоне быстрого размывания городской идентичности пришлым крестьянством на периферии Москвы.

Между прочим, дихотомия центр – окраина (с Садовым кольцом в качестве разделяющей границы) не потеряла актуальности и в настоящее время. И сейчас Москва является огромным центром притяжения рабочей силы со всей страны, и приезжие оседают на доступной окраине города, а не в плотно заселённом и дорогом его центре. Извечное тяготение высших слоёв общества к престижному центру города даже не исчезает под воздействием отрицательных факторов перегруженности, шума и плохой экологии. Таким образом, даже произошедшие в XX веке социально-экономические и политические пертурбации не смогли размыть веками складывающуюся привлекательность городского центра, как это произошло, например, в Северной Америке. Москва в социальном смысле остаётся типичным европейским городом, выросшим вокруг своего исторического ядра.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас объектов культурного наследия (памятников истории культуры) города Москвы. Москва, 2008.
2. Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы 31 января 1902 г. Выпуск I. Общая численность населения Москвы и пригородов с распределением жителей по полу. Москва, 1902.
3. Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы 31 января 1902 г. Выпуск IV. Население по семейному состоянию и сословиям. Москва, 1904.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXIV. Город Москва. Тетрадь 1. Москва, 1901.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXIV. Город Москва. Тетрадь 2 и последняя. 1904.
6. Перепись Москвы 1882 года. Выпуск I. Квартиры и хозяйства. Москва, 1885.
7. Перепись Москвы 1882 года. Выпуск III. Население и занятия (по частям и участкам). Дополнение к данным I-го выпуска и таблицы увечных. Москва, 1886.
8. Перепись Москвы 1902 года. Часть 1. Население. Выпуск 1-й. Население по полу, возрасту, месторождению, продолжительности пребывания в Москве, семейному состоянию, сословиям, грамотности и степени образования. Москва, 1904.
9. Современное хозяйство города Москвы. Издание Московского городского управления под редакцией И. А. Вернера. Москва, 1913.
10. Сословия в древней и современной России, их положение и нужды. А. Плансон. Санкт-Петербург, 1899.
11. Статистические сведения о жителях г. Москвы по переписи 12 декабря 1871 года. Москва, 1874.
12. Статистический атлас города Москвы. Площадь Москвы, население и занятия. Москва, 1887.
13. Статистический атлас города Москвы. Выпуск второй. Владения, строения, квартиры и хозяйства. Москва, 1890.
14. Статистический атлас города Москвы. Территория, состав населения, грамотность и занятия. Москва, 1911.
15. Труды Московского городского статистического отдела. Выпуск четвёртый. Промышленные и торговые заведения Москвы. Москва, 1882.
16. Труды статистического отдела Московской Городской Управы. Выпуск I. Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы 6 марта 1912 года. Часть 1. Общие данные о населении, квартирах и владениях г. Москвы и пригородов. Москва, 1912.
17. Характеристика Москвы по переписи 1882 г. А. Чупрова. Москва, 1884.

* * * * *

УДК 94 (57)

Кальмина Лилия Владимировна

*доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения РАН
г. Улан-Удэ
kalminal@gmail.com*

ТРАНССИБИРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ КАК РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РОЛЕЙ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ ГОРОДОВ

Транссибирская железнодорожная магистраль изменила экономический статус забайкальских городов, но не все они оказались готовы к новой роли.

Ключевые слова: экономический статус, железнодорожная магистраль, торговый центр, ярмарочная торговля, политика протекционизма, торговый оборот.

Kalmina Lilia Vladimirovna

*doctor of historical sciences, associate professor, leading researcher
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude
kalminal@gmail.com*

TRANS-SIBERIAN RAILWAY AS THE MANAGER OF TRANSBAIKAL REGION CITIES ECONOMIC ACTIVITIES

Transsiberian Railway changed Transbaikalian Region cities economic status, not all of them being ready for the current situation.

Keywords: economic status, railway, trading center, market sales, policy of protectionism, trading turnover.

На первый взгляд, предмета для статьи просто нет. Совершенно ясно, что города, через которые прошла железнодорожная магистраль, получили стимул для развития; те, кого она миновала, его утратили. Однако не все так однозначно. Шанс, который дала городам железная дорога, нужно было грамотно использовать. Само

по себе расположение «у дороги» еще не гарантировало экономического процветания, и оказавшиеся вдоль магистрали населенные пункты порой диаметрально противоположно реагировали на выпавший им счастливый случай. Сложившиеся за долгие годы стереотипы развития забайкальского городского экономического пространства сломать оказалось непросто: во второй половине XIX в. каждый из забайкальских городов уже прочно занял свою нишу, играя в экономической структуре региона отведенную ему роль. Попытаемся рассмотреть обозначенный тезис на примере двух забайкальских городов – Верхнеудинска и Кяхты, еще в XVIII в. приобретших статус крупных торговых центров.

«Наиболее торговый город в Сибири...»

В справочной литературе Верхнеудинск оценивался как «наиболее торговый» город в Восточной Сибири [31, С. 338]. Даже на пороге XX в. торговля была главным занятием городского населения: сборы за промыслы и торговые свидетельства в 1899 г. составили 1139 руб. 90 коп., тогда как сборы с патентов на заводы – 846 руб. 75 коп [5, Л. 14-15]. В связи с падением оборотов Иркутской ярмарки из-за развития прямых коммерческих связей иркутских купцов с московскими, варшавскими и заграничными фирмами Верхнеудинск, длительное время бывший своеобразным перевалочным пунктом, откуда шли пути в Нерчинск, Кяхту, Селенгинск [16, С. 53], приобрел важное торговое значение. Верхнеудинская ярмарка, одна из самых крупных в Восточной Сибири, вышла на первые роли в формировании торговых связей региона и стала главным распределителем товарных потоков. Здесь сосредоточивался рынок сбыта китайских товаров и продукции Западного Забайкалья.

Иркутск продолжал «питать» ярмарку товарами, играя по отношению к Забайкалью роль оптово-распределительного центра. Торговая инициатива Верхнеудинска сковывалась промежуточным положением между Иркутском и Кяхтой, державшими в своих руках торговлю с Китаем и часть внутренней торговли Западного Забайкалья. Некоторые грузы из Кяхты, минуя Верхнеудинск, шли прямо к Байкалу [10, С. 88]. Тем не менее, Верхнеудинск стал одним из узловых межрегиональных ярмарочных центров, связанных с общероссийскими ярмарками и местами пограничной торговли, вокруг которых выстраивались «ярмарочные цепочки» более мелких сезонных и специализированных ярмарок [30, С. 135-136].

Хотя обороты Верхнеудинской ярмарки были неровными, колеблясь то в ту, то в другую сторону, тенденция к их росту четко просматривалась. Всего с 1863 по 1900 гг. они выросли в пять раз, уже в 1879 г. превысив 2 млн. руб. [23, С. 286; 1, Л. 10]. Но даже

и эти цифры преуменьшены. Оптовые торговцы уклонялись от подачи сведений о привезенных и проданных товарах или занижали их для снижения подоходного налога. В отчете Городской управы о ярмарке 1886 г. отмечалось, что «главные оптовые торговцы в доставленных ими в городскую управу сведениях показали об обороте своей торговли на половину менее против действительного произведенного ими оборота» [2, Л. 42].

На протяжении многих лет ярмарка оставалась главной составляющей верхнеудинской экономики, формировавшей торговое «лицо» города, его брендом. Именно она была основой его благополучия, с ней связывались перспективы его дальнейшего развития. Судьба ярмарки и неразрывно соединенная с ней судьба города выдвигались в качестве решающего аргумента при защите городских интересов. Обосновывая в ходатайстве перед Приамурским генерал-губернатором А.Н. Корфом и Министерством путей сообщения необходимость проведения Транссибирской магистрали через город, Городская управа отмечала: «В Верхнеудинске, оставшемся в стороне от железной дороги, всякая торговля падет, ярмарка уничтожится; город рухнет и обратится в [...] жалкую захолустную деревню» [3, Л. 2]. Чтобы впечатлить министерство растущей экономической ролью города, Городская дума не нашла другого способа как озвучить объем ярмарочных оборотов. В предполагаемом строительстве в городе железнодорожной станции городская власть видела, прежде всего, средство «увеличения торговых оборотов Верхнеудинских годовых вообще и ярмарочных в особенности» и способ «не дать упасть ярмарке» [4, Л. 18].

Однако проведение железнодорожной магистрали через город, который в наибольшей степени связывал свои перспективы с ярмаркой, сыграло с ним злую шутку. Обороты ярмарки сразу резко упали: в 1901 г. они едва достигли 580 тыс. руб. Представители крупных фирм приезжали уже не столько для закупки товаров, сколько для окончания расчетов прежних лет [24, С. 193]. Доходы верхнеудинцев от сдачи в аренду приезжим квартир и магазинов, достигавшие во время ярмарки 50 тыс. руб., после проведения магистрали сократились более чем наполовину [8, Л. 3]. Большие каменные магазины, специально выстроенные для отдачи в наем на время ярмарки, пустовали.

Упадок ярмарочной торговли отчасти объясняется тем, что с появлением рельсового пути упростилось приобретение товаров из первых рук. Отпала необходимость закупать товары на целый год, Нижегородская и Ирбитская ярмарки перестали играть главные роли в снабжении Забайкалья мануфактурой, одеждой, готовым платьем. Крупные оптовики предпочитали покупать товары в Мо-

скве, торговцы с менее значительным капиталом заключали сделки с оптовыми складами, открывшимися во многих городах вдоль железной дороги, в том числе в Верхнеудинске.

Между тем, оказавшись в очень выгодном положении – на пересечении железнодорожной магистрали, судоходной Селенги и трактов на Кяхту и Баргузин, в центре густонаселенного и хлебородного района, – Верхнеудинск стал крупнейшим в Забайкалье экономическим центром и транспортным узлом. К городу закономерно перешла роль торгово-распределительного центра, снабжавшего Западное Забайкалье всеми привозными товарами, а также функции сборщика сырья из Забайкалья и частично Монголии. Верхнеудинск концентрировал все излишки сельскохозяйственной продукции с тяготеющего к нему ареала. Его географическое положение, ресурсы окружающего района питали городскую торговлю, в том числе ярмарку, которая продолжала действовать и после проведения железной дороги. В 1902 г. на ней было продано мануфактуры на 240850 руб., бакалейных товаров – на 78444 и чая – на 35712 руб. [25, С. 178]. Более того, в 1903 г. в городе была учреждена вторая ярмарка, на которой шел торг товарами для осеннего и зимнего сезонов. Обе ярмарки давали оборот около 1,5 млн. руб. [26, С. 261].

Несмотря на благоприятные условия, сложившиеся для города с проведением Транссибирской магистрали, и его возросшую экономическую роль, статус Верхнеудинска, изменился мало, и город получил гораздо меньше того, на что рассчитывал. По «табели о рангах» сибирских городов он оставался городом второго плана. «Угнетенный» ранее Иркутском и Кяхтой, он, в свою очередь, оказался «зажатым» между Иркутском и «лихорадочно-прогрессивно», с «американской быстротой» растущей Читой [17, С. 527] и проигрывал центру Забайкальской области по всем параметрам. Население его с 1897 по 1904 гг. выросло лишь на 15% – с 8086 до 10297 чел., в то время как население Читы за это же время увеличилось с 11511 до 41098 чел., то есть в 3,5 раза, а в 1912 г. достигло 70 тыс. чел. Соединившись железной дорогой с миром, Чита быстро пошла в гору и в торгово-промышленном отношении. Городской бюджет с 84589 руб. 51 коп. в 1897 г. вырос до 551313 руб. 11 коп. в 1912 г. [19, С. 2-3; 18, Вед. № 5; 8, Л. 55].

«Второстепенность» Верхнеудинска отчетливо проявилась в его безуспешных попытках открыть отделение Государственного банка. В начале XX в. здесь существовало только отделение Русско-Китайского банка, проценты по кредиту в котором были столь высоки, что реально воспользоваться им мало кто мог. Между тем, во время ярмарки город испытывал потребности в де-

шевом кредите, вследствие чего на время ее проведения открывалось временное Верхнеудинское отделение Госбанка. После проведения железнодорожной магистрали город еще более нуждался в кредитных средствах – не только для выдачи ссуд торгующим, но и, выражаясь современным языком, для создания новых рабочих мест потерявшим доходы от падения объемов ярмарочной торговли и сворачивания извоза. В многочисленных ходатайствах городские власти для придания городу значимости отчаянно лукавили в цифрах, «доведа» к 1906 г. население города до 25 тыс. (однодневная перепись 7 октября 1907 г. показала только 14,5 тыс.) [6, Л. 12; 7, Л. 51]. Однако это не сработало. С подачи Приамурского генерал-губернатора Н.Н. Гродекова министр финансов В.Н. Коковцов «вполне разделил» выраженное им мнение «об отсутствии достаточных оснований к приведению сей меры в исполнение». А Госбанк письмом от 24 октября 1906 г. поставил точку в четырехлетней переписке. Мотивировав отказ тем, что «в Империи имеется еще много пунктов, которые по торговому своему значению ощущают более настоятельную необходимость в открытии Банка» [6, Л. 11, 20], Госбанк подчеркнул провинциальность Верхнеудинска и его место в глазах официального Петербурга. Для города это было тем обиднее, что в Чите отделение Госбанка существовало.

Свою дальнейшую судьбу Верхнеудинск продолжал связывать с ярмаркой. Докладная записка Верхнеудинской городской управы в Министерство путей сообщения, датированная мартом 1908 г., полна тревоги по поводу падения значения ярмарки и доходности от сдачи в наем квартир и магазинов на время ее проведения, наблюдавшегося с прокладкой линии Забайкальской железной дороги. Добиваясь перевода из Читы в Верхнеудинск Управления Забайкальской железной дороги и железнодорожных мастерских, город пустил в ход излюбленный аргумент о необходимости сохранения ярмарки, которая может «поднять экономическое положение города» [8, Л. 3]. В случае успеха городская власть видела не столько повышение промышленного потенциала города, сколько рост числа платежеспособных потребителей, которые смогут «подкормить» городскую торговлю.

Обретя спасение от незавидной судьбы городов, оказавшихся в стороне от магистрали и постепенно пришедших в упадок, получив прекрасный шанс кардинальным образом изменить свою «линию жизни», Верхнеудинск воспользовался им слабо. Инерция мышления региональной власти и предпринимательских кругов не позволила увидеть иные, кроме «ярмарочных», перспективы для городской экономики.

«Ворота для чайной торговли»

В ряду забайкальских городов особняком стояла Кяхта (Троицкосавск) со своим статусом чисто торгового поселения, не имевшего аналогов в Восточной Сибири. До середины XIX в. она была центром русско-китайской торговли, основу которой составлял чай: кяхтинская чайная торговля обеспечивала все население Сибири вплоть до Тюмени. К началу 1840-х гг. ее торговый оборот превысил 16 млн. руб., в середине XIX в. в Кяхте вели операции 58 русских торговых фирм и компаний [29, С. 40; 15, С. 118]. Как центр русско-китайского товарообмена город имел общероссийскую значимость.

Симптомы застоя в кяхтинской торговле стали очевидны задолго до проведения Транссибирской магистрали – в середине XIX в. Это было связано с расширением нелегального торгового оборота вдоль русско-китайской границы, принявшего широкие масштабы, и установлением торговых связей Китая с европейскими странами, после чего сбыт русских товаров, вымениваемых китайцами на чай, резко сократился. Россия была вынуждена ответить разрешением торговли через Кяхту за деньги, по вольным ценам, и ввозом чая в страну морем, чтобы пресечь контрабандную экспансию Англии, незаконно в огромных количествах ввозившую чай в Россию.

Доставка чайных грузов морским путем подорвала монопольное положение Кяхты, которая до 1862 г. находилась в самых благоприятных условиях, созданных политикой правительственного протекционизма. Признавая значение кяхтинской торговли, правительство продолжало искусственно поддерживать ее разницей пошлин, чтобы покрыть стоимость провоза. Но даже с применением административных мер поддержки провоз морем оставался более выгодным. Если в 1862 г. через Кяхту было привезено 1.358.5800 фунтов чая, а морем – 9.713.820 фунтов, то в 1869 г. соответственно 6.488.880 и 22.959.952 фунтов [11].

В 1870-е гг. обороты кяхтинской торговли стали заметно уменьшаться из-за отмены покровительственной системы исключительного права на продажу в России чая, привозимого через Кяхту, с запрещением его доставки морем. Тем не менее, вплоть до конца XIX в. коренных изменений в кяхтинской торговле не произошло, и город оставался главными «воротами» для чайной торговли, особенно дешевыми сортами плиточного и зеленого чая. Более того, ввоз китайских товаров даже в 1890-е гг. имел тенденцию к росту, а Кяхта оставалась городом с заметной торговой функцией, где просто изменился ассортимент товаров, участвовавших в торговом обороте, и уменьшились прибыли торговцев.

Железная дорога сыграла поистине разрушительную роль в ее судьбе. С открытием непрерывного рельсового сообщения от Хань-коу до Москвы провозная плата 4,97 руб. за пуд чая – намного меньше, чем при его доставке привычным гужевым способом через Кяхту – была установлена теперь на всем огромном расстоянии [21, С. 42]. Кяхта осталась далеко в стороне от великого чайного пути и как центр чайной торговли просто перестала существовать. За период с 1900 по 1908 гг. количество чая, провозимого через Кяхту, сократилось с 1129 тысяч до 109, 9 тысяч пудов, т.е. в 10, 3 раза [27, С. 132]. Отныне город был только местом небольшой торговли с Монголией, откуда в обмен на русские промышленные товары (мануфактура, металлоизделия, мыло, свечи, спички и хлеб) поступали скот, кожи, шерсть. Торговый обмен был практически односторонним, так как ввоз монгольских товаров был в семь раз больше, чем вывоз русских товаров в Монголию [14, С. 81]. Несмотря на обилие природных богатств и сельхозсырья, баланс внешней торговли был пассивным, причем пассивность эта росла с каждым пятилетием. Кяхта (Троицкосавск) находилась в полной зависимости от Монголии, которая в значительной степени влияла на благосостояние города: Кяхта отапливалась монгольскими дровами, фуражировалась монгольским сеном, питалась монгольским мясом, которое давало «пищу» городским скотобойням [12, С. 28]. Однако рискнуть своими капиталами для оживления «монгольской» торговли и сохранить таким способом торговое значение города кяхтинское купечество не решилось.

Предполагаемое строительство Кяхтинской ветки железной дороги, которая у Верхнеудинска должна была соединиться с Забайкальской железной дорогой с перспективой проведения ее через Монголию до Пекина [8, Л. 49-51], могло реанимировать кяхтинскую торговлю. По крайней мере, с этим строительством связывались надежды на возрождение и будущий громадный рост Кяхты [26, С. 9-10], а кяхтинское купечество, обеспокоенное потерей городом статуса центра чайной торговли после начала доставки чая морем и по железной дороге, считало ее проведение панацеей для укрепления экономики края. Строительство ветки предполагало не только успешную конкуренцию с другими странами в экспорте в Монголию мануфактуры, которая утратила на монгольском рынке свое положение после падения ввоза чая через Кяхту, но и полное вытеснение с монгольского рынка мануфактуры нероссийского производства, последующее установление монополии на ввоз туда металлоизделий и домашней утвари, а также прочное обоснование там русских золотопромышленников. Предполагавшаяся серьезная работа в этом направлении оказала существенное влияние на

структуру русского экспорта, в котором наметилась явная тенденция к увеличению потока в Монголию промышленных товаров. За период с 1911 по 1914 гг. вывоз мануфактуры через Кяхтинскую таможню возрос с 83,3 до 379, 5 тыс. руб. [28, С. 186]. Однако, на наш взгляд, реанимация чайной торговли через Кяхту не была главной целью проведения новой железнодорожной ветки, а, скорее всего, таковой цели и вовсе не было. Морской путь доставки был более выгодным и дешевым, да и железнодорожное сообщение позволяло снабжать Россию чаем без дополнительных затрат. Истинной целью будущего строительства было усиление позиций империи в Центральной Азии.

Вновь возросшее значение Кяхты, рост ее торговых оборотов и влияния на русско-монгольскую торговлю были больше обусловлены существованием льготного тарифа для торговли чаем и некоторыми другими товарами и разрешением транзита через Кяхту – из уважения к былым заслугам города. Но его оживление, поддерживаемое административными мерами за счет создания искусственных преград для торговли на других участках русско-монгольской границы, не могло продолжаться долго.

Исследователи и путешественники каждый по-своему прогнозировали будущее забайкальских городов в связи с проведением Транссибирской магистрали. Если В. Долгоруков пребывал в уверенности, что «положение при судоходной реке Селенге... на главном сухопутном тракте от Иркутска на Амур и в настоящее время – на линии великого сибирского железнодорожного пути – делает Верхнеудинск значительным торговым центром Забайкалья и в будущем обещает еще большее развитие его» [13, С. 206], то А. Виноградов не разделял его оптимизма, предсказав снижение роли Верхнеудинской ярмарки, которая была главной составляющей городской экономики. «Теперь же с проведением железной дороги и «нашествием» коммивояжеров московских и лодзинских фирм ярмарка с каждым годом все более падает, обороты ее значительно уменьшаются. Можно с достоверностью предположить, что в очень недалеком будущем, когда окончится постройка Великого сибирского пути и [...] когда проезд из Верхнеудинска в Иркутск займет лишь несколько часов, верхнеудинская ярмарка потеряет окончательно свое значение и весьма вероятно совершенно прекратится» [9, С. 185]. Относительно последующей судьбы Кяхты сомнений ни у кого не оставалось. «Железная дорога одновременно убила Кяхту и сделала Верхнеудинск независимым от Иркутска торговым центром», к которому тяготели забайкальские города, – впоследствии оценил роль Транссиба в судьбе забайкальских городов В. Воробьев [10, С. 88].

К этой меткой оценке можно добавить немного. При всей пагубности роли Транссибирской магистрали для судьбы Кяхты, которая оказалась в стороне от трассы, кяхтинскую торговлю в не меньшей степени «убили» медлительность и дороговизна доставки товаров, которые в условиях формирования капиталистических отношений делали ее анахронизмом. Организация кяхтинской торговли, по сути, представляла собой монополию феодального типа [22, С. 220], сосредоточившуюся в руках узкой группы «чайных миллионеров» – крупных кяхтинских купцов, сколотивших на торговле чаем целые состояния. «Атавизм восточно-деспотического мышления» [20, С. 21], для которого законы рынка были не писаны, кяхтинская торговля так и не смогла вписаться в структуру капиталистических отношений. Что касается Верхнеудинска, то его выгодное положение в самом сердце Забайкальского участка железной дороги поначалу не было полноценно использовано. Только стратегические планы империи по экономическому завоеванию центральноазиатского пространства, в которых городу предназначалась немаловажная роль не просто транзитного пункта идущих за границу товаров, но и промышленного центра экономического плацдарма для реализации честолюбивых планов империи, потребовали отношения к нему как «точке экономического роста» и формирования соответствующей этому статусу экономической инфраструктуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 236.
2. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 520.
3. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 577.
4. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1038.
5. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1493.
6. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1684.
7. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2124.
8. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2256.
9. Виноградов А. В дальних краях. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнарв и Ко, 1901. 332 с.
10. Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркутск. кн. изд-во, 1959. 146 с.
11. Восточное обозрение. 1885. № 28.
12. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. 277 с.
13. Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатским владениям России. Томск: тип. Г.В. Прейсман и Н.Я. Беляева, 1899.
14. Дружинина А.В. Развитие торговли уездных, безуездных городов Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX – начале XX вв. // Сибирский город XVIII – начала XX веков: Сб. статей. Вып. V. Иркутск: Оттиск, 2005. С. 77-89.
15. Евдокимова С.В. Город завидной судьбы (к 275-летию г. Кяхты) // Вестник Бурятского университета. История. Серия 4. Вып. 6. Улан-Удэ, 2003. С. 115-126.
16. Евдокимова С.В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII – XIX вв. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2007. 248 с.

17. Календарь-справочник по Восточной Сибири на 1911 г. Иркутск: тип. И.П. Казанцева, 1911. XXIV, 600, XVI с.
18. Обзор Забайкальской области за 1904 год. Чита: Типография Забайкальского Областного Правления, 1905.
19. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXIV. Забайкальская область. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1904.
20. Петров А.М. Российская империя и внешняя торговля зарубежной Азии // Зарубежный восток: вопросы торговли с Россией. М.: ВЛ РАН, 2000.
21. Пронин В.И. Сибирь в составе Всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897-1917 гг.). Новосибирск: НГПУ, 1999. 89 с.
22. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск: Издательство Томского ун-та, 1975. 325 с.
23. Санжиев Г.Л., Санжиева Е.Г. Бурятия. История. XVII – XIX вв. Вып. 4. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 1999. 354 с.
24. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 г. Томск: изд. Ф.П. Романова, б.г.
25. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1905 год. Томск: изд. Ф.П. Романова, 1905.
26. Солдатов В. Железнодорожные поселки по Забайкальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. Вып. II. СПб., 1912. Т.V. Ч. 1. 327 с.
27. Старцев А.В. Кяхта и ее роль в русско-монгольской торговле второй половины XIX – начала XX в. // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII – XX вв. Сб. науч. трудов. Новосибирск: РИПЭЛ, 2005. С. 128-136.
28. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2003. 308 с.
29. Хохлов А.Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е годы XVIII в. – середина XIX в. // Бурятия XVII – начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы. Сб. научных трудов. Новосибирск: «Наука», Сиб. отд., 1989. С. 15-50.
30. Шахеров В.П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 256 с.
31. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: изд. Хоз. деп-та МВД, 1882. 442 с.

* * * * *

УДК 314(091); 314:93/94

Симонова Елена Викторовна
доктор исторических наук, профессор
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула
e-simonova@ya.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТУЛЬСКИХ ГОРОДОВ В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена движению населения и демографии горожан тульских городов в начале XX в. На основе обширных статистических данных выявляются тенденции городской демографии типичной для Центральной России губернии – Тульской в начале XX в. В статье предпринята попытка выявить сходство и отли-

чие в демографической истории тульских городов (слаборазвитых в экономическом отношении уездных и крупного промышленного – губернского центра) во второй половине XIX и начале XX в. на основе показателей рождаемости и смертности.

Ключевые слова: демография, города, рождаемость, смертность, Тульская губерния, урбанизация.

Simonova Elena Viktorovna

doctor of historical sciences, professor

Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy

Tula

e-simonova@ya.ru

THE DEMOGRAPHIC HISTORY OF THE TOWNS IN TULA REGION IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article deals with the migration and demography of the citizens from the towns of Tula region in the beginning of the XX century. Based on the statistics the tendencies of city demography for Tula region (guberniya) as a typical region Central Russia in the beginning of the XX century have been singled out. An attempt to educe similarities and difficulties in the demographic history of the towns in Tula region (poorly developed district towns and a big industrial town – the capital of the region) in the second half of the XIX century and the beginning of the XX century based on the data on the birth and death rates has been made.

Keywords: demography, towns, birth rate, death rate, Tula region (guberniya), urbanization.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №14-01-00383.

Начало XX столетия ознаменовалось рядом социальных катаклизмов, оказавших влияние на процесс урбанизации в России. Город во многом является «единицей измерения» этого процесса. Поэтому возникновение, развитие, расцвет или упадок города в конкретно-исторических условиях свидетельствует о развитии процесса урбанизации и является его характеристикой. К концу XIX в. процесс урбанизации развивался интенсивно. Этому способствовали темпы развития промышленного производства, деятельность органов самоуправления в образовательной и медицинской сферах, превращавших города как «административные центры» – в города «истинные» с экономической точки зрения. Одним из показателей их развития является демография.

Данная статья посвящена изучению тенденций городской демографической ситуации и движение населения в начале XX в. по материалам провинциальной губернии Центральной России – Тульской. Какие демографические изменения произошли в губернском, развитом промышленном центре и уездных городах? Произошли ли в демографических процессах начала XX в. изменения по сравнению с предшествующим периодом и какие факторы на них повлияли? Ответы на эти вопросы позволят представить динамику развития урбанизационного процесса в начале XX столетия. Источниковой базой статьи стали документы Государственного архива Тульской области, «Обзоры Тульской губернии», составленные на основе отчетов тульского губернатора, медико-санитарных отчеты тульских врачей, состоящих на службе городского самоуправления и др.

Важным фактором развития городов является их «людность», то есть количество проживающего населения, занимающегося городскими занятиями и приносящими городу доходы. Показатели людности во многом свидетельствуют о динамике развития города, и как следствие, о процессе урбанизации. Во второй половине XIX в. численность горожан губернского центра росла значительно быстрее по сравнению с уездными. За столетие население Тулы увеличилось в более чем в 3 раза. [58, С. 142; 1, С. 51; 56, С. 97; 52, С. 3; 57, С. 41; 15, С. 463; 22, С. 31, С. 59]. Во многом это объяснялось развивающейся промышленностью, ремеслом и торговлей в губернском центре. Однако можно выделить периоды скачков в увеличении населения и стагнации: первый всплеск замечен в период второй половины 30-х -40-е гг. (тульских горожан стало на 15634 человек больше с 1830 по 1837 г.), второй – в 1891 г. (с 1890 по 1891 г. население Тулы увеличилось на 13545 человек). Начало XX в. ознаменовалось поступательным увеличением горожан и всплеском 1908-1909 гг. (с 1907 на 1908 гг. – наблюдается увеличение горожан на 17688 человек). Если учесть, что естественная прибыль городского населения губернии (разница между количеством родившихся и умерших) составила в 1908 г. 1352 человека, то такой прирост населения можно объяснить объясняется только миграцией населения. В этот период наблюдается резкое увеличение количества работающих на оружейном и патронном заводах. В губернском центре проживала почти половина всего городского населения губернии. [53, С. 15; 37-51].

Динамика приращения численности населения в начале столетия несколько изменяется по сравнению со второй половиной XIX в. Так, например, в конце XIX в. устойчивая тенденция в уездах на приращение численности горожан проявлялась в Белеве и Епифани, практически никаких сдвигов в количественном приращении населения не наблюдалось в Богородицке, Веневе, Кра-

пивне, Новосили, слабые темпы приращения городского населения были в Одоеве, и только Ефремов демонстрировал высокие показатели «людности». Начало XX в. ознаменовалось выделением среди тульских уездных городов явных лидеров – Белева (увеличение населения с 10 000 до 16000 чел.), Ефремова (с 10000 до 15870 чел.), Каширы (с 5323 до 9040 чел.) и Одоева (с 6115 до 7515 чел.). Остальные города сохранили свою численность в диапазоне от 3000 до 6000 человек. Объясняется эта тенденция тем, что именно в этих городах в большей степени накапливалась «городская жизнь». Специфика притяжения у названных городов была различна: динамичность поступательного развития Белева была связана с торгово-ремесленной деятельностью, Ефремова – с оптовой торговлей сельскохозяйственной продукцией и благоприятным географическим расположением для транзитной торговли, Кашира попала в силу экономического притяжения Москвы и начала развивать торгово-ремесленную сферу. Все эти факторы создавали благоприятную хозяйственную среду для городских промыслов, играли градообразующую роль, способствовали увеличению численности населения. Темпы прироста населения в городах Тульской губернии были медленными и соразмерными обозначившейся тенденции конца XIX в. В таблицах 1 и 2 представлены количественные показатели приращения населения по отношению к предыдущему году. [37-51]. Таким образом, городское население губернии за 14 лет XX в. увеличилось примерно в 1,2–1,3 раза. По абсолютным показателям лидировал промышленный губернский центр.

Движение населения зависело не только от миграции населения, но и от демографических факторов: рождаемости и смертности горожан. Колебания рождаемости по месяцам в конце XIX века подтверждают стихийность этого процесса. Общестатистические данные по России свидетельствуют о том, что наибольшая рождаемость падает на январь, июль, октябрь, наименьшая на апрель, сентябрь, декабрь. Эти данные находят подтверждение и по Тульской губернии (как в городах, так и в сельской местности). Колебания объясняются бытовыми условиями, интенсивность которых в городах выражается не так резко, как в сельской местности. На резкие колебания брачности влияли религиозные праздники и посты, а вот следовавшие за ними колебания рождаемости были уже не столь резкими. Современники отмечали стихийный характер этого явления: «какой-либо правильности в рождаемости не наблюдается». Выявившаяся к концу XIX в. тенденция на формирование городской, отличной от сельской демографической модели поведения (сокращения количества браков, увеличение брачного возраста, сглаживание колебаний в показателях рождаемости по месяцам),

Таблица 1 – Темпы прироста населения в уездных городах в Тульской губернии

Годы	1890	1894	1895	1896	1897	1900	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Количество	62187	63607	63848	56215	57247	61115	62206	64105	64266	65590	66096	70172	71193	71887	73286	74178	74892	79042	78934
%	100	102	100,4	0,88	102	100%	102	103	100,2	102	100,7	106	101	102	102	101	101	105,5	99,8

Таблица 2 – Темпы прироста населения в Туле

Годы	1900	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Количество	109275	107789	109730	115713	116320	114097	113162	130850	121347	123649	126118	128556	131236	132678
%	100	98,6	102	105	100,5	107	99,2	115	93	102	102	102	102	101

Таблица 3 – Общее число родившихся в Туле с распределением по месяцам

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
1900	364	372	424	373	361	354	406	351	330	417	376	223
1901	378	406	457	379	352	337	330	321	380	445	308	362
1903	421	427	419	376	339	377	376	396	356	429	313	328
1905	478	428	425	382	312	434	372	307	320	478	461	364
1908	426	459	416	421	377	392	364	324	305	458	384	326
1912	442	421	461	322	338	316	369	300	312	389	332	355
1914	404	397	439	349	334	363	392	367	369	430	390	339
1915	461	407	409	339	287	333	298	305	277	334	280	321

наблюдается и в начале XX в. (см. таблицы 3,4,5). [37-51; 7, Л. 42, 44, 46, 48, 50, 52, 54, 56, 58, 60, 62; 9, Л. 204-213; 23, С. 15].

Налицо сокращение рождаемости по уездным городам в начале XX в. и еще большее сглаживание кривых колебаний по месяцам, что явно свидетельствует об устойчивости тенденции отхода от соблюдения религиозных требований в сексуальном поведении. При общей выраженной тенденции, колебания в сельской местности были более четко выражены и составляли разницу по месяцам в несколько сотен и тысяч человек. В городах же эта разница в показателях рождаемости между месяцами была не столь яркой. Горожане уже меньше зависели от церковно-религиозного фактора: городской образ жизни не устанавливал такую яркую зависимость рождаемости от хозяйственной деятельности горожан в отличие от крестьян и сезонности их полевых работ.

В самих городах среди населения также наблюдаются различия в рождаемости по сословному признаку. Основной прирост населения происходил за счет мещан и крестьян. При этом рождаемость в мещанском сословии с начала столетия постепенно и устойчиво сокращается (с 46,8% до 39,7%), тоже происходит купеческих семьях, а среди крестьян, живущих в городах, рождаемость увеличивается. Среди городского населения доля купцов в показателях рождаемости составляла от 1,2 до 0,1%, и этот показатель по сравнению с концом XIX в. заметно сократился, так как составлял ранее около 1%. Из данных приведенных в таблице 6 следует, что к концу XIX века естественный прирост населения происходил за счет мещанского и крестьянского сословий (см. таблицу 6) [37; 44; 46; 48; 49; 50; 51; 23, С. 17].

Рождаемость в губернском центре на протяжении XIX века практически не изменялась. При увеличении населения губернского города естественным было бы предположить рост браков и увеличение рождаемости, однако при расчете коэффициента рождаемости (на тысячу населения) по статистическим данным 40-90-х гг. XIX в. замечаем, что рождаемость в губернском городе была сопоставима с рождаемостью в уездных городах. При этом коэффициент рождаемости в Туле постепенно уменьшается. Наибольший прирост демонстрируют города сельскохозяйственного типа, горожане которых занимались сельскими промыслами (см. таблицу 7) [11, Л. 58; 31-36].

В первое десятилетие XX в. самый высокий коэффициент рождаемости зафиксирован в Черни и Ефремове. В Черни показатели рождаемости варьируются от 70 до 80 младенцев на 1000 населения, в Ефремове – от 72 до 84. В губернском центре показатель составил 40-43. Практически во всех городах наблюдается сокра-

щение данного показателя в 1910–1914 гг., в частности в Черни показатель сократился до 69-57, в Ефремове – до 56, в Туле – до 38-34. Рождаемость среди сельского населения была выше: за 1900–1914 гг. на селе наблюдался поступательный процесс увеличения показателей рождаемости над показателями смертности. В городах подобные показатели были не столь стабильны.

Среднегородские показатели были ниже общегубернских по коэффициенту рождаемости, однако по отдельным городам складывается другая картина. Так, например, Тула по своим показателям приближалась к губернским (в 1880 г. ее коэффициент равнялся 50, в 1885 г. – 48, в 1896 г. 49) и, например, в 1878 г. губернатор отмечал, что «наибольший прирост городского населения дает губернский город Тула». [25, С. 9]. Однако в первое десятилетие XX в. устойчивые показатели прироста рождаемости, большие чем Тула демонстрируют уездные центры – Венев, Ефремов, Новосиль, Чернь. Эти города были центрами земледельческих районов, в которых на демографическую модель поведения влияли традиции крестьянства. Показатели Тулы схожи с показателями Белева. В этих городах, с развивающимся ремеслом и торговлей, проявлялись тенденции формирования капиталистического, «истинного» города. В таких городах проявляется тенденция на сокращение рождаемости. Относительно устойчивые показатели рождаемости во многом были обусловлены присутствием в городе крестьянской частью населения. Но даже этот фактор не смог удержать относительно высокий для города показатель рождаемости и к 1914 г. рождаемость в этих городах начала уменьшаться [11, Л. 58; 26-51].

Особую категорию детей составляли незаконнорожденные. Данные по этой категории младенцев позволяют пролить свет на процесс накопления городского образа жизни. На протяжении XIX в. развивается тенденция на увеличение рождаемости незаконнорожденных. Например, в Туле по данным 1870-х гг. незаконнорожденные составляли примерно 10% от числа родившихся, в 1892 г. – уже 13% [13, Л. 38], а в 1899 г. приходилось 17 и в 1900 г. – 14 внебрачных детей на тысячу населения. Санитарный врач В.П. Грушецкий отмечал, что «число внебрачных детей в Туле значительное». [18, С. 172]. В эти же годы в Москве внебрачные дети составляли 27,1%, в Петербурге – 26,07%. Для Европейской России в целом официальная статистика указывала цифру 2,7%. То есть тульские цифры превышали общероссийские показатели. Во многих уездных городах губернии показатели по процентному соотношению внебрачных и законнорожденных детей сравнивались с тульскими показателями, а в иные годы их превосходили. Подобная тенденция сохранилась и в начале XX в. [31-51].

Таблица 4 – Распределение родившихся в городах Тульской губернии по месяцам

	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
1885	701	462	610	459	471	472	526	496	491	550	398	562
1908	307	347	335	274	309	276	275	322	371	372	368	268
1912	349	329	332	239	291	302	297	303	275	336	236	306

Таблица 5 – Распределение родившихся в уездах Тульской губернии по месяцам

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
1880	7612	6255	5471	5070	4716	5484	5998	5304	4716	5279	5613	3144
1885	7187	5266	5363	3970	4393	5399	5858	5264	5199	5959	3220	5021
1908	6963	7174	7428	5599	5586	6777	7249	6671	6664	7320	7086	6544
1912	7748	6841	6474	4777	5661	6228	7063	6348	6856	7085	4811	6469
1914	7521	6306	7067	5075	5027	5943	6359	5368	7079	6861	5895	4927

Таблица 6 – Сословная принадлежность рожденных в Туле в начале XX в.

Сословия	1900		1907		1909		1911		1912		1913		1914		1915	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мещане	2035	46,8	2269	44,9	1944	43,3	2094	45,5	1836	42,2	1731	40,8	1866	40,8	1607	39,7
Крестьяне	1692	38,9	2251	44,6	2209	49,2	2210	48	2211	50,7	2218	52,3	2240	48,9	1967	48,6
Цеховые	137	3,1	61	1,2	41	1,1	64	1,4	68	1,6	78	1,8	85	1,6	90	2,2
Военные	93	2,1	22	0,4	17	0,4	26	0,6	30	0,7	26	0,6	55	1,2	36	0,9
Дворяне	75	1,7	57	1,1	38	0,8	40	0,9	52	1,2	40	0,9	22	0,4	33	0,8
Духовные	27	0,6	42	0,8	30	0,7	30	0,7	35	0,8	25	0,6	40	0,8	22	0,5
Почетные граждане	81	1,9	72	1,4	58	1,3	59	1,3	54	1,2	56	1,3	52	1	45	1,1
Купцы	45	1	36	0,7	55	1,2	11	0,2	17	0,4	12	0,3	14	0,3	5	0,1
Чиновники	58	1,3	70	1,4	73	1,5	67	1,4	54	1,2	58	1,4	63	1,3	74	1,8
Неизвестны	105	2,4	178	3,5	25	0,5	0	0	0	0	0	0	173	3,7	172	4,3
Итого	4348	100	5058	100	4490	100	4601	100	4357	100	4244	100	4576	100	4051	100

Таблица 7 – Коэффициент рождаемости на 1000 населения

	1890	1895	1900	1903	1904	1905	1906	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Тула	51	50	43	43	42	41	46	37	40	38	38	36	34	36
Алексин	13	22	21	30	25	21	25	25	16	23	21	23	20	23
Белев	37	43	45	42	47	47	46	40	36	38	35	34	32	31
Богородицк	24	27	36	28	28	27	31	39	37	36	35	39	34	38
Венев	25	18	59	58	67	52	57	49	45	46	46	49	43	44
Епифань	20	24	15	17	16	12	13	12	16	12	14	12	11	12
Ефремов	36	45	84	80	66	83	73	81	79	79	72	63	56	56
Кашира	13	15	22	23	57	10	21	54	52	27	26	44	49	40
Крапивна	36	26	20	22	20	21	22	29	23	30	18	26	18	20
Новосиль	26	23	54	50	57	50	46	44	47	46	50	55	44	45
Одоев	27	25	25	20	21	20	36	18	23	17	19	18	18	17
Чернь	41	79	78	71	76	80	71	75	75	71	70	69	57	71

Во второй половине XIX в. наиболее типичным явлением связи вне брака с последующим рождением детей наблюдались в губернском центре – Туле и уездных городах Кашире, Ефремове, Одоеве, Белеве. Увеличение числа внебрачных детей наблюдается в конце века – в 90-е годы. Так, например, сравнивая средние показатели 80-х и 90-х гг. по рождаемости незаконнорожденных, получаем следующее: в Туле в 80-е гг. – 7,8%, в 90-е гг. – 9,45%, в Алексине соответственно – 2,4% и 4,3%, Кашире – 4% и 8%, Ефремове – 3,1% и 5,1%, Богородицке – 2,3% и 3,1%, Епифани – 1,6% и 2,7%. Только в Белеве и Черни наметилась тенденция на сокращение числа внебрачных рождений: соответственно 8,5% и 5,3%, а также – 4,9% и 2,8%. [31; 34]. По данным 1895 г., по губернии незаконнорожденные составляли 1,5% от числа родившихся, а по городам цифры выглядели следующим образом: Тула – 10%, Венев – 7,2%, Ефремов – 6,7%, Алексин – 6,4%, Белев – 6,1%, Одоев – 5,7%, Кашира – 5,2%, Богородицк – 2,7%, Епифань – 2,7% и Крапивна – 1%. [35, С. 4]. В начале XX в. выявляется новая тенденция: наблюдается устойчивое сокращение количества незаконнорожденных детей в Туле с 10 до 2% (особенно тенденция проявляется с 1910 г. на фоне сокращения коэффициента рождаемости), в Одоеве (с 1908 г.), в Ефремове (с 4,2 до 2,6%). Напротив, происходит увеличение показателя в Богородицке (с 4,8 до 5,4%), Черни (с 3,3 до 4,4%).

Среди сельского населения доля внебрачных детей в общем числе рожденных была значительно меньше и колебалась во второй половине XIX в. в пределах 1-1,5%, в начале XX – 0,5-0,7%. Так, например, в 1866 г. среднегородской показатель по Тульской губернии незаконнорожденных детей составлял 9,3%, то в уездах только 1,3% [6, Л. 30об-32], в 1870 г. – соответственно 6,8% и 1,4% [11, Л. 57], в 1900 г. – 7% и 0,7%, в 1903 – 7,7% и 0,5%, в 1905 – 7,4% и 0,5%, 1907 – 7,7% и 0,6%, 1910 – 3,1 и 0,7%, 1912 – 3,6% и 0,7%, 1914 – 2,6% и 0,5% [37; 40; 42; 44; 47; 49; 51]. Объяснить снижение рождаемости незаконнорожденных пока не представляется возможным. В городах внебрачная рождаемость была заметно выше, чем в сельской местности.

По данным тульского санитарного врача В.П. Грушецкого, который в 1899 г. составил статистику на 447 матерей внебрачных детей, 229 из них были прислугой (горничные, няньки, кухарки, сиделки, домохозяйки), что составляло 51%, в 1900 г. из 375 женщин – 204 работали прислугой (54%). По данным за 1899-1900 г. в Туле по известной сословной принадлежности матери незаконнорожденных детей были мещанками – 27% и крестьянками – 62% – 61,3% [20, С. 17, 36]. По данным обзора Тульской губернии за

1903 г. из 395 матерей незаконнорожденных детей, проживающих в Туле, 265 (67%) работали прислугой, 247 (62%) были крестьянками, 112 (28%) – мещанками, 8 (2%) – цеховыми, 4 (1%) – дворянками, 6 (1,5%) – из семей духовенства, 2 (0,5%) – из семей почетных граждан, 6 (1,5%) – чиновницами, 2 (0,5%) – купчихами, 8 (2%) – неизвестного сословия [20, С.26]. Таким образом, на внебрачные связи шли в основном представительницы низших сословий, бессемейные, зарабатывающие на пропитание работами по найму.

Городская рождаемость была связана с высокой смертностью. Смертность в России в целом в XIX – начале XX в. была высокой. По коэффициенту смертности различий между уездными городами и губернским центром не было [26-50].

Во второй половине XIX столетия развитие медицины, санитарного просвещения и деятельности городских самоуправлений по благоустройству городов повлияли на показатели смертности, которые медленно начинают понижаться. Однако, как показывает статистика начала XX в., эта тенденция в тульских городах оказалась неустойчивой: некоторое снижение смертности наблюдается в губернском центре, Белеве, Епифани, Одоеве, в остальных городах – показатели смертности были более высокие и варьировались от 80 до 40 (Ефремов), от 79 до 52 (Чернь), от 64 до 30 (Венев).

Таким образом, следует отметить, что если к концу XIX в. коэффициент смертности в Туле составлял в 90-е гг. – 42,5, по переписи в 1897 г. 34,5, в 1898 – 35,1, то за период 1900-1914 гг. этот показатель для Тулы составил 28,6. В уездных городах средние показатели в этот период также свидетельствовали о высоком уровне смертности, который постепенно снижался на рубеже XIX-XX вв. Так, например, в Белеве коэффициент смертности в 90-е гг. – 33,4, в 1900-1914 – 30,2; в Епифани соответственно 19,6 и 12,2; в Крапивне – 42,1 и 26,5; в Одоеве – 28,7 и 18,5. В ряде городов губернии этот показатель вырос: в Ефремове – соответственно 30,5 и 54; в Новосили – 27,2 и 28,7; в Кашире – 13,7 и 24,2; в Алексине – 18,9 и 22, Черни – 40,6 и 59,6. В целом тульские города начали приближаться к общероссийским показателям конца XIX в. (в Петербурге коэффициент смертности составлял 24,4 (1896 – 1900 гг.), в Москве – 25,7 (1892-1895), средний показатель для 50 губерний России за 1887-1896 гг. – 31,5 [53, С. 8].

В городах показатели смертности с небольшими колебаниями были сопоставимы с сельскими. Намечившаяся тенденция на снижение смертности в тульских городах к началу Первой мировой войны практически привела к сравнованию показателей смертности среди городского и сельского населения [11, 26-51; 54, С. 188].

Стабильность показателей превышения мужской смертности над женской во многом зависела от показателей губернского центра. При погодном рассмотрении мужской и женской смертности в уездных городах наблюдаем колебания то в одну, то в другую сторону. Динамика показателей смертности мужчин и женщин в начале XX в. столетия по сравнению со второй половиной XIX в. претерпевает изменения: проявляется тенденция на увеличение продолжительности жизни горожан в целом, и женщин, в частности [5, Л. 16об-17; 11, Л. 87об-90].

В губернском центре наблюдается стабильное превышение мужской смертности над женской. Мужчины в возрасте до 60 лет умирали чаще женщин, и только в последующие возрасты женская смертность сравнивается и начинает превышать мужскую. Эти показатели в принципе согласуются с проявившейся тенденцией второй половины XIX в. [25; 44; 51; 23].

Рассматривая причины высокой смертности в губернском центре, санитарные комиссии выявили, что наибольшая смертность и малая продолжительность жизни наблюдаются в частях города, населенных рабочими. В 1900 г. средние показатели за год по Туле составили 22,5 года, для мужчин 21,5 год, для женщин – 23,6 года. По частям города цифры распределились следующим образом: в первой для мужчин – 27,5 лет и женщин – 17,7 лет (общая средняя продолжительность жизни 27,6 лет), во второй части соответственно 18,7 и 25,8 лет (средняя – 22,5 года), в третьей – 18,1 и 24,8 лет (средняя – 21 год), в четвертой части – 14,4 и 20,2 (средняя – 17,2 лет). [23, С. 155] Третья и четвертые части в большей степени были заселены рабочими тульских заводов, мастерскими. Малая средняя продолжительность жизни зависела от многих факторов, среди которых видное место занимала высокая детская смертность среди горожан. Даже в начале XX в. исследователи отмечали, что «за последние 25-30 лет ... во всех государствах смертность сильно понизилась ... В России наоборот, по данным, относящимся в 1901 г., не только сравнительно с европейскими, но и со всеми государствами (исключая Мексику, где коэффициент достигает 30,4) принадлежит печальное первенство в смысле потери наибольшего числа младенцев в течение первого года их жизни сравнительно с числом родившихся в том же году, а именно на 100 живорожденных приходится 27,2 умерших на первом году жизни. Получается, что в России за все указанное выше время никакого уменьшения смертности не последовало» [17, С. IV].

Детская смертность в Тульской губернии была высока. [44; 48; 50; 51; 23]. Из младенцев, умерших в возрасте до 5 лет, наибольшая смертность приходится на возраст до 1 года. К концу XIX в.

ситуация с детской смертностью еще более усугубилась. В 1900 г. умерло 1744 мальчиков (52% от всех умерших) и 1585 девочек (47,2%). Смертность детей в возрасте до 1 года жизни составила в 1899 г. – 629 мальчиков и 496 девочек (34,3% от всех умерших), в 1900 г. – 620 мальчиков и 580 девочек (36%). В 1903 г. из 3124 умерших обоего пола 1362 были младенцами до 1 года, что составляло 42,5%, в 1914 г. – из 3216 умерших младенцев до года насчитывалось 905 человек (28,1%), в 1915 г. из 3506 умерших младенцев в возрасте до 1 года было 505 мальчиков и 381 девочек (в общей сложности 25% от всех умерших). Несмотря на то, что детская смертность была высока, к 1915 г. ее доля в общем показателе постепенно сокращается.

Высокая детская смертность была связана и с трудом и уровнем жизни родителей. Рассматривая данные санитарного врача Грушецкого, можно увидеть, что наименьший процент умирающих в детском возрасте наблюдался в 1-ой части города (58% в 1897 г. и 55,8% в 1898 г.) и больше всего в 4-ой части (73,4% в 1897 г. и 68,1% в 1898 г.). В более благоприятных условиях в отношении смертности находились 1-ая и 2-ая части (примерно 23%). Такая ситуация объяснялась тем, что рабочее население города размещалось главным образом в 3-ей и 4-ой частях города. Здесь детская смертность превалировала вследствие неблагоприятных условий жизни и недостаточного питания, «как грудного, так и вообще необходимого в первые годы жизни ребенка» [19, С. 17, 36]. Статистика 1899 и 1900 гг. подтверждает выводы из цифр 1897 и 1898 гг.: увеличение смертности происходит в частях города, где проживает рабочее население. Подобная динамика сохранялась и в 1901, и 1902 гг. Наибольшее количество детских смертей было в семьях самоварщиков, слесарей и заводских рабочих [22, С. 37]. Высокая смертность в рабочих кварталах была также связана с профессиональным трудом. Тульские санитарные врачи обратили свое внимание на тот факт, что среди рабочего населения большую цифру смертности дают семейства, где занимаются работами по металлу. Смертность среди таких семейств составляла в 1899 – 40%, в 1900 – 51,6% [19, С. 153]. В рабочих районах и среди взрослого населения смертность была больше. Такие цифры были характерными для Тулы, население которой занималось, главным образом, обработкой металлических изделий. В 1904 г. санитарным врачом В.П. Грушецким был проведен осмотр рабочих на 3 фабриках в количестве 126 человек: самоварной фабрики П.Ф. Капырзина – 70 человек, гармонного заведения братьев Киселевых – 16 человек, гармонного заведения Барымова – 40 человек. Основная масса рабочих были в возрасте

до 30 лет (84 рабочих). Среди них городские жители составляли 54%, крестьяне – 44,5%. Из 126 обследуемых рабочих 78 человек родились в городе, 48 – в деревне. На момент осмотра 65 были женаты, 58 холосты, 3 вдовы. 34 человека страдали болезнями легких («неразрешившееся воспаление легкого 1, бронхиальный катар 14, эмфизема легких 3, заметные вывихи в верхушках легких 9, не вполне разрешившийся плеврит 1») [21, С. 100-104].

Таким образом, на развитие демографических процессов в городах Тульской губернии оказывали влияние образ жизни, условия труда и направленность основных занятий жителей. Демографические процессы конца XIX – начала XX вв. свидетельствуют о тенденции увеличивающихся отличий городского и сельского образа жизни, выражавшегося в характеристиках рождаемости и смертности. В городах, как констатировалось в одном из отчетов, «число родившихся, умерших и бракосочетавшихся менее сельского. Это обстоятельство объясняется меньшим развитием в городах семейной жизни, что уменьшенная рождаемость влияет и на уменьшение смертности, особенно сильной между детьми преимущественно на первом году жизни» [29, С. 5]. Русская смертность была типичной для «земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношении стран, причем по исключительной высокой смертности в детском возрасте и исключительно низкой смертности в старческом возрасте Россия занимает особое место и среди аналогичных государств» [24, С. 179].

Тульские города по демографическим характеристикам все более отличаются от сельской местности, однако наиболее устойчивую динамику в этом отношении демонстрирует губернский центр. Тула по всем показателям (уменьшения рождаемости, увеличения мужской смертности, низкого естественного прироста) демонстрирует тип развивающегося капиталистического города. Уездные города демонстрируют некий промежуточный этап между селом и губернским центром, так как по многим средним городским показателям устойчивые отличия города от села проявляется за счет Тулы. Выявить резкие изменения в демографической истории тульских городов в начале XX в. по сравнению со второй половиной и концом XIX в. и обусловить их влиянием политических событий в ходе первой русской революции и последовавшей аграрной реформы не представляется возможным, за исключением одного явления – поступательного увеличения миграции населения из села в город. Привлекательными с точки зрения мигрантов являлись города, представляющие более широкие возможности для заработка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1852. Т.VI. Ч. 4. Тульская губерния. С.51 (1846).
2. Временник Центрального Статистического комитета Министерства Внутренних дел №26. Статистические данные о разводах и недействительных браках за 1867-1886 гг. (по епархиям Европейской России). СПб., 1893.
3. ГАТО. Ф.52. Оп.1. Д. 252.
4. ГАТО. Ф.52. Оп.1. Д. 939.
5. ГАТО. Ф.52. Оп.1. Д.59.
6. ГАТО. Ф.52. Оп.1. Д.73.
7. ГАТО. Ф.52. Оп.1. Д.842.
8. ГАТО. Ф.52. Оп.1. Д.971.
9. ГАТО. Ф.52. Оп.1. Д.939.
10. ГАТО. Ф. 90. Оп.1. Т. 15. Д.11477.
11. ГАТО. Ф. 90. Оп.1. Т.38. Д.31379.
12. ГАТО. Ф.90. Оп.1. Т.47. Д.40602.
13. ГАТО. Ф.445. Оп.5. Д. 46.
14. Георгиевский П. Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910, 1911 годах в Европейской России. СПб., 1914. С. IV.
15. Глаголев А. Исторические сведения о Туле // Журнал Министерства внутренних дел. Ч.19.Кн.2. СПб., 1836. С.463. (В эти сведения не включены оружейники).
16. Городские поселения в Российской империи. Т.5. Ч.1. СПб, 1865. С. 274-298.
17. Грушецкий В.П. Отчет санитарного врача 1 участка г. Тулы за 1900 г. Тула.
18. Грушецкий В.П. Отчет санитарного врача 1 участка г. Тулы за 1898 г. Тула, 1903. С. 172.
19. Грушецкий В.П. Отчет санитарного врача 1 участка г. Тулы за 1899-1900 гг. Тула, 1903. С. 17, 36.
20. Грушецкий В.П. Отчет санитарного врача 1 участка г. Тулы за 1903 г. Тула, 1904.
21. Грушецкий В.П. Отчет санитарного врача 1 участка г. Тулы за 1905 г. Тула, Б/г.
22. Медико-санитарный отчет врачей, состоящих на службе Тульского городского общественного управления за 1905 г. Тула, 1905. С. 31, 59.
23. Медико-санитарный отчет врачей, состоящих на службе Тульского городского общественного управления за 1915 г. Тула, 1916.
24. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С.179.
25. Обзор Тульской губернии за 1878 год. Приложение к всеподданнейшему отчету. Тула, 1879. С.9.
26. Обзор Тульской губернии за 1885 г. Тула, 1896.
27. Обзор Тульской губернии за 1886 г. Тула, 1897.
28. Обзор Тульской губернии за 1887 г. Тула, 1898.
29. Обзор Тульской губернии за 1888 г. Приложение к всеподданнейшему отчету. Тула, 1889. С.5.
30. Обзор Тульской губернии за 1889 г. Тула, 1890.
31. Обзор Тульской губернии за 1890 г. Тула, 1891.
32. Обзор Тульской губернии за 1891 г. Тула, 1892.
33. Обзор Тульской губернии за 1893 г. Тула, 1894.
34. Обзор Тульской губернии за 1894 г. Тула, 1895.
35. Обзор Тульской губернии за 1895 г. Тула, 1896.
36. Обзор Тульской губернии за 1896 г. Тула, 1897.
37. Обзор Тульской губернии за 1900 г. Тула, 1901.
38. Обзор Тульской губернии за 1901 г. Тула, 1902.
39. Обзор Тульской губернии за 1902 г. Тула, 1903.
40. Обзор Тульской губернии за 1903 г. Тула, 1904.

41. Обзор Тульской губернии за 1904 г. Тула, 1905.
42. Обзор Тульской губернии за 1905 г. Тула, 1906.
43. Обзор Тульской губернии за 1906 г. Тула, 1907.
44. Обзор Тульской губернии за 1907 г. Тула, 1908.
45. Обзор Тульской губернии за 1908 г. Тула, 1909.
46. Обзор Тульской губернии за 1909 г. Тула, 1910.
47. Обзор Тульской губернии за 1910 г. Тула, 1911.
48. Обзор Тульской губернии за 1911 г. Тула, 1912.
49. Обзор Тульской губернии за 1912 г. Тула, 1913.
50. Обзор Тульской губернии за 1913 г. Тула, 1914.
51. Обзор Тульской губернии за 1914 г. Тула, 1915.
52. Памятная книжка Тульской губернии на 1894 год. Отд.VII. с.3 (1892).
53. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под ред. Н.А. Тройницкого. XLIV. Тульская губерния, 1904.
54. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). М., 1956. С. 188.
55. Смидович В.И. Материалы для описания г. Тулы. Санитарный и экономический очерк. Тула, 1880. С.112.
56. Статистический Временник Российской империи. СПб., 1866. С.97.
57. Тула по переписи 29 ноября 1891. Тула, 1895. С. 41 (1865, 1891).
58. Тульские губернские ведомости. 1841. 25 октября. №42. Ч. неофиц. С.142. (1790, 1840).

РАЗДЕЛ 4.

СОВЕТСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ

УДК 94(47).084.3

Жиromская Валентина Борисовна

*доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Руководитель Центра истории территории и населения России
Институт российской истории Российской академии наук
Председатель Научного совета РАН по исторической демографии
и исторической географии
г. Москва
zhyromskaya@yandex.ru*

РОЛЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ВОССТАНОВЛЕНИИ ГОРОДОВ КАК ЦЕНТРОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ В ПЕРИОД НЭПА

Статья посвящена роли торгового и промышленного предпринимательства в прекращении процесса дезурбанизации и экономического и социального восстановления городов в России в период новой экономической политики

Ключевые слова: предпринимательство, урбанизация, российский город, экономическое возрождение, новая экономическая политика

Zhiromskaya Valentina Borisovna

*doctor of historical sciences, professor, leading researcher
head of the Center for the history of the territory and population of Russia
Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences
chairman of the Scientific Council of RAS on historical demography
and historical geography
Moscow
zhyromskaya@yandex.ru*

THE ROLE OF ENTREPRENEURSHIP IN THE RESTORATION OF CITIES AS CENTERS OF TRADE AND INDUSTRY IN THE PERIOD OF NEP

The article reveals the role of trade and industrial enterprises in the termination process deurbanization and economic and social recovery of cities in Russia in the period of new economic policy.

Keywords: entrepreneurship, urbanization, city, economic revival, the new economic policy.

В восстановлении городов большую роль сыграло в годы нэпа возрождение торгового и промышленного предпринимательства, быстро развернувшееся несмотря на жесткие рамки «ограниченного допущения частного капитала».

Специфика городского предпринимательства, масштабы его деятельности и источники накопления капитала в 1921–1925 гг. определялись объективными условиями нэпа и регулирующей политикой Советского государства.

Данные о предпринимателях того времени свидетельствуют о том, что их значительная часть состояла из лиц, занимавшихся предпринимательской деятельностью до Октября 1917 г., а также связанных с этими предпринимателями служащих.

Этот вывод подтверждается данными об аренде промышленных и прочих предприятий в Петрограде в 1921–1922 гг., из общего количества которых 31,6% был сдан бывшим владельцам, 21,0% другим «частникам» (по терминологии того времени), остальные предприятия – трудовым артелям и госучреждениям [6]. Следовательно, среди арендаторов предприятий преобладали их прежние владельцы. Не изменилось положение и к концу 1923 г., – по наблюдениям И.Я. Трифонова, прежние хозяева составляли уже половину арендаторов [10].

Необходимо также иметь в виду, что часть служащих, занявшихся предпринимательством, также в прошлом были владельцами предприятий, арендаторами и торговцами. В период с 1918 по 1921 г. они находились в связи с действовавшим тогда законом о всеобщей трудовой повинности на службе в советских учреждениях и даже на государственных предприятиях. Отмена этого закона в начале нэпа побудила их вернуться к предпринимательству. Некоторые из них изменили сферу деятельности, и, безусловно, не все они признались в своем прежнем социальном положении и предпочитали фигурировать в качестве служащих. С учетом этих «служащих» можно сказать, что прежние хозяева имели большой удельный вес среди «нэпманов», колебавшийся в зависимости от рода занятий от 30 до 50% [8].

Источником формирования слоя предпринимателей являлись также обогащавшиеся ремесленники и кустари. Так, в 1922 г. в Петрограде предприниматели, занятые в торговле, на 13,4% состояли из бывших кустарей и ремесленников [8].

Предприниматели в период нэпа развивали деятельность не только частных торговых и промышленных предприятий, но были задействованы в концессиях, торговом посредничестве, акционерных обществах и т. д. Правда, в начале 1920-х гг. концессионная форма была слабо развита. Тогда было заключено всего 18 договоров

с иностранными фирмами, но восемь из них оказались нежизнеспособными. Эти первые договоры заключались в торговле, горной промышленности, транспорте и связи. В дальнейшем количество таких договоров возросло, но широкого развития они так и не получили.

Гораздо активнее складывалась арендная форма предпринимательства. В соответствии с постановлением X Всероссийской Конференции РКП (б) и декретом Совнаркома РСФСР об условиях аренды частными лицами предприятий, подведомственных ВСНХ, в течение 1921 – 1922 гг. было сдано до 97,7% всех намеченных к этому предприятий. Общее количество арендованных предприятий в стране за эти два года составило свыше 4 тыс., а количество рабочих на них – 63,3 тыс. человек [6]. Это были в основном мелкие заведения пищевой, кожевенной промышленности, мастерские по выделке металлических изделий, небольшие типографии, но встречались и средние, и даже крупные предприятия.

В первые годы нэпа количество арендаторов увеличивалось довольно быстро.

Не имея хорошо налаженной и разветвленной государственной торговой сети, советское государство вынуждено было на первых порах прибегать к посредничеству частного капитала в сфере сбыта промышленной продукции. Поэтому комиссионерство также получило определенное распространение.

В первые годы нэпа развиваются в городах и частновладельческие предприятия. В соответствии с советским законодательством о кустарной и мелкой промышленности (1921 г.) значительная часть мелких заведений была денационализирована.

Частные предприятия были, как правило, мелкими, слабо оснащенными техникой. В погоне за прибылью хозяева часто прибегали к нарушениям трудового законодательства: не соблюдали правила охраны труда, применяли труд малолетних. Рабочий день частую длился от 10 до 14 часов. О таких случаях неоднократно сообщала газета «Труд», на страницах которой было приведено, в частности, типичное заявление хозяина-предпринимателя: «Мы не принуждаем рабочих к восьмичасовому рабочему дню, так как они связаны с крестьянством и определенные часы работы им неудобны, поэтому рабочие работают сколько хотят». На предприятии этого «заботливого» хозяина рабочие трудились «по своему желанию» по 16 и 18 часов в сутки [11]. В результате чрезмерной трудовой нагрузки частные предприниматели добивались более высоких показателей производительности. Например, в Москве в частных мелких заведениях выработка на рабочего составляла по 5,3 тыс. руб. в год, а в целом по промышленности – только 3,3 тыс. [5]. Однако при этом происходило истощение рабочей силы. В

основе лежало нежелание обзаводиться техникой из-за недоверия предпринимателя к новой власти, неуверенность в стабильности собственного положения и, как следствие, нежелание вкладывать средства в техническое оснащение производства.

В связи с нарушениями трудового законодательства в 1921 г. были зарегистрированы 92 забастовки рабочих частных промышленных предприятий [3].

Уже к концу 1921 г. государство начало вести борьбу с нарушителями трудового законодательства, на частных предприятиях начали действовать профсоюзы. В 1922 г. среди осужденных за нарушение правил о труде частных хозяев насчитывалось 73% [4].

Сфера деятельности предпринимателей в городах была разнообразной. Фактически они присутствовали во всех сферах городского хозяйства.

Небольшая часть предпринимателей владела фабриками и заводами, в том числе арендными и концессионными. Таких хозяев было 1,8% всех городских предпринимателей страны и 1,3% – Европейской России. Им принадлежали в основном мелкие и средние заведения. Крупных с числом рабочих более 500 было только 2, средних – с числом рабочих от 50 до 500 – уже 72 [2]. Мелкие же частные предприятия, активно развивающие городское хозяйство, насчитывались тысячами. Фабриканты и владельцы заводов имели самый высокий удельный вес среди предпринимателей в городах ЦПР, где он в 2–4 раза больше, чем в других местах. Так, в Москве существовало предприятие с 697 рабочими. Из 72 средних заведений, действовавших в городах Европейской России, 50 приходилось также на ЦПР, в том числе в Ярославле с 431 рабочим, во Владимире – со 174, а в Нижнем Новгороде – со 137 рабочими. В городах других районов крупных частных предприятий вовсе не существовало, да и средних было немного: в Ленинградско-Карельском их насчитывалось 9 (в том числе заводы «Фаянс» и Невский гвоздильный с числом рабочих соответственно 48 и 44 человек; деревообделочная фабрика «Нева» с 62 рабочими и фабрика «Шерсть» с 50 рабочими), на Средней Волге – 5, а в ЦЧР их вовсе не было.

Как правило, предприятия насчитывали от 30 до 50 рабочих. Учитывая недостаток в послевоенной России оборудования и зданий для крупных предприятий, нельзя недооценивать значения небольших промышленных заведений. Они активно заполняли нишу товарного производства, прежде всего остро необходимых населению товаров легкой и пищевой промышленности.

Итак, фабриканты и заводчики с самого начала были немногочисленной группой городских предпринимателей, а сфера их деятельности была весьма ограниченной и связана главным образом

с производством предметов широкого потребления. Зато здесь они играли большую роль.

Всего охотнее предприниматели вкладывали свои капиталы в торговлю ввиду их быстрой оборачиваемости и получения в связи с этим высокой прибыли. В первые годы нэпа твердая политика государственных цен еще не сложилась и предприниматели, пользуясь «товарным голодом», вздували цены на предметы широкого потребления. Кроме того, товарообмен, который должен был ограничивать инициативу частника, не оправдал себя на практике. Уже летом 1921 г. он перерос в товарно-денежные отношения, которые привели к расширению сферы частной торговли, как розничной, так и оптовой.

В 1923 году торговцы составляли 57% от всех предпринимателей в городах Европейской России. Среди них 53,8% было занято в розничной торговле, остальные 46,1 в оптовой [2].

1923 год был временем усиленного роста промышленной продукции при общем отставании государственной и кооперативной торговой сети и слабой емкости потребительского рынка, ограничивающегося преимущественно городскими поселениями. Необходимо было приблизить торговый аппарат к деревне, которая в условиях неустойчивой валюты взял бы на себя роль проводника промышленной продукции для деревенского рынка. Выполнить эту функцию тогда мог только более гибкий и легче приспособляющийся к условиям рынка частный аппарат. В сфере торговли соотношение отдельных секторов было таково: 77,1% – частный, 18,4% – кооперативный, 4,5% – государственный [5]. Повсюду в городах Европейской России торговцы были самой многочисленной, особенно в Ленинградско-Карельском районе, группой предпринимателей, где ее удельный вес среди «нэпманов» достигал почти 70%.

Чрезвычайно велик был удельный вес частного предпринимательства в розничной торговле, где оно было по сути бесконтрольным и быстро наращивало капиталы: 98% базарных точек и 70% постоянных розничных предприятий принадлежало частным лицам [4; 5].

И хотя не обходилось без спекуляций и биржевых махинаций, частное предпринимательство сыграло большую роль в налаживании товарообмена, что способствовало реанимированию городской экономики.

Довольно многочисленной группой были владельцы мелких кустарно-ремесленных заведений. Их насчитывалось в городах СССР почти 15 тыс., причем половина их приходилась на Европейскую Россию, где они составляли 20% от всех предпринимателей [2]. Эта сфера деятельности привлекала «нэпманов» потому, что трудно было осуществлять государственный контроль за прибылями, а возмож-

ность эксплуатации кустарей и ремесленников, особенно надомников, была практически неограниченной. Особенно высок их удельный вес в городах ЦПР. Там и в Ленинградско-Карельском районе преобладали хлебопекарни, портновские и особенно слесарные мастерские. В ЦЧР и Средне-Волжском районе наряду с сапожными мастерскими и хлебопекарнями было немало частных мельниц, что объяснялось преобладанием зернового хозяйства в этих районах. Такие города, как Калуга, Пенза, Кострома, где была слабо развита промышленность, выделялись довольно значительным количеством частных предприятий по обработке металла – кузниц, слесарен и т. д. Гораздо меньше предпринимателей (10%) было занято в огороднических и садоводческих хозяйствах на городских окраинах (и не только на окраинах). Незначительные группы предпринимателей составляли подрядчики строительных работ – 400 человек на все города Европейской России, хозяева-извозопромышленники, владельцы частных учебных и прочих заведений [2]. При этом следует отметить, что ранее весьма распространенные частные учебные заведения в связи с разворачивающейся реформой образования были слабо развиты – владельцев таких заведений в городах Европейской России всего 48 человек. Так называемая трудовая школа была общедоступной, а свидетельства и дипломы частных школ и пансионов не котировались, их учащиеся и преподаватели подозревались в нелояльности к новой власти.

В начале 1920-х гг. сохранялась, хотя и небольшая, группа хозяев – владельцев увеселительных заведений – небольших театров, музыкальных салонов, кинематографов и т.д.

К концу восстановительного периода наметились некоторые изменения в развитии предпринимательства. Предприниматели продолжали увеличивать свою численность. Основные сферы предпринимательской деятельности в городах Европейской России остались прежними, но соотношение их несколько изменилось. Оставаясь самой крупной группой предпринимателей, торговцы еще более увеличили свою численность. Однако их удельный вес среди предпринимателей понизился. Это было связано с насильственным свертыванием частной торговли и вытеснением ее (отнюдь не экономическими мерами) из таких сфер как закупка сырья, заготовки. Если в РСФСР в 1924/25 гг. государственные закупки сырья составили 261,7 млн руб., то в 1926/27 гг. – уже 448,4 млн.

По регионам торговцы дали небольшой численный прирост в городах, а по удельному весу – сокращение в Ленинградско-Карельском. В городах ЦПР рост их удельного веса составил лишь 0,5%, т. е. фактически остался без изменения [1]. В крупных городах ЦПР и Ленинградско-Карельского тенденция сокращения

удельного веса торговцев-предпринимателей прослеживается с конца 1924 г. Происходит падение оборотов частного капитала на Московской товарной бирже на 15%. Удельный же вес его в общем биржевом обороте снизился с 20 до 6,7%, в то время как удельный вес кооперации возрос с 6,4 до 28,3%. На Ленинградской бирже частные сделки составили всего 9,8% общего оборота. В 1925 г. удельный вес частной клиентуры в общем обороте Спичечного треста определялся в 0,9 против 2,8% в 1924 г., по Кожтресту – соответственно 0,9 и 0,9%, Швейному тресту – 0,2 и 0,7%, сбыту текстиля – 9,9 и 11,8% [3; 5].

Зато в ЦЧР и в Поволжье они все еще сохранили высокие темпы роста, увеличив свой удельный вес. Так, в городах Татарии по частным сделкам в декабре 1924 г. прошло 84% реализации всего текстиля, 28% металла, а по продаже сырья – 56% [1].

Фабриканты и владельцы заводов увеличили свою численность, особенно в городах Средней Волги. Здесь прирост их составил 225%. В то же время в ЦПР эта группа «нэпманов» стала меньше почти 7%. Но при этом повсеместно повышение ее доли в населении фактически прекратилось, даже в городах самого высокого прироста – на Средней Волге. В ЦПР же удельный вес фабрикантов и владельцев заводов сократился в 2 раза. Рост государственной промышленности оказывал сдерживающее влияние на развитие частной промышленности. Однако вытеснение «частника» происходило прежде всего внеэкономическим путем, как и в торговле. Государственные предприятия имели многочисленные льготы, на многие сферы промышленной деятельности для частника вводился прямой запрет, периодически проводились экспроприации под тем или иным предлогом. Частный капитал развивался быстро даже в стесненных условиях, однако ограничительная политика власти привела к тому, что, хотя и медленно, но валовая продукция частника в ценовой промышленности РСФСР начала сокращаться от 1925/26 к 1926/27 г. на 0,3 – а среднегодовое количество рабочих частных предприятиях на 0,9% [9].

Из сферы ценовой промышленности и торговли произошло перемещение частного капитала в ремесленно-кустарную промышленность, где его труднее было контролировать. Абсолютная численность хозяев кустарно-ремесленных заведений выросла на 143,5%. По-прежнему после торговцев они составляли самую значительную часть предпринимателей. Так, в ЦПР прирост хозяев кустарно-ремесленных заведений от 1923 к 1925 г. составил 115,5%. В его главном городе – столице Москве в первом полугодии 1925/26 г. число кустарно-ремесленных заведений выросло по сравнению со вторым полугодием 1924/25 г. на 217%, по числу занятых лиц – на 154%, а по валовому обороту – на 200% [1].

Кроме кустарно-ремесленных заведений, «нэпманы» стали вкладывать свои капиталы в сельскохозяйственное производство, особенно в индустриально развитых районах. Численность хозяев-предпринимателей увеличилась на 145%, а в индустриальных районах – на 250,5%. Такая ситуация в индустриальных районах сложилась потому, что кустарно-промышленным заведениям было труднее конкурировать с государственной промышленностью и строже был контроль за ними, чем в ЦЧР и на Средней Волге, поэтому предприниматели вкладывали свои капиталы все в большем объеме в сельскохозяйственное производство. Этому способствовала и высокая прибыльность огородничества и садоводства, снабжавших своей продукцией большие города. В менее развитых районах, где ощущался острее недостаток товаров широкого потребления, предприниматели предпочитали кустарно-ремесленную промышленность [1].

Другие группы предпринимателей (извозопромышленники, подрядчики строительных работ) сократили и без того свой небольшой удельный вес, а последние – и абсолютную численность. Всесоюзная перепись населения 1926 г. уже не зафиксировала хозяев частных учебных заведений, а доля «прочих» хозяев снизилась до ничтожно малого числа.

Хотелось бы остановиться еще на одной, весьма специфической черте развития предпринимательства в городах 1920-х гг. Необходимо отметить, что в условиях активного вытеснения «буржуазных элементов посредством последовательно классовой политики» пролетарского государства внеэкономическими и откровенно административными мерами возникло такое явление как «мимикрия» (своего рода маскировка) частного капитала. Об этом неоднократно писала центральная печать того времени [7].

Самой распространенной формой мимикрии, которая получила развитие на этом этапе были лжекооперативы. По данным Ю. Ларина, к 1926 гг. они составляли не менее 2/3 всей производственной кооперации [4]. И. Мингулин приводит примеры лжекооперативов в Москве, где в 1925 г. под крылышком кустпрома («Объединение кустарных артелей и промышленных предприятий») работали несколько крупных дельцов [5]. Обследование Московской строительной трудовой кооперации (1925 г.) выявило ее сплошной частновладельческий характер. Предприниматели-подрядчики под угрозой увольнения заставляли рабочих заполнять заявления о вступлении в артель и выходе из профсоюза.

На основании таких договоров с рабочими подрядчики пользовались льготами в получении кредитов, снабжении сырьем и материалами со стороны госорганов, налоговыми льготами и пр.

Частные предприниматели, вытесняемые с рынка, стремились всеми способами удержаться, маскируя названия своих фирм под государственные и кооперативные предприятия. Например, в противовес Мосторгу возник частный «Галманторг», что означало «Галантерея и мануфактурная торговля» [12]. Иногда в этих целях хозяева фирм прибегали к частой смене названий. Распространена была и форма фиктивного представительства, когда предприниматель разворачивал в центре свою торговую деятельность под видом или от имени какой-либо провинциальной артели.

«Нэпманы» использовали выборку патента на подставное лицо, систему негласного участия в предприятии в качестве компаньона и др.

Советские государственные органы вели беспощадную борьбу со всеми видами подпольной деятельности частного капитала, о чем свидетельствуют судебные процессы тех лет. Таким образом было ускорено вытеснение частного капитала из городских экономических и социальных структур.

Итак, на протяжении всего восстановительного периода частный капитал успешно и быстро развивался в городах, несмотря на жесткие меры государственной ограничительной политики. Он охватывал практически все сферы городской жизни способствовал восстановлению экономики городов и городского хозяйства. При этом неуверенность в стабильности своего положения привела к стремлению частного капитала уйти именно в наименее контролируемые сферы деятельности и к применению уродливых форм существования. Следует отметить и тот факт, что частные владельцы стремились получить максимальные прибыли в кратчайшие сроки и шли для этого на любые меры: укрывались от оплаты налогов, скрывали доходы, жестоко эксплуатировали рабочих, в том числе малолетних, нарушили законы об охране труда, занимались хищениями.

Для восстановления городов и нормализации урбанизационных процессов потенциал частного предпринимательства был далеко не полно использован. Причиной вытеснения частного капитала был страх госорганов перед его быстрым развитием и высокой конкурентной способностью. Следует также отметить негативное отношение к частному предпринимательству широких слоев населения, видевших в его существовании оскорбление революционных идеалов, за которые они еще так недавно боролись, и угрозу достигнутому выравниванию стартовых возможностей разных социальных групп.

Однако хотелось бы подчеркнуть, что развитие предпринимательства в тот период в значительной мере прекратило дезурбанизацию и запустение городов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М. 1928. Т. 19. 767 с.; М. 1929. Т. 26. С. 452.
2. Итоги Всесоюзная городская перепись 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. М. 1924. Т. 20, ч. 2. вып. 1. 534 с.; вып. 3. 392 с.; М. 1927. ч. 3. вып. 1. 229 с.
3. Копалкин В.М. Частная промышленность СССР. М. 1927. 44 с.
4. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М., 1927. 234 с.
5. Мингулин И.Г. Пути развития частного капитала. М.-Л., 1927. 164 с.
6. Народное хозяйство России за 1921-1922 гг. М., 1923. 609 с.
7. Правда. 1925. 3 янв.
8. Стариков А.И. К социально-экономической характеристике частника // Вопросы торговли. 1929. № 15. С. 61-82.
9. Статистика и народное хозяйство. М., 1928. Вып. 2. 409 с.
10. Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960. 229 с.
11. Труд. 1923. 6 января.
12. Фабричный А. Частный капитал на пороге пятилетки. М. 1939. 55 с.

* * * * *

УДК 947.083/.088(-2) (571.6)

Власов Сергей Александрович

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН
г. Владивосток
vlasov54@bk.ru*

УРБАНИЗАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Исследован процесс урбанизации на Дальнем Востоке России, который проходил в несколько этапов. Наиболее успешным был период 1950–1980-х гг., когда увеличилось количество городов, за счет миграции и естественного прироста значительно выросла численность горожан, повысился их уровень жизни. Дальневосточные города стали важным фактором социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: урбанизация, индустриализация, миграция, развитие городов, жилищно-гражданское строительство.

Vlasov Sergey Alexandrovich

*candidate of historical science, senior research fellow
Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far
East
Far-eastern branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok
vlasov54@bk.ru*

URBANIZATION IN THE FAR EAST OF RUSSIA
IN HISTORICAL RETROSPECT

Urbanization in the Far East of Russia took place in several stages. The most successful was the period 1950–1980 years, when the number of cities increased, due to migration and natural increase significantly increased the number of citizens, improve their standard of living. Far Eastern cities became an important factor of social and economic development of the region.

Keywords: urbanization, industrialization, migration, urban development of cities, house and civil building.

Урбанизация – это общемировая тенденция, связанная с процессом повышения роли городов в развитии общества, охватывающим изменения в экономике, социальной сфере, культуре, образе жизни населения. Россия не могла остаться вне этого процесса, однако вплоть до середины XIX она являлась аграрной страной, удельный вес горожан не выходил за пределы 10–12% всего населения [15, С. 72], роль городов (за исключением Петербурга и Москвы) в развитии страны была не велика. Фактически урбанизация началась в нашей стране во второй половине XIX в., что было связано с социально-экономическими реформами 1860–1870-х гг. Причем урбанизация, начавшаяся в России, охватила всю страну, в том числе и такие отдаленные окраины, как Дальний Восток.

Урбанизации совпала с процессом расширения территории России, когда в её состав вошли новые земли на востоке – Приамурье и Уссурийский край, которые стали российскими после заключения с Китаем Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров. Вхождение новых территорий вызвало необходимость их ускоренного заселения и освоения.

С 1858 г. на Дальнем Востоке появляются новые поселения, которые достаточно быстро получают статус городов, хотя по своим характеристикам таковыми не являлись. Города на Дальнем Востоке возникали как военные посты, затем (или одновременно) им придавался административный статус, и лишь потом «наращивались» экономико-хозяйственные, социальные, культурные и прочие функции. При этом главным субъектом градообразования являлось государство. Внешнеполитические, административные факторы были доминирующими в образовании и становлении городов на протяжении длительного времени, включая весь дореволюционный период (вторая половина XIX и начало XX в.). В последующем эта тенденция немного изменилась, но роль государства (административного фактора) в образовании городов, осталась главенствующей.

Урбанизация, начавшись в России во второй половине XIX в. продолжилась на протяжении всего XX в., но наиболее интенсивно она осуществлялась во второй его половине, когда осуществился исторический переход от сельского, патриархального, аграрного общества к городскому и индустриальному. С середины XX в. большинство населения нашей страны стало жить в городах, в 1970 г. доля городского населения составила 56,3% [4, С. 88].

Специфика российской урбанизации состояла в размытии культурных стандартов и наполнении городского образа жизни несвойственными ему стереотипами сельского общения и социального поведения. Быстрый рост и концентрация городского населения в выборочных точках огромной страны, формирование широкой сети городских поселений заметно опережали процессы адаптации вчерашних сельских жителей к городскому образу жизни, усвоение ими городской культуры, новой системы ценностей. Городской рост не был достаточно подкреплён как экономическими возможностями, так социальной политикой государства [2, С. 53]. Все эти процессы проявились и на Дальнем Востоке, где города создавались практически на ровном месте, без каких-либо традиций, устоев, а городское население формировалось преимущественно за счёт сельских мигрантов.

В середине XIX в. городское население на Дальнем Востоке было очень малочисленным – 27,6% тыс. чел. (менее 1% жителей). В конце века ситуация изменилась. По данным переписи 1897 г. в Приморской области горожане составляли 22,7%, в Амурской – 28%. Всего на Дальнем Востоке насчитывалось десять официально утверждённых городов, но их население было сосредоточено преимущественно в трёх из них: Благовещенске – 32,6 тыс. чел., Владивостоке – 29 тыс. Хабаровске – 15 тыс. [17, С. 67, 68, 70].

Для Дальнего Востока характерным было наличие, прежде всего на севере региона, городов-сел (Петропавловск-Камчатский, Охотск, Александровск-Сахалинский). Эти поселения лишь по статусу были городами, население в них не превышало 5 тыс. чел. Однако, поскольку они выполняли важные военно-административные функции, а сельское хозяйство не было основным занятием населения, они официально считались городами. В конце XIX в. 43% дальневосточных городов относились к городам-селам (до 5 тыс. жителей), 57% – к малым (от 5 до 20 тыс.) и средним (от 20 до 100 тыс.) городам [18, С. 18]. Больших городов с населением свыше 100 тыс. на Дальнем Востоке не было.

В начале XX в. городское население региона увеличилось, что было вызвано ускоренным развитием промышленности, транспорта, торговли. В 1906 г. все население Дальнего Востока составило

482 тыс. чел., в городах проживало 134 тыс. или 28%. В 1914 г. численность населения возросла до 968 тыс. чел., в том числе в городах – до 324 тыс., или до 33,5%, т.е. его удельный вес вырос на 5,5% [9, С. 152]. Увеличение городского населения осуществлялось главным образом за счёт механического прироста. К 1917 г. уже только немногим более 22% дальневосточных городов относились к категории городов-сел, 33% – к малым городам и 44% – к средним городам. Численность одного из них – Владивостока – приблизилась к категории больших, по переписи 1916 г. в нем проживало 97,5 тыс. чел. [5, С. 77].

Следующий этап в урбанизационном развитии Дальнего Востока был связан с индустриализацией, развернувшейся в регионе с конца 1920-х гг. Накануне индустриализации по переписи 1926 г. городское население было преимущественно сосредоточено в следующих городах: во Владивостоке проживало 108 тыс. чел., в Благовещенске – 61 тыс., в Хабаровске – 50 тыс., Никольск-Уссурийском – 35 тыс., в Спасске-Дальнем – 11 тыс. [7, С. 109]. За годы индустриализации население городов увеличилось, с 289,6 тыс. чел. в 1926 г. до 941,9 тыс. чел. к началу 1937 г., т.е. в 3,2 раза. В результате удельный вес горожан в составе Дальневосточного края вырос с 27,9% в 1923 г. до 41,2% на 1 января 1937 г. [10, С. 24].

Примечательно, что наибольший рост наблюдался в тех городах, где создавались промышленные предприятия, и привлекалась рабочая сила из других районов страны, т.е. рост городского населения происходил главным образом за счёт механического движения населения. За 1928–1937 гг. на Дальний Восток прибыло 725,3 тыс. так называемых «промпереселенцев», естественный прирост за этот период составил только 324,4 тыс. чел. [10, С. 25].

В годы индустриализации главным субъектом в образовании городов по-прежнему оставалось государство, однако главным градообразующим фактором становится не столько военно-оборонные и административные обстоятельства, сколько хозяйственное и промышленное развитие Дальнего Востока. Так в годы сталинской индустриализации появляются города с ярко выраженной хозяйственно-экономической функцией. Самым ярким примером стало строительство Комсомольска-на-Амуре, который создавался с 1932 г. как промышленный центр Дальнего Востока.

За годы индустриализации увеличилось количество городов, но их качественные характеристики не всегда соответствовали статусу города. В 1937 г. городом стал Биробиджан, в 1938 г. – Артем, Бикин, Лесозаводск, Облучье, Оха, в 1939 г. – Магадан, в январе 1941 г. – Советская Гавань. Практически все они были большими поселками с одним-двумя градообразующими предприятиями, без

развитой социальной инфраструктуры, застроенными одно-двух-этажными домами без коммунальных удобств.

Примечательно, что за годы индустриализации лишь два города перешли в разряд средних городов, их общая численность достигла четырех, (рост населения с 155 тыс. до 254 тыс.). В тоже время число малых городов возросло с 43 до 53, (рост населения с 261 тыс. до 599 тыс.) [1, С. 49]. Два города Владивосток и Хабаровск перешли из разряда средних городов в группу больших и крупных городов. В Хабаровске за годы индустриализации были созданы новые промышленные предприятия, а Владивосток увеличил свое населения за счет развития порта и создания в нем военно-морской базы Тихоокеанского флота с сопутствующей инфраструктурой.

По данным Всесоюзной переписи 1939 г. население Дальнего Востока составляло 2 млн. 562 тыс. чел., из них 1 млн. 273 тыс. проживало в городах и 1 млн. 289 тыс. в сельской местности [8, С. 24]. Численность сельского населения лишь на 16 тыс. превышала городское. Фактически здесь был паритет – 50 на 50.

Особенностью форсированной индустриализации явилась односторонняя урбанизация, пренебрежение к потребностям человека в городе, социальной среде, к решению городских проблем. Городское население не соответствовало таковому по уровню образования и культуры, характеру труда, потребностям в проведении досуга и т.д. Вчерашний крестьянин не мог моментально превратиться в горожанина. Качество городской среды, разнообразие видов услуг, досуговой инфраструктуры также не соответствовало нормам, присущим городам европейской части страны. Недостаточное развитие социальной сферы, нехватка жилья, низкий уровень благоустройства городской среды, неразвитость культурно-досуговой инфраструктуры – все это было характерно для подавляющего большинства городов Дальнего Востока, включая такие крупные, как Владивосток и Хабаровск.

В послевоенные годы на Дальнем Востоке происходит количественный рост городов, который во многом носил искусственный характер. Многие населенные пункты получали статус города, что называется «на вырост». В 1946–1959 гг. было образовано 24 новых города. Этот количественный рост был достигнут в основном за счет Сахалина, где в первые послевоенные годы 15 населенных пунктов получили статус города. Во многом это было сделано с расчетом на перспективу. Включение Южного Сахалина в состав СССР, формирование самостоятельной Сахалинской области, интенсивная миграция на остров – все это создавало определенные перспективы для развития вновь образованных городов. Но эти процессы не были подкреплены соответствующей экономической

политикой, промышленным развитием. Поэтому в дальнейшем судьба сахалинских городов сложилась по-разному. Одни (Южно-Сахалинск, Холмск) развивались, другие если и прогрессировали (Корсаков, Оха), то очень медленно. Но были и такие города, где имела место своеобразная стагнация (Александровск-Сахалинский, Лесогорск, Красногорск). Можно утверждать, что статус города ничего не изменил в их положении. Определяющим в судьбе того, или иного города являлось промышленное развитие, а оно не коснулось некоторых городов Сахалина.

Послевоенный восстановительный период был не самым благоприятным для становления и развития дальневосточных городов. В годы первой послевоенной пятилетки все ресурсы страны были направлены на восстановление западных районов СССР, сильно пострадавших за годы Великой Отечественной войны. Однако уже в 1950-е гг., когда восстановительный процесс завершился, к отдельным городам Дальнего Востока правительство обращает серьезное внимание, на их социально-экономическое развитие выделяются значительные средства, благодаря чему они стремительно развиваются. Примером чему служит становление и развитие города-порта Находка.

Порт в Находке начали строить в 1939 г. однако с началом Великой Отечественной войны строительство было законсервировано и возобновилось в 1944 г. В августе 1949 г. Совет Министров РСФСР утвердил проект планировки и застройки рабочего поселка Находка, где в то время проживало около 20 тыс. чел. Для участия в строительстве порта, возведении жилья, социально-культурных объектов в Находку в больших количествах прибывали мигранты западных районов СССР. В 1950 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР поселок Находка был переименован в город. В дальнейшем молодой город-порт быстро развивался, в 1959 г. его население составило 64 тыс. чел., а в 1970 г. – 104 тыс. [17, С. 68]. За двадцать лет население увеличилось в 5 раз. Стремительное развитие Находки было обусловлено тем, что помимо порта там была создана база океанического рыболовства, Приморское морское пароходство, два судоремонтных завода и другие промышленные предприятия.

В годы Советской власти критерии выделения поселения в категорию «город» были определены в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. Согласно им, к городам были отнесены поселения численностью не менее 12 тыс. чел., при этом количество рабочих, служащих и членов их семей в общем населении должно составлять не менее 85%. Города по численности делились на малые (от 12-50 тыс.), средние (50-100 тыс.), большие (100-250 тыс.), крупные (250-500 тыс.), крупнейшие (свыше 500 тыс.) [16, С. 107].

На Дальнем Востоке были все типы городов, в количественном отношении преобладали малые и средние города.

По данным переписи 1959 г. общая численность населения Дальнего Востока составила 4 млн. 347 тыс., при этом 3 млн. 26 тыс. проживало в городах, а в сельской местности – 1 млн. 321 тыс. [8, С. 24]. Городское население составляло 70% всего населения Дальнего Востока. За 20 лет по сравнению с 1939 г. численность городского населения увеличилась на 1 млн. 753 тыс. или в 2,4 раза.

Период 1950–1980-х гг. был одним из самых благоприятных в развитии урбанизации на Дальнем Востоке, хотя этот процесс проходил с разной степенью интенсивности. Так, с окончанием послевоенного восстановительного периода и в годы хрущевской «оттепели» в регионе происходит интенсивное промышленное развитие, благодаря чему ряд поселений получают статус города (Арсеньев), появляются новые поселки городского типа, которые вскоре перерастают в города (Амурск).

Начиная с середины 1960-х гг. интенсивность образования городов снижается. С 1960 по 1990 гг. на Дальнем Востоке было образовано всего десять городов [3, С. 34]. Вместе с тем, именно в этот период появились быстрорастущие города. Елизово, Анадырь, Зея. Отдельные города, такие как Амурск и Тынды, развивались стремительными темпами. Так, население Амурска увеличилось с 3,5 тыс. чел. в 1959 г. до 58,3 тыс. в 1989 г., рост в 16,5 раз, а население Тынды – с 3,1 тыс. чел. в 1959 г. до 62 тыс. в 1989 г., т.е. за 30 лет увеличилось в 20,6 раз [17, С. 67, 70].

Рост населения Амурска и Тынды был связан с тем, что там создавались крупные народно-хозяйственные объекты. В Амурске в конце 1950-х гг. стал строиться целлюлозно-бумажный комбинат, в 1973 г. поселок получил статус города. Тынды стала своеобразной столицей Байкало-Амурской магистрали – железной дороги, которую начали строить в 1974 г., сначала там был штаб стройки, а с завершением строительства располагалось управление по эксплуатации БАМ.

Стремительный рост Амурска и Тынды был обусловлен тем, что промышленное строительство, развернувшееся в них, было объявлено Всесоюзными комсомольскими ударными стройками, и в эти города ехала молодежь со всех концов Советского Союза. Мигранты играли главную роль в формировании городского населения и в других молодых дальневосточных городах.

Современная наука рассматривает город как сложное явление, выделяя в нем градообразующую и градообслуживающую сферы. Градообразующие объекты создают экономическую базу города и

являются первоосновой его возникновения, роста и развития, градообразующие объекты – это отрасли, предприятия, результаты деятельности которых выходят далеко за пределы данного города. В свою очередь градообслуживающие объекты – это в основном объекты непроизводственной сферы (городское хозяйство, предприятия и организации, обслуживающие материальные и культурные потребности населения – школы, кинотеатры, медицинские учреждения и т.д.). Как правило, объекты непроизводственной, социальной сферы были лучше развиты в крупных и средних городах. Поскольку многие объекты социальной инфраструктуры создавались за счет фонда крупных промышленных, транспортных предприятий для обслуживания нужд своих работников. У мелких предприятий, расположенных в малых городах, средств для развития социальной сферы не хватало. Хотя следует признать, что отдельные отрасли социальной сферы были развиты недостаточно и в крупных городах.

Решающую роль в увеличении городского населения сыграл механический прирост. Несмотря на то, что многие дальневосточные города по уровню благоустройства, комфорту, развитию социальной сферы уступали городам европейской части страны, туда ехали мигранты из разных мест СССР. Создание благоприятных для жизни социально-бытовых условий в крупных и средних городах способствовало притоку и закреплению населения, хотя его рост осуществлялся не только за счет миграции, но и за счет естественного прироста. Наиболее интенсивно среди этой категории городов росли краевые и областные центры Дальнего Востока. Им традиционно уделялось особое внимание, выделялись ресурсы на жилищное строительство, развитие социально-бытовой инфраструктуры. В отдельных случаях, как это имело место с Владивостоком, развитие регулировалось специальными правительственными постановлениями. 18 января 1960 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О развитии г. Владивостока», благодаря которому активно велось жилищное строительство, возводились объекты социально-культурного назначения, получила развитие городская инфраструктура (пассажирский транспорт, коммунальное хозяйство).

Уделялось внимание и другим административным центрам – Хабаровску, Благовещенску, Магадану, Петропавловску-Камчатскому, Южно-Сахалинску. Во всех этих городах велось интенсивное жилищно-гражданское строительство, развивалась городская инфраструктура, социально-культурная сфера – все это способствовало устойчивому росту населения, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1 — Население краевых и областных центров Дальнего Востока в 1959–1992 гг. (тыс. чел.) [17, С. 67-70]

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1992 г.
Благовещенск	95	128	172	214
Владивосток	397	442	549,7	648
Магадан	62,2	92	121,2	152
Петропавловск-Камчатский	86	154	214,9	272,6
Хабаровск	323	436	527,8	614,6
Южно-Сахалинск	85,5	105,8	139,8	164,8

Все краевые и областные центры Дальнего Востока относились к крупнейшим, крупным и большим городам. Их главное отличие от средних и малых городов – это полифункциональность экономики. Её ядро, как правило, представляет собой несколько крупных индустриальных производств различных отраслей народного хозяйства. Рядом с ними функционирует большое количество мелких и средних предприятий и организаций, выполняющих инфраструктурную роль (энергетика, транспорт, строительство, подготовка кадров и т.д.). Необходимым звеном городской хозяйственной жизни становится также легкая и пищевая отрасли промышленности, которые получают значительные импульсы для своего развития. В крупных и больших городах активно развивается социальная (строительство жилья, учреждений здравоохранения и образования) и культурная (театры, кино) сферы [6, С. 70]. Многофункциональность таких городов повышается также за счет наличия учреждений науки и образования. Таким образом, крупные и большие города дают больше возможностей для людей в сравнении с малыми городами и селами.

Города привлекали и привлекают людей тем, что жизнь обычного человека там потенциально и реально разнообразнее. Она характеризуется возможностями повысить свой образовательный и профессиональный уровень, что является предпосылкой смены сферы труда, дает шанс изменить социальный статус, занять более престижное место в обществе. Помимо этого, города дают возможность для широких контактов и разнообразных форм досуга. Говоря проще, жить в городе легче и веселее, что создает у многих, особенно молодежи, иллюзию «вечного праздника» и настраивает на позитивное восприятие жизни.

Одной из особенностей развития городов в 1960–1980-е гг. являлось интенсивное жилищно-гражданское строительство. Практически все города были охвачены своеобразным строительным бумом. Рост жилищного строительства в городах Дальнего Востока хорошо просматривается на примере краевых и областных центров (таблица 2).

Таблица 2 — Жилищный фонд в краевых и областных центрах Дальнего Востока в 1950–1980 гг. (млн. кв. м) [11, С. 565-566; 12, С. 391-392; 13, С. 192-193]

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Благовещенск	0,431	0,757	1,198	2,016
Владивосток	1,515	2,494	4,512	6,962
Магадан	0,129	0,491	0,849	1,455
Петропавловск-Камчатский	0,108	0,600	1,152	2,275
Хабаровск	1,432	2,786	4,848	7,163
Южно-Сахалинск	0,352	0,794	1,151	1,799

Из таблицы видно, что за тридцать лет жилой фонд во всех указанных городах увеличился в несколько раз, при этом следует отметить, что помимо количественного роста жилого фонда, повысилось его качество. С конца 1950-х гг. все строящиеся дома оборудовались водопроводом, канализацией, центральным отоплением, т.е. полным набором коммунальных удобств.

Помимо жилья в городах возводились объекты социально-бытового и культурного назначения. Благодаря наличию сети предприятий службы быта горожане тратили меньше времени на ведение домашнего хозяйства, в результате чего имели больше свободного времени для отдыха, получения информации, повышения интеллектуального и культурного уровня. Во многом это была государственная политика, рассчитанная на закрепление в дальневосточных городах населения, поскольку там появился слой потомственных горожан, значительную часть которых составили специалисты с высшим и средним специальным образованием, высококвалифицированные рабочие. У этой категории населения были более высокие требования к стандартам уровня жизни. При отсутствии надлежащей социально-бытовой инфраструктуры они могли уехать в другие районы страны.

Благоустройство и комфортность жизни является одним из факторов, привлекающих людей в города. По этому показателю крупные и средние города Дальнего Востока не уступали другим подобным городам страны. Тем самым оттока населения не наблюдалось, наоборот в течение тридцати с лишним лет (1959–1992 гг.) в краевых и областных центрах Дальневосточного региона имел место устойчивый рост населения (см. таблицу 1). Наиболее интенсивно он проходил в северных городах. Так, в Петропавловске-Камчатском население увеличилось с 86 тыс. чел. в 1959 г. до 272,6 тыс. в 1992 г., рост в 3,2 раза. В Магадане в 1959 г. проживало 62,2 тыс. чел., в 1992 г. – 152 тыс., рост населения в 2,4 раза [17, С. 68]. Хотя следует отметить, что по многим социаль-

ным факторам северные города уступали городам, расположенным в южной части Дальнего Востока. Помимо тяжелых природно-климатических условий одной из серьезных проблем являлась низкая транспортная доступность и слабо развитая социально-бытовая инфраструктура. Тем не менее, за счет мигрантов, которых привлекала высокая заработная плата (в северных районах выплачивались «северные надбавки»), по темпам численности населения они опережали города юга Дальнего Востока.

Следует признать, что во второй половине XX века наиболее благоприятным временем для развития городов на Дальнем Востоке был период 1950–1980-х гг. Увеличилась численность городов и количество проживающего там населения, качественно повысился уровень жизни горожан. В те годы в городах велось активное жилищное строительство, возводились объекты социально-культурного назначения, развивался общественный транспорт. «Успешность» развития городов в то время во многом носит условный характер, т.к. ряд проблем так и не был решен, в частности обеспечение всех горожан благоустроенным и комфортным жильём, продуктами, товарами и услугами. Но в целом города (одни быстрее, другие медленнее) все же развивались. Эта тенденция изменилась с 1992 г., когда города региона оказались в полосе кризиса – многие из них пришли в упадок, процесс развития городов оказался заторможенным, деформированным, а в северных районах Дальнего Востока просто пресечен. Сократилось число поселков городского типа, которые поставляли «кандидатов в города», там, как и в городах заметно уменьшилось численность населения.

На протяжении 1950–1980-х гг. наблюдался устойчивый рост городского населения Дальневосточного региона. В 1991 г. численность горожан достигла своего максимума в 6,146 млн. чел., затем она стала сокращаться. В 1999 г. в городах проживало на 600 тыс. меньше, чем в 1991 г. – 5,503 млн. чел. [14, С. 57]. С 1992 г. на Дальнем Востоке, как и по всей России начался системный урбанизационный кризис – городское население стало сокращаться, многие города пришли в упадок. Эти негативные процессы были связаны с адаптацией перехода к рынку и спонтанной реструктуризацией экономики. Начавшиеся в стране реформы привели к резкому спаду экономической активности, что отразилось на работе промышленности, транспорте, предприятиях и учреждениях социальной сферы. Особенно сложно пришлось заводам военно-промышленного комплекса (ВПК). Смена приоритетов во внешней политике страны, отсутствие заказов, переход на выпуск мирной продукции в рамках программы «конверсия», несвоевременная

оплата за выполненную работу – все это поставило заводы ВПК в крайне сложное положение. В результате реорганизации сократилось численность работающих. Так, на Владивостокском заводе «Дальприбор» в 1992 г. работали 5 тыс. чел, а в 1999 г. – чуть более 1 тыс. [5, С. 223]. Подобные процессы произошли и на других промышленных предприятиях дальневосточных городов, что привело к росту безработицы.

В тяжелом положении оказались малые города, где было одно – два градообразующих предприятия, ориентированных на внутренний рынок. В условиях 1990-х гг. многие производства оказались малорентабельными. Снижение или полное отсутствие государственного заказа привело к падению объемов производства, росту безработицы, падению уровня жизни, усилению социальной напряженности. По сути, малые города оказались заброшенными, появились сложности с обслуживанием жилого фонда и объектов инженерной и социальной инфраструктуры – всё это привело к утрате социального и культурного потенциала, накопленного за годы советской власти. Обострились демографические проблемы, население многих малых городов стало заметно сокращаться, в них стала расти доля лиц старше трудоспособного возраста. Все это происходило, как за счет сокращения естественного прироста, так и за счет миграции из ближайших сел и поселков. Они перестали быть центрами притяжения населения из своего ближайшего окружения, тем самым теряя «подпитку» со стороны сельской молодежи.

Можно утверждать, что в 1990-е гг. были утеряны многие социально-экономические достижения предыдущих лет, благодаря которым города Дальнего Востока развивались, что в целом благотворно сказалось на развитии всего региона. Тем не менее, несмотря на негативные тенденции 1990-х гг., крупнейшие и крупные города (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Южно-Сахалинск) сумели сохранить часть своего потенциала и вписать в новые экономические реалии.

Таким образом, в урбанизации на Дальнем Востоке можно выделить несколько этапов. Первый – с момента заселения Дальневосточных земель в середине XIX в. до 1917 г. Второй охватывает годы индустриализации, третий 1950–1980-е гг. С начала 2000-х гг. начался новый этап урбанизации, связанный с развитием крупных и крупнейших городов, повышением их роли в развитии Дальневосточного региона. Наиболее успешным периодом в урбанизационном развитии был период 1950–1980-х гг. Определяющим фактором в процессе становления и развития городов на

Дальнем Востоке являлась экономика. Создание промышленных предприятий, работа добывающих отраслей экономики и транспортной инфраструктуры – все это напрямую способствовало жизнедеятельности в городах Дальнего Востока. Они же в свою очередь стали своеобразными центрами по «цивилизационному» развитию региона, в них создавались социально-бытовые и культурные учреждения, что привлекало как местных мигрантов из сельской местности, так и мигрантов из других районов страны. Тем самым, города способствовали решению важной задачи, которая была актуальна в прошлом, важна сейчас и будет актуальна в обозримом будущем – формированию на Дальнем Востоке России устойчиво высокого уровня народонаселения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андропова О.А. Устойчивое развитие городских систем Дальнего Востока России // Исторические и географические исследования Северной Пасифики: проблемы и перспективы междисциплинарного синтеза: Материалы молодежной конференции. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 48-51.
2. Балдано М.Н. Советская модель урбанизации // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 53-56.
3. Бельская Е.Э. Малые города: социально-экономические и демографические проблемы и перспективы развития: Региональный анализ на примере Дальнего Востока: дис. ... канд. географ. наук. Владивосток, 2005. 196 с.
4. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
5. Власов С.А. Очерки истории Владивостока. Владивосток: Дальнаука, 2010. 252 с.
6. Дашинамжилов О.Б. Урбанизация в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2013 №. 1. С. 67-71.
7. История Дальнего Востока СССР. Кн. 7. Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1978. 292 с.
8. История Дальнего Востока СССР. Кн. 9. Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1981. 354 с.
9. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – XX вв. (1640–1917): историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 264 с.
10. Кулинич Н.Г. О социальной мобильности дальневосточных городов (1920–1930-е гг.) // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 24-31.
11. Народное хозяйство РСФСР в 1962 г. Стат. ежегод. М.: Статистика, 1962. 648 с.
12. Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Стат. ежегод. М.: Статистика, 1971. 519 с.
13. Народное хозяйство РСФСР в 1982 г. Стат. ежегод. М.: Статистика, 1983. 398 с.
14. Российский статистический ежегодник. Стат. сб. М.: Госкомстат, 1999. 621 с.
15. Сенявский А.С. Особенности российской урбанизации // Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. М.: Наука, 2000. С. 72-88.
16. Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 1980-е годы. М.: РАН Институт российской истории, 1995. 264 с.
17. Численность населения российских городов (1897–1992 гг.). Ярославль: Книжное изд-во, 1995. 79 с.
18. Щербина П.А. Условия жизни населения в городах Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX вв.: автореф. ...дис. канд ист наук. Владивосток, 2011. 26 с.

* * * * *

УДК 94(571.1)(=512.37)

Иванов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент

Сургутский институт нефти и газа (филиал)

Тюменского государственного нефтегазового университета

г. Сургут

88d@bk.ru

ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ КАК ФАКТОР УРБАНИЗАЦИИ

В фокусе внимания автора влияние принудительного переведения на урбанизированность «наказанных» народов. На примере калмыцкого населения анализируется процесс встраивания депортированных в городскую среду. Сделан вывод о существовании феномена режимной квазиурбанизации.

Ключевые слова: депортация, режимная квазиурбанизация, урбанизация, спецпереселенцы, «наказанные» народы, калмыки, репрессии.

Ivanov Aleksandr Sergeevich

candidate of historical sciences, associate professor

Surgut Oil and Gas Institute (branch) of the Tyumen State Oil

and Gas University

Surgut

88d@bk.ru

DEPORTATION OF PEOPLES AS A FACTOR OF URBANIZATION

The author focuses attention on the impact of forced transition on urbanisation «punished peoples». For example Kalmyk population analysed the process of embedding deported in the urban environment. The conclusion about the existence of the phenomenon of regime quasi urbanization.

Keywords: deportation, regime quasi urbanization, urbanization, specialsettlers, «punished» peoples, Kalmyks, repression.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-11-86001, тип проекта «а(р)»).

В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос о принципиальной возможности/невозможности влияния принудительных миграций народов в СССР на урбанизированность представителей

«наказанных народов». В историографии отсутствуют специальные работы по данной проблематике, авторы, как правило, ограничиваются характеристикой социально-профессиональной структуры населения и общими сведениями о доле городских жителей среди представителей репрессированных народов, без анализа каузальных связей на конкретном историческом материале.

В период 1930-х – начала 1950-х гг. депортациям подверглись 3,5 млн граждан СССР, в том числе, 15 народов полностью [3, С. 5]. Не имея возможности, в рамках одной статьи, исследовать влияние депортации на представителей всех национальных групп, в качестве примера нами выбраны представители калмыцкого этноса, принудительно переселенные в Сибирь в декабре 1943 г. и, судя по данным переписей населения 1939 и 1959 гг., за годы депортации совершившие наиболее существенный рывок на пути трансформации образа жизни из сельского в городской (таблица 1). Наиболее крупная группа калмыков (27 158 из 93 139 человек [23, С. 85; 34, С. 138]) оказались на спецпоселении в Омской области, из состава которой в августе 1944 г. выделилась Тюменская.

К началу Великой Отечественной войны (по переписи 1939 г.) население республики, в которой проживало 107 315 калмыков (по СССР – 134 402 чел.), преимущественно специализировалось на животноводстве, а калмыки почти полностью перешли на оседлый образ жизни в сельской местности (в г. Элиста – столице и единственном городе республики их было лишь 20%) [29, С. 24-25, 31, 37, 39]. Поэтому уровень урбанизированности среди калмыцкого населения был достаточно низок (таблица 1).

Таблица 1 – Доля городского населения среди некоторых депортированных народов (по СССР, в%) [Составлено и подсчитано по: 1, С. 135-154; 4, 21, С. 91, 93; 29, С. 35].

Перепись	калмыки	чеченцы	ингуши
1939 г.	5,5	8,0	9,6
1959 г.	30,0	11,0	10,7
1979 г.	54,1	24,2	36,6

На территории Омской области более 90% калмыков также были расселены в сельской местности [8, Л. 173], они находились под надзором системы спецкомендатур, будучи прикреплены к отдельным предприятиям и организациям, использовавшим их труд. 4/5 (79,5%) были заняты в сельском хозяйстве области [9, Л. 219].

Как показывают архивные материалы военных лет, времени, когда власть столкнулась с активным проникновением в города спецпереселенцев-«бывших кулаков», нахождение в городе любого спецпереселенца воспринималось властями как скрытая угроза. Репрессированные попадали в города лишь преодолев значительное

количество административных барьеров [5, Л. 114об]. Не нужно также забывать о существовании прямых запретов на проживание спецпереселенцев в режимных городах [22, С. 5].

Режим спецпоселения, основные административные функции комендантов и обязанности спецпереселенцев были определены во «Временном положении о правах и обязанностях спецпереселенцев» (от 25 октября 1931 г.), «Положении о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД» (от 7 февраля 1944 г.) и постановлением СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» (от 8 января 1945 г.) и сохранялись с незначительными изменениями. Существенным отличием «временного положения» от «постановления СНК» было отсутствие пункта, в котором говорилось о прикреплении спецпереселенцев к конкретному поселку и дому [32, С. 5]; его сменило предписание, запрещавшее покидать «район расселения, обслуживаемый данной спецкомендатурой» [34, С. 184]. Чтобы покинуть район поселения, человеку требовалось получить временное «разрешение» на выезд за его пределы от периферийного надзирающего органа. В этом документе указывался срок поездки и пункт, где поселенцу разрешалось находиться [26, С. 202]. По прибытии в пункт назначения спецпоселенцы ставились на учет уполномоченным органом-акцептором по месту временно-го пребывания, о чем ставилась в известность комендатура-донор. По возвращении к основному месту спецпоселения разрешение на право выезда у депортантов изымалось [26, С. 204].

Переход от «подомового» к «порайонному» (району компетенции одной комендатуры) закреплению спецпоселенцев не был случайным. В годы войны под влиянием все новых потоков принудительных миграций (немцев, финнов, калмыков, чеченцев, ингушей и др.) произошёл процесс разрушения сети централизованной сети расселения спецпереселенцев. Подтверждение мы находим в словах начальника отдела спецпоселений УНКВД Новосибирской области Жукова, который в декабре 1944 г., характеризуя положение с кадровым составом аппарата спецкомендатур Сибири, осуществляющим надзор за калмыками, отмечал: «в абсолютном большинстве областей спецпоселков в том виде, как они были раньше, уже давно не существует. Наш контингент живет так же, как и остальное правовое население, т.е. расселен по всему району. Таким образом, комендант там, где он один по штату, фактически обслуживает целый административный район, там, где их два, половину административного района» [6, Л. 171].

Трансформация режима спецпоселения, под воздействием миграционных потоков военных лет, заложила основу для роста численности горожан. Этот процесс набирал обороты в послевоенные годы ввиду нехватки рабочих рук. Принципиальным для режима был вопрос максимального использования трудового потенциала ре-

прессированных, что проявлялось в распределении спецпереселенцев между отдельными министерствами и ведомствами еще перед принудительным переселением или в процессе оно. Перераспределение «рабсилы» продолжалось и на поселении. Так, известно, что за период с 1 января 1947 по 1 января 1948 г. в Тюменской области количество министерств, использующих труд калмыцкого населения, увеличилось с 17 до 20, а в Омской области оно сократилось на треть (с 12 до 8). К 1950 г. количество подобных министерств в Омской области вновь возросло до 15-ти [12, Л. 128об.-129, 131об.-132, 133об.-134; 14, Л. 243об.-244, 246об.-247, 249; 17, 154об.-155]. Однако в документации отдела спецпоселений МВД отсутствуют сводные данные о количестве депортантов, работающих в городских учреждениях, предприятиях и организациях, и спецпереселенцев-городских жителей по СССР. Нужно полагать, что эти сведения не представляли оперативного интереса для карательного ведомства и не волновали партийное руководство.

Таблица 2 – Спецпереселенцы в городах Омской и Тюменской областей (1945–1949 гг.), чел*. [Составлено и подсчитано: 10, Л. 41, 50, 72, 92об., 94, 100об., 101, 109; 19, Л. 73, 82, 93, 94, 107, 113об.]

Город	1 июля 1945 г.	1 июля 1949 г.
Тюменская область		
Тюмень	1362 (643)**	2102 (746)
Тобольск	222 (175)	256 (65)
Ишим	84 (35)	191 (49)
Ялуторовск	284 (141)	411 (239)
Салехард	2469 (689)***	1860 (496)
Итого по области	4421 (1683)	4820 (1595)
Доля горожан (в%) к общему числу спецпереселенцев	7,4% (13,1%)	9,3% (17,3%)
Омская область		
Омск	..****	7430 (197)*****
Исилькуль	206 (177)	474 (254)
Тара	139 (-)	217 (9)
Тюкалинск	30 (-)	118 (-)
Итого по области	375(177)	8239 (460)
Доля (в%) к общему числу спецпереселенцев	0,9% (1,9%)	10% (4,9%)
Всего по областям	4796 (1860)	13059 (2055)

* Без учета закрепленных за городскими спецкомендатурами, но проживающих за пределами городов

** Количество спецпереселенцев-калмыков

*** Данные о численности спецпереселенцев (в т.ч. калмыков) по комбинатской спецкомендатуре

**** К концу войны город находился вне системы спецпоселений

***** Включая 17 чел. (в т.ч. 14 калмыков) относящихся к спецкомендатуре № 44

Анализируя данные таблицы 2 мы должны учитывать, что находящиеся на спецпоселении представители «наказанных народов» в городах и в сельской местности ставились на учет отдельных спецкомендатур и для системы спецпоселений не имело никакого значения в какой комендатуре состоит на учете спецпереселенец – в городской или районной, более того в городах-райцентрах зачастую находились на учете депортанты, проживающие в пригородных поселениях (как это было, например, в Ишиме, Ялуторовске, Таре).

Мы можем видеть тенденцию к увеличению численности спецпереселенцев-горожан, что было обусловлено вхождением в систему спецпоселений ряда городов. На данной территории таким населенным пунктом стал Омск, где к 1949 г. функционировало 10 спецкомендатур, осуществлявших «агентурное обслуживание» спецпереселенцев [19, Л. 93-94]. За 4 года, с июля 1945, количество комендатур надзирающих за спецпереселенцами-калмыками в Омской и Тюменской областях увеличилось с 57-ми до 116-ти, а количество пунктов поселения (включая города) с 465-ти до 652-х [10, Л. 20-51об., 92-109; 19, Л. 4-94, 107-140].

В Северо-Западной Сибири в начале 1950-х гг. статус городов получили ряд рабочих поселков – мест поселения депортированных, что формально способствовало росту урбанизированности депортированного населения. Одним из новых городов был Ханты-Мансийск, получивший статус города в 1950 г. Город глазами спецпереселенца описала калмычка Н.Н. Савельева (Овшинова): «Ханты-Мансийск состоял из двух частей: центр находился в северной части. Спецпереселенцы жили в барачном поселке в пяти километрах от центра города, куда ходить без разрешения комендатуры не имели права. Перед поселком возвышалось двухэтажное деревянное здание нарсузда, сзади – длинный барак спецкомендатуры, куда все ходили отмечаться, что они никуда не выехали. Недалеко возвышалась огромной высоты наблюдательная вышка. Собственно и убежать было некуда: вокруг города – река Иртыш и дремучая тайга. Южную часть города составляло бывшее село Самарово, вошедшее в состав города в 1950 году...» [33, С. 267]. В итоге, переселенцы, находящиеся в городской черте (в воспоминаниях описывается северная окраина города – пос. Перековка), отделялись режимной стеной от остального городского пространства.

В г. Салехарде существовала отдельно спецкомендатура, занимавшаяся учетом спецпереселенцев-работников рыбокомбината, в которой на учете состояло более тысячи спецпереселенцев-работников рыбокомбината и отдельно городская спецкомендатура (таблица 2). Формально обе эти режимные единицы относились к г. Салехарду, при фактическом разделении депортированных на «го-

родских» и «комбинатских». Другой тип организации режимного городского пространства представляли областные центры – Тюмень и Омск. Здесь к концу 1940-х г. действовало несколько городских спецкомендатур (в Тюмени – 3; в Омске – 10), которые покрывали все городское пространство, благодаря чему для спецпереселенцев не существовало «внутригородских режимных стен», запрещался «лишь» несанкционированный выезд за пределы населенного пункта [19, Л. 94].

В то же время спецпереселенцы-«горожане» имели некоторые преимущества перед селянами. Горожане снабжались через систему горторга, в которой ассортимент товаров был шире и продавались они по более доступным ценам. Кроме того, город давал больше возможностей для реализации своего профессионального потенциала. Отец Нины Николаевны Савельевой смог, в условиях окружной столицы, использовать навыки фотографа, обеспечив семье достаточный для выживания уровень дохода. Важным фактором, побуждающим репрессированных рваться в города, являлась возможность получения образования (наличие семилетних школ, техникумов и вузов) [33, С. 268], которая фактически имела только там [25, С. 174-179]. В свою очередь получение квалификации дедало не только возможность улучшить материальное благосостояние, но и сменить место жительства, получив вызов от какого-либо предприятия, расположенного в более крупном городском центре.

Были и другие побудительные мотивы, заставлявшие репрессированных стремиться в город, в особенности из-за наличия там отсутствующей в сельской местности социальной инфраструктуры. Например, для С.М. Бамбышева необходимость поездки в г. Омск обуславливалась болезнью сына, которому не могли оказать необходимой помощи в райцентре [2, С. 31]. Однако, ему не удалось получить разрешения на выезд в город у коменданта, даже несмотря на его членство в КПСС. В тоже время и выбраться из города (за пределы ответственности городской комендатуры) можно было только по специальному решению [26, С. 204].

В целом проникновение спецпереселенцев в города являлось побочным эффектом расширения использования труда репрессированных в народном хозяйстве, на что указывает разница в урбанизированности между «тюменскими» и «омскими» калмыками (таблица 2). Она объясняется минимальным использованием труда калмыков омскими предприятиями, ведь режим пошел на легальный допуск депортантов в город лишь для использования их труда на городских предприятиях, испытывающих недостаток трудовых ресурсов в связи с процессом реэвакуации.

Изменение в численности «городских»-спецпереселенцев внутри системы режимных поселений всецело зависело от воли правитель-

ства, надзорного ведомства и интересов отдельных министерств и ведомств. Например, на основании распоряжения Совмина СССР, весной 1948 г. работники УМВД Тюменской области совместно с представителями Обьиртышского госрыбтреста и Главсахалинрыбпрома начали отбор 700 спецпереселенцев из числа немцев и калмыков – работников рыбной промышленности – для отправки на Сахалин для работы в рыбном хозяйстве [15, Л. 27]. Тюменские обком и исполком выступили против изъятия столь значительного количества рабочей силы [15, Л. 29], однако их протесты не возымели действия, и отправка рабочих-калмыков происходила вместе с семьями в период навигации 1948 г. План по набору был выполнен: всего отобрали 1630 человек [16, Л. 161]. Нужно полагать, что это явилось причиной сокращения численности калмыцкого населения в рыбопромышленных городах – Салехарде и Тобольске – и количества калмыков в городах Тюменской области (таблица 2).

В итоге, депортированные были не столько реальными, сколько «приписными» горожанами, присутствовавшими в городах только по воле режимного начальства, для выполнения определенных производственных заданий.

Чего же добивалась советская власть, выстраивая подобным образом свои отношения со спецпереселенцами-калмыками? Здесь нужно вспомнить, что политика советского государства всегда строилась исходя из классовой логики. «Носителем социализма» и одновременно главной движущей силой на пути общества к коммунизму считался рабочий класс [38, С. 324]. Именно в этой логике действия государства выглядят оправданными. Города воспринимались как территориально локализованные производственные комплексы, агломераты производственных организаций. В случае с Салехардом это были консервный комбинат, рыбкооп, судорембаза, лесозавод, стройучасток, за которыми закреплялись «приписные горожане»-спецпереселенцы-калмыки, немцы, финны, «бессарабцы», «бывшие кулаки» и т.д., с определенными государством ролями (местом работы и специальностью) [31, С. 123-124]. Во многом чисто механически прикрепляя людей к промышленным предприятиям власть старательно «вылепливала» из населения аграрных регионов, какими являлись спецпереселенцы, новые рабочие кадры.

В этом контексте представляют особый интерес сведения о трансформации социально-классовой структуры калмыцкого населения, в период нахождения на спецпоселении. В 1949 г. по СССР была выявлена следующая социально-классовая структура «спецпереселенцев-калмыков»: 58,7% – рабочих, 36% – колхозников; 5,3% – служащих [30, С. 608]. По Омской области: рабочих – 37,5%; колхозников – 41,5%; единоличников – 0,02%; служа-

щих – 4,8%; учащихся – 1,7%; прочих – 14,4%. По Тюменской: рабочих – 53,7%; колхозников – 25,5%; единоличников – 0,06%; служащих – 4,1%; учащихся – 0,9%; прочих – 15,8% [18, Л. 136, 139, 241-242, 247]. Показательно сравнение полученных результатов с итогами последней предвоенной Всесоюзной переписи населения 1939 г., когда в Калмыцкой АССР насчитывалось: рабочих – 23,8%; колхозников – 46,2%; служащих города и села – 14,8%; кооперативных кустарей – 13,7%; некооперативных кустарей – 0,5%; крестьян-единоличников – 1% [29, С. 31].

Бросается в глаза резкий рост рядов калмыцкого рабочего класса (в 2,5 раза по СССР). В то же время существенное расхождение в доле рабочих-калмыков по сибирским областям в 1949 г. напрямую указывает на деформацию социально-классовой структуры калмыцкого населения в результате государственных мероприятий. Этот тезис подтверждается также изменениями в социально-классовой структуре чечено-ингушского населения, произошедшими к концу нахождения на спецпоселении: доля рабочих-чеченцев с 1939 по 1959 г. возросла с 10,8% до 53,5% (в 5 раз), ингушей – с 4,9 до 74,5% (в 15 раз!) соответственно [28].

Действуя в точном соответствии с предложенной П. Холквистом концепцией «политики населения», власть, посредством депортаций, идентифицировала и изымала казавшееся неблагонадежным население («вредоносные элементы»), заражающее социальное тело советского общества [36, С. 166], помещала их в «карантин» (на спецпоселение). Сталинское государство добивалась не уничтожения отличительных этнических черт депортированного народа, а формирования из его представителей лояльного трудового населения, структура которого отвечала идеалам социалистического общества, в котором должен был доминировать рабочий класс. Например, для выстраивания «правильной» структуры населения режим пошел на воссоединение малых семей, разделенных депортацией. К началу 1947 г. только на территории Омской и Тюменской областей в централизованном порядке было воссоединено 1233 семьи (15,8% от общего числа расселенных семей) [7, Л. 172об.-173, 226; 11, Л. 10, 98; 13, Л. 28, 29об]. «Вылепить» каноническое население государству помогала статистика. Не случайно, описывая «идеальное» население, работники Центрального статистического управления СССР по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г., патетически заявляли, что «в Советском Союзе нет эксплуататорских классов, и социалистическое общество нашей страны состоит из двух дружественных классов: рабочего класса и колхозного крестьянства. Значительное место в населении Советского Союза занимает интеллигенция – работники умственного труда, числен-

ность которых составляет одну пятую часть населения, имеющего занятия» [37, С. 39]. Советскую властную машину интересовали не «правильные» горожане, а «правильные» классы.

Но какое же влияние оказала депортация на процесс урбанизации «наказанных» народов?

Среди современных урбанистов все большим влиянием пользуется концепция «ведомственной урбанизации» [35, С. 66] и «квазиурбанизации» [24]. Подходя к проблеме депортации с позиций ведомственной урбанизации, рассматривающей город как ведомственное «социалистическое» хозяйство, то мы увидим, какую непропорционально большую роль играли Ханты-Мансийский госрыбтрест и Ямалгосрыбтрест (производили отбор спецпереселенцев на север, контролировали жилищное строительство для спецпереселенцев, обеспечивали снабжение рыбацкого населения городов). Но спецпереселенцы не являлись представителями правового населения и, соответственно, вольными членами этого «социалистического» хозяйства. Наряду с производственно-хозяйственными структурами, их судьбами распоряжалось надзиравшее за ними карательное ведомство – ОГПУ/НКВД/МВД. И, в этом смысле, депортацию можно назвать фактором не ведомственной, а режимной урбанизации.

Однако у депортированных народов (и у калмыков в частности) за десятилетие нахождения на поселении не сформировалось городской ментальности как из-за режимного статуса, так и вследствие неразвитости городской социальной инфраструктуры, особенно в молодых северных городах (Салехарде, Ханты-Мансийске). Искусственность сформированной спецпоселенческой сети (в сельской местности и в городах), привела к тому, что с ослаблением режимных ограничений «приписные горожане» стали стремительно покидать места поселения. В сентябре 1955 г. Ямало-Ненецкий окружком КПСС констатировал, что «...с 1 июля 1954 г. из округа выехало 557 человек спецпоселенцев. Только из города Салехарда выехало 224 человека...» [20, Л. 9]. К началу 1959 г. на всей территории Омской и Тюменской областей находилось менее тысячи калмыков, почти не осталось их и в городах [27, С. 427-428, 466].

Можно полагать, что на спецпоселении произошла режимная квазиурбанизация населения. После возвращения в Калмыкию основной массы коренного населения (декабрь 1959 г.), большинство калмыков (73,4%) было вновь трудоустроено в сельском хозяйстве [27, С. 427-428], а горожан в республике насчитывалось лишь 8442 человека (13%) [27, С. 455]. Представленные в таблице 1 данные, относительно калмыков, вероятно, являются завышенными. В то же время, нужно признать, что рост урбанизированности населения был одним из побочных эффектов депортации наро-

дов, изменившей социальную структуру переселенцев и косвенно способствовавшей втягиванию калмыцкого населения в процесс урбанизации в последующие десятилетия (это подтверждается статистикой чеченского и ингушского населения).

Подводя итоги необходимо отметить следующее: в условиях депортации и спецпоселения существовало два основных варианта вписывания административного режима в городскую среду: 1) «классический поселковый» – переселенцам предоставлялось право перемещения от производственной зоны предприятия (организации) до находящегося в городской черте барачного поселка спецпереселенцев (пос. Перековка – в Ханты-Мансийске; пос. Рыбкомбината – в Салехарде); 2) «городской» – г. Тюмень, Омск, где городские комендатуры контролировали лишь наличие спецпереселенцев в городе.

Государство не стремилось сделать из спецпереселенцев горожан. Урбанизация (огороживание) как погружение в городскую производственно-хозяйственную среду выступала здесь не целью, а средством. Город воспринимался лишь как территориально локализованный производственный комплекс, место формирования лояльного трудового населения. Не было и речи о формировании городской идентичности и образа жизни. Люди, пережившие многочисленные трагедии депортации (распад семей, смерть близких, утрата родного дома и т.д.), едва решив проблему выживания инстинктивно перешли к разрешению проблемы сохранения этнической идентичности, что выражалось в проходившем на поселении процессе формирования общекалмыцкой идентичности.

Находясь на поселении, калмыки и представители других totalmente депортированных народов выступили в роли «приписных горожан» – невольных участников процесса режимной квазиурбанизации (и ее диспропорциями численности спецпоселенческого городского населения и неприспособленностью городской среды к административному режиму), заложников производственно-хозяйственных и надзорно-карательного ведомств, горожан по форме, а не по содержанию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авлиев В.Н. Калмыцкое народонаселение в конце XIX–XX в.: историко-демографическое исследование: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Элиста, 2004. 230 с.
2. Бамбышев С.М. Сибирь я буду помнить вечно // Широкий: Широкий: сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС. Элиста: Джангар, 1994. С. 30–31.
3. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 320 с.

4. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Таблица 15д. Национальный состав населения (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966) // Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39_gs.php?reg=0&gor=1&Submit=OK (дата обращения 1.10.2014 г.).
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87.
6. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161.
7. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164.
8. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176.
9. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177.
10. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 260.
11. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 297.
12. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 316.
13. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 363.
14. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 366.
15. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 374.
16. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416.
17. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 480.
18. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484.
19. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 513.
20. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 791.
21. Денисенко М.Б. Особенности демографического развития народов России в 1960–1970-е гг. // Население России в XX веке: исторические очерки. В 3-х тт. Т.3. Кн.1. 1960–1979 гг. М.: РОССПЭН. 2005. 304 с. С. 68–106.
22. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 3–26.
23. Иосиф Сталин – Лаврентий Берия: «Их надо депортировать...» Документы, факты, комментарии / Вступ. ст., сост., предисл. Н. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.
24. Исупов В.А. «Квазиурбанизация» в сталинской стратегии модернизации Сибири: конец 1920-х – конец 1930-х гг. // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Мат-лы межрегион. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 238–245.
25. Кирилук Д.В. Организация всеобщего обучения детей в школах Ямало-Ненецкого национального округа в 1945–1958 гг. // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию высшего исторического образования в ХМАО-Югре. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. С. 173–179.
26. Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Ссылка калмыков: как это было: сб. док. и мат-лов. Кн. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 237 с.
27. Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа: сб. док. и мат-лов. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 584 с.
28. Кузнецова А.Б. Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957–1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей: Дис. ...канд. наук: 07.00.02. М., 2005. 196 с. // Режим доступа: <http://annu.ku.narod.ru/disser.htm> (дата обращения 1.10.2014 г.)
29. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Калмыцкий ин-т гум. исслед. РАН: Наука, 2007. 374 с.
30. Максимов К.Н. Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация (1943–1950-е гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2. Элиста: ИД Герел, 2009. С. 580–641.
31. Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 196 с.
32. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. В 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1020 с.
33. Савельева (Овшинова) Н.Н. Мне приходилось драться, чтобы доказать: мы тоже люди // Мы – из выселенных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.). Элиста: АПП Джангар, 2003. С. 268–271.

34. Ссылка калмыков: как это было: сб. док. и мат-лов. Т. I, кн. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
35. Стась И.Н. Урбанизация как хозяйство: ведомственные города нефтедобывающих районов Западной Сибири (1960 — 1980 гг.) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 64-71.
36. Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 139-179.
37. Численность, состав, и размещение населения СССР. Краткие итоги Всесоюзной переписи населения СССР. М.: Госстатиздат, 1961. 64 с.
38. Яров С.В. Человек перед лицом власти. 1917-1920-е гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 375 с.

* * * * *

УДК: 314:325.111

Ракачев Вадим Николаевич
кандидат исторических наук, доцент
Кубанский государственный университет
г. Краснодар
soccenter@kubannet.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ НА КУБАНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В статье на основе материалов Всеобщих переписей населения и текущего учета анализируются процессы урбанизации на Кубани, определяются специфические особенности этих процессов в регионе, и факторы, обусловившие замедленный и неровный урбанизационный переход.

Ключевые слова: расселение, урбанизация, перепись населения, Кубань, Краснодарский край, город.

Rakachev Vadim Nikolaevich
candidate of historical sciences, associate professor
Kuban State University
Krasnodar
soccenter@kubannet.ru

FEATURES OF THE DISTRIBUTION OF POPULATION AND URBANIZATION IN THE KUBAN REGION IN THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

In this article based on the general population and the current account with the processes of urbanization in the Kuban region, deter-

mined by the specific features of these processes in the region, and the factors responsible for the slow and uneven urbanization transition.

Keywords: resettlement, urbanization, population census, Kuban, Krasnodar region, the city, the urban population.

Рост городов и городского населения в первой половине XX века был неуклонной, но не равномерной тенденцией в развитии населения страны в целом и ее отдельных регионов. Периоды увеличения численности населения городов сменялись периодами дезурбанизации. Анализ статистических данных показывает, что численность городского населения в стране росла в годы Первой мировой войны, затем резко сократилась в годы Гражданской войны и с 1920 г. вновь стала медленно расти.

Значительное сокращение численности городского населения за годы Гражданской войны объяснялось кроме общих причин (рост смертности, снижение рождаемости, военные потери и пр.) такими специфическими причинами как уход из городов беженцев, перебравшихся туда в годы Первой мировой войны, а так же отъезд эмигрантов, скопившихся в городах во время Гражданской войны; отток из городов в деревню рабочих в связи с разрухой, закрытием и сокращением промышленных предприятий, перемещение некоторой части жителей центральноевропейских городов в города Украины, Сибири, Северного Кавказа [11, С. 125].

Процессы урбанизации на Кубани в первые десятилетия XX в. наряду с общероссийскими тенденциями имели свои особенности.

Так, согласно результатам переписи 1926 г., на Кубани насчитывалось 5202 населенных пункта. Городское население было сосредоточено в 19 городах и поселениях городского типа: Армави-ре, Баталпашинске, Кропоткине, Лабинской, Краснодаре, Горячем Ключе, Приморско-Ахтарской, Темрюке, Тихорецке, Майкопе, Майкопских Нефтепромыслах, Новороссийске, Адлере, Анапе, Геленджике, Красной Поляне, Сочи, Туапсе, Хосте [3, С. 50].

Наиболее динамично развивалось население г. Екатеринодара (с 1920 г. Краснодар). На протяжении первых десятилетий XX в. его население неуклонно росло. Если на момент переписи 1897 г. в городе проживало 65606 жителей, то к 1911 г. численность его жителей выросла на треть.

Незначительное уменьшение численности жителей Екатеринодара в 1914 и 1915 гг. было следствием войны, затем начался приток беженцев как из мест военных действий, так и из сельской местности в город, где жизнь была более спокойной и безопасной. Вновь наблюдается небольшой спад в 1917 г., но в дальнейшем на протяжении всей Гражданской войны и первых мирных лет

происходит неуклонный рост жителей города, который к тому же имел значительные темпы. Как отмечал П.В. Миронов, в численности населения города необходимо сделать поправку на воинские команды в 1920 и 1923 гг., которые не были включены в число наличного населения, в соответствии с чем численность населения за эти годы необходимо увеличить на 6–7 тыс. [11, С. 126].

Вместе с тем такая динамика была характерна далеко не для всех городов Кубани (табл. 1).

Таблица 1 – Население городов Кубани по переписям населения 1897, 1920, 1923 и 1926 гг. [1, С. 35]

Город	1897 г.	1920 г.	1923 г.	1926 г.
Екатеринодар/Краснодар	65606	145782	144327	162520
Ейск	35414	34776	42333	38094
Майкоп	34327	44765	49508	53028
Темрюк	14734	15163	15906	15861
Анапа	6944	13015	16430	13380
Новороссийск	1644	49055	49508	67955

В большинстве городов в период с 1920 по 1923 г. повышается численность населения, за исключением Краснодара, но в последующие годы (с 1923 по 1926 г.) в некоторых из них численность жителей значительно сокращается – в Ейске, Анапе, в меньшей степени в Темрюке, тогда как другая часть характеризуется достаточно высокими показателями прироста. За рассматриваемый период самые высокие темпы роста наблюдались в Новороссийске – 137%, в Краснодаре они составили 112%, в Майкопе – 107%. [3, С. 50].

Распределение населения на городское и сельское было неодинаково в разных округах. Однако и здесь сохранялись сложившиеся в предыдущий период закономерности.

Самым урбанизированным был Черноморский округ, где доля горожан приближалась к половине всего населения и в два с лишним раза превышала этот показатель в трех других округах. Наибольший процент сельского населения был в Кубанском округе.

В 1923 г. 18 пунктов в крае были отнесены к городам и городским поселениям: это прежние города и населенные пункты имеющие промышленное и административное или курортное значение. К ним относятся Краснодар, Армавир, Новороссийск, Майкоп, Ейск, Кропоткин, Темрюк, Тихорецк, Анапа, Туапсе, Приморско-Ахтарск, Сочи, Геленджик, Горячий Ключ, станицы Лабинская и Славянская, городские поселения Гайдук и «Нефтяные промыслы».

Во второй половине 1920-х гг. численность городского населения достигла довоенной. Благодаря нэпу частично возрождались

городские традиции, преемственность, восстанавливались механизмы городского развития.

Новый подъем городского развития был стимулирован форсированной «социалистической» индустриализацией 1930-х гг., обусловившей радикальный поворот в урбанизационном процессе. С тех пор урбанизация и «социалистическая индустриализация» стали, по словам А.С. Сенявского, неразрывны в истории советского общества [15, С. 115].

Индустриализация неизбежно требовала концентрации материальных и людских ресурсов в городских поселениях. Вместе с тем процесс урбанизации специфичен прежде всего тем, что шел форсировано в условиях жесткого командно-административного управления и контроля.

Источником роста городского населения служат, как правило, сальдо естественного прироста, миграции и преобразование населенных пунктов в городские поселения. В разные периоды каждый из этих источников играет свою роль в формировании городского населения [8, С. 67].

Изменение источников этого роста, наряду с динамикой численности и удельного веса городского населения, является важной характеристикой урбанизационного процесса.

Основными источниками прироста городского населения в 1927–1939 гг. были миграция и преобразование сельских населенных пунктов в городские, т.е. по сути факторы экстенсивного роста. На их долю приходилось 4/5 всего прироста городского населения, тогда как на долю естественного прироста в данный период пришлось лишь 1/5 [15, С. 117–118].

Постепенно удельный вес самовоспроизводства как фактора роста городского населения возрастал.

Значительный рост городов и городского населения вследствие индустриализации зафиксировали переписи 1930-х гг. В официальной пропаганде рост городского населения рассматривался как один из главных показателей «грандиозных успехов» страны в области индустриализации. В одном из выступлений Сталина указывалось на тот факт, что в сравнении с 1926 г. городское население в стране удвоилось. Согласно данным переписи 1926 г. численность городского населения составляла 26 млн чел. Таким образом, ожидалось, что перепись 1937 г. подтвердит заранее заданный результат. Прогноз этот в целом подтвердился. В секретном письме начальника Центрального управления народнохозяйственного учета И.А. Краваля на имя И.В. Сталина указана цифра 51,9 млн горожан. Учитывая возможность фальсификации данных по городскому населению, В.Б. Жиромская отмечает, что в действи-

тельности общая численность городского населения была ниже на 6,9 млн чел., или на 13% от общего итога [7, С. 62].

Преувеличение городского населения было произведено за счет неутвержденного списка городских поселков, которым официально не был присвоен статус городов, т.е. существовало два списка городов – утвержденных и неутвержденных.

Уточнения требует и цифра городского населения по переписи 1939 г. Официально опубликованная численность горожан согласно ее данным составляла 55,9 тыс. чел. Следует также учесть, что во время переписи 1939 г. вопрос о численности городского населения был еще более политизирован.

Начальник ЦУНХУ И. Саутин писал в СНК В. Молотову, что если ряд населенных пунктов не превратить в города, то перепись может не досчитать 4–5 млн чел. городского населения. В этой связи была проведена кампания по пересмотру статуса ряда рабочих поселков и сел и превращению их в города [7, С. 63].

Так, если за период 1927–1937 гг. был образован 101 новый город, то за один только 1938 г. – 139 городов (накануне переписи 1939 г.). В последующие годы в среднем возникало два-три десятка городов ежегодно [10, С. 62].

При этом обратного перевода городов в села, как это было при других переписях, не производилось. Следовательно, в данный период существовал определенный разрыв между реальным развитием поселения и приданием ему городского статуса, причем это могло происходить не только с опережением, но и с запаздыванием относительно реальных процессов.

В результате предпринятых усилий была получена цифра, которая показала почти двукратное увеличение численности городского населения по сравнению с 1926 г.

Для определения истинной численности городского населения СССР по переписи 1939 г. необходимо освободить официальную цифру 55,9 млн чел. от необоснованной приписки, которую В.Б. Жиромская, имея в виду выявленный механизм приписки, определяет в 14% от всех горожан. Необоснованная приписка к городскому населению России составила в абсолютных цифрах 3,2 млн чел., т.е. примерно 10% от числа всех российских горожан. В итоге истинная численность городского населения России по переписи 1939 г. составила 33,7 млн чел. [7, С. 62].

В целом динамика городского населения за период между переписями была положительной. Численность городского населения РФ в 1937 г. в сравнении с 1926 г. увеличилась в 1,7 раза.

Хотя индустриализация и урбанизация коснулись практически всех регионов страны, в центральных промышленных районах Российской Федерации, имевших больше ресурсов и подготовлен-

ных кадров, она продвигалась более высокими темпами. В окраинных аграрных регионах, к которым неизменно относился Северный Кавказ и Кубань, она протекала значительно медленнее. Это непосредственным образом проявляется в показателях городского и сельского населения и соответствующих темпах роста.

За период с 1926 по 1937 г. численность городского населения в крае возросла. Обращает на себя внимание резкий рост населения в приморских городах, особенно в Сочи (табл. 2).

Таблица 2 – Динамика численности населения городов Краснодарского края за 1926–1937 гг. [3, С. 50; 4, С. 64]

Города	Численность населения		
	1926 г.	1937 г.	1937 г. к 1926 г., %
Краснодар	158460	168135	106,1
Новороссийск	66192	87388	132,0
Армавир	72962	75366	103,3
Сочи	10343	54528	527,2

Несмотря на достаточно высокие темпы урбанизации в целом по стране, в Краснодарском крае доля городского населения с 1926 по 1939 г. увеличилась незначительно и составила 24,82%. Край по-прежнему оставался аграрным регионом. В то же время в Адыгейской АО доля городского населения была несколько выше, чем в крае (26,01%), при этом здесь был только один город – Майкоп с числом жителей 55871 чел.

Если по переписи 1926 г. на Кубани насчитывалось 19 городов и поселков городского типа, то в 1939 г. их число составило уже 22. Среди них 11 городов: Краснодар, Новороссийск, Армавир, Сочи, Туапсе, Тихорецк, Темрюк, Кропоткин, Ейск, Геленджик, Анапа. Кроме того, к разряду городских поселений в крае были отнесены пять рабочих и четыре курортных поселка с общей численностью населения 69491 чел., т.е. всего 9,55% от всех городских жителей края [3, С. 50].

Краевой центр особо выделялся среди городов края, численность населения Краснодара была на порядок выше других городов. Здесь проживала почти треть (28%) всех горожан. В то же время основная масса городов в крае (80%) насчитывала менее 50 тыс. жителей. Несколько выделялись среди них, но все-таки уступали по численности краевому центру такие города, как Новороссийск и Армавир – крупные узловые транспортные центры.

Годы войны и послевоенного восстановления негативно сказались на динамике городского населения. Значительные людские потери прямые и косвенные привели к сокращению численности городских жителей, однако постепенно с восстановлением хозяй-

ства, производства, рост городов возобновился. В целом, число городских поселений в РСФСР за межпереписной период с 1939 по 1959 г. увеличилось. Причем это увеличение произошло не только и не столько за счет возникновения новых городов и городских поселков, но в основном за счет преобразования многих сельских населенных пунктов в поселки городского типа и поселков городского типа в города, а также за счет изменения территории страны.

Административно-территориальные преобразования были частой практикой, в конце 1940-х – 1950-е гг. проводилось укрупнение районов, изменение границ отдельных населенных пунктов и т.д. Так, в 1951–1954 гг. проводится массовое объединение сельсоветов с целью привести в соответствие границы сельсоветов и колхозных земель. В итоге после укрупнения сельсоветов в 1954 г. вместо 628 сельсоветов в Краснодарском крае осталось 411 (на территории одного колхоза, как правило, был один сельсовет).

Указом от 15 апреля 1954 г. была расширена городская черта г. Краснодара за счет территорий пригородных районов (Новотитаровского и Пластуновского), что отразилось на численности жителей города [6, Л. 97].

Одновременно был проведен учет населенных пунктов. Эта работа началась еще в конце 1940-х гг., и к 1947 г. был составлен справочник населенных мест Краснодарского края. Однако он был еще неполным. В дальнейшем работа эта продолжалась, и в 1955 г. был издан Справочник административно-территориального деления Краснодарского края.

Ряд решений Президиума Верховного Совета РСФСР «О передаче некоторых вопросов административно-территориального деления РСФСР на разрешение исполнительных комитетов краевых, областных Советов народных депутатов» 1956 г., «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям и районам, а также городам и другим населенным пунктам» и «О порядке отнесения населенных пунктов к категориям городов, рабочих и курортных поселков» 1957 г. заменили законоположения 1920–1930-х гг., расширили в этом вопросе права местных Советов. В 1957–1958 гг. в крае было проведено переименование многих населенных пунктов и городов, что так же изменило административно-территориальную карту края [13, С. 137].

Кроме того, накануне проведения переписи населения СССР 1959 г. была проведена массовая регистрация населенных пунктов, существовавших зачастую с 1930-х гг. В результате в течение семи месяцев 1958 г. в Краснодарском крае было зарегистрировано более 300 новых населенных пунктов. Одновременно с регистрацией проводилось исключение из учетных данных населенных пунктов, объединившихся с соседними, либо сселенных из-за неперспективности.

Итогом преобразований стало увеличение числа населенных пунктов, имеющих статус города. В конце 1950-х г. в Краснодарском крае в разряд городов перешли такие населенные пункты, как: Белореченск, Крымск, Славянск-на-Кубани, Усть-Лабинск; рабочих поселков: Афиппский, Гирей, Дагомыс, Калинино, Нижнебаканский, Пашковский, Псебай, статус курортного поселка получила Кабардинка. В результате общее число городских поселений в крае к 1959 г. составило 33, из них 17 городов. Число городских поселений в крае к 1959 г. в сравнении с 1939 г. увеличилось на 11, в том числе городов на 6 [13, С. 136-138].

В то же время в 1958 г. в РСФСР был пересмотрен количественный критерий для отнесения населенных пунктов к числу городов в сторону его повышения. К городам стали относить населенные пункты, имевшие не менее 12 тыс. жителей, при условии, что рабочие и служащие с членами их семей составляют не менее 85% численности населения данного пункта, а к поселкам городского типа – пункты, имеющие 3 и более тыс. жителей, не менее 85% которых – рабочие и служащие с семьями.

Пересмотрен был критерий и для курортных поселков. Их стали относить к городским поселениям при условии, что число жителей в них не менее 2 тыс. чел. и количество приезжающих для лечения и отдыха составляет не менее 50% численности постоянного населения.

По данным переписи 1959 г., в городских населенных пунктах Краснодарского края проживали 1368197 чел., или 39,3% всего населения. Среди городов значительную часть составляли небольшие города с населением до 50 тыс. жителей. К числу наиболее крупных городов по-прежнему относились краевой центр – г. Краснодар с числом жителей 313 110 чел., это 22,9% всех горожан края; а также важные узловые транспортные центры Новороссийск и Армавир. Численность жителей краевого центра выросла с 203,8 тыс. чел. в 1939 г. до 313,1 тыс., или на 109,3 тыс. чел., прирост составил 53,6% (табл. 3).

Таблица 3 – Динамика городского и сельского населения по данным переписей 1926, 1939, 1959 гг., % [9, С. 64]

Территории	1926 г.		1939 г.		1959 г.	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
РСФСР	18,0	82,0	33,5	66,5	52,0	48,0
Краснодарский край	15,9	84,1	24,8	75,2	39,3	60,7

В то же время доля городского населения на Кубани, по данным переписи 1959 г., была существенно ниже, чем в целом по РСФСР, где порог урбанизации был уже пройден и городское население со-

ставляло 52%, а сельское – 48 против 60,7% в крае. Если в масштабах страны городское население уже превысило сельское, то Кубань по-прежнему сохраняет за собой статус аграрного региона.

Темпы роста городского населения за межпереписной период в крае были несколько выше, чем в РСФСР, здесь его доля выросла в 1,6 раза против 1,5 по стране. Тем не менее процент его в составе населения края по-прежнему был невелик. Вместе с тем темпы роста городского населения в сравнении с периодом 1926–1939 гг. значительно замедлились. В данный период население городов в стране увеличилось в 1,9 раза, тогда как в Краснодарском крае в 1,5 раза [12, С. 167].

Специфичным с точки зрения расселения для Кубани так же было то, что существовал ряд сельских населенных пунктов, которые по численности фактически соответствовали городам, однако в силу хозяйственной специфики сохраняли статус сел. Доля крупных станиц, насчитывающих более 5 тыс. жителей, была весьма значительной на Кубани и составляла 38,6% от общего числа сельских населенных пунктов края [2, С. 95].

Таким образом, особенностью края на протяжении всей его истории была и остается аграрная специфика. Это определяло и характер расселения, специфику поселений, характер и темпы урбанизационного перехода. Процессы модернизации, начавшиеся в российском обществе, и стимулировавшие развитие промышленности и городов постепенно, но неумолимо меняли поселенческую структуру Кубани, как в количественном, так и в качественном отношении. Однако эти изменения сталкивались с определенным набором факторов и условий, под влиянием которых принимали различные формы, проходили различными темпами. В целом, можно отметить, что процессы урбанизации в крае в отличие от центральных российских областей носили замедленный характер и отличались неровным и неустойчивым трендом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апостолов Л.Я. Кубано-Черноморский край: краткий очерк его современного состояния с приложением карты. Краснодар, 1924.
2. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5.
4. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги / Сост. Н.А. Араловец, В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев. М., 1991.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-687. Оп. 2. Д. 613.
7. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001.
8. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963.
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963.

10. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М., 1987.
11. Миронов П.В. Население Краснодар. Краснодар, 1926.
12. Население России в XX в.: исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. М., 2000.
13. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 65.
15. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.

* * * * *

УДК 75.03

Малкова Ирина Геннадьевна

кандидат исторических наук, доцент

Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Миасс

г. Миасс

malkovaig@mail.ru

ГОРОДА УРАЛА: ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

На основе разноплановых источников и привлечения архивного материала рассматривается исторический опыт регулирования развития городов, роль центральных организаций и местных органов управления в решении проблем послевоенного градостроительства. На конкретном историческом опыте городов Урала раскрываются актуальные вопросы формирования городского пространства, нормотворческо-регламентирующая деятельность Комитета по делам архитектуры при Совете народных комиссаров СССР, усилия по преодолению противоречий между идеалом «советского» «города-ансамбля» и фактическим «поселковым» характером развития промышленных городов Урала.

Ключевые слова: послевоенное градостроительство, города Урала.

Malkova Irina Gennadjevna

candidate of historical sciences, associate professor

South Ural State University, branch in Miass

Miass

malkovaig@mail.ru

CITIES OF THE URALS: EXPERIENCE OF CITY DEVELOPMENT REGULATION

The article describes the historical experience of city development regulation on basis of archives and other historical materials. The role of central organizations and local authorities in solution of problems

of postwar planning is also in the spotlight. Actual problems of city space formation, legislation and regulation of The Committee of Architecture under The Council of People's Commissars are described on basis of historical experience. Moreover author shows attempts to overcome contradictions between the ideal of «soviet» «city ensemble» and real way of development of industrial cities of the Ural as a settlements.

Keywords: postwar urban planning, ural cities.

Градостроительство послевоенного периода, породившее пространственную среду, характерную для большинства городов России до сих пор по-настоящему не стало объектом исторического изучения. Целью данной работы является исследование роли центральных организаций и местных органов управления в решении проблем послевоенного градостроительства. Работа выполнена на основе привлечения разноплановых источников и материалов Российского государственного архива экономики (фонд Комитета по делам архитектуры при СНК СССР), Центрального государственного архива научно-технической документации (г. Санкт-Петербург).

Нижней хронологической границей исследования предлагается считать 1943 г., когда было принято решение о создании Комитета по делам архитектуры при Совете народных комиссаров СССР. Исследование завершается концом 1950-х годов, т.к. к этому времени завершилось формирование системы регулирования градостроительного развития городов, функционировавшей практически без изменений до конца советского исторического периода.

Проблемы градорегулирования в городах Урала и подходы к их решению рассмотрены в контексте общего развития управления отечественным градостроительством в исследуемый период. При изучении отмеченных выше источников были использованы методологические принципы системного и сравнительного анализа и исторических аналогий. В центре внимания оценка характера и степени влияния управленческих воздействий на архитектурно-градостроительное развитие городов, конкретных решений, степеней их воплощения и полученных результатов.

В 1930-е годы сохранялась значительная неопределенность с субъектами градорегулирования на общесоюзном уровне, не был создан орган, способный компетентно руководить планировкой и застройкой городов. В 1929 г. в Ленинграде был организован институт «Проектгражданстрой» с подчинением Министерству коммунального хозяйства РСФСР. В 1930 г. институт «Проектгражданстрой» был реорганизован в самостоятельный государственный трест по планировке населенных мест и проектировании государственного гражданского строительства «Гипрогор» [11]. В 1935 г.

был введен пост Главного государственного контролера РСФСР по строительству и аналогичные должности в крупных городах [1].

В 1943 г. был создан Комитет по делам архитектуры при СНК СССР, призванный осуществлять послевоенное восстановление и реконструкцию городов. Это был шаг в сторону отделения гражданского строительства от военно-промышленного, признание факта, что задачи формирования города не должны поглощаться полностью задачами развития производства. С другой стороны, с первых своих шагов управленческая система столкнулась с рядом принципиальных трудностей. Параллельно государственной схеме управления застройкой городов существовала сложная и разветвленная система промышленных ведомств, прочно удерживавших при себе большую часть финансовых и материально-технических ресурсов строительства.

В 1944 г. было принято «Положение о главных архитекторах городов», в котором главным архитекторам предписывалось сосредотачивать все проектные работы на местах, создавать архитектурно-планировочные мастерские, отвечать за качество градостроительных решений и их воплощение в натуре. Выполнение решения контролировалось, прежде всего, в областных центрах. Что касается остальных городов, то даже через 20 лет (данные 1965 г.) должность главного архитектора города была установлена только в 580 городах (из 1806 городов, т.е. в 32% городов). Фактически должности главного архитектора были замещены в 425 городах. Многие главные архитекторы не имели необходимого образования, стажа работы и квалификации. Из общего количества главных архитекторов городов 44% имели высшее архитектурное образование; 33% – высшее инженерно-строительное; 23% – среднетехническое образование. По стажу практической работы лишь 70 главных архитекторов (16%) имели стаж работы 10 лет, 102 главных архитекторов (24%) не имели даже трехлетнего практического стажа [9].

Согласно исследованиям Ю.П. Косенковой, важнейшей для всей истории архитектуры советской эпохи была тема идеального города будущего. Утопическое сознание, в значительной степени определившее характер отечественной культуры на протяжении почти всего XX столетия, оставило свой след и в градостроительстве, создав некий фантом идеального города будущего. Этот смутно-обобщенный образ, всегда эмоционально переживаемый как профессионалами-архитекторами, так и обществом в целом, воспринимался как нечто такое, что вот-вот проявится из мира потенциального в мир действительности, стоит сделать только еще одно, последнее усилие [3].

В 1947 году для главных архитекторов городов было составлено краткое руководство «Планировка и застройка города» [7], которое

очерчивало основные контуры «идеального города». Города по своему хозяйственно-политическому назначению были разделены на группы: административно-политические центры, города ясно выраженного промышленного профиля и города приморские, курортные.

Согласно данному руководству, промышленные города должны раскрывать в своем художественном облике «ведущую тему заботы о советском человеке, отдающем свой труд родине и народу». Особое значение должны иметь магистрали, соединяющие центральные ансамбли города с его главными промышленными районами, они должны стать парадно застроенными привлекательными улицами. Были даны конкретные рекомендации: «предзаводские площади не должны быть мрачными и безликими», «жилым районам промышленного города должен быть придан радостный облик, проникнутый чувством большой заботы о человеке», «следует избегать излишней протяженности жилых улиц во избежание их архитектурного однообразия» [7, Л. 15].

Особо отмечалось, что «совершенно недопустимо строительство в городах временных бараков и сооружений для размещения строительных рабочих непосредственно на строительных площадках» [7, Л. 42].

Для городов были установлены две стадии проектно-планировочных работ: генеральный план и проекты детальной планировки первой очереди строительства. Основой для генерального плана города являлся перспективный план развития народного хозяйства. На практике детальное проектирование во многих городах отставало от потребностей строительства. Новые районы застраивались по схематическим чертежам планировки.

Специальной бригадой Горстройпроекта по заданию Комитета по делам архитектуры был разработан Генеральный план 10-летнего строительства Нижнего Тагила. Этот документ состоял из двух частей: практических вопросов 10-летнего строительства и ряда принципиальных положений, связанных с методологией планировочных работ.

Основными недостатками существующей системы планировки и застройки городов авторы считали:

1. Недостаточность расчетного срока 15–20 лет для осуществления намеченных генеральными планами мероприятий по застройке и реконструкции городов;
2. Наличие значительных отступлений от разработанных и утвержденных проектов в процессе текущего строительства;
3. Излишняя детализация проработки генпланов.

Авторы предложили взамен генплана разрабатывать схему планировки городов в небольшом масштабе 1:10000, которая бы уста-

навливала основные принципы застройки города. Основным документом предложили сделать 10-летний план и полностью отказаться от разработки плана застройки на ближайшие 3–5 лет [8, Л. 41].

Комиссия Комитета по делам архитектуры пришла к выводу, что вызванная неудовлетворительным положением в планировочной практике критика устоявшихся принципов и методов своевременна и целесообразна. Генпланы действительно слишком долго согласовываются, не включают полного комплекта показателей. Через 2–3 года мало помогают городу в решение актуальных задач. Существует разрыв между предложениями генплана в чертеже и пояснительными записками. Нет увязки между генпланами и сводными планами первой очереди (утверждаемого правительством). Генпланы быстро устаревают и часто переделываются, и поэтому было предложено увеличить срок проектирования генплана с 15–20 лет до 20–25 лет и убрать чрезмерную детализацию [8, Л. 44].

Созданная Комитетом сложная иерархия тотального государственного контроля на пути прохождения проектов неблагоприятно сказывалась на практике: из-за медленного многоступенчатого продвижения проектов, в городах создавалась хроническая нехватка качественного проектного материала, восполнявшаяся несанкционированным строительством.

Проект планировки города Златоуста был впервые разработан в 1939 г., но не был утвержден в связи с началом Великой Отечественной войны. До 1944 г. специального учреждения, ведающего вопросами строительства и архитектуры, в Златоусте не существовало, затем был создан отдел главного архитектора. С октября 1944 г. его руководителем (по совместительству) был главный инженер городского коммунального хозяйства П.А. Сибрин. В связи с увеличением объемов строительства 18 мая 1945 г. была образована самостоятельная структурная единица – управление главного архитектора Златоуста и первым главным архитектором города утверждается П.А. Сибрин [6].

Ввиду изменений, происшедших за годы Великой Отечественной войны, освоения новых территорий и отступлений от принятых ранее архитектурно-планировочных решений, в 1940-е годы разрабатываются обновленные генеральные планы городов. Корректировка генерального плана и размещения строительства на 1946–1950 гг. была проведена и в г. Златоусте, в городскую черту включены земли Нового Златоуста. Но уже к 1952 г. площадь города увеличилась более чем в два раза (от 38 кв. км до 85 кв. км) и потребовался вновь пересмотр плана города.

Также постфактум создается генеральный план застройки г. Миасса. Еще в 1939 году, в 12 км от города было начато стро-

ительство шарикоподшипникового завода. В сжатые сроки были возведены моторный и инструментальный цехи, здание электростанции. В 1942 г. на этой базе начал работу автомоторный завод, с февраля 1943 – автомобильный. Обособленно в годы войны развивались еще несколько поселков, которые сложились при промышленных предприятиях (пос. Динамо, Мелентьевка, Первомайский, Дачный, Строителей).

Для размещения эвакуированных, прибывших с оборудованием заводов, сооружалось временное жилье. В 1942 г. было построено 3 деревянных дома и 4 барака. В 1945 г. улица, целиком состоявшая из бараков, получила название Победы.

В мае 1946 г. в город Миасс приезжал автор проекта «Большого Миасса» Р.И. Друбецкий, архитектор института «Ленгорпроект». Предусматривалась застройка площади от автозавода до старой части города с возведением многоэтажных домов с широкими благоустроенными улицами и густой сетью трамвайных путей [4].

Городская газета не жалела слов, рисуя будущий прекрасный город: «...Выходим из ворот центральной проходной автозавода. Как стрела протянулся проспект им. Сталина. Рядом с заводоуправлением расположены советские учреждения, театр, кино, лечебные учреждения, детские сады, ясли, школы. Береговая полоса пруда и реки Миасс совершенно изменятся. Они оденутся в бетон. Где стоят старые деревянные халупки будут широкие площади, обустроенные красивыми зданиями» [2].

В 1940-е гг. в генеральных планах городов особое внимание было уделено зданиям театра. Так, в экспертном заключении по планировке города Нижнего Тагила (1947 г.) отмечено, что в проекте В.Г. Гельфрейха вызывает «возражение трактовка центральной площади, предусматривающая центральное расположение Дома Союзов, не имеющего ведущего значения и удаленное рассмотрение театра, являющегося первоочередным объектом» [8, Л. 12]. Но здание театра так и не было построено в Миассе.

В 1946 г. в Миассе было сдано 20 тыс. кв. м жилья, была построена первая капитальная двухэтажная школа (здание с массивными колонами, в строительстве которого участвовали военнопленные), велось строительство капитальных домов на центральной улице (ныне пр. Автозаводцев), возведены 4 двухэтажных дома из бруса (для приезжих специалистов), проезжую часть мостили булыжником.

На всех уровнях функционирования административно-управленческой системы (общегосударственном, внутригородском, общечеловеческом) постоянно возникали непреодолимые трудности из-за противоречивости требований. Управленческая система постоянно колебалась между невозможностью охватить весь объем

градостроительной деятельности из центра и невозможностью пустить процесс «на самотек», возложив права и ответственность на местные архитектурные организации.

В 1949 г. Комитет по делам архитектуры был ликвидирован. «В связи с ростом городского строительства, необходимостью обеспечить государственное руководство делом планирования и застройки городов и в целях внедрения передовой техники в городское строительство 1 июня 1949 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было образовано Министерство городского строительства СССР» [10]. Уже через 5 лет данное Министерство было преобразовано в Министерство городского и сельского строительства СССР.

Подобные преобразования, «министерская чехарда», утрата градорегулирующих ориентиров и приоритетов привела к тому, что конкретно в Миассе проект «Большой Миасс» осуществлен не был. Вместо развития города в южном направлении и соединения исторической части города и района автомобильного завода в 1950-е гг. формируется новый район города.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. столкновение двух государственных систем застройки городов – через управленческие архитектурно-градостроительные органы и через систему ведомств приобрело особенно обостренный характер.

В архиве Государственного ракетного центра (ГРЦ) хранится несколько проектов застройки северной части города Миасса. Первый был разработан еще в 1951 году – проект поселка «А». Предполагалось построить его 4–5 этажными домами; кроме того, планировалось 500 домов индивидуальной застройки. В 1954 г. было решение об экономической нецелесообразности заселения северного района Миасса, предполагалось людей расселить в центральной части города.

Второй проект был разработан под строительство завода по производству ракет и ракетных двигателей в 1956 году. Этот проект предусматривал строительство поселка на 80 тысяч человек, 10% которых должны были проживать в индивидуальном секторе, остальные – в многоквартирных домах. Отведенная по этому проекту площадь – 685 га. На этой территории предусмотрено было также строительство театра, завода фруктовых вод, двух кинотеатров, молокозавода.

В 1958 году на уже подготовленной стройплощадке несостоявшегося завода по производству ракет и ракетных двигателей решено было разместить СКБ-385 (ныне ГРЦ).

В 1960 году уже московский институт Гипрогор выполнил новый проект жилого поселка на 45 тысяч жителей. По новому проекту уже половина жителей городка машиностроителей должна

была проживать в 4-этажных домах, остальные – в 5-этажных. Территория была разделена не на микрорайоны, а на кварталы. От малоэтажной застройки отказались. Этот проект и был взят за основу [5, С. 108].

Таким образом, промышленное развитие и отсутствие градорегулирующих ориентиров серьезно изменило пространство уральского города.

В Миассе это вылилось в духовную катастрофу, масштабы которой еще не поняты до конца. С 1950-х гг. историческая часть города теряет свое значение, все больше превращается в «головную боль» муниципальной администрации: сложно решаются вопросы с уборкой территории и вывозом мусора, ветшают и разрушаются дома. Горожане стремятся уехать в другие районы города. На сегодняшний день в Миассе выросло целое поколение детей, которые ни разу не были в исторической части города, ни разу не посетили городской краеведческий музей. И вся 240-летняя история города не является для них родной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайтенс, А.Г., Косенкова Ю.Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII — начала XXI веков: опыт ист. исслед. Обнинск: Ин-т муницип. упр., 2006. 528 с.
2. Завтрашний день Миасса // Миасский рабочий. 1949. 3 ноября. С.1.
3. Косенкова, Ю.Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х гг. От творческих поисков к практике строительства. М.: УРСС, 2000 378 с.
4. Малкова И. Г. Города промышленного Урала: трансформация культурного пространства (вторая половина XX века): монография. Екатеринбург—Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. 249 с.
5. Под покровом Ильмен. Страницы истории Машгородка / Редактор-составитель Г. Медведева. Миасс: Издательство ООО «Геотур», 1999. 272 с.
6. Попова О.В., Кузнецов С.Н.. Архитектура Златоуста // Энциклопедия Челябинской области. Гл. ред. К.Н. Бочкарев. Т.2. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 448.
7. Российский государственный архив экономики Ф. 9432. Оп. 1. Д. 296. 69 л.
8. Российский государственный архив экономики. Ф. 9432. Оп.1. Д. 224.
9. Российский государственный архив экономики. Ф. 5. Оп. 1. Д. 501. Л. 46.
10. Российский государственный архив экономики. Ф. 9510. Оп. 1. Предисловие. Л. 2.
11. Центральный государственный архив научно-технической документации. Ф. 46. Оп. 3-7. Предисловие. С.3.

* * * * *

УДК 93/94

Мельникова Наталья Викторовна

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург
melnatvik@mail.ru*

ЗАКРЫТЫЙ АТОМНЫЙ ГОРОД: ОСОБЫЙ СТАТУС И ОСОБАЯ ЖИЗНЬ

В статье описаны некоторые особенности советского закрытого атомного города, в том числе своеобразие условий и качества жизни. Автор представляет анализ образа и статуса закрытого города и дает оригинальное объяснение причин, которые привели к их формированию.

Ключевые слова: закрытый атомный город, ЗАТО, условия жизни, социальный статус.

Melnikova Natalia Viktorovna

*candidate of historical sciences, senior research fellow
Institute of History and Archaeology, Ural branch,
Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg
melnatvik@mail.ru*

A CLOSED NUCLEAR TOWN: A SPECIAL STATUS AND A SPECIAL LIFE

The article describes the some prominent characteristics of a closed township phenomenon built around nuclear plants. It shows conditions and quality of life in the closed nuclear-plant towns. The author presents an analysis of the image of a closed town (including its social status) and gives the original explanation of the reasons that led to the emergence of this image.

Keywords: the closed nuclear town, ZATO, living conditions, the social status.

*Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ
№ 14-01-00053.*

После Второй мировой войны в рамках реализации советского атомного проекта в СССР появился особый тип города, который сегодня, согласно устоявшейся практике, называется «закрытый атомный город». В понятие включены его две основные характеристики: «закрытый», что подразумевает его физическую, территориальную изоляцию и особый режим доступа в город, и «атомный», что подчеркивает его «профессиональную» специфику (в таких городах размещены научно-исследовательские институты – разработчики ядерного оружия, предприятия по получению делящихся материалов и по серийному изготовлению боеприпасов). На сегодняшний

день насчитывается 10 подобных городов, которые относятся к Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и имеют юридический статус «закрытого административно-территориального образования» (ЗАТО) согласно Закону РФ от 14 июля 1992 г.

С одной стороны, по типу поселений их можно отнести к моноспециализированным городам. Впервые возникнув на Севере России в XI в., они появляются и на Урале в конце XVII—XVIII вв. как города-заводы, считающиеся характерными для данного региона поселениями, концентрировавшимися вокруг металлургических и горнодобывающих предприятий. Завод при этом максимально полно контролировал различные сферы жизнеобеспечения населения, концентрируя в себе все виды отношений и социальные структуры, присущие традиционному городу [53]. Укоренившись, в силу территориальной экономической и сырьевой специфики, подобные города продолжали строиться и в дореволюционный, и в советский периоды. Считается, что этот опыт сыграл свою роль при выборе региона размещения первых закрытых атомных городов [2, С. 7]: именно на Урале построена половина из них (Озерск, Новоуральск, Лесной, Трехгорный, Снежинск). Сибирский кластер закрытых атомных городов (Железногорск, Северск, Зеленогорск) строился уже с учетом уральских наработок.

С другой стороны, эти все города представляют собой уникальное явление. Несмотря на то, что они следовали зарубежной практике (первые подобные поселения возникли в 1915 г. в Великобритании [54, С. 90], непосредственный аналог – в начале 1940-х гг. в США в ходе реализации «Манхэттенского проекта»), российские закрытые города – это единственные в мире поселения подобного типа, где охраняемыми режимными объектами до сих пор считается не только само производство, но и весь город. В отличие, например, от американских атомных центров, где с конца 1950-х гг. закрытыми оставались только промышленные площадки (научная лаборатория, как в Ливерморе или завод, как завод по производству плутония в Хэнфорде), но не селитебная территория. Поселения работников этих предприятий доступны для свободного посещения, тогда как в российские закрытые города не могли (и не могут) свободно попасть и соотечественники.

Места расположения будущих ядерных городов выбирались с учетом соблюдения условий строгой секретности. Их следовало располагать вдали от границ государства, однако в тоже время при относительной близости к крупным индустриальным центрам с развитой промышленной инфраструктурой. Существование своеобразной буферной зоны (пустынная местность, сеть водоемов, тайга и т.п.) должно было максимально ограничивать контакты

работников с другими гражданами, не имевшими отношения к секретным предприятиям. Исходя из этих общих соображений и с учетом некоторых технологических требований (крупные природные запасы воды, наличие топливно-энергетических ресурсов, сети железных дорог и транспортных магистралей), определились конкретные месторасположения закрытых атомных поселений. Они помещались в центре нескольких «кругов безопасности», каждый из которых по мере приближения к секретному объекту был менее доступным и более контролируемым, чем внешнее кольцо. Наиболее удаленная зона окружала две области – Свердловскую и Челябинскую, которые были запрещены для посещения иностранцами. Вокруг завода выделялась охраняемая полоса в несколько километров и определялся круг неблагонадежных лиц, которые следовало выселить [38, С. 92]. Внутри режимной зоны располагался жилой поселок и непосредственно предприятие, подлежащее охране (так же как его отдельные цеха или их подразделения, вход в которые был разрешен строго по установленным спискам). Вся территория (и производственная, и жилая) окружалась заборами в 2,5–3 м высотой с несколькими нитями колючей проволоки сверху и контрольно-следовой полосой между ними. По всему периметру на определенном расстоянии друг от друга стояли вышки, на которых дежурили вооруженные солдаты. Вход в город осуществлялся через контрольно-пропускные пункты по специальным пропускам, которые имели горожане, начиная с семилетнего возраста. Для организации и осуществления пропускного режима создавались военные комендатуры и бюро пропусков. Не удивительно, что территория внутри города называлась резидентами ЗАТО «зоной» (по аналогии с тюремным арго), а вне – «большая земля».

На начальных этапах строительства первых закрытых атомных объектов для расселения работающих планировалась постройка небольших жилых поселков улучшенного типа (вместимостью, например, до 1500 жителей) [46, С. 206]. По мере возведения основного производства становилось ясно, что поселок не может вместить все увеличивающееся число работников и членов их семей, поэтому планы строительства менялись в сторону увеличения и расширения поселений. Статус города уральские секретные атомные поселения получили в 1954–1957 гг., через несколько лет после начала их сооружения, когда количество жителей в Озерске и Новоуральске, например, превышало 40 тыс. человек (чуть меньше было население г. Лесного – около 30 тыс. человек) [8, Л. 28; 52, С. 55].

Формирующиеся поселения сразу стали фантомами: официально их не существовало для подавляющего большинства СССР, они не указывались на географических картах страны, их жители (ког-

да их наконец стали выпускать за пределы города) должны были называть в качестве места жительства областной центр. Само же название закрытого атомного города было чем-то неуловимым и изменчивым, «условным», как гласят документы. Сначала такие поселения именовались по названию завода – градообразующего предприятия. Например, современный ЗАТО г. Лесной назывался завод № 814, база-9, Северо-Уральский склад Главгорстроя СССР, почтовый ящик 131. После присвоения жилому поселку статуса города, для него устанавливалось географическое наименование – г. Лесной, но вплоть до 1994 г. использовалось условное – г. Свердловск-45, соответствующее почтовому адресу города [3, С. 35]. Подобная ситуация характерна и для других закрытых атомных городов.

Свою историю эти города начинали с действительно бедственных условий существования, когда даже зимой люди продолжали жить в палатках; когда в одном помещении, разделенном занавеской, проживали мужчины и женщины, а в комнате семейного общежития, где отсутствовали вода и отопление, – до 10 взрослых и столько же детей; когда единственная баня, расположенная в бывшей конюшне, могла находиться в соседнем поселке; когда работала одна лишь торговая палатка, в которой продавались скудные продукты и скромная одежда [19, Л. 48; 25, С. 1; 26, С. 3]. «Общежитие плохое, – писал родным в письме ремесленник 206 цеха завода «Электромехприбор», – кругом клопы, мыши, крысы, да тараканы, аж нам становится жутко. [...] здесь через год чертом будешь» [57, Л. 77]. Отсутствовали дороги, освещение, магазины, столовые. «Живем, как в Москве, – саркастически замечали первые жители (многие из которых были москвичами и ленинградцами), – дома пониже, а асфальт пожире» [4, С. 64]. Кроме того, жить приходилось в непосредственной близости с заключенными, которые принимали участие в строительстве. Часть из них уже освободилась, но не имела права покинуть пределы огороженной территории. «Мы сюда попали за воровство, бандитизм, а вы за что?», – часто слышали работники атомных предприятий, идя в утреннюю смену на работу рядом со строительными колоннами заключенных [23, С. 128].

Несмотря на все эти проблемы можно констатировать, что закрытые города развивались в направлении «социалистического рая». Строительство подобных городов – это попытка в полной мере осуществить на практике идею создания «социалистического города», существовавшую с конца 1920-х годов [24; 49]. Города, олицетворяющего достижения социалистического строя, тщательно распланированного, максимально удобного как для реализации производственных задач, так и для комфортного проживания людей. Проекты строящихся поселений обсуждались на совещаниях

у заместителя начальника Первого главного управления А.П. Захвениягина. Подчеркивалась задача не просто строительства жилья, а «социалистического города со всем комплексом жилых, административных и соцкультурных зданий и сооружений, включающих внутригородские дороги, общее благоустройство и озеленение» [39, С. 358]. Специальные постановления Совета Министров СССР обязывали министерства и ведомства в отношении предприятий атомной индустрии «производить изготовление, поставку и перевозку материально-технических ресурсов [...] вне всякой очереди и независимо от общего уровня выполнения планов производства, поставки и отгрузки для других потребителей и нужд народного хозяйства» [цит. по: 50, С. 281].

Проекты и сметы строительства секретных атомных объектов составлял ленинградский Государственный союзный проектный институт № 11, в 1945 г. переданный Первому главному управлению «со всеми материально-техническими ресурсами и личным составом» [45, С. 18]. Годом позже в институте был создан архитектурно-строительный отдел, занимавшийся жилой застройкой.

Первые землянки и бараки сменялись капитальными двух- и трехэтажными домами. И если в стране в целом и Уральском регионе в частности «строительный бум» начался только с середины 1950-х гг. [44, С. 198], то в закрытых городах к этому периоду уже был создан значительный жилищный фонд, построены магазины, кинотеатры, бассейны, сданы в эксплуатацию детские учреждения, театры. Например, в г. Новоуральске к 1955 г. было построено 324 каменных и рубленых дома от 1 до 5 этажей, более 300 сборных финских домов, 95 объектов просвещения, здравоохранения, культуры и торговли. Среди них музыкально-драматический театр, двухзальный кинотеатр, благоустроенный больничный городок, Дом культуры, летний театр с садом, 7 школ, 8 детских садов и столько же детских яслей, стадион с павильоном, ресторан, Дом быта и Дом отдыха [13, Л. 181].

Уже в первой половине 1960-х гг. в закрытых городах появляются панельные дома улучшенной серии и кирпичные девятиэтажные дома с лифтами [37, С. 362]. Во второй половине 1960-х гг. до 70% семей проживало в отдельных благоустроенных квартирах [60, Л. 5; 67, Л. 18]. Если в 1960–1970-е гг. в закрытых городах в среднем ежегодно вводилось около 20,2 тыс. кв. м, то в 1980-е гг. эта цифра возросла до 25,5 тыс. кв. м., открывая большие возможности в обеспечении населения жильем. Семьи активно переселялись из бараков в благоустроенные квартиры, что позволило к 1970-м гг. ликвидировать барачный жилой фонд. В середине того же десятилетия появляются двенадцатиэтажные жилые дома [70,

Л. 146]. В первой половине 1980-х гг. уже до 85% семей проживали в отдельных квартирах. 97% жилого фонда было полностью обеспеченно коммунальными услугами. К 1985 г. средняя обеспеченность жильем составляла, например, в г. Новоуральске 16,3 кв. м на человека (в то время как в среднем по стране – 14,9 кв. м.) [71, Л. 33; 51, С. 222]. Таким образом жилищная проблема для жителей закрытых городов была значительно менее острой, чем для живущих в других городах страны.

Приоритетное финансирование создавало благоприятные условия для благоустройства закрытых городов, на которое в 1950-е – 1960-е гг. тратилось от 15 до 39% от расходной части городского бюджета [подсчитано по: 9, Л. 64, 73; 10, Л. 31, 120, 171, 274, 277; 12, Л. 48, 58; 13, Л. 58, 60; 14, Л. 53; 15, Л. 90; 16, Л. 296; 17, Л. 109; 18, Л. 212; 28, Л. 93; 29, Л. 77; 30, Л. 110; 31, Л. 49; 32, Л. 63; 33, Л. 35; 34, Л. 27; 35, Л. 9, 17, 18; 37, Л. 94]. В результате уже к 1960-м гг. улицы закрытых городов были практически полностью заасфальтированы и освещены, были проведены мероприятия по озеленению (ежегодно высаживалось от 300 до 850 тыс. цветов, на одного жителя приходилось от 10 до 15 м² зеленых насаждений), благоустроены внутриквартальные территории и налажена их уборка. Закрытые города внешне производили очень благоприятное впечатление, за что, по-видимому, без тени иронии назывались местными жителями «городами-курортами», «русской Швейцарией».

Города располагали комплексом пищевых предприятий, способных самостоятельно (без использования ввозимых продуктов питания) обеспечивать жителей необходимыми товарами. Это заводы по производству хлеба, молока, мяса и колбас, цеха по переработке картофеля и овощей, копчению рыбы, по производству фруктовых вод, овощехранилища, холодильное оборудование и складские помещения. Сеть магазинов, предприятий общественного питания закрытых городов достигла своего максимального развития к середине 1980-х г. [48, С. 28, 32]. В продаже имелись одежда и обувь производства не только соцстран – Болгарии, Чехословакии, Румынии (что для простого советского человека уже было пределом мечтаний), но и Финляндии, Франции, Австрии, Англии, обеих республик Германии и Японии. «Нам казалось, что мы живем уже при коммунизме, – вспоминает ветеран г. Снежинска Л.В. Жондецкая, – В магазинах было все – от крабов до черной икры» [цит. по: 47, С. 27].

Становилось нормой иметь не только необходимое, но и то, что еще недавно было практически предметом роскоши: фотоаппарат, магнитофон, специализированное туристическое снаряжение [56, С. 68]. Стабильно высокими оставались показатели приобретения

автомашин: за 9 пятилетку их покупка возросла в 2,5 раза в г. Новоуральске и более чем в 3 раза в г. Лесном [подсчитано по: 61, Л. 5; 64, Л. 42; 69, Л. 37, 38]. Несмотря на то, что еще в годы хрущевской «оттепели» формируется устойчивое представление, что автомобиль могут иметь не только Герои Советского Союза, академики и крупные чиновники, но и инженер [22, С. 38], приобрести машину в СССР в свободной продаже и в 1970–1980-е гг. было очень сложно, люди стояли в очереди по несколько лет. В то же время покупка автомобиля в закрытом городе была доступна и для учителя, и для рабочего. Широкая продажа автомобилей в закрытых городах и крупные разовые партии их поступления вели к тому, что их покупали даже те, кто не имел опыта управления, и местные власти опасались, что такая ситуация «изобилия» может привести к росту автотранспортных происшествий [62, Л. 4]. Каждая третья семья г. Лесного, в частности, уже в первой половине 1970-х гг. стала обладателем автомобиля или мотоцикла (в то время, как в СССР и во второй половине 1970-х гг. на 100 семей приходилось чуть больше 6 автомобилей) [5, С. 75; 63, Л. 4].

Так в закрытых городах закладывался высокий уровень социальной инфраструктуры, повышенные стандарты материально-бытового обеспечения, привилегированное снабжение.

В условиях постоянного замкнутого пространства большое значение придавалось состоянию общественного порядка. Большинство преступлений (более 77%) составляли мелкие кражи личного имущества, хулиганства (до 90-100% из них – на почве алкогольного опьянения) и хищения социалистической собственности [15, Л. 191-194; 36, Л. 91; 42, Л. 61; 58, Л. 8-10; 65, Л. 90; 72, Л. 193]. При этом, например, в г. Лесном на 420 человек населения 28 являлись нарушителями общественного порядка и только 1 – совершал уголовное преступление [11, Л. 108]. Более того, систематические и «злостные» нарушители общественного порядка (неработающие, пьянствующие, ведущие аморальный образ жизни) по решению спецсуда выселялись из закрытого города [41, Л. 88; 59, Л. 116; 66, Л. 88], осужденные за преступления обратно в город не допускались. После 1950-х гг. раскрываемость стабильно составляла в среднем 88-94% от общего числа зарегистрированных преступлений, нераскрытых особо опасных преступлений не было. Такие виды преступлений, как убийства, причинения тяжких телесных повреждений, изнасилования, угон транспортных средств с целью хищения, вымогательства, хищения государственных средств в особо крупных размерах были редкостью для закрытого города. Таким образом, состояние общественного порядка компенсировало режимные ограничения.

На формирование положительной оценки территориальной замкнутости, конечно, влиял комплекс факторов, обеспечивавший лучшее качество жизни. Но вместе с тем, мы можем говорить и о глубинных архетипических представлениях, существующих в коллективном бессознательном, которые способствовали позитивному восприятию закрытого города. Речь идет о таком архетипе города как город-гнездо, город-пещера, волшебный город, вход в который открывается, как правило, через отверстие. Неслучайно горожане воспринимали закрытый город как «тайное место», «секретное место» [6, Л. 34; 68, Л. 115]. Кроме того, сама символика городских стен с древности является важным атрибутом городского пространства, отделяющим мир культурный и упорядоченный от дикого и неосвоенного. Этот скрытый стенами мир хранит в себе некую тайну (например, сад с чудесными деревьями, дающими необыкновенные плоды). Само вхождение в город, окольцованный стенами, означает приобщение к сакральному и удовлетворение одной из базовых человеческих потребностей – потребности в безопасности [20, С. 118, 209]. Эти архетипические представления полностью соответствовали реальной картине закрытого города – города, окруженного стенами, вход в который возможен только в нескольких строго отведенных для этого местах (контрольно-пропускные пункты) и который скрывает тайну производства самого грозного оружия в мире. Люди не только смирялись и привыкали к закрытости города, но, со временем, воспринимали ее как благо, испытывая чувство облегчения и безопасности, входя внутрь. (Показательно, что сегодня, когда обсуждается вопрос о возможном открытии этих городов, среди их жителей едва ли находится много сторонников данной идеи).

Другой важной составляющей, формирующей образ ЗАТО (кроме закрытости) являлась его производственная направленность. С этой позиции закрытый город представлялся как город передовых технологий, занимающий доминирующие позиции в обеспечении обороноспособности страны, как «ядерный щит». Сама работа в закрытом городе (неважно – на атомном предприятии или в городских организациях) воспринималась его жителями как социально-политическая ценность. Иначе говоря, означала служение делу мира, защиту государства, выполнение заданий партии и правительства. «[...] все – от руководителей до рядовых работников предприятия, – вспоминает ветеран Уральского электрохимического комбината Б.В. Жигаловский, – были воодушевлены сознанием необходимости быстрее и наилучшего выполнения каждым своих обязанностей, а в целом, создания так нужной нашей стране техники, формирующей ее оборонную и промышленную мощь» [55, С. 30]. В 1960-е гг. смысловые акценты проживания в закры-

тым городе несколько сместились с восприятия ценности работы в ЗАТО на возможность удовлетворения потребностей и приобщения к материальным благам, которые обеспечивала жизнь в городе.

В совокупности эти особенности жизни в обособленных поселениях формировали специфичный «дух города», рождая у горожан особое отношение к их месту жительства. Самоидентифицируя себя с закрытым городом, горожане проникались чувством собственной значимости, избранности, что стимулировало их корпоративные черты, ощущения самодостаточности и исключительности. Таким образом взаимодействие реального и интенционального измерений закрытого города привело к формированию его высокого социального статуса. Любопытно, что с самого начала строительства закрытый город назывался первыми жителями «соцгородом» [7, Л. 45; 27, С. 26; 40, Л. 17; 43, Л. 7], даже в то время, когда он был всего лишь поселком и условия жизни в нем были худшими, чем в близлежащих мелких населенных пунктах. Более того, можно сказать, что закрытый город не осознавался его жителями как периферийный, в этом случае традиционная схема «столица–регион–провинция» не действует. Здесь мы сталкиваемся с ярко выраженной у жителей закрытых городов локодицей [подробнее см.: 1; 21] – стремлением осмыслить место своего обитания как «центр мира», как место, приобщенное к бытийному центру. В представлениях резидентов закрытых атомных городов их место жительства не стоит в ряду других, «обычных», городов, а занимает «исключительную», «особую» позицию как в своем государстве, так и в мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашев В.В. Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение. 2000. № 6. С. 275-288.
2. Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68. № 1. С. 3-22.
3. Атомные города Урала. Город Лесной: энциклопедия / Под общ. ред. В.В. Алексеева, Г.Н. Рыкованова. Екатеринбург, 2012. 304 с.
4. Воспоминания Е.М. Зильбермана // Удивительные люди уникального завода. Екатеринбург: ИД «УралТранс», 2000. 384 с.
5. Гладарев Б., Цинман Ж. Потребительские стили петербургского среднего класса: из экономики дефицита к новому быту // Экономическая социология, Т.8. № 3, 2007, С. 61-81.
6. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 31234. Л. 34.
7. Государственный архив г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 45.
8. Государственный архив г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.
9. Государственный архив г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 64, 73.
10. Государственный архив г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 31, 120, 171, 274, 277.
11. Государственный архив г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 108.
12. Государственный архив г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 28. Л. 48, 53,
13. Государственный архив г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 29. Л. 181. Л. 58, 60.
14. Государственный архив г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 43. Л. 53.

15. Государственный архив г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 46. Л. 191-194. Л. 90.
16. Государственный архив г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 28. Д. 292. Л. 296.
17. Государственный архив г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 48. Д. 588. Л. 109.
18. Государственный архив г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 73. Д. 1200. Л. 212.
19. Группа фондов научно-технической документации производственного объединения «Маяк». Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.
20. Ильин В.Г. Город как концепт культуры. Дисс. на соискание ученой степени доктора социологических наук. Ростов-на-Дону, 2004. 331 с.
21. Капкан М.В. Уральские города-заводы: мифологические конструкты // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2006. № 47. Вып. 12. С. 36-45.
22. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб: Дмитрий Буланин, 2008. 444 с.
23. Лесной: история закрытого города. / Сост. Т.В. Шипулина. Екатеринбург: Ср-Ур. кн. изд-во, 1997. 352 с.
24. Милютин Н.А. Соцгород. Проблемы строительства социалистических городов: Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных пунктов СССР. М.—Л.: Государственное издательство, 1930. 44 с.
25. Музей трудовой славы «Производственного объединения «Маяк». Васильченко А.А. Воспоминания начальника смены 8 отделения объекта «В». Рукопись, 1973.
26. Музей трудовой славы «Производственного объединения «Маяк». Краткие воспоминания о работе первых лет на химкомбинате с 1946 по 1958 г. Д.Д. Артамонова. Рукопись, 1983.
27. Музей трудовой славы «Производственного объединения «Маяк». Сохина Л.П. Мои воспоминания о работе на химическом комбинате «Маяк». Челябинск-65, 1993. Рукопись.
28. Муниципальный архив Озёрского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 93.
29. Муниципальный архив Озёрского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 77.
30. Муниципальный архив Озёрского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 110.
31. Муниципальный архив Озёрского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 49.
32. Муниципальный архив Озёрского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 63.
33. Муниципальный архив Озёрского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Л. 35.
34. Муниципальный архив Озёрского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 27.
35. Муниципальный архив Озёрского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 138. Л. 9, 17, 18.
36. Муниципальный архив Озёрского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 140. Л. 91.
37. Муниципальный архив Озёрского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 143. Л. 94.
38. Новоселов В.Н. Решение проблемы безопасности предприятий атомной промышленности Урала (1945—1950 гг.) // Урал в военной истории России: традиции и современность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург, 2003.
39. Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Тайны «сороковки». Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1995. 448 с.
40. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.
41. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 330. Л. 88.
42. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 61.
43. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 2845. Оп. 2. Д. 3. Л. 7.
44. Опыт российских модернизаций. XVIII—XX века / отв. Ред. В.В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 246 с.
45. Постановление ГОКО № 9968сс/оп «О передаче 1-му Главному управлению при Совнаркоме СССР Государственного союзного проектного института № 11 (ГСПИ-11) Наркомоборприпасов» // Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. Т. II. Кн. 2. Саров, 2000. С. 18.
46. Постановление СМ СССР № 804-326сс «О подготовке, сроках строительства и пуска завода № 813». Архив Президента РФ. Ф. 93, коллекция постановлений и распоряжений СМ СССР за 1946 г. // Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. Т. II. Кн. 2. Саров, 2000. С. 206.

47. Раскрывая первые страницы. К истории города Снежинска (Челябинска-70) / Автор-составитель Б.М. Емельянов. Екатеринбург: ИПП Уральский рабочий, 1997. 343 с.
48. Рясков С.А. Система жизнеобеспечения закрытых городов Урала: препринт. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2004. 60 с.
49. Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта. М.: Гос. тех. изд-во, 1929. 63 с.
50. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М.: РОС-СПЭН, 1996. 336 с.
51. Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1997.
52. Толстиков В.С. К истории формирования и развития закрытых городов Урала в 40—50-е годы XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 30. 53-56.
53. Тургель И.Д. Российская система монофункциональных городских поселений // Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/Tezisy%20Turgel.pdf> (дата обращения 02.05.2014).
54. Файков Д.Ю. Закрытые административно-территориальные образования. «Атомные» города. Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2010. 270 с.
55. Фонд Новоуральского историко-краеведческого музея. Жигаловский Б.В. Формирование научных кадров предприятия и их вклад в развитие производства // Созидание (дела и люди). Сборник воспоминаний ветеранов УЭХК. В 2-х ч. Ч.1. Свердловск-44, 1989.
56. Фонд Новоуральского историко-краеведческого музея. О повышении роли интеллигенции города в коммунистическом воспитании трудящихся. Материалы II городской научно-практической идеологической конф. Декабрь, 1974 г. Свердловск-44.
57. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 77.
58. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 9. Л. 8-10.
59. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 116.
60. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4458. Оп. 6. Д. 53. Л. 5.
61. Центр документации общественных организаций Свердловской области Ф. 4458. Оп. 10. Д. 2. Л. 5.
62. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4458. Оп. 10. Д. 19. Л. 4.
63. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4458. Оп. 11. Д. 12. Л. 4.
64. Центр документации общественных организаций Свердловской области Ф. 4458. Оп. 14. Д. 24. Л. 42.
65. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 57. Л. 90.
66. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 5459. Оп. 7. Д. 1. Л. 88.
67. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 5459. Оп. 10. Д. 42. Л. 18.
68. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 115.
69. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 5459. Оп. 21. Д. 24. Л. 37-38.
70. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 5459. Оп. 22. Д. 33. Л. 146.
71. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 5459. Оп. 41. Д. 18. Л. 33.
72. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 147. Л. 193.

* * * * *

УДК 94(47).084

Чирков Михаил Сергеевич*кандидат исторических наук, доцент**Самарская государственная академия культуры и искусств**г. Самара**mich.chirk@mail.ru*

РОЛЬ МАЛЫХ ГОРОДОВ В ПРОЦЕССАХ УРБАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920–1980-е гг.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Советская урбанизация одним из главных своих результатов продемонстрировала значительный рост городского населения. Особенностью урбанизации советского периода было то, что она превратилась в функцию государства. Форсированная индустриализация и связанная с ней миграция людей из села и старорусских областей, привели к высокой социальной мобильности населения, как по горизонтали – из села в город, так и по вертикали, когда перемещавшиеся социальные низы ускорили профессиональную и квалификационную социальную мобильность. Важный вывод из советской урбанизации связан с тем, что процесс развивался в двух направлениях. Во-первых, он шел экстенсивно, и, во-вторых, зачастую основывался на размещении производства по территории страны и формировании территориальных хозяйственных комплексов.

Ключевые слова: урбанизация, демография, малый город, функции.

Chirkov Mikhail Sergeevich*candidate of historical sciences, associate professor**Samara State Academy of Culture and Arts**Samara**mich.chirk@mail.ru*

THE ROLE OF SMALL TOWNS IN THE PROCESS OF URBANIZATION OF SOVIET RUSSIA IN 1920-1980-IES .: TO THE PROBLEM

Soviet urbanization one of its main results was a significant increase in the urban population. Feature of the urbanization of the Soviet period was the fact that it has become a function of the state. Forced industrialization and the related migration of people from rural areas

and old Russian, has led to high social mobility, both horizontally - from rural to urban areas, and vertically when moving social rank and file accelerated professional qualification and social mobility. An important conclusion of the Soviet urbanization is linked to the fact that the process has developed in two directions. Firstly, he was extensively and, secondly, often based on the location of production in the country and the formation of regional economic complexes.

Keywords: urbanization, the demography, the small town, the function.

Процесс урбанизации необходимо понимать как рост и сосредоточение населения в городах, развитие в них несельскохозяйственных, прежде всего промышленных отраслей и отраслей обслуживания, рост числа городов и усиление их роли в экономике и социальной жизни страны. Большая советская энциклопедия трактует урбанизацию как «исторический процесс повышения роли городов в развитии общества, который охватывает социально-профессиональную, демографическую структуру населения, его образ жизни, культуру, размещение производительных сил, расселение и т.д.». [1, С. 73] Именно особенности российского процесса урбанизации дифференцировали современные российские города по специализации, функциям, определили место каждого из них в размещении производительных сил и в поселенческо-расселенческой системе страны, в общественной системе «город-село», в общественной системе страны в целом. Советский урбанизационный этап сформировал новые тенденции, в которых роль города оказалась не только весьма значительной, но и достаточно сложной и неоднозначной.

Советская урбанизация одним из главных своих результатов имела значительный рост городского населения. Это было связано с индустриализацией народного хозяйства, созданием новых индустриальных центров, развитием новых городов. Вместе с тем немаловажную роль играл идеологический фактор – перевод многих сельских поселений в малые города и поселки городского типа исключительно в идеологических целях для того, чтобы продемонстрировать высокий уровень индустриализации страны. Таким образом, искусственно увеличивалась численность городского населения, а общество становилось более урбанизированным и, следовательно, более индустриальным. Данные о приросте городского населения СССР по периодам между переписями населения подчеркивают это факт. Так, например, с 1927 по 1938 годы процент естественного прироста городского населения составил 17,8; с 1939 по 1958 годы – 20,2; с 1959 по 1969 – 40,6; с 1970 по 1978 годы – 43,5 [8, С. 31].

Эти данные демонстрируют, что наиболее интенсивным перевод сельских поселений в города и переезд в них сельских жителей являлся период форсированной индустриализации. К концу 1950-х годов этот процесс немного затормозился. Используя расчеты различных авторов об изменении численности городского населения, можно утверждать, что значительная часть роста населения городов происходила за счет миграции сельского населения в города. Так, по подсчетам Т.Е. Кузнецовой, городское население за счет преобразования сел в города в 1926–1939 и в 1939–1959 годах составляло 19 и 18% соответственно. В 1939–1970 годах эта цифра составила 14%, в 1959–1970 годах – 9% [2, С. 17]. Это означает, что в период с 1926 по 1959 гг. (за счет переезда сельского населения в города) городское население увеличивалось более чем на 60%, а в 1959–1970 годах – примерно на 50%.

Особенностью урбанизации советского периода было то, что она превратилась в функцию государства. Действительно, планы освоения новых территорий, значительные капиталовложения на эти цели, переезд работников, их зарплата, создание бытовой, транспортной, жилищной инфраструктуры и т.п. было частью государственной политики. Финансирование городской инфраструктуры часто привязывалось к нормативам промышленного строительства, условия труда и жизни людей учитывали аспект экономии ресурсов. Экономия проводилась, главным образом, за счет того, что необходимая населению социальная сфера изначально не создавалась в малых городах. Промышленность обеспечивалась дешевой рабочей силой на основе миграционного фактора, связанного с государственной политикой перемещения людей. Она была направлена на освоение огромных российских территорий. Перемещения носили как добровольный, так и добровольно-принудительный характер. Последний был связан с отсутствием жилья и невысокими заработками в районах старого проживания, часто в целом с отсутствием перспектив развития старых районов, нацеленности государственной политики строительства предприятий в новых местах, а с ними и новых городов [3, С. 11-13].

Данный этап урбанизации можно квалифицировать как возведение городов, прежде всего малых, при промышленных предприятиях и в качестве приложения к ним. Форсированная индустриализация и связанная с ней миграция людей из села и старорусских областей, привели к высокой социальной мобильности населения, как по горизонтали – из села в город, так и по вертикали, когда перемещавшиеся социальные низы ускорили профессиональную и квалификационную социальную мобильность. Малый город в этих условиях стал выполнять множество функций.

Прежде всего, малые города, образованные в связи со строительством промышленного предприятия, новой шахты или рудника, стали выполнять функции временного поселения. Это поселение должно было перерасти в реальный город либо остаться с неясным статусом. Если производство в соответствии с экономическим планом развивалось и на его дальнейшую модернизацию выделялись значительные финансовые средства, то и поселение росло и развивалось. Ситуация иногда развивалась так, что предприятие превращалось по каким-либо причинам в долгострой. Соответственно, черты долгостроя и неразвитости были характерны и для такого поселения. Вторая функция малых городов в период советской индустриализации была связана с появившимися после Великой Отечественной войны «наукоградами» и закрытыми городами. Это были закрытые с точки зрения прописки, свободного посещения и т.д. малые города, в которых сосредотачивались «передовые» – космические, военные и другие секретные разработки. Третья функция малых городов определялась их исторической ценностью. Это были малые города, находящиеся в центре страны. Социально-экономическое положение большинства из них было крайне противоречивым. В них не получили развития многие сферы приложения труда, была ограничена доступность из-за транспортных проблем с другими поселениями и городами.

Необходимо отметить еще одну важную функцию малых городов, неразрывно связанных с сельскими территориями. Для этих территорий малые города являлись своего рода центрами, реализовавшими не только административные, но и социокультурные потребности населения окружающей сельской территории. Вышеперечисленные функции малых городов являются весьма условными, поскольку в значительной степени исходят из места этих городов в системах расселения, географическим и социально-экономическим положением в регионе и т.д. К малым городам примыкали также поселки городского типа, которые перерастали со временем в малые города, либо малые города, не развиваясь, получают статус поселков городского типа.

Важными показателями урбанизации СССР являлась динамика роста городов и численности городского населения. Удельный вес числа городов с численностью жителей до 50 тыс. составлял в 1926 году – 87,2%, в 1939 году – 84,3%, в 1959 году – 81,9%, в 1970 году – 78,8%, в 1979 году – 76%, в 1989 году – 73,6% [9, С. 4]. Эти данные весьма подробно раскрывают результаты процесса урбанизации для малых городов России в советский период. Абсолютная численность малых городов с 1926 года по 1989 год выросла приблизительно в 2,6 раза, причем темпы роста числа малых городов за первые тринадцать лет увеличились в 1,6 раза,

за последующие двадцать лет – в 1,37 раз, а с 1959 года по 1970 год – в 1,1 раза, то с 1970 года по 1989 год они вырастали на 2,8% за каждые почти 10 лет. Вместе с тем, удельный вес числа малых городов в общем числе городских поселений существенно сократился: в 1926 году он был 32,1%, а в 1989 году – 25,9% [11, С. 120]. Таким образом, число городских поселений других типов увеличивалось значительно более высокими темпами.

Если анализировать изменения в численности населения по поселениям разных типов, то картина складывалась следующим образом. Общая численность городского населения выросла за годы советской власти в 7,2 раза. Численность население малых городов с 1926 года по 1989 год увеличилась почти в 4 раза, в крупных и средних городах – в 9,7 раза, в поселках городского типа в 5,2 раза. Вывод в данном случае однозначен – рост населения крупных и средних городов был существенно выше, чем в поселениях других типов. Вместе с тем, поселки городского типа притягивали население куда интенсивнее, чем малые города. Данную динамику характеризует удельный вес численности населения малых городов по отношению к общей численности населения городов: он сократился в 1989 году до 19,1% по сравнению с 1926 годом, когда он составлял 36,9%.

Наиболее высокие темпы миграции населения из малых городов наблюдались в течение 1926–1930 годов. В то же время в эти годы был наиболее интенсивный приток населения в крупные города. В результате, советская урбанизация стала историческим фактом. Городское население с 18% в 1913 году выросло до 39% в 1950 году, до 56% в 1970 году и до 66% в 1990 году [4, С. 9; 5, С. 9; 6, С. 7; 7, С. 67]. Количественные показатели урбанизации (изменения соотношения между численностью городского и сельского населения, динамикой роста числа городов) свидетельствуют об этом. Важный вывод из советской урбанизации связан с тем, что процесс развивался в двух направлениях. Во-первых, он шел экстенсивно, как и в целом, поскольку сложно двигались многие экономические процессы, и, во-вторых, зачастую основывался на размещении производства по территории страны и формировании территориальных хозяйственных комплексов. Социальные аспекты урбанизации могли уйти на второй план, преобладал узковедомственный градостроительный подход, в котором не всегда учитывалась «материально-пространственная основа социальной ориентации экономики» [10, С. 27].

В тот период из двух сложившихся поселенческих подходов, существовавших для выбора стратегических путей развития малых городов, предпочтительными были два варианта: оттягивать население из крупных городов в малые за счет интенсификации развития

последних, но не входящих в агломерации; или развивать малые города в зонах крупных городов. Пальма первенства часто оказывалась в руках сторонников первого подхода. Они полагали, что малые города необходимо развивать на периферии крупных агломераций, желательно по всей территории страны и в ее отдаленных районах. Очевидно, поэтому основное развитие получили города, ориентированные на освоение новых ресурсов, создание новых предприятий, прокладку магистралей, строительство электростанций и т.п. В результате, значительная часть малых городов была связана с выполнением функций по добыче и освоению природных ресурсов. Добыча угля, руды, выработка электроэнергии, выполнение рекреационных функций и т.п. получали развитие, как правило, в малых городах; одновременно с этими видами производства получали стимул к развитию сами малые города. Значительная часть малых городов выполняла функции по обеспечению освоения природных и минеральных ресурсов – производству сельскохозяйственной продукции, добычи рыбы, освоения лесных богатств и т.п.

Многие малые города вырастали на базе предприятий обрабатывающей промышленности – машиностроения, металлообработки, легкой и пищевой промышленности и т.п. Значительна была функция малых городов по обеспечению транзитных и в целом транспортных, а также всех видов связей между различными территориями, крупными городами, по обслуживанию различных коммуникационных систем (линий электропередач, газо- и нефтепроводов и др.). На последних этапах советского периода существенно увеличилась доля малых городов, где получила развитие научная деятельность; предприятия с научно-экспериментальным производством; заводы, связанные с обороной страны, освоением космоса, атомными проектами. Таким образом, проблема урбанизации и городского строительства весьма сложна, многообразна и содержит целый комплекс проблем, нуждающихся в более детальном изучении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1977. 655 с.
2. Кузнецова Т.Е. Производственная сфера современного села. М.: Наука, 1986. 221 с.
3. Кузнецова Т.Е. Общественно-экономическая мысль о природном потенциале России. М.: Наука, 2003. 80 с.
4. Народное хозяйство СССР в 1960 г. М.: Госстатиздат, 1961. 903 с.
5. Народное хозяйство СССР. 1922-1972: Юбил. стат. сб. М.: Статистика, 1972. 848 с.
6. Народное хозяйство СССР в 1980 г. М.: Финансы и статистика, 1981. 583 с.
7. Народное хозяйство в 1990 г. М.: Госкомстат, 1991. 752 с.
8. Население СССР. Справочник. М.: Политическая литература, 1983. 176 с.
9. Население СССР: статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1989. 704 с.
10. Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. 267 с.
11. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 285 с.

* * * * *

УДК 94(47)

Тиникова Елена Евгеньевна
*кандидат исторических наук, преподаватель
 Хакасский филиал Московского государственного
 университета экономики,
 статистики и информатики
 г. Абакан
 lena.tinikova@mail.ru*

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЮГА КРАНОЯРСКОГО КРАЯ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР УРБАНИЗАЦИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Юг Красноярского края – регион второго типа урбанизации, характерными чертами которого являются относительно ранняя урбанизация, сравнительно низкая плотность сельского населения, высокая централизация городского населения. На урбанизацию в регионе традиционно влияло индустриальное развитие, особенно строительство Саянского ТПК. Благодаря высоким темпам развития промышленности доля городского населения юга Красноярского края превысила общероссийские показатели.

Ключевые слова: урбанизация, городское население, индустриальное развитие.

Tinikova Elena Evgenievna
*candidate of historical sciences, lecturer
 Khakas branch of Moscow State University
 of Economics, Statistics and Informatics
 Abakan
 lena.tinikova@mail.ru*

THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE SOUTH OF KRASNOYARSK REGION AS DOMINANT FACTOR OF URBANIZATION IN A SOVIET EPOCH

The south of Krasnoyarsk region is a district with a «second type of urbanization». The features of this type are: relatively early urbanization, comparatively slight density of village population, great centralization of urban population. The urbanization in region traditionally was influenced by industrial development, especially building Sayansky TPC. A share of urban population in the south of Krasnoyarsk region was higher than index all over the country. It was owing to great paces of industrial development.

Keywords: urbanization, urban population, industrial development.

В начале XX века в Хакасско-Минусинской котловине существовало единственное городское поселение – г. Минусинск. По переписи 1897 г. здесь проживало 10,2 тыс. человек, а всего на территории котловины – 182,5 тыс. человек. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. в городе проживало уже 12,8 тыс. человек [10, С. 8]. В этот период юг Енисейской губернии был преимущественно сельскохозяйственным районом.

С середины 1920-х гг. на юге Красноярского края начался процесс индустриализации, вызвавший приток сюда населения из других районов страны. Переселенческое движение и строительство железной дороги Ачинск-Абакан способствовали экономическому развитию региона и росту населения в 2,2 раза к 1926 г., причем темпы роста городского населения были опережающими, его численность составила 25,6 тыс. человек в целом в Хакасско-Минусинской котловине и 5,9 тыс. человек в левобережной ее части – Хакасии [8, С. 5]. Появление городского населения в Хакасии произошло за счет включения села Усть-Абаканское и Черногорских копей в разряд рабочих поселков. Таким образом, в правобережной части (Краснотуранский, Идринский, Минусинский, Курагинский, Каратузский, Шушенский, Ермаковский районы Красноярского края) в 1926 г. численность городского населения превышала в 4 раза количество горожан Левобережья (Хакасия).

В последующие годы ситуация резко изменилась. В регионе начала осуществляться индустриализация. Индустриальное развитие 1920–1930-х гг. повлекло за собой интенсивный рост населения (в среднем по 3% в год) и образование сети новых населенных пунктов. В Правобережье в 1931 г. поселок Ольховский Курагинского района получил статус поселка городского типа и был переименован в Артемовск, а через пять лет стал городом, так как его численность населения выросла в 18 раз. Развивалось это поселение в основном за счет добычи золота. Население Минусинска увеличилось лишь на 40%, так как с постройкой железной дороги Ачинск – Абакан он потерял роль главного города территории. В целом же Правобережье в эти годы в большей степени остается сельскохозяйственным районом.

В 1931 г. статус центра Хакасской автономной области получил г. Абакан, который образовался в результате расширения села Усть-Абаканское. В 1936 г. городом стал Черногорск. Появление новых городов было связано с резким увеличением численности населения: в каждом из них в 12 раз. Жители ряда населенных пунктов правобережья также стали называться городскими жителями в результате причисления их к поселкам городского типа. В 1932 г. ими стали Балыкса, Коммунар (до этого поселок Богомдарованный), Усть-Абакан.

В результате, в 1926–1939 гг. общая численность населения юга Красноярского края увеличилась на 41%, причем сельское население увеличилось лишь на 5%, а городское выросло в 5,6 раза и доля составила около 30% всего населения рассматриваемой территории. Городское население Хакасии увеличилось до 111,1 тыс. человек, что составило 40% всего населения автономной области [6, С. 120]. Таким образом, развитие промышленности в Правобережье привело к резкому увеличению численности городского населения.

В межпереписной период 1939–1959 гг. произошло значительное снижение темпов роста населения. Основным фактором, повлиявшим на данный процесс, была великая Отечественная война. В 1950-е гг. большую роль имело освоение целинных залежных земель в регионе. В целом в этот период численность населения выросла на 17%, а городского населения – на 63%. Более резкими стали различия в динамике между Левобережьем и Правобережьем. В Хакасии количество горожан увеличилось на 109 тыс. человек [8, С. 5]. Связано это во многом с образованием 13 новых рабочих поселков. В Правобережье за 1939–1959 гг. численность городских жителей, напротив, снизилась на 2,4%. Это произошло за счет сокращения числа жителей Артемовска. Хотя был образован новый рабочий поселок Чибижек и значительно увеличилось население г. Минусинска – на 6,9 тыс. человек [9, Л. 1].

С конца 1950-х гг. в СССР стала реализовываться программа развития индустриальной базы национальных окраин, в том числе и Сибири. Было принято решение о том, что «в районах Сибири будут широко осваиваться огромные природные ресурсы» [3, С. 375], было намечено строительство в восточных регионах страны мощной индустриальной базы. Действительно вскоре началось строительство нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири, Байкало-Амурской Магистрали, Ангаро-Енисейского ТПК. Однако в 1960-е гг. южная часть Красноярского края в индустриальном развитии значительно отставала от других регионов Сибири. В Хакасии развивались преимущественно топливно-энергетические отрасли и отрасли, добывающие и перерабатывающие природное сырье. Однако в 1960-е гг. в области получили развитие также легкая и пищевая промышленности.

С 1959 по 1970 г. городское население юга Красноярского края выросло на 70,5 тыс. человек. Причем, удельный вес горожан в Хакасской автономной области достиг 60% (264,4 тыс. человек). В 1966 г. поселки Дзержинский и Абаза были преобразованы в города районного подчинения – Сорск и Абазу. Немногим ранее, в 1962 г. села Копьево, Бискамжа и Бельтырский получили статус городских поселений. Во многом именно этим объясняется уве-

личение численности городского населения в указанный период. В Правобережье рост горожан был более значительным по сравнению с Хакасией, но вместе с тем доля их здесь составила всего 33%. Этот рост произошел за счет Минусинска (население увеличилось на 2,4 тыс. человек) и преобразования в рабочий поселок Шушенского, где число жителей за девять лет выросло в 2,3 раза [10, С. 10]. В разряд городских поселений в 1961 г. был переведен райцентр Курагино.

Таким образом, городское население юга Красноярского края за период с 1917 по 1970 г. увеличилось в 27 раз. Среднегодовые темпы прироста населения в этот период составляли здесь 1,8%. Именно экономические факторы стали решающими в процессе урбанизации региона.

С начала 1970-х гг. наступил новый этап промышленного освоения юга Красноярского края в связи со строительством Саянского территориально-промышленного комплекса – мощного района обрабатывающей промышленности, в первую очередь машиностроения, энергоемких отраслей черной и цветной металлургии, а также электроэнергетики. Промышленные гиганты должны были стать ядром нового комплекса: Саяно-Шушенская ГЭС, Абаканский вагоностроительный узел и Минусинский электротехнический узел, состоящий из десятка первоклассных заводов.

Саянский территориально-промышленный комплекс базировался на нескольких промышленных узлах. Его организующим центром был Абаканский промышленный узел, который в рассматриваемый период являлся центром легкой и пищевой промышленности Восточной Сибири. Численность населения Абакана в 1970 г. составила 90,1 тыс. человек, поэтому областной центр Хакасской автономной области относился к категории больших городов и занимал по численности населения среди городов Красноярского края третье место после Красноярска и Норильска. Население города за 1970 – 1980-е гг. увеличилось на 40% и в 1989 г. составило 153 тыс. человек (37% городского населения Хакасской автономной области и 28% городского населения Саянского комплекса) [8, С. 5].

Важной особенностью формирования населения Абакана заключалась в решающей роли миграции. В 1970-е гг. среднегодовые размеры прибытия населения в город составили около 15 тыс. человек, а выбытия – 12 тыс. человек [4]. За это период в миграционном обмене Абакана участвовало столько же населения, какова была его численность. В 1980-е гг. миграционный прирост в Абакане снизился и составил в среднем около 1,5 тыс. человек в год [5]. Формирование населения Абакана в процессе миграции происходило прежде всего за счет сельского населения Саянского комплекса, частично

ближайших наиболее крупных городов и поселков, жителей Ачинско-Красноярского подрайона, а также внешних мигрантов, в основном из городов Западной и Восточной Сибири.

Центральное ядро Саянского ТПК наряду с Абаканом формировал Черногорский промышленный узел. Черногорск был вторым после Абакана по численности населения городом Саянского комплекса (около 70 тыс. человек) и относился к группе средних городов. Темпы прироста населения города по сравнению с Абаканом в рассматриваемый период были невысокими, тем не менее, численность населения города от года к году увеличивалась. Одной из особенностей формирования населения Черногорска была большая роль естественного прироста в данном процессе. За период 1969 – 1976 гг. размеры естественного прироста в 10 раз превышали миграционный приток населения, в эти годы численность населения города на 80% выросла за счет естественного прироста [10, С. 69].

Важнейшим звеном Саянского территориально-промышленного комплекса стал Саяногорский промышленный узел. Система расселения в пределах этого промышленного узла включала несколько городских поселений, расположенных на левом берегу Енисея. Среди них наиболее крупные г. Саяногорск и поселки городского типа Майна и Черемушки. Специфика промышленного развития города сказалась на формировании местного населения. Основным источником его пополнения был миграционный прирост, который достигал 90% общего прироста населения. Такой тип динамики населения в целом был характерен для городских центров в районах интенсивного хозяйственного освоения.

В правобережной части юга Красноярского края формировался Минусинский промышленный узел. Минусинск, один из старейших городов Сибири, в середине XX века относился к категории небольших городов. Численность его населения в 1970 г. составила 40,8 тыс. человек. Формирование Саянского территориально-промышленного комплекса положительно сказалось на темпах прироста жителей города. Между переписями населения 1959 г. и 1970 г. количество горожан возросло лишь на 6%, в то время как в 1970 – 1979 гг. – на 27%, а в 1980-е гг. – на 23% [1].

В 1970-е гг. ряд сельских населенных пунктов перешел в разряд городских поселений в результате получения ими статуса поселков городского типа: Жемчужный, Большая Ирба, Зеленый Бор, Кошурниково, Краснокаменск.

Преобразование сел и деревень в города и поселки городского типа повлияло на увеличение численности городских жителей. Только за период 1979 – 1989 гг. за счет этого фактора городское население Хакасии увеличилось на 2400 человек [7, С. 10]. Тенден-

ция преобразования сел в города и поселки городского типа была следствием возникновения и организации индустриального производства в аграрных или вовсе необжитых ранее местах, а также результатом перехода их населения на работу в промышленность, строительство и другие несельскохозяйственные предприятия.

Характерной чертой развития городского населения в 1970 – 1980-е гг. также было изменение его концентрации. На юге Красноярского края до конца 1960-х гг. численно преобладали малые и мелкие городские населенные пункты – от 5 и 10 и менее 5 тыс. жителей в каждом. Хотя уже в это период проявилась тенденция к концентрации горожан в центральной части Хакасско-Минусинской котловины, где расположены города Абакан, Черногорск, Минусинск и поселок городского типа Усть-Абакан. Именно в этих городах в 1970 – 1980-е гг. существовал наибольший прирост населения. В 1970-е гг. среди городских поселений юга Красноярского края численно преобладали поселки городского типа с населением менее 6 тыс. человек, в них проживало лишь 12,6% городского населения.

В целом, процесс урбанизации в южных районах Красноярского края шел в русле общесоюзных тенденций, но вместе с тем и опережала их: доля городского населения здесь преодолела 50% рубеж еще в 1950-е гг., в то время как в 1959 г. в СССР она составляла лишь 48% (в Хакасии 54%, в Красноярском крае – 50%). В 1970 – 1980-е гг. этот разрыв еще больше увеличился: в 1989 г. доля городского населения СССР равнялась 66%, в Красноярском крае – 71%, в Хакасии – 72% [2, С. 9-12].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив города Минусинска. Ф. 372. Оп.1. Д. 573, 646, 673, 742, 779, 827, 910а, 1058.
2. Доклад об основных итогах Всесоюзной переписи населения 1989 г. на территории Красноярского края. Красноярск. Б.и., 1990. 42 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1986. Т.9. 574 с.
4. Национальный архив Республики Хакасия. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 776, 810, 894, 898, 1019, 1120.
5. Национальный архив Республики Хакасия. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 1606, 1748, 1878, 2064, 2214, 2286.
6. Сабенин Г.М. Особенности исторически сложившегося расселения в Саянском ТПК // Новые вопросы истории Хакасии. Абакан, 1977. С. 118-122.
7. Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства и занятиям. Абакан. Б.и., 1991. 54 с.
8. Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет. Абакан Б.и., 1990. 100 с.
9. Численность населенных пунктов Красноярского края // Архив города Минусинска. Ф. 372. Оп. 1. Д. 573.
10. Чуднова В.И., Кожуховская Н.Ф. Население Саянского ТПК (формирование и расселение). Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1979. 120 с.

* * * * *

УДК 94; 711.4

Буряя Инна Викторовна

*кандидат искусствоведения, доцент
Поволжский государственный университет сервиса
г. Тольятти
inna0769@yandex.ru*

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ТОЛЬЯТТИ В ЕГО ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНАХ 1950-х – 1960-х гг.

Тольятти – своеобразный музей советского градостроительства, в пространстве которого запечатлены концепция города сталинского времени (Шлюзовой, Комсомольский и Центральный районы) и сменившие её градостроительные установки 1960-х – начала 1970-х гг. (Автозаводский район). В статье проанализированы генеральные планы Тольятти 1950-х – 1960-х гг., отразившие этапы развития города от момента его основания до начала строительства крупного района в связи со строительством Волжского автомобильного завода (ВАЗ).

Ключевые слова: история новых городов, генеральные планы советских городов, Тольятти, Россия, Ставрополь, Самарская область.

Buraya Inna Viktorovna

*candidate of arts, associate professor
Volga Region State University of Service
Togliatti
inna0769@yandex.ru*

THE HISTORY OF SOVIET TOGLIATTI IN HIS GENERAL PLANS OF 1950s – 1960s

Togliatti is a kind of Museum of Soviet urban planning, in the space which embodied the concept of the Stalin's time (Shlusovoy, Komsomolsky and Central districts) and its successor the urban ideas 1960s – early 1970s (Avtozavodsky district). The article analyzes the General plans Togliatti 1950s and 1960s, reflecting the stages of development of the city from its inception to the beginning of the construction of a large district in connection with the construction of the Volga automobile plant (VAZ).

Keywords: history of new cities, the Soviet city General plans, Togliatti, Russia, Stavropol, Samara region.

Изучение истории планировки и застройки новых городов, во множестве основанных в нашей стране во второй половине XX века, ещё только начинается. К их числу принадлежит Тольятти. Литература, посвящённая различным аспектам истории Тольятти (до 1964 г. – Ставрополь) на протяжении последних двадцати лет выходила довольно активно. Однако в отличие от библиографии советского времени, в которой этот город представлен, прежде всего, как интересный, прогрессивный градостроительный объект, монографий, посвящённых комплексному анализу архитектурно-планировочного развития Тольятти с точки зрения современных представлений о процессах 1950-х – 1960-х гг. до последнего времени не было.

Совсем недавно, в сентябре 2014 г., вышла книга французского исследователя Фабьена Белла «Тольятти. Рождение нового города» [12], главная ценность которой состоит в том, что на её страницах представлен богатый графический материал – генеральные планы города разных лет, архитектурные наброски из семейных коллекций некоторых известных советских зодчих, чертежи и фотографии, собранные в архивных, музейных и личных фондах Москвы, С.-Петербурга, Тольятти, Магнитогорска, Нижнего Тагила. Здесь же помещены биографии нескольких архитекторов, занимавшихся проектированием для Тольятти (Б.Р. Рубаненко, С.М. Виноград), с именами которых широкая публика до появления этой монографии была мало знакома. Однако книга Ф. Белла, совершенно обоснованно не отнесённая издателем к научной литературе, содержит множество фактологических ошибок и неточностей, написана в манере, не предполагающей основательного профессионального анализа рассматриваемых процессов. Таким образом, несмотря на появление работы, специально посвящённой градостроительной истории Тольятти, по-прежнему можно утверждать, что тема его основания и развития во второй половине XX в. по-прежнему остаётся открытой.

Основную источниковую базу при написании данной статьи, помимо литературы и периодики рассматриваемого периода, составили документы Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Филиала Российского государственного архива научно-технической документации (РГАНТД) в г. Самаре, Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), Управления по делам архивов мэрии г. Тольятти, а также графические материалы, представленные в книге и на выставке «Тольятти. Рождение нового города» (Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. Щусева, куратор выставки – Ф. Белла).

Интенсивный рост новых городов в послевоенный период происходил, как и в довоенное время, под влиянием и в тесной связи

с планами развития промышленных районов и конкретных предприятий, что заставляло периодически пересматривать, иногда с весьма небольшими временными промежутками, недавно разработанные генпланы. Последние, в результате, превратились в документы, зафиксировавшие этапы развития новых городов, мощные рывки во времени и пространстве, которые приходилось совершать этим сложным урбанистическим организмам. Именно поэтому изучение динамики генерального планирования новых городов позволяет проследить основные вехи развития советской урбанистики XX в., специфику воплощения её идейных и профессиональных установок в провинции.

Грандиозный государственный проект «Большая Волга», начало реализации которого было связано с секретным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 августа 1937 г., предполагал строительство каскада гидроэлектростанций в бассейне самой знаменитой русской реки. Ввод в эксплуатацию в довоенный и послевоенный периоды гидроузлов Ивановского (1937 г.), Угличского (1940 г.), Рыбинского (1941 г.), Городецкого (1948 г.), Куйбышевского (1955–1957 гг.), Волгоградского (1958 г.) [15, С. 4] стал частью крупномасштабных преобразований в рамках форсированной индустриализации страны в преддверии Великой Отечественной войны и дальнейшего развития промышленности после неё. Сегодня эти гигантские стройки оцениваются общественностью неоднозначно: с одной стороны, они обеспечили энергетическое снабжение предприятий тяжёлой индустрии, химической промышленности и машиностроения, во множестве появившихся в годы предвоенных пятилеток и в послевоенное время, способствовали победоносному завершению войны, позволили создать благоприятные условия для развития оросительного земледелия в засушливом степном Заволжье, а с другой, оказались неотделимы от истории массовых репрессий, то есть осуществлялись такими методами и средствами, которые дают представление о чрезвычайно и чрезмерно высокой человеческой цене, заплаченной нацией за резкий промышленно-энергетический рывок. Одним из печальных последствий строительства гидроэлектростанций на Волге и Каме стало переселение на новое место жителей городов и посёлков, попадавших в зону затопления.

Выбор Самарской Луки для строительства крупной гидроэлектростанции был обусловлен рядом причин, обозначенных, в частности, в ряде докладов, подготовленных в 1933 г. для Энергетического института им. Г.М. Кржижановского (ЭНИИ, Ленинград). Основные доводы, приведённые докладчиками в пользу выбора этого места для строительства ГЭС, выглядели так: расположение в центре единой высоковольтной сети на стыке трёх сверхмощ-

ных электроэнергетических систем – Центрального промышленного района, Поволжья и Урала, что делает Самарский гидроузел мощным межрайонным резервом в европейской части СССР; местоположение Самарской Луки в центре северной части засушливого Заволжья, где от неурожая вследствие засухи страдают густонаселённые, земледельчески освоенные районы с превосходными чернозёмными почвами; сейсмическое спокойствие района; наиболее значительная освоенность Среднего Поволжья по сравнению с низовым [5, Л. 26; 6, Л. 1, 3; 7, Л. 3].

Статья из газеты «Строитель гидроузла» (печатный орган политотдела управления и стройкома Строительства Куйбышевского гидроузла (СКГУ) за 9 августа 1940 г. рассказывает о начатом в 1938 г. «соревновании строителей величайших гидротехнических гигантов» – Куйбышевского гидроузла и Волгостроя, осуществлявшего строительство Сталинградского гидроузла. Решением Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 11 июня 1939 г. перед строителями Куйбышевского гидроузла были поставлены задачи «...завершить изыскательско-исследовательские работы для обоснования технического проекта Гидроузла и сдать его на утверждение правительства. Полностью завершить постройку верховой части левобережной перемычки Жигулёвского узла. Создать подъездные железнодорожные пути к будущим сооружениям в Переволоках и под Красной Глинкой. Проложить линии электропередач на правый берег Жигулёвского узла и в Переволоки. Возвести новые жилые дома, обеспечивающие строительство и перевод проектировщиков из гг. Москвы и Дмитрова на строительные площадки. <...> Новый социалистический договор с коллективом Волгостроя – конкретная программа хозяйственной и политической деятельности на каждом участке, предприятии и учреждении стройки. <...> Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня (имеется в виду Указ от 26 июня 1940 г. «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» – И.Б.) создаёт строителям Гидроузла исключительно благоприятные условия для выполнения обязательств, взятых в соревновании с коллективом Волгостроя. Все честные строители должны повести беспощадную борьбу с прогульщиками, дезорганизаторами производства и их покровителями. Борьба за выполнение новых обязательств должна пройти под знаком завоевания новых побед в соревновании строек ГУЛАГ^а, за переходящее Красное Знамя Наркома» [3, Л. 1]. Помимо того, что эта пространная цитата даёт представление о времени и том, чьими силами осуществлялось строительство гидроузла, она содержит указание на то, где первоначально предполагалось его возво-

дять: для этой цели определили территорию в Переволоках (волжское правобережье) и под Красной Глинкой (левобережье).

Общественный резонанс у проекта Куйбышевской ГЭС как в конце 1930-х гг., так и в 1950-х был очень высок. Одно из подтверждений этого – имитационная форма презентации ещё не построенного гидросооружения на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 г. в Москве. На фасаде павильона «Поволжье» поместили роспись с изображением плотины Куйбышевского гидроузла. Живописное панно выполнили на прямоугольной поверхности заглубленной стены восемнадцатиметровой ширины, фланкированной разновысотными пилообразными архитектурными объёмами, левый из которых был декорирован гербовой композицией, а правый, более высокий, завершён статуей В.И. Чапаева с саблей на вздыбленном коне. У основания стены имелась реально существовавшая бетонная лестница, по которой «из плотины», навстречу публике изливалась вода, отделённая от зрителей газоном [14, С. 204, 297-298].

Подготовительные работы к строительству Куйбышевского гидроузла были начаты в 1937 г., однако прерванные началом войны, они возобновились по её окончании на другой территории, выше Самары (Куйбышева) по течению Волги, там, где река, образуя петлю Самарской Луки, делала свой первый изгиб чуть ниже старинного Ставрополя. Так называемый Управленческий городок, созданный ещё до войны для размещения проектировщиков гигантского гидротехнического сооружения, до сих пор существует на выезде из Самары.

До начала затопления старинного Ставрополя в 1955 г. [21, С. 342] оставалось ещё более десяти лет. Основанный на Волге в 1737 г., этот город был на сорок лет старше своего тезки, до сих пор существующего в районе Кавказских Минеральных вод. В конце XVIII в. поволжский Ставрополь административно подчинялся Симбирскому наместничеству, образованному 27 декабря 1780 г. [16, С. 52]. Помимо Ставрополя в наместничество тогда вошли уездные города Алатырь, Ардатов, Буинск, Канадей, Карсун, Котьяков, Курмыш, Самара, Сенгилей, Сызрань и Тагай. Большинство городов являлись таковыми формально; через шестнадцать лет, по высочайше подтвержденному в 1796 г. штату из тринадцати городов в Симбирской губернии осталось только десять, поскольку три из них оказались упразднены и приписаны к другим уездам: Тагай – к Симбирскому, Котьяков – к Карсунскому, Канадей – к Сызранскому [2, Л. 2].

Ставрополь появился на волжском левобережье по повелению Анны Иоанновны, причём не столько в интересах обороны, сколько

для христианизации калмыков и дальнейшего освоения края, хотя, как и все города Поволжья, он, по традиции, начинался с крепости. Простота ландшафта дорегулярного Ставрополя сыграла свою роль впоследствии, в эпоху широкомасштабных мероприятий по регулярной перепланировке российских городов, начавшейся вместе с правлением Екатерины II, издавшей в 1763 г. указ «О сделании всем городам, их строениям и улицам специальных планов, по каждой губернии особо». Из всех городов Симбирской губернии, только три – Ставрополь, Ардатов и Буинск – имели столь несложный рельеф, что и регулярные планы для них стали крайне простыми по своим решениям. Если сложные ландшафтные условия Сызрани и Сенгилея требовали от составителей планов на рубеже XVIII–XIX вв. определённого опыта и творческих усилий, то к перепланировке Ставрополя подошли довольно формально: геометрический план 1804 г. Ставрополя имел форму прямоугольника с сохранением ровных линий городской черты со всех сторон, кроме одной, приспособленной к изгибам речного берега. В такой планировочной ситуации город мог расти только через увеличение количества одинаковых прямоугольных или квадратных кварталов, становясь чрезвычайно протяжённым, как бы распластанным на равнинной поверхности.

К моменту принятия решения о послевоенном возобновлении строительства Куйбышевской ГЭС, поволжский Ставрополь представлял собой тихий провинциальный городок, по-прежнему уютно раскинувшийся в естественной природной котловине на берегу одного из многочисленных рукавов Волги – Куней Воложки. Редкими пространственными акцентами в равнинном рельефе Ставрополя, застроенном по большей части малоэтажной, как бы «стелющейся» вдоль земли застройкой с большими разрывами из-за пожароопасности деревянных зданий являлись несколько культовых и общественных сооружений. Расположение Ставрополя в естественной природной котловине сыграло роковую роль в его судьбе на рубеже 1940-х – 1950-х гг., по-видимому, во многом обусловив гибель города.

Постановление Совета Министров СССР о строительстве в среднем течении Волги одной из крупнейших в мире Куйбышевской ГЭС опубликовали 21 августа 1950 г. в газете «Правда» [18], после чего началось производство подготовительных работ: прокладка автомобильной магистрали Ставрополь – Куйбышев, железнодорожных веток до Сызрани и Куйбышева, возведение вспомогательных производств и служебных зданий. Пиковым для строительства Куйбышевской ГЭС являлся 1954 г., проектная численность рабочих для которого составила 69, 5 тыс. чел. (30% – вольнонаёмных и 70% – спецконтингента) [1, Л. 172].

До 1952 г. сооружение ГЭС находилось в ведении Управления исправительно-трудовых лагерей и строительства Куйбышевской гидроэлектростанции, затем его осуществляла специально созданная организация – Куйбышевгидрострой, сыгравшая огромную роль в строительстве не только крупного энергетического объекта, но также рабочих посёлков Шлюзового и Комсомольского, а также собственно нового Ставрополя. Практика создания крупных строительных трестов для возведения промышленных и энергетических объектов, а также жилых и общественных зданий новых городов также являлась обычной для советского государства. Связано это было с тем, что строительство городов шло вслед за планами по строительству предприятий, а тресты, имевшие не только опыт строительства, кадры и материальную базу, оказывались наиболее подготовленными для решения таких задач. В середине ноября 1955 г. Волгу перекрыли, и в ложе водохранилища начала накапливаться вода. Образовавшееся Куйбышевское водохранилище затопило обширную территорию, оставив исторический Ставрополь на дне искусственного моря.

В современной литературе до сих пор транслируется советский миф о возможности перенесения города на новое место и о том, что в нашей стране это было не единожды сделано в случае попадания населённого пункта в зону искусственного водохранилища при строительстве гидроэлектростанций на Волге. В частности, в энциклопедическом издании 2003 г. о Ставрополе написано следующее: «При сооружении Волжской (Куйбышевской) ГЭС попал в зону затопления и в середине 50-х гг. *полностью перенесён* на новое место (курсив мой – И.Б.)» [17, С. 433]. Однако, если перемещение фрагментов поселения, например, отдельных зданий, ансамблей или фрагментов улицы, можно считать достижимой задачей, то воссоздание на новом месте города как архитектурно-градостроительной и пространственно-ландшафтной целостности, с прежними видовыми точками и панорамами невыполнимо. Перенесённые строения старинного Ставрополя, представляли собой, главным образом, одноэтажную индивидуальную деревянную застройку, размещённую, в соответствии с генпланами начала 1950-х гг., на периферийных участках, а потому не могли играть важной роли в архитектурно-пространственной структуре нового города. Ни одного исторически и художественно ценного здания из капитальной, как правило, общественной застройки там не оказалось.

География строительства промышленных предприятий и поселений при них на рубеже 1940-х – 1950-х гг. охватывала экономически перспективные районы Средней Волги, Приуралья, Сибири, Украины и Прибалтики, Средней Азии и Казахстана. Так называемая «поселковая идеология» (Ю.Л. Косенкова), связанная с традицией

восприятия поселения как вторичного по отношению к строительству индустриального объекта, сложилась раньше, в 1930-х гг., но сохранялась и в начале 1950-х гг. Новый Ставрополь не стал исключением: он начинался с разбросанных в пространстве посёлков, обаянных своим появлением нуждам промышленного строительства.

Строительство рабочих посёлков Комсомольского, Портового и Шлюзового началось в 1950 г., когда генерального плана нового Ставрополя ещё не существовало. Город не складывался в целостный организм, распадался на отдельные посёлки и участки, строительство на территории которых иногда шло вразрез с существовавшими нормами. Это заставило председателя исполкома Куйбышевского облсовета депутатов трудящихся Г. Малехонькова в мае 1950 г. обратиться письмом к Председателю Совета Министров СССР Л.П. Берии. Письмо содержало обеспокоенность по поводу активной строительной деятельности предприятий, осуществляемой в условиях отсутствия генерального плана города: «каждое Министерство проектирует свой завод и жилой посёлок для него, исходя из своих ведомственных интересов, без учёта возможности кооперирования сил и средств на сооружения, имеющие <...> общегородское значение... Комплексное, разумное решение этих сложных технических и экономических задач для предприятий будущего города имеют исключительно важное значение, но разрешение их возможно только при наличии проекта планировки всего промышленного и жилого комплекса этого района в целом» [9, Л. 266, 268]. Документ содержал просьбу обязать Министерство городского строительства СССР разработать проект планировки Ставропольского промышленного района с учётом размещения всех промышленных предприятий, нанесением основных магистралей и объектов инженерного оборудования, поручить разработку генерального плана Ставрополя одной из центральных проектных организаций и привлечь к этому процессу Куйбышевскую городскую проектную мастерскую «для лучшей увязки генплана города с местными условиями».

Разработка генерального плана города, с постоянными его корректировками, будет продолжаться в течение 1951–1952 гг. Однако потребность в нём возникла, конечно, раньше, на начальных стадиях строительства промышленных предприятий. Каким образом действующие лица пытались выйти из этой ситуации, демонстрирует переписка между директора Гипрокаучука и начальника Куйбышевского облотдела по делам Архитектуры. На телеграмму из Гипрокаучука от 12 мая 1950 г., содержавшую просьбу о согласии на проектирование жилого посёлка завода синтетического каучука, С. Ананченко ответил следующее: «До решения районной схемы планировки городские проектные организации не могут

принять на себя работы по составлению генплана города в целом и в частности Вашего жилого посёлка. При разработке Вами проекта планировки посёлка Вашего завода *считаем необходимым рекомендовать проектирование сетки улиц и застройки самих кварталов посёлка вести применительно к населённым пунктам городского типа* (курсив – И.Б.)» [9, Л. 262].

Общепринятый порядок проектирования в стране выглядел тогда следующим образом: сначала осуществлялось проектирование промышленного района, что предполагало определение территории для него и размещение на ней предприятий из титульного списка Госплана СССР, в результате чего появлялась схема районной планировки, которая после её оценки экспертами проходила согласование в Госплане. Затем переходили к работам по проектированию отдельных узлов в пределах района. В районе Куйбышевской ГЭС, где по титульному списку предполагалось разместить тринадцать промышленных предприятий [1, Л. 99], по мнению экспертной комиссии планировочными узлами района являлись «г. Куйбышев с пригородами, включая Кряж, Липяги и Кинель; г. Сызрань с Батраками и районом Кашпира; Новый г. Ставрополь, Русская Борковка, Шлюзовой посёлок, портовый посёлок и др.» [1, Л. 89].

Схема планировки района Куйбышевской ГЭС разрабатывалась Ленинградским отделением Гипрогора в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР № 823-рс от 23 января 1951 г.; 28 июля этого же года было вынесено решение о размещении промышленного и жилого строительства, определённого Госпланом СССР в районе села Русская Борковка, а также в районе западнее Васильевки, входящих в планируемый район. «Новый город у Куйбышевской плотины», как тогда называли переносимый Ставрополь (косвенное подтверждение ложности представлений о перенесении старинного городка на новое место), в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 28 июля 1951 г. проектировался на базе заводов синтетического каучука, двойного суперфосфата и завода генераторов; расчётная численность его населения составила 40 тыс. чел. Помимо жилищного строительства перечисленных предприятий, в новом городе предполагалось разместить переносимый жилой фонд из города Ставрополя, затопляемого в связи со строительством Куйбышевской ГЭС. Застройка города по этажности была принята следующая: четырёх- и пятиэтажные дома должны были составить 75% общего объёма нового жилищного строительства, одноэтажные – только 5%, оставшееся количество приходилось на двух- и трёхэтажные здания [1, Л. 81].

В декабре 1951 г. коллегия областного Управления по делам Архитектуры рассмотрела и в основном одобрила предложенную

Ленгипрогором схему планировки района Куйбышевской ГЭС, обязав проектную организацию разработать план первой очереди строительства нового города, а 2 апреля 1952 г. схему планировки района гидроэлектростанции утвердил Куйбышевский облисполком [1, Л. 80]. При повторном рассмотрении проекта на заседании облсовета в апреле 1951 г., его участники рекомендовали проектировщикам «предусмотреть выход нового города к реке Волге в районе Портового посёлка, композиционно связать полукольцевой бульвар с районными центрами и оформить въезды в город застройкой домами повышенной этажности..., улучшить связи между новым городом и Портпосёлком» [1, Л. 82]. Обозначенные направления для совершенствования генплана нового Ставрополя отражают общепринятые тогда представления о принципах планировки социалистического города, который должен, по возможности, иметь «речной фасад», репрезентативную застройку основных уличных магистралей многоэтажными домами, поставленными по красной линии, и ориентацию основных улиц и районных площадей на единый композиционный центр.

Проектирование нового Ставрополя длилось уже не менее двух лет, когда в официальных документах января 1953 г. (Справка Б. Светличного и Заключение, представленное Советом Министров РСФСР в Совет Министров СССР) были высказаны рекомендации о размещении нового города только у дер. Васильевки и оставлении площадки у Русской Борковки в качестве резервной, поскольку наиболее крупное предприятие – завод алюминиевого проката – уже строится в другом месте, а освоение этих территорий «только некрупными предприятиями, оставшимися из числа предусмотренных Госпланом СССР, в настоящее время нецелесообразно». Резервировать площадку у Русской Борковки предполагалось до момента, когда она потребуется для размещения значительных предприятий, сооружение которых сможет оправдать существенные затраты на её освоение и строительство инженерных коммуникаций. Поскольку вместо двух новых городов (у Васильевки и у Русской Борковки) теперь надлежало появиться только одному, в справке названа и новая проектная численность населения в 80-85 тыс. чел. [1, Л. 105-106]. Спустя тринадцать лет, в 1966 г., на резервной площадке у Русской Борковки начали строительство Волжского автомобильного завода (ВАЗ) и нового района города. К тому моменту последний уже был переименован из Ставрополя в Тольятти Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 августа 1964 г., спустя неделю после внезапной кончины лидера Итальянской коммунистической партии в Ялте.

Выполнение работ по составлению схемы планировки района Куйбышевского гидроузла и проекта планировки населённого пун-

кта Распоряжением Совета Министров РСФСР от 23 января 1951 г. было возложено на государственный институт проектирования городов «Гипрогор» [10, Л. 77]. Наиболее ранний проект планировки нового Ставрополя был разработан Гипрогором, а затем утверждён Куйбышевским облисполкомом (Протокол № 424 от 2 апреля 1952 г.). Дальнейшие работы, связанные с созданием «Детального проекта планировки северо-западной части Нового города у плотины Куйбышевской ГЭС», выполняло Ленинградское отделение Гипрогора. Разработчиком детального проекта планировки стал архитектор Ленгипрогора Ю.М. Киловатов [9, Л. 80].

Первоначально в Ленгипрогоре создали генплан в расчёте на население в 40 тыс. чел., затем работу продолжил Куйбышевоблпроект (на 80 тыс. чел.), Куйбышевгидрострой корректировал план в расчёте на увеличение количества населения до 120 тыс. чел., когда же возникла необходимость в очередном увеличении города, то проект для 330 тыс. чел. вновь разрабатывал Ленгипрогор [13, С. 26]. Изменение численности населения всегда следовало за корректировкой размещения здесь предприятий.

Генплан нового Ставрополя постоянно корректировался Ленгипрогором, причиной для чего являлись либо изменения, внесённые на стадии проектирования, либо то обстоятельство, что объём проектирования у организации был огромен, а кадров и времени, отведённых для этой сложной работы имелось чрезвычайно мало, что влекло за собой неточности, становившиеся препятствием для разметки территории с целью выделения участков под новую и переносимую застройку. Между тем, время безвозвратно уходило, и в начале 1953 г. параллельно с внесением замечаний в проект при его рассмотрении в Совете Министров СССР, была выдана рекомендация начать «перенос жилых и общественных зданий из затапливаемого г. Ставрополя в 1953 г. <...> на отведённые в натуре участки, не ожидая окончания переработки проекта планировки города» [1, Л. 113]. Приказ Управления по делам архитектуры при Совете Министров СССР № 46 от 18 апреля 1953 г. в очередной раз обязывал Ленгипрогор представить откорректированный проект планировки «Нового города у плотины Куйбышевской ГЭС» [3, Л. 1]. Нервозность, заметная в официальной переписке того времени между Облотделом по делам Архитектуры и Ленгипрогором, объяснялась тем, что затопление старинного Ставрополя должно было произойти уже в 1955 г., а переселение жителей на новую территорию шло медленно. В декабре 1954 г. на заседании архитектурной комиссии областного отдела по делам архитектуры слушали доклад его начальника С.В. Ананченко об эскизе расширения северной части города Ставрополя, разработанном архитектором Ленгипрогора Ю.М. Киловатовым (9, Л. 139-141). Проект детальной

планировки дополнительных северных кварталов нового города Ставрополя, представлявший собой зону расширения индивидуальной застройки, разработали в Куйбышевоблпроекте и утвердили с учётом выполнения ряда требований на заседании архитектурной комиссии от 4 февраля 1955 г. [9, Л. 35].

Первый же взгляд на план Центрального района г. Тольятти 1953 г. [12, С. 54] рождает ощущение, что когда-то это уже было видено. Модный в эпоху господства классицистической концепции городского планирования трезубец имеется на планах исторической части Рима (Пьяцца дель Пополо), Версаля (три дороги, отходившие от знаменитой резиденции Людовика XIV в сторону Парижа и двух королевских дворцов – Сен-Клу и Со) и, наконец, Санкт-Петербурга (Вознесенский проспект, Гороховая улица и Невский проспект, берущие начало от здания Адмиралтейства). Постановка провинциального советского города в один ряд со знаменитыми европейскими городами, конечно, кажется натянутой, однако сделано это только для демонстрации того, насколько востребованной рациональная градостроительная концепция классицизма оставалась спустя много десятилетий, причём в совершенно иных политических и социально-экономических обстоятельствах. Правда, в условиях тоталитарного государства из классицизма пришлось кстати, главным образом, жёсткие планировочные структуры, доведённые до состояния небольшого набора рецептов, простота архитектурных объёмов и монументальность, ставшая в сталинскую эпоху гипертрофированной. В плане Центрального района г. Тольятти лучи трезубца начинаются от улицы Мира, ограничивающей одну из сторон главной площади, далее пролегают асфальтированными пешеходными дорожками по территории городского сада, выходя за пределы которого преобразуются в улицы К. Маркса (Сталина), Ленина и Победы. Трёхлучевая система улиц была использована и в другом новом городе Поволжья – в Волжском (1951-1952 гг.), который так же возводился на месте, свободном от реминисценций прошлого.

Архитектура и планировка посёлков Шлюзовой и Комсомольский, входящих в современный Тольятти, также довольно показательна для своего времени. Наиболее ярким выразителем официальной архитектурно-градостроительной доктрины рубежа 1940-х – 1950-х гг. является Шлюзовой, в котором, на свободной, довольно камерной территории была предпринята попытка реализации концепции «города-ансамбля» как бесконфликтного объекта, раз и навсегда сформированного и не изменяющегося во времени. Архитектурно-пространственное значение посёлка Шлюзового заключалось в исполнении им функции речного фасада города, так как одна из главных улиц этого района (ул. Носова) вытянулась вдоль волжского

берега. Именно на ней появились трёхэтажные жилые дома с башнеобразным объёмом на углу, с портиками и колоннами на уличных фасадах. Три жилых дома вытянули в одну шеренгу вдоль улицы Носова (№№ 2, 3, 5), соединив их между собой арками, отделяющими дворы от улицы, обращённой одной стороной к реке. Историческая часть Шлюзового, сформированная в 1950-е гг., – исторически ценный для Тольятти ансамбль, заключающий в себе типичные для эпохи сталинского классицизма представления о городе.

Начало следующего важного этапа исторической и архитектурно-планировочной эволюции Тольятти пришлось на вторую половину 1960-х гг. Разработка генерального плана города в это время происходила, с одной стороны, под влиянием такого традиционного фактора развития советских городов, как ожидаемый резкий рост численности населения в связи со строительством крупного промышленного предприятия, а с другой, осуществлялась в условиях принципиальной смены взглядов на градостроительство.

В 1966 г. началось строительство Волжского автомобильного завода имени 50-летия СССР, что повлекло существенное расширения города (расчётная численность выросла до 500 тыс. чел.). За проект нового района города коллективу архитекторов были присуждены Государственные премии СССР, что служит лучшим доказательством соответствия замысла новой, официально поддерживаемой урбанистической концепции.

Представления об основных критериях разработки генпланов во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. были уже иными, чем в эпоху господства градостроительной концепции сталинской эпохи. Среди главных ориентиров для создателей генеральных планов новых городов на рубеже 1960-х – 1970-х гг. в специальной литературе и профессиональной периодике того времени обозначены как отказ от решения перспективных проблем старыми методами, применяя последние по инерции; комплексное решение градостроительных задач на основе архитектурно-планировочной концепции, способной развиваться и совершенствоваться под воздействием социального и научно-технического прогресса, не теряя принципиальной направленности, заложенной на этапе проектирования и др. При формировании планировочной структуры новых городов необходимо учитывать, что «новый город формируется не как автономное образование, а как □...□ элемент в системе расселения», он «взаимосвязан множеством трудовых, бытовых и культурных поездок с близлежащими населёнными пунктами и тем самым неотделим от скоростного транспорта» [19, С. 24-26]. Создание предпосылок для комплексного удовлетворения жилищных, культурных и бытовых потребностей населения, функциональная

логика генерального плана, простота и ясность форм, чёткий ритм планировочных элементов и модульность – новые ориентиры градостроительства 1960-х – первой половины 1970-х гг. В этом смысле Автозаводский район г. Тольятти являлся экспериментальной площадкой, на территории которой реализовывали современные представления о градостроительстве.

Говоря о принципах, положенных в основу планировочной структуры Автозаводского района г. Тольятти, нельзя не вспомнить о советском чиновнике Н.А. Милютине, архитектурная теория и практика которого, также, впрочем, как и биография, стали объектом внимания в книге Д. Хмельницкого и Е. Милютиной [11]. Недавно вышло также репринтное издание книги Н.А. Милютина «Соцгород», прославившей своего автора в Западной Европе сразу же после её первого перевода в 1931 г. на чешский язык [11, С. 440]. В мировом профессиональном сообществе идеи Н.А. Милютина о так называемом поточно-функциональном или, как его ещё называют, линейном городе широко известны. Главный планировочный принцип, предложенный Милютиным, заключался в необходимости расположения различных функциональных зон поселения (промышленная, селитебная и др.) наиболее экономичным образом и в определённом порядке: за территорией железнодорожных путей (полоса отчуждения) должна была следовать зона производственных и коммунальных предприятий, складов и др, далее следовала зелёная полоса (защитная зона), после неё – жилая, затем парковая зона и зоны совхозов. При планировании отдельных зон, автор «Соцгорода» особое внимание обращал на наличие водных бассейнов, вблизи которых он призывал располагать жилую зону и господствующее направление ветров [11, С. 117].

Реализацию именно такого подхода демонстрирует схема жилой территории г. Тольятти [22, С. 13], на которой видны принципиальные отличия планировочных структур его Центрального (1950-е гг.) и Автозаводского (1960-е гг.) районов. Жилая зона с южной стороны имела прибрежную территорию отдыха, а с северной – санитарно-защитную зону шириной в 1,5 км, отделявших жилые кварталы от промышленных предприятий. Функциональные зоны расположены полосами друг за другом, начиная от берега водохранилища, а транспортные коммуникации, образующие продольные и поперечные связи между различными зонами города и его кварталами, обеспечивают высокую пропускную способность общественному и частному транспорту. Эпитеты Тольятти во второй половине 1960-х – 1970-х гг. – «новый город», «город-эксперимент», «город будущего» и др. Более половины доклада «Новые города в СССР», сделанном на Днях советской науки и техники во

французском г. Эври (октябрь, 1977 г.) было отведено г. Тольятти, а при издании текста выступления в виде брошюры, на обложке поместили фрагмент Автозаводского района с видом на улицу Революционную и панораму жилой застройки за нею [20].

В разных исторических пластах градостроительной структуры современного Тольятти, все районы которого возводились на свободных от застройки территориях, запечатлены образы города эпохи сталинского классицизма рубежа 1940-х – 1950-х гг. (Шлюзовой, Комсомольский), времён хрущёвской оттепели, когда классицистическую схему построения пространства пытались сочетать с индустриальными методами домостроения (Центральный район), эпохи, когда возобладали представления о многофункциональности города и стремление трактовать жилой микрорайон как социокультурную, а не только территориальную единицу (Автозаводский район). Хотя наши современники склонны сегодня в большей степени предъявлять претензии к качеству градостроительной среды провинции, сформированной в обозначенный период, игнорировать факт трансформации официальных и профессиональных установок от рубежа 1940-х – 1950-х к 1960-м гг. невозможно. Выявление факторов, мотивов и путей этой трансформации – по-прежнему открытая и интересная для изучения тема.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАЭ. Ф. 339. Оп. 2. Д. 121.
2. РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 75.
3. Управление по делам архивов мэрии г. Тольятти. Ф. Р-17. Оп. 1. Ед. хр. 4.
4. Управление по делам архивов мэрии г. Тольятти. Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 17.
5. Филиал РГАНТД в г. Самаре. Ф. Р-249. Оп. 1-1. Д. 5.
6. Филиал РГАНТД в г. Самаре. Ф. Р-249. Оп. 1-1. Д. 38.
7. Филиал РГАНТД в г. Самаре. Ф. Р-249. Оп. 1-1. Д. 40.
8. ЦГАСО. Ф. Р-4249. Оп. 1. Ед. хр. 16.
9. ЦГАСО. Ф. Р-4249. Оп. 1. Д. 83.
10. ЦГАСО. Ф. Р-4249. Оп. 1. Д. 115.
11. Архитектор Николай Милютин / Д. Хмельницкий, Е. Милютина. М. Новое литературное обозрение, 2013. 504 с.
12. Белла Ф. Тольятти. Рождение нового города: Популярное издание / Пер. с фр. Ю. Горбунов. Екатеринбург: TATLIN, 2014. 144 с.
13. Бочаров Ю.П., Кудрявцев О.К. Планировочная структура современного города. М.: Стройиздат, 1972. 160 с.
14. Выставочные ансамбли СССР. 1920 – 1930-е гг.: Материалы и документы / Отв. ред. В.П. Толстой. М.: Галарт, 2006.
15. Гидротехнические сооружения на реке Волге / П.А. Гарибин, А.Б. Мошков, В.В. Немчинов. СПб: Изд-во СПбГТУ, 1996. 64 с.
16. Красовский В.Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии. 1372 – 1901. Симбирск, 1901.
17. Краткая российская энциклопедия: В 3 т. Т. 3: Р-Я / Сост. В.М. Карев. М.: Большая Российская энциклопедия; ООО «Издательский дом ОНИКС 21 век», 2003. 1135 с.
18. Куйбышевская гидроэлектростанция на реке Волге. 1950 – 1957 годы: фотоальбом / Сост. А.А. Бардышев, Н.В. Разин. Ставрополь, 1957. (Семейный архив Галаниных).

19. Кулага Л. Вопросы формирования общественных центров городов // Архитектура СССР, 1971, № 1.
20. Новые города в СССР: Доклад к выставке «Градостроительство в СССР» в рамках Дней советской науки и техники во Франции, г. Эври, октябрь 1977 г. / Доклад подгот. арх-р М.К. Савельев. М., 1977. 15 с.
21. Овсянников В.А. Ставрополь – Тольятти. Страницы истории. Тольятти: Изд-во Фонда «Развитие через образование», 1996. 364 с.
22. Рубаненко Б.Р., Образцов А.С., Савельев М.К. Новый Тольятти. М.: «Знание», 1971. 64 с.

* * * * *

УДК 314.3 (571.1) «1960/69»

Дашинамжилов Одон Борисович

*кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Институт истории Сибирского отделения РАН
г. Новосибирск
Odon@bk.ru*

Лыгденова Виктория Васильевна

*кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
г. Новосибирск
Asterisk1980@mail.ru*

РОЖДАЕМОСТЬ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960-е гг.

В статье на основе объемного источникового материала рассматриваются изменения, произошедшие в репродуктивном поведении городского населения Западной Сибири в 1960-е гг. Выявлены основные показатели динамики общего и суммарного коэффициентов рождаемости. Исследованы причинно-следственные связи между важнейшими событиями в истории изучаемого экономического района и динамикой рождаемости в этот период.

Ключевые слова: рождаемость, население, города, возрастной состав, Западная Сибирь, регион.

Dashinamzhilov Odon Borisovich

*candidate of historical sciences, junior research fellow
Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy
of Sciences Novosibirsk
Odon@bk.ru*

Lygdenova Victoria Vasilevna

*candidate of philosophical sciences, research scientist
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences
Novosibirsk
Asterisk1980@mail.ru*

THE BIRTH RATE IN THE CITIES IF WESTERN SIBERIA IN 1960-S.

In the present article the changes in the reproductive behavior of urban populations of Western Siberia on the basis of extensile sources material. The main indicators of the general and overall birth rates are revealed. Cause and effect relationships between the most important events in the researched economic region and dynamics of the birth rate in this period are studied.

Keywords: birth rate, population, cities, age composition, Western Siberian region.

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Рождаемость является одним из важнейших компонентов развития демографической подсистемы общества, от которой во многом зависит динамика численности населения, в том числе и городского. В этой связи представляется интересным исследование, на примере Западной Сибири, ее особенностей в восточных районах страны в относительно стабильный период времени, когда социальные катаклизмы и кризисы первой половины XX столетия остались в прошлом.

Материальное поощрение рождаемости в этот период определялась нормами, принятыми еще в 1940-е гг. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1947 г. установил размеры государственных пособий на рождение детей разных очередностей. В 1956 г. продолжительность отпуска по беременности и родам увеличилась с 77 до 112 календарных дней с выдачей в этот период денежного пособия. Отменялось условие обязательности трехмесячного непрерывного стажа, однако размеры пособия по-прежнему зависели от общего трудового стажа. В 1960-е гг. законодательство не претерпело кардинальных изменений. Нововведения касались лишь отдельных категорий граждан.

Десятилетие после Всесоюзной переписи 1959 г. специалисты-демографы характеризуют как «демографический провал». В этот период общий коэффициент рождаемости в городах Западной Сибири снизился по нашим расчетам с 23,9% в 1959 г. до 14,2% в 1967 г. При этом в исследуемом экономическом районе он сократился значительно по сравнению с РСФСР. Хотя в целом общий коэффициент здесь продолжал оставаться выше, чем по республике в целом. Тенденция сокращения количества деторождений объ-

яснялась многими факторами, среди которых ключевыми нередко назывались изменения в возрастном составе населения [3, С. 8].

Таблица 1 показывает, что, если в 1959 г. удельный вес в населении лиц в возрасте 20–29 лет с наиболее высокими показателями рождаемости составлял 21,9%, то в 1970 г. – только 15,6%. При этом, если численность городского населения в целом увеличилась на 29,8%, то количественный состав 20–29-летних снизился на 7,8%.

Таблица 1 – Возрастной состав городского населения Западной Сибири согласно данным Всесоюзной переписи 1959 и 1970 гг.

	год рожд.	1959	уд.вес	год рожд.	1970	уд.вес
0–4	1954–1958	649974	11,4	1965–1969	506902	6,8
5–9	1949–1954	588030	10,3	1960–1964	638630	8,6
10–14	1944–1948	403953	7,1	1955–1959	727079	9,8
15–19.	1939–1943	485811	8,5	1950–1954	830396	11,2
20–24.	1934–1938	678586	11,9	1945–1949	698318	9,4
25–29	1929–1933	576168	10,1	1940–1944	458314	6,2
30–34	1924–1928	597624	10,4	1935–1939	732528	9,9
35–39	1919–1923	326659	5,7	1930–1934	552545	7,4
40–44	1914–1918	291915	5,1	1925–1929	636608	8,6
45–49	1909–1913	310714	5,4	1920–1924	365804	4,9
50–54	1904–1912	246411	4,3	1915–1919	277929	3,7
55–59	1899–1903	184568	3,2	1910–1914	329078	4,4
60 и ст.	Раньше 1899	383633	6,7	раньше 1913 г.	671761	9,0
Всего	—	5724218	100,0	—	7431318	100,0

[Рассчитано по: Возрастной состав населения РСФСР (По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М., 1972. С. 286, 292, 295, 298, 301, 304; ГАРФ. Ф. А.—374, Оп. 39, Д. 1351, Л. 4-6об; Д. 1353, Л. 4-6об; Д. 1354, Л. 4-6об; Д. 1355, Л. 4-6об; Д. 1356, Л. 4-6об; Д. 1357, Л. 4-6об].

Следует иметь в виду, что определить влияние различных факторов на изменение общего коэффициента в 1960-е гг. является довольно непростой задачей. Дело в том, что в отличие от первой половины XX столетия на абсолютные количественные показатели деторождений, в том числе и на число рождений по возрасту и порядку рождения структурные деформации в возрастном составе населения оказывали гораздо большее влияние. Именно поэтому значение общего коэффициента как инструмента определения уровня рождаемости снизилось. Подобную проблему можно было бы решить, применив индексный метод, однако для этого необходимо знать изменения, происходившие в возрастном составе

городского населения Западной Сибири, по меньшей мере, каждые пять лет. Отсутствие подобных сведений не дает возможность рассчитывать такие важные показатели как возрастные коэффициенты рождаемости. Именно поэтому задача выявления воздействия собственно внешних условий и внутрисемейного регулирования на ее уровень является во многих отношениях трудноразрешимой.

Из-за отсутствия информации о возрастном составе населения по изучаемому экономическому району, мы попытаемся проанализировать перемены в рождаемости, произошедшие в целом по РСФСР, экстраполировав, с оговорками, полученные данные и на западносибирский экономический район. Несмотря на то, что Западная Сибирь обладает значительной спецификой воспроизводственных процессов, ее население в целом является достаточно однородным в национальном отношении, а ее историческое и культурное, а также и демографическое развитие происходили в русле общероссийских тенденций.

Общий коэффициент рождаемости в Российской Федерации также существенно сократился с 20,7% в 1959 г. до 14,4% в 1965 г. Применяв индексный метод, нам удалось выяснить, что это снижение за эти годы было вызвано, прежде всего, сокращением возрастных коэффициентов (табл. 2). Падение общего коэффициента составило 30,4%, из них 9,2% дали изменения в доле женщин в населении, 7,3% – структурные трансформации его возрастного состава. При этом 13,9% дали перемены, произошедшие именно в возрастных коэффициентах рождаемости. Данные цифровые выкладки в целом согласуются с показателями, полученными ранее А.Г. Волковым, который указал на то, что снижение рождаемости в первой половине 1960-х гг. лишь на 25,0% было вызвано ухудшением возрастной структуры женского репродуктивного контингента [4, С. 181]. В результате суммарный коэффициент по городскому населению РСФСР в 1959–1965 гг., который не зависит от деформаций в его возрастной структуре, снизился за этот период с 2,067 до 1,732 ребенка на одну женщину.

Как показывают нижеприведенные данные, коэффициенты рождаемости снизились во всех возрастных когортах, но в особенности сильно в старших возрастах. Так, в категории 20–24 лет он сократился с 134,8% до 128,3% или на 4,8%, в группе 25–29 лет – с 129,0% до 104,1% (-19,3%), в возрасте 30–34 лет – с 77,3% до 58,9% (-23,8%), в группе 35–39 лет с 38,1% до 26,1% (-31,5%), среди 40–44-летних с 10,4% до 6,9% (-33,7%). Столь резкое падение рождаемости довольно сложно объяснить только распространением внутрисемейных механизмов ее регулирования. На наш взгляд, здесь имели место факторы социально-экономического порядка, действие которых во второй половине 1960-х гг. значительно ослабело.

Таблица 2 – Структура изменений в общего коэффициента рождаемости в 1959–1989 гг. в РСФСР (в %).

	Увеличение/ снижение ОКР (в%)	в т.ч. за счет изме- нений доли женщин в населении	возрастных коэффициентов рождаемости	возрастной структуры населения
1959–1970, в т.ч.	-28,5	-2,0	-13,9	-12,6
1959–1965 гг.	-30,4	-9,2	-13,9	-7,3
1965–1970 гг.	+2,8	+7,7	-0,9	-4,1
1970–1979 гг.	+6,1	-4,6	-0,5	+11,2
1979–1989 гг.	-10,8	-9,5	+6,7	-8,1

[Рассчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР. Стат. сб. М., 1960. С. 223; Естественное и механическое движение населения РСФСР. Стат. мат-лы. М., 1966. С. 31; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1972 году. Стат. сб. М., 1973. С. 52; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 г. Стат. сб. М., 1980. С. 156. Численность, состав и движение населения РСФСР. Стат. сб. М., 1990. С. 114].

Возрастная структура населения в целом в РСФСР в 1965 г. складывалась благоприятно для женщин. Если в 1959 г. на 1000 мужчин в возрастной группе 20–24 лет приходилось 1043 женщины, в категории 25–29 лет – 1022, 30–34 – 1170, то в 1965 г. – соответственно 937, 939 и 1012. Деформации в возрастной структуре незначительно отразились на уровне брачности [1, С. 123].

В последующее пятилетие (1965–1970 гг.) снижение возрастных коэффициентов оказалось минимальным, а суммарный коэффициент рождаемости остался на прежнем уровне (1,732), при том, что общий коэффициент повысился всего на четыре десятых пункта (до 14,8%). Процессы демографического перехода продолжали идти своим чередом, просто они по-разному отразились в различных возрастных категориях. Так, например, в когорте 20–24 лет возрастной коэффициент рождаемости в 1970 г. увеличился на 5,3% и даже немного превысил уровень 1959 г., также на четверть повысился он у молодежи в возрасте до 20 лет (до 27,0%) и совсем не существенно в когорте 30–34-летних (на 0,8%). В остальных возрастных группах они продолжали уверенно снижаться по мере продвижения к все более старшим возрастам: у 25–29 летних – на 6,6%, 35–39-летних – на 14,6%, 40–44-летних – на 30,4%.

Что касается Западной Сибири, то, как мы уже отмечали, располагаемая источниковая база исследования не позволяет нам выявить тенденции в уровне рождаемости из-за неполноты сведений по отдельным регионам и отсутствия данных о возрастном составе ее городского населения за 1965 г. Однако в целом она все же позволяет сделать некоторый приближенный анализ произошедших структурных изменений.

Итак, рассмотрим, какие же перемены в рождаемости произошли к середине 1960-х гг. в городах Западной Сибири (далее и ниже анализ будет проводиться без Новосибирской области). Абсолютное число рождений снизилось за 1960–1965 гг. на 28,4%. При этом, как и ожидалось, наибольшее сокращение произошло в возрастной группе 20–24 лет. Женщины этой возрастной когорты появились на свет в годы Великой Отечественной войны, когда общий коэффициент снизился более чем в два раза. Как можно видеть из таблицы 1, в 1970 г. численность и удельный вес женщин в возрасте 25–29 лет, которые за пять лет до этого располагались в группе 20–24-летних, были меньше, чем в 1959 г., несмотря на рост численности городского населения Западной Сибири в целом. В 1965 г. в этой возрастной категории на свет появилось почти в два раза меньше младенцев, чем за пять лет до этого. В то время как в этом же году в вышестоящей возрастной группе 25–29 лет женщины родили больше детей. В результате удельный вес категории 20–24-летних в общем количестве рождений снизился до 27,3%, тогда как в 1960 г. он составлял 39,6% и временно стал меньше, чем даже у 25–29-летних (37,5%). Если учесть, что в целом по РСФСР рождаемость в этой возрастной когорте снизилась все же незначительно (с 134,8% до 128,3%), то сокращение числа деторождений здесь было главным образом вызвано структурными причинами. Косвенным подтверждением этому является сравнительно небольшой рост доли первенцев, которая обычно увеличивается в условиях сокращения интенсивности деторождений. Если в 1960 г. они составляли 70,9% от всех новорожденных в этой группе, то в 1965 г. – 75,5%.

Несколько иначе обстояли дела у 25–29-летних женщин. На их примере можно увидеть расширение практики внутрисемейного регулирования. Число деторождений в этой категории в 1960 и 1965 гг. почти не изменилось. При этом, согласно переписям населения, их численность в 1965 г. заметно выросла. Женщины этой возрастной группы появились на свет в относительно благополучное предвоенное пятилетие. При сохранении возрастных коэффициентов на прежнем уровне число рождений среди них должно было существенно увеличиться, однако этого не произошло. В данном случае снизились именно возрастные коэффициенты рождаемости, что подтверждается и общероссийскими данными (129,0% до 104,1%) и значимым повышением удельного веса первенцев среди новорожденных (31,6% в 1960 г. и 40,1% в 1965 г.), появившихся на свет у 25–29-летних женщин, при одновременном заметном снижении количества третьих и четвертых детей в их семьях.

Влияние деформаций, вызванных социальными катастрофами и кризисами первой половины XX столетия заметно и на примере

других возрастных групп горожан. Так, например, в 1965 г. число рождений в категории 30–34 лет было значительно ниже, чем в 1960 г. (-44,9%). Появление на свет женщин этой когорты произошло в годы активной фазы коллективизации и голода 1932–1933 гг., когда число новорожденных заметно снизилось. Следовательно, снижение рождаемости в этой группе вызвано одновременно как структурными причинами, так и расширением практики внутрисемейного регулирования. Увеличение доли первых и вторых детей у женщин этой группы, сопровождалось снижением количества третьих, четвертых и последующих порядков рождения.

Наиболее сильно снижение рождаемости коснулось зрелых возрастных категорий населения. Именно старшему поколению, которое уже в основном реализовало свои репродуктивные планы и установки, было легче всего отказаться от дальнейшего расширения своих семей. Количество рождений в возрастной группе 35–39 лет сократилось на 14,2% и это при том, что численность женщин, входящих в нее к 1965 г. увеличилось. Также сократилось и число рождений у 40–44-летних женщин (на 6,2%). Снижение же числа рождений в 45–49-летней группе оказалось уже двукратным. Сокращение количества новорожденных здесь также совпало с неблагоприятными структурными деформациями. Женщины, родившие своих детей в этом возрастном интервале в 1965 г., сами появились на свет в непростые годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны.

Произошло некоторое закономерное увеличение числа первенцев и вторых детей в общем количестве родившихся. Если в 1960 г. удельный вес первенцев составлял 45,3%, то в 1965 г. – 49,2%. Одновременно с этим произошло повышение доли вторых рождений с 30,7% до 33,1%. Таким образом, суммарное количество первых и вторых детей за пять лет увеличилось с 76,0% до 82,3%, при сокращении доли младенцев последующих категорий.

Итак, каковы же причины столь резких перемен в рождаемости в первой половине 1960-х гг. Как мы уже выяснили, структурные факторы (изменение доли женщин в населении и трансформации в возрастной структуре) в совокупности способствовали снижению общего коэффициента на 54,3% (табл.). Довольно сильно сократилась собственно рождаемость (на 45,7%). На наш взгляд, этому способствовало несколько причин. Несмотря на важные сдвиги в решении вопросов улучшения материального положения граждан, пенсионного обеспечения, жилищного строительства, успехи в области образования и здравоохранения, некоторые крупные просчеты в социально-экономической сфере негативно отразились на демографической ситуации в этот период. Первая половина 1960-х

гг. не зря характеризуется крушением надежд на лучшее будущее, которое население связывало с «оттепелью». Общественные ожидания косвенно отрицательно сказались и на репродуктивных установках.

В этот период произошло ухудшение материального положения городских жителей. В августе 1958 г. было принято решение «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках», которое коснулось около 12,0 млн. городских семей страны, имевших свои огороды. Также, государством было организовано наступление и на ЛПХ сельских жителей, в результате которого произошло снижение размеров приусадебных участков. Это не могло не отразиться на объемах производства продуктов питания, так как, например, в 1960 г. подсобные хозяйства обеспечивали 63,0% производства картофеля, 44,0% овощей, 41,0% мяса и 47,0% молока в стране.

Из-за нехватки в государственной и кооперативной торговой сети некоторых продуктов питания горожане часть из них также приобретали на рынке. В результате сокращения объемов производства положение с продовольственным обеспечением городских жителей ухудшилось, что усугубилось серией неурожайных лет (1963 и 1965 гг.). Например, засуха 1963 г. в Западной Сибири считается наиболее сильной из произошедших в XX столетии [5, С. 153]. Даже по оценкам советских исследователей проводившаяся тогда политика ограничения подсобного сельского хозяйства носила необоснованный характер и нанесла ощутимый урон в снабжении трудящихся продовольствием [8, С. 252]. Только с осени 1964 г. – весны 1965 г. действующие ограничения были частично отменены и вновь стало поощряться развитие коллективного огородничества и подсобного хозяйства рабочих и служащих [9, С. 299].

Еще одним, на наш взгляд, важным мероприятием государства, имевшим негативные демографические последствия для горожан, стало повышение с июня 1962 г. закупочных цен на продовольствие, в результате чего цены на мясо увеличились на 30,0%, масло – на 25,0%. Эта неподготовленная должным образом в информационном плане мера вызвала серьезное общественное недовольство, вызвав выступления рабочих в ряде городов и приведя к печально известным Новочеркасским событиям.

В результате дестабилизации материального положения горожан произошло интенсивное высвобождение населения, прежде всего, женщин из домашних и личных подсобных хозяйств, имевших особенно широкое распространение в малых и средних городских поселениях, и вовлечение его в общественное производство, что негативно отразилось на уровне рождаемости. В 1950-е гг. удельный

вес слабого пола среди рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве РСФСР, в целом оставался неизменным (50,0%). В 1959 г. в СССР насчитывалось 18,0 млн. чел. трудоспособного возраста (главным образом женщин), занятых преимущественно личным подсобным и домашним хозяйством, то есть неработающие и неучащиеся женщины имелись в каждой третьей семье. К 1970 г. их численность снизилась до шести млн. чел., а неработающие домохозяйки остались в среднем лишь в одной семье из десяти. Уже к 1965 г. доля женщин среди рабочих и служащих в РСФСР увеличилась до 51,0%, а к 1970 г. – до 53,0%. Повышение их трудовой активности в начале 1960-х гг. вызвало рост потребности населения в предприятиях бытового и коммунального обслуживания, увеличило спрос на места в детских садах и яслях, развитие которых не удовлетворяло необходимых нужд [7, С. 79]. Так, доля детей, посещающих сады и ясли в целом по Советскому Союзу увеличилось в 1960-е гг. больше, чем за четыре предшествующих десятилетия. В совокупности все это способствовало сокращению длительности свободного времени и обусловило высокую трудовую нагрузку на работающих женщин, и, в конечном счете, привело к ограничению рождаемости.

В последующее пятилетие происходит некоторое увеличение числа рождений. Общий коэффициент рождаемости в Западной Сибири увеличился с 14,9% в 1965 г. до 15,3% в 1970 г. Повышение количества новорожденных являлось следствием исключительно увеличения доли женщин в населении. Несмотря на интенсификацию социальной политики центральных органов власти и постепенное повышение уровня жизни на репродуктивном поведении это почти не отразилось. Согласно общероссийским данным суммарный коэффициент сохранился на прежнем уровне. При том, что коэффициенты рождаемости у женщин средних и старших детородных возрастов продолжали снижаться, хотя и значительно медленнее, чем в первой половине десятилетия. Возврата к рождаемости уровня конца 1950-х гг. так и не произошло.

Теперь рассмотрим изменения, произошедшие по итогам 1960-х годов. Вычисленные нами данные будут носить условный характер, так как, во-первых, сведения о возрастном составе, собранные по результатам Всесоюзных переписей 1959 и 1970 гг., будут отражать структурные характеристики населения на начало года, а не на середину, что необходимо для расчетов возрастных коэффициентов. Во-вторых, мы располагаем сведениями о числе рождений по возрасту только за 1960 г. и не по всем регионам (расчеты будут проведены без Новосибирской области). В-третьих, при подсчете возрастных коэффициентов за 1960 г. мы будем использовать данные о структуре населения, полученные по переписи 1959 г.

Несмотря на вышеназванные оговорки, вычисленные результаты в целом будут объективно отражать перемены в репродуктивном поведении населения, так как уровень рождаемости за один год снизился все же не так сильно (23,9% в 1959 г. и 23,5% в 1960 г.).

Таблица 3 — **Возрастные коэффициенты и суммарные коэффициенты рождаемости по очередности рождения в 1960 и 1970 гг. в Западной Сибири (без Новосибирской обл.)**

	первый	второй	третий	четвертый	пятый	шестой	Всего
1960							
Спец. КР	38,49	26,13	11,27	4,56	2,14	1,09	85,05
15-19	27,65	1,62	0,07	0	0	0	29,35
20-24	124,26	43,68	6,03	0,84	0,23	0,06	175,27
25-29	43,34	61,01	23,40	6,69	1,80	0,52	137,08
30-34	15,16	31,34	24,44	11,44	5,12	2,21	91,38
35-39	5,67	11,90	12,84	8,49	5,91	3,77	53,56
40-44	0,87	1,61	1,83	1,74	1,61	1,39	11,98
45-49	0,028	0,04	0,17	0,14	0,15	0,14	1,26
СКР	1,085	0,756	0,344	0,147	0,074	0,040	2,499
1970							
Всего	30,85	16,08	3,74	1,18	0,56	0,35	53,12
15-19	32,20	1,12	0,05	0	0	0	33,38
20-24	123,36	25,00	1,98	0,20	0,03	0,03	151,61
25-29	27,93	50,75	8,23	1,86	0,60	0,27	89,71
30-34	11,02	32,75	10,79	3,16	1,23	0,56	59,90
35-39	2,63	7,69	5,10	2,62	1,51	1,35	21,77
40-44	0,58	1,12	0,91	0,64	0,58	0,34	4,93
45-49	0,06	0,08	0,09	0,06	0,09	0,06	0,67
СКР	0,989	0,597	0,136	0,043	0,020	0,013	1,810

[Рассчитано по: ГААК. ФР. 718, Оп. 43, Д. 54. Л. 55; Д. 102, Л. 54; ГАКО. ФР. 304, Оп. 1. Д. 65. Л. 31; Д. 75, Л. 15; ИАОО. Ф. 2122, Оп. 1, Д. 3288, Л. 8; Д. 5917, Л. 16; ГАТО. Ф. 1085, Оп. 3, Д. 100, Л. 46; Д. 79, Л. 148; ГАТюмО. Ф. 1112, Оп. 1, Д. 2450, Л. 22; Д. Оп. 4, Д. 143, Л. 25].

Суммарный коэффициент рождаемости в западносибирских городах в 1960 г. составил 2,499 ребенка. Это означает, что при сохранении возрастных коэффициентов на уровне этого года в течение неопределенно долгого времени одна женщина в возрасте 15–49 лет родила бы за всю свою жизнь 2,499 детей. Однако, как известно, возрастные коэффициенты постоянно меняются под влиянием внешних условий и изменений в прокреативном поведении. В 1970 г. суммарный коэффициент снизился до 1,810 ребенка.

Возрастные коэффициенты рождаемости, которые не зависят от структурных «искажений», покажут нам за счет каких возрастных категорий и очередностей рождения это произошло.

Согласно данным таблицы 3, особенно сильно процессы внутрисемейного регулирования затронули зрелые категории населения. Интенсивность деторождений у горожанок в возрасте 35 лет и выше снизилась за межпереписной период примерно вдвое, у 35–39 и 40–44-летних соответственно на 59,3% и 58,9% и чуть меньше у 45–49-летних (-46,6%). По мере продвижения к молодым возрастным группам масштабы падения сокращались. У 25–29 и 30–34-летних рождаемость снизилась примерно на треть. Меньше всего интенсивность деторождений уменьшилась в когорте 20–24-летних (-13,5%). В этом возрасте семьи только начинают обзаводиться детьми и в основном первенцами. Несколько возросла рождаемость у 15–19-летних женщин. Тенденция омоложения рождаемости вообще свойственна изучаемому периоду.

Генеративная деятельность стала прекращаться в более раннем возрасте, о чем свидетельствует непрерывное снижение от старшего поколения к младшим среднего возраста матери при рождении последнего ребенка. По данным Р.И. Сифман, если к 1960 г. у женщин 1886–1890 гг. рождения средний возраст появления последнего ребенка составлял 39,1 лет, то у 1906–1910 гг. – уже 34,2 года. У подавляющего большинства женщин прокреативный период стал заканчиваться к 30 годам, а больше половины детей стало рождаться у матерей моложе 25 лет. Если еще в 1950-е гг. максимальное значение возрастной рождаемости приходилось на 25–29-летних женщин, то, в изучаемый нами период – уже на 20–24-летнюю когорту [6, С. 51].

Представляется интересным в контексте проводимого исследования осуществить разложение суммарного коэффициента рождаемости на очередности рождения. Согласно В.А. Борисову, суммарный коэффициент является итогом сложения соответствующих коэффициентов, рассчитанных для каждой очередности. Так, мы можем видеть, что суммарный коэффициент для первенцев в 1960 г. составил 1,085 ребенка на одну женщину (тал. 3). Это означает, что при сохранении возрастных коэффициентов на уровне 1960 г. одна женщина в возрасте 15–49 лет родит 1,085 первенца за всю жизнь. В действительности для реальных когорт эта цифра никогда не превысит единицы. Первенец всегда один (в одноплодных родах). Дети же от многоплодных родов в официальной статистике учитываются как младенцы разных порядков рождения [11, С. 28]. Однако для условных поколений такое число является допустимым. Оно фактически означает, что каждая женщина обзаведется

хотя бы одним ребенком. И такие репродуктивные установки за межпереписной период остались в городах Западной Сибири почти неизменными (1970 г. – 0,989).

Отношение же в обществе к рождению вторых детей за 11 лет заметно поменялось. Суммарный коэффициент рождаемости для них в 1959 г. составил 0,756. Это значит, что при сохранении текущих возрастных коэффициентов каждая женщина в возрасте 15–49 лет родит до конца жизни в среднем 0,756 вторых детей. Иначе выражаясь, второй ребенок появился только у трех из четырех женщин репродуктивного возраста. В 1970 г. этот коэффициент снизился до 0,597. Прежде всего, интенсивность деторождений снизилась у 20–24-летних (-40,5%). По всей видимости, молодежь в этом возрасте начинает отодвигать семейное «пополнение» на более поздние сроки. Косвенно это подтверждается тем, что интенсивность появления вторых детей в вышестоящих категориях снизилась незначительно. У 25–29-летних она уменьшилась на 16,8%, а у 30–34-летних осталась почти неизменной. Заметно реже вторые дети стали появляться у 35-летних женщин и старше.

Значительно снизился уровень рождаемости третьих детей, что было замечено многими исследователями [10, С. 101]. Если в 1959 г. в Западной Сибири каждая третья горожанка обзавелась третьим ребенком (0,344), то в 1970 г. – только каждая восьмая (0,136). Представления о необходимости его появления сильно изменилось во всех возрастных группах. На 2/3 снизился соответствующий коэффициент рождаемости у 20–24 и 25–29-летних женщин. Более чем на половину у тех, кто располагался в категории от 30 до 44 лет. Еще более сильно уменьшилась рождаемость четвертых и выше очередностей. Рассчитанные для них суммарные коэффициенты сократились более чем в три раза. Возрастные коэффициенты для четвертых детей и выше существенно снизились во всех без исключения возрастных когортах. Таким образом, отчетливо видно, что сокращение суммарного коэффициента произошло, прежде всего, за счет снижения числа рождений у женщин старших возрастных групп и соответственно, появления на свет детей старших очередностей.

При анализе общего коэффициента рождаемости можно заметить некоторую его региональную специфику. Например, в начале 1960-х гг. его уровень в городах Кузбасса был выше, чем в среднем по Западной Сибири. Дело в том, что на рубеже 1950-х – 1960-х гг. экономическое развитие региона было довольно интенсивным. Кемеровская область тогда все еще отличалась высокими статистическими показателями притока мигрантов. Важной причиной подобного превышения являлась структура городского расселения в регионе. Согласно исследованиям ряда ученых, уровень рождаемости в го-

родских поселениях зависит также и от их размера. Чем выше численность населения города, тем ниже интенсивность деторождений [2, С. 190]. Кузбасс отличался значительным количеством малых и средних городских поселений, а величина крупных городов с числом жителей свыше 100,0 тыс. чел. в 1970 г., за исключением Кемерово, Новокузнецка и Прокопьевска, также была небольшой.

В дополнение к этому, уровень образования городского населения области был несколько ниже, а в его составе доля рабочих была выше по сравнению со средними показателями по экономическому району, что также повлияло на рождаемость. Именно поэтому суммарный коэффициент в Кузбассе оказался более высоким, чем в Западной Сибири в среднем (1,824 в 1970 г.). В конце 1960-х гг. начинается отток населения из городов Кузбасса из-за недостаточно высоких темпов промышленного развития, что отразилось и на общем коэффициенте рождаемости, который сократился сильнее, чем в среднем по западносибирским городам.

В регионах с доминированием одного крупного города рождаемость была ниже среднего уровня по экономическому району. Это

Таблица 4 – Динамика общего коэффициента рождаемости в городах РСФСР, Западной Сибири и ее регионах в 1959–1969 гг. (в%).

Годы	РСФСР	Зап.Сиб.	Алт. край	Кем. обл.	Нов.обл.	Омск. обл.	Том. обл.	Тюм. обл.
1959	20,7	23,9	23,3	26,3	21,2	23,6	22,5	22,2
1960	20,4	23,5	22,7	25,5	21,3	23,4	21,5	22,9
1961	19,7	21,7	21,0	23,4	19,9	21,9	20,0	20,5
1962	18,3	19,9	19,3	21,1	18,2	20,5	18,9	20,5
1963	16,8	18,3	17,5	18,8	17,5	19,2	17,8	19,3
1964	15,4	16,4	15,7	16,3	15,7	17,4	16,8	17,7
1965	14,4	14,9	14,7	14,8	14,1	15,7	15,0	17,3
1966	14,3	14,7	14,8	14,4	13,7	15,4	15,4	17,2
1967	13,7	14,2	14,2	13,9	13,2	14,6	14,3	17,2
1968	13,5	14,3	13,9	13,6	13,5	14,9	14,8	17,8
1969	14,1	14,8	14,9	14,3	13,9	15,1	15,0	18,1

[Рассчитано по: Естественное и механическое движение населения РСФСР. Стат. сб. М., 1960. С. 251, 263, 265; Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 1997. С. 52; Естественное и механическое движение населения РСФСР. Стат. мат.-лы. М., 1966. С. 43. Естественное и механическое движение населения РСФСР. Стат. сб. М., 1970. С. 38; ГААК. ФР. 718, Оп. 43, Д. 50, Л. 22–24; Д. 65, Л. 17–18; Д. 70, Л. 15–17; ГАКО. ФР. 304, Оп. 1, Д. 66, Л. 21об; Д. 67, Л. 35об; Д. 68, Л. 23об; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды №.1. Л. 2–3; ИАОО. Ф. 2122, Оп. 1, Д. 3294, Л. 185–186; Д. 3395, Л. 85–87; Д. 3408, Л. 30–31; ГАТО. Ф. 1085, Оп. 3, Д. 100, Л. 12об; Д. 151, Л. 185об, 262об, 313об; ГАТюмО. Ф. 1112, Оп. 1, Д. 2721, Л. 11; Д. 2981, Л. 11; Д. 3370, Л. 34–35].

хорошо видно на примере Новосибирской области, где общий коэффициент на протяжении всего изучаемого периода был меньше, чем в Западной Сибири в целом. В ее городском населении высоким был удельный вес служащих и лиц с высшим и средним образованием с заниженными репродуктивными установками. Поэтому суммарный коэффициент рождаемости оказался здесь самым низким среди всех административных образований Западной Сибири (1,599 в 1970 г.). В Омской области уровень рождаемости оказался выше, чем в Новосибирской (1,709 в 1970 г.). В Тюменской области первоначально общий коэффициент был невысоким, однако после начала «нефтяного бума», притока мигрантов и омоложения возрастной структуры он достиг самого высокого уровня среди западносибирских регионов. Большой приток рабочих вызвал изменения в социальной и образовательной структуре населения, в развитии сети городских поселений, что также отразилось и на суммарном коэффициенте (2,043 в 1970 г.).

Как можно видеть, в 1960-е гг. в рождаемости произошли важные перемены. При этом социально-экономические перемены хрущевского периода, на наш взгляд, наряду с долгосрочными факторами, оказали существенное влияние на снижение ее уровня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков А.Г. Семья — объект демографии. М., 1986.
2. Воспроизводство населения СССР. М., 1983.
3. Динамика населения СССР. 1960—1980 гг. М., 1985.
4. Изучение воспроизводства населения. М., 1968.
5. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960—1980-е гг. Новосибирск, 1991.
6. Курман М.В. Актуальные вопросы демографии (демографические процессы в СССР в послевоенный период). М., 1976.
7. Подъячих В. Некоторые особенности естественного движения населения СССР в современных условиях // Развитие населения. Сб.н.тр. М., 1974.
8. Рабочий класс в СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945—1960 гг. Том 4. М., 1987.
9. Рабочий класс СССР (1951—1965 гг.). М., 1969.
10. Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных исследований). М., 1974.
11. Шнейдерман Н.А. Откровенный разговор: рождаемость и меры ее регулирования. М., 1991.

* * * * *

УДК 94 (571.51)+314.3

Гонина Наталья Владимировна
кандидат исторических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет
Красноярск
nvg7@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х — НАЧАЛЕ 1980-х гг.

Во второй половине XX века в Восточной Сибири сложилась уникальная демографическая ситуация. Благодаря притоку молодежи на новостройки происходит резкое повышение рождаемости. Однако подробное изучение материала показывает, что динамика носила количественный характер, в качественном плане все соответствовало условиям демографического перехода. В то же время процессы модернизации рождаемости в городах региона находились в зависимости от местных условий. Для малых и средних неиндустриальных городов, а также для укорененного населения больших и крупных городов края, занятого физическим трудом, характерно сохранение традиционного воспроизводства. Соответственно, значимым фактором снижения рождаемости стали миграционные процессы, нерешенные вопросы быта и обеспечения детскими учреждениями, а также дефицит качественной медицинской помощи.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая модернизация, городское население, Красноярский край, вторая половина XX века.

Gonina Natalia Vladimirovna
candidate of historical sciences, associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University
Krasnoyarsk
nvg7@mail.ru

MODERNIZATION OF BIRTH RATE OF URBAN POPULATION OF KRASNOYARSK KRAI IN THE SECOND HALF OF THE 1950TH — THE BEGINNING OF THE 1980TH

In the second half of the XX century in Eastern Siberia there was a unique demographic situation. Thanks to inflow of youth on new buildings there is a sharp increase of birth rate. However detailed studying of material shows that dynamics had quantitative character, in the qualitative plan everything corresponded to conditions of demographic transition. At the same time processes of modernization of birth rate were in the cities of the region depending on local conditions. For the small and average not industrial cities, and also for the implanted population of the big and large cities of the edge occupied with physical work preservation of traditional reproduction is characteristic. Respectively, migratory processes, unresolved questions of life and providing

with child care facilities, and also deficiency of high-quality medical care became a significant factor of decrease in birth rate.

Keywords: birth rate, demographic modernization, urban population, Krasnoyarsk Krai, second half of the XX century.

Демографическое направление научных исследований в ХХI веке получило новый стимул в связи со снижением рождаемости в Европе. Для нашей страны эта тема актуальна из-за значительного сокращения населения, вызванного как экзогенными, так и эндогенными факторами. Исследования показывают, что проблема заключается не только в политической и экономической ситуации рубежа веков, ее корни следует искать раньше. Поэтому актуальность изучения динамики рождаемости в советский период остается высокой. Однако если в центре страны над этой проблематикой трудятся целые научные коллективы, в Восточной Сибири обращение историков к архивной базе статистических служб произошло сравнительно недавно.

Работа с источниками советского периода затруднена в связи с неполнотой данных о рождаемости и ограниченностью доступа к ним. В последние годы благодаря рассекречиванию значительного массива статистических документов представляется возможным заполнить возникший пробел. Заметим, что в исследованиях и публикациях существует и сегодня недостаток сведений и определенные расхождения. Например, на 1960 г. общий коэффициент рождаемости городского населения в Красноярском крае указан у Е.Д. Малинина 23,9%, у В.В. Воробьева 25,6%, в книге «Население России в ХХ в.» 25,3% [5, С. 37; 21, С. 56; 28, С. 271]. Это может быть объяснено разночтениями в источниках. Так, официальные цифры, представленные в опубликованных переписях населения, имеют определенные расхождения с базовыми материалами в местных архивах. И сами первичные источники содержат несовпадения данных при сопоставлении в разных категориях (например, сведения ЗАГС расходятся с данными по родовспоможению), что очевидно связано с погрешностями официального учета и миграционной подвижностью населения. Особенно это касается ранних периодов – 1950-х – начала 1960-х гг. Расхождения в цифрах в конце 1970-х – начале 1980-х гг. дополнительно могут быть объяснены техническими ошибками (обработка данных велась машинным способом). Кроме того, результаты переписных листов на местах при обработке корректировались согласно цифрам, присылаемым из ЦСУ.

Однако неточность данных не может препятствовать исследованиям, так как получаемые коэффициенты обеспечивают достоверную информацию, а расхождение результирующих данных находится в

рамках погрешности измерений. Также, на наш взгляд, повысить точность позволяет обращение к первичным данным из местных архивов, что особенно актуально для периода 1950-х – начала 1960-х гг., когда своевременная передача информации с мест была затруднена в связи с удаленностью и неразвитостью коммуникаций.

В начале рассматриваемого периода в РСФСР наблюдалась высокая рождаемость, что было связано с компенсаторным фактором послевоенного времени [12, С. 160]. В последующее десятилетие эта тенденция пошла на спад, так как в активный репродуктивный возраст стало вступать малочисленное поколение 1940-х гг. рождения. Однако в городах-новостройках Восточной Сибири наоборот наблюдался рост рождаемости за счет притока большого количества молодых людей. В частности, сказанное характерно и для городов Красноярского края. Рождаемость здесь была выше среднероссийских показателей (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Динамика общего коэффициента рождаемости городского населения в 1960–1985 гг. (на 1000 человек).

Год	РСФСР	Красноярский край
1960	20,5	25,3
1970	14,8	17,1
1980	15,8	17,9
1981	15,8	18,3
1985	16,6	18,1

[3. С. 64, 71 – 72; 5.С.37; 8. Л.8 – 9; 10. Л.2, 8-13, 17; 13. С.150; 14. С.22; 18. С.97, 103; 21. С.20 – 23; 27. С. 18 – 21; 28. С. 344; 29. С. 29 – 30,35, 46,271; 31. С. 282 – 283, 290; 32;33].

Однако количественные показатели дают далеко не полную картину демографических процессов. Наряду с указанным явлением наблюдаются и другие, имеющие противоположную тенденцию. Как указывают Е.Д. Малинин и А.К. Ушаков, за период между переписями 1959 – 1970 гг. специальный коэффициент рождаемости в Восточной Сибири упал на 38%, тогда как в целом по РСФСР на 36%. При этом в Восточной Сибири он остается на 1970 г. выше среднероссийского на 26% [21, С. 26]. В первую очередь это связано с этапом демографического перехода и обусловлено влиянием урбанизации.

Один из основных показателей – снижение числа детей в семье. Если для сельской семьи традиционным было двое-трое и более детей, то в городах мы наблюдаем сознательный отказ от большего количества рождений. Интенсивный приток сельских молодых женщин на стройки Восточной Сибири теоретически должен был способствовать увеличению числа детей. Однако это верно только

для конца 1950-х – начала 1960-х гг., когда еще действовал традиционный взгляд на семью. Добавим, что к созданию семьи и рождению детей в этот период подталкивало желание получить квартиру (холостякам их не давали, а при рождении детей была возможность расширить жилплощадь), а также стимулы социальной политики – пособие на ребенка, возможность для матери получить отпуск и др. Можно согласиться с В.В. Воробьевым, что «демографическое эхо» Великой Отечественной войны оказало второстепенное по значению воздействие на динамику рождаемости в городах региона, поскольку здесь малочисленность молодежи компенсировалась притоком мигрантов. Главную роль в снижении рождаемости сыграло быстрое изменение репродуктивного поведения горожан. По мнению специалистов, переход к внутрисемейному контролю и планированию рождаемости представляет одну из тенденций демографического развития в урбанизированной среде. Наиболее активно снижение рождаемости происходит в крупных и крупнейших городах. В этом статусе в рассматриваемый период был только Красноярск (412,4 тыс. в 1959 г. и 796,3 тыс. в 1979 г.), который сосредотачивал около половины городского населения края [2, С. 5; 5, С. 41].

При рассмотрении малых и средних городов (их в крае насчитывалось 13 в 1950-х гг. и 14 в 1980-х гг.) в плане рождаемости наблюдается значительная дифференциация. Если в городе преобладало стабильное коренное население и не было крупного промышленного производства, то здесь долгое время сохранялся традиционный уклад, а, следовательно, и многодетность. Ярким примером тому может быть Минусинск, где, несмотря на бедность основной массы населения, до строительства электропромышленного комплекса (1976–1980 гг.) преобладали многодетные семьи и рождаемость была достаточно высока. Важным фактором был высокий, по советским меркам, уровень верующих людей, особенно среди женщин. Источники указывают на тенденцию передачи третьих и последующих детей в семье в интернат. При этом родители не утрачивали с ними связи. Это была временная мера в целях облегчения положения в семье [22]. Сюда же можно отнести города, преобразованные из крупных сел, но так и не получившие по разным причинам крупного промышленного производства (Иланский, Ужур, Уяр).

В городах индустриального значения, где наблюдался активный миграционный и информационный обмен, таких в крае можно назвать 12, из них 8 новых, наблюдался быстрый отход от традиционного воспроизводства. Однако, по данным Г.Ф. Куцева, на начальном этапе формирования нового города практически всегда отмечался всплеск рождаемости, что объясняется молодой возрастной структурой населения, высокой миграционной активностью (существует устойчивая тенденция повышения интенсивности деторождения у

вновь прибывших мигрантов) и относительно высоким числом заключаемых браков. На завершающей стадии формирования характерен высокий уровень урбанизации жизненного уклада населения.

Если взять коэффициенты рождаемости по отдельным возрастным группам населения, то обнаружится, что в новых городах рождаемость находится на уровне больших городов. В новых городских поселениях большинство семей складывается как типичные урбанизированные семейства из представителей двух поколений, с одним-двумя детьми. Наивысший уровень рождаемости в 1970-е гг. в Восточной Сибири наблюдался в молодых возрастных группах – до 25 лет [19, С. 55-57; 21, С. 26].

Однако в Норильске мы наблюдаем уникальную ситуацию. Здесь стабильно держалась высокая рождаемость. В 1950-х гг. уровень благоустройства был не высок, что в сочетании с суровыми природными условиями должны были оказывать сдерживающее влияние. Тем не менее, перепись 1959 г. зафиксировала 57,7 рождений на 1000 женщин. Общий коэффициент рождаемости по Норильску составил 27,9%, это был самый высокий показатель в крае, значительно опережающий среднероссийский уровень. В 1960 г. был достигнут максимальный уровень общего коэффициента рождаемости – 32,7% [11, Л. 53; 23, Л. 2; 25, Л. 27, 35 об, 37, 88-88 об; 24, Л. 19, 38-39, 41, 112].

Объяснить ситуацию может сравнение численности женщин и мужчин. Женщин было значительно меньше. Так перепись 1959 г. зафиксировала при общей численности 109442, мужчин на 3690 больше чем женщин в последующем этот разрыв увеличился [32; 33]. Так как в Норильск приезжали преимущественно молодые люди, то естественным было стремление к быстрому заключению брака, а соответственно и рождению детей. Дополнительным фактором, как и везде, была возможность повысить благоустройство жилья.

Важным фактором, влияющим на динамику рождаемости, становилась занятость женщин на производстве. В рассматриваемый период она постепенно возрастает. По данным В.В. Воробьева, в 1970 г. из 841, 6 тыс. женщин трудоспособного возраста в Красноярском крае было не занято в общественном производстве только 62,8 тыс. или 7,5% [6, С. 32]. Женщины и сами в большинстве были заинтересованы зарабатывать деньги, особенно в случае отсутствия приусадебного хозяйства, что было характерно для новых городов. Добавим также, что уровень механизации и охраны труда даже на новых заводах был не высок и женский организм нес вредные нагрузки. Это вносило дополнительные ограничения в деторождение. Возможно тяжелый физический труд и вредное производство одна из причин высокого уровня самопроизвольных абортов [10, Л. 2, 19].

Снижение рождаемости в период 1961–1970 гг. было характерно не только для новостроек, но и для всей Восточной Сибири в целом [13, С. 139] (см. таблицу 1). По данным С.А. Рафиковой, в городах края в 1970 г. родилось детей на 4% меньше относительно 1960 г. и почти на 27% меньше в расчете на 1000 человек. По Красноярску падение происходило еще стремительней – 31,3% [30, С. 97].

Заметим, что влияние городской среды было далеко не всегда определяющим показателем для сокращения воспроизводства. Необходимо указать на низкий уровень благоустроенности, неразвитость социальной инфраструктуры, что также способствовало снижению числа рождений. Например, данные социологических опросов, по материалам Г.Ф. Куцева, свидетельствуют, что основными параметрами, при которых молодые люди собирались заводить детей, были обеспеченность детскими садами и улучшение жилищных условий. Как справедливо заметил ученый, – «в новых городах отставание со строительством детских учреждений, трудности для родителей с устройством ребенка в детский сад – настолько типичная картина, что исключения невозможно отыскать от Кольского полуострова до Чукотки. Темпы роста населения, детей дошкольного возраста опережают строительство детских учреждений, и тысячи молодых семей попадают в сложное положение» [20, С. 122-123]

В итоге сформировался суженный тип воспроизводства. Суммарный коэффициент рождаемости в городах Красноярского края снизился с 2,34 ребенка на одну женщину в 1958/1959 гг. до 1,81 ребенка в 1969/1970 гг. [3, С. 73.]. Перепись 1979 г. зафиксировала средний размер городской семьи 3,2 человека. Кроме малодетности, можно отметить рост числа бездетных семей, а также увеличение доли детей, родившихся у матерей-одиночек [17].

В целях иллюстрации тезиса о влиянии урбанизированной среды на модернизацию рождаемости интересно сопоставить численность детей в семье и занятия родителей (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Городское население Красноярского края в 1970 г. Численность семей и распределение их по роду занятий и числу детей (выборка касается семей, в которых оба родителя принадлежат к одной социальной группе) [7]

	рабочие	%	служащие	%
Все семьи	235888	100	74164	100
бездетные	53246	22,6	15243	20,5
1 ребенок	85051	36,1	36499	49,2
2 ребенка	68016	28,8	20018	26,9
3 ребенка	21365	9,1	2144	2,9
4 ребенка	5597	2,4	224	0,3
5 и более детей	2613	1,1	36	0,05

Таблица позволяет увидеть значительное число бездетных семей – 1/5 часть – в обеих социальных группах. Также очевидно преобладание семей с 1-2 детьми. Однако у служащих (в эту группу попадают и люди с высшим и средним специальным образованием) число семей с одним ребенком почти в 2 раза больше чем с двумя. Многодетные семьи (3 и более детей) представлены намного меньшим процентом. При этом у служащих такие семьи составляют чуть более 3%, а у рабочих 12,6%, то есть в 4 раза больше. В.В. Воробьев, В.А. Исупов и другие исследователи отмечают, что женщины с более высоким уровнем образования стремятся иметь больше свободного времени и больше практикуют внутрисемейную регуляцию рождаемости [5, С. 34; 16, С. 162]. Учитывая, что процент рабочих в городах края был достаточно высок, нельзя однозначно говорить о переходе всех горожан к новому типу воспроизводства.

1970-е – начало 1980-х гг. характеризовались противоречивыми тенденциями. Так общий коэффициент рождаемости в городах Красноярского края вырос с 14,5% в 1968 г. до 18,3% в 1981 г. Рост числа родившихся был в основном вызван структурными факторами: в это время в активный репродуктивный возраст начали вступать относительно многолюдные послевоенные поколения. Кроме того, влиял и приток молодежи в те города, где осуществлялось значимое строительство и/или было крупное производство. Например, в суровом Норильске, по данным Г.Ф. Куцева, рождаемость превышала среднестатистическую на 20% и постоянно росла. Так если в 1970 г. общий коэффициент рождаемости здесь составил 17,9, то в 1980 г. – 20,2. К сожалению, высока была и доля мертворожденных детей, что по свидетельству архивных документов связано не только с природными условиями, но и с нездоровым образом жизни, который вели многие жители. В 1970 г. количество мертворожденных детей составило 1,8%, в 1975 г. 1,43%, что превышало средние показатели по региону и по республике. К 1984 г. наблюдалось небольшое снижение до 1,1%. [5, С. 122-123; 23, Л. 1-2; 26, Л. 1-2; 23, Л. 88-88об.].

В действительности же уровень рождаемости в городах не только не вырос, но даже немного сократился – по данным Красноярского края число детей, рожденных одной среднестатистической женщиной, снизилось с 1,81 в 1970 г. до 1,77 в 1979 г. Эти данные коррелируются со среднероссийскими и свидетельствуют о переходе к низкой рождаемости [3, С. 65; 12, С. 157-159, 169; 31, С. 113].

Значимым показателем является повышение коэффициента рождаемости в возрастных группах до 30 лет и сокращение после 35 лет. Например, по данным Я.Н. Бегизардова, в 1958 – 1959 гг. на долю женщин в возрасте от 15 до 29 лет приходилось 67,9%

новорожденных, а в 1969 – 1970 гг. – 75,1%. Стремительное сокращение рождаемости в возрастах старше 29 лет свидетельствовало о продолжающемся распространении внутрисемейного регулирования и закреплении ориентации городского населения края на малодетную семью с 1-2 детьми. Таким образом, репродуктивный период искусственно сокращался, что не могло не повлечь за собой снижение рождаемости. Данный показатель также соотносится с общероссийским [12, С. 184; 31, С. 103; 2, С. 271-272] (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Сведения о родившихся по возрасту матери в Красноярске в 1977 г. [6, Л. 10; 9, Л. 174об]

1954			1977		
Возраст матери	Родилось	% рождений	Возраст матери	Родилось	% рождений
До 16	3	0,03	До 16	6	0,05
16 – 19	366	4,04	16 – 19	1245	9,7
20 – 24	3003	33,2	20 – 24	6062	47,4
25 – 29	3416	37,7	25 – 29	3605	28,2
30 – 34	1447	15,9	30 – 34	1133	8,9
35 – 39	592	6,5	35 – 39	601	4,7
40 – 44	212	2,3	40 – 44	102	0,8
45 – 49	17	0,2	45 – 49	24	0,2
Всего	9056	100	Всего	12778	100

Таблица показывает, что основная масса рождений в г. Красноярске происходит у женщин в возрасте 20–29 лет – 70,9% в 1954 г. и 75,6% в 1977 г., что аналогично ситуации по РСФСР [30, С. 49-55]. Однако за 20 лет произошел дрейф остальных показателей. Почти в 2 раза увеличилось число рождений в группе 16–19 лет. Снизилось число рождений у 30-летних с 22, 4 до 13,6%. Почти в 3 раза сократились рождения в группе после 40 лет и составили менее 1%. Таким образом, налицо внутрисемейное регулирование рождаемости. А повышение рождаемости в группе 16–19 лет – это маркер большей сексуальной свободы, характерной для общества в 1970–1980-х гг.

В связи с сохранением базовой установки на рождение детей в зарегистрированном браке, нужно учитывать также воздействие на изменение рождаемости динамики брачности и разводимости. В 1954 г. у городского населения Красноярского края разводы составляли лишь 2,8% от числа браков [7, Л. 171, 191, 193]. С 1960 по 1968 г. общий коэффициент брачности снизился с 16,5 до 11,5%; общий коэффициент разводимости вырос с 1,6 до 4,2% [2, С. 5].

В тоже время важной тенденцией стал рост числа внебрачных детей, что обусловлено размытием традиционных взглядов на

сексуальное и брачное поведение. Резкое изменение характерно для периода 1970–1985 гг., когда процент внебрачных детей в городе увеличился почти в 2 раза (с 7,7 до 15,1%).

Немаловажным был и рост числа аборт. Точные подсчеты провести затруднительно, так как до 1955 г. аборты без медицинских показаний были запрещены. Например, в 1954 г. в городской местности направление на комиссию по разрешению аборта получили 16,3% беременных женщин, состоявших на учете в женской консультации, из них 18,5% получили отказ [10, Л. 2, 19]. В г. Красноярске, на который приходилась половина зарегистрированных беременных горожанок на комиссию пошли 14,03%, из них отказ получили 24,8%. Следствием было большое количество нелегальных абортов.

В 1954 г. в городах Красноярского края абортов было в 1,8 раз меньше чем родов. Однако только 18% из них были по медицинским показаниям, а 36,6% имели доказанный криминальный и 39,9% неуставленный характер. В Красноярске криминальные аборты составляли 11% и 76,9% абортов имели неуставленный характер, что позволяет предположить самоаборт или недоказанный (скрытый) криминальный. Заметим также, что на Красноярск приходится только 20% от общего числа криминальных абортов, однако из 14 умерших женщин 11 – в столице края [10, Л. 2].

Даже после легализации абортов эта операция для женщин была не всегда доступна. Требовалось направление от врача, наблюдались большие очереди, при этом срок беременности, на котором был разрешен аборт, достаточно мал. Кроме того, существовал негласный запрет на аборт по первой беременности и необходимость разрешения родителей если беременная была несовершеннолетней.

Заметим, что несмотря на то, что контрацептивы стали появляться в свободном доступе уже в 1960-х гг., их использование было крайне непопулярно до 1980-х гг. что делало аборт наиболее распространенным способом искусственной регуляции деторождения. В РСФСР в 1965 г. на 100 родов приходилось 278 абортов, что составило 6,5 млн. абортов в год [4, С. 97]. В городах Красноярского края процент абортов был еще выше. В 1966 г. на 1 роды приходилось 4,5 зарегистрированных аборта. Также нельзя забывать об определенном проценте нелегальных абортов и самоабортов [2, С. 271; 12, С. 215-216].

С другой стороны, наблюдался рост эффективной рождаемости. В начале периода процент смертности младенцев был достаточно высок. Так, например, в 1954 г. в Красноярске число умерших детей на 1000 родившихся составило 69 человек, у городского населения края в целом – 55. Количество мертворожденных состави-

ло, соответственно, 1,7 и 1,3%. По причинам смерти до 1 месяца – 31% инфекции, болезни органов дыхания и пищеварения, 69% – от преждевременных родов и врожденных пороков. Среди умерших детей до 1 года 85% составляли смерти от инфекции, болезни органов дыхания и пищеварения [10, Л. 2, 19]. Так как на Красноярск приходилась половина учтенных родов, можно заметить, что качество родовспоможения и ухода за младенцами оставляло желать лучшего. Или присутствовал нелегальный вариант индивидуального контроля воспроизводства.

В связи с развитием здравоохранения показатели материнской и детской смертности стали менее 1%. Среди причин смерти главную роль стали играть тяжелые патологии [12, С. 473-474].

В 1981–1982 г. были приняты ряд постановлений правительства, призванные увеличить государственную помощь семьям с детьми: увеличение детских пособий, отпуск по уходу за ребенком и др. Например, закон от 02.09.1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». В соответствии с ними увеличивались единовременные и ежемесячные пособия на каждого ребенка, вводился частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им полутора лет, а также и другие льготы, перечень которых постоянно расширялся [1, С. 47]. Это сыграло определенную роль в подъеме рождаемости, но успех был кратковременным. Здесь можно согласиться с А. Блюмом в оценке воздействия социальной политики как «эфемерной» [4, С. 93-95].

Итак, определяющую роль играла индивидуализация поведения человека в условиях урбанизированной среды и постепенное освобождение от традиционных норм, регулировавших половые отношения [16, С. 114-119; 29, С. 55]. В то же время наблюдалось сохранение традиций в малых неиндустриальных городах, а также в семьях с низким уровнем образования и религиозным мировоззрением. Фактом является и недостаточное использование современных форм контрацепции, что обусловило рост аборт как средства индивидуального контроля над плодородностью.

Соответственно определяющую роль в снижении рождаемости играли внешние факторы, стимулировавшие темпы демографического перехода. Местные особенности и специфика развития городов края, определившие высокий общий коэффициент рождаемости, оказывали скорее негативное влияние на процесс модернизации рождаемости.

Сокращение рождаемости и смещение ее в молодые возраста не было следствием повышения качества жизни. К сожалению, мы не можем ничего сказать о реальной потребности в детях и степени ее удовлетворения у горожан края. А вот требования к обеспечению

детей действительно возросли – уровень доходов, благоустроенное жилье, наличие детских учреждений, школ, секций и т.д. Не применялось и планирование беременности. Именно поэтому аборты были так распространены. Конечно, отдельные семьи по образу жизни вполне вписывались в схему урбанизированной среды, но их было мало – руководство, элита науки и искусства, материально обеспеченные люди.

Таким образом, разделение сексуального, матримониального и репродуктивного поведения четко не прослеживается. Определенное количество браков были «вынужденными», так как заключались при наличии беременности. «Эффективность индивидуально-го контроля над плодородностью, позволяющего иметь желанного ребенка в желательные сроки» [16, С. 119] может быть поставлена под сомнение, так как аборт и традиционные формы контрацепции прогрессивными методами не являются.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранцева Н.А. Население Красноярского края на завершающей стадии демографического перехода // Вестник ТПУ. 2012. № 3 (118).
2. Бегизардов Я.Н. К вопросу о динамике и факторах рождаемости городского населения // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2009.
3. Бегизардов Я.Н. К вопросу об истоках депопуляции в Красноярском крае: 1960-е гг. // Социально-экономическое развитие Красноярского края. 1917–2006 гг.: материалы VI краеведч. чтений. Красноярск, 2007.
4. Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005.
5. Воробьев В.В. Население Восточной Сибири: (современная динамика и вопросы прогнозирования). М., 1977.
6. ГАКК. Ф. р-1300, Оп. 5, Д. 2458.
7. ГАКК. Ф. р-1300, Оп. 7, Д. 110.
8. ГАКК. Ф. р-1300, Оп. 12, Д. 332.
9. ГАКК. Ф. р-1300, Оп. 12, Д. 337.
10. ГАКК. Ф. р-1300, Оп. 12, Д. 338.
11. ГАКК. Ф. п-5117, Оп. 1, Д. 128.
12. Демографическая модернизация России. 1900–2000. М., 2006.
13. Долголюк А.А. Рост городского населения среднего Приангарья (1955–1980 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1989.
14. Ермаков С.П. Тенденции урбанизации // Режим доступа: <http://demoscope.ru>.
15. Захаров С.В. Модернизация рождаемости в России за 100 лет // Россия и ее регионы в XX в. М., 2005.
16. Исапов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.
17. Итоги всесоюзной переписи населения 1979 г. Т.1. М., 1989.
18. Красноярский край в цифрах. Красноярск, 1976.
19. Куцев Г.Ф. Новые города. М., Мысль, 1982.
20. Куцев Г.Ф. Человек на Севере. М., 1989.
21. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976.
22. МКУ «Архив города Минусинска». Ф. 924, Оп. 1, Д. 127а; р-372, Оп. 1, Д. 689, 690.
23. МКУ «Норильский городской архив». Ф. 7, Оп. 1, Д. 27.
24. МКУ «Норильский городской архив». Ф. 7, Оп. 1, Д. 51, Д. 24, Д. 2.
25. МКУ «Норильский городской архив». Ф. 9, Оп. 1, Д. 18; Д. 19.

26. МКУ «Норильский городской архив». Ф. 9, Оп. 1, Д. 131, Д. 197.
27. Народное хозяйство Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990.
28. Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т. / Т.2. 1940–1959. М., 2001.
29. Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т. / Т.3, кн.1: 1960–1979. М., 2005.
30. Рафикова С.А. Динамика, численность и размещение городского населения Красноярского края в 1960-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4.
31. Славина Л.Н. История Красноярского края в динамике роста его населения // Красноярский край — 70 лет исторического пути: материалы V краеведческих чтений. Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2005.
32. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php.
33. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php.

* * * * *

УДК 314.1:352:913.1/913.8

Сухинин Сергей Александрович

*кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник
Северо-Кавказский научно-исследовательский институт
экономических и социальных проблем
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону
suhmax@mail.ru*

ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА РОСТОВА-НА-ДОНУ

В статье рассматриваются особенности демографического развития Ростова-на-Дону, как одного из крупнейших городов страны и самого большого по численности населения Юга России. Дается анализ демографической истории развития города, выявляются динамика и тенденции воспроизводства населения и миграций, особенности половозрастного состава населения, определяются перспективные направления управления демографической ситуацией в городе, нацеленные на ее улучшение.

Ключевые слова: город, Ростов-на-Дону, демографическое развитие, воспроизводство населения, миграции, половой состав, возрастной состав.

Sukhinin Sergey Alexandrovich

*candidate of pedagogic sciences, associate professor, senior research fellow
North Caucasus Research Institute economic and social problems
Southern Federal University
Rostov-on-Don
suhmax@mail.ru*

HISTORY, CONTEMPORARY FEATURES AND TRENDS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE CITY OF ROSTOV-ON-DON

This article discusses the features of the demographic development of Rostov-on-Don, as one of the largest cities in the country and the largest in terms of population of the city in southern Russia. The analysis of the demographic history of the city, reveals the dynamics and trends of population reproduction and migration, especially the sex and age composition of the population, defined promising areas management the demographic situation in the city.

Keywords: city, Rostov-on-Don, demographic development, reproduction, migration, sex ratio, age structure.

Исследование выполнено в рамках проекта 213.01-11/2014-77ПЧ.

Ростов-на-Дону — наибольший по численности город на Юге России, входящий в число крупнейших городов страны. По состоянию на начало 2014 г. в городе проживает 1110 тыс. чел., что составляет более 1/4 жителей Ростовской области [4]. Динамика численности населения города напрямую связана с его демографическим развитием и определяется характером воспроизводства населения и особенностями миграционных процессов.

Имеющиеся историографические данные позволяют отразить численность населения Ростова-на-Дону в границах городской застройки с 1809 г., когда в городе, согласно официальной статистике, проживало около 3 тыс. жителей [3]. Однако, заметим, что в тот период времени статистика учитывала только оседлое население и не брала во внимание миграции (так называемое «пришлое население»). В то же время, для поселения, основанного практически всего лишь 50 лет назад (хотя официальной датой основания города считается 1749 г., когда была создана Темерницкая таможня, только в 1761 г. по указу Елизаветы Петровны на высоком правом берегу р. Дон была заложена мощная крепость, получившая название в честь святого Димитрия Ростовского, по названию которой город и стал именоваться Ростов-на-Дону, в отличии от Ростова Великого вблизи Ярославля) это был заметный прирост числа жителей.

Более объективно можно оценить прирост численности населения Ростова-на-Дону в XIX в., когда, в связи со становлением капиталистических отношений, рост промышленного и сельского хо-

зяйственного производства приводит к значительному увеличению числа горожан: в 1833 г. в городе насчитывалось 8138 человек, а в 1856 г. – 13200 человек [3]. Экономический рост Ростова первоначально как порта для вывоза хлебных грузов, а в последствие и экспорта железа, превращения его в крупный промышленный и торговый (купеческий) центр стали факторами постоянного роста численности населения города. Известно, что в начале 50-х гг. XIX века, когда постоянное население города немногим превышало 11 тысяч жителей, сюда ежегодно, особенно в летнее время, приходили на заработки до 15 тысяч человек. По своему сословному составу постоянное население города было более чем пёстрым: в 1850 г. из 10960 жителей Ростова мещан и цеховых было 6419 человек, разночинцев – 1972 человека, крестьян – 519 человек. Значительную группу жителей составляли купцы и члены их семей, коих насчитывалось 1065 человек. Остальные сословные группы населения были менее представительны [8]. Активная миграция населения делает Ростов многонациональным городом. Приток казаков первоначально с Запорожской сечи, а в последствие с Новочеркаска и Азова, переселение армян на Дон с Крыма по указу Екатерины II и основание рядом с Ростовом (а ныне – в городской черте) Нор-Нахичевани (Новой Нахичевани), а вблизи него еще пяти крупных армянских сел-колоний, образование греческой диаспоры привнесли в город специфику своих культур и разнообразие языков, верований, традиций.

Факторами, стимулировавшими дальнейшее демографическое развитие Ростова-на-Дону, были строительство железных дорог, превращение города в крупный транспортный узел на пересечении трех направлений железнодорожных магистралей и речной артерии, активизация промышленного производства – как тяжелой индустрии (металлургия, угледобыча, вагоностроение), так и пищевой промышленности на базе продукции местных сельскохозяйственных производителей. В итоге происходит расширение городской застройки и увеличение численности жителей: если в 1860 г. в нём проживало 17574 человека, то в 1893 г. – уже почти 100 тысяч, а по переписи населения 1897 года (которая дает наиболее объективные данные для последующего демографического анализа) – 119476 человек. Наибольшую группу составляли мещане – 45%; дворянство, духовенство и купечество – по 5%; казаков насчитывалось 2,3%. Заметно усилилась и внешняя миграция: к 90-м гг. XIX в. в Ростове проживало 2500 иностранцев, тогда как в 60-е гг. их было лишь около 160 человек [3]. В Нахичевани, которая была тогда самостоятельным городом, на рубеже XIX–XX вв. жило более 30 тысяч человек [8].

Активный рост численности жителей происходит и в первой половине XX в., насыщенной многими историческими событиями и перипетиями. В то же время, к 1914 г. население Ростова-на-Дону возросло до 172 тыс. жителей, к 1926 г. – 231 тыс. человек. Значительное событие в истории города произошло в декабре 1928 года, когда Ростов и Нахичевань были объединены в один город – Ростов-на-Дону, население которого превышало уже тогда 300 тысяч человек [8]. Индустриализация в годы первых пятилеток способствовала дальнейшему росту численности городского населения. По данным переписи 1939 г. в Ростове проживало уже 510 тысяч человек, а за 20 лет население города увеличилось более чем в два раза. В итоге, уже в довоенное время Ростов-на-Дону стал одним из крупнейших городов СССР, занимая десятое место по данному показателю в стране [8].

За весь послевоенный период развития Ростов-на-Дону отличался ростом численности жителей, которая за 1959–1992 гг. увеличилась на 86,1% с 552 до 1027 тыс. чел., достигнув 1 миллиона человек в 1987 г. [2]. Значительному росту численности населения способствовало послевоенное восстановление промышленного потенциала города, создание новых предприятий и производств, активное массовое жилищное строительство. За счет создания крупных жилых массивов (Западный, Северный, Темерник) существенно расширилась территория города, а площадь жилого фонда города за три десятилетия более чем удвоилась.

Начиная с 1993 г. для Ростова-на-Дону характерна депопуляция, выразившаяся в снижении численности жителей вследствие суженного типа воспроизводства, установившегося с 1990 г. и продолжающего до настоящего времени. За период 1992–2001 гг. население Ростова-на-Дону сократилось с 1027 до 1009 тыс. чел., когда наблюдалась наиболее высокая естественная убыль (7,2% в 2000–2001 гг.) и сложилась реальная угроза выхода Ростова из группы городов-миллионеров России [2]. Дальнейшая динамика численности жителей города после двух лет (2002–2003 гг.) демографического роста, хотя и характеризуется продолжающимся отрицательным трендом до 2008 г., но темпы снижения численности населения замедлились в связи с улучшением демографической ситуации – снижения естественной убыли и роста иммиграции в связи с социально-экономической притягательностью города [10]. Только с 2009 г. по настоящее время в городе происходит рост численности жителей, причем обусловленный не воспроизводством населения, которое по-прежнему сохраняет отрицательный естественный прирост, а исключительно благодаря миграционному притоку.

Современная демографическая ситуация в г. Ростове-на-Дону характеризуется наметившейся положительной тенденцией увеличения

коэффициента естественного прироста населения, несмотря на его продолжающиеся оставаться отрицательные значения. По сравнению с 2000–2001 гг. к 2013 г. коэффициент естественного прироста населения увеличился более чем в 12 раз – с -7,2% до -0,6% [9, С. 912]. Ежегодно в городе рождается свыше 10 тыс. детей, причем за последнее время этот показатель постоянно увеличивается (с 9,5 тыс. чел. в 2007 г. до 10,8 тыс. чел. в 2011 г. и 12,3 тыс. чел. в 2013 г.) [1; 7; 9, С. 915]. Улучшение демографической ситуации в Ростове-на-Дону отражают и темпы увеличения коэффициента рождаемости, которые в целом соответствуют общероссийской тенденции, немного уступая по абсолютным значениям этого показателя: если в Ростове коэффициент рождаемости увеличился с 9% в 2007 г. до 11% в 2013 г., то в Российской Федерации с 11,3% до 13,3%, а в Ростовской области – с 10,2% до 11,7% соответственно) [1; 6; 9, С. 915].

Дальнейшее обеспечение тенденции роста рождаемости возможно за счет активной реализации системы мероприятий по планированию семьи и создания условий для развития, образования и воспитания детей, предусматривающих:

- создание многопрофильных центров планирования семьи, основная задача которых предоставление комплекса информационных и консультационных услуг;
- оказание адресной помощи многодетным семьям и семьям, имеющим одного родителя;
- обеспечение жильем молодых семей;
- обеспечение доступности и развитие услуг дошкольных учреждений;
- организации отдыха и оздоровления детей;
- развитие семейных форм устройства на воспитание в семьи граждан детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также оказание помощи семьям, имеющим детей-инвалидов;
- разработка и реализация мероприятий для повышения статуса семьи, роли материнства и семейных ценностей через средства массовой информации, социальную рекламу, организацию и проведение массовых мероприятий («День семьи», «День матери», «День защиты детей», «Бал младенца» и др.);
- создание для женщин, возобновляющих свою трудовую деятельность после отпуска по уходу за ребенком, организация повышения их квалификации и переобучения профессиям, востребованным на рынке труда;
- совершенствование организации учебы, работы и досуга молодежи в интересах сохранения и укрепления их здоровья [5].

Положительная тенденция демографического развития Ростова-на-Дону выражена и в снижении коэффициента смертности,

которая наблюдается по сравнению со средними показателями по России, другими городами-миллионерами. За период 2007–2013 гг. коэффициент смертности уменьшился в г. Ростове-на-Дону с 13,1% до 11,7% соответственно, что даже несколько ниже уровня смертности городского населения в среднем по РФ (12,5% в 2013 г.) [1; 9, С. 915]. При этом динамика численности умерших является более инертной, по сравнению с рождаемостью, а ее общая величина составляет на протяжении последних лет 13 тыс. чел. Среди причин смертности лидируют болезни органов системы кровообращения (на них приходится свыше половины всех смертей), злокачественные новообразования (около 1/5 смертей), несчастные случаи, отравления и травмы (более 5% смертей) [10]. Актуальным остается снижение уровня младенческой смертности, несмотря на значительные сдвиги, произошедшие за последний период – с 15,1% в 2008 г. до 7,5% в 2012 г. [4].

Последующее снижение смертности населения Ростова-на-Дону может быть закреплено долговременной тенденцией за счет реализации следующих мер социально-демографической политики:

- профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, онкологии, туберкулеза;
- снижения уровня аварийности на дорогах и травматизма при дорожно-транспортных происшествиях;
- снижения младенческой смертности за счет укрепления репродуктивного здоровья родителей и совершенствования системы здравоохранения;
- снижение масштабов смертности мужчин трудоспособного возраста путём внедрения комплекса мер, направленных на уменьшение травмоопасности на производстве, реализации комплекса мер по борьбе с болезнями, носящими социальный характер (наркомания, алкоголизм, туберкулез и пр.);
- сокращение смертности всех категорий населения за счет снижения распространения вредных привычек в сочетании с формированием здорового образа жизни [5; 10].

Сложившаяся демографическая ситуация напрямую отражается в особенностях половозрастной структуры населения города. По состоянию на начало 2013 г. (с учетом данных Всероссийской переписи населения 2010 г.) доля населения в трудоспособном возрасте составляет 62,7%, моложе трудоспособного – 13,4, старше трудоспособного – 23,9% [1; 4; 7]. Причем за счет притока более молодого населения, Ростов-на-Дону выгодно отличается по возрастной структуре населения от других городов Ростовской области и сельских населений, где более интенсивные процессы старения населения отразились в повышенной доле пожилых людей (в

среднем по области доля населения старше трудоспособного возраста составляет 24,9% в 2013 г.). В то же время Ростов-на-Дону уступает ряду муниципалитетов области по доле населения младше трудоспособного возраста (в среднем по области в 2013 г. она составляла 15,5%), что связано с более низким уровнем рождаемости в областной столице [1; 4; 9].

Анализ динамики структуры населения города по полу свидетельствует о стабильном соотношении мужского и женского населения, которое выражается в преобладании женщин, – их удельный вес на протяжении последних лет составляет 54,5% [1]. Следует отметить, что в 2013 г. на 1000 мужчин приходилось 1196 женщин против 1203 в 2010 г. и 1197 в 2006 году [1; 7]. При этом население, находящееся в трудоспособном возрасте, по соотношению полов находится примерно в равных долях (около 345 тыс. женщин и 347 тыс. мужчин), значительное преобладание женщин над мужчинами (более чем в 2,3 раза) наблюдается в категории населения старше трудоспособного возраста. Вместе с тем, среди мужского населения доля лиц, находящихся в трудоспособном возрасте, постепенно уменьшается (с 70,5% в 2007 г. до 69,4% в 2010 г. и 69,2% в 2013 г.) [1; 4; 7].

В тоже время для Ростова-на-Дону отмечаются изменения в возрастной структуре населения, проявляющиеся в некотором сдвиге в сторону увеличения доли детей (от 0 до 14 лет) с 11,9% в 2007 г. до 12,3% в 2010 г. и 13,4% в 2013 г. [1; 4], что является положительным фактором и резервом пополнения трудовых ресурсов в перспективе. Вместе с тем, в численности населения города увеличивается доля старших возрастов, что выражается в целом в увеличении коэффициентов демографической нагрузки стариками (с 351 чел. на 1000 жителей трудоспособного возраста в 2007 г. до 380 чел. старше трудоспособного возраста на 1000 жителей трудоспособного возраста в 2013 г.) и детьми (с 201 до 213 чел. на 1000 жителей трудоспособного возраста соответственно) [1; 4]. При этом доля населения моложе трудоспособного возраста остается практически на одном уровне, а численность трудоспособного населения сокращается.

По-прежнему остается высокой доля лиц, умерших в трудоспособном возрасте, особенно среди мужского населения. Сокращение численности трудоспособного населения является одной из ключевых проблем долгосрочного социально-демографического развития города и в перспективе эта проблема сохранит свою актуальность. Совершенствование организации медицинского обслуживания и профилактики заболеваемости пожилых людей, создание новых возможностей и стимулов для вовлечения лиц пенсионного возраста в активную экономическую, общественную и культурную жизнь

города могут и должны способствовать улучшению демографической ситуации в городе и стабилизации рынка труда [5; 10].

Увеличение численности населения Ростова-на-Дону, как и других отечественных городов, происходит в основном за счет миграционного притока населения. Хотя миграционный приток в город не отличается стабильностью и варьирует из года в год, тем не менее, за последнее время миграционный прирост возрос почти в 2 раза – коэффициент миграционного прироста увеличился с 0,9% в 2003 г. до 7% в 2011 г. и 6,1% в 2013 г. [4; 7]. Нынешние миграционные процессы обусловлены главным образом экономическими причинами, главенствующей из них является поиск работы и более высокие качество и уровень жизни горожан. В результате, трудовая миграция стала доминирующей формой миграции населения. Сохранение за г. Ростовом-на-Дону статуса города-миллионера напрямую связано с ростом числа трудовых мигрантов, влияющих на увеличение численности населения города ввиду инертности процесса естественного движения населения, несмотря на его положительную направленность. К примеру, в 2013 г. годовой прирост населения города в 6,1 тыс. чел. обусловлен исключительно миграцией – за счет положительного миграционного прироста населения в 6,7 тыс. чел., перекрывающего естественную убыль населения.

Основной контингент прибывающих в Ростовскую область, областной центр составляют жители Украины, Армении, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Киргизии [2; 10]. В связи с этим необходим постоянный мониторинг мигрантов не только по численности, возрастному составу, но и по образованию, специальности, а также увязки с потребностью в трудовых ресурсах [5; 10]. Для стимулирования миграционного прироста необходима реализация ряда эффективных мер миграционной политики, связанных в том числе с привлечением мигрантов на территорию города с целью оптимального увеличения численности населения; развитием механизмов и институтов социально-экономической поддержки и социокультурной адаптации мигрантов; обеспечением социально-экономической поддержки мигрантов, востребованных на рынке труда города Ростова-на-Дону; проведением мониторинга миграционных процессов в целях регулирования притока мигрантов, разработки механизмов экономического стимулирования привлечения в город необходимых специалистов и ограничения стихийной миграции [2; 5].

Анализ сложившихся тенденций демографического развития Ростова-на-Дону позволяет сделать прогноз численности населения исходя из максимальных величин рождаемости и смертности, миграционного притока. Темпы увеличения коэффициента рожда-

емости, снижения коэффициента смертности и уровня младенческой смертности позволяют сформировать позитивную перспективу дальнейшего роста численности населения, причем не только положительного сальдо миграции, но и естественного прироста. Согласно Основным направлениям Стратегии социально-экономического развития г. Ростова-на-Дону, к 2025 году численность жителей города может превысить 1,2 млн. чел [5]. При этом необходимым условием остается оптимизация демографической и миграционной ситуации, преодоление тенденции естественной убыли населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики России // Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm.
2. Дружинин А.Г. Пространственное развитие города-миллионера: тенденции постсоветского периода. Ростов-н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2008.
3. Мартиросова М.Б. Ростов-на-Дону сто лет назад: население (по материалам «Статистического сборника по г. Ростову-на-Дону. 1914») // Донской временник: Краеведческий альманах. Ростов-н/Д: Донская государственная публичная библиотека. Режим доступа: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/23/art.aspx?art_id=1290.
4. Население. Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области. Режим доступа: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/.
5. Основные направления стратегии социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2025 года: приняты решением Ростовской-на-Дону городской Думой от 18.12.2012 № 372. Ростов-н/Д: Омега Паблицер, 2013. 184 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. М.: Росстат, 2012. 990 с.
7. Ростов-на-Дону в цифрах, 2011 г. Статистический ежегодник. Ростов-н/Д: Ростовстат, 2012. 204 с.
8. Ростов-на-Дону. Исторические зарисовки / Централизованная Библиотечная Система Ростова-на-Дону. Режим доступа: <http://donlib.ru/rostov-na-donu/2010/4/27/istoriya-rostova.html>.
9. Ростовская область в цифрах 2012: Стат. сб. Ростов-н/Д: Ростовстат, 2013. 1016 с.
10. Сухинин С.А. Демографическое развитие города-миллионера: состояние, тенденции, перспективы, управление (на примере Ростова-на-Дону) // Индустриальный город в постиндустриальную эпоху: сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф., Новокузнецк, 4-5 апреля 2013 г. Новокузнецк, 2013. С. 331-337.

* * * * *

УДК 314.727

Бреславский Анатолий Сергеевич

*кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
г. Улан-Удэ
anabres05@mail.ru*

УЛАН-УДЭ И ПРОЦЕССЫ СУБУРБАНИЗАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ

Основной замысел статьи заключается в стремлении охарактеризовать процессы субурбанизации в постсоветской Бурятии. Анализируя случай города Улан-Удэ, автор показывает, как внутренняя миграция в республике повлияла на его пригородные поселения, как изменила их внешний облик, инфраструктуру, структуру местных сообществ.

Ключевые слова: пригороды, субурбанизация, внутренняя миграция, Бурятия, Улан-Удэ.

Breslavskiy Anatoly Sergeevich

*candidate of historical sciences, junior research fellow
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude
anabres05@mail.ru*

ULAN-UDE AND SUBURBANIZATION IN THE POST-SOVIET BURYATIA

The processes of suburbanization in the post-Soviet Buryatia are characterized in the article. Analyzing the case of Ulan-Ude, the author shows how the internal migration in the republic affected his suburban settlements and changed their appearance, infrastructure, the structure of local communities.

Keywords: suburbs, suburbanization, internal migration, Buryatia, Ulan-Ude.

В России, массово урбанизированной в советские годы, процессы субурбанизации – роста пригородных зон крупных городов – получили активное развитие в основном лишь в последние 10–15 лет. Постепенно, вслед за Москвой, Санкт-Петербургом и другими городами-миллионерами, население которых в постсоветский период в основном лишь росло, в эти процессы оказались вовлечены и региональные центры – столицы республик, областей, краев и пр. По общероссийской тенденции за последние 20 лет они активно стягивали население из близлежащих сельских поселений и городов, менее ресурсных с точки зрения рынка труда, развитости экономики, образовательной и культурной инфраструктуры. При том, что сегодня субурбанизация в регионах России принимает все большие масштабы, «обретая свое лицо», пока мы не имеем возможности проводить широкие сопоставительные, сравнительные

исследования российских пригородов, поскольку региональных исследований по этой тематике практически нет [3; 4; 7; 8]. Решить эту ситуацию способны широкие эмпирические обследования в регионах. Именно эмпирика даст возможность выстраивать аналитические, сопоставительные модели отечественной субурбанизации.

В данной статье мы рассмотрим, в частности, как субурбанизация происходила в одном из сибирских регионов России – в постсоветской Республике Бурятия. Речь пойдет о столице субъекта – городе Улан-Удэ. Случай Улан-Удэ в этом смысле очень показателен. За последние 20 лет город стал главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, на что указывают и проводимые исследования [2; 6; 9; 10]. При том, что численность населения Бурятии в постсоветский период лишь убывала, численность Улан-Удэ с каждым годом лишь продолжает расти. В частности, с 1989 г. по 2010 г. официальная численность жителей Бурятии сократилась с 1038,2 тыс. до 972,0 тыс. человек (на 92,5 тыс. человек), а численность Улан-Удэ увеличилась с 352,5 до 404,4 тыс. чел. (на 51,9 тыс. чел.) [11]. И это несмотря на то, что именно в столице Бурятии ежегодно регистрируются наибольшие показатели по миграционному оттоку среди прочих поселений республики. Обозначенные миграционные потери город ежегодно восполняет главным образом за счет миграционной прибыли и естественного прироста населения. Не в последнюю очередь это происходит благодаря внутренней миграции из сельских районов. Сельчане с каждым годом продолжают прибывать в столицу, приобретая, арендуя жилье, а иногда и незаконно захватывая земли в различных частях города [5]. Вместе с тем, к концу 2000-х гг. стало очевидно, что достаточно значительная по площади территория Улан-Удэ уже не может обеспечить все возрастающий спрос на земли в черте города. В этой ситуации мигранты все чаще стали обращать внимание на пригородные земли. Что они представляют собой сегодня? Какого рода пригородные поселения окружают город Улан-Удэ? Как столица Бурятии, являющаяся главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, изменила эти поселения и местные сообщества за последние двадцать лет? Какого рода количественные и качественные трансформации они сегодня претерпевают? Ответим на эти вопросы далее. Отметим сразу, что каких-либо специальных академических исследований, связанных с изучением пригородных поселений Улан-Удэ и того влияния, которое на них оказала внутренняя миграция в регионе, до этого не проводились. В этой связи основными материалами для нас выступили собственные данные нарративных и фокусированных интервью (всего 23 интервью), включенного наблюдения (2010–2013 гг.), а также официальная статистика по пригородным

селам. В качестве исследовательских кейсов выступили села Нижний Саянтуй (второе название – Вахмистрово), Сужа, Нурселение, Поселье и Эрхирик.

Пригородная зона Улан-Удэ

Пригородные территории Улан-Удэ, не входящие в состав городского округа, составляют исключительно сельские районы республики. Город окружают четыре таких района: Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский и Прибайкальский. В своем исследовании мы анализировали ситуацию во всех пригородных поселениях Улан-Удэ, находящихся на расстоянии 30 км от общегородского центра. В рамках исследования мы обозначили эту территорию, включающую, по нашим подсчетам, 21 поселение, «пригородной зоной Улан-Удэ». Суммарная численность населения в них, по данным Всероссийской переписи 2010 г., составляет чуть более 37 тыс. чел. [11], то есть примерно 9% от общей численности Улан-Удэ за этот год (404,4 тыс. чел. [11]). Показательно в этом смысле, что население пригородной зоны за последние два переписных периода (1989–2002, 2002–2010) увеличилось почти в 2,2 раза в то время как официальная численность Улан-Удэ – лишь на 15%.

В постсоветский период миграционная притягательность Улан-Удэ сделала привлекательными для мигрантов и эти пригородные территории. Вместе с тем, как мы можем сейчас увидеть, это обстоятельство по-разному повлияло на них. Где-то рост населения и числа домохозяйств за последние 10–15 лет привел к кратному увеличению как самих поселений, так и местных сообществ, а где-то эти изменения оказались совсем незначительными. Сравним данные по численности и размещению населения в этих селах за два последних переписных периода, мы выявили, в частности, что два из них – Поселье и Нурселение – стали своего рода «рекордсменами» в демографическом росте: зарегистрированное население здесь увеличилось за обозначенное время в 19 и 13 раз соответственно. В шести поселениях (Ошурково, Дабата, Улан-Иволгинский, Саратовка, Краснояррово, Николаевский) этот рост был незначителен (до 8%), а в трех (Тапхар, ст. Санятуй, Верхний Саянтуй) – вообще было зарегистрировано сокращение численности местных жителей. В остальных же поселениях рост населения составил от 75 до 660% [11; 12]. Показатели эти, безусловно, сложились главным образом за счет миграционного прироста.

Сами по себе представленные поселения разнородны – они серьезным образом отличаются друг от друга по ряду показателей: административному статусу, уровню развития социально-бытовой инфраструктуры, транспортной доступности, расстоянию до города

и пр. В частности, в этом списке есть центр сельского района (Иволгинск), и небольшие улусы (Улан-Иволгинский, Дабата, Нарын-Шибирь), есть относительно развитые в смысле инфраструктуры поселения (Сотниково, Эрхирик, Нижний Саянтуй) и те, в которых и сегодня нет каких-либо государственных социальных учреждений будь то: школы, детсады, поликлиники и т.п. Большую их часть объединяет одно – советское прошлое: в XX в. они сформировались при колхозах, совхозах, их отделениях, а также при учхозах, небольших промышленных предприятиях, а также на линии железной дороги. После распада Союза и системы государственной поддержки сельского хозяйства, все сельскохозяйственные предприятия в них постепенно были закрыты, местное население начало осваивать улан-удэнский рынок труда. Все пригородные поселения, о которых идет речь, вплоть до середины-конца 1990-х гг. были относительно замкнутыми поселениями «сельской Бурятии» и не являлись «пригородами» Улан-Удэ в том качестве, в котором они воспринимаются сегодня. Здесь еще не действовал соответствующий режим жизни, определяющий связь этих поселения с городом. С начала 2000-х гг., а в особенности с их середины, ситуация начала меняться: рассматриваемые села, в советские и в 1990-ые годы считавшиеся пригородом во многом номинально, сугубо географически, в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа, стали приобретать все больший интерес у потенциальных переселенцев.

Произошедшие изменения за последние десять лет выразились, как представляется в двух значимых тенденциях. С одной стороны, в связи с высокой миграционной привлекательностью этих территорий – увеличением потока мигрантов – трансформировалась структура местных сообществ, видоизменился облик рассматриваемых поселений. Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с маятниковыми перемещениями «пригород-город-пригород». С другой стороны, еще с начала 1990-х гг. ориентация «на город» стала определять трудовые и прочие практики самого местного населения, что повлияло и на их идентичность. Насколько существенными оказались эти изменения, какова их сущность – об этом поговорим в следующих разделах.

Мигранты

Кто же осваивает пригороды Улан-Удэ? Где находится сам источник освоения пригородов? В самом городе или в сельской Бурятии? Что мы знаем о мигрантах в пригородах столицы республики? Кто они? В ходе исследования мы выяснили, что речь главным образом идет о двух их значительных группах, а именно: о сельских

жителей Бурятии, переехавших «поближе к городу», и, собственно, городских жителей, которые предпочли квартире (дому) с городской регистрацией жилье в сельском пригороде. Для сельских жителей переезд в Улан-Удэ и его пригороды за последние двадцать лет стал широко распространенной практикой [1]. Между тем по пути в «Город», который для сельчан, действительно, является городом с большой буквы, часть из них встречает непреодолимые барьеры, вынуждающие их «остановиться» в его пригородах. Главным образом это финансовые трудности, связанные с отсутствием у многих переселенцев достаточных средств для покупки участка городской земли, квартиры/дома или их аренды. Во многом именно по финансовым причинам многие сельские мигранты, их семьи выбирают второй путь и оседают в пригородных поселениях, сохраняя при этом трудовую ориентацию на Улан-Удэ.

Сельские мигранты в каждом из изучаемых поселений составляли ежегодно не менее половины новых жителей, а зачастую и подавляющее большинство. С точки зрения доходов подавляющая часть приезжих сельчан – люди со средним достатком и ниже среднего. Финансово обеспеченных выходцев из села в пригородах – единицы, обычно они строят жилье в более привлекательных микрорайонах в черте города. Также мало, но все-таки есть, и очень бедные семьи, которые годами находятся на грани физического выживания. Но все-таки «костяк» новых сельских переселенцев – это семьи со средним доходом (совокупный доход семьи в месяц от 20–25 до 30–35 тыс. в месяц).

По этническому составу в структуре сельских мигрантов, обосновавшихся в пригородах Улан-Удэ за последние 10–15 лет выделяются буряты и русские. В количественном отношении преобладает бурятское население, особенно в поселениях Левобережья Селенги (Суже, Нур-Селении, Поселье).

В отношении возраста сельских мигрантов ситуация на момент исследования выглядела достаточно рельефно – не сглажено. Выделяется возрастная когорта от 30 до 45 лет и старше. Заселяются в подавляющем большинстве семьями от 3–4 человек и более. С парами среднего возраста и их детьми часто живут родители, которых после обустройства на новом месте они забирают из деревни к себе. Пригород заселяется именно семьями. Это характерно и для второй значимой группы новых жителей – самих горожан.

Переезд жителей Улан-Удэ в смежные сельские поселения – количественно менее выраженная практика по сравнению с миграцией сельчан в город. Данные собранных интервью и материалы включенного наблюдения все-таки дают представление о численности городских семей в пригородах: их мало. В частности, в при-

городных поселениях левобережья Селенги, не входящих в городской округ, их не более 5–15%. К настоящему моменту нельзя сказать, что пригороды Улан-Удэ стали местом массового прибытия финансово успешных улан-удэнцев.

Отметим, что среди жителей рассматриваемых пригородных сел на момент обследования нами не было зарегистрировано сколь-нибудь значительного количества иностранных мигрантов, равно как и переселенцев из других субъектов России. То же характерно для приезжих из других регионов страны: в пригородах их единицы. И это в основном жители соседних с Бурятией регионов: Иркутской области, Якутии и Забайкальского края. И, как правило, это выходцы из сельских районов.

Таким образом, в среде мигрантов постсоветской волны, осевших в пригородных поселениях Улан-Удэ, выделяются две группы: выходцы из сельской Бурятии, перебравшиеся к городу в 1990-е и 2000-е гг. и, собственно, сами горожане. В количественном отношении во всех 5 рассмотренных нами случаях доминировали сельские мигранты среднего возраста и доходами среднего и ниже среднего уровня. В этой связи можно сказать, что основным источником освоения пригородных территорий стало именно село, а главными участниками – сельские мигранты. И именно их приоритеты и возможности в жилищном строительстве определили основные тенденции в застройке пригородных поселений Улан-Удэ в постсоветский период. Каким же образом происходило расширение и застройка этих поселений? Какого рода количественные и качественные изменения претерпела архитектура и социально-бытовая инфраструктура пригородных сел? Становятся ли они более благоустроенными или сохраняют прежний деревенский облик? Рассмотрим эти и другие вопросы далее.

Инфраструктура и внешний облик

Массовое заселение пригородных поселений Улан-Удэ в постсоветский период не могло не отразиться на их внешнем облике. Напомним, что все они сформировались в советские годы при совхозах и их отделениях. К концу 1980-х гг. они представляли собой в общем-то типичные поселения сельской Бурятии. В частности, в Суже и Нижнем Саянтуе располагались управления совхозов, в Нижнем Саянтуе и Эрхирике – сельсоветы, в Поселье – учхоз, Нурселение оставалось небольшим поселением сельскохозяйственного назначения. Все эти села в основном были застроены одноэтажными деревянными домами на участках усадебного типа.

На момент исследования (2010–2013 гг.) все они в разной степени изменились под воздействием массового заселения новыми

жителями. С точки зрения формирующегося архитектурного ландшафта застройки ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) были выполнены из дерева, сохранили утилитарный «деревенский» стиль без архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характер «временного жилья», построены они основательно («по-хозяйски»). Буквально до конца 2000-х гг. во всех из 5 рассматриваемых нами случаев (Сужа, Нур-Селение, Поселье, Эрхирик, Нижний Саянтуй) среди новостроек практически отсутствовали многоэтажные дома (от 2 этажей и выше). Все постройки были выполнены из дерева, отсутствовали, в частности, кирпичные дома и коттеджи (и сегодня их единицы).

Надо отметить, что во многих случаях (это особенно характерно для поселений Левобережья Селенги) участки захватывались и обустраивались самовольно, то есть незаконно. Целые улицы и кварталы жилых домов возводились без официального разрешения местной администрации и контрольных органов и, соответственно, сами жители не имели никаких документов, подтверждающих право собственности на земли и дома. Сельские бюджеты недополучали земельный налог и налог на имущество физических лиц, а также, что немаловажно, лишались одного из своих ключевых неналоговых доходов – доходов от продажи земельных участков. В связи с этим в пригородных поселениях Улан-Удэ возникло множество инфраструктурных и бытовых проблем, которые с разной степенью успешности были решены к настоящему времени. Среди наиболее важных из них следует отметить следующие: проблемы электрификации и водоснабжения, транспортной доступности, дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания и правопорядка. К настоящему времени в пригородных поселениях слабо развита потребительская инфраструктура, резко отличающаяся их, допустим, от городских микрорайонов, даже окраинных. Ни в одном из рассматриваемых поселений нет крупных супермаркетов, есть лишь небольшие магазины типичного сельского типа. Как правило, есть одна-две парикмахерские, аптеки, несколько столовых-кафе, иногда служба такси и все. В пригородных селах ограничены возможности культурного досуга и просто приятного досуга как такового. Несмотря то, что рассматриваемые села в последние 10–15 лет стали пригородными уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле, более глубоко обозначилась их связь с городом, увеличилось их население, а сами они расширились, сегодня они в целом сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений.

Заключение

Цель представленной работы заключалась в стремлении ответить на уже обозначенный в начале статьи вопрос: как Улан-Удэ, являющийся главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, видоизменил свои пригородные поселения и жизнь местных сообществ за последние 20 с лишним лет? Анализ собранных эмпирических данных позволил нам прийти к следующим ключевым выводам.

1. Основным источником освоения пригородных территорий (поселений) Улан-Удэ в постсоветский период стала «сельская Бурятия», а ключевыми участниками – сельские мигранты, нацеленные на улан-удэнский рынок труда. Речь идет главным образом о семьях с доходом среднего уровня и ниже среднего.

2. Пригородную зону Улан-Удэ к настоящему времени образуют достаточно разнородные по численности, территории, административно-экономическому статусу поселения. Массовая сельская миграция в Улан-Удэ повлияла на них в разной степени. Большинство из них, утратив прежнее советское сельскохозяйственное значение, превратились в пригородные «спальные» микрорайоны на границе с Улан-Удэ.

3. В ходе массовой застройки – расширения пригородных поселений в целом качественно не изменилась архитектура и внешний облик этих поселений. Большинство индивидуальных жилищных построек – одноэтажные, выполнены из дерева, имеют утилитарное значение, без каких-либо архитектурных изысков.

4. Приоритет застройки перед решением инфраструктурных проблем, отчетливо прослеживающийся на протяжении изучаемого периода привел к тому, что в пригородных поселениях возникло множество острых социально-бытовых проблем, связанных с электро- и водоснабжением, транспортной доступностью, доступностью дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания, обеспечением правопорядка.

Будущее улан-удэнских пригородных поселений сегодня во многом зависит уже от самих местных жителей и сельской власти. Практика благоустройства застроенных территорий последних лет не позволяет пока делать однозначных выводов о том, получают ли эти территории (дома, улицы, микрорайоны в целом) привлекательный облик и развитую инфраструктуру или же сохраняют свой неприглядный вид. Учитывая, что основным источником освоения пригородов Улан-Удэ остается село, а главными участниками этого процесса – выходцы из сельской Бурятии, причем не с высоким достатком, скорее всего, процессы благоустройства растянутся во времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бреславский А.С. Сельские мигранты в постсоветском Улан-Удэ: ожидания, стратегии, практики расселения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 4. С. 55-61.
2. Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. 2002, 1 ноября. С. 4.
3. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода: Монография. Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.
4. Дегтярев Д.С. Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX-начале XX вв., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 1(8). С. 100-107.
5. Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Давыдов. В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, 2006. С. 129-154.
6. Михалев А.В. Конструирование традиционности в пространстве «самостроя» современного Улан-Удэ: этнографический очерк // Известия Алтайского госуниверситета. 2008. № 4-5 (60). С. 142-146.
7. Нефедова Т.Г. Российские пригороды: горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2011. С. 374-399.
8. Петри О.В. Аксенов К.Э., Куртиков С.А. Пригородные комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7: Геология, География. 2012. № 1. С. 86-98.
9. Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
10. Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 163-184.
11. Численность и размещение населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-13 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2012. 82 с.
12. Численность населения Бурятской АССР, ноябрь 1990 г. Улан-Удэ. 34 с.

* * * * *

УДК 947 (571.53)3

Урожаева Татьяна Петровна

*кандидат исторических наук, старший преподаватель
Иркутский государственный университет
Иркутск
olgoy@ya.ru*

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ПРИАНГАРЬЯ В 1990-е гг.

Автор анализирует миграционные процессы, которые имели место в городах Приангарья в 1990-е гг. Были рассмотрены как внешние, так и внутренние перемещения горожан, определена мотивация переезда, показаны трудности в становлении миграцион-

ной политики в Иркутской области. В отношении с другими регионами в миграционном плане Приангарье проигрывало своим западным соседям, при этом источниками миграционного прироста стал приезд жителей из восточных регионов и ближнего зарубежья. В целом, особенно в первой половине 1990-х гг., население Иркутской области было очень нестабильно, однако к концу десятилетия масштабы миграционных перемещений уменьшились. В целом, формирование нового режима миграционных связей и потоков миграции в городах Иркутской области во многом отражало противоречия переходного периода в России.

Ключевые слова: миграционные процессы, баланс перемещений, внешние и внутренние миграционные связи, демографическая нестабильность, депопуляция.

Urozhaeva Tatyana Petrovna
candidate of historical sciences, senior lecturer
Irkutsk State University
Irkutsk
olgoy@ya.ru

MIGRATION OF POPULATION IN INDUSTRIAL CITIES ANGARA REGION IN THE 1990S

The author analyzes migration processes, which took place in the cities of Irkutsk region in the 1990s. Were considered both external and internal displacement of citizens, determined motivation moving shown the difficulties in the formation of migration policy in the Irkutsk region. In relation to other regions in the migration plan Priangarye lost their Western neighbors, and the sources of migration growth was the arrival of the inhabitants of the Eastern regions and the near abroad. In General, particularly in the first half of the 1990s, the population of the Irkutsk region was very unstable, however, by the end of the decade, the scale of migration has decreased. In General, the formation of a new mode of migration relations and migration flows in the cities of Irkutsk region largely reflects the contradictions of the transition period in Russia.

Keywords: migration processes, balance movements, Russia's internal and external communication, demographic instability, depopulation.

Население Иркутской области долгое время формировалось в неразрывной связи с хозяйственным освоением территории. В послевоенный период были возведены города, вся жизнь которых строилась вокруг крупных предприятий. С 1959 по 1993 г. население

Приангарья увеличилось на 864 тыс. человек. При этом центрами, вбирающими в себя практически весь экономический и людской потенциал, оставались индустриальные города области: Ангарск, Братск, Байкальск, Железногорск-Илимский, Саянск, Усть-Илимск и др. Численность городского населения продолжала расти как за счет естественного прироста, так и миграционного притока.

Городское население региона на протяжении периода 1970–1980-х гг. характеризовалось высокой миграционной подвижностью, которая к началу 1990-х гг. несколько снизилась. Ситуация в городах Приангарья определялась как внешними, так и внутренними передвижениями населения. В течение длительного времени внутренние и внешние миграции были примерно равны по объему. Однако к концу 1980-х гг. сокращение объема миграции произошло, в основном, за счет дальних переездов горожан, внутренние миграции по объему стали превосходить внешние, и это преобладание постепенно увеличивалось [5, С. 21]. С начала 1980-х гг. стало отчетливо проявляться стремление большинства жителей не покидать обжитые места. Объем миграционных перемещений несколько снизился [2, С. 75].

Миграционный прирост городского населения сохранял высокие значения вплоть до середины 1980-х гг. В 1970–1980-х гг. постепенно нарастала миграционная убыль в гг. Байкальске, Железногорске-Илимском, Усть-Куте, Шелехове. Высокий миграционный прирост сохранялся в относительно молодых городах – Усть-Илимске и Саянске.

Как же изменилась в результате миграции численность жителей конкретных населенных пунктов? В г. Саянске за 1988 г. прибавилось 2,5 тыс. жителей. В Братск приехало 14 тыс. человек, а покинуло город около 13 тыс. Активно циркулировало и население Ангарска: более 11 тыс. прибывших приходилось свыше 10 тыс. уехавших из него. Если в целом городское население области приросло, то в таких городах, как Усолье-Сибирское и Свирск наблюдался незначительный отток жителей [20, С. 1].

До начала 1990-х гг. население индустриальных городов Приангарья формировалось за счет высокого естественного и миграционного прироста. Например, в 1986 г. положительное сальдо миграции для городских поселений Восточной Сибири было 16 чел. на 1 тыс. чел. населения. По городам Иркутской области в том же году миграционный прирост составил: в Братске – 2168 чел. на 244 тыс. чел. населения, Усть-Илимске – 1878 чел. на 108,5 тыс. чел. населения. Наиболее высоким был миграционный прирост в Саянске 2042 чел. на 27,4 тыс. чел. населения, но это обстоятельство объясняется молодостью города и масштабным строительством, куда привлекались рабочие и ИТР [3, Л. 1-3]. Уже в 1992

г. на каждую 1 тыс. чел. населения города теряло до 15 человек. Миграционная убыль составила: в Братске – 765 чел. на 257, 3 тыс. чел. населения, в Усть-Илимске – 946 чел. на 106,9 тыс. чел., в Саянске наблюдался минимальный миграционный прирост – 41 чел. на 45,4 тыс. чел. населения. В 1992 г. еще сохранялся миграционный прирост в Байкальске (331 чел. на 16,7 тыс. чел. населения), Шелехове (329 чел. на 56,4 тыс. чел. населения), Ангарске (318 чел. на 268,8 тыс. чел. населения), Вихоревке (191 чел. на 24,5 тыс. чел. населения), Железногорске-Илимском (164 чел. на 32,2 тыс. чел. населения) [1, С. 37-49].

Если в 1990–1991 гг. миграционный отток касался, в основном, сельской местности, то с 1993 г. стало уменьшаться городское население региона [8, С. 2]. Впервые за много лет количество выбывших за пределы региона превысило число прибывших, причем выезжало население в основном в центральные районы РФ, где наблюдался более высокий уровень жизни, а приезжало – из бывших республик СССР [19, С. 1].

Приведем сравнительные данные по статистике миграции населения городов Приангарья в период с 1985 по 1995 г.:

Таблица 1 – Миграционное движение по городам Иркутской области за 1985–1995 гг.

город	1985 г.			1990 г.			1995 г.		
	прибыло	выбыло	миграц. прирост	прибыло	выбыло	миграц. прирост	прибыло	выбыло	миграц. прирост
Ангарск	1997	0797	1200	8544	7581	963	5659	4327	1332
Братск	5750	3534	2216	12265	11822	443	8149	7586	563
Байкальск	1163	1179	-16	923	795	128	677	449	228
Бирюсинск	618	566	52	565	500	65	269	306	-37
Вихоревка	1435	1575	-140	1107	986	121	807	692	115
Железногорск Илимский	2106	2282	-176	1709	1511	198	941	868	73
Усть-Илимск	8721	6737	1984	5790	5427	363	3328	4054	-726
Шелехов	2724	2614	110	2282	1997	285	2268	1209	1059
Саянск	3271	1780	1491	2034	1722	312	2149	1886	263

[Составлено по: Архив Иркутского областного комитета государственной статистики. Динамические ряды 08-03-08, С.31-33, 34-3, 40-42].

По данным таблицы, к середине 1990-х гг. миграционная убыль населения наблюдалась в Бирюсинске и Усть-Илимске. Значительно снизился миграционный прирост в Братске, Железногорске-Илимском и Саянске. Наблюдался нарастающий миграционный отток населения из городов Приангарья. К примеру, если в 1990 г. в Ангарск

прибыло 8544 чел., а убыло 7581 чел. (миграционный прирост составил 963 чел.) [1, С. 34-37], то в 1999 г. прибыло 3066, убыло 3513 чел. (при миграционной убыли в 447 чел.) [1, С.43-47]. По области коэффициент миграционного прироста на 1 тыс. чел. населения изменился с -4 (в 1979–1989 гг.) до -13 в 1993 г. Если в 1979–1989 гг. этот коэффициент был положительным (28 на 1000 чел. населения), то в 1993 г. составил уже -9 [14, С. 185]. В том числе миграционная убыль составила в Братске – 1269 чел. на 258, 9 тыс. чел. населения, в Усть-Илимске – 2570 чел. на 106,8 тыс. чел. [1, С. 37-40, 40-49].

Наибольшая миграционная подвижность наблюдалась, по-прежнему, у населения в трудоспособном возрасте (оно составляло 71,1% от общего числа мигрантов). Основными побудительными мотивами смены места жительства в 1999 г. являлись: переезд к месту работы (27% выбывших, 34,6% прибывших), личные и семейные причины (35,4%, 27,3%) и возврат к прежнему месту жительства (18%, 19,2%) [16, С. 32]. Северные города области устойчиво имели отрицательное saldo миграции. К примеру, в 1998 г. миграционная убыль населения Усть-Илимска составила 1900 чел., Братска – 719 чел., Железногорска-Илимского – 249 чел. [1, С. 43-47].

С прекращением централизованного финансирования, ростом транспортных тарифов, нарушением прежних производственных связей северные районы региона утратили свою притягательность. В период с 1989 по 2000 г. с северными районами области рассталось более 80 тыс. человек, выехал каждый десятый. Наибольшая миграционная убыль населения наблюдалась в 1997 г. в Усть-Илимске (-1968 чел.), Братске (-959 чел.), Железногорске-Илимском (-283 чел.) [1, С. 43-47]. Население покидало север, выезжая в другие районы области, частично – в Красноярский край, некоторые дальше (в Западную Сибирь, на Урал и в Европейскую часть России) [10, С. 2].

Если рассматривать города Приангарья по отдельности, то каждый из них имел свою специфику миграционного движения населения. Так, несмотря на то, что покинуть 80-тысячный Усть-Кут, по данным соцопроса 1995 г. был готов каждый пятый житель города, подавляющее большинство не собиралось уезжать. При этом почти третья часть опрошенных считала политику правительства по переселению северян временной и верила в улучшении ситуации в городе [4, С. 1].

Численность населения Братска за 1991 г. уменьшилась на 200 человек. Произошло это потому, что уехало из города больше, чем прибыло, а естественный прирост, постоянно идущий на понижение, не погасил дефицит. Это произошло впервые почти за четыре десятилетия. По мнению ректора Братского индустриального института О. Мартыненко, Братск покидали потому, что город терял эмоциональную привлекательность, духовная среда обитания рас-

творилась и отмирала в жесткой борьбе за материальный достаток. Именно в результате этого шло обвальное старение населения. В свое время город притягивал новые силы на свои стройки и предприятия, заманивая квартирами, северными льготами, зарплатой. В конце 1980-х гг. созданный СМИ ореол утратил яркость и пошел обратный процесс [9, С. 2].

Если в Братске с 1990 по 1998 г. население сокращалось, а в 1999 г. произошел его небольшой рост, то в Усть-Илимске, наоборот, в начале рассматриваемого периода наблюдался миграционный прирост, а затем последовал спад. В Железногорске-Илимском население стабильно росло первую половину 1990-х гг. и столь же стабильно сокращалось в 1996-1999 гг. В Усть-Илимске рост населения продолжился до 1992 г., в Братске в этом году он стабилизировался. В 1993 г. население Братска не изменилось, а в Усть-Илимске началось его сокращение. Дольше всего благополучная демографическая ситуация продержалась в Железногорске-Илимском. В городе население росло до 1996 г. Максимальное количество жителей насчитывалось в 1997 г. – 33,5 тыс. человек [13, С.42]. Затем эта цифра стала уменьшаться, т.к. началась естественная убыль населения и отрицательные миграционные процессы.

Миграционный отток в Ангарске был связан с отъездом молодежи. В анкетах молодые люди называли основные причины отъезда: в городе не было перспектив для получения жилья и хорошей работы. Прибывших в Ангарск на постоянное место жительства было меньше, чем покинувших город. К примеру, в 1999 г. приехавших сюда оказалось почти на тысячу человек меньше, чем годом ранее [17, С. 3]. К 2000 г. население города настолько уменьшилось, что его численность впервые за многие годы стала меньше 250 тыс. человек.

Население Шелехова с середины 1960-х гг. увеличивалось за счет более высокого, по сравнению со среднеобластным уровнем, естественного прироста. При этом положительная демографическая динамика была устойчивой, и ее не смог поколебать даже кризис 1990-х гг. Во многом это можно было объяснить стабильной работой градообразующего предприятия и устойчивым функционированием городского хозяйства. Население в 1992 г. составило 49,3 тыс. чел, затем наблюдался некоторый рост и в 1998 г. оно составило 53,4 тыс. человек. Однако в 1998-2000 гг. наблюдался значительный миграционный отток, и население уменьшилось до 47,5 тыс. человек в 2002 г. [11, С. 2]. Тем самым Шелехов из разряда среднего города перешел в категорию малых городов Приангарья.

До начала кризиса 1990-х гг. для Байкальска был характерен рост населения. В 1970-е гг. темпы увеличения количества жителей были довольно внушительными, что объясняется прибытием рабочих и квалифицированных специалистов с разных регионов

страны. С начала 1980-х гг. рост населения потерял свои былые темпы (0,7% в год), хотя естественный прирост оставался довольно высоким. Демографический кризис, обострившийся в конце 1980-х гг., достиг Байкальска лишь в 1994 г. Количество прибывших в город превышало число уехавших. Показатель миграционного прироста в 1994 г. составил 330 человек [18, С. 2]. Начиная с 1999 г. население города стало сильно уменьшаться, главным образом по причине отъезда наиболее активной части горожан из-за неопределенности в судьбе градообразующего предприятия.

Со второй половины 1990-х гг. началось сокращение численности населения Саянска. Только в 1997 г. число горожан уменьшилось более чем на 0,5 тыс. человек – в основном за счет миграции, которая, в свою очередь, была напрямую связана с проблемами в работе градообразующего предприятия «Саянскимпром» [15, С. 2].

В 1997–2000-х гг. наиболее существенные миграционные потери понесли в отдельные годы следующие города региона: Усть-Илимск (-1968 в 1997 г.); Ангарск (-447 в 1999 г.); Железногорск-Илимский (-483 в 2000 г.).

В период с 1989 по 2002 г. численность населения городов колебалась: повышаясь, в результате естественного прироста и снижаясь в результате высокого миграционного оттока. Значительное сокращение населения имело место в северных регионах области, в связи с сокращением дотаций и изменением государственной политики. В Усть-Куте население сократилось почти на треть, в Бодайбо – на 33,3%. Оставалось относительно стабильным в основном в малых городах Иркутской области: Байкальске, Бирюсинске, Вихоревке. Увеличилось число жителей в Братске, Шелехове и Саянске [12, С. 3].

В таблице приведены данные по динамике численности населения индустриальных городов Иркутской области в период с 1990 по 2000 гг.:

Таблица 2 – Численность населения по городам Иркутской области в 1990–2000 гг. (на начало года, тыс. чел.).

Город	1990 г.	1992 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.
Ангарск	267,3	268,8	267,2	267,7	267,0	264,7
Братск	256,1	257,3	257,6	256,4	269,6	271,6
Байкальск	16,4	16,7	17,3	17,4	17,2	17,1
Бирюсинск	12,0	12,1	12,1	11,9	11,8	11,5
Вихоревка	24,0	24,5	24,6	24,7	24,6	24,5
Железногорск	32,1	32,2	33,5	33,7	33,2	32,2
Усть-Илимск	110,7	113,9	106,4	105,2	104,3	103,5
Шелехов	55,4	56,4	55,2	51,8	53,4	54,3
Саянск	41,0	45,4	46,9	47,9	46,7	46,5

[Составлено по: Архив Иркутского областного комитета государственной статистики. Динамические ряды 08-03-10, С.40-54; Ретроспективная численность населения по городам и районам Иркутской области в 1989-2002 гг. Статистический сборник. Иркутск, 2006. С.42].

По данным таблицы можно проследить наибольшую убыль населения в Усть-Илимске, Шелехове, Железногорске-Илимском.

После развала СССР в Приангарье в одиночку и семьями хлынули беженцы и вынужденные переселенцы. В августе 1992 г. появились первые беженцы из Таджикистана, затем Азербайджана, Чечни, Молдавии, Абхазии, Грузии. На Таджикистан приходилось 46,5%, Азербайджан – 12%; столько же на Абхазию, 7 и 6% соответственно на Грузию и Молдавию. Мигранты приезжали, в основном, в города. Наибольшую нагрузку испытывал Иркутск – 27% от всех прибывших, Братск – 22%, Ангарск – 7%, чуть меньше Шелехов, Усть-Илимск (5 и 6%). Приезжали люди городских профессий преобладающей частью к родственникам [7, С. 2].

Жителям индустриальных городов была свойственна большая ориентация на дальние переселения, чем селянам. Недавно сформировавшееся городское население севера Иркутской области (население Усть-Илимска, Братска, Железногорска-Илимского, Усть-Кута) больше выбывало за пределы региона, чем переселялось на юг области. Наблюдался, прежде всего, интенсивный отток из северных районов высококвалифицированных специалистов, а также молодежи. Моноотраслевая специализация большинства этих городов не позволяла маневрировать высвобождающимися работниками. В результате образовались «города-ловушки», где люди имели квартиры, обустроенный быт, но не имели места работы, а возможность выезда в другие регионы во многом сдерживался отсутствием там жилья. Такое положение характерно для многих монофункциональных сибирских городов. В Иркутской области миграционная убыль этих северных территорий в 1999 г. составила 4,8 тыс. человек (в 1998 г. – 8,7), из них каждый четвертый – бывший житель Усть-Кута или одноименного района.

Усть-Кут, утратив такие важные экономические функции как перевозка грузов на Север и базы строительства, потерял в миграционном обмене с 1993 по 2000 г. – 8,9 тыс. чел. Отрицательное сальдо миграции для города в 2000 г. составило 13,4% по отношению к численности населения 1992 г. [5, С. 45]. Высокая миграционная убыль в 1999 г. наблюдалась в Усть-Илимске (418 чел.), в Железногорске-Илимском (361 чел.) [1, С. 43-47].

Несмотря на то, что миграционный отток из промышленных городов Приангарья был высок, некоторые из них были привлекательны для мигрантов из других регионов и выходцев из сельской местности своего региона. Десятикратные различия наблюдались между отдельными городами по результативности миграции. Самые высокие показатели результативности в Иркутской области в 1995 г. имели города Ангарск (1332 чел.), Шелехов (1059 чел.),

Братск (563 чел.), Саянск (263 чел.) [1, С. 40-42]. Эти города притягивали население из сельской местности и малых городских поселений области. В города южной части области перемещались также жители северных районов. Например, Шелехов отличался постоянным притоком мигрантов: их величина в 1990-е гг. находилась на уровне 2253–2523 чел.

В Ангарске естественная убыль населения частично компенсировалась миграционным притоком: если в 1991 г. миграционный прирост населения города составлял 817 чел., то в 1995 г. он увеличился до 1332 чел. Однако в 1998 г. произошло некоторое снижение миграционного прироста – 414 чел. В 2000 г. наблюдалось некоторое увеличение миграционного прироста – 789 чел. [1, С. 37, 40]. Менее благополучной была ситуация в Усть-Илимске (в 1991 г. прирост составил 316 чел., а в 1995 г. – убыль в 726 чел., в 1998 г. – убыль в 1900 чел.). В 2000 г. в Усть-Илимске миграционная убыль несколько снизилась и составила 158 чел. [1, С. 40-47, 49-52]. В Железногорске-Илимском и Усть-Куте миграционное сальдо составило 1300-1700 выбывших на 1 тыс. прибывших. Миграционная активность населения здесь была выше средней, причем преобладало выбытие за пределы области. В целом, выбытие в 1,5 раза превышало прибытие населения в эти города [2, С. 118]. Отметим основные результаты миграционных изменений по городам Иркутской области за 1994–1999 гг. раздельно по нескольким территориальным общностям:

- городские поселения имели приток населения, источники которого страны ближнего зарубежья (19,2 тыс. чел.); отток горожан происходил в другие регионы РФ;

- при положительном сальдо миграции (41,1 тыс. чел.) в южной части области миграционный отток из северных районов составил 47,5 тыс. чел., причем если перемещение людей с севера на юг было невелико (до трети оттока с севера), то внешний обмен дал югу больше жителей, чем потерял север;

- города, входящие в Иркутскую агломерацию (Ангарск, Шелехов) притягивали как население городов области, так из-за пределов области;

- в обстановке, когда практически все старожильческие районы сохраняли население, города на территории недавнего пионерного освоения (Братск, Усть-Илимск, Усть-Кут, Железногорск-Илимский) потеряли существенную часть своего сравнительно молодого и недавно сформировавшегося населения.

Подводя итоги, можно констатировать, что формирование нового режима миграционных связей и потоков миграции в индустриальных городах Иркутской области в 1990-е гг. во многом отражало

противоречия переходного периода в России. Острота и специфика проблем миграции в регионе были обусловлены, с одной стороны, особенностями формирования городского населения, сложившимися в прошлом, т.к. динамика прироста численности населения Приангарья определялась структурой и характером размещения производительных сил в области, а с другой, – отсутствием системы продуманных мер миграционной политики как в регионе, так и в РФ в целом. Увеличение разрыва в уровне и качестве жизни населения городов Иркутской области с другими регионами страны, растущее влияние конъюнктуры рынка труда на формирование миграционных потоков, относительная открытость внешних границ привели к радикальному изменению направленности миграционных потоков. Менялась их численность и состав, нарастал приток беженцев, вынужденных переселенцев и нелегальных иммигрантов.

Миграционные процессы в индустриальных городах Иркутской области протекали довольно активно и противоречиво. С одной стороны, постоянная потребность в рабочей силе вызвала приток трудовых ресурсов из ближнего зарубежья, с другой – из региона шел постоянный отток жителей. Отрицательное сальдо миграции осложняло и без того неблагоприятную демографическую ситуацию, снижало возможности естественного воспроизводства населения, ухудшало качественный состав трудовых ресурсов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Иркутского областного комитета государственной статистики. Динамические ряды 08-03-08.
2. Воробьев Н.В. Региональная организация миграции населения в сибирских условиях / РАН, Сиб. отд-е, Ин-т географии; Отв. ред. С.В. Ряченко. Новосибирск: Наука, 2001.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 2679, Оп. 7, Д. 136.
4. Готов уехать каждый пятый (о миграционной ситуации в Усть-Куте) // Ленские вести. 1996. 18 июля.
5. Дощицин Ю.П., Борjak Л.В. Миграционные процессы в зоне строительства БАМ и проблемы приживаемости мигрантов. Новокузнецк, Изд-во НГПИ, 1999.
6. Зайцев К.Б. Современная миграционная ситуация в Восточной Сибири / РАН, Ин-т социально-политических исследований. М.: 2001.
7. Кез С. Дай мне руку, помоги подняться (о прибытии мигрантов из стран СНГ) // Восточно-Сибирская правда. 1994. № 113. 31 мая.
8. Мисевич К. Пока только отливы (о демографической ситуации в области) // Восточно-Сибирская правда. 1993. № 119. 22 июня; Кез С. Горькие истины в свете демографии (о демографической ситуации в 1992-1993 гг.) // Восточно-Сибирская правда. 1994. № 99. 13 мая.
9. Монахов В. Братчан становится меньше (о численности населения Братска за 1991 г.) // Восточно-Сибирская правда. 1992. № 46. 7 марта.
10. Овсянникова И. Далеко ли держим путь? // Восточно-Сибирская правда. 2000. № 154. 3 августа.
11. Овсянникова И. Приангарье теряет жителей // СМ-номер один. 2002. 5 марта.
12. Приангарье «ужимается» // СМ-номер один. 2003. 8 июля.
13. Ретроспективная численность населения по городам и районам Иркутской области в 1989-2002 гг. Статистический сборник. Иркутск, 2006.

14. Рыбалко М. Миграционные процессы в Иркутской области (в 1990-е годы) // Миграционная ситуация и миграционная политика в современном мире: Материалы международной школы-семинара Миграция: теория, методы и практика регулирования миграционных процессов. Смоленск, 2000.
15. Соловьев Ю.В. Саянские демографический подъем // Саянские зори. 1998. 10 ноября.
16. Социально-экономическая характеристика Байкальского региона: (Республика Бурятия, Республика Тыва, Иркутская область, Усть-Ордынский Бурятский АО). Информационно-статистический сборник / Сост. С.В. Жбанов. Иркутск: Наталис, 2002.
17. Старееет город молодой // Время. 2000. 28 сентября.
18. Суходолов А. Население Байкальска: демографические и социальные аспекты (1980-1995 гг.) // Байкальский целлюлозник. 1996. 17 сентября.
19. Филиппова В. Жизнь в цифрах (о начавшейся депопуляции населения в Приангарье) // Восточно-Сибирская правда. 1994. № 88. 26 апреля.
20. Филиппова В. Охота к перемене мест? // Восточно-Сибирская правда. 1989. № 118. 23 мая.

* * * * *

УДК 911.3

Соколов Сергей Николаевич
доктор географических наук, профессор
Нижевартовский государственный университет
г. Нижневартовск
snsokolov1@yandex.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СИСТЕМА ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РЕГИОНА

В статье анализируется территориальная организация городского расселения Нижневартовского региона и его групповая система населенных мест. Приводятся ряд формул, с помощью которых можно рассчитать конкретные количественные (статистические) показатели расселения. Их использование для характеристики урбанизации региона дает возможность получить более объективные результаты чем показатель доли городского населения. Анализируется агломерация Большой Нижневартовск, в которой выделяется ядро, внутренняя и внешняя периферия.

Ключевые слова: урбанизация, территориальные системы расселения, групповые системы населенных мест, агломерация.

Sokolov Sergey Nikolaevich
doctor of geographical sciences, professor
Nizhnevartovsk State University
Nizhnevartovsk
snsokolov1@yandex.ru

TERRITORIAL SYSTEM OF URBAN SETTLEMENT OF NIZHNEVARTOVSK REGION

The article analyzes the territorial system of urban settlement of the Nizhnevartovsk region and its group system of settlements.

Are a number of formulas to help you calculate specific quantitative (statistical) indicators of settlement. Their use to characterize the urbanization of the region allows to obtain more objective results than the share of urban population. Analyzed agglomeration «Great Nizhnevartovsk» that highlights the core, inner and outer periphery.

Keywords: urbanization, territorial settlement system, group system of settlements, agglomeration.

В определении, с которым можно согласиться, Б.С. Хорев и С.Г. Смидович [22, С. 62] пишут: «Расселение населения – процесс распределения населения по территории. Его результат – сеть поселений. Расселение населения включает его размещение, функциональные территориальные взаимосвязи населенных мест и миграции населения». Они отмечают, что системы расселения, как и любые общественные системы, относятся к числу не детерминированных, а очень сложных вероятностных систем.

Можно сказать, что расселение – это территориальная организация населения. Она включает в себя как размещение населения, так и всю присущую ему систему связей. Можно провести аналогию с терминами, относящимися к понятиям «территориальная организация общества» или «территориальная организация хозяйства».

Территориальные системы расселения (ТСР) перманентно находятся в состоянии развития, которое находит свое отражение в разнообразных количественных и качественных изменениях. Такие изменения происходят как под воздействием имманентно присущих системам процессов, так и под воздействием связей с данностями, находящимися вне той или иной системы. Эти внешние связи существуют и действуют постоянно, так как ТСР представляют собой открытые системы. К ТСР можно отнести групповые системы населенных мест (ГСНМ), выделенные Е.Е. Лейзеровичем [11]. На территории Ханты-Мансийского автономного округа он выделил 4 ГСНМ, объединив районы следующим образом: Белоярский, Березовский, Октябрьский и Ханты-Мансийский – в Ханты-Мансийскую ГСНМ, Кондинский и Советский – в Урайскую ГСНМ, Нефтеюганский и Сургутский – в Сургутскую ГСНМ, Нижневартовский район представляет Нижневартовскую ГСНМ. Кроме того, в последнюю группу входят также города Нижневартовск, Лангепас, Мегион, Покачи и Радужный. Таким образом, Нижневартовскую ГСНМ можно назвать Нижневартовским регионом.

Выделив данные ГСНМ, получаем возможность провести исследование урбанизационных процессов в разрезе не только административных районов, но и районов расселения, которые объединяют по несколько административных районов и городов, не входящих в данные районы. Это особенно актуально, так как мно-

гостороннее влияние городских поселений, прежде всего, больших и крупнейших городов на их окружение никогда не укладывается в рамки только своих административных территорий, оно всегда значительно больше.

Взаимное социально-экономическое функционирование является источником развития города и зоны его гравитации. ТСР функционирует как составной блок социально-экономического развития ГСНМ. Размеры и функции населенных пунктов, пропорции и связи между ними вытекают из специфики структуры пространственной общественной системы. Каждая ГСНМ имеет индивидуальную территориальную структуру, обусловленную секторно-концентрической дифференциацией территории и заметным различием функций места от центра к границам. Все регионы «возглавляются» определенными ядрами – центрами, в которых наблюдается повышенная концентрация социально-экономических компонентов [11]. Общий центр регионов формируется обычно путем пространственного совмещения центров сопряженных подсистем. Наряду с главным центром может функционировать целая система субцентров, которая берет на себя часть функций главного центра и выполняет собственные функции.

Взаимоотношения городов не ограничиваются отношением ядер с периферией. Между ними возникает множество разнообразных связей, объединяющих всю территорию регионов в единое социально-экономическое целое. Взаимодействие города с лежащими вне его территориями, развитие его на ближних и дальних связях выдвигает пространственно-временной подход в качестве важнейшего в экономико-географическом изучении городов. Такой подход крайне важен не только для познания состояния и формирования современных городов, но также и для обоснования прогноза их развития.

Расселение зависит от многих факторов: природных и природно-ресурсных, исторических, этнических и конфессиональных, социально-экономических и др. Размещение населения и все расселение – необычайно динамичный процесс. Тем не менее на каждый определенный момент времени можно подсчитать конкретные количественные (статистические) показатели расселения.

В ходе процесса урбанизации изменяется уровень урбанизации региона. Важно выразить этот уровень в количественных показателях. Простейший из них – доля городского населения (коэффициент урбанизации), но, как отмечает ряд исследователей [4; 23], он может дать искаженное представление истиной картины.

Количественная составляющая урбанизации интерпретируется разными способами, чем рез разные по смыслу показатели, характеризующие каждый какую-либо определенную сторону процесса. Для всесторонней характеристики урбанизации целесообразнее учи-

тивать комплексный показатель. О.В. Терещенко [20] предлагает рассчитывать уровень урбанистического развития по формуле:

$$Y = 0,25x_1 + 0,5x_2 + 0,75x_3 + x_4, \quad (1)$$

где x_1 – доля населения, проживающая в городах с людностью до 100 тыс. человек; x_2 – в городах от 100 до 250 тыс. человек; x_3 – в городах от 250 до 500 тыс. человек; x_4 – свыше 500 тыс. человек.

Анализ развития урбанизации с помощью предложенного уровня урбанистического развития по сравнению с показателем доли городского населения позволяет не только учитывать одну из важных особенностей городского населения – развитие крупных и крупнейших городов, но и выявлять региональные различия в процессе урбанизации отдельных регионов.

Мы, в свою очередь, предлагаем ввести следующую шкалу фактора (поправочного коэффициента) для группы городов данного размера (табл. 1).

Формула для уровня урбанистического развития будет выглядеть так [18]:

$$Y_i = \sum C_i x_i, \quad (2)$$

где C_i – поправочный коэффициент для i -й группы поселений, x_i – доля населения, проживающая в городах и поселках городского типа людностью P_i (%).

Таблица 1 – Поправочный коэффициент для расчета уровня урбанистического развития

Группы городских поселений с людностью P_i (тыс. человек)	Поправочный коэффициент C_i	Группы городских поселений с людностью P_i (тыс. человек)	Поправочный коэффициент C_i
до 5	0,15	100-250	0,50
5-10	0,20	250-500	0,75
10-20	0,25	500-1000	0,90
20-50	0,30	более 1000	1,10
50-100	0,35		

Кроме того, поправочный коэффициент можно определять по следующей регрессионной формуле:

$$C_i = 0,1002P_i^{0,3305}, \quad (3)$$

Расчет уровня урбанистического развития основан на следующей гипотезе: «истинный» уровень урбанизации будет выше там и тогда, где или когда население будет проживать в более крупных городах [20]. Использование для характеристики урбанизации региона реального уровня урбанистического развития дает возмож-

ность получить более объективные результаты чем показатель доли городского населения.

Для Нижневартковского региона уровень урбанистического развития оказался равным 54,2%, рассчитанный по формуле (1) или 55,6% – по формуле (2), в то время как доля городского населения составляет 98,2%. Анализ уровня урбанистического развития для ХМАО-Югры позволяет сделать вывод, что уровень урбанистического развития не так высок как концентрация городского населения. Реальный уровень урбанизации здесь более чем вдвое ниже «формального».

Как известно, каждый населенный пункт влияет на всю систему расселения региона, создавая индуцированный потенциал поля расселения (демографический потенциал), который определяется в пределах данной территории (поля) для конкретного пункта как сумма отношений людности в данном пункте и прочих пунктах к расстояниям от этого пункта до всех прочих. По Ю.В. Медведкову [13], он рассчитывается по формуле:

$$V_{ji} = \sum \frac{P_i}{R_{ji}}, \quad (4)$$

где V_{ji} индуцированный потенциал в точке j , P_i – людность i населенного пункта, R_{ji} расстояние между пунктом j и i .

О.А. Евтеев [5] модифицировал данную формулу, предложив учитывать также и людность данного пункта, по которому идет оценка общего потенциала поля расселения:

$$W_{ji} = P_j + \sum \frac{P_i}{2R_{ji}}, \quad (5)$$

Цифру «2» вводят, так как связи населения осуществляются не только в одном, но и в обратном направлении.

Людность городских поселений региона, индуцированный и общий потенциал для городских поселений Нижневартковского региона (включая крупные поселки городского типа) отражена в табл. 2.

Таблица 2 – Людность городских поселений и потенциал поля городского расселения

Населенный пункт	Людность, тыс. чел.	Индуцированный потенциал, тыс. чел./км ²	Общий потенциал, тыс. чел./км ²
Нижневартовск	263,2	4,2	265,3
Мегион	48,5	12,8	54,9
Лангепас	42,7	5,2	45,3
Радужный	43,6	3,1	45,1
Покачи	17,3	4,7	19,7
Излучинск	18,3	16,9	26,7
Новооганск	10,1	4,8	12,5
Высокий	7,0	12,1	13,1

Как видно из таблицы, наибольшая величина индуцированного потенциала характерна для Излучинска, наименьшая – для Радужного. Наибольший общий потенциал наблюдается в Нижневартовске, наименьший – в Новоаганске.

При характеристике расселения важны все показатели, связанные с самим населением: плотность населения, степени урбанизированности, степени равномерности размещения населения (концентрации) и др. В самом общем виде все регионы могут быть разделены на территории с высокой, средней и низкой плотностью населения; с высоким, средним и низким уровнем урбанизированности. Среди регионов имеются территории равномерного, неравномерного, очагового размещения.

Для всесторонней характеристики урбанизации целесообразно учитывать комплекс индикаторов. Э. Арриага [24] предложил индекс, исчисленный по формуле:

$$U_j = \frac{\sum_{i=1}^n C_i^2}{P_j}, \quad (6)$$

где U_j – уровень урбанизации j -го района, C_i – людность i -го города, P_j – численность населения j -го района.

Как указывают И.В. Зорин и И.В. Канцеговская, «смысл этого индекса состоит в том, что благодаря возведению в квадрат численности населения крупных городов он позволяет в большей мере учитывать роль крупных и крупнейших городов, которые являются главными носителями процесса урбанизации» [6, С. 193]. Кроме того, они предлагают использовать территориальный индекс урбанизации, так как городские поселения, возникая и развиваясь в пределах определенных территорий, все активнее воздействуют на окружающую сельскую местность путем распространении городского образа жизни. Территориальный индекс урбанизации учитывает степень освоенности городскими поселениями тех территорий, на которые они распространяют свое влияние. Данный показатель рассчитывается по формуле:

$$T_j = U_j \frac{1 - K_{sj}}{K_{sj}}, \quad (7)$$

при $K_{sj} = S_j/S$, где S_j – площадь j -го района, S – общая площадь области (округа и др.).

Как отмечает П.М. Полян [16], структура урбанизованности, рассчитанной по формуле (7), практически лишена недостатков,

картина здесь получается не только более закономерной, но и более строгой и четкой. При определении темпов роста индекса урбанизации можно использовать показатель как U_j , так и T_j , так как в большинстве случаев площади регионов не меняются.

Распределение населения по регионам в округе (области, республике) может быть охарактеризовано индексом концентрации населения (индекс Гувера), который рассчитывается по следующей формуле [7]:

$$C_j = \frac{|D_{sj} - D_{pj}|}{2}, \quad (8)$$

где D_{sj} – доля площади j -го района в общей площади округа (%), D_{pj} – доля населения j -го района в общей численности населения округа (%).

По Ю.В. Поросенкову [17], индексы концентрации населения отражают степень равномерности расселения следующим образом: равномерное расселение – до 20%, неравномерное – 20–25%, значительно неравномерное – 25–33%, существенно неравномерное – 33–50%, резко неравномерное – более 50%. В Нижневартовском регионе данный показатель равен 3,3%, что характеризует равномерное расселение.

Существует ряд способов определения типов размещения населенных пунктов, в частности метод ближайшего соседства, разработанный в социально-экономической географии Кларком и Эвансом [21]. Суть данного метода заключается в измерении расстояния от каждого населенного пункта до другого населенного пункта, наиболее близкого к данному. Затем вычисляется среднее из множества ближайших расстояний, после чего определяется итоговый показатель ближайшего соседства по формуле:

$$P = \frac{2D}{\sqrt{S/N}}, \quad (9)$$

где D – среднее расстояние между ближайшими поселениями, S – площадь изучаемой территории, N – количество поселений.

По показателю ближайшего соседства можно судить о типе размещения населенных пунктов на территории. Величина этого показателя изменяется от 0, что соответствует максимальной агрегированности населенных пунктов, до 2,14 в случае полностью однородной регулярной сети размещения, отвечающей простейшей схеме Вальтера Кристаллера. Если размещение имеет случайный характер, показатель близок к 1. Расчеты выявили, что среднее расстояние ближайшего соседства городских поселений Нижне-

вартовского региона составило 31,4 км. Показатель ближайшего соседства на исследуемой территории равен 0,52. Это свидетельствует о неслучайном распределении городских поселений, с ярко выраженными ядрами тяготения населения. То есть на размещение центров большое влияние имеет близость крупного города (Нижневартовска), который притягивает к себе близлежащие центры, тип их размещения – кластеризованный, но приближающийся к случайному.

Как известно, для регионов России характерна гипертрофия крупнейших городов, прежде всего административных центров. Значение такого центра оценивается индексом главенства главного города [12], определяемым отношением численности населения центра к сумме населения четырех следующих по рангу городов:

$$H_{гл} = \frac{P_{гл}}{\sum_{i=2}^5 P_i}, \quad (10)$$

где $P_{гл}$ – население крупнейшего города, P_i – население i -го города.

Для изучения динамики какого-либо процесса применяются точечные центры роста – отдельные города сменяются агломерированными формами, при которых группы смежных городов тесно связаны трудовыми, технологическими и информационными потоками [4]. Поэтому изучение исторических закономерностей необходимо для прогноза систем расселения. Характерной особенностью мирового процесса урбанизации является возникновение городских агломераций – скоплений городских и сельских поселений, тесно связанных между собой общей инфраструктурой, культурно-бытовыми и трудовыми связями.

Как отмечает В.А. Безденежных [2], процесс агломерирования идет не только вокруг крупных городов, но и вокруг поселений меньшего размера – таким образом, совокупность взаимосвязанных поселений является системой агломерированного расселения.

Агломерация представляет собой качественный сдвиг в расселении, новую стадию его эволюции, в котором города, как составные части образуют целостную систему. Агломерации не возникают автоматически, будучи закономерным результатом эволюции расселения. Их формирование (агломерирование) – географически выборочный процесс, который разворачивается там, где складываются для него благоприятные условия. Поэтому агломерацию следует

рассматривать как одну из форм расселения, которое в перспективе должно остаться разнообразным, поскольку неоднородны интересы различных слоев населения [15]. К основным свойствам агломераций относятся [1; 10]: компактность территориально сближенных поселений; концентрация производства, населения и сферы услуг; неоднородность территории по функциям и их плотности (сложная функциональная и пространственная структура); взаимодополняемость различных видов деятельности и территориальных единиц в агломерации (что предопределяет развитие связей внутри агломерации); динамизм развития.

В Стратегии развития ХМАО говорится о необходимости перейти «от управления отраслями к управлению территориями». Условно автономный округ можно разделить на восемь агломераций, которые «формируются естественным путем». Общий вектор преобразований пространства ХМАО-Югры способствует формированию новой, полицентричной его организации на основе нескольких крупных городских агломераций (что соответствует современной мировой и российской практике создания «мегагородов» в результате естественной интеграции соседних городов, расположенных в пределах часовой-полуторачасовой автомобильной доступности друг от друга).

В период до 2030 г., согласно «Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период 2030 года» [19] в автономном округе получат развитие восемь городских агломераций: Большой Ханты-Мансийск, Нягань – Приобье, Югорск – Советский, Урай – Междуреченский, Берёзово – Игрим, Сургут – Нефтеюганск, Мегион – Нижневартовск, Покачи – Когалым, которые сформируют каркас поселенческой структуры региона. На территории Нижневартовского региона согласно упомянутой выше Стратегии формируются две агломерации: Мегион – Нижневартовск (включая Радужный и Лангепас с общим населением 422,2 тыс. чел.) и частично Покачи – Когалым (с населением 102,2 тыс. чел.). По нашему мнению, состав и границы данных агломераций неверны.

Основу территориальной структуры любой агломерации образует ее опорный каркас как совокупность центрального города и радиальных транспортных магистралей. Каркас показывает направление развития агломерации и обеспечивает взаимодействие составляющих ее частей между собой [10]. Он выражает основные географические особенности того или иного района, особенности его экономико-географического положения, характера территориальной и отраслевой структур, уровня экономического развития [9]. С помощью концепции опорного каркаса можно усилить

системный подход в исследовании расселения, она помогает раскрыть территориальную организацию многообразных связей. Как указывает О.К. Кудрявцев, размещение центров подчинено требованиям экономии расстояний в каркасе [8].

Таким образом, агломерация – это устойчивая пространственная форма расселения, представляющая собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих городов, которые являются главными «фокусами» территориального развития и основными носителями характерных черт современной урбанизации.

Реально действующие границы агломерации определяются методом изохрон на основе выделения транспортной доступности (обычно 1,5 часовой) центра агломерации, а количество и размеры, опоясывающее ядро зон ближних и дальних спутников зависит от уровня сформированности системы. Ученые по-разному подходят к определению границ городских агломераций, т.е. к их делимитации. В зарубежной Европе внешняя граница агломерации во многих случаях определяется окончанием непрерывной городской застройки. В таком понимании агломерация совпадает с фактическим городом и часто называется конурбацией.

Е.Г. Анимича и Н.Ю. Власова предложили следующие критерии выделения городских агломераций [1]: плотность городского населения и непрерывность застройки; наличие большого города-центра (как правило, с населением не менее 100 тыс. человек); интенсивность и дальность трудовых и культурно-бытовых поездок; производственные связи; доля работающих вне места жительства; удельный вес несельскохозяйственных рабочих; количество городских поселений-спутников и интенсивность их связей с городом-центром; число телефонных разговоров с центром; связи по социально-бытовой и технической инфраструктуре (единые инженерные системы водоснабжения, энергоснабжения, канализации, транспорта и пр.).

Н.И. Наймарк [14] в качестве критериев выделения агломераций и определения их границ предлагает использовать такие признаки: группа взаимосвязанных населенных мест выделяется в качестве сложившейся или складывающейся агломерации, если наибольший из образующих ее городов имел людность не менее 100 тыс. человек, а в зоне его влияния (2-х часовой транспортной доступности) располагались, как минимум еще два городских поселения (города или поселки городского типа).

Ю.Л. Пивоваров [15] предлагает еще один подход к установлению границ агломераций. Он выделяет зоны влияния всех городов с населением свыше 50 тыс. жителей. Затем проводит объединение зон влияния смежных городов, если расстояние между ними

не превышало 25 км, независимо от численности населения этих городов, а количество смежных городов составляло не менее трех; автономные города при этом не учитываются. Зоны непосредственного влияния городов определяются по формуле:

$$L_i = \sqrt[3]{\frac{P_i}{4}}, \quad (11)$$

где L_i – радиус зоны влияния города (км), P_i – население крупного города (человек).

В США Университет Беркли принял следующие критерии для агломерации (метрополитенского ареала): совокупность, насчитывающая не менее 100 тыс. жителей, в пределах которой находится, по меньшей мере, один город (ареал непрерывной городской застройки) с населением не менее 50 тыс. человек плюс прилегающие административные единицы со сходными чертами, где не менее 65% населения занято несельскохозяйственной деятельностью [3].

Совмещая эти подходы к выделению агломераций, мы принимаем следующие делимитирующие признаки: минимальный порог для выделения агломераций в 50 тыс. жителей (по состоянию на 2013 г.). В связи с тем, что формула (11) устарела, зоны непосредственного влияния городов мы определяем по формуле:

$$L_i = \sqrt[3]{\frac{P_i}{2}}, \quad (12)$$

где L_i – радиус зоны влияния города (км), P_i – население крупного города (человек).

Все рассчитанные нами показатели сведем в табл. 3.

Таблица 3 – Динамика показателей урбанизации по Нижневартонской ГСНМ

Показатели	1990 г.	2004 г.	2013 г.
Численность население, тыс. чел.	411,0	431,8	458,8
Численность городского населения, тыс. чел.	388,6	416,0	450,7
Доля городского населения, %	94,5	96,3	98,2
Индекс урбанистического развития Терещенко, %	40,5	39,4	54,2
Уровень урбанизации Арриаги	152,9	147,0	165,9
Территориальный индекс урбанизации	564,6	526,0	586,9
Удельный вес ГСНМ в населении ХМАО – Югры, %	31,5	29,6	28,7
Индекс концентрации населения Гувера, %	9,4	7,6	3,3
Индекс главенства главного города	2,0	1,6	1,7
Людность Нижневартонской агломерации, тыс. чел.	395	418	431
Радиус зоны влияния ядра агломерации, км	42,1	46,6	55,2

В Нижневартовском регионе располагается одна Нижневартовская агломерация, в которой выделяется ядро (Нижневартовск, Мегион, Излучинск и Высокий) с общей людностью 337 тыс. чел. Радиус зоны влияния этого ядра по формуле (12) составляет 55,2 км. Лангепас входит во внутреннюю периферию данной агломерации, так как радиус зоны его влияния составляет 27,7 км, что суммарно немногим больше расстояния от Нижневартовска до Лангепаса. Город Покачи входит во внешнюю периферию агломерации, очень тесно связан с Лангепасом (а не с Когалымом), радиус зоны его влияния 20,5 км, а радиус зоны влияния Нижневартовской агломерации с внутренней периферией 57,5, что суммарно больше расстояния между Лангепасом и Покачи. Таким образом образуется агломерация Большой Нижневартовск с общей людностью 431 тыс. чел. (включая сельские населенные пункты – пригороды).

Полученные закономерности системы расселения урбанизации Нижневартовского региона могут являться приближением или исходной информацией для социально-экономического районирования территории. Итоговая схема должна быть найдена на более высоком методологическом уровне с учетом имеющейся информации о территориальной организации всех сфер общественного воспроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2006. 417 с.
2. Безденежных В.А. Агломерированные центры и их экономико-демографические особенности (по материалам РСФСР). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1981. 25 с.
3. Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки географии городов. М.: Мысль, 1967. 424 с.
4. Гохман В.М., Ильин П.М., Липец Ю.Г. Роль центров роста в национальных системах расселения. М., Киев, 1979. 13 с.
5. Евтеев О.А. Карта потенциала поля расселения как особый вид изображения населенности территории // Вест. МГУ. Сер. географ. 1969. №2. С.72-76.
6. Зорин И.В., Канцеговская И.В. Некоторые методы измерения уровня урбанизации // Проблемы современной урбанизации. М., 1972. С. 191-203.
7. Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. География населения СССР. М., 1980. 287 с.
8. Кудрявцев О.К. Расселение и планировочная структура крупных городских агломераций. М., 1985. 136 с.
9. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987. 236 с.
10. Лаппо Г.М. География городов: Учеб. пособие. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.
11. Лейзерович Е.Е. Рекомендации по районированию территории СССР для целей расселения и районной планировки. М., 1988. 216 с.
12. Машбиц Я.Г. Урбанизация и размещение производительных сил в Латинской Америке // Латинская Америка. 1975. №6. С.6-20.
13. Медведков Ю.В. Экономико-географическая изученность районов капиталистического мира. Вып.3. Анализ расселения. М., 1966. 155 с.

14. Наймарк Н.И. Современная сеть городских агломераций СССР // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1985. №6. С. 82-91.
15. Пивоваров Ю.Л. Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы: Учеб. пособие. М.: ВЛАДОС, 1999. 232 с.
16. Полян П.М. Урбанизованность и методы ее оценки // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1980. №5. С.63-77.
17. Поросенков Ю.В. Закономерности размещения населения в СССР. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. 146 с.
18. Соколов С.Н. Пространственно-временная организация производительных сил Азиатской России. Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2006. 302 с.
19. Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2020 года и на период 2030 года. // Режим доступа: http://www.depeconom.admhmao.ru/wps/portal/ecr/home/ser_hmao/material_ser/6a7e-92c4-3f50-4519-a34c-6334a0f0886c/strategy.
20. Терещенко О.В. Потенциал городов (Методы статистического изучения). Новосибирск, 1991. 232 с.
21. Тойн П., Ньюби П. Методы географических исследований. Вып. 1. Экономическая география. М.: Мысль, 1977. 202 с.
22. Хорев Б.С., Смидович С.Г. Расселение населения: Основные понятия и методология. М., 1981. 192 с.
23. Чепкасов П.Н. Картографическая и графическая интерпретация социально-экономических явлений и процессов. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1987. 79с.
24. Arriaga E. A new approach to the measurement of urbanization // Economic development and culture change. 1970. 18. №2. P. 206-218.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94/99

Ерохин Владимир Николаевич

*доктор исторических наук, профессор
Нижегородский государственный университет
г. Нижегородск
erohin_vladimir@inbox.ru*

ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается влияние городской среды на религиозное и культурное развитие общества. Автор придерживается мнения, что городская среда способна оказать рационализирующее влияние на развитие культуры в обществе. Город как явление мировой истории имеет и экономические, и социокультурные основы, взаимодействие которых придает специфику городам в рамках разных обществ.

Ключевые слова: городская среда, религиозное и культурное развитие общества, социальная история.

Yerokhin Vladimir Nikolaevich

*doctor of historical sciences, professor
Nizhnevartovsk State University
Nizhnevartovsk
erohin_vladimir@inbox.ru*

URBAN ENVIRONMENT AS A FACTOR OF RELIGIOUS AND CULTURAL DEVELOPMENT

The article deals with the influence of urban environment on the religious and cultural development of society. The author asserts that the urban environment can exert rationalizing influence on the cultural development of society. Towns as a phenomenon of world history have economic and sociocultural foundations. The interaction of these foundations gives specific features to towns that spring up in different societies.

Keywords: urban environment, religious and cultural development, social history.

Изучение возникновения и развития городов в мировой истории дает возможность проиллюстрировать, как накопление количественных изменений в социуме может порождать качественно новые явления. С определенного момента в ходе количественного роста населения на той или иной территории возникают феномены, которые, с одной стороны, имеют, конечно, своей основой этот демографический рост, и в то же время, с другой стороны, они уже не могут быть просто редуцированы к простому влиянию количественного фактора. Город – это качественно новая целостность, имеющая социокультурную специфику в разных обществах.

Фундаментальной причиной появления городов со времени возникновения первых поселений городского типа в древности стало разделение общественного труда по мере усложнения развития социально-экономической сферы общественной жизни. Те общества, в развитии которых появились предпосылки возникновения городов, в своей социальной эволюции стали выходить на стадию формирования государственности. Государственная организация общества стала необходимой с того времени, когда распространение неравенства в общества привело к созданию специализированного аппарата управления, способного регулировать отношения между социальными группами с разными материальными интересами.

Город как особая форма организации поселения стал и продуктом, и стимулом дальнейшего развития экономической жизни и социальных отношений. В обществах, достигших стадии возникновения государственности и городского уклада в социальной организации, создались предпосылки для появления более сложных форм общественного сознания и духовной культуры. Достигнутое на определенной социально-экономической основе возникновение городского образа жизни, городской культуры интенсифицирует межличностные контакты, порождает новые общественные противоречия, стимулирует человеческую мысль, ведет к возникновению социальных теорий, новых поведенческих стратегий, разного рода социальных новаций. Духовная жизнь в городской культуре по сравнению с жизнью в сельской местности становится гораздо более интенсивной и напряженной. Материальной основой возникновения города и городской культуры являются общественное разделение труда, оседлость и земледельческие занятия населения.

Еще в древности в наиболее развитых культурах возникновение города и государственности стало превращаться в объект рефлексии, специальных размышлений. Период возникновения городов, формирования государственности сталкивал людей и их интересы, порождал обострение социальных конфликтов, вызывал обеспокоенность и тревогу религиозно-морального характера. Своеобразным

преломлением ранних впечатлений от городской жизни и государственной организации общества стало отношение к городу и государству в библейской традиции. В тексте Ветхого Завета в книге Бытие первородный сын Адама и Евы Каин оказывается первым в человеческой истории земледельцем, братоубийцей и основателем города, названного им по имени своего сына Еноха [1, Быт 4:2, 8, 17]. Это крайне своеобразное сочетание в характеристике одного человека земледельческих занятий, деятельности по основанию города и совершения одного из самых тяжких преступлений позволяет увидеть новые грани в осмыслении городского образа жизни. Сельский же образ жизни с его патриархальной простотой перестает быть всеобщим поведенческим регулятором. Вдобавок к этому, в целом заметная в тексте Ветхого Завета антигородская установка наводит на мысль о том, что в сознании составителей данного важного исторического источника все эти занятия и явления (земледелие, основание городов и обострение человеческих взаимоотношений вплоть до конфликтов с родными и близкими) виделись связанными друг с другом. Видимо, городской образ жизни с активными человеческими контактами, приводившими к борьбе за собственность и возникновению соблазнов, разгулу страстей вызывал у авторов этого текста религиозно-моральные опасения.

Составители текста Ветхого Завета также видели и специально подчеркивали тяготы и лишения в жизни тех народов, у которых сложилась государственная организация во главе с единоличным правителем, так что на первый план выступали не ее достоинства, а являющиеся ее неотъемлемой частью трудности и дополнительные расходы. Как повествует Первая Книга Царств, когда к первому из ветхозаветных пророков Самуилу пришли старейшины Израиля с просьбой дать им царя, как у других народов, Самуил в первую очередь предупредил старейшин, какие обременения принесет народу Израиля установление царской власти. Согласно речи Самуила, «...вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; И поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие... И дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим. И от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть, и отдаст евнухам своим и слугам своим. И рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет, и употребит на свои дела. От мелкого скота вашего возьмет десятую

часть; и сами вы будете ему рабами. И восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда. Но народ не согласился послушать голоса Самуила, и сказал: нет, пусть царь будет над нами. И мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши... И сказал Господь Самуилу: послушай голоса их, и поставь им царя. И сказал Самуил Израильтянам: пойдите каждый в свой город» [1, 1 Царств 8:5, 9-22]. В итоге, как видно, евреи тоже все-таки пошли путем создания своей собственной государственности, которая, правда, в древности по ряду причин не стала прочной и долговечной. Ослабляла же древнееврейскую государственность, наряду с давлением соседних крупных государств, постоянно претендовавших на Восточное Средиземноморье, в том числе и не прекращавшаяся в еврейской среде критика государственного устройства общества с моральной точки зрения с не исчезающей из общественной жизни социальной несправедливостью, нашедшая отражение в тексте Ветхого Завета в Книгах Пророков. В последующее время уже в периоды новой и новейшей истории левые политические партии в критике проявлений социальной несправедливости продолжали апеллировать, в том числе, и к библейской традиции.

Вместе с тем в древних обществах у многих народов городской строй и государственная организация общества не вызывали такой религиозно-моральной настороженности, как у древних евреев. К началу I тыс. до н. э. в истории древнего мира под влиянием ряда природно-климатических и социальных причин на Балканском и Апеннинском полуостровах сложились условия для общественно-го развития по еще одному пути социальной эволюции, обычно называемому исследователями средиземноморским. Его олицетворением стала античная гражданская община в двух вариантах – древнегреческий полис и древнеримский цивитас (*civitas*), которые представляли собой городской центр с прилегавшей к нему большей или меньшей по размерам сельской местностью. Полис и цивитас были коллективами граждан-собственников, в которых вся полнота гражданских прав была связана с владением землей на территории этой гражданской общины.

Правовые и властные институты античной гражданской общины стали продуктом коллективного творчества граждан образованного ими города-государства. Коллектив граждан-собственников формировал на территории полиса выборным путем органы власти, оказывал заметное влияние на утверждение и регулирование моральных норм. Впервые в мировой истории в античной гражданской общине сложились предпосылки формирования достаточно широкого по составу коллектива граждан, который стал прообразом современных

представлений о гражданском обществе. Древнегреческую культуру отличало ярко выраженное соревновательное, конкурентное начало, проявлявшееся в стремлении к личностной самореализации, самосовершенствованию и самоутверждению, к личным достижениям. Этот агональный (греч. «агон» – борьба) характер древнегреческой культуры стал возможным как раз в городской среде с присущими ей интенсивными контактами между жителями полиса. Вдобавок к этому, в античной гражданской общине ее экономической основой было индивидуальное землевладение, минимальное присутствие государственного сектора в экономике и в отношениях собственности (полису как коллективу принадлежала лишь земля, на которой находились храмы, городские площади, укрепления и т. п.). Так что древнегреческое общество на базе таких отношений собственности сформировало отчетливые представления о свободе личности, которая была материально подкреплена индивидуальным землевладением граждан. В таких условиях в античной гражданской общине и смогли развиваться соревновательное начало, конкуренция лично свободных граждан города-государства, и впервые в мировой истории появились возможности для утверждения демократической формы общественной организации.

В древнегреческой культуре, базировавшейся на строе античного города-государства, существовавшего в виде полиса, сложились также условия для появления рациональной философии и политической мысли. В обществе, знавшем экономическую и политическую свободу, смогла появиться также интеллектуальная свобода. Древнегреческая политическая мысль проанализировала достоинства и недостатки всех известных форм общественно-политической организации. Римская государственность в дополнение к древнегреческому наследию дала европейской истории образцы организационно-административной деятельности, заложила основы европейской правовой культуры. Идеи и организационное наследие античности по сей день не утратило своего практического значения. Понятийный аппарат для названия важнейших политических форм, используемый в современной политической науке, в европейской культуре был взят из древнегреческой политической мысли. Огромным вкладом античности в европейскую культуру стало и формирование развитого понятия частной собственности, стремление к созданию рационально организованного, нацеленного на получение прибыли производства, пусть первоначально и на основе классического рабства.

Для дальнейшего развития европейского общества выборная политическая организация, появившаяся в античности, стала прообразом демократической организации и в масштабах всего государства,

и на уровне муниципалитетов и других форм местного самоуправления. В средние века влияние античной традиции облегчило возникновение коммунального движения в Западной Европе [3, С. 52-53]. Город, возникнув на определенной экономической и демографической основе, получил тем самым также организационно-политические рамки для своего существования и дальнейшего развития.

В осмыслении проблем истории города важны методологические соображения, сформулированные в свое время известным социологом М. Вебером (1864-1920). Подчеркивая значение экономического фактора в формировании города, Вебер показал также важность социокультурной составляющей и взаимодействие между экономическими и социокультурными аспектами процесса формирования и развития города.

Традиционно под городом подразумевается поселение со значительным по численности населением и большой территорией. При этом, согласно рассуждениям М. Вебера, величина как таковая не может быть решающей в определении города. По его словам, «с чисто экономической точки зрения город может быть определен как поселение, жители которого занимаются в преобладающей своей части не сельским хозяйством, а ремеслом и торговлей» [2, С. 309]. Вебер перечисляет еще ряд характеристик и нюансов в определении города, важнейшие из которых состоят в том, что необходимым признаком города следует считать рынок, наличие не спорадического, а регулярного товарообмена внутри поселения в качестве существенной составной части дохода и удовлетворения потребностей населения. Но и рынок не всегда еще превращает место, где он функционирует, в город: периодические ярмарки и рынки заморских товаров действовали и в деревнях. О «городе» в экономическом смысле можно говорить лишь там, где местное население удовлетворяет существенную часть своих повседневных потребностей на местном рынке, причем в значительной части продуктами, произведенными местным населением и населением ближайшей округи или приобретенной каком-либо образом этим населением для сбыта на рынке. Каждый город имеет в качестве экономического центра поселения местный рынок. На этом рынке могут также периодически проводиться ярмарки, в которых участвуют приезжие торговцы. За право торговли на этом рынке взимаются пошлины, различные рыночные платежи, а в результате возникновения поселения начинает взиматься также и земельная рента. Эти платежи собирают вотчинники, князья, в последующие за древностью и средневековьем исторические периоды – другие представители власти. При достижении городом самоуправления часть этих сборов идет на поддержание и развитие города. Если

нужно определить город совсем коротко в его важнейших характеристиках, то, в трактовке М. Вебера, город – это поселение, в котором действует рынок [2, С. 309-310].

Исследователи истории города часто не обращают должного внимания на рассуждения М. Вебера о социокультурных основах возникновения города как пространства, в котором возможно формирование гражданского коллектива горожан. Между тем, учет влияния социокультурного фактора дает возможность глубже понять особенности статуса городских поселений и самосознания горожан в разных обществах. М. Вебер подмечает, что в городских поселениях на Востоке, возникавших здесь под влиянием экономического фактора, в результате чего появлялся и город, и рынок, в то же время у жителей поселений городского типа не доставало сплоченности в защите своих экономических интересов, которые могли бы быть осмыслены как общие интересы. В азиатских городах сам факт проживания на городской территории именно под влиянием социокультурных причин оказывался, как правило, недостаточным для сплочения горожан в единый гражданский коллектив горожан. Разобщенности горожан на Востоке способствовали этническая и религиозная гетерогенность города. Город на Ближнем и Среднем Востоке оказывался совокупностью семей и родов, объединяющее начало и главные привязанности которых в виде этнических, земляческих, конфессиональных связей не центрировались фактом проживания в данном городе. Далее же на Востоке, в китайском городе жители были связаны, в первую очередь, традиционным для китайского общества культом предков, принадлежали к разным родам, центр происхождения которых локализовался, как правило, вне города, в сельской местности. В рамках индийского общества носители кастового сознания, из которых состояло население в индийском городе, презирали своих соседей из числа тех, кто принадлежал к другим кастам, так что касты были не способны к совместным действиям в общественной жизни ни на каком уровне, кроме внутрикастового. Еврейские конфессиональные общины в городах и Востока, и Запада управлялись чисто теократически, были замкнутыми сообществами, сами не стремились к активным равноправным контактами с чужаками и, в свою очередь, отторгались и даже преследовались другими. Как видно, в самых разных регионах на Востоке в отличавшихся по своему внутреннему строю культурах существовали серьезные препятствия к тому, чтобы в восточном городе мог сформироваться единый гражданский коллектив горожан. В таких условиях сообщество горожан, способное превратиться в действующее в общих, коллективных интересах сословие, которое добилось бы корпоративной сплоченности и могло защитить себя от действующей администрации, не складывалось.

В отличие от ситуации на Востоке, в Западной Европе смогли появиться самоуправляющиеся города и особое сословие горожан, отличавшихся специфическим самосознанием и правосознанием. В западноевропейских обществах экономической потребности в формировании городских поселений не противодействовало влияние социокультурного фактора, в результате чего Запад получил в своей истории достаточно сплоченное сословие горожан, что стало основой также и для первоначального развития капитализма именно в Западной Европе. Существование западноевропейских самоуправляющихся городов распространяло мысль о способности представителей городского сословия играть самостоятельную роль в определении своего образа жизни и своей политической судьбы. Европейская культура с античности сформировала представления о свободе личности, самоорганизации свободных граждан, правовом регулировании общественной жизни. В развитии западноевропейского города наступило время, когда к XII веку стал заметно развиваться процесс рецепции римского права, способного выступать эффективным регулятором отношений собственности. Появилось представительство горожан в западноевропейских сословно-представительных учреждениях, сложившихся в период развитого средневековья.

Определились и различия в путях исторического развития западноевропейских и восточных городов. Функционально между деятельностью городских ремесленников и торговцев в Западной Европе и на Востоке существовало сходство – занимались они, в сущности, одними и теми же видами экономической деятельности, но в ментальном отношении в самосознании между жителями городов на Западе и Востоке существовали кардинальные отличия [2, С. 340]. Горожане в Западной Европе не считали нормальным состоянием произвольные поборы представителей власти в отношениях с ремесленниками и торговцами, и лишить человека собственности на Западе властям было не так просто, как на Востоке.

Как видно, рассуждения М. Вебера подводят также и к мысли о том, что слишком значительные религиозно-культурные различия в составе городского населения могут затруднить гражданское взаимодействие, в том числе взаимопонимание среди горожан и в современном обществе. В современных открытых рыночных экономиках, конечно, практически неизбежной стала активная миграция населения, происходящая уже и поверх государственных барьеров, но возникающая в результате мультикультурная городская среда несет в себе немало подлежащих специальному регулированию противоречий.

На рубеже средневековья и раннего Нового времени в Западной Европе именно в условиях городской среды возникло и оказало

большое влияние на европейскую культуру движение религиозной Реформации. Это был новый этап в рационализации богословской доктрины западного христианства, ставший возможным, в том числе, под влиянием того, что осмысление новых общественных противоречий быстрее происходило в городской среде. Эта среда была фоном для деятельности крупнейших западноевропейских мыслителей и деятелей эпохи Реформации Мартина Лютера (1483-1546), Ульриха Цвингли (1484-1531), Жана Кальвина (1509-1564), проложивших путь множеству других относительно менее известных, но влиятельных в протестантском мире богословов.

Исследуя причины Реформации, современный североамериканский историк Д. Зарет выделяет три источника распространения реформационных настроений в обществе – социально-структурные, технические и культурные изменения в общественной жизни [4, Р. 11-12]. Социально-структурные предпосылки состояли в численном расширении социальных групп и кругов, которые были восприимчивы к рациональным, критическим идеям. Коммерциализация аграрных сообществ к началу XVI века создала в сельской местности социальные условия, которые давно существовали среди ремесленников, торговцев в городах. Как пишет Д. Зарет, для этих условий была характерна высокая степень экономической автономности и практической рациональности. Условия жизни в городах и в сельской местности стали под влиянием усиления товарного характера экономической системы сближаться, и это было предпосылкой распространения еретических религиозных движений, восприимчивости к реформационным идеям. Под влиянием экономических потребностей в западноевропейском обществе стала все шире распространяться грамотность. В результате среди горожан – торговцев, ремесленников (особенно работников с сидячим характером труда, в котором разговор естественным образом может сопровождать работу) стал шириться круг тех, кто понимал аргументацию религиозных реформаторов и был способен поддерживать разговоры на такие темы.

Важнейшей технической предпосылкой, обеспечившей широкое распространение реформационных идей, было изобретение книгопечатания. Книг в обществе стало гораздо больше, и они стали специально печататься для массовой, широкой аудитории. Изобретение книгопечатания, конечно, не вызвало само по себе Реформацию, поскольку, прежде всего, существовал определенный интеллектуальный климат, в котором проповеди реформаторов получали широкий резонанс, да и в целом больше половины населения, а в некоторых европейских странах в раннее Новое время и более того, пока еще были неграмотны. Книгопечатание было, прежде всего, гигантским

качественным скачком в способах распространения религиозных идей, отличным от средневековых. В средние века большое влияние на расширение рядов приверженцев того или иного учения оказывало личное воздействие проповедника, учителя. Теперь же можно было никуда не ездить и распространять свои идеи по миру. Так, Жан Кальвин никогда далеко не уезжал из Женевы и вообще не выбирался за рамки франкоговорящих территорий, а его идеи распространились по всей Западной Европе в разноязычной среде. Кальвинизм утвердился в качестве основы церковной жизни в Шотландии, Англии, большей части Нидерландов, во франкоговорящей Швейцарии, проник в Центральную и Восточную Европу, впоследствии на североамериканский континент.

Д. Зарет выделяет также и культурные предпосылки распространения реформационных идей, состоявшие во все возрастающем в XV-XVI веках влиянии критических, скептических идей. Старая картина мира стала разрушаться под влиянием экономического прогресса, великих географических открытий. Не случайно в XV-XVI веках возрождается античный скептицизм, прежде всего, в Италии и Франции. Роль этого фактора была, прежде всего, разрушительной: скептицизм расширял и расчищал почву для распространения новых религиозных доктрин, нового мировоззрения, которое могло превратиться в светское по характеру.

Одним из наиболее ярких примеров рационализирующего влияния протестантизма был английский пуританизм, идейной основой которого стал воспринятый в Англии кальвинизм. Пуританизм стал превращаться в религиозно-политическую идеологию, формировавшую среди своих сторонников гражданскую активность, стремление рационализировать не только религиозную веру, но и общественные отношения. Для Д. Зарета принципы пуританской теологии являются «приобретательским индивидуализмом». Вся скрупулезность пуритан в быту и в их религиозности, по его мнению, имела образцом условия экономических договоров, повседневную жизнь средних и низших слоев общества в условиях формировавшейся рыночной экономики [4, Р. 16]. Хотя приверженцев пуританских идей в английском обществе, как установлено, можно было обнаружить среди людей самых разных социальных статусов, численно преобладали среди пуритан горожане. Это были духовные лица – клирики, служившие в самых экономически развитых районах страны на юго-востоке Англии, ремесленники и торговцы, обратившиеся к предпринимательской деятельности в сфере сельского хозяйства представители нового дворянства (джентри) и состоятельные крестьяне (йомены). Влияние кальвинизма, пуританизма с характерными для них представлениями об избран-

ности человека, усвоившего истинную веру и подтверждающего свою избранность активной практической деятельностью и успехами, достигаемыми на этом пути, укрепляло пуритан в морально-психологическом отношении. В их сознании формировалась поведенческая установка, согласно которой носитель «истинной веры» был просто обязан предпринимать усилия по обращению в свою веру окружающих. Возникла также и мысль о необходимости изменить общественную жизнь с тем, чтобы никто не мешал таким «истинно верующим» убрать из религиозной службы те элементы, которые представлялись лишними. В смысловой центр пуританского богослужения стала превращаться проповедь, которую желательно было связать с требованиями повседневной экономической и жизненной ситуации, в которой находилась религиозная община. Ритуальные же компоненты религиозной службы стали рассматриваться как второстепенные и даже представляющие собой совокупность ненужных, напоминающих магию манипуляций.

Горожанам в средние века в Западной Европе в общественной деятельности, несмотря на постепенное укрепление экономического влияния представителей городского сословия, не хватало уверенности в себе и привычки к тому, чтобы выходцы из их среды могли играть первые роли в общественной жизни. Даже состоятельные горожане робели в присутствии представителей знати, придворных, военачальников из дворянской среды, не имея порой достаточной образованности, не привыкнув оказываться в центре внимания. Обращение же выходцев из средних и низших социальных слоев общества в протестантизм с характерным, особенно для кальвинизма, убеждением в избранности того, кто исповедует «истинную веру», способствовало тому, что политическими лидерами перестали быть только лишь представители социальной верхушки. Это наглядно проявилось в ходе войны за независимость Нидерландов от испанской короны во второй половине XVI – начале XVII вв. и в ходе революционных событий в Англии середины XVII века. Наступало время, когда владельцы капиталов переставали робеть на публике в присутствии представителей власти и стали стремиться превратиться в законодателей общественных норм. Протестантизм в целом, в том числе и английский пуританизм, свидетельствовали о том, что европейская культура вышла на новую стадию в рационализации мировоззрения и повседневной жизни.

Таким образом, в развитии человеческого общества городская среда всегда была генератором идей, олицетворением динамического аспекта человеческого существования. В своем стремлении к новшествам человеческий разум, ставя под сомнение традиционалистские общественные устои и находя эффективные решения общественных

проблем, способен также уклоняться и в криминальном направлении, что тоже может быть с наглядностью продемонстрировано в изучении города как явления мировой истории. Город – динамичное и по большей части продуктивное явление общественной жизни, несущее в себе также и противоречия, от которых несвободно большинство общественных явлений. В конечном счете, городская среда всегда и проверяла предлагавшиеся способы решения общественных проблем на эффективность и жизнеспособность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Канонические в русском переводе.
2. Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 309-446.
3. Ерохин В. Н. История религиозной Реформации в Европе в XVI – начале XVII веков. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2004.
4. Zaret D. The Heavenly Contract. Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1985.

* * * * *

УДК 304

Вафина Зилия Алфировна
аспирант

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва
vafina_z_a@mail.ru*

ПРОБЛЕМАТИКА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: ВОПРОСЫ ЕЕ ПОНИМАНИЯ И ОСВОЕНИЯ

В работе рассматриваются теоретико-методологические подходы к изучению города и городской среды. Особое внимание уделяется объяснению исследователями понятия «городская среда», анализу аспектов восприятия и освоения города, свойств городской среды, образа города как конечного результата освоения среды. Отмечается тесная взаимосвязь пространственных характеристик и индивидуального познания, поскольку портрет города формируется в процессе взаимодействия субъекта и окружения, извлечения личностных эмоций и ощущений, отображающих персональное видение городской среды.

Ключевые слова: городская среда, восприятие городской среды, освоение городской среды, пространственное поведение, свойства городской среды, образ города.

Vafina Zilya Alfirovna

post-graduate student

National research university «Higher school of economics»

Moscow

vafina_z_a@mail.ru

THE URBAN ENVIRONMENT: QUESTIONS OF ITS UNDERSTANDING AND EXPLORATION

The article describes theoretical and methodological approaches to the studying of the city and an urban environment. Special attention is paid to the explanation of the concept «urban environment» by researchers, analysis of aspects of comprehension and exploration of the city, properties of an urban environment, image of the city as the end result of studying of the environment. Strong interrelation of spatial characteristics and individual perception is noted, as the portrait of the city is formed in the course of interaction of the subject and an environment, extraction of personal emotions and feelings displaying personal vision of an urban environment.

Keywords: urban environment, city environment, urban space, perception of an urban environment, exploration of an urban environment, spatial behavior, properties of an urban environment, image of the city.

Проблемой изучения города с давних времен занимались представители различных научных направлений. Анализ отдельных аспектов этого феномена прослеживается еще в работах Платона, Аристотеля, Леонардо да Винчи, Альбрехта Дюрера, Т. Мора, Т. Кампанеллы и других авторов.

До конца XIX века город не изучался обстоятельно, предпринимались попытки локального решения социальных проблем городских жителей и исследования этого периода делали акцент на самом понимании города и редко кто воспринимал город как целостный организм.

В частности, первые попытки связать городское сообщество с пространством города наблюдаются в работах Фюстеля де Куланжа. В «Древнем городе» он указывает на первичность гражданской общины, создающей и населяющей город изначально как единый род и в дальнейшем семья. Автор ведет к тому, что понять город и его смыслы можно только через менталитет его жителей, так как изначально, город – это священная территория, религиозное образование. Куланж подчеркивает, что город основывался сразу, а не вырастал постепенно, вследствие чего у каждого города были свои основатели и духовные защитники [14, С. 120].

Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» описывает повседневность промышленного города, раскрывая нравственно-психологические моменты поведения: «Уже в уличной толкотне есть что-то противное природе человека». Автор говорит о том, что большие города поглощают человека и его «лучшие черты человеческой природы» [19].

М. Вебер предпринял одну из первых попыток комплексного исследования города с применением социологического и экономического подходов. Он видит город как социально организованное пространство, которое способствует развитию личности, его индивидуальных черт, как пространство коммуникаций [3].

Многоаспектность исследований о городе – характерная черта урбанистики. Разные авторы акцентируют внимание на различных аспектах городской жизни, но у всех, кто значительное время занимается городом, появляется широта интересов и разнообразие проблематики. Город, в силу своей сложной сущности, «вынуждает» заниматься самыми разными вопросами и интегрировать разнообразные знания в некоторую единую концепцию. Эти урбанистические концепции все больше приобретают социологический характер: город в современных условиях все больше понимают не только как форму поселения и производства, но и как форму общества, как тип социальности [16, С. 3].

Люди, вступая в контакт с городом, наделяют его своим отношением, извлекая из него то, что им ценно и интересно. Эту уже освоенную часть окружения, отмеченную присутствием человека, его души, соединенную с сознанием и трансформированную им, называют средой обитания человека, в приложении к городу – городской средой. Уезжая, город нельзя забрать с собой, а городскую среду можно. Так, для эмигрантов в Париже 30-х годов, описанных Тэффи в повести «Городок», малый рукав Сены стал «ихней Невкой», многочисленные места их жизни получили русские прозвища, а Петроград продолжал жить своей жизнью в их разговорах и воспоминаниях, причем жил и изменялся вместе с покинувшими его людьми. Очевидно, что это был другой город, не похожий на «объективно существующий» Ленинград [16, С. 89].

Разные специалисты по-своему дают определение «городской среды».

Г.З. Каганов считает, что городская среда – это и продукт и, одновременно, процесс взаимодействия людей с многообразным окружением, упорядоченным различными культурными и социальными институтами [12].

В.Л. Глазычев полагал, что городская среда – соотносительность, сопряженность, взаимосвязанность предметно-пространственного

окружения к межчеловеческим взаимодействиям, происходящим в нем (CP_1/CP_2 , где CP_1 – environment (материально-предметная обстановка), CP_2 – milieu (поведение людей в этой обстановке)) [6].

А.А. Высоковский видит в городской среде «материал» города, соединенный с сознанием и ощущением субъекта (конкретного человека, группы) во взгляде «изнутри» [по материалам курса А.А. Высоковского «Теория пространственной организации города и формирование городской среды». НИУ «Высшая школа экономики», факультет Высшей школы урбанистики. М., 2012].

Городская среда – это определенное единство: места, пространства взаимодействия, времени и человека. Гносеологическим фокусом жизни города являются горожане со своими потребностями, интересами, ценностями, целями; особенности их личности и поведения. «Городская жизнь – это не фестивали и не карнавалы; не супермаркеты и рестораны. Это даже не красивые и суетные главные улицы городского центра. Город – это, прежде всего, особым образом организованное, обитаемое, жизненное пространство-время. Оно создается деятельностью людей, ментальность, культура, биографии, жизненные стратегии и повседневные запросы которых и составляют социальную подоснову сотворения рукотворных городских ландшафтов» [9, С. 96].

Исследования психофизиологического аспекта городской жизни, восприятия городской среды возникли в XX веке (Л. Вирт, С. Милграм и др.). Социологи и социальные психологи выделили два важных момента: 1) восприятие психофизиологических параметров среды различно в разных социальных группах, город воспринимается горожанами через призму социокультурных характеристик; 2) есть локусы среды, где приватное самочувствие – положительно (людям нравится там жить и бывать), а есть негативные локусы, где люди испытывают различные негативные чувства [16, С. 92].

Однако стоит отметить, что в сознании индивида складывается две формы восприятия городской среды. Первая – то пространство, которое общество сконструировало в данный момент своей истории в ходе своей деятельности. Вторая – собственный опыт, индивидуальное восприятие, которое может входить в конфликт с общественным (социальным) восприятием. Связь этих двух форм восприятия выливается в человеческий опыт в совместном-с-другими-мире. Для нас этот совместный мир просто существует, он существует вне и до всякой науки, он сам себя утверждает и не требует никаких дополнительных обоснований. Относительно него мы имеем естественную установку, предельно непроблематичную, и к тому же не даем себе отчета в приверженности этой установке. Пространство этого мира Э. Гуссерль, а вслед за ним и А. Шюц, называет «жизненным миром», миром, где реализуется человеческая практика [11, С. 56].

С восприятием городской среды тесно связано пространственное поведение горожан. Пространственное поведение – это то, как люди двигаются в городе, перемещаются, выбирая те или иные маршруты в зависимости от удобства, скорости, лояльности к месту и территории. Важную роль начинает играть разнообразие территории города и амбивалентность, о чем также говорят многие исследователи, в том числе Дж. Джейкобс, Е. Трубина. В частности, по мнению Е. Трубиной, амбивалентность городской повседневности связана со сложным соотношением видимого и невидимого в городе, спокойствия, заданного развитыми городскими инфраструктурами, и страха перед неожиданными событиями [18, С. 142; цит. по: 17, С. 227]. Одним из первых исследователей городской повседневности можно считать В. Беньямина. Появление фланерства было возможно только в городском пространстве, это особый тип поведения в городе, который делает заметным городской ландшафт [1].

На основе поведения человека, его индивидуального восприятия городская среда приобретает ряд свойств. А именно:

1. Субъектность – среда есть порождение человека или группы, формальной или неформальной, малой или сколь угодно большой, среда всегда субъективна;
2. Избирательность – в среду всегда попадает лишь часть реальности (социального или физического окружения, города или природы), освоенная субъектом в процессе жизнедеятельности или пространственного поведения;
3. Окружение избыточно, среда – то, что необходимо человеку;
4. Индивидуальное проживание пространственно-временных метрик, субъективное «искривление» пространства и времени (историчность, неравномерность города) [5].

Как видим, свойства городской среды многообразны и сама городская среда – явление, возникшее на стыке двух миров – города и человека, связывающая эти миры через сознание и ощущения. Каждый человек, как субъект, создает на одном и том же месте свою, оригинальную среду, по-разному называемую, проживаемую и понимаемую.

Городская среда формируется через ее освоение, через процесс взаимодействия субъекта и окружения, в результате которого окружение превращается в среду.

По мнению А.А. Высоковского различают несколько стадий освоения городской среды:

- узнавание окружения в ходе проживания (погружение и прогулки, путешествия и повседневный взгляд);
- получение информации, знакомство (Кантер, Ителссон);
- запоминание, появление отношения к предметам, людям, событиям;

– персонализация и индивидуализация среды, путем межличностных взаимодействий и введения уникальных, личных характеристик (М. Хейдметс);

– чувство места (И-Фу Туан, Э. Рельф, Д. Массей, Т. Кресвелл). Так, И-Фу-Туан считал, что мы находимся в среде, живем в ней и рефлекслируем, сами создаем среду и получаем либо положительный, либо отрицательный результат. В отличие от животных только человек создает абстрагированные образы пространства и наделяет пространство смыслом. Когда «пространство» наделяют смыслом, оно становится «местом» и на него накладываются отпечатки человеческих ценностей. Дом в отличие от других мест связан со стабильностью, постоянством и воспоминаниями, в том числе визуальными, и вызывает их. В детстве дом кажется убежищем, в котором существуют горы, созданные из одеял, долины из книг. Взрослея, люди тоже держатся места, но в отличие от детей, взрослые держатся на социальной рутине. А тогда, когда люди перестают считать место своим домом, когда «любовь к месту» умирает, умирает и само место [21].

Примером концепции социального пространства города, с точки зрения пространства взаимодействия социальных акторов выступает концепция социальной драмы Льюиса Мамфорда. Социолог определяет город как сцену для социального действия. В реализации социальных функций городская среда должна обладать ясностью: «... когда физическая среда сама по себе становится неорганизованной и несвязной, социальные функции, которые она несет в себе, проявляются с большим трудом» [20, Р. 94]. В этом плане продуманность городского пространства оценивается с точки зрения возможностей его освоения, то есть использования, формирования смыслов.

Продолжателем мыслей Мамфорда стал Уильям Уайт. В книге «Дизайн пространства» автор пытается ответить на вопрос, почему некоторые парки и площади города Нью-Йорка горожане посещают, а некоторые обходят стороной. Оказалось, что гипотеза о влиянии ряда факторов на популярность места (например, солнечное освещение, эстетика места, конфигурация объекта) мало работает. Большую роль играло наличие мест для сидения, то есть степень освоенности территории зависела от отражения характеристик в функциях этого места [22].

Говоря о парках, Дж. Джекобс в работе «Жизнь и смерть больших американских городов» отмечает, что от парков в городах ждут слишком многого, но они не способны преобразить все существенные черты своих окрестностей, ни автоматически повысить их статус. Периферийные парки, которые чаще всего посещают только жители близлежащих домов (единственная крупная еже-

дневная категория посетителей – мамы с детьми) должны иметь свою, индивидуальную специализацию для привлечения в него других категорий посетителей, быть интересными городу и иметь структуру с центральной частью, которую могут придумать и сформировать представление о центре сами люди. Кроме того, необходимо удовлетворение причин, по которым люди идут в рекреационные зоны, этому способствует только разнообразие. Парки должны формировать привязанность и быть определенными зелеными оазисами города [8, С. 101-124].

Как видим, существует разнообразие теоретико-методологических подходов понимания и освоения городской среды.

Результатами познания городской среды являются образ среды, индивидуальный для каждого человека, но социокультурно детерминированный.

Так, в образах каждого из индивидов отражаются: 1) особенности его личности и проекция его внутреннего состояния; 2) его коммуникативное пространство, связи и оценки других людей; 3) личностно значимые сенсорные объекты территории; 4) его временной континуум; 5) его смысловой континуум. Образ – единство объективного и субъективного, феномен – особая «текстуальная» реальность, произведение личного опыта. «Картина» производна из: 1) личного опыта; 2) объективных параметров среды; 3) социокультурной обстановки и атмосферы, колорита времени [16, С. 53].

В целом, в качестве наиболее общих условий формирования образа города, К. Линч называет следующие:

1) Опознаваемость: как отдельные фрагменты городской территории, так и город в целом, имеют (или не имеют) знаковые элементы, которые больше всего характеризуют, отличают город. Существуют символы города, территории, пространства.

2) Композиционность – существование смысловых связей между наблюдателем и средой – семантическая ситуация, когда предметы среды сливаются в единый ансамбль, несущий новые смыслы.

3) Вообразимость – способность среды «пробуждать воображение», быть полем символической коммуникации, расширять коммуникативный горизонт как пространство выработки интересующих и, одновременно, личностных смыслов, способствовать социокультурному диалогу субъектов разного типа и уровня [13].

Таким образом, чем городская среда удобней, комфортней, интересней, приближенней к масштабу человека, а город опознаваем, читаем, тем большее количество людей будет осваивать эту городскую среду. В дальнейшем складывание визуального образа и его ясность создаст предпосылку привязанности к городу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000. 377 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Вебер М. Город // Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/_Gor_Index.php (дата обращения 01.10.2014).
4. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=99> (дата обращения 01.10.2014).
5. Высоковский А.А. Субстанциональные свойства среды // Высоковский А.А., Каганов Г.З. Городская среда: проблемы существования. М., ВНИИТАГ, 1990. С.15-53.
6. Глазачев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. Глава третья. Городская среда: содержание понятия // Режим доступа: http://www.glazach-ev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog_3.htm (дата обращения 01.10.2014).
7. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 49-101.
8. Джекобс Дж. Жизнь и смерть больших американских городов. М., 2011. 460 с.
9. Дридзе Т.М. Социальная диагностика в градостроительстве // Социологические исследования. 1998. № 2.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
11. Звоновский Б.В. Собственный и привлеченный опыт освоения пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. №4.
12. Каганов Г.З. Формирование городской среды (вопросы теории). М.: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1987. 43 с.
13. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
14. Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община древнего мира. СПб.: «Популярно-Научная Библиотека», 1906. 459 с.
15. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. Часть 1, «Человек в большом городе». 336 с.
16. Пирогов С. В. Конспект лекций по курсу «Социология города». Томск, 2003. 180 с.
17. Хлевнюк Д. Елена Трубина «Город в теории» // Социологическое обозрение. Т.10. №1-2. 2011. С. 223-228.
18. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение. 2010. 304 с.
19. Энгельс Ф. Большие города (из Кн. Положение рабочего класса в Англии) // Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=202> (дата обращения 01.10.2014).
20. Mumford L. What is city // The City Reader. 2nd ed., 2001. Pp. 92-97.
21. Tuan, Yi-Fu. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. 496 p.
22. Whyte W. The design of spaces // The City Reader. 2nd ed., 2001. Pp. 484-490.

* * * * *

УДК 93 (47-57)

Бирюкова Анна Борисовна

кандидат исторических наук, доцент

Самарский государственный технический университет

г. Самара

annabir@mail.ru

«ДОРОЖНЫЙ ВОПРОС» В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ БЛАГОУСТРОЙСТВА СРЕДНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ (КОНЕЦ XVIII – СЕРЕДИНА XIX вв.)

В статье рассматривается состояние уличного и площадного пространства дореформенных городов Среднего Поволжья, анализируется спектр дорожных работ, выявляются причины неудовлетворительного состояния дорожной сети. По результатам исследований автор делает вывод: во второй трети XIX в. положительная динамика в решении проблем городского благоустройства прослеживается, главным образом, в губернских и крупных торговых городах региона. К середине XIX в. не только власти, но и сами горожане приходят к осознанию необходимости создания дорожной инфраструктуры как фактора развития торговли и повышения качества жизни в провинции.

Ключевые слова: Средневожские города, городское благоустройство, дореформенная эпоха, мощение и выравнивание улиц, тротуары городские дороги.

Biriukova Anna Borisovna

candidate of historical sciences, associate professor

Samara State Technical University

Samara

annabir@mail.ru

«THE ROAD MATTER» IN THE CONTEXT OF SOLVING THE PROBLEMS OF URBAN IMPROVEMENT IN MIDDLE VOLGA PROVINCES (THE LATE XVIII-TH – MIDDLE XIX-TH CENTURIES)

This article is considered the condition of the streets and squares the middle Volga cities in pre-reform era. The author also analyzes the range road works and establishes the reasons of poor state of roads network. The author came to the conclusion, the positive dynamics in the solution of problems of urban improvement of the second third of the XIXth century can be traced mainly in provincial and major trading cities of the region. By the middle XIXth century not only authorities, but also by the citizens come to realize the necessity of creation of road infrastructure as a factor in the development of trade and improve the quality of life in the province.

Keywords: the middle Volga cities, the urban improvement, the pre-reform era, paving and alignment of streets, pavements, city roads.

Изучение проблем городского благоустройства провинциальных городов Российской империи в отечественной историографии осуществлялось, главным образом, на материалах второй половины XIX – начала XX вв. Всплеск интереса к обозначенной проблематике в новейшей историографии городоведения связан, во-первых,

с изучением системы управления в провинции, во-вторых, с разработкой различных аспектов истории городской повседневности. С сожалением можно констатировать наличие лишь отдельных работ, в которых предпринимались попытки проанализировать круг вопросов, связанных с благоустройством дореформенных российских городов [1; 2; 3; 14, С. 21-24; 19, С. 64; 41, С. 123-138]. Более пристальное изучение этого интереснейшего сюжета городской жизни на материалах средневожских губерний (Симбирская, Саратовская, Пензенская, Самарская), на наш взгляд, будет способствовать более глубокому и всестороннему пониманию социокультурных сторон урбанизационного процесса, протекавшего в дореформенной российской провинции.

Несмотря на некоторые различия в планировочной структуре городов Среднего Поволжья, их социальном составе, характере экономической деятельности горожан, комплекс проблем городского благоустройства в дореформенную эпоху был в целом одинаков и включал в себя строительство, мощение и ремонт сухопутных путей сообщения; очистку уличного и площадного пространства; утилизацию и переработку мусора; организацию водоснабжения; санитарно-эпидемиологические мероприятия (в том числе, содержание мест захоронения); организацию уличного освещения.

Города становились опорными пунктами на бескрайних русских просторах, испещренных множеством дорог, заботу о которых правительство особенно активно начало проявлять с конца XVIII века. Полномасштабная работа по обустройству дорог в Российской империи началась при Александре I. К началу XIX столетия относятся организация управленческих структур, отвечающих за строительство дорог, создание специализированных образовательных учреждений, а также реализация полномасштабных проектов, связанных с обустройством почтовых трактов и шоссе. В 1810 г. было создано Главное управление путей сообщения, страна была поделена на округа (сначала – 10, позднее – 12), был образован Корпус инженеров путей сообщения, открыт одноименный Институт. При Николае I ведомство стало называться «Главным управлением путей сообщения и публичных зданий», поскольку в его компетенцию было передано строительство зданий гражданского назначения в городах. В 1830-е годы на местах были созданы губернские и подчинявшиеся им уездные дорожные и строительные комиссии. Объединенные губернские Строительные и дорожные комиссии появились в средневожских городах в конце 40-х – начале 50-х годов XIX века.

Вслед за созданием «Главного управления путей сообщения» началась полномасштабная кампания, предусматривавшая ремонт основных почтовых трактов. В 1817 г. началось строительство перво-

го в империи шоссе между Санкт-Петербургом и Москвой. В Пензенской губернии освидетельствование всех дорог, пролежавших по её территории, началось в 1810 году. Был составлен реестр всех мостов, гатей, плотин и применявшихся для ремонта материалов. Саратовские и Симбирские губернаторы обратились к вопросу обустройства дорог в конце 10-х – начале 20-х гг. XIX века. По трактам были поставлены верстовые столбы. Дороги, по краям которых высаживались деревья, разделялись земляными валами на три полотна: для провоза обозов, для прохождения скота, среднее – для проезда экипажей. Исправление дорог было возложено на крестьян, которые приписывались к конкретному участку. Порой он находился на расстоянии 250-300 верст от их селений, что затрудняло выполнение ремонтных работ и доставку строительного материала [3, С. 52-53].

Прокладка трактов и их благоустройство означали включение отдаленных губерний в общее культурное пространство империи. Почтовые тракты, перераставшие в главные улицы, становились стержнем городской пространственной среды. «Дорожный вопрос» в средневожских городах обострился в 1830–1850-е гг., с началом «белотурочной лихорадки». [20, Л. 36об.] Приток огромного числа сельскохозяйственных рабочих, торговцев пшеницей, бурлаков (в летние месяцы население Самары в 1850-е годы возрастало до 100 тыс. человек [32, С. 18]) изменил облик многих вожских городов [18, С. 118]. В десятки раз возросла амортизация дорог, с новой силой встала проблема благоустройства речных спусков, дорожного полотна, мощения городской улиц и площадей.

Ремонт уличного и площадного пространства предполагал выполнение нескольких важнейших технологических операций, первой из которых было выравнивание территории. Решение этой задачи вызывало массу трудностей, поскольку большинство средневожских городов располагались на высоких речных берегах и в холмистой местности. В Самаре и Саратове это задача осложнялась тем, что из-за частых ветров, наносивших на улицы песчаные буры, изменялся их уклон [17, С. 232; 31, С. 450]. Такие сложные в технологическом плане и трудозатратные работы требовали значительного финансирования и контроля со стороны специалистов.

Средств из городских бюджетов на проведение полномасштабных работ, как правило, выделялось недостаточно. Архитекторов, на которых часто возлагалось техническое сопровождение дорожных работ, в провинциальных городах катастрофических не хватало. Кроме того, они далеко не всегда могли справиться с поставленными задачами, а инженеры-строители, выпускники специализированных училищ (Училище гражданских инженеров основано в 1832 г., Строительное училище – в 1842 г.) [4, С. 217;

33, С. 118-119] появились в провинции не ранее середины 30-40-х гг. XIX в., поэтому необходимые работы по выравниванию городских улиц и площадей долгое время откладывались. Так, из года в год, судя по документам, в 1820-е гг. переносилось выравнивание Верхней площади в Саранске [6, Л. 14-15]. К подобным работам в Саратове приступили лишь в августе 1843 г. [10, Л. 1-61], а крутые волжские спуски в Самаре стали обустриваться только в середине 1850-х гг. [17, С. 232].

Для проведения дорожных работ в городах использовались все имеющиеся силы и средства. В Саратове в 1819 г. для уплотнения дорог использовались два больших деревянных катка, обитых железом [11, Л. 1]. В 1822–1823 гг. город нанял малороссов на волах, которые пропахивали главные улицы с обеих сторон, отступая от домов на 2 аршина. Домовладельцы должны были скидывать вспаханную землю на середину улицы, чтобы та оказалась на некотором возвышении. Власти предписывали придавать дорожному полотну выгнутый профиль, используя камень, песок, щебень и даже мусор, по краям устраивать канавы. Подобная технология ремонта дорог оправдывала себя до того момента, пока не начинали лить дожди. Весной и осенью даже на песчаных улицах Саратова экипажи не могли проехать, а пешеходы, «оставляя в грязи сапоги, приходили домой босые» [26, С. 163].

Улицы средневолжских губернских городов начали моститься только в конце 1830-х – начале 1840-х гг., но подобные попытки предпринимались еще в начале XIX века. В 1805 г. Саратовский губернатор отправил в Думу запрос с требованием объяснить, почему городские власти не потрудились замостить те места на Московской улице, «которые зависят от Думы», тогда как «мостовая Московской улицы приходит уже к окончанию» [12, Л. 1; 30].

В конце 1830-х годов не только окраины, но и центр Пензы не везде был замощен, а мостовые на Московской, Троицкой, Казанской улицах требовали починки, так как здесь для мощения применялся легко раскалывавшийся известняк. Сама конфигурация улиц требовала поправки и устройства по их бокам водосточков. Для ремонта пензенский губернский архитектор предложил использовать материал из с. Александровки, которое располагалось в 15 верстах от города. На мостовую предлагалось положить камни, разбросанные по берегу и по дну реки, имевшие округлый вид [7, Л. 50-54, 93, 124, 124об.]. Всего нужно было замостить 17 из 26 улиц. К 1843 г. было замощено лишь 8% всех улиц Пензы [подсчитано по: 8, Л. 65]. В Саратове каменоломня на Лысой горе открылась в 1843 г., однако за вторую треть XIX в. здесь были замощены только улицы, отходившие от Волги, что составляло 20% всей городской территории [подсчитано по: 15, С. 142-143].

В Самаре к мощению улиц власти приступили только в середине 1850-х годов. Первым опытом в новом для саратцев деле стала мостовая, выложенная в 1856–1857 гг. напротив дома губернатора, «на протяжении 50 сажень одна половина улицы в 4 1/2 саж. шириной была вымощена, а другая такой же ширины шоссирована» (1856-1857 гг.) [17, С. 234; 34, Л. 8].

Согласно закону, улицы в городах (мощеные или не мощеные), «не отделанные в шоссе», должны были содержаться самими обывателями [21, С. 1016], а мощение улиц около частных домов возлагалось на их владельцев. Второй путь финансирования дорожных работ – введение денежного сбора с обывателей. Для сбора средств с домовладельцев в городах создавались специальные комитеты [7, Л. 93]. В Самаре в 1860-е годы финансирование работ по укладке мостовой осуществлялось как за счет города, так и за счет личных средств домовладельцев [17, С. 234; 35, Л. 98-98об., 101]. В Симбирске в 1835 г. был введен специальный сбор с судов, спускавшихся по Волге (20 булыжных камней с судна «без ограничения веса и меры») [23, С. 143]. Однако этот способ оказался малоэффективным и сбор был отменен в октябре 1850 г. [22, С. 85].

Пешеходная зона в городах находилась зачастую в более удручающем состоянии, чем проезжая. Первые тротуары появились в центральной части губернских городов Среднего Поволжья только в 1840-е годы. Губернские архитекторы предписывали устраивать тротуары «деревянные досчатые»; из кирпича, «с настилкою оным ребром (в ёлку)»; «из правильно тесанной плиты», «из неправильной плиты, но с ровною поверхностью» [36, Л. 1-1об.]. Однако чаще всего пешеходные зоны, выстилалась неровным мелким камнем или же деревянными мостками, располагавшимися над траншеями. Весной от талой воды деревянные доски разбухали и поднимались, и горожане рисковали угодить в вонючую канаву с мусором и дохлыми кошками [26, С. 162].

В неудовлетворительном состоянии тротуаров были виноваты не только городские власти, но и сами жители, не предпринимавшие длительное время никаких усилий к исправлению ситуации. Самарский губернатор К.К. Грот, составивший в 1859 г. проект их обустройства в уездных городах, предполагал отремонтировать пешеходную зону силами горожан. «... Было бы весьма полезно, – писал К.К. Грот, – прорывать вдоль улиц канавы аршина в 1 1/2 глубиною и ширины, отступая от домов на 2 или 3 аршина, смотря по ширине улиц; а дабы канавы эти не засыпались землею и песком, то необходимо обложить откосы оных дерном, плитняком или камнем, соображаясь с местными средствами и удобствами. Пространство между домами и канавами, которое должно заменить тротуары, сле-

дует сделать несколько наклонным к канавам, так чтобы вода могла беспрепятственно стекать в канавы, и набить это пространство мусором, щебнем, галькою, кирпичом или крупным песком, ... для избежания топкости в дождливое время. Для свободного стока воды, канавы должны быть прорыты во всю длину улиц, а перед воротами каждого дома для проезда необходимо устроить простого устройства мостики» [37, Л. 42]. К.К. Грот, особо подчеркивал, что городским властям следует приводить в исполнение это распоряжение «преимущественно путем убеждения и указания на пользу оно, без всяких принудительных мер» [37, Л. 42].

Еще одной проблемой для горожан были многочисленные овраги и речки, разделявшие пространство города на многочисленные «островки», поэтому одной из важнейших задач был ремонт мостов. Несмотря на выделяемые для их починки средства из городской казны, власти требовали от горожан участия в ремонте, что вызывало негативную реакцию со стороны жителей [13, Л. 4]. Ремонт мостов и дорог на выгонных землях городов должен был осуществляться самими горожанами. Мещане всячески старались переложить эту обязанность на проживавших в городах крестьян [29, Л. 9об.], в итоге дороги так и оставались в непригодном состоянии.

Неудовлетворительное состояние дренажной системы в городах приводило к появлению огромных луж. Кое-где заболоченные места не просыхали круглый год [15, С. 141; 17, С. 231]. Даже в 1840–1850-е годы колоссальной проблемой в городах являлась очистка улиц и площадей от грязи, навоза и мусора. Это отражалось не только на внешнем облике городов, но и сказывалось на развитии торговли. Из-за неудовлетворительного состояния Троицкой площади в Самаре, торговцы вынуждены были ютиться на «закраинах» [17, С. 231].

Особенно опасны для городских улиц и площадей были зимние и весенние оттепели; подтаявшая «каша» из снега и навоза замерзала, создавая ухабы. В феврале 1843 г. из-за этого в Саратове три площади оказались в совершенно жалком состоянии. Попытка привлечь к этим работам лавочников, владевших заведениями на прилегавшей территории, не принесла результата. Поэтому власти вынуждены были выделить для уборки навоза людей из рабочего дома [10, Л. 1-61], что было весьма распространенной практикой во всех дореформенных городах империи.

Устройство тротуаров, очистка улиц и площадей, а часто и их выравнивание возлагались на владельцев ломов и лавок, которые чаще всего игнорировали предписания властей. Отсутствие налаженного механизма контроля за соблюдением возложенных на жителей обязанностей лишь усугубляло существующее положение.

Кроме «хозяйственного способа», столь распространенного, но мало эффективного, ремонтные работы могли отдаваться с торгов. Торги объявлялись с января по апрель, иногда по несколько раз, в связи с неявкой претендентов. Подрядный способ наталкивался на архаичную феодальную систему администрирования. Нередко подрядчики оказывались в сговоре с управленческими структурами, получая на ремонт значительные суммы, выполняли работы некачественно. С другой стороны, городские думы иногда задерживали выдачу подрядчикам денег, что сказывалось на сроках выполнения ремонтных работ [9, Л. 43-115].

С конца 1840-х годов, особенно в тех волжских городах, где процветала крупная хлебная торговля, благоустройство уличного и площадного пространства стало весьма актуальной темой не только для городских властей, но и для самих жителей, особенно, когда неудовлетворительное состояние дорог сказывалось на их торговых интересах. [24, Л. 3об.; 17, С. 231].

Внешний облик городов напрямую зависел от эффективной работы органов местного самоуправления. Примером могут служить города, находившиеся на севере-востоке молодой Самарской губернии, переданные в ее подчинение из Оренбургской. Еще в ходе административной реформы Екатерины II в Бузулуке, Бугуруслане, Бугульме не было создано ни ратуш, ни магистратов, а существовали только словесные суды, которые подчинялись Уфимской и Оренбургской думам. Нельзя не согласиться с мнением профессора Ю.Н. Смирнова в том, что «думы, отстоящие на 100-300 верст от подведомственных городов, не знали ни нужд, ни возможностей последних, а потому распоряжались «их хозяйством, так сказать заочно и наобум» [32, С. 25-26].

Режим «ручного управления», закрепленный законодательно, приводил к тому, что решение «дорожного вопроса» в провинциальных городах, зависело от личной инициативы губернатора, в обязанности которого входило «общественное благоустройство и благочиние». Как верно заметила казанский исследователь А.Н. Бикташева, «внешний вид уездных городов и провинциальной столицы, состояние дорог и построек, освещенность улиц наглядно свидетельствовали об административных способностях и служебном рвении начальника губернии» [1]. Не стоит также преуменьшать роль городских голов и желание «градского общества» заниматься рутинной работой по обустройству города.

В предреформенное десятилетие, особенно в губернских центрах региона, городские головы все чаще не только проявляли себя как рачительные хозяева, но даже действовали порой в противовес собственным торговым интересам [40, С. 287]. Примером может

служить деятельность самарского городского головы В.Е. Буреева (1858–1861 и 1864–1866 гг.) и саратовского головы Л.С. Масленникова (1852–1858 и 1861–1864 гг.). Еще один городской голова Самары, Умнов (1850-е годы), для скорейшего окончания ремонта волжских спусков вносил собственные средства, которые впоследствии ему были возвращены из бюджета города [38, Л. 5-5об.].

Почти все доходы городов шли на содержание присутственных мест, полиции, пожарной команды, училищ и общественных зданий. Даже в самых богатых городах региона (Пенза, Саратов, Вольск), выделявших из городской казны немалые средства на благоустройство (до 30%), их катастрофически не хватало для решения всех текущих проблем [2, С. 31]. Не только в малых уездных городах, но даже в крупных торговых центрах региона, таких как Саратов, возникали проблемы с наполнением казны и финансированием дорожных работ.

В 1843 г. для Саратова был разработан план, предусматривающий проведение мероприятий по изменению облика города. Для его реализации потребовалось бы 590 тыс. руб. серебром – огромная сумма даже для Саратова. 45% всей суммы предполагалось потратить на благоустройство города (ремонт мостов, взвозов, улиц, мощение улиц, строительство водопроводов, ликвидация отмелей на Волге), остальные деньги должны были пойти на строительство различных зданий [подсчитано по: 27, Л. 25-25об.]. На практике, проценты с капитала, находившегося в «государственных кредитных установлениях» (с 1838 г.), отправлялись исключительно на строительство казарм [24, Л. 5], возведение которых должно было облегчить несение постоянной повинности.

Казармы были построены, однако это не только не решило обозначенной проблемы, но и серьезно отразилось на финансовой самодостаточности города. Начиная с 1846 г., город занимал в Приказе общественного призрения разные суммы для того, чтобы покрыть необходимые расходы. По смете на 1853 г. предполагаемые расходы города превышали его доходы на 35 503 руб. 75 1/4 коп. При этом, только на текущий ремонт и мощение городских улиц, без учета остальных расходов, требовалось потратить 34420 руб., а всего на дорожные работы согласно «Записке о нуждах города Саратова» необходимо было выделить 90 тыс. рублей. Все это вынудило городского голову Л.С. Масленникова обратиться к видному столичному сановнику, бывшему Саратовскому губернатору Ф.Л. Переверзеву с просьбой о содействии в получении этой суммы за счет процентов с «запасного капитала» [24, Л. 5, 5об., 6об., 14].

Несмотря на объективные затруднения в финансировании дорожных работ, вызванные скудностью городских бюджетов, недо-

статочной эксплуатацией имеющихся в распоряжении городов оборочных статей, ограниченной возможностью городских властей в использовании «запасных капиталов», нельзя не отметить положительной динамики в решении этого вопроса. В первой четверти XIX в. вопрос о благоустройстве дорог поднимался в городских думах от случая к случаю, а горожане демонстрировали индифферентное отношение к этой проблеме. К середине XIX в. благоустройство дорог стало восприниматься не только губернскими, но и городскими властями (а также частью горожан) в качестве одной из важнейших задач организации городской инфраструктуры. Огромную роль в благоустройстве Симбирска, Пензы, Нижнего Новгорода сыграли рекомендации Николая I, которые он высказал во время своего посещения этих городов в 1836 году. [16, С. 125-127; 5, С. 75].

В губернских городах начали создаваться комитеты по благоустройству, губернские строительные и дорожные комиссии, в функции которых входило не только наблюдение за возводимыми зданиями, но и дорожное строительство. Однако их деятельность, как мы отмечали выше, тормозилась из-за нехватки квалифицированных технических специалистов [25, С. 188; 28, Л. 12об.], архитекторов и инженеров, способных выполнять сложные работы по выравниванию местности, дренажу, мощению улиц и площадей. Даже в тех городах, где штаты комиссий были укомплектованы, нагрузка на «техников» и архитекторов была колоссальной [39, Л. 5-6], что крайне негативно сказывалось на решении «дорожного вопроса».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикташева А.Н. Деятельность казанских губернаторов по благоустройству города Казани (первая половина XIX века) // Филология и культура. 2011. № 23. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/83374612.pdf> (дата обращения 09.10. 2014)
2. Бирюкова А.Б. Проблемы благоустройства и пожарной безопасности в поволжских городах первой половины XIX века (по материалам Саратовской, Симбирской и Пензенской губерний) // Известия СНЦ РАН. 2010. Т. 12 (38). № 6. С. 30-34.
3. Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара: РИО СамГТУ, 2009. 324 с.
4. Высочайше утвержденное положение об училище гражданских инженеров: именной указ Сенату 17 апреля 1832 г. № 5309 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. Собрание II. Т. VII.
5. Горланов Г.Е. Очерки истории культуры Пензенского края. Учеб. пособ. Пенза, 1994. 242 с.
6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1223.
7. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2007.
8. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2225.
9. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 340.
10. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 3. Оп. 1. Т. 2. Д. 2344.
11. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Т. 1. Д. 1119.
12. ГАСарО. Ф. 3. Оп. 1. Т. 1. Д. 309.
13. ГАСарО. Ф. 3. Оп. 1. Т. 1. Д. 311.

14. Губернский город Владимир в последней трети XVIII — первой половине XIX в.: очерки повседневной провинциальной жизни / И.И. Шулус, Н.В. Киприянова, Н.В. Мягтина, В.А. Чернишкина. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2008. Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/355/77355/files/Uchebnoe-posobie-GUBERNSKII-GOROD.pdf> (дата обращения 09.10. 2014)
15. Духовников Ф.К истории топографии Саратова // Саратовский край. Вып.1. Саратов: Саратовское общество вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. С. 116-154.
16. Жиркевич И.С. Записки // Русская старина. 1890. Июль. С.125-127.
17. Классика Самарского краеведения: Антология / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 278с.
18. Классика Самарского краеведения: Антология. Вып.3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII — начале XX вв. (краеведческая картотека) / сост. Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. 432с.
19. Миненко Н.А., Алпаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М.: Наука, 2006. 384 с.
20. Национальный архив Русского географического общества (НА РГО). Р. 34. Оп. 1. Д. 6.
21. О камне, выламываемом из мостовых по городам и селениям, при устройстве через оные шоссе: Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 14 декабря 1837 г. №10807 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. Собрание II. Т. XII. Ч. 2.
22. О отмене сбора камня с приходящих к симбирской пристани судов: высочайше утвержденное положение Комитета министров от 24 октября 1850 г. № 24567// ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1851. Собрание II. Т. XXV. Ч.2.
23. О сборе камня с судов для мощения улиц в Симбирске: именной указ, объявленный министру внутренних дел от 15 февраля 1835 г. №7866 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. Собрание II. Т. X. Ч. 1.
24. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 569. Д. 519.
25. Пирожкова И.Г. История строительного законодательства Российской империи: научная монография. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2008. 288 с.
26. Попов К.И. Записки о Саратове К.И. Попова // Саратовский край. Вып. 1. Саратов: Саратовское общество вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. С. 155-236.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 39. Д. 78.
28. РГИА. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 39.
29. РГИА. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 746.
30. Саратовские губернские ведомости. 1844. № 45.
31. Скопин Н.Г. Записи дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник. Т. 1. Саратов, 1891. С. 75-592.
32. Смирнов Ю.Н. Предложение К.К. Грота о совершенствовании управления в Самарской губернии: взаимодействие с выборными органами и местным самоуправлением // Гротовские чтения: материалы III Межрегиональной научно-практической конференции. Самара: Офорт, 2013. С. 10-29.
33. Соколовский Е. Пятидесятилетие института и Корпуса путей сообщения. Исторический очерк. СПб.: Тип. торгового дома С. Струговщикова, Г. Похитоновна, Н. Водова и Ко, 1859. 149 с.
34. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 170. Оп. 6. Д. 11.
35. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 15.
36. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 699.
37. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 14.
38. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 116.
39. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 166.
40. Черкасова М.В., Фролова К.В. Деятельность городского головы В.Е. Буреева (по документам ЦГАСО) // «Городская культура и город в культуре». Мат. Всерос. научно-практической конференции. в 3-х ч. Ч.1. Самара, 2012. С. 275-283.
41. Шахеров В.П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII — первой половины XIX в.: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 256 с.

* * * * *

УДК 316.346.32-053.6;94(47)

Синова Ирина Владимировна*кандидат исторических наук, доцент**Санкт-Петербургский государственный экономический университет**г. Санкт-Петербург**s-irina@ya.ru*

ГОРОДСКАЯ СРЕДА И ДЕТСКИЕ ДЕВИАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

В статье рассматриваются вопросы влияния городской среды на процесс отклоняющейся социализации детей во второй половине XIX — начале XX вв., делается анализ причин их безнадзорности, нищенства и преступности. Показано как социально-экономическое развитие страны, связанное с развитием капитализма, ростом численности городского населения, а также жилищные условия семьи в Санкт-Петербурге влияли на детские девиации.

Ключевые слова: дети, семья, девиантное поведение, городской социум, социализация, преступность, нищенство.

Sinova Irina Vladimirovna*candidate of historical sciences, associate professor**Saint Petersburg State University of Economics**Saint Petersburg**s-irina@ya.ru*

URBAN ENVIRONMENT AND CHILDREN'S DEVIATION IN THE SECOND HALF XIX — EARLY XX CENTURIES

The article considers the questions of influence of the urban environment on the process of deviant socialization of children in the second half of XIX — early XX centuries, analysis of the reasons for their neglect, poverty and crime. Shows how socio-economic development of the country, associated with the development of capitalism, the growth of urban population, as well as housing conditions of the family in St. Petersburg influenced baby deviation.

Keywords: children, family, deviant behavior, urban society, socialization, crime, poverty.

Французский психолог и социолог Г. Лебон сказал: «Человек всегда поступает соответственно особенностям своей организации и соответственно особенностям той среды, в которой та организация функционирует» [2, С. 26]. За столетие к концу XIX в. число жи-

телей Санкт-Петербурге выросло в 6 раз [4, С. 6]. Согласно статистическим сведениям подавляющее большинство детей в столице по сословию и званию принадлежали к трудящемуся населению: мещане (25,8% – мальчики; 26,1% – девочки), крестьяне (35,6% – мальчики; 32,4% – девочки) и нижние чины (23,4% – мальчики; 24,8% – девочки). Дети других сословий составляли среди мальчиков 9%, среди девочек 5,2%, а дети дворян и чиновников – 4,6% (мальчики) и 3,4% (девочки) [12, С. 133, 134].

Сословная и социально-профессиональная принадлежность детей оказывали влияние на социально-экономический уровень жизни, менталитет, образование и повседневные практики. На трудящемся населении столицы в большей степени отражалось тяжёлое экономическое положение, удорожание жизни, постоянная борьба за существование, которые нередко заставляли родителей нищенствовать, а, следовательно, и детей идти по тому же пути. Мировой судья Петербургского особого суда по делам о малолетних Н.А. Окунев считал, что «промышленное развитие роковым образом влечёт за собою непомерно быстрый рост городского населения... Теперь в городах, особенно больших, мы наблюдаем совершенно иную жизнь беднейших классов городского населения. Не только отец и мать, но также и старший брат, и старшая сестра, все решительно из семьи уходят почти на целый день из дома для работы на фабрики и заводы» [9, С. 1]. Таким образом, изменения в социально-экономическом развитии вели к массовой детской безнадзорности и заброшенности подрастающего поколения и как следствие – их преступности и другим видам девиаций.

На Шлиссельбургском проспекте госпожа Беклемишева содержавшая бесплатную школу для детей городской бедноты в конце 1890-х гг. говорила про своих школьников: «Это всё те же голодные, бледные, очень часто больные дети, обитатели углов, холодных чуланов и чердаков, затхлых, сырых и тёмных подвалов. Средний заработок остаётся всё тот же, а пищевые продукты, квартиры, а за ними углы и койки чрезмерно дорожают, тем не менее, наплыв в столицу для искания труда всё продолжается. Приехав в город, родные начинают искать работу, переходя от одной фабрики к другой...» [8, С. 157].

Города обеспечивали ряд условий, крайне неблагоприятных для того, чтобы ребёнок оставался в рядах здоровых членов общества. Улица и уличные товарищи, трактиры, чайные, выпуски полуграмотных рассказов о различных «героях» преступного мира, продаваемых повсеместно по доступной цене, азартные игры, бильярд, довершали в отрицательном смысле то дело, которое не выполняла семья в отношении детей, создавая условия для

отклонений в их поведении, таких как нищенство, преступность, проституция, пьянство.

В столице в конце XIX века имело место типичное для крупных городов переполнение жителями, а особенно центра, где обычно сосредоточивались торговые помещения, склады, банки, конторы, при этом горожане переселялись ближе к окраинам, одновременно увеличивалась стоимость недвижимости. В результате городское население испытывало нехватку в жилых помещениях, а город, несмотря на интенсивное строительство, не справлялся с размещением новых переселенцев.

В результате беднейшие слои горожан вытеснялись на чердаки или в подвалы, а ещё чаще вынуждены были переезжать из центра города на окраины, а то и в отдалённую местность. «Города стали принимать своеобразную физиономию. Снаружи красота, изящество, блеск, а в глубине шестизэтажные дома с узкими грязными лестницами и множеством мелких каморок, получающих самое незначительное количество воздуха и света из тесных дворов или из верхних световых фонарей-колодцев» [4, С. 7].

Во многом на жизнь, нравственное и физическое здоровье детей оказывала влияние жилищная обстановка, которая находилась в прямом соответствии с уровнем доходов столичной семьи. Поселения рабочих в Санкт-Петербурге складывались на окраинах, вокруг фабрик и заводов. Некоторые жили в сельских домах, но многие рабочие с семьями занимали места в рабочих казармах. В общих длинных комнатах казарм располагались нары, где стояла духота и царил теснота. В спальнях казарм при Калинкином пивоваренном заводе размещалось до 60 человек.

Многие рабочие селились в доходных домах, за счёт которых в основном разрастался Петербург в XIX веке. Ряд семей существовали сдавая квартиру, которую сами арендовали. Одна семья на Старо-Петергофском шоссе столицы, состоящая из родителей и пятерых детей снимала 4-х комнатную квартиру за 38 рублей в месяц, а, сдавая её, получала 50 рублей в месяц, со всех жильцов, а это было 32 взрослых и 11 детей [9, С. 46]. Но для них и этот небольшой доход был определённым подспорьем.

Ближе к центру города жилищные условия были ещё более неблагоприятные. Одним из видов жилья были так называемые угловые квартиры. Среди низших слоёв населения за редким исключением, преобладала коечно-каморочная форма проживания, ютились в подвалах, на чердаках, в мансардах, по несколько семей в одной комнате. Квартиры у Сенной площади с угловыми жильцами производили удручающее впечатление, очевидец свидетельствовал: «комната 17 сажень ($\approx 77,5$ кв. м.) стены грязно-серого

цвета, с тёмными и сальными пятнами; обоев хотя бы в виде лоскутков, как остатков прежней «роскоши» не существует... и как в ночлежке, вплотную одна с другой – 15 нар, среди которых (едва можно протиснуться) 2 прохода – к окнам и к печке. В комнате всегда царит полумрак, всех жильцов 21 человек» [9, С. 46].

Но за городом в районе фабричных и заводских поселений, условия проживания были ещё хуже, так «у Путиловского завода, рабочие семьи чаще, чем в пригороде, снимают квартиры (6-12 р.), но они – квартиры – в деревянных флигелях, рассчитанных на самого неприхотливого и малотребовательного случайного квартиронанимателя, а потом зачастую лишены даже и тех необходимых удобств, которыми снабжена почти всякая – из плохих – городская квартира.

Категория родителей «непутёвых», «которые спутавшись», – живёт попеременно по углам, и по ночлежкам. Жильцы комнат и квартир иногда живут подолгу на одном месте. Угловые же то и дело переезжают с одной квартиры на другую, то по своей воле, то поневоле, выселяемые за неплатёж» [9, С. 47].

Специалисты отмечали, что жилищные условия влияли на нравственность подрастающего поколения в связи с тем, что «нигде конечно, не происходит такого тесного соприкосновения полов, как среди бедноты. В единственной комнате избы набита не только вся громадная семья, но даже в зимнее время и домашние животные. Ещё хуже в городских угловых квартирах, ночлежках и трущобах. В избе спят вместе хоть родственные люди, одной и той же семьи. В углах совершенно различные, друг другу чуждые, пришлые элементы. Нигде не может быть легче девушке дойти до падения, как в такой обстановке. Дети и подростки тут знают всё и видят всё. Отношение полов иллюстрируется перед ними часто и откровенно. Самые несдержанные бесчинства разврата проходят как нечто привычное и нормальное. Ничего нет удивительного, что девушка, почти ребёнок, взрослая в такой среде, скоро совершенно сливается с общим течением этого грязного, зловонного потока» [1, С. 99]. Это является свидетельством того, что жилищные условия, порой становились толчком для девочек к занятию проституцией.

Жильцы, ютящиеся в сырых подвалах, в углах, на чердаках и переполняющие конуры-комнаты, давали больший процент всех преступлений: и против личности, и против собственности, и против общественной тишины. Юрист М.Н. Гернет исследовал общественные причины преступности и пытался объяснить, как жилища влияют на преступность: «прежде всего, конечно, тем, что условия жизни в дурных жилищах развращают ребёнка с самого раннего детства. Что он видит здесь? Потёмки угла тёмной, пере-

полненной жильцами комнаты, не настолько темны, чтобы скрыть от ребёнка картины грубого пьянства и открытого разврата. Он слышит циничную брань и усваивает её в совершенстве ранее, чем узнаёт первую букву азбуки. Грязные улицы бедных кварталов, где играет этот ребёнок, не дают ему ничего нового, чего он не видел бы у себя дома, а богатые роскошные улицы только ещё ярче и сильнее дают чувствовать сознанию подрастающего пролетария всю пропасть между его положением и классом богатых, показывая, как много всего есть у других и ничего у него самого, кроме рук для постоянной работы, не всегда достаточно сильных и здоровых и не всегда находящих занятие. Нет ничего удивительного, что этот ребёнок, выросший среди дурных примеров скверных жилищ, пойдёт по пути преступления, будет пьянствовать, устраивать драки, красть и пр.» [3, С. 155]. Такой быт и в целом городской социум с ранних лет демонстрировали детям безысходность, обречённость и фатальность их жизни, приводили к отсутствию стремления вырваться из порочного круга и способствовали проявлениям девиантного поведения.

Российские жилища приобрели известность и за границей, иностранные писатели заявляли, что «в Петербурге рабочие без различия пола, возраста, живут в холодных и сырых помещениях, часто без постелей, спят этажами в четыре постели», а также то, что «русским совершенно неизвестны особые помещения для сна» [4, С. 4]. Жилищная обстановка оказывала влияние на процесс социализации детей, который определял всю их дальнейшую жизнь. Ведь детство – это именно то время, когда «живы все впечатления бытия», и эти впечатления ложатся на душу первым слоем, основой будущих наслоений.

Тысячи горожан, включая детей, находили приют в ночлежных домах. При этом ночлежка была не самым плохим местом для них. Некоторым из подростков по информации Мирового судьи по делам малолетних приходилось селиться и в таких местах, как городские навозные и мусорные свалки, где «в навозе построили себе шалашики; вырыли яму, набрали в мусоре обоев, облепили ими стены, тоже из досок, сверху палочками прикрыли, оставили отверстие» [9, С. 58].

Страшные картины жизни детей большого города рисовал Ф.М. Достоевский, с обострённой чуткостью относившийся к страданиям ни в чём не повинных детей. Гениальный писатель восклицал: «Да, эти детские души видели мрачные картины и привыкли к сильным впечатлениям, которые и останутся при них, конечно, навеки и будут сниться им всю жизнь в страшных снах». «Я узнавал, – говорил автор словами Раскольников, – где живут эти ма-

тери и в какой обстановке; там детям нельзя оставаться детьми, там семилетний уже развратен и вор» [7, С. 235]. И эти факты из литературного произведения в полном объёме отражали реалии столичной жизни.

На I Всероссийском съезде по семейному воспитанию отмечалось, что «дети бедноты стали детьми широкой улицы» [13, С. 514]. Дороговизна жизни и нищета семьи вынуждали детей, едва достигших 12-13 лет, искать себе работу или находить другие способы добывать деньги. Часто к этому стремились и сами подростки, видя вокруг себя сверстников, зарабатывающих собственные деньги и «имеющих возможности получше одеться и израсходовать иногда по своему усмотрению копейки, сначала на лакомства, а затем по примеру старших попить чайку в трактире, купить папиросы, а затем и выпить» [13, С. 515]. Ведь желание казаться взрослыми, вести себя как взрослые так свойственно детям, к какому бы социальному слою, они ни принадлежали.

Вопрос об употреблении алкоголя, крайне остро стоял среди учеников ремесленных мастерских, на него систематически обращали внимание общественность и педагоги. Пьянство в мастерских начиналось со старой традиции, согласно которой каждый новый рабочий, включая малолетних учеников, должен был угощать всю мастерскую. А затем начиналось систематическое спаивание, начинавшееся с того, что подростков посылали за водкой, сначала разрешали ему за услугу допить остатки, а потом и выпить. Постепенно ученик начинал потихоньку от хозяина и подмастерьев самостоятельно бегать в кабак.

В апреле 1900 года на заседании общества охранения народного здоровья говорилось, что «мальчики-ученики пьют, отчасти подражая старшим под влиянием окружающей кабацкой обстановки, отчасти с благословения и поощрения старших, подмастерья пьют, потому что в их тяжёлом положении как они говорят, нельзя не пить, а главным образом, потому, что они приучились к этому, будучи в мальчиках; хозяева-мастера пьют потому, что они привыкли к водке за время своей подневольной жизни» [6, С. 12-13]. При этом в России не существовало никаких правовых ограничений, связанных с употреблением алкоголя несовершеннолетними и посещением ими злачных мест, все окружающие спокойно взирали на нравственное падение и физическое самоуничтожение подростков.

В отчёте Санкт-Петербургского общества воспитательно-исправительных приютов за 1911 год анализировались причины, по которым подростки попадали в исправительные приюты: «таблицы о семейном положении, род занятий воспитанников и их родителей, показывают, что главный контингент поступающих – дети города,

дети улицы, выросшие под слабым присмотром одного отца или одной матери, а, в сущности, без всякого присмотра, так как отец или мать должны ради заработка на весь день оставлять мальчика одного. К 12-ти, 13-ти годам родители стараются спихнуть мальчика куда-нибудь «с хлеба», и живут они случайным заработком, на фабриках, заводах, в чайных, мелочных лавках и т.п. заведениях. Очень многие из них судились два и более раза, бывали в частях и участках, ночевали в ночлежках, а чайные были местом праздного времяпрепровождения, где сходились с ворами и воришками; отсюда не далеко и до воровства. В таких условиях вырабатываются у мальчика антиобщественность, распущенность и неряшливость. Попадая в приют, такой малолетний не может привыкнуть скоро к другой обстановке и новым требованиям: распущенность внутренняя и наружная, неряшливость, беспричинная порча вещей и обстановки – вот главные пороки и проступки воспитанников» [11, Л. 195-195об.].

Мировой судья отмечал, что обществу, чтобы спасти малолетних от развращения необходимо, прежде всего, бороться с состоянием беспризорности, т. к. «создается преступность малолетних в больших городах, где дороговизна жизни и условия работы требуют, чтобы все способные работать и добывать деньги, с утра и до вечера находились вне дома, вне семьи, в полной невозможности хотя бы даже осведомиться – где находятся дети, не могущие работать, что они делают, чем заняты и с кем они водятся» [8, С. 23].

Юрист Г. Дагаев отмечал, что «среди причин преступности несовершеннолетних на первом месте деморализующее влияние семьи. Прежде всего, конечно, пример родителей... По данным нашей статистики 20%, незаконнорождённых становятся преступниками. Трудно ожидать, чтобы дети, с самых ранних лет вдыхавшие эту морально заражённую атмосферу, не отравились сами и не унаследовали в некоторой степени порочной организации своих родителей. Но если родители не представляют из себя субъектов с порочными наклонностями, то в большинстве случаев бедность семьи, выгоняющая их с раннего утра до поздней ночи на поиски работы и пропитания, не менее вредно отражается на детях. Большинство из них, благодаря этому обстоятельству, растёт предоставленное самим себе, улице, или надзору соседки, сомнительного нравственного достоинства. Нечего и говорить о каком-либо воспитании, образовании этих детей. Невежество, безграмотность более всего дают преступников» [5, С. 48]. В основном специалисты были единодушны в определении главных причин детской преступности,

среди которых были развращающая обстановка городской среды, беспризорность, нищета и деморализующее влияние семьи.

На собрании Всероссийского союза благотворительности говорилось, что «детская преступность в Санкт-Петербурге – кражи, мошенничество, растраты – очень велика и составляет почти 1/5 детской преступности во всей России. Явление это, несомненно, грозное, даже если принять во внимание, что преступность в больших городах всегда велика. Это большая детская преступность чисто петербургского, а не привозного происхождения: около 94% всех юных преступников или родились в Петербурге или прожили до совершения преступления более года. И причины этой детской преступности заслуживают внимания в особенности деятелей благотворительности: в громадном большинстве случаев (71%) это дети брошенные, беспризорные. Это все дети из семей неполных, разрозненных; в 2/5 всех случаев преступные дети живут «самостоятельно» от родителей; а если дети и живут при родителях, то семья неполная; в 326 семьях осталась одна мать, в 150 – родители из провинции. Взамен отсутствующего влияния и надзора родителей отмечается дурное влияние товарищей (58%), которые ведут ребёнка в бильярдные, трактиры, спаивают их и доводят до краж» [10, Л. 39об.]. Только городской социум и в особенности столичный в рассматриваемый период времени негативно влиял на процесс социализации, который приводил к отклонениям в поведении детей и подростков.

В трудах съезда по семейному воспитанию приводится рассказ о малолетних ворах-удильщиках, воровавших «из церковных и благотворительных кружек. Делается это обычно в сильные морозы. Воришка подходит к кружке и перекрестясь опускает туда не монету, а удочку – деревянную или проволоочную палочку с кистью из бумажных ниток, смоченных предварительно водою, затем воришка на некоторое время отходил, а через несколько минут вновь возвращался, осторожно вытаскивает удочку, на конце которой за это время примёрзло несколько монет» [13, С. 528]. Данный факт вряд ли мог бы иметь место в сельской местности, он свидетельствует не только о правонарушении детей, но и показывает их кощунственное отношение к Церкви.

В отличие от города в деревне девиантное поведение детей встречалось крайне редко, хотя бы потому, что украсть что-либо детям было трудно и сбыть некуда, ни говоря уже о других его проявлениях, таких как нищенство и проституция. Поэтому «в деревне если и бывают детские кражи, то они ограничиваются походами на огороды за огурцами, репой или горохом» [13, С. 528].

Социальные преобразования, происходившие во второй половине XIX века, не только демонтировали экономический уклад общественной жизни, но и изменили ценностные ориентиры, а также повлияли на антропологию столицы. Состояние аномии в российском обществе, характерное для этого периода возникло в условиях, когда «старые нормы» уже не отвечали формирующимся буржуазным отношениям, а новые, зарождавшиеся, были слишком неопределёнными, чтобы служить эффективными ориентирами в поведении детей и подростков.

На детей трудящегося населения во второй половине XIX— начале XX вв. оказывали влияние особенности социально-экономического развития Санкт-Петербурга, социальный статус, бытовые условия и уровень материального благосостояния семьи, быстрый рост населения, прежде всего за счёт интенсивной миграции из деревни. Поэтому типология их поведения формировалась не столько под воздействием столичного блеска, близости императорской семьи и быта дворянского сословия, сколько на ней, с одной стороны, отражались крестьянские практики, которые прочно укоренились в менталитете и образе жизни детей и подростков, а с другой, образцы поведения взрослых.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бентовин Б. Торгующие телом. (Очерки столичной проституции) // Русское богатство. 1904. № 11.
2. Гвоздев И. О врождённых и приобретённых свойствах детей, как зачатков преступности взрослых. СПб., 1896.
3. Гернет М.Н. Общественные причины преступности. М., 1906.
4. Губерт В.О. Дембо Г.И. Деятельность общества охранения народного здоровья по борьбе с жилищной нуждой в Санкт-Петербурге. Доклад, прочитанный в соединённом заседании всех отд. О.О.Н.З. 26-го янв. 1909 г. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910.
5. Дагаев Г. Юные преступники и меры борьбы с ними: По поводу закона 1897 года 2 июня // Вестник благотворительности. 1902. № 9.
6. Дембо Г.Н. Вопросы охранения здоровья малолетних ремесленников. СПб., Типография П.П. Сойкина, 1901.
7. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Просвещение, 1995.
8. Дриль Д.А. Тюрьма и принудительное воспитание // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 4.
9. Окунев Н.А. Особый суд по делам о малолетних. Отчёт Санкт-Петербургского столичного мирового судьи за 1910 г. СПб., 1911.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 768. Оп. 2. Д. 1062.
11. РГИА. Ф. 1288. Оп. 14. Д. 181а.
12. Статистический ежегодник С-Петербурга. Материал по статистике СПб. Год первый. 1881. СПб., 1882.
13. Труды I Всероссийского съезда по семейному воспитанию. СПб. 30.12.1912-06.01.1913. Т. I. СПб., 1914.

* * * * *

УДК 94 (47)

Зайцева Анна Александровна
 кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 Российский научно-исследовательский институт
 культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
 г. Москва
 a-zaitseva@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В статье на примере города Богородска Московской губернии рассматриваются методологические аспекты изучения различных социальных процессов, протекавших в русском провинциальном городе в конце XIX – начала XX вв. – трансформации социальных отношений и сословной структуры, развития субкультуры мещанства и купечества.

Ключевые слова: русский провинциальный город, историко-культурная среда, городские сословия, купечество, мещанство, самосознание.

Zaitseva Anna Alexandrovna
 candidate of historical sciences, leading researcher
 Russian research institute of cultural and natural heritage named by D. S. Likhachev
 Moscow
 a-zaitseva@mail.ru

THE STUDIES IN HISTORICAL AND CULTURAL ENVIRO- NMENT OF THE RUSSIAN PROVINCIAL TOWN (END OF XIXth – BEGINNING OF XXth CENTURIES): THE SOCIAL ASPECT

The article presents the town of Bogorodsk, Moscow region, as an example of social processes that took place in the Russian provincial towns in the end of the XIXth – beginning XXth centuries. The evolution of social relations and class structures, the development of the merchants and lower middle class sub-cultures are under scrutiny.

Keywords: russian provincial town, historical and cultural environment, townsmen, the merchants, lower middle class, consciousness.

Внимание к социальной интерпретации различных процессов и явлений в жизни общества и его социальных групп представляет собой приоритетное направление исторических исследований. Социальный аспект историко-культурной среды русского города, которая понимается при этом как совокупное предметно-пространственное, социальное и духовное окружение человека, как исторически сложившаяся сфера функционирования и бытования культурных процессов, традиций, исторической памяти, предполагает выявление социального значения и механизмов протекающих в обществе процессов и их соотносительности с различными сферами социокультурной жизнедеятельности – экономикой, социальными отношениями, культурой.

Объектом воздействия историко-культурной среды и одновременно ее субъектом, носителем является человек, будучи членом локальных социальных образований – семьи, сословной корпоративной организации, города в целом. Историко-культурная среда развивается и изменяется самими горожанами, выражаясь в их личностной картине мира, ценностях, образе жизни и поведении. Как писал в начале XX в. публицист Д.Д. Семенов, автор очерков по городскому самоуправлению: «Город есть центр местной жизни. В нем сосредоточиваются, совмещаются и сталкиваются разнообразнейшие имущественные, хозяйственные и нематериальные интересы бесчисленного множества разнородных социальных групп населения» [6, С. 108].

Социокультурный подход позволяет воссоздать структуру городского социума и роль в нем различных социальных групп и слоев, а также характер и направленность социальных изменений, протекавших в городской среде. Нынешняя парадигма социальной истории предусматривает исследование всех сфер жизни людей в их структурном единстве и в фокусе пересечения социальных связей и культурно-исторических тенденций [3, С. 307, 314]. Поэтому реконструкция социального портрета различных социальных слоев, населявших город, дает возможность выяснить вопрос о том, как они переживали воздействие социальных процессов, каким образом под влиянием трансформирующейся социальной среды изменялся их менталитет, мировоззрение, образ жизни, поведенческие стереотипы.

Трансформация российского общества из традиционного в индустриально-аграрное в конце XIX – начале XX веков с неизбежностью поставила вопрос о социальных силах, способных осуществить этот процесс. В основе социальной структуры русского города, заложенной в екатерининское время, лежал сословный принцип,

официально закреплявший передаваемые по наследству занятия, права и обязанности того или иного слоя населения. Сословная принадлежность была главной характеристикой социального положения. Вместе с тем сословность как социальная категория, как определенная форма социокультурной идентичности оказывала влияние на отношения с властью, менталитет, самосознание.

К городским сословиям («городским обывателям») принадлежали потомственные почетные граждане, купцы, мещане, ремесленники. Каждый из этих социальных слоев порождал свою субкультуру с характерными для нее видами хозяйственной деятельности, менталитетом, образом жизни. В совокупности формировалась многоликая городская культура, сочетавшая в себе традиции и новации. Нарождающаяся буржуазия, представлявшая собой выходцев из различных социальных слоев и консолидировавшая в себе разнородные социальные элементы, по природе своей потенциально являлась носителем нового. В российском варианте эти социальные силы все активнее включались в сферу предпринимательства, формируя новую промышленно-торговую среду.

В исследовании историко-культурной среды города особая роль принадлежит историко-антропологическому и микроисторическому методам анализа, отличающимся глубоким проникновением в существо социальных процессов и повседневность. Социальный аспект историко-культурной среды предполагает изучение сознания человека как составной части социальной жизни. Такой аспект исследования может быть реализован в рамках историко-антропологического направления, изучающего феномен человека во всем многообразии его бытия. Поэтому внимание к историко-культурному облику предпринимательского слоя позволяет понять его мировосприятие, ментальные представления, ценностные ориентации, социальное поведение. Эта личностная картина мира будет способствовать определению места и роли предпринимательства в социальной стратификации, выяснению степени его самоидентификации и самосознания, пониманию мотивации его общественно-го поведения. В конечном счете речь идет об эволюции предпринимательства и основных характерных чертах его субкультуры. Собственно, в способах вхождения нового в ткань культурных традиций, в изменчивости социокультурных форм и заключается механизм трансляции социокультурного опыта.

Реформирование российской экономики было неразрывно связано с трансформацией социальных отношений, изменением взаимосвязей между различными социальными слоями. Повседневность – одна из структур социальной жизни. Жизнь социума протекает в форме индивидуальных опытов и практик различных

людей с их субъективным восприятием, эмоциями, чувствами, стереотипами поведения, которые собственно и представляют ткань человеческих отношений. Между образом жизни людей, их бытом, ментальным складом и социальным поведением существует тесная взаимосвязь. Задача состоит в том, как за сферой человеческой обыденности, повседневной упорядоченности увидеть смысловую наполненность, историко-культурный контекст. Именно поиск «универсального в структурах субъективности» [2, С. 97] помогает понять дух времени, увидеть в нем типичное, общие характерные черты, которые и составляют духовную и социальную наполненность историко-культурной среды.

Локальными объектами историко-культурной среды являются социальные микроструктуры и общности, малые группы, в том числе, семья, индивидуальные судьбы, личный жизненный опыт отдельных рядовых людей. Семья – идеальный объект междисциплинарного исследования, в котором различные аспекты жизни семьи (экономический, правовой, социологический, психологический) рассматриваются комплексно и в непосредственной связи с основными тенденциями экономического и культурного развития общества [4, С. 59]. Локальный социальный анализ семейной повседневности позволяет выявить заложенные в семье основные понятия, представления, ценности, ритуалы, нормы поведения, которые характеризуют социально-культурные связи и взаимодействия. История семьи здесь может быть рассмотрена сквозь призму смены поколений, повторяемости индивидуальной обыденности, практики отдельных членов семьи и их личного жизненного опыта. Микроистория как один из способов изучения повседневности «фиксирует индивидуальное в социальном и социальное в индивидуальном на уровне конкретной исторической практики» [5, С. 76, 308], поэтому личность в контексте социокультурной и повседневной жизни эпохи как персонификация общественных отношений составляет объект исследования историко-культурной среды.

Анализ историко-культурного облика предпринимательского слоя, связавший воедино макропроцессы, происходящие в обществе и выявляющие его влияние на поведение людей, и микроанализ индивидуального поведения, складывающийся из социально-культурных воззрений, представляется перспективным в научном отношении.

Не подлежит сомнению актуальность исследуемой темы. Представители городских слоев были потенциально участниками формирования среднего класса в России как основы гражданского общества. Магистральный процесс размыwania прежней сословной структуры и складывания новой социальной не был завершен в России. Степень вовлеченности городских сословий в преобразователь-

ный процесс конца XIX – начала XX вв. была разной и зависела от многих факторов – исторически сложившихся условий хозяйствования, деятельности, менталитета, уровня экономического развития города, правового положения сословий, состояния социальных взаимосвязей внутри городского сообщества. Эти процессы имели особое преломление в провинциальных городах, связанное с традиционно-патриархальным течением социальной жизни в провинции.

Историко-культурная среда города Богородска Московской губернии демонстрирует примеры проявления как общероссийских социокультурных тенденций, так и особенности их выражения в социальной практике городских сословий этого важнейшего фабрично-заводского центра, где наряду с крупными капиталистическими предприятиями и возглавлявшими их представителями передовой российской буржуазии, существовали купечество средней руки, владевшее небольшими фабриками, а также мелкая буржуазия в лице основного городского слоя – мещанства.

Важнейшей составляющей историко-культурной среды являются доминирующие в массовом городском сознании ценностные ориентиры, убеждения, социальные нормы. В жизнь городского обывателя входила идея самоценности личности, необходимости свободы деятельности, следствием чего являлся рост самосознания купечества и мещанства. Идеи прагматизма, рационализма, индивидуализма и другие буржуазные ценности все более проникали в их среду. Осознание коммерческого интереса и значимости своего дела позволяло основать семейное предприятие. Активное предпринимательство, участие в городском самоуправлении, в различных общественных культурно-образовательных начинаниях и инициативах, благотворительности и общественном призвании стало неотъемлемой чертой жизнедеятельности не только купечества, но и отдельных ярких представителей мещанства, пропагандирующих идеи общественного служения, сознательного участия в делах города. Отражением этого процесса было порожденное потребностями эпохи стремление к получению образования, значительно возросшее в среде купеческих и мещанских слоев, усиление личностного начала, выразившееся в написании воспоминаний, присвоении фамилий мещанам и т.д. Приобретенный первоначально в семье опыт социализации в дальнейшем получал свое развитие в ходе ясно оформившейся тенденции к саморазвитию и самосовершенствованию и формированию новых интеллигентных моделей поведения. Внедрение отдельных представителей купечества в столичную городскую среду предоставляло для этого большие возможности.

В результате получения новых знаний формировались новые ценности, составлявшие основу роста сословного самосознания и

самоидентификации. Этот общий для городских сословий процесс имел свое особое преломление в среде мещанства, выразившееся в консолидации богородских мещан в обстановке крутой революционной ломки в стране и демократической эйфории 1917 года, а также в развитии широкого «мещанского движения» и создании на Всероссийских съездах мещанских обществ Всероссийского союза мещанских обществ [1, С. 69-79]. Достигнутый здесь новый уровень самоидентификации претворял в жизнь идею самоутверждения мещанского сословия через отстаивание своих прав.

Религиозное сознание, вера были неотъемлемым средством социализации личности в историко-культурной среде и внедрялись в процессе обучения и воспитания. В основе идеи социального служения православного купечества, количественно и ментально преобладавшего в историко-культурной среде русского города, в том числе Богородска, лежала этика религиозного служения, которая являлась стимулирующим фактором их предпринимательской, общественной деятельности и повседневного поведения. С другой стороны, происходящие здесь на рубеже веков изменения выражались в постепенной секуляризации массового сознания городских слоев, падении авторитета церкви.

Общий процесс размыwania прежней сословной структуры и складывания новой социально-классовой не был прямолинейным. При всех несомненных достижениях капиталистического развития экономики социальная трансформация историко-культурной среды происходила очень медленно и страдала незавершенностью и противоречивостью. Жизнь городских слоев по-прежнему во многом определялась не столько адаптацией к нарастающему динамизму социальной жизни, сколько стремлением сохранить традиционалистский тип мышления и традиционную систему ценностей. Купечество и мещанство сохраняли в своем мировоззрении, укладе жизни, культуре черты тех сословий, из которых они происходили и, прежде всего, крестьянства – консерватизм мышления, приоритет коллективных интересов над личными, потребность в патернализме, социальную инертность, патриархальность быта. В наибольшей степени это касалось мещанства, все еще ощущавшего непривилегированность своего податного состояния, ограничивавшего экономические, социальные, культурные возможности для самореализации.

Решающая роль в сохранении устойчивых форм бытия принадлежала сословной парадигме, которая продолжала присутствовать в общественном сознании и социальных отношениях. В полной мере это проявилось в 1917 г., когда в поисках путей социальной адаптации мещанство выбрало стратегию развития, оставлявшую его по существу в рамках традиционной сословно-корпоративной культуры.

Объединяющий отдельных представителей купечества и мещанства коммерческий предпринимательский интерес не смог перекрыть антибуржуазность сознания основной массы этих сословий, что препятствовало их объединению в устойчивый средний слой капиталистов, который смог бы составить надежную социальную опору крупной частновладельческой промышленности. Пример Богородска в полной мере подтверждает этот тезис.

Воздействие глобальных макропроцессов историко-культурной среды в разной степени ощущали на себе локальные социальные микроструктуры – отдельные представители мещанства и купечества, семья, сословные корпорации, каждая по-своему переживая субъективный опыт социально-исторического процесса и одновременно формируя историко-культурную среду города в целом. Ее развитие как сферы пересечения, сосуществования и столкновения различных сословных субкультур, практики социальных групп и слоев, взаимодействия культурных традиций и новаций отражало многообразие социально-культурного развития страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева А.А. Богородское мещанство и Всероссийские съезды мещанских обществ 1917 года: в поисках социальной адаптации // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 4. С. 69-79.
2. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М. 2005.
3. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М. 2009.
4. Репина Л.П. Указ. соч.
5. Репина Л.П. Указ. соч.
6. Семенов Д.Д. Городское управление. Очерки и опыты. СПб. 1901.

* * * * *

УДК 947.05 (571.6)

Андриец Галина Алексеевна

*кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН
г. Владивосток
andriets2005@list.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

В статье анализируется социокультурная среда дальневосточных городов второй половины XIX — начала XX века, просле-

живается ее эволюция, определяется роль культуры в повседневной жизни горожан. Особое внимание уделяется досуговой сфере в формировании культурного пространства региона.

Ключевые слова: город, культура, досуг, культурная жизнь, культурное пространство, собрание, общество.

Andriets Galina Alekseyevna

*candidate of historical sciences, research scientist
Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples
of the Far-East Far-eastern branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok
andriets2005@list.ru*

EVOLUTION OF THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT IN CITIES OF SOUTHERN FAR EAST OF RUSSIA (THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY)

The article examines the socio-cultural environment of the Far Eastern cities of the late 19th – early 20th century, traces its evolution, determines the role of culture in the daily life of citizens. Particular attention is paid to the leisure sphere in shaping the cultural space of the region.

Keywords: city, culture, leisure, cultural life, cultural space, meeting, society.

Традиционно город понимается как одна из важнейших форм существования человека, сложное по структуре и специфическое явление человеческой цивилизации, формирующее мировоззрение населения и отражающееся на его повседневной жизни [26, С. 13]. Город как пространственная единица социума является объектом изучения многих наук: географии, демографии, истории, социологии и т.д. Культурные традиции города во многом связаны с историей его возникновения, с обычаями первых его поселенцев.

В конце XIX в. на Дальнем Востоке Российской империи сложилась сеть городов, различающихся по времени возникновения, уровню и темпам развития. Объединяющим признаком для них являлась доминирующая роль государства, как в создании городов, так и в развитии отдельных сторон городской инфраструктуры. Создание городских поселений по инициативе «сверху» некоторые авторы расценивают как «псевдоурбанистический процесс» [1, С. 28]. Однако надо иметь в виду, что если политическое и экономическое развитие дальневосточных городов на протяжении всей их истории

происходило под непосредственным влиянием и контролем государственной власти, то культурные процессы были более автономными, зависящими в значительной степени от личных инициатив.

Формирование урбанизированного пространства было связано с военной политикой государства, направленной на обеспечение безопасности территории нового освоения. После присоединения к России Приамурья и Приморья на карте региона появляются города Николаевск-на-Амуре, Благовещенск (бывшая станица Усть-Зейская), Хабаровск (бывшая Хабаровка), Владивосток. К концу XIX в. удельный вес горожан Приморской области по отношению ко всему населению составлял 22,7%, Амурской области – 28%; в 1917 г. эти показатели были представлены 33% и 20,2%, соответственно [8, С. 225-226]. В начале XX в. урбанизированное пространство русской культуры включало также зону КВЖД. Города являлись центрами административной, политической, социально-экономической жизни и составляли опорный каркас всей системы управления восточной окраины России. Одновременно эти населённые пункты становились средоточием городской культуры, которая наиболее ярко проявляла себя через разнообразные формы досугового времяпрепровождения.

Модернизация второй половины XIX в., ставившая целью развитие российского общества по западноевропейскому образцу, вела к оздоровлению общественных отношений, рационализации всех областей деятельности, появлению новых оснований в социальной сфере, возникновению местного самоуправления гражданского типа. Строительство транссибирской железнодорожной магистрали способствовало постепенному преодолению обособленности восточных территорий. Вследствие этих качественных изменений происходило ускорение темпов развития урбанизированного пространства, что не могло не сказаться на общественном и частном быте горожан.

По численности населения города региона только к концу XIX в. вышли на уровень среднестатистических городов страны. По данным на 1897 г., 42,9% дальневосточных городов относились к городам-сёлам (менее 5 тыс. жителей), 28,6% – к малым городам (от 5 до 20 тыс.) и столько же – к средним (от 20 до 100 тыс.). Больших городов с населением свыше 100 тыс. на Дальнем Востоке не было. В начале XX в. в связи с интенсификацией переселенческого движения, экономическим развитием региона увеличились темпы роста городского населения, опережая общегосударственные. Наибольшее развитие получили города юга региона – Благовещенск, Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийский. К 1917 г. уже только немногим более 22% дальневосточных городов принадлежало к категории городов-сёл, 33% – к малым и 44% – к средним городам, причём численность населения одного из них – Владиво-

стока – приближалась к категории больших (97509 чел. по переписи 1916 г.) [32, С. 12-13]. Следует отметить, что всего в империи к этой категории относилось около 3% городов [11, С. 287].

Первоначально по социальному составу в городах Дальнего Востока России преобладали военные. Так, среди населения г. Николаевска-на-Амуре (первого административного центра Приморской области) в 1858 г. военные, включая членов семей, отставных и отпускных нижних чинов, составляли 1866 чел. (76% населения города), в 1861 г. – 4170 чел. (74,6%), в 1870 г. – 3384 чел. (74,8%) [25, Ф. 1, Оп. 1, Д. 137, Л. 31; 25, Ф. 87, Оп. 1, Д. 77, Л. 9об.; 9, С. 163].

Постоянное население г. Благовещенска первоначально формировалось в основном из членов семей нижних чинов четырнадцатого линейного батальона и лёгкой батареи, а также чиновников, ссыльнопоселенцев, мещан и купцов [7, С. 28, 30]. В 1860 г. в городе проживали 1469 чел., в том числе 975 военных (66,4%) и 494 гражданских жителя. В 1861 г. численность населения составляла 1804 чел., а военные с семьями – 1441 чел. (79,6%), в 1864 г. – 2029 и 1488 чел. (73,3%) соответственно. С конца 1860-х гг. доля военных в городе начала снижаться за счёт быстрого роста гражданского населения, составив в 1880-х гг. 10-15% общей численности населения [25, Ф. 704, Оп. 1, Д. 11, Л. 30-31, 79-79об.; 25, Ф. 704, Оп. 1, Д. 28, Л. 64-64об.].

Подобная ситуация складывалась практически в каждом из дальневосточных городов, которые прошли в своём становлении стадию военного поста. В некоторых из них, являвшихся крупными военными центрами региона и занимавших стратегическое положение, численность и доля военных оставалась весьма высокой на протяжении длительного периода. Например, во Владивостоке, главной крепости России на Дальнем Востоке, на начальном этапе военные составляли большинство населения. В 1868 г. из 510 жителей Владивостока военных и членов их семей насчитывалось 346 чел. (67,8%), в 1877 г. это соотношение составляло 8361 и 3953 чел. (47,3%), в 1895 г. – 20249 и 10644 чел. (52,6%) соответственно. В конце XIX – начале XX в. на долю военных приходилось около трети [25, Ф. 28, Оп. 1, Д. 20, Л. 9-12; 13, С. 2-3; 21, С. 49].

Увеличение численности городского населения соответствовало росту городов юга Дальнего Востока России. Так, на 1 января 1890 г. из 70789 чел. общего числа жителей Амурской области городское население насчитывало 20242 чел. (23%). По результатам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в г. Благовещенске числилось 32834 душ обоего пола или 27% всего населения области (120306 душ обоего пола) [20, Тетр. 2, С. VII]. К 1 января 1906 г. население области достигло численности 171215 чел., из них горожан – 47154 чел. [22, С. 18-19].

Среди городского населения встречались представители всех сословий. Однако на протяжении рассматриваемого периода в сословном составе происходили существенные изменения. В Амурской области сравнительно высокий общий рост численности горожан происходил преимущественно за счёт крестьянско-казацкого населения. Собственно, городские сословия (купцы и мещане) давали небольшой прирост. С 1887 по 1892 гг. численность купечества и мещанства возросла с 6446 до 7345 чел., тогда как крестьянства – с 1382 до 5969 и казачества – с 242 до 378 чел. [9, С. 126-127]. В сословном отношении городское население области по результатам переписи 1897 г. (32834 душ обоего пола или 27%) было распределено следующим образом: преобладали мещане (12812 душ обоего пола – 39% населения города) и крестьяне, причём последние в качестве пришлого населения состояли почти на две третьих из мужчин (7898 м. и 4804 ж.). Войсковых казаков в Благовещенске проживало 955 чел. Третье место занимали иностранные подданные, по большей части бессемейные китайцы (манзы): 3338 душ, из них лишь 175 женщин. Видную часть населения Благовещенска составляли купцы (820, из них 424 м.) и дворяне, потомственные (600, в т.ч. 319 м.) и личные (483, в т.ч. 242 м.), за ними следовали лица духовного звания (245 д.) и почётные граждане, потомственные и личные, и их семьи (264 д.). Представители остальных сословий не превышали 3953 д.об.п. [20, Тетр. 2, С. XI]. На 1 января 1908 г. Благовещенское мещанское общество состояло уже из 6055 семей или 22254 душ обоего пола, в то время как число купцов города достигло всего 811 чел. (купцов 1-й гильдии – 35, 2-й гильдии – 776) [25, Ф. 755, Оп. 2, Д. 896, Л. 92об., 93, 96].

В Приморской области сложилась приблизительно такая же обстановка. Однако здесь в связи с более высоким темпом крестьянской колонизации в 1880–90-х годах произошло сокращение удельного веса русского городского населения почти на 10%, хотя удельный вес городского населения в целом неуклонно возрастал благодаря наплыву корейцев и особенно китайцев. В конце XIX в. большую часть горожан составляли военные и крестьяне, а в начале XX в. на первое место в количественном отношении выходят мещане. Тем не менее на протяжении нескольких лет наблюдаются числовые колебания мещанского сословия. Например, в Никольске-Уссурийском в 1912-1913 гг. было замечено уменьшение причисления к обществу мещан запасных нижних чинов против предыдущих лет вследствие того, что им было отказано в причитающемся 100-рублёвом пособии [14, С. 55; 15, С. 27].

Во второй половине XIX в. в повседневной жизни горожан формировалась особая сословная культура внеслужебного или внерабочего поведения в обществе, характеризующаяся определённой

обособленностью, практицизмом отношений, сочетанием внешних приличий со склонностью к разгулу, азартным играм и спиртному. Молодые офицеры, чиновники, отпрыски местного купечества нередко предавались развлечениям, опасным для жизни. Типичным примером могут служить забавы членов клуба ланцепупов во Владивостоке, придумавших игру «охота на тигра» [31, С. 42-44] – местный вариант «русской рулетки».

Срок прихода писем и газет из центра России постепенно сократился с нескольких лет в первые годы, до трёх-четырёх месяцев – в последующие. Однако книг для чтения по-прежнему не доставало. Следует сказать, что во Владивостоке существовал определённый «лаж на книги». Покупая в единственном книжном магазине книгу, кроме обозначенной цены, необходимо было уплатить премию в пользу владельца магазина в размере 25-30% от номинальной стоимости; хлопоты по нахождению переплётчика и собственно переплёт книги также вели к её удорожанию. В результате при цене книги 1 р. в розничной продаже её стоимость обходилась любителю чтения приблизительно 3-4 и даже более рублей [31, С. 28-29].

С увеличением численности городского населения в общественном сознании утверждалось представление о необходимости разумного времяпрепровождения. Для высшего общества привычной формой организации досуга было домашнее музицирование, художественное чтение, семейные вечера, которые устраивались в выходные и праздничные дни. Популярной формой коллективного отдыха стали вечера и балы-маскарады. Кроме танцев церемония включала дополнительные развлечения: небольшой концерт специально приглашенных артистов или любителей – певцов и музыкантов, живые картины, спектакль. Наблюдатели отмечали широкое распространение любительского театра на Дальнем Востоке, что являлось проявлением свободной воли наиболее образованной части населения, поскольку для большинства служащих игра на сцене была привычной формой самовыражения и общения. Особое место занимали спектакли, которые по инициативе офицеров и членов их семей ставились силами нижних чинов. В 1880–90-е гг. в солдатских театрах идут «Ревизор» Н. Гоголя, «Сцена в корчме» из «Бориса Годунова» А. Пушкина, «Человек предполагает, а бог располагает» Н. Щеглова, «Волчонок» В. Овсенко, «Антошкина проказы» Н. Шульгина. Во всех газетных заметках повторяется мысль о важности подобных мероприятий для просвещения солдат, для сплочения воинского коллектива, для разумного проведения досуга. Высшее руководство одобряло такие инициативы. Например, разумную самостоятельность всячески поддерживал командир Сибирского флотского экипажа капитан первого ранга

Д.В. Палеолог [4, С. 63]. Пресса благожелательно относилась к начинаниям военных, информация о солдатских спектаклях нередко заканчивалась словами: «...вот у кого бы поучиться этим интеллигентным любителям» [30, С. 189-190].

В большинстве своём офицеры, прибывшие на Дальний Восток из европейской России для прохождения военной службы, были образованными людьми, воспитанными на традициях «европеизированной» городской культуры, ориентированной на профессиональные формы. В их среде были нередки люди с художественным образованием или живописцы-любители. Во Владивостоке вместе с другими местными художниками они организовывали первые в истории города выставки изобразительного искусства в 1896, 1899 гг. В них принимали участие капитан 1-го линейного батальона Вольский, характеризовавшийся как «один из видных представителей местного интеллигентного общества», полковники Чиж, Латернер [10, С. 16]. Не случайно, в 1900 г. имена военнослужащих высшего звена встречаем в числе организаторов и активных участников Владивостокского общества поощрения изящных искусств (ВОПИИ). Председателем общества являлся военный губернатор Приморской области А.Г. Чичагов, секретарём – полковник (впоследствии генерал-майор) М.С. Латернер, заведующим художественной частью и рисовальными классами – полковник С.Ф. Чиж [10, С. 16-17].

Самостоятельный выбор человеком культурного времяпрепровождения был неустойчивым и относительным. Он во многом зависел от внешних социальных факторов: повседневного традиционного русского быта, нравов общественной среды, в которой он воспитывался, а также обычаев культурной жизни сословия, к которому он принадлежал от рождения. Сильное влияние культурно-исторического уклада эпохи также сказывалось на данном выборе. В целом, стремление к общественному проведению свободного времени можно расценивать как первый шаг на пути формирования широкого пространства культуры, включающего разноуровневые явления. Городская культурная среда играла значительную роль в формировании ценностных ориентаций и возможностей для каждого горожанина быть активным и непосредственным участником социально-культурных изменений в обществе.

В дальневосточной городской культуре тесно переплетались инновационная и традиционная культуры. Последняя бытовала в основном в устоявшихся праздничных формах. Праздники – явление многогранное и многофункциональное. Праздничная культура, не оформленная институционально, составляла нижний уровень широкого культурного пространства дальневосточных городов. Наиболее значимой для представителей всех сословий оставалась календарная

обрядность, входившая в систему религиозных праздников. Наряду с этим в быту горожан (в отличие от сельских жителей) заметно усилилась роль государственных праздников, в которых доминировало светское начало, наблюдалось перенесение акцента на историческую составляющую памятного события. Отмечались даты, посвящённые важным моментам в жизни России, таким, как восшествие на престол, военные победы, заключение мирных соглашений, отмена крепостного права, 300-летие Дома Романовых. При этом особого внимания заслуживает включение в общероссийский календарь тех памятных дат, которые были непосредственно связаны с историей Дальнего Востока, – водружение русского флага в устье Амура, заключение Айгунского, Пекинского договоров и др. [25, Ф. 755, Оп. 3, Д. 1796, Л. 5, 7-8; 25, Ф. 755, Оп. 2, Д. 145, Л. 52об.-53, 58об.-59].

Общественные праздники в дальневосточных городах конца XIX – начала XX в. состояли из двух основных компонентов: торжественного и культурно-развлекательного. Первый включал в себя посещение церкви, к которому иногда добавлялся крестный ход, военный парад, официальный обед или ужин. Торжественная часть праздника насаждала идеи незыблемости и справедливости существующего порядка, поэтому, за исключением обедов и ужинов, даваемых должностным лицам, в ней надлежало участвовать всем горожанам.

Большое внимание на восточной окраине уделялось датам, связанным с жизнью выдающихся писателей и других деятелей культуры. С особенным размахом отмечались 100-летие со дня рождения А. Пушкина [25, Ф. 1, Оп. 1, Д. 1612, Л. 4; 25, Ф. 755, Оп. 3, Д. 70, Л. 1-2, 6-7] и Н. Гоголя [28, 25 февр., С. 2; 28, 19 марта, С. 4], 80-летие Л. Толстого, 50-летие со дня рождения А. Чехова [3, С. 40], что надо расценивать как свидетельство ощущаемой дальневосточниками неразрывной связи с жизнью отечества.

В конце XIX в. начался активный процесс институционализации социокультурных отношений – их упорядочение и формализация, в результате чего рядом с аморфным содружеством энтузиастов появились организационные структуры с чёткой иерархией, регламентацией деятельности, определёнными правилами поведения – так называемые собрания (морское, военные, гарнизонные, общественные, железнодорожные, коммерческие и др.). Деятельность собраний стала неотъемлемой частью общественной жизни дальневосточных городов. Со временем они превратились в ведущие центры городской культурной жизни, отражая интересы разных слоёв населения.

Каждое собрание имело устав, утверждённый на самом высоком уровне соответствующим министерством или ведомством (Министерством внутренних дел или военным ведомством). В уставе отража-

лись общие цели и задачи организации: сближение членов общества и установление между ними товарищеских взаимоотношений; повышение их культурного уровня; обеспечение членам собрания и их семьям интересного и полезного времяпрепровождения; по возможности, удешевление и внесение разнообразия в их жизнь и отдых.

Успехи в деятельности собраний были обусловлены тем, что в состав правления входили представители городской элиты. Например, первым председателем Морского собрания во Владивостоке был избран капитан 1-го ранга А.К. Шефнер [24], председателем совета старшин Владивостокского общества приказчиков являлся известный меценат, купец В.А. Жариков [18, С. 60], председателем Общественного собрания Хабаровска в 1898 г. был избран член-учредитель Приамурского отдела ИРГО М.С. Веденский. Офицерские собрания в отдельных частях войск возглавлялись командиром части. Наряду с увеселительно-развлекательным времяпрепровождением все большее значение придавалось просветительской деятельности. В стенах собраний регулярно проводились лекции и беседы не только по всем отделам военного образования, но и по другим темам, расширявшим кругозор слушателей: история российского Дальнего Востока, история и культура сопредельных стран, новые научные достижения и т.д. [25, Ф. 1, Оп. 12, Д. 774, Л. 11].

Объединение по интересам давало возможность реализовать конкретно-личностные запросы в среде единомышленников. Одной из форм таких объединений были кружки, которые характеризовались известной замкнутостью и ограниченностью состава участников. Однако деятельность значительной части дальневосточных кружков зачастую была шире: она сопоставима с работой общества или клуба. В регионе именно «кружок» выступал как модель первого городского культурного центра.

И кружки, и общества имели свои уставы, объединённые одной культурной целью и различавшиеся художественной направленностью: музыкальной, сценической, литературно-художественной и т.д. С конца XIX в. все общественные организации должны были получать разрешение на открытие своей деятельности. Документы утверждались губернатором или Министерством внутренних дел. Так, временные правила Хабаровского Общества любителей рисования и живописи были рассмотрены Приамурским генерал-губернатором в 1897 г. [25, Ф. 702, Оп. 3, Д. 155, Л. 1], устав Общества физического развития детей в г. Хабаровске был утверждён Военным губернатором Приморской области в 1908 г. [5], утверждение устава Хабаровского почтово-телеграфного кружка осуществил в 1909 г. «За Министра Внутренних Дел, Член Совета Министра Морозов», а Владивостокское общество спорта, утверждённое Во-

енным губернатором Приморской области генерал-лейтенантом Сташевским, «определением Приморского областного по делам обществ и союзов Присутствия, от 23 мая 1914 г. за № 16» было внесено в реестр разрешённых к действию обществ под № 74 [25, Ф. 702, Оп. 3, Д. 304, Л. 216; 25, Ф. 28, Оп. 1, Д. 491, Л. 2].

Все «кружки» и «общества» в городах юга Дальнего Востока создавались по инициативе наиболее активных групп населения. Например, Хабаровское Общество любителей фотографического искусства было создано в 1894 г. по инициативе капитана Генерального штаба М.А. Соковнина; Владивостокский певческий кружок «Лири» в 1894 г. был организован при поддержке купцов и меценатов А.В. Даттана, Я.Л. Семёнова, А.К. Вальдена; инициатором организации Зейского Общества любителей музыкально-драматического искусства и полезных развлечений в 1909 г. выступил горный исправник В.К. Фон-Адеркас [3, С. 168-169; 25, Ф. 702, Оп. 3, Д. 383, Л. 214об; 25, Ф. 1, Оп. 1, Д. 1400, Л. 5]. Учредителями Благовещенского кружка любителей искусства (1912 г.) были коллежский асессор инженер-технолог Н.Г. Березин, титулярный советник Н.К. Овсяный, коллежский асессор инженер путей сообщения С.В. Несуловский, статский советник инженер Н.Я. Селигеев и губернский секретарь С.Д. Яхнюк. В его состав входили лица обоего пола любого сословия и вероисповедания. В любительских спектаклях, хоре или оркестре принимали участие воспитанники средних учебных заведений и даже состоявшие на действительной службе нижние воинские чины [25, Ф. 704, Оп. 7, Д. 754, Л. 1-4], в то время как в другие организации вход для них был закрыт.

Удалённость восточных территорий от главных культурных центров России, желание удовлетворить свои культурные потребности, с одной стороны, и малочисленность творческих сил, их частая сменяемость, с другой, – способствовали появлению многофункциональных объединений, например таких, как Владивостокское общество любителей оркестровой музыки и хорового пения или Зейское Общество любителей музыкально-драматического искусства и полезных развлечений [25, Ф. 702, Оп. 3, Д. 383, Л. 215-216; 25, Ф. 702, Оп. 3, Д. 384, Л. 32].

Многие кружки и общества существовали при собраниях (музыкальный кружок Морского собрания во Владивостоке [2], литературно-музыкально-драматическое общество при Общественном собрании г. Хабаровска [23; 16, С. 27; 17, С. 51], Николаевский музыкально-драматический кружок любителей [25, Ф. 702, Оп. 3, Д. 384, Л. 95] и др.), народных домах (кружок любителей сценического искусства в г. Никольске-Уссурийском [12, С. 118]), при различных учреждениях, не занимавшихся культурной деятель-

ностью, но предоставлявших сотрудникам своего ведомства возможность интересно провести свободное время (почтово-телеграфный кружок г. Хабаровска [25, Ф. 702, Оп. 3, Д. 304, Л. 216], Благовещенское литературно-музыкально-драматическое Общество почтово-телеграфных чиновников [25, Ф. 702, Оп. 3, Д. 356, Л. 1-3; 25, Ф. 704, Оп. 7, Д. 731, Л. 17-17об.; 25, Ф. 704, Оп. 1, Д. 415, Л. 151-153] и др.). Организаторы любительских кружков и обществ являлись подлинными подвижниками культурной жизни. Наряду с реализацией личного творческого потенциала важнейшими направлениями их деятельности были пропаганда искусства и воспитание художественного вкуса.

Начало XX в. характеризовалось ростом общественной активности горожан. В деятельности существующих общественных организаций заметно усилилась культурно-просветительная и культурно-образовательная направленность, что проявилось в создании и поддержке народных чтений при Народных домах, культурно-просветительных кружков, воскресных школ и пр. С той же целью устраивались библиотечные общества, например, Общество бесплатной детской библиотеки-читальни им. Л.Н. Толстого в г. Благовещенске (1911 г.), учредителями которого были Е.А. Ефимова (жена мещанина), В.А. Попова (дочь мещанина), П.Я. Шабалин (мещанин) и Л.И. Мосолова (дочь чиновника) [25, Ф. 702, Оп. 3, Д. 384, Л. 87-91, 295-296, 541-543, 597]. В общественную деятельность энергично включились женщины из высших и средних слоёв, что, несмотря на их малочисленность, положительно сказалось на общем культурном уровне городов.

Отметим, что в кружках и обществах проявлялись такие индивидуальные качества, как способность к объективной самооценке, действовали факторы зависимости от группового мнения, выраженная ориентация на общие интересы, потребность в поддержке и одобрении, что благоприятно сказывалось на развитии личности. По мнению аналитиков, определяющей характеристикой взаимоотношений оставались взаимная ответственность всех членов друг за друга и за общее дело, осознание каждым собственной значимости.

Участие в деятельности кружка или общества рассматривалось как «общественное дело» и отличалось от других форм свободного времяпрепровождения (чтение, написание мемуаров, коллекционирование, пешие прогулки и пр.). Именно поэтому в кружковую работу было вовлечено значительное число горожан, принадлежавших к разным социальным слоям и возрастным группам. Иногда творческие личности объединялись для организации культурно-массового дела, например, выставок, которые создавали наиболее благоприятные условия для формирования культурной среды. В

их числе следует отметить I-ю Амурскую сельскохозяйственную и промышленную выставку с кустарным отделом, прошедшую в сентябре 1907 г. в г. Благовещенске. С целью осветить состояние производительных сил края были выделены отделы: коневодство; сельскохозяйственные машины; орудия заграничного, российского и местного производства; молочное хозяйство; переселенческое дело. Выставка должна была помочь местному населению далёкой окраины выбрать верный путь к достижению экономического благосостояния для закрепления русских традиций в крае и его процветания [25, Ф. 702, Оп. 3, Д. 297, Л. 1об., 10, 18].

Недостаток полезных культурных занятий частично компенсировался спортивными мероприятиями, которые обычно сопровождались развлекательными программами. Получили развитие такие виды спорта, как велосипедная езда, лёгкая атлетика, фехтование, плавание, гребля, конькобежный спорт, гимнастика. К началу XX в. организации, способствовавшие развитию физической культуры и спорта, стали играть заметную роль в культурной жизни городов. Они не только проводили спортивные состязания, но и устраивали публичные лекции, чтения, вечера, своими силами ставили спектакли и т.д. Пользовались известностью Владивостокское добровольное спортивное общество «Сокол» с большим и малым спортивными залами, катком, спортивной библиотекой, теннисными кортами и площадкой для игр с мячом [19, С. 47-48]; Благовещенское спортивное общество, наряду с соревнованиями (велосипедные гонки, состязания в лёгкой атлетике, призовой «кегельфест») [29, 14 мая, 15 авг.] нередко устраивавшее столь любимые публикой спектакли, балы-маскарады; Никольск-Уссурийское общество спортсменов, систематически проводившее (теоретические и практические) курсы велосипедной езды, атлетики, борьбы, гимнастики, фехтования, плавания, гребного и конькобежного спорта, танцев, а также публичные лекции, чтения, состязания, гонки, прогулки, игры, вечера, спектакли и др. развлечения [12, С. 133-135]; Харбинское гимнастическое спортивное общество, занимавшееся физическим и культурным воспитанием [6] и др. организации. Зрелищность проводимых мероприятий привлекала значительное число горожан, принадлежавших к разным социальным слоям и возрастным группам.

Происходившая на Дальнем Востоке, как и по всей стране, демократизация общественной и культурной жизни определяла разносторонний характер активности самодеятельных организаций. Демократизация в широком смысле предполагала включение в общественную жизнь представителей различных социальных слоёв и возрастов, в том числе детей и подростков. Молодость значительной части населения следует считать существенной особенностью территории не-

давнего освоения. В связи с этим естественной представляется забота старшего поколения о физическом развитии, здоровье и воспитании молодёжи. В начале XX в. почти во всех городах Дальнего Востока существовали общества содействия и устройства детских развлечений и занятий, которые удачно заполняли досуг детей и подростков, устраивая спектакли, концерты, драматические, музыкальные и литературные вечера, выставки детских работ, чтение рефератов, проводя детские праздники, экскурсии, гуляния, обустривая детские площадки для игр, катки и организуя спортивные мероприятия всех видов. Известным примером такой деятельности является Общество содействия и устройства детских развлечений и занятий в г. Владивостоке [25, Ф. 28, Оп. 4, Д. 39-а, Л. 10-10об., 19].

Примечательным событием в жизни региона стало появление собственных детских журналов: «Восход», «Детский труд» (Владивосток), «Всходы», «Голос реалиста» (Благовещенск), «Приамурский школьный листок» (Хабаровск) [27, С. 14, 15, 65, 34]. На страницах местной периодической печати регулярно появлялась информация об ученических вечерах и концертах. Детские коллективы выступали не только в своих учебных заведениях, но и приглашались для участия в общегородских мероприятиях. Вовлечённость детей и подростков в творческую деятельность надо признать удачным дополнением к общей картине городской культуры восточной окраины.

Таким образом, сам город, как административный и общественно-культурный центр, вырабатывал новые формы производственной и внепроизводственной деятельности, способствуя удовлетворению духовных потребностей наиболее активной части населения. Осознание самостоятельной ценности досуговой сферы сделало её важным компонентом и, одновременно, показателем городской культуры. Специфика далёкой окраины заключалась в том, что многие культурные инновации возникали здесь при слабости культурных традиций. В связи с отсутствием специализированных учреждений культуры, а также малой эффективностью гастрольной деятельности на Дальнем Востоке России профессиональную культурную нишу заполняли местные любительские силы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А.С. Город — фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 21-28.
2. Владивосток. Владивосток, 1892. 25 окт.
3. Востриков Л.А., Востоков З.В. Хабаровск и хабаровчане: Очерки о прошлом. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1991. 256 с.
4. Галлямова Л.И. Театральная жизнь Владивостока на рубеже XIX—XX вв. (Основные тенденции и особенности) // Взаимодействие искусств на рубеже веков: материалы науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. С. 63-67.

5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. И-54. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
6. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. Харбин, 1912. № 9. С. 19.
7. История Благовещенска 1856-1917. В 2 т. Т. 1. Посвящается 200-летию Н.Н. Муравьева-Амурского. Благовещенск: ОАО Амурская ярмарка, 2009. 464 с.
8. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 471 с.
9. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. (1640 — 1917): Историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 260 с.
10. Кандыба В.И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока (1858 — 1938). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. 175 с.
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 547 с.
12. Никольск-Уссурийский: страницы истории: документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, Информационно-рекламное агентство «Комсомолка ДВ», 2003. 180 с.
13. Обзор Приморской области за 1894 год. Владивосток, 1895. 51 с.: прил.
14. Обзор Приморской области за 1912 год. Владивосток, 1914. 146 с.: прил.
15. Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915. 130 с.: прил.
16. Памятная книжка Приморской области на 1905 год. Владивосток: Изд-во II Приморского областного стат. комитета, Типография Приморского областного правления, 1905. 199 с.: прил.
17. Памятная книжка Приморской области на 1909 — 1910 гг. Владивосток: Изд-во Приморского областного стат. комитета, 1910. 204 с.: прил.
18. Памятная книжка Приморской области на 1914 год. Владивосток: Изд-во Приморского областного стат. комитета, 1914. 229 с.: прил.
19. Памятники истории и культуры Приморского края: материалы к своду / под общ. ред. А.И. Крушанова; Ин-т ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока. Владивосток: Внешторгиздат, 1991. 267 с.
20. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Амурская область. Т. 72. Тетр. 1. СПб., 1899. 46 с.; Тетр. 2. СПб., 1905. 68 с.
21. Позняк Т.З. Роль военных в становлении и развитии городов дальневосточной окраины во второй половине XIX — начале XX в. // Материалы 53-й Всероссийской науч. конф. Т. 5. Проблемы тактики военно-морского флота, военной истории, геополитики и военно-морской географии. Владивосток: ТОВМИ им. С.О. Макарова ВУНЦ ВМФ «ВМА», 2010. С. 47-60.
22. Представительные органы власти в Приамурье. Очерки истории. — Благовещенск: ОАО Производственно-коммерческое издательство «Зея», 2009. — 272 с.: ил.
23. Приамурские ведомости. Хабаровск, 1900. 13 февр., 1901. 21 окт.
24. Приказ № 23 от 6 января 1876 г. Главного Командира портов Восточного океана г. Владивостока. Владивосток, 1876.
25. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ).
26. Российское городское пространство: попытка осмысления. М. [б. и.] 2000. 165, [1] с.: ил. Научные доклады / Моск. обществ. науч. фонд 116. 165 с.
27. Стрюченко И.Г. Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья эпохи капитализма (1861 — 1917 гг.). Аннотированный библиографический указатель. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. 121 с.
28. Торгово-промышленный листок объявлений. Благовещенск, 1909.
29. Торгово-промышленный листок. Благовещенск, 1910.
30. Шавгарова А.В. Зарождение театральной культуры на Дальнем Востоке (1860 — 1890-е годы) // История культуры Дальнего Востока России XVIII — начала XX вв.: сб. науч. тр. — Владивосток: Дальнаука, 1996. — С. 183-202.
31. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. 468 с.
32. Щербина П.А. Условия жизни населения в городах Дальнего Востока России в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 27 с.

* * * * *

УДК 947.05 (571.6)

Фетисова Лидия Евгеньевна

*кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН
г. Владивосток
lefet@yandex.ru*

НАРОДНО-БЫТОВЫЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

В статье рассматривается формирование пространства народно-бытовой культуры в городах южной части Дальнего Востока России. Показано участие в этом процессе мигрантов из разных российских губерний, а также иностранных подданных, прежде всего из соседних азиатских государств. Автор приходит к выводу, что, несмотря на полиэтничный состав населения, в городах региона доминировали русские традиции, которые включали восточную окраину в общее культурное пространство страны.

Ключевые слова: Дальний Восток России, городское население, иностранные подданные, народно-бытовая культура, русские традиции, православные праздники, фольклорное наследие.

Fetisova Lydia Evgenievna

*candidate of philological sciences, leading researcher
Institute of history, archaeology and ethnography
of the peoples of the Far-East
Far-eastern branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok
lefet@yandex.ru*

FOLK TRADITIONS IN CULTURE OF FAR EASTERN CITIES (THE END OF 19TH CENTURY – THE BEGINNING OF 20TH CENTURY)

This article discusses the development of folk cultural space in cities of south part of Russian Far East. Also it shows how migrants from different Russian governments and also foreign residents principally from neighboring Asian states participated in this process.

Author came to a conclusion that in spite of polyethnic population structure Russian traditions dominated in regional cities so that way eastern outskirts was included in cultural space of whole country.

Keywords: Russian Far East, urban population, foreign residents, folk culture, Russian traditions, Eastern Orthodox holidays, folkloric patrimony.

Формирование пространства народно-бытовой культуры в дальневосточных городах, как и в сельской местности, первоначально происходило на основе локальных традиций переселенцев из разных губерний России. Со второй половины XIX в. недавно основанные Николаевск-на-Амуре (1850 г.), Благовещенск (1858 г.; бывшая станция Усть-Зейская), Хабаровск (1859 г.; бывшая Хабаровка), Владивосток (1860 г.) начали играть важную роль в политической и культурной жизни Тихоокеанской России. Согласно статистике, в конце XIX в. на юге Дальнего Востока удельный вес городского населения был выше, чем в европейской части страны, однако он был достигнут не за счёт собственно городских сословий – купечества и мещанства, а за счёт перемещения жителей сельской округи. Подсчёты Т.З. Позняк показали, что к 1913 г. в Николаевске-на-Амуре и Владивостоке крестьяне составляли, соответственно, 51% и 57% населения (относительно численности российских подданных) [13, С. 71]. Земледелие (огородничество) и содержание домашних животных в этой среде ещё не были утрачены полностью, но уже воспринимались как занятия второстепенные, подсобные. Долше сохранялись традиции духовной культуры (обрядовая практика, фольклорное наследие) как своеобразный компонент исторической памяти.

Досуговые формы, составлявшие специфику именно городской культуры и порождённые ею, на новосельческой окраине в тот период не имели такой общественной ценности, как в центральных районах империи. Крестьянские традиции были особенно сильны в Никольске-Уссурийском, расположенном в центре аграрной округи и получившем городской статус позже других населённых пунктов – в 1898 г. К тому же здесь был самый малый процент (около 0,5%) представителей дворянства, поскольку административный статус Никольска был ниже, чем других городов Приморской области. Для сравнения укажем, что в столице Приамурского генерал-губернаторства Хабаровске этот показатель равнялся 4% [подсчитано по: 8, С. 224].

Применительно к урбанизированному пространству региона надо также иметь в виду его специфику – высокий удельный вес военнослужащих. Однако и в этой среде можно обнаружить отголоски простонародных традиций. Например, художник и писатель

А.В. Вышеславцев, посетивший военный пост Николаевск в 1859 г., отметил, что местная молодёжь, собираясь на гуляния, водила «восьмёрки с особыми фигурами» под мотив незатейливой песенки «На ноги поставила, / Танцевать заставила» [4, С. 283].

Влияние народных традиций было особенно заметным в праздничной культуре. Стабильно значимой для представителей всех сословий оставалась календарная обрядность, включённая в систему религиозных праздников. И здесь консолидирующую функцию выполняла Русская православная церковь. Главными календарными праздниками являлись Рождество, Масленица и Пасха. С конца XIX в. городская элита отмечала их в открывшихся к тому времени культурных учреждениях – собраниях: Военном, Морском, Общественном, Коммерческом и др. О традиционной специфике Зимних Святок напоминал обычай ряжения и обхода домов с исполнением рождественских песен-колядок. Главными участниками рождественского ряжения были мелкие канцелярские чиновники, мещане, молодёжь купеческого сословия. Американка Элеонора Лорд Прей, приехавшая на Дальний Восток в 1894 г., оставила воспоминания о праздновании Рождества во Владивостоке: «Здесь проводятся и такие забавы, как маскарад. Группы людей в масках ходят по городу и заходят в то место, где собирается на праздник общество, независимо от того, знакомы они с хозяевами или нет. Ряженым полагается показывать худшее из того, на что они способны...» [15, С. 74].

Утром на Рождество дети и подростки ходили «славить Христа». У детворы зимнее время года ассоциировалось с рождественской ёлкой и получением подарков. Для детей из беднейших семей праздник ёлки регулярно проводили благотворительные организации. Каждый год ёлку для бедноты устраивали также моряки Владивостока. Её, как правило, ставили в канцелярии Сибирского флотского экипажа в старой деревянной казарме, украшали апельсинами, яблоками, конфетами, свечами. В соседнем помещении накрывали столы, готовили угощение и подарки детям. Торжественная часть состояла из театрального представления, народных песен и комических сценок. Матросы разыгрывали «Царя Максимилиана» и «Шайку разбойников». Последняя пьеса всегда начиналась известной песней «Вниз по матушке по Волге». В действие включались также комические диалоги-небылицы, над которыми смеялась не только публика, но и сами актёры. Детям эти постановки казались верхом театрального искусства [1, С. 106-107].

Празднование Масленицы, отмечавшей рубеж зимы и весны, проходило повсеместно. Обязательным блюдом являлись блины, которые пеклись во всех домах, даже самых бедных. В высшем обществе Хабаровска днём после блинов было принято ездить на

тройках пить чай на Красную речку. В масленичных гуляниях участвовали все слои общества. На площадях устанавливались ледяные горки, для детей организовывались бесплатные катки, выдавались коньки и санки [2, С. 62-63].

Первым весенним праздником после семинедельного Великого поста, начинавшегося сразу за весёлой и шумной Масленицей, являлась Пасха. Церковное богослужение продолжалось всю Светлую седмицу, но обязательным для православных было посещение храма в ночь на воскресенье, с освящением куличей и крашеных яиц. В Благовещенске был широко представлен обычай после чтения евангельских страстей возвращаться домой из церкви с зажжённой свечой. Считалось, что такая свеча не только изгоняет из помещений всё нечистое, но и предохраняет жилище от удара молнии [16, С. 38].

Запрещённые на время поста общественные увеселения возрождались и продолжались в течение всей пасхальной недели. На площадях устраивались качели, различные аттракционы и другие развлечения. В простонародной среде были популярны специфические игры – «биться яйцами» и «катать яйца». Традиция изготовления пасхальных яиц в качестве сувениров и подарков имела самое широкое распространение. Супруга Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского вспоминала, что по случаю Светлого Христова воскресения ученицы хабаровского женского училища преподнесли ей вышитую подушку и два яйца, на которых были искусно вырезаны имена педагогов [7, С. 48].

Для основной массы горожан среди общественных развлечений первое место занимали, если позволяла погода, народные гуляния: в городских садах, скверах, на центральных улицах. Здесь организовывались выступления военных оркестров, хоров, устраивались бесплатные качели и прочие аттракционы, включая выступления фокусников и акробатов. Основу городского фольклорного репертуара составляли жанры необрядовой лирики. На уличных гуляниях заметное место занимали шуточные, хороводные и плясовые песни, причем хороводно-игровые (например, «А мы просо сеяли») входили, главным образом, в девичий репертуар. Они сопровождали весенне-летние праздничные забавы в скверах и парках города. Гендерные изменения в составе участников традиционных забав молодёжи в сторону увеличения женской составляющей отражают специфику городской культуры по сравнению с сельской. В крестьянской среде праздничные гуляния выполняли не только сугубо развлекательную функцию, но и способствовали формированию потенциальных брачных пар, поэтому в них участвовали представители обоих полов. В условиях города совместное времяпрепровождение юношей и девушек было более ограниченным, что закреплялось и системой раздельного обучения.

В мещанском обиходе обязательным компонентом праздничного застолья являлось исполнение народных песен. Большей частью это были произведения позднего происхождения: «Когда б имел золотые горы», «Живёт моя отрада», «Шумел камыш», «Хас-Булат», «Окрасился месяц багрянцем». Прочное место в репертуаре занимала тюремная лирика. Её популярность поддерживалась тем обстоятельством, что на юге Дальнего Востока оседали бывшие каторжане и ссыльно-поселенцы. Чаше всего звучали песни, посвящённые восточной каторге и ссылке: «Бродяга» («По диким степям Забайкалья»), «Бежал бродяга с Сахалина».

Местные интеллигенты обычно исполняли романсы и песни известных авторов, созданные по мотивам фольклора: «Коробейники» Н. Некрасова, «Тонкая рябина», «Смерть ямщика» И. Сурикова, «Ухарь-купец» И. Никитина, «Из-за острова на стрежень» Н. Садовникова. Информацию об этом можно найти в рассказах многих дальневосточников. Например, сын известного исследователя Дальнего Востока В.К. Арсеньева, описывая годы своего отрочества, вспоминал: «Наступили сумерки... Неожиданно кто-то предложил спеть. Остальные поддержали предложение... Сначала пели студенческие песни, затем любимые моим отцом и мной «Вечерний звон», «Славное море», «Бродягу», «Ермака» и другие» [3, С. 20]. О популярности народных песен среди горожан свидетельствует и тот факт, что они достаточно часто включались в программы концертов, дававшихся любительскими коллективами.

Репертуар городских низов, как правило, лишь частично перекликался с фольклором образованного общества. Колоритную зарисовку жизни «на дне» находим в одном из уссурийских рассказов Н.П.Матвеева-Амурского. «Днём одноногий калека Афанасий Иванович собирал милостыню, а вечером с приятелем пропивал ее в каком-нибудь кабаке. В разгар веселья играл на гармонии и пел:

*... Эх-да, пить будем
И гулять будем,
Когда смерть придет,
Помирать будем» [1, С. 19].*

Встречались и песни местного происхождения. Так, в Благовещенске был записан следующий текст:

*Ды над Амуром над рекой,
Ды глубокой, не мелкой,
Стоит многие года
Благовещенск, господа...*

Далее в песне говорилось о разбойных нападениях на Бурхановском мосту, ходить по которому было опасно даже в дневное время [6, С. 24].

Бытовой уклад солдат и матросов, составлявших значительную часть населения дальневосточных городов, был строго регламентирован, но и здесь находилось место устоявшимся традициям, внесшим разнообразие в рутину повседневности. С достаточной степенью достоверности можно говорить о бытовании солдатского и матросского фольклора. Например, известно о популярности песни «Кочегар» («Раскинулось море широко»). К сожалению, эти культурные пласты в своё время не привлекли должного внимания, и многое оказалось утраченным безвозвратно. Однако некоторые материалы находим у Н.П. Матвеева, в частности в очерке «Под звуки «Дубинушки», имеющем подзаголовок «Странички из матросской жизни». «Под звуки неизбежной в таких случаях «Дубинушки» тащила команда из воды баржу и далеко слышалась удалая песня:

*Как восьмая наша рота
Тянет чёрта из болота!
Ой, дубинушка, ухнем!
Вот, зелёная, сама пойдёт!
Ура, ура, ура!*

... И когда баржа не поддавалась усилиям и становилась на одном месте, тогда запевала начинал:

*Отчего же дело стало?
Комиссар наш продал сало!
А хор подпевал:
Ой, дубинушка, ухнем!
Вот, зелёная, сама пойдёт!
Ура, ура, ура!» [1, С. 129-130].*

Приведённый текст свидетельствует о том, что дальневосточная «Дубинушка» испытала воздействие частушечной формы, получившей распространение со второй половины XIX в., и со старой трудовой песней её связывает только припев.

Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. фольклорное наследие играло достаточно заметную роль в жизни горожан-дальневосточников. Причем данный тезис справедлив не только по отношению к русской культуре. Большой приток переселенцев из Малороссии как в сельскую местность, так и в города, способствовал зарождению здесь украинской общественно-культурной жизни. В декабре 1893 г. во Владивостоке при Обществе народных чтений был создан первый украинский хор. В середине 1890-х гг. на Дальний Восток прибыло большое число рабочих и служащих из Малороссии, участвовавших в строительстве и обслуживании железных дорог. Для удовлетворения их запросов сюда стали приезжать многочисленные театральные труппы. Их отличительной особенностью являл-

ся этнографический характер представлений, причем спектакли непременно включали красочные национальные костюмы, пение и пляску [17, С. 78-79]. В репертуар входили такие народные песни, как «На городи калынонька», «Ой, казала мени маты», «Гандзя», «Солнце низенько», «Ой, у лузи», «Гречаники» и др. С 1909 г. установилась традиция празднования ежегодных «Шевченковских свят», посвящённых памяти великого украинского поэта. В концертные программы входили народные песни и танцы; проводились конкурсы на лучший национальный костюм [17, С. 103-116]. Со временем местные артисты-любители других национальностей стали включать в свои выступления популярные украинские песни, тепло принимавшиеся публикой.

Пространство бытовой культуры в регионе складывалось не только на основе традиций народов России, поскольку население Дальнего Востока в значительной степени формировалось за счёт иностранной миграции, масштабы которой были вполне сопоставимы с притоком российских переселенцев. Исследования Т.З. Позняк показали, что удельный вес иностранных подданных здесь был значительно выше, чем в других городах страны. По данным переписи 1897 г., доля иноподданных в европейской России составляла 0,27%, в Сибири – 1,08%, на Кавказе – 1,69%, в Амурской области этот показатель равнялся 10,1%, а в южных районах Приморской области достигал 24,2% (в городах – 36,3%). На Дальнем Востоке проживали представители более чем 20 стран. Преобладали подданные соседних азиатских государств. В городах южной части региона к началу XX в. китайцы составляли 82,6% от общего числа иностранцев, японцы – 8,3%, корейцы – 7,6%, тогда как подданные стран Европы и Америки – всего 1,5% [14, С. 219].

Иммигранты из азиатских стран образовывали замкнутые сообщества и, несмотря на сравнительно быструю и успешную интеграцию в экономическую структуру России, стремились к сохранению этнокультурной идентичности. Весьма показательна в этом отношении жизнь китайских диаспор, доминировавших в системе «жёлтого труда». Особенно заметным увеличение численности китайского населения стало после 1870 г., однако большинство составляли временные жители, которые приходили на заработки, – так называемые отходники. По словам наблюдателей, китайские кварталы представляли собой особый мир, где располагались дома терпимости, опикурильни, комнаты для азартных игр. Понятно, что огромная масса активного китайского населения не могла не способствовать экономическому развитию региона, но их влияние на общее культурное пространство оставалось минимальным.

Вместе с тем, несмотря на то что русские и китайцы жили в состоянии известной изоляции, с обеих сторон наблюдался вза-

имный интерес. Русские старожилы края охотно вспоминали те моменты, которые наиболее ярко запечатлелись в их памяти. Из восточных праздников особенно запомнился Новый год. На юге Дальнего Востока последние зимние морозы до сих пор нередко называют «китайскими». Зарисовку празднования Нового года по восточному календарю в конце XIX в. оставил сибирский писатель Г.Т. Муров: «Каждый молящийся входил в алтарь, поднимал над своей головой приношение и клал его перед чашей; затем с зажжённым пучком свеч становился на колени и, непрерывно кланяясь идолу, бормотал молитву, в заключение клал несколько монет в чашу и уходил». Вечером зажглись фонари, «затрещали ракеты, хлопущки», заиграла музыка. Внимание прохожих привлекали ряженые в масках «страшных чудовищ» [11, С. 54-55].

Особенности китайской культуры и образа жизни воспринимались горожанами не только на уровне бытового общения, но и в деловом мире. Об этом, в частности, свидетельствует публикация основных праздничных дат восточного календаря в таком популярном издании, как «Спутник по Дальнему Востоку». Составитель справочника И.С. Кларк отметил не только даты, посвящённые жизни и деятельности Конфуция, но назвал также традиционные праздники, связанные с древними верованиями и хозяйственной деятельностью китайцев: это праздник фонарей, в 1912 г. приходившийся на 23 января по старому стилю; праздник «пятого числа пятой луны» (9 июня), отличительной особенностью которого была гонка лодок; праздник духов, когда в честь усопших отправлялись по воде плавающие фонари; праздник середины осени (15 сентября) и праздник плодов (15 октября) – дни, когда совершались земледельческие обряды, подводившие итог сельскохозяйственного года и др. [9, С. 39].

Надо сказать, что не только русское население с интересом наблюдало восточные традиции, но и китайцы воспринимали кое-что из русской культуры, например, с удовольствием распевали русские песни, в особенности «Ухарь-купец» и «Солнце всходит и заходит». Любопытно, что нередко они исполнялись на смешанном языке: «Ухаря-купеза, шаньго молодеца»; «Соньце юла и миюла» [5, С. 110]. Распространение этих песен в инокультурной среде является убедительным свидетельством их популярности у русского населения.

Принадлежность не только к разным культурам, но к разным цивилизациям, естественно, затрудняла интеграцию в российское общество иммигрантов из азиатских стран. Противоречивость адаптационного процесса отмечалась даже у выходцев из северной Кореи, которые стремились закрепиться на постоянное жительство в России. Корейские иммигранты первоначально проживали преимущественно в сельской местности. В отличие от отходников-

китайцев они прибывали на постоянное жительство семьями и в основном большими группами. Формирование корейской диаспоры в Южно-Уссурийском крае началось после 1863 г. Правительство России было заинтересовано в крепком аграрном комплексе, производящем продукцию не только для собственных нужд, но и на продажу. Эту задачу успешно выполняла корейская иммиграция, получавшая поддержку со стороны местной администрации [12, С. 252-253]. Наличие компактных корейских сел на территории Посьетского участка, аграрная направленность их хозяйственной деятельности способствовали сохранению родного языка, а также этнических традиций в сфере духовной культуры.

Значительно хуже жилось корейцам в городах, поскольку из-за отсутствия квалификации большинство из них занималось тяжёлым низкооплачиваемым трудом. В основном это были сезонные рабочие-одиночки, прибывавшие на заработки. Плохое питание, перенаселённость жилых помещений, антисанитария – таковы были типичные условия их существования. В 1890-х годах началось отведение в городах особых кварталов, предназначенных для компактного проживания корейцев. Однако, по мнению ряда исследователей, «городские корейцы» имели более высокую степень социальной приспособляемости, быстрее обучались русскому языку, легче усваивали касавшиеся их российские законы [12, С. 203].

В начале XX в. в корейских слободках появились новые формы организации досуга: вечера отдыха, концерты и представления. Вместе с тем и эта часть корейской диаспоры в повседневном быту сохраняла верность этническим традициям. В конце XIX в. наблюдатель писал, что корейцы очень любят музыку, во многих домах имелись музыкальные инструменты, как привезённые с родины, так и изготовленные в России. На них обычно играли по праздникам и на свадьбах. Отмечалось устойчивое бытование песенного фольклора, в котором заметное место принадлежало семейно-обрядовой лирике; исполнялись и традиционные трудовые песни («Песня кузнецов», «Песня ткачей»). Исторические песни посвящались героям, боровшимся против японского владычества. Среди необрядовых произведений музыкально-поэтическим символом Страны утренней свежести стала песня «Ариран». По данным исследователей, в Приморье были созданы свои версии этой песни [10, С. 142-154].

Иммигранты из европейских государств и США также далеко не сразу адаптировались в инокультурной среде. Лишь второе поколение было у них двуязычным или русскоязычным, если мать была русской. Безусловно, часть иностранцев европейского и американского происхождения стремилась к более тесному включению в жизнь российского общества, но отнюдь не к растворению в нем.

Как правило, они поддерживали отношения со своими соотечественниками, сохраняли этнические традиции на семейном уровне, создавали национальные клубы по интересам. Имеются сведения о деятельности немецкого Певческого клуба, в концертах и театральных постановках которого участвовали также датчане и шведы [15, С. 26]. Возможность творческой самореализации в границах культуры исторической родины имела для иммигрантов важное адаптационное значение. Консолидирующую роль в судьбах европейских иммигрантов играла церковь, которая обеспечивала взаимодействие членов конфессиональной группы, способствовала сохранению и передаче традиций. Католический приход объединял, главным образом, проживавших в крае поляков, многие из которых, несмотря на российское подданство, считали себя иностранцами. Для большинства иностранцев, исповедующих лютеранство (немцев, финнов, шведов, латышей, датчан, эстонцев), религиозно-культурным центром стала евангелическо-лютеранская община Св. Павла во Владивостоке. Вместе с тем, несмотря на этническое разнообразие пространства бытовой культуры в дальневосточных городах, можно определённо говорить о том, что продуктивные тенденции были связаны прежде всего с русскими традициями, которые включали далёкую окраину в общее культурное пространство страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амурский Н. Уссурийские рассказы. М., 1904.
2. Андриец Г.А. История культурной жизни городов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX века). Владивосток: Дальнаука, 2014.
3. Арсеньев В.В. Тропой, завещанной Дерсу: Сб. рассказов. Владивосток, 2002.
4. Вышеславцев А.В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб., 1862.
5. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. IV: Фольклор Приморья. Владивосток, 1929.
6. Евдокимов Вл. Золотой Гилуй // Приамурье мое: Проза. Поэзия. Искусство. Воспоминания. Публицистика. Благовещенск, 1970.
7. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. (1640 — 1917): Историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985.
8. Кларк И.С. Адрес-календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Владивосток, 1912. Вып. VIII.
9. Королева В.А. Музыка и театр корейцев на Дальнем Востоке России. 1860—1937 гг.: Диалог истории и искусства. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008.
10. Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока: от Владивостока до Хабаровска (путевой дневник). Томск, 1901.
11. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60—90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000.
12. Позняк Т.З. Динамика сословного состава городов Приморской области в конце XIX — начале XX в. // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII — XX в. Владивосток, 1993. Ч. 1. С. 70-72.
13. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004.

14. Прей Э.Л. Письма из Владивостока (1894–1930). Владивосток: Приморский музей им. В.К. Арсеньева, Альманах «Рубеж», 2008.
15. Фетисова Л.Е., Ермак Г.Г., Сердюк М.Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): адаптационный аспект. Владивосток: Дальнаука, 2004.
16. Черномаз В.А. К 100-летию украинской организованной культурной и общественной деятельности на Дальнем Востоке до 1917 г. // Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 76-120.

* * * *

УДК 94(571.16)

Дегтярев Данил Сергеевич

*кандидат исторических наук, старший преподаватель
Алтайский государственный университет
г. Барнаул
danildegtyarev@yandex.ru*

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ БАРНАУЛА В 1876–1917 гг.

Передача земель в собственность городам после 1870 г. открыла новую страницу в истории городского землепользования. Реконструкции практики использования своих земель одним из крупнейших центров Сибири – Барнаулом – и посвящена данная статья. Она написана в основном с использованием ранее не вводившихся в оборот источников.

Ключевые слова: Барнаул, землеустройство, землепользование, аренда земли.

Degtyarev Danil Sergeevich

*candidate of historical sciences, senior lecturer
Altay State University
Barnaul
danildegtyarev@yandex.ru*

THE LAND USE OF BARNAUL IN 1876–1917

A new period of the city land use began after establishing of the full land ownership in 1870. This article is devoted to reconstruction of the land-using practice in Barnaul. It is based on some unused sources.

Keywords: Barnaul, land-utilization, land use, leasehold land.

После реформы 1870 г. города получали в собственность селитебную и выгонную землю для извлечения доходов в местный бюджет. С этого времени начинается новый этап особого – городского – землепользования. Несмотря на то, что этот вопрос был важной составля-

ющей городской жизни во второй половине XIX – начале XX века, применительно к Сибири он остается практически неизученным. Реконструкция практики использования земли городом на примере Барнаула призвана положить начало заполнению этой лакуны.

Землепользование неразрывно было связано с землеустройством. Для Барнаула это был очень непростой процесс. Город находился на территории Алтайского горного округа, где собственником всей земли был лично Император России, а управлением этим имуществом занимался Кабинет Его Императорского Величества (далее – Кабинет) в составе Министерства императорского двора. По плану 1837 года Барнаулу в пользование под застройку (селитебные земли) было отведено более 780 десятин (по другим данным – 823 десятины) [11, Л. 9-10], а под выгон – 10 тысяч десятин. Этого количества земли вполне хватало городу с населением в 10 тыс. чел. для удовлетворения всех его потребностей.

Проблемы начались при введении в действие Городового положения в Алтайском горном округе. Согласно императорскому указу о наделении городов округа землей от 20 ноября 1876 года Барнаул получал в собственность только усадебные земли. При этом оговаривалось, что участки, необходимые для осуществления горнозаводской деятельности [12, С. 547], а также для административных нужд Кабинета, остаются в собственности последнего. В результате Барнаул получил только 479 десятин 1512 кв. саженей [1, Л. 106], что составило 58% от размера прежней селитебной площади. С этого времени Барнаул начал испытывать земельный голод, который еще больше усиливался в связи с отсутствием собственного выгона. Кроме того, город фактически оказался разделен на кварталы городские и кабинетские, что затрудняло не только администрирование единого городского пространства, но и простейшие мероприятия по его благоустройству. Барнаульское общественное управление начало борьбу с Кабинетом за расширение селитебной черты и за обретение своего выгона.

Решение относительно землеустройства Барнаула (а также и всех других городов округа) было принято Кабинетом лишь в 1899 году и оформлено Указом Правительствующему Сенату от 27 января 1901 года. Согласно этому указу Барнаул безвозмездно получал в собственность выгонные земли в количестве 7558 десятин 902 кв. саженей [1, Л. 2]. Основная масса пригородных территорий к северу, северо-западу и частично к западу от Барнаула стала собственностью города. Оценивая результаты этого этапа землеустройства, можно отметить, что город получил в собственность значительный земельный надел. Отчасти была решена проблема земельного голода. В то же время сохранялось деление Барнаула

на городскую и кабинетскую части, пагубно влиявшее на развитие всего поселения. Кроме того, выделенного количества земель было явно недостаточно для быстро растущего Барнаула, которому еще в 1880-е годы требовалось не менее 10 тыс. десятин только для выгона. Поэтому проблемы, с которыми город столкнулся в последней четверти XIX века, имели место и в начале XX века.

Вновь началась борьба между городом и Кабинетом за расширение земельного надела Барнаула. На этот раз к новому соглашению удалось прийти довольно быстро. Два аналогичных решения были приняты в 1909 и 1911 годах. Согласно им, Барнаул получал за выкуп в 194 тыс. рублей значительный участок выгонной земли в Северном районе общей площадью 1494 десятины 576 кв. саженей [2, Л. 24-24об.]. Кроме того, городу безвозмездно передавался ряд участков в центре: левый берег Заводского пруда, сам пруд, усадьба горного госпиталя, Конюшенная и Демидовская площади в количестве 18 десятин. Таким образом, общее количество земель, принадлежавших Барнаулу, возросло до 9549 десятин 1207 кв. саженей. Данный этап землеустройства был для Барнаула удачным, хотя и сопряженным с большими финансовыми затратами. Вновь расширился земельный надел в пригороде, а также исчезла чересполосица на ряде участков центра города. Однако разделение города между двумя собственниками все еще сохранялось, хотя в значительной мере было сведено на нет, а выделенное количество земли все еще было недостаточным для полного удовлетворения городских нужд.

Как же распоряжался город землей, которую с таким огромным трудом добывал в непрерывной борьбе с могущественным Кабинетом? Нужно сказать, что это был немалый надел. По состоянию на 1 января 1911 г. в собственности Барнаула находилось 753 дес. 1158 кв. саж. земли в городской черте и 7284 дес. 1266 кв. саж. – в пригороде (в это время приобретение городом еще 1.5 тыс. десятин не было окончательно утверждено) [13, С. 2].

Поскольку именно земельная собственность была основным источником доходов, то в интересах города было сдать в аренду как можно большее число участков. Если участок сдавался в аренду под устройство промышленных предприятий, то условия были следующими: арендатор имел право возводить на участке жилые и нежилые строения, как деревянные, так и каменные, постройки, требующиеся при усадьбе, разводить сады и огороды, копать пруды, устраивать колодцы и водопроводы; не имел права возводить иные предприятия, кроме того, для устройства которого и брался участок. Срок аренды участков под промышленные предприятия обычно определялся в 12 лет, после чего прежний арендатор имел преимущественное право переарендовать это место на новый срок [8, Л. 1об., 3об.].

Если же сдавался в аренду участок для постройки жилья или устройства дачи, то условия были иными; арендатор не имел права устраивать там промышленные и торговые предприятия, но сохранял возможность строить любые необходимые ему для жизни сооружения. В обязанность арендатора входило обнести свой участок оградой в первый год аренды и застроить его – во второй. Если же это условие не выполнялось, то город имел право изъять участок у арендатора. Срок аренды жилых и дачных участков был меньше – до 10 лет, реже – до 12 лет [9, Л. 1-1об.]. При этом 21 июля 1908 г. городская дума приняла постановление, которым запретила дробить уже отмежеванные селитебные участки на более мелкие [5, Л. 181].

Однако в реальности большинство городских селитебных мест находилось не в аренде, а было выкуплено у города в собственность. По данным Городской управы за 1914 г. городские земли распределялись по этому показателю следующим образом:

- по договору о 25-летнем выкупе – 91 дес.
- по договору о 12-летнем выкупе – 32 дес.
- по льготному договору о выкупе для беднейших жителей – 34,5 дес.
- на праве аренды сроком на 1 год – 6 дес.
- по специальным арендным договорам для береговой полосы р. Обь – 9 дес.
- на договоре об аренде на 36 лет – 1,5 дес.
- по договорам об аренде на различные другие сроки – 1 дес.
- в Северном районе, проект застройки которого только разрабатывался – 928 дес.
- по договору о выкупе на 2 и 4 года – 12 дес [10, Л. 16].

Из этого перечня ясно видно, что на праве выкупа в Барнауле было в несколько раз больше участков земли, чем на праве аренды. Значительная часть земель и в городской черте и в пригороде была застроена. По состоянию на 24 октября 1916 г. у Барнаула имелось в собственности около 10 тысяч десятин, в том числе незастроенной земли в городской черте – 531,03 дес. (в основном это улицы и площади), а в пригороде – 4659,13 дес. Таким образом, застроено было около половины всех собственных земель Барнаула. Интересно, что по этим же данным из 4,5 тыс. десятин застроенной земли в аренду было сдано всего 750 десятин [10, Л. 48].

Были в Барнауле места, режим пользования которыми заметно отличался от всех других частей города. Например, это берег Оби, который в то время еще назывался бечевником. 24 августа 1903 г. городская дума приняла постановление, в котором говорилось о введении особого режима использования бечевника от устья Барнаулки до Острожного взвоза общей длиной в 200 саженей. Это место резервировалось исключительно под паромные пристани и было

вначале разбито на 5 участков [4, Л. 332-334]. В феврале 1905 г. дума вновь вернулась к этому вопросу и издала постановление, в котором тот же самый участок берега предлагалось разбить уже на 6 частей и сдавать пароходовладельцам под пристани в аренду по цене не менее 95 коп. за кв. сажень. Если же владельцам потребуется в этом же районе городская земля под склады и пакгаузы, то ее решили сдавать по цене от 50 коп. за кв. сажень [3, Л. 33-33об.]. Эти цены были, естественно, выше тех, которые устанавливались для подобных участков в других частях Барнаула. 17 марта того же года было принято решение ассигновать из городской казны 15 тысяч рублей для обустройства береговой полосы. Деньги должны были быть направлены на подъем берега и на углубление фарватера реки в районе пристаней. При этом было решено, что пока такие работы будут проведены лишь до Острожного взвоза, но в дальнейшем подъем берега будет проводиться и ниже него [3, Л. 54]. 26 мая 1908 г. состоялось очередное решение по вопросу о режиме пользования берегом р. Оби. Теперь уже аналогичный особый порядок вводился для местности от Берской ул. до выезда из города, то есть на всем протяжении городской черты и шириною от берега Оби до Береговой улицы. Причем, было решено, что эту часть бечевника будет запрещено сдавать частным лицам в аренду для каких-либо иных нужд, кроме сооружения пароходных пристаней [5, Л. 140]. Однако быстро выяснилось, что реально в этой местности уже существует множество жилых домов – по данным за 1908 год их оказалось 83. Поэтому 27 мая 1909 г. городская дума постановила предоставить владельцам этих усадеб и домов новые селитебные места в квартале №256 между 7, 8 и 9 Алтайскими улицами (ранее этот участок предназначался для сооружения артиллерийских казарм). Этой площади должно было бы хватить на 56 владельцев, так как еще для 27 владельцев уже были ранее выделены места в другом квартале – по 6 и 7 Алтайским улицам. Оставшиеся же на береговой полосе дома подлежали сносу [6, Л. 193]. Наконец, 12 августа 1909 г. состоялось окончательное и наиболее полное решение городских властей о режиме использования бечевником. Во-первых, было признано необходимым устроить вдоль всего обского берега набережную, которая стала бы композиционной осью пространственной организации этого района. Во-вторых, было установлено более четкое функциональное зонирование прибрежной полосы. Итак, участок берега от устья Барнаулки до Гоголевского взвоза отводился под пароходные пристани для частных владельцев, который был разбит на пристанские участки. Участок от Томского взвоза до Гоголевского предназначался для безвозмездного общего пользования: для причала паровых и других судов, выгрузки товаров и вообще для нужд судоходства. А для причала плотов был отведен особый участок на берегу Оби выше

города в 1 версте от устья Барнаулки [6, Л. 232об.]. Определив, таким образом, режим использования береговой полосы, городская дума больше к этому вопросу не возвращалась и лишь следила за тем, чтобы ее постановления исполнялись.

В связи с расширением городской черты, произошедшим в 1901 г. перед городским самоуправлением встала задача упорядочить землепользование в тех кварталах, которые ранее были выстроены на кабинетской земле. 29 мая 1903 г. состоялось заседание думы, на котором был принят целый ряд ключевых решений по данному вопросу. Во-первых, было установлено, что квартальная сеть во вновь присоединенных районах должна соответствовать квартальной сети в остальной части города, то есть ширина квартала – не превышать 50 саженей, а длина должна быть такой, чтобы существующие переулки не были перекрыты. Во-вторых, был искусственно остановлен рост города на северо-восток – между Бульварным переулком, Московским трактом и Обью, так как оставались еще свободные селитебные участки в южной и юго-западной частях Барнаула. Это делалось для того, чтобы упорядочить землепользование в уже застроенной части. В-третьих, было разрешено не сдавать в аренду селитебные участки во вновь присоединенных частях города, а продавать их. И, в-четвертых, было предложено создать новую площадь для общественных мероприятий в северной части Барнаула – между Московским и Соборным переулками от 2 до 5 Алтайских улиц. Однако, уже тогда это решение было невозможно осуществить – указанные кварталы в основном уже были застроены домами [4, Л. 265-277]. В августе 1903 г. была проведена оценка стоимости участков во вновь присоединенных на севере и юге Барнаула кварталах. Были установлены следующие расценки:

1. Коряковская ул. – от 40 коп. до 2 руб. за кв. саж;
2. 1 и 2 Алтайская ул. – от 30 коп. до 1,5 руб.;
3. 3 и 4 Алтайская ул. – от 30 коп. до 1 руб.;
4. 5 Алтайская ул. – 30-40 коп.
5. Подгорная ул. – от 1 до 1,5 руб.;
6. Пороховая ул. – от 30 до 60 коп.;
7. Михайловская ул. – от 30 до 50 коп.;
8. Вагановская и Воскресенская ул. – от 40 до 50 коп [4, Л. 362-363].

Если сравнивать эти расценки с другими частями Барнаула, то в среднем они ниже, что объясняется удаленностью вышеуказанных улиц от центра и плохим качеством грунтов.

12 сентября 1903 г. своим очередным постановлением городская дума разрешила начать немедленную продажу селитебных мест по 5 Алтайской ул. и на западной окраине Зайчанского предместья (по Павловской и Сузунской ул.) для того, чтобы предотвратить

застройку северо-восточного района. Интересно, что это же постановление можно считать началом организации массовых и общедоступных пригородных дач. Управой были определены три места под дачи: рядом с дачей (заводом) Ворсина, на задах порохового склада Сбитнева (где нынешняя ул. Парковая) и на левой стороне речки Барнаулки вдоль Пивоварки от содового завода до Павловской дороги (район современного трамвайного депо №1 и старого воинского кладбища). В этих местах дума распорядилась начать сдачу в аренду небольших участков по низким ценам [4, Л. 365-366].

Однако было бы ошибкой думать, что городское земельное хозяйство пребывало в полном порядке. Скорее, наоборот. В конце 1916 г. дума предприняла масштабную акцию по урегулированию городского землепользования. Для начала был проведен мониторинг реальной ситуации. Для этого весь Барнаул был разделен на 8 частей:

1. Северная часть города – от северной стороны Полковой ул. до 10 Алтайской ул. и от Оби до конца города к бору (те районы, которые перешли к городу от Кабинета в 1901 г. и вновь застроенные в 1901-1916 гг. кварталы – Алтайская часть).

2. Берская, Сузунская и часть Павловской ул. от 2 Прудского пер. до конца города к р. Пивоварке.

3. Набережная Заводского пруда и южная сторона Пушкинской ул. от 2 Прудского пер. до конца города.

4. Береговая полоса р. Обь.

5. Подгорная ул., Ивановский лог и Косой взвоз.

6. Воскресенская, Вагановская и северная сторона Пороховой ул. от начала горы до кабинетского бора.

7. Южная сторона Пороховой ул. Бельгийская. Большая и Малая Змеевская, Береговая ул. от Болдыревского пер. до бора, Кузнецовская заимка и Сбитневские сараи.

8. Самовольно занятые поселки Порт-Артур и Сахалин.

Таким образом, обследовались те районы, которые либо перешли к городу от Кабинета в 1901 г., либо были застроены после 1901 г. Не обследованной осталась центральная часть города, т.к. эти районы перешли городу от Кабинета уже застроенными до 1901 г. и составили частную собственность отдельных лиц (практику продажи, а не сдачи в аренду городской земли применяли окружные власти).

Результаты обследования буквально потрясли городские власти. Оказалось, что:

1. На 839 участков совершены крепостные акты, т.е. они выкуплены в полную собственность.

2. На 1079 участков были заключены договора о продаже, за них внесены какие-то деньги, но выкупная операция по ним еще не завершилась.

3. 2 участка находятся на праве застройки, т.е. сданы по особому договору.

4. На праве краткосрочной аренды находятся 9 участков.

5. Владельцы 64 участков заключили договоры аренды, но никаких денег городу не платят.

6. Владельцы 119 участков, наоборот, договоров аренды не заключили, но исправно платят за свои места.

7. 22 участка без согласия Управы переданы другим лицам, т.е. нарушен один из пунктов договора аренды.

8. В отношении 126 участков идет судебное разбирательство, поэтому сделки с участками заморожены. К этой же категории отнесены 48 участков по северному берегу заводского пруда от 2 до 6 Прудского пер.

9. 107 участков в Порт-Артуре и Сахалине заняты самовольно.

10. Данные на 6 участков отсутствуют вовсе.

11. 4 участка перешли в собственность их владельцев в силу закона о давности владения, то есть город просто потерял эти места, не успев заключить на них крепостные акты.

12. Владельцы 20 участков вообще не платят городу ничего, при этом пользуются местами с разрешения городских властей.

13. Осталось свободными 122 участка.

14. 5 участков заняты школьными зданиями, поэтому у них имеется особый режим использования [7, Л. 301-306].

Таким образом, выяснилось, что городское земельное хозяйство ведется плохо, город несет огромные убытки. И причина этих убытков, прежде всего, в том, что местные власти вовремя не установили переход селитебных участков в собственность их владельцев. Времени на исправление своих просчетов у Барнаульского общественного управления уже не оставалось – через три месяца грянула Февральская революция.

Сложно сказать, насколько именно такой тип землепользования был характерен для всех городов Сибири. Скорее всего, практика Барнаула – это особый случай, обусловленный спецификой дореволюционного Алтая.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2319.
2. ГAAK. Ф. 31. Оп. 1. Д. 183.
3. ГAAK. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1.
4. ГAAK. Ф. 51. Оп. 1. Д. 4.
5. ГAAK. Ф. 51. оп. 1. Д. 7.
6. ГAAK. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8.
7. ГAAK. Ф. 51. Оп. 1. Д. 21.
8. ГAAK. Ф. 155. Оп. 1. Д. 1.
9. ГAAK. Ф. 155. оп. 1. Д. 15.
10. ГAAK. Ф. 219. Оп. 1. Д. 70.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 586.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. LI.
13. По Оби и город Барнаул. 1912-1913. путеводитель. Барнаул: Типография М.О. Кедрина, 1912.

* * * * *

УДК 94(57)

Ищенко Оксана Владимировна
доктор исторических наук, профессор
Сургутский государственный университет
г. Сургут
iovfu@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОГО СИБИРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НА ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА ГОРОДА ТОМСКА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

В статье рассматривается влияние первого сибирского университета на изменение социального и культурного облика города Томска. Благодаря университету Томск на рубеже XIX – XX вв. постепенно превращался в научную, образовательную, культурную столицу Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, социокультурный облик, городское пространство, Томский университет.

Ishchenko Oksana Vladimirovna
doctor of historical sciences, professor
Surgut State University
Surgut
iovfu@yandex.ru

THE FIRST SIBERIAN UNIVERSITY AND ITS INFLUENCE ON THE CHANGE OF SOCIAL AND CULTURAL TOMSK'S SHAPE AT THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY

The article is devoted to the characteristic of the influence of the first Siberian University on change of social and cultural Tomsk's shape. Gradually owing the university Tomsk transformed in scientific, educational, cultural capital of Siberia at the end of XIX - beginning of XX century.

Keywords: Siberia, social and cultural shape, city's environment, the Tomsk University.

На сегодняшний день очевидно, что рост экономического, народнохозяйственного, культурного потенциала любой страны, ее

значение и роль в мировом сообществе, бесспорно, связаны с эффективностью ее образовательной системы. Особое место в ней принадлежит университетам, которые изначально формировались не только как высшие учебные заведения, но и как научно-образовательные центры, вокруг которых складывалась активная культурная среда. Именно университеты являлись и являются центрами открытия новых знаний.

Университеты притягивали талантливых и любознательных людей, становясь центрами науки, образования и культуры, центрами пропаганды научных знаний. Здесь читались открытые публичные лекции, проводились просветительские экскурсии в университетские музеи, лаборатории, ботанические сады, организовывались научные экспедиции по изучению природных и этнокультурных богатств империи, ее окраин и сопредельных государств. Университетские профессора оказывали влияние на разные стороны жизни общества: научную, образовательно-просветительскую, общекультурную, народнохозяйственную и социально-политическую [8, С. 286].

Традиционная российская историография изолировала членов университета от их окружения, с которым они были тесно связаны. Но ведь профессора и студенты жили и действовали в определенной социальной среде – снимали квартиры или комнаты, делали покупки, давали частные уроки или преподавали кроме университета в других учебных заведениях, посещали театры и концерты (или сами устраивали представления), сотрудничали в благотворительных, научных или профессиональных ассоциациях, принимали активное участие в распространении образования в различных слоях общества (от обучения грамоте до публичных лекций профессоров). Кроме этого, преподаватели активно работали в городском самоуправлении в качестве депутатов и даже избирались городскими головами; а после 1905 г. сотрудничали в легализованных или новосозданных политических партиях [9, С. 6].

Университетские города распространяли свое влияние на целые регионы и способствовали их просвещению, причем речь идет не только о крупных столичных вузах. Деятельность провинциальных университетов создавала оазисы интеллектуальной культуры и нравственности, просвещенную среду и атмосферу духовности. В Сибири роль такого научно-образовательного центра, на долгие годы определившего вектор развития города, в котором он был основан, сыграл Томский университет.

Инициатива его открытия принадлежала, в первую очередь, сибирской общественности. Готовность пожертвовать крупные суммы для строительства университетского здания выражали мно-

гие сибирские предприниматели. Большая кампания за создание в Сибири университета была развернута и известными сибирскими общественными деятелями, учеными, публицистами. Со статьями, речами и докладами на эту тему в сибирских городах выступали Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков, П.А. Словцов и другие [6, С. 18].

Соперничество за право открытия университета развернулось между всеми крупными городами Сибири: Омском, Тобольском, Томском, Красноярском, Иркутском, но главными претендентами на звание первого вузовского города Сибири были губернский Томск и Омск, являвшийся столицей Степного края. Генерал-губернатор Н.Г. Казнаков был сторонником размещения университета в Омске – крупном административном центре Западной Сибири. Среди членов комиссии, созданной для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета, долгое время не было единого мнения о месте размещения будущего университета. Сравнение возможностей городов-соперников шло по 12 пунктам, таким как центральность географического положения, степень населенности, благоустройства и благосостояния города, дешевизна проживания, число средних учебных заведений, отношение общества к университету и даже наличие лечебных заведений, дающих пособия для медицинского факультета, и количество политических ссыльных, могущих вредно влиять на студенчество [6, С. 18]. Однако комиссия признала, что географически Омск не занимает центрального положения относительно Сибири в целом – и Западной, и Восточной. Это обстоятельство оказалось крайне важным, поскольку предполагалось, что будущий университет надолго останется «единственным рассадником высшего просвещения для всей Сибири» [18, С. 10].

Крайне важным стало и то, что именно в Томске идея создания Сибирского университета встретила наибольшую общественную поддержку. Томский городской голова З.М. Цибульский в августе 1876 г. подал министру народного просвещения записку с обоснованием географических, экономических, общественных преимуществ Томска перед Омском, в которой отмечал: «Пусть откроются в Сибири две подписки: на университет в Омске и на университет в Томске, тогда увидят наглядным образом, что первому никто не сочувствует, на второй же посильные приношения деньгами, учреждением стипендий, коллекциями для музеев и т.п. потекут широкою рекою» [18, С. 6].

В результате длительной работы комиссия пришла к выводу, что по всем показателям «Сибирский университет целесообразнее и полезнее для края открыть в городе Томске» [18, С. 157]. Заключение комиссии в дальнейшем было рассмотрено на заседании

Государственного Совета, который вынес решение об открытии университета в Томске. Решение Государственного Совета было передано на утверждение императору Александру II. 16 мая 1878 г. императором было дано распоряжение об основании в г. Томске первого сибирского университета. Длительная борьба за открытие университета на отдаленной окраине империи не случайно увенчалась успехом именно в период великих реформ, поскольку либерализация общественной жизни является необходимым условием выполнения университетом своих основных функций [8, С. 272].

Для строительства университетского комплекса Томской городской думой было выделено удобное место практически в центре города. 26 августа 1880 г. была произведена торжественная закладка зданий Томского университета. Основные работы по строительству главного корпуса были выполнены в 1884 г. Одновременно шло строительство других зданий, заметно изменивших облик города: каменной оранжереи, газового завода, общежития для студентов. К 1895 г. основные строительные и отделочные работы были завершены. Кроме учебного корпуса и вспомогательных помещений на университетской территории появился первый в городе фонтан и был проведен первый водопровод [17, С. 123].

Другим заметным элементом университетского комплекса, повлиявшим на создание новой городской среды, стал ботанический сад, в котором студенты медицинского факультета проводили наблюдения и практические работы при прохождении курса ботаники. Ботанический сад был заложен в 1885 г. приехавшим из Казани П.Н. Крыловым. По его проекту был разбит университетский парк и скверы, включавшие в себя различные виды деревьев и кустарников, зачастую новых для Сибири [5, С. 137].

К началу своей деятельности сибирский университет располагал солидной научно-учебной базой. Он имел значительное количество хорошо оборудованных аудиторий, ряд кабинетов, химических лабораторий, клиник с новым медицинским оборудованием. Особой гордостью нового университета стала его библиотека, ставшая лучшей в Сибири. В 1880 г. при Томском университете был основан музей археологии, истории, этнографии и нумизматики для предполагавшегося историко-филологического факультета. Немного позже в университете были открыты зоологический и минералогический музеи [6, С. 19].

22 июля 1888 г. состоялось торжественное открытие первого в Сибири Томского университета, ставшее большим праздником для сибирской общественности. Как отмечалось в описании торжественного обеда по случаю открытия университета: «Забыты были чины, общественная разность положений, над всем господствова-

ла мысль, что в Сибири есть теперь давно желанный умственный центр, вокруг которого вся интеллигентная Сибирь может честно и мирно группироваться во имя общественного блага» [10, С. 37].

Университет сыграл большую роль в складывании архитектурного облика Томска, а «университетское пространство» составляло существенную часть пространства города. Однако модернизация городской среды была далеко не быстрым процессом. И будущий студент Николай Либеров, приехавший поступать на медицинский факультет Томского университета в 1896 г. из Костромской губернии, с изумлением писал родным: «Томск, когда мы в него вошли, поразил нас невидимой нами доселе удивительною грязью. Идти по городу пришлось по колено в грязи. Я не преувеличиваю нисколько». А когда в Томске потеплело, то «вместо непролазной грязи появилась невозможная пыль». Либеров описывал Томск как город, где по вечерам горит электрическое освещение, где очень богатые магазины («В России, кажется, и не найдешь таких!»), но в то же время распространено воровство, часты драки «стенка на стенку». «Вообще Томск очень интересен! И замечательно как здесь уживаются и мирятся друг с другом непримиримые противоречия! Самое высшее образование с невозможной грубостью и суеверием, колоссальное богатство с невыразимой бедностью!» – заключал автор письма [7, С. 10-14]. Мнение студента подтверждал и автор книги «Томская старина» А.В. Адрианов, писавший о том, что слава о томичах с основания города была «не очень высокой пробы» – пьянство, разврат, воровство, «срамные болезни» определяли облик губернской столицы [1, С. 12].

Но пыльный, грязный и малокультурный город под влиянием университета постепенно превращался в «умственную столицу Сибири», в «Сибирские Афины».

Появление в Томске приглашенных сюда видных ученых способствовало тому, что всего за несколько лет в городе возникли десятки филиалов общероссийских Императорских научных, инженерно-технических, профессиональных, культурно-просветительских, попечительских и других обществ. Научная и научно-просветительская деятельность преподавателей Томского университета реализовывалась также в Обществе естествоиспытателей и врачей и Юридическом обществе.

Помимо научной работы, перед Томским университетом стояла важнейшая задача быть «светочем Сибири», исполнять роль культурного центра, нести в массы знания, просвещение. Лекции, доклады, беседы, чтения для населения были постоянным явлением и охотно посещались населением Томска, о чем свидетельствуют заметки в газетах «Сибирь», «Сибирская жизнь», «Сибирский

вестник». «Чтение для народа» было тем мероприятием, в котором проявлялось стремление ученых сибирского университета к распространению знаний, просвещению населения Сибири. Больше всего лекций и докладов читалось для населения Томска. Иногда отдельные ученые университета и студенты старших курсов выезжали в другие города края с целью популяризации научных знаний [6, С. 21].

Университет преобразил Томск и оказал благотворное воздействие на развитие интеллектуального потенциала Сибири на многие десятилетия. Распространение научных знаний, увеличение количества образовательных заведений и, следовательно, числа образованных людей, способствовали тому, что Томск стал крупнейшим в Сибири полиграфическим центром. Из 391 книги общим тиражом в 230 тыс. экземпляров, вышедших в Сибири в 1913 г., в Томске было выпущено 177 книг в количестве 96,5 тыс. экземпляров. Одновременно здесь выходило 6 больших ежедневных газет и 10 еженедельных и ежемесячных изданий журнального типа. По количеству периодических изданий Томск входил в первую десятку российских городов. Многие профессора сотрудничали в «толстых» журналах и газетах, некоторые издавали их, тем самым еще больше раздвигая границы своей аудитории, которая пополнилась благодаря этому не только за счет преподавателей средних учебных заведений, учащейся молодежи, но и всех грамотных людей [8, С. 287, 444]. Редакторами самой крупной и авторитетной газеты в Сибири – «Сибирской жизни» – на протяжении ряда лет были преподаватели Томского университета И.А. Малиновский и М.Н. Соболев.

Профессора принимали самое активное участие в культурной жизни города и края. Их образованные, часто очень одаренные жены давали концерты, устраивали выставки, являлись организаторами музыкального и художественного образования. Большая часть профессоров и их жены оказались не только знатоками и любителями музыки, но и прекрасными исполнителями. Первый ректор Томского университета профессор Н.А. Гезехус, ученик Гельмгольца и замечательный музыкант, вместе с инспектором реального училища А.А. Солодовым взялись бесплатно обучать желающих студентов игре на скрипке, виолончели, альте. Активное участие в жизни Томского отделения Русского музыкального общества принимали профессор Н.М. Малиев, профессор С.И. Залесский, жена которого Я.Ф. Залеская, с отличием окончившая Варшавскую консерваторию, давала сольные концерты и частные уроки, работала в музыкальных классах. Весной 1909 г. художниками, литераторами, общественными деятелями, профессорами

томских вузов было основано Томское общество любителей художеств. Общество фактически объединяло художественные силы всей Сибири [8, С. 445, 449-451].

Томскому университету также принадлежала заслуга в устройстве юбилейных заседаний и вечеров, посвященных великим русским ученым, писателям, общественным деятелям. Университет организовал торжественные заседания, чтение лекций и докладов, посвященных 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, 80-летию Л. Н. Толстого, 100-летию со дня рождения Ч. Дарвина, 300-летию со времени присоединения Сибири к России и многим другим знаменательным датам. Томские студенты принимали участие в праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г., 50-летия отмены крепостного права, 300-летия празднования Дома Романовых, проведении культурных выставок и т. д. [6, С. 21]. Все это вместе взятое и создало сибирскому университету в дореволюционный период заслуженный авторитет культурного центра Сибири, и как было отмечено в юбилейном очерке к 25-летию этого учебного заведения: «Пути участия университета в общественной жизни многообразны... и благотворное влияние его на культуру края несомненно» [11, С. 10].

Определенную роль университет играл и в экономике Томска. Во-первых, благодаря университету заметно увеличилось количество жителей города: с 21 тыс. человек в середине XIX в. до 52,5 тыс. чел. в 1897 г. К началу XX в. Томск оказался по количеству населения самым большим в Сибири, но самым маленьким из университетских городов России (кроме Юрьева (Дерпта)). Во-вторых, студенты и профессора были потребителями товаров повседневного спроса, съемщиками жилья, пользовались городским транспортом. Многие предприниматели и торговцы зарабатывали на строительстве, ремонте и обслуживании университетских зданий, поставках необходимых университету товаров и пр. [3, С. 463]. В то же время увеличившийся спрос на жилье приводил к росту цен на квартиры. Типичная томская квартира представляла собой помещение без воды, электричества, с нештукатуренными стенами. При этом стоимость одной комнаты колебалась от 8 до 30 руб., с кухней – до 12-40 руб., с водой и электричеством на 25% дороже [4, С. 312]. Дешевле стоило проживание в общежитии (14 руб. в месяц вместе с питанием), но общежитие вмещало только 80 человек. Принятое решение о строительстве еще одного корпуса не могло быть реализовано из-за отсутствия денежных средств, что вынудило томского городского голову А. Карнакова обратиться к сибирякам с призывом о помощи [12].

Поскольку многие томские студенты были выходцами из малообеспеченных слоев населения и не имели возможности жить на средства родителей, они вынуждены были зарабатывать на жизнь самостоятельно, совмещая при этом учебу с работой. Так, при проведении в 1901 г. студенческой переписи, 213 из 392 опрошенных студентов университета ответили, что они вынуждены подрабатывать, давая уроки, участвуя в церковном хоре или работая в различных учреждениях. При этом среднемесячный заработок работающих студентов составлял 22 руб. 38 коп., а среднее число рабочих часов в неделю достигало 18,7. Некоторые виды подработок отнимали у студента по 5 часов в день, что было несовместимо с учебой [16, С. 28-32]. Возможность же получения заработка студентами в Томске была довольно затруднительна. Учитывая большое количество ищущих работу (например, в 1908 г. ректор Томского университета отмечал, что большинство студентов содержит себя самостоятельно [2, Л. 218]) и малое количество вакансий, студенты соглашались на низкооплачиваемый труд, такой как репетиторство, за который платили в среднем 20 копеек в час [16, С. 28-30]. Высокооплачиваемая работа была редкостью.

Сибирская печать из года в год помещала заметки о материальной нужде многих томских студентов. «Томское студенчество никогда, быть может, не переживало такого тяжелого кризиса», – писала газета «Сибирская жизнь» в конце 1913 г. [13]. В начале 1914 г. в той же газете появилась заметка следующего содержания: «Заставьте, попробуйте студента – немца или француза пройти в русский мороз в таком пальтишке, в каком русский студент ходит..., покормите-ка их «обедом» за 6 копеек... Ни один студент в мире не живет так, как он» [14]. Оценивая результаты проведенной в 1913 г. анкеты среди томских студентов, журнал «Сибирский студент» отмечал: «Анкета... доказала, что студенчество переживает страшный кризис во всех отношениях... 80% студенчества состоит из трудового, демократического элемента общественных слоев и при всем желании не имеет бюджета, совершенно обеспечивающего его на время прохождения курса высших учебных заведений. Бюджет студента не более 15–25 рублей и нередко студент испытывает страшную нужду и доходит до нищеты. Данные анкеты показывают, что томские студенты, в количестве 75%, не могут найти заработка при всей своей нужде в нем» [15, стб. 43-44].

Малообеспеченность студентов была одной из основных причин их активного участия в революционном движении. Именно студенты томских вузов составляли костяк местных социалистических партий, определяя важную роль Томска в истории российского революционного движения.

Таким образом, благодаря университету Томск из заурядного города трансформировался в город уникальный. Он стал первым, и на долгое время единственным, университетским городом Сибири, который смог состояться в особых условиях, когда появилась потребность в конкретных научных знаниях, уже был опыт их преподавания и ширился круг тех, кто хотел учиться. Конечно, жизнь университетского города не сводится только к обеспечению университетской инфраструктуры, ибо город и сам по себе имеет определенное народнохозяйственное значение, которое, однако, вне своего ядра – уникального явления науки, образования и культуры, каким стал его университет, – изменилось бы: на карте национальной культуры остался бы обычный провинциальный город. Но лицо университетского города со времени основания его университета приобретает все более определенные черты благодаря и другим вузам, научным учреждениям, качеству высшего, среднего и специального образования, растущему слою научной интеллигенции с ее менталитетом, интересами и потребностями – все это влияет на уклад, стиль, образ жизни горожан, создавая городу некую ауру [8, С. 446]. Именно таким городом и представляется Томск.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрианов А.В. Томская старина. Томск, 1912.
2. Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2182.
3. Гилязов И. Город Казань и Казанский университет в начале XX в. // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009.
4. Город Томск. Томск, 1912.
5. Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880-1955). Томск, 1960.
6. Ищенко О.В. Томский университет в городском пространстве Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Югорского государственного университета. 2012. Вып. 1.
7. Либеров Н. Тепло становилось на душе от речи профессора // Сибирская старина. 1998. Сентябрь.
8. Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998.
9. Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009.
10. Первый университет в Сибири. Томск, 1889.
11. Попов М.Ф. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888-1913). Томск, 1913.
12. Сибирская жизнь. 1899. 10 марта.
13. Сибирская жизнь. 1913. 29 дек.
14. Сибирская жизнь. 1914. 8 февр.
15. Сибирский студент. 1914. № 1.
16. Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов. Томск, 1902.
17. Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 2004.
18. Труды комиссии, утвержденной по Высочайшему повелению, для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета. СПб., 1878.

* * * * *

УДК 614.(571.1)

Татарникова Анна Ивановна

кандидат исторических наук, доцент

заведующая лабораторией истории освоения Сибири

Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН

Филиал Тюменского государственного университета в г. Тобольске

г. Тобольск

tatob777@yandex.ru

САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ «ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ СТОЛИЦ» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Автор публикации рассматривает санитарное состояние административных столиц региона (Тобольска, Томска и Омска) как составную часть их городской среды. Акцентируется внимание на повседневных практиках горожан по содержанию в чистоте улиц, площадей, придомовых территорий, удалению и вывозу нечистот, соблюдению санитарных требований в различных учреждениях санитарной инфраструктуры. Прослеживается зависимость эпидемических заболеваний жителей от общего санитарного фона городов. Делается вывод о постепенном изменении санитарно-гигиенических представлений и соответствующих им поведенческих установок горожан под влиянием процессов урбанизации и индустриализации, пришедших в Сибирь в начале XX в.

Ключевые слова: санитарное состояние, городская среда, качество жизни, санитарно-гигиеническая культура, повседневные поведенческие практики, Западная Сибирь.

Tatarnikova Anna Ivanovna

candidate of historical sciences, associate professor

head of the laboratory of history of development of Siberia

Tobolsk integrated research station, Ural branch

of the Russian Academy of Sciences

branch of Tyumen State University in Tobolsk

Tobolsk

tatob777@yandex.ru

THE SANITARY CONDITION OF THE PROVINCIAL CAPITAL OF WESTERN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The author considers the sanitary condition of the administrative capitals of the region (Tobolsk, Tomsk and Omsk) as part of their urban environment. Focuses on the everyday practices of city residents to keep clean streets, squares, residential areas, the destruction and removal of sewage, and sanitation in various institutions sanitation infrastructure. There is a strong dependence of epidemic diseases inhabitants of the total health background cities. It is concluded gradual change sanitary representations and corresponding behavioural attitudes of citizens under the influence of urbanization and industrialization, had come to Siberia in the beginning of XX century

Keywords: health status, urban environment, quality of life, sanitation culture, everyday behavioral practices, Western Siberia.

В фокусе исследовательских интересов современных историков-сибиреведов, изучающих различные аспекты жизни города, все чаще оказываются сюжеты, связанные с повседневными практиками поведения горожан в процессе их жизнедеятельности, в том числе ведения быта, организации досуга и т.п. Слабоизученной темой остается санитарно-гигиеническая культура городского населения, являющаяся одной из составляющих процесса его жизнеобеспечения, т.е. создания и поддержания нормальных условий протекания жизни.

Под санитарно-гигиенической культурой мы понимаем уровень санитарного благополучия населения, определяемый степенью соответствия гигиеническим требованиям питания, водоснабжения, размещения, труда и иных показателей, способных оказывать влияние на здоровье, работоспособность, душевное состояние людей. К числу факторов, оказывающих влияние на санитарное благополучие жителей той или иной местности, населенного пункта, относятся в равной степени их ментальные представления о чистоте и порядке тела, одежды, жилища, уровень образования, культурные традиции, религиозные взгляды, привычная санитарно-гигиеническая обстановка и т.п.

Уровень и качество жизни городского населения во многом зависели от санитарного состояния среды его проживания (городской среды), представлявшей собой совокупность основополагающих условий, создаваемых человеком и природой в границах населенного пункта. С одной стороны, горожане были сопричастны к созданию этой среды, с другой, – испытывали ее влияние на качество своей жизни, а именно: на ее продолжительность, состояние здоровья, питание, бытовой и психологический комфорт.

В рамках настоящей статьи охарактеризуем санитарное состояние крупнейших административных центров Западной Сибири – гг.

Тобольска, Томска и Омска, – названных известным сибирским историком-городоведом Д.А. Алисовым «провинциальными столицами» Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. [1, С. 263-272]. Тобольск и Томск в это время представляли собой губернские города, а Омск являлся краевым (столица Степного края) и областным (центр Акмолинской области) городом. Отметим, что санитарную обстановку названных административных центров мы будем рассматривать как часть среды обитания (проживания) их жителей. При этом исходным для нас будет следующий тезис: «Город как среда обитания оказывает влияние на уровень и качество жизни населения, а последние показатели, в свою очередь, определяют качество городской среды».

Санитарная обстановка, царившая в «провинциальных столицах» Западносибирского региона, была результатом действия/бездействия местных властей в деле обеспечения чистоты их улиц и учреждений социальной инфраструктуры, а также проявлением санитарно-гигиенической культуры горожан, бытующих в их сознании установок и представлений о правилах и нормах поведения в быту, которыми разные категории населения руководствовались в своей повседневной жизни.

Контроль над санитарным порядком в городах осуществлялся на основании «Врачебного устава», принятого в стране в 1857 г. и действовавшего (с незначительными изменениями) до октября 1917 г., а также «Городовых положений» 1785, 1870 и 1892 гг. и местных циркуляров.

Согласно «Уставу», следить за санитарной обстановкой и принимать меры по охране чистоты воздуха, водоемов, улиц и переулков, обеспечению безвредности жизненных припасов и т.д. должны были городская администрация и исполнительная полиция, а не медицинские кадры [16, С. 246].

Вопросам улучшения условий городской жизни были посвящены отдельные статьи «Городовых положений» 1870 и 1892 гг., согласно которым в городах создавались новые органы самоуправления (городские думы, управы), решавшие такие административно-хозяйственные задачи, как водоснабжение, освещение, благоустройство улиц города, заведывание торговлей и др. [3]. К компетенции городских дум относились также устройство рынков и базаров, мест для городской свалки, обеспечение продовольствием жителей города и т.п.

Местные городские управы, руководствуясь вышеназванными нормативными документами, а также собственными предписаниями по соблюдению правил санитарной безопасности, опираясь на органы полиции, должны были осуществлять надзор над состоянием мест общественного пользования, придомовых территорий, выгребных ям, хранением пищевых продуктов и т.п.

Охарактеризуем реальное положение дел в санитарном состоянии Тобольска, Томска и Омска. Многочисленные архивные источники и материалы периодической печати, имеющиеся в нашем распоряжении, рисуют санитарную обстановку в названных городах как неудовлетворительную.

Объектом особой критики широкой общественности были городские площади, улицы и переулки, которые утопали в грязи и в период весенней и осенней распутиц часто были непроходимы. Эта проблема неоднократно поднималась на страницах местной периодической печати. Еще в 1861 г. газета «Тобольские губернские ведомости» сообщала своим читателям, что деревянная мостовая, выложенная на главной улице города, «имеет один важный недостаток, оттого, что под ней скопляется грязь и всякая нечистота, не просыхающая в наше короткое лето почти никогда и только извергающая в жаркие дни тяжелые и вредные миазмы» [18]. Ситуация усугублялась тем, что в имеющиеся вдоль улиц канавы жители часто выносили мусор из дворов, а на некоторых улицах сточные канавы вообще отсутствовали [20]. Характеризуя санитарное состояние западносибирских городов, авторы «Памятной книжки» за 1881 г. отмечали «загрязнение и засорение улиц, вследствие обычая выравнивать ямы на улицах навозом и мусором...» [12, С. 195]. Особенно неприглядно выглядели улицы городских окраин. Так, в 1909 г., тоболяки, проживающие за речкой Абрамкой, протекавшей на окраинах города, обратились в городскую думу с жалобой следующего содержания: «Дорога по нашим улицам невозможная: мостовые не заведены, тротуаров нет, лошади вязнут и приходится их вытаскивать» [5, Л. 184-184об.].

Местные власти в 1900–1910-е гг. активизировали усилия по благоустройству городов, однако из-за недостатка средств положительные результаты они приносили крайне медленно. Например, в г. Томске в 1906–1907 гг. планировалось замостить камнем улицы общей протяженностью всего около пяти верст. Что касается остальных томских улиц, протяженностью свыше 100 верст, то они, по замечанию местного санитарного врача К.М. Гречищева, представляли собой «ужасную, печальную, отвратительную картину» [8, С. 7]. К 1911 г. в Томске было замощено лишь 19 верст протяженности улиц [7, С. 255].

В журнале «Сибирские вопросы» в 1911 г. была помещена заметка о том, что в г. Омске, «против городской управы (располагалась на одной из центральных улиц – А.Т.) в грязи завязла маленькая девочка, которая подняла такой плач, что многие останавливались, но помочь не решались, боясь завязнуть в грязи» [9, С. 8-19]. Работы по мощению улиц Омска тормозило отсутствие местного камня как основного материала.

Состояние улиц и переулков не претерпевало положительных изменений в течение многих лет. В 1915 г. пристав 2-й части г. Тобольска в рапорте на имя полицмейстера указывал: «Все без исключения мостовые и тротуары... находятся в самом неисправном состоянии, площади засорены до невозможности... Со стороны обывателей всегда приходится слышать нарекание на неисправное содержание управой мостовых, тротуаров, дорог и площадей» [4, Л. 25].

Не менее остро перед городскими властями стоял вопрос о водоснабжении. Вода, которую население Тобольска, Томска и Омска употребляло для питья и приготовления пищи, далеко не всегда отвечала требованиям санитарной безопасности. К примеру, жители г. Тобольска, несмотря на существующее постановление местной администрации об очистке колодцев «время от времени» и запрете сваливать навоз и другие нечистоты вблизи них, пренебрегали собственной безопасностью, черпая воду грязными ведрами. В жаркое лето вода в некоторых колодцах имела неприятный, плесневелый запах. В нагорную часть города воду приходилось завозить, при этом стоимость ведра воды составляла 3-5 коп. [2].

Омичи пользовались водой из рек Иртыш и Омь, а также из колодцев, которых насчитывалось около 900. Летом 1877 г. в городе вспыхнула эпидемия брюшного тифа. Областной врач Кушелевский, проведя химический анализ воды, взятой из р. Иртыш, ниже впадения в нее р. Омь, доказал, что вода содержит много органических примесей, в том числе аммиачные и азотистые соединения [14, С. 189].

В антисанитарном состоянии находилось значительное число колодцев г. Томска. К.М. Гречищев сетовал, что многие из общественных колодцев, не говоря уже о частных дворовых, «превратились в резервуары вонючей жидкости». К тому же горожане, несмотря на неоднократные предупреждения властей, продолжали вносить свою лепту в загрязнение местных рек Томи и Ушайки, ежедневно полоща в их водах белье, сливая бытовые отходы. Владельцы заводов, «прокладывая трубы из отхожих мест и помойных ям, ...спускали в них (реки – А.Т.) тайком, без очистки свои отработанные воды и отбросы производства» [8, С. 5].

Ассенизация нечистот в столичных городах региона осуществлялась в основном силами крестьян, живущих в близлежащих деревнях и занимавшихся в свободное время подработкой в городе. К работам по очистке выгребных и помойных ям также привлекались арестанты исправительных отделений тюремных замков. Первые ассенизационные обозы появились лишь в 1900-е гг. Золотари (лица, занимавшиеся очисткой выгребных ям) брали плату за свою работу. Так, в 1893 г. в Тобольске плата за очистку и вывоз нечи-

стот составляла 30 коп. с короба [21]. В адрес золотарей поступало немало нареканий со стороны обывателей. В «Сибирском листке» отмечалось: «При очистке выгребных и помойных ям крестьяне обыкновенно не сразу накладывают вынутое в бочки и короба, а предварительно все это складывается в кучи у бортов; в результате часть, а иногда и вся жидкость впитывается почвой, что вряд ли способствует оздоровлению почвы... невозможно проходить (вдоль улиц – А.Т.), все канавы... залиты зловонной жидкостью» [17].

Врач окружного Западно-Сибирского военно-медицинского управления А. Ремезов описал похожую практику удаления нечистот в Томске: «Ящики для нечистот большей частью непрочны, ... [нечистоты] пропитывают окружающую почву. Самый вывоз нечистот производится без всяких предосторожностей..., не употребляется никаких дезинфицирующих средств» [14, С. 73]. Жители городских окраин зачастую вообще не озадачивались устройством отхожих мест, справляя нужду на заднем дворе, где находился скот.

Таким образом, горожане далеко не всегда соблюдали правила удаления нечистот и бытовых отходов. Обычным явлением для повседневной жизни сибирских городов были большие кучи навоза, строительного и иного мусора, громоздящиеся возле домов горожан. В отчете Томской врачебной управы за 1885 г., поступившем в медицинский департамент МВД, говорилось: «Строгое вообще организованное удаление нечистот... не практикуется, вследствие чего нечистоты, накапливаясь на дворах или против домов на улицах или площадях, загрязняют и пропитывают почву и, разлагаясь, производят зловоние. Отхожих мест или совсем нет, ...или они дурно устроены, что также способствует порче воздуха, почвы и воды» [15, Л. 43]. Наиболее удручающее впечатление на жителей и гостей характеризующих городов производили их улицы и переулки в весеннее время года, когда с таянием снега «в некоторых из значных мест вместе с навозом обнаруживались даже трупы подохших собак, кошек и т.п.» [23].

Неприглядная картина санитарного состояния «провинциальных столиц» дополнялась их природно-географическим положением. Краевед и общественный деятель К.М. Голодников так описывал местоположение Тобольска: «Находясь на плоскости, состоящей из сплошного болота, перерезанного в разных местах речками и оврагами, издающими в летнее время густые и зловредные испарения... местность, занимаемая городом, представляется самой невыгодной...» [6, С. 11-13]. К.М. Гречищев, характеризуя санитарное состояние Томска, указывал на большое количество болот на территории, занятой городом. «Болота эти, – писал врач, – не осушали путем дренажирования и проведения канав, а заваливали... наземом

как дешевым материалом, который всегда находился под руками в изобилии...» [8, С. 5]. Болотистость почвы часто приводила к тому, что двухэтажные дома Томска с течением времени превращались в одноэтажные, т.к. нижние этажи часто «тонули» в земле.

Осушение болот, находящихся в черте городов, осложнялось острой нехваткой финансовых средств. Так, тобольский губернатор А.С. Соллогуб во время одного из своих выступлений перед городским обществом констатировал: «К сожалению, местность, на которой построен Тобольск, весьма невыгодна в гигиеническом отношении. Главнейшая часть города расположена на болотистой низине, для осушения которой потребуются значительные затраты... ежегодные весенние и осенние поднятия вод (Иртыша – А.Т.) увеличивают болотные испарения, поддерживаемые деревянной мостовой и недостатком стока воды, порождают тиф, лихорадки, дизентерию и другие болезни, принявшие эпидемический характер» [22].

Довольно частым стихийным бедствием для Тобольска, Томска и Омска были наводнения. Они приводили к затоплению жилого фонда, постоянной сырости и вредным испарениям, порождали болезни и смертность. «Нынешние летние месяцы напугали весь город огромной смертностью детей, – писали «Тобольские губернские ведомости» после очередного наводнения, случившегося в городе в начале лета 1863 г. – По официальным сведениям, во второй половине июня и первой половине июля умерло от поноса и рвоты 346 человек, из которых самая большая часть – дети от 4 месяцев до 11 лет» [19].

Антисанитарное состояние Омска, связанное с сильной загрязненностью питьевых вод сточными, главным образом из бань, – стало основной причиной заболеваемости и смертности в городе в 1910–1913 гг. За это время здесь возникло 3 довольно крупных эпидемии: холеры в 1910 г., сыпного тифа в 1911 г. и возвратного тифа в 1913 г. Большое распространение получили детские болезни. В 1913 г. на 1000 человек гражданского населения Омска приходилось 29 смертей, что было достаточно тревожным показателем [11, С. 6].

Игнорируя запреты городских властей, горожане повсеместно практиковали выгон скота для пастбы прямо за ворота своих домов. Нередким явлением для Тобольска, Томска и Омска были стаи бродячих собак, растаскивающих кучи мусора в поисках пищи. Томская врачебная управа сетовала: «Коровы и лошади круглый год ходят по улицам (Томска – А.Т.) и засоряют их экскрементами» [15, Л. 47].

Предметом особой заботы городских властей и местной полиции были торговые лавки и питейные заведения. Они должны были содержаться в чистоте, с соблюдением санитарных предписаний. За состоянием торговых лавок, трактиров, постоянных дворов следили городские санитарные врачи. Омская городская дума, в целях

улучшения санитарного и медицинского дела в городе, образовала особую Санитарную комиссию, переименованную впоследствии во Врачебно-санитарный совет. В состав комиссии входило 10 надзирателей, осуществлявших надзор за недопущением свалки нечистот в пределах города и берегах рек. В рамках своей деятельности Санитарная комиссия производила санитарное обследование дворовых участков жителей города, торговых лавок, гостиниц, постоянных дворов, ночлежек и др. [10, С. 35-36]. Аналогичная комиссия действовала в Томске. Владельцы торгово-промышленных заведений не должны были допускать к работе тех, кто не прошел осмотр городского врача. Тем не менее, домохозяева и хозяева торговых, питейных и иных заведений игнорировали предписания вышестоящих органов и должностных лиц. По свидетельству тобольского городского врача В.Н. Кулигина, в числе рабочих колбасного заведения Шукста и рыбных торговцев имелись лица с признаками сифилиса и других венерических заболеваний [5, Л. 152об.].

Во многих питейных заведениях, ночлежных домах царили грязь, зловоние, пища часто была «несъедобной». Кроме того, в подобных заведениях, особенно на окраинах города, собиралась городская беднота, женщины, занимавшиеся проституцией, что позволяет с уверенностью говорить о них как местах распространения всякого рода заболеваний.

Таким образом, санитарная обстановка в «провинциальных столицах» Западной Сибири, являясь частью городской среды, оказывала неблагоприятное воздействие на качество жизни населения. Привычная среда обитания детерминировала санитарно-гигиеническую культуру жителей города, их ментальные представления о правилах и нормах ведения быта, которыми горожане руководствовались в своем поведении, в том числе по обеспечению и поддержанию чистоты не только в своих домах, но и на улице, во дворе, за его пределами, в общественных местах. С другой стороны, антисанитарные условия, в которых проживали жители городов, традиционные поведенческие установки, в соответствии с которыми они выстраивали свое поведение, влияли на качество городской среды обитания.

Несмотря на преобладающую отрицательную характеристику санитарного состояния «столиц» региона, следует отметить, что общество и власти постепенно меняли свое отношение к санитарной обстановке в городах, предпринимали усилия по наведению в них чистоты и порядка.

Начавшиеся в позднеимперский период процессы урбанизации и индустриализации Сибири вызвали рост культурных потребностей жителей городов. Первым значительным шагом стало устройство водопроводов. В 1902 г. начал действовать водопровод

в Тобольске, в 1905 – в Томске, в 1915 – в Омске. Открытие водопроводов в названных городах привело к улучшению качества питьевой воды, из повседневной жизни горожан постепенно исчезала практика употребления в пищу речной воды.

Большую роль в улучшении санитарного состояния «провинциальных столиц» Западной Сибири имели меры по организации врачебно-санитарного надзора над деятельностью промышленных предприятий, торговых заведений, состоянием придомовых территорий. Определенные положительные сдвиги в деле осушения болот, расположенных на территории городов, устранения зловонных запахов были связаны с благоустройством в городах, открытием скверов, парков, садов. К числу факторов, положительно влиявших на здоровье населения, можно отнести изменение поведенческих стереотипов отдельных категорий горожан, начавшееся в XX в., а именно: стремление зажиточной части городского населения употреблять в пищу качественные продукты, обращение за медицинской помощью к врачебному персоналу, а не к знахарям, своевременная вакцинация и т.п.

На страницах местной периодической печати все чаще публиковались статьи о способах очистки заплесневелой воды, обеззараживания помойных и выгребных ям, профилактике эпидемических заболеваний, соблюдении гигиены тела и жилища. Большую работу по пропаганде гигиенических правил, санитарному просвещению горожан проделывали практикующие врачи. В общественной среде постепенно происходило осознание того, что только совместные усилия власти и горожан могут принести ощутимые результаты в деле улучшения санитарной ситуации на местах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисов Д.А. Социально-культурный облик «провинциальных столиц» Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1998. № 6. С. 263-272.
2. Водонапорная башня // Режим доступа: <http://tobolsk-travel.com/index.php?option> (дата обращения 22.09.2013)
3. Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 г. «Городовое положение с объяснениями. СПб., 1870.
4. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 1. Оп. 1. Д. 565. Л. 25.
5. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 8. Оп. 1. Д. 338.
6. Голодников К.М. Город Тобольск и его окрестности: ист. очерк. Тобольск, 1887.
7. Город Томск. Томск, 1912.
8. Гречищев К.М. Город Томск во врачебно-санитарном отношении. Томск, 1906.
9. Д.С. Неустройство сибирских городов // Сибирские вопросы. СПб., 1911. N 47–49.
10. Деятельность Омской городской думы избранной на четырехлетие 1910–1914 гг. Доклад омского городского головы В.А. Морозова, прочитанный собранию гласных Думы в заседании 18 апреля 1914 г. Омск, 1914.
11. Клячкин В.Е. Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск, 1928.

12. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1881.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. III. Том XII. Отд-ние I-е. СПб., 1895.
14. Ремезов А. Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск, 1880.
15. РГИА. Ф. 1297. Оп. 283. Д. 87.
16. Свод законов Российской империи. Т. XIII: Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. СПб., 1857.
17. Сибирский листок. 1898. 28 июня.
18. Тобольские губернские ведомости (ТГВ). 1861. 23 декабря.
19. ТГВ. 1864. 1 января
20. ТГВ. 1864. 11 апреля.
21. ТГВ. 1893. 3 марта
22. ТГВ. 1893. 10 марта.
23. ТГВ. 1893. 31 марта.

* * * * *

347.471(571.12)

Валитов Александр Александрович

кандидат исторических наук, научный сотрудник

*Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН
г. Тобольск
al11@bk.ru*

Томилов Игорь Сергеевич

лаборант

*Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН
г. Тобольск
igor.tomilov.85@mail.ru*

Федотова Дарья Юрьевна

старший лаборант

*Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН
г. Тобольск
dashulya-23@bk.ru*

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

В статье рассмотрена роль общественных объединений Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. в развитии просвещения и формирования гражданской активности. Проанализированы основные виды просветительской работы негосударственных объединений. Деятельность общественности способствовало формированию широкого общественного мнения.

Ключевые слова: Тобольская губерния, общественные объединения, просвещение, библиотека, музей, гражданские инициативы.

Valitov Alexander Alexandrovich

*candidate of historical sciences, research scientist
Tobolsk integrated research station, Ural branch
of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk
al11@bk.ru*

Tomilov Igor Sergeevich

laboratory assistant

*Tobolsk integrated research station, Ural branch
of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk
igor.tomilov.85@mail.ru*

Fedotova Daria Yurievna

senior laboratory assistant

*Tobolsk integrated research station, Ural branch
of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk
dashulya-23@bk.ru*

ROLE OF ASSOCIATION IN FORMING TOBOLSK PROVINCE URBAN INFRASTRUCTURE AT THE TURN XIX – XX CENTURIES

The article discusses the role of public organizations at the turn of the Tobolsk province XIX – XX centuries. in the development of education and formation of civic engagement. Analyzes the main types of educational work of non-governmental organizations. Activities contributed to the formation of a broad public opinion.

Keywords: Tobolsk Province, associations, education, library, museum, civic initiatives.

Реформы 60-70-х гг. XIX в. заложили основы развития буржуазно-капиталистических отношений в России и привели к зарождению отдельных элементов гражданского общества: общественных объединений, органов самоуправления, независимых средств массовых информаций [22, С. 385]. Российская модернизация и урбанизация второй половины XIX в. оказала большое влияние на рост гражданской инициативы и развитие деятельности легальных негосударственных организаций в Тобольской губернии. Вторым этапом назревших преобразований начался в 1905 г., с выходом Манифеста 17 октября. Документ, рожденный в условиях революционных потрясений, законодательно оформил создание нового органа власти и заложил либерально-буржуазные основы для по-

следующей гражданской, общественно-политической и социальной трансформации общества. Однако последующие военно-революционные события похоронили этот процесс в зародыше.

Следует подчеркнуть, что в основе «общественной активности пореформенного периода лежала воспринятая значительной частью образованного общества определённая система моральных ценностей – чувства нравственного долга, ответственности, служение народу» [22, С. 386]. В целом гражданская идеология, касающаяся настроя общества Империи, нашла выражения в научной литературе [1, С. 23].

Проявления высокого уровня духовности и гражданственности находят свое отражение и в Tobольской губернии. Так, в Уставе Тюменского попечительного общества о бедных указывалось: «Тюменское попечительное Общество о бедных имеет целью оказание, вспомоществование, всем истинно нуждающимся в г. Тюмени, особенно престарелым, больным сиротам и обремененным большим семейством. Сообразно с этой целью Общество: а) доставляет бедным полезные занятия и материалы для работы; б) содействует отдаче их детей для обучения к мастерам и ремесленникам; в) снабжает медицинскими пособиями, одеждою, пищею; г) устраивает собственные мастерские, школы, убежища богадельни и т.п. благотворительные учреждения» [5, С. 1].

О нравственных ориентирах членов добровольных объединений Tobольской губернии свидетельствует тот факт, что в течение всех лет работы «Общества вспомоществования бедным студентам из Tobольской губернии» его члены оставались верны своей цели, понимая, что делают это не из личной корысти и выгоды, а для России – «ибо залог процветания Родины должно видеть в облегчении ее детям доступа к образованию» [9, С. 5].

В рамках данной статьи считаем необходимым остановиться на одной из сторон этой деятельности – просветительной, отражающей вклад Обществ в решении одной из наиболее важных общегражданских задач своего времени. Важность стоявшей на протяжении веков проблемы отмечал и А.А. Корнилов, современник модернизационных явлений второй половины XIX в.: «Вопрос повышения культурного уровня масс населения являлся вопросом, стоявшим вообще на очереди в русской жизни, и что от его разрешения зависела вообще возможность правильного поступательного развития и всяческого прогресса» [9, С. 609].

Борьба за просвещение народа в Российской империи широко развернулась в конце XIX в. и находила свое выражение «в открытии новых учебных заведений, воскресных школ, библиотек, музеев, других центров культурно-духовной жизни» [13, С. 61].

Не остались в стороне от этой деятельности и общества городов Tobольской губернии, для которых просветительная работа стала одним из главных направлений их деятельности.

В целом, в просветительной деятельности общественных объединений Tobольской губернии можно выделить три основных направления: содействие по обеспечению начального образования (обучение детей школьного возраста и ликвидация неграмотности среди взрослых); просветительная деятельность, связанная с распространением среди населения знаний из разных областей жизни; воспитательно-образовательная деятельность, способствующая формированию собственно сибирской интеллигенции. Первое направление находилось в центре внимания Обществ попечения о начальном образовании, ко второму в той или иной степени обращались все добровольные общества. Последнее направление находилось под покровительством обществ, которые оказывали помощь сибирякам в получении высшего образования. При этом центрами просветительной деятельности становились организованные обществами библиотеки, книжные склады, музеи, а основными формами работы – народные чтения и лекции.

Одной из начальных форм приобщения городского населения к знаниям со стороны просветительных обществ в исследуемый период стали библиотеки. Они существовали практически при каждом общественном формировании, в уставах которых, как правило, отдельным пунктом отмечалась необходимость устройства своей библиотеки. Такие учреждения были созданы при Tobольском губернском музее (1887), Курганском отделе Московского Общества сельского хозяйства (1897) [21, С. 10], Tobольском драматическом обществе [16, С. 10]. Медицинская библиотека, собираемая членами Tobольского физико-медицинского Общества, положила основание будущей библиотеки фельдшерско-акушерской школы [4, Ф. 352, Оп.1, Д.446, Л. 93-93об.]. Развитие читального дела в Tobольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. в основном держалось на инициативе частных лиц, настоящих подвижниках своего дела.

С началом XX в. общественная библиотечная сеть претерпела значительные изменения, эволюционировав в количественном и качественном отношениях. К 1904 г. в Tobольской губернии насчитывалось свыше 100 библиотек, организованные непосредственно при общественных объединениях [6, С. 178]. Так, фонд одной только публичной библиотеки, открытой А.С. Сухановым при Народной аудитории, в 1899 г. насчитывал несколько десятков книг, увеличившись за 15 лет (к 1914 г.) до 720 томов и предоставляя информацию из разных областей жизнедеятельности [4, Ф. 152, Оп. 34, Д. 724, Л. 6].

Еще одной формой просветительной деятельности обществ было открытие и деятельность музеев, основной задачами которых стали сбор и пропаганда научно-практических знаний среди населения Сибири. Большую научно-просветительную деятельность вел Тобольский музей, открытый 8 апреля 1870 г. Обеспокоенное массовым разрушением памятников, вскрытием древних могил и разрытием курганов, учреждение многочисленными обращениями к населению призывало к охране памятников старины и сохранению культурно-исторического наследия для будущих потомков [8, С. 6]. Почти 20 лет музей работал на общественных началах при статистическом комитете, не являясь официальным учреждением и не получая материальной поддержки от государства. Только 1 декабря 1889 г. решением статистического комитета музей должен был стать самостоятельным учреждением, входящим в подчинение Министерству земледелия и государственных имуществ. Для эффективного развития музея решено было создать особое общество – «Тобольский губернский музей» [8, С. 2], главной целью музея было «ознакомление публики с Тобольской губернией и с развитием в ней культуры во всех ее формах и проявлениях посредством своих коллекций и материалов по всем отраслям естествознания, этнографии, истории, статистики, археологии, промышленности и пр., а также путем научной разработки собранных материалов» [8, С. 7]. Устав предусматривал наличие в структуре музея, кроме соответствующих отделов, и учреждение библиотеки. Для выполнения основных целей музей мог: «организовывать особые комиссии для сбора, систематизации и разработки коллекций по Тобольской губернии; заслушивать на своих заседаниях членов музея; обсуждать поступающие сообщения...; заботиться о популяризации собранных сведений посредством объяснительных чтений и реферирования ученых о губернии работ» [8, С. 7].

Учреждение «Тобольский губернский музей» существовало вплоть до 1908 г. исключительно за счет членских взносов, небольших доходов от продажи печатных музейных изданий и за счет пожертвований граждан. Лишь с 1908 г. музею стала выделяться от Министерства государственных имуществ постоянная субсидия в размере 1 тыс. руб. [8, С. 10]. Подвижнический, общественный труд членов Правления и многих активистов музея из числа мещан, учителей, врачей, студентов, ученых был неоценимым, характеризовал глубину патриотических чувств и искреннее желание этих людей внести свой вклад в дело просвещения народа. Благодаря их стараниям музей превратился в крупнейшее научно-просветительское учреждение Сибири конца XIX – начала XX вв. Особое значение в деле сплочения ростков актива него-

сударственных организаций сыграл «Ежегодник музея», первый номер которого вышел в 1892 г. [7, С. 1]. «Ежегодники» стали, по сути, летописью всей музейной деятельности в регионе. Структура каждого номера включала в себя отчеты и протоколы заседаний, хронику музея, описание коллекций, статьи по археологии, этнографии, естественным наукам, торговле, промышленности, истории, антропологии, географии, статистики, библиографии и т. п.

Большую роль в просветительском отношении сыграли школьные музеи в Ялуторовском округе Тобольской губернии. Открытые по инициативе и при финансовой поддержке местных меценатов, эти учреждения являли собой уникальный опыт в части сохранения и передачи местного колорита в виде экспонатов и предназначались прежде всего для обучающихся в школах округа воспитанников. Первым из них в 1895 г., благодаря усилиям местного учителя сельского училища П.Я. Назарова, был открыт музей в с. Заводоуковском. Он состоял из двух отделов (естественно-исторического и сельско-хозяйственного) и имел обширную коллекцию из почвенно-геологических, ботанических, зоологических, сельскохозяйственных, фабрично-заводских и других экспонатов. Все учащиеся посещали музей индивидуально, отдельными классами и группами в сопровождении преподавателей, проводивших экскурсии при обзоре коллекции [12, С. 77]. Второй подобный музей был открыт в 1896 г. в с. Мокроусовском усилиями волостного писаря Первухина, в организации музея также принимали участие местные крестьяне и приходской священник [12, С. 77].

Народные чтения в г. Тобольске к концу 1890-х гг. делились на 2 категории: общеобразовательного характера – с разрешения попечителя Западно-Сибирского учебного округа и религиозно-нравственного характера – с разрешения епархиального училищного совета [12, С. 77].

В 1876 г. были утверждены правила для устройства народных чтений в губернских городах, распространившихся вскоре на территорию Сибири [6, С. 67]. В 1897 г. Министерство Народного Просвещения (далее – МНП) разрешило чтения в 543 населенных пунктах Империи, а через год – еще в 863. По правилам 1902 г. чтения устраивались уже в 4204 пунктах, из которых 61 находился в Тобольской губернии [6, С. 185, 202].

Организация мероприятий сталкивалась с бюрократическим препонами, связанными с цензурным контролем за выбором литературы. Так, для устройства воскресных народных чтений необходимо было обратиться с ходатайством к попечителю Западно-Сибирского учебного округа, представив ему программу в двух экземплярах и все издания, произведения которых будут звучать в народных чте-

ниях. Попечитель после получения ходатайства входил в переписку с директором народных училищ и только после его положительной резолюции чтения могли быть разрешены [3, Л. 24].

Устраивались подобные мероприятия и другими общественными формированиями. Так, на постоянной основе проводились народные чтения региональными обществами трезвости. По мнению Е.А. Дегальцевой, «они носили церковно-морализаторский характер и собирали небольшое количество публики» [6, С. 34]. Однако этому выводу определенно противоречат данные отчета по Тобольскому попечительству о народной трезвости. В 1903 г. в Тобольском округе уездным попечительством о народной трезвости было проведено 80 народных чтений, касавшихся географического, естествоведческого и нравственно-религиозного отделов. Общая посещаемость при этом составила свыше 9,5 тыс., а в среднем – более 100 чел. [15, С. 35].

В Кургане чтения включали в себя двойственное содержание. Из прочитанных 315 рассказов 2/3 носили религиозно-нравственный характер, а 1/3 – литературный [20, С. 3]. Организатором их являлся протоирей Н.Ф. Грифцов.

Кроме того, народные чтения устраивались отдельными активистами. Так, в 1894 г. в г. Туринске по инициативе священника Бирюкова и учительницы Булатовой были открыты народные чтения при училищах в селах Усиновском и Коркинском. Пресса отмечала: «Чтения посещаются весьма охотно, посетителей бывает столько, сколько может вместить здание, слушают с таким вниманием, что даже самый малейший шорох слышен» [18, С. 2].

Несколько отличались от народных чтений публичные лекции, которые устраивали просветительские и научные общества. В отличие от простых общедоступных сведений, чтения классических произведений и знакомства широкой публики с современной литературой, первоначально на публичных лекциях давались специальные сведения для подготовленной аудитории. Это делалось для популяризации каких-либо сведений среди населения путем устройства публичных чтений в виде отдельных лекций, цель которых прописывалась отдельным пунктом в уставах большинства обществ (попечения о начальном образовании, содействия физическому развитию, естествоиспытателей и врачей, юридического, технического, приказчиков и др.). Члены Тобольского физико-медицинского общества в годы бушевавшей по всей России холеры в 1893 г. организовали публичные лекции «для желающих посвятить себя в будущем борьбе с ней» [17, С. 4]. Лекции проходили по воскресным дням в здании общественного собрания, а самые интересные публиковались в местной газете «Сибирский листок».

Организацией научных лекций занимался и Тобольский музей. Повестки общих собраний 1896 г. говорят о многосторонней дея-

тельности учреждения и охватывают многие важнейшие народно-хозяйственные для губернии вопросы: 17 и 30 марта заслушаны доклады Н.А. Варпаховского «О зимних рыбных промыслах по р. Оби» и «О крючковых снастях иртышско-обского бассейна»; 6 апреля – доклад Н.Л. Скалозубова «О грузовом движении по Уральской железной дороге в 1894 г.»; 30 июля – сообщение К.А. Шапошникова «О раскопках в деревне Бизиной Карачинской волости Тобольского округа»; 9 ноября собрание обсудило доклад В.А. Студницкого-Гизберт «О культуре Севера». Эти лекции были рассчитаны на людей, профессионально подготовленных в определенных областях знаний [8, С. 49].

В 1899 г. на Общем собрании членов Тобольского губернского музея известный деятель печатного дела М.Н. Костюрина предложила организовать платные публичные лекции при музее. Идея получила одобрение Комитета учреждения, принявшего разработать план этих лекций. Но необходимость получать на каждую лекцию особое разрешение г. Попечителя Западно-Сибирского Учебного Округа, привела к падению интереса, загубив идею на корню. Состоялась лишь одна лекция А.Е. Богдановского на тему «Изложение и критика пессимизма» [8, С. 59].

Подобная практика контроля над просветительной деятельностью легальных обществ с одной стороны позволяла вести строгий учёт всех «увеселений», но с другой тормозила многие задумки активных общественных деятелей. Надо сказать, что Общества не мирились с ограничительной политикой местной администрации по отношению к их просветительной деятельности. Более того отдельные из них, видя истоки этих притеснений, вырабатывали требования, удовлетворение которых, по их мнению, могло изменить положение дел. Так, вопрос о введении земства в Сибири активно разрабатывался на заседаниях Курганского отдела московского общества сельского хозяйства (КОМОСХ) и был на контроле у тобольского губернатора А.П. Лаппо-Старженецкого. Еще в 1902 г. в докладе губернскому комитету о местных нуждах сельскохозяйственной промышленности КОМОСХ отмечал, что «нужды сельского хозяйства могут быть сведены к трем основам – отсутствие среди населения знаний, необходимых для разумного ведения хозяйства; неполноправность крестьян, являющаяся тормозом развития хозяйства; ослабление хозяйств налогами» [21, С. 61]. Преодолеть данные проблемы было возможно, но лишь создав «самоуправляющиеся выборные учреждения, при посредстве коих местному населению без различия сословий и имущественной самостоятельности представлялась бы возможность ведать свои общественные пользы и нужды и удовлетворять их путем самообложения». 25 декабря

1904 г. на собрании КОМОСХа был зачитан доклад А. Гурьевского «О значении земских учреждений в сельском хозяйстве» [11, С. 8], в котором подчеркивалась необходимость «дать простор самодеятельности всех слоев населения путем немедленного введения в Сибири земства – свободного от всякой административной опеки; организованного на принципе всеобщего, равного избирательного права, облеченного правом действия во всех сферах местной жизни, объединенного при посредстве своих в общероссийскую земскую организацию, которая имела бы право решения законодательных, бюджетных и других коренных вопросов страны и право контроля над исполнительными органами» [11, С. 11].

Требование предоставления как гражданских, являющих основу демократического порядка, так и политических свобод – право гражданина участвовать в политическом процессе – свидетельствует о высокой степени гражданственности, о стремлении Общества не только формировать, но и выражать общественное мнение, используя легальную возможность влиять на власть. В данном случае находит свое подтверждение точка зрения Б.Н. Миронова, утверждающего: «Когда гражданское общество зарождается и формируется, то общество в лице его наиболее образованной и социально развитой части находится в оппозиции к государству, предлагает реформы и толкает его к ним» [10, С. 110]. Следуя примеру общественных инициатив курганских коллег, в 1903 г. в г. Тобольске группа лиц намеревалась возбудить ходатайство об открытии в городе отделения Общества защиты детей [20, С. 3].

Еще одной формой культурно-просветительной работы в городах была организация выставок. Курганский и Ялуторовский отделы Московского общества сельского хозяйства регулярно проводили ежегодные выставки лучших достижений сельского хозяйства: семян зерновых культур и новинок сельхозтехники. Отделы общества имели свои опытные поля, пасеки, занимались закупкой и распространением сельскохозяйственных машин фирм Мак Кормик, Осборн, Мильвоки, а также организовали прокатные пункты, мастерские по ремонту техники, занимались пропагандой книг, газет, журналов на сельскохозяйственные темы [2, Л. 47].

С 1897 г. Курганский, а с 1903 г. Ялуторовский отделы издавали свои научные труды. В этих изданиях агрономы, ветеринарные врачи, юристы, входящие в общество, давали крестьянам практические советы и указания, помогающие грамотно вести хозяйство, бороться с агрокультурными вредителями, повышать урожайность и т.д. [14, С. 3].

Помимо перечисленных форм культурно-просветительной работы неформальные объединения использовали и ряд других до-

ступных форм: литературно-музыкально-драматические вечера и утренники, концерты, устройство детских площадок и др.

Деятельность общественности в городах способствовала формированию широкого гражданского мнения по наиболее острым и злободневным вопросам политической, экономической, социальной жизни. Общественные организации Тобольской губернии функционировали не обособленно, а взаимодействуя друг с другом, как в рамках губернии и Сибири, так и на всероссийском уровне в целом. Анализ архивных документов, газетных публикаций, годовых отчетов Обществ позволяет говорить о различных проявлениях горизонтальных связей, возникавших между отдельными обществами и общественными объединениями. Благодаря этому происходил обмен знаниями и опытом, взаимопомощь, совместные усилия обществ, направленные на решение каких-либо задач. Эти меры, не всегда завершённые, в силу ряда причин, в полном объеме, тем не менее смогли определенно качественно повысить грамотность взрослого населения и способствовать распространению узкоспециальных знаний в среде профессионалов различных областей жизнедеятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России // Политические исследования. 2000. №3.
2. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 267. Оп. 1. Д. 12. ГАО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 44. Л. 24.
3. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в Тобольске) Ф. 152; 352.
4. Годовой отчет общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии за 1902-1903. Тобольск. 1903.
5. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861 – 1817 гг.): Монография. Барнаул: Изд-во Алт.ГТУ, 2002.
6. Ежегодник Тобольского губернского музея за 1894 г. Тобольск, 1894.
7. Исторический очерк деятельности Тобольского губернского музея за двадцать пять лет. Тобольск, 1914.
8. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVII – начало XX вв.). Т.2. СПб, 2003.
10. О значении земских учреждений в сельском хозяйстве // Доклад годичному собранию Курганского отдела МОСХа 12 декабря 1904 г. Курган, 1905.
11. Обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1898.
12. Опыт российской модернизации XVIII – XX вв. М., 2000.
13. Отчет о деятельности Ялуторовского отдела ИМОСХ в 1903 г. Ялуторовск, 1903.
14. Отчет по Тобольскому попечительству о народной трезвости за 1903. Тобольск, 1904.
15. Отчет Тобольского Драматического Общества за сезон 1892/93. Тобольск, 1893.
16. Сибирский листок. 1893. №5.
17. Сибирский листок. 1896. № 4.
18. Сибирский листок. 1896. № 101.
19. Сибирский листок. 1903. №40.
20. Труды Курганского отдела МОСХа. Тобольск, 1905.
21. Ульянова Г.И. Благотворительность в Российской империи XIX – начало XX вв. М.: Наука, 2005.
22. Устав Тюменского попечительного Общества о бедных. Тобольск, 1897.

* * * *

УДК 94(47).084.5

Ульянова Светлана Борисовна*доктор исторических наук, профессор**Санкт-Петербургский государственный политехнический университет**г. Санкт-Петербург**sbulyan@yandex.ru***Офицерова Наталья Владимировна***кандидат исторических наук, доцент**Санкт-Петербургский государственный политехнический университет**г. Санкт-Петербург**oficernv@mail.ru*

ФОНОВЫЕ ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ СОВЕТСКИХ ГОРОДСКИХ РАБОЧИХ В 1920-е гг.

Статья посвящена изучению фоновых досуговых практик городских рабочих, рассматриваемых в русле «новой культурной истории». Спецификой складывавшейся городской культуры в 1920-е гг. было сочетание традиционных и постреволюционных элементов. На культуру рабочего досуга оказали влияние фоновые крестьянские практики, связанные с наплывом в города так называемых «новых» рабочих, а также навязывавшийся «сверху» официальный дискурс. Новый социалистический городской досуг окончательно складывается к середине 1930-х гг.

Ключевые слова: новая культурная история, городские рабочие, фоновые крестьянские практики, новые рабочие, официальный дискурс, социалистический досуг.

Ulyanova Svetlana Borisovna*doctor of historical sciences, professor**Saint Petersburg State Polytechnic University**Saint Petersburg**sbulyan@yandex.ru***Ofitserova Natalia Vladimirovna***candidate of historical sciences, associate professor**Saint Petersburg State Polytechnic University**Saint Petersburg**oficernv@mail.ru*

THE BACKGROUND FREE TIME PRACTICE OF SOVIET URBAN WORKERS IN THE 1920S.

Article examines the background free time practices of urban workers, considered in line with the «new cultural history.» Specifics of development of the local culture in the 1920s. was a combination of traditional and post-revolutionary elements. On the culture of the working activity influenced background peasant practices associated with the entry into the city so-called «new» workers, as well as to impose «top» official discourse. New socialist urban free time final shape by the mid-1930s.

Keywords: new cultural history, urban workers, peasant background practices and «new» workers, the official discourse, the socialist free time.

Современная историческая наука стремится к постоянному расширению «исследовательских полей», к использованию новых методологических подходов. Большим эвристическим потенциалом обладает, в частности, «новая культурная история», составной частью которой является история досуга [1; 27; 29, С. 462-473]. Изучение досуговых практик, под которыми подразумевается не столько праздное времяпрепровождение, сколько использование свободного от производительного труда времени людей, представляется значимым для понимания специфики тех или иных городских сообществ.

Особенно интересным представляется изучение фоновых (термин М. Фуко) досуговых практик, т.е. повторяющиеся действия людей, утратившие прагматический смысл под влиянием внешних обстоятельств [28]. Данные действия в обыденном сознании обычно не подлежат рефлексии и носят ритуализированный характер. Предполагается, что индивид выполняет подобные практики постольку, поскольку он принадлежит к определенной культуре и является носителем какой-либо идентичности. Можно говорить о фоновых практиках в контексте культурной инерции, когда люди воспроизводят уже потерявшие прежнюю актуальность повседневные практики предшествующих поколений, мотивируя это тем, что «так принято», «так надо» [13, С. 57].

Проблема заключается в том, что, в начале XX в., получив досуг, рабочие не знали, как его использовать. На рубеже XIX–XX вв. заимствовались крестьянские досуговые практики (кулачные бои, посиделки дома и в гостях, карточные игры, чайные и пр.). Собственно, индустриальные досуговые практики стали складываться в нашей стране уже в советское время и испытали сильное воздействие государства с его патерналистской политикой.

Специфика складывавшейся в это время рабочей досуговой культуры в России была обусловлена своеобразным слиянием тра-

диционной городской культуры с новыми постреволюционными веяниями. Так, по наблюдениям этнографов, после 1917 года в России начала формироваться современная праздничная культура, которая «смыла» некоторые пласты православной и дохристианской культуры. Советские праздники, городские по происхождению, были уже идеологическими и политическими [5, С. 43].

В работе мы рассматриваем досуг и как форму организации свободной жизни рабочих, так и поведение рабочих во время досуга.

Особенностью 1920-х гг. стало совмещение пролетарских дореволюционных досуговых практик с крестьянскими, привнесенными «новыми рабочими» из деревни, а также с новыми практиками, «насаждаемыми» сверху. В борьбе между реальным и идеальным, крестьянским, пролетарским и советским рождалась новая культура досуга.

К дореволюционным досуговым практикам потомственных рабочих мы относим тесную связь рабочего с фабрикой, в том числе и за ее пределами, формирование дружеского круга из коллег по работе, хождение в гости, чтение книг и газет, походы в кино и дешевые театры, многочисленные традиции «фабрики-общины», близкой крестьянину.

«Новые рабочие», по своей сути, оставались крестьянами. По данным, приведенным на совещании агитационно-пропагандистского отдела Ленинградского губкома ВКП(б) по вопросу о работе среди новых слоев рабочих, около 80% новых рабочих и были крестьянами (или детьми крестьян) по социальному происхождению [26, Л. 7]. Они осваивали городское пространство с помощью фоновых крестьянских практик, вступая в противоречие с государством, которое навязывало им идеальный досуг в форме политической и общественной активности.

К крестьянским формам досуга можно отнести многочисленные самопроизвольные собрания – «посиделки», «кутежи» и пьянство, хулиганство молодежи, карточные игры в коммунальных квартирах и общежитиях (нередко на деньги), гармошка и другие явления, сложно поддававшиеся контролю.

Досуг в форме «пьянки» был серьезной проблемой для власти. Уже в 1922–1923 гг. пьянство как девиация поведения была отмечена в рабочих сводках по многим предприятиям. Для власти пьянство представляло собой проблему, которая ведет к понижению производительности труда и хищениям на предприятиях [20, Л. 18, 23, 47]. Пьянство в день аванса и получки было старой традицией проведения свободного времени, от которой рабочие отказываться не собирались, а «новые рабочие» с удовольствием подхватывали. Вот как это описывает газета Вышневолоцкого

укома «Наш край»: «Помощник машиниста на Вышневолоцкой мануфактуре Иван Самарин всю получку пропил. Домой явился пьяный в лоскут», голый, распевая нецензурные похабные песни, напугав всех в слободе. ... рабочий Лагаш спился совсем и украл последние ведра у жены...» [14].

Исполнение религиозных обрядов трактовалось советской властью как недопустимое явление и подлежало тщательному разбору и осуждению. Так, рабочий Бойцов получил выговор и дополнительную партийную нагрузку за то, что его жена (в его отсутствие – авт.) окрестила их ребенка [17, Л. 1и]. Однако, главными методами борьбы с религиозными обрядами среди заводского сообщества стали не только выговоры по партийной и комсомольской линии. Основную функцию взяли на себя комсомольцы. Антирелигиозная деятельность стала новой формой проведения свободного времени молодых и новых рабочих: проводили «красные крестины» и «красные свадьбы», принимали участие в антирелигиозных кампаниях (например, в кампании по изъятию церковных ценностей) и работе общества «Безбожник», разыгрывали показательные суды над религией.

Можно предположить, что истоки популярности этой формы массовой работы лежат в крестьянских традициях сельского схода, выполнявшего своего рода судебные функции по обычаю. Для молодежи подобные суды были интересным зрелищем. В них присутствовали элементы и инсценировки, и карнавала, и коллективной игры. Такие мероприятия, будучи, по сути, элементом идеологической системы, превращались в то же время в своеобразное развлечение.

В 1923 г. в Петрозаводске во время проведения кампании Комсомольской Пасхи для развлечения молодежи применялись иллюминированные световые плакаты с антирелигиозными лозунгами, были поставлены инсценировки «Попы и комсомол», «Бог, отец и комсомол», шествие по городам с пением «Интернационала». В Петрозаводске был проведен конкурс на лучшую антирелигиозную ячейку [15, Л. 15-16об]. Стоит отметить, что празднования Комсомольского Рождества и Комсомольской Пасхи, стали новой формой организации досуга не только среди русского населения, но и среди национальных меньшинств (в форме борьбы с буддизмом) и среди «западных колонистов» Поволжья, Сибири, Северо-Запада (борьба с католичеством и протестантизмом), где антирелигиозные комсомольские карнавалы завоевывали все большую симпатию среди молодежи [4, Л. 9-10]. Однако, как справедливо замечает ряд исследователей, внедрение атеизма в общественную жизнь «западных» народов (немцев, поляков, западных белорусов) отставало от аналогичного среди русского населения, т.к. «европейцы» и служители их религиозных культов всегда были «на шаг впереди» комсомоль-

цев – «безбожников». На любой метод пропаганды неправославное духовенство имело более-менее достойный ответ. Самое большее, чего удавалось добиться комсомолу среди «западной молодежи» (нерусские колонисты) – это одновременного посещения комсомольских и национально-религиозных кружков [4, Л. 27]. Совмещение религиозных и антирелигиозных практик рабочих, традиции и новаторства становится определенным «веянием времени».

Хулиганство, особенно распространившееся в годы нэпа, стало не только формой досуга молодежи, но и частью фабричной молодежной субкультуры 20-х гг. Стоит отметить, что хулиганство, вопреки сложившемуся мнению, было свойственно не только т.н. «новым рабочим», но и потомственной рабочей молодежи.

По мнению С.Е. Панина, помимо таких общих форм хулиганских проявлений, как ругань, дебоширство, приставание к женщинам-работницам, драки за фабричными воротами, на производстве появились свои специфичные способы «похулиганить», к примеру, порча имущества. Росту хулиганства как на производстве, так и вне его способствовало внушенное рабочим представление об их авангардной роли в строительстве социализма. На этой почве у рабочих развивалось так называемое «пролетарское чванство» или «комчанство» – чувство вседозволенности и безнаказанности [16].

Основными методами работы с хулиганами и, опять же, вариацией проведения досуга, вновь стали художественные постановки «Суд над хулиганами», постановка показательных процессов в рабочих районах с участием комсомольцев, товарищеские суды [19, Л. 16]. Впрочем, на протяжении 1924/1925 гг. в прессе лишь встречаются упоминания о хулиганских действиях, а товарищеские суды обычно собираются по поводу пьянства рабочей молодежи («Красный Путиловец», 1925 г.), исполнения религиозных обрядов и праздников (Псков, 1924 г., Петроград, 1925 г.), мещанского уклона («работница-комсомолка променяла союзные собрания на балы»), непосещения собраний и неуплаты членских взносов (Волховстрой, 1924 г.) и т.п. В товарищеских судах Ленинградской губернии за хулиганство в 1924/1925 гг. было привлечено всего 517 молодых рабочих (12% всех рассмотренных дел) [24].

Н.Б. Лебина отмечает, что общественное мнение (формировавшееся как новыми, так и старыми рабочими) часто выступало на стороне хулиганов, объясняя их действия (например, набеги на клубы, погромы домов отдыха, кинотеатров, срыв киносеансов, приставание к девушкам и прохожим, отбирание денег у хорошо одетых нэпманов) «молодечеством» и издержками возраста («побалуются и повзрослеют»), а также тем, что они «имеют право» [12, С. 97-104].

Размах хулиганства, смешение дореволюционных и революционных представлений о сексуальных отношениях, неясная семейная

политика власти, неумение проводить свой досуг, чувство вседозволенности у рабочих и отсутствие понятий о личной и гражданской свободе вызвали к жизни ужасающий прецедент «чубаровского дела», произошедшего в Ленинграде и взволновавшего всю страну. Групповое изнасилование молодыми рабочими молодой крестьянки, приехавшей учиться в Ленинград, произошедшее в Чубаровом переулке (Ленинград, Лиговский проспект) осенью 1926 г., имело широкий общественный резонанс, в прессе появилась масса статей, обзоров, откликов читателей и даже стихов, осуждавших случившееся и требовавших сурового наказания для насильников [30, С. 112]. Семь насильников были жестоко наказаны и приговорены к смертной казни (хотя потерпевшая осталась жива).

Новая власть активно включилась в борьбу за рабочего и с неудобными «пережитками прошлого». В крупных городах с богатой историей (Москва, Ленинград, Ярославль) большую роль играли Дома просвещения, Дворцы молодежи и рабочие клубы, которые организовывали свободное время рабочего. В организации досуга заметен производственный принцип. Учреждения и предприятия вели активную культурно-просветительскую работу: проводили экскурсии по историческим достопримечательностям (несмотря на их явный революционно-коммунистический уклон, они сыграли большую роль в общем подъеме культурного уровня рабочих, особенно «новых», приехавших из маленьких городков и деревень), организовывали встречи-лекции с учеными и известными людьми (писателями, путешественниками, актерами, певцами, спортсменами), массовые походы в театры и в кино и т.д.

На крупных предприятиях проводились соревнования между цехами. В качестве приза лучший цех получал бесплатные билеты в театр или кино или газеты на месяц и бюст Ильича на пьедестале (причем бюст стал переходящим призом) [21, С. 8], что способствовало и организации нового досуга, и усилению идеологической работы (ведь большинство спектаклей были посвящены революционным темам), а в газетах публиковали только «причесанную» информацию.

Крупные предприятия регулярно устраивали праздники для своих работников: встреча Нового Года, Первомай, памятные дни революционных событий. Так, например, Балтийский завод в Ленинграде организовал в 1922 г. Новый год для рабочих и их семей. Новый год для взрослых оплачивался каждым из участников в размере 10 млн. рублей, елка для детей устраивалась в 2 приема после 1 января: для 5–8 лет и для 8–12 лет, средства на елку выделялись культкомом и Севзапвоенпромом по просьбе профкома Балтийского завода [18, Л. 40]. На заводах практиковалась добровольная подписка на «музыкальные и зрительные номера» на

различные праздники, которая собиралась более активно, чем подписка на всякого рода золотые и хлебные займы, МОПР, добровольные общества и недели «смычки города и деревни».

Рабочие активно участвовали в различных кружках, организуемых профсоюзом, особенно в тех, где можно было получить новые умения и навыки. Большой популярностью, например, на Балтийском заводе пользовался кружок кройки и шитья, где платно учились 90 девочек (бесплатно 25 пионеров и 15 дочерей рабочих), технические 3-х годичные курсы, рассчитанные на 100 человек (48 человек – рабочие Балтийского завода), гораздо меньшей популярностью – хоровой и театральный кружок, кружок друзей библиотеки [6, Л. 126об-132]. Большое значение для рабочих имела возможность привести своих детей на завод, дать им возможность учиться, чем и пользовались профкомы и парткомы, энергично создавая на предприятиях технические школы и кружки, школы заводского обучения, дающие, впоследствии возможность поступления на рабфаки или в ФЗУ, а также отряды пионеров и комсомольские организации.

Принципы культурной работы были сформулированы профсоюзными деятелями Северо-Запада (П. Сиротинин, Н. Глебов-Авилов) уже в 1922 г.: «Наблюдается рост интереса рабочих масс к культуре и просвещению. Чтобы не отпустить эти массы в разные частные увеселительные заведения, профсоюз должен выдвинуть культурную работу на первый план!» [23, С. 112]. Основой культурно-просветительной работы был назван рабочий клуб, который стал постоянным объектом внимания вышестоящих профсоюзных органов. В журнале «Вестник профсоюзов» (1923 г.) нам встретилась любопытная заметка, формулировавшая задачи рабочих клубов как одного из средств воздействия на рабочую массу: «Основой культурной деятельности должны стать кружки естествознания, политграмоты, истории рабочего движения. Остальные литературно-художественные кружки – добавление, приманка. Малосознательный рабочий ищет прежде всего развлечения и всякий труженик ищет отдыха. Дайте им развлечение и отдых в клубе, но так разбавьте их полезными занятиями, чтобы потом втянуть их больше в эти занятия... Члены «веселеньких» кружков должны постоянно перекачиваться в основной» [22, С. 77]. Профсоюзные лидеры не скрывали своих целей – общая культура и политическое просвещение рабочих должны были развиваться в духе коммунистических идей. Учитывая, что к «веселеньким» относили музыкальный, литературный, драматический, танцевальный, хоровой, спортивный и т.п. кружки, можно сделать вывод о том, что для профессионалистов общая культура изначально ставилась ниже политической. Через дискурсивные досуговые практики шло постепенное внедрение новой идеологии в рабочую массу.

Впрочем, жизнь оказывалась богаче умозрительных идеологических схем. Далеко не всегда рабочим клубам удавалось придерживаться «правильной» политико-идеологической линии. Приведем некоторую статистику по их деятельности в Северо-Западной области на примере Союза Деревообделочников, крупнейшие отделения которого существовали в Петроградской и Псковской губерниях, Карельской трудовой коммуне. На февраль 1923 г. по области существовало «11 клубов, 9 из них в Петроградской губернии, местонахождение – непосредственно при заводах, 10 из них имеют драматический и музыкальный кружки. Состав библиотек: в Петрограде – 2500 тысячи томов, по области – 8500... Особенно популярны кино и театральные постановки» [25, С. 70-72]. В дальнейшем, вопросы политграмоты на практике оставались не самым важным направлением в рабочих клубах, рабочие упорно предпочитали общекультурные кружки и банальные развлечения [2, С. 181-198].

Организация досуга рабочего стала постоянной заботой партийных комитетов. Важное место здесь занимали такие новые формы как митинги и демонстрации, новые праздники: годовщина Октябрьской революции, празднование 1 Мая, выборы в советские и партийные органы (использовавшиеся и для демонстрации превосходства над капитализмом, и для борьбы с национализмом и антисемитизмом, религиозными предрассудками, хулиганством как пережитками прошлого), многочисленные собрания по различным поводам внутренней и внешней политики, повседневной жизни предприятия. На заводах проводились выборные советские кампании и даже выездные заседания судов.

Взаимодействие и взаимовлияние в сфере досуга старого и нового, деревенского и городского, предписываемого и привычного в 1920-е гг. заметно не только в городских сообществах в целом, но и повседневной жизни конкретного человека. В качестве примера приведем воспоминания А.И. Картуса, который переехал в Ленинград в 1925 г. вместе с матерью из маленького среднерусского городка, будучи уже комсомольцем. В Ленинграде он встал на учет на биржу труда, откуда был направлен на обучение в ФЗУ на завод «Красный выборжец». Прочитируем его воспоминания о досуге: «Биржа труда в Ленинграде вела большую культурно-массовую работу. Явка на Биржу (не менее раза в неделю) награждалась бесплатной экскурсией под руководство квалифицированных экскурсоводов... Я побывал на Дворцовой пл. (пл. Урицкого), пл. Искусств (Лассалы), площадях Исаакиевской и Декабристов; Музее революции в Зимнем дворце, Петропавловской крепости и соборе, Алексеевском равелине и др. объектах... Биржа труда оказалась моим первым университетом» по истории Петербурга, который воз-

будил мой дальнейший интерес к ней» [7, С. 83]. Практиковались «... целевые спектакли, билеты на которые покупались крупными предприятиями» [8, С. 80]. Однако все культурные мероприятия предварялись докладами завкома или партийной ячейки о текущих вопросах и задачах завода.

В Доме просвещения А.И. Картус ходил в естественно-научный кружок (был еще военно-морской), где участвовал в опытах над животными, ходил на экскурсию в лабораторию И.П. Павлова. Он «стремился не упустить ни одного заметного события в своем городе»: закладка трамвайных линий и памятников, сопровождавшаяся интересными выступлениями: симфонические оркестры, спортивные и музыкальные встречи, встречи с известными путешественниками (например, с капитаном дальнего плавания Лухмановым), посещение театров и выезды на массовые гулянья (Стрельна, Петергоф, Павловск в Ленинградской губернии, подмосковные усадьбы и т.д.). Большую роль для молодого «фабзайца» играли знаковые советские события: «На заводе «Красный Выборжец» раз или два в год проводились отчеты, иногда выборы депутатов в Ленсовет от завода. Для этого в новотрубном цехе с обеда прекращалась работа, убиралось нетяжелое оборудование, ставились скамьи, и цех наполнялся до отказа, молодежь стояла» [8, С. 77]. А.И. Картус является типичным примером идеального представителя «новых рабочих», посвящавших свое свободное время самообразованию, политической и общественной активности, культурному досугу. Тем не менее на него оказали влияние и фоновые пролетарские практики (уклон в сторону культурного, а не общественно-политического) и крестьянские (вечерние «посиделки» в квартире).

Итак, идеальный пролетарский досуг все больше завоевывал социальное пространство города. Общевропейским революционным феноменом стала массовая миграция сельского населения в города, изменившая как облик городов, так и «лицо» горожанина [3]. Массовая культура XX века – спорт, танцы, музыка, кинематограф и пр. – была городской культурой. Она манила к себе жителей села и меняла их представления о себе, о пространстве, о времени и пр. Повсеместное введение 8-часового рабочего дня и оплачиваемых отпусков в промышленных странах в первой половине XX в. стало настоящей культурной революцией, привело к возникновению новых досуговых практик наемных рабочих [9, С. 390-392].

Первая мировая война дала мощный толчок развитию массовых развлечений и новому средству – кино. В 1920–1930-е гг. нечто новое (массовая культура) начало приобретать видимые очертания во многих странах одновременно. Вырос не только тираж, но и географический ареал газет. Более того, кино наряду с другой новой

технологией – радио – впервые в истории породило действительно массового зрителя/слушателя. То, что было названо «радиовещанием», включало в себя передачу программ для миллионов слушателей. Сходные данные отмечают стремительный рост в чтении газет с колоссально возросшей зоной географического и социального проникновения.

В России, согласно официальной статистике, число «киноустановок» выросло с 1510 в 1914 г. до 7331 в 1928 г. и приблизительно до 30000 к 1940 г. Общее число посещений кино возросло с 106 млн в 1914 г. до приблизительно 900 млн к 1940 г. Ежедневный тираж газет вырос с 3.3 млн в 1913 г. до 9.4 млн в 1927 г. и 38.4 млн к 1940 г. [10].

Досуг городских рабочих не отличался большим разнообразием. Время, наполненное разнообразными занятиями, было, в первую очередь, временем производственного труда. По-настоящему новый, социалистический, досуг будет предложен советским горожанам только во второй половине 1930-х гг. в рамках идеологической модели «жить стало лучше, жить стало веселее». Решающую роль в формировании новых фоновых досуговых практик сыграет государственная политика. Специальными местами проведения советского культурного досуга стали парки культуры и отдыха (например, знаменитый центральный парк культуры и отдыха им. А.М. Горького). В Парках посетителям предлагалась как стандартная ежедневная программа (в том числе кино, детские представления, театральные и концертные мероприятия, цирковые представления, спортивные состязания, обучение танцам, аттракционы), так и специальные мероприятия (массовые праздничные гулянья и выставки по поводу открытия московского метрополитена, принятия советской конституции и т.д.; карнавалы) [11]. Красиво оформленные территории парков и их насыщенные программы, нацеленные на повышение культурного уровня населения воплощали в себе новую – социалистическую реальность досуга, сложившуюся в течение 1920-х – первой половины 1930-х гг.

Идеальный пролетарский досуг, пропагандируемый «сверху» нередко вступал в противоречие с реальными фоновыми досуговыми практиками. В советском обществе 1920-х гг. формировались гибридные досуговые практики, в которых причудливо сочетались официальные установки и традиционные элементы, идеальные установки и реальные образы. Данное сочетание было обусловлено взаимовлиянием фоновых пролетарских (культурное проведение досуга) и фоновых крестьянских (развлечения различного типа) практик с постепенным усилением навязываемого официального дискурса советского городского досуга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Borsay P. A History of Leisure. The British Experience since 1500. N.Y.: Palgrave Mac-Milla, 2006. 306 p.
2. Gorzka G. Arbeiterkultur in der Sowjetunion. Industriearbeiterklubs 1917-1929: ein Beitrag zur sowjetischen Kulturgeschichte. Berlin. Berlin Verlag Arno Spitz, 1989. 553 s.
3. Jerram L. Streetlife: the untold History of Europe's twentieth century. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011. 352 p.
4. Баланцев А.В., Слезин А.А. «Белые пятна» в российской и мировой истории. 2011. № 1. С. 8-28.
5. Власова И.В. Судьбы русской народной культуры // Вестник РГНФ. 2010. № 3. С. 36-46.
6. Доклад завкома Балтийского завода. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 78. Оп. 1. Д. 115.
7. Картус А.И. Ленинград 1925-1932 гг. Воспоминания // История Петербурга. 2006. № 1. С. 80-85.
8. Картус А.И. Ленинград 1925-1932 гг. Воспоминания // История Петербурга. 2006. № 2. С. 77-82.
9. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб, Алетейя, 2009. 574 с.
10. Коткин С. Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия. Сб. ст. СПб.; М.: Летний сад, 2001. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_ross/12.php.
11. Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928-1941. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 350 с.
12. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 404 с.
13. Лейбович О.Л., Шушкова Н.В., Кабацков А.Н. Этническое и экономическое: этюд о фоновых практиках // Вестник ПГИИ. 2012. № 13. 14. С. 50-59.
14. Наш край. Орган Вышневолоцкого уездного комитета ВКП(б) и уездного исполнительного комитета. 1926. 1 окт.
15. Отчет о деятельности областного комитета РКСМ Автономной Карельской ССР за 1 марта 1923 — 1 марта 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. К-599. Оп. 1. Д. 202. Л. 15-16об.
16. Панин С.Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4. Цит. по: Режим доступа: http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2003-4_pan.htm#s36.
17. Протокол № 5 закрытого собрания Пленума коллектива ВКП(б) верфи им. Дзержинского от 10.11.1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 135. Оп. 1. Д. 26.
18. Протокол № 2 заседания культурной комиссии от 22.12.1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 78. Оп. 1. Д. 35. Л. 40.
19. Протокол заседания Ленинградского губисполкома о борьбе с хулиганством от 29.03.1924 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга ЦГА СПб. Ф. Р-1552. Оп. 22. Д. 34.
20. Пьянство на заводе «Айваз» (Выписка из рабочей сводки № 25 от 9 февраля 1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 4. Д. 4688. Л. 23, 47 и др.); выписка из протокола заседания ячейки ВКП(б) завода и. МОПР // ЦГАИПД СПб. Ф. 378. Оп. 1. Д. 16.
21. Самошин. Некоторые итоги // Производственное совещание. 1928. № 8. С. 5-9.
22. Селецкий П. Рабочие клубы // Вестник профсоюзов. 1923. № 1. С. 71-82.
23. Сиротинин П. Профсоюзы Северо-Западной области // Вестник профсоюзов. 1922. № 1. С. 5-14.
24. Смена. 17 декабря 1725 г. № 289.
25. Смирнов-Чубринский М. Культурная работа у деревообделочников // Вестник профсоюзов. 1923. № 2-3. С. 65-78.
26. Стенограмма совещания Агитационно-пропагандистского отдела Ленинградского губкома РКП(б) по вопросу о работе среди новых слоев рабочих от 10.09.1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 209.
27. Феномен досуга в античном мире / под ред. Э.Д. Фролова. СПб. Гуманитарная академия, 2013. 464 с.

28. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
29. Ходнев А.С. Новая культурная история и «новая история досуга» // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы. Изд. 2-е. М., 2012. С. 462-473.
30. Чуйкина С. «Быт неотделим от политики»: Официальные и неофициальные нормы половой морали в советском обществе 1930-1980-х годов // В поисках сексуальности: сборник статей. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 99-127.

* * * * *

УДК 94(47).084.5

Исаев Виктор Иванович

*доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института истории Сибирского отделения РАН
г. Новосибирск
history49@mail.ru*

ПРОСТИТУЦИЯ В ГОРОДАХ СИБИРИ И МЕРЫ ПО ЕЕ ЛИКВИДАЦИИ В 1920-е гг.

В статье рассмотрены экономические и социальные причины существования проституции в городах Сибири в 1920-е гг. Выявлены количественные и качественные характеристики проституции, ее связь с распространением венерических заболеваний. Показана работа судебных органов и милиции, государственных органов и общественности по сокращению и ликвидации проституции.

Ключевые слова: проституция, безработица, нэп, социальные болезни, преступность, судебные органы, милиция, Сибирь.

Isaev Viktor Ivanovich

*doctor of historical sciences, professor, chief researcher
Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk
history49@mail.ru*

PROSTITUTION IN THE CITIES OF SIBERIA AND A MEASURE FOR ITS ELIMINATION IN THE 1920TH

In article the economic and social reasons of existence of prostitution in the cities of Siberia in the 1920th are considered. Quantitative and qualitative characteristics of prostitution, its communication with distribution of venereal diseases are revealed. Work of judicial authorities and militia, government bodies and the public on reduction and elimination of prostitution is shown.

Keywords: prostitution, unemployment, New Economic Policy, social diseases, crime, judicial authorities, militia, Siberia.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 12-01-00224а).

Одной из типичных форм социальных девиаций в городских поселениях является проституция женщин. Сосредоточение в городах больших масс населения при анонимности городского образа жизни является одним из главных факторов превращения глубоко интимного общения мужчины и женщины в профессионально организованную торговлю женским телом. Несмотря на продекларированную решимость Советской власти ликвидировать проституцию, широко распространенные безработица и бедность женщин продолжали порождать это болезненное явление и после революции 1917 г.

Изучение проституции в отечественной исторической науке, зародившееся в XIX в. и отчасти продолженное в 1920-е гг. (работы В.М. Броннера, А.М. Коллонтай, С.Е. Гальперина и др.), по идеологическим причинам находилось практически под запретом в советское время. В посткоммунистической России эта проблема, пережив некоторый всплеск внимания со снятием идеологических ограничений (публикации Н.Б. Лебиной, М.В. Шкаровского и др.), редко выступает в качестве предмета исследований по причине ее сложности. В историографии Сибири названная тема также только начинает исследоваться, можно указать на работы А.Г. Быковой, Е.А. Дегальцевой, посвященные проституции в сибирских городах во второй половине XIX – начале XX в.

В настоящей статье на основе материалов из сибирских архивов и прессы мы рассмотрим положение с проституцией в городах Сибири в 1920-е гг. и меры по ее сокращению и ликвидации.

С установлением Советской власти регистрация проституток, практиковавшаяся до революции, была не только отменена, но и осуждалась как наследие царского режима. Советское государство ориентировало правоохранительные органы на борьбу с проституцией как социальной болезнью, запрещая в то же время какие-либо репрессии против самих женщин, занимающихся проституцией, рассматривая их не в качестве преступников, а скорее жертв социальных обстоятельств. В уголовном законодательстве отсутствовали нормы, преследующие как самих проституток, так и потребителей их услуг. Предусматривалось только привлечение к ответственности за сводничество и содержание притонов. Поэтому работа милиции и судебных органов по сокращению проституции в основном сводилась к выявлению и наказанию держателей притонов разврата. Правда, милиция практиковала кратковременные аресты проституток и их клиентов, но вынуждена была их отпускать, если не находила причин для уголовного преследования.

После введения НЭПа в сибирских городах наблюдался всплеск проституции, несколько сократившейся в предыдущий период. Однако подробные сведения о состоянии проституции в городах Сибири можно найти лишь в источниках, относящихся к середине 1920-х гг., до этого встречаются лишь отрывочные данные. Известно, что в Красноярске весной 1923 г. было выявлено 30 притонов и 63 проститутки в них, а всего, по оценке милиции, профессионалок насчитывалось до 300, занимались же проституцией от случая к случаю около тысячи женщин [1, 1924, 23 мая]. По данным органов милиции в 1922 г. в Омске было выявлено 80 притонов и около 600 проституток [2, Л. 113]. 11 ноября 1924 г. газета «Советская Сибирь» в статье «Барнаул ночью» сообщала, что на улицах города работало 77 профессиональных проституток. В отчете Алтайского губернского адмотдела за III квартал 1924 г. численность проституток оценивалась около 80, но при этом считалось, что фактически их намного больше [3, Л. 20].

В Сибири профессиональная проституция была сосредоточена в основном в крупных и средних городах. В 1926 г. органами милиции были собраны сведения по городским поселениям 12 округов Сибирского края.

Таблица 1 – Проституция в Сибирском крае в 1926 г.
[ГАОН, Ф. р-1180, Оп. 1, Д. 709, Л. 55-56].

№ п/п	Округ	Число лиц, профессионально занимающихся проституцией
1	Ачинский	28
2	Барнаульский	39
3	Бийский	46
4	Барабинский	21
5	Иркутский	86
6	Каменский	69
7	Красноярский	76
8	Кузнецкий	32
9	Минусинский	27
10	Новосибирский	71
11	Омский	76
12	Томский	50
	Итого	621

Следует подчеркнуть, что данные таблицы отражают лишь количество проституток, зафиксированное в ходе расследования преступлений, связанных со сводничеством, сутенерством, содер-

жанием притонов и т.п. Так, по другим сведениям, количество проституток в Новосибирске оценивалось в 160 человек, в Томске – в 250. Поэтому приведенная таблица отражает не столько реальную численность проституток, сколько распространенность профессиональной проституции по округам и городам Сибири. В частности, можно заметить, что наибольшие показатели численности проституток приходятся на округа с крупными городами.

Изучение девиантного поведения жителей сибирских городов становилось предметом внимания и заботы городских властей. После образования в 1925 г. Сибирского края административный отдел крайисполкома Советов в ходе составления годовых отчетов о состоянии преступности собирал также сведения о масштабах проституции. Количество женщин, занимавшихся проституцией профессионально, то есть не имевших другого источника доходов, по данным на 1925 – 1926 гг. оценивалось органами сибирской милиции приблизительно в 650-700 чел. Однако при этом оговаривалось, что это лишь некоторая часть от общего числа, попавшая в поле зрения правоохранительных органов [4, Л. 37].

По мнению ученых, изучающих проституцию, при оценке реального количества женщин, занимающихся проституцией на профессиональной основе, нужно, по меньшей мере, в пять раз увеличивать зафиксированное число. Следовательно, можно предполагать, что в Сибирском крае в середине 1920-х гг. насчитывалось около 3,5 тыс. профессиональных проституток. В источниках встречаются и более высокие оценки, например, медицинские работники, исходя из количества обращений по поводу венерических заболеваний, считали, что в Сибирском крае работало 5–7 тыс. проституток.

К числу причин проституции следует отнести, прежде всего, распространение в городах Сибири в 1920-х гг. массовой женской безработицы, кроме того, сохранявшееся фактическое неравенство женщин и мужчин, зависимое положение женщины в семье и обществе. Безусловно, нельзя сбрасывать со счета и влияние уже сложившихся традиций в области половых отношений. Таким образом, ликвидация проституции требовала не только изменений в экономике, но и серьезных перемен в общественном сознании.

В условиях НЭПа низкая квалификация ставила женщин в неравное положение с мужчинами: как наименее квалифицированные работники женщины чаще были вынуждены покидать место работы по сокращению. Женщины в годы НЭПа составляли большую часть безработных: в 1926 г. в Сибирском крае в составе зарегистрировавшихся на биржах труда безработных женщины составляли более половины [5, Л. 51-63]. Только в семи крупных городах Сибири насчитывалось около 15 тыс. безработных женщин [6, Л. 71].

Безработица не только лишала женщин возможностей честным трудом обеспечивать себе прожиточный минимум, многих из них она толкала на самое дно жизни. Социально-экономические и нравственные последствия безработицы были наиболее тяжелыми для женщин. Из взятых на учет в 1927 г. женщин, занимавшихся проституцией, только 14,4% имели постоянный заработок и 12,4% – временный. Остальных можно назвать профессиональными проститутками, так как других источников существования они не имели [7, Л. 37].

Введение НЭПа возродило к жизни такие женские профессии, представительницы которых почти полностью зависели от нанимателя: домработница, няня, прачка, повариха и т.п. Сложное положение таких женщин можно показать на примере категории домработниц. Домработницы являлись одним из наиболее социально незащищенных слоев женского населения. Наниматели в большинстве случаев чувствовали себя полными хозяевами своей прислуги, часто принуждая их к сожительству. В любой момент эти женщины в нарушение действующего законодательства могли оказаться на улице, лишившись средств к существованию. Поэтому именно домработницы выступали одним из основных источников пополнения числа проституток.

Государственные органы прилагали значительные усилия для обеспечения социальной защиты, создания благоприятных условий труда домработниц. Это подтверждается наличием специального законодательства, а также проведением систематических обследований, осуществлявшихся органами инспекции труда. Однако в данной ситуации заботились в большей степени о преодолении не столько причин данного явления, сколько его следствий. Государство не располагало еще реальными средствами для полного контроля над соблюдением законодательных актов о регулировании труда домработниц.

Безработица заставляла домработниц закрывать глаза на нарушения их нанимателями многих статей закона, а некоторые женщины вообще не знали закона, их защищающего. Они были готовы на все, лишь бы не остаться без работы, хотя часть из них была все же вынуждена обращаться в поисках защиты в судебные инстанции. Если взять за 100% количество всех женщин, обратившихся в 1926 г. в суды Сибири, то в городах основную группу истцов представляли работницы – 30,5%, а на втором месте шли домашние работницы – 25% [8, Л. 38].

Существенную роль в развитии проституции играла экономическая ситуация, сложившаяся в сельском хозяйстве Сибири. Аграрное перенаселение выталкивало свободную рабочую силу и при-

бывавшие в города молодые крестьянки становились социальным резервом проституции. Из городских слоев населения проституция в значительной степени прирастала за счет домработниц, которые также зачастую приезжали из деревни. Таким образом, малограмотные и неквалифицированные крестьянки чаще всего пополняли ряды проституток.

Статистиками, социологами, медиками проводились обследования и опросы проституток и лиц, с ними соприкасающихся. Результаты публиковались и становились достоянием общественности. Так, в ходе обследования сибирских проституток в 1926 г. были собраны сведения о их социальном происхождении, возрасте, времени занятия проституцией, материальном положении. Картину состояния проституции дали в основном окружные города; города районного значения и рабочие поселки были охвачены обследованием не полностью, сведений по сельской местности не имелось.

Таблица 2 – Социальный и возрастной состав проституток
[ГАНУ, Ф. р-1353, Оп. 1, Д. 36, Л. 72-73].

Социальный состав проституток, в %				Возраст (лет)				
Рабочие	Крестьяне	Мещане	Не устан.	15-17	17-20	20-25	25-30	Свыше 30
18,1	41,9	11,5	28,5	11,3	25,6	36,6	13,9	12,6

Данные таблицы показывают, что по социальному составу проституция рекрутировалась из всех слоев общества, но больше всего из крестьян. По возрасту проститутки более чем на 2/3 являлись молодыми женщинами до 25 лет. По профессиональному стажу женщины распределялись следующим образом: 29,2% женщин занимались проституцией менее двух лет, 35,4% – менее четырех лет [9, Л. 71]. У остальных обследованных выяснить продолжительность работы не удалось.

В Иркутске в 1927 г. было выявлено более сотни профессиональных проституток. Для 80% из них продолжительность занятий проституцией составляла от 2-х до 4-х лет. В Новосибирске за 1929 и первую половину 1930 г. было выявлено более 200 профессионалок, при этом у половины из них профессиональный стаж составлял уже более трех лет [10, Л. 31].

За свой опасный для жизни и здоровья промысел проститутки зарабатывали не так уж и много: в среднем до 50–60 рублей в месяц [11, Л. 114]. Для сравнения можно отметить, что средняя месячная заработная плата рабочего в Сибирском крае в 1927–1928 гг. равнялась примерно 53 руб. [12, С. 11]. К тому же проститутке надо было покупать приличную одежду, чтобы «снять» клиента, оплатить угол или комнату для жилья, расходы на лечение и т.п. Следует

также отметить, что в тех случаях, когда проституция становилась источником наживы для сутенеров и других преступников, самим женщинам доставалась лишь малая доля полученных доходов.

Проституция была опасна для общества не только в нравственном, но и в медицинском плане. Более половины проституток-профессионалок страдали венерическими заболеваниями, распространяя их среди своих клиентов. В Омске только за сентябрь 1924 г. в венерологический диспансер обратилось 292 человека, за октябрь – 136. В ноябре число посещений вендиспансера достигло 362, было зафиксировано 86 случаев заболевания сифилисом, 63 – гонореей [13, 1924, 12 декабря]. Только за первую половину 1926 г. в Красноярске 1,2 тыс. мужчин, воспользовавшихся услугами проституток, заболели сифилисом; 642 человека – гонореей [14, Л. 113].

По данным обследования выявленных в Новосибирске в 1929 и 1930 г. проституток, 92% из них болели венерическими болезнями, в том числе – 44% гонореей, 38% – сифилисом, 10% – одновременно сифилисом и гонореей [15, Л. 27]. Всего с 1923 по 1928 г. в Сибири было зарегистрировано 178 тыс. случаев заражения всеми видами сифилиса и 122,5 тыс. гонореей [16, Л. 114].

В борьбу с распространением венерических заболеваний активно включались судебные органы: УК РСФСР предусматривал до трех лет лишения свободы за намеренное заражение партнера. Однако сама сфера половых отношений, предполагавшая некоторую интимность и деликатность, не располагала к гласному обсуждению возникавших в этой области проблем. Поэтому число обращений в суд от потерпевших, заразившихся венерическими болезнями, было невелико, но, тем не менее, они часто привлекали внимание прессы в силу пикантности обстоятельств.

Сибирские судьи, не обладавшие в большинстве достаточным юридическим образованием, иногда выносили по таким делам весьма оригинальные приговоры. Так, газета «Советская Сибирь» в номере от 31 июня 1924 г. сообщила читателям о необычном судебном приговоре по делу жителя Ново-Николаевска Иванова. Он, заразившись от проституток сифилисом, скрыл этот факт от своей невесты и, женившись на ней, заразил сифилисом и ее. Судья приговорил Иванова к высылке за пределы СССР, видимо, посчитав, что распространение венерических заболеваний за границей послужит скорейшему крушению капитализма. Политизация этого вполне обыденного происшествия вызвана была тем, что Иванов по происхождению принадлежал к купечеству, а его несчастливая невеста происходила из рабочих.

Проституция служила благоприятной основой для самых различных преступлений. Проститутки нередко являлись соучаст-

никами преступлений, а их квартирные хозяева – сбытчиками краденного. Криминальные авторитеты часто выступали и в роли сутенеров проституток. По данным правоохранительных органов, от трети до половины проституток имели прочные связи с преступным миром [17, С. 122]. Остальные проститутки сталкивались с представителями криминальной среды в качестве клиентов, а довольно часто и сами совершали преступления.

Постоянную борьбу с преступностью, связанной с проституцией, вели правоохранительные органы Сибири. Главным направлением борьбы милиции с проституцией являлось выявление и ликвидация так называемых «домов свиданий», где были сосредоточены профессиональные проститутки. Такая работа велась милицией постоянно. Только с апреля 1924 по апрель 1925 г. органами милиции на территории РСФСР было выявлено 2228 притонов [18, С. 25]. В 1927 г. в сибирских окружных центрах (не включая Томск), правоохранительные органы обнаружили около 150 притонов (домов свиданий). Из них 41% были расположены на рабочих окраинах и 12% – в районе нахождения воинских частей [19, Л. 23]. Отмечены были также факты работы профессиональных проституток на пароходах, курсирующих по сибирским рекам.

Ликвидация мест разврата позволяла существенно оздоровить социальный климат сибирских городов, добиться снижения преступности в целом. В 1925 г. органами сибирской милиции было ликвидировано 382 таких очага, в 1926 г. – 364, в 1927 г. – 338, в 1928 г. – 276, в 1929 г. – 217 [20, Л. 41]. Прослеживаемая по этим данным тенденция к некоторому снижению числа притонов свидетельствует об определенных успехах, достигнутых в борьбе с проституцией. Однако в 1930 г. число выявленных притонов вновь увеличилось до 284 [21, Л. 9]. Видимо, это было связано с новым наступлением на проституцию.

Судебные органы вносили свой вклад в борьбу с проституцией, рассматривая уголовные дела о преступлениях, связанных с этой социальной аномалией. В Сибирском крае за вторую половину 1927 г. по фактам содержания притонов, сутенерства, сводничества было рассмотрено 264 уголовных дела, за первую половину 1928 г. – 549 дел, за вторую половину 1928 г. – 521 дело [22, Л. 340].

В архивных документах и сообщениях сибирской прессы о судебных процессах встречаются красочные описания преступлений, совершенных проститутками или при их активном участии. Нередко проститутки в сговоре со своими сутенерами совершали ограбления своих клиентов. Довольно часто это приводило к серьезным телесным повреждениям искателей удовольствий, а иногда заканчивалось и смертельным исходом. Так, 22 ноября 1926

г. проститутками был ограблен китайский торговец Сун Ян-Суй, проживавший в Омске [23, Л. 139]. Ночью 4 октября 1927 г. в Барнауле кассир окружного собеса Тюленев во время встречи с проституткой подвергся ограблению и утратил 52 руб., документы и ключи от кассы [24, Л. 7].

Постоянная близость проституток к очагам разврата и преступности приводила к тому, что и сами проститутки часто становились жертвами преступлений. Так, только за октябрь 1925 г. в Новониколаевске было обнаружено несколько трупов проституток. 1 октября около речки Ельцовки в одной версте от города был обнаружен труп неизвестной женщины лет 22-25, убитой выстрелом из револьвера в голову. По одежде, макияжу и другим признакам милиция определила, что эта женщина – проститутка. 5 октября 1925 г. в Новониколаевске в районе нового кладбища был обнаружен труп неизвестной женщины лет 28-29 с признаками насильственной смерти [25, Л. 6]. 11 октября 1925 г. на старом татарском кладбище между могилами обнаружен труп неизвестной женщины лет 26-27 с нанесенными ножевыми ранами. Около трупа обнаружен сапожный нож. Уголовным розыском по данному делу был задержан преступник Моисеев Павел, который в убийстве Кузнецовой Марии, занимавшейся проституцией, сознался. Убийство произошло на почве ревности [26, Л. 96].

Суды Сибири вели постоянную работу по справедливому наказанию преступников, наживавшихся на проституции. Только за 5 лет (с 1926 по 1930 гг.) было рассмотрено около 1,4 тыс. уголовных дел против содержателей притонов и сводников. В результате значительное число паразитических элементов, наживавшихся на проституции, были изолированы от общества.

Сокращению проституции способствовали судебные процессы, часто проводившиеся как показательные, на которых судили партийных и государственных чиновников за растраты, уголовные преступления. Как правило, в качестве участников событий, жертв или свидетелей на таких процессах выступали проститутки. Только за 2 года (1928 и 1929 гг.) по таким делам было осуждено около 10 тыс. человек [27, Л. 11-12, 20].

Задача ликвидации проституции стала одной из постоянных забот государственных органов и общественно-политических организаций Сибири. Для ее уменьшения принимались самые разнообразные шаги, приоритет в это время отдавался профилактическим мерам экономического характера: созданию трудовых коллективов безработных женщин, организации для них артелей, мастерских, курсов и школ по повышению трудовой квалификации.

Начало широкомасштабной кампании по борьбе с проституцией было положено публикацией в газете «Известия» от 16 октября

1922 г. совместного циркуляра, принятого ВЦСПС, НКВД РСФСР, наркоматами здравоохранения и просвещения. В опубликованном документе намечалось два главных направления борьбы с проституцией: профилактическая работа, направленная на предупреждение проституции, и меры по ликвидации проституции и сопутствующих ей криминальных явлений: сутенерства, сводничества и т.п. Для координации этой работы была создана межуведомственная комиссия, затем при наркомате здравоохранения был образован Центральный совет по борьбе с проституцией [28, С. 214-217].

В плане реализации циркуляра в декабре 1922 г. Сибревкомом было принято Положение о мерах борьбы с проституцией в Сибири, разосланное всем губисполкомам и губпрофсоветам. В нем всем советским и хозяйственным органам рекомендовалось: а) проявлять особую осторожность при увольнении женщин, особенно наиболее необеспеченных (одиноких, бесприютных девушек, беременных женщин, женщин с малолетними детьми); б) организовывать производственные артели для безработных женщин; в) повышать профессиональную квалификацию женщин; г) бороться с женской беспризорностью через устройство общежитий для безработных женщин, домов временного пребывания для вновь приезжающих в города женщин и девушек; д) усилить заботу о беспризорных детях; е) расширить агитационно-просветительную работу (совместными усилиями профсоюзов, партийных организаций, красноармейских частей) [29, Л. 13].

Для сокращения и ликвидации этой социальной болезни в городах Сибири были организованы специальные органы – губернские советы по борьбе с проституцией. Эти советы создавались при губздравотделах. В состав советов входили пять человек: заведующий губздравотделом, заведующий подотделом социальных болезней здравотдела, представители административного отдела, губпрофсовета и женотдела. В функции данных советов входил контроль за состоянием дел на местах, организация профилактических мер, борьба с женской безработицей как одной из причин проституции, а также организация карательных мер в соответствии с существующим законодательством.

Характерной чертой времени были нетрадиционные способы борьбы с проституцией. В декабре 1922 г. Красноярский горком РКП(б) организовал в клубе имени К. Либкнехта показательно-агитационный суд над проституткой. В ходе горячего и заинтересованного обсуждения данной проблемы собравшиеся жители Красноярска пришли к выводу о необходимости ликвидировать это наследие прежней жизни [1, 1922, 9 декабря]. В начале 1925 г. «Рабочая газета», выходившая в Омске, публиковала на своих

страницах сценарий суда над проституцией. В последующих номерах публиковались многочисленные отклики читателей, осуждавшие не только женщин, торгующих собой, но и потребителей их услуг. Ряд материалов по этой проблеме публиковался в журналах «Красная сибирячка», «Сибирский медицинский журнал».

Вместе с тем в первой половине 1920-х гг. борьба с проституцией часто велась бессистемно, ограничиваясь эпизодическими мерами: пособиями нуждавшимся женщинам, стоявшим на грани проституции, подыскиванием работы для проститутток, отказавшихся от своего ремесла и т. п. Во второй половине 1920-х гг. в Сибири активизировались советы по борьбе с проституцией; открылись трудовые профилактории в Новосибирске, Красноярске и Иркутске [30, С. 29]. Большую работу по ликвидации проституции проводили венерологические диспансеры с организованными при них комитетами труда и быта, а также трудовые профилактории. Профилактические меры по борьбе с проституцией сводились главным образом к созданию условий для преодоления женской безработицы как одной из причин этого явления, а также к массовой культурно-просветительной работе в различных слоях населения. Меры практического воздействия были направлены, прежде всего, на выявление притонов проститутток и наказание их владельцев и сутенеров.

Следует отметить, что проблема борьбы с проституцией в 1920-е годы была предметом активного обсуждения на заседаниях партийных и государственных органов, на страницах сибирской печати. В отличие от последующих периодов на данную проблему не закрывали глаза, а старались по мере возможности дать объективный анализ причин сохранения проституции в условиях нового общества. Так, в апреле 1927 г. на заседании краевой комиссии по борьбе с проституцией был сделан доклад административного отдела Сибкрайисполкома «Проституция и борьба с ней в Сибирском крае». Данный документ представляет несомненный интерес как попытка наиболее подробно проанализировать проблему и наметить меры, которые способствовали сокращению проституции [31, Л. 72-79].

Новое наступление на проституцию развернулось после публикации в июне 1929 г. декрета СНК РСФСР, в котором всем наркоматам ставились конкретные задачи по организации мероприятий, призванных окончательно ликвидировать социальные причины и проявления проституции в России. В Сибири развернулась масштабная работа по реализации решений правительства [30, С. 5].

Начавшаяся в конце 1920-х гг. индустриализация, обеспечившая ликвидацию безработицы, рост спроса на женский труд, большое количество курсов по подготовке квалифицированных работниц ликвидировали экономические условия, способствовав-

шие развитию проституции. Те из проституток, которые не хотели расставаться со своей профессией, стали рассматриваться как злостные дезертиры труда. Они привлекались к принудительному лечению, к принудительным работам. При наличии тесной связи с преступными элементами проститутки подвергались административной высылке. Оставляя в стороне вопрос о законности таких методов борьбы с проституцией, тем не менее, следует сказать, что проституция как явление пошла на спад.

Таким образом, в 1920-е годы проблема борьбы с проституцией решалась на самом высоком государственном уровне. Были созданы специальные органы, которые пытались объективно оценить ситуацию с развитием проституции и комплексно подойти к ее разрешению. Такой подход отличает 1920-е годы от последующих периодов советской истории, когда в качестве аксиомы было принято положение о полном отсутствии проституции в нашей стране на том основании, что при социализме условия, ее порождающие, перестают существовать.

В целом за исследуемый период в результате проделанной работы по сокращению и ликвидации проституции в городах Сибири удалось сформировать в общественном мнении неприятие проституции как социального явления, подготовить условия для почти полной ликвидации профессиональной проституции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Газета «Красноярский рабочий».
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. р-998. Оп. 1. Д. 54.
3. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 48. Д. 76.
4. ГАО. Ф. р-20. Оп. 2. Д. 134.
5. ГАО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1687.
6. ГАО. Ф. р-1353. Оп. 1. Д. 36.
7. ГАО. Ф. р-20. Оп. 2. Д. 134.
8. ГАО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 4027.
9. ГАО. Ф. р-1353. Оп. 1. Д. 36.
10. ГАО. Ф. р-20. Оп. 2. Д. 141.
11. ГАО. Ф. р-998. Оп. 7. Д. 54.
12. Бюллетень статистики труда и промышленности. 1929. № 32-33.
13. Газета «Советская Сибирь».
14. ГАО. Ф. р-998. Оп. 1. Д. 54.
15. ГАО. Ф. р-998. Оп. 7. Д. 45.
16. ГАО. Ф. р-998. Оп. 1. Д. 54.
17. Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД. Вып. 11. М., 1930.
18. Броннер В.М. Проституция и пути ее ликвидации. М., 1931.
19. ГАО. Ф. р-1180. Оп. 1. Д. 709.
20. ГАО. Ф. р-1180. Оп. 1. Д. 709.
21. ГАО. Ф. р-47. Оп. 4. Д. 240.
22. ГАО. Ф. р-47. Оп. 4. Д. 245.
23. ГАО. Ф. р-20. Оп. 1. Д. 144.
24. ГАО. Ф. р-20. Оп. 1. Д. 147.

25. ГАО. Ф. р-20. Оп. 1. Д. 153.
26. ГАО. Ф. р-20. Оп. 1. Д. 28.
27. ГАО. Ф. п-2. Оп. 7. Д. 588.
28. Миловитова Э.К. Женский вопрос и женские движения. М., 1929.
29. ГАО. Ф. р-1353. Оп. 1. Д. 5.
30. Вяткин Г. На борьбу с проституцией. Новосибирск, 1931.
31. ГАО. Ф. р-1353. Оп. 1. Д. 36.

* * * * *

УДК 94 (47)

Кискидосова Татьяна Александровна

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
г. Абакан
tak_74@mail.ru*

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СИБИРСКОГО ГОРОДА В 1930-е гг.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В статье дан историографический обзор повседневности сибирского города в 1930-е гг. Обращено внимание на работы современных исследователей по данной теме. Автор приходит к выводу, что, несмотря на активное изучение сибирскими исследователями истории повседневности на современном этапе, городская повседневность остается недостаточно исследованной в региональном аспекте.

Ключевые слова: историография, повседневность, город, Сибирь.

Kiskidosova Tatiana Alexandrovna

*candidate of historical sciences, senior research fellow
Khakassky Research Institute of Language, Literature and History
Abakan
tak_74@mail.ru*

DAILY SIBERIAN CITY IN 1930 S.: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

This paper presents a historiographical review of the Siberian city of everyday life in the 1930s. Attention is drawn to the work of contemporary scholars on the subject. The author concludes that, despite the intensive study of Siberian researchers history of everyday life at the present stage, the city remains under-investigated daily in the regional aspect.

Keywords: historiography, daily, city, Siberia.

В последние годы одним из приоритетных направлений в мировой исторической науке является изучение истории повседневной жизни обычных людей, образа жизни и быта, ментальных особенностей и культуры. История повседневности предусматривает изучение истории «снизу», т.е. внимание исследователей обращено к истории обычного человека или малой социальной группы. В изучении истории повседневности не сложилось универсального подхода. В мировой исторической науке прочно утвердились и продолжают сосуществовать два основных направления: ментальный макроконтекст событийной истории и реализация приемов микроисторического анализа. Работы исследователей по истории повседневности подготовлены на основе различных концепций и охватывают разнообразные вопросы.

Историографический обзор провинциального города в России, в Сибири и на Дальнем Востоке был представлен О.Н. Шиловой [32]. Автор планировала рассмотреть историографию провинциального российского города, однако наряду с работами по городской проблематике, она перечислила работы по истории повседневности российской деревни и крестьянства. О.Н. Шилова сконцентрировала внимание на работах, основанных на общероссийском материале. Она отметила, что в работах сибирских историков тема сибирской повседневности проводится в контексте социально-культурной, социально-демографической и социально-правовой проблематики, раскрывающей вопросы социальной аномалии [32, С. 125]. Исследования сибирских ученых рассмотрены слабо, приведены далеко не все работы по истории сибирского провинциального города и, следовательно, проанализирована незначительная часть литературы по данной проблематике.

В советской историографии при освещении вопросов индустриализации и урбанизации от историков Сибири трудно было бы ожидать полной объективности. Многие стороны повседневной жизни населения либо замалчивались, либо беззастенчиво приукрашивались. Советские историки акцентировали внимание на успехах и достижениях советской страны, доказывали преимущество социализма перед капитализмом. Большая часть работ по истории сибирских поселений была посвящена новым городам. В основном подобные исследования носили междисциплинарный характер. Внимание уделялось процессу адаптации и образу жизни новых горожан. Исследованием культуры и быта советских рабочих, демографическим и социально-экономическим развитием городов занимались С.С. Букин, В.И. Исаев, Н.В. Куксанова, В.В. Алексеев, А.С. Московский, В.А. Исупов, И.С. Кузнецов и др. [13; 22; и др.]. Они рассмотрели такие вопросы как формирование городского населения и трудовых ресурсов, материально-бытового снабжения рабочих и т.д.

В сибирской историографии изучение повседневности стало формироваться во второй половине 1990-х гг. К этому времени исследование истории городов вышло на качественно новый этап, был собран и накоплен солидный материал, подготовлено значительное количество работ по городоведческой проблематике. Историки обратились к поиску новых методологических оснований исследовательской работы. Одной из многочисленных современных стратегий современной исторической науки является «оповседневивание» городоведческих исследований. История повседневной жизни горожан сибирского региона получила большую популярность среди исследователей. Усилиями омских исследователей В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимовой, Д.А. Алисова и др. были опубликованы исследования по истории советской повседневности городов Сибири [2; 31]. В контексте теории модернизации подготовлены работы новосибирских ученых. Исследователи не ограничиваются социально-экономическими проблемами городов, в поле зрения попали социокультурные аспекты [6; 31].

Повседневная жизнь городских жителей в эпоху индустриализации на основе гендерного подхода представлена в ряде работ [9; 10]. Е.В. Волчо исследовала эмансипацию западносибирских горожанок в период индустриализации. Она отметила последствия вовлечения женщин во все отрасли народного хозяйства. По мнению автора, к позитивным следствиям следует отнести: уравнивание в правах женщин, использование новых трудовых ресурсов, увеличение бюджета семьи, возможность активного участия женщин в общественной жизни и т.д. В то же время Е.В. Волчо выделила негативные последствия: дополнительная трудовая нагрузка женщин, вследствие низкой грамотности и квалификации малооплачиваемый и малопродуктивный труд, низкая рождаемость, рост идеологизации жизни. Согласно выводу исследовательницы, «завоеванная независимость тяжким грузом легла на женские плечи» [9, С. 137].

Проблемы адаптации крестьян в условиях города, быта городских рабочих, семейных отношений горожан сибирского региона эпохи модернизации 1930-х гг. были исследованы В.И. Исаевым [14; 16; 18]. Также автор подробно изложил формы прямой и косвенной регламентации повседневной жизнедеятельности людей, сложившиеся в ходе ускоренной урбанизации [19]. Он аргументировано доказал, что форсированная индустриализация Сибири проходила без достаточного обеспечения соответствующего развития социальной сферы. Исследователь обратил внимание на качество процесса урбанизации Сибири и его социальном содержании. Автор предположил, что сложившееся городское общество Сибири как в целом и в России в 30-е гг., было ближе к традиционному, чем к современному индустриальному обществу [19, С. 48].

В.И. Исаев рассмотрел повседневную жизнь горожан в русле концепции модернизации [20; 21]. В его работах основное внимание обращено изучению проблем трансформации общества от традиционно-аграрного к урбанистическому. На основе широкой источниковой базы он наглядно доказал, что процесс урбанизации в стране был искусственно форсирован за счет мощного выдавливания крестьян из села [21, С. 295]. Исследователь обратил внимание на методологические и методические проблемы истории становления индустриально-урбанистического общества в Сибири [18, С. 17-20]. Он рекомендовал историкам повседневности использовать приемы и методы, разрабатываемые таким направлением в исторической науке, как микроистория. В то же время автор подчеркнул необходимость серьезного изучения и осмысления методологии микроисторического подхода. Его основной задачей является детальное, микроскопическое изучение конкретного объекта с целью получения нового знания и новых концепций [18, С. 19]. В.И. Исаев провел сравнительный анализ некоторых аспектов повседневной жизни в сталинской России и гитлеровской Германии. Наряду с отличиями он выявил общее тоталитарное устройство обоих режимов, что накладывало на повседневную жизнь рабочих двух стран специфический отпечаток. Автор пришел к выводу, что сходные взаимоотношения власти и государства в России и Германии 1930-х гг. определяли сходство повседневной жизни горожан [17].

В русле истории повседневности Е.И. Косякова (Красильникова) рассмотрела повседневную жизнь сибирского города Новосибирска в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами [23; 24; 25]. Она изучила городскую повседневность в контексте длительного всеобъемлемого перехода от традиционного общества к индустриальному или современному. Е.И. Косякова исследовала преимущественно вопросы биологических потребностей (в питании, отдыхе, тепле и безопасности, в сохранении здоровья и гигиене) в условиях городской среды Новосибирска. Работы не ограничились задачей выяснения бытовых элементов жизни горожан. Исследовательница рассмотрела проблему адаптации населения быстро растущего сибирского города к сложным экономическим, социально-политическим и культурным обстоятельствам. Особо ценным в ее работах является активное использование источников личного происхождения. Е.И. Косякова, признавая необходимость привлечения разнообразных источников, подчеркнула важность устных свидетельств очевидцев для изучения вопросов городской повседневности. Она писала: «Вспоминая прошлое, старожил говорит от собственного лица и выражает обывательскую позицию «человека повседневного». Благодаря собственной памяти человек «реанимирует» свои прежние чувства, вновь переживает прошлое» [23, С. 55].

Интерес представляет статья Е.И. Красильниковой, посвященная коммеморативной составляющей октябрьских торжеств, устраивавшихся в крупных городах Западной Сибири (Новосибирск, Барнаул, Томск, Омск) [26]. Исследовательница наглядно показала специфику праздничных коммемораций 1930-х гг., обратила внимание на их унификацию. Она выявила влияние контекстов социально-экономической и повседневной жизни и политики государства на коммеморации, связанные с октябрьскими торжествами [26, С. 49]. Исследование праздничной культуры в сибирском индустриальном городе было проведено П.Е. Азаровой [1]. Проводя сравнение праздников 1930-х гг. с торжествами предыдущего десятилетия, автор отметила иерархический характер праздничных мероприятий индустриального периода.

Итогом совместной работы С.С. Букина и В.И. Исаева стал ряд работ по истории повседневной жизни как в целом сибирских городов, так в частности города Новосибирска. Авторы подготовили статью по проблемам и задачам исследования истории повседневности сибирского городского населения. Они выявили основные проблемы, задачи и методологические подходы исследования, а также наметили основные направления при изучении истории повседневности городского населения Сибири на современном этапе [7, С. 5]. Авторы указали на взаимосвязь истории повседневности и углубленного исследования проблем существования отдельного человека в истории или усиленного внимания к «человеческому фактору». Исследователи обозначили приоритетные вопросы в изучении данной проблематики: обыденное сознание и повседневная мораль, обычаи и традиции, характеристика образа жизни отдельного человека и социальной группы. На основе многолетних разработок по истории повседневности С.С. Букин и В.И. Исаев подготовили монографию о жителях Новосибирска [8]. Хотя работа хронологически охватывает более 100 лет, значительное место отводится социально-бытовой сфере и уровню жизни новосибирцев 1930-х гг.

Современные сибирские историки уделяют значительное внимание источникам по истории повседневности. С.А. Рафикова проанализировала нетрадиционный вид источника по истории повседневности – народные мемуары [29]. Она подчеркнула уникальность и важность народных мемуаров, а также выявила основные проблемы, связанные со сбором и обработкой собранных материалов. С.А. Рафикова предложила с помощью народных мемуаров взглянуть на типичное с позиций человеческого опыта, т.е. в типичном увидеть уникальное [29, С. 77].

В последнее время сибирская историография существенно обогатилась работами по истории повседневности отдельно взятых го-

родов. Авторы на региональном уровне исследовали вопросы быта, образа жизни, ментальных особенностей, девиантного поведения горожан и т.д. А.М. Иминохоев рассмотрел повседневную жизнь горожан Верхнеудинска/Улан-Удэ в 1930-е гг. [11; 12]. Его исследование учитывает специфику восточносибирского региона. Введение нового быта переплеталось с переводом местного населения на оседлый образ жизни. Исследователь отметил, что с утверждением новых принципов и идеалов, власть изъясла целые пласты традиционной культуры [12, С. 67].

Формирование городского образа жизни жителей индустриального города Сталинска (Новокузнецк) исследовал А.Г. Борин [4; 5]. Автор пришел к выводу, что созданная в Сталинске 1930-х гг. «модель городского образа жизни была вполне жизнеспособной в условиях гипертрофированной сферы производства и функционировала с минимальными изменениями на протяжении всего советского периода» [4, С. 25]. Он выделил основные отличия идентификации жителей индустриального города от жителей городов в традиционном обществе. Исследователь отметил взаимосвязь горожанина-рабочего промышленного предприятия и завода в условиях индустриального города [5, С. 128]. О.А. Белоусова проанализировала с позиций иностранцев городскую повседневность Сталинска 1930-х гг. Она рассмотрела условия труда и быта рабочих Кузнецкстроя, а также созданные руководством Кузнецкстроя материально-бытовые условия для горожан. Интерес представляет сравнение менталитета западных и российских рабочих, недавних выходцев из деревни [3]. Т.К. Пипченко исследовала социально-политическую жизнь городов Восточной Сибири в 1930-е гг. [28]. Она убедительно показала проведение государственной социальной политики в восточносибирском регионе, медленное продвижение некоторых законов, реакцию населения на деятельность органов власти, а также неспособность и нежелание местных властей решить ряд социальных проблем. Выводы автора важны для рассмотрения повседневной жизни горожан Сибири 1930-х гг.

Таким образом, в сибирской историографии изучение повседневной жизни города 1930-х гг. является одним из приоритетных направлений. Доказательством является значительное количество работ по данной проблематике. Историки внесли существенный вклад в разработку многих актуальных проблем повседневности, специальные исторические исследования посвящены отдельным городам. В целом данные работы подготовили почву для дальнейших исследований. Следует признать, что большинство работ посвящено западносибирскому городу, тогда как повседневная жизнь городов Восточной Сибири гораздо меньше исследована.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова П.Е. Праздничные технологии и практики их реализации в городах Западной Сибири (1921-1941 гг.) // Сибирь. Деревня. Город. Новосибирск, 2011. С. 44-51.
2. Алисов Д.А. Урбанизация и культура // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 1-15.
3. Белоусова О.А. Иностранцы рабочие и специалисты на Кузнецком металлургическом комбинате: 1929-1939 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Томск, 2004. 28 с.
4. Борин А.Г. Формирование городского образа жизни в индустриальном городе (на материалах города Сталинска 1929-1941 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. Томск, 2010. 27 с.
5. Борин А.Г. Механизмы формирования городской идентичности (на материалах города Сталинска 1930-х гг.) // Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX — XX вв. Томск, 2007. С. 123-132.
6. Букин С.С., Исаев В.И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920-1960-е гг.). Новосибирск, 2009. 198 с.
7. Букин С.С., Исаев В.И. Проблемы и задачи исследования истории повседневности городского населения Сибири в XX — начале XXI вв. // Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX — начало XXI вв.). Новосибирск, 2007. С. 3-56.
8. Букин С.С., Исаев В.И. Новосибирцы. Очерки истории повседневной жизни. Конец XIX — начало XXI в. Новосибирск, 2008. 270 с.
9. Волчо Е.В. К вопросу эмансипации горожанок Западной Сибири: вовлечение женщин в производство в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Вопросы истории Сибири XX века. Вып. 5. Новосибирск, 2001. С. 130-138.
10. Волчо Е.В. Образ мужа в материалах журнала «Красная сибирячка» в 30-е гг. XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2002. С. 71-74.
11. Иминохоев А.М. История повседневности и динамика качества жизни населения Верхнеудинска/Улан-Удэ в 1920-1930-е гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2009. 25 с.
12. Иминохоев А.М. Проблемы досуга и формирование нового быта горожан Верхнеудинска/Улан-Удэ в 1920-1930-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 64-67.
13. Исаев В.И. Быт рабочих Сибири 1926-1937 гг. Новосибирск, 1988. 240 с.
14. Исаев В.И. Коммуна или коммуналка? Изменения быта рабочих Сибири в годы индустриализации. Новосибирск, 1996. 170 с.
15. Исаев В.И. Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации (1920-1930-е гг.). Новосибирск, 2003. 242 с.
16. Исаев В.И. Необычные судьбы обычных людей: Советская повседневность в 1920-1930-е годы. Новосибирск, 2008. 188 с.
17. Исаев В.И. Повседневная жизнь рабочих в сталинской России и гитлеровской Германии: от пропаганды к реальности // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2010. С. 110-127.
18. Исаев В.И. Проблемы изучения истории становления индустриально-урбанистического общества в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 17-20.
19. Исаев В.И. Регламентация повседневной жизни горожан Сибири в конце 20-х — 30-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 46-49.
20. Исаев В.И. Трансформационные процессы в сфере быта городского населения Сибири в XX в. // Сибирь. История и современность. Правовые, экономические и исторические аспекты развития. Новосибирск, 2008. С. 272-281.
21. Исаев В.И. Формирование городского образа жизни в процессе модернизации Сибири // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII — XX вв. Новосибирск, 2003. С. 287-295.
22. Исулов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. 291 с.
23. Косякова Е.И. Городская повседневность межвоенных лет глазами очевидцев: специфика письменных и устных воспоминаний // Устная история: теория и практика. Барнаул, 2007. С. 54-64.

24. Косякова Е.И. Новый быт Сибирского Чикаго: очерки городской повседневности Новосибирска между войнами. Новосибирск, 2006. 232 с.
25. Красильникова Е.И. Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 — первая половина 1941 г.). Новосибирск, 2008. 256 с.
26. Красильникова Е.И. Октябрьские торжества в западносибирских городах 1930-х гг.: коммеморативный аспект // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. 49-52.
27. Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926-1939 гг.). Новосибирск, 1984.
28. Пипченко Т.К. Социально-политическая жизнь городов Восточной Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края и Иркутской области): Дисс. канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 209 с.
29. Рафикова С.А. Народные мемуары как источник по истории советской повседневности // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 74-78.
30. Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920-1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск, 2004. 292 с.
31. Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX — начало XXI вв.). Новосибирск, 2007. 184 с.
32. Шилова О.Н. Повседневная жизнь провинциального города: к историографии вопроса // Вестник ТГУ. 2010. № 4. С. 124-126.

* * * * *

УДК 93/94

Макарова Надежда Николаевна

*кандидат исторических наук, доцент
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова
г. Магнитогорск
makarovanadia@mail.ru*

ГОРОДСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ МАГНИТОГОРСКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.)

В данной статье автор рассматривает проблему городского благоустройства в новом индустриальном центре — городе Магнитогорск. Первая половина 1930-х гг. стала одним из решающих этапов на пути создания сталинской модели социализма. Магнитогорск рассматривался как идеальная модель города будущего. Он воплощал мечту о совершенном социальном устройстве, коллективном быте и жизни нового человека в нем. Городское благоустройство оценивалось как один из ключевых элементов модели идеального города.

Ключевые слова: индустриализация, история повседневности, урбанизация, Магнитогорск.

Makarova Nadezhda Nikolaevna

*candidate of historical sciences, associate professor
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk
makarovanadia@mail.ru*

URBAN LANDSCAPING AS AN ELEMENT OF EVERYDAY CITY (ON MATERIALS OF MAGNITOGORSK IN THE FIRST HALF OF THE 1930S)

In this article the author considers the problem of urban development in the new industrial center, the city of Magnitogorsk. The first half of the 1930s was one of the decisive steps towards the establishment of the Stalinist model of socialism. Magnitogorsk was seen as the perfect model city of the future. He embodied the dream of a perfect social structure, collective life and the life of the new man in him. Urban improvement was assessed as one of the key elements of the model of an ideal city.

Keywords: industrialization, the history of everyday life, urbanization, Magnitogorsk.

История повседневности как научное направление зародилось в 60-е гг. XX века. Круг проблем истории повседневности достаточно обширен. Отечественные исследователи уделяют особое внимание сюжетам, связанным с жилищным вопросом, праздничной культурой, трудовыми буднями. В последнее время пристальное внимание уделяется изучению проблем истории повседневности на локальном материале.

Первая половина 1930-х гг. стала одним из решающих этапов на пути создания сталинской модели социализма. Магнитогорск рассматривался как идеальная модель города будущего. Он воплощал мечту о совершенном социальном устройстве, коллективном быте и жизни нового человека в нем. У Магнитогорска не было истории, но советская пропаганда создала мифологию, которая до сих пор коренится в сознании населения страны. Отсутствие исторического прошлого, как один из критериев нового города, способствовало формированию в Магнитогорске иной системы ценностей. В основе последней стоял жертвенный труд и энтузиазм ради светлого будущего следующих поколений [19].

Районы нового индустриального строительства, как правило, отличались неразвитостью транспортной, экономической и социокультурной инфраструктуры. Однако успешное формирование и закрепление населения в новых индустриальных городах зависело от

комплекса различных факторов, важную роль среди которых играли обеспечение населения жильем, продовольственным и промтоварным снабжением. Немаловажными факторами для населения нового индустриального центра, являлось наличие возможностей профессионального и карьерного роста, содержательного проведения и эффективного использования свободного от работы времени, возможности получения дополнительных льгот. Не стал исключением и Магнитогорск. Все перечисленные выше моменты были крайне важны для населения города, особенно в первой половине 1930-х гг., когда закладывались основы городской инфраструктуры.

Цикл интервью, проведенный автором со старожилами Магнитогорска, подтверждает тезис о том, что важную роль в повседневной жизни человека играет восприятие им города, территории за пределами его дома, а уровень благоустроенности города, развитие его инфраструктуры выступает в качестве одной из составляющих повседневности.

Общее благоустройство Магнитогорска оставляло желать лучшего. Водопровод имелся у незначительной части жилищ. Динамика строительства водопроводной системы была крайне низкой. Пиком строительства стал 1932 г. В 1929 г., в первый год строительства города и завода, предполагалось, что в Магнитогорске будет проживать около 20 тысяч человек. Стоимость водопровода исчислялась тогда в сумме около 2,5 млн. руб. [18, С. 73-75]. Средств не хватало, поэтому строительство водопровода велось периодически – по мере поступления средств, материалов и высвобождения рабочей силы с ударных участков [3, Л. 71]. Основная часть жителей города снабжалась из водовозных бочек. По словам В.Т. Лобочевой, вода была также дефицитным товаром и в очередях за ней часто случались драки: «... нам повезло с соседями, хорошие были люди. Все друг другу помогали. Занимали очередь за водой, когда ее привозили в бочках» [2]. В 1934 г. в городе была создана сеть водопроводных будок, в которых можно было получить воду по специальному талону [8; 4]. Ее выдавали бесплатно, но жителям строжайше запрещалось использовать питьевую воду в хозяйственных нуждах [13]. Ведро хозяйственной воды стоило 2 копейки [3, Л. 101]. Центральное отопление также являлось крайней редкостью. Остро стояла проблема организации осветительных точек в городе. Заметим, что освещение улиц в Магнитогорске отсутствовало вплоть до января 1933 г. Впервые запланировали организовать 1000 осветительных точек в городе только в январе 1932 г. [5, Л. 20]. Однако финансовые проблемы не позволили реализовать намеченные планы. Даже в 1934 г. проблема освещения городских улиц продолжала существовать. «Магнитогорский рабочий» регулярно публиковал отчеты о введении в

эксплуатацию в городе новых осветительных систем [17]. Канализация в городе отсутствовала [18, С. 75]. Действовала примитивная система вывоза нечистот с использованием 70 бочек и 3 цистерн вместо необходимых 500 бочек. Таким образом, в городе в 1931 г. имелось лишь 14% необходимого объема ассенизационного обоза. Показательны цифры о пуске канализации в эксплуатацию. В действие канализация была введена в 1934 г., в 1935 г. ни одного дополнительного метра канализационной сети добавлено не было [20, Л. 21]. Первоначально планировали пустить канализационную сеть в эксплуатацию в 1933 г. [6, Л. 26]. При этом траншеи для будущих водопровода и канализации были подготовлены заранее. «Ночью, в темноте, в них падали прохожие. Траншеи не зарывали, но и труб в них не укладывали» [3, Л. 19].

Благоустроенность улиц в Магнитогорске находилась в неудовлетворительном состоянии. Бездорожье в городе и районе сохранялось на протяжении всего рассматриваемого периода. В 1934 г., когда основная часть объектов социальной инфраструктуры города была создана, заговорили о ремонте дорог. Горстройпроект весной 1934 г. разработал проект благоустройства и технического оборудования рабочих поселков. Основу будущего благоустройства составляли дороги. Предполагалось, что будет создана сеть дорог местного значения протяженностью 41 км., тротуаров и пешеходных дорожек на площади – 180 тыс. кв. м. и магистральных дорог на 27 км. [8]. Весной 1934 г. к завершению подходила планировка Соцгорода. Дорожки посыпали песком [12]. Дороги в Щитовом городке начали строить только летом 1934 г. Для строительства привлекали местных жителей [10]. Несомненно, горожане с энтузиазмом выходили на субботники по благоустройству близлежащих улиц. Наконец, за шесть лет существования города, стали появляться дороги. В воспоминаниях старожилов Магнитогорска неоднократно возникали описания тротуаров, пешеходных переходов и дорожек как формы проявления культурной жизни Магнитогорска.

Многочисленные проекты будущего социалистического города предполагали существенное озеленение. Предполагалось, что все городские насаждения будут иметь художественно-декоративный характер, в Магнитогорске разобьют также скверы, бульвары и парки [3, Л. 187]. Однако работы по озеленению города и организация садов и парков были отложены на более поздний срок. Магнитогорск представлял собой в исследуемый период скопление бараков и землянок среди голой степи и пыли. Определенные шаги по озеленению все же предпринимались. В палисадниках при бараках высаживали цветы, но из-за пыли и отсутствия регулярного полива они погибали. В 1932 г. были высажены деревца кленов

и тополей, предполагалось, что через несколько лет здесь будет зеленый сквер, но зимой 1932–1933 гг. они вымерзли. Озеленение Магнитогорска началось фактически только весной 1934 г., когда КБУ завезло в город саженцы деревьев и кустарников и начало работы по древонасаждению. Местные газеты ежедневно публиковали отчеты о работе городских садовников. КБУ заботилось не только о том, чтобы высадить саженцы, но и о том, чтобы они прижились. Садоводы регулярно поливали посадки, пропалывали их. В результате молодые деревца перезимовали [11].

Существенным показателем благоустроенности города является наличие и качественная работа в нем общественного транспорта. Первый общественный транспорт в Магнитогорске появился 8 августа 1930 г. по приказу заместителя управляющего строительством К.Д. Валериуса: «Продолжительный опыт перевозок рабочих с места их жительства на места работ на автогрузовых машинах показал всю нецелесообразность и нерентабельность такого способа перевозки..., поэтому вводится регулярное пассажирское железнодорожное движение» [7]. В 1930 г. по заводской и городской строительным площадкам были проложены две железнодорожные ветки: первая – от Ежовки к вокзалу, от вокзала, вдоль заводской площадки, к заводууправлению и далее на Профсоюзную и первую плотину с остановками: «Ежовка», «Американский городок», «Вокзал», «Домна», «Заводоуправление», «Сортировочная», «Сосновка», «Плотина»; вторая – от гранитного карьера через кирзавод, литейный цех и сортировочную в город. По маршруту курсировали 8 поездов. Утренний рейс отправлялся с Ежовки в 5 часов 35 минут, а с Гранитного карьера – в 5 часов 44 минуты; вечерний – в 18 часов 10 минут и в 18 часов 13 минут соответственно. Рабочих перевозили бесплатно, а время в пути оставляло 15–20 минут, с остановками в конечных пунктах около часа.

Автобусы начали работу в городе в 1933 г., однако количество автомашин было невелико. Значительное увеличение автопарка Магнитостроя произошло в январе 1934 г., когда в город прибыли 25 автобусов, 50 грузовых и 11 легковых автомобилей. Ситуацию осложняло то, что фактически всем автотранспортом распоряжался завод. Последний, действуя в своих интересах, отправлял автобусы по маршрутам общественного движения по остаточному принципу. Веной 1934 г. в результате увеличения числа жалоб со стороны горожан, произошла реорганизация [15]. Приказом по комбинату за подписью заместителя начальника металлургического предприятия К.Д. Валериуса было проведено четкое разделение всего автотранспорта на городской и транспорт комбината. Кроме того, было составлено четкое расписание и разработана схема маршрутов движения обще-

ственного транспорта [16]. Несмотря на значительные изменения, горожане продолжали жаловаться на «давку в автобусах» и цены на проезд [1]. Стоимость проезда в автобусе за одну станцию составляла 15 коп., а за весь маршрут – 75 коп. Вследствие роста недовольства ценами на проезд среди рабочих, были введены льготы. Так, рабочие цехов комбината получали специальные пропуска для бесплатного проезда и внеочередной посадки в транспорт [16]. Но на практике очередность посадки в автобус не соблюдалась. «Возникла давка, люди толкались и первыми влезали в автобус мужчины, которые были посильнее и изворотливее», – именно так описывала А.И. Чеснокова момент посадки в общественный транспорт [1]. 23 сентября 1933 г. Совет труда и обороны СССР вынес постановление о строительстве трамвая в Магнитогорске. Для этого управление комбината создало участок «Трамвайстрой» во главе с П.Е. Букваревым и главным инженером В.Г. Теплицким. В марте 1934 г. вопрос о пуске трамвая по маршруту «Соцгород – заводоуправление – вокзал» начали поднимать все чаще [14]. 15 января 1935 г. первый трамвай с вагоновожатой К.И. Коловой вышел на линию.

Благоустройство Магнитогорска находилось на невысоком уровне. Проблема обеспечения в городе относительной чистоты не была решена, но именно в первой половине 1930-х гг. были заложены основы будущей организации благоустройства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания А.И. Чесноковой 1924 г.р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.
2. Воспоминания В.Т. Лобочевой 1937 г.р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-7952. Оп. 2. Д. 97. Л. 71.
4. Горняк. 1933. 12 октября.
5. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-296. Оп. 2. Д. 46. Л. 20.
6. ГАСО. Ф. Р-296. Оп. 2. Д. 48. Л. 26.
7. Исторические очерки // Режим доступа: http://www.magweb.ru/01_09_2.php/. (дата посещения: 21.07.2009 г.).
8. Магнитогорский рабочий. 1934. 11 июня.
9. Магнитогорский рабочий. 1934. 18 марта.
10. Магнитогорский рабочий. 1934. 21 июля.
11. Магнитогорский рабочий. 1934. 28 февраля.
12. Магнитогорский рабочий. 1934. 29 апреля.
13. Магнитогорский рабочий. 1934. 29 мая.
14. Магнитогорский рабочий. 1934. 3 марта.
15. Магнитогорский рабочий. 1934. 6 февраля.
16. Магнитогорский рабочий. 1934. 8 февраля.
17. Магнитогорский рабочий. 1934. 8 января, 17 февраля, 3 марта и др.
18. Магнитострой. Информационный бюллетень. 1932. № 1–4. С. 73–75.
19. Макарова Н.Н. «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941). Магнитогорск, 2014.
20. МУ Магнитогорский «Городской архив». Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

* * * * *

УДК 947

Устинова Ольга Юрьевна*кандидат исторических наук, доцент**Оренбургский государственный аграрный университет**г. Оренбург**ogau2007@rambler.ru*

РОЛЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ ГОРОДОВ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ (1946–1953 гг.)

Статья посвящена деятельности местных органов государственной власти Чкаловской области по решению таких вопросов развития городов, как жилищный, коммунально-бытовой, здравоохранения. На основе архивных данных и материалов периодической печати проанализированы мероприятия местных Советов по предоставлению жилья гражданам, распределению квартир, организации индивидуального жилищного строительства в 1946 – 1953 гг. Изучена помощь местных органов власти Чкаловской области по организации медицинского обслуживания населения.

Ключевые слова: местные органы государственной власти, Чкаловская область, послевоенный восстановительный период, жилищная политика.

Ustinova Olga Yurevna*candidate of historical sciences, associate professor**Orenburg State Agrarian University**Orenburg**ogau2007@rambler.ru*

ROLE OF LOCAL AUTHORITIES OF CHKALOVSKY AREA IN THE SOLUTION OF QUESTIONS OF THE CITIES IN POST-WAR TIME (1946 – 1953)

Article is devoted to activities of local public authorities of Chkalovsky area for the solution of such questions of development of the cities, as housing, household, health care. On the basis of contemporary records and materials of periodicals actions of local Councils for provision of housing to citizens, distribution of apartments, the organizations of individual housing construction in 1946–1953 are

analysed. The help of local authorities of Chkalovsky area with the organization of medical care of the population is studied.

Keywords: local public authorities, Chkalovsky area, post-war recovery period, housing policy.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 14-11-56002).

В послевоенное время одной из актуальных задач, вставших перед Советским государством, стало решение насущных вопросов городов. Именно в этих центрах была размещена большая часть эвакуированных промышленных объектов, оборудования, людей. С окончанием Великой Отечественной войны в число приоритетных задач вошли реэвакуация предприятий и граждан на Запад страны, прием и размещение демобилизованных, обеспечение населения жильем, продовольствием и др.

По состоянию на 20 декабря 1946 г. Чкаловская область приняла 83536 демобилизованных, из них в сельскую местность отправилось 58602 человека, в города – 25984 человека [23, С. 2]. В этой ситуации местные органы власти пошли по пути решения социальных вопросов, и, прежде всего, жилищного.

Жилищный вопрос стоял особенно остро в первые послевоенные годы. Основные средства тратились на восстановление промышленности и другие направления государственного строительства, в то время как социальная сфера финансировалась в меньшей степени. Местные органы власти пошли как по пути ремонта жилищного фонда, так возведения новых домов. Для решения данной задачи необходимо было активизировать соответствующие ресурсы.

На восемнадцатой сессии Чкаловского областного Совета, состоявшейся 16 марта 1947 г., депутаты приняли решение «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Чкаловской области на 1946–1950 гг.». В Чкаловской области создавалась промышленность кровельных материалов. На 1946–1950 гг. утверждался план строительства 14 черепичных заводов и 2 черепичных цехов в городах Чкалове, Абдулино, Бугуруслане, Бузулуке, а также в Ак-Булакском, Державинском, Екатерининском, Илекском, Мордово-Боклинском, Мустаевском, Сакмарском, Сорочинском, Саракташском, Ташлинском, Троицком районах общей мощностью в 3,3 млн. штук черепицы в год [12, С. 8, 9]. Большое внимание уделялось выработке кирпича. Так, по сообщению областной газеты «Чкаловская коммуна», «Кувандыкский райпромкомбинат выработал 60 тыс. штук кирпича-сырца. 30 тыс. продано населению. Впервые в 1948 г. промкомбинат выработал две тонны чистого дегтя,

производство которого не было предусмотрено планом» [3, С. 2].

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов», Совет Министров СССР обязал исполнительные комитеты местных Советов депутатов трудящихся предоставлять гражданам как в городах, так и вне их пределов земельные участки под строительство индивидуальных жилых домов в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти включительно [10, С. 3]. Земельные участки отводились за счет земель городов, поселков, государственного земельного фонда и земель государственного лесного фонда в бессрочное пользование, а построенные на этих участках дома переходили в личную собственность застройщиков. Размер участка определял исполком в зависимости от размера дома и местных условий в пределах установленных норм. В городах эти нормы устанавливались в 300–600 кв. метров, вне городов – 700–1200 кв. метров. За пользование земельными участками государство устанавливало земельную ренту. Перед исполкомами областных, краевых, городских Советов ставилась задача организовать в пределах их существующих штатов государственную инспекцию по надзору за содержанием индивидуальных домовладений и установить строгий контроль за соблюдением владельцами индивидуальных жилых домов норм и правил содержания домовладений [10, С. 3]. Как следует из документа, центральные органы власти уделяли особое внимание индивидуальному жилищному строительству. Однако не менее значимым было возведение жилых домов предприятиями и учреждениями Чкаловской области. Под руководством местных органов власти возводились дома ведущими промышленными предприятиями региона. Как сообщала газета «Правда» 26 мая 1951 г., нефтяники Чкаловской области за пятилетие построили и ввели в эксплуатацию 51200 кв. метров жилой площади, возвели новые школы, клубы, больницы, магазины, столовые, бани, детские сады и ясли [11, С. 1]. Всего за 1946–1950 гг. по стране было восстановлено и построено 200 млн. кв. метров жилья [1, С. 24].

Не менее значимым был вопрос об обеспечении населения топливом. На шестнадцатой сессии Чкаловского областного Совета, состоявшейся 5–6 июля 1946 г., обсуждался вопрос о неудовлетворительной деятельности исполкомов Асекеевского, Бугурусланского, Буранного, Ново-Сергиевского, Свердловского, Халиловского райсоветов, допустивших провал в работе районных промкомбинатов, выполнивших производственный план только на 40%. Орский и Медногорский городские исполкомы, не сумевшие организовать выполнение планов гортопами, фактически причинили ущерб государству на сумму свыше 600 тыс. руб. [4, Л. 18]. В результате

жилищно-коммунальное хозяйство и коммунальные предприятия Чкаловской области выполнили свои обязательства перед бюджетом на 80%. Особенно неудовлетворительно работали коммунальные предприятия Бузулука (платежи в бюджет выполнены только на 39,5%), Абдулино (на 3%), Соль-Илецка (не производили платежей), Сорочинска (на 41%), Чкалова (на 65,2%) [4, Л. 18].

Наряду с организацией строительства новых жилых домов, местные органы власти были вынуждены заниматься вопросами распределения имевшегося в Чкаловской области жилого фонда между гражданами. Указанный вопрос входил в компетенцию отделов исполнительных комитетов местных Советов. Дело в том, что Конституция СССР 1936 г. не закрепляла четкого перечня отделов и управлений исполкомов, в то время как в ряде Конституций союзных республик содержался данный перечень. К примеру, ст. 92 Основного закона РСФСР 1937 г. предусматривала, что краевые и областные Советы должны были образовывать отделы здравоохранения, народного образования, общий, организационно-инструкторский, по делам строительства и архитектуры, социального обеспечения, финансовый, юстиции и др. [9, С. 22]. В зависимости от особенностей территории создавались и другие отделы и управления. Особенно это учитывалось применительно к специфике местности. Так, например, районные Советы, руководившие преимущественно развитием сельского хозяйства, создавали сельскохозяйственные отделы, в то время как горсоветы, занимавшиеся в основном жилищно-коммунальными вопросами и местной промышленностью, организовывали соответствующие отделы. Вместе с тем, общими функциями являлась деятельность в сфере бытового обслуживания населения [13, С. 8].

Вопросы распределения жилья курировали непосредственно председатели исполнительных комитетов Советов. Именно они занимались приемом заявлений от населения. Их деятельность находилась под постоянным контролем партийных структур. К примеру, в Дзержинском райсовете г. Чкалова в начале 1946 г. была проведена проверка состояния работы с заявлениями и жалобами, поступавшими в райсовет. В период с 1 января по 22 февраля 1946 г. районный Совет принял 67 жалоб через организации и 51 заявление лично от граждан. Председатель Дзержинского райсовета ежедневно принимал посетителей по 2–3 часа. Большинство жалоб и заявлений касалось предоставления жилой площади. Как отмечал Чкаловский горком ВКП(б), 22 февраля 1946 г. по вопросу о предоставлении квартиры обратились 15 человек, многие из них ходили в райсовет по 3–6 и более месяцев. Жалобы и заявления о предоставлении жилплощади в основном передавались в районное

жилищное управление и часто пропадали или лежали годами безрезультатно [18, Л. 13].

В начале января 1949 г. Чкаловский горком ВКП(б) проверил состояние работы Кагановичского райсовета по удовлетворению жилищных нужд трудящихся в 1948 г. По состоянию на 1 января 1948 г. жилплощадь не получил 41 человек. За 1948 г. поступило 788 заявлений, по ним вынесено 146 решений о предоставлении квартир. Отказано за неимением жилплощади и возможности проживания в имевшихся квартирах 662 обращения [20, Л. 1]. Как отмечали сотрудники Чкаловского горкома партии, «в райисполкоме установлено три дня приема избирателей, которых принимали председатель или заместитель. Поступающие заявления регистрировались в заведенной книге, давалось задание депутату проверить квартирные условия просителя, и после проверки составлялся акт, на основе чего исполком выносил решение о зачислении на очередь или отказе» [20, Л. 1].

Имелись случаи «несерьезного отношения» к заявлениям граждан со стороны исполкомов местных Советов. Например, в решении Кагановичского райисполкома от 20 февраля 1948 г. № 255-б записано: «Исполком отмечает, что гражданка Розина, семья погибшего военнослужащего, в составе 3 человек живет в холодном коридоре. Исполком решил обязать начальника РЖУ предоставить жилплощадь т. Розиной в порядке очереди» [20, Л. 1]. Другой пример: «Исполком отмечает, что гражданка Осенко работает преподавателем и живет на частной квартире вместе с хозяевами, что мешает ей работать. Исполком решил: обязать начальника РЖУ предоставить жилплощадь вне очереди» [20, Л. 1]. Подобные решения вызывали недовольство, жалобы в вышестоящие партийные и советские органы. Среди таких жалоб – предоставление ордеров в нарушение очередности. Так, ордера на жилплощадь в Кагановичском районе г. Чкалова хранились у председателя исполкома, а в его отсутствие – у заместителя. В течение 1948 г. районный исполком выдал 107 ордеров, из них на занятие новых квартир – 60 ордеров, 20 из которых получены по указанию вышестоящих советских органов и 12 – партийных [20, Л. 2]. Все это приводило к злоупотреблениям, поскольку невозможно было «установить наличие ордеров и их выдачи. В практике работы много встречается фактов волокиты и игнорирования вышестоящих органов» [20, Л. 3].

Партийные органы рассматривали жалобы, касавшиеся «бездушного отношения» со стороны сотрудников исполкомов. Так, 16 июня 1952 г. особый сектор Чкаловского обкома ВКП(б) направил материал по жалобе А.А. Ивановой о бездушном отношении к ней со стороны председателя Кировского райсовета г. Чкалова для об-

суждения на бюро горкома партии [21, Л. 1]. Как сообщалось в докладной записке, семья А.А. Ивановой «живет в негодном для жилья частном подвале. Ее муж – Иванов Н.П., офицер, инвалид Отечественной войны 2-й группы, умерший от туберкулеза легких в 1952 г. и она сама, начиная с 1947 г. ходатайствуют во все местные и центральные органы о предоставлении комнаты, но Кировский райисполком и горисполком бездушно, бюрократически относятся к письмам и не обеспечили жилплощадью. При проверке на месте административным отделом обкома ВКП(б) факты, указанные в письме, полностью подтвердились» [21, Л. 2]. Кировский райисполком в течение пяти лет неправильно информировал вышестоящие партийные и советские органы, а также печать о скорейшем предоставлении квартиры семье Ивановых, что сделано не было. Только после указаний, поступивших от Чкаловского обкома ВКП(б), 14 июня 1952 г. Кировский райисполком передал А.А. Ивановой квартиру [21, Л. 3]. 4 июля 1952 г. на заседании бюро Чкаловского горкома партии председатель исполкома Кировского райсовета получил строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Партийные органы, таким образом, регулярно проверяли работу местных органов власти по решению вопросов о предоставлении жилплощади населению, о состоянии ЖКХ. Аналогичные шаги предпринимали вышестоящие Советы. К примеру, на третьей сессии Чкаловского областного Совета, проходившей 3-4 июля 1951 г., рассматривался вопрос «О выполнении наказов избирателей по улучшению жилищно-коммунального хозяйства области» [6, Л. 3].

Сами советские организации располагались в зданиях, требовавших ремонта. Особенно остро этот вопрос стоял в первые послевоенные годы. Например, в феврале 1946 г. по Чкаловской области было проверено 21 учреждение, среди них – Дзержинский райсобес, областной потребсоюз, трест Главмука, Кагановичский и Дзержинский райсоветы, карточное бюро Дзержинского района, горжилуправление, горкомхоз, Чкаловский горсобес, трест столовых и ресторанов, облторготдел, горторг, облфо и облзаготзерно. Почти во всех учреждениях помещения в течение продолжительного времени не ремонтировались, ежегодно не приводились в порядок и имели неприглядный вид [18, Л. 24].

Местные органы власти Чкаловской области в своей деятельности по решению жилищных вопросов опирались на уличные комитеты. Они создавались в городах в помощь городским и районным исполкомам. Комитеты организовывали жителей на ремонт квартир, домов, улиц и другие работы по благоустройству городов. Только в Чкалове, Бугуруслане, Бузулуке, Медногорске, Орске, Сорочинске к 12 ноября 1948 г. действовало 606 уличных и квар-

тальных комитетов, в которых состояло 4293 человека [19, Л. 80]. За девять месяцев 1948 г. уличные комитеты организовали и провели 112 воскресников, в которых участвовало 143985 человек. Наибольших успехов в руководстве уличными комитетами в 1948 г. добился Медногорский горисполком. В городе действовало 64 уличных комитета численностью 360 человек. Комитеты провели 5 воскресников, охвативших 6500 участников. В течение 1948 г. Медногорский городской исполком организовал 9 инструктивных совещаний по кустам с председателями уличных комитетов. На одном из заседаний горисполкома был заслушан отчет о работе председателя уличного комитета улицы Комсомольской [19, Л. 80]. Добился успехов в руководстве уличными комитетами в 1948 г. и Сорочинский горисполком, сумевший организовать вместе с комитетами 5 воскресников по благоустройству улиц, в которых приняло участие 4 тыс. человек [19, Л. 82]. За хорошую работу Сорочинский горисполком наградил почетными грамотами 36 лучших уличных комитетов и объявил 50 благодарностей [19, Л. 83].

Наряду с успехами в руководстве уличными комитетами встречались случаи отказа от их практического использования. Например, в 1948 г. Абдулинский и Соль-Илецкий горисполкомы не сумели обеспечить деятельность уличных комитетов. В результате благоустройству городов внимание уделено не было. Ново-Троицкий горисполком не организовал комитеты, несмотря на то, что решение Чкаловского облисполкома от 24 июля 1948 г. обязывало городские и районные Советы в городах до 10 августа 1948 г. провести выборы уличных и квартальных комитетов и утвердить их [19, Л. 83].

В целом, как свидетельствуют архивные материалы, местные органы власти Чкаловской области регулярно обращались к вопросу благоустройства городских и сельских поселений. Особенное действие в данной ситуации имело обращение в средства массовой информации. Например, в газете «Красная Бурта» 19 октября 1946 г. вышла заметка «Больше внимания вопросам благоустройства районного центра». Отмечалось, что общественная баня не работала, рынок не благоустроен, дом колхозника находился в антисанитарном состоянии, столовая регулярно не работала, пекарня располагалась на скотном дворе [17, Л. 61]. Однако на заметку районные власти внимания не обратили. В результате партийное руководство Буртинского района ходатайствовало о скорейшем устранении указанных в газете фактов.

Как сообщалось в газете «На боевом посту», стремясь упорядочить вопросы водоснабжения, Екатеринбургский райисполком 30 апреля 1950 г. принял решение об улучшении источников водоснабжения. Однако районному исполкому не удалось обратить внимание

руководителей предприятий и общественности на этот вопрос, в результате 70-80% колодцев района не было оборудовано [16, С. 2].

Помимо недостатков в работе, местная печать отмечала успехи местных органов власти по благоустройству городов и районных центров региона. Особенно ярко это прослеживалось в районной прессе. Например, по сообщению газеты Люксембургского района «Коллективная мысль» «во время выборов в местные Советы избиратели Подольского сельсовета Люксембургского района сделали наказ своим депутатам – добиться в 1948 г. электрификации колхозов, строительства бань, хорошо отремонтировать и вновь построить дороги и др. Сельсовет многое сделал. Каждому депутату сельсовета была поручена определенная работа по выполнению наказов избирателей. В колхозе им. Ф. Энгельса построена электростанция. В колхозах им. Тельмана и им. К. Маркса построены общественные бани» [14, С. 2]. По сообщению газеты «Чкаловская коммуна», в 1948 г. Белозерский райисполком организовал ремонт дороги Чкалов – Шарлык. Было подвезено 3 тыс. кубометров гравия, 1,5 тыс. кубометров песка, 1,2 тыс. кубометров камня. Восстанавливались мосты через овраги [2, С. 3].

В условиях широкого освещения деятельности местных Советов депутатов трудящихся по решению вопросов благоустройства городов и сельских поселений в периодической печати особую актуальность приобретает отражение результатов работы депутатов и выполнение ими наказов избирателей на отчетных собраниях, в протоколах, отправляемых в партийные органы. В частности, проверяя работу Чкаловского горисполкома за десять месяцев 1952 г., Чкаловский горком ВКП(б) отмечал, что избиратели Железнодорожного района вносили предложения о немедленном ремонте имевшейся бани, принадлежавшей Железнодорожному ведомству и о строительстве новой бани. Наказ по ремонту выполнен не был, поскольку здание бани оказалось ветхим, поэтому горисполком возбудил ходатайство перед Министерством путей сообщения об ассигновании средств на строительство новой бани. Ходатайство удовлетворили, что позволило начать строительство. Кроме того, избиратели всех районов г. Чкалова вносили предложения об увеличении сети водоразборных колонок. В 1951 и 1952 гг. построена 21 новая водоразборная колонка, в том числе в Железнодорожном районе – 8, в Кировском – 7, Кагановичском – 2, Дзержинском – 4, запланировано закончить возведение еще 6 водораздельных колонок. Избиратели вносили предложения о ремонте и строительстве дорог многих улиц. Чкаловский горисполком при планировании дорожного строительства учел это замечание и осуществлял строительство по плану. К ноябрю 1952 г.

закончено строительство дороги и тротуаров улицы Ленинской в основной ее части [22, Л. 80].

Стремясь обеспечить выполнение планов по строительству и ремонту жилья, благоустройству городов и др., местные органы власти Чкаловской области широко внедряли социалистические соревнования. Так, например, 13 апреля 1946 г. Чкаловский облисполком принял решение «О премировании работников жилищно-коммунального хозяйства, отличившихся в социалистическом соревновании по выполнению мероприятий по благоустройству городов Чкаловской области». Рассмотрев итоги соцсоревнования шести городов области по благоустройству, капитальному ремонту жилищного фонда и ремонту коммунальных предприятий за 1945 г., в соответствии с распоряжением Совнаркома РСФСР от 9 марта 1946 г. № 455-р, Чкаловский облисполком разрешил исполкомам Чкаловского, Бугурусланского, Бузулукского, Медногорского, Орского горсоветов израсходовать из средств местного бюджета на премирование работников ЖКХ 70 тыс. руб., из них Чкалову за перевыполнение плана работ по капитальному ремонту и новому строительству усовершенствованных дорог, за внешнее благоустройство города и озеленение 27 тыс. руб., Орску – 15 тыс., Бузулуку и Бугуруслану – по 10 тыс., Медногорску – 3 тыс. руб. Для премирования работников областного коммунального отдела Чкаловский облисполком выделил из областного бюджета 5 тыс. руб. [8, Л. 23].

Наряду с вопросами жилищного строительства, благоустройства городов перед местными органами власти Чкаловской области стояла задача обеспечения врачебной помощи гражданам. Задачи здравоохранения в стране на первые послевоенные годы были определены в «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», принятом Верховным Советом СССР 18 марта 1946 г. по докладу председателя Госплана Н.А. Вознесенского. В области культуры и здравоохранения государственные расходы в 1950 г. выросли до 106 млрд. руб., что в 2,6 раза превышало уровень 1940 г. [15, С. 86].

Вопросы здравоохранения становились предметом рассмотрения на сессиях Советов депутатов трудящихся. Так, на третьей сессии Чкаловского областного Совета, состоявшейся 27–28 октября 1948 г., обсуждался вопрос «О состоянии и мерах по улучшению медицинского обслуживания населения» [5, Л. 1]. Было констатировано, что в связи с ростом бюджета значительно возросла сеть лечебно-профилактических учреждений. В 1940 г. насчитывалось 148 больниц, в 1948 г. их число возросло до 154. Количество больничных коек увеличилось на 1896, или на 38,5% по сравнению с 1940 г. [5, Л. 154]. Местные органы власти Гая и Соль-Илецка восстанови-

ли два курорта: «Гай» и Соль-Илецкий грязелечебный. Депутаты отметили систематический контроль за работой учреждений здравоохранения со стороны Абдулинского райисполкома, в результате чего все лечебные учреждения своевременно подготовились к работе в зимних условиях 1948/1949 г. Был произведен большой ремонт и огорожен участок больницы [5, Л. 256]. Другое положение складывалось в Гавриловском районе. Райисполком неудовлетворительно финансировал учреждения здравоохранения. Из отпущенных Чкаловским облисполкомом 75 тыс. руб. на ремонт районной больницы израсходовали только 14 тыс. [5, Л. 257]. Перед председателями городских и районных Советов ставилась задача обсудить на ближайших заседаниях исполкомов готовность медицинских учреждений к работе в зимних условиях, устранить недостатки и закончить подготовку учреждений к зиме не позднее 20 ноября 1948 г. [5, Л. 344об.]. Кроме того, депутаты поставили задачу горрайисполкомам обеспечить своевременное и полное финансирование медицинских учреждений, чтобы своевременно осуществить ремонт помещений, заготовку овощей и топлива, приобретение медоборудования, твердого и мягкого инвентаря [5, Л. 344об.]. В дальнейшем вопросы здравоохранения становились предметом обсуждения сессий Советов. Так, на четвертой сессии третьего созыва Чкаловского областного Совета 26 декабря 1951 г. обсуждался вопрос «О состоянии и мерах по улучшению здравоохранения в области» [7, Л. 4].

Таким образом, местные органы государственной власти Чкаловской области в послевоенные годы уделяли пристальное внимание решению жилищных вопросов, вопросов благоустройства городов, удовлетворению материально-бытовых потребностей населения, предоставлению гражданам необходимого медицинского обслуживания. Возникавшие трудности преодолевались путем совместной работы как советских, так и партийных структур. Это позволило решить проблемы послевоенного восстановительного периода и удовлетворить минимальные потребности населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардаков В.В. Деятельность Советов по решению жилищной проблемы // Из истории Советов: сб. науч. тр. М.: Глав. редакция науч. и учеб. лит. АОН при ЦК КПСС, 1990. С. 23–37.
2. Благоустроим наши села. Прокладываем дороги, ремонтируем мосты // Чкаловская коммуна. 1948. 2 апреля.
3. В Кувандыкском райпромкомбинате // Чкаловская коммуна. 1948. 1 октября.
4. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 680.
5. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 690.
6. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 704.
7. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 705.

8. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 1. Д. 735.
9. Николов П.Е. Отделы и управления исполкомов местных Советов. М.: Юрид. лит., 1981. 87 с.
10. Правда. 1948. 30 августа.
11. Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу // Правда. 1951. 26 мая.
12. Решение XVIII сессии Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся от 16 марта 1947 г. Чкалов: [Б.и.], 1947.
13. Сивов В.А. Местные Советы депутатов трудящихся и общественные организации: автореф. дис. ... канд. юр. н. Л., 1966. 15 с.
14. Тетюева Н. Электростанции и бани строят в колхозах // Коллективная мысль. Люксембургский р-н. 1948. 3 июня.
15. Толмачева Р.П. Деятельность сельских культурно-просветительных учреждений Урала (1946 — 1958 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни (1917 — 1987 гг.): сб. науч. тр. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 86-97.
16. Ушаков И. Оборудуем источники водоснабжения // На боевом посту. Екатеринбургский р-н. 1950. 29 июня.
17. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДННАО). Ф. 14. Оп. 10. Д. 1.
18. ЦДННАО. Ф. 267. Оп. 18. Д. 14.
19. ЦДННАО. Ф. 267. Оп. 20. Д. 13.
20. ЦДННАО. Ф. 267. Оп. 23. Д. 96.
21. ЦДННАО. Ф. 267. Оп. 28. Д. 46.
22. ЦДННАО. Ф. 267. Оп. 28. Д. 171.
23. Чкаловская коммуна. 1946. 13 декабря.

* * * * *

УДК 908

Жидченко Александр Владимирович

кандидат исторических наук

Член Омского регионального отделения Союза краеведов России

Член Омского регионального отделения Российского общества

интеллектуальной истории

г. Омск

zhidchenko220689@ya.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ГОРОДСКОМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЫХ ГОРОДСКИХ РАЙОНОВ СИБИРИ 1950-60-Х ГГ.)

В предлагаемой статье проанализированы возможности рассмотрения повседневной жизни районов массового жилищного строительства городов Сибири 1950–60-х гг. в качестве элемента локального историко-культурного наследия и исторической памяти. В качестве примера выбраны построенные в середине XX века омский Городок Нефтяников и новосибирский Академгородок. Исследование проведено на стыке новой локальной истории, устной истории и истории повседневности.

Ключевые слова: городской район, городская культура, история повседневности, наследие, историческая память.

Zhidchenko Alexander Vladimirovich

candidate of historical sciences

Member of the Omsk regional branch of the Union

of Russian local historians

Member of the Omsk regional branch

of the Russian intellectual history society

Omsk

zhidchenko220689@ya.ru

EVERYDAY LIFE IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE CITY AND THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE (BASED ON THE NEW URBAN AREAS OF SIBERIA 1950–60TH)

In this paper we examined the possibility of everyday life areas of mass housing cities in Siberia in 1950-60th biennium. as a member of the local historical and cultural heritage and historical memory. As an example, selected built in the mid-twentieth century, Omsk «Gorodok Neftyanikov» and Novosibirsk Akademgorodok. The study was conducted at the intersection of a new local history, oral history and the history of everyday life.

Keywords: urban area, urban culture, the history of everyday life, heritage, historical memory.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-51-00008.

Историко-культурное наследие является достаточно широким понятием, включающим всю совокупность созданных человеком материальных и нематериальных объектов, которые могут представлять особую историческую и культурную ценность. Стоит отметить, что эта ценность может быть относительной, и с одной стороны на уровне всего мира выделены те объекты, которые нуждаются во всемирной охране, а с другой стороны – на других уровнях выделены те объекты, которые представляют не меньшую, а для многих народов и людей большую ценность. Речь идет в данном случае о других уровнях возможного выделения культурно-исторического наследия: национальном, «народном», региональном, местном и, наконец, индивидуальном. Последнее предполагает тот факт, что в контексте семейной биографии у человека формируется свое представление об

историко-культурном наследии. И хотя оно не подпадает под классическое определение, данное в официальных документах ЮНЕСКО, есть возможность полагать, что в широком смысле и эти объекты можно считать частью общего культурно-исторического наследия.

Широкий смысл понятия «исторического наследия» и тесно связанной с ней «культурной памяти» может трактоваться не только в плане выше обозначенных уровней, но и в контексте тех сфер, которые включаются в эти понятия. И здесь речь идет о материальном и нематериальном уровне наследия, а в конечном счете об объектах материальной культуры и духовной сферы, представляющих историческую и культурную ценность для людей разных поколений.

Переходя ближе к основной теме исследования, посвященной новому городскому району сибирского города в середине XX века, отметим основную особенность рассмотрения культурно-исторического пространства данного объекта. Она заключается в тесной связи городского культурного ландшафта с эволюцией социальной сферы, под которой в узком смысле можно представить повседневность. Именно понятие повседневности для жителей городского района несет в себе основную ценность этих объектов, поскольку формирует основу культурного пространства части города, его духовное своеобразие и другие контексты, в которых может рассматриваться городская среда.

Особенность формирования новых городских районов в крупных городах Сибири заключалась в динамичном процессе урбанизации, в ходе которого возникало смешение представителей городского и бывшего сельского населения. Опора на теорию Я. Ассмана [1] при рассмотрении культурной памяти дает нам возможность выделить три составляющих процесса эволюции культурной памяти для горожан 1950-60-х гг. и последующих десятилетий. Во-первых, перемены, связанные с традициями повседневной жизни, во-вторых, перемены в области окружающей среды, которая менялась в зависимости от смены места жительства и в-третьих, перемены, возникавшие в сознании людей. Особенность рассмотрения эволюции культурной памяти в тесной привязке к городскому пространству в свою очередь дает право говорить о локальной специфике этих процессов, а также о взаимовлиянии семейной биографии и событий истории страны в сфере передачи памяти от поколения к поколению. Представители городского социума, родившиеся и выросшие в деревне, по-своему хранили традиции и перенесли многие из них в городскую культуру, в которой оказались. Однако их потомки, которые уже стали городскими жителями с рождения существенно изменили эти традиции или вовсе отказались от части из них, оказавшись с учетом эволюции времени вовлеченными в реалии другого образа жизни, характерного для своего поколения.

Определенное воздействие на трансформации культурной памяти оказала и городская среда, которая также находится в постоянной эволюции. Памятники и памятные места, социокультурные координаты играют роль, как в культурной памяти, так и в повседневной жизни людей, а также в их восприятии повседневности и дальнейшей передаче социального опыта. На особенности культурной памяти городская среда влияет, как своей консервативностью (это касается архитектуры, планировки, инфраструктуры), так и своей изменчивостью (перемены в городах бывшего СССР под влиянием глобализации). Все это играет роль и в повседневной жизни, и в сознании людей, а в конечном счете и в компоненте более высокого уровня, культурно-исторической памяти.

Важность повседневности для городских районов массового жилищного строительства важна еще и потому, что таких объектов в СССР было достаточно много, и уникальность каждого из них составляет не планировка и развитие городской среды, а локальная история и история повседневности.

Эволюция пространства жилых районов крупных советских городов в настоящее время происходит ускоренными темпами. Перестройка зданий, перепланировка улиц, уже не оставляют потомкам тех, кто жил в этих районах представления о первоначальном, «историческом» облике городского пространства. Оно не имеет официально и законодательно признанной исторической ценности, однако остается неотъемлемой частью индивидуальной и коллективной памяти.

С жизнью в районах массового жилищного строительства связана культурная память нескольких поколений наших соотечественников. Здесь они не просто жили и воспитывали детей, здесь возможно происходили многие из самых запоминающихся моментов их жизни. В конечном счете из таких моментов и складывается «народная история», отличная от политической, экономической и даже от социальной и культурной истории.

Между тем, несмотря на похожесть многих семейных биографий горожан в Советском Союзе, каждый район массового жилищного строительства имеет свое своеобразие. Оно имеет региональные черты (Поволжье, Урал, Сибирь, Крайний север, Дальний Восток и т.д.), а также локальные черты (которые определяются не только конкретным городом, но и спецификой определенного района). Так, в соседних крупных сибирских городах-миллионниках, Омске и Новосибирске, в районах, строившихся приблизительно в одно и то же время, наблюдаются абсолютно разные реалии повседневной жизни, характерные для середины XX века и последующих десятилетий. Большое влияние на это оказал конкретный тип района – с одной стороны омский Городок Нефтяников с признаками повседневности

сти, характерными для рабочей среды, с другой стороны новосибирский Академгородок, с признаками образа жизни представителей научной интеллигенции. В этой связи и сохранение культурно-исторической памяти в таких районах происходит неодинаково, а со своими особенностями. И объекты культурно-исторического наследия в городском пространстве таким образом, имеют разные варианты сохранения и влияния на представителей следующих поколений. Это касается и памятников, и топонимики, и соответствующих «координат» городского культурного пространства.

Одной из работ, в которой анализируется эволюция отечественной культуры от советского периода к постсоветскому является исследование культуролога и литературного критика Натальи Ивановой «Ностальгическое» [5]. Автор не случайно использует этот конструктивный термин, состоящий из двух слов «ностальгия» и «настоящее», поскольку она проникается в культурные трансформации, имеющие место в нашей стране в современный период, которые тесно связаны с ушедшим советским периодом [5, С. 7].

Автор отмечает: «... Не столько последствия советской культуры, но и след ее протянулся в наше настоящее и, невзирая на общественные и государственные перемены, она не желает быстро покидать историческую сцену, как ее покинул в одночасье – Советский Союз, где мы родились, выросли, ходили в школу, в университет, учились и работали...» [5, С. 83].

В главе «сталинский кирпич» она описывает то, как ретранслируется и одновременно «эксплуатируется» в постсоветские годы советская массовая культура. При этом она связывает тоску и ностальгию по советскому с масштабами в СССР, в частности с «большим стилем» в архитектуре, который, по мнению автора, «в последние годы противопоставляется всему рассыпающемуся в потугах и покушениях на все советское постмодернизму» [5, С. 89-91].

Теоретическое осмысление проблем взаимосвязи повседневности и исторической памяти в контексте городской культуры невозможно без обращения к работам одних из основоположников доказательства социальной обусловленности природы памяти. В этой связи французский философ, социолог и социальный психолог Морис Хальбвакс [12] отмечает, что город изменяется вместе с жильцами, а жильцы меняются вместе с городом, его улицами, архитектурой и другими атрибутами городской жизни. В том числе, стоит предположить, что повседневность играет в этом не последнюю роль. М. Хальбвакс замечал: «Иногда приходится идти достаточно далеко, чтобы обнаружить островки прошлого, сохранившиеся, по-видимому, без изменений, так что внезапно кажется, что тебя перенесли на пятьдесят или шестьдесят лет назад. [...] Хотя

за полвека облик города сильно изменился, в Париже есть немало районов, и даже немало улиц и кварталов, выделяющихся на фоне остального города и сохранивших прежний характер. Впрочем, и жильцы походят на квартал или дом...» [12, С. 112-116].

В дополнение к этому отметим, что, как отмечает Ян Ассман, центральный тезис, проводимый во всех работах Хальбвакса, – это социальная обусловленность памяти. Память возникает у человека лишь в процессе его социализации. Хотя «обладает» памятью лишь отдельный человек, эта память сформирована коллективом [1, С. 36].

Учитывая разработки теоретиков антропологического поворота в исторической науке, мы можем говорить о том, что в том культурно-историческом наследии, которое осталось нам от предыдущих поколений и которое на сегодняшний день нуждается в сохранении и популяризации, немалую составляющую имеет повседневность. При этом важно отметить, что ее роль важна, как в материальном, так и в нематериальном наследии, а еще больше – в культурно-исторической памяти. Именно поэтому сегодня становятся актуальными многочисленные работы по истории повседневности, связанные с определенными историческими периодами. Историки реконструируют жизненные практики, которые составляли основу деятельности людей различных эпох, будь то древность, средневековье, новое или новейшее время. При этом сознание людей того времени, практики поведения и образ жизни они привязывают к определенному месту. На примере истории средних веков можно отметить, что этими местами становятся города и деревни, монастыри и замки, многие из которых сохранились до наших дней и стали объектами всемирного наследия. И на сегодняшний день их ценность, как объектов материальной культуры, рассматривается неразрывно с ценностью их истории, в том числе и истории повседневной жизни.

Что касается городских районов крупных Сибирских городов, построенных в 1950-60-е гг., то в сохранении и популяризации того наследия, которое бы потенциально могло составлять их городское пространство, повседневность играет едва ли не самую важную роль. Тем более если речь заходит о вопросах близости сохранения культурно-исторического наследия и передачи от поколения к поколению коллективной памяти о событиях локальной и национальной истории.

На примере омского Городка Нефтяников и новосибирского Академгородка можно проследить пример того, что особую ценность при рассмотрении этих районов с точки зрения локального культурно-исторического наследия середины XX в., история и реконструкция повседневной жизни в них в тот период является важнейшим компонентом. Связано это с тем, что процесс создания

районов массового жилищного строительства, равно как и процесс начала освоения нефтехимической отрасли за Уралом и создания первого в Сибири наукограда, являются важными страницами истории нашей страны, воплощенными в локальных примерах. Имена тех людей, которые стояли у истоков создания этих районов и их градообразующих (районообразующих) организаций, закреплены в их городском пространстве – топонимике, памятниках и памятных местах. Но процесс создания и развития этих районов был гораздо более сложным, и зависел от усилий многих тысяч людей, которые строили нефтезавод и Городок Нефтяников, а потом жили и работали здесь, а также тех людей, которые создавали ставший всемирно известным научный центр в Новосибирске.

Предлагаемое исследование по реконструкции историко-культурного наследия и культурной памяти в новом городском районе выполнено на стыке устной истории, теории культурно-цивилизационного ландшафта, истории повседневности и теории культурной памяти. Источниками послужили устные опросы, воспоминания старожилов городских районов сибирских городов, документы из семейных архивов, картографический материал, материалы натурного обследования, визуальные материалы и т.д.

Одной из главных особенностей исторической значимости городских районов Сибири середины XX века можно считать тот факт, что создавались они в период сформированного строительства коммунизма в СССР. В это время наиболее актуальными были идеи образцового градостроительства и образцового поведения граждан.

Стоит отметить, что для жителей районов массового жилищного строительства середины XX века и современных жильцов этих районов объекты материальной и элементы духовной культуры, связанные с локальным объектом, имеют разное значение. В памяти старожилов этой части города сохранились реалии повседневной жизни, наиболее интересные и яркие моменты трудовой деятельности и досуга, праздники и некоторые ежедневные бытовые дела. Многие из элементов той повседневной жизни сохранили их потомки в виде не только запомнившихся устных рассказов, но и фотографий в семейных архивах, а также в документах и многих вещах, доставшихся в наследство от родителей, бабушек и дедушек и т.д. Этот мир материальной и нематериальной культуры в рамках отдельного городского района и можно назвать частью локального наследия и локальной культурно-исторической памяти.

В качестве примера, характеризующего названные выше процессы, обратимся к некоторым воспоминаниям старожилов омского Городка Нефтяников и новосибирского Академгородка.

Отличительной чертой формирования омского Городка Нефтяников (как и других новых городских районов, созданных при круп-

ных предприятиях страны в период формирования коммунистического общества), является участие в строительстве и последующей работе жителей не только из сельских районов Омской области [3, С. 250-265], но и из различных частей Советского Союза, приехавших сюда для этой цели. Уже с начала 1950-х гг., когда были завершены проектно-изыскательские работы, на территорию будущего городка хлынул поток выпускников вузов и техникумов, а также инженеров и рабочих нефтехимической, строительной и смежных отраслей, множество комсомольцев. Первыми по комсомольским путевкам на строительство омского нефтезавода прибыли тринадцать матросов Черноморского флота, составив одну из бригад, получившую впоследствии звание коллектива коммунистического труда [10].

Отсутствие в бараках канализации и водопровода приближало образ жизни первых нефтяников к сельскому, а не городскому. Воду брали из водонапорных установок, находящихся на улицах. Туда приходилось ходить с ведрами, как в летнее, так и в зимнее время года. Уже в самом бараке ее могли нагревать для купания детей, приготовления пищи, бытовых нужд. Часто вода была грязной и проблемы желудочно-кишечных инфекций здесь были не редкостью, причем как среди жителей старой деревни «Захламино», так и среди приехавших рабочих и заключенных. Работавшая тогда в СЭС (санитарно-эпидемиологической станции) Сталинского района Зинаида Григорьевна Каревская вспоминала: «...Обслуживала инфекционных больных, в основном заключенных, которых было много, т.к. пили воду с Иртыша и болели тифом, дифтерией. Местность здесь была заболочена...» [2].

И все же, несмотря на ряд недостатков материальной стороны бараков в Городке Нефтяников, жизнь в них была сплоченной и дружной, иначе не оставила бы она столько воспоминаний у старожилов. С бараками связаны и встречи, которые позже станут браком, и расставания, и рождения детей. Неуютным, часто холодным помещениям бараков, помогала создать уютную обстановку дружественная атмосфера за игрой всех соседей вместе в карты, домино, лото, за одним столом, на улице или внутри, совместные праздники и т.д. В 1954 году был построен первый 4-х этажный капитальный благоустроенный дом, в который вселились строители и работники нефтезавода. Постепенно в сознании людей стал формироваться образ будущего жилого района.

Еще до реформы жилищного строительства [11] в Городке Нефтяников были спроектированы дома, предполагающее коммунальное расселение. Каждой семье предоставлялась не отдельная квартира, а комната. Самые первые кирпичные дома в новом районе – это дома, построенные на улице Нефтяников (ныне Малунце-

ва), Серафимовича (ныне Нефтезаводская) и на проспекте Мира в 1954-1955 гг. Даже планировка квартир предполагала использование жизненного пространства не одной, а двумя-тремя или четырьмя семьями (в зависимости от количества комнат). Планировку квартир в этих домах характеризует изолированность комнат. Все стандарты коммунальной квартиры довоенных лет здесь выдержаны: санузел не совмещен, как в типовых домах 1960-х гг., называемых в народе «хрущёвками», коридор и кухня спроектированы так, чтобы разрешить проблему их использования всеми семьями. Окно имелось в каждой комнате, балконов же было мало.

По мнению старожилов Городка Нефтяников, этого вполне хватало, а о другом и не думали. Люди старались получить даже отдельную комнату, что было намного лучше жизни в бараке. После того, как дали первые результаты работы по возведению типовых домов, и в них стали практиковать поначалу коммуналки. Однако это не соответствовало главному лозунгу Н.С. Хрущева: «Каждой семье отдельную квартиру». И вскоре, когда новые дома стали возводить ускоренными темпами, у многих работников нефтезавода появился шанс получить право «на расширение» и вселиться в отдельную квартиру. Возможно, больше повезло тем семьям, которые остались в бывшей коммуналке, оставив за собой право пользоваться ей как отдельной квартирой, т.к. в целом они были лучше: высокие потолки, изолированные комнаты, отдельный санузел, большой коридор и другие преимущества. Новые «хрущёвки» для расселения по типу коммуналок не годились, т.к. комнаты здесь стали проектировать смежные, санузел зачастую совмещенный, а коридор часто и вовсе отсутствовал.

В первых коммуналках как форме общежития, был заложен коллективизм и взаимопомощь, который был еще на протяжении нескольких последующих десятилетий неотъемлемой частью взаимоотношений между жителями Городка Нефтяников. Это поддерживало дух коллективной ответственности по отношению ко всему району, его чистоте, благоустройству, озеленению. Еще долгое время он для всего города оставался образцом чистоты и нравственного поведения. Известный омский поэт Сергей Денисенко считает Городок Нефтяников своей жизнью, о нем слагает песни.

В коммунальной квартире жил и первый директор нефтезавода Александр Моисеевич Малунцев. Занимал он сначала одну комнату в квартире, несмотря на то, что за ним приезжал ежедневно на автомобиле личный шофёр. В аналогичных условиях жил в соседнем подъезде известный фотограф Городка Нефтяников Евгений Степанович Мамакин с супругой Эмилией Аркадьевной.

Быт коммунальной квартиры сближал тогда многих. Вместе отмечали праздники, дни рождения, т.к. родственникам ввиду от-

даленности проживания не всегда предоставлялась возможность приехать в гости. Соседи приглашали друг друга на свадьбы, юбилеи, просто чаепития, вместе отмечали Новый год. Затем, после расселения, многие остались хорошими друзьями и продолжали веселые традиции пышных застолий дружной компанией. Нередкими были и случаи, когда молодые соседи по коммуналке, укладывали своих детей спать, а сами поздним вечером тихо выходили из квартиры и шли на танцы, которые проводились почти каждый вечер на танцплощадке у Дома Культуры «Строитель». Молодые пары гуляли по ночам по городку вместе с теми, кто еще комнату не получил и со своими соседями по коммуналке. Старшее поколение имело другие предпочтения.

В конце 1950-х гг. изменились многие реалии коммунальной квартиры в Городке Нефтяников. Люди, которые имели больше жизненного опыта, по вечерам предпочитали собираться на кухне за разговорами. При этом из многих вечерних окон шел сигаретный дым, т.к. после Великой Отечественной войны курили очень многие. Играли в домино, карты, лото, причем многие стояли рядом со столом, где разворачивалась игра, до поздней ночи ожидая освобождения игрового места. Поэтому детям часто на кухне в эти моменты места не находилось. Из коридора также детей регулярно выгоняли, чтобы не мешались под ногами. Чаще всего дети играли на покрывале, расстеленном на лестничной площадке возле квартиры, т.к. пол был всегда там чистым как дома, а в городке почти все знали друг друга. Причем строгость отношений на работе поддерживалась и дисциплиной в быту. Сами люди были дружнее, дверь никогда не запирали.

В формировании культурного пространства Городка Нефтяников можно выделить такой важный элемент как клубы, дворцы и дома культуры. На данной территории одним из первых открылся клуб «Омскстроя», клуб «Строитель». В середине 1960-х гг. было закончено длительное строительство, растянувшееся на 10 лет, Дворца культуры «Нефтяник», однако он так и не стал в этот период центром культурной жизни, несмотря на свое доминирующее положение в архитектурно-планировочном пространстве Городка Нефтяников. Прошел не один десяток лет прежде, чем жители городка стали отдавать большее предпочтение новому дворцу, однако клуб «Строитель» по-прежнему оставался любимым местом встреч и досуга.

В 1960-е гг., когда жители Городка Нефтяников стали получать отдельные квартиры, число коммуналок еще не сокращалось, т.к. несмотря на крупномасштабное строительство, всем жилья не хватало. Между тем городок разрастался и на смену старому тихому дружному коллективному быту, стали приходить теснота, часто желание поскорее переехать самому или избавиться от соседей. Конечно, это

было не слишком распространенным явлением, большинство сослуживцев продолжало находить общий язык на работе, в своем цехе, и дома, на одной жилплощади. Но разногласия многих жильцов, возникающие в этот период нельзя обойти стороной. Часто возникал дискомфорт, связанный с тем, что приходилось делить кухню или санузел. Некоторые оставляли после себя немытую посуду, другие не убирались, к третьим часто приезжали гости. Например, Штрауфман Валентина Сергеевна была свидетельницей неоднократных пьяных дебошей, драк, потасовок, из-за своих соседей татарской национальности. Да и к ним приезжали в гости родственники из деревни, которые не умели пользоваться краном и часто оставляли его за собой включенным, из-за чего неоднократно случался потоп собственной квартиры и соседей снизу. В других квартирах также были случаи драк между соседями, как с участием молодежи, так и более старших жильцов. Поводов конфликта становились ревность, дележ жилплощади, карточная игра, плохое настроение и т.д.

Уже в конце 1950-х гг. в Городке Нефтяников стали появляться кирпичные и железобетонные 5-этажные дома новых серий, построенные поточно-скоростным методом, ныне называемые «хрущевками». С их появлением очередь на получение отдельной квартиры стала более мобильной. Новоселье постепенно стало одним из самых долгожданных праздников новых семей. В новых кварталах стало появляться большое количество грузовых автомашин, доставлявших мебель в новые благоустроенные квартиры. Пространство такого жилья было очень экономичным, особенно это касалось отсутствия коридоров, наличия смежных комнат и маленькой кухни. Однако эти недостатки казались тогда жителям совсем незначительными, и внимание на них стали обращать только спустя десятилетия.

На новоселье обычно приезжали друзья и родственники, как из соседних квартир, так и из областных районов, и из других городов. Новоселье было ярким праздником, который сопровождался пышным застольем и танцами. После этого, наступал период размеренной жизни, спокойного ритма, скромного быта, что словно застывшая скульптура, на которую талантливые мастера потратили очень много времени и сил, застыл в камне и растянулся для жителей Городка Нефтяников на более чем полвека.

Что касается новосибирского наукограда, то особенность его состояла в том, что изначальное проектирование главных функциональных объектов будущего Академгородка сделало возможным зональное сосредоточение жизнедеятельности основных социальных групп. Формировалось, как минимум, два центра расселения, в одном из которых жили строители и часть научных работников

и студентов, в другом – ученые и младшие научные сотрудники. Деревянные бараки сформировали быт и образ жизни, по многим критериям, напоминающий сельский. Его отличительными особенностями стали отсутствие удобств, дорог, центрального отопления, наружного освещения, что подтверждается воспоминаниями старожилов. Данные условия в полной мере были выражены в 1957–1960-х годах, после чего происходит постепенное налаживание собственно городской инфраструктуры, предполагающей для проживающих здесь социальных групп переход к иному образу жизни.

Будущий директор департамента науки СО РАН, а в середине 1950-х гг. выпускник средней школы села Викулово Тюменской области, Валерий Дмитриевич Ермиков еще до приезда в Академгородок видел фотографию тайги в журнале «Огонек» с надписью «Здесь будет город науки», что привлекло его, а также 28 выпускников из трех классов параллели, некоторым «духом авантюризма и холодком неизвестности». Для них было организовано одноэтажное панельное общежитие, которое размещалась на территории вблизи будущего ДК «Юность».

Судя по опубликованным воспоминаниям, такой тип жилья способствовал первоначально установлению атмосферы студенческого общежития (несмотря на то, что его обитатели являлись к этому времени абитуриентами и только готовились к поступлению в вузы), с характерными для подобных мест проживания атрибутами совместных видов деятельности молодежи (в частности, взаимопомощь, общие денежные сбережения и т.д.) [4]. По вечерам устраивались танцы во дворе, пелись песни [4, С. 49].

Именно в конце 1950-х гг. происходило налаживание социальной инфраструктуры, строительство и открытие первых поликлиник, магазинов, почт, школ и детских садов. В доме на углу Морского проспекта и улицы Терешковой располагались первая поликлиника и общежитие. Соседство двух подобных организаций создавало прецеденты для ряда случаев дивиантного поведения. Например, вечерами в воскресные и праздничные дни в коридорах верхних этажей молодежь устраивала танцы, к большому неудовольствию коменданта общежития. С.М. Николаев впоследствии писал: «Все комендантши, по-видимому, одинаковы: Тогдашняя без конца жаловалась на жильцов. И мне постоянно приходилось утрясать эти споры, отстаивать интересы перед ней и управлением делами СО АН...». Игры на деньги в преферанс, которые часто сопровождалось распитием спиртных напитков, вызывали скандалы и не могли быть не замеченными общественностью. В уже построенных капитальных зданиях общежития некоторым преподавателям, прибывавшим для работы в Новосибирском Государственном Университете, приходи-

лось по ночам слышать громкие разговоры и песнопения студентов. Но все подобные случаи ими резко пресекались как несоответствующие культуре поведения учащихся солидного вуза [9].

В 1960-е гг. формировалась культурная среда Академгородка. Одним из первых в числе культурно-досуговых учреждений появился клуб СО АН СССР, который был открыт в 1961 году в здании института геологии и геофизики [8, Л. 2]. В его стенах демонстрировались кинофильмы, читались лекции, действовали коллективы художественной самодеятельности. Этот клуб также назывался клубом научных работников «Современник» [6]. Работал в Советском районе и клуб «Строитель», построенный на левом берегу Оби, в котором также демонстрировались кинофильмы. Директор клуба Пожидаев брал себе выходной по воскресеньям, из-за чего, по мнению комиссии по массовой культуре, в это день была плохо налажена работа клуба. Плохо проходило дежурство по фойе, зрительному залу, имелись случаи, когда дежурные вообще отсутствовали. Клуб «Академстройовец» размещался в помещении барачного типа на 200 мест. Помещение клуба часто было занято для проведения здесь общественных мероприятий. Клуб критиковался за отсутствие разъяснительно-массовой пропаганды среди зрителей, отсутствие кинолекториев и киноконференций, за плохую работу распространителей билетов [8, Л. 2]. В 1962 году были построены клуб «Юность» и кинотеатр «Москва» (ныне ДК «Академия»), в котором насчитывалось 13 коллективов. Позднее деятельность клубов координировал Объединенный комитет профсоюзов СО АН. Спецификой наукограда было то, что ученые, как люди творческого мышления, не могли обходиться без создания организаций, объединяющих их по интересам. Поэтому количество различных клубов и творческих коллективов было здесь очень велико. Многие из них размещались в квартирах ученых, в институтских залах. С 1967 года центром притяжения всей культурной жизни Академгородка стал Дом ученых [6]. С точки зрения Н.А. Куперштох, Дом ученых и Выставочный центр играли в Академгородке важную культурную и коммуникативную роль [7].

Таким образом, повседневная жизнь новых городских районов середины XX века является важнейшим компонентом историко-культурного наследия и культурно-исторической памяти. Новое поколение жителей этих районов становятся представителями уже другого государства, однако частично они являются преемниками культурно-исторической традиции своих предшественников, первопоселенцев районов массового жилищного строительства 1950-60-х гг. В целом, этот этап является важной страницей социальной истории нашей страны на определенном этапе развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Воспоминания З.Г. Каревской, 1928 г.р., записаны автором 11.05.2007 г.
3. Долголюк А.А. Проблемы формирования строительных коллективов Сибири в 1946-1960 гг. // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Материалы межрегиональной научной конференции. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 250-265.
4. И забыть по-прежнему нельзя... / Сост. Верховская Е.Н., Притвиц Н.А. Новосибирск, 2007. 336 с.
5. Иванова Н. Ностальгическое. Собрание наблюдений. М.: ОАО Радуга, 2002. 256 с.
6. Карлинер И.Л. Формирование культурной среды Новосибирского научного центра // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории: Мат-лы Всерос. науч. конф. Новосибирск. Институт истории СО РАН, 1999. С. 184-189.
7. Куперштох Н.А. Академические городки Сибири во второй половине XX века. // Становление индустриально-урбанизированного общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Материалы межрегиональной научной конференции. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 109-117.
8. МУ «Горархив» Ф. 664. Оп. 1. Д. 33.
9. Наука. Академгородок. Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Вып. 1. / Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 1999 г. 510 с.
10. Первые среди первых // Строитель. 1975. 12 декабря.
11. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР об устранении излишеств в проектировании и строительстве // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.10. М., 1985г. С. 532-536.
12. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

***

УДК 94:331

Скочин Артём Васильевич

*кандидат исторических наук, преподаватель
Тюменское высшее военное инженерное училище
им. маршала А. И. Прошлякова
г. Тюмень
arskoch88@yandex.ru*

МОДЕРНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА СИБИРСКОГО ГОРОДА: ТЕПЛОСНАБЖЕНИЕ ТЮМЕНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

Статья посвящена изучению конкретных проявлений модернизационного процесса в условиях сибирского города во второй половине 1950 – первой половине 1960-х годов. Автор подвергает анализу различные аспекты городского хозяйства, подвергшиеся трансформации в исследуемый период. Основное внимание в работе уделяется анализу одной из наиболее значимых сфер хозяйства

областного центра – теплоснабжению. В статье затрагиваются проблемы, сопутствовавшие проникновению «нового тепла» в повседневную жизнь горожан. Автор характеризует территории Тюмени, подвергшиеся трансформации, дает общую оценку степени изменений, произошедших в структуре городского пространства.

Ключевые слова: модернизация, урбанизация, городское пространство, жилищное строительство, коммунальное хозяйство.

Skochin Artem Vasilyevich
candidate of historical sciences, lecturer
Tyumen Higher Military Engineering School
named by Marshal A.I. Proshlyakov
Tyumen
arskoch88@yandex.ru

THE MODERNIZATION OF THE HOUSING AND COMMUNAL SERVICES OF THE SIBERIAN CITY IN THE SECOND HALF OF 1950 TO THE FIRST HALF OF THE 1960

The article is devoted to study of the specific manifestations of the modernization under conditions of the Siberian city in the second half of 1950-s to the first half of the 1960-s. The author analyzes the different aspects of the city housing, which were transformed at the researching period. The main focus in this work is paid to the analysis of the one of the most significant sectors of the regional center housing – the heat supply. The article is concerned the problems which accompany the penetration of «new heat» in everyday life of citizens. The author characterizes the parts of Tyumen, which were transformed, he evaluates the changes have taken place at the structure of the urban space.

Keywords: modernization, urbanization, urban space, house building, housing and communal services

1950–1960-е гг. исследователи нередко соотносят с периодом происходивших в стране активных модернизационных процессов, составляющей которых стала урбанизация. Процесс глубоких, качественных изменений в экономической, социальной и культурной сферах общества, обусловленный ростом городов и городского населения [17, С. 32], нашел свое характерное проявление и на территории сибирского региона. Он проявился в изменении образа жизни и традиционных ценностей горожан, трансформировав восприятие людьми привычной среды своего обитания.

Во второй половине 1950-х гг. возникают условия для быстрого экономического развития Западной Сибири. Решениями XX съезда КПСС здесь было предусмотрено создание мощной металлургической и энерготехнической баз [15, С. 214], а последующее обнаружение в Тюменской области крупных запасов нефти и газа, создало экономические предпосылки для промышленного и социокультурного развития сибирских городов. Тюмени предстояло стать материальной и кадровой базой для обеспечения северных районов области, активное градостроительное развитие в которых начинается в середине 1960-х годов [21, С. 156, 157]. Благоприятные экономические условия и выгодное географическое положение областного центра положили начало его активной застройке, модернизации городского хозяйства и формированию нового облика города.

Обновление городской среды Тюмени происходило в условиях активизации государственной жилищной политики. В 1950–1960-е гг. было принято большое количество законодательных актов, направленных на решение данной проблемы. В ходе Всесоюзных совещаний и съездов архитекторов и градостроителей, материалы которых нередко публиковались на страницах периодической печати, активно обсуждались вопросы застройки и формирования облика городов. Разработка конкретных градостроительных мероприятий и решение жилищной проблемы становится приоритетной задачей и местных органов власти.

В 1957 г. проблемы жилищного строительства в Тюмени – одна из центральных тем обсуждения на пленумах горкома КПСС, совещаниях хозяйственных руководителей, в партийных организациях и профсоюзах [1, С. 104]. Пристальное внимание местных властей к жилищному вопросу повлекло за собой быстрый рост объемов строящегося жилья. В 1957 г. прирост государственного жилого фонда, в сравнении с 1956 г., возрос практически в 2 раза, и составил 43 738 кв. м, а в следующем году было построено уже 53 тыс. кв. м жилья [13, Л. 2, 3; Л. 2, 3]. Однако для дальнейшего развития города и удовлетворения потребностей горожан все более актуальными становились и вопросы качества сооружаемых зданий.

К 1956 г. в Тюмени имелось 475 177 кв. м жилой площади [8, Л. 45, 46]. Более половины из этого количества приходилось на индивидуальные жилые дома, которые, как и многие ведомственные здания, представляли собой 1-2 этажные деревянные строения. Они занимали большую часть территории города. Малоэтажная застройка некоторых городских территорий в 1950-е гг. дополнялась сооружением каменных и кирпичных зданий высотой от двух до пяти этажей. Застройка такого типа носила очень локальный характер, не оказывая существенного влияния на характер город-

ского жилья. Как правило, такие дома размещались небольшими массивами вблизи городских промышленных предприятий, которые выступали заказчиками их строительства. Дома строились по действующим типовым проектам. Планы зданий отличались удобством, а небольшая их высота позволяла легко создавать уютные, масштабные человеку квартальные пространства [16, С. 177].

В 1950–1960-е гг. приток сельских жителей и населения других городов в областной центр заметно возрос. За период 1956–1965 гг. число горожан выросло на 69,8% – со 124 700 до 213 130 человек [9, Л. 76а, 80; 68, 70]. Такая ситуация существенно обострила жилищную проблему. Городские строительные организации не имели ни достаточных материальных ресурсов, ни квалифицированных кадров для быстрого увеличения количества благоустроенного жилья. Создавались благоприятные условия для дальнейшего расширения в пределах территории города малоэтажного жилого фонда, большая часть которого сооружалась индивидуальными застройщиками. Вторая половина 1950-х гг. стала временем наибольшей активности индивидуального жилищного строительства. За период с 1956 по 1960 гг. населением было построено почти 4300 жилых домов. К 1960 г. из почти 18000 зданий, располагавшихся на территории города, в индивидуальной собственности горожан находилось 14880 домов [10, Л. 9, 47; Л. 1, 156, 175а].

Строительство малоэтажных зданий чрезмерно расширяло границы областного центра, приводило к уменьшению плотности застройки и нерациональному использованию городской территории. Недостаток земель для строительства детских садов, школ, магазинов, предприятий сферы услуг, кинотеатров и других учреждений приводил к снижению качества жизненной среды горожан. Существующая тенденция противоречила планам центральных и местных властей о превращении Тюмени в крупный, благоустроенный центр [19, С. 167]. «Город быстро разрастается, население во вновь застроенных районах не обеспечивается элементарными удобствами и коммунальными услугами, плохо обслуживается автобусным сообщением, не обеспечивается водой и электроэнергией, в поселках нет школ и других культурно-бытовых учреждений», – докладывал в июле 1956 г. на пленуме тюменского горкома КПСС заведующий общим отделом горкома партии Соловьев [5, Л. 70].

Все более актуальной становилась необходимость в коренной реконструкции городского хозяйства. В конце 1950-х гг. в Тюмень прибыла бригада специалистов Ленинградского института проектирования городов, и вскоре были начаты работы по составлению нового генерального плана города, который должен был стать основой застройки областного центра вплоть до 1980-х годов [11,

Л. 9, 10]. Несмотря на то, что проекты неоднократно пересматривались и дополнялись, а их утверждение затянулось (окончательно были утверждены Советом Министров РСФСР только в 1969 году), новый генеральный план Тюмени сформировал вектор развития областного центра и предопределил существенную трансформацию городской среды.

В первую очередь, это проявилось в изменении характера городской застройки. В первой половине 1960-х гг. объемы индивидуального жилищного строительства на территории города быстро сокращаются. Так, в 1961–1965 гг. тюменцами было построено 1775 зданий [10, Л. 207, 208; 156, 175а], что было почти в 2,5 раза меньше, чем за вторую половину 1950-х годов. Вместе с тем количество жилья, сооружаемого государством, существенно возросло. Если в 1956 г. доля государственного жилищного строительства составляла около 60%, то к 1965 г. она достигла 97%. В целом за период 1956–1965 гг. государственный жилой фонд на территории Тюмени возрос более чем в 2,5 раза – с 383 996 кв. м. до 1 030 268 кв. метров [14, Л. 8, 195].

Изменения коснулись также и качества городского строительства. На смену деревянным малоэтажным зданиям приходят новые, «экономичные» типовые проекты 4-5 этажных жилых домов из кирпича и панелей. Строительство таких зданий, в силу простоты в планировке и уменьшения жилого пространства квартир, отныне могло осуществляться в более короткие сроки. Весь комплекс городской застройки теперь размещался по новым принципам. Здания сооружались на свободных участках городской земли в виде микрорайонов, в которых заранее проектировался комплекс социально-бытовых удобств, рассчитанный на определенное число жителей. Расширение административных границ Тюмени позволило увеличить зону строительства. Приоритетным в развитии городского пространства становится юго-восточное направление, где выделяется четкая структура микрорайонов. Более локальные зоны многоэтажного строительства постепенно появляются и в других районах города: на юго-западе – в районе аэропорта Плеханово, на севере – за дер. Парфенова, а также в центральной части города [20, С. 15, 16].

В первой половине 1960-х гг. происходило быстрое наполнение жилых районов комплексом социальных учреждений, количество которых существенно возросло. Так, в 1956–1965 гг. почти в 2 раза (с 18 до 32) выросло число лечебных учреждений, примерно в 1,5 раза (с 57 до 80) увеличилось количество детских садов и яслей, были построены новые школьные здания, общее число которых достигло 41 (вместо 33 в 1956 г.). Существенно изменяется

и качество социальных учреждений. В середине 1950-х гг. многие больницы, поликлиники, детские сады и ясли, а также часть школ размещались в домах дореволюционной постройки, некоторые – в бараках и щитовых домах. К середине 1960-х гг. многие социальные объекты получают прописку в типовых зданиях. Вместительность, простота в планировке, присущие новым учреждениям, позволяли лучше удовлетворять запросы горожан, однако темпы социального строительства все же отставали от быстро возрастающего количества тюменцев и их потребностей [16, С. 17].

В первой половине 1960-х гг. реконструкция целого ряда культурных объектов и расширение их сети позволяют говорить о формировании предпосылок для расширения культурного пространства Тюмени и вовлечении в него новых городских районов. Меняется и характер культурных объектов, преобладающими среди которых становятся крупные учреждения, способные обслуживать большее число горожан. Размывание культурного и общественного центра стало закономерным этапом развития растущего города.

Активное жилищное и социокультурное строительство формировало городское пространство и способствовало быстрой трансформации других компонентов городской среды. Жилище человека все более наделяется чертами своеобразного личного «микространства», которое, наряду с «макространством» города заключает в себе все необходимое для удовлетворения его разнообразных потребностей. Быстрый рост потребностей горожан придавал особое значение проблеме создания условий, обеспечивающих наиболее комфортное пребывание человека в рамках его жизненного пространства. В этой связи актуальность для тюменцев приобретали проблемы благоустройства собственного жилища, в персонифицированной жизненной среде которого проводилась основная часть их личного времени. Повысить уровень комфорта этой среды для горожан позволяет наличие и эффективное функционирование комплекса коммунальных удобств. Качественная работа водопровода, постоянное электрическое освещение, подключение домов к канализационной и отопительной сетям, доступность альтернативных источников энергии – преобразуют многие стороны жизни человека, выводят ее на качественно новый уровень.

Отсутствие коммунальных удобств в домах тюменцев характеризовало хозяйство областного центра на протяжении длительного периода истории города. В частности, исследователи отмечают тяжелое состояние коммунального хозяйства областного центра и крайне медленные темпы его развития в послевоенные годы [18, С. 105, 106, 118]. К середине 1950-х гг. проблема благоустройства собственных жилищ для тюменцев была одной из наиболее актуальных.

Важным условием комфортной жизни, а нередко и выживания горожан в суровых природных условиях региона являлось обеспечение домов теплом. В середине 1950-х гг. в Тюмени отсутствовало центральное теплоснабжение. Характерной чертой деревянных жилых зданий города, как и несколько десятилетий назад, оставалось печное отопление. Не было центрального теплоснабжения и в некоторых социальных учреждениях. «Я помню, когда придем на ул. Холодильную – шубы не снимаем, работаем, а потом пока санитарка истопит печь, пока разогреется наш кабинет – нам уже домой нужно идти. За ночь он опять остынет», – вспоминала А.М. Волошина, работавшая врачом в филиале кожно-венерологического диспансера, размещавшемся в деревянном здании [2].

Основная часть административных и социальных учреждений, а также многоэтажные жилые дома отапливались котельными. Как уже отмечалось, строительство многоквартирных домов в исследуемый период существенно активизировалось, что повлекло за собой увеличение числа котельных. Наибольшее распространение они получили в рабочих районах, застройку которых осуществляли промышленные предприятия. Котельные использовались и для отопления домов городского центра. К началу 1960-х гг. в Тюмени насчитывалось уже более 200 котельных [22].

В первой половине 1960-х гг., с началом централизованного обеспечения города теплом, котельные появляются и в некоторых деревянных домах горожан. Так, жительница «Крестьянских мест» Т.В. Сафронова рассказывала: «В 1962 г. мы купили котел и сделали в доме водяное отопление. Печь мы разрушили и с тех пор дом стали топить углем. С начала 1960-х гг. такая практика распространяется и среди многих других жителей поселка» [4]. Установка новых источников теплоснабжения в индивидуальных домах была связана с удобством водяного отопления, распространение которого началось среди горожан после сооружения новой электростанции. Особенно быстро «новые веяния» были восприняты жителями частного сектора, которые хорошо понимали, что нововведения не коснутся их домов.

Печи и котельные в городских зданиях требовали регулярного пополнения запасов топлива. Индивидуальные котельные тюменцы топили углем, который приобретали в торговой сети города. Для отопления деревянных, малоэтажных домов горожане использовали дрова, которые можно было купить или получить на предприятиях, по месту работы. Рабочим городских заводов за небольшую плату выписывали обрезки древесины или выделяли деляну в лесу, на которой они самостоятельно валили, распиливали, а потом вывозили деревья. «Для отопления нашего дома отец срезку

привозил с завода, а мы кололи ее. Иногда ему давали участок для валки леса. Он брал с собой моего старшего брата, и они ехали в лес. Напилят его, потом отец брал машину, вывозили лес и здесь кололи на дрова. У каждого в нашем районе стояла поленница. Люди сами заготавливали для себя дрова. Писали бумагу на заводе, приезжаешь, отдаешь эту бумагу леснику, что тебе разрешено свалить столько-то кубометров леса. Лесник дает деляну и показывает, где можно пилить», – рассказывал П.И. Глушков [3].

Обеспечение углем городских котельных являлось обязанностью местных органов власти. Для координации и оперативного решения вопросов отопления в горисполкоме существовал топливный отдел. Регулярные закупки угля и доставку его до котельных, отапливавших ведомственный жилой фонд, производили и промышленные предприятия областного центра. В архивных документах и периодической печати не встречаются сообщения, которые свидетельствовали бы о проблемах с наличием материалов, необходимых для отопления домов. Не отмечают таких проблем и сами горожане.

Сжигание в печах и котельных городских зданий большого количества топлива существенно ухудшало экологическую ситуацию в городе. Эта проблема неоднократно поднималась как на страницах периодической печати, так и в ходе заседаний местных органов власти. «На улицу! И дети, и взрослые спешат идти погулять, хозяйки открывают форточки окон: пусть чистый воздух будет в квартире! И вдруг люди видят: трубы котельных хлебокомбината (к примеру) начали выбрасывать клубы черного дыма. И он, взвываясь, как борода дядьки Черномора, тучей поплыл над кварталами города. И не проходит пары часов, как чудесный белый снег в сквере, в городском саду потемнел, покрылся угольной пылью, чистоты воздуха и в помине нет...» – такую картину задымления города рисовали корреспонденты местной прессы в ноябре 1961 года [22].

Сформировать наиболее полное представление о существующей проблеме позволит обращение к предшествующей истории города. Так, небольшое количество промышленных предприятий располагалось на территории Тюмени еще в довоенные годы, однако их малочисленность и невысокие производственные мощности не оказывали существенного воздействия на экологию города. В годы Великой Отечественной войны, с эвакуацией в Тюмень большого количества новых заводов, экологическая обстановка в городе существенно ухудшилась. Спешность, с которой предприятия возводились на территории города, не позволяла произвести все необходимые расчеты, в результате чего многие из них оказались построены в местах преобладания воздушных потоков в направлении жилых кварталов. Модернизация, постепенно происходившая на городских

заводах, привела к возрастанию их мощностей, а вместе с ними – и дымовых выбросов. Одновременно с этим, по мере расширения города, промышленные предприятия окружались многоэтажными жилыми домами, которые все более погружались в зону задымления. Так, например, в газете «Тюменская правда» в сентябре 1959 г. сообщалось, что от дымовых выбросов Фанеркомбината и электростанции, располагавшейся в районе Троицкого монастыря, страдали жители Затюменской и Заречной частей города [23].

Негативно влияли на экологическую ситуацию и дымовые выбросы от небольших, придомовых котельных, которые отапливали многоэтажные здания. Жилой квартал, зачастую, организовывался так, что пространство внутреннего двора со всех сторон оказывалось надежно защищенным от ветра. По этой причине дым от котельных, располагавшихся внутри квартала, длительное время оставался в воздухе и проникал в квартиры тюменцев. От сильного задымления, в частности, страдали жители плотно застроенных кварталов в районе заводов «Строймашин», «Механик», сетевозаводской фабрики, судостроительного завода, а также некоторых жилых кварталов в центральной части города [24].

Быстрое ухудшение экологической ситуации в городе привлекло внимание местных органов власти и предопределило появление законодательных актов, направленных на решение существующей проблемы. Так, 7 июня 1951 г. облисполком принял Постановление «О мероприятиях по охране атмосферного воздуха». В нем отмечались значительные выбросы золы и дыма, производимые тюменским Фанеркомбинатом и Горэлектростанцией, которые располагались в жилых кварталах и не имели санитарно-защитных зон. Для снижения количества вредных выбросов на предприятиях планировалось установить газопылеуловители. С этого времени в областном центре предполагалось впредь не допускать открытия промышленных предприятий, не имеющих очистных сооружений [25]. Однако реализовать эти планы не удалось. К середине 1950-х гг. основная часть тюменских заводов по-прежнему производила дымовые выбросы без очистки.

Некоторые позитивные перемены в экологической ситуации города наметились лишь к началу 1960-х годов. Во многом, они были вызваны значительными усилиями местных санитарно-эпидемиологических органов по сбережению экологической среды Тюмени. Противоречия между планово-экономическими органами совнархоза и санэпидстанцией отражают материалы переписки, сохранившейся в документах местных архивов. Из нее следует, что использование дорогостоящего очистного оборудования считалось нецелесообразным, и работа в этом направлении, в расчете на скорое окончание стро-

ительства ТЭЦ и подключение предприятий к централизованному источнику теплоснабжения, всячески затягивалась [14, Л. 35-37]. В результате деятельности санитарно-эпидемиологических органов, жалоб населения и решений местных органов власти, к концу 1961 г. очистные сооружения появились на 3-х промышленных предприятиях – ТЭЦ, Овчинно-меховой фабрике и заводе Пластмасс [26]. Вместе с тем выбросы от большей части тюменских заводов продолжали загрязнять воздух областного центра.

В 1960 г. в Тюмени была построена первая очередь ТЭЦ. Стало возможным сооружение центрального теплопровода. Первые километры труб теплотрассы были проложены в 1961 г. до поселка строителей электростанции, а вскоре распространились и на весь район многоэтажной застройки в юго-восточной части города [27]. В 1962–1963 гг. теплотрасса охватила значительную часть центральных улиц Тюмени, а вскоре была доведена и до Затюменской части города [7, Л. 152, 153; 130; 194, 195].

Строительство теплосети создавало предпосылки для ликвидации котельных и обеспечения теплом жилых домов, социальных учреждений и промышленных предприятий областного центра. Проект теплофикации предполагал закрытие в Тюмени около 165 котельных, однако к концу 1964 г. удалось ликвидировать лишь 35 из них, остальные продолжали действовать [28]. Несмотря на то, что главный коллектор теплосети протянулся по городским улицам, темпы строительства тепловой магистрали внутри жилых кварталов заметно отставали, и тепло не доходило до потребителей. «...Руководители таких предприятий как завод «Механик», «АТЭ», трест «Тюменьгорстрой», не принимают мер для подключения к теплотрассе, продолжают расходовать топливо, содержать обслуживающий персонал и загрязнять воздух города», – подчеркивали в ноябре 1964 г. корреспонденты местной прессы [29]. Тюменские предприятия оказались неготовыми к быстрой теплофикации своих районов. Руководители нередко сталкивались со сложностями в изготовлении технической документации, нехваткой материалов, а, зачастую, и с недостаточным финансированием строительства тепловой магистрали, для получения которого часто приходилось подавать дополнительные заявки в совнархоз [30].

В 1963 г. проблема теплофикации города дважды обсуждалась на бюро горкома КПСС, на заседании облисполкома и бюро обкома партии. Решения, направленные на ускорение строительства, неоднократно принимались и городскими органами власти [6, Л. 33, 34]. К середине 1960-х гг. в строительстве «горячей магистрали» были достигнуты определенные успехи. Тепло от ТЭЦ получили многие тюменские предприятия: завод «Строймашин», «Меха-

ник», «АТЭ», судостроительный завод, а также сапоговаляльная и сетевязальная фабрики. Одновременно продолжала действовать и старая электростанция, располагавшаяся в районе Троицкого монастыря. К концу исследуемого периода от нее был теплофицирован аккумуляторный завод в Затюменской части города [6, Л. 140]. Наряду с отоплением промышленных предприятий, теплом от ТЭЦ были обеспечены многие социальные учреждения и жилые дома горожан. Если в 1962 г. ее мощность использовалась лишь на 7%, то к середине 1960-х гг. город задействовал уже около половины тепла, вырабатываемого электростанцией [31].

Модернизация теплового хозяйства областного центра привнесла новые черты в повседневную жизнь городского населения, сделав условия жизни горожан более комфортабельными. В то же время быстрые перемены в повседневной жизни тюменцев на первых порах влекли за собой и определенные неудобства. Подробные описания различных происшествий, связанных с централизованным обеспечением горожан теплом, в изобилии встречаются на страницах местной прессы [32]. Так, например, в январе 1963 г. в газете «Тюменская правда» нашел отражение случай подключения к центральному отоплению одного из жилых домов по улице Комсомольской: «И вот однажды стали пробовать отопительную систему. Что тут было – трудно описать! Потекли радиаторы, лопнули трубы. У кого вода с потолка течет, а кто едва успевает ведрами выносить воду из радиаторов... У одних все радиаторы горячие, у других – через батарею, у третьих – чуть теплые, а у самых «счастливых» трубы замерзли» [33]. Из-за технических сложностей для отопления домов первоначально применялась «закрытая» схема теплоснабжения: горячая вода, проходя по трубам, возвращалась обратно на электростанцию, что не позволяло тюменцам использовать ее для бытовых нужд [34].

Таким образом, во второй половине 1950–первой половине 1960-х гг. происходила быстрая трансформация городского хозяйства, которая стала одним из результатов модернизационных процессов. Изменения характера городской застройки, формирование комплексов многоэтажного жилья, наполненных новыми социальными и культурными учреждениями, расширяли жизненное пространство горожан, способствовали возрастанию потребностей тюменцев. Характерной чертой домов современных городских районов становится наличие коммунальных удобств. Появление в городе новых источников энергии сделало возможным централизованную подачу тепла в дома горожан. Экологичность и дешевизна «нового тепла» способствовали его быстрому распространению среди жителей. В то же время темпы теплоснабжения областного центра оказались не столь быстрыми, как ожида-

ли местные власти. Плановое хозяйство и высокая степень экономической централизации не позволяли учесть всех нюансов новой для города практики теплового строительства. В результате, к середине 1960-х гг. батареи еще не стали характерной чертой жилищ горожан. Отопление основной части областного центра продолжало осуществляться от прежних источников – котельных и печей. Такая ситуация консервировала традиционную структуру городского хозяйства и способствовала сохранению «сельского» уклада жизни горожан во многих районах областного центра – одной из характерных черт развития городской среды Тюмени на протяжении длительного периода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Социокультурная адаптация населения Сибири в условиях урбанизации (1930–1980-е гг.) // Социальный перелом: жилищное строительство в городах Сибири на рубеже 1950–60-х гг. Новосибирск, 2008.
2. Воспоминания Волошиной А.М. (1933 г.р.), записаны автором.
3. Воспоминания Глушкова П.И. (1947 г.р.), записаны автором.
4. Воспоминания Сафроновой Т.В. (1947 г.р.), записаны автором.
5. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГБУТО ГАСПИТО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1001.
6. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 879.
7. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 900. Л. 152, 153; Д. 906; Д. 943; Тюменская правда. 1962. 12 марта; 1964. 25 апреля.
8. ГБУТО ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 254.
9. ГБУТО ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 225; Д. 345.
10. ГБУТО ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 265; Д. 332.
11. ГБУТО ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 332.
12. ГБУТО ГАТО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 215; Д. 247.
13. ГБУТО ГАТО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 262.
14. ГБУТО ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 212.
15. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14-25 февраля 1956 г. (стенографический отчет). Т. 2. М., 1956. 559 с.
16. Заварихин С.П., Жученко Б.А. Тюмень архитектурная, Свердловск, 1984. 239 с.
17. Исапов В.А. Урбанизация или псевдоурбанизация? (Динамика численности городского населения Сибири в начале XX века) // Городская культура Сибири: история и современность: сб. науч. тр. Омск, 1997. С. 32-39.
18. Мордвинцева А.В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг.: Дис. ... к. и. н. Тюмень, 2010. 286 с.
19. Скочин А.В. Роль жилищного строительства в формировании жизненного пространства тюменцев в середине 1950–середине 1960-х гг. // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 162-172.
20. Скочин А.В. Городская среда Тюмени во второй половине 1950 – первой половине 1960-х гг. // Автореф. дис. ... к. и. н. Тюмень, 2013. 25 с.
21. Стась И.Н. Этапы развития системы городского расселения Ханты-Мансийского округа (1960 – 1990-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 156-158.
22. Тюменская правда 1961. 29 ноября; Там же. 1963. 26 мая.

23. Тюменская правда. 1959. 1 сентября.
24. Тюменская правда. 1961. 29 ноября.
25. Тюменская правда. 1959. 1 сентября.
26. Тюменская правда. 1961. 29 ноября.
27. Тюменская правда. 1963. 26 мая.
28. Тюменская правда. 1964. 19 декабря.
29. Тюменская правда. 1964. 17 ноября.
30. Тюменская правда. 1962. 23 декабря.
31. Тюменская правда. 1964. 19 декабря.
32. Тюменская правда. 1961. 13 октября; 1963. 21 декабря
33. Тюменская правда. 1963. 12 января.
34. Тюменская правда. 1964. 19 декабря.

* * * * *

УДК 711(571.7-12)

Карпов Виктор Петрович

*доктор исторических наук, профессор
Тюменский государственный нефтегазовый университет
г. Тюмень
7654321.58@mail.ru*

Юдакова Олеся Викторовна

*преподаватель
Государственный аграрный университет Северного Зауралья
г. Тюмень
www.olesya@inbox.ru*

«ОНИ КАК-НИБУДЬ ТАМ ОКОПАЮТСЯ»: ОБУСТРОЙСТВО НОВОСЕЛОВ В «НЕФТЯНЫХ ГОРОДАХ» ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА

В статье выясняются причины плохой обеспеченности жильем пионеров нефтегазового освоения Тюменского Севера и способы решения жилищного вопроса в 1960–70-е годы. Рассмотрены такие аспекты формирования городской среды, как развитие сферы услуг, специфика досуга и питания нефтяников. Анализируются причины медленного превращения поселений в города по сути, а не по названию. Картина урбанизации Тюменского Севера иллюстрируется сюжетами из городской повседневности.

Ключевые слова: Тюменский Север, нефтегазовый комплекс, жилищная проблема, городская среда, повседневность, урбанизация.

Karpov Viktor Petrovich

*doctor of historical sciences, professor
Tyumen State Oil and Gas University
Tyumen
7654321.58@mail.ru*

Yudakova Olesya Viktorovna

lecturer

State Agrarian University of Northern Zauralya

Tyumen

www.olesya@inbox.ru

«THEY WOULD SOMEHOW ENTRENCHED THEMSELVES»: THE ARRANGEMENT OF NEW SETTLERS IN THE TYUMEN «OIL TOWNS»

The ways to solve the housing problem in 1960-70s and the reasons of the bad housing supply for the pioneers of oil and gas complex of the Tyumen North are investigated. Such aspects of formation of the urban environment, as the development of services, the specifics of leisure and food are described. The reasons for the slow transformation of settlements into the cities in fact, and not by name were analyzed. Panorama of urbanization Tyumen North was illustrated by scenes from everyday life of city.

Keywords: Tyumen North, oil and gas complex, housing problem, urban environment, everyday life, urbanization.

Одним из многочисленных свидетельств неподготовленности Тюмени к размещению людей на нефтегазовом Севере являются воспоминания Л.В. Аксарина, первого секретаря Нижневартовского райкома КПСС в 1963–1965 гг. Принимавший активное участие в обустройстве прибывавших в район нефтяников, руководитель удивлялся, как «непродуманно» правительство подошло к вопросу организации добычи сибирской нефти: «Расчет был, видимо, довольно прост: направить людей, они как-нибудь там окопаются, переберутся, местные власти что-нибудь предпримут...» [11, С. 89].

Городской ландшафт накануне индустриализации Тюменского Севера

Курс, взятый на строительство «нефтяных городов» – крупных населенных пунктов не на один день, а для постоянного проживания тысяч (позднее выяснилось – сотен тысяч) людей, не мог быть реализован в короткие сроки на территории, где не было необходимой инфраструктуры. На рубеже 1950–60-х гг. на севере Тюменской области практически отсутствовали городские поселения. Статус города получили только Салехард (1938) и Ханты-Мансийск (1950). Освоение территории тормозили огромные расстояния, отсутствие дорог, низкая плотность населения и суровые природно-климатические условия. Относительно развитой в промышленном

отношении являлась только южная зона Тюменской области, где в середине 60-х гг. проживало абсолютное большинство населения.

Особенность рисунка расселения на Тюменском Севере заключается в том, что во второй половине XX века он определялся геологической разметкой территории и лишь впоследствии усложнялся и рос на своей собственной основе. Ведущим фактором урбанизации стало размещение производственных объектов, приуроченных к месторождениям, а люди рассматривались как мобилизуемый и распределяемый в необходимом количестве ресурс для их возведения и функционирования [2, С. 56].

На первом этапе в районах нового промышленного освоения (РНПО) не было постоянного населения, ориентированного на индустриальное производство. В малолюдную, а то и безлюдную местность прибывали геологи и изыскатели. Далеко не каждый поселок геологов и изыскателей мог вырасти в крупный населенный пункт или даже город, поэтому первые поселения сооружались как временные. «Жили мы в землянке – такой здоровой яме, – вспоминает о поселке Мегион заслуженный геолог РФ Е.А. Тепляков, – чуть-чуть сверху насыпана, внутри были нары» [23, С. 20-21]. До этого Теплякову довелось поработать в Усть-Балыке. «В этом поселке жили только мы, – пишет геолог. [...] Вот там, на месте этого посёлка и образовался город Нефтеюганск... Это был центр нашего поселка – в нём было всего 15 бараков...» [23, С. 20]. Писатель К.Я. Лагунов вспоминал о Нефтеюганске 1960-х: «Двухэтажное здание конторы геологоразведочной экспедиции, рядом несколько бараков, а вокруг, не соблюдая никакого порядка, разбежались балки, игрушечные насыпушки, кунги (приспособленные под жильё автомобильные кузова) и самые обыкновенные землянки – вот она, типичная картина северного города 1960-х годов» [24].

В 1965 г. поселки Сургут и Шаим получили городской статус. Первыми среди «нефтяных городов». Шаим стал называться Ураем, а Усть-Балык в 1967 г. превратился в город Нефтеюганск. В самый крупный город нефтяного края вырос Сургут, о проблемах формирования и развития которого уже немало написано историками [8; 16; 17; 20; 21; 22].

Палатки, землянки, вагончики, бараки

Практически все города и посёлки, вызванные к жизни индустриализацией Тюменского Севера, начинались с землянок, палаток, вагончиков и бараков. В них ютилось большинство приезжавших работников. Жилья катастрофически не хватало. Усть-балыкские геологи и новоявленные промысловики зимой 1963-64 г. жили по 8-10 человек в одном вагончике-балке [13, С.

104]. Балок – деревянный или металлический вагончик из двух, по шесть квадратных метров, отсеков, разделенных коридорчиком.

После рабочего дня люди самостоятельно решали жилищную проблему. Ветеран Усть-Балыкской экспедиции Бикмухамед Абдрахимович Шамсутдинов вспоминает: «В Усть-Балык я попал по направлению из Сургутской экспедиции. Мы с женой приехали на барже. Нам выдали палатку, постель и спецодежду, и уже через три часа я вышел на работу... Когда привезли стройматериалы, то в свободное от работы время стали строить себе дом [28, С. 140].

Жильё, считавшееся временным, для многих новосёлов оказалось постоянным. Количество временок на всем протяжении 1960-х – 1980-х гг. оставалось практически неизменным: если в 1962 г. в Ямало-Ненецком округе насчитывалось 13 тыс. балков и вагончиков, то в начале 1990 г. – 12,2 тыс., число проживающих составило соответственно 43,5 и 44,3 тыс. человек [4, С. 130-131]. Вагон-городки стоят на Севере до сих пор, хотя в официальных документах не числятся. К 2012 г. в рабочем поселке Пурпе на 9 тыс. жителей приходилось 253 вагончика. 116 балков оставалось в Тазовском районе, 180 – в Ноябрьске, 198 – в Лабытнангах [25, С. 3].

В 1966 г. в нефтяных и газовых районах – Урае, Нефтеюганске, Мегионе, Нижневартовске, Пунге, Игриме – не было ни одного капитально построенного дома. Основные причины – отсутствие в РНПО достаточной материальной базы жилищно-гражданского строительства, строительных коллективов, способных решать масштабные задачи, приоритет производственного строительства над социальным. Подразделения Главтюменнефтегазстроя строили и производственные объекты, и жильё. Кроме того, каждому ведомству, участвующему в создании нефтегазового комплекса, соответствующее министерство выделяло средства для сооружения жилья либо собственными силами, либо с привлечением специализированных строительных организаций. В 1966 г. первые панельные пятиэтажки выросли в Сургуте, в 1967 г. нефтяники заселили капитальный дом в Нефтеюганске, а в 1969 г. – в Урае. Несмотря на то, что жилой фонд нефтяников в 1964-65 гг. удвоился, обеспеченность их благоустроенным жильем составляла чуть более 47%, еще ниже она была у газовиков (35%) и строителей (28%). Почти треть населения, прибывшего в районы Среднего Приобья, проживало в палатках, вагончиках, балках [1, С. 114].

По отдельным главам и трестам обеспеченность работников жильем могла сильно различаться. Как видно из таблицы 1, в 1966 г. лишь 27,8% работников Главтюменнефтегазстроя были обеспечены жильем. У газовиков и нефтяников процент обеспеченности жильем был выше: соответственно 35,1 и 47,1%.

Таблица 1 – Обеспеченность жильем работников ЗСНГК в 1966–1980 гг. [7, С. 258]

Год	Жилой фонд, тыс. м ²	% обеспе- ченности	Жилой фонд, тыс. м ²	% обеспе- ченности	Жилой фонд, тыс. м ²	% обеспе- ченности
	нефтяники		газовики		строители	
1966	146,7	47,1	3,9	35,1	101,6	27,8
1970	396,0	50,0	28,1	78,0	263,0	37,7
1975	1500,0	47,7	189,8	55,5	512,4	65,8
1980	2628,0	39,1	446,0	40,0	803,5	79,5

В последующие годы обеспеченность жильем строителей существенно выросла – до 79,5% в 1980 году, однако у газовиков этот показатель в 1980 г. составил всего 40,0% – лишь на 5% больше, чем в 1966 г. Еще хуже была ситуация в нефтяной отрасли, где обеспеченность жильем работников сократилась с 47,1 до 39,1%. Объяснялось это нарастающим отставанием темпов роста жилищно-гражданского строительства от роста численности трудовых коллективов.

В новых нефтяных городах-ведомствах семейные работники получали с учетом численности семьи и ее полового состава небольшие 1-2-3-4-комнатные квартиры в домах, построенных по типовым проектам с использованием индустриальных методов строительства. Они были с тесными прихожими, кухнями и санузлами, с низким качеством отделочных работ. В июне 1965 г. на пленуме Тюменского обкома КПСС (июнь 1965 года) начальник объединения «Тюменьнефтегаз» А.М. Слепян докладывал: «Строительство жилых домов ведётся медленно и с очень низким качеством. Почти все построенные двухэтажные дома не пригодны для проживания из-за аварийного состояния несущих конструкций. Цокольные и чердачные перекрытия сделаны без утеплителя с грубыми отступлениями от проектов» [3, Л. 111].

Сначала требования к жилью в РНПО были принципиально иными. Главная идея, по мнению первого секретаря обкома КПСС Б.Е. Щербины, должна была заключаться в том, чтобы северный дом был во всех отношениях лучше тех, что строили на Большой земле, «чтобы человеку, живущему в таком доме, не хотелось его покидать» [26, С. 76-79]. Однако от проекта комфортного северного дома отказались по решению того же Щербины, в 1973 г. ушедшего на повышение в Москву. Аргументы нового министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР (Щербина сменил на этом посту легендарного А.К. Кортунова) были таковы: «Министерство вводит в Сургуте в строй много квадратных метров жилья, а квартир – на переклад. И всё потому, что на каждого работающего приходится – шутка ли – 70–100 квадратных метров. С такими хорами никогда не решить жилищ-

ной проблемы» [17, С. 139]. О планах комфортного обустройства новоселов больше не вспоминали.

Бытовые проблемы новоселов

Большинство руководителей, поставленное вышестоящим начальством перед задачей решать производственные проблемы любой ценой и в сжатые сроки, считало, что люди могут потерпеть до лучших времён. В РНПО считалось даже неприличным говорить о бытовом комфорте, а неустроенность северян считалась едва ли не нормой [1, С. 112]. Когда в марте 1964 г. контора бурения под руководством её начальника А.Н. Филимонова начала обживать на Юганской земле, то буровики за лето 1964 г. получили 69 вагончиков и 42 комплекта кунгов, но не поступило ни одной вагон-столовой, ни одного вагон-магазина, ни одной походной армейской пекарни [19, С. 9].

Социальная инфраструктура городов и поселков в СССР всегда отставала от производственной. Тем не менее по отдельным городам и регионам ситуация могла различаться существенно. Снабжение продуктами, промтоварами и бытовыми услугами зависело от важности градообразующих предприятий. Крупные новостройки, создаваемые в северных городах, обеспечивались, как правило, лучше других населенных пунктов. Это был один из способов закрепления новопоселенцев. Так, например, как выявляет специалист по истории образования Западной Сибири Д.В. Кирилюк, педагоги Среднего Приобья переезжали в крупные города по причине их лучшего социального обустройства по сравнению с другими населенными пунктами региона [10, С. 154-155]. Однако в 1960-е гг. сеть бытовых учреждений в Сибири была развита так слабо, что больше половины населения не имело возможности ими пользоваться. Часто не было ни общественных бань, ни парикмахерских, ни прачечных, ни мест ремонта одежды и обуви. Если часовые очереди в общественную баню были обычным явлением в Тюмени, то что говорить о северных населенных пунктах. В результате подавляющее большинство населения стирало дома, мылось в собственных банях или у друзей и соседей, подстригало друг друга самостоятельно, а с целью пошива и ремонта одежды или обуви обращалось к частнику. Бытовое обслуживание на крупных новостройках Тюменского Севера приходилось налаживать практически «с нуля».

Неустроенность была повсеместной приметой быта северян. Писатель К.Я. Лагунов был свидетелем того, как намерзшемуся и наголодавшемуся за смену рабочему часто не оставалось на ужин в местной столовой ни первого, ни второго, ничего, кроме хлеба и компота [13, С. 100]. Работник Штаба ЦК ВЛКСМ по освоению

нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири В.С. Майданов вспоминает о своем знакомстве с посёлком Новый Порт в Ямало-Ненецком округе зимой 1964 года:

– ... а перекусить тут где-то можно?

– А вон там, – показал рукой начальник порта в сторону небольшого деревянного здания, – наша «забегаловка». Поедите, если что-нибудь осталось.

Майданов подошёл к зданию, открыл дверь. «Пахнуло удушливым теплом, пронизанным сивушным перегаром, запахом плохого табака, пота, кухонного угара и собачьего духа. В помещении стоял полумрак, в котором плавало дымное облако, плавно двинувшееся на меня... Я увидел несколько грубо сколоченных столов, на которых стояли гранёные стаканы, алюминиевые кружки, блюдца с солью, бутылки со спиртом... за столами сидели рослые, бородатые с суровыми лицами прилично поддаты парни... Повариха мыла посуду, пища закончилась. К обеду обычно варился бульон из оленины, в котором плавала вермишель, макароны или горох. Иногда варилась уха, как правило, наваристая – рыбы тут хватало. О борще никто не мог и мечтать – никаких овощей, в том числе и картофеля, тут никто в те времена не видел» [14, С. 30]. Не только на дальнем, но и на ближнем Севере – в Сургуте и Нефтеюганске – совершенно не торговали овощами, поскольку не было овощных баз [8, С. 90].

В столовой Майданов познакомился с буровым мастером, который взялся проводить комсомольского работника к геологам. «По пути, – пишет В.С. Майданов, – я обратил внимание на неподвижно лежащих людей по обе стороны протоптанной тропинки, мы насчитали пять человек.

– Что это такое?

Мастер с усмешкой ответил:

– Это у нас обычное явление – поддаты мужики. Не хватило сил добраться до посёлка или до экспедиции. Некоторые придут в себя, других подберут, если успеют – мороз, чувствуешь, какой?» [14, С. 31]. Пьянство было оборотной стороной бытовой неустроенности людей. Каждый житель Тюменской области от новорожденного до старика выпивал в 1960 г. 44-45 бутылок спиртного, а в 1970 г. – уже 90 бутылок [18, С. 131-132].

В конце 1960-х гг. Тюменский нефтегазовый Север дважды посетил председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. В Нижневартовске он заходил в магазины, интересовался набором продуктов, работой коммунальных служб, условиями проживания в рабочих общежитиях. В одном из них Алексей Николаевич попросил сопровождавшую его делегацию не ходить за ним, подошел к открытой в комнату буровиков двери и, как вспоминает один из сопровождавших премьер-министра, спросил:

– Разрешите войти?

«За столом в рабочей одежде сидело четверо парней, вернувшихся с ночной смены. Они выпивали и громко беседовали.

– Заходи, отец, заходи, садись, – они пододвинули гостю табуретку и гостеприимно налили в граненый стакан водку. – Выпей с нами! (парни не узнали гостя и не удосужились спросить, кто с ними беседует – авт.)

[...] Уже на улице, – свидетельствует Майданов, – Косыгин, как бы про себя, произнёс:

– Только наш, советский человек, проживая в таких условиях, решает государственные задачи» [14, С. 112-113].

Однако реакция Косыгина на запущенное состояние общежития в Нефтеюганске, по воспоминаниям бывшего министра нефтяной промышленности СССР Л.Д. Чурилова, была более жёсткой. «Мы оказались в части города, в которой жили строители и остановились, чтобы осмотреть недавно построенную школу. «Хорошая работа, – сказал Косыгин. Но где же дома, в которых живут рабочие?» Алексей Николаевич решил зайти в один из деревянных домов, в которых размещались женщины-маляры. Зимой в Сибири темно рано, около трех часов дня. Внутри не было света, единственным источником тепла была дровяная печь на кухне.

– Есть кто-нибудь дома? – позвал премьер-министр, войдя в квартиру.

– Да, я здесь – откуда-то донесся женский голос.

– Где вы? А свет можно зажечь?

– Минуту, я зажгу свечу.

Симпатичная девушка прыгнула с койки, поднятой к самому потолку.

– А почему кровать так высоко? – спросил премьер-министр.

– Если ее опустить ниже, то будет очень холодно – ответила девушка.

– А какие еще есть помещения для отдыха?

– Нет. Здесь больше ничего нет, ни газет, ни стола, ни даже стульев.

Косыгин «вышел из себя». Он подошел к руководителю Главтюменнефтегазстрой Алексею Сергеевичу Барсукову. «Вы остаетесь здесь, в Нефтеюганске до тех пор, пока вы мне не доложите, что это общежитие, также как и все остальные, приведено в жилое состояние. Меня сопровождать больше не нужно, и не показывайтесь больше ни в Москве, ни в Тюмени» [27, С. 51-52].

Общежития, помогавшие оперативно обеспечивать жильем прибывающих на работу до заселения в отдельные квартиры, были важнейшей частью жилищного фонда городов. Однако условия

жизни в общежитиях были тяжелыми, а проживание в них затягивалось порой на десятилетия. В 1965 г. в Урае построили новое общежитие для работников Шаимской экспедиции. Но ни в одной из комнат не было форточек, не было специальной сушилки для одежды, поэтому её приходилось сушить прямо в комнатах, не было кипятильника, общего бака для воды. Комнаты были перенаселены. На 54 человека – 4 умывальника. Встречались на Севере и образцовые общежития, но они были скорее исключением, нежели правилом. В 1986 г. в Сургуте в общежитиях проживало 32,5 тыс. человек, в Нижневартовске – 23,6 тыс. человек, что составляло соответственно 15% и 12% от всех жителей двух самых крупных «нефтяных городов» [8, С. 96].

**«Местные власти что-нибудь предпримут...»
или... «предупредить «за непринятие мер»»**

Городская среда северных городов Тюменской области выглядела очень убого. Ни в одном из них в середине 1960-х гг. не было плановой коммунальной очистки. Даже в столичной Тюмени обслуживался только центр города. В Ханты-Мансийске более 50% нечистот не удалялись из города. В Салехарде очистка города производилась в рамках весенних кампаний с помощью случайного транспорта. Нефтеюганск, Мегион и другие населённые пункты отличались захламленностью, загрязненностью источников питьевой воды сточными водами, отсутствием бактериологических анализов воды в населенных пунктах. Не удивительно, что заболеваемость кишечными инфекциями в Тюменской области в 1965 г. была в 2 раза выше, чем по РСФСР, в том числе брюшным тифом – в 5 раз. 75% заболеваний приходилось на промышленную зону освоения нефтегазовых месторождений [29, С. 78-80]. В 1960-х гг. городских школах Тюменского Севера резко увеличилось число вспышек брюшного и сыпного тифа и дизентерии [9, С. 267-268].

В феврале 1971 г. за неудовлетворительное выполнение функций единого заказчика по строительству г. Сургут областное руководство подвергло критике Главтюменнефтегаз (В.И. Муравленко). Нефтяной главк задерживал проектирование общегородских культурно-бытовых объектов и магистральных сетей водопровода, канализации и энергоснабжения города. Местная советская власть была настроена действовать решительно. В мае 1975 г. облисполком доводил до сведения Главтюменнефтегаза, Главтюменнефтегазстрой и объединения Тюменгазпром, что, если ими не будут проведены мероприятия «по коренному улучшению водоснабжения и канализации городов Нижневартовска, Нефтеюганска, Сургута и Надыма, облисполком вынужден будет ограничить въезд

трудящихся в эти города до приведения их в надлежащее санитарное состояние» [21, С. 103].

«Грозные» предупреждения партийно-советских органов в адрес главков и их подразделений звучали, начиная с первых лет освоения Севера. В постановляющей части решения по вопросу «О неудовлетворительном состоянии культурно-бытового обслуживания трудящихся посёлка Нефтеюганск» (1965 г.) бюро райкома КПСС расписало ответственность за социальные объекты между промысловиками, буровиками и геологами. А следовало запретить дальнейший приём работников в организации, сообщить о безобразиях в обком КПСС, добиваться снятия производственного плана с созданных предприятий, пока не будут решены бытовые вопросы. Это ясно любому здравомыслящему человеку сегодня, но выглядит наивно, учитывая реалии тех лет. В результате, начальнику конторы бурения А.Н. Филимонову «за непринятие мер по созданию нормального культурно-бытового обслуживания трудящихся» было сделано предупреждение, учитывая, что «он осознал свои ошибки и примет все меры к устранению недостатков». Более высокий руководитель нефтяников – начальник объединения «Тюменнефтегаз» А.М. Слепян на пленуме Тюменского обкома КПСС сетовал на отсутствие социальных объектов в РНПО, но не потребовал с Филимонова изменить производственную программу, уделив больше внимания быту [19, С. 8].

Повсеместно проблемы быта решались с большим запозданием. «Мы многого не требуем, – рассказывал в 1966 г. главный инженер треста бурения Главтюменнефтегаза Л.И. Вязовцев. – Нам хоть бы первый год давали на подготовку жилья и строительной базы. Вот сейчас хорошие специалисты бегут из Нефтеюганска из-за отсутствия жилья. От Филимонова уже сбежали две буровые бригады в полном составе...» [12, С. 202].

Документы тюменских архивов свидетельствуют, что в 1965–66 гг. местное руководство прямо обвиняло ведомства в неудовлетворительном строительстве и вводе в эксплуатацию жилья и объектов социально-культурного и бытового назначения, плохом освоении отпускаемых для этих целей денежных средств, нежелании включать в титульные списки по строительству объекты, предусмотренные постановлениями обкома КПСС и облисполкома [22, С. 38]. По мнению последних, неудовлетворительное положение дел в строительстве жилья, социально-культурных учреждений и бытовых объектов в системе Главтюменнефтегаза объяснялось «отсутствием должной заботы у руководства о создании необходимых условий для рабочих» [21, С. 103]. Советская власть Тюмени критиковала позицию представителей структур Миннефтепрома СССР в Тюменской области за то, что те «выработали свою, незаконную и вредную

«теорию», согласно которой строительство объектов соцкультбыта, водопровода, канализации и благоустройства является якобы делом местных Советов» [21, С. 103]. В июне 1968 г. Тюменский обком КПСС предупредил руководителей главков В.И. Муравленко и А.С. Барсукова об их персональной ответственности за невыполнение планов соцкультбытового строительства [21, С. 103].

Было бы правильно все жилищно-бытовое и культурное строительство сосредоточить в руках местных органов советской власти, однако загвоздка была в том, что местные Советы по существу не имели никакой власти: всё решали начальники главков, трестов, управлений, не согласуя своих действий с советскими органами. Потому что реальная власть была у тех, кто распоряжался финансовыми и материально-техническими ресурсами, а местные советы на фоне главков в этом смысле выглядели очень сиротливо. В то же время руководители Тюменского облисполкома категорически возражали против выдвигаемой нефтяниками идеи о передаче решения социальных вопросов исполнительным органам советской власти. Аргумент простой – никаких объектов сферы жизнеобеспечения людей к началу добычи нефти построено не было. Поэтому во всех поселениях создание и содержание социальной сферы легло на плечи нефтяников и газовиков.

Трагедий, обусловленных негласным девизом освоения Тюменского Севера «нефть и газ – любой ценой!» было много. Статистика потерь не велась, но нужно помнить, что «цена нефти, особенно на первых порах, была оплачена в том числе и кровью» [15, С. 168]. Самодельные печки-временки, «козлы», электроплитки в типовых щитовых домах, годных для средней полосы, но не для Севера, приводили к частым пожарам. В них нередко гибли дети, остававшиеся в рабочее время без присмотра взрослых, так как детсадов и яслей на Севере тоже катастрофически не хватало [5, С. 65].

Жизнь и работа по «временной схеме» приводила к человеческим жертвам и в быту, и на производстве. 13 августа 1973 г. на центральном товарном парке (ЦТП) нефтегазодобывающего управления (НГДУ) «Нишневартовскнефть» произошел взрыв. Погибли 13 человек. Авария произошла из-за того, что ЦТП, спешно сооруженный и сданный по временной схеме в 1969 г., не отвечал необходимым пожарным требованиям [6, С. 84]. Как вспоминал ветеран предприятия Михаил Иванович Марков, на суде, который проходил в Тюмени, прокурор обвинил его, начальника южного узла товарного парка: «Вы подвергали людей опасности», на что Марков, по его словам, ответил: «Я никого не подвергал. Подвергали меня вместе с рабочими» – «Кто?» – «Все. Начиная от начальника главка и кончая министром» [15, С. 168].

Потеряли человека – потеряли всё

Через 20 с лишним лет после начала промышленного освоения месторождений в ЗСНГК было 14 новых городов. В 8 из них к середине 1980-х гг. не было ни одного кинотеатра. Жители городов лишь наполовину (где-то чуть больше, где-то чуть меньше) были обеспечены столовыми, больницами, поликлиниками, яслями и детсадами, десятки тысяч человек ютились с семьями в балках и временках. ЖКХ, транспортная система, культурно-бытовая сфера, здравоохранение, словом вся та социальная инфраструктура, которая и превращает населенный пункт в город как таковой, по-прежнему находилась в неудовлетворительном состоянии: горожане Тюменского Севера уступали жителям городов центральных районов страны почти по всем показателям качества жизни.

Ведомства зачастую рассматривали города только как дорогое приложение к нефте- и газопромыслам, вкладывая в городское строительство лишь десятую часть от общего объема затрат на освоение крупных месторождений [1, С. 115]. Поэтому населенные пункты, которые формировались вокруг нефтегазовых промыслов, долго оставались городами лишь по названию, а не по сути. Чаще всего они являли собой бесформенный конгломерат поселков, состоящих из землянок, вагончиков, бараков, общежитий, среди которых возвышались островки капитальных домов низкой комфортности.

Пренебрежение государства к людям сказалось как на качестве жизни населения нефтегазодобывающих районов, так, в итоге, и на решении производственных задач. Кризис в развитии ведущих отраслей индустрии региона, наступивший со второй половины 1970-х годов, подтвердил незыблемость закона: «Потеряешь человека – потеряешь всё».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960-80-е годы) // Отечественная история. 2003. № 5. С. 111-118.
2. Ганопольский М.Г., Литенкова С.П. Структура расселения Тюменской области: особенности генезиса и перспективы развития // Известия РАН. Серия географическая. 2005. № 3. С. 56-62.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГА-СПИТО). Ф. 124. Оп. 1. Д. 4506.
4. Долголюк А.А. Опыт стабилизации строительных коллективов районов нового освоения Сибири в 1950-1980-х гг. // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири: сб. науч. тр. Вып. 2. Новосибирск, 2007. С. 126-149.
5. Карпов В.П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. 184 с.

6. Карпов В.П. Советский человек в пространстве Тюменского нефтегазового Севера // Горные ведомости. 2012. № 10. С. 74-90.
7. Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В., Тимошенко А.И. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта. Тюмень: Вектор Бук, 2011. 260 с.
8. Карпов В.П., Стась И.Н. Нефтегазовый рисунок урбанизации Тюменского Севера // Горные ведомости. 2014, № 5 (120). С. 84-97.
9. Кирилук Д.В. Проблема здоровья школьников Сургутского района в 1960-е гг. // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Тюменской области (21-23 мая 2009 г.). Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2009. С. 267-271.
10. Кирилук Д.В. Социально-бытовые условия работы учителей Ханты-Мансийского округа в 1960 – 1970-е гг. // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: материалы Всероссийской научной конференции, 17-18 ноября 2010 года. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. С. 151-156.
11. Комгорт М.В. 1964 год: начало нефтяной истории Тюмени // Горные ведомости. 2009. № 6. С. 88-91.
12. Лагунов К.Я. Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 7. С. 197-218.
13. Лагунов К.Я. После нас... // Наш современник. 1989. № 5. С. 95-115.
14. Майданов В.С. Исповедь идеалиста: Книга первая. Тюмень: ТюмГУ, 2007. 236 с.
15. Патранова В.В. Тревожные ночи Самотлора // Западная Сибирь: история поиска. 1940-1975 годы. М: ИД «Зимородок», 2007. С. 161-168.
16. Прищепа А.И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века // Отечественная история. 2007. № 2. С. 95-100.
17. Прищепа А.И. Пять занимательных эпизодов из истории строительства города Сургута // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 138-142.
18. Рафикова С.А. Повседневная культурная жизнь рабочей семьи в Западной Сибири в 1960-е гг. // Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX – XXI вв.). Новосибирск, 2007. С. 115-142.
19. Редикульцев В. Трудное лето 1964 года // Кристалл. 2007. № 3(15). С. 8-12.
20. Стась И.Н. Сургут: образы и пространства «нефтяного города» // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 18-27. Режим доступа: <http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/62>.
21. Стась И.Н. Борьба интересов в градостроительном освоении нефтедобывающих районов Западной Сибири (1960 – 1970-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 102-105.
22. Стась И.Н. Рождение нефтяных городов Ханты-Мансийского округа в период нефтегазового освоения Тюменской области // Архитектура и строительство России. 2013. № 6. С. 30-40.
23. Тепляков Е.А. «Вот такую тяжелую первую зиму пережили...» // Кристалл. 2011. № 3-4 (27-28). С. 20-21.
24. Тюменская правда. 1970.13.01.
25. Фатеев А. Как ликвидировать бараки // Тюменские известия. 2011.07.12. С. 3.
26. Чирсков В.Г. Уроки Щербины: секретарь обкома, министр Миннефтегазостроя СССР, заместитель Председателя Совета Министров СССР. М., 1999. 237 с.
27. Чурилов Л.Д. Кровеносная система империи. Личный взгляд на историю взлета и падения советской нефтяной промышленности. Нью-Йорк, 1996. 207 с.
28. Эскина Н. Будни и праздники Усть-Балыкской экспедиции // Западная Сибирь: история поиска. 1940-1975 годы. М: ИД «Зимородок», 2007. С. 136-141.
29. Шорохова И.И. Борьба с инфекционными заболеваниями в Тюменской области в 1960-70-е годы // Проблемы модернизации сибирского Севера: сб. науч. тр. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. С. 76-86.

* * * * *

УДК 94(47).084.9

Мантикова Эльмира Курмангазиевна

ассистент

Сургутский государственный университет

г. Сургут

ehmantikova@yandex.ru

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО МИНЭНЕРГО СССР В ГОРОДАХ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1965–1990 гг.)

В статье рассматривается процесс развития электроэнергетики Тюменской области в ходе ее промышленного освоения, осуществление которого было невозможно без решения строительства городского жилья для работников отрасли.

Ключевые слова: Министерство энергетики и электрификации СССР, промышленное освоение, жилищный вопрос, урбанизация.

Mantikova Elmira Kurmangasieva

teaching assistant

Surgut State University

Surgut

ehmantikova@yandex.ru

HOUSING BUILDING OF THE USSR MINISTRY OF ENERGY IN THE CITIES OF TYUMEN REGION (1965–1990)

The article examines the process of developing of electrical energetics of Tyumen Region in the process of its industrial developing realization which was impossible without of decision of housing building for the employees of the branch.

Keywords: The Ministry of energy and electrification of the USSR, industrial development, housing building, urbanization.

Важную роль в стране Советов играли лозунги. Коротко и четко сформулированные фразы отражали ту возвышенно-торжественную тональность, которая культивировалась партийным-государственным руководством в обществе. Лозунги касались всех сторон жизни. Одним из них был: «Все во имя человека, все для блага человека». Он включал в себя такие аспекты, как обеспечение населения жильем, товарами, различными услугами. Лозунги подтверждались информа-

цией о том, что жилищный фонд страны в середине 1980-х гг. удвоился и составлял 4 млрд. кв. м. общей площади, а 80% городского населения живет в отдельных квартирах [5, Л. 49]. В Постановлении ЦК КПСС «Об основных направлениях решения жилищной проблемы в стране» ставилась задача обеспечения к 2000 г. каждой семьи отдельной квартирой или домом [5, Л. 49]. Между тем, задачи по решению жилищного вопроса в районах нового промышленного освоения (РНПО), в частности, в Тюменской области решались гораздо сложнее, чем в старопромышленных районах страны.

После открытия в середине 1960-х гг. крупнейших месторождений нефти на сибирском севере проявились перспективы развития нефтяной Тюмени. XXIII съезд КПСС поставил задачу довести здесь добычу нефти к 1970 г. до 120–125 млн. т., соответственно ежегодный прирост должен был составлять свыше 20 млн. т. [12, С. 131]. Для обеспечения высоких темпов добычи требовалось решить целый ряд задач, прежде всего в строительстве местных электростанций и теплоэлектроцентралей. Учитывая практическое отсутствие в регионе кадров в электроэнергетической отрасли, их набор осуществлялся за пределами области. Приезжих работников нужно было обеспечить жильем, которого катастрофически не хватало. В академической среде начались споры о целесообразности и наиболее приемлемых методах заселения РНПО. Этим вопросом занимались академики Н.Н. Некрасов, А.А. Трофимук, Р.З. Сагдеев, А.Г. Аганбегян, Е.П. Велихов и др. [21, С. 186]. Во второй половине 1960-х гг. в Тюмени состоялись три научно-практических конференции, посвященных актуальным вопросам промышленного и социального освоения Севера Западной Сибири [21, С. 186]. В частности, на них решалось каким образом осуществлять систему расселения прибывающих работников.

Одним из предложений решения жилищного вопроса был вахтовый метод работы в РНПО, который категорически отвергался Минэнерго СССР в связи с нецелесообразностью и спецификой работы. Оно настаивало на возведении объектов гражданского строительства для постоянного проживания своих работников. Энергетики планировали поселиться в районе основного производства в современных благоустроенных городах (поселках) со всей необходимой инфраструктурой. Постановка вопроса была не случайной – местные хозяйственные и партийные руководители отмечали кадровые проблемы, не позволяющие выполнить производственные показатели девятой пятилетки. Развитая инфраструктура городов должна была привлечь в регион кадры и остановить их высокую текучесть. Последние исследования историков показывают, что Тюменский обком и облисполком изначально при расселении рабочих в регионе ратовали за капитальное строительство и первоочередное возведе-

ние социально-культурной базы в создаваемых городах [16, С. 103]. Мнение местных руководителей было поддержано энергетиками, а к концу 1960-х гг. и руководством партии и страны. В 1969 г. в совместном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» указывалось на то, что строительство жилых домов, объектов коммунального и культурно-бытового назначения необходимо вести с обеспечением максимального благоустройства в крупных городах [10, С. 131]. Такими городами становились Сургут, Нижневартовск, Урай и Нефтеюганск – в Ханты-Мансийском округе, а Надым и Новый Уренгой – в Ямало-Ненецком округе. В тех городах, где формировались отрасли электроэнергетики (Сургут, Нижневартовск, Новый Уренгой), Минэнерго СССР обладало значительной ролью в жилищном строительстве.

Но массовое жилищное строительство в Тюменской области с самого начала было затруднено из-за отсутствия строительных норм и правил жилья в регионах со сложными природно-климатическими условиями. В мировой практике строительства отсутствовали нормы и правила для проектирования и строительства на болотах при очень низких температурах и высокой влажности. Поэтому в 1968 г. в г. Тюмень были приглашены известные проектировщики, ученые, инженеры-строители Советского Союза с целью разработки «Временных норм и правил». Весной 1968 г. они были утверждены. Это позволило начать массовое строительство жилья для работников всех отраслей Тюменской области. Однако, в ходе строительства нормы приходилось пересматривать [9, С. 192].

Обеспечение жильем стало весомым аргументом в борьбе с текучестью кадров. На практике этот процесс выглядел следующим образом: с первых дней трудоустройства в энергетической отрасли Тюменской области работник становился в очередь на получение жилья или на расширение жилищной площади. Первые энергостроители в начале проведения проектно-изыскательских работ по выбору и первичной подготовки площадки под строительство объекта электроэнергетики были вынуждены самостоятельно решать проблемы обустройства необжитой территории. Так, в летний период жили в палатках и землянках. Администрация строящегося объекта энергетики принимала необходимые меры по обеспечению нуждающихся работников жильем. В первую очередь комнаты в общежитиях предоставлялись молодым не семейным специалистам [2, Л. 4]. Например, весной 1968 г. руководством Сургутской ГРЭС было организовано общежитие на 80 человек. Еще одним из способов решения жилищной проблемы выступала аренда жилья у местного населения [14, С. 54-95].

В целом схема распределения жилья выглядела таким образом: новопринятых работников изначально заселяли в жилье временного назначения – балки, вагон-дома, а затем в общежитие или квартиру с подселением, персональную квартиру.

В конце 1960-х гг. достаточно быстро был построен микрорайон каркасных балков энергостроителей Сургута. Именно балок стал первым видом жилья в Тюменской области для энергостроителей. Многие первые переселенцы жили в наспех сколоченных вагончиках, продуваемых зимой и затопляемых весной. Однако работники Сургутский ГРЭС считают ее достоянием истории, т.к. начальник строительства Сургутский ГРЭС И.Н. Каролинский, сторонник идеи строительства сначала объектов социально-бытового назначения, а лишь затем объектов промышленного назначения, смог сделать эстетически привлекательным и пригодным для проживания микрорайон из временных деревянных домиков [8, С. 157]. Архивные фотодокументы свидетельствуют о благоустройстве этого микрорайона города [3]. Параллельно со строительством балков для размещения работников занятых на строительстве энергетических объектов в Западной Сибири завозились вагоны-дома типа «Полярный». Особенно большое применение они получили в ходе строительства Нижневартовской и Уренгойской ГРЭС [1, Л. 5]. Надо заметить, что энергостроители в период промышленного освоения исследуемой территории не возводили индивидуальных жилых домов для отдельной семьи.

Жилищное строительство для энергостроителей Тюменской области можно назвать пионерным, так как только в середине 1970-х гг. стали определяться основные принципы и характер застройки городов и поселков, их внутреннего деления на микрорайоны. Воспоминания первого главного инженера проекта Сургутской ГРЭС и заместителя директора Сургутских ГРЭС по капитальному строительству А.Ф. Нечушкина позволяют проследить особенности строительства на примере застройки Сургута: «В 1964–1967 гг. генеральных планов застройки города Сургута еще не было, и Новый город намечалось разместить в районе Белого Яра, за железнодорожным вокзалом. Такое размещение было неудобным для энергетиков. Им было удобнее расположить свой район домов рядом со старым поселением Сургута, которое было известно в народе как «Колхозное поле» [20].

До ввода Сургутской ГРЭС ее руководство начало создание социально-бытовой инфраструктуры строительства. В течение 1968–1971 гг. одновременно со строительством электростанции возводился комплекс жилых зданий, котельная, детсады, школы, магазины, больницы и т.д. В мае 1968 г. под руководством заместителя начальника производственного отдела В.А. Белогорохова была сдела-

на привязка к местности первого крупнопанельного дома в создаваемом микрорайоне энергетиков, а месяцем позже – кирпичного здания школы [8, С. 156]. Уже в середине 1960-х гг. в ходе Тюменской области началось проектирование типового капитального домостроения, за которое ратовало руководство Тюменской области и Минэнерго СССР. В итоге Совет Министров РСФСР постановлением от 30.11.1971 г. утвердил для г. Сургута строительство крупнопанельных жилых домов серии «ЛенЗНИИЭП» [2, Л. 57]. Но еще до его издания, в апреле 1970 г. для энергетиков был сдан в эксплуатацию первый крупнопанельный дом. В нем справили новоселье 119 семей [13]. Доля участия предприятий электроэнергетики в развитии социальной инфраструктуры Сургута была достаточно высока. Это подтверждается годовыми планами и отчетами отдела кадров ГРЭС. За период с 1968 по 1972 г. работники предприятия получили 209 квартир в капитальных домах, в общежитии проживало около 300 энергетиков. На 1 января 1973 г. в списке очередности стояло 396 работников, не имевших жилья [2, Л. 9].

Для осуществления целевой программы ЖКХ в 1972 г. появился отдел капитального строительства при Сургутской ГРЭС, который занимался возведением объектов социального назначения. Нужно отметить, что строительство жилых объектов и главных объектов электростанции вначале велось одним строительным участком № 1. Затем, с увеличением объема работ, на базе первого строительного участка был создан строительный участок № 2, специализировавшийся на гражданском строительстве [11, С. 216].

Таковыми же быстрыми темпами шло строительство домов для работников второй Сургутской ГРЭС. Только в четвертом квартале 1986 г. для обеспечения жильем кадров Сургутской ГРЭС-2 было построено 10 тыс. кв. м. жилой площади [19, С. 14].

Для строителей и работников еще одной северной электростанции возводились дома первоначально в г. Нижневартовске, а впоследствии в поселке Излучинске, что располагался вблизи города. В соответствии с правительственными документами обеспечение электрической энергией процесс добычи нефти и газа на Самотлорском месторождении планировалось за счет строительства Нижневартовской ГРЭС. Место для строительства электростанции и посёлка энергетиков Излучинска было выбрано на правом берегу реки Вах. Из-за болотистой местности строительную площадку пришлось поднять на 3–4 метра, что потребовало перемещения более 30 млн. тонн песка.

В начале ноября 1983 г. на месте расположения поселка Излучинск начался монтаж первых блоков «финских» домов временного жилья, а капитальные дома было решено строить потом. Министер-

ство энергетики и электрификации СССР закупило для строительства финские комплектные конструкции на 1000 человек. Намыв грунта для первых жилых домов начался в 1984 г. Первым начальником участка по застройке жилья стал И.В. Чопей. Гидронамыв шел интенсивно, разрабатывался подход к карьере Окуневый. Основной грунт брали из речного Виховского карьера. На строительстве одновременно работало четыре земснаряда. Благодаря их слаженной деятельности намыв под электростанцию, жилой поселок и школу был осуществлен в 1985 г. Параллельно с гидронамывом шли работы по строительству домов на сваях [6, Л. 32-33]. Но, в сентябре 1985 г., после бурных дискуссий о возможности возведения поселка энергетиков рядом с Нижневартовской ГРЭС, была забита первая свая первого капитального дома. В этот же год заместителем директора Нижневартовской ГРЭС по капитальному строительству был назначен бывший директор Тобольской ТЭЦ А.Е. Кудрявцев, сыгравший огромную роль в развертывании строительства жилпоселка и объектов станции [18]. Благодаря его личным качествам 26 июня 1986 г. Тюменский облисполком решением № 200 зарегистрировал и включил в учетные данные поселок, возникший на территории Вампугольского сельсовета Нижневартовского района при строящейся Нижневартовской ГРЭС и получивший название Излучинск.

На Ямале энергетики тоже внесли вклад в становление жилищного пространства городов. В 1988 г. для работников Уренгойской ГРЭС был возведен небольшой поселок п. Тихий (п. Лимбяха). Жилой фонд посёлка энергостроителей составил 15 тыс. кв. м. [1, Л. 110].

Опорными городами при расселении работников в нефтегазодобывающих районах выступали Тюмень и Тобольск, которые также являлись энергетическими центрами региона. Энергетики в них интенсивно вели жилищное строительство. В разные годы для коллектива предприятия Тюменской ТЭЦ-1 были построены 40 многоквартирных жилых домов по улицам Рижской, Котовского, Республики, Одесской [8, С. 168-169]. Работники Тюменской ТЭЦ-2 получили жилье в Восточном микрорайоне и районе Войновка, расположенные вблизи станции.

Для сотрудников Тобольской ТЭЦ были построены жилые микрорайоны в г. Тобольске и п. Сузгун. С начала строительства Тобольской ТЭЦ были введены в эксплуатацию 1-я и 2-я очереди поселка на 120 домов и общежитие на 406 мест в поселке Сузгун [15, С. 58]. Весной 1878 г. на техническом совещании управления строительства Тобольской ТЭЦ при управляющем треста «Запсибэнергострой» по вопросу строительства жилья и соцкультбыта в 1978–1979 гг. было принято решение о строительстве еще 13 до-

мов типа СКДх2. В июле 1978 г. были выданы рабочие чертежи для строительства 90-квартирного жилого дома серии ЭЖИП-5-90 ЭС. Через 2,5 года дома были сданы в эксплуатацию [15, С. 51].

Реализация программы жилищного строительства была сопряжена со значительными трудностями. Так, в п. Сузгун строительством жилья занимался трест «Запсибэнергострой», а в г. Тобольске генеральным проектировщиком по строительству жилья для энергетиков выступал институт ЦНИИПградостроительства Москвы – это вызывало межведомственные споры и приводило к затягиванию сроков строительства. План по проектно-изыскательским работам гражданского назначения постоянно не выполнялся. В 1978 г. он был выполнен на 78,6%. Причинами невыполнения были сжатые сроки разработки проектов строительства домов и отсутствие строительных материалов. Кроме того, генеральный проектировщик находился далеко от места строительства и слабо представлял специфику РНПО. Серьезным недостатком и причиной невыполнения плана стало отсутствие опыта проектирования северных городов: в конце 1970-х гг. генподрядчик построил дома серии 111-112-5М, запрещенных в зоне, к которой относится г. Тобольск. И только с разрешения Госстроя СССР Управление строительства Тобольской ТЭЦ смогло на короткое время заселить своих рабочих. Неоднократно Управление строительства и Дирекция Тобольской ТЭЦ жаловались директору института «Тюменьгражданпроект», в промышленный отдел Тюменского обкома КПСС и Тобольский горком КПСС о невыполнении обязательств московским институтом [15, С. 50].

Подобные ситуации случались часто, потому что строительство промышленных сооружений и соцкультбыта было возложено на организации более 30 министерств и ведомств. Развитие каждого города определялось самими предприятиями и ведомствами, которые одновременно являлись заказчиками и застройщиками городской территории. Особенно заметно ведомственный характер застройки проявился при строительстве Сургута, в сооружении которого принимали участие 8 крупнейших министерств. В Сургуте практически не существовало единого городского поселения, город был разбит на поселки геологов, нефтяников, строителей, и в том числе энергетиков. Сооружение гражданских объектов осуществлялось с серьезными нарушениями градостроительных и санитарных норм. В результате в историографии были выделены категории «города-ведомства», застраиваемые методом «хуторского» хозяйства [4, С. 243], и «ведомственные города» [17]. Ведомственный характер строительства проявлялся даже в обеспечении строительными материалами. Например, Госпланом СССР выделялось Минэнерго СССР объединению «Союззапсибэнергострой» для размещения работников занятых на

строительстве энергетических объектов в Западной Сибири в 1982 г 12 млн. штук строительного кирпича, 152 тыс. куб. м. гранитного щебня и 25 тыс. куб. м. керамзитового гравия. Обеспечение нерудными строительными материалами шло на строительные площадки энергетиков с Северского камнещебеночного завода Минэнерго СССР с Северского месторождения гранодиаритов [1, Л. 5].

При застройке новых городов вырубались лесные массивы, территория жилых микрорайонов не благоустраивалась. Самым слабым местом в градостроительстве была инженерная подготовка территории и коммунальное обслуживание. Исключением была застройка микрорайона энергетиков в Сургуте. В отличие от других ведомств, которые концентрировались на деревянном и временном жилье, особенностью жилищного строительства Минэнерго СССР было возведение в первую очередь многоквартирных домов для постоянного проживания, что значительно сэкономило средства министерства и было решающим фактором в решении кадровых проблем. В период 1986-1990-е гг. для работников Минэнерго СССР в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе планировалось вести 1362 тыс. кв. м. Только силами самого министерства планировалось построить объекты гражданского назначения 1347 тыс. кв. м. [1, Л. 74]. Так, годовой ввод жилья Тюменьэнерго в 1988 г. достиг 185 тыс. кв. метров, а со времени образования энергосистемы было построено более 1,3 млн. кв. м. с благоустроенными дворами. Еще одной положительной особенностью в решении жилищного вопроса Минэнерго СССР было то, что в силу своей немногочисленности работники энергетической отрасли получали жилье быстрее, чем в других отраслях Тюменской области. Строительство объектов социального назначения для энергетиков в Тюменской области вели организации Минэнерго СССР Союззапсибэнергострой, Союзатомэнергопромстрой, Куйбышевгидрострой, Союзэнергожилстрой, Братскгэсстрой, Союззапсибэнерго, Кемгэсэнергострой [1, Л. 74].

Но, несмотря на все положительную динамику и масштаб строительства объектов гражданского назначения за период 1968-1990 гг., нужно заметить, что были и отрицательные моменты в решении изучаемой проблемы. Во-первых, планы ввода жилья Минэнерго СССР в Тюменской области не выполнялись в указанные сроки из-а ряда причин, таких как недостаточность мощности местной строительной индустрии, кадровый дефицит, несвоевременная обеспеченность проектно-сметной документацией и строительными материалами, финансированием [5, Л. 51-52].

Во-вторых, при наличии в квартирах жизненно-необходимые условия – водопровода с холодной и горячей водой, канализации, ванной комнаты, электроснабжения, кладовых помещений, – жиль-

цы все же отмечали недостатки проектирования и строительства домов. К ним относились перебои системы отопления, небольшие размеры жилой площади, плохая звуко- и теплоизоляция стен.

В-третьих, отставание решения проблем социального характера среди энергостроителей. С развитием оборотов электроэнергетического численность строителей и эксплуатационного состава постоянно росла, за которыми следовали их семьи, следовательно возрастала потребность в увеличении объемов строительства социально-бытового и культурного характера. Так, на 1 января 1986 г. жилой фонд нижевартовских энергостроителей насчитывал 11,6 тыс. кв. м. Учитывая, что в 1988 г. при вводе 1-го энергоблока численность энергостроителей Нижневартовской ГРЭС должна была достигнуть 15000 чел., возникала острая необходимость за период 1986–1988 гг. срочного введения 405 тыс. кв. м жилой площади. При этом часть из этого фонда отчислялась горисполкому и эксплуатационным кадрам электростанции [5, Л. 50]. Но, архивные материалы показывают, что с самого начала строительства Нижневартовской и Уренгойской ГРЭС, т.е. с 1986 г. план строительно-монтажных работ по строительству объектов жилищно-гражданского назначения не выполнялся в полном объеме, что впоследствии привело к острому кадровому дефициту и частичному внедрению вахтового метода привлечения строителей [1, Л. 107]. По мнению самих энергостроителей, только в одном Сургуте социальная программа не выполнялась даже на 50% в 1967–1990 гг. из-за двух причин: отсутствия сильной личности, умеющей отстаивать интересы отрасли, а также в «погоне за блоками» строители упустили объекты социального характера [8, С. 157].

В-четвертых, руководство страны все-таки согласилась с идеями промышленного освоения региона таких специалистов, как И.Н. Каролинский о том, что для создания стабильных коллективов и закрепления кадров непосредственно на производстве строительство жилья и объектов социально-бытовой инфраструктуры вестись не только одновременно с сооружением промышленных объектов, а с опережением. Кроме того, оно рекомендовало увеличение доли капиталовложений на развитие непромышленной сферы в XI пятилетке с 11 до 15%, а в XII пятилетке до 17% с целью обеспечения населения жильем по норме 15 кв. м. на одного человека. Важно заметить, что если в первые годы электроэнергетического освоения края жилищная проблема заключалась в том, чтобы хоть куда-нибудь заселить приезжего работника, то постепенно, она стала осложняться соблюдением санитарно-гигиенических норм. Это связано с нехваткой мест в общежитиях, маленькой квадратурой квартир и с ростом численности населения. Средняя

площадь жилья на человека колебалась в 1970–1990 гг. от 5 до 17 кв. м. Однако, норматив брался исходя из жилого фонда, под которым подразумевались площади социально-культурного и хозяйственного назначения, а не от общей площади здания. Таким образом, на практике обеспеченность жилой площадью пригодной для проживания человека была гораздо ниже, чем та о которой упоминается в архивных источниках [7, Л. 24].

В-пятых, в конце 1980-х гг. отмечается рост социальной напряженности в маленьких населенных пунктах энергостроителей. Это было связано с тем, что фонд временного жилья стал приходить в абсолютно непригодное состояние, а в очереди на получение или улучшение жилья не сокращались. Особенно эта картина ярко была представлена в пригородных поселках Сургута Кедровом и Лунном, которые были похожи на трущобы из вагончиков и балков, отапливаемые печками-буржуйками, «козлами». Зачастую они нарушали нормы пожарной безопасности, которые приводили к пожарам. В домах энергостроителей отсутствовали все жизненно-необходимые условия для проживания. С целью улучшения жилищно-бытовых условий работники отрасли самовольно сносили непригодные балки для проживания и на их месте возводили новые такого же типа объекты жилья. В начале 1990-х гг. им казалось, что про них совсем забыли, так как в этот период руководство хозяйственного и партийного уровня были озабочены проблемой «сворачивания финансирования» строительства объектов электроэнергетики. Похожая ситуация была и с решением вопроса с переселения работников отрасли из общежития в капитальное жилье. Предполагалось, что проживание в общежитии будет носить временный краткосрочный характер. Однако на практике проживание в нем затягивалось на несколько лет. Между тем, архивные документы этого времени свидетельствуют об обратном – о том, что городские власти Сургута и Тюменьэнерго контролировали процесс переселения из ветхого жилья семей работников Минэнерго СССР. Они старались сразу же после переселения жильцов балки вагончики сносить, так как в них старались незаконно заселяться новоприбывшие в регион работники.

Таким образом, строительство жилья в городах Тюменской области для энергетиков велось силами Минэнерго СССР, прежде всего, с целью решения кадрового вопроса. В указанный период сложились два направления развития жилищного вопроса: с одной стороны, шел постоянный рост строительства типового капитального строительства Минэнерго СССР, а с другой – временное неблагоустроенное жилье постепенно приходило в негодность, вследствие чего, росла социальная напряженность и начинался процесс вторичного строительства временного неблагоустроенного жилья

на месте ранее снесенных балков и вагончиков. Темпы решения жилищно-бытовых проблем решались гораздо медленнее, так как финансировалось объектов жилищно-гражданского и социально-бытового назначения осуществлялось по остаточному принципу. Основная цель деятельности Минэнерго СССР в Тюменской области было возведение объектов энергетики для увеличения добычи нефти и газа. В связи с вышесказанным можно утверждать, что лозунги «Даешь свет и тепло!», «Мы построим Сургутскую ГРЭС», «Даешь первый!», «Сделаем!», «День пятилетки – вклад в пятилетку», «Шире шаг, рабочая эстафета!», «Даешь третий блок!» отодвинули на задний план известный лозунг 1960-1980-х гг.: «Все во имя человека, все для блага человека!».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел администрации Нижневартовского района (АОАНР). Ф. 65. Оп. 1. Д. 1.
2. Архивный отдел администрации г. Сургута (АОАГС.) Ф. 113. Оп. 1. Д. 28.
3. АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова Оп. 1. Д. 1-420.
4. Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964 – 1985 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. 2002. № 1-2. С. 238-244.
5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 3791. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 242. Д. 151.
7. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 245. Д. 126.
8. Губачев В.Г. 25 лет Сургутской ГРЭС-1 // Тюменская энергосистема. Героические будни созидания: Сб. статей. М., 1998.
9. Донгарян Ш.С. Взгляды на градостроительство на севере Западной Сибири. // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. М., 2004. С. 189-192.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М., 1972.
11. Луцюк И.В. Город энергетиков Сургут создавали энтузиасты // Тюменская энергосистема. Героические будни созидания: Сб. статей. М., 1998.
12. Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966.
13. Нечушкин А.Ф. Подвиг на речке Черной // К победе коммунизма. 1972. 6 января.
14. Прищепа А.И. История Сургута XX век вторая половина. Сургут: Диорит, 2005.
15. Рахвалова А. Энергия стального града. Тюмень, 1995.
16. Стась И.Н. Борьба интересов в градостроительном освоении нефтедобывающих районов Западной Сибири (1960 – 1970-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 102-105.
17. Стась И.Н. Урбанизация как хозяйство: ведомственные города нефтедобывающих районов Западной Сибири (1960-е – 1980-х гг.) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 64-71.
18. Сурин В.Ф. Тюменская ТЭЦ-1 – первенец энергосистемы // Тюменская энергосистема. Героические будни созидания: Сб. статей. М., 1998. С. 189-196.
19. Технический архив филиала ОГК-2 Сургутской ГРЭС-1 г. Сургута. Проектное задание. Том 1. Часть 1.
20. Фонды музея средней общеобразовательной школы № 8 им. А.Н. Сибирцева г. Сургута.
21. Юность комсомольская моя. Из воспоминаний Г.И. Шмалля. // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. М., 2004. С. 185-187.

* * * * *

УДК 373(571.122)(091)

Кириллюк Денис Валериевич
кандидат исторических наук, доцент
заведующий кафедрой истории России
Сургутский государственный университет
г. Сургут
denkik@rambler.ru

«РЫВОК К СОВРЕМЕННОСТИ». ЮГОРСКИЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ

В данной статье исследуются вопросы влияния урбанизации в Югре на разные стороны работы местных школ в 1960–1980-е гг. В работе предпринимается попытка сравнительного анализа материально-технического положения городских и сельских школ региона в указанные годы. Кроме того, изучаются причины, вследствие которых учителя предпочитали работать в школах крупных населенных пунктов округа.

Ключевые слова: городская и сельская школа, приток населения, «перегруженность» школ, «шефская помощь», бытовые проблемы учителей.

Kyrylyuk Denis Valerievich
candidate of historical sciences, associate professor
head of the chair of Russian history
Surgut State University
Surgut
denkik@rambler.ru

«A LEAP FORWARD TO MODERNITY».THE SCHOOLS OF UGRA IN THE CONTEXT OF URBANIZATION

In this article the Ugra urbanization influence on different aspects of local schools work in 1960 -1980 is under study. We try to conduct the comparative analysis of material and technical situation at urban and rural schools of the region in specified years. Besides, the reasons owing to which teachers preferred to work at schools of Khanty-Mansiysk okrug large settlements are the object of investigation.

Keywords: urban and rural schools, the inflow of the population, «congestion» of schools, «the patronage help», household problems of teachers.

Многие столетия Ханты-Мансийский автономный округ находился в тени мировой и российской истории. Главными причинами этому были, конечно же, большая удаленность Югры от основных центров проживания российского населения, суровый климат региона и отсутствие дорог. Вплоть до середины 1960-х гг. населенные пункты края отличались малочисленностью, были плохо связаны между собой и не всегда в полной мере проявляли черты городской жизни.

Именно в таких условиях долгие десятилетия работали общеобразовательные школы Среднего Приобья. С одной стороны, школьная сеть Ханты-Мансийского автономного округа к середине 1960-х гг. была представлена внушительным числом общеобразовательных учреждений. Так, в 1965 г. в округе функционировало 240 школ, в том числе 110 начальных, 106 восьмилетних и 24 средних, в которых обучалось 40107 учащихся [17]. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство имевшихся в регионе школ (90% от всего фонда) относились к начальным и восьмилетним, и были рассчитаны на незначительное число учащихся. Число же средних школ, которые строились, как правило, в крупных населенных пунктах районного значения, составляло соответственно только 10%.

Многие начальные и восьмилетние школы Югры, располагавшиеся преимущественно в сельской местности и в национальных поселках края, были столь малы, что их содержание было чрезвычайно невыгодно для государства. Поэтому, как и в других регионах страны, в течение 1960–1970-х гг. в Ханты-Мансийском автономном округе государственно-партийные власти проводили политику закрытия так называемых «малокомплектных школ» и перевода учащихся в другие, более крупные общеобразовательные учреждения Тюменского Севера.

К началу 1980-х гг. качественные изменения в структуре школьного образования региона стали гораздо более заметными. С одной стороны, на первый взгляд, общее количество школ Югры оставалось практически неизменным. Так, в 1980/81 уч. г. в округе насчитывалось всего 202 школы, то есть даже меньше, чем у истоков нефтегазового освоения края. Число городских школ все еще было меньше, чем сельских (85 учреждений против 117-ти; 42% против 58%). С другой стороны, функциональность данных заведений была уже совершенно иной. Из двухсот двух школ лишь 30 были начальными, 62 – восьмилетними и 100 – средними [11, Л. 3]. Крупные общеобразовательные учреждения составляли, таким образом, почти половину от всех школ.

Более того, из 85-ти городских школ Югры в начале 1980-х гг. шестьдесят две, то есть 73%, относились к средним [11, Л. 3]. Это свидетельствовало о том, что школьная сеть городов Ханты-Мансийского автономного округа была уже в значительной степени представлена новыми зданиями с возможностью ежедневного обучения многих сотен учащихся. Подобные успехи заметно контрастировали с общей ситуацией в сельских школах. Здесь из 117-ти учреждений общего образования лишь 38 школ относились к средним (32,5%), преобладали же восьмилетние школы.

Фактически данные цифры позволяют нам утверждать о том, что урбанизационные процессы на Тюменском Севере уже в 1970-е гг. привели к заметному совершенствованию школьной сети региона и способствовали значительному росту строительства вместительных средних школ в городах. В сельских же поселениях преобладающим явлением по-прежнему были менее крупные школьные объекты. Но и они, под влиянием притока населения в край, постепенно преобразовывались из начальных в восьмилетние образовательные учреждения.

Последующее десятилетие, даже, несмотря на нарастание социально-экономического кризиса в Советском Союзе, оказалось одним из самых успешных периодов развития школьного образования в Югре. Численность школ в крае с 1980 по 1991 гг. выросла с 202-х до 341 учреждения [16, Л. 73], т.е. на 70%! Накануне распада СССР доля средних школ в структуре учреждений общего образования стала в полной мере доминирующей. 229 школ [15, Л. 1] или 67% составляли в 1991 г. именно такие учреждения. Более того, в городах округа эта цифра составляла уже 77%, а в сельской местности стала достигать 49%.

Однако еще более оказалось изменение соотношения городских и сельских школ региона. В 1991 г. городские школы составляли уже 61% от всех общеобразовательных учреждений. Это означало, что почти две трети школьников Ханты-Мансийского автономного округа обучалось именно в городах. Весьма примечательным является тот момент, что в данном случае мы видим в 1980-е гг. равный прогресс в строительстве крупных школ не только в городах, но и в сельской местности Югры, где, как и в городах, за десять последних советских лет количество средних школ почти удвоилось [13, Л. 1].

Чем можно объяснить данные факты? С одной стороны, отчасти это свидетельствовало о тесной хозяйственной и культурной связи формирующихся крупных городов округа с периферией, что и способствовало ее равномерному развитию вместе с ближайшими городами. С другой стороны, гораздо более убедительной выглядит

точка зрения исследователя И.Н. Стася о том, что главную роль в развитии урбанизационных процессов на Тюменском Севере сыграло открытие нефтегазовых месторождений в Югре. Без этого урбанизация на Севере Западной Сибири могла и не состояться [26, С. 156]. Действительно, именно потребности нефтегазовой промышленности округа в значительной степени формировали не только народнохозяйственные планы региона, но и расселение населения, а также задачи и возможности общеобразовательных школ края.

Подобный характер урбанизации в ХМАО породил и многие трудности в обучении югорских школьников. Главная из них заключалась в том, что, начиная с 1960-х гг., округ стал весьма привлекательной территорией для миграции тысяч советских граждан. Ключевым в этом смысле было Постановление Совета Министров СССР от 10 февраля 1960 г. № 148 и Указ от 26 сентября 1967 г., установившие в Югре северную надбавку к заработной плате. С тех пор Ханты-Мансийский округ стал центром притяжения граждан, ехавших сюда в поисках «длинного рубля». Это привело к значительному росту количества детей, подлежащих обучению в школе. Их число было столь велико, что породило проблему «перегруженности» общеобразовательных школ округа.

Уже в начальный период промышленного освоения территории, с 1960 по 1965 гг. в связи с бурным ростом промышленности число учащихся возросло с 21962 до 35700 чел. [5, Л. 20]. В последующие годы эти темпы не только не снизились, но и продолжали нарастать. В 1985 г., к примеру, в школах Югры обучалось уже 157187 человек [1, С. 162], т.е. за 20 лет их число возросло в 5 раз! В конце существования Советского Союза в школах округа и вовсе обучалось уже 244 тыс. учащихся [1, С. 162].

Большой интерес для нас представляют данные о среднем количестве учащихся в школах Ханты-Мансийского округа в рассматриваемый период. В 1975/76 уч. г. на одну школу Среднего Приобья приходилось 446 учащихся, в то время как в РСФСР – 252 чел [30, Л. 3, 21]. Данный факт свидетельствует о том, что окружная общеобразовательная школа работала в трудных условиях, когда численность учащихся в 1,5–2 раза превышала аналогичные показатели в республике. В 1985 г. среднее количество детей в одной школе ХМАО достигло уже 626-ти человек [13, Л. 8], а к 1991 г. – 715-ти [16, Л. 73]. Не случайно, в 1988 г. местные партийные органы с тревогой отмечали, что уже «38 процентов школ занимаются в две смены, более 6,5 тысяч учащихся – в третью» [7, Л. 16]. Стихийный характер переезда людей в Среднее Приобье лишал местные власти возможности хоть как-то спланировать заранее потребности школ региона в новых учебных площадях, учебниках и т.д.

Особенности югорской урбанизации проявлялись и в вопросах материально-технического обеспечения местных общеобразовательных учреждений. Советское государство, не имея достаточных средств для обеспечения школ всем необходимым, многие десятилетия развивало практику перекалывания части ответственности за судьбы школы на местные хозяйственные организации. Чаще всего это осуществлялось в рамках так называемой «шефской помощи». Проблема заключалась в том, что вплоть до середины 1960-х гг., до появления в округе нефтегазодобывающих организаций, оказывать эту шефскую помощь могли сельскохозяйственные организации – местные совхозы, лесозаготовительные предприятия, либо учреждения рыбной промышленности.

Материально-техническое положение этих предприятий нередко было таким, что они с трудом решали даже собственные профессиональные задачи, в свете чего оказание реальной помощи в развитии местных школ было практически невозможным. Так, бывший заместитель председателя Нижневартовского райисполкома Владимир Салмин в своих воспоминаниях отмечал, что такие организации как Нижневартовский коопзверопромхоз, Охтеурский госпромхоз и Нижневартовский рыбозавод «по своей сущности, структуре и бесперспективности ... изначально не могли существенно влиять на текущее и перспективное развитие поселков. Бюджетных денег еле хватало на зарплату и текущее содержание объектов соцкультбыта» [25, С. 10].

В условиях отсутствия электричества, радио, взлетно-посадочных полос для вертолетов, жилья для рабочих и прочих вещей руководители предприятий предпочитали тратить средства на нужды собственных производств. Известен пример Строительного управления №10, которое не только обеспечивало жильем производственников, но одновременно отвечало за своевременный ввод местных учреждений образования. Какую помощь оно могло оказать школе, если даже в сданном жилом доме для конторы бурения люди отказывались жить и бежали! Естественно, что строительство школы отодвигалось на задний план [18, С. 21].

Развитие нефтяной и газовой промышленности в Ханты-Мансийском автономном округе и рост городов края привели к изменениям и в списках шефствующих над школами предприятий. В 1970-е гг., по сравнению с предыдущим десятилетием, постепенно всякая помощь предприятий, не связанных напрямую с добычей, переработкой и транспортировкой природного сырья (совхозы, леспромхозы, строительные управления, рыбартель и т.д.), сокращалась. Решающее значение стали приобретать крупные промышленные предприятия топливно-энергетического комплекса. Наибольшую помощь в

ремонте подшефных учреждений округа оказали тресты «Сургутгазстрой», «Запсибэлектросетьстрой», объединения «Сургутнефтегаз», «Обьнефтегазгеология», дирекция строящихся газопроводов. Шефствующими предприятиями только за 1976-1979 г. построено школ на 1370 мест, отремонтировано 45 школ и интернатов, оборудовано 160 учебных кабинетов. Интересен и тот факт, что в некоторых случаях (к примеру, в Нижневартовском районе) размеры шефской помощи составляли практически половину от расходов на школьное образование со стороны районных властей [25, С. 10].

Благодаря этому заметно изменилось в лучшую сторону инвентарно-техническое оснащение школ Ханты-Мансийского автономного округа. Во второй половине 1970-х гг., не только в крупных городах региона, но и в сельских районах местные партийные комитеты отмечали существенное укрепление материально-технической базы подведомственных школ [9, Л. 46]. Стремительными темпами в городских школах округа развивалась работа по паспортизации учебных кабинетов. Если в 1975 г. таких кабинетов, соответствующих современным требованиям, в округе насчитывались лишь единицы [8, Л. 67], то уже в 1978/79 учебном году только в школах Сургута и района было оборудовано 292 учебных кабинета, проводилась большая работа по их паспортизации. Во всех школах города имелись типовые учебные мастерские и кабинеты обслуживающего труда. Одних наглядных пособий по трудовому обучению было приобретено на сумму 15 тысяч рублей [10, Л. 110].

Наиболее неоднозначно урбанизация в школьной системе Югры проявила себя в кадровых вопросах. В начале 1960-х гг. количество учителей Ханты-Мансийского округа было довольно незначительным. К 1965 году оно составляло 2132 специалиста. Серьезные проблемы наблюдались также и с уровнем квалификации педагогов региона. Более 60% местных учителей не имели высшего образования [23, Л. 1; 24, Л. 17]. Очевидно, что одной из главных причин подобного состояния учительских кадров была общая неразвитость социально-экономической сферы Югры.

В первую очередь это касалось транспортных коммуникаций. Квалифицированный преподаватель в начале промышленного освоения региона не мог добраться в Приобье привычным сегодня способом. Фактически единственным сколько-нибудь надежным видом транспорта для переезда в округ оставался пароход. Однако подобное путешествие было достаточно долгим. Именно таким способом добиралась из Тюмени в Сургут первый заведующий городским отделом образования Зоя Харитоновна Трофимова [29, С. 106].

Лишь в 1970 г. в Сургуте был построен и начал постоянно действовать аэропорт. Наконец, в августе 1975 года из Тюмени в Сургут

прибыли первые пассажирский и грузовые поезда, что, по словам исследовательницы М.А. Авимской, открывало перспективы строительства железнодорожных веток до Нижневартовска и Уренгоя [2, С. 157]. В 1979 г. была достроена ветка Сургут-Нижневартовск. Через четыре года поезда стали ездить уже до Ноябрьска [20, С. 177]. В результате этого, территория Среднего Приобья стала доступной для регулярных миграций населения, в том числе и для переезда в регион педагогических кадров. Если за период с 1965-го по 1980-й гг. ежегодно в округе в среднем становилось на 174 учителя больше, то по окончании строительства железных дорог – с 1980 по 1985 гг. – на 581-го преподавателя школ в год [12, Л. 4; 14, Л. 1; 1, С. 162].

После приезда в округ одной из сложнейших проблем для местных педагогов в рассматриваемый период был вопрос обеспечения их достойным жильем. Активная работа геологов, нефтяников и газовиков в Сургутском и Нижневартовском районах во второй половине 1960-х – 1970-е гг. во многом изменила содержание жилищной проблемы для учителей городских поселений этих территорий. Наиболее заметным данный процесс был в райцентрах. Внешне указанные изменения проявились в выделении в указанное время отдельных – Сургутского и Нижневартовского городских отделов народного образования. На самом же деле, начиная с конца 1960-х гг., все отчетливее стали проявляться различия в жилищной обеспеченности учителей крупных городов и в сельской местности Ханты-Мансийского округа. В городах стало возводиться кирпичное и панельное жилье с большим числом квартир. Благодаря этому освобождались также одноэтажные частные дома.

Поэтому в центрах нефтяной и газовой промышленности вопрос с жильем для учителей решался в зависимости от энергичности и ответственности местных работников районо или гороно. При этом, несмотря на советский принцип равенства, директора школ обустраивались более быстрыми темпами. Так, В.П. Бирюков – директор и завуч Сургутской средней школы в 1960 – 1964 гг. сразу же получил отдельный домик на улице Нагорной, 18, который был предварительно хорошо отремонтирован и побелен, имел русскую печь и плиту [3, С. 83]. Большинству же других учителей с жилищными условиями везло меньше. Как отмечала учитель на пенсии Е.А. Кошкарлова, условия работы учителей были трудными, многие педагоги жили на частных квартирах, ютились с семьями в маленьких комнатухах, готовились к урокам при свете ламп и свечей [19, С. 72].

Что же касается сельской местности, то здесь модернизация социально-бытовых условий учителей шла существенно медленнее. Многие поселки Югры, оказавшиеся вдали от мест проживания

нефтяников и газовиков, не могли в 1960 – 1970-е гг. предоставить учителям капитального жилья. Подтверждением этому служит ситуация в Сургутском, Ханты-Мансийском и Кондинском районах в середине 1960-х гг., десятки учителей в которых никак не могли получить собственное жилье [12, Л. 4]. Схожая картина наблюдалась и в вопросах медицинского, торгового и культурно-бытового обслуживания учительства края. Накануне начала нефтегазодобычи в регионе обеспеченность этими заведениями в округе была повсеместно слабой. Но даже при этом жители райцентров находились в более выгодном положении. Так, известно, что в случае серьезной болезни учителя и школьники Сургутского района отправлялись на лечение в Сургутскую больницу [28, Л. 100].

В течение 1960-х – 1970-е гг. ведущие города округа – Нефтеюганск, Нижневартовск и Сургут – стали еще больше опережать другие территории и по данным показателям. Уже в начале 1960-х гг., например, при прямом участии Сургутской комплексной геологоразведочной экспедиции в Сургуте был построен самый большой детский сад на 45 мест, еще один детсад на 25 мест был построен непосредственно районо. Всего же из 140 мест в детских садах Сургутского района в это время семьдесят – приходилось на райцентр. При этом план перспективной застройки предполагал строительство детских учреждений в Сургуте еще на 50 мест [27, Л. 6]. Выходило, что количество мест в детских садах Сургута фактически равнялось количеству мест в детских садах всех остальных поселений района. В дальнейшем эта тенденция сохранилась.

Всего же, за 15 лет, с 1960 по 1975 гг. количество детсадов и яслей в регионе утроилось, а количество мест в них – увеличилось в 6 раз [22, С. 343]. Данный факт был особенно важным для молодых учителей – девушек, так как позволял высвободить дневное время для работы. Однако речь шла чаще всего именно об улучшении работы городских учителей. Не случайно, в воспоминаниях педагогов Среднего Приобья мы встречаем подтверждение тому, что именно лучшая социальная обустроенность крупных городов стала причиной их переезда туда [21, С. 69-70].

Следствием этого стали не прекращающиеся проблемы с уровнем компетентности педагогов в сельских и национальных школах Ханты-Мансийского округа. В регионе не удавалось долгое время даже обеспечить эти общеобразовательные учреждения квалифицированными и ответственными руководителями. К примеру, в 1962 г. в результате проверки только трех образовательных учреждений: Аганской, Рускинской и Тром-Аганской национальных школ Сургутского района инспектор порекомендовал снять за некомпетентность одного директора школы и одного заведующего

интернатом [28, Л. 71]. К началу 1980-х гг. уровень квалификации учителей в сельской местности Югры по-прежнему был существенно ниже, чем в городах. Из 4737 преподавателей школ на селе 66,9% педагогов имели высшее образование, тогда как в городах эта цифра составляла 78,6% [12, Л. 10-11].

Таким образом, урбанизация на Тюменском Севере в 1960 – 1980-е гг. оказала значительное воздействие на повседневную работу общеобразовательных школ Югры. В первую очередь, это проявилось в стремительном возрастании доли городских школ ХМАО, в структуре которых преобладали новые, средние школы большой вместимости. Наряду с этим, в сельской местности также наблюдался рост сети школ, как и их вместимости, в результате преобразования начальных школ в восьмилетние. Существенно возросла материально-техническая база школ Ханты-Мансийского автономного округа. В значительной степени это было связано с появлением в округе в рассматриваемый период крупных нефтегазодобывающих и энергетических компаний. Именно они, начиная с 1970-х гг., выделяли большие средства на совершенствование работы местных общеобразовательных учреждений.

Стремительное развитие инфраструктуры в регионе (в первую очередь, строительство железных дорог) привело к резкому увеличению притока в край новых учителей из других регионов страны. Это содействовало повышению общего уровня квалификации работников школьного образования Тюменского Севера. С другой стороны, ускоренное развитие нескольких крупных городов округа, таких как Сургут, Нижневартовск и Нефтеюганск, находившихся в центре активной нефтегазодобычи, привело к формированию разрыва в социально-бытовых условиях работы югорских учителей. Возможности более быстрого и качественного решения жилищных вопросов, получения медицинской помощи, культурно-бытового обслуживания привлекали новых учителей преимущественно в эти города, что отразилось на отставании уровня квалификации учителей сельских и национальных школ округа. Это же обстоятельство породило и проблему «перегруженности» городских школ, рост сменности занятий.

В целом, урбанизационные процессы в округе в 1960 – 1980-е гг., вызванные активным промышленным освоением территории, привели к значительной модернизации системы школьного образования Югры. Это проявилось не только в финансово-материальных и кадровых вопросах, но и в содержании учебно-воспитательного процесса (например, необходимости расширения сети вечернего и заочного образования). Даже на современном этапе развития школы ХМАО во многом имеют те же преимущества и недостатки, которые были заложены урбанизацией в 1960-х – 1980-х гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу. (Информационно-статистический сборник). Сургут, 1995.
- Авимская М.А. К вопросу о начальном этапе развития Сургутского отделения Свердловской железной дороги // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: материалы Всероссийской научной конференции, 17-18 ноября 2010 года. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. С. 156-160.
- Бирюков В.П. Сургут. Первые впечатления // Памяти магический кристалл: воспоминания сургутских учителей. Екатеринбург, 2001.
- Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 2119.
- ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2134.
- ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2137.
- ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2766.
- ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 27. Д. 1.
- ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 31. Д. 21.
- ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 33. Д. 18.
- Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1823. Д. 1099.
- ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1104.
- Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 771.
- ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 780.
- ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 889.
- ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1796.
- ГАХМАО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 242-244.
- Гриценко В. Салымский край в истории Югры // Югра. 1999. № 13.
- Кошкарлова Е.А. Милая сердцу профессия // Памяти магический кристалл: воспоминания сургутских учителей. Екатеринбург, 2001.
- Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 г. М., 2002.
- Куйвашева А.Т. Этапы судьбы // Памяти магический кристалл: воспоминания сургутских учителей. Екатеринбург, 2001.
- Народное хозяйство Тюменской области за 60 лет советской власти: статистический сборник Тюмень, 1977.
- Нижневартовский городской архив (НГА). Ф. 29. Оп. 1. Д. 129.
- НГА. Ф. 29. Оп. 1. Д. 155.
- Салмин В. Шефская помощь селу // Югра. 1997. № 3.
- Стась И.Н. Этапы развития системы городского расселения Ханты-Мансийского округа (1960 – 1990-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 156-158.
- Сургутский городской архив (СГА). Ф. 12. Оп. 1. Д. 111.
- СГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 116.
- Трофимова З.Х. Вся жизнь – в труде и поиске // Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей. Выпуск 1. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001.
- Центральный архив Министерства образования Российской Федерации (ЦАМОРОФ). Ф. 2306. Оп. 76. Д. 5027.

* * * * *

УДК 316:1

Касаткина Светлана Сергеевна*кандидат философских наук, доцент**Череповецкий государственный университет**г. Череповец**SvetlanaCH5@rambler.ru*

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВОПРОСОВ РАЗВИТИЯ

Статья представляет взгляд автора на развитие городов Северо-Западного региона России, определяет тенденции их развития и повседневной жизни в социально-философском контексте. Города Европейского Севера состоят из моногородов и малых исторических городов страны. Потенциал их развития зависит от успешного использования ресурсов региона, поиска скрытых потенциалов территорий и рационального ведения городского хозяйства. В работе отмечены достоинства и недостатки текущих вопросов развития городской повседневности северных городов России.

Ключевые слова: города Европейского Севера России, исторические города, моногорода, городской маркетинг, городская повседневность, городская инфраструктура, городское развитие.

Kasatkina Svetlana Sergeevna*candidate of philosophical sciences, associate professor**Cherepovets State University**Cherepovets**SvetlanaCH5@rambler.ru*

THE EVERYDAY LIFE OF TOWNS IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA: THE PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF DEVELOPMENT ISSUES

The article presents the author's view of the development of cities in the Northwest region of Russia, determines trends of their development and daily life in the socio-philosophical context. City of Northern European consist of single-industry towns and small historic towns of the country. The potential for their development depends on the successful use of the region's resources, search for hidden potentials territories and rational management of municipal economy. In the work reported advantages and disadvantages of the current issues of the development of urban everyday life in the Northern towns of Russia.

Keywords: city of the European North of Russia, historical towns, monotowns, city marketing, urban everyday, urban infrastructure, urban development.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01242.

Города Европейского Севера России представляют особую территорию, где российская повседневность выглядит в естественном формате, сохранившем черты традиционного жизнеустройства. Российский северный город как социокультурный феномен является коммуникатором социальных, культурных, геополитических, геоэкономических, информационных связей и отношений, элементом циркумполярной цивилизации [8]. Города Северо-Западного региона наделены особенностями столичной жизни в крупных промышленных центрах и оригинальны самобытностью малых городов, представляющих собой истинную российскую провинцию. В их быте можно увидеть весь комплекс тенденций, характерных городской провинциальной среде России. Исследованию специфики городов Европейского Севера посвящены труды Е.В. Микляевой, А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновского, Р.С. Колокольчиковой, Е.А. Волосниковой, М.В. Корчинской, И.Ф. Ложниковой, А.С. Власова, Г.Н. Элькина и др. В основном исследования авторов носят исторический, социологический, культурологический характер. Философское видение вопроса представлено фрагментарно. Поэтому тема социально-философского взгляда на городскую повседневность Русского Севера является узкой, что формирует ее новизну. Актуальность выбранной тематики подчеркивается тем, что большинство городов страны разрабатывают «стратегии», программы развития. Анализ некоторых социокультурных процессов в городах северных областей России выявит важные аспекты, необходимые при стратегическом планировании развития городских поселений. Задачей работы служит философское осмысление повседневных практик в городах Европейского Севера России.

В дореволюционном периоде сформировалась основная часть городского пространства Европейского Севера, основными центрами которого были Архангельск, Вологда, Петрозаводск. Многочисленные малые города, располагающиеся вокруг них, представляют уникальные исторические центры, которые сыграли большую роль в российской истории. Вельск, Онега, Шенкурск, Каргополь, Холмогоры, Сольвычегодск, Мезень Архангельской губернии; Белозерск, Тотма, Великий Устюг, Устюжна, Череповец, Кириллов, Никольск, Грязовец Вологодской и Новгородской губерний; Кемь, Соловки в Карелии; Кола и Кандалакша в Мурманской земле стали основой развития территории Русского Севера. Данные города привлекают внимание туристов и путешественников своей величием памятников старины. Богатство этих малых городов заключается в особом национальном менталитете, хранящемся в их повседневности, особом укладе жизни.

В XX веке в советские годы наблюдалось быстрое выравнивание социально-экономических параметров северо-западных городов. Глобальная трансформация общества в целом, советская идеология, процессы модернизации и урбанизации привели к тому, что Россия из аграрной страны превратилась в индустриальную державу. В Северо-Западном регионе произошла массовая миграция сельского населения в город. Резкие изменения социума в быту, в мировоззрении искусственно перестроили повседневность не «изнутри», а «извне». Повседневность северного советского города можно представить по описаниям многих современников, по утраченному облику многих районов, построенных в 20–80 гг. XX века в современных городах, по планам их застройки. Количество городов советского периода увеличивалось, так как господствующая индустриализация диктовала появление новых промышленных центров, моногородов, рекреационных центров, спецпоселений. Появились индустриальные города Мурманск, Северодвинск, Сокол, Новодвинск, преобразился Череповец. В городах расширились возможности для развития человека, общества в сфере труда, образования, творчества и досуга. Горожане оказались в более привилегированном положении, так как жизнь в северных деревнях стала сложной. Советская эпоха серьезно изменила городскую повседневность Северо-Западного региона и страны в целом, привнесла индустриальный ритм в жизнь горожан [6].

В XXI веке в провинциальных городах Северо-Запада России модернизация происходит не так интенсивно не только от того, что медиасреда еще туда качественно «не добралась», но и от того, что исчезают многие производственные структуры. Отсутствие финансовых и других ресурсов, выезд наиболее активного и трудоспособного населения из современных северных городов подорвали многие факторы их жизнеобеспечения, усложнили повседневный быт горожан. Возникла потребность нового освоения территорий прежней российской провинции.

Сложные тенденции будущего городов, в том числе Северо-Западного региона, сопряжены с современными процессами во всех сферах жизни. Нельзя не согласиться с выводами Л. Смирнягина о среднесрочных перспективах городской жизни [12]. Рыночные процессы ломают традиционную структуру, порождая расслоение на престижные и бедные жилые кварталы, стимулируют деятельность рейдеров и преступления в сфере городского землепользования. Структурные проблемы XX в. наложили свой отпечаток на качество повседневной жизни городов Северо-Запада России. Целые субъекты Российской Федерации отстали в своем развитии на несколько поколений в сравнении с другими регионами и госу-

дарствами. Во многих городах происходит сокращение коренного населения. Угроза депопуляции серьезно нависла над будущим малых городов. Пьянство, безработица, проблемы загрязнения окружающей среды, недостаточное качество местных медицинских услуг являются повсеместными причинами высокой смертности в современном российском обществе, в том числе городском. Уменьшение людности российских городов негативно сказывается на жизни всех россиян. Общество стратифицируется по материально-экономическим признакам, что влияет на обострение социально-духовных связей и отношений внутри социума.

Городская система России выглядит дисгармонично: она раздроблена, измельчена. Малые города Русского Севера беднеют, «стареют», а промышленные центры непрезентабельно выглядят: нет достойной степени благоустройства, становится меньше уникальных мест, определяющих специфику повседневности конкретного города из-за ветхости строений. «Ощущение провинциальности возникает, в частности, от того, что количество жителей не переходит в особое качество крупного города, хотя, конечно, с мелкими окружающими городками их облик и контрастирует. Такие города производят впечатление поглощенности своими внутренними, узко региональными заботами» [12]. В этом убеждены многие теоретики и практики городских исследований, муниципалитеты, городские обыватели. Понимание задач городского развития, методов и целенаправленной стратегии достижения цели формируется на нескольких уровнях: федеральном и региональном. Четкость, взаимосвязь между уровнями по вопросам социально-экономического характера должна быть обусловлена маркетингом, брендингом территории. «Маркетинг города – это комплекс действий городского сообщества, направленных на выявление и продвижение своих интересов для выполнения конкретных целей и задач социально-экономического развития города. В широком смысле это продвижение интересов города» [1]. Д. Визгалов замечает, что «к городским интересам можно отнести сохранение и увеличение социально-экономического потенциала города; расширение спектра социальных ролей города, а также ценового и профессионального ассортимента рабочих мест; развитие социальной инфраструктуры города; повышение качества городской среды; улучшение социального климата в городе, в том числе повышение уровня безопасности и толерантности; расширение спектра возможностей для творческой самореализации горожан; улучшение экологических параметров города» [1, С. 31]. Многие задачи становятся особо актуальными, так как существующий демографический кризис, нехватка профессиональных кадров подрывают все перспектив-

ные планы развития городов. Поэтому необходимо формировать факторы совершенствования городской среды, компоненты городского имиджа, привлекательную городскую идентичность каждого города, т.е. городской бренд. Успех брендинга городов во многом определяют культурно-образовательные ресурсы среды.

Ключевой проблемой отечественной повседневности является сложная трансформация города от традиционного общества к ситуации коммуникативных, социокультурных и политических вызовов начала XXI века. Примером развития специфики городской повседневности в контексте XXI в. можно назвать тенденции Вологодской области, в которой большинство городов малые, а к типу промышленных городов относятся Вологда, Череповец и Сокол. Социальный портрет региона основан на сочетании социальных преимуществ и социальных проблем. Среди достоинств Вологодской области следует отметить: экспортную специализацию промышленности, обеспечивающую более высокие доходы бюджета региона и населения ведущего промышленного центра региона – г. Череповца; пониженную безработицу в целом по области в докризисный период (до 2009 г.); невысокую дифференциацию населения по доходам; относительно благополучную ситуацию с обеспеченностью первичными услугами здравоохранения, дошкольного воспитания и общего образования. Социальными проблемами Вологодского края стоит признать зависимость экономики региона от одного предприятия; сильнейшую поляризацию пространства – концентрацию населения, экономической активности и доходов в двух крупнейших городах (Вологде и Череповце) и их пригородных зонах на фоне демографической и экономической деградации обширной периферии; отставание по темпам роста денежных доходов населения на этапе экономического роста, усугубленное падением доходов в результате нового кризиса; медленное сокращение уровня бедности; низкую доступность качественных социальных услуг для жителей периферии; проблемы качества жизни населения. На основании отмеченных особенностей напрашивается вывод о роли промышленных городов области как локомотивов модернизации региона. Дисбаланс в развитии промышленных центров и малых городов – одна из неразрешимых тенденций современности. Из 15 городов области – 11 малых, с численностью жителей от 5 до 16 тыс. человек. В области только два средних города: Сокол (немного больше 40 тыс. человек) и Великий Устюг (32 тыс. человек). Среди двух самых крупных городов промышленный Череповец (308 тыс. человек) превосходит областной центр Вологду по численности населения (286 тыс. человек) 10. Двоецентрие – самая яркая черта расселения Вологодской области.

Спецификой жизни Вологды и Череповца можно назвать маргинализацию населения. Промышленные объекты, как перспективные варианты трудоустройства, притягивают население периферии края и стран ближнего зарубежья своими возможностями для жизни. Под влиянием миграционных процессов происходит преобразование пространственных социальных отношений на всех уровнях городской социальной структуры. Однако рост численности населения не сопряжен с технологическим прогрессом, так как мигранты ведут, как правило, потребительский образ жизни на новых территориях. В советское время индустриальный Череповец рос быстрее областной столицы, но в переходный период ситуация изменилась: за годы между переписями 1989 и 2002 гг. население Вологды выросло на 4,5%, а Череповца – почти не изменилось. Вологда оказалась более притягательной для мигрантов, в том числе из северных регионов, хотя ее экономическое положение хуже по сравнению с Череповцом. Областной центр имеет другие преимущества – более низкую стоимость жизни, развитую сферу услуг и привлекательную городскую среду.

Последствия миграционных процессов противоречивы. С одной стороны, это приводит к перераспределению рабочей силы, а с другой – порождает социальные проблемы, которые представлены тремя группами: социальная справедливость, рациональная организация экономической жизни и безопасность [13].

Многие индустриальные центры нашей страны являются моногородами. О.М. Рой отмечает, что моногорода составляют почти 40% всех городов страны, а в них проживает 23% городского населения страны [11]. «По подсчетам Независимого института социальной политики, в нашей стране насчитывается только 150–160 монопрофильных городов с живыми предприятиями. В остальных муниципалитетах, когда-то имевших статус моно, бывшие градообразующие предприятия уже не играют решающей роли в экономике города» [11]. Положение моногородов современной России часто сопряжено с проблемами социально-экономического характера. Многие предприятия носят дотационный характер, что порождает массу проблем в жизни горожан. Череповец на фоне общероссийских кризисных тенденций представляет собой моногород с успешными чертами развития, «прогрессивный моногород». Залогом устойчивого развития Череповца являются активное внедрение бизнеса в жизнь города и основанные на нем новые социокультурные векторы развития.

Некоторые индустриальные центры Северо-Западного региона развиваются за счет градообразующих предприятий и пытаются справиться с экологическим неблагополучием городской повседневности. Череповец – типичный пример отмеченной специфики. Со-

временное общество разрабатывает программу мероприятий, сглаживающих развитие производства и сохранение ключевых позиций жизнеустройства любого города. Эту попытку можно расценивать как элемент эволюции жизни, один из ведущих факторов развития планеты в наше время. Жители индустриального Череповца – социум, на который рассчитана долгосрочная целевая программа «Здоровый город» на 2009–2015 гг., предусматривающая достижение высокого уровня здоровья настоящих и будущих поколений горожан.

Рассмотрев некоторые тенденции индустриальных центров Европейского Севера, можно отметить их первостепенное значение в рейтинге региона. Динамика развития социокультурной среды выражается в социальном самочувствии населения, в его жизнедеятельности. По сравнению с другими городскими поселениями края жители крупнейших городов имеют более благоприятную среду для проживания, являющуюся мощным фактором модернизации региона.

Таким образом, городская повседневность городов Русского Севера сформировалась исторически в условиях сурового климата. Города северной России ориентированы на решение многих проблем жизнеобеспечения, связанных с вопросами продовольственного характера, коммунального хозяйства, с монопрофильностью территорий, с распространением медиаресурсов. Большинство территориальных образований имеют статус малых, исторических городов. Их повседневность традиционна, горожане совмещают городской и сельский уклад жизни, занимаясь земледелием на приусадебных участках. Это можно объяснить посткризисным явлением экономики. Часть городов Северо-Западного региона являются моногородами, базирующимися на предприятиях добывающей или перерабатывающей промышленности. Такие города в контексте мировых экономических кризисов периодически испытывают трудности, балансируя между статусом прогрессивных и депрессивных центров. Наиболее многочисленными являются исторические малые города Русского Севера. В них сохраняется историко-культурный пласт развития общества, социокультурный образ территории, который решает серьезные проблемы патриотического, духовно-нравственного и маркетингового значения северных областей.

В целом Европейский Север России по уровню жизни, качеству городской среды, динамике преобразований выглядит стабильно. Города испытывают общероссийские проблемы, к которым горожане относятся с пониманием и подстраивают свою повседневную жизнь под текущие требования, преодолевая трудности в силу своих возможностей. Приоритетными вопросами развития городской повседневности Европейского Севера России следует назвать оптимизацию городской инфраструктуры в соответствии с потребностями

ми городского населения, развитие туризма с применением инновационных технологий, поиск скрытых социокультурных ресурсов для успешного маркетингового развития, работу по дальнейшей информационной обеспеченности северных городов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Визгалов Д. Брендинг города. М.: Ин-т экономики города, 2011. 160 с.
2. Власов А.С., Элькин Г.Н. Древнерусские города Севера. СПб.: Паритет, 2012. 496 с.
3. Волосникова Е.А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей. Екатеринбург: Гуманит. Ун-т, 2010. 244 с.
4. Дрегалю А.А., Ульяновский В. И. Социология региональных трансформаций: В 2-х тт. Т. 2. Региональный социум 1999-2008: от разочарования к надежде. Монография / А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновский. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. 407 с.
5. Касаткина С.С. Российская городская повседневность в социально-фило-софском контексте. Череповец: ФГБОУ ВПО ЧГУ, 2013. 139 с.
6. Колокольчикова Р.С. Череповец как феномен индустриального города (сер. 1960 – сер. 1980-х гг.). Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2009. 275 с.
7. Корчинская М.В. Социальное пространство монопрофильного города Европейского Севера: проблема гуманизации. Автореферат диссертации на соис. уч. степ. канд. философских. н-к, Архангельск, 2000. 24 с.
8. Ложникова И.Ф. Феномен российского северного города: социокультурные и экологические перспективы развития: Дис. канд. культурол. наук. М., 2008. 136 с.
9. Микляева Е.В. Социокультурные особенности трансформационных процессов в монопрофильном городе (на материалах социологических исследований Архангельской области). Автореферат диссертации на соис. уч. степ. канд.социологич. н-к, Архангельск, 2008. 24 с.
10. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. Федеральная служба государственной статистики. // Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b06_14t/lssWWW.exe/Stg/sz/01-05.htm. (дата обращения 1.10.2014).
11. Рой О.М. Проблемы и перспективы модернизации российских моногородов. // Режим доступа: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2012/03/%D1%80%D0%B-E%D0%B9.doc>. (дата обращения 15.09.14).
12. Смирнягин Л. Трудное будущее российских городов // Pro et Contra. 2007. Янв.-февр. С. 56-71.
13. Соколов А.В. Феномен социокультурной деятельности. СПб., 2003. 204 с.

РАЗДЕЛ 6.

ОБРАЗЫ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОЖАН

УДК 94(57)

Конев Алексей Юрьевич

*кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Тюменский государственный нефтегазовый университет*

*г. Тюмень
aldimoks@mail.ru*

ИСТОРИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ. XVIII СТОЛЕТИЕ

Статья посвящена истории формирования геральдической символики города Тобольска – важнейшего административного центра Сибири XVIII–XIX вв. Прослежена преемственность герба Тобольска, утверждённого в 1785 г. с эмблематикой, разработанной ранее для знамен Тобольских полков. Особое внимание обращено автором на цветовую палитру элементов герба, принятую в изображениях XVIII в. и её изменения в последующем.

Ключевые слова: герб, геральдика, Сибирь, Тобольск, XVIII век.

Konev Aleksey Yur'evich

*candidate of historical sciences, leading researcher
Tyumen State Oil and Gas University*

*Tyumen
aldimoks@mail.ru*

HISTORY OF THE TOBOLSK HERALDRY. XVIII CENTURY

Article is devoted to history of formation of heraldic symbolics of Tobolsk – the most important administrative center of Siberia by XVIII–XIX. Continuity of the coat of arms of Tobolsk 1785 with the emblems of banners of the Tobolsk regiments is investigated. The author to focus on colors of elements of the coat of arms in images of the XVIII century and their change in the subsequent time.

Keywords: coat of arms, heraldry, Siberia, Tobolsk, XVIII century.

В 2015 г. исполнится 230 лет с момента пожалования городу Тобольску герба, ставшего его визитной карточкой и важным от-

личительным символом особого административного положения и статуса, наряду со знаменитым кремлём. История тобольской геральдики, долгое время остававшаяся малоизученной, привлекла особое внимание в 2005–2007 гг., когда шла работа по составлению современного герба города, начатая Ю.К. Константиновым. Было определено взять за основу исторический герб, утвержденный 17 марта 1785 г. императрицей Екатериной II. В процессе обсуждения проекта нового герба Тобольска, представленного группой разработчиков во главе с К.Ф. Мочёновым, до вынесения его на утверждение городской Думы, возникли разногласия относительно изображения некоторых элементов и цветовой гаммы. Участие в этом обсуждении побудило меня заняться более детальным изучением истории геральдической символики города, начиная с XVII столетия. Предварительные результаты этого исследования были опубликованы в журнале «Град Тобольск» в виде популярного очерка [5]. В вышедшем недавно «Геральдическом альбоме Тюменской области» представлена очень краткая интерпретация уже изложенной версии появления герба 1785 г. [2, С. 78-79]. В настоящей статье, на основе обобщения уже известных в историографии сведений и данных документальных источников, в том числе ранее не вводившихся в оборот, рассматриваются основные исторические этапы появления и развития этого геральдического символа.

По авторитетному мнению Н.А. Соболевой, в России в силу ряда исторических причин «вплоть до петровской реформы отсутствует городской герб в том понимании, в каком он трактуется современными исследователями. Петр I заложил основы института городского герба» [8, С. 221]. Она первой отметила и связь символики, установленной в начале XVIII в. для знамён Тобольского полка с гербом, утвержденным Екатериной II [8, С. 30], но подробного анализа всех обстоятельств и нюансов развития тобольской геральдики ею не предпринималось.

Совершенно очевидно, что начало формирования областной российской символики на новых основаниях связано с реформой в армии. Предполагалось после разделения страны на губернии закрепить за каждой такой административной единицей полки, которые должны были содержаться за счет налогов, поступающих с территорий, быть расквартированы там и на своих знаменах иметь соответствующие эмблемы. Таким образом, создание отличительных знаков для армейских формирований было увязано с выработкой областных гербов. Наряду с заимствованиями из Титулярника 1672 г. источником новых геральдических сюжетов и образов служила книга «Символы и эмблемата». Составленная и изданная в Амстердаме в 1705 г. по личному указанию Петра I она призвана

была познакомить русское общество с популярными в Западной Европе эмблемами, символами и аллегориями. В ней на нескольких языках, в том числе и на русском, давалось толкование изображений. Среди 800 эмблем этого издания под № 530 находим оружейную пирамиду со знаменами и барабаном (черно-белая гравюра), к ней относится изречение: «La vertu m'a elevee», «Virtue hath lifted me up», что переведено составителями как «Труды мои превозвысили мя» [12, С. 178-179]. На мой взгляд, было бы точнее перевести его как «Добродетель превознесла меня».

С 1712 г. новые знамена организованным порядком начали изготавливаться в Оружейной палате и отсюда рассылаться в полки. Рисунки полковых эмблем еще до создания в 1722 г. Герольдмейстерской конторы были собраны воедино в специальном знаменном гербовнике. Сохранившееся описание ротных знамён Тобольского пехотного полка такое: «жёлтые с красным, пересеченные крестом сих же цветов и с золотым изображением в верхнем углу у древка оружейной пирамиды с знамёнами и барабаном» [3]. Это описание подтверждается материалами самого «Гербовника старого, по которому имеются знамёна» начала 1710-х гг., недавно опубликованного К.В. Татарниковым [10]. Нет никаких сомнений откуда взялось данное изображение. Конечно, это 530 номер из «Символов и эмблемат».

Вопрос о создании собственно городских гербов в России ставится на повестку дня в начале 1720-х гг. В Россию приезжает специалист по гербам граф Франциск Санти, которого назначают в 1722 г. товарищем первого российского герольдмейстера Степана Андреевича Колычева. Именно Санти обращается к императору «акордовать гербы городов, которые их не имели» и поступать при этом «по законам и по обыкновенным европейским употреблением» [8, С. 40]. Создание городских гербов становится делом государственной важности, об этом оповещаются все ведомства. Им предписывается оказывать Герольдмейстерской конторе всяческую помощь.

Для того чтобы собрать сведения для составления гербов, Санти разработал вопросник, который разослал во все губернии и провинции. Сведения должны были касаться истории возникновения города, его названия, внешнего вида, состава населения, содержать описание природных условий. Требовалось указать, имел ли ранее город герб, и, если имел, прислать его рисунок или описание. В доношении из Сибирской губернии сообщалось, что в ближайшее время требуемых сведений прислать невозможно, «понеже ... город от города в далном расстоянии и посланные возвращающца через годичное время» [цит. по: 8, С. 49]. И, тем не менее, на основании полученных ответов, а в прочих случаях используя рисунки из Титулярника и «Символов и эмблемат» Санти с художниками И.В.

Чернавским и П.А. Гусятниковым изготовили рисунки 97 городских гербов. Кроме того, Санти было составлено 54 герба на полковые знамёна [8, С. 50-51]. Если судить по проекту знамённого гербовника 1727 г., который сохранился в фонде Военной коллегии, товарищ герольдмейстера творчески переработал старую сибирскую символику XVII в. и новые элементы знамени тобольского полка: на полотнище сине-белых цветов, пересеченном красным крестом, помещён лук. Пирамиды с барабанами – нет [10, С. 205].

Грандиозная работа по созданию городской геральдики, задуманная Петром I, с кончиной императора на время прервалась. Тем более, что и деятельность Санти закончилась весьма печально. По подозрению в причастности к антиправительственному заговору обер-церемониймейстер Санти в июне 1727 г., без суда и следствия, был сослан в Сибирь. Было указано отправить его из Москвы в Тобольск, а из Тобольска в дальнюю сибирскую крепость. Позднее императрица Елизавета возвратила из ссылки опальных заговорщиков, в том числе и Санти. Указом от 28 августа 1742 г. ему был возвращен прежний придворный чин, позднее пожалован титул действительного тайного советника. Но он до конца своих дней так и не вернулся к герботворчеству.

Тем временем в 1729–30-х гг. по заказу Военной коллегии, возглавлявшейся графом Бурхардом Кристофом Минихом, был составлен новый «Гербовник знамён Российской империи». Под надзором Миниха живописец Андрей Баранов подготовил рисунки для 85 полковых знамён по названию городов [8, С. 57]. В числе гербов, выполненных «по старому» значится Тобольский. В качестве «старого» образца выступал гербовник 1710-х гг., это следует из описания: «пирамида золотая с воинскою арматурою, знамёны и барабаны красные, поле лазоревое» [7, Оп. 1, Д. 1, Л. 2]. При этом сравнение описания с самим рисунком позволяет выявить некоторые несоответствия с точки зрения цветовой гаммы. На рисунке четко видно, что знамёна трех цветов: собственно красного, пурпурного и зеленого, да и барабаны красно-синей раскраски [7, Оп. 1, Д. 1, Л. 10]. Причины этого расхождения еще предстоит выяснить. Учитывая данное обстоятельство, а так же практику изображения тобольского герба конца XVIII – середины XIX в., следует отметить, что авторы упомянутого выше «Геральдического альбома» ошибаются, утверждая, что «Знамённый гербовник» 1730 г. заложил традицию окраски знамён в красный цвет [2, С. 79].

Итак, герб, утвержденный в 1730 г. для тобольских полковых знамён и, возможно, уже тогда воспринимавшийся как символ губернского Тобольска, претерпел изменения по сравнению с эмбле-

мой 1712 г.: золотой осталась только пирамида, знамёна получили свои цвета, барабанов стало два.

Новым импульсом к ускорению создания городских гербов послужила губернская реформа 1775 г., реализованная в Западной Сибири в 1782 г. Страна делилась на наместничества-губернии, те, в свою очередь, на уезды. Центры наместничеств, губернские и уездные города должны были иметь свои гербы. Городская реформа 1785 г. завершила начавшийся при Петре I процесс оформления городской геральдики в царской России. Требование об обязательном учреждении гербов для каждого города было подчеркнуто в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» [6, п. 28, 40]. За десятилетие с 1775 г. по 1785 г. были составлены и утверждены несколько сотен гербов. В РГИА в делах Департамента Герольдии Сената хранится жалованная грамота, устанавливающая изображение тобольского герба с указанием «онный употреблять во всех городских делах» [7, Оп. 2, Д. 330, Л. 6]. По этому изображению можно сделать однозначное заключение, что герб, утвержденный Екатериной II явился воспроизведением тобольского полкового герба образца 1730 г. с одним отличием – барабаны опять получили золотую окраску под цвет пирамиды. Правда, в описании цвет знамён и барабанов не указан, но на изображении – расцветка знамён и их расположение в точности повторяли рисунок гербовника графа Миниха.

Следует отметить, что в 1778-1779 гг. в статусе городских гербов произошли важные перемены. С этого времени в гербах уездных городов употребление в верхней (главной) части щита наместнического геральдического символа становится обязательным. Поэтому герб Тобольска стал не только городским, но и наместническим, затем губернским и помещался в верхней части щита гербов всех подчиненных Тобольску уездных городов.

Материалы, выявленные автором в процессе подготовки для Тобольского музея-заповедника проекта экспозиции, посвященной геральдическим символам региона, свидетельствуют, что хотя передача цветов различных элементов утвержденного герба на практике не отличалась точностью, всё же до определенного времени сохранялось представление о его эталонном изображении, данном в жалованной грамоте 1785 г. Так в издании, посвященном образцам чиновничьих мундиров, установленных для каждого наместничества империи, под соответствующим рисунком находим тобольский герб с правильными цветами пирамиды, знамён и барабанов [4, С. 5, 31]. К середине XIX в. соблюдение этих правил становится не столь обязательным, наметилась тенденция к упрощению. На похвальных листах самоедскому старшине Александру Худину за «усердия к

пользам Кабинета Его Величества» 1858 г. и 1864 г. интересующий нас герб изображён с пирамидой серебристого цвета без барабанов, с двумя красными и одним желтым знаменем с каждой стороны пирамиды, над щитом появилась корона [11].

Размывание образцового изображения продолжилось и в дальнейшем. На мой взгляд, поводом к этому послужила нечеткость словесного описания, данного в 1785 г.: «В синем поле золотая пирамида с воинскою арматурою, с знамёнами, барабанами и алебардами (старый герб)». Это же стало причиной неверных заключений о цветовой гамме знамён тобольского герба, сделанных исследователями, которые, по всей видимости, уже не были хорошо знакомы с соответствующими первоисточниками [1; 9]. В результате, в 70–90-х гг. XX в. тиражировалось изображение исторического тобольского герба с красными знаменами, считавшееся единственно верным.

Возвращение к первообразу высочайше утвержденного герба, произошедшее в ходе разработки и утверждения современной официальной символики Тобольска стало актом восстановления исторической справедливости и преемственности. Примечательно, что произошло это на этапе возрождения города как историко-культурного центра Сибири и его бурного экономического роста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винклер П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесённые в Полное Собрание Законов с 1649 по 1900 г. СПб.: Издание И.И. Иванова, 1900.
2. Геральдический альбом Тюменской области / М.Ю. Медведев, А.К. Грефенштейн, В.К. Кондюрин, Е.Ю. Рукосуев. Тюмень: «Вектор Бук», 2014.
3. Знамёна и штандарты полков, батальонов Российской армии. Пехотные полки № 31-40 // Режим доступа: <http://www.vexillographia.ru/russia/rarmy018.htm> (дата обращения: 10.10.2014).
4. Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров 1794 года. СПб., 1794.
5. Конев А.Ю. Тобольский герб: неизвестные страницы истории // Град Тобольск. 2010. № 3. С. 27-29.
6. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание первое. Т. XX-II. № 16188.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1411.
8. Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. М.: Наука, 1981.
9. Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII-XIX вв. М.: Советская Россия, 1974.
10. Татарников К.В. Знамена и гербы полков Российской армии царствования Екатерины I и Петра II (1725-1730) // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. 1. С. 51-215: Режим доступа: <http://www.milhist.info/2012/04/22/tatarnikov> (дата обращения: 10.10.2014).
11. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. TM-13426/9, TM-13426/11.
12. Symbolaetemblemata. Amstelredami (Amsterdam): HenricumWetstenium, 1705.

* * * * *

УДК 908, 911. 375

Ершов Михаил Федорович

*кандидат исторических наук, доцент
действительный член Русского географического общества
заведующий отделом истории, этнологии и археологии
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
г. Ханты-Мансийск
mfershov@mail.ru*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНВЕРСИЯ ОБРАЗОВ ГОРОДА НА ПУТИ ИЗ БУДУЩЕГО В ПРОШЛОЕ

В статье представлены образы города, рассмотренные в динамике от прошлого к будущему и от будущего к прошлому. Эти образы являются слепком с объективной городской жизни. Но они также обладают и собственным активным началом. Последовательные качественные изменения городских образов соответствуют определенным социокультурным закономерностям. В ряде случаев не только историческая, но и фантастическая литература способны выступить своеобразными источниками об их эволюции. К числу таких источников допустимо отнести произведения фантастов С. Кинга и А. Рубанова.

Ключевые слова: город, грех, инверсия, образ, пространство, социокультурная эволюция, художественная литература, фэнтези.

Ershov Mikhail Fedorovich

*candidate of historical sciences, associate professor
full member of the Russian Geographical Society
head of the Scientific research Department
of History, Archaeology and Ethnography
Ob-Ugric institute of applied researches and development
Khanty-Mansiysk
mfershov@mail.ru*

SOCIOCULTURAL INVERSION OF IMAGES OF THE CITY ON THE WAY FROM THE FUTURE TO THE PAST

The images of the city considered in dynamics from the past to the future and from the future to the past are presented in article. These images are a copy from the objective urban life. But they also have their own active beginning. Consistent qualitative changes of city images correspond to certain sociocultural regularities. In some cases not only historical, but also fantastic literature are capable to

act as peculiar sources of their evolution. Among such sources are the works of science fiction writers S. King and A. Rubanov.

Keywords: city, sin, inversion, image, space, sociocultural evolution, fiction, fantasy.

В 1862–1863 гг. в журнале «Современник» писатель-демократ В.А. Слепцов опубликовал цикл очерков «Письма об Осташкове» [7, С. 21–134]. Старинный город Осташков на берегу озера Селигер, находится неподалеку от знаменитой Ниловой пустыни. И в прошлом, и в наши дни эти места выполняли и выполняют особые имиджевые функции. Они служат своеобразной выставкой властных достижений во вневосточном пространстве между Москвой и Санкт-Петербургом. И действительно, в первой половине XIX в. сравнительно небольшой город мог заслуженно гордиться своими меценатами, пожарной командой, театром, банком, общественным садом, библиотекой, женским училищем, грамотностью и внешним лоском населения. Слепцов, однако, показал, что жизнь горожан была далека от идеала. И благополучие остащей не являлось их главной ценностью.

Выяснилось, что городской социум значительную часть своих усилий тратил на демонстрацию собственных успехов перед наивными приезжими. Его натужный местный патриотизм не всегда был оправдан экономически. Для бедных жителей города он был просто разорителен. Впрочем, дело заключалось не в имущественном расслоении в среде горожан. Город оказался пассивным пленником собственного положительного образа. Сначала этот образ горожане сумели навязать внешнему окружению, затем и сами поверили в него. Поэтому внешним наблюдателям большинство горожан обычно оставляло только две роли. В их глазах приезжий был или доверчивым наивным туристом, или злобным шпионом, способным разузнать от недовольных про негативные моменты, и, тем самым, оклеветать их любимый город.

Какие значимые моменты допустимо выделить относительно этого небольшого города? Фантазийный образ собственного величия в Осташкове эволюционировал от святости (близость монастыря, срединное расположение между столицами) к театру и имитации. Видимо, в случае с Осташковым наблюдается проявление определенной социокультурной закономерности. Несомненно, что образы любого города с течением времени последовательно меняются. По нашему мнению, в истории город поочередно может выступать перед наблюдателем как богатырь, палач, жрец, актер и грешник [1]. При этом на каждом из этапов его эволюции происходит с одной стороны смещение старого и нового, а с другой – диалектическое отрицание уже изжитых образов. Так неупорядоченная сила перерастает в узаконенное насилие, оно начинает

нуждаться в сакральном оправдании, святого с неизбежностью вытесняет актер, который перевоплощается в грешника.

Городские образы не всегда явны, они могут быть закрыты позднейшими культурными напластованиями. Детальную фиксацию смены скрытых образов города осуществляли многие наблюдатели: литераторы, социологи, историки. В данном контексте «Письма об Осташкове» оказываются всего лишь одним из еще не растраченных примеров. Однако цикл очерков Слепцова заставляет нас задуматься о проблемах эволюции образа. Что должно произойти в будущем с образом города, если городской социум все более начинает восприниматься исключительно как коллективный грешник? Если город в своей социокультурной эволюции достиг крайних, предельных качественных оснований?

Прежде всего заметим, что осознание конечности города существовало далеко не всегда. Но с наступлением индустриальной эпохи в образе города начинают преобладать отрицательные черты. Разумеется, если речь идет об «своем» городе, то патриотизм по-прежнему не чужд местному населению. Однако при оценке «чужого» города и при рассмотрении перспектив существования городов вообще положительные моменты частенько исчезают. Такая критика была и в прежние эпохи, но она не претендовала на всеобщность. Теперь же почти любое обобщение относительно города, не ангажированное идеологически, заранее предполагает изрядную долю негативного настроения. Особенно это касается отечественной общественной мысли. В XIX и XX вв. она положила немало сил на критику «неправильных» городов. Может быть самое яркое и публицистически-заостренное произведение такого рода – очерк В. Каганского об атомном Арзамасе-16 «На чем Москва стоит. Особая точка» [4, С. 214–233]. Нарисованный известным географом образ воплощенной в наукограде утопии читается как один из романов братьев Стругацких...

Интересно, что данная критика параллельно сосуществовала и сосуществует с успехами урбанизации, повышением материального благосостояния горожан и ростом продолжительности жизни. Фактически сложился именно такой образ города, который желало и желает воспринимать общественное сознание. И этот образ инерционно развивается, причем нередко вне зависимости от реальных изменений в отображаемом им объекте. Соответственно, для «чистоты» исследования образа города, в ряде случаев необходимо отвлечение от «мешающей» ему исторической конкретики. Иногда такой образ целесообразно изучать с помощью близких ему образных средств, в том числе и с использованием фантазийных начал.

Такое использование не есть случайность. Дело в том, что одной из особенностей современной мировой культуры является массовый всплеск внимания к фэнтези. Интерес к этому жанру оказывает

ся почему-то независимым от иных значимых злободневных тенденций. Фэнтези существует как бы в некоем параллельном пространстве, вне успехов науки, постиндустриального общества и гражданских структур. Более того, фэнтези успешно вытесняет и научно-фантастическую литературу с книжных полок и всевозможных рейтингов. Какова причина внезапного возникновения этого иллюзорного мира, близкого по своим параметрам к ментальным структурам раннего средневековья? По нашему мнению, она может быть последовательно объяснена именно с учетом общеисторических и социокультурных закономерностей в развитии образов города.

Но первоначально необходимо сделать ряд вводных замечаний. Кто увлекается фэнтези? По преимуществу это интеллектуально «продвинутая» городская молодежь, обладающая свободным временем. Те индивиды, которых не устраивает заурядное «пресное» существование, постепенно втягиваются в красочные выдуманные (иногда профессионалами, а иногда и любителями), принципиально нереальные миры. У них имеются сходные черты с представителями артистической и художественной тусовки. Однако это сходство, обычно, поверхностно. Развинченное поведение отнюдь не мешает богемной публике активно и агрессивно бороться за доступ ко всевозможным материальным благам. И напротив, очень часто любители фэнтези оказываются недостаточно адаптированы в социальном плане, они не настроены на «скучную» системную работу или учебу.

Оформление в начале XX в. фантазийного жанра и его последующий расцвет, разумеется, были связаны с процессами урбанизации. Максимально рационализированное городское пространство до сих пор психически негативно давит на человека. Оно вынуждает последнего, осознанно и неосознанно, применять культурные компенсаторные механизмы. Фантазийные образы оказываются той своеобразной отдушиной, где и может отдохнуть городской человек, склонный к аутизму. Это, одновременно, вызывающий ментальный отказ от реального городского пространства и перенесение его негативных черт в иное измерение. Желают того или нет, участники фантазийных культурных практик, но они фактически признают в окружающем их мире наличие некоего скрытого неблагополучия, греха.

По сути фэнтези и есть один из способов выявления такой скрытой греховности. В фэнтези, в соответствии с логикой мифа, носитель греха должен быть обязательно побежден. Его участь предопределена – ему предстоит максимально сблизиться с хтоническим чудовищем (иногда быть поглощенным им) и, в итоге, попасть в ад. Нечто подобное происходит и с городом. Скрытые грехи города со временем должны достигнуть качественно иного, высшего уровня. Ведь грех активен. Он не может не расти. И, в идеале, негативному городскому образу предстоит в своей эволюции сначала «дозреть»

до соседства с неким внеприродным, но скрытым от глаз (землей, стенами, нахождением в ином мире) хтоническим чудовищем, а затем и открыто перевоплотиться в него.

Как это происходит? Постепенно, шаг за шагом, образ города начинает сближаться с этой потаённой угрозой. Затем происходит их отождествление. И тогда скрытое, а затем и открытое зло становится единственным полноценным горожанином. Ведь за ним, за злом, остаются сила, свобода в выборе поступков и господство над подчиненным ему пространством. Теперь это пространство становится потенциально опасным для жизни. И чем оно меньше, тем меньше у человека свободы для маневра и тем большее количество опасностей его подстерегает. Соответственно, преимущественно в образе провинциального города сконцентрирован скрытый угрожающий негатив.

Достаточно хорошо это показано в фантастических книгах С. Кинга. Очень часто действие его произведений разворачивается в провинциальных американских городках, населенных обычными «маленькими» людьми. «Возможно, истоки того, что основной функцией своих произведений Стивен Кинг считает их нравоучительность, лежат в его биографии, в частности в атмосфере детства и юности, прошедших в провинциальной глубинке» – замечает литературовед А.М. Тлеупова [8, С. 45]. Убедительные повседневные частности и фантастические опасности у этого писателя сюжетно переплетены. Так ирреальный ужас благодаря таланту Кинга может овеществляться через обыденные предметы, к примеру игрушку, домашнюю собаку или машину. Неверное поведение человека, какое-либо нарушение неписанных норм могут привести к внезапному выбросу вовне скрытого внутри страшного содержимого. И тогда подспудный грех провинциальной культуры сметает внешние приличия.

Привычная провинциальная жизнь оказывается уязвима и фальшива. Она камуфлирует существование абсолютного зла, у которого путь к прощению заказан. Зло в городе обретает уродливую и растущую в объеме телесность. И рано или поздно его скрытая телесность должна выйти наружу. Город перевоплощается в оборотня, порожденного его собственной культурой. Он обладает принципиально непонятной для обычного человека подлинной сущностью и ждет своего часа. В силу этого индивиду необходима постоянная готовность к спонтанным встречам с обнаженным и обездушенным хтоническим телом города. Такое тело, будучи вместилищем темных иррациональных сил, оказывается, одновременно, и новым своеобразным атрибутом города.

Всякое томительное ожидание нужно чем-то заполнить. Лучшее, что может сделать человек, находящийся в состоянии перманентной тревоги, – заняться имитацией подлинной борьбы. Мысленно проигрывая (и обычно выигрывая!) возможные будущие

столкновения человек создает хороший психологический настрой перед решающей схваткой. Логика развития образа города толкает человека к фэнтези, к хоррору. Это могут быть книги, кино, компьютерные и ролевые игры, откровенная буффонада. Все они оказываются нужны, так как позволяют на время преодолевать подспудные страхи. Их социальная востребованность является своеобразным индикатором состояния городской культуры.

Та часть людей, которая признала существование скрытого монструозного городского пространства, фактически дает ему санкцию на последующий качественный рост. Фобии, связанные со образами города, чтобы быть действенными, нуждаются в постоянной эскалации. Однако в самом провинциальном городе с его медленной тягучей сменой состояний, с локальным территориально ограниченным пространством возможности для их роста как бы отсутствуют. И тогда образ зла начинает перемещаться из провинций в столицы. Мелкое, тесное противостояние на провинциальном ринге воспроизводится в иных, столичных масштабах. Так игрок, зацикленный на компьютерных играх, с неизбежностью должен перейти на новый уровень.

Тотальное заполнение столичного пространства негативными образами приводит к их окончательному выходу на поверхность. Открытость уничтожает тайну и обесценивает выявленное зло. Без маски оно становится узнаваемым и привычным. Человек, погруженный во зло, и зло, заполонившее пространство, равно уничтожают друг друга. Начинается локальный апокалипсис, о причинах появления, которого писал Н.А. Бердяев: «В нашем греховном, злом мире оказывается невозможным непрерывное поступательное движение. В нем всегда накапливается много зла, много ядов, в нем всегда происходят процессы разложения. Слишком часто бывает так, что в обществе не находится творческих возрождающих сил» [2, С. 108].

Культура, человеческая духовность по своим фундаментальным основаниям не могут постоянно пребывать в греховном ослабленном состоянии. Социальный катаклизм заставляет заняться поисками выхода. Пассионарные личности начинают покидать или радикально трансформировать полностью безнравственную территорию. Город населенный, пусть и вымышленными, но хтоническими оборотнями, рано или поздно обязан «умереть». Заметим, что подобные события в истории происходили не раз. Исчезли протогорода, населенные богатырями, не стало городов с узкими функциями военно-административных центров, почти полностью ушли в небытие сакральные и карнавальные столицы. Вынужденно пришли в упадок средневековые города с их цеховыми привилегиями. На очереди нынешние греховные индустриальные города.

В каких условиях происходит преодоление устаревших образов города и генерация новых? Как дисциплинирующие культурные

практики заставляют смещаться в прошлое образы полностью использованного и дотла «выжженного» культурного пространства? Каким образом падение городской культуры создает предпосылки для её последующего взлета? Эти и иные вопросы по-прежнему значимы. Не случайно, что образы изжитых и поэтому уничтоженных библейских Содомы и Гоморры или Вавилонской блудницы до сих пор присутствуют в нашем культурном сознании, предостерегают и заставляют моделировать возможные негативные сценарии.

Наиболее остро данная проблематика представлена в современной фантастической литературе. Именно этот жанр занят художественной реконструкцией возможного сползания в «город греха» и связанных с ним необходимых действий. В качестве примера можно сослаться на роман «Хлорофилия» [6] и его продолжение «Живая земля» писателя А.В. Рубанова. В первом романе доведенные до абсолюта эгоистические устремления современных россиян воплотились у автора в образ гипотетической раздувшейся от мигрантов сорокамиллионной Москвы XXII в. Фактически Россия съезжилась до одного этого города. Ведь Сибирь сдана в аренду китайцам, которые регулярно переводят хорошие деньги каждому россиянину на его индивидуальный счет.

«Ты никому ничего не должен» – вот официальный лозунг обеспеченных материально и утопающих в развлечениях инфантильных москвичей будущего века. В этом городе, заваленном китайскими товарами, никто по-настоящему не работает. Часть пресыщенных жителей мегаполиса втихаря балуется мякотью гигантских зеленых стеблей, почему-то растущих только в Москве. Мякоть насыщает, дает ощущение эйфории и за ее потребление формально грозит уголовная ответственность. Таких нарушителей закона в престижном московском обществе презрительно именуют «травоедами». Публично их осуждают, но на деле с травоедами никто не борется. Более того, именно самые богатые и успешные потребляют высшие сорта возгонки из мякоти стеблей.

В финале романа грядет расплата. Выясняется, что у хронических травоедов начинают рождаться «зеленые человечки», которые ближе к растениям, чем к людям. Да и многие элитные «травоеды» оказываются неизлечимо больными. Они физиологически начинают утрачивать человеческие и обретать растительные черты. В довершение всего, китайцы, вычерпав все природные ресурсы, покидают и Москву, и Сибирь. Теперь им нет необходимости снабжать товарами город-паразит. В столице разражается острейший социальный кризис с неизбежными голодом, преступностью и самоубийствами. И вот тогда жизнь устраивает проверку индивидам на наличие у них подлинных человеческих качеств.

Продолжением «Хлорофилии» стал роман «Живая земля» [5]. В нем описана Москва спустя двадцать лет после внезапно завершив-

шейся эры изобилия. Это суровое бедное общество мобилизационного типа. В городе среди молодежи господствует идея бескорыстного труда на благо всех. Предпринимателей, ориентированных на потребление («разложенцев»), здесь не уважают. Их всего лишь терпят. Основу социума составляют люди сильные, способные на поступок, иногда – преступники. Впрочем, существует и разветвленный, скорый на расправу репрессивный аппарат. В «Живой земле» Москва начинает почти с нуля новую фазу своей истории. Художественная метафора обновления – добровольные субботники по сносу заброшенных и загаженных небоскребов.

Трудовой Москве противостоит ее административный двойник – внешне благополучная, комфортная, оснащенная по последнему слову техники Новая Москва. Она удалена от прежней столицы. Управленческий центр теперь находится на территории Сибири под специальным Куполом. Сюда могут попасть немногие: чиновники высокого ранга, бизнес-элиты, деятели культуры и молодые гении. Практически всё, даже мысли людей, в Новой Москве находится под контролем властей. Однако и здесь столичное общество не лишено прожигателей жизни, развратной «золотой молодежи», конфликтов и нарушений закона. Одна страна оказывается расколота не просто на два разных города – на два мира. У Рубанова государственный аппарат и отдельные личности манипулируют людьми с помощью СМИ, или посредством прямого воздействия на мозг. Но писатель показывает обреченность использования этих попыток в узкокорыстных интересах.

Главный герой «Живой земли» Денис Герц, размышляя о причинах катастрофы прежней Москвы, приходит к интересному выводу о иллюзорной активности поколения отцов: «Когда надо было уже выходить, вставать на площадях у мраморных правительственных подъездов, вместе с сыновьями, с друзьями и братьями, – они не пошли никуда, остались в уютных ресторанчиках сочинять блестящие колонки за рюмашкой коньячишка. Уже надо было бить морды, а они продолжали критиковать. Уже надо было кидаться камнями, а они кидались афоризмами. Не было в них настоящей силы, все ушло в сарказмы изящные, в жест, в позу. Разменялись на фрондерство безопасное пятизвездочное» [5, С. 331]. Перевоплощение образа ирреального зла в объективную данность полностью девальвирует добро, от которого в городе остается только лишь видимость.

Череду образов столичного города, созданную А. Рубановым, нельзя рассматривать исключительно как мрачное пророчество. Прогностические компоненты в произведениях неординарного писателя не отменяют его главного посыла. Его книги говорят не только о возможном будущем, но и о нашем уже состоявшемся сегодняшнем неказистом настоящем. Как и в наши дни, фантастический руба-

новский городской социум, не лишенный предприимчивости и хитрости, при необходимости умеет обходить самые жесткие властные ограничения. Далеко не случайно, что у А. Рубанова «старая» Москва XXII в. также отчасти походит и на привычные образы нашей столицы в уже ушедшем XX в. Это могут быть нэповская, послевоенная сталинская или недавняя постперестроечная Москва 90-х гг.

Черты сходства здесь далеко не случайны. Образы города меняются в определенной последовательности. После краха тотального, но не вечного греха, на развалинах прежнего благополучия всегда утверждается господство грубой криминальной, а затем и государственной силы. Далее начинается формирование новых, внеэкономических ценностей. Популярными становятся культ мужественности, обязательств перед обществом, святой личной ответственности перед предками и будущими поколениями. Часть господствующих в обществе ценностей целенаправленно навязывается властями «сверху», часть стихийно формируется самими массами «снизу». Отечественный литератор вдумчиво исследует не столько трансформацию столицы во времени (его романы не исторические), сколько доминирующее в обществе отношение к ней.

Фиксируя изменения в образах столицы и города художник слова интуитивно выходит на их общие закономерности. Те предельные отрицательные значения, к которым город способен приблизиться, оказываются стартовой площадкой для запуска очередного повторяющегося цикла в истории его образов. Город, дойдя до финиша и перейдя в иное качество, затем вынужденно возвращается «назад», к прежним архаическим основаниям. За возвратом города к прошлому следует неизбежная трансформация его образов. Получается, что образы нашей современности неудержимо смещаются как в прошлое, так и в будущее. Соответственно, в ряде случаев, художественная, в том числе фантастическая литература, способны выступить своеобразными источниками о значимых этапах в эволюции городского образа, и, тем самым, подтвердить их объективное существование.

«Инверсия – это способность использовать уже накопленные варианты, применяя их к постоянно новым ситуациям, это исходная клеточка простого перебора заданных вариантов, исходная форма принятия заданных решений» – утверждал А.С. Ахиезер в своей книге «Россия: критика исторического опыта» [1, С. 67]. По нашему мнению, данный вывод допустимо распространить и на историю города и его образов. Более того, использование накопленных вариантов не может осуществляться исключительно волюнтаристски. Выбор образов не случаен. Он всегда соответствует неким нормам, правилам, тайну которых нам еще предстоит раскрыть.

И здесь допустимо задаться последним, уже не вполне обязательным для данной публикации вопросом: что же ждет сегод-

нышнее модное фэнтези в дальнейшем? Полагаем, что иллюзорная увлекательная борьба горожан с оборотнями и симулякрами недолговечна. Объективное развитие города со временем предполагает качественное преодоление самих субъектов этого противостояния. Скорее всего, в будущем враждебные изолированные ирреальные образы ужаса и их любители из числа современных горожан с неизбежностью будут обречены на моральное старение. На очередном этапе трансформации очеловеченного пространства, на продолжительное историческое время им придется очистить место для новых игроков с новыми ролями и образами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф. 1997. 804 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990. 224 с.
3. Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск». 2013. 276 с.
4. Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение. 2001. 576 с.
5. Рубанов А.В. Живая земля: роман. М.: Астрель. 2012. 348 с.
6. Рубанов А.В. Хлорофилия: роман. М.: Астрель. 2011. 345 с.
7. Слепцов В.А. Проза. М.: Сов. Россия. 1986. 336 с.
8. Тлеупова А.М. Художественное своеобразие произведений С. Кинга // Филология и лингвистика в современном обществе: Мат. Международ. научн. конф. М., 2012. С. 45-47.

* * * * *

УДК 930.8 (471.5) (075.8)

Скульмовская Любовь Григорьевна

*доктор социологических наук, профессор
Тюменская государственная академия культуры,
искусств и социальных технологий
г. Тюмень
skolimovska@mail.ru*

РОЛЬ ГОРОДА В РАЗВИТИИ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

Тема функционирования и развития городов и городской жизни постоянно находится в центре внимания, как специалистов, так и широкой общественности, что заставляет архитекторов, градостроителей, социологов проблематизировать весь спектр сложившихся теоретических и практико-методологических представлений о роли города в формировании специфики его культуры. Город как субъект функционирования и развития культуры региона возмо-

жен лишь при наличии социокультурных институтов, формирующих нормы духовной жизни города.

Ключевые слова: город, городская культура, духовная культура, культурное пространство города, разнонаправленность воздействия, маргинальность.

Skulmovskaya Lyubov Grigorevna

*doctor of sociological sciences, professor
Tyumen state Academy of culture, arts and social technologies
Tyumen
skolimovska@mail.ru*

CITY ROLE IN DEVELOPMENT OF THE CONTENTS AND FORMS OF SPIRITUAL CULTURE OF THE REGION

The Subject of functioning and development of the cities and city life constantly is in the center of attention, both experts, and the general public that forces architects, town-planners, sociologists to problematizirovat all range of the developed theoretical and praktiko-methodological ideas of a city role in formation of specifics of its culture. The city as the subject of functioning and cultural development of the region is possible only in the presence of the sociocultural institutes forming norms of spiritual life of the city.

Keywords: city, city culture, spiritual culture, cultural space of the city, influence divergence, marginality.

Социологическое исследование процессов взаимодействия различных территориальных субъектов формирования и развития культуры требует специального изучения города. С одной стороны, только в рамках определенного культурного пространства город предстает как специфическое поселенческое образование, имеющее свой неповторимый облик. Он выступает как то отдельное, что является составной частью более широких культурных образований – социальных институтов, сфер жизни, межличностных отношений и т.п. С другой стороны, только в городе создаются специфические возможности для создания продуктов материальной и духовной культуры.

Сосредотачивая в себе материальные, финансовые, людские ресурсы и организуя специфическим образом их взаимодействие, город выступает в качестве своеобразного субъекта функционирования и развития культуры в регионе. Более мелкие по масштабам образования постоянно испытывают его влияние, поэтому город, нередко, задает направленность и содержание тех изменений, которые в них происходят. В то же время сам город оказывается под

влиянием других территориальных образований, воздействующих на характер той культуры, которую он воспроизводит.

Культура каждого региона, развивающегося на основе промышленного производства, определяется, в первую очередь, тем, как и каким образом в имеющихся на его территории городах осуществляется процесс развития культуры. Имея систему учреждений общего и профессионального образования, культурно-досуговой деятельности, художественного и технического творчества, город, с одной стороны, вбирает в себя то, что свойственно всем крупным территориальным образованиям мира, в которых сосредотачивается на небольшом пространстве значительная масса людей. Поэтому можно выделить то общее, что объединяет конкретный город и культуру его жителей с другими аналогичными образованиями. С другой стороны, каждый город выступает в качестве субъекта формирования единичного, характеризующегося творением чего-либо уникального, своеобразного, определяемого взаимодействием в нем неповторимых в своей культуре индивидов, различных их объединений. Следовательно, анализ любого региона обязательно включает изучение роли городской культуры в определении специфики его взаимодействия с другими территориями и со всем мировым сообществом.

Часто термин «городская культура» используется как тождественный таким понятиям, как «индустриальная культура», «урбанизированная культура» и обозначает культуру крупных и средних несельскохозяйственных поселений, обычно крупных индустриальных и административных центров. Ученые считают, что уровень культуры напрямую связан с величиной городского поселения. Отсюда вытекает закономерность: чем выше степень урбанизации поселения и крупнее его размеры, тем больше он отличается по своему культурному облику от села и сельской культуры. В итоге меняется потенциал влияния конкретного городского образования на регион в целом. Крупный промышленный центр, обладающий значительными достижениями в духовной сфере, воздействует как на малые близлежащие города, так и на сельские поселения.

В обществе действует общая закономерность движения образа жизни населения малых территориальных объединений в направлении усвоения ценностей жителей более крупных образований. Эта тенденция определяется, прежде всего, тем, что уровень комфортности повседневной жизнедеятельности в городах всегда был выше. Блага цивилизации создавались и апробировались сначала в них, а затем распространялись на те поселения, в которых люди вели традиционный образ жизни. В развитых странах уже в значительной степени преодолен разрыв в уровне комфорта между большими и малыми поселениями, в нашей же стране они еще весьма значительны. Жители многих сел пока имеют возможность

пользоваться лишь некоторыми благами городской цивилизации, однако, это совсем не означает, что культура города выше культуры села. Если осуществлять сравнение по культуре быта, то определенные различия, естественно, будут, но в плане духовной культуры невозможно рассматривать город как однозначный субъект позитивного развития культуры региона, включающего также значительную массу сел и деревень. Жители малых поселений по уровню нравственной, эстетической, художественной культуры могут значительно отличаться от тех, кто проживает в городе, особенно в крупном. В связи с этим возникает проблема определения роли города в развитии содержания и форм духовной культуры.

Города различаются не только географическим и геополитическим положением, численностью населения и размерами, но также специализацией в формировании материальной или духовной культуры. Идея города отчетливо просматривается в архитектуре, дающей предметное воплощение «духа места» с его природными и культурными составляющими. Именно город задает детерминацию культурной деятельности всех, кто оказывается в сфере его влияния. Общими чертами культуры, отличающими ее от сельской, выступают такие признаки, как высокая плотность застройки городской территории; наличие большого числа транспортных магистралей социокультурного и инженерного назначения.

Культурное пространство города организовано совсем иначе, чем на селе, где имеются широкие возможности выбора учреждений досуга, быта и культуры (парки культуры и отдыха, аттракционы, кафе и рестораны, театры и музеи, библиотеки, галереи и т.п.). Наличие значительного числа незнакомых людей ведет к тому, что горожанин чувствует себя более свободным и раскованным и в то же время получает возможность создавать или выбирать круг общения по интересам. Считается, что горожанин испытывает чувство, названное социологами «одиночество в толпе».

Многообразие культуры создает для личности ситуацию выбора социокультурной информации, возможности разнонаправленного духовного развития. Но в то же время наблюдается разрыв между возможностями саморазвития и использованием этих возможностей: господствующей установкой горожанина, смыслом его жизни очень часто становится повышение уровня дохода и потребления. Появление все новых и новых товаров задает особый темп обновления бытовой культуры, желание соответствовать тому, что доступно имеющим более значительные материальные ресурсы, является демонстрацией престижного потребления.

Совершенствование личности в сфере духовной культуры в городе почти никого не интересует, так как господствуют формальные отношения в общественных местах, на производстве, а, заचा-

стую, даже в дружеских, семейных отношениях. Сельская жизнь пока сохраняет возможность для более полного проявления перед заинтересованными индивидами личностного мира отдельного человека. Влияет система общения в малых общностях, в которых значительно выше ответственность отдельного человека за благополучие окружающих.

В развитии культуры горожанина больше вероятность проявления духовной отсталости в результате усвоения норм «массовой культуры», ослабления из-за массовидности поведения установок на высокие, подлинные духовные ценности, своего рода – стандартизация потребностей и вкусов. Человек все больше отдаляется от «высокой» культуры и подлинно духовного развития. Поэтому можно говорить о том, что городская культура является субъектом разнонаправленного воздействия на культуру региона. В ней следует выделять позитивные и негативные моменты, последние выражаются в ограниченности реализации сущностных сил человека. Будучи включенным в жесткий ритм городской жизни, человек не всегда сохраняется как субъект раскрытия и реализации своей уникальности, а это неизбежно снижает общий потенциал роста городской культуры. Как и любое образование, она может совершенствоваться только благодаря творческой деятельности отдельных индивидов. Чем меньше «пассионарных» личностей, тем ниже потенциал воздействия города на культуру региона.

Еще одной особенностью современной городской культуры является маргинальность. Массовая миграция из села в город вызвала «размывание» традиционных особенностей городской культуры и явилась причиной появления маргинальной культуры. Согласно результатам социологических исследований, усвоение норм и ценностей городской культуры абсолютным большинством мигрантов происходит через принятие внешних форм и стереотипов поведения в социокультурной среде города. Это связано еще и с тем, что по своей природе городская культура является более сложной и многообразной: жизнь в городе требует постоянной смены образцов поведения, частичного переосмысления всех духовных ценностей, на которые ориентируется человек, способности критично относиться к происходящему.

Считается, что адаптация сельских жителей к городскому образу жизни завершается только во втором-третьем поколении, поэтому мигранты, внешне соблюдая «правила игры», остаются внутренне ориентированными на ценности патриархальной культуры. Осознавая свою неспособность в полном объеме и быстро овладеть ценностями городской культуры, большинство мигрантов компенсирует свою ущербность, самоутверждаясь через асоциальные формы и сознательное игнорирование общепринятых норм поведения.

Маргинальная культура в настоящее время оказывает значительное влияние на духовный климат городов, по этой причине есть все основания полагать, что значительная часть тех негативных явлений, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, является следствием расширения зоны маргинальной культуры, порождающей деформированные формы социального бытия.

Известно, что основы городской культуры закладываются на этапе проектирования и строительства города, но когда город создается на основании специальных решений, как, например, многие моногорода Тюменского Севера, то его общее развитие идет по мере медленного накопления «культурного потенциала», что тормозит его превращение в активный субъект развития региона. На рост культурного потенциала города воздействует производственная деятельность, социальная структура, образ жизни, формирующийся психологический склад горожан, внутренние и внешние культурные контакты.

Взгляд на культуру лишь как на одну из сфер городского организма, включающую в себя учреждения культуры города, является весьма узким, поскольку культура города характеризуется, прежде всего, культурой городской пространственной среды: улиц, дворов, общественных учреждений и т.д., а также культурным уровнем населения города, его культурными потребностями, интересами, ориентациями [1, С. 48].

Как известно, каждый город обладает совокупностью черт, преобразующих его в то культурное образование, которое, в той или иной мере, диктует темпы и характер преобразования во всех близлежащих и даже отдаленных местностях. К этим чертам относят величину и разнообразие экономического, научного и культурного потенциала, природные условия и градостроительные качества, характер традиций и уровень культуры, число жителей, административный статус, положение, а главное – перспективу развития.

Духовный потенциал, в свою очередь, зависит от количества и возможностей социокультурных институтов, от характера их влияния на духовную жизнь городского населения. Для современного человека внешний облик города выступает элементом духовной культуры, несущей определенную информацию, объем и содержание которой влияют на потенциал духовной культуры города, а в конечном результате – и на его статус.

И все же одним из ключевых понятий, определяющих роль города как субъекта развития региона, является его «культурный потенциал», который выступает как важный критерий степени развития социальной системы, то есть ее способности к производству и воспроизводству культурных ценностей. Нет однозначного ответа, что же считать объективными индикаторами, с помощью которых можно было бы измерить культурный потенциал конкретного социального образования.

Процессы, происходящие в области российской культуры, трудно однозначно оценить, но можно выделить некоторые тенденции, наиболее ярко проявившиеся в последние десятилетия. Культура российского общества крайне неоднородна, поскольку Россия – это полиэтническая и поликонфессиональная страна со сложным историческим и культурным наследием. Неоднородность культуры определяется также тем, что российское общество развивается на основе локальных культур.

Специфика социальной структуры города также оказывает влияние на социокультурную ситуацию: дифференциация по различным признакам, ориентациям, уровню культуры и другие. Городская среда характеризуется многообразием различных социальных групп, противоречиво взаимодействующих друг с другом. Она формирует новый социально-психологический тип личности, который отличается рациональностью, подвижностью, готовностью справляться с трудностями окружающей действительности.

Город относится к социально-территориальной общности, социокультурная ситуация которой имеет свои отличительные особенности. Они во многом определены всей городской средой, окружающим человека социальным миром, включающим в себя материальные и духовные условия становления, существования, развития и деятельности людей, которые вовлечены в общественные процессы. Сегодня все более острой становится проблема выживания и воспроизводства в городской среде человека, здорового физически, психически и нравственно.

По мнению Т. Дридзе, городская среда – это не только ландшафты, но и качественное состояние ее естественно-природных и «рукотворных» составляющих, уровень развития информационного обмена, характер господствующей символики. Наконец, городская среда – это и другие люди, способы их взаимодействия (сотрудничество, соперничество, компромисс, приспособление и пр.), отношение человека к ближайшему социальному окружению, которые являются важнейшими факторами выживания и воспроизводства здоровых людей вместе со здоровой средой [2, С. 133].

Влияние города как субъекта развития культуры региона в значительной степени определяется его экономическими характеристиками и связью с сельской провинцией. Социологи исследуют такой аспект, как морально-психологические особенности городской жизни (общение, одиночество и анонимность), эффективное взаимодействие в городе разнообразных культурных учреждений: университетов, школ, церквей, библиотек, музеев, театров, стадионов и промышленных предприятий. В крупных городах одна из важных проблем – соотношение различных элементов городской структуры, промышленности, торговли, науки, образования. К эффектам большого города относится интенсификация культурного

творчества и интеллектуальной жизни, поэтому не должны оставаться без внимания вопросы, связанные с развитием элитарной, массовой, народной, профессиональной культурой города, культурой быта и досуга его населения.

Важной задачей эмпирических исследований городской культуры является составление сравнительных портретов городского и сельского жителя, социального портрета горожанина, изучение процесса адаптации бывших сельских жителей к условиям города и т.п. Городская культура, будучи относительно молодым образованием, выступает как субъект частичного преобразования культуры индивидов, живущих в регионе. Если бы повсеместно утверждалось то, что было создано в городе в последние десятилетия, то возникло бы полное отчуждение жителей одного поселения от тех, кто проживает в небольших городах, деревнях. Само единство духовных ценностей народа изначально ограничивает возможности преобразования культуры под влиянием любого типа города.

Известно, что пространство жизнедеятельности населения является неоднородным по социально-экономическим возможностям. Анализ, проводимый специалистами, показывает, что крупнейшие города имеют большие возможности для создания благоприятной среды проживания и повышения жизненного уровня населения, прежде всего, за счет лучшей обеспеченности социальной инфраструктурой и более высокими доходами, по сравнению с крупными, средними и малыми городами. С другой стороны, крупнейшие города сталкиваются со специфическими проблемами, свойственными большим урбанистическим образованиям: безработица, преступность, сложное городское хозяйство и т.д.

Рассмотрев особенности культуры российских городов, можно сделать вывод о том, что в них накоплен значительный культурный потенциал влияния на развитие системы ценностей жителей близлежащих и отдаленных регионов. Но этот потенциал во многом остается нереализованным на уровне обыденной жизни самих горожан, невостребованным из-за неразвитости потребностей потенциальных потребителей. При этом наблюдается увеличение маргинальных элементов культуры, снижение уровня культуры личности во многих городских поселениях. Если же не развивается культура отдельных граждан, то не может усиливаться роль всего города как субъекта ее совершенствования во всем регионе.

Анализ широкого влияния досуговой сферы необходим для комплексной оценки культуры города как совокупности различных ценностей, оценки статистики и динамики культуры. Зная потребности горожан и общую культуру города, можно прогнозировать развитие культуры всего региона, выявлять и решать социальные проблемы, модернизировать условия жизнедеятельности его населения. Для этого необходимо определить характерные тенденции

ее изменения в зависимости от ряда значимых признаков: возраст, образование, профессия и т.д.

Исходя из этого, выстраивается следующая система превращения города в активный субъект развития региона. Прежде всего, требуется обеспечить более комфортную жизнь самих горожан, улучшая среду их обитания. Одновременно важным условием является повышение культуры экономической, управленческой деятельности, что задаст образец решения проблем населения для всего региона. Затем следует активнее решать задачи улучшения условий отдыха и досуга разных категорий населения. Наконец, город в той мере становится субъектом развития территории, в какой он возвышается до уровня цивилизованных европейских городов. Действует следующая закономерность: мера влияния на культуру других территориальных образований определяется степенью собственного активного саморазвития города.

Анализ результатов исследований, проведенных в 1990-е гг. в северных моногородах, позволил констатировать, что развитие их сферы культуры обусловлено особенностями экономической специфики городов, рассчитанных не на укореняющееся, а на прибывающее и временно проживающее население, корни которого находятся в других культурных традициях и экономических ситуациях. Общие социально-экономические преобразования, происходящие в России, привели к изменениям, казалось бы, устойчивых тенденций развития и экономической специфики северных городов, их потенциала, а это, в свою очередь, отразилось на социально-экономической роли городской культуры.

Напротив, благоприятная ситуация и социально-экономическое благополучие северных городов, где уровень доходов населения достаточно высок, может сделать их привлекательными для проживания, обеспечивая дополнительный приток населения из других регионов. Число проживающего в городе населения, положительная динамика его изменения и высокий уровень жизни являются основными показателями конкурентоспособности и привлекательности конкретного города по сравнению с другими городскими поселениями. В этом – цель и смысл деятельности городского сообщества и органов местного самоуправления.

Духовным стержнем сформировавшейся региональной общности, по мнению Ф.Н. Рянского, который ввел в научный оборот термин «духовно-прикрепленный человек», стала творческая интеллигенция [3, С. 530]. Данный термин характеризует людей, которые способны сделать «малую родину» не только красивой, но и экономически развитой. Экология духовного прикрепления нашла свое отражение в творчестве местных поэтов, писателей, художников и других представителей творческой и научной интеллигенции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург: УрГУ. 1992.
2. Дридзе Т. Человек и городская среда в прогнозном социокультурном проектировании // Общественные науки и современность. 1994. №1. С. 131-138.
3. Социальная и этническая экология: региональный компонент / ред. сост. Ф.Н. Рянский. Нижневартовск – Тюмень: Изд-во ФГУ ИПП «Тюмень», 2003.

* * * * *

УДК: 745/749

Прохненко Виктория Васильевна

аспирант

Академия архитектуры и искусств

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону

3dnika@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕНТРОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ОБРАЗА ГОРОДА

В статье выявлены основные закономерности развития городского центра, рассмотрена эволюция форм его пространственной организации, раскрыты проблемы сохранения и модернизации центров исторических городов, в том числе, проблемы сохранения образа исторического города. Проанализированы существующие на сегодняшний день способы решения проблемы поддержания исторически сложившегося образа города средствами дизайна.

Ключевые слова: дизайн, историческая среда, системный подход, современные тенденции, образ города.

Prokhnenko Viktoriya Vasilyevna

post-graduate student

Academy of Architecture and Arts

Southern Federal University

Rostov-on-Don

3dnika@mail.ru

THE EVOLUTION OF THE CENTERS OF THE HISTORICAL CITIES AND THE PROBLEMS OF SAVING THE IMAGE OF THE CITY

In this article were defined basic regularities for the development of the city center, was considered the evolution of the forms of its spatial organization, revealed the problems of the maintenance and modernization of the centers of the historical cities, including the problems of maintenance of the image of historical city. There were analyzed

existing nowadays methods of solving the problem of maintenance of the historically formed image of the city using design resources.

Keywords: design, historical environment, systems approach, modern trend, image of the city.

Городской центр – это наиболее емкая в функционально-пространственном, эстетическом, архитектурно-художественном и семантическом плане часть городского пространства, в которой в наибольшей степени проявляется насыщение социальными функциями.

Во второй половине XX века открылась проблема несовместимости архитектурно-художественной среды прошлого с современными функционалом, с современными потребностями населения. Возникла реальная угроза разрыва историко-архитектурной эволюционной цепи. Исчезновение рядовой застройки исторической части города, разрушение сомасштабного окружения памятников архитектуры и утрата отдельных художественно ценных элементов оформления среды, показало насколько важна целостная городская среда, которую необходимо рассматривать как комплексный памятник градостроительства и культуры.

Поэтому целью настоящей статьи является выявления основных закономерностей развития городского центра, рассмотрение эволюции форм его пространственной организации, раскрытие проблемы сохранения и модернизации центров исторических городов, в том числе, проблемы сохранения образа исторического города.

Развитие городского центра происходит как в результате совершенствования жизненных условий человека и изменения его образа жизни, так и в результате соответствующего изменения материальной среды.

В своей работе, посвященной исследованию центров городов [12], Л.И. Соколов предложил подходы к исследованию процессов развития центра исторического города, позволяющие связать в единую цепь звенья «прошлое-настоящее-будущее»:

1) эволюционный подход: исследование процессов исторического развития центральных зон города, с учетом теоретического и практического опыта формирования подобных пространств;

2) системный подход: рассмотрение центральной зоны города, как сложной системы, требующей многомерного анализа структуры центра.

Конкретная городская историческая среда формируется и развивается под воздействием множества различных факторов: геополитических, экономических, этнокультурных отличий, природных особенностей – климата и ландшафта. Рассматривая центр исторического города как систему, можно проследить трансформацию основополагающих принципов градостроительства под влиянием симболи-

ческих, образных, знаковых (эмоционально-эстетических) факторов.

Формирование исторических городов (в процессе от градостроительных к смыслообразующим составляющим) можно разделить на четыре этапа:

I-й этап – первоначальная организация пространства города;

II-й этап – формирование композиционного центра либо ядра (с включением в него основных экомических, политических, стратегических, духовно-значимых мест), сопряженное с появлением многомерной структуры сфер активности (социальной, политической, экономической, градостроительной, архитектурной, культурной, духовной и т.д.);

III-й этап – присвоение пространству города определенных значений и смыслов;

IV-й этап – формирование единого образа, который фиксируется в стилистике архитектурных форм, семантике архитектурно-художественных форм и т.д.

Как было отмечено выше, формирование пространства исторического города исходит из сочетания градообразующих и символических предпосылок. Связь этих предпосылок обуславливает появление городского ландшафта, неповторимого своеобразие городского центра, его лица. На рисунке 1 показаны наиболее значимые факторы, влияющие на развитие городов и характер эволюции их структур.

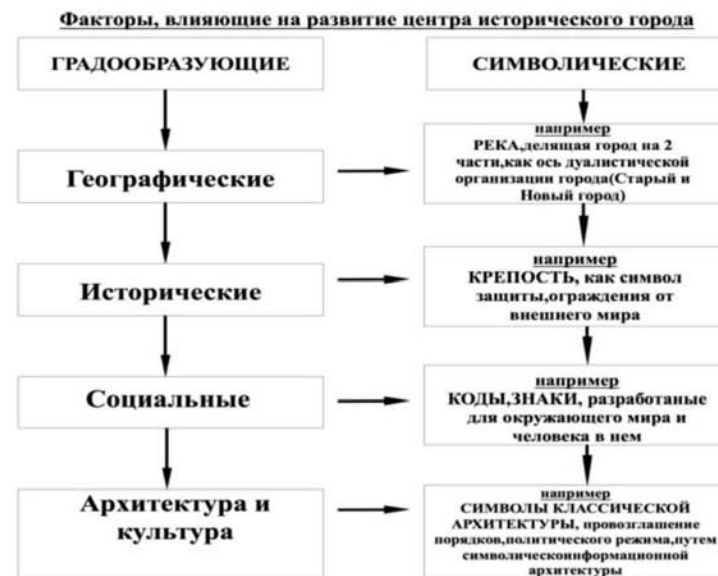

Рис.1. Систематизация факторов, влияющих на развитие центра исторического города

Установленные основные факторы определяют возникновение тех или иных типов городов, характер развития их планировочных структур и неповторимого образа. А выделенные этапы эволюции центра указывают на непрерывную цепочку взаимодействий деятельности людей и пространства, в котором эта деятельность происходит, то есть эволюция городской среды базируется на законах развития потребностей горожан и на законах изменения функций пространственных элементов.

Итак, центр исторического города – территория, на которой возник и развивался город, представляет собой сложную многоуровневую иерархическую систему, состоящую из огромного количества соподчиненных элементов среды, созданных в различное время, и являющихся результатом эволюционного процесса роста города.

В процессе изучения закономерностей существования и развития исторической среды центров городов, следует выделить ряд факторов, которые оказывают влияние на формирование городской исторической «ткани»: специфика городских функций и новых функциональных процессов в «старых» зданиях; пространственная структура элементов городского контекста – «архетип» среды пешеходного яруса; деятельность человека (обычаи и традиции горожан, их поведенческие стереотипы, модели восприятия и т.д.); концептуальное предпочтение авторов проектов и заказчиков [5; 8]. Визуальные наблюдения позволили установить, что пространственное строение исторической «ткани» происходит в процессе развития города, закономерной сменяемости архитектурных стилей. В результате, застройка исторического центра складывается из различных по характеру пространственно-планировочной организации и композиционно-стилевым особенностям типов застройки – «морфотипов».

Кроме дифференциации пространства исторически ценной среды по морфотипам, пространство центра можно разделить на слои, согласно введенным А.Э. Гутновым понятиям: «каркас», «ткань» и «плазма» города. В реальности «каркас» и «ткань» формируются преимущественно архитектурными объектами, а «плазма» – преимущественно средствами средового дизайна.

Последний из перечисленных слоев является на сегодняшний момент крайне мало изученным. Именно поэтому освоение городских пространств на этом слое и формирование «плазмы» обычно происходит крайне необдуманно и, как правило, без какого-либо проектного решения. В следствие чего, среда приобретает хаотический характер (за счет торговых павильонов, рекламных установок, бессистемного вечернего освещения и т.д.), тем самым размывается положительный образ отдельных исторических фрагментов и создается негативное впечатление от города в целом.

В дополнение к указанной выше анатомии исторического пространства (по А.Э. Гутнову), Л.Ю. Салмин выявил наличие в обра-

зе города «знаковой фактуры» – «весь комплекс форм городского окружения в том его виде, в каком он предстает конкретному человеческому восприятию в реальных пространственно-временных границах поведения» [11, С. 55]. Так же, в фокусе рассматриваемых нематериальных основ города, показателен взгляд архитектора Кристофера Дэй, который ввел термин «дух места». Дэй связывает «дух места» с естественными предпосылками к формированию городской среды и говорит о том, что душа места рождается еще до того, как во вновь выстроенном архитектурном пространстве появляется обитатель [2].

Как было замечено выше, основной архитектурно-дизайнерской проблемой центров исторических городов, в связи со стремительными изменениями социально-экономических условий, выступает «подвижность» и «нестабильность» пешеходного уровня, связанная с внедрением в него и сменой новых функций.

О проблемах среды исторических центров городов говорили многие отечественные и зарубежные теоретики.

Пол Голдбергер [16, С. 149], отмечает тот факт, что исторические городские улицы теряют чувство места, черты своей истории в угоду коммерческим интересам, и подчеркивает необходимость единой стратегии градостроительных и архитектурно-дизайнерских мер на этих территориях, нацеленной на сохранение колоссального значения исторических центров городов в американской культуре.

Аллан Джейкобс [15] в своих исследованиях центральных американских и европейских улиц подчеркивает, что единая стратегия должна быть направлена на сохранение не только объектов культурного наследия, но и элементов их взаимосвязей, определяющих уникальность среды.

Е.В. Плешакова [8, С. 30] выявила две основных негативных тенденции в сфере формировании облика исторических улиц российских городов:

- тенденция радикальная, с жестким включением новых элементов наполнения среды в ткань исторически сложившегося центра, когда весь город со временем теряет характер веками складывающейся среды, своё лицо;

- тенденция, проникнутая историзмом, которая в борьбе за сохранение памятников культуры ведет к консервации исторической части города, а охраняемая историческая часть приобретает музейный характер, от чрезмерного символического содержания среда, лишенная жизненных функций, постепенно превращается в «мертвый город».

Исследования ученых, работающих в означенной сфере, нацелены на поиск алгоритма действия к решению проблемы разрушения исторических пластов городского ландшафта, за счет нахождения

инструментария бесконфликтного проникновения в естественный исторически сформировавшийся контекст. Для сохранения истории города и его каркасной основы, по их единому мнению, необходимо предпринимать меры по перенесению основной функционально-семантической нагрузки с каркасного слоя города, с его планировочной структуры и архитектуры на поверхностный слой восприятия городской среды, формируемый, в основном, элементами благоустройства, городского и графического дизайна.

Для исторически ценной среды, главнейшим свойством практически всех предлагавшихся когда-либо моделей идеальной городской среды исторических городов (нацеленных на эффективное сохранение старого и для внедрения нового) являлась всегда однородность или порядок, определяемый подчинением общим закономерностям формообразования.

Уже в начале XXI века вопросы городского развития стали тесно связываются с образом города. Причина этого – новая ступень развития общества, когда вопросы образа либо имиджа, становятся факторами изменения реальности. Образ города влияет на различные стороны городского развития, и прежде всего на экономику, культуру, миграционные процессы, а также на поведение жителей в городе. Как правило, для получения максимально широкого представления об образной составляющей города анализируются три модификации его средового образа: образ города в восприятии жителя, официальный и художественный образ города.

Структуру образа города в своем диссертационном исследовании выявила А.Н. Маслова: статус города, облик города, стереотипы о городе, городская мифология, городской фольклор, городская символика, душа города, эмоциональные связи с городом [7, С. 19]. Образы городов в разной степени насыщены каждой из указанных составляющих, отмечает автор, от чего зависит яркость и неповторимость образа.

Американский архитектор Кевин Линч писал, что образ города – это читаемость городской среды. Города различаются по степени легкости формирования их устойчивых образов и имеют пять основных элементов [6]: пути; границы, или края; районы; узлы; ориентиры.

И.А. Игнатьева [3] подчеркивает, что концепция выявления компонентов исторического своеобразия города, должна опираться на представления о характере развития образа города, на структуру образного каркаса, состоящую из тех свойств города, которые сохраняют принципиальное значение для формирования его образа, несмотря на смену культур и физические изменения в его облике: а) смысл города, обычно данный ему при основании, и иногда выраженный устойчивым словосочетанием («окно в Европу»,

«третий Рим» и т.д.); б) наиболее яркие качества города в целом, определяемые характером ландшафта и общими принципами освоения пространства; в) особенности прочтения планировки города; г) общий характер застройки; д) места-символы города (особое значение в этой группе имеет место основания города).

Визуальный образ среды – это результат визуального восприятия, формирующий в сознании человека определённый эстетический, духовно-насыщенный образ. П.А. Путинцев [9] в своих работах, посвященных образу города, отмечает, что образ города – это динамично изменяющееся во времени, психоэмоциональное обобщение всех ассоциаций и кусков информации относительно города, которыми обладает человек или группа людей. Т.Ю. Быстрова вывела ряд социокультурных функций образа города [1]:

- организация (создание целостного впечатления);
- презентация (создание благоприятного впечатления);
- коммуникация (связь с историей и современной культурой);
- облагораживание (для современников и потомков);
- утопизация (создание образа достижимого будущего) и эстетизация;
- формирование духовно-ценностной атмосферы, «духа» города.

Учитывая строение городской исторической среды центра, из выше сказанного о структуре и функциях образа города можно сделать заключение, что возможность перехода в плоскость создания образа или имиджа города дают средства средового дизайна, формирующие слой «плазма».

В рамках анализа возможностей средств дизайна в сфере сохранения образа города следует произвести их типологизацию и определить функциональные особенности. Средства дизайна могут быть типологизированы по следующим позициям: выразительные, методические и инструментальные. Выразительные средства обуславливают человеческое восприятие и отвечают за формирование образа города, его материальные и виртуальные качества. Методические средства представляют собой творческие приемы, подходы и действия для получения дизайн-продукта, прямо или косвенно работающего на создание образа города. Инструментальные средства, обуславливаются возможностью инструментария к воспроизводству того или иного эффекта, той или иной последовательности технических операций для реализации задуманной идеи по обогащению образа города. Таким образом, союз дизайнерских средств (выразительных, методических и инструментальных) выстраивает одно из необходимых звеньев (образ-способ-реализация) методологической цепочки участия дизайна в формировании образа города [9].

Автор С.А. Степанова в своем диссертационном исследовании [13] предлагает строить теоретическую основу методики корректировки образа городской среды на следующих принципах:

- стремление к целостному облику городской среды, сочетающему в своей пространственно-временной динамике ее выразительность в дневное и вечернее время;
- отражение в облике городской среды национально-культурных и природно-климатических особенностей региона;
- открытость облика городской среды к дальнейшим изменениям;
- пространственно-пластическая и цветоцветовая проработка фрагментов среды с целью ее дальнейшего архитектурного совершенствования (т.е. создание средствами дизайна определенных доминант, силуэта, своего рода макетирование средствами дизайна в натуральную величину).

И.А. Игнатьева формулирует отдельные рекомендации по возможностям сохранения и возвращения исторического своеобразия городов по следующим направлениям [3]:

- частичное возвращение такого компонента исторического своеобразия городов, как возможность их панорамного восприятия благодаря переосмыслению современного использования исторических видовых точек;
- реабилитация «старых» символов городов, путем их более активного включения в современную жизнь, создание на их основе центров общественного притяжения;
- более активное использование потенциала места основания города за счет насыщения его общественной функцией и переосмысления современной пространственной композиции центра города;
- использование принципов восприятия «старого города» для современной организации комфортной городской среды, (положительное эмоциональное воздействия панорам и фактора осознания границ города);
- образ центра играет ведущую роль в формировании образа городов.

В качестве практического решения проблемы по сохранению образа исторического города В.А. Сааковым [10] предлагается программа по формированию положительного образа города, базирующаяся на акцентировании событий, организаций, личностей и достопримечательностей, вызывающих особую гордость жителей, под названием обитаемый памятник, в рамках которой он вывел типы пространств:

- публичные городские пространства коммуникации истории, культуры и политики и актуализации, экспозиции и демонстрации исторической памяти и образов будущего;
- городские и мета-городские пути, трассирующие городскую среду экскурсами в историю и экспозиционными маршрутами в будущее;

- мобильные институты и гибкая инфраструктура в виде комплексов медийных, демонстрационных, выставочных и прочих студий, обеспечивающих выражение субъектности города и горожан.

В целом, к методологическому инструментарию, выдвинутому на сегодняшний день в сфере сохранения и модернизации исторически ценной среды средствами дизайна, можно отнести:

- методику структурирования образа города или его образного каркаса [7; 3];
- методику анализа характеристики образа города с учетом социально-культурных, технико-экономических и композиционно-пространственных закономерностей его развития [4];
- отдельные принципы сохранения образа исторической среды [13; 7].

Подытоживая, стоит сказать, что наиболее ценными, является то, что подавляющее число авторов для решения проблемы сохранения образа города основываются на принципах знакового облика, локализации средового объекта, которые должны поддерживать исторические формы, подчиняясь архитектурному окружению и следуя символической идее места [2; 11; 14]. Однако единая концепция решения проблемы не предложена ни одним из упомянутых авторов.

Таким образом, можно констатировать факт, говорящий о том, что никем на настоящий момент времени не найден алгоритм, который бы позволял (с точки зрения системного подхода) осуществлять анализ среды конкретного города и из всего спектра возможных направлений развития центра, давал бы основания выбрать самое эффективное направление, при котором бы смогли осуществиться подходящие сценарии развития центра конкретного исторического города.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрова Т.Ю. Формирование имиджа города: курсовая работа / Режим доступа: http://www.uran.ru/reports/usspe_c_2003/thesesofreports/t160a.htm (дата обращения: 20.09.2014).
2. Дэй К. Места, где обитает душа: Архитектура и среда как лечебное средство / пер. с англ. В. Л. Глазычева (Академия городской среды). М.: Лада, 2000. 280 с.
3. Игнатьева И.А. Развитие образа исторического города: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 : защищена 26.10.2000. Екатеринбург, 2000. 200 с.
4. Калинина Н.С. Дизайн среды открытых пространств центра исторического города: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 : защищена 17.02.2000. М., 2000. 177 с.
5. Курата С.П. Анализ сложившихся подходов к преобразованию исторического городского контекста // Студенческое творчество в архитектурно-художественной культуре Юга России: XVIII научно-практическая конференция, Ростов-на-Дону, 2006 г.: матер. конф. Ростов н/Д.: РГААИ, 2006. 217 с.
6. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
7. Маслова А.Н. Социологический анализ образа г. Нижнего Новгорода: дис. магистра. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2006. 19 с.

8. Плешакова Е.В. Принципы архитектурно-дизайнерского формирования пешеходного яруса улиц исторического городского центра (на примере г.Ростова-на-Дону): дис. магистра. Ростов н/Д.: РГААИ, 2004. 86 с.
9. Путинцев П.А. Имидж города и имидж-дизайн города. // Режим доступа: http://effcom.ru/archive/issue3/image/Image_goroda_image_dizayn_goroda (дата обращения: 21.09.2014).
10. Сааков В.А. Культурные модели и ментальная платформа музея СССР и его дела / Режим доступа: <http://www.myshared.ru/slide/468701/> (дата обращения: 01.10.2014).
11. Салмин Л.Ю. Моделирование средовой ситуации и городской дизайн: автореф. дис. канд. искусствоведения: 17.00.06 : опубликован 13.07.1988. М., 1988. 28 с.
12. Соколов Л.И. Центр города — функции, структура, образ. Москва: Стройиздат, 1992. 353 с.
13. Степанова С.А. Динамика визуального образа города (на примере г. Хабаровска): автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 опубликован 15.04.2006. М., 2006. 27 с.
14. Gehl J. Life Between Buildings: Using Public Space. Copenhagen: Arkitektens Forlag, 1996. p.27.
15. Jacobs A.B., Appleyard D. Towards an Urban Design Manifesto // The Urban Design Reader (Larice). 1989. p. 98-108.
16. Montgomery J. Making a city: Urbanity, vitality and urban design // Journal of Urban Design, 1998. p. 93-116.

* * * * *

УДК 394.9

Мазалова Наталия Евгеньевна

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Музей антропологии и этнографии РАН
г. Санкт-Петербург
mazalova.nataliya@mail.ru*

ПЕТЕРБУРГ — «ЖИВОЙ ГОРОД»: СОВРЕМЕННЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОЖАН

В статье рассматриваются современные мифологические представления о Петербурге. Взаимодействие между современным петербуржцем и городом представлено в виде модели «человеческое тело» — «городское тело», внутри которой между этими составляющими происходит постоянный обмен смыслами. Автор делает вывод о том, что в наши дни Петербург в чувствах горожан предстает как больное тело, в котором наличествуют признаки хаоса, энтропические тенденции.

Ключевые слова: тело города, теория телесного воплощения, мифология современных петербуржцев.

Mazalova Natalia Evgenevna

*candidate of historical sciences, senior research fellow
Museum of Anthropology and Ethnography
of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg
mazalova.nataliya@mail.ru*

PETERSBURG — «LIVING CITY»: CONTEMPORARY MYTHOLOGICAL REPRESENTATION OF CITIZENS

The article examines contemporary mythological representations of Petersburg. Interaction between the modern city and Peterburger represented as a model of «the human body» — «municipal body», in which between these components is a constant exchange of meanings. The author concludes that nowadays Petersburg residents feeling appears as a sick body, which are present signs of chaos, entropic tendencies.

Keywords: body of the city, the theory of embodiment, the mythology of modern St. Petersburg.

В русской культуре сложился уникальный образ Петербурга, который менялся в различные исторические периоды. Еще в двадцатые годы Н.П. Анциферов писал о Петербурге как о «конкретном культурно-историческом организме, обладающем душой» [1, С. 22].

Во второй половине XX в. в западной науке разрабатывалась теория телесного воплощения и телесных репрезентаций социальных отношений и культурных ценностей [21, Р. 124; 17; 18 и др.]. М. Дуглас в книге «Естественные символы: исследование в области космологии» [23], посвященной разработке подхода к изучению телесного символизма как средства выражения социального опыта, отмечала, что человеческое тело всегда воспринимается как образ общества («социальное тело»), и таким образом включает в себя социальное измерение. По аналогии с социальным телом, город можно представить в виде системы — «тело города» (с несколькими составляющими — социальной, культурной, архитектурной и природной). В соответствии с теорией телесных отношений, взаимодействие между современным петербуржцем и городом можно представить в виде модели «тело физическое (человеческое) — тело города», внутри нее между телами происходит непрерывный обмен смыслами таким образом, что каждый из них «усиливает категории другого» [23, Р. 65].

В соответствии с принципами антропоцентризма, для описания Петербурга в качестве точки отсчета используется человек [2, Р. 648-685]. Большинство петербуржцев воспринимают Петербург как живой организм, как тело: «Петербург живой», «Петербург — город с душой» [9], «Петербург, как и любой город с телом и «с душой», воспринимается как живое существо» [9]. Телу приписывается формы и размер: «большое», «стройное», «сухощавое», «красивое», вероятно, эти образы сложились соответствии с архитектурным обликом города.

Некоторые петербуржцы воспринимают город если не как антропоморфное создание, то — по крайней мере — живое, причем подчеркивают свою связь с ним: «Ощущаю Петербург как влажную,

холодную, дышащую сферу, обладающую своей волей... оно мерцает, иногда бывает пол: и женское, и мужское... Взаимодействуешь с ним, как с чем-то сильным и большим. Мистика заключается в возможности ощущать его состояния, и твое состояние связано с его» [9].

В соответствии с представлениями мифологической анатомии, петербуржцы выделяют два важнейших элемента города: по мнению большинства, его сердце (центр) – Невский, а жилы (артерии, сосуды) – Нева и ее притоки и каналы (в соответствии с народными представлениями о тождестве вода-кровь). В народной русской мифологии, живой организм функционирует благодаря работе сердца и кровообращению. Некоторые петербуржцы под сердцем Петербурга воспринимают весь исторический центр: «Сердце Петербурга, как мне кажется, – это остатки его исторического центра: Васильевский остров, Адмиралтейский и Центральный район и др. Там, в его центре царит особая благодать» [9].

Как человеческое тело, Петербург наделен жизненной энергией, которая, по народным представлениям, связана с жаром, теплом, огнем [8, С. 157]: «Несмотря на холодные сильные ветра и морозящие дожди, в нем чувствуется тепло жизни» [9].

В соответствии с народными представлениями, душа воспринимается как необходимая, конституирующая составляющая живого человека [13]. По народным представлениям, в сердце локализуется душа, именно так воспринимается Невский проспект – это не только сердце, но и душа города, его идея, например, у современной поэтессы:

*Отгородившись Невским от забот,
Я им иду, взирая на рекламы,
Которыми увешан главный самый
Проспект души и главный жизни лот* [10, С. 62].

Невский проспект связан с представлениями о движении. Он был задуман Петром I как главная транспортная артерия, эта функция сохраняется и в наши дни, для многих петербуржцев Невский – это транзит. В более позднее время Невский проспект стал ассоциироваться с представлениями о культурном движении: он превратился в центр духовной жизни Петербурга – на нем или в непосредственной близости от него расположены театры, музеи. Невский и сейчас художественный центр; там выставлены работы художников, играют музыканты.

В наши дни на Невском и прилегающих к нему улицах «тусуются» молодежь и студенты, причем это не только физическое движение, но и духовное: здесь происходит взросление, проводятся акции, напоминающие посвятельные обряды: «там получаешь жизненный опыт, узнаешь что-то новое» [9]. На Невском проспекте

манифестируется идея дороги; дорога – символ жизненного пути, особенно значимый в переходных ритуалах; место, где проявляется судьба, доля, удача человека при его встречах с людьми: «Невский – не только артерия, но еще и главная жилка Петербурга, с него невозможно заблудиться, если ты на Невском – все, дорога открыта, иди куда хочешь» [9].

В современных представлениях горожан, связанных с гендером и возрастом Петербурга, он предстает как мужчина среднего возраста: «Мужчина, зрелого возраста, умный, немногословный, сдержанный, пристально-оценивающий, ироничный, эlegantный красавец, влюблена в него уже 30 лет, живу в стремлении добиться его взаимности» [9]; «Мужчина 40-50 лет, близорукий, эlegantный, задумчивый, светловолосый» [9]. По сравнению с петербургской мифологией XVIII–XX в., к началу XXI в. образ юного города постарел. В представлениях горожан, отраженных в прозе современных писателей «на смену образу ювенильного города на Неве, приходит образ города-старика» [5, С. 87]. Несомненно, пол и возраст города, в ощущениях современных горожан, связан с мифами о создателе города Петре I: «Город как Петр I, мужчина средних лет, энергичный, сильный» [9].

Город, по ощущениям петербуржцев, – существо деятельное и активное: «Петербург – мужчина, лет 50-60, седеющий, но поджарый, активный» [9]. Город наделен волей, разумом и эмоциями: «Петербург – мужчина относительно молодой, весьма недурной собой, он добивается своих высоких целей, орудуя особыми абсурдистскими приемами»; «Петербург – почти всегда спокоен, его разум не поддается смятению» [9].

Городу приписывают определенные черты характера – «величественный», «мудрый» и др., в них, несомненно, прослеживаются ассоциации с Петром I, в соответствии с идеей которого «Петербург – европейский город», город воспринимается как «европеец»: «Характер сдержанный, нордический, скрытный» [9].

Многие петербуржцы как основную черту Петербурга выделяют таинственность и загадочность в соответствии с представлениями о мистичности города: «Скорее, таинственный и задумчивый, непредсказуемый»; причем некоторые эти качества определяют как признаки женской сущности [9]. Город может выступать как физически и психически нездоровый человек: «СПб – мужчина лет сорока, худой, часто болеет простудными заболеваниями»; «Чухоточный мужчина, от 30 до 40 лет, городской сумасшедший в лохмотьях»; «Солидный мужчина... склонный к резким перепадам настроения, возможно, с некоторой степенью шизофрении» [9].

Петербург, в противоположность Москве, всегда воспринимался как мужское начало, В 18 – начале 20 вв. бытовали пословицы:

«Питер женится, Москву замуж берет», «Питер женится, Москва – замуж идет»; пословица «В Ленинграде женихи, а в Москве невесты», бытовала в Петербурге/Ленинграде до самого недавнего времени» [11, С. 209-210]. Обычно Петербург – «отец» или «батьюшка» предполагает вторую пару матримониального союза: «Питер-батьюшка, Москва – матушка»: «Идея о брачных отношениях Москвы и Петербурга поддерживается устойчивыми представлениями об их соответственно мужской и женской природе...» [3, С. 119]. В современных представлениях исчезла матримониальная основа этого представления, и Петербург предстает как одинокий мужчина.

Образ Петербурга – мужчины, прежде всего, связан с историческим центром города. В наши дни возник новый образ Петербурга – женщины пожилого возраста. Так, город предстает в образе современной пожилой женщины, из всех сил старающейся сохранить молодость и привлекательность: «Современный Петербург напоминает мне Л. Гурченко в последние дни жизни: подтяжки, золотые нити» [9]. С образом немолодой женщины ассоциируется весь город с окраинами: «Петербург – молодящаяся дама, вдова, без зубов, но в пластиковых клипсах, в топике, которая собирается на дискотеку» [9]. Это образ возник у информатора в одном из отделенных районов города: там стоят пятиэтажки со старыми окнами, потрескавшимися стенами, покосившимися балконы; они производят впечатление полной старости и одряхления, а рядом с ними – новая сверкающая высотка «Петроэнерго».

В большинстве современных описаний Петербурга внимание акцентируется на том, что город – немолодая женщина, вдова, она старается быть привлекательной, но ей это не удается, в силу возраста, физического состояния она лишена производительных функций. Общим для всех описаний является ощущение некоторой нелепости образа, несоответствия возраста и манеры поведения, вызывающее жалость и неловкость.

Иногда на образ Петербург – женщины переносятся функции Москвы – матери: «Петербург, конечно, мать. Не Москва же мать для нас» [9]. Этот образ восходит к архаическому образу Матери-Земли: «Образ города, сравниваемого или отождествляемого с женскими персонажем, в исторической и мифологической перспективе представляет собой частный, специализированный вариант (обусловленный достаточно определенными условиями) более общего и архаичного образа Матери-Земли» [14, С. 123].

По мнению С.В. Бочарова, этот образ «открывает в нем [Петербурге – Н.М.] изначально заложенную также в народной памяти сущность апокалиптической блудницы» [4, С. 5]. В библейских текстах (Откровение 17,1) встречается апокалиптический образ «блудницы, сидящей на водах», петербургская блудница также связана с водой.

Представляется, что образ современного Петербурга – старой женщины является развитием образа молодой вавилонской блудницы. Общей чертой этих образов, прежде всего, является неспособностью к продлению рода, бесплодность. Кроме того, прослеживается ассоциации с концом света, апокалипсисом.

Возможно, двойственный образ Петербурга – мужской/женский – может интерпретироваться следующим образом: в наши дни Петербург воспринимается как двуполое существо, андрогин, в нем есть и мужские, и женские черты, «нерасчлененная целостность» [20; 6]. В мифологическом сознании петербуржцев город возвращается к состоянию хаоса, что является традиционным представлением петербургского мифа [15, С. 677].

В наши дни возник еще один образ Петербурга – тело, которое подвергается насилию, его «расчленяют», «уродуют», «калечат», «терзают». Этот образ связан с планомерным сносом старых домов. Город называют «израненный», «истерзаный», «изуродованный», «изувеченный», «искалеченный» [9] и др.; иногда город воспринимается как больное животное: «Выщипанный, подбитый» [9].

По традиционным русским представлениям, дом – это человек. Разрушение старинных зданий, которые «не изжили свой век», петербуржцы воспринимают как уничтожение людей: «Больно смотреть на дома с пустыми глазницами (готовящиеся к сносу. – Н.М.), они как раненые люди» [9]. Петербуржцы негативно оценивают «разрушителей» зданий и состояние города после их действий: «Старые здания разрушают только изверги; ощущения – разрушенный Петербург, переходящий в труху, срезание культурных слоев, скорее побитый, чем израненный» [9]. В современном стихотворении разрушение домов сравнивается с гибелью на поле битвы, которую они ведут ее против «хамов», позарившимся на их «место», и говорится об ответственности петербуржцев за это:

«Домов немало полегло.

Спасти не вышло. Каюсь, каюсь...» [10, С. 65].

Разрушение зданий воспринимается как насилие над человеком и оценивается в правовых терминах: «К разрушению старых красивых зданий отношусь как к преступлениям» [9]. Реже город воспринимается как противостоящий насилию и борющийся с ним: «Сильный, стойкий, борющийся, противостоящий насилию» [9].

Петербургжцы ощущают родство с уничтожаемыми зданиями, вероятно, особенно явственно это проявляется в переломные исторические периоды. Снос зданий в наши дни можно сравнить с разрушением Петербурга после революции 1917 г.: «Вещный код становится одним из способов описания послереволюционной России: гибель мира, его беспощадное разрушение и уничтожение на-

чинается с гибели вещей, то есть уничтожения дома как центра и средоточия человеческого микрокосма» [19, С. 127]. Отметим, что с конца 90-х гг. прошлого века и до наших дней в городе безвозвратно утрачено больше зданий, чем в годы блокады.

И, наоборот, в противоположность уничтожению, «изъятию» старинных зданий – органических элементов из тела Петербурга, строительство новых зданий («новоделов») в центре рассматривается как вторжение в него чего-то инородного, болезненного. Так, печально знаменитая вторая сцена Мариинского театра мгновенно получила в народе названия, основанные на сравнении с болезнями: «как бельмо на глазу», «как прыщ на носу», «урод» и др.: «это урод, чирей, почему такое уродство» [9].

Новоделы в центре Петербурга описываются в терминах, обозначающих хирургические (гнойные, воспалительные) заболевания, которые можно излечить лишь при помощи их удаления, как, например, фурункул – «гнойное некротическое воспаление»: «По периметру город порос борщевиком, огромные, агрессивные строения, в центре встречается более тактичная застройка, хотя там тоже есть фурункулы» [9].

Кроме того, фразеологизмы «как бельмо на глазу», «как прыщ на носу» содержат эмоциональную оценку – «как нечто раздражающее», «не свойственное». Еще одно название второй сцены Мариинского театра – «ящик», в этом названии прослеживается ассоциация с гробом, с представлениями о смерти. Огромное новое здание из стекла и бетона, похожее на торговый центр, подавило Мариинский театр: рядом с ним оно выглядит как провинциальный театр.

По традиционным представлениям, причинами болезни могут быть инородные вкрапления («новоделы»), а также потеря души [22, Р. 55]. Разрушение старинных зданий означает утрату частицы души города, поскольку каждое из них мыслится как наделенное душой: «Старинные здания, улицы, вещи хранят память о своих создателях, владельцах, обо всех, с кем соприкасались; они словно вбирают в себя частички человеческих душ, одушевляются» [12, С. 25].

Петербург (физическое тело) наделяет город (городское тело) антропоморфными признаками и состояниями, которые присущи ему самому, с другой стороны, город влияет на человека, причем воздействия, которые испытывает город (разрушения, возведение новых зданий в центре города и др.), отражается не только на психологическом, но и на физическом состоянии человека: так, снос старинных зданий вызывает «ком в горле; Петербург – жертва алчности, глупости и равнодушия» [9]; один вид второй сцены Мариинского театра производит ощущение физического удара: «Мне удар в под дых, меня оскорбили» [9].

Пожалуй, единственная составляющая тела города – культурная – ощущается горожанами как позитивно влияющая на них. Созданные людьми объекты культуры, в свою очередь, воздействуют на человека. В произведениях современных писателей в конце XX – начале XXI в. возродилась идея «Петербург – культурная столица страны» с востребованностью идеи Петербурга – культурного и духовного центра. Вместе с тем, «избыток культуры» и особенно, массовой культуры может превратить культурный объект в музейный, он начинает восприниматься петербуржцами как лишенный жизни, души. К сожалению, по ощущениям петербуржцев, сейчас это начинает происходить с Невским: «Невский как витрина» [9]; «Всегда напрягает обилие людей. При всей шумности Невский кажется мертвым, как экспонат. Если можно так сказать, времена Невского прошли. Теперь это просто самый удобный в центре маршрут. Поводить гостей, туристов. А так в целом особого трепета не вызывает» [9]. Свою сущность Невский – сердце города сохраняет только ночью, когда он оживает: «Разве что по ночам как-то иначе дышится там. По ночам есть что-то волшебное в Невском»; «Невский стараюсь днем избегать, слишком много информации, давит, гулять можно только ночью» [9].

Тело человеческое и «тело города» находятся в постоянных динамических взаимодействиях. Происходящие с городом изменения приводят к изменению норм поведения жителей Петербурга: если раньше была актуальной пословица «Москвичи живут в квартирах, петербуржцы – на улицах», то теперь горожане замыкаются в своих квартирах, домах. Еще одна причина этого, заключается в том, что в наши дни, на мой взгляд, природная составляющая тела города ощущается петербуржцами в большей степени, в том смысле, что город, отвоеванный у стихии, сдает ей некоторые позиции.

Актуализируется миф «Петербург построен на болоте». Петербуржцы в новых районах города ощущают зыбкость, неустойчивость своих домов. Прежде всего, это относится к районам города, которые отвоевывают у моря и строят дома на сваях на намывных почвах, например, на Васильевском острове. В детстве я жила в многоэтажном доме, расположенном именно на такой территории. Ко мне приходили одноклассники покатаются на лифтах, они уверяли, что на последнем этаже они чувствуют, как дом раскачивается, и острили по поводу того, как мне удастся донести ложку с супом до рта, не расплескав ее.

По словам Ю.М. Лотмана, Петербург – «живой организм», который «все время не равен себе» [7, С. 82]. В каждый определенный отрезок времени Петербург – разный. Анализ мифологических представлений петербуржцев показал, что Петербург в наши дни предстает как больное, разрушаемое тело, в нем много призна-

ков хаоса, смешанность элементов (например, мужское/женское), сильны энтропические тенденции, ослабление культурного и наступление природного начала. Об этом еще в 1990-е гг. писал В.Н. Топоров: «Но сейчас город тяжело болен, и ему надо помочь» [15, С. 699]. Вместе с тем, исследователь отмечал, что городу присуща спасительная функция, он может оказаться «надежным ресурсом» возрождения России. Возможно, одна из важнейших черт хаоса, который характерен для современного Петербурга, – наличие в нем энергии – приведет к возрождению самого города.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. СПб.: Издательство «Брокгауз-Ефрон», 1922.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
3. Ахметова М.В. Города как родственники (об одном типе метафорического употребления терминов родства в русском языке) // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб: МАЭ РАН, 2012.
4. Бочаров С.В. Петербургский текст Владимира Николаевича Топорова // Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009.
5. Ермоченко Т.К. Апокалиптический мотив в новой петербургской прозе конца XX – начала XXI в. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. Т. 12. № 33.
6. Лосев А.Ф. Хаос // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
7. Лотман Ю.М. Город и время // Метафизика Петербурга. СПб., 1993.
8. Мазалова Н.Е. «Состав человеческий». Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
9. Полевые исследования автора в Санкт-Петербурге в 2013 г.
10. Потапова Н.В. И женщина идет по январю. СПб: Изд-во «Любавич», 2013.
11. Синдаловский Н.А. Мифология Петербурга. Очерки. СПб., 2000.
12. Смотрица М. Истоки // Метафизика Петербурга. СПб., 1993.
13. Толстая С. Тело как обитель души: славянские народные представления // Тело в русской культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
14. Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., Наука, 1987.
15. Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009.
16. Топоров В.Н. Хаос первобытный // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
17. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / Сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М.: Магистериум М. Касталь, 1996.
18. Фуко М. Рождение клиники / Пер. с фр., научн. ред. и предисл. А. Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998. 310 с.
19. Цивьян Т.В. Семиотические путешествия СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.
20. Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб.: Алетея, 1998.
21. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice / Transl. R. Nice. Cambridge Univ. Press, 1977.
22. Clements F.E. Primitive Concepts of Disease // University of California Publications in American Archeology and Ethnology. Berkeley, California: Univ. of California Press, 1932. Vol. 32, No. 2.
23. Douglas M. Natural Symbols: Explorations in Cosmology. London: Barrie & Rockliff; The Cresset Press, 1970.

* * * * *

УДК 069.6:659

Петрова Людмила Ивановна
хранитель фонда открыток
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
г. Санкт-Петербург
ludpetrova@list.ru

ОБРАЗЫ ПЕТЕРБУРГА В РЕПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ ГОРОДСКИХ МУЗЕЕВ ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДА

В статье рассматриваются варианты репрезентаций городского пространства в практиках городских музеев Санкт-Петербурга, Петрограда и Ленинграда. Описываются выбранные музеями образы города и анализируются причины их выбора.

Ключевые слова: городской музей, образ города, репрезентация, визуализация.

Petrova Ludmila Ivanovna
curator of Department of Postcard Collection
The State Museum of History of St. Petersburg
Saint Petersburg
ludpetrova@list.ru

IMAGES OF ST. PETERSBURG IN REPRESENTATIONAL PRACTICES OF URBAN MUSEUMS OF ST. PETERSBURG AND LENINGRAD

This article discusses the urban space representation options in the practices of the city's museums in St. Petersburg, Petrograd and Leningrad. It describes images of St. Petersburg which were selected by museums and analyzes reasons of their selection.

Keywords: urban museum, city image, representation, visualization.

В Санкт-Петербурге (далее Петербург), а затем Петрограде и Ленинграде были созданы и работали три городских музея: Санкт-Петербургский городской музей (далее Петербургский городской музей), Музей старого Петербурга и Музей города. Каждый из них для представления в музейном пространстве выбрал свой аспект

темы города. Кроме того, в процессе строительства этих музеев их создатели, так или иначе, обращались к различным образам Петербурга и использовали их для трансляции своих идей.

Впервые предложение о необходимости иметь музей, посвященный истории Петербурга, прозвучало в 1887 г. на заседании Петербургской городской думы, но воплотилось только после возведения в 1907 г. Дома городских учреждений на Садовой улице. Осенью 1908 г. на пятом этаже здания была создана первая экспозиция Петербургского городского музея.

Изначально его создатели (городской голова Н.А. Резцов, заведующий статистическим отделением городской управы В.В. Степанов, заведующий музеем Н.И. Шевлягин) пришли к заключению, что музей должен служить интересам не только петербургского самоуправления, но в целом городского общества, и поэтому представлять как городское хозяйство, так и историю Петербурга. Эти первоначальные представления о специфике Петербургского городского музея были учтены в дальнейшем при разработке его программы. Окончательный вариант программы музея, разработанный «Комиссией для всестороннего выяснения вопроса об использовании Тучкова буяна и прилегающей к нему местности под председательством гласного Г.А. Фальборка» (далее Комиссия Г.А. Фальборка), работавшей в 1912–1916 гг., предусматривал широкое понимание истории города. Сюда включалось городское управление, городское хозяйство, градостроительство, архитектура, культура, быт и т. д., которые в экспозициях должны были представляться как историческими предметами, так и современными материалами. К сожалению, проект не был реализован из-за начала Первой мировой войны.

Однако заслуга авторов проекта Петербургского городского музея состоит не столько в таком широком видении темы, сколько в новаторских идеях, касающихся назначения музея и его задач. Творческий подход, проявленный городским самоуправлением при проектировании музея, не являлся частным случаем. Осознание значимости культуры для современной жизни способствовало инициированию как отдельных мероприятий в области культуры, так и разработке общегородской программы внешкольного образования. При знакомстве с ними обращает на себя внимание стремление использовать богатый потенциал городской истории. Выбор городского самоуправления пал на первые годы жизни Петербурга, а стержнем своей концепции оно решило сделать известную метафору европейской интеграции: «Окно в Европу», определяя ее как историческую миссию города. В современных условиях она трактовалась как укрепление культурных связей с Западом. Квинтэссенция этой культурной миссии была сформулирована в докладе товарища городского головы Д.И. Демкина, прочитанном им в январе 1911 г. на съезде

русских зодчих: «Современная культура создается обменом знаний и услуг и, в свою очередь, создает потребность в таком обмене» [12, Л. 149]. Инструментами этого обмена, по мнению Петербургского городского самоуправления, должны были стать выставки, съезды и музеи. Для функционирования этой культурной триады на территории Тучкова буяна было задумано создание городского культурного центра (комплекс должен был состоять из выставочного и музейного зданий и здания для съездов), разработка программы которого и была возложена на Комиссию Г.А. Фальборка.

В контексте городского культурного центра городской музей рассматривался как его составная часть. Тем не менее, среди других учреждений культуры ему отводилась особая роль. Программа предусматривала наделение музея имиджинговыми функциями: на музей возлагалась задача создания привлекательного образа города. Реализация этой задачи связывалась не с внутренней архитектурой музейного экспозиционного пространства, а с внешними атрибутами: обликом музейного здания, выбором места для его постройки. Их выбор определялся не столько тем, что Петербургский городской музей – это музей городской истории, сколько смыслом исторической миссии Петербурга, именем Петра I. Поэтому городское самоуправление остановилось на образе «петровского Петербурга» для презентации своей культурной миссии. Отсюда требование определенного архитектурного стиля для музейного здания – петровского барокко – и тщательный выбор места для его постройки. Он должен был располагаться не просто в центральной части города, важна была близость к объекту, так или иначе связанному с Петром Великим. Рассматривались местность около Домика Петра I, первого сооружения города, и территория Тучкова буяна, где в 1724 г. Петром I предписывалось построить пеньковые амбары для развития международной торговли [7, С. 121]. Помимо этого, выбор обосновывался близостью к Петропавловской крепости, наиболее значимому символу города: «Центр всего этого места – Петропавловская крепость – сам по себе живой памятник-музей русской жизни и русского искусства петербургского периода нашей истории, и музей имени великого основателя Петрограда и его венценосных продолжателей невольно хочется поместить там...» [5, С. 498].

Все эти требования окончательно оформились к 1912 г., когда Дума откликнулась на предложение Петербургского общества архитекторов провести конкурс на застройку территории Тучкова буяна. Любопытно, что во всех трех конкурсных проектах его именного этапа, в котором участвовали известные петербургские архитекторы М.Х. Дубинский, О.Р. Мунц, И.А. Фомин, именно здание для музеев являлось композиционным центром и задавало стилистику всему ансамблю. В наибольшей степени замыслам городского самоуправ-

ления отвечал проект архитектора О.Р. Мунца. Музейное здание было спроектировано в виде отдельных связанных между собой корпусов и выглядело как исторический городок, выдержанный в стиле петровских построек, а увенчанный шпилем купол центрального корпуса «работал» как доминанта. В этом проекте барочные формы получили не только эстетическое, но и символическое звучание.

В истории российских музеев немного найдется примеров постройки специальных музейных зданий. Если говорить о городских музеях, то можно назвать единицы. Причем при сооружении музейных зданий наиболее подходящим считался классический стиль, поскольку исходили из общего определения «музей – храм искусств», а специфика городского музея не принималась во внимание. В этом смысле проект Петербургского городского музея являлся уникальным и новаторским для своего времени. Концепция Петербургского городского музея предполагала активную функцию музейного здания, которое должно было «работать» на имидж города, создавать его привлекательный образ и реализовывать культурные и экономические возможности музея, или, как говорили создатели, «культурно-экономическую силу» [4, С. 2282]. Работы, которые описывают методики выявления архитектурно-символических пространств города и использования их для формирования презентационного образа города стали появляться только в последнее время [3; 6].

Итак, в 1910-е гг. столичным городским самоуправлением для презентации культурной миссии привлекался символический потенциал архитектурных сооружений и пространств Петербурга. Причем среди богатого и разнообразного набора, предлагаемого Петербургом, были выбраны те, которые не только несли определенный исторический смысл, но и обладали хорошо прочитываемым символическим значением, который легко было использовать для презентации заявленной миссии.

Музей Старого Петербурга был создан практически одновременно с Петербургским городским музеем. Его учредителем являлось Общество архитекторов-художников, которое объединяло архитекторов, выпускников Академии художеств. Среди почетных членов общества были художники из объединения «Мир искусства»: А.Н. Бенуа, М.В. Добужинский, Н.Е. Лансере и др. Это во многом определило художественно-архитектурную специфику музея. Мышление мирискусников, считавших актуальным художественный взгляд на способ показа, задавало новые требования к «показу» предметов искусства. Реализовать это в практике своего музея им не удалось, поскольку музей располагался в частном доме председателя Общества архитекторов-художников П.Ю. Сюзора и находился в стесненных условиях. Но они оставили весьма впечатляющие примеры в своих выставочных проектах.

Здесь уместно остановиться на Международной строительной-художественной выставке 1908 г. Организатором выставки являлось Общество гражданских инженеров, но в состав выставочного комитета на правах почетных членов входили художники из объединения «Мир искусства». Благодаря им весь выставочный проект, – ландшафтное пространство выставочного городка, общие павильоны и павильоны частных экспонентов (за исключением отдельных), – был решен в едином стиле «петровского барокко». Кроме того, облику павильона Петербургского городского самоуправления были приданы черты, которые бы вызвали однозначные исторические ассоциации. Это было самое высокое сооружение на выставке, в пространстве которой городской павильон играл роль доминанты. Белый профиль кораблика наверху шпиля делал его похожим на «какое-нибудь здание адмиралтейства времен Петра и Елизаветы, в роде «навигаторской школы»» [8, С. 2]. В данной выставке, также как и в других, определенная идея показа давала возможность нового, более выпуклого «прочтения» темы выставки. Во всех выставочных проектах при участии мирискусников, наверное, впервые в России был опробован такой тип репрезентационной практики как «кураторская интерпретация», хотя в роли куратора выступало не отдельное лицо, а группа людей.

К заслугам учредителей Музея старого Петербурга следует отнести то, что они ввели в отечественный музейный обиход понятие «музея старого города», способствовали его популяризации и распространению. Для них «старый Петербург» ассоциировался, прежде всего, с архитектурой. Это было связано с тем, что в художественной среде ретроспективного направления город воспринимался через его внешний облик. Вспомним зарисовки древних памятников зодчества М.В. Лукомского, И.А. Фомина или высказывание В.Я. Курбатова, разделявшего эти взгляды: «Характеристикой города является его внешний облик» [10, Л. 116]. Игорь Грабарь, давая совет П.А. Бурышкину по поводу устройства Музея старой Москвы, ссылаясь на опыт Музея старого Петербурга и рекомендовал именно архитектурную специфику для московского музея [2, С. 299].

На базе коллекций двух петербургских музеев 2 октября 1918 г. в Петрограде был учрежден Музей города. Новому городскому музею была передана усадьба Аничкова дворца. Группа специалистов, возглавляемая В.Я. Курбатовым и архитектором Л.А. Ильиным, занялась организацией музея. Спецификой своего музея они решили сделать историю городской культуры. Такое видение предмета музейного показа было созвучно распространенному в этот период интересу к проблемам города [1]. Однако попытка раскрытия феномена города в глобальном масштабе, а не на конкретном примере впервые встречается в отечественной музейной практике.

Надо сказать, что у городских властей специфика Музея города встретила возражения. Поэтому был предложен альтернативный проект городского музея. Петроградский совет коммунального хозяйства в лице Архитектурной мастерской, возглавляемой архитектором И. А. Фоминым, в 1919 г. выдвинул предложение создать Музей городского строительства. В результате обсуждения его проекта в Петроградском совкомхозе и последовавших затем совещаний руководителей Совкомхоза с представителями Петроградского отдела Наркомпроса о судьбе Музея города (при учреждении музей был подчинен петроградскому органу Наркомпроса), было принято решение оставить в Петрограде уже созданный Музей города, но передать его в ведение Петроградского совкомхоза. Одновременно было выдвинуто требование приблизить тему музея к проблемам Петрограда и изменить название на Музей города Петрограда. Достигнутые в конечном итоге договоренности с руководителями Музея города, которые всячески сопротивлялись этому, не были фактически воплощены в жизнь. Музей не изменил ни своего названия, ни своей специфики. И руководство городского отдела коммунальным хозяйством больше не возвращалось к этому вопросу. Причина заключалась в том, что музей своей практической деятельностью удовлетворял потребности органа по управлению городским коммунальным хозяйством.

Эта практическая деятельность была связана с градостроительным направлением. Например, на базе Музея города предполагалось проводить архитектурные конкурсы, а в 1924–1925 гг. при музее работало Бюро планировки, выполнявшее роль городского градостроительного центра. В свою очередь это направление руководители Музея города связали с музейными задачами.

Автором концепции Музея города являлся В.Я. Курбатов. Общая задача музея была сформулирована им так: «служить указателем в деле градостроительства и даже больше того, быть направляющим центром и токачом к лучшим приемам и творчеству» [10, Л. 115]. Для ее выполнения требовалось представить город прошлого и город будущего. Представление города прошлого или «старого города» предполагалось давать в лучших образцах. Основой должен был служить Петербург. Как писал В.Я. Курбатов, «не потому, что он старый, а потому что это Петербург – тот город, где и «барокко» и «классицизм» достигли своего предельного выражения. Не следует забывать, что с 1730 по 1840 г. Петербург был столицей архитектуры, а Европа – провинцией» [10, Л. 115].

По представлению В.Я. Курбатова, в городе будущего все стороны городской жизни должны быть пронизаны красотой. Наиболее близким к его эстетическим представлениям вариантом являлась популярная в начале XX в. идея «города-сада», которая В.Я. Кур-

батовым была перефразирована в «город-парк», как более соответствующая Петербургу с его знаменитыми загородными парковыми комплексами [11, Л. 19, 20].

Структурно все это предполагалось оформить в форме филиальных учреждений: Музея петербургской архитектуры, Музея старого Петербурга, Музея петербургского быта при головном музее, расположенном в Аничковом дворце.

Для музеев-филиалов организаторы попытались получить ряд особняков и дворцов. Не все их притязания оказались успешными, и, надо признать, не все были оправданными. Помимо усадьбы Аничкова дворца музеем удалось закрепить только особняк графини Н.Ф. Карловой. Здесь расположилась секция внутреннего убранства жилья, задачей которой стала демонстрация интерьеров вышедшей знати. Вместе с дворцовыми помещениями Аничкова дворца и отделом старого Петербурга они образовали художественный отдел (отдел искусства и городской жизни), на который падала основная нагрузка по представлению «старого города».

В сконструированной В.Я. Курбатовым системе «зрительных впечатлений», призванных сформировать хороший вкус у строителей города будущего, имелся один любопытный экспонат, по его мнению, основной экспонат музея города. Он лежал за пределами музейных стен. Это весь квартал вокруг Аничкова дворца и прилегающая местность. Здесь «...ряд зодчих, начиная с Растрелли, Трезини, Соколова, Гваренги и кончая Росси, строили художественно, сознательно и по своему времени технически сознательно, где, и это самое главное, <...> созданы две величественные площади и едва ли не самая удивительная улица в мире» [10, Л. 115].

Суммируя эти идеи организаторов Музея города, следует выделить, во-первых, оригинальный вариант показа в форме расширения внутреннего музейного пространства за счет присоединения окружающего архитектурного ландшафта. Во-вторых, поскольку целью Музея города было определено «служить указателем в деле градостроительства», а ее проводником должны были быть «зрительные впечатления», среди архитектурных образцов старого города был выбраны те, которые способны были стать своеобразным эталоном. Вместе с тем выбранные архитектурные сегменты хорошо представляли образ Петербурга как «столицы архитектуры».

Как видим, Музей города в отличие от других городских музеев использовал не один образ города. Образ «старого Петербурга» оказался идентичен озвученному в свое время Музеем старого Петербурга. Это не случайно, т. к. В.Я. Курбатов и Л.А. Ильин в свое время были членами совета музея. Используя градостроительную концепцию начала XX в. «город-сад», они создали образ «города-парка». Этот образ был авторский, он принадлежал В.Я. Курбатову:

пригороды Петербурга составляли один из его искусствоведческих интересов. Образ «города-парка» заключал в себе определенные социальные ожидания: «Современный великий переворот дает возможность пойти навстречу новой жизни, слить, пронизать ее искусством, т. е. красотой. Задача будущего города в том, что он должен сочетать искусство, т. е. красоту, со всеми проявлениями городской жизни, и если бы нам этому удалось помочь, мы сделали бы крупное художественное дело» [11, Л. 19], – писал В.Я. Курбатов в 1918 г. И реализация этих ожиданий казалась вполне возможной. Приглашенный в качестве консультанта в Наркомпрос первым секретарем Государственной комиссии по просвещению Д.И. Леценко, он вскоре занял пост комиссара садов и парков Петрограда [9, Л. 154об].

Таким образом, городская история в проектах городских музеев Петербурга–Петрограда–Ленинграда – это не только тематика музея, определенным образом представлявшая прошлое города. Используемые музеями репрезентационные практики выходили за рамки непосредственно музейной деятельности. Наиболее востребованной оказалась репрезентация городского пространства Петербурга. Музеям удалось успешно справиться с такой задачей репрезентации как формирование однозначных ассоциаций. Причина этого заключается в удачно выбранных образах города: «петровский Петербург», «старый Петербург», «столица архитектуры», «город-парк». Они использовались для усиления выразительности идей, которые музеи хотели донести до общественности, и оказались эффективным инструментом. Как известно, удачно выбранный образ способен дать позитивные ориентиры и таким образом способствовать достижению цели.

Последнее, что следует сказать, это то, что к числу новаторских идей, высказанных создателями городских музеев Петербурга–Петрограда–Ленинграда, но по большей части не реализованных, следует отнести и представленные здесь варианты и формы репрезентаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферовы Н. и Т. Книга о городе. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926. Т. 1: Город как выразитель сменяющихся культур: картины и характеристики. 224 с.
2. Грабарь И.Э. Письма 1891–1917 / Ред.-сост., авт. введ. и коммент. Л. В. Андреева и Т.П. Каждан. М.: Наука, 1974. 472 с.
3. Замятин Д. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география. 2005. Вып. 2. С. 276–323.
4. О застройке территории Тучкова буяна и прилегающей к нему местности зданиями для съездов, выставок и городских музеев: доклад подготовительной комиссии для всестороннего выяснения вопроса об использовании Тучкова буяна и прилегающей к нему местности от 23 февраля 1915 г. // Известия Петроградской городской думы. 1916. № 19. С. 2263–2295.
5. К вопросу о Тучковом буяне и Ватном острове // Архитектурно-художественный еженедельник. 1915. № 51. С. 497–498.

6. Кузнецова В.А. Совершенствование символических пространств города. // Архитектон: известия вузов. 2010. № 30. Режим доступа: http://archvuz.ru/2010_22/47.
7. Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга: Петроградский район: справочник / Ком. по гос. контролю, исполн. и охране памятников истории и культуры Администрации Санкт-Петербурга. СПб.: Коло, 2004. 582 с.
8. По выставке // Обозрение международной строительно-художественной выставки. СПб., 1908. № 2. С. 2.
9. СПФ АРАН. Ф. 858. Оп. 2. Д. 1.
10. ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 77.
11. ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 10.
12. ЦГИА. Ф. 513. Оп. 164. Д. 564.

* * * * *

УДК 316.334

Демичева Алла Валериевна

кандидат социологических наук, доцент

Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара

Днепропетровск, Украина

allademicheva@yandex.ru

ДНЕПРОПЕТРОВСК КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье выделяются наиболее важные, с точки зрения автора, направления социологического исследования современного города; теоретические положения интерпретируются на примере г. Днепропетровска (Украина) как на уникальном социокультурном пространстве.

Ключевые слова: город, городская территория, городское пространство, городские исследования.

Demicheva Alla Valerievna

candidate of sociological sciences, associate professor

Oles Honchar Dnipropetrovsk National University

Dnipropetrovsk, Ukraine

allademicheva@yandex.ru

DNEPROPETROVSK AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL INTERPRETATION

The article focuses on the most important, from the point of view of the author, directions of sociological studies of the modern city; theoretical positions are interpreted on the example, Dnepropetrovsk (Ukraine) as the unique social and cultural space

Keywords: city, urban area, urban space, urban studies.

Город на протяжении многих десятков лет выступает притягательным объектом для научных исследований. Множество отраслей знания нашли в нем свой ракурс изучения, свою предметную область – урбанистика, антропология, история, архитектура и, естественно, что социология также не могла обойти своим вниманием столь информативное, постоянно меняющееся территориально-пространственное образование, каковым есть город. И если для советской социологии города была присуща тенденция универсальности, то сегодняшняя украинская (и не только) социология города концентрируется на исследовании локальных городских текстов. Отметим работы О. Михеевой (исследования г. Донецка), харьковского социолога А. Мусиездова [1], В. Середы по интерпретации львовского городского пространства [2], наработки днепропетровского социолога С. Легезы [3]. Продолжая данную традицию и имея как перед собой, так и внутри себя насыщенный, «говорящий», противоречивый объект интерпретаций – г. Днепропетровск, отметим те аспекты, которые кажутся нам важными для понимания этого, с одной стороны типичного индустриального центра, с другой стороны – уникального социокультурного пространства. Таким образом, цель статьи – выделить основные направления социологической интерпретации современного города и проиллюстрировать их на примере г. Днепропетровска. Для справки отметим, что Днепропетровск – областной центр Днепропетровской области Украины, основан в 1776 г., до 1987 г. был закрытым городом в связи с ракетным производством, родина Л. Брежнева, Л. Кучмы.

Заметим, что под социологическими исследованиями города (городскими исследованиями, *urban studies*) в статье понимаются такие, предмет которых связан непосредственно с тем или иным городом, то есть, по выражению российских ученых М. Алексеевского, М. Ахметовой, М. Лурье «...исследователя в этом случае интересуют те культурные тексты и практики, в которых сами городские реалии играют главную роль» [4, С. 18]. Определим проблемное поле, на которых может быть сфокусирована прикладная социология города и, соответственно, развернута сеть эмпирических городских исследований. Во-первых, это изучение территориального ракурса города. Это важное направление социологического анализа, поскольку специфика территории мотивирует выбор места жительства, отношения к данной территории, может обуславливать тип поведения горожан, служить основанием для принятия управленческих решений по застройке определенной территории. Также, исследуя территорию, социолог должен обратить внимание на ее историческую, экологическую, демографическую составляющую. Понятно, что фокус социологии при этом – это выявление социальных факторов и последствий определенных процессов, анализ специфических тенденций

в сравнении с общегородскими (региональными, национальными). Особенно важным является рассмотрение социально-экономической составляющей территории города, поскольку доминирующий тип производства и его состояние может задавать лицо города (индустриальный, рекреационный, финансовый и т.д.), порождать целый ряд социальных проблем (демографических, экологических и др.), способствовать/мешать развитию города в целом. Традиционным является исследование зонирования в городе, изучения полярных пространств (центра-периферии, элитных-депрессивных районов). В этой связи интересным представляется переход г. Днепропетровска от индустриального города (со всеми присущими ему атрибутами – металлургическими и машиностроительными предприятиями, плохой экологией, депрессивными рабочими кварталами и заводскими общежитиями) к финансовому, консалтинговому центру Украины, а также эффекты этого перехода.

Отдельным направлением современной социологии города является исследование символического пространства города, а именно архитектуры и ее влияния на внутреннее состояние горожан, их поведение, самочувствие в городе. Так, по мнению европейских исследователей К. Фишера и Х. Делитца, архитектура в своих конструкциях воплощает само общество, выявляя особенности отдельных его поколений, социальных классов, условий жизни и функционирования систем [5, С. 19]. Архитектура Днепропетровска – это некий эклектический набор, который объединяет то, что кажется несоединимым. Центральная часть города выглядит при этом, как «театр абсурда» – с памятником Ленину (еще до марта 2014 г., теперь на этом месте выставляют различные арт-объекты – например, один из символов Днепропетровской области – яйцо, расписанное петриковской росписью, алюминиевую мышеловку и др.) на центральной площади (которую можно назвать и как центральной парковкой города), ЦУМом постройки периода сталинской эпохи, соседними новейшими сооружениями «вау-типа», полуразрушенными дореволюционными домами. При этом архитектура города законсервировала страницы советской истории Днепропетровска. Этот тезис иллюстрируют названия как самого города, так и его улиц: Днепропетровск носит имя деятеля революции Г. Петровского, памятник которому стоит перед центральным железнодорожным вокзалом и встречает гостей города; центральный проспект Карла Маркса, есть проспекты Петровского и Кирова, улицы «XXII партсъезда», О. Макарова, Красноармейская, Клочко, Баррикадная, Свердловская, Октябрьская, Г. Люксембург, К. Цеткин, Володарского, Урицкого, Дзержинского, Фрунзе, Калинина, Леваневского, Артема, Ворошилова и др. Всего, по нашим подсчетам, 97 улиц, бульваров, скверов, переулков названо в честь

партийных и государственных деятелей, участников революционного движения. Районы города, как и в прошлом, имеют названия Жовтневый, Бабушкинский, Красногвардейский, Ленинский, Индустриальный. Причем, в отличие от многих других украинских городов, в Днепропетровске ни власть, ни горожане долгое время не инициировали процесс переименования этих мест. Только с весны 2014 г. ситуация начала меняться, руководители областной государственной администрации предположили городским властям переименовать все проспекты и улицы, носящих имя вождей тоталитарного коммунистического режима, обсуждая новые наименования через общественные слушания жителей областного центра, но пока ни городские власти, ни днепропетровцы активно не включены в данный процесс, вызывающий много споров.

Изучение социокультурного пространства города включает спектр разнообразных вопросов, среди которых: городские стили жизни, восприятие города и отношение к нему, образ города в сознании горожан в целом или отдельных значимых для города групп, городские субкультуры, идентификационные практики горожан и т.д. Приведем некоторые данные, полученные в результате анкетного опроса днепропетровских студентов (2013 г., квотная репрезентативная выборка 405 студентов ВУЗов г. Днепропетровск), целью которого была фиксация различных аспектов восприятия студентами города. Относительно общего восприятия Днепропетровска, то 14,2% отметили, что наш город – это «тихие, неширокие улицы и переулки с невысокими домами, уютные дворы, множество зелени»; 43,3% считали, что город – это «оживленные улицы, непрерывный ряд домов, магазины, учреждения, кафе»; 19,9% – это «широкие и прямые улицы или проспекты с большими и массивными зданиями послевоенных лет, широкие тротуары, много витрин»; 20,1% респондентов отметило «шумные, узкие улицы и переулки с невысокими серыми зданиями и тесными дворами». Следовательно, студенты в основном видят город с оживленными улицами, с множеством магазинов, кафе. Во многом отношение к городу обусловлено наличием/отсутствием чувства безопасности, защищенности. На вопрос о том, какие места/объекты в г. Днепропетровск вызывают страх, ночные улицы отметили 22,5%, темные соседние дворы – 26,3%, любой район в вечернее время – 15,5%. Метод незаконченных предложений, который позволяет зафиксировать личностное отношение к городу (2013 г., выборка составила 30 студентов местных ВУЗов), также позволил выявить определенные особенности восприятия студентами городского пространства. Так, наиболее опасные места в городе, по мнению респондентов, это районы города – знаменитый на всю Украину своим криминальным прошлым и полукриминальным настоящим АНД-район, 12 квартал; промышленные зоны; дороги;

частный сектор и спальные массивы в ночное время. Самые безопасные места: центр и собственный двор. К ряду объектов с негативным эмоциональным окрасом, которые определили студенты, можно отнести Центральный рынок (Озерка), железнодорожный вокзал, заводы города. Одним словом, студенты охарактеризовали город следующим образом: индустриальный (промышленный); яркий; твердый (крепкий, серьезный); шумный (сумасшедший, наполненный); дом; помойка. То есть, одновременно Днепропетровск – и дом (варианты «мой дом»), и яркий, шумный, сумасшедший мегаполис, и город с плохой экологией (вариант «помойка»), и город с собственной историей и большими ресурсами. Следовательно, восприятие города студентами колеблется от ощущения комфорта (город как родной дом) до чувства отвращения (город как помойка).

Таким образом, студенты как особая социальная группа, активно включенная в городское пространство, имеет собственное восприятие города и определенное отношение к нему, которое сформировалось в итоге. Специфическими чертами является то, что студенты воспринимают город в первую очередь как пространство для реализации досуговых практик, отмечают значительные возможности города в выборе видов досуга; места, которые студенчество считает сугубо собственными, тоже относятся к рекреационной сфере. Студентам нравится наличие множества магазинов и кафе, торгово-развлекательных центров (даже, ТРЦ Мост-сити как символ города), новых сооружений, и наоборот, не нравятся старые («серые») сооружения, заводские районы, то есть то, с чем долгие годы ассоциировался Днепропетровск. Респонденты не упоминают в ответах памятники культуры или архитектуры, отмечая другие объекты в качестве символов города. В целом, интересным направлением было бы выяснение образа города, который сложился в сознании других значимых для города групп – пенсионеров, культурной и политической элиты, предпринимателей и т.д.

Еще одним возможным средством исследования образа города являются анализ литературных произведений, посвященных определенному городу, в нашем случае Днепропетровску. Проанализировав около пятидесяти стихотворений о Днепропетровске, написанных за последние полвека, можно зафиксировать тот факт, что на протяжении полувека авторы стихов подчеркивают как главный признак города его промышленный, индустриальный характер: «Здравствуй город, чугуна и стали...» (Д. Кедрин, «Днепропетровск»); «...Вытекают сотни тон металла для нужд и космоса и земли...» (И. Куницкий, «Днепропетровску»); «...и Петровка вас также зовет, будит зори протяжно гудками...» (Н. Милаш, «О городе моем»); «Днепропетровск... Заводов дымные гудели... Бессмертный город стали и чугуна!» (В. Сосяра, «Днепропетровск»); «О, город стали и роз, город вечной зари...»

(Г. Селезнев, «Стихи о Днепропетровске»), «А слева – заводы, а строек дыхания – дело...» (И. Пуппо, «Осенняя, 24»), «...Днепр наш труженик, украшенный фонтаном... и маршрутки, соблюдая остановки, повезут людей к «Южмашу» и «Петровке...» (Г. Иванова). Параллельно, почти во всех проанализированных произведениях проходят темы революционного и военного прошлого Днепропетровска, а также исторической славы, связанной с казачеством: «Місто моє сталеве! Біографія революційна...» (В. Корж, «Присвята»), «Полыхают рассветы, Петровка гудит, революции ветры клокочут в груди...» (И. Пуппо «Днепропетровску»); «Днепропетровск, живет в тебе по праву казацкий дух прославленной Сечи... В тебе живет Сирко бывшая слава...» (Л. Демедечкая «Родному городу – 225»); «... на острові древнім Кобзар ясночолий...» (Д. Демерджі «Диптих рідного міста») и рекой Днепр как символом города – «Город зеленый, приволье родное над величавым Днпром!» (Н. Махов «Мой Днепропетровск»). Гимном Днепропетровска (правда, официально не утвержденным) является песня на стихи Р. Рождественского «Днепропетровск – мой дом родной!». Таким образом, в стихах четко прослеживается сконструированный образ г. Днепропетровск как индустриального лидера, города с героическим прошлым. А душа города – стальная, промышленная, рабочая, «советская». Панорама города тоже свидетельствует об этом, как и запах Днепропетровска, связанный не с ароматом кофе или моря, а с продуктами переработки металлургических заводов. Стихотворения 90-х годов прошлого века пронизаны горечью по былой славе города: «Розбиті дороги і гори сміття, Це для людей такий рівень життя. А депутати купують мастки, І за кордонами вчаться їх деткі. Хамство, жадоба, корупція, бруд – ДНЕ-ПРА-ЖЫДОВСК, так це місто в нас звучить!», «Я живу в місті, в якому пилососи називаються ракетами. В центрі вождь простягнув руку до німецької філософії...» (Н. Павленко), «У Дніпропетровську, повитому чадом і димом, де люди бліді, хворобливі, безликі...» (Г. Прокопенко) [6]. Среди стихотворений нынешнего времени практически нет обращений к городу, они лиричны и интимны, часто упоминается река Днепр, природа, личностные переживания и т.д.

Отношение к Днепропетровску можно выявить и с помощью контент-анализа разделов «За что я ненавижу/люблю Днепропетровск» на форуме городского сайта gorod.dp.ua. [6]. Во-первых, в данном разделе комментарии посетителей начинаются с конца 2008 г. и продолжают до сегодня, что предоставляет возможность рассмотреть основания негативного/позитивного отношения к городу в динамике; во-вторых, комментарии имеют эмоциональный, непринужденный характер, содержат много местных жаргонизмов, названий, что позволяет отчасти и анализировать и язык местного сообщества. Исследуя сообщение в разделе «За что я ненавижу м.

Днепропетровск», выделим следующие разновидности оснований для негативного восприятия города: грязь, мусор (45 сообщений); хамство и бескультурье горожан (36 сообщений); дороги, неработающие светофоры, работа маршруток (28 сообщений); парковки на дорогах и на центральной площади (7 сообщений). Встречались такие, как «отсутствие хозяина в городе», «безосновательная амбициозность города», «плохая экология», «застройка города», «заброшенность города». Довольно часто встречается местный жаргонизм для названия города – «Днепрожидовск».

В разделе «За что я люблю Днепропетровск» информанты сообщают о том, что: «это мой дом» (40 сообщений), «это моя Родина» (29 сообщений), «здесь я встретил свою любовь» (25 сообщений), «здесь прошли мое детство, юность, студенческие годы (19 сообщений), «здесь живут мои родные люди» (16 сообщений), «здесь я родился» (12 сообщений), «просто люблю, это часть меня» (8 сообщений), «это красивый город» (7 сообщений), «за Набережную вдоль Днепра» (4 сообщения). То есть «люблю за» трактуется информантами как характеристика повседневного города, который отличает интимность переживаний. Горожане понимают, что не все так хорошо в их городе, но у них есть «свои» места, уголки, маршруты, здания и т.п., с которыми связаны приятные воспоминания или значительные события в жизни.

Социальные проблемы города обязательно попадают в объектив социологического анализа. В целом, социальные проблемы города можно сгруппировать следующим образом:

- проблемы, обусловленные большой территорией (сложность управления; инфраструктурные проблемы – в первую очередь транспортные – пробки, состояние дорог, парковки и др.; высокая стоимость жилья; проблемы с утилизацией мусора; транспортная усталость горожан и т.д.). Отметим, что возможности социологии города охватывают не только изучения общественного мнения об эффективности работы транспорта, но и широкий спектр вопросов, связанных с ним, например, городской общественный транспорт как социокультурный феномен, субкультуру водителей маршрутных такси (что весьма актуально, учитывая постоянные нарекания на работу маршрутистов со стороны горожан), временную солидарность пассажиров, коммуникацию и поведение в транспорте и т.д.;
- проблемы, обусловленные кризисным состоянием экономики (безработица, сокращение населения, высокий уровень заболеваемости, загрязнения и состояние экологии в городе);
- проблемы, обусловленные культурной спецификой большого города (социальное неравенство и сегрегация в городе, стрессовость среды; информационная переутомленность горожан; девиация в городе, одиночество, значительная конкуренция на рынке труда).

Перспективным направлением исследования выступает организация публичного пространства в городе, то есть анализ открытых, общедоступных территорий и таких, которые закрыты для прохожих. Например, центральная днепропетровская площадь им. Ленина (с недавних пор – героев Майдана), которая предназначена была бы служить площадкой для встреч горожан, абсолютно коммерциализована и представляет собой большую парковочную площадку, через которую даже перейти на другую сторону проспекта затруднительно. Единственным местом, которое можно назвать настоящим публичным пространством в г. Днепропетровск, является набережная им. Ленина, которая представляет собой «интересную среду» – там установлены малые архитектурные формы, фонтаны, скульптуры, здесь можно гулять, отдыхать на газоне, фотографироваться. В целом, на Набережной наблюдается весь спектр действий, которые присущи публичному пространству – взаимодействие с незнакомцами, демонстративное поведение, игровая активность, общение в группах «своих» и др. Недаром, во всех исследованиях, которые ставили вопрос о символах г. Днепропетровск, самые любимые места в нем, респонденты всегда называют Набережную. Хотя необходимо отметить и процесс коммерциализации и приватизации набережной, существование дорогих ресторанов и клубов, которые недоступны для большинства горожан. Итак, исследование публичного пространства в городе может нести уникальную информацию о социальных отношениях, особенности коммуникации, социальном настроении горожан.

Конструирование социального портрета типичного горожанина включает анализ количественно-качественных параметров городской территориальной громады, социокультурные свойства городского сообщества, характер и способы самопрезентации как жителей определенного города, стратегии противопоставления другим и т.д. Так, например, на вопрос о чертах, присущие жителям города, студенты (405 человек, 2013 г.) предоставили следующие ответы. Качества, которые в незначительной степени присущи днепропетровцам: законопослушность – 75,5%, (совокупно вариант «скорее не свойственно» и «вообще не свойственно»), ответственное отношение к окружающей среде (совокупно 64,3%), общественная активность (совокупно 62,4%). Хотя с начала 2014 г. ситуация с общественной активностью изменилась практически кардинально – Днепропетровск сегодня выступает оплотом стабильности на Юго-Востоке Украины, во многом благодаря активной позиции горожан, их волонтерской работе по многим актуальным направлениям. Среди положительных качеств горожан студенты в первую очередь назвали такие: гостеприимство – 79,8%, умение провести досуг – 58,2%, культуру общения – 55,1%.

Планирование, проектирование развития города, конструирование его имиджа и создание бренда – еще одно направление социологического познания города. Если вести речь о Днепропетровске, то летом 2010 г. был принят проект Стратегии развития Днепропетровска до 2025 г. В данном документе с применением SWOT-анализа сделана попытка определить сильные, слабые стороны города, внешние возможности и факторы, угрожающие развитию города. На наш взгляд, эта попытка выглядит не совсем удачной – весьма абстрактно выглядят эти «сильные стороны» города: например, какими являются эти «уникальные характеристики» Днепропетровска? В чем конкретно проявляется его многофункциональность? Относительно миссии города авторы Стратегии считают, что Днепропетровск – это ведущий финансово-деловой центр Приднепровья, лидер регионального и отечественного развития, город, который мотивирует горожан на достижения и развитие [7]. Такая миссия, по мнению авторов, означает стремление превращения Днепропетровска в индустриального, промышленного центра в «город-предприниматель». То есть, среди направлений типов маркетинговых стратегий, относительно Днепропетровска избрана «город-предприниматель». Понятно, что вряд ли Днепропетровск может быть городом с уникальным имиджем или городом-музеем, но и городом-предпринимателем, имидж которого базируется на торговых возможностях, свободной зоне торговли, уникальных производствах или производстве определенного общепризнанного продукта, Днепропетровск не назовешь. Считаем, что город должен использовать такой тип маркетинговой стратегии, как «город-лидер».

Современный Днепропетровск имеет достаточно противоречивый имидж, что проявляется в том, что люди придерживаются противоположных точек зрения относительно определенных характеристик города (имеется в виду диаметрально противоположные массовые представления относительно города). Так, например, много столичных городов имеют множество преимуществ, но одновременно ассоциируются со смогом, грязной водой, слишком интенсивным движением, перенаселением, очагом преступности и т.д. Существование такого имиджа может свидетельствовать, с одной стороны, о существенных возможностях, а с другой – демонстрирует негативные характеристики, что является обратной стороной позитивных составляющих. Днепропетровск – один из украинских мегаполисов, город с более чем миллионным населением, собственной непростой историей и не совсем понятными перспективами. Если в советский период Днепропетровск называли «не первым, но и не вторым городом в Украине, «кузницей кадров» в начале периода независимости страны, то сейчас город потерял ряд возможностей и имеет ряд проблем развития, а именно: уни-

чтожение значительной части исторической застройки города при строительстве коммерческих и других жилых сооружений; непрозрачная борьба между бизнес-структурами за распределение земли в центре города; загруженность дорог легковым автотранспортом и практическое отсутствие общественного электротранспорта; плохое качество дорожного покрытия; загрязненность и засоренность как центральных, так тем более удаленных улиц; проблемы ЖКХ; металлургические и другие предприятия тяжелой промышленности так и не были реконструированы, что привело к удорожанию продукции и ее неконкурентоспособности на рынках; застой в строительстве метро (с 1995 г. не открыто ни одной станции, а центральный проспект города «украшают» недостроенные и законсервированные метростроевские сооружения). Добавим высокий уровень смертности населения, значительную поляризацию населения, высокие цены на жилье и т.п. С другой стороны, Днепропетровск имеет значительные финансовые, интеллектуальные, кадровые, промышленные ресурсы, развитую инфраструктуру, выгодное географическое расположение, ряд преимуществ экономического характера, славится выдающимися личностями. К тому же, Днепропетровск для значительной части горожан – это место, где они родились (малая Родина), ныне проживают.

В фокус анализа социологов также должна попадать деятельность городской власти, причем как формальная, так и неформальная, то есть, исследования «городского режима», что позволяет зафиксировать неформальные управленческие коалиции, которые реально принимают решения и определяют городскую политику, отношение горожан к этим решениям. Не менее важным направлением социологических исследований представляется изучение общественного мнения жителей относительно определенных аспектов жизнедеятельности города, перспектив его развития. Общественное мнение при его учете в процессе управления способно выполнять ряд важных функций: информирования, оценки, контроля, регулирования. Причем, изучение общественного мнения необходимо проводить по двум основным направлениям: исследование мнения горожан в целом и мнения стейкхолдеров, то есть лиц, которые играют важную роль в жизнедеятельности города, в какой-то определенной сфере, и способны выразить авторитетное мнение. К сожалению, в г. Днепропетровск отсутствуют системные, мониторинговые исследования мнения горожан, которые бы были инициированы городскими властями, а результаты учитывались при принятии управленческих решений.

Таким образом, выделенные направления городских эмпирических исследований в рамках прикладного уровня современной социологии города важны по нескольким причинам. Во-первых, получен-

ная в ходе их проведения информация является основой для принятия разумных и адекватных управленческих решений; во-вторых, такие исследования способствуют развитию городского сознания, патриотизма, городской идентификации жителей, дают ориентиры и параметры прочтения того текста, который окружает горожан; в-третьих, социологическая интерпретация полученных в результате исследований данных является интересной интеллектуальной задачей для социолога одновременно и как для специалиста, и как для горожанина. Днепропетровск же представляет собой одновременно и уникальный, и типичный объект исследования, выступая при этом как насыщенный, информативный текст для социологической интерпретации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мусієздов О.О. «В пошуках регіональної ідентичності (на прикладі дослідження студентів-першокурсників харківських внз // Вісник Львівського ун-ту. 2007. Вип. 1. С. 11-21.
2. Середа В., Судин Д. «Львів'янин» — окрема ідентичність чи просто прописка? // Вісник Харківського нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. 2008. № 795. С. 94-98.
3. Легеза С.В. Современный город как символическое пространство: «место», «знаки», «связь времен» (на примере г. Днепропетровска) // Методологія теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: [зб. наук. праць]. Х.: Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. 2007. С. 397-400.
4. Алексеевский М., Ахметова М., Лурье М. // Исследования города. Антропологический форум. 2010. № 12. С. 16-25. Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.Pdf
5. Вильковский М. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с.
6. Городские форумы Днепропетровска // Режим доступа: <http://forum.gorod.dp.ua/forum.php>
7. Стратегії розвитку Дніпропетровська до 2025 р. URL: <http://www.duep.edu/>

*****

УДК 339.138 (478.9)

Фоменко Владимир Григорьевич

кандидат географических наук, доцент

и.о. декана Естественно-географического факультета

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

г. Тирасполь, Молдова

fomenkovol@mail.ru

БРЕНДИНГ ГОРОДОВ ПРИДНЕСТРОВЬЯ: ПОИСК ОБРАЗОВ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

В статье рассматриваются проблемы брендинга городов Приднестровья, анализируются факторы, определяющие историю и структуру городских образов, определяются направления их развития.

Ключевые слова: город, бренд, брендинг города, маркетинг города, гений места, креативный город, креативный класс, архитектурный символ.

Fomenko Vladimir Grigorievich

*candidate of geographical sciences, associate professor
acting dean of Natural-geographical faculty
Taras Shevchenko Transnistria State University
Tiraspol, Moldova
fomenkovol@mail.ru*

THE BRANDING OF THE CITIES IN PRIDNESTROVYE: SEARCHING THE IMAGES IN THE PAST AND PRESENT

The article takes into consideration the problems of the branding of the Dniestrian cities, with an analysis of the factors defining the history and the structure of the urban images and the future trends of its development.

Keywords: city, brand, city brand, urban marketing, genius loci, creative city, creative class, architerural symbol.

Бренд города – городская идентичность (или идентичность города), системно выраженная в ярких и привлекательных идеях, символах, ценностях, образах и нашедшая максимально полное и адекватное отражение в имидже города [6, С. 41]. Выделить какую-либо уникальную черту или черты города не представляет проблем, но ярких решений в этой области история брендинга знала не так уж и много. В последнее время все больше городов задумываются о собственной айдентике, которая позволила бы привлечь в город как можно больше денег и дала бы повод для гордости и самоидентификации его жителям. Брендинг города – это «высший пилотаж» маркетинга, его наиболее изощренная форма. Бренд города ценен не сам по себе, а лишь потому, что помогает в маркетинге города – в продвижении интересов города для решения конкретных задач его развития [6, С. 10]. Таким образом, брендинг города – это процесс осознанного и целенаправленного формирования бренда, то есть поиска, выражения и развития городской идентичности, а также представления ее в ярких, взаимосвязанных образах, привлекательных для целевых аудиторий [6, С. 42].

В европейской академической среде бренд города принято представлять как понятие, базирующееся на пересечении идентичности и имиджа. Имидж – это то, как о городе думают во внешнем мире, а идентичность – это то, что город представляет собой на самом деле (в первую очередь, имеется в виду те самые глубинные эмоции и чувства жителей). В такой трактовке хороший бренд города, это когда его имидж совпадает с идентичностью.

Приднестровье – небольшой регион, расположенный на востоке Молдавии (преимущественно на левом берегу Днестра), образуе-

мый пятью административными районами и двумя городами центрального подчинения. В 1990 г. в пределах указанной территории была образована Приднестровская Молдавская Республика – самопровозглашенное государственное образование с собственными органами власти, законодательством, валютой, со значительным экономическим потенциалом. Молдова неоднократно пыталась ликвидировать приднестровскую государственность силовыми и экономическими методами. Почти четверть века Приднестровье развивается независимо от своего правобережного соседа. Молдова сделала все возможное, для того чтобы сформировать негативный образ региона в глазах международного сообщества. Такому навязанному извне образу территории противостоит достаточно успешный брендинг отдельных приднестровских городов. Богатая история, светлая южная архитектура, динамизм экономической и культурной жизни, гостеприимный интернациональный менталитет населения делают приднестровские города достойными конкурентами более крупных, но не всегда достаточно креативных, молдавских городов [1, С. 32; 10, С. 135-136].

В 2002 г. Саймон Анхольт, один из ведущих мировых специалистов в области брендинга, впервые применил понятие «брендинг мест». Он стал ведущим разработчиком нового комплексного подхода к брендингу территорий в противовес специализированному, сфокусированному на каком-то одном аспекте жизнедеятельности города. Согласно теории С. Анхольта, существует шесть составляющих современного бренда территории или населенного пункта: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди. Если город не осознает своей уникальности – он ослабляет свою инвестиционную привлекательность [6, С. 13-14]. С. Анхольт сформулировал основные брендинговые потребности города – стратегия, менеджмент и символические события. Приднестровские города обладают достаточным количеством ярких событий, отражающих их историю и формирующих их оригинальный образ. Они могут стать основой для развития событийного туризма (рис. 1).

Рис. 1. Дизайн наиболее значимых событий в культурной жизни Приднестровья

Для Приднестровья туризм, безусловно, находится на передовых позициях брендинга, так как туристы формируют свои образные

представления об экистических образованиях (мегалополисе, агломерации, городе, городском районе, экономически и исторически важной улице, посёлке, селе, хуторе), приносят новые идеи, знания и умения, вливают в городскую экономику финансы. Приток финансов и знаний обеспечивают также экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции. Например, на бизнес опирается производственный туризм, основанный на раскрученности отдельных товарных марок, туристической привлекательности технологий и мест их производства [6, С. 123]. В Приднестровье к данному направлению туристических дестинаций можно отнести технологические циклы на вино-коньячном заводе «KVINT» и хлопчатобумажном комбинате «Тиротекс» (г. Тирасполь), пивоваренном заводе «Старая крепость» (г. Бендеры), металлургическом заводе «ММЗ» (г. Рыбница), теплоэлектростанции «Молдавская ГРЭС» (г. Днестровск), осетровом комплексе «Акватир» (п. Ново-Тираспольский) [3, С. 42].

Важнейшим направлением городского брендинга является его визуальное оформление. Дизайн бренда города как система взаимосвязанных и взаимодополняющих визуальных и символических атрибутов (выражений, изображений) идеи города, выраженных в символических знаках (гербы, эмблемы, логотипы, флаги), девизах, цветах, запахах, музыке и прочих образах дает общее представление о том, чем он живет [6, С. 148]. Например, легко узнаваемым архитектурным символом Бендер является турецкая крепость и чайная роза, в качестве символа Тирасполя выступает конная статуя основателя города, генералиссимуса А.В. Суворова и стела «Белый аист», а образ города энергетиков Днестровска отражает фигура античного Прометея, подарившего огонь людям (рис. 2).

Большой объем информации о городах дают их гербы. Например, герб Тирасполя несет следующую смысловую нагрузку: «В верхней части на фоне крепостной стены, в золотом поле указана дата основания города «1792». В нижней части герба диагонально из левого верхнего в правый нижний угол проходят волны голубого цвета, символизирующие реку Днестр. В верхней правой части на красном фоне золотым цветом изображена шестерня, символизирующая промышленность города. В левой нижней части на зелёном

Рис. 2. Узнаваемые символы городов Приднестровья.

Рис. 3. Гербы городов Приднестровья: Тирасполь, Бендеры, Дубоссары, Рыбница, Днестровск

фоне золотое изображение грозди винограда. Цвета герба красный и зелёный ассоциируются с цветами флага бывшей Молдавской ССР и нынешней Приднестровской Молдавской Республики» (рис. 3).

Но главным брендом любого населенного пункта, по версии П.Л. Вайля, являются выдающиеся люди: «Связь человека с местом его обитания – загадочна, но очевидна. Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая, неведомая прежде реальность, которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии» [4, С. 8-12].

Знаменитости (государственные деятели, писатели, художники, ученые, звезды шоу-бизнеса) делают образ города или села узнаваемым, ярким и многогранным, придают ему вкус творческого гения. Приднестровские города связаны с именами великих российских и советских государственных деятелей, полководцев, ученых и художников. Среди них губернатор Новороссии, светлейший князь Г.А. Потёмкин; генералиссимус А.В. Суворов; генерал, командующий 14-й российской армией А.В. Лебедь; академик-географ Л.С. Берг академик-химик Н.Д. Зелинский; художник-авангардист М.Ф. Ларионов [13, С. 305].

Современным городам приходится конкурировать за инвестиции, информационные потоки, но прежде всего, за людей – талантливых врачей, преподавателей, менеджеров, юристов, туристов. Города, «нашедшие бренд», демонстрируют нам, что незаменимо ценный источник идеи бренда – это те жители города, которых можно причислить к местному творческому (креативному) классу [6, С. 64]. Если город не способен производить впечатление на своих «потребителей» – он теряет привлекательность для бизнеса [6, С. 24-25]. Зачастую городские образы способствуют успешному социально-экономическому противостоянию городов. Примеров в мировой урбанистике множество: Москва – Санкт-Петербург, Париж – Лондон, Кембридж – Оксфорд, Нью-Йорк – Лос-Анджелес, Монреаль – Торонто, Сидней – Мельбурн. Во многом это созидательный антагонизм. В Придне-

стровые такими «состязющимися» городами являются Тирасполь и Бендеры, образующие биполярную агломерацию. Застройка двух городов постепенно движется на встречу друг другу [11, С. 107]. Тирасполь развивается как столица региона, политически и экономически ориентированного на Россию. Он был полностью разрушен в годы немецко-румынской оккупации и сегодня имеет типичный советский архитектурный облик с избытком помпезных административных и общественных зданий. Бендеры устояли, но сильно пострадали, в 1992 г. – в ходе нападения молдавской армии, за что и получили звание «Приднестровский Сталинград». Городской центр Бендер, в отличие от Тирасполя, сохранил дореволюционную застройку, а жители города являются носителями особо обостренного чувства любви к своему городу [12, С. 31-32].

В конце XX в. была разработана концепция креативного города, т.е. города, жители которого способны оценить свой творческий капитал, наращивать его и использовать как инструмент в конкурентной борьбе с другими городами [9, С. 16]. Концепция креативного города Ч. Лэндри заражает своим безграничным оптимизмом. Согласно ей любой город, даже самый безнадежный в плане материальных ресурсов развития, может изменить себя, тем самым сохранить и успешно развиваться дальше при наличии креативного класса. Ресурсы (инвестиции) приходят позднее, как результат работы креативного класса. Главная движущая сила этого процесса – творческие индустрии, и прежде всего в культурной жизни города. Города, сумевшие преобразить себя через культуру, составляют самую многочисленную группу в ряду успешных примеров маркетинга. Ставка на культуру и искусство в проведении маркетинга и брендинга города – это беспроигрышный вариант. Ведь условие существования бренда – его неповторимость, а в культуре и искусстве неповторимо все [9, С. 26-28].

Известный американский исследователь природы городского образа Кевин Линч в своих трудах обозначил важные особенности общечеловеческого восприятия относительно урбанизированных пространств. Он выделил такие структурные элементы образа города как пути, границы, районы, узлы и ориентиры [7, С. 111-112]. Чтобы не вдаваться в расшифровку, опишем вкратце: маршруты-траектории, по которым перемещается человек (пути), всё, что он видит вдоль своего пути (границы), крупные участки города с единым характером (районы), пересечение путей и стратегические «оживлённые» места (узлы), а также ключевые точки соотношения внутри города (ориентиры). Дополнением к структуре стал элемент «skyline» – «очертание на фоне неба» [10, С. 398], описанный в начале 1990-х Д.С. Лихачевым. Узнаваемые силуэты приднестровских городов формируют архитектурные доминанты: для

Тирасполя – это памятник А.В. Суворову, здания кафедрального собора Рождества Христова, Верховного Совета ПМР, Дома Советов, Драматического театра и Университета, а для Бендер в качестве skyline выступают очертания башен средневековой турецкой крепости, Преображенского собора, мемориального комплекса.

Критически важным является то, что конструируемый образ города не может быть надуманным или изобретенным, привнесённым извне. Он должен быть как можно более точным отражением идентичности города – представлений городского сообщества о смысле и уникальных чертах своего города. Сущность брендинга города заключается в поиске и представлении в привлекательных образах идентичности города. Работа над брендом, как показывает практика городов, дает также очень важный «побочный эффект» – благотворное, стимулирующее влияние на саму городскую идентичность, на рост местного самосознания [6, С. 11]. Жители города могут и должны любить место, где они живут, гордиться его культурой, беречь его и помогать формированию его позитивного образа, развивая индустрию гостеприимства. Если город не видит, какие новые жители нужны ему для сохранения конкурентоспособности, – он теряет даже собственных жителей [6, С. 24-25].

Мифы, легенды, истории, анекдоты – это особая форма городской культуры. Ключевое значение для брендинга города они приобретают, будучи непосредственно связанными с историей города, его пространством, конкретными зданиями и объектами. Любая легенда, связанная с городом, – трагическая, романтическая, правдивая или выдуманная – заставляет воспринимать город особенно эмоционально, смотреть на него другими глазами, будит воображение. Конечно же, это придает месту особый колорит, причем тем более выразительный и запоминающийся, чем печальнее, страшнее или даже трагичнее история [6, С. 89]. Например, в Бендерах на протяжении трех столетий бытует легенда об украинском гетмане Мазепе, бежавшем вместе с Карлом XII после поражения в Полтавской битве под защиту турецкого султана и спрятавшем в подземных галереях крепости золотую карету с несколькими бочонками золотых монет. Подземные ходы до сих пор не изучены, а легенда так и остается яркой туристической приманкой [2, С. 14-15; 14, С. 351].

Брендинг города имеет ярко выраженную экономическую составляющую. Маркетинг и менеджмент города являются важнейшими инструментами урбанистики. Маркетинг города – это комплекс действий городского сообщества, направленных на выявление и продвижение своих интересов для выполнения конкретных целей и задач социально-экономического развития города. В широком смысле это продвижение интересов города. К таким общим интересам в пределах города можно отнести: 1) сохранение и увеличение соци-

ально-экономического потенциала города; 2) расширение спектра социальных ролей города, а также ценового и профессионального ассортимента рабочих мест; 3) развитие социальной инфраструктуры города; 4) повышение качества городской среды; 5) улучшение социального климата в городе, в том числе повышение уровня безопасности и толерантности; 6) расширение спектра возможностей для творческой самореализации горожан; 7) улучшение экологических параметров города [5, С. 16-17]. Главной целью управления городом станет управление не хозяйственными комплексами – сетями, объектами, микрорайонами, а сообществами, различными интересами, присутствующими в городе и формирующими социальный заказ [6, С. 68]. В связи с этим, перспективным представляется введение института сити-менеджера. Все перечисленные аспекты маркетинга и менеджмента городов пронизаны качественными параметрами образа конкретной городской среды.

Таким образом, формула бренда города состоит в первую очередь из идентичности жителей, положительного имиджа, нематериальных (ценности, индивидуальность, идея) и материальных элементов (логотип, слоган и дизайн) бренда. Продвижение перечисленных составляющих брендов приднестровских городов придаст их развитию дополнительный импульс, повысит их конкурентоспособность и креативность. Эффективный брендинг городов Приднестровья позволит сформировать их позитивный образ и вывести качественно новый уровень развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцупов И.А. Города и местечки Приднестровья // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. №2. Тирасполь: Упрполиграфиздат ПМР, 1998. С. 32-33.
2. Аствацатуров Г.О. Бендерская крепость. Бендеры: Петица, 1997. 176 с.
3. Атлас Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь: ИПЦ «Шериф», 2000. 61 с.
4. Вайль П.Л. Гений места. М.: КоЛибри, 2007. 488 с.
5. Визгалов Д.В. Маркетинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. 110 с.
6. Визгалов Д.В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
7. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
8. Лихачев Д.С. Книга беспокойств: воспоминания, статьи, беседы / сост. Г.А. Дубровская. М.: Новости, 1991. 522 с.
9. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика – XXI век, 2005. 421 с.
10. Перстнев В. Зодчий // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. № 8. Тирасполь: РИО ПГУ, 2004. С. 135-138.
11. Смирнов В.Ф. Градостроительство Молдавии. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1975. 148 с.
12. Сухинин С.А. Туристско-рекреационный комплекс города Бендеры // Экономика Приднестровья. Тирасполь, 2008. № 4. С. 28-36.
13. Фоменко В.Г., Кривенко А.В., Лункарь И.Е. Гений места в образе города или эволюция архитектурно-планировочной организации Бендер // Сборник научных статей «Академику Бергу Л.С. – 135 лет». Бендеры, 2011. С. 304-311.
14. Фоменко В.Г. Образ Приднестровья как элемент регионального туристического продукта // Материалы междунар. научной конференции «Теория и практика модернизации хозяйственных укладов и экономических институтов периферийных регионов». Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 10-11 октября 2013. С. 350-355.

* * * * *

УДК 339.138

Игнатьева Оксана Валерьевна
кандидат исторических наук, доцент
заведующая кафедрой культурологии
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь
ignatieva2007@rambler.ru

ОБРАЗЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В БРЕНДИНГЕ ГОРОДА ПЕРМИ

В статье представлен пермский опыт брендинга города на основе культурного наследия. Актуализация культурного наследия средствами творческих индустрий и культурных фестивалей была декларирована в пермском культурном проекте. Во многом именно через дискурс противостояния культурного наследия и нового культурного наследия произошел раскол среди пермских стейкхолдеров и власти, не состоялся пермский бренд.

Ключевые слова: брендинг города, культурное наследие, региональные символы, пермский звериный стиль, культурные индустрии.

Ignatieva Oksana Valer'evna
candidate of historical sciences, associate professor
head of the chair of Cultural Studies
Perm State Humanitarian Pedagogical University
Perm
ignatieva2007@rambler.ru

TRADITIONAL CULTURE AND BRANDING IN PERM'S URBAN

Following article reviews Perm's experience of urban branding based on cultural heritage. Growing importance of cultural heritage was declared in Perm culture project. Discourse of «standoff» between cultural heritage and new culture project was the reason of split among local stakeholders and power that led to failure of the local brand.

Keywords: cultural heritage, regional symbols, Permian animal style, creative industries.

Статья подготовлена в рамках проекта № 034-ф Программы стратегического развития ПГГПУ.

Брендинг городов рассматривается в современной литературе, с одной стороны, как способ продвижения территории вовне, в конкурентной среде. С другой стороны, все более подчеркивается потенциал брендинга в отношении городского бренд-партнерства. Успех или провал городских бренд-стратегий современными авторами связывается с бренд-коммуникациями и технологиями сотрудничества между властью и стейкхолдерами [1].

Одним из имиджевых ресурсов города являются образы и символы традиционной культуры, историко-культурное наследие территории. Осмысление своего регионального исторического опыта и своеобразия Пермского края начинается с середины XIX века, пермские культуртрегеры XIX – начала XX вв. хорошо понимали свою миссию, прежде всего, связанную с просвещением местного населения, сбором всех имеющихся достижений края, создание первых музеев, проведение научных исследований. Именно в этот период были выявлены и осмыслены в качестве региональных символов многие пермские феномены, в том числе, пермский звериный стиль.

В советский период опыт осмысления региональных особенностей Пермского края был не востребован, формирование новой общности – «советский народ» – опиралось на события и достижения советского времени. В постсоветское время, по сути, происходит возврат к просветительской парадигме в отношении к историко-культурному наследию Пермского края. С огромным энтузиазмом возвращаются забытые имена и символы, появляются новые страницы в «пермской энциклопедии». Как и для большинства российских регионов, проблема идентичности, ее нового конструирования, чрезвычайно актуальна для города Перми.

Поиск своего рода доказательств цивилизованности в противостоянии «столица – провинция» приводит современных исследователей к открытию новых тем. Так город обрастает текстами Б.Л. Пастернака, А.П. Чехова, С.П. Дягилева, Романовых и пр. Вновь появляется необходимость связать все эти «пазлы» пермского культурного наследия в единую мозаику «пермского текста», что и происходит в исследовании В.В. Абашева «Пермь как текст». Не случайно, работы этого автора оказались так востребованы и цитируемы не только в пермской среде, но и в общероссийском научном контексте – для большинства российских регионов проблема идентичности, ее нового конструирования, чрезвычайно актуальна.

На что можно опираться в этой борьбе за новую/старую идентичность? За последние годы в Перми были представлены разные ответы на этот вопрос. Один из них, это опора на «пермскую аутентичность» в виде традиционных (этнических) текстов и образов, «пермского мифа». Большую роль в развитии темы «пермского духа» сыграла общественная организация «КАМБА» и ее директор Н. Шостина.

Этнофутуризм как культурное и художественное движение является ответом на глобальные вызовы времени. Как отмечает сама Н. Шостина в своем блоге: «тема Перми и пермских корней является основополагающей», «Пермь – это мощный информационный пласт земли, символов, генетической памяти», «провинциальная культура – это живая ткань. На фоне всеобщей глобализации и сетевого маркетинга, мы с трудом отыскиваем уникальные артефакты местной культуры, истории, быта. Как бы москвичи не смеялись над нашей аутентикой, ценность провинции именно в этом. В ней колорит, особенность, наив и уникальность». Таким образом, обращение к истокам, к пермской архаике, видится в качестве «терапии» для пермской ментальности и, одновременно, средством перехода в XXI век.

Этнофутуризм по-пермски – это, прежде всего, те мероприятия, фестивали, события, которые организует и проводит «КАМБА», визуализируя в пространстве Перми и Пермского края символы традиционной культуры. Одним из таких событий уже много лет является этнофутуристический фестиваль «КАМБА», который, по признанию прессы, стал самым массовым народным проектом финно-угорской России, а сама Пермь на какое-то время становится столицей этнофутуризма.

Особой темой для «КАМБЫ» являются проекты, связанные с пермским звериным стилем. Интернет-проект «Новые лики пермского звериного стиля» в 2008 г. объединил как творческие индустрии в лице «КАМБЫ» и рекламно-производственной компании «МАСТЕР-ФЛОК», культурные институции Пермский краевой музей и Пермская краевая библиотека, а также Пермский государственный педагогический университет.

В С.-Петербурге в 2012 г. был проведен опрос экспертов относительно культурного наследия и творческих индустрий. Эксперты отметили консерватизм руководителей и специалистов организаций культурного наследия [4]. С точки зрения музейных коллекций пермского звериного стиля эта проблема также существует. Так в Пермском крае основными «держателями» коллекций пермского звериного стиля являются Пермский краевой музей и Чердынский музей им. А.С. Пушкина. Но только благодаря инициативе «КАМБЫ» в рамках фотопроекта «Новые лики пермского звериного стиля» удалось создать первый комплект сувенирных открыток.

Международный форум «Звериный стиль в коллекциях музеев» (2011), организованный «КАМБОЙ» в партнерстве с Пермским государственным педагогическим университетом стал новым форматом в привлечении внимания к теме традиционного наследия. С одной стороны, форум объединил научное сообщество и музеи, звучали доклады, посвященные звериному стилю, все они транслировались через Интернет.

С другой стороны, на этой же площадке проходила выставка пермского звериного стиля из фондов Чердынского музея, были организованы экскурсии. Круглый стол объединил в одной теме пермского звериного стиля ученых, художников, творческие индустрии, представляющие сувенирную продукцию. Для детской и семейной аудитории были организованы мастер-классы.

Кроме того, на форуме состоялась презентация сувенирной продукции с использованием изображений пермского звериного стиля. Сувенирная продукция от пермских рекламных и производственных компаний, от товаров массового потребления до VIP-сувениров, дизайнерская одежда, все это можно было, и увидеть, и приобрести на форуме.

Еще одной интересной формой активного освоения темы пермского звериного стиля на форуме стала презентация экскурсионного маршрута «Пермский звериный стиль на карте Пермского края».

В 2012 г. состоялся новый совместный проект «КАМВЫ» и Vinamin Group, посвященный пермскому звериному стилю. Проект «Новые лики» осуществлялся в рамках фестиваля «Белые ночи», обычными посетителями было сделано 30 тысяч фотографий, в такой интерактивной форме состоялось приобщение к ликам пермского звериного стиля.

Анализируя деятельность творческих индустрий даже на примере одного сюжета, связанного с популяризацией пермского звериного стиля, можно согласиться с мнением, что «инертность многих организаций культурного наследия выступает сдерживающим фактором развития инноваций в их деятельности. И здесь организации культурных индустрий могут и должны стать катализатором инновационных процессов и форм взаимодействия» [4].

Фестивали, форумы, интерактивные проекты, соединяющие традиционную культуру и современного горожанина, являются самой эффективной формой и «примером взаимодействия культурного наследия и творческих отраслей, они способны предлагать новые практики потребления, досуга и образования в сфере культуры и искусства» [2, С. 46]. Активно развивается в последние годы рынок сувенирной продукции, репрезентирующей Пермский край. По мнению директора Имиджевого центра «Сенатор» Б. Эренбурга, Пермь входит в тройку главных сувенирных городов (Одесса, С.-Петербург).

В рамках количественного социологического исследования «Пермь как стиль» (2012) жителям города был задан ряд вопросов, касающихся символов и культурных деятелей Перми и Пермского края. Перед нами стояла задача выявить символы, памятные места, фамилии исторических деятелей, с которыми у населения ассоциируется город. В анкете были представлены вопросы закрытого и открытого типа.

Закрытый вопрос был задан с целью определения той условной исторической эпохи, с которой в исторической памяти пермяков чаще всего связана Пермь. Респондентам было предложено выбрать три наиболее значимых символа Перми из трех групп – символов досоветского времени (пермский звериный стиль, пермская деревянная скульптура, пермская Ротонда); символов советской эпохи (пермский балет, памятник уральскому танковому добровольческому корпусу, памятник «Вышка-1»); символов современной культуры (фестивали, пермский балет, буква «П» и «красные человечки», музей «PERMM»). Этот «шорт-лист» символов был определен по результатам фокус-групп, как наиболее значимый и легко читаемый в разных слоях пермского сообщества. По аналогии с рейтинговыми политическими опросами можно сказать, что это рейтинг пермских символов по «узнаваемости».

Открытые вопросы, напротив, нацелены на «вспоминаемость» символов. Они формулировались следующим образом: кто из исторических, политических и культурных деятелей, на Ваш взгляд, является символом Пермского края? какие памятники культуры являются, на Ваш взгляд, символами Пермского края? какие памятники природы являются, на Ваш взгляд, символами Пермского края?

На первом месте по влиянию на региональную идентичность среди всех эпох стоит советская, что подтверждается ответами респондентов. Именно символы советского времени выбраны большей частью опрошенных в рамках исследования пермяков, а именно: пермский балет (49,1%), памятник уральскому танковому добровольческому корпусу (40,2%), памятник «Вышка-1» (22,5%). При этом тематика культуры и военного времени явно побеждает революционную. На втором месте стоят символы досоветского времени: пермская деревянная скульптура (37,2%), пермская Ротонда (25,3%), пермский звериный стиль (22,6%). Явное доминирование «пермских богов», занявших третье место в общем рейтинге символов, объясняется достаточно просто: они являются символом второго, после балета, знакового учреждения культуры Перми – Художественной галереи, и широко пропагандировались еще в советское время. Современные символы (фестивали – 33,1%, буква «П» и «красные человечки» – 11,8%, музей «PERMM» – 6,8%, всего – 51,7%), несмотря на многочисленные баталии в СМИ и Интернете, а также неоднозначные оценки со стороны населения, все же стали значимым элементом пермской идентичности.

Социологический опрос выявил, в том числе, значимость пермского звериного стиля как символа Перми. 22,6% опрошенных назвали пермский звериный стиль пермским символом. Можно представить своего рода социологический портрет данной аудитории. Так, женщины гораздо чаще, чем мужчины, выбирают пермский

звериный стиль в качестве символа Перми. Есть разница и в возрасте, молодые люди чаще выбирают пермский звериный стиль – 28,4% (наименьшая доля указавших его среди пенсионеров – всего 15,8%). По уровню доходов «средний пермяк» (то есть, относящий себя к среднему слою и с достатком уровня среднего и ниже среднего) чаще остальных выбирает звериный стиль. Пермский звериный стиль выбирают люди с высшим образованием чаще, чем другими категориями населения. Образованная часть пермского городского сообщества, скорее, находится на позиции защиты традиционных символов культуры, судя по проведенному исследованию [3].

Многие исследователи отмечали, что первым, наиболее значимым символическим слоем, доминирующим над всеми остальными слоями культурного ландшафта, является природа. При всем многообразии культурного наследия Пермского края, в котором представлены практически все исторические эпохи от палеолита до актуального искусства, пермяки чаще всего предпочитают конструировать свою региональную идентичность через природный компонент. В рамках проведенного нами исследования «Пермь как стиль» мы специально разделили вопросы про природные и культурные символы, а также про исторических деятелей. И, тем не менее, природная компонента проступает даже в ответах про культурные памятники. Еще в 2008 г. было проведено исследование, согласно которому «самым востребованным символом пермской уникальности выступает символ медведя» [6]. Наш опрос подтвердил популярность этого символа для пермяков, т.к. именно памятник медведю стоит на первом месте среди всех памятников культуры, с которыми местное население готово идентифицировать Пермский край. Всего его назвали в рамках открытого вопроса 19,7% опрошенных. Конечно, архаические символы самые устойчивые и «каждая культура нуждается в пласте текстов, выполняющих функцию архаики» [4, С. 241]. Тем более, что образ медведя хорошо знакомый по сюжетам пермского звериного стиля, входит в региональную геральдику и символику.

Отношение к традиционному наследию Пермского края по-новому стало обозначаться в связи с новой культурной политикой, получившей название «пермская культурная революция». В направлениях пермского культурного проекта «не на создание готовых продуктов и услуг, а на запуск процессов, актуализирующих культурные ресурсы самих территорий – как способа поиска человеческой идентичности и формирования своего особого образа и стиля жизни на территории» [7, С. 13]. Одним из источников современной культурной среды было обозначено сохранение наследия и формирование нового наследия.

Новые символы Перми появились в пространстве города, визуализируя средствами современного искусства и дизайна футурошок. «Беспочвенность» новых символов Перми и их критика пермским сообществом связывались, прежде всего, с «варягами», т.е. с командой М. Гельмана. Отсутствие единого языка, на котором можно говорить о культурной политике и брендинге Перми, в конце концов, привело не только к свертыванию культурных инициатив, связанных с современным искусством, но и поддержки проектов культурных индустрий в сфере традиционного искусства.

Вместе с тем, потенциал традиционной культуры в отношении брендинга Перми оказался не раскрытым в полной мере. При всей популярности среди пермяков фестивалей [3], популяризирующих культурное наследие, только силами культурных индустрий подобные мероприятия на высоком уровне не осуществить. Поддержка и развитие культурных индустрий, по мнению Д. Тросби, ведет за собой и возрождение городов и регионов [8].

Возвращаясь к словам Б. Эренбурга о том, что из наследия пермского звериного стиля может вырасти пермский бренд, хочется отметить, что этот ласковый и нежный зверь (идея Д.Н. Замятина) обладает человеческим ликом. Пермский звериный стиль вполне может говорить не только о пермской уникальности, но и включать нас в глобальное пространство истории и культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Динни Кейт. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 380 с.
2. Иванова Ю.В. Культурные и социальные аспекты взаимодействия культурного наследия и творческих индустрий (на примере Санкт-Петербурга) // Культурное наследие и творческие индустрии: время, место, действие. Сборник трудов сотрудников Лаборатории экономики культуры Санкт-Петербургского филиала НИУ «Высшая школа экономики». Санкт-Петербург: «Издательство «Левша. Санкт-Петербург», 2012. С. 7-53.
3. Игнатьева О.В., Лысенко О.В. Символические ландшафты городского пространства // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности. Пермь: редакционно-издательский совет ПГГПУ, 2013. С. 100-132.
4. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб». 2001. 240-250 с.
5. Матецкая М.В., Хорева Л.В. Взаимодействие организаций культурного наследия и творческих индустрий: импульс развития сферы культуры (по материалам экспертного опроса) // Культурное наследие и творческие индустрии: время, место, действие. Сборник трудов сотрудников Лаборатории экономики культуры Санкт-Петербургского филиала НИУ «Высшая школа экономики». Санкт-Петербург: «Издательство «Левша. Санкт-Петербург», 2012. С. 90-109.
6. Назукина М.В. Особенности региональной идентичности Пермского края: социокультурный аспект // Режим доступа: polit.psu.ru/identichnost/statqq_Nazukinoj_pnc.doc
7. Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края. Пермь, 2010.
8. Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 256 с.

* * * * *

УДК 378:353

Смирнов Владимир Алексеевич*доктор социологических наук**проректор по воспитательной и социальной работе**Костромская государственная сельскохозяйственная академия**Костромская область**kano_igt@mail.ru***Пунина Ксения Александровна***кандидат политических наук, доцент**начальник отдела фандрайзинга**Пермский государственный национальный**исследовательский университет**г. Пермь**puninaks@mail.ru*

УНИВЕРСИТЕТ КАК ДРАЙВЕР ПОЛИТИКИ ДОВЕРИЯ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ

В статье представлена модель развития культуры доверия в городском пространстве. Авторы указывают на необходимость перехода от производственно-экономической парадигмы города к социокультурной. Особой место в этом процессе занимает университет как институт, способный стать основным актором развития культуры доверия в городе.

Ключевые слова: университет; городские сообщества; «третья» функция университета; политика доверия; идентификация.

Smirnov Vladimir Alekseevich*doctor of sociological sciences**vice-rector on educational and social work**Kostroma State Agricultural Academy**Kostroma Oblast**kano_igt@mail.ru***Punina Ksenia Aleksandrovna***candidate of political sciences, associate professor**head of fundraising**Perm State University**Perm**puninaks@mail.ru*

THE UNIVERSITY AS A TRUST POLICY DRIVER IN URBAN COMMUNITIES

This article presents a model for the development of a culture of trust in urban space. The authors point to the necessity of the transition from production-economic paradigm of the city to the sociocultural. Special place in this process is the University as an institution able to become the main actor in the development of a culture of trust in the city.

Keywords: university; urban communities; «the third» function university; trust policy; identification.

Статья подготовлена в рамках исследовательского гранта РГНФ №13-03-00060 «Университет и сообщества: европейский опыт и российские практики».

Современный мир переживает кризис доверия. П. Штомпка называет это одной из самых серьезных «болезней современности», которой в той или иной степени подвержены все современные общества [13]. Многолетние эмпирические исследования М. Догана подтверждают данный тезис на примере большинства европейских стран, стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии [4], исследования Р. Путнама демонстрируют постоянный спад доверия в США, которые еще А. Торквиль считал «оазисом» повсеместного взаимного доверия [2].

Не является исключением и современная Россия, переживающая глубинную трансформацию всех основ жизни, в том числе и морально-нравственных основ социальной интеграции. Кризис доверия между государством и обществом начал возникать в СССР начиная с 30-х годов прошлого века, к началу перестройки он достиг своего апогея, став не только институциональным феноменом, но и нормой повседневного существования людей. Новейшая история нашей страны с ее социальными и политическими экспериментами последних десятилетий создала новые условия для развития социального недоверия, аномии, индивидуализации, разрушения солидарности в российском обществе.

Несмотря на то, что данная проблема достаточно слабо представлена в современном социально-политическом дискурсе, тем не менее, думается, что она требует своего решения. Это связано с тем, что попытки российской политической элиты осуществить модернизацию российской экономики, политической и общественной сферы, все чаще сталкиваются с латентным сопротивлением социальных структур повседневности, основным из элементов которых является феномен недоверия. Следуя логике Э. Гидденса [3] можно сказать, что ускоренность недоверия на структурном уровне ведет к тому, что и в повседневной жизни люди перестают доверять друг другу, создавая своеобразный замкнутый цикл структуризации недоверия.

Как справедливо продемонстрировал в своем исследовании Дж. Скотт [10] невозможно реализовать любой мало-мальски крупный государственный или социальный проект в условиях недоверия как между государством и обществом, так и между отдельными сообществами людей. Именно поэтому, представляется важным сегодня, начать разговор о политике доверия, как важнейшем направлении государственной и общественной политики, ориентированной на институционализацию в российском обществе культуры доверия.

Предлагаемая статья фокусируется на локальном объекте, в качестве которого выступает отдельный город (не столица и не крупный мегаполис). Думается, что именно город как особое социокультурное образование, обладающее определенной культурной автономией, может стать локальностью для разработки нормативной модели политики, направленной на развитие культуры доверия между горожанами, между властью и горожанами, а также отдельными сообществами города. Особое место в этом процессе отводится, на наш взгляд университету, как особому социальному институту, способному выступить субъектом, запускающим социально-политические процессы, формирующие культуру доверия. Важно и то, что в предлагаемой нами модели интеграция культуры доверия в городе, становится важнейшим механизмом его развития, поскольку позволяет снизить целый ряд издержек как экономических, так и социально-политических, переводя городское сообщество в режим органической солидарности, о чем «мечтал» еще Э. Дюркгейм [5].

Прежде чем переходить непосредственно к анализу механизмов развития культуры доверия, кратко остановимся на анализе понятия «город» и возможных интерпретациях термина «развитие города», в ключе разных урбанистических парадигм.

Не претендуя на полноту анализа, укажем, что мы видим возможным выделить две доминирующие парадигмы в социологической интерпретации города, каждая из которых делает акцент на разных целях существования и развития городского пространства.

Во-первых, производственно-экономическая парадигма, рассматривающая город в контексте экономических отношений и дифференциации труда в том значении, которое в это понятие вкладывал Э. Дюркгейм [5]. В рамках данной парадигмы развитие города понимается как возрастание функционального разделения труда, как рост экономического капитала города. Как справедливо отмечают некоторые неомарксисты, сущностным содержанием экономической и социальной жизни города становится производство капитала. Так, в частности, А. Лефевр назвал капиталистический город «машинной по производству денег» [7]. Деньги как «кровь» городов становятся важнейшей целью и средством развития города, подчиняя всю его жизнедеятельность именно этому. В данном контексте стоит упо-

мянуть о концепции Д. Харви, получившей название «урбанизация капитала», которая имеет непосредственное отношение к социальной политике городских властей [12]. Он полагает, что постепенно город становится ареной для привлечения финансовых ресурсов, которые инвестируются в экономику, при этом жизнь обычных горожан не улучшается. Вложение средств, развитие инфраструктуры города имеют своей основной целью увеличение стоимости недвижимости и получение дополнительной прибыли, а не интересы горожан. Тезис о том, что возрастание доходов корпораций приводит к увеличению инвестиций в социальную сферу, улучшению жизни населения носит декларативный и идеологический характер. Важно и то, что сегодня повсеместно распространяется практика коммерциализации культурной сферы, финансовая эксплуатация учреждений культуры в целях привлечения туристов и т.д.

Сторонники данной парадигмы пытались выделить механизмы, которые позволили бы структурировать городское пространство как привлекательное для всех. Э. Дюркгейм полагал, что дифференциация труда и рациональное поведение горожан приведет в конечном итоге к развитию органической солидарности в обществе. К. Маркс указывал на возможное преобразование городского сообщества с помощью новой социальной силы – пролетариата. На сегодня ни та, ни другая концепция не нашли своего воплощения в жизни. Почему эта парадигма нежизнеспособна. Приведем несколько фактов, иллюстрирующих нашу позицию.

1. В России слишком мало больших городов. При этом большинство городов теряют население. Власти пытаются искусственно нарастить численность путем расширения границ города.

2. Вторая проблема – равенство в бедности. Из 96 крупных городов с населением свыше 200 тыс. человек половина почти не различается по уровню средней заработной платы (20-25 тыс. руб. в 2011 году). В эту группу попадают многие северные и дальневосточные города.

3. Третья проблема – низкие инвестиции в большинстве городов на фоне сильнейших контрастов. В 2011 году инвестиции на душу населения в пятерке городов-лидеров были в 22 раза больше, чем в пятерке аутсайдеров. Как и в 2010-м, лидируют города федеральных и региональных спецпроектов (Сочи, Владивосток, Казань). Вторая группа лидеров – сырьевые города (Нижневартовск, Сургут, Нижнекамск). Правда, влияние промышленных инвестиций на развитие этих городов минимально [6].

Во-вторых, социокультурная парадигма, рассматривающая город, главным образом, как сообщества людей, имеющих определенные культурные и социальные отношения. Город в данном контексте понимается как гетерогенный организм, состоящий из боль-

шого количества сообществ, субкультур и т.д. В рамках данной парадигмы развитие города представляется как постепенное улучшение жизни городских сообществ, как увеличение их удовлетворенности и счастья. Важнейшим механизмом развития города как широкого спектра сообществ видится **социокультурная диффузия**, как взаимопроникновение на территорию и в социокультурное пространство нормативности различных групп. Представляется, что это есть один из главных элементов городской культуры доверия, позволяющий разным городским сообществам познавать, понимать друг друга, выстраивать эффективный диалог. Как справедливо указывал Р. Парк, в городском пространстве должен возникнуть особый коммуникативный дух, позволяющий достичь согласия между очень разными людьми, проживающими в городе [1].

Укажем, что представленные парадигмы имеют не только сугубо теоретическое значение. Дело в том, что в той или иной степени они интериоризируются руководством города, определяя не только ментальные установки последних, но и конкретные шаги в сфере управления развитием города. Думается, что сегодня доминирующей парадигмой в коллективном сознании городских руководителей и чиновников является производственно-экономическая модель, где в качестве индикаторов успешности функционирования по-прежнему остаются экономические категории, в то время как значительное число экономистов, социологов и политологов все чаще говорят сегодня о концепте «счастье», как критерии, определяющем жизнедеятельность человека.

Обратимся к понятию «культура доверия». П. Штомпка [13] выделяет четыре ключевых условия, способствующих формированию культуры доверия в обществе.

Во-первых, это нормативная связь, как система моральных норм, обычаев, правовых инструментов, создающих «скелет» общественной жизни. Нормативно упорядоченная жизнь формирует чувство экзистенциональной безопасности [3].

Во-вторых, это стабильность общественного порядка. «Традиция обеспечивает точку опоры для основного доверия, являющегося ключевым для непрерывности идентичности, а также является механизмом, приводящим в действие другие реляции, опирающиеся на доверие» [3, С. 302].

В-третьих, прозрачность общественных организаций.

В-четвертых, привычность окружения, в котором люди осуществляют свои действия. И тут очень важным является гармонизация отношений между различными сообществами городского пространства.

Какова же роль университета в процессе развития культуры доверия в городе? Представляется, что очень значительная. И в этом

аспекте, мы отходим от простого понимания социальной функции университета как социально-активного вуза, мы начинаем рассматривать его как субъект формирования общегородской политики, как своеобразный источник аксиологического знания, которое при этом не просто сосредоточено в стенах университета, а выносится «на улицу». Университет сегодня начинает выполнять политическую, управленческую и, прежде всего, – идентификационную роль, выступая в качестве некоего сообщества, формирующего соответствующую социальную среду и способы демократического участия в обществе, основанном на знании» [8].

Наши исследования позволяют выделить три модели интеграции университетов в региональные и городские сообщества [см. 11].

1. Модель естественного трансфера университета в региональные сообщества. Нам представляется, что данная модель является классической в системе взаимоотношений вуза и региона. Возникновение университетов и их локализация на конкретной территории являлось своеобразным культурным шоком для населения, что, в свою очередь, ставило вопрос о необходимости «знакомства» университета как особой формы жизнедеятельности и местного сообщества. Для указанной модели характерны нерелексированные, зачастую спонтанные проявления активности в сфере взаимодействия с региональными сообществами, основанные на отдельных, зачастую не связанных между собой мероприятиях. Основными формами реализации взаимодействия университета и региональных сообществ является проведение праздников, фестивалей, разнообразных акций, ориентированных на «открытие» университета для местного сообщества, на развитие устойчивой коммуникации между ними.

2. Модель социального служения университета. В данном случае мы можем говорить о наличии системной деятельности университета, ориентированной на интеграцию в региональные процессы, за счет выстраивания работы по решению социальных проблем того или иного сообщества. Отметим, что в значительной части исследованных нами университетов разнообразные формы социального служения носят очаговый и локальный характер, не претендуя на решение каких-либо значимых региональных проблем. Тем не менее, данная модель взаимодействия университета и региональных сообществ играет достаточно серьезную роль в социокультурном пространстве территории. Основными формами реализации данной модели являются разнообразные формы социального проектирования и добровольного участия в решении проблем локального характера, система открытых и публичных лекций, читаемых преподавателями вуза, разнообразные воплощения музея «занимательных наук» и т.д. При этом наибольший интерес представляют формы взаимодействия, в рамках которых интегрируются образовательная и научная

функция университета. В качестве кейса приведем пример одного из российских университетов (НИУ ИТМО, г. Санкт-Петербург). В вузе существует система организации проектной деятельности студентов, когда команды участников по запросу различных городских сообществ, реализуют разнообразные IT-проекты, позволяющие решить ту или иную социальную проблему. Реализуя программное решение, участники проектных групп автоматически интегрируются в решение проблем детских домов, некоммерческих организаций, школ и объединений ветеранов, органов государственной и муниципальной власти, тем самым становясь драйвером интеграции университета в социально-экономическое и социокультурное пространство города. Отметим, что модель социального служения характерна не только для российских, но и европейских университетов. При этом, в практике работы европейских вузов, она реализуется в большей степени через превращение университета в своеобразную площадку для коммуникации между различными сообществами региона (города).

3. Трансформационная модель взаимодействия. В данном случае речь идет, как нам представляется, о наиболее эффективной форме выстраивания взаимоотношений университета и региональных сообществ, которая позволяет говорить об университете как драйвере развития культуры доверия. Университет выступает не просто как образовательная и научная организация, или поставщик кадров для региональной экономики и даже не как предпринимательский университет, а скорее как лаборатория по разработке и реализации социальных, гуманитарных, информационных технологий, направленных на трансформацию жизнедеятельности жителей региона, на изменение их представлений, дискурса, идентичности, практик. Представляется, что такая модель является продолжением и развитием концепции предпринимательского университета и трансформации его в социально-предпринимательский, когда в основе деятельности лежит не идея капитализации научного потенциала ученых, а оптимизация окружающей социальной среды, с использованием инструментов бизнес-проектирования. Ключевое отличие здесь в направленности интеграционной активности университета. Предпринимательский университет является важнейшим актором развития экономики знаний в регионе, социально-предпринимательский университет, сохраняя механизмы трансфера знания, становится еще и драйвером социокультурного развития региональных (городских) сообществ. Основной технологией данной модели, которая становится стержнем работы университета со студентами, преподавателями и сообществом является технология социального предпринимательства, которая интегрирует в себе, с одной стороны, философию и технологию социального проектирования, а с другой – предприимчивость и бизнес-мышление. Говоря об изученных нами кейсах, укажем, что

реализацию данной модели, по крайней мере, на дискурсивном уровне мы встретили в Таллиннском университете, где активно ведется деятельность по развитию механизмов социального предпринимательства студентов, а также в Нарвском колледже Тартуского университета, который в силу своего геополитического положения «вынужден» осуществлять деятельность по трансформации идентичности населения г. Нарвы.

Таким образом, подчеркнем тот факт, что именно трансформационная модель взаимодействия университета и региональных (городских) сообществ может стать основной для развития культуры доверия в городе.

Попытаемся определить те сферы и те технологии, которые может использовать университет для экспансии культуры доверия в городскую среду. Такую деятельность можно рассмотреть на нескольких уровнях.

Во-первых, это сам университет. Действительно, в условиях разрушения доверия и автономизации общества университет может создать внутри своей среды «ситуацию-образец», в рамках которой будет происходить развитие и транслирование культуры доверия, между студентами и преподавателями, между преподавателями, студентами и администрацией университета. Представляется, что интериоризированная культура доверия сможет в последствие транслироваться выпускниками вуза в городскую среду с самых разных позиций. Для развития внутренней среды доверия в университете необходимо предпринять ряд существенных внутривузовских изменений. Необходимо создать в вузе площадки для диалога между всеми субъектами образовательного процесса, причем диалога содержательного и деятельностного.

Во-вторых, университет может стать площадкой для коммуникации самых разных городских сообществ. Университет – это институт, который в отличие от структур власти, политических партий, целого ряда общественных организаций пользуется большим доверием горожан. Хотя надо отметить, что данная ситуация несколько изменилась, в результате политики Министерства образования и науки РФ. Тем не менее, можно говорить, что из перечисленных акторов, университет вызывает у людей наибольшее доверие. Такая ситуация позволяет рассматривать вуз как площадку для выстраивания доверительной коммуникации между разными сообществами города, дифференцированными как по социальным, так и, например, по этническим критериям. Более того, открывая свое пространство для коммуникации сообществ города, университет становится центром социокультурного развития города, не просто в абстрактном смысле этого слова, а в самом непосредственном. Какие же технологии могут быть использованы для создания на базе университета коммуникацион-

ной площадки по развитию городской культуры доверия? Это, безусловно, активно развиваемая сегодня технология «дебатов», как технология цивилизованного обсуждения городских проблем между разными сегментами городского общества. Это научно-практические конференции, проблемные и методологические семинары, открытые лекции – все те формы, которые предполагают открытость и свободу коммуникации.

В-третьих, университет может выступать как актер, развивающий коммуникацию между городскими сообществами непосредственно в городской среде. Преподаватели, студенты могут инициировать проекты, направленные на создание коммуникативных площадок в самом городе, между разными сегментами городского общества. В этом контексте представляет интерес проект, реализуемый Новокузнецким институтом (филиалом) ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», направленный на вовлечение жителей города в велопробеги. Действительно, несмотря на свою простоту, данная практика может являться важнейшим инструментом развития доверия между разными сообществами города. Участие в совместной не политизированной деятельности позволяет выстраивать коммуникацию именно в доверительном плане.

В-четвертых, университет как институт, имеющий наибольший кредит доверия горожан, может выступить инициатором целого спектра краудфандинговых проектов, направленных на решение городских проблем. Волонтерские, добровольческие инициативы, создание культурных площадок и рекреационных зон в университетах служат успешными примерами в этом вопросе.

В-пятых, может быть предложен еще один проект, ориентированный на развитие культуры доверия между горожанами, властью, местным бизнесом и университетом. Сегодня в России набирает обороты движение, ориентированное на брендинг городов. Сегодня очень часто эта активность носит скорее имитационный характер, администрации городов, чувствуя модную тенденцию, начинают разрабатывать бренды города, которые также быстро забываются, как и придумываются. В то же время, по мнению ряда исследователей, бренду города нужно быть представителем всех ключевых стейкхолдеров. Стимулирование вовлеченности ключевых сторон влияния в создании и развитии бренд-стратегии делает бренд сильнее. Поскольку ключевым моментом в брендинге города является вовлечение всех ключевых стейкхолдеров (власть, бизнес, сообщества горожан и т.д.), то именно университет может стать площадкой для коммуникации в сфере развития бренда города. При этом очень важен тот факт, что поведение и манера общения людей в городе – это ключевой аспект проявления его бренда. В этой ситуации необходимо начинать проектирование бренда города с системы исследований, направленных на выяснение особенностей разных

сообществ горожан, что так же может сделать университет. Основа успешного брендинга города – совместная ответственность всех стейкхолдеров, поскольку ни один из них не имеет возможности самостоятельно разработать и внедрить бренд города. Очень часто администрация города считает себя «владельцем» бренда города, лишь советуясь с прочими субъектами жизнедеятельности города. В этой ситуации задача университета создать полноценный диалог, в рамках которого все сообщества города могли бы быть реально вовлечены в разработку бренда своего города.

Да и сама университетская тематика может быть включена в бренд территории через имена его ученых или связанных с университетом общественных деятелей, выпускников. Например, Д.И. Менделеев в Томске, М.В. Ломоносов в Архангельске. Е. Сабурова отмечает, что надо «внимательно относиться к каждой известной личности (реальной или выдуманной), которая может положительно повлиять на формирование имиджа этого города, принести ему дополнительную прибыль и привлечь новых покупателей» [9].

В действительности, наверняка может быть предложен еще широкий спектр для участия университета в развитии и распространении культуры доверия в городе. Мы лишь указали несколько возможных направлений этой деятельности.

Важным является вопрос вовлечения различных городских сообществ в доверительную коммуникацию. Подчеркнем еще раз, что вовлеченность максимально возможного количества городских сообществ является важным, поскольку позволяет решить две ключевые задачи. Во-первых, создать условия для реализации многих социально-экономических и политических проектов, поскольку как показывает опыт и большое количество исследований, невовлеченность горожан ведет к провалу или «мягкому» сопротивлению значительной части проектов, реализуемых городскими властями. Во-вторых, вовлеченность большого количества городских сообществ позволяет запустить механизм самотранслирования культуры доверия через лидеров сообществ, интериоризировавших принципы доверия.

В данном аспекте нельзя найти технологии, которые работают везде, но, тем не менее, можно предложить общий алгоритм, позволяющий университету начать выстраивать коммуникацию для развития культуры доверия в городе. Выделим следующие важные шаги для реализации этого процесса:

1. Изучение и типология городских сообществ по самым разным основаниям (демографическим, социально-экономическим, этническим, культурным и т.д.). В данном случае важно ответить на вопрос – кто живет в нашем городе? Как эти сообщества конструируют свою идентичность? Как они ее сохраняют? Кто является лидером в этих сообществах? И т.д.

2. Проактивный выход в сообщества. В данном случае речь идет об активности университета, о готовности его сотрудников, студентов выйти в «поле» реальной, «живой», уличной коммуникации с разными сообществами, с тем чтобы узнать их позицию по тому или иному вопросу.

3. Создание пространства для коммуникации на основе культуры доверия и взаимной ответственности. В данном случае важно уйти от имитации коммуникации, от ее схематизации и сценичности и постараться выстроить действительно доверительное общение. В данном случае университет может стать своеобразным фасилитатором этого процесса, обеспечив возможность быть услышанным каждому городскому сообществу.

В завершении отметим, что современным городам необходимо изменить свои методы организации жизнедеятельности, в том числе, чтобы иметь возможность конкурировать, решать городские проблемы и внедрять инновации. Для этого необходимо создать в городе возможности для развития и распространения культуры доверия, позволяющей наладить системную эффективную коммуникацию среди разных сообществ города. Необходимо, активно вовлекать группы горожан в разработку и реализацию городской политики, решение городских проблем, коллективное проектирование образа и брендинга города. В данном случае важно создание именно работающих форм коммуникации, построенных на взаимном доверии и готовности решать проблемы сообщества сообща.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Park R. The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment. Chicago: University of Chicago Press. 1925.
2. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster. 2000
3. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. 2 изд. М.: Академический Проект, 2005.
4. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия. // Режим доступа: http://ecs-ostan.hse.ru/data/321/468/1217/018_dogman.pdf (дата обращения 01.10.2014).
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.
6. Зубаревич Н. Проблема российских крупных городов — равенство в бедности // Коммерсантъ Секрет Фирмы. № 4 от 02.04.2013. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2148200> (дата обращения 01.10.2014).
7. Лефевр А. Введение в современность. Прелюдия первая. Об иронии, майевтике и истории // Неприкосновенный запас. 2012. № 2(82).
8. Миненков Г. Университет в современном мире: вызовы и возможные ответы. // Режим доступа: <http://newsletter.iatp.by/ctr6-12.htm> (дата обращения 01.10.2014).
9. Сабурова Е.В Особенности маркетинга современных городов-университетов (на примере Оксфорда и Кембриджа) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 11. С. 156.
10. Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005.
11. Смирнов В.А., Фадеева Л.А., Пунина К.А., Голубев С.В. Университет и региональные (городские) сообщества: модели сосуществования и управленческие механизмы интеграции (российский и европейский опыт) // ARS ADMINISTRANDI. 2013. № 4. С. 102-116.
12. Харви Д. Городской опыт / Перевод В.В. Вагина. М., 2009.
13. Штомпка П. Доверие основа общества. М.: Логос, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

РАЗДЕЛ 1. Историческая урбанистика: проблемы теории и историографии

Баканов С.А. «Urban History» и тренды конъюнктуры: опыт количественного изучения англоязычных отраслевых журналов.....	7
Гончаров Ю.М. Барнаульская школа исторического городоведения на рубеже XX—XXI вв.....	14
Стась И.Н. Историческая урбанистика в Сибири.....	28
Алпыспаева Г.А. Историческая урбанистика Казахстана: историографический обзор.....	47
Мазур Л.Н. Теоретические проблемы изучения процессов урбанизации.....	60
Вершинина И.А. Теоретическое осмысление города и урбанизации в современной социологической урбанистике.....	73
Табалин В.В. О некоторых вопросах правовой теории города.....	80
Белов А.В. Изучение города в контексте региона. Попытка обоснования функционально-сетевого подхода.....	91
Ильин А.Ю., Канищев В.В. Междисциплинарные подходы в изучении истории городского хозяйства региональных центров России.....	105
Меерович М.Г. К вопросу о методологии изучения начального периода урбанизации в СССР.....	114
Альбрехт О.А. Моногород: признаки, подходы и классификации.....	130

РАЗДЕЛ 2. Города в Средние века и Раннее Новое время

Браташова С.А. Урбосеть Руси по трактату ал-Идриси 1164 года.....	143
Ярков А.П., Бортникова Ю.А. Город-городок-юрт: к вопросу о происхождении оседлых поселений в средневековом пространстве Западной Сибири.....	158
Праздников А.Г. Английские города и Войны Роз.....	168
Сукина Л.Б. Хронотоп «города» в русской истории и культуре X—XVII веков... 178	
Раздорский А.И. О времени существования современного Курска (к вопросу о хронологических разрывах в истории некоторых русских городов).....	190
Солодкин Я.Г. К спорам о начале Верхтагильского и Лозьвинского городков (у истоков русского градостроительства в Сибири).....	201
Коновалов К.А. Роль маятниковых миграций в развитии московского Китай-города в XVII в.	211
Белич И.В. Мыс «Алтын Яргинак», «Бичик-Тура на Паньине Бугре» и гора «Алафейская»: к исторической топонимике города Тобольска.....	220
Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска XVII — первой половины XVIII вв.: приходские церкви.....	232
Мауль В.Я. Яицкий городок в XVII—XVIII веках: культурная семантика локальных сюжетов.....	247

РАЗДЕЛ 3. Урбанизационные процессы в Российской империи

Шахеров В.П. Особенности формирования дореформенных городских поселений Сибири.....	256
Стрекалова Н.В., Стрекалов Д.В. Источники для изучения социально-демографических процессов в российском провинциальном городе в конце XVIII — первой XIX вв.: проблемы, возможности, перспективы исследования....	265
Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города и их воздействие на экономическое развитие Сибири во второй половине XIX в.	279
Гаврилова Н.И. Основные тенденции урбанизационных процессов в Восточной Сибири во второй половине XIX в. (на примере развития городских поселений Иркутской губернии).....	294

Араловец Н.А. Городская семья Европейской России на рубеже XIX–XX в.: тип и величина	305
Чолахян В.А. Урбанизационные процессы в Саратовском Поволжье в конце XIX — начале XX вв. в социально-экономическом измерении	315
Былов Г.В. Пространственная сегрегация сословий Москвы на рубеже XIX–XX веков	324
Кальмина Л.В. Транссибирская магистраль как распределитель экономических ролей забайкальских городов	336
Симонова Е.В. Демографическая история тульских городов в начале XX в. ..	345

РАЗДЕЛ 4. Советская и постсоветская урбанизация

Жиромская В.Б. Роль предпринимательства в восстановлении городов как центров промышленности и торговли в период нэпа	361
Власов С.А. Урбанизация на Дальнем Востоке России в исторической ретроспективе	370
Иванов А.С. Депортация народов СССР как фактор урбанизации	383
Ракачев В.Н. Особенности размещения населения и процессы урбанизации на Кубани в первой половине XX века	394
Малкова И.Г. Города Урала: опыт регулирования градостроительного развития ..	403
Мельникова Н.В. Закрытый атомный город: особый статус и особая жизнь ..	410
Чирков М.С. Роль малых городов в процессах урбанизации Советской России в 1920–1980-е гг.: к постановке проблемы	422
Тиникова Е.Е. Индустриальное развитие юга Красноярского края как доминирующий фактор урбанизации в советский период	428
Бурая И.В. История советского Тольятти в его генеральных планах 1950-х — 1960-х гг.	434
Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Рождаемость в городах Западной Сибири в 1960-е гг.	449
Гонина Н.В. Модернизация рождаемости городского населения Красноярского края во второй половине 1950-х — начале 1980-х гг.	462
Сухинин С.А. История, современные особенности и тенденции демографического развития города Ростова-на-Дону	474
Бреславский А.С. Улан-Удэ и процессы субурбанизации в постсоветской Бурятии... ..	482
Урожаева Т.П. Миграция населения индустриальных городов Приангарья в 1990-е гг.	491
Соколов С.Н. Территориальная система городского расселения Нижневарттовского региона	501

РАЗДЕЛ 5. Городская среда и повседневность

Ерохин В.Н. Городская среда как фактор религиозно-культурного развития общества	514
Вафина З.А. Проблематика городской среды: вопросы ее понимания и освоения... ..	525
Бирюкова А.Б. «Дорожный вопрос» в контексте решения проблем благоустройства средневожских городов (конец XVIII — середина XIX вв.)....	532
Синова И.В. Городская среда и детские девиации во второй половине XIX — начале XX вв.	543
Зайцева А.А. Социальный аспект изучения историко-культурной среды русского провинциального города конца XIX — начала XX веков	552
Андриец Г.А. Эволюция социокультурной среды городов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX века)	558
Фетисова Л.Е. Народно-бытовые традиции в культуре дальневосточных городов (конец XIX — начало XX в.)	572

Дегтярев Д.С. Землепользование Барнаула в 1876–1917 гг.	582
Ищенко О.В. Влияние первого сибирского университета на изменение социокультурного облика города Томска на рубеже XIX–XX вв.	590
Татарникова А.И. Санитарное состояние «провинциальных столиц» Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.	599
Валитов А.А., Томилов И.С., Федотова Д.Ю. Просветительская роль общественных объединений Тобольской губернии в формировании городской инфраструктуры на рубеже XIX–XX вв.	608
Ульянова С.Б., Офицерова Н.В. Фоновые досуговые практики советских городских рабочих в 1920-е гг.	618
Исаев В.И. Проституция в городах Сибири и меры по ее ликвидации в 1920-е гг... ..	629
Кискидосова Т.А. Повседневность сибирского города в 1930-е гг.: историография проблемы	641
Макарова Н.Н. Городское благоустройство как элемент повседневной жизни города (по материалам Магнитогорска первой половины 1930-х гг.)	648
Устинова О.Ю. Роль местных органов власти Чкаловской области в решении вопросов городов в послевоенное время (1946–1953 гг.)	654
Жидченко А.В. Повседневность в исторической памяти и городском историко-культурном наследии (по материалам новых городских районов Сибири 1950–60-х гг.)	664
Скочин А.В. Модернизация хозяйства сибирского города: теплоснабжение Тюмени во второй половине 1950 — первой половине 1960-х гг.	677
Карпов В.П., Юдакова О.В. «Они как-нибудь там окопаются»: обустройство новоселов в «нефтяных городах» Тюменского Севера	689
Мантимова Э.К. Жилищное строительство Минэнерго СССР в городах Тюменской области (1965–1990 гг.)	702
Кирилюк Д.В. «Рывок к современности». Югорские общеобразовательные школы в условиях урбанизации	713
Касаткина С.С. Повседневность городов Европейского Севера России: философское осмысление вопросов развития	722

РАЗДЕЛ 6. Образы городского пространства и идентичности горожан

Конев А.Ю. История тобольской геральдики. XVIII столетие	731
Ершов М.Ф. Социокультурная инверсия образов города на пути из будущего в прошлое	737
Скульмовская Л.Г. Роль города в развитии содержания и форм духовной культуры региона	746
Прохненко В.В. Эволюция центров исторических городов и проблемы сохранения образа города	755
Мазалова Н.Е. Петербург — «живой город»: современные мифологические представления горожан	764
Петрова Л.И. Образы Петербурга в репрезентационных практиках городских музеев Петербурга и Ленинграда	773
Демичева А.В. Днепротетровск как объект социологической интерпретации ..	781
Фоменко В.Г. Брендинг городов Приднестровья: поиск образов в прошлом и настоящем	791
Игнатьева О.В. Образы традиционной культуры в брендинге города Перми ..	799
Смирнов В.А., Пунина К.А. Университет как драйвер политики доверия в городских сообществах	806

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ГОРОДА

**СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

Научная редакция и корректура текста –

И.Н. Стась, А.С. Иванов

Компьютерная верстка – **Т.М. Михайлова**

Подписано в печать 07.08.2015.

Печать офсетная. Формат 60х90/16. Объем 51,25. Тираж 300. Заказ 816.

Отпечатано в ООО «Курганский Дом печати»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106